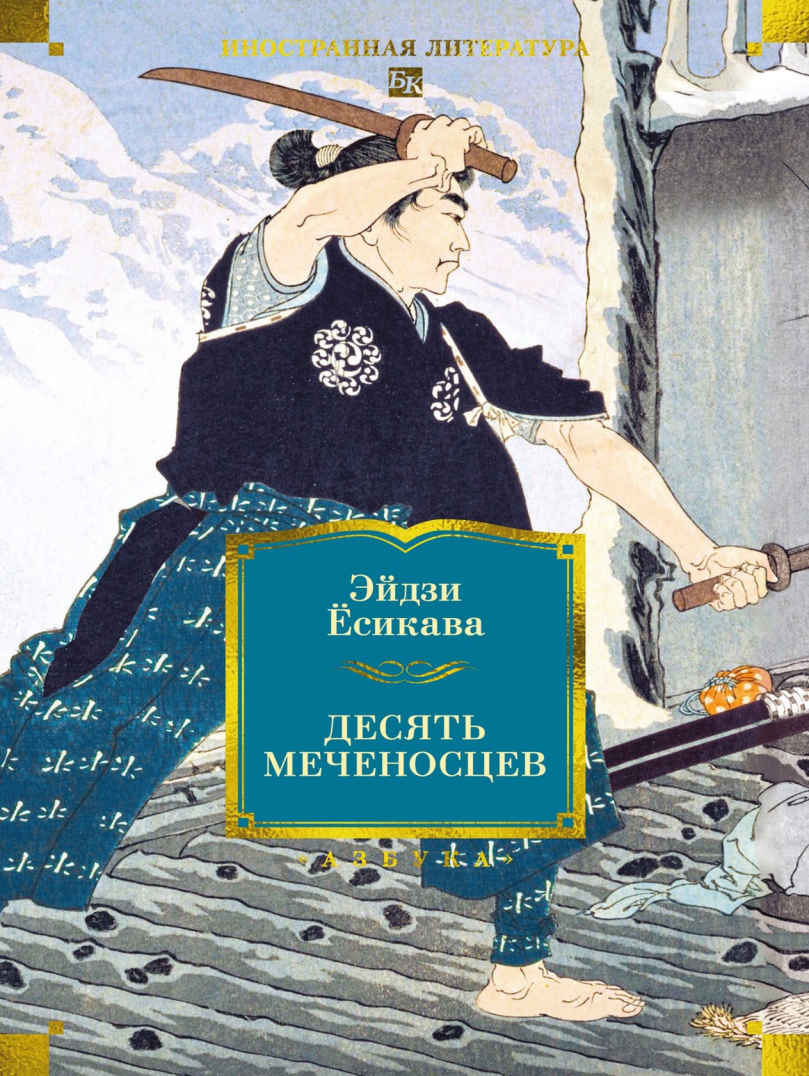
ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

БК



Эйдзи Ёсикава

ДЕСЯТЬ МЕЧЕНОСЦЕВ

АЗБУКА

Десять меченосцев
Эйдзи Ёсикава

Аннотация
Эйдзи Ёсикава. Десять меченосцев
Книга первая. Земля
- Колокольчик
- Гребень
- Праздник цветов
- Месть старой вдовы
- «Искусство войны»
- Старая криптомерия
- Скала и дерево
- Рождение Мусаси

Книга вторая. Вода
- Цвет ёсиоки
- Превратности судьбы
- Стычка и отступление
- Водяной-каппа
- Весенний ветерок
- Храм Ходзоин
- Равнина Ханъя
- Владение Коягю
- Пион
- Месть Дзётаро

Соловьи
Книга третья. Огонь
Сасаки Кодзиро
Встреча в Осаке
Молодой красавец
Раковина забвения
Геройская смерть
«Сушильный шест»
Орлиная гора
Зимний мотылек
Ветряная мельница
Скачущий конь
Зимняя бабочка
Извещение
Большой мост на улице Годзё
Книга четвертая. Ветер
Пустошь
Одаренный человек
Ночной путь
Младший брат
Материнская любовь
Ремесленник
Скрип снега
Избранное общество
Разбитая лютня
Весенние хвори

Аромат алоэ
Ворота
Тост в честь завтрашнего дня
В ловушке смерти
Встреча при луне
Отбившиеся от стаи
Раскидистая сосна
Приношение мертвым
Глоток молока
Переплетенные ветви
Чета водопадов
Книга пятая. Небо
Похищение
Воин из Кисо
Ядовитые зубы
Материнское наставление
Любовь на одну ночь
Деньги в подарок
Очистительный огонь
Игра с огнем
Сверчок в траве
Идущие впереди
Резня на берегу реки
Стружки
Сова
Жареные гольцы

Учитель и ученик
Горные дьяволы
Первые всходы
Мухи
«Полировщик душ»
Лиса
Срочное письмо
Сыновняя любовь
Весенний красный ливень
Кусок дерева
Покинутый пророк
Городская молва
Книга шестая. Солнце и луна
Мужской разговор
Жужжание насекомых
Орел
Незрелая хурма
Глаза
Четыре праведника с одним фонарем
Рожковое дерево
Помешательство Тадааки
Горечь бытия
Барабанные палочки
Слуга дьявола
Два ученика одного учителя
Гранат

Страна грез
Вызов
Врата славы
Зов небес
Книга седьмая. Свет совершенства
Сорвавшийся бык
Конопляное семя
Подметальщики и торговцы
Цветок груши
Гавань
Учитель каллиграфии
Круг
Синяя ткань из сикамы
Милосердие Каннон
Жизненные невзгоды
Вечерний корабль
Сокол и женщина
Накануне тринадцатого дня
Рассвет
Свадьба
Глубины
Иллюстрации

Аннотация

Эпический роман Эйдзи Ёсикавы открывает нам Японию семнадцатого века через судьбу знаменитого мечника Мусаси Миямото, знаковой фигуры японской культуры, чье имя обросло легендами еще при жизни. Образ благородного воина из феодального прошлого послужил основой множества книг, фильмов, сериалов и театральных постановок. И немалая часть этого множества вдохновлена именно романом «Десять меченосцев».

Мастерски переплетая реальные события и художественный вымысел, Ёсикава довольно строго придерживается исторической традиции даже в том, что касается авантюрно-романтической линии романа, благодаря чему возникает живой и многослойный портрет целой эпохи. В то же время это глубоко индивидуальная и психологически честная история взросления, история о поиске пути и стремлении к совершенству.

Мусаси Миямото – историческая личность, как и Такуан Сохо, и Сасаки Кодзиро, и многие

другие герои этого произведения. Странствующий ронин, основатель школы кэндзюцу Нитэн Ити-рю – искусства боя на двух мечах, автор знаменитой «Книги Пяти колец», талантливый художник и каллиграф, Мусаси соединил в себе самые яркие и зачастую противоречивые черты человека своего времени. А время было очень непростым. Сёгуны Токугава только начинали объединение страны, остатки войск даймё, потерявших свои владения в результате битвы при Сэкигахаре, сбивались в банды, по всей стране бродили ронины – самураи без хозяина, затевая кровавые поединки…

Эйдзи Ёсикава
Десять меченосцев

吉川 英治
宮本武蔵

Иллюстрации Мусаси Миямото, Утагавы Куниёси, Цукиоки Еситоси и других

© Перевод. ООО Издательский дом «Центрполиграф», 2010
© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Книга первая. Земля

Колокольчик

Кругом были трупы. Тысячи трупов.

«Мир сошел с ума, — смутно промелькнуло в голове Такэдзо. — Человек — это опавший лист, гонимый осенним ветром».

Жизнь в нем едва теплилась, он сам был похож на труп. Он попытался поднять голову, но не смог оторвать ее от земли. Никогда еще он не чувствовал себя таким слабым.

«Сколько же времени прошло?» — подумал Такэдзо.

Лицо облепили мухи. Он хотел их отогнать, но не смог даже шевельнуть рукой. Она словно окаменела, как и все тело.

«Наверное, я давно здесь», — подумал он, пробуя согнуть пальцы. Он еще не осознал, что ранен и две пули засели у него в бедре.

Небо заволокли низкие черные тучи. Прошлой ночью проливной дождь обрушился на долину Сэкигахара. Был полдень пятнадцатого дня девятого месяца 1600 года. Хотя тайфун уже прошел, дождь то прекращался, то вдруг с новой силой обрушивался на убитых и на лежащего Такэдзо. Такэдзо открывал рот, как рыба, пытаясь поймать

капли дождя.

«Так смачивают водой губы умирающего», — думал он, наслаждаясь каждой каплей влаги. Голова у него гудела, мысли мешались, как в бреду.

Они потерпели поражение. Это он знал. Кобаякава Хидэаки, их союзник, тайно перешел на сторону Восточной армии, и когда он напал на рассвете на войска Исиды Мицунари, исход битвы был предрешен. Затем Кобаякава атаковал войска других полководцев — Укиты, Симадзу и Кониси — и завершил разгром Западной армии. К полудню вопрос о том, кто будет править страной, был решен. Править будет Токугава Иэясу, могущественный даймё из Эдо.

Внутреннему взору Такэдзо явились образы сестры, земляков из родной деревни.

«Я умираю, — без сожаления подумал он. — Как просто это бывает».

Смерть манила покоем, как огонь усталого путника.

Вдруг лежавший неподалеку покойник пошевелился.

— Такэдзо…

Видения разом исчезли. Словно пробудившись ото сна, Такэдзо обернулся. Это был голос его

лучшего друга, Такэдзо не сомневался. Он приподнялся из последних сил и едва слышным из-за шума дождя голосом позвал: «Матахати, это ты?» — и бессильно упал.

— Такэдзо! Ты жив?

— Жив, — с неожиданной для себя бравадой отозвался Такэдзо. — А ты? Смотри, тебе нельзя умирать. Не смей!

Глаза Такэдзо широко раскрылись, на губах заиграла улыбка.

— Никогда!

Хватая ртом воздух, опираясь на локти и волоча ноги, которых не чувствовал, Матахати потихоньку пополз к другу. Он хотел сжать руку Такэдзо, но лишь зацепился мизинцем за его мизинец. В детстве они много раз скрепляли свои обещания этим жестом. Матахати придвинулся ближе и сжал руку Такэдзо.

— Невероятно, что и ты уцелел. Видимо, в живых остались одни мы.

— Не радуйся слишком рано. Я еще не пробовал подняться.

— Я помогу тебе. Надо выбираться отсюда.

Неожиданно Такэдзо прижал Матахати к земле и прохрипел:

— Притворись мертвым. Что-то здесь неладно.

Земля загудела, как барабан. Такэдзо и Матахати не отрываясь смотрели в ту сторону, откуда надвигался грохочущий вал. Гул быстро приближался, и вот уже стали видны всадники в черных латах, скакавшие во весь опор.

— Ублюдки, они возвращаются! — воскликнул Матахати и дернулся, словно собирался вскочить. Такэдзо с силой схватил Матахати за лодыжку и заставил друга припасть к земле. Лошади неслись мимо, мелькали сотни покрытых грязью копыт, каждое из которых могло оказаться смертельным. Конная лавина катилась по телам убитых самураев. Ряд за рядом проносились всадники, оглашая воздух боевым кличем, бряцая оружием и латами.

Матахати лежал, уткнувшись лицом в землю и закрыв глаза, уже не надеясь, что останется цел. Такэдзо не мигая смотрел вверх. Всадники проносились так близко, что Такэдзо и Матахати явственно различали запах конского пота. Затем все стихло.

Их чудом не задели и не обнаружили. Некоторое время оба лежали, не веря своему везению.

— И снова уцелели! — воскликнул Такэдзо, протягивая руку Матахати. Не поднимая головы, Матахати медленно повернулся, широко, но не

совсем уверенно улыбнулся.

— Нам, верно, кто-то помогает, — хрипло сказал он.

Держась друг за друга, они поднялись и поковыляли через поле в сторону леса у подножия гор. Они брели медленно, обнявшись за плечи. Дойдя до леса, упали обессиленные, но, отдохнув, занялись поисками пищи. Они провели два дня в мокрых расщелинах горы Ибуки, питаясь дикими каштанами и кореньями. Чувство голода заглушать удавалось, но у Такэдзо разболелся живот, а Матахати все время тошнило. Сколько бы Матахати ни ел и ни пил, он постоянно ощущал голод, но все же и к нему понемногу возвращались силы.

Буря ознаменовала окончание осеннего тайфуна, и через две ночи холодная белая луна бесстрастно светила с безоблачного неба.

Такэдзо и Матахати понимали, насколько опасно продвигаться при полной луне, которая четко высвечивала их силуэты. Их легко могли обнаружить патрули противника, охотившиеся за уцелевшими врагами. Такэдзо решил рискнуть. Матахати был еще слаб, поэтому предпочитал попасть в плен. Выбирать не приходилось. Нужно было трогаться в путь, но сначала следовало

где-нибудь отлежаться и отдохнуть. Они медленно двигались в том направлении, где, по их расчетам, находился городок Таруи.

— Потерпи еще немного, — повторял Такэдзо, поддерживая друга, почти волоча его на спине. — Как ты? Не хочешь передохнуть?

Такэдзо тревожило прерывистое дыхание Матахати.

— Я в порядке!

Матахати пытался говорить бодро, но его лицо было бледнее, чем луна на небе. Опираясь на копье, как на посох, он с трудом переставлял ноги и беспрестанно извинялся.

— Прости меня, Такэдзо! Из-за меня мы еле ползем. Мне так стыдно!

Поначалу Такэдзо попросту не обращал внимания на эти слова и отделывался коротким «ничего». Но в конце концов, когда они остановились передохнуть, он не выдержал.

— Пойми, это я должен просить извинения. Я втянул тебя в эту историю, помнишь? Разве не я поделился с тобой своими планами совершить нечто необычайное, что поразило бы моего отца? Для меня было невыносимо сознавать, что до конца дней он так и не поверил, что из меня выйдет толк. И я собирался доказать ему обратное.

Отец Такэдзо, Мунисай, в свое время служил у князя Симмэна, властителя провинции Ига. Когда Такэдзо услышал, что Исида Мицунари набирает войско, он сразу решил, что час пробил. Отец Такэдзо был настоящим самураем. Справедливо, если он, Такэдзо, станет великим воином. Он томился от нетерпения броситься в схватку, доказать свою доблесть, отрубить голову вражескому полководцу, чтобы слава о нем, Такэдзо, донеслась до родных мест. Он страстно желал доказать, что с ним стоит считаться и уважать, а не держать за деревенского шалопая.

Такэдзо напомнил Матахати об этом, и тот кивнул:

— Я все помню. Мы вместе страстно этого желали.

Такэдзо продолжал:

— Я хотел, чтобы ты отправился со мной, ведь мы всегда были заодно. Но помнишь, как повела себя твоя мать? Она рыдала и говорила, что я тронулся и вообще ни на что не гожусь. А твоя невеста Оцу, моя сестра, а все остальные? Они плакали, повторяя, что деревенские ребята не должны покидать родных мест. Может быть, они и правы. Мы с тобой — единственные сыновья в своих семьях, и, если нас убьют, кто будет про-

должателем рода? Но разве в этом дело? Разве так можно жить?

Они убежали из деревни, и теперь не оставалось преград между ними и военной славой. Они пришли в лагерь Симмэна, и война предстала перед ними в подлинном обличье. Им откровенно заявили, что самураями их не сделают ни завтра, ни через месяц службы, невзирая на заслуги их отцов. В глазах Исиды и других военачальников Такэдзо и Матахати были простыми деревенскими парнями, почти мальчишками, которые раздобыли себе копья. Самое большое, на что они могли рассчитывать, — это служить простыми пешими солдатами. Их служба — если это можно было назвать службой — заключалась в том, чтобы носить оружие других воинов, таскать котлы для варки риса и прочую посуду, косить траву, ремонтировать дороги и иногда ходить в разведку.

— Хороши самураи! — с горечью говорил Такэдзо. — Ничего смешнее не слышал. Отрубить голову полководцу! Я не то что к полководцу, к простому самураю не смог ни разу приблизиться. Наконец-то все это кончилось. Что же нам делать? Я не могу бросить тебя одного. Как я посмотрю в глаза твоей матери и Оцу?

— Такэдзо, я тебя ни в чем не виню. В нашем

поражении виноват двуличный Кобаякава. Вот кого мне хотелось бы заполучить в свои руки. Убил бы негодяя!

Часа через два друзья стояли на краю небольшой лощины, росший там тростник был повален и поломан бурей. Вокруг ни дома, ни огонька, но лежало множество трупов. Голова одного воина откатилась в высокую траву, другой упал в маленький ручеек, третий запутался в сбруе убитого коня. Дождь смыл кровь, и в лунном свете мертвая плоть блестела, как рыбья чешуя. Стрекотанье цикад звучало заупокойной молитвой.

Слеза скатилась по щеке Матахати. Он обреченно вздохнул:

— Такэдзо, если я умру, ты позаботишься об Оцу?

— Что ты болтаешь?

— Кажется, я умираю.

— Если кажется, то и вправду умрешь, — отрезал Такэдзо. Матахати, конечно, очень слаб, но неужели он не может поддержать друга хотя бы морально? — Возьми себя в руки, Матахати, не будь нытиком.

— Мать-то найдет на кого опереться, но Оцу совсем одна. Она всегда была одинокой. Так жаль ее. Обещай, что позаботишься о ней, когда я умру.

— Перестань хныкать. От расстройства желудка еще никто не умирал. Рано или поздно мы набредем на какой-нибудь дом, и тогда я уложу тебя в постель, дам лекарство. А теперь прекрати причитать.

Чуть дальше они наткнулись на место, заваленное таким множеством трупов, словно уложили целую армию. Они уже равнодушно смотрели на них, привыкнув к крови. Холодным взором окинув поле боя, они остановились отдохнуть.

Пока они переводили дыхание, какое-то движение среди трупов привлекло их внимание. Они инстинктивно пригнулись и стали напряженно всматриваться в темноту. Что-то мелькнуло впереди, словно пробежал вспугнутый кролик. Присмотревшись, они увидели, что кто-то сидит согнувшись, пытаясь спрятаться. Решив, что это какой-то одинокий самурай, друзья приготовились к схватке с ним, но, к их удивлению, оказалось, что это девочка, одетая в кимоно. На вид ей было лет четырнадцать. Широкий пояс-оби из золотой парчи, стягивавший ее талию, местами был залатан. Какое странное зрелище она являла собой здесь, на поле битвы! Девочка с подозрением и по-кошачьи зорко наблюдала за ними.

Такэдзо и Матахати не могли взять в толк, что делала девочка в глухую ночь среди трупов и витающих между ними привидений.

Некоторое время они молча смотрели на нее. Потом Такэдзо спросил:

— Ты кто?

Она вскочила и бросилась бежать.

— Стой! — крикнул Такэдзо. — Я только хочу спросить. Не уходи!

Девочка исчезла, как вспышка молнии. Во тьме тонко звякнул колокольчик.

— Может, привидение? — задумчиво произнес Такэдзо, тупо вглядываясь в ночной туман.

Дрожащий Матахати делано засмеялся.

— Если они и бродят здесь, то это души убитых воинов.

— Жаль, что я ее спугнул, — сказал Такэдзо. — Неподалеку должна быть деревня. Девчонка показала бы дорогу.

Они двинулись дальше и поднялись на ближайший холм. По другую сторону холма, к югу от горы Фува, тянулось болото. Впереди, примерно в полукилометре, виднелся огонек.

Спустившись, друзья увидели, что это не простой деревенский дом. Строение было окружено толстой глиняной стеной, внушительными и

грозными хотели казаться ворота, вернее остатки от них, поскольку они были очень старые и требовали починки.

Такэдзо подошел к двери и негромко постучал.

— Есть кто дома?

Не получив ответа, он постучал снова.

— Простите за беспокойство в такой час, но мой друг болен. Мы вам не помешаем. Другу нужен отдых.

За дверью послышался шепот, затем шаги.

— Вы воины, уцелевшие после битвы при Сэкигахаре? — спросил детский голос.

— Да, — ответил Такэдзо. — Мы из войска Симмэна, князя Иги.

— Немедленно уходите! Если вас здесь найдут, нам несдобровать.

— Послушайте, нам бы не хотелось вас беспокоить, но мы долго идем. Нам бы немного отдохнуть.

— Пожалуйста, уходите!

— Хорошо, уйдем, если вы настаиваете. Не найдется у вас желудочного лекарства? Другу так плохо, что мы не можем идти дальше.

— Я не знаю…

Послышались удаляющиеся шаги и позвякивание колокольчика.

Вдруг они увидели женское лицо в створке сёдзи. За ними все это время наблюдали.

— Акэми, — раздался женский голос, — впусти их! Это пешие воины. Патрули Токугавы не станут терять на них время, для них это не добыча.

Акэми открыла дверь, и женщина — ее звали Око — выслушала историю друзей. Договорились, что они будут спать в амбаре. Матахати дали пережженную магнолию, растертую в порошок, и легкий рисовый отвар с зеленым луком. После этого Матахати проспал несколько дней подряд как убитый. Такэдзо сидел на страже и лечил свои раны, промывая их саке.

Прошла неделя. Такэдзо и Матахати сидели в амбаре и болтали.

— Странно как-то они живут, — заметил Такэдзо.

— Меня меньше всего беспокоит, чем они занимаются. Спасибо им за то, что нас приняли.

Такэдзо разбирало любопытство.

— Мать совсем не старая, — продолжал он. — Непонятно, почему они живут в горах одни.

— Тебе не кажется, что девочка похожа на Оцу? — спросил Матахати.

— Что-то есть, но они не похожи. Просто обе хорошенькие. Чем, по-твоему, она занималась

той ночью на поле среди трупов? Кажется, она их ничуть не боялась. Она у меня до сих пор перед глазами. Лицо совершенно безмятежное, как у кукол, которых делают в Киото. Жутковатая картина.

Матахати знаком приказал ему замолчать.

— Ш-ш-ш! Слышу ее колокольчик.

Акэми легко, как дятел, постучала к ним в амбар.

— Матахати, Такэдзо! — тихонько позвала она.

— Да?

— Это я!

Такэдзо впустил Акэми, принесшую поднос с лекарством и едой. Она осведомилась о здоровье гостей.

— Гораздо лучше, благодаря тебе и твоей матери.

— Она сказала, что, если вам получше, вам все равно не следует громко разговаривать и выходить из амбара.

Такэдзо ответил за двоих:

— Мы очень сожалеем, что доставляем вам столько хлопот.

— Все в порядке, но вы должны вести себя осторожно. До сих пор не поймали Исиду Мицунари и некоторых других военачальников. Здесь и

мышь не проскочит, на дорогах полно людей Токугавы.

— Правда?

— Мать говорит, что, если вас найдут, нас арестуют, хотя вы простые пешие солдаты.

— Больше не издадим ни звука, — пообещал Такэдзо. — Когда Матахати будет слишком громко храпеть, я заткну ему рот одеялом.

Акэми улыбнулась.

— Спокойной ночи, до завтра!

— Подожди! — остановил ее Матахати. — Почему бы тебе не поболтать с нами?

— Я не могу.

— Почему?

— Мать рассердится.

— Почему ты ее так боишься? Тебе сколько лет?

— Шестнадцать.

— Ты выглядишь моложе.

— Спасибо за любезность.

— А где отец?

— У меня его больше нет.

— Прости. Тогда как же вы живете?

— Мы делаем моксу.

— Зелье, которым прижигают рану?

— Да. Здешняя мокса знаменита. Весной мы

срезаем свежие побеги на склонах горы Ибуки, летом сушим их, осенью и зимой готовим моксу. Продаем в Таруи. Люди отовсюду приезжают, чтобы ее купить.

— Тогда вам не так уж нужны мужские руки.

— Если вы обо всем расспросили, то я пойду.

— Одну минуту, — сказал Такэдзо. — Я хочу спросить еще об одном.

— О чем?

— В ту ночь, когда мы пришли к вам, нам встретилась на поле битвы девочка, которая в точности походила на тебя. Это была ты?

Акэми повернулась и открыла дверь.

— Что ты там делала?

Акэми захлопнула дверь. Неровный звон ее колокольчика быстро затих.

Гребень

Такэдзо был гораздо выше среднего роста для мужчины его времени. Мускулистый, гибкий, худощавый — словно хороший боевой конь. Губы у него были полные и яркие, а густые черные брови вразлет придавали его облику какое-то особое мужество. Односельчане прозвали его «ребенком тучного года» — так обычно называли детей, которые по облику разительно отличались от остальных. Беззлобное прозвище тем не менее осложняло его отношения со сверстниками, и поэтому доставляло ему немало огорчений в детские годы.

Матахати никогда не имел подобного прозвища, хотя вполне его заслуживал. Коренастый, пониже Такэдзо, круглолицый, с широкой грудью, он производил впечатление весельчака и временами даже шута. Когда он говорил, его слегка выпученные глаза постоянно находились в движении, поэтому шутники, прохаживавшиеся на его счет, обычно сравнивали его с лягушками, которые так громко квакали летними ночами.

В описываемое время друзья были в самом расцвете юности, и поэтому выздоровление шло

быстро. Раны Такэдзо зажили полностью, а Матахати едва выносил добровольное заточение. Он нервно ходил по амбару, не переставая жаловался на судьбу. Он говорил, что чувствует себя сверчком, посаженным в темную мокрую щель. Такэдзо отвечал, что для лягушек и сверчков это естественные условия существования. Через некоторое время Матахати начал заглядывать в хозяйский дом, и в один прекрасный день он сообщил другу потрясающую новость.

— Каждый вечер, — многозначительно прошептал он, — вдова прихорашивается и белит лицо.

Такэдзо стал похож на двенадцатилетнего мальчика, которому открылась измена друга, начавшего проявлять интерес к ненавистным девчонкам. Матахати, без сомнения, заслуживал презрения за проявленный интерес к женскому полу.

Матахати начал похаживать в дом и проводить вечера у очага вместе с Акэми и ее матерью. Через несколько дней веселый гость, умеющий непринужденно болтать, стал как бы членом семьи. Вскоре он перестал возвращаться в амбар даже на ночь, а в те редкие моменты, когда заглядывал, от него пахло саке. Он уговаривал

Такэдзо присоединиться к нему и расхваливал на все лады приятную жизнь, которая текла всего в нескольких шагах от них.

— Ты с ума сошел! — с ноткой отчаяния отвечал Такэдзо. — Все кончится тем, что нас или убьют, или заберут. Мы скрываемся после поражения — ты можешь понять, глупая твоя голова? Мы должны быть начеку и не высовываться, пока все не утихнет.

Ему скоро надоело убеждать своего жизнелюбивого друга, и он стал говорить с ним кратко и резко.

— Я не люблю саке, — повторял он, — и мне нравится в амбаре. Здесь уютно.

Одиночество все же допекло и Такэдзо. Ему наскучило сидеть одному, и он начал потихоньку сдаваться.

— Вообще-то, здесь как, безопасно? — спрашивал он. — Я имею в виду округу. Патрулей не видно? Ты уверен?

После двадцатидневного сидения в амбаре он наконец вышел на волю, словно изнуренный пленник. Его полупрозрачная воскового цвета кожа резко контрастировала со здоровой физиономией загорелого и красного от саке друга. Такэдзо посмотрел на чистое голубое небо, с на-

слаждением потянулся и широко зевнул. Брови его оставались озабоченно сдвинутыми, и тревожное выражение глаз не исчезло.

— Матахати, — сказал он, — мы обременяем посторонних людей. Они многим рискуют, укрывая нас. Нам лучше отправиться восвояси.

— Ты прав, — ответил Матахати, — но через заставы без проверки никого не пропускают. По словам вдовы, дороги на Исэ и Киото перерезаны. Она считает, что нам надо дождаться снега. Это же говорит и девочка. Она уверена, что нам пока следует скрываться здесь, а уж она-то каждый день ходит по окрестностям.

— Когда ты говоришь «скрываться», то подразумеваешь питье саке у очага?

— Именно так. Ты знаешь, что я сделал? Недавно здесь появились люди Токугавы, которые шныряют в поисках Укиты, — он еще не пойман. Я провел этих ублюдков — вышел к ним и поздоровался.

Такэдзо вылупил глаза от изумления, а Матахати закатился хохотом. Насмеявшись, он продолжал:

— Куда безопаснее ходить открыто, нежели хорониться в амбаре, прислушиваясь к шагам снаружи, и потихоньку сходить с ума. Уразумел?

Матахати снова захохотал, а Такэдзо пожал плечами.

— Может, ты и прав. Вероятно, так и надо держаться.

Такэдзо сомневался в правильности решения, но тем не менее перебрался в дом. Око явно нравилось, что у них в доме гости, точнее мужчины, и она делала все, чтобы они чувствовали себя непринужденно. Временами она ставила их в неловкое положение, предлагая то одному, то другому жениться на Акэми. Чаще она обращалась к Матахати, так как Такэдзо или совсем игнорировал предложение, или отшучивался.

Пришло время крепких, ароматных грибов мацутакэ, которых появилось великое множество у подножия сосен. Такэдзо часто собирал их на склоне горы позади дома. Вместе с ним ходила и Акэми, таская корзину от сосны к сосне. Всякий раз, улавливая грибной запах, она по-девичьи звонко кричала:

— Такэдзо, сюда, здесь их уйма!

Находившийся неподалеку Такэдзо неизменно отвечал:

— И у меня их куча!

Сквозь сосновые кроны пробивались косые лучи осеннего солнца. Во влажной тени под де-

ревьями лежал толстый темно-бурый ковер из опавшей хвои. Когда Такэдзо и Акэми садились отдыхать, та поддразнивала его, предлагая сравнить грибную добычу.

— У меня больше! — неизменно отвечал он, и Акэми начинала проверять его корзину.

Тот день ничем не отличался от других.

— Я так и знала, — засмеялась Акэми, по-детски не скрывая своего торжества. Она бесцеремонно склонилась над корзиной Такэдзо. — Набрал кучу поганок!

Акэми выбрасывала из корзины ядовитые грибы и делала это нарочито медленно, так что Такэдзо при всем желании не мог притвориться, будто ничего не замечает, хотя и прикрыл глаза. Она бросала каждый гриб как можно дальше. Закончив, она выпрямилась с довольным видом.

— А теперь посмотри, сколько у меня.

— Уже поздно, — пробормотал Такэдзо, — пошли домой!

— Ты сердишься, потому что проиграл.

Она заскользила вниз по склону, словно фазан, но вдруг замерла, тревожно нахмурившись. Им навстречу через рощу двигался огромный детина. Широкими шагами он шел к хрупкой маленькой девочке, пристально глядя на нее тя-

желым взором. Вид у него был устрашающий. Все в нем говорило о том, что этот человек постоянно борется за выживание, что он воинственно и враждебно настроен ко всему на свете. И нависшие кустистые брови, и хищный изгиб верхней губы, и тяжелый меч, и кольчуга, и звериная шкура на плечах доказывали это.

— Акэми, — проревел он, подходя к ней ближе и обнажая в улыбке желтые гнилые зубы.

Лицо Акэми ничего не выражало, кроме ужаса.

— Твоя любезная мамочка дома? — с подчеркнутой издевкой спросил он.

— Да, — пискнула в ответ Акэми.

— Я хотел бы, если ты не возражаешь, кое-что передать ей. Согласна?

Великан говорил преувеличенно вежливо.

— Да.

Его голос зазвучал жестче.

— Скажи ей, что она мне ничего не оставляет и пытается нажиться за моей спиной. Скажи, что скоро приду за своей долей. Ясно?

Акэми не отвечала.

— Она, верно, думает, что я ничего не знаю. Но парень, которому она сбыла барахло, явился ко мне. Могу спорить, что и ты, малышка, не раз хаживала в Сэкигахару, не так ли?

— Нет, нет! — слабо возразила Акэми.

— Ладно! Но ты передай ей мои слова. Если она и дальше будет ловчить, я ее вышвырну отсюда!

Он еще раз взглянул на девочку и направился в сторону болота.

Такэдзо, оторвав взгляд от незнакомца, с тревогой посмотрел на Акэми.

— Кто это?

Губы Акэми дрожали.

— Его зовут Цудзикадзэ. Он из деревни Фува, — ответила она еле слышно.

— Он мародерством занимается?

— Да.

— Чем он так рассержен?

Акэми не отвечала.

— Я никому не скажу, — успокоил ее Такэдзо. — Не бойся!

Напуганная Акэми безуспешно искала слова. Вдруг она бросилась к Такэдзо и взмолилась:

— Обещай, что никому не скажешь!

— Кому я могу сказать? Самураям Токугавы?

— Ты помнишь, как вы ночью кого-то увидели в Сэкигахаре?

— Конечно.

— И до сих пор не поняли, что я там делала?

— Нет, как-то не думал об этом.

— Я воровала там.

Она пристально смотрела на него.

— Воровала?

— После битвы ходила на поле боя и забирала вещи убитых воинов: мечи, украшения с ножен, мешочки для благовоний — все, что можно продать.

Акэми снова взглянула на Такэдзо, ожидая осуждения, но его лицо оставалось бесстрастным.

— Мне было страшно, — вздохнула она и буднично добавила: — Нам нужны деньги на еду, и мать пришла бы в ярость, откажись я воровать.

Солнце стояло еще высоко. Акэми предложила Такэдзо немного отдохнуть. Сквозь сосновые ветви хорошо был виден дом внизу на болоте.

Такэдзо закивал головой, будто разговаривая сам с собой.

— Значит, вся эта история про собирание трав в горах для приготовления моксы выдумана? — спросил он.

— Нет-нет, этим мы тоже занимаемся. У матери остались привычки к роскоши. Мы не смогли бы жить только продажей моксы. Пока отец не умер, у нас был самый большой дом в деревне, вернее, в семи деревнях Ибуки. Держали много слуг, и

мать всегда носила дорогие вещи.

— Твой отец был купцом?

— О нет! Он был предводителем тамошних разбойников.

Глаза Акэми горели гордостью. Она уже не боялась Такэдзо и откровенно обо всем рассказывала. Ее лицо приняло решительное выражение, она сжимала кулачки, когда говорила.

— Этот Цудзикадзэ Тэмма, которого мы только что встретили, убрал его с дороги. Во всяком случае, все так думают.

— Твоего отца убили?

Молча кивнув, Акэми вдруг расплакалась, и Такэдзо почувствовал, как что-то дрогнуло у него в душе. Поначалу девушка ему не особенно нравилась. Выглядя гораздо младше своих шестнадцати лет, она обычно разговаривала как взрослая женщина, а ее порывистые движения иногда ставили собеседника в тупик. Но когда слезы закапали с ее длинных ресниц, сердце Такэдзо растаяло от жалости. Ему захотелось обнять и защитить ее.

Она не имела ничего общего с девочками из приличных семей. В ее представлении не было более достойного ремесла, чем то, которым занимался ее отец. Мать внушила ей, что нет

ничего дурного в обирании убитых, причем не ради пропитания, а для безбедной жизни. Многие закоренелые воры отказались бы от такого промысла.

В период бесконечных феодальных междоусобиц многие деревенские лодыри сделали войну источником существования, и люди свыклись с этим. Когда начиналась война, местные военачальники стали прибегать к услугам подобных типов, щедро вознаграждая их за поджоги вражеских складов, распространение ложных слухов, угон лошадей из неприятельского лагеря. Чаще всего им платили за услуги, но, если такой работенки не случалось, война представляла достаточно других возможностей заработать. Можно было обшаривать трупы в поисках ценностей. Иногда попадалась отрубленная голова самурая, и можно было получить награду якобы за убитого собственными руками воина. Одно крупное сражение позволяло бессовестным грабителям безбедно жить чуть ли не год.

В смутное время обыкновенный крестьянин или дровосек мог научиться получать выгоду из кровопролития и людских страданий. Сражение на краю деревни мешало этим простодушным людям работать в поле, но они приспосабли-

вались к обстановке и наловчились жить, как стервятники, за счет убитых, снимая с тех атрибуты земного существования. Профессиональные мародеры строго охраняли свою территорию, чтобы исключить набеги со стороны. Ирония заключалась в том, что мелкий воришка жестоко наказывался, если посягал на территорию более крупного мародера. Те, кто решался нарушить права матерых грабителей, рисковали головой.

Акэми зябко повела плечами.

— Что нам делать? Я знаю, что подручные Тэммы уже идут сюда.

— Не волнуйся! — сказал Такэдзо. — Если они появятся, я сам с ними поговорю.

Когда Такэдзо и Акэми пришли к подножию горы, сумерки уже сгустились над болотом. Кругом была тишина. Дымок от бани змейкой струился над верхушками тростников. Око, закончив вечерний туалет, стояла у задней стены дома. Увидев дочь и Такэдзо, она закричала:

— Акэми, чем вы занимались там так долго?

Голос Око звучал строго. Это мигом отрезвило Акэми, которая до этого рассеянно брела к дому. Девушка нервно реагировала на настроение матери, и та поддерживала эту болезненность, вертела дочерью, как куклой, заставляя пови-

новаться малейшему жесту или взгляду. Акэми тотчас оставила Такэдзо и, сильно покраснев, вбежала в дом.

На другой день Акэми рассказала матери о Цудзикадзэ Тэмме. Око пришла в ярость.

— Почему ты промолчала вчера? — визжала она и металась как безумная, рвала на себе волосы, вытаскивала из шкафов и сундуков вещи и сваливала их посреди комнаты.

— Матахати, Такэдзо! Помогите, нужно все спрятать!

Матахати сдвинул доску в потолке, которую ему указала Око, и, подтянувшись, пролез в щель. Между стропилами и потолком было очень узкое пространство, там едва можно было повернуться, но его размеры вполне устраивали Око, как, впрочем, и ее покойного мужа. Такэдзо, стоя на скамеечке между матерью и дочерью, передавал вещи наверх Матахати. Если бы Такэдзо не услышал накануне историю Акэми, то его бы поразило разнообразие предметов, которые он сейчас увидел.

Такэдзо знал, что мать и дочь уже давно занимаются этим своеобразным ремеслом, но не ожидал, что они успели накопить столько добра. Здесь были кинжал, султан от копья, налокотник от лат,

шлем с гербом, миниатюра, походный алтарь, буддийские четки, древко от знамени. Имелось даже лакированное седло, искусно инкрустированное золотом, серебром и перламутром.

В отверстии на потолке показалось озабоченное лицо Матахати.

— Все, что ли?

— Нет, еще кое-что есть, — ответила Око, убегая в соседнюю комнату. Она возвратилась, неся длинный меч из черного дуба. Такэдзо стал подавать меч Матахати, но тяжесть, изгиб, изумительная пропорциональность меча произвели на него такое впечатление, что он никак не мог выпустить его из рук.

Он робко взглянул на Око.

— Можно я возьму его себе? — спросил он, застенчиво отводя глаза. Он уставился себе под ноги, всем видом показывая, что не заслуживает такого подарка.

— Тебе он действительно нужен? — мягко переспросила Око. В ее голосе прозвучали материнские нотки.

— Да-да, очень!

Око больше не произнесла ни слова, но он понял по ее улыбке, что меч теперь принадлежит ему. Матахати спрыгнул сверху. Он с нежностью

и нескрываемой завистью потрогал лезвие меча, вызвав смех Око.

— Мальчик надулся, потому что не получил подарка!

Око постаралась утешить Матахати, отдав ему красивый кожаный кошелек, украшенный агатами, но его это мало утешило. Он не спускал глаз с меча из черного дуба. Кошелек ничуть не утешил его обиды.

Когда муж Око был жив, она завела привычку каждый вечер сидеть в лохани с горячей водой, красить лицо и выпивать немного саке. Она уделяла внешности много времени, как дорогая гейша. Это была роскошь, непозволительная для простых людей, но Око не хотела расставаться со своими привычками и заставляла Акэми делать то же самое, хотя девушка находила это занятие скучным и бессмысленным. Око хотела не только хорошо жить, но и вечно оставаться молодой.

В тот вечер они сидели вокруг остывающего очага. Око подлила саке Матахати и хотела угостить Такэдзо. Он отказался, и Око, вложив чашечку ему в руку, заставила поднести ее к губам.

— Мужчина должен уметь пить, — наставляла она. — Если не можешь, я помогу.

Время от времени Матахати с беспокойством

поглядывал на Око. Заметив это, Око стала уделять Такэдзо еще больше внимания. Игриво положив ладонь ему на колено, она замурлыкала любовную песенку. Матахати вышел из себя. Резко повернувшись к Такэдзо, он выдохнул:

— Надо немедленно уходить отсюда!

Слова произвели желаемый эффект.

— Куда же? — заикаясь от неожиданности, проговорила Око.

— Назад в Миямото. Там моя мать и невеста.

На мгновение растерявшаяся Око быстро взяла себя в руки. Ее глаза сузились, улыбка застыла, а голос сделался ехидным.

— О, примите мои извинения за то, что я предоставила вам кров! Если вас ждет дома девушка, то лучше поторопиться. Не смею вас удерживать!

Такэдзо не расставался с мечом из черного дуба. Счастье переполняло его от одного прикосновения к оружию. Время от времени он проводил тыльной стороной меча по ладони, наслаждаясь его совершенными линиями. Такэдзо спал, прижимая меч к себе. Прохладное прикосновение дуба к щеке напоминало ему пол додзё, где он учился фехтованию. Совершенный инструмент смерти и одновременно произведение искусства будил в юноше боевой дух, который он унасле-

довал от отца.

Такэдзо любил мать, но она покинула его отца и уехала, когда мальчик был совсем маленьким, бросив ребенка с Мунисаем, суровым и строгим человеком, который при всем желании не сумел бы избаловать сына. В присутствии отца мальчик всегда чувствовал себя скованным, никогда не бывая самим собой. Однажды, в девятилетнем возрасте, он так затосковал по материнской ласке, что убежал из дома и отправился пешком в провинцию Харима, где жила его мать. Такэдзо так и не узнал, почему расстались родители, да и вряд ли в детские годы он понял бы их объяснения. Мать вышла замуж за другого самурая и родила от него ребенка.

Добравшись до Харимы, маленький беглец быстро отыскал мать. Она повела его в рощу за местным храмом и там, обливаясь слезами и прижимая мальчика к себе, пыталась объяснить, почему он должен вернуться к отцу. Такэдзо запомнил эти минуты, они навсегда врезались ему в память.

Конечно, как истинный самурай, Мунисай немедленно послал людей в погоню за сыном. Всем было ясно, куда мог уйти мальчик. Такэдзо привезли в Миямото, примотав веревками к

крупу неоседланной лошади, как вязанку дров. Мунисай вместо приветствия обозвал сына наглым ублюдком и в припадке ярости сек его до тех пор, пока сам не выбился из сил. Такэдзо никогда не забудет, с какой ненавистью отец вынес ему приговор:

— Если еще раз уйдешь к матери, я откажусь от тебя!

Вскоре после этого происшествия Такэдзо узнал, что мать заболела и умерла. С ее смертью из замкнутого хмурого паренька он превратился в дебошира, даже Мунисай побаивался сына. Когда Мунисай поднимал на него трость, Такэдзо хватался за палку. Лишь Матахати, тоже сын самурая, не боялся Такэдзо, а все деревенские дети беспрекословно подчинялись ему. К тринадцати годам Такэдзо выглядел почти взрослым.

Однажды странствующий мастер меча по имени Арима Кихэй, подняв золотистый штандарт в их деревне, вызывал на поединок любого, желающего с ним сразиться. Такэдзо без труда одержал победу, к восхищению односельчан. Восхищение длилось недолго, потому что Такэдзо становился все более неуправляемым и жестоким. Некоторые считали его слишком кровожадным. Скоро, где бы он ни появлялся, люди отворачивались

и обходили его стороной. Он платил им той же монетой.

Когда суровый и непреклонный отец Такэдзо умер, жестокость стала проявляться в юноше еще сильнее. Если бы не старшая сестра Такэдзо, Огин, он совершил бы в один прекрасный день проступок, за который его изгнали бы из деревни. Он любил сестру и всегда, уступая ее слезам, выполнял ее просьбы.

Жизнь Такэдзо резко изменилась, когда он на пару с Матахати отправился на войну. Его поступок означал, что он хочет занять определенное положение в обществе. Поражение при Сэкигахаре разрушило его надежды и вернуло к суровой действительности, от которой он пытался бежать. Такэдзо отличался тем легкомыслием, которое свойственно людям в смутное время. Когда он спал, лицо его принимало безмятежное детское выражение, не омраченное мыслями о завтрашнем дне. У него были мечты, во сне ему всегда улыбалось счастье, и юноша не страдал от разочарований, преподносимых реальностью. Ему было нечего терять, и, хотя Такэдзо был вырван из привычного жизненного уклада, он чувствовал себя совершенно свободным от традиционных оков, налагаемых обществом.

Такэдзо дышал глубоко и ровно, крепко прижимая к себе меч. В этот момент он видел сон, легкая улыбка пробегала по его губам. Перед его мысленным взором, как в водовороте, мелькали образ любимой сестры и картины родного мирного селения. Око проскользнула в комнату, держа в руке лампу. Затаив дыхание, она нагнулась над Такэдзо.

«Какое спокойное лицо», — подумала она и провела пальцами по его губам.

Женщина, задув лампу, легла рядом с Такэдзо. По-кошачьи гибкая, она все теснее прижималась к нему. Темнота скрывала ее набеленное лицо и пестрое ночное кимоно, слишком яркое для ее возраста. Тишину нарушал только звук капель, падавших с крыши.

«Возможно, что он еще девственник», — подумала она и протянула руку, чтобы убрать меч. В это мгновение Такэдзо вскочил и заорал:

— Воры!

Око отлетела прямо на лампу, которая разбилась и порезала ей плечо и грудь. Такэдзо выворачивал ей руки. Око кричала от боли.

Ничего не понимая, Такэдзо выпустил ее.

— Это вы? Я думал — воры!

— Мне так больно! — стонала Око.

— Прошу прощения, мне и в голову не могло прийти, что это вы.

— Ты забываешь о своей силе, чуть не оторвал мне руку!

— Еще раз простите меня. А что вы здесь делали?

Оставив без внимания наивный вопрос, Око быстро оправилась и, нежно обвив руками его шею, заворковала:

— Не надо извиняться, Такэдзо.

Она погладила его по щеке. Такэдзо отпрянул:

— Что вы?! Вы с ума сошли?

— Не шуми так, дурачок. Ты знаешь, как я тебя люблю.

Она снова хотела обнять Такэдзо, который увертывался, словно от роя пчел.

— Я очень благодарен вам. Мы оба никогда не забудем, что вы сделали для нас.

— Такэдзо, я не это имела в виду. Я говорю о женской любви, о теплом, нежном чувстве, которое я к тебе питаю.

— Подождите, я зажгу лампу, — сказал Такэдзо, вскакивая на ноги.

— Как ты можешь быть таким жестоким! — простонала она, поглаживая его по щеке.

— Не трогайте меня! — с негодованием вскрик-

нул он. — Прекратите сейчас же!

Что-то жесткое и решительное в его голосе остановило Око, напугав ее.

Такэдзо трясло, зубы выбивали дробь. Никогда он не встречал такого опасного противника. На поле Сэкигахары, когда над ним проносились кони, его сердце не стучало так сильно. Он сидел на корточках, забившись в угол комнаты.

— Пожалуйста, уходите! — умолял он. — Идите к себе, иначе я позову Матахати и подниму на ноги весь дом.

Око не двигалась. Она сидела в темноте и тяжело дышала, напряженно глядя в его сторону. Она не ожидала такого отпора.

— Такэдзо! — снова заворковала она. — Разве ты не понимаешь, что я чувствую?

Такэдзо не отвечал.

— Ты не знаешь?

— Знаю. Что мне думать, когда на меня навалились во сне и напугали до смерти? Я будто попал в лапы тигра.

Теперь замолчала Око. Потом раздался ее низкий грудной шепот. Она говорила медленно и очень отчетливо:

— Как ты мог меня оскорбить?

— Я?

— Да, это смертельное оскорбление.

Они находились в таком напряжении, что не услышали стука в сёдзи. Потом с улицы раздался голос:

— Что у вас там происходит? Оглохли? Отоприте!

В щели фусума мелькнул свет. Акэми проснулась. Затем раздались шаги Матахати и послышался его голос:

— Что случилось?

Из коридора донесся голос Акэми:

— Мама, ты здесь? Пожалуйста, ответь!

Око проскользнула в свою комнату, смежную с комнатой Такэдзо, и отозвалась оттуда.

В это время несколько человек взломали наружные ставни и ввалились в дом. Око вышла на кухню, где толпилось человек семь широкоплечих мужчин. Пол в кухне был земляной и на ступеньку ниже, чем в жилых комнатах.

Один из мужчин крикнул:

— Это Цудзикадзэ Тэмма! Зажгите свет!

Пришедшие протопали на жилую половину дома. Они даже не сняли обувь, что было верхом невоспитанности. Они начали шнырять повсюду, заглядывая в шкафы, ящики, под толстые соломенные татами на полу. Тэмма по-хозяйски

развалился у очага и наблюдал, как его люди обыскивают дом. Он с удовольствием играл роль предводителя, но вскоре бездействие ему наскучило.

— Мы что-то долго копаемся, — проворчал он, ударяя кулаком по татами. — Барахло должно быть в доме. Где оно?

— Я не знаю, о чем ты говоришь, — ответила Око, которая стояла с безучастным видом, сложив руки на животе.

— Не рассказывай сказки, женщина! — зарычал Тэмма. — Где барахло?

— У меня ничего нет.

— Так уж ничего?

— Совсем.

— Может, у тебя действительно ничего нет?.. Значит, мне все наврали.

Тэмма с недоверием поглядывал на Око, теребя бороду.

— Кончай, ребята! — скомандовал он.

Око перешла в соседнюю комнату и села. Фусума оставалась открытой. Око сидела спиной к Тэмме, но ее спина достаточно красноречиво говорила, что продолжать поиски бесполезно.

— Око! — позвал Тэмма.

— Что тебе? — последовал ледяной ответ.

— Выпить найдется?

— Тебе воды?

— Не валяй дурака! — с угрозой проговорил Тэмма.

— Саке в шкафу. Пей, сколько влезет.

— Око, — сказал Тэмма, заметно смягчившись и как будто даже восхищаясь ее хладнокровием и упорством, — не надо так. Я у вас давно не был. Разве так встречают старых друзей?

— Хороши друзья!

— Не обижайся. Сама виновата. Слишком уж часто стали поговаривать о том, какими делами занимается вдова торговца моксой. Не могут все врать! Я слышал, ты посылаешь миленькую дочурку обирать трупы. Зачем ей этим заниматься?

— Где доказательства? — взвизгнула Око. — Я тебя спрашиваю!

— Если бы мне нужны были доказательства, я бы не предупредил Акэми о своем приходе. Ты знаешь правила игры. Это моя территория, поэтому я вынужден обыскивать твой дом. Иначе все решат, что могут безнаказанно делать то же самое. Что будет со мной? Надо себя защищать!

Око холодно смотрела на него, ее поднятая голова, подбородок, нос — все выражало гордость

и непреклонность.

— На этот раз я тебя прощаю, — проговорил Тэмма. — Но помни, что я всегда благоволил тебе!

— Благоволил? Да кто ты такой? Вот умора!

— Око, — поддразнивал Тэмма, — подойди ко мне, налей чарочку!

Око не шевельнулась, и это взорвало Тэмму.

— Полоумная сука! Разве до тебя не доходит, будь ты со мной поласковее, твоя жизнь стала бы куда лучше?

Немного остыв, Тэмма продолжал:

— Подумай хорошенько!

— Я потрясена такой добротой, ваша милость, — последовал ядовитый ответ.

— Я тебе не нравлюсь?

— Ответь мне на один вопрос: кто убил моего мужа? Думаешь, я не знаю?

— Если хочешь отомстить убийце, я к твоим услугам. Всегда готов помочь.

— Не прикидывайся дураком!

— Ты о чем?

— Ты любишь слушать людские разговоры. А тебе никто не говорил, что ты убил моего мужа? Ты не слыхал, что убийца — это Цудзикадзэ Тэмма? Все это знают. Пусть я вдова разбойника, но я не опущусь настолько, чтобы связаться с убийцей

собственного мужа.

— Тогда надо было открыто заявить об этом.

Нагло рассмеявшись, Тэмма осушил чашечку и налил другую.

— Придержи язык! — предостерег он. — Можешь поплатиться здоровьем и благополучием симпатичной дочери.

— Я поставлю Акэми на ноги и, когда она выйдет замуж, доберусь до тебя. Запомни!

Тэмма расхохотался. Его плечи и могучий торс тряслись, как тофу.

Прикончив саке, он подозвал одного из своих людей, который стоял в углу кухни, опершись на древко копья.

— Поди и проверь копьем потолочные доски.

Тот пошел по комнатам, тыча древком в потолок. Когда он добрался до тайника, сверху посыпались сокровища Око.

— Я так и думал! — неуклюже вставая, проговорил Тэмма. — Вы все это видели. Вот доказательство! Она нарушила правила. Выведите ее во двор и всыпьте как следует!

Люди Тэммы направились к очагу, но неожиданно остановились. Око картинно стояла, подпирая стену, словно ждала, кто осмелится тронуть ее. Тэмма, войдя в кухню, нетерпеливо

крикнул:

— Что вы ждете? Тащите!

Но Око словно загипнотизировала разбойников: они не могли двинуться с места. Тэмма решил вмешаться. Прищелкивая языком, он направился к Око, но вдруг тоже замер. Позади Око с грозным видом стояли двое юношей, которых не было видно из кухни. Такэдзо держал меч на уровне колен, готовый перебить голень каждому, кто войдет. Рядом стоял Матахати с поднятым мечом, чтобы снести первую подвернувшуюся голову. Акэми куда-то спряталась.

— Вот в чем дело, — пробормотал Тэмма, сразу вспомнив встречу на склоне горы. — Одного я видел вместе с Акэми. А кто другой?

Матахати и Такэдзо молчали, недвусмысленно показывая, что ответят только с помощью оружия. Наступила напряженная пауза.

— В этом доме не должно быть мужчин! — проревел Тэмма. — Вы двое… вы, должно быть, появились после Сэкигахары. Я вас предупреждаю, берегитесь!

Юноши не шелохнулись.

— В этих местах все знают, кто такой Цудзикадзэ Тэмма! Я вам покажу, как мы расправляемся с беглецами!

Тэмма жестом приказал своим людям посторониться. Один из них, пятясь, повалился в очаг, подняв столб искр. Комната наполнилась дымом и воплями.

Когда Тэмма проскочил в комнату, Матахати резко опустил меч, но Тэмма оказался проворнее, чем можно было ожидать. Меч скользнул лишь по ножнам Тэммы. Око забилась в угол, Такэдзо держал меч из черного дуба наготове. Целясь по ногам Тэммы, он со всей силой нанес удар. Меч со свистом прочертил дугу, но цели не достиг. Великан легко подпрыгнул и всем телом навалился на Такэдзо. Такэдзо упал, будто подмятый медведем. Он в жизни не встречал человека сильнее. Тэмма схватил его за горло и раза три ударил головой о пол. Такэдзо показалось, что затылок у него раскололся. Напрягшись, Такэдзо сбросил с себя Тэмму и отшвырнул в сторону. Тэмма ударился о стену так, что затрясся весь дом. Такэдзо поднял деревянный меч, собираясь обрушить его на голову Тэммы, но тот вскочил и бросился бежать. Такэдзо следовал за ним по пятам.

Главное — не упустить Тэмму. Он слишком опасен. Такэдзо знал, что, настигнув Тэмму, убьет его. Пощады разбойник не дождется.

Намерение было вполне в характере Такэдзо,

человека крайностей. Когда он был маленьким, в нем уже замечали эту дикую ярость, свойственную воинам древней Японии, какую-то необузданную, но в то же время возвышенную. Ни воспитание, ни приобретенные знания ничуть не притушили ее. Такэдзо не знал чувства меры, именно поэтому отец Такэдзо так и не смог полюбить своего сына. Мунисай пытался, как и следовало ожидать от военного человека, выбить из мальчика дикие наклонности с помощью жестоких наказаний, но эти меры еще больше озлобляли Такэдзо. Мальчик вел себя, словно дикий голодный зверь. Чем больше жители деревни презирали сорванца, тем сильнее он им досаждал.

Когда это дитя природы вступило в пору возмужания, ему надоело болтаться с победоносным видом по деревне. Запугать робкий деревенский люд было несложно. Такэдзо начал мечтать о больших делах. Первым серьезным жизненным уроком стала для него Сэкигахара. Его юношеские мечты рассыпались в прах — их, правда, было немного. Ему в голову не приходило сокрушаться из-за первого серьезного поражения или раздумывать о грядущих бедах. Самодисциплина была для него пустым звуком, и он легко воспринял

кровавый урок.

А сейчас волею судьбы он встретил по-настоящему крупную добычу — предводителя разбойников Цудзикадзэ Тэмму. При Сэкигахаре он мечтал схватиться именно с таким противником.

— Трус, — кричал Такэдзо, — остановись и сражайся!

Такэдзо мчался по темному полю, выкрикивая проклятия. Впереди в десяти шагах от него, как на крыльях, несся Тэмма. Волосы Такэдзо развевались, ветер свистел у него в ушах. Он никогда не чувствовал себя таким счастливым. Чем дальше он бежал, тем сильнее его охватывал какой-то животный восторг.

Такэдзо настиг Тэмму. Кровь брызнула из-под меча, душераздирающий вопль пронзил ночь. Разбойник грохнулся на землю, перевернувшись несколько раз. Череп был размозжен, глаза выкатились из орбит. Такэдзо нанес еще несколько ударов. Теперь ребра Тэммы торчали наружу.

Такэдзо утер пот со лба.

— Доволен, вожак? — с торжеством проговорил он и не торопясь направился назад к дому. Постороннему человеку могло бы показаться, что Такэдзо возвращается с прогулки. Ничего не

омрачало его духа, он ведь знал: победи противник — мертвым в поле лежал бы он сам.

В темноте послышался голос Матахати:

— Такэдзо, это ты?

— Я, — нарочито бесстрастно откликнулся Такэдзо, — как дела?

Матахати подбежал к нему и радостно сообщил:

— Я уложил одного. А ты?

— Я тоже одного.

Матахати держал меч, окровавленный по самую рукоятку. Гордо выпрямившись, он сказал:

— Остальные удрали. Это ворье не умеет сражаться. Трусы! Могут справиться лишь с трупами. Это им по плечу.

Запачканные кровью с головы до ног, вид они имели предовольный… Оживленно болтая, Такэдзо и Матахати направились к дому, крепко сжимая в руках свои мечи — стальной и деревянный.

Потерявшая всадника лошадь просунула голову в раздвинутые сёдзи, заржала и разбудила спящих. Выругавшись, Такэдзо шлепнул ее по морде. Матахати потянулся, зевнул и сообщил, что отлично выспался.

— Солнце уже высоко, — сказал Такэдзо.

— Уже за полдень?

— Едва ли!

После глубокого сна они почти забыли про события минувшей ночи. Для них существовали только сегодня и завтра.

Такэдзо побежал к горному ручью за домом, разделся по пояс и стал плескать прозрачную холодную воду себе на лицо, на грудь, на плечи. Запрокинув голову, он несколько раз глубоко вздохнул, словно хотел выпить наполненный солнцем воздух. Матахати сонно пошлепал в комнату с очагом, где весело пожелал доброго утра Око и Акэми.

— Эй, красавицы, вы почему грустные?

— Разве?

— Без сомнения. Будто на похоронах. Что вас печалит? Мы разделались с убийцей вашего мужа и отца и задали трепку его шайке, так что они не скоро опомнятся.

Недоумение Матахати легко можно было понять. Он считал, что вдова и ее дочь будут вне себя от радости, узнав о гибели Тэммы. Минувшей ночью Акэми с восторгом захлопала в ладоши, узнав это. Око и вчера казалась озабоченной, сегодня же, у очага, она выглядела не на шутку встревоженной.

— Что вас беспокоит? — спросил Матахати, подумав, что эта женщина никогда не бывает довольной.

«Вот тебе и благодарность», — подумал он, принимая от Акэми чашку крепкого чая и присаживаясь на корточки.

Око слабо улыбнулась, завидуя юности, которую не заботят трудности жизни.

— Матахати, — устало сказала она, — ты ничего не понимаешь. У Тэммы полно приспешников.

— Конечно, как у всех мошенников его ранга, но нам этот сброд не страшен. Если мы смогли убить его, чего же нам бояться его подручных? Пусть они только попробуют, я и Такэдзо…

— Ничего вы не сделаете, — перебила Око.

Матахати расправил плечи и спросил:

— Это почему же? Приведите их сюда, сколько угодно. Это куча червей. Или вы считаете, что мы с Такэдзо трусы и ускользнем при первой возможности? За кого вы нас принимаете?

— Вы не трусы, но пока еще дети. Мне в сыновья годитесь. У Тэммы есть младший брат по имени Цудзикадзэ Кохэй, и, если он придет сюда, вам с ним не совладать, даже двоим против одного.

Это было совсем не то, что хотел бы услышать Матахати. Слушая Око, он понимал, что в чем-то

она права. Под началом у Цудзикадзэ Кохэя была, по всей видимости, большая банда, действовавшая в окрестностях Ясугавы в Кисо. Цудзикадзэ Кохэй к тому же был известным мастером боевого искусства и славился тем, что умел застигать противника врасплох. Из тех, кого Кохэй пообещал убить, никто не умер своей смертью. Матахати хорошо понимал, что одно дело, когда на тебя нападают в открытую, и совсем другое, когда тебя застигают полусонного.

— Это моя слабость, — признался он. — Я сплю как убитый.

Матахати сидел в задумчивости, подперев щеку. Тем временем Око уже решила про себя, что им придется оставить дом, их теперешнее ремесло и убраться отсюда подальше. Она спросила, что собираются делать Матахати и Такэдзо.

— Мы еще не решили, — сказал Матахати. — Кстати, куда его унесло?

Он вышел из дома и огляделся, но Такэдзо нигде не было. Он еще раз огляделся, прикрыв глаза от солнца, и наконец увидел Такэдзо, который скакал на неоседланной лошади далеко у подножия гор. Это была та бродячая лошадь, которая разбудила их утром своим ржанием.

«Вот у кого нет ни горя, ни забот!» — с завистью

подумал Матахати. Приложив ладони ко рту, он закричал:

— Иди сюда, есть дело!

Через некоторое время они уже лежали рядом на земле, покусывая травинки, и обсуждали, что делать дальше.

— По-твоему, нам надо возвращаться домой? — спросил Матахати.

— Конечно. Мы не можем навсегда остаться с этими женщинами.

— Разумеется.

— Мне женщины вообще не нравятся.

Такэдзо теперь знал это наверняка.

— Тогда — домой! — сказал Матахати.

Он перевернулся на спину и уставился в небо.

— Решение принято, надо без промедления отправляться в путь, — продолжал Матахати. — Только теперь я понял, как мне недостает Оцу, как я хочу ее видеть. Посмотри, вон то облако напоминает ее профиль. А вон та часть — это ее волосы после купанья.

Такэдзо не отрывал глаз от лошади, которую только что отпустил. Дикие лошади, живущие на воле и в полях, очень покладистые животные. Когда они вам больше не нужны, то просто уходят, ничего не требуя.

Акэми позвала. Друзья поднялись.

— Чур, я первый! — закричал Такэдзо.

— Посмотрим! — парировал Матахати.

Акэми в восторге захлопала в ладоши, видя двух друзей, которые неслись наперегонки по высокой траве, оставляя за собой облако пыли.

После обеда Акэми погрустнела. Она узнала, что Такэдзо и Матахати собираются к себе в деревню, а ведь с ними было так хорошо, ей так хотелось бы, чтобы они навсегда остались здесь.

— Дурочка, — отругала ее мать, — нашла о чем грустить.

Око красила лицо так же тщательно, как и всегда, и, отчитывая дочь, в то же время в зеркало наблюдала за Такэдзо. Он поймал ее взгляд и вдруг вспомнил волнующий аромат ее волос, когда она пришла к нему в комнату прошедшей ночью.

Матахати снял с полки большой кувшин саке и, усевшись рядом с Такэдзо, начал наливать водку в бутылочку для подогрева, словно он был хозяин дома. Они решили напиться, поскольку это была их последняя ночь вместе. Сегодня Око особенно тщательно прихорашивалась.

— Выпьем все до капли! — заявила она. — Не оставлять же крысам.

— Или червям, — подхватил Матахати.

Они быстро опорожнили три кувшинчика. Око прижалась к Матахати и начала так откровенно заигрывать с ним, что Такэдзо в растерянности отвернулся.

— Я... я не могу идти, — пробормотала Око заплетающимся языком. Голова Око опустилась на плечо Матахати, который повел ее в спальню. В дверях она повернулась к Такэдзо и язвительно заметила:

— А ты, Такэдзо, оставайся один! Ты ведь любишь спать один?

Не говоря ни слова, Такэдзо растянулся там, где сидел. Он был очень пьян, и уже стояла глубокая ночь.

Такэдзо проснулся поздно. Еще не открыв глаза, он уже знал, что произошло. Как он и догадался, дом оказался пуст. Вещи, собранные накануне Око и Акэми, исчезли. Не было ни одежды, ни сандалий, не было и Матахати.

Такэдзо крикнул, но никто не отозвался, да он и не ожидал ответа. Неестественная тишина стояла в покинутом доме. Никого не было ни во дворе, ни позади дома, ни в сарае. Лишь яркий красный гребень, забытый у водосточной трубы, напоминал о беглецах.

«Какая ты свинья, Матахати!» — произнес Такэдзо про себя.

Понюхав гребень, он снова вспомнил, как Око пыталась совратить его той ночью.

«Вот на это и попался Матахати», — подумал он. Гнев распирал Такэдзо.

— Дурак! — крикнул он. — А как же Оцу? Что ты думаешь делать с ней? Сколько раз ты покидал ее, негодяй!

Такэдзо растоптал гребень ногой. Ему хотелось плакать от обиды не за себя, а за Оцу. Он явственно представлял себе, как терпеливо ждет она возвращения Матахати.

Не зная, что предпринять, он сел в кухне. Тут в проем сёдзи просунулась голова бродячей лошади. Не дождавшись ласки от Такэдзо, она медленно прошла в кухню и стала неторопливо подбирать остатки рассыпанного риса.

Праздник цветов

В семнадцатом веке дорога Мимасака была одной из главных транспортных артерий Японии. Она начиналась в Тацуме, провинции Харима, и, прихотливо извиваясь, пролегала по местности, про которую говорили, что там «гора стоит на горе». Дорога петляла между бесконечных горных кряжей, следуя границе, разделяющей провинции Мимасака и Харима. Путнику, преодолевающему перевал Накаяма, открывался вид на долину реки Айда, где он, к своему удивлению, обнаруживал довольно большое селение.

Миямото представляла собой не обычную деревню, а группки разрозненных домов. Одна кучка стояла на берегу реки, другая карабкалась по склону горы, третья обосновалась среди каменистых полей. Поселение было достаточно крупным для этой эпохи. До прошлого года хозяином замка, стоявшего неподалеку, вверх по реке, был князь Симмэн, владелец Иги. Сравнительно небольшой замок привлекал к себе поток ремесленников и торговцев. Дальше к северу находилось местечко Сикодзака, где добывали серебро. Выработанные копи опустели, но в свое

время в них трудились толпы рудокопов. Путешествующие из Тоттори в Химэдзи или из Тадзимы в Бидзэн пользовались этой дорогой. Естественно, они останавливались в Миямото на отдых. Миямото был шумным местечком, куда приезжали люди из разных провинций. Здесь имелся не только постоялый двор, но и мануфактурная лавка, а еще обитала стая женщин — ночных трудениц, с набеленными по моде того времени шеями, — похожих на белых летучих мышей, они дежурили перед своими заведениями. Из Миямото Такэдзо и Матахати и ушли на войну.

Оцу в задумчивости смотрела на крыши Миямото. Это была тоненькая девушка, светлокожая, с блестящими волосами. Легкая и хрупкая, она казалась существом почти воздушным, неземным. Изящная Оцу ничем не походила на крепких, коренастых деревенских девушек, работавших внизу на рисовых полях. Ее походка отличалась особой грацией, голову она несла высоко и прямо. И сейчас девушка сидела на веранде храма Сипподзи, напоминая фарфоровую статуэтку.

Найденыш, воспитанный в горном храме, Оцу к шестнадцати годам обрела возвышенную отрешенность, какая редко встречается в ее возрасте. Она выросла в отрыве от сверстниц и от забот

повседневной жизни, что придавало ее чертам выражение задумчивости, которая отпугивала от нее мужчин, привыкших к женской фривольности. Матахати, ее жених, был на год старше. Она не получала известий о нем с тех пор, как прошлым летом он и Такэдзо покинули Миямото. Прошел первый месяц нового года, второй, а она все ждала вестей. Но вот миновал уже четвертый месяц, и она больше не смела надеяться.

Взгляд Оцу скользил по высоко плывущим облакам, и сама собой пришла мысль, что неизвестность длится уже год.

— У сестры Такэдзо тоже нет весточки. Глупо надеяться, что они еще живы, — говорила Оцу соседям, а глаза ее молили о том, чтобы ей возражали, внушали надежду, но никто не возражал. Практичным сельским жителям, свыкшимся с тем, что войска Токугавы заняли скромный замок Симмэн, было недосуг притворяться, будто их земляки уцелели. Из семьи Симмэна ни один не вернулся из Сэкигахары, но это было естественно — то были самураи, и они проиграли битву. Они просто не могли показаться на глаза знакомым людям, но речь шла о простых пеших солдатах. Где они пропадают? Будь они живы, разве не вернулись бы давно домой?

«Почему, — спрашивала себя Оцу, в сотый раз задавая один и тот же вопрос, — почему мужчины так стремятся на войну?»

Ей нравилось сидеть на веранде храма и размышлять о непостижимом. Она могла сидеть часами, погрузившись в мысли. Раздавшийся вдруг голос нарушил ее покой:

— Оцу!

От колодца к ней шел сухопарый человек. На нем была одна лишь набедренная повязка, загорелая кожа отливала темным золотом, как старинная статуя Будды. Это был буддийский монах секты дзен, который пришел сюда из провинции Тадзима года четыре назад. С тех пор он жил в храме.

— Наконец-то весна настала! — с довольным видом проговорил он, ни к кому не обращаясь. — Весна — благословенное время, но со своими недостатками. Только потеплеет, коварные блохи оккупируют всю страну. Они захватывают все, как этот подлец регент Фудзивара-но Митинага!

После небольшой паузы монах продолжил монолог:

— Я постирал свою одежду, но где высушить мое ветхое одеяние? Не вешать ведь на сливе! Было бы богохульством, надругательством над

природой потревожить эти цветы. У меня слишком утонченный вкус, я не могу найти место, чтобы развесить одежду! Оцу, одолжи мне шест для белья.

Оцу, покрасневшая от вида почти голого монаха, крикнула:

— Такуан, нельзя разгуливать полуголым, пока одежда сушится.

— Придется лечь спать.

— Ты неисправим, Такуан!

Такуан воздел одну руку к небесам, а другой указывал на землю, подражая храмовой статуе Будды, которую прихожане раз в год омывают ритуальным чаем.

— В этой позе мне следовало бы простоять до завтрашнего дня. Завтра восьмое число, день рождения Будды. Стою, а люди мне поклоняются и поливают сладким чаем. Представляю их изумление, когда я начал бы облизываться.

Приняв набожный вид, Такуан прочитал слова Будды:

— На небесах и на земле только я свят.

Оцу рассмеялась, глядя на шутливого богохульника.

— Вылитый Будда!

— Разумеется. Я — живое воплощение принца

Сиддхартхи.

— Тогда не шевелись, а я принесу чай, чтобы полить тебя.

В этот момент вокруг головы монаха закружила пчела, и воплощение Будды отчаянно замахало руками. Пчела бросилась на набедренную повязку, пытаясь забраться внутрь. Оцу хохотала до слез. Такуан Сохо — такое имя он получил с принятием монашеского обета — не переставал изумлять даже сдержанную Оцу с тех пор, как появился в храме.

Оцу, вдруг оборвав смех, сказала:

— Не могу тратить время на пустяки. У меня важное дело.

Глядя, как она надевает миниатюрные сандалии, монах с невинным видом спросил:

— Какое дело?

— Какое? И ты забыл? Твое кривлянье напомнило мне, что надо готовиться к завтрашнему дню. Настоятель приказал набрать цветов, чтобы украсить Храм цветов. Потом надо все подготовить для церемонии праздничного чая и сварить его сегодня вечером.

— Куда пойдешь за цветами?

— На луг вниз по реке.

— Я с тобой!

— Без одежды?

— Тебе одной не справиться. Я помогу. Человек, между прочим, появляется на свет без одежды. Нагота — его естественное состояние.

— Может быть, но я не нахожу его нормальным. Лучше пойду одна.

Оцу побежала к постройкам позади храма, чтобы отвязаться от Такуана. Она надела на спину корзину, взяла серп и выскользнула через боковые ворота. Оглянувшись, она увидела следовавшего за ней Такуана. Он замотался в большое покрывало, в каких обычно перевозят постельные принадлежности.

— Так тебе больше нравится? — улыбнулся Такуан.

— Конечно нет. Ты выглядишь смешным. Люди подумают, что ты спятил.

— Почему?

— Потому. Отойди от меня!

— Раньше ты не избегала общества мужчин.

— Ты невыносим, Такуан!

Оцу побежала вперед, Такуан следовал за ней, делая шаги, которым бы позавидовал Будда, спускаясь с Гималаев. Покрывало раздувалось от ветра.

— Не сердись, Оцу! Ты знаешь, что я шучу. Твои

ухажеры перестанут увиваться за тобой, если ты будешь слишком часто злиться.

Метрах в восьмистах от храма по обоим берегам реки Айда сплошным ковром цвели весенние цветы. Оцу сняла корзину и начала быстро под самый корень срезать цветы. Вокруг порхали бабочки.

Прошло некоторое время. Такуан предался размышлениям.

— Как здесь спокойно, — вздохнул он. Его голос звучал по-детски наивно и одновременно благоговейно. — Если мы можем жить в цветущем раю, то почему предпочитаем плакать, страдать, бросаться в омут страстей и гнева, терзать себя адским огнем? Надеюсь, Оцу, что хотя бы ты избежишь этих напастей.

Оцу, деловито наполняя корзину цветами рапса, весенними хризантемами, ромашками, маками, фиалками, ответила:

— Такуан, чем читать проповеди, ты бы лучше отогнал пчел.

Такуан, сокрушенно покачав головой, вздохнул:

— Я не о пчелах, Оцу. Я просто пытаюсь донести до тебя учение Будды о предназначении женщины.

— Какое тебе дело до женской участи?

— Ты заблуждаешься. Я священнослужитель и обязан заглядывать в души людей. Согласен, это хлопотное занятие, но не менее полезное, чем ремесло купца, ткача, плотника или самурая. Оно существует, поскольку в нем есть потребность.

Оцу смягчилась:

— Ты прав, вероятно.

— Так уж случилось, что уже три тысячи лет священнослужители не ладят с женской половиной человечества. Буддизм учит, что женщина — это зло. Она — враг, посланец ада. Я потратил годы на то, чтобы изучить буддийские сутры, поэтому меня не удивляют наши постоянные ссоры с тобой.

— Почему твое священное писание считает женщин злом?

— Они обманывают мужчин.

— Разве мужчины не обманывают женщин?

— Но… Будда был мужчиной.

— Хочешь сказать, будь Будда женщиной, все было бы наоборот?

— Конечно нет! Как демон может стать Буддой?

— Такуан, это бессмыслица!

— Если бы религиозные учения основывались

на здравом смысле, отпала бы нужда в пророках, их толкующих.

— Ты опять за свое, выворачиваешь все наизнанку в свою пользу.

— Типично женский ход! Зачем переходить на конкретного человека?

Оцу выпрямилась, не скрывая, что она безмерно устала от бесполезного разговора.

— Такуан, хватит! У меня нет настроения шутить.

— Умолкни, женщина!

— Да ведь это ты без умолку говоришь!

Такуан закрыл глаза, словно набираясь терпения.

— Позволь мне объяснить. Когда Будда был молод, он сидел под деревом Бодхи, а демоницы искушали его день и ночь. Вполне естественно, что женщин он считает исчадием зла, но, будучи безмерно милосердным, он под конец жизни все-таки принял несколько женщин в число своих учеников.

— От мудрости или по старческому слабоумию?

— Не богохульствуй! — строго остановил Такуан. — Не забывай, что́ мудрец Нагарджуна ненавидел, — я хочу сказать, боялся женщин не

меньше, чем Будда. Но и он воздал хвалу четырем женщинам: послушной сестре, любящей супруге, хорошей матери и покорной служанке. Он не уставал хвалить их добродетели и советовал мужчинам брать их в жены.

— Послушные сестры, любящие супруги, хорошие матери, покорные служанки… Все, чтобы угождать мужчинам.

— Вполне естественно. В отличие от Японии, в древней Индии мужчин почитали больше, чем женщин. Я хотел бы, чтобы ты вняла совету Нагарджуны женщинам.

— Какому?

— Он говорил: женщина, избери спутником жизни не мужчину…

— Ерунда!

— Позволь договорить! Он говорил: женщина, избери спутником жизни истину.

Оцу недоуменно взглянула на Такуана.

— Не понимаешь? — всплеснул руками Такуан. — Избрать спутником жизни истину означает, что ты должна полюбить не простого смертного, а устремиться к вечному.

— Но, Такуан, — нетерпеливо перебила Оцу, — что такое истина?

Такуан бессильно опустил руки и уставился

в землю.

— Давай подумаем, — произнес он. — Я сам не очень знаю.

Оцу рассмеялась, но Такуан не рассердился.

— В одном я уверен, — сказал он. — В твоем случае истина означает, что ты не должна стремиться уехать в город и нарожать там слабых, худосочных детей. Тебе следует остаться в родной деревне и воспитать здоровое крепкое потомство.

Оцу в нетерпении подняла серп.

— Такуан, — с ноткой отчаяния проговорила она, — ты пришел помогать мне или болтать?

— Конечно помогать, поэтому я здесь.

— Тогда заканчивай проповеди и берись за серп!

— Что ж, хорошо, — ответил он, притворившись обиженным. — Раз ты отказываешься от моего духовного руководства, я не буду навязываться.

— Ты поработай, а я пока сбегаю к Огин. Она обещала сегодня закончить оби, который я хочу надеть завтра.

— Огин? Сестра Такэдзо? По-моему, я ее видел. Это она приходила как-то вместе с тобой в храм?

Такуан бросил серп и сказал:

— Я пойду с тобой.

— В таком виде?

Такуан сделал вид, что не заметил вопроса.

— Может, чаем угостит. Я умираю от жажды, — сказал он.

Устав спорить с монахом, Оцу слабо кивнула в ответ, и они отправились вдоль реки.

Огин было лет двадцать пять — возраст не юный, но она была все еще хорошенькой. Дурная слава ее брата отпугивала женихов, но многие сватались к ней. Вкус и хорошее воспитание Огин проявлялись во всем. Она отказывалась от предложений под тем предлогом, что ей надо вывести брата в люди.

Дом, в котором жила Огин, был построен ее отцом Мунисаем, когда тот еще руководил военной подготовкой в клане Симмэн. За его заслуги ему была оказана честь носить фамилию Симмэн. Дом, окруженный высокой глинобитной стеной на каменном основании, стоял на берегу реки и был слишком велик для скромного провинциального самурая. Сейчас дом утратил былое величие. Крыша поросла диким ирисом, а стены додзё, где в свое время Мунисай обучал боевым искусствам, были заляпаны пометом ласточек, поселившихся под стрехой.

Мунисай, впав в немилость, потерял положе-

ние и умер в бедности, что нередко случалось в то смутное время. После его смерти слуги оставили дом, но многие время от времени заходили, поскольку были жителями Миямото. Они приносили свежие овощи, прибирали в нежилых комнатах, наполняли кувшины водой, разметали дорожки и оказывали Огин другие услуги. Они любили поболтать с дочерью Мунисая.

Услышав скрип калитки, Огин, сидевшая за шитьем в задней комнате, решила, что это кто-то из бывших слуг. Когда Оцу с ней поздоровалась, она вздрогнула от неожиданности.

— Ты напугала меня! — сказала Огин. — Я заканчиваю твой пояс. Он тебе нужен завтра для храмовой церемонии?

— Прости меня, Огин, за хлопоты. Я должна была сшить его сама, но очень занята в храме.

— Рада тебе помочь. Надо же чем-то заниматься. Без работы я начинаю тосковать.

Оцу вдруг обратила внимание на домашний алтарь. В нем на маленькой тарелке теплилась свеча, освещавшая две темные таблички с тщательно выписанными иероглифами. Перед поминальными табличками стояли вода и цветы. Надписи гласили:

«За упокой души Симмэна Такэдзо, 17 лет.

За упокой души Хонъидэна Матахати, того же возраста».

— Огин, — с тревогой спросила Оцу, — ты получила известие об их смерти?

— Нет… но чего же ждать? Я смирилась с этой мыслью. Они, конечно, погибли в Сэкигахаре.

Оцу энергично замотала головой:

— Не говори так! Накличешь беду. Они живы, я знаю. Я уверена, что они на днях появятся!

Огин не отрывалась от шитья.

— Ты видишь во сне Матахати? — мягко спросила она.

— Постоянно. А что?

— Значит, его уже нет в живых. Я тоже все время вижу во сне брата.

— Огин, не говори так!

Подбежав к алтарю, Оцу выхватила поминальные таблички.

— Я их выброшу, они предвестники беды!

Оцу задула свечу. Слезы катились по ее щекам. Схватив цветы и воду, она побежала на веранду и забросила цветы подальше в сад, а воду выплеснула. Вода угодила прямо на голову Такуану, который ждал внизу.

— Ой, холодно! — завопил он, вскакивая и вытирая голову покрывалом. — Ты что? Я пришел

попить чаю, а не купаться!

Оцу рассмеялась, и на глазах у нее снова появились слезы, но теперь она плакала уже от смеха.

— Прости, Такуан, я тебя не видела. — Она вынесла чай, чтобы загладить вину.

Огин, выглянув на веранду, спросила:

— Кто это?

— Странствующий монах, он живет при храме. Тот самый, который не моется. Мы с тобой однажды его видели. Он лежал на солнцепеке и что-то внимательно изучал на земле. Когда мы спросили, что он делает, он ответил, что наблюдает поединок двух блох. Сказал, что выдрессировал блох и теперь они его развлекают.

— Вот кто!

— Он самый. Зовут его Такуан Сохо.

— Странный человек.

— Мягко говоря.

— Что это на нем? Совсем не похоже на монашеское облачение.

— Покрывало для постели.

— Покрывало? Он и вправду шутник! Сколько ему лет?

— Говорит, что тридцать один, но иногда я чувствую себя его старшей сестрой. Он такой глупый! Один служитель храма говорил мне, что

Такуан — примерный монах, несмотря на его внешний вид.

— Вполне возможно. Трудно судить о человеке по его внешности. Откуда он?

— Он родился в провинции Тадзима и начал готовиться к монашеской жизни с десяти лет. Четыре года спустя был принят в храм школы Риндзай. Затем он поступил в учение к монаху из храма Дайтокудзи и проделал с ним путь до Киото и Нары. Позднее он учился у Гудо из Мёсиндзи, Итто из Сэннана и прочих мудрецов. Он потратил на учебу долгие годы.

— Может быть, поэтому в нем есть что-то необычное.

— Он был определен в приход Нансодзи и императорским указом назначен настоятелем Дайтокудзи, — продолжала Оцу. — Оттуда он сбежал через три дня. Никто не знает причины, сам же он никогда не рассказывает о своем прошлом.

Огин только покачала головой.

— Говорят, что знаменитые военачальники, такие как Хосокава, и аристократы вроде Карасумару убеждали его оставить бродячий образ жизни, — заметила Оцу. — Они даже предлагали построить для него храм и пожертвовать на его

содержание, но Такуан не проявил интереса к этим проектам. Он говорит, что предпочитает скитаться по стране, как нищий, и иметь в друзьях только блох. По-моему, он немного тронутый.

— Может быть, мы тоже кажемся ему странными.

— Он так и говорит.

— Он надолго здесь?

— Никто не знает. Неожиданно появляется и внезапно исчезает.

Из-за веранды раздался голос Такуана:

— Я слышу каждое ваше слово!

— Мы дурного не говорим! — бойко отозвалась Оцу.

— Можете говорить плохо, если это доставляет вам удовольствие. Кстати, могли бы предложить мне печенье к чаю.

— Вот видишь, — сказала Оцу, — он всегда такой.

— Что ты имеешь в виду? — не унимался Такуан, смеясь одними глазами. — Посмотри на себя. С виду — мухи не обидит, на деле — в сотни раз бессердечнее меня.

— Неужели? Почему это я бессердечная?

— Ты бросила меня здесь одного, дав пустой чай.

Ты думаешь только о своем пропавшем женихе.

Колокола звонили в храмах Дайсодзи и Сипподзи. Они начали на заре и сейчас, после полудня, время от времени возобновляли перезвон. Утром бесконечная вереница прихожан потянулась в храм — девушки, подпоясанные красными оби, жены торговцев, предпочитавшие более сдержанные тона, старухи в темных кимоно, тянущие за руку внуков. Маленький зал в Сипподзи был полон народу. Молодые люди не столько молились, сколько искали глазами Оцу.

— Она здесь, — сообщил один.

— Еще красивее стала, — добавил другой.

Посреди зала стоял миниатюрный храм, крыша которого была покрыта лимонными листьями, а колонны обвиты полевыми цветами. Внутри Храма цветов, как его здесь называли, помещалась статуя Будды, одной рукой указывающая на небо, другой — на землю. Статуя была помещена на плоское глиняное блюдо, и прихожане, вереницей шедшие к статуе, поливали ее сладким чаем из бамбуковой ложки. Такуан, стоя рядом, наполнял бамбуковые трубки богомольцев священным бальзамом, который те уносили с собой на счастье. Такуан призывал не скупиться на пожертвование:

— Храм наш беден, пожертвуйте сколько можете! Особенно богатые. Я знаю, кто из вас не бедствует, — богатые носят тонкие шелка и расшитые оби. У вас полно денег. Столько же у вас забот! В тысячу раз переплатите за чай, и ваши заботы станут в тысячу раз легче.

Оцу в новом оби сидела за черным лакированным столиком по другую сторону Храма цветов. Ее порозовевшее лицо походило на окружавшие ее цветы. Оцу писала заклинания на пятицветной бумаге, ловко орудуя кистью, которую макала в тушечницу, покрытую лаком, с золотой россыпью. Текст был таким:

В лучший из дней —
Восьмой день четвертого месяца —
Быстро и справедливо покарай
Тех насекомых,
Которые жрут урожай.

С незапамятных времен в здешних местах бытовало поверье, что эти незамысловатые стихи, повешенные на стене, спасут не только от вредителей полей, но и от болезней и других напастей. Оцу писала их уже в сотый раз, так что рука начала дрожать и иероглифы получались не очень красивыми.

Оторвавшись на минутку от листа, она окликнула Такуана:

— Перестань грабить людей! Требуешь слишком много.

— Я обращаюсь к тем, кто много имеет. Для них деньги — обуза. Милосердие в том, чтобы избавить их от этой обузы, — отвечал Такуан.

— Если следовать твоей логике, то каждый воришка — святой.

Такуан был слишком занят, чтобы отвечать.

— Спокойнее, спокойнее! — увещевал он напиравшую толпу. — Не толкайтесь, встаньте в очередь, я всем дам возможность облегчить карманы!

— Эй, монах! — крикнул молодой парень, которого только что отругали за то, что он расталкивал людей локтями.

— Ты имеешь в виду меня? — спросил Такуан.

— Вот именно. Велишь нам стать в очередь, а сам пропускаешь женщин вперед.

— Мне, как и любому мужчине, нравятся женщины.

— Ты, верно, один из тех развратных монахов, о которых ходит дурная молва.

— Довольно, головастик! Думаешь, я не знаю, почему ты здесь? Совсем не для того, чтобы по-

клониться Будде или взять домой заклинание. Пришел поглазеть на Оцу. Разве не так? Между прочим, ты не добьешься успеха у женщин, если будешь жадничать.

Оцу покраснела.

— Прекрати, Такуан! — взмолилась она. — Замолчи! Не выводи меня из терпения!

Оцу отвела глаза от письма и взглянула на толпу, чтобы передохнуть. Неожиданно мелькнувшее лицо заставило ее выронить кисть. Она вскочила, едва не опрокинув столик, но человек уже исчез в толпе, словно рыба в море. Забыв обо всем на свете, она бросилась к храмовым воротам с криком «Такэдзо!».

Месть старой вдовы

Семья Матахати, Хонъидэн, принадлежала к сельской верхушке, которая составляла часть сословия самураев, но одновременно работала на земле. Главой семейства была мать Матахати Осуги, невероятно упрямая женщина. Ей было около шестидесяти, но она ежедневно выходила в поле вместе с членами семьи и работниками и трудилась не меньше их. Во время сева она брала в руки мотыгу, во время жатвы молотила на току ячмень. Когда наступала темнота и нельзя было больше работать в поле, она всегда находила какое-то другое занятие, нужное для хозяйства. Чаще всего это были ветки шелковицы, под которыми Осуги почти не было видно. Она взваливала их себе на спину и тащила домой. По вечерам она ухаживала за шелковичными червями.

После полудня в день Праздника цветов Осуги работала в шелковичной рощице. К ней прибежал, шмыгая носом, ее босоногий внук.

— Где ты был, Хэйта, в храме? — строго спросила Осуги.

— Угу.

— Видел Оцу?

— Угу. На ней красивый пояс, она помогала проводить праздник.

— Принес бальзам и заклинание от вредителей?

— Нет.

Глаза старухи, обычно тонувшие в морщинах, гневно сверкнули:

— Почему?

— Оцу велела, чтобы я бежал домой. Она сама придет и все расскажет.

— Что расскажет?

— Она видела Такэдзо, который живет за рекой. Заметила его на празднике.

У Осуги перехватило дыхание.

— Она правда так сказала, Хэйта?

— Да, бабушка.

Крепкое тело старухи разом обмякло, в глазах заблестели слезы. Она медленно повернулась, словно ожидая увидеть за спиной сына. Никого не увидев, она резко скомандовала:

— Хэйта, оставайся здесь и обрывай листья шелковицы.

— Ты куда?

— Домой. Если Такэдзо вернулся, должен прийти и Матахати.

— Я с тобой!

— Нет, делай, как тебе говорят.

Старуха торопливо ушла, оставив внука одного.

Деревенский дом, окруженный корявыми дубами, был достаточно велик. Осуги прямиком направилась к амбару, где работали ее дочь и несколько помощников. Еще издали она взволнованно закричала:

— Матахати пришел? Он здесь?

Находившиеся в амбаре уставились на старуху как на сумасшедшую. Наконец один из крестьян сказал «нет», но Осуги словно не слышала ответа. Она была слишком возбуждена. Все продолжали непонимающе смотреть на нее, и старуха, обозвав их болванами, пересказала слова Хэйты, добавив, что если пришел Такэдзо, то должен вернуться и Матахати. Затем, снова взяв утраченные на мгновение бразды правления в свои руки, она разослала всех на поиски Матахати. Сама же осталась дома, и как только раздавались шаги у дома, Осуги выбегала навстречу, надеясь увидеть сына.

Вечером, все еще не потеряв надежды, она зажгла свечку перед табличками с именами предков мужа. Она сидела перед ними, погруженная в молитву, неподвижная, как изваяние.

Все отправились на поиски Матахати, поэтому в доме некому было приготовить еду. Когда наступила ночь, Осуги поднялась со своего места и, как во сне, медленно побрела от дома к воротам. Она долго стояла под покровом темноты, все еще ожидая сына. Бледная луна светила сквозь ветви дуба, горы были окутаны туманом. Сладковатый запах цветущих груш плыл в воздухе.

Чувство времени покинуло Осуги. Вдруг она заметила, как кто-то идет по дальней кромке грушевого сада. Различив силуэт Оцу, Осуги позвала ее, и девушка подбежала, шлепая намокшими сандалиями.

— Оцу, мне сказали, что ты видела Такэдзо. Это правда?

— Да, я уверена, это был он. Я его заметила в толпе перед храмом.

— А Матахати не видела?

— Нет. Я выбежала к Такэдзо, но он скрылся, как испуганный кролик. Мы только встретились глазами, и он тут же исчез. Он всегда был немного странным, но я не могу понять, почему он исчез.

— Убежал? — озадаченно спросила Осуги. Она задумалась, и чем больше она думала, тем сильнее ее стали одолевать подозрения. Ей стало ясно, что ненавистный Симмэн, этот бандит Такэдзо,

который заманил ее дорогого Матахати на войну, затевает недоброе. — Негодяй! — произнесла Осуги с угрозой в голосе. — Наверняка он где-то бросил Матахати умирать, а сам пробрался домой, живой и невредимый. Трус!

Осуги затряслась от гнева.

— От меня ему не спрятаться!

Оцу сохраняла спокойствие.

— Он на это не способен. Если бы он и оставил где-нибудь Матахати, то обязательно передал бы от него весточку или что-то на память.

Поспешные обвинения старухи неприятно поразили Оцу.

Осуги поверила в вероломство Такэдзо. Не дослушав Оцу, она направилась к дому.

— Почтеннейшая… — ласково позвала Оцу.

— Что? — резко отозвалась Осуги.

— Если мы зайдем к Огин, то найдем там Такэдзо.

Старуха приостановилась.

— Ты права! Она его сестра. Во всей деревне ему не к кому больше пойти.

— Тогда пойдемте!

— С какой стати я должна к ней идти? — нерешительно сказала Осуги. — Она знает, ее брат утащил моего сына на войну, но ни разу не сочла

нужным извиниться или вежливо проведать меня. Сейчас, когда Такэдзо вернулся, она даже не сообщила. Нет, не понимаю, почему я первой должна идти на поклон. Это унизительно. Я подожду ее здесь.

— Но сегодня особый случай, — возразила Оцу. — Нам важно как можно скорее повидать Такэдзо. Мы должны узнать, что произошло. Пожалуйста, пойдемте! Вам ничего не придется делать, я сама все улажу.

С неохотой Осуги согласилась. Разумеется, она жаждала узнать все, как и Оцу, но скорее умерла бы, чем обратилась с просьбой к Симмэнам.

До дома Огин было минут двадцать ходьбы. Как и семейство Хонъидэн, Симмэны принадлежали к сельской знати, и оба дома вели свое происхождение от рода Акамацу. Разделенные рекой, оба дома молча признавали право друг друга на существование, но этим их отношения и ограничивались.

Главные ворота усадьбы Огин оказались запертыми. Ни лучика света не пробивалось из дома сквозь разросшийся сад. Оцу направилась к задним воротам, но Осуги не двинулась с места.

— Главе семейства Хонъидэн не пристало входить в дом Симмэнов с черного входа! — заявила

Осуги. — Это унизительно.

Оцу пошла одна. Через некоторое время у ворот зажегся свет, и Огин вышла встретить старую женщину, которая вдруг из простой женщины, каждый день ломавшей спину в поле, превратилась в чинную даму, соблюдающую все тонкости этикета.

— Прошу извинить за причиненное беспокойство в столь поздний час, но мое дело не терпит отлагательств. Очень мило с вашей стороны выйти и встретить меня.

Быстро пройдя мимо Огин в дом, Осуги уселась на самое почетное место в комнате перед нишей токонома, словно была посланцем богов. Сидя на фоне свитка, исписанного иероглифами, букета икебаны, Осуги снисходительно выслушала приветственные слова Огин.

После завершения формальностей Осуги немедленно перешла к делу. Стерев с лица искусственную улыбку, старуха зло уставилась на Огин:

— Мне сказали, что молодой демон приполз домой. Приведи его ко мне!

Осуги славилась своей резкостью, но все равно столь неприкрытая злость поразила деликатную Огин.

— Кого вы называете молодым демоном? —

спросила она подчеркнуто сдержанно.

Ловко, как хамелеон, Осуги сменила тактику.

— Я оговорилась, — рассмеялась она. — Так его называют наши деревенские, а я повторила. Молодой демон — это Такэдзо. Он здесь прячется?

— Нет, — ответила Огин с нескрываемым удивлением. Она еще не пришла в себя от слов старухи.

Оцу, сочувствуя Огин, рассказала, как она видела Такэдзо на Празднике цветов. Пытаясь сгладить неловкость, она добавила:

— Как странно, что он не пришел домой.

— Не пришел, — подтвердила Огин. — Я ничего не знаю. Но если он вернулся, то должен появиться с минуты на минуту.

Осуги прямо сидела на подушке дзабутоне, сложив руки на коленях. Внезапно она разразилась яростной тирадой:

— Хотите, чтобы я поверила вашим басням, что его здесь нет? Разве не знаете, что молодой балбес сманил моего сына на войну? Не знаете, что Матахати — наследник и будущий глава рода Хонъидэн? Твой брат сбил с толку моего сына и заставил его рисковать жизнью. Если мой сын убит, то это дело рук Такэдзо. Пусть теперь не надеется, что уйдет от возмездия…

Старуха остановилась перевести дух, ее глаза зло блестели. Потом она продолжила:

— Хороша и ты! Почему ты, старшая сестра, не послала его ко мне, как только он здесь объявился? Вы оба мне отвратительны, поскольку не умеете уважать старость. Вы жестоко меня оскорбили! — Судорожно вздохнув, Осуги заключила: — Если Такэдзо вернулся, верните и моего Матахати. Немедленно позови молодого демона, и путь он объяснит, что произошло с моим дорогим сыном!

— Как же я это сделаю? Такэдзо нет здесь.

— Бессовестная ложь! — взвизгнула Осуги. — Ты знаешь, где он.

— Уверяю вас… — робко возразила Огин. Ее голос дрожал, глаза наполнились слезами. Как ей сейчас не хватало отца!

Вдруг со стороны комнаты, выходящей на веранду, раздался какой-то треск и потом топот убегающих ног. Глаза Осуги сверкнули. Оцу приподнялась, и в это мгновение раздался леденящий душу вопль — скорее животный, чем человеческий крик.

— Держи его! — раздалось в саду.

Послышался громкий топот бегущих людей, треск ломаемых веток.

— Это Такэдзо! — закричала Осуги.

Вскочив, она злорадно наклонилась над Огин, с ненавистью выплевывая слова:

— Я знала, что он здесь! Видела так же отчетливо, как нос на твоем лице. Не знаю, почему ты пыталась скрыть его от меня. Запомни, я этого тебе никогда не прощу!

Осуги рывком распахнула сёдзи.

От увиденного ее лицо сделалось пепельно-серым. Молодой человек в ноговицах лежал навзничь на земле, вероятно уже мертвый, хотя кровь продолжала струиться из его глаз и носа. Судя по раздробленному черепу, его убили деревянным мечом.

— Здесь… здесь убитый! — заикаясь, произнесла Осуги.

Оцу принесла огонь и склонилась над телом рядом с онемевшей от ужаса Осуги. Это был не Такэдзо или Матахати, а какой-то неизвестный в здешних краях самурай.

— Кто мог убить его? — пробормотала Осуги. Быстро повернувшись к Оцу, она приказала: — Идем домой, чтобы нас в это дело не впутали!

Оцу не могла сдвинуться с места. Старуха наговорила слишком много оскорбительных слов. Было бы несправедливо по отношению к Огин

уйти, не утешив ее. Если Огин и лгала, значит у нее были на то причины. Решив остаться, Оцу сказала Осуги, что придет попозже.

— Как знаешь! — отрезала Осуги, направляясь к выходу.

Огин предложила ей фонарь, но старуха отвергла любезность:

— Глава семейства Хонъидэн не совсем выжила из ума, чтобы заблудиться без вашего фонаря!

Заправив полы кимоно за пояс, Осуги решительно зашагала через сад и скрылась в густеющем тумане.

Не успела она отойти от усадьбы, как ее окликнули. Остановивший ее человек держал обнаженный меч, его руки и ноги были прикрыты щитками. Таких воинов не часто можно было встретить в деревне.

— Вы идете из дома Симмэн? — спросил он.

— Да, но…

— Вы сами из их семейства?

— Разумеется, нет! — ответила Осуги, резким взмахом руки отметая такую возможность. — Я — глава самурайского дома по другую сторону реки.

— Значит, вы мать Хонъидэна Матахати, который воевал при Сэкигахаре вместе с Симмэном

Такэдзо?

— Да, но мой сын ушел не по своей воле. Его сманил этот молодой демон.

— Демон?

— Этот… Такэдзо.

— Похоже, у Такэдзо не слишком хорошая репутация в деревне?

— Не слишком хорошая? Мягко сказано! Вы в жизни не видали такого бандита. Не представляете, сколько мы натерпелись с тех пор, как мой сын связался с ним.

— Ваш сын, по-видимому, погиб при Сэкигахаре. Я…

— Матахати? Погиб?

— Я не вполне уверен, но, если это хоть как-то утешит ваше горе, я готов сделать все, что в моих силах, чтобы вы могли отомстить.

Осуги скептически оглядела самурая:

— Кто вы такой?

— Я из войска Токугавы. Мы прибыли в замок Химэдзи после битвы. По приказанию своего господина я установил посты на границе провинции Харима, чтобы проверять всех, кто сюда направляется. Такэдзо Симмэн прорвался через заставу и добрался до Миямото, несмотря на наше преследование. Крепкий орешек! Мы рассчи-

тывали, что, уходя от нас в течение нескольких дней, он в конце концов выбьется из сил, но мы до сих пор его не поймали. Никуда он не денется. Мы его схватим!

Осуги кивнула в знак согласия. Теперь она поняла, почему Такэдзо бежал из Сипподзи, и сообразила, что дома он, по всей видимости, не появлялся. Солдаты ведь стали бы его искать в первую очередь здесь. Гнев продолжал душить ее, ведь было очевидно, что Такэдзо вернулся один. И все же она не могла заставить себя поверить, что Матахати нет в живых.

— Я знаю, что Такэдзо хитер и коварен, как хищный зверь, — сказала холодно Осуги. — Но я уверена, что для такого самурая, как вы, не составит особого труда поймать его.

— Откровенно говоря, я сам так думал. У меня мало людей, да вот он убил еще одного человека.

— Позвольте старой женщине дать вам совет, — сказала Осуги, подзывая его ближе.

Она что-то прошептала ему на ухо, и ее слова, видимо, очень понравились самураю.

— Дельная мысль! Здорово! — воскликнул он.

— Вы уж постарайтесь! — пожелала Осуги на прощанье.

Самурай собрал свой отряд, в котором было че-

ловек пятнадцать, за домом Огин. Уяснив задачу, они перелезли через стену, окружавшую усадьбу, и выставили охрану на всех выходах. Солдаты вломились в дом, круша все на своем пути, и ворвались в комнату, где сидели две молодые женщины с заплаканными глазами.

При виде солдат у Оцу перехватило дыхание, она побледнела. Огин как истинная дочь своего отца, самурая Мунисая, ничем не выдала волнения. Она холодно и негодующе смотрела на солдат.

— Кто из вас сестра Такэдзо? — спросил один из них.

— Я, — ответила Огин. — И я требую объяснения, почему вы вошли в дом без разрешения. Я не потерплю, чтобы так нагло вели себя в доме, в котором нет никого, кроме женщин.

— Схватить ее! — приказал человек, с которым недавно беседовала Осуги.

С десяток солдат набросились на Огин, пытаясь ее связать. Комнатные перегородки-фусума зашатались, лампа опрокинулась. Оцу, крича от ужаса, кинулась в сад. Несмотря на яростное сопротивление Огин, все было кончено в несколько секунд. Связав Огин, солдаты бросили ее на пол и стали бить ногами.

Оцу сама не понимала, как ей удалось вырваться. Не видя дороги, она бежала босиком к Сипподзи, озаренная неверным светом луны. Она выросла в атмосфере мира и покоя, и теперь ей казалось, что все рушится.

Кто-то окликнул ее, когда она подбежала к подножию холма, на котором стоял храм. Она увидела силуэт человека, сидящего на камне под деревьями. Это был Такуан.

— Благодаренье небесам, это ты! — сказал он. — Я уже начал беспокоиться. Ты никогда не задерживалась так поздно. Пошел искать тебя, когда стало совсем темно. — Он взглянул на ее ноги. — Почему ты босая?

Оцу с рыданиями бросилась ему на грудь.

— О, Такуан, это ужасно! Что делать?

— Может, все не так уж плохо? — пытался он успокоить Оцу. — На свете много вещей, которые действительно ужасны. Успокойся и расскажи, что произошло.

— Они связали Огин. Матахати не вернулся домой, и теперь они бьют ногами Огин, а ведь она такая нежная и хрупкая. Такуан, мы должны что-то сделать!

Всхлипывая и дрожа, она припала к молодому монаху, положив голову ему на грудь.

Был полдень, стоял тихий и влажный весенний день. Такэдзо шел через горы сам не зная куда. По лицу молодого человека градом катил пот. Он устал до изнеможения, но все же мгновенно настораживался от шороха вспорхнувшей птицы. Несмотря на утомление, его покрытое грязью тело, движимое инстинктом самосохранения, напрягалось, как пружина.

— Мерзавцы! Ублюдки! — рычал Такэдзо. Яростным взмахом меча из черного дуба он срубил с дерева толстую ветку. Белый сок, выступивший из среза, напомнил ему молоко кормилицы. Он долго стоял и смотрел на срез. Лишенный матери, Такэдзо с малых лет был обречен на одиночество. Казалось, даже родные горы и ручьи смеются над ним, вместо того чтобы утешить.

— Почему все деревенские так не любят меня? — спрашивал себя Такэдзо. — Стоит мне появиться, как они доносят обо мне страже. От меня же улепетывают, как будто я бешеный.

Вот уже четыре дня Такэдзо скрывался в горах Санумо. Сквозь полуденную дымку он мог видеть дом своего отца, где сейчас в одиночестве жила его сестра. Прямо под ним у подножия горы приютился храм Сипподзи, крыша которого виднелась из-за деревьев. Он знал, что ему

нельзя появляться в родных местах. Он рисковал жизнью, когда в день рождения Будды пришел к храму, и это несмотря на то, что там было полно народу и можно было затеряться в толпе. Когда его окликнули по имени, ему пришлось бежать. Если бы его обнаружили, он не только поплатился бы головой, но и сильно подвел бы Оцу.

Когда ночью он пробрался к дому сестры, там, как нарочно, оказалась мать Матахати. Какое-то время он стоял, заглядывая сквозь щелку в сёдзи, и собирался с духом, чтобы рассказать о Матахати, но здесь его обнаружил солдат. Снова пришлось бежать. С тех пор (как он мог убедиться из своего убежища в горах) самураи Токугавы стали его усиленно выслеживать. Они не только перекрыли все возможные пути, но и заставили крестьян прочесывать горы.

Такэдзо хотелось разузнать об Оцу. Он начал подозревать, что и она настроена против него. Такэдзо совсем упал духом, решив, что все до единого в деревне относятся к нему враждебно.

— Было бы жестоко рассказать Оцу всю правду о том, почему ее жених не вернулся домой, — размышлял Такэдзо. — Может, лучше открыть все старухе? Я ей объясню, а она найдет способ осторожно передать новость Оцу. Тогда мне больше

незачем будет оставаться в Миямото.

Такэдзо решительно зашагал дальше, но он понимал, что до наступления темноты к деревне подойти нельзя. Булыжником он надробил камешков. Запустив камень в пролетавшую птицу, он сбил ее на лету. Такэдзо, слегка ощипав ее, вонзил зубы в живое теплое мясо. Жуя на ходу, он продолжал путь, но вдруг чей-то сдавленный крик заставил его остановиться. Какой-то человек сломя голову убегал от него, продираясь сквозь кустарник. Такэдзо, взбешенный тем, что его так боятся, ненавидят и преследуют без причины, громко приказал тому остановиться и, словно рысь, бросился вслед за бегущим. Догнать беглеца не составило труда. Это оказался знакомый односельчанин, который занимался в горах выжигом древесного угля. Схватив крестьянина за шиворот, Такэдзо выволок его на прогалину.

— Почему ты удираешь? Разве ты не знаешь меня? Я твой земляк Симмэн Такэдзо из Миямото. Я не собираюсь съесть тебя живьем. Разве не знаешь, что верх невоспитанности убегать от человека, даже не поздоровавшись с ним?

— Виноват, господин…

— Сядь!

Такэдзо отпустил его, но крестьянин тут же

снова бросился бежать. Нагнав его, Такэдзо дал ему хорошего пинка и для острастки замахнулся мечом. Крестьянин, закрывшись руками, заскулил, как собака.

— Не убивай! — взмолился он.

— Отвечай на мои вопросы!

— Я все скажу, только не убивай! У меня жена и дети!

— Никто и не собирается. Скажи, в горах много солдат?

— Да.

— Храм Сипподзи у них под наблюдением?

— Да.

— Сегодня деревенские охотятся за мной?

Ответа не последовало.

— Ты один из них?

Человек вскочил на ноги, тряся головой, как глухонемой.

— Нет, нет, нет! — замычал он.

— Довольно, — сказал Такэдзо и, сжав руку на его горле, спросил: — Что ты слышал о моей сестре?

— Сестре?

— О моей сестре Огин из дома Симмэн? Не придуривайся, ведь ты обещал отвечать на вопросы. Я не виню крестьян за то, что они ловят меня,

их заставляют самураи, но я уверен, что они не тронут мою сестру. Или я не прав?

— Я ничего не знаю, — ответил углежог, прикидываясь простачком.

Такэдзо поднял меч.

— Берегись! Я вижу, ты врешь! Что произошло? Говори, или я расколю твою башку!

— Не надо, я все скажу!

Углежог, дрожа и протягивая в мольбе руки, рассказал, что Огин схватили и что по приказу властей все, кто предоставит Такэдзо еду и убежище, будут считаться его сообщниками. Ежедневно солдаты выводят в горы на облаву отряд крестьян, для чего с каждого двора полагается посылать через день по одному человеку.

От этой новости Такэдзо покрылся гусиной кожей. Его охватил не страх, а ярость. Такэдзо переспросил, чтобы убедиться, правильно ли он понял:

— Какое преступление совершила сестра?

В глазах Такэдзо заблестели слезы.

— Никто не знает. Мы все боимся уездного наместника. Мы делаем то, что нам приказывают.

— Куда отправили сестру?

— Говорят, в острог в Хинагуре, но я точно не знаю.

— Хинагура… — повторил Такэдзо. Он окинул взглядом хребет, по которому проходила граница между провинциями. На скалах уже лежали тени от серых вечерних облаков.

Такэдзо отпустил углежога. Глядя, как тот поспешно уходит, радуясь, что остался живым, Такэдзо подумал о человеческом коварстве и трусости, которые заставляют самурая сражаться с беззащитной женщиной.

Такэдзо некоторое время размышлял над случившимся. Наконец он принял решение.

— Я должен освободить Огин. Обязательно! Бедная сестра! Я убью их всех, если они обидели ее.

Широким шагом он начал спускаться к деревне.

Часа через два Такэдзо со всеми предосторожностями приблизился к храму Сипподзи. Только что смолк вечерний звон. В темноте хорошо были видны огни в храме, в кухне и в комнатах служителей, мелькающие тени людей.

— Только бы Оцу вышла! — молил Такэдзо.

Он сидел, скорчившись под переходом. Открытая с обеих сторон, но защищенная навесом, галерея соединяла комнаты служителей с главным храмом. В воздухе плыл запах еды, вызывая в воображении Такэдзо видения риса и дымя-

щегося супа. Несколько последних дней Такэдзо не ел ничего, кроме сырой дичи и трав. Желудок мучили спазмы. Горло сводило от изжоги, от которой он громко рыгал, хватая ртом воздух.

— Что это? — спросил кто-то.

— Наверное, кошка, — ответил прямо над головой Такэдзо голос Оцу, которая шла с подносом по галерее. Он хотел окликнуть ее, но из-за приступа тошноты не смог издать членораздельный звук. Это его спасло, потому что тотчас чей-то мужской голос спросил:

— Как пройти в баню?

Мужчина был в кимоно, взятом напрокат в храме, с узкого пояса свисал узелок с бельем. Такэдзо узнал в человеке одного из самураев из Химэдзи. По всей видимости, тот был достаточно высокого ранга, чтобы жить при храме, есть и пить в свое удовольствие по вечерам, тогда как его подчиненные и крестьяне прочесывали горы в поисках беглеца.

— Баня? — переспросила Оцу. — Пойдемте, я вам покажу.

Поставив поднос, она повела самурая по галерее. Вдруг он обнял ее.

— Может, помоемся вместе? — игриво предложил самурай.

— Оставьте меня! — вскрикнула Оцу, но самурай повернул ее к себе, сжал лицо девушки широкими ладонями и стал целовать.

— Что тебе не нравится? Не любишь мужчин? — мурлыкал он.

— Прекратите, немедленно прекратите! — закричала Оцу.

Самурай зажал ей рот.

Такэдзо, забыв об опасности, вскочил, как кошка, на галерее и обрушил кулак на голову военного. Сильный удар на мгновение оглушил самурая, и он повалился на землю, все еще цепляясь за Оцу. Оцу громко вскрикнула, пытаясь освободиться.

— Такэдзо! Хватайте его! — заорал очнувшийся самурай.

Со стороны храма послышались голоса и топот ног. Ударил храмовый колокол, извещая, что Такэдзо обнаружен. С гор к храму потекли толпы людей. Такэдзо, однако, исчез, и людей снова отправили прочесывать горы Санумо. Такэдзо сам не понимал, как ему удалось выскользнуть из ловушки. Пока разворачивалась облава, он уже стоял перед входом в кухню дома Хонъидэн далеко от храма.

Заглянув в тускло освещенный дом, он позвал:

— Почтеннейшая!

— Кто там? — последовал резкий ответ.

Осуги появилась из задней комнаты, неся бумажный фонарь. При виде гостя ее лицо покрылось смертельной бледностью.

— Это ты! — вскрикнула она.

— У меня для вас важное известие, — торопливо заговорил Такэдзо. — Матахати не погиб, он жив и совершенно здоров. Он остался с одной женщиной, в другой провинции. Это все, что я могу сказать. Вы не сообщите об этом Оцу? Я сам не могу.

Такэдзо, словно избавившись от тяжелого бремени, быстро направился к выходу, но старуха остановила его.

— Куда собрался?

— Я должен пробраться в острог в Хинагуре и освободить Огин, — ответил он. — Потом скроюсь. Я должен был сказать вам и Оцу, что не бросил Матахати умирать. Другого дела у меня в Миямото нет.

— Вот как, — проговорила Осуги, перекладывая фонарь из одной руки в другую, стараясь потянуть время. — Ты, верно, голоден?

— Много дней нормально не ел.

— Бедный мальчик! Подожди! Я как раз готов-

лю. Угощу горячим обедом, как говорится, на дорожку. А пока, может, вымоешься? А я с едой управлюсь.

Такэдзо удивился.

— Не изумляйся, Такэдзо! Наши семьи были вместе со времен клана Акамацу. Мне вообще жаль с тобой расставаться, но уж во всяком случае не отпущу, пока хорошенько не поешь.

Такэдзо молча вытер рукавом выступившие слезы. Он давно забыл ласковое обращение. Он привык относиться к каждому с подозрением и недоверием, а здесь он вдруг вспомнил о человеческом отношении друг к другу.

— Марш в баню! — с деланым добродушием проговорила Осуги. — Снаружи опасно оставаться, тебя могут увидеть. Я принесу мочалку, а пока ты купаешься, достану кимоно и белье Матахати. Хорошо попарься и не спеши!

Осуги передала ему фонарь и ушла вглубь дома, и почти тотчас из дома выскользнула ее невестка. Она пересекла сад и скрылась в ночи.

Из бани доносился плеск воды, над головой Такэдзо сильно раскачивался фонарь.

— Хорошо? — весело спрашивала Осуги. — Добавить горячей воды?

— Достаточно, — ответил Такэдзо. — Я будто

заново родился.

— Не торопись, погрейся вволю. Рис еще не сварился.

— Спасибо! Знай я, что все так получится, пришел бы раньше. Я был уверен, что вы на меня сердитесь.

Такэдзо еще что-то говорил, но плеск воды заглушал его голос, и Осуги не отвечала.

Вскоре в воротах появилась запыхавшаяся невестка, за которой следовала группа самураев и добровольцев из крестьян. Осуги вышла к ним и что-то зашептала.

— Моется? Ловко устроено! — восхищенно сказал один из самураев. — Прекрасно! На этот раз ему не уйти.

Разбившись на две группы, пришедшие на цыпочках стали подбираться к бане.

Что-то, Такэдзо не смог бы объяснить и сам, насторожило его, и он выглянул в щель. Волосы у него встали дыбом.

— Западня! — простонал он.

Совершенно голый, Такэдзо находился в крошечном помещении, времени на раздумье не было. Ему показалось, что к бане подбирается целая толпа, вооруженная копьями, палками и боевыми дубинами, но он не боялся. Все чувства

вытеснила ненависть к Осуги.

— Держитесь, ублюдки! — прорычал Такэдзо.

Ему было безразлично, сколько людей его окружило. В такой ситуации он умел только атаковать, а не ждать нападения. Люди осторожно приближались, норовя спрятаться друг за друга, а Такэдзо, распахнув дверь, выпрыгнул, испуская боевой клич, леденящий кровь. Голый, с развевающимися волосами, он вырвал из рук первое попавшееся копье, отправив его владельца кувырком в кусты, и начал с бешеной силой вращать копьем вокруг себя, как шаман. В битве при Сэкигахаре он понял, что это наиболее эффективный прием, когда тебя окружило несколько противников, и что древко копья порой работает лучше, чем его острие.

Нападающие слишком поздно поняли свою ошибку. Им следовало послать человека четыре в баню и там взять Такэдзо. Теперь им оставалось криками подбадривать друг друга. Такэдзо их опередил.

Вращающееся древко, зацепившись за землю, сломалось. Такэдзо схватил булыжник и метнул его в толпу, которая начала пятиться назад.

— Он побежал в дом! — крикнул один из стражников.

В это время Осуги и ее невестка прятались на заднем дворе за деревьями.

Мчась со страшным грохотом по дому, Такэдзо кричал:

— Где моя одежда? Отдайте!

Кругом лежало много рабочей одежды, не говоря уже о сундуке с дорогими кимоно, но Такэдзо не обращал на них внимания. В полутьме он пытался разыскать свои лохмотья. Он увидел их в углу кухни. Схватив одежду, Такэдзо подтянулся на руках к окошку над большим глинобитным очагом и выбрался на крышу. Его преследователи в полном замешательстве обвиняли друг друга в том, что упустили Такэдзо.

Стоя на крыше, Такэдзо не спеша облачился в кимоно. Зубами он оторвал полоску от пояса и завязал ею волосы на затылке так туго, что кожа на лице натянулась и глаза сделались еще уже.

Весеннее небо сияло миллионами звезд.

«Искусство войны»

Поиски в горах велись непрерывно, сельские работы остановились. Крестьяне не обрабатывали поля, не ухаживали за шелковичными червями. Большие щиты перед домом старосты и у каждого перекрестка обещали крупную награду за поимку или убийство Такэдзо, а также за сведения, которые могут помочь его аресту. Под объявлением стояла подпись владетельного князя Икэды Тэрумасы.

В усадьбе Хонъидэн царила паника. Напуганные до смерти, Осуги и ее семья заперли главные ворота на засов и заложили вещами все входы, ожидая, что Такэдзо явится мстить.

Под руководством военных из Химэдзи разрабатывались новые планы поимки беглеца, но пока ни один из них не удался.

— Он убил еще одного! — сообщал крестьянин соседу.

— Где? Кого теперь?

— Какого-то самурая. Нездешнего.

Труп обнаружили на тропинке у околицы деревни. Убитый лежал, уткнувшись головой в высокую траву, его ноги были сведены пред-

смертной судорогой. Вокруг толпились и гудели зеваки, любопытство которых пересиливало страх. Голова человека была раздроблена шестом от щита с объявлением о награде, само объявление, пропитанное кровью, лежало на убитом. Некоторые читали перечень наград вслух, втихомолку посмеиваясь, оценив мрачный юмор.

Бледная, взволнованная Оцу выбралась из толпы и заспешила к храму. Она жалела, что посмотрела на убитого, теперь он стоял у нее перед глазами. У подножия горы она столкнулась со старшим самураем, который остановился в храме, и полдюжиной его подчиненных. Они направлялись расследовать убийство, о котором им уже донесли. Увидев девушку, самурай расплылся в улыбке.

— Где ты была, Оцу? — спросил он с развязным самодовольством.

— В лавке, — коротко бросила Оцу. Не удостоив его взглядом, она поспешила вверх по каменным ступеням, ведущим к храму. Этот человек был ей отвратителен. С самого начала ей не понравились его жидкие усики, а после его приставаний Оцу его возненавидела.

Такуан сидел перед главным входом храма, играя с бродячей собакой. Когда Оцу проходила

мимо, стараясь не коснуться шелудивого пса, монах ее окликнул:

— Оцу, тебе письмо!

— Мне? — спросила она недоверчиво.

— Его принес посыльный в твое отсутствие, так что он оставил его мне, — сказал Такуан, доставая маленький свиток из рукава кимоно. — Оцу, ты плохо выглядишь. Что-нибудь случилось?

— Меня тошнит. Я видела убитого человека, который лежал в траве. Его глаза открыты, а кругом кровь.

— Тебе нельзя смотреть на такое. С другой стороны, тогда тебе пришлось бы ходить зажмурившись. Я буквально спотыкаюсь о трупы. А мне еще говорили, будто эта деревня — маленький рай!

— Но почему Такэдзо их всех убивает?

— Ради собственного спасения. Вообще-то, у них нет оснований для расправы с ним, так почему Такэдзо должен щадить их?

— Такуан, а что, если Такэдзо появится здесь? — жалобно спросила Оцу.

Тяжелые, мрачные тучи нависли над горами. Оцу взяла таинственное письмо и уединилась в ткацкой мастерской. На станке был натянут незаконченный кусок ткани для мужского ки-

моно. Каждую свободную минуту Оцу улучала для того, чтобы закончить это шелковое полотно. Оно предназначалось для Матахати. Оцу не могла дождаться того дня, когда сошьет любимому нарядное кимоно. Она ласково пропускала сквозь пальцы каждую нить, как будто минуты, проведенные за ткацким станком, приближали к ней Матахати. Она хотела, чтобы кимоно служило Матахати вечно.

Сидя за станком, Оцу с недоверием смотрела на свиток.

— Кто бы мог написать мне? — прошептала она, подозревая, что письмо предназначается кому-то другому. Она снова и снова перечитывала адрес, чтобы убедиться в противном.

Письмо явно проделало длинный путь. На мятой и надорванной обертке были следы грязных пальцев и мокрых подтеков. Оцу сломала печать, и целых два письма упали ей на колени. Одно было написано незнакомой женской рукой. Уже немолодой, решила Оцу:

> «Я пишу с единственной целью подтвердить то, что изложено в другом письме, и потому опускаю подробности.
>
> Я выхожу замуж за Матахати и прини-

маю его в свою семью, но он беспокоится о вас. По-моему, было бы неправильно держать вас в неведении, поэтому Матахати посылает вам свое объяснение, достоверность которого я подтверждаю.

Пожалуйста, забудьте Матахати!

С почтением, Око».

Другое письмо, нацарапанное каракулями Матахати, долго и нудно объясняло, почему он не может вернуться домой. Смысл письма сводился к тому, что Оцу должна забыть о нареченном и найти себе другого жениха. Матахати прибавлял, что ему «трудно» писать обо всем матери, поэтому просил Оцу помочь ему. При встрече с матерью пусть передаст, что он здоров и теперь живет в другом месте.

Оцу почувствовала, будто лед сковал ей позвоночник. Она сидела как пораженная громом, не способная ни плакать, ни моргнуть. Ногти на руке, державшей письмо, стали мертвенно-бледными, как у того покойника, которого Оцу недавно видела.

Прошло несколько часов. На кухне заметили отсутствие Оцу и забеспокоились. Самурай, руководивший розыском Такэдзо, вернулся с

наступлением ночи в храм. Своих измученных людей он оставил ночевать в лесу, но сам предпочел спать в удобной постели. Для него истопили баню, свежую речную рыбу приготовили, как он любил, а в деревню был послан человек за лучшим саке. Много народу трудилось, чтобы поддерживать его хорошее расположение духа, и значительную часть забот возложили на Оцу. Ужин для важной персоны запаздывал, поскольку девушку нигде не могли найти.

Такуан тоже направился на поиски. Ему не было дела до самурая, но он начал беспокоиться об Оцу. Она никогда не уходила без предупреждения. Монах несколько раз обошел храмовый двор, громко выкрикивая ее имя. Он проходил и мимо ткацкой мастерской, но дверь ее была закрыта, и ему в голову не пришло заглянуть внутрь. Настоятель храма, выходя на галерею, спрашивал нетерпеливо:

— Нашел? Она должна быть где-то поблизости.

Время шло, настоятель заметно нервничал.

— Поищи ее хорошенько! — кричал он. — Наш гость отказывается пить саке, пока его не нальет Оцу.

Храмовый слуга был отправлен с фонарем к подножию горы на поиски Оцу. Он ушел, и Таку-

ан догадался заглянуть в ткацкую.

Он толкнул дверь и остолбенел. Оцу лежала на ткацком станке, лицо ее выражало полное отчаяние. Деликатный Такуан молча остановился, глядя на изодранные в клочья письма. Такуан подобрал обрывки.

— Это письма, которые принес посыльный? — мягко спросил он. — Почему ты их не спрятала?

Оцу лишь слабо покачала головой.

— Все посходили с ума из-за твоего отсутствия. Я везде тебя ищу. Пойдем, Оцу! Я знаю, тебе не хочется, но сегодня действительно надо поработать. Придется прислуживать самураю. Настоятель вне себя от гнева.

— У меня… болит голова, — прошептала Оцу. — Такуан, нельзя освободить меня сегодня, всего на один вечер?

Такуан вздохнул:

— Я считаю, что ты вообще не должна наливать саке этому типу, но у настоятеля другое мнение. Он зависит от бренного мира. Он не тот человек, который мог бы своим благочестием добиться того, чтобы к храму относились с уважением. Он считает, что главу отряда надо поить, кормить и ублажать каждую минуту.

Такуан легонько похлопал Оцу по спине.

— В конце концов, настоятель тебя вырастил и воспитал, ты ему обязана. Будем надеяться, он здесь надолго не задержится.

Оцу пришлось согласиться. Такуан помог ей встать. Она подняла на него заплаканное лицо и сказала:

— Я пойду, но обещай мне, что все время будешь рядом.

— Я бы пошел, но господин Чахлая Борода меня не жалует. Мне ужасно хочется сказать ему, какая у него дурацкая физиономия с этими усишками. Ребячество, конечно, но ничего не могу с собой поделать.

— Одна я не пойду.

— Там будет настоятель.

— Но он всегда исчезает, когда я прихожу.

— Плохо. Ладно, пойдем! А теперь умойся и постарайся взять себя в руки.

Уже подвыпивший самурай встрепенулся, когда Оцу появилась в комнате настоятеля. Он поправил съехавшую набок шапочку, выпрямился и стал требовать одну чашку саке за другой. Скоро его физиономия побагровела и выпученные глаза налились кровью. Он хотел бы наслаждаться сполна, но ему мешал посторонний в комнате. По другую сторону лампы согбенно сидел, как

нищий, Такуан и читал книгу, раскрытую у него на коленях. Приняв его за храмового служку, самурай ткнул в его сторону пальцем и прохрипел:

— Эй ты!

Такуан продолжал читать, пока Оцу не подтолкнула его. Такуан посмотрел отсутствующим взглядом и спросил:

— Вы меня?

Самурай грубо приказал:

— Да, тебя! Ты мне не нужен. Пошел вон!

— Но я не имею ничего против того, чтобы остаться здесь, — ответил Такуан с невинным видом.

— Не имеешь ничего против?

— Абсолютно! — ответил Такуан, снова погружаясь в чтение.

— Но я имею! — взорвался самурай. — Читающий здесь человек портит вкус саке.

— Прошу простить меня, — забеспокоился Такуан. — Как бестактно с моей стороны! Сейчас же закрою книгу!

— Меня раздражает само присутствие читателя!

— Хорошо, я попрошу Оцу унести книгу.

— Я не о книге, болван! Я говорю о тебе. Портишь мне настроение.

Такуан сделался серьезным.

— Это уже сложнее. Я пока не святой Ву Кунг, чтобы обратиться в струйку дыма или насекомое и примоститься на краешке вашего подноса.

Шея самурая побагровела, и глаза выкатились еще больше. Он теперь походил на рыбу-шар.

— Вон с моих глаз, дурак! — закричал он.

— Слушаюсь, — с поклоном ответил Такуан и, обратившись к Оцу, сказал: — Гость предпочитает остаться один. Любовь к одиночеству — отличительное свойство мудрецов. Пойдем, не будем мешать.

— Почему… почему ты…

— Что-то не так?

— С чего ты взял, что Оцу должна уйти с тобой, чучело?

Такуан скрестил руки на груди:

— Путем многолетних наблюдений я пришел к выводу, что большинство монахов и священнослужителей не отличается красотой. Это относится и к самураям. К вам, например.

— Что? — заорал вояка, глаза его чуть не выпрыгивали из орбит.

— Вы когда-нибудь думали о своих усах? Я имею в виду, вы когда-нибудь смотрели на них беспристрастно?

— Ублюдок! — взревел вояка, хватая прислоненный к стене меч. — Берегись!

Пристально глядя на вскочившего самурая, Такуан невозмутимо ответил:

— Как мне беречься?

Самурай, сжимая вложенный в ножны меч, орал не помня себя:

— Хватит болтать! Сейчас ты мне за все ответишь!

Такуан рассмеялся:

— Неужели вы хотите отрубить мне голову? Если да, то лучше откажитесь от этой мысли. Страшно неблагодарное занятие.

— Неблагодарное?

— Ну да. Я не знаю ничего более занудного, чем отрезать голову монаху. Она свалится на пол и будет смеяться над вами. Невелик подвиг. И потом, какой вам с этого прок?

— Мне будет довольно и того, что ты раз и навсегда заткнешься! — проревел самурай. — Без головы тебе будет трудно продолжать свои нахальные речи.

Он был из тех, кому храбрости придает оружие в руке. Зловеще засмеявшись, он сделал угрожающий выпад вперед.

— Не надо горячиться!

Невозмутимость Такуана настолько взбесила военного, что его рука, державшая зачехленный меч, затряслась крупной дрожью. Оцу встала между ними, чтобы защитить Такуана.

— Что ты болтаешь, Такуан? — вмешалась она в надежде разрядить обстановку. — Нельзя так разговаривать с воинами. Извинись сейчас же! Попроси прощения!

Такуан и не думал отступать.

— Отойди, Оцу! Не волнуйся! Неужели ты думаешь, что меня может обезглавить этот олух, который, имея в распоряжении десятки хорошо вооруженных людей, вот уже двадцать дней не может поймать полуголодного, обессиленного беглеца? Если у него не хватает ума поймать Такэдзо, было бы странным ожидать, что он сладит со мной.

— Ни с места! — скомандовал самурай. Его распухшая физиономия побагровела. Он выхватил из ножен меч.

— Отойди, Оцу! Разделаю этого служку пополам!

Оцу упала в ноги самураю и взмолилась:

— Ваш гнев совершенно справедлив, но проявите снисходительность. У него не все в порядке с головой. Он со всеми так разговаривает. Не

соображает, что несет.

Слезы брызнули из глаз Оцу.

— Что ты, Оцу! — вмешался Такуан. — Голова у меня на месте. И я совсем не шучу. Я просто говорю правду, которую не любят слушать. Он олух, и я называю его олухом. Ты хочешь, чтобы я лгал?

— Ты слишком много болтаешь, — прорычал самурай.

— Буду говорить столько, сколько хочу. Кстати, вашим солдатам безразлично, сколько времени они потратят на поимку Такэдзо, но для крестьян это страшная обуза. Понимаете? Им нечего будет есть из-за ваших облав. Вам, вероятно, не приходит в голову, что они забросили полевые работы, отправившись на ваши бестолковые поиски. И вы им не платите. Это возмутительно!

— Придержи язык, изменник! Это клевета на правительство Токугавы.

— Я не критикую правительство. Я осуждаю таких, как вы, чиновников, стоящих между даймё и простым народом, которые крадут деньги у простых людей. Почему, например, вы прохлаждаетесь сегодня здесь? По какому праву вы одеты в удобное мягкое кимоно, пьете на сон грядущий саке, которое вам подносит красивая молодая девушка? Вы это называете службой

сюзерену?

Самурай потерял дар речи.

— Разве самурай не должен служить господину преданно и неустанно? Разве вы не должны поощрять и защищать тех, кто трудится в поте лица своего на благо даймё? Взгляните на себя! Вам нет дела до того, что вы отрываете крестьян от полевых работ, а ведь это их единственный заработок. Вам наплевать на собственных людей. Вы на службе, а чем занимаетесь? При каждом удобном случае набиваете утробу даровой едой и, пользуясь своим положением, останавливаетесь в лучших домах и храмах. Прячетесь за спину своего господина и от его имени творите безобразия и отрываете крестьян от работы.

Ошеломленный самурай стоял, раскрыв рот. Такуан продолжал:

— А сейчас отрубите мне голову и пошлите ее господину Икэде Тэрумасе. Уверен, она его изрядно озадачит. Он, скорее всего, спросит: «Такуан, почему лишь твоя голова сегодня пришла навестить меня? Где все остальное?» Вам будет небезынтересно узнать, что я и господин Тэрумаса вместе принимали участие в чайной церемонии в храме Мёсиндзи. Мы имели также несколько приятных бесед в храме Дайтокудзи

в Киото.

Воинственность Чахлой Бороды мигом исчезла. Он мгновенно протрезвел, хотя еще не мог сообразить, говорит Такуан правду или шутит. Его словно бы парализовало от нерешительности.

— Перво-наперво сядьте, — сказал монах. — Если вы сомневаетесь в моих словах, давайте вместе отправимся в замок к князю. Я захвачу с собой немного гречневой муки — здесь ее превосходно делают. Князь ее особенно любит. В мои планы, правда, не входит визит к даймё. Более того, если предмет наших забот неожиданно объявился бы в Миямото в тот момент, когда мы мирно беседовали бы за чаем, я не поручился бы за последствия. Скорее всего, вам пришлось бы совершить сэппуку, чтобы смыть позор. С самого начала я предупредил, что угрозы на меня не действуют, но вы, воины, устроены все на один лад. Никогда не думаете о последствиях. В этом ваша непростительная ошибка. А теперь вложите меч в ножны и постарайтесь вдуматься в мои слова.

Обескураженный самурай повиновался.

— Конечно, вы знакомы с «Искусством войны» полководца Сунь У — это китайский классический трактат по военной стратегии. Думаю, что любой самурай вашего ранга должен доскональ-

но знать этот труд. И тем не менее я намерен дать вам урок, иллюстрирующий один из главных принципов книги. Хочу показать, как поймать Такэдзо, не теряя людей и не причиняя неудобств крестьянам. Это имеет прямое отношение к вашему служебному долгу, поэтому советую слушать внимательно.

Такуан обернулся к Оцу:

— Оцу, налей еще саке господину!

Самураю было около сорока, на десять лет больше, чем Такуану, но выражение лица каждого из них свидетельствовало, что сила характера не зависит от возраста. Красноречие Такуана усмирило старшего, погасив его гнев.

— Я не хочу саке, — робко запротестовал самурай. — Надеюсь, вы простите меня. Я не подозревал, что вы друг князя Тэрумасы. Простите меня, если я допустил грубость.

Он лебезил до смешного, но Такуан не стал посыпать солью его раны.

— Забудем! Поговорим о Такэдзо. Вам необходимо поймать его, дабы исполнить приказ и сохранить честь самурая, не так ли?

— Именно так.

— Вам все равно, сколько времени уйдет на поимку. В конце концов, чем больше дней идет

облава, тем дольше вы будете жить в храме, есть, пить и заигрывать с Оцу.

— Пожалуйста, никогда не рассказывайте об этом князю Тэрумасе.

Самурай выглядел как плаксивый ребенок.

— Я готов сохранить тайну! Но крестьяне окажутся в беде, если блуждания по горам продолжатся. И не только крестьяне. Все в деревне выбиты из колеи и боятся вернуться к привычным делам. Насколько я понимаю, ваша беда в том, что вы избрали неверную стратегию. Не знаю, есть ли она у вас. По-моему, «Искусство войны» вам незнакомо!

— Стыдно признаться, но я о нем не знаю.

— Действительно позор! И не надо удивляться, когда вас называют олухом. У вас высокий чин, но вы вопиюще необразованны и поэтому ни на что не годитесь. Ладно, не будем больше о неприятном для вас. Хочу сделать вам одно предложение. Берусь лично поймать Такэдзо в течение трех дней.

— Вы?

— Думаете, я шучу?

— Но…

— Что «но»?

— Подкрепление из Химэдзи, крестьяне, пешие

солдаты, в общей сложности более двухсот человек прочесывают горы целых три недели.

— Знаю.

— И поскольку сейчас весна, положение Такэдзо не так уж плохо. В горах полно съестного.

— Вы рассчитываете на снег? Ждать восемь месяцев?

— Нет, вряд ли мы можем себе это позволить.

— Конечно. Именно поэтому я предлагаю поймать Такэдзо. Мне не нужна помощь. Я, вероятно, возьму с собой Оцу. Двоих нас достаточно.

— Вы серьезно?

— Не беспокойтесь. Не думайте, что Такуан Сохо растрачивает время только на шутки.

— Прошу прощения!

— Как я сказал, вам незнакомо «Искусство войны», и в этом причина вашего позорного провала. Я простой монах и все же, как мне кажется, понимаю Сунь У. Но я хочу поставить одно условие. В противном случае я просто буду наблюдать за вашей тщетной суетой до тех пор, пока не упадет снег, а заодно и ваша голова, пожалуй.

— Какое условие? — недоверчиво спросил самурай.

— Если я приведу беглеца, вы предоставите мне право решить его судьбу.

— Что вы имеете в виду?

Самурай потянул себя за ус и стал соображать. А если этот странный монах водит его за нос? Он красноречив, но вполне может быть сумасшедшим. Вдруг он друг Такэдзо, его сторонник? Может, ему известно, где тот прячется? Но если и не знает, что волне вероятно, надо дать возможность осуществить его безумный план. В последнюю минуту монах все равно выпутается.

Поразмыслив, самурай кивнул в знак согласия.

— Хорошо, поймав его, вы решите, что с ним делать. А если вы его не поймаете в течение трех дней?

— Повешусь на большой криптомерии, которая растет в саду.

Рано утром следующего дня храмовый слуга вбежал в кухню и объявил, едва переводя дыхание:

— Такуан тронулся! Пообещал поймать Такэдзо.

Все изумленно вытаращили глаза.

— Неужели?

— Не может быть!

— Как?

Послышались остроты и насмешки, но за смехом скрывалась явная тревога.

Когда новость достигла ушей настоятеля, он, понимающе кивнув, заявил, что язык ведет человека к погибели.

Сильнее всех встревожилась Оцу. Письмо Матахати поразило ее глубже, чем могла бы поразить весть о его смерти. Она была верна своему жениху и ради него не задумываясь пошла бы в рабство к такой чудовищной свекрови, как Осуги. А теперь на кого могла она положиться? Для Оцу, погруженной в пучину отчаяния, Такуан стал единственным лучом света и надежды. Вчера, обливаясь слезами в ткацкой, она ножом искромсала ткань, которую ткала для кимоно и в которую буквально вплела душу. Она всерьез подумывала, не полоснуть ли и себя по горлу острым лезвием, однако появление Такуана помешало ей. Он ее успокоил и уговорил прислуживать самураю. Она до сих пор чувствовала прикосновение его доброй и сильной руки.

И вот Такуан совершил такое безрассудство. Для Оцу собственная жизнь имела мало значения, ее больше волновала возможная утрата единственного друга, взявшего на себя глупое обязательство. Она чувствовала себя потерянной и подавленной. Здравый смысл подсказывал смехотворность того, что им с Такуаном удастся

найти Такэдзо за столь короткое время.

Такуан опрометчиво скрепил договор с Чахлой Бородой перед храмом бога войны Хатимана. Когда монах вернулся, Оцу хорошенько отчитала его за опрометчивое решение, но Такуан уверял, что беспокоиться не о чем. По его словам, он намеревался избавить деревню от непосильного бремени, сделать путешествия по дорогам безопасными и положить конец смертоубийству. Она должна понимать, что его жизнь ничего не стоила по сравнению с теми десятками жизней, которые можно спасти, задержав Такэдзо. Такуан посоветовал девушке хорошенько отдохнуть, чтобы набраться сил для завтрашнего дня, когда под вечер они должны будут отправиться в путь. Ей следовало безропотно повиноваться его указаниям и полностью полагаться на него. Оцу была слишком расстроена, чтобы возражать. Да и вообще, лучше уж было присоединиться к Такуану, чем томиться в тревожном ожидании.

Прошла большая часть следующего дня, было уже за полдень, а Такуан дремал в углу храма с кошкой на коленях. Оцу ходила с отрешенным видом. Настоятель, служка и слуга — все пытались отговорить ее от безрассудного шага. «Иди и где-нибудь спрячься!» — советовали они, но

Оцу вовсе не собиралась прятаться, хотя и сама хорошенько не понимала почему.

Солнце садилось. Густые вечерние тени начали обволакивать ущелья хребта, который тянулся вдоль реки Айда. Из храма выпрыгнула кошка, и вслед за ней появился Такуан. Как и кошка, он потянулся и широко зевнул.

— Оцу! — позвал он. — Пора идти!

— Я уже все собрала — соломенные сандалии, дорожные посохи, гетры, лекарства, масляную бумагу.

— Ты кое-что забыла.

— Оружие? Мы возьмем меч или копье?

— Конечно нет. Ты забыла провизию.

— Бенто?

— Нет, настоящую еду. Рис, соленые соевые бобы, немного саке и еще что-нибудь вкусное. Прихвати горшок. Поди на кухню и собери все в большой узел. И захвати шест, на котором мы понесем всю поклажу.

Ближние горы казались черными, как самый темный лак, дальние горы синели, окутанные бледной слюдяной дымкой. Стояла поздняя весна, теплый воздух был напоен ароматами цветов. Туман сгущался в зарослях бамбука и переплетениях лиан. Чем дальше Такуан и Оцу уходили

от деревни, тем чище казались омытые дождем горы, тем рельефнее выделялся каждый лист на фоне вечерней зари. Такуан и Оцу шли друг за другом, поддерживая на плечах бамбуковый шест, на котором был подвешен приличных размеров тюк.

— Прекрасный вечер для прогулки, — сказал Такуан, оглядываясь на Оцу.

— Не нахожу, — пробормотала Оцу. — Собственно, куда мы направляемся?

— Я сам толком не знаю, — отвечал задумчиво Такуан. — Но пройдем еще немного.

— Хорошо.

— Не устала?

— Нет, — ответила Оцу, хотя ноша была тяжела для нее, потому что она часто перекладывала шест с одного плеча на другое. — Куда девались люди? Мы не видели ни души.

— Самурай сегодня не показывался в храме. Бьюсь об заклад, он отозвал всех своих подчиненных, чтобы три дня мы были одни в горах.

— Такуан, а как ты собираешься ловить Такэдзо?

— Не беспокойся, сам объявится рано или поздно.

— Он еще никому не объявлялся. А если даже

и придет, что мы с ним сделаем? Он совсем обезумел от бесконечных облав. Он очень силен и так просто не отдаст свою жизнь. Дрожь бьет, как подумаю!

— Осторожно, смотри под ноги! — вдруг закричал Такуан.

Оцу вскрикнула и застыла на месте от испуга.

— В чем дело? Почему ты меня так напугал?

— Не волнуйся, это не Такэдзо. Просто хотел обратить твое внимание на дорогу. Обочина — сплошные западни и ловушки.

— Они устроены для Такэдзо?

— Да, но мы сами окажемся в них, если не будем осмотрительны.

— Такуан, будешь так кричать, у меня от страха отнимутся ноги.

— Не беспокойся! Я иду впереди, так что первым и свалюсь в западню. Тебе совсем не обязательно следовать за мной.

Такуан ободряюще улыбнулся.

— Должен сказать, что они трудились впустую. — Помолчав, он добавил: — Оцу, тебе не кажется, что ущелье сужается?

— Не знаю, но мы уже обогнули Санумо. Это должна быть гора Цудзинохара.

— Коли так, нам придется топать ночь напро-

лет.

— Я даже не знаю, куда мы идем. Что я могу сказать?

— Остановимся на минутку, — сказал Такуан.

Они опустили тюк на землю, и Такуан направился к ближайшей скале.

— Ты куда?

— Облегчиться.

Внизу ревел поток, катя воды к реке Айда, швыряя их от одного утеса к другому. Шум воды наполнял уши монаха, все его существо. Он мочился и одновременно изучал небо, словно считая звезды.

— Хорошо! — вздохнул он с облегчением. — Я — часть вселенной или вселенная — часть меня?

— Такуан! — позвала Оцу. — Ты закончил? Ты действительно не торопишься.

Наконец он появился.

— Я прочитал «Книгу перемен» и теперь знаю, что нам предпринять. Все ясно.

— «Книга перемен»? У тебя с собой книга?

— Это не написанная книга, глупышка, а та, которая внутри меня. Моя личная неповторимая «Книга перемен». Она где-то в сердце, в животе или еще где-нибудь. Стоя там, я изучил характер местности, течение воды и положение звезд. Я

закрыл глаза, а когда открыл, что-то сказало мне: «Иди на ту гору».

Такуан показал на ближайшую вершину.

— Ты говоришь о горе Такатэру?

— Не имею понятия о ее названии. Я говорю о горе с поляной на полпути к вершине.

— Люди называют эту поляну «пастбище Итадори».

— У нее есть имя?

Поляна оказалась небольшой ложбиной с уклоном к юго-востоку, с которой открывался великолепный вид на окрестности. Обычно крестьяне пригоняли сюда пастись лошадей и коров, но в эту ночь здесь было пусто. Тишину нарушал только шорох травы под теплым весенним ветром.

— Остановимся здесь, — объявил Такуан. — Противник, Такэдзо, попадет мне в руки, как в царстве Вэй военачальник Цао Цао попал в руки неприятеля.

Опустив ношу на землю, Оцу спросила:

— Что мы будем здесь делать?

— Мы здесь будем сидеть, — решительно ответил Такуан.

— Как же ты сидя поймаешь Такэдзо?

— Когда расставляешь силки на птиц, не обяза-

тельно летать, чтобы поймать их.

— Мы ничего пока не расставили. Уверен, что в тебя не вселился дух лисицы или какой-нибудь злой демон?

— Давай разведем костер. Лисы боятся огня. Если во мне завелся дух злой лисицы, то мы от него быстро избавимся.

Они собрали сухого валежника, и Такуан развел костер. Оцу немного повеселела.

— Хороший огонь вселяет бодрость, правда? — сказала она.

— И к тому же славно согревает. Ты беспокоишься?

— Такуан, ты видишь, я волнуюсь. Немного найдется любителей ночевать в горах. А если пойдет дождь?

— По пути я видел пещеру у дороги. Мы в ней спрячемся.

— Такэдзо, вероятно, укрывается в плохую погоду и по ночам в пещерах. В горах их много. Там он и таится.

— Наверное. Ума он невысокого, но от дождя додумается спрятаться.

Оцу задумалась.

— Такуан, почему деревенские ненавидят его?

— Власть заставляет их. Простые люди боятся

властей. Прикажи им изгнать из деревни друзей, так они и собственную родню выставят.

— По-твоему, они заботятся только о собственной шкуре?

— Не по их вине. Они совершенно бессильны. Не следует осуждать их за то, что на первом месте у них свои интересы. Это способ защиты. Единственное их желание — спокойная жизнь.

— А почему самураи подняли такой шум вокруг Такэдзо? Он же обыкновенный крестьянский мальчишка.

— Такэдзо стал символом беспорядка, беззакония. Самураи обязаны сохранясь мир. После Сэкигахары Такэдзо вообразил, что враг преследует его по пятам. Он совершил первую серьезную ошибку, прорвавшись через пограничные заставы. Нужно было проявить смекалку — проскользнуть ночью или изменить внешность. Но не таков Такэдзо. Ему обязательно понадобилось убить часового, а затем и других людей. А потом как снежный ком покатилось. Он думает, что убийством защищает свою жизнь. Но ведь он первым пролил кровь. Такэдзо лишен здравого смысла, поэтому случились все несчастья.

— Ты его тоже ненавидишь?

— Терпеть не могу! Его глупость ужасает меня.

Будь я правителем провинции, то придумал бы для него самое жестокое наказание. В назидание другим приказал бы медленно рвать его на части. Он ведь не лучше дикого зверя. Правитель провинции не может быть снисходителен к типам вроде Такэдзо, хотя некоторые считают Такэдзо простым деревенским шалопаем. Думать так — значит подрывать мир и порядок, что недопустимо в наше неспокойное время.

— Я всегда считала тебя добрым, Такуан. А оказывается, в глубине души ты тверд как кремень. Не думала, что ты печешься об исполнении воли даймё.

— Да, меня это волнует. Я верю, что добро должно вознаграждаться, а зло наказываться. И я намерен претворить эту веру в жизнь.

— Что это? — вдруг вскрикнула Оцу, вскакивая на ноги. — Слышал? Шорох за теми деревьями, будто кто-то ходит там.

— Ходит? — Такуан настороженно прислушался, но вскоре расхохотался. — Это же обезьяны. Видишь?

Силуэты двух обезьян мелькнули между деревьями.

Оправившись от испуга, Оцу села.

— До смерти меня напугали.

Прошло два часа. Оба сидели молча, уставившись на огонь. Когда костер затухал, Такуан ломал сухие ветки с деревьев и подбрасывал в огонь.

— О чем задумалась, Оцу?

— Я?

— Ну да. Терпеть не могу разговаривать сам с собой, хотя постоянно занимаюсь этим.

Глаза Оцу слезились от дыма. Взглянув на звездное небо, она тихо произнесла:

— Думаю о том, какой мир странный. Бесчисленные звезды в черной бесконечности… Нет, не то я говорю… Ночь царит над миром. Она объяла все. Если присмотреться к звездам, то заметишь их движение. Медленное. Такое ощущение, будто движется весь мир. Я чувствую. А я — крохотная пылинка в нем, пылинка, над которой властвует неведомая невидимая сила. Вот сейчас, когда я просто сижу и думаю, моя судьба постоянно изменяется. И я постоянно возвращаюсь к одной и той же мысли, как по кругу.

— Ты не до конца искренна со мной, — строго заметил Такуан. — Конечно, в мыслях у тебя одно, но что-то иное скрыто на душе.

Оцу молчала.

— Прости мою бесцеремонность, Оцу, но я про-

читал те письма.

— Читал? Но печать была целой.

— Я прочитал их, найдя тебя в ткацкой мастерской. Я спрятал обрывки писем в рукаве, ведь ты сказала, что не хочешь их видеть. Потом в одиночестве прочел их, чтобы скоротать время.

— Ты чудовище! Как ты посмел? Да еще «чтобы скоротать время»!

— В любом случае я знаю причину твоих слез. Ты была полумертвой, когда я тебя нашел. Оцу, я уверен, что тебе повезло. Все к лучшему обернулось. Ты считаешь меня чудовищем. Ну а он-то кто?

— О ком ты?

— Матахати был и есть ненадежный человек. Представь, что ты получила бы подобное письмо от него после замужества. Что бы ты делала? Не отвечай, сам знаю. Бросилась бы в море с высокой скалы. Я рад, что с ним покончено без особых трагедий.

— Женщины думают по-своему.

— И как же?

— Я готова вопить от злости.

Оцу злобно вцепилась зубами в рукав кимоно.

— В один прекрасный день я доберусь до него. Клянусь! Не успокоюсь, пока все не выскажу ему

в лицо. И об этой женщине, Око, не промолчу.

От гнева Оцу залилась слезами. Такуан, глядя на нее, загадочно пробормотал:

— Началось!

Оцу посмотрела на него:

— Что началось?

Такуан задумчиво уставился в землю. Потом заговорил:

— Оцу, я искренне надеялся, что зло и вероломство бренного мира минуют тебя. Думал, ты пронесешь нежную невинную душу в чистоте и покое через все испытания жизни. Холодные ветры судьбы не миновали тебя, они ведь обрушиваются на всех.

— Что мне делать, Такуан? Я вне себя от гнева.

Плечи Оцу сотрясались от рыданий. Она уткнулась лицом в колени.

К рассвету Оцу успокоилась. Днем они спали в пещере, а следующую ночь снова провели у костра. На день они скрылись в пещере. Запас еды у них был большой.

Оцу недоумевала, твердя, что не понимает, каким образом удастся поймать Такэдзо. Такуан же хранил невозмутимость. Оцу понятия не имела, как он намерен действовать дальше. Он не делал ничего для поисков Такэдзо, его не смущало, что

тот не объявляется.

Вечером третьего дня Такуан и Оцу, как обычно, дежурили у костра.

— Такуан, — не выдержала наконец Оцу, — сегодня последняя ночь, завтра отпущенный нам срок кончается.

— Похоже.

— Что собираешься делать?

— С чем?

— Такуан, не притворяйся. Забыл о своем обещании?

— Конечно.

— Если мы не вернемся вместе с Такэдзо…

— Знаю, знаю, — прервал ее Такуан. — Придется тогда повеситься на старой криптомерии. Не волнуйся, я пока не собираюсь умирать.

— Почему не ищешь Такэдзо в таком случае?

— Неужели ты думаешь, что я найду его. В горах?

— Ничего не понимаю, хотя, сидя здесь, я почему-то чувствую себя уверенно и спокойно ожидаю, чем обернется дело. Чему бывать, того не миновать! — Оцу засмеялась. — Или потихоньку схожу с ума под стать тебе?

— Я не сумасшедший. Просто владею собой. Иного секрета нет.

— Скажи, Такуан, лишь самообладание понудило тебя решиться на поиски Такэдзо?

— Да.

— Всего лишь! Маловато! Я думала, у тебя в запасе верный план.

Оцу рассчитывала, что монах поделится своими тайнами, но, поняв, что тот действует по наитию, она упала духом. Неужели Такуан и вправду не в своем уме? Нередко людей со странностями принимают за гениев, а у Такуана странностей хоть отбавляй. Оцу была в этом убеждена.

По обыкновению невозмутимый, Такуан взирал на огонь.

— Совсем поздно, да? — пробормотал он, словно бы только заметив ночной мрак.

— Конечно! Скоро рассвет, — раздраженно ответила Оцу.

Не обращая внимания на ее дерзкий тон, Такуан продолжал, словно бы размышляя вслух:

— Смешно, правда?

— Что ты бормочешь, Такуан?

— Почудилось, что скоро должен явиться Такэдзо.

— Известно ли ему, что ты назначил в этом месте свидание?

Взглянув на сосредоточенное лицо монаха, Оцу

смягчилась:

— Ты уверен, что он придет?

— Разумеется.

— Зачем он по своей воле пойдет в западню?

— Дело в другом. Причина в человеческой сути. В глубине души люди не сильны, они слабы. Одиночество противоестественно для человека, особенно если его окружают враги, вооруженные мечами. Я бы очень удивился, если Такэдзо устоял бы перед искушением погреться с нами у костра.

— А если это плод воображения и Такэдзо вообще нет поблизости?

Такуан покачал головой:

— Совсем не пустые мечтания. Эту теорию придумал не я, она принадлежит умелому стратегу.

Он возразил так уверенно и решительно, что Оцу успокоилась.

— Я чувствую, что Симмэн Такэдзо где-то рядом, но он еще не понял, враги мы или друзья. Бедный малый! Сомнения обуревают его, он не может решить, выйти к нам или уйти. Он прячется в тени, смотрит на нас и колеблется, что делать. Знаю! Дай-ка мне флейту, которую ты постоянно носишь за поясом-оби.

— Мою флейту?

— Позволь поиграть!

— Не могу. Я никому не разрешаю дотрагиваться до флейты.

— Почему? — настаивал Такуан.

— Не важно, — отвечала Оцу, решительно вскинув голову.

— Какой вред, если я поиграю? Флейта звучит лучше, чем больше на ней играешь. Я аккуратно.

— Но…

Правой рукой Оцу крепко прижала к себе флейту, спрятанную в оби.

Оцу не расставалась с ней, и Такуан знал, как ей дорог инструмент. Ему и в голову не приходило, что Оцу способна отказать в такой простой просьбе.

— Я ее не испорчу, Оцу! Я играл на десятках флейт. Дай хотя бы подержать ее.

— Нет.

— Ни за что на свете?

— Ни за что!

— Какая ты упрямая.

— Да, упрямая.

Такуан сдался.

— Хорошо, тогда послушаем тебя. Сыграешь хотя бы коротенькую мелодию?

— Не хочу.

— Почему?

— Потому что заплачу, а сквозь слезы не могу играть.

Такуан был озадачен. Его огорчало ее упрямство, но он понимал, что это отзвук той зияющей пустоты, которая глубоко скрыта в сердце Оцу. Она, как и все сироты, была обречена с безнадежным отчаянием грезить о родительской любви, которой была лишена.

Оцу в душе постоянно общалась со своими родителями, которых не знала, но родительская любовь была ей неведома. Единственной родительской вещью, единственной осязаемой памятью о них была флейта. Когда девочку, крошечную, как слепого котенка, нашли на ступенях храма Сипподзи, флейта выглядывала из-за ее оби. По этой примете Оцу могла бы в будущем отыскать своих родных. Флейта была голосами неизвестных ей отца и матери, слитыми воедино.

«Она плачет, когда играет, — размышлял Такуан. — Неудивительно, что Оцу не дает флейту в чужие руки, но и сама не хочет играть».

Сердце его сжалось от сострадания к девушке.

В эту ночь, третью для Такуана и Оцу в горах, взошла перламутровая луна, на которую набегали легкие облака. Дикие гуси, которые осенью

прилетают в Японию, а весной возвращаются домой на север, летели высоко в небе. До земли доносилось их заоблачное курлыканье.

Очнувшись от мыслей, Такуан сказал:

— Костер почти погас, Оцу. Не подкинешь немного дров? Ты что? Что-нибудь случилось?

Оцу не отвечала.

— Ты плачешь?

Ответа не последовало.

— Жаль, что я напомнил тебе о прошлом. Я не хотел огорчить тебя.

— Все хорошо, — пробормотала Оцу. — Не надо было упрямиться. Возьми, пожалуйста, флейту!

Она достала из-за пояса и через костер протянула Такуану флейту, завернутую в старый выцветший кусок парчи. Ткань была потерта, местами посеклась, но хранила следы старинной тонкой работы.

— Позволишь взглянуть на флейту? — спросил Такуан.

— Пожалуйста, теперь мне все равно.

— Почему сама не хочешь сыграть? Я с удовольствием послушал бы. Буду просто сидеть и наслаждаться звуками.

Такуан сел вполоборота к девушке, обхватив колени руками.

— Ладно, я не очень хорошо играю, — застенчиво сказала Оцу. — Попробую.

Она опустилась на колени, как предписывали правила, поправила воротник кимоно и поклонилась лежащей перед ней флейте. Такуан безмолвствовал. Казалось, его здесь не было. Воцарилась одна лишь бескрайняя вселенная, окутанная ночной тьмой. Расплывчатый силуэт монаха походил на камень, скатившийся со скалы.

Оцу, слегка склонив бледное лицо, поднесла заветную флейту к губам. Она увлажнила мундштук и внутренне подобралась. Сейчас это была другая Оцу, олицетворявшая величие и силу искусства. Обернувшись к Такуану, она, как требовал этикет, еще раз извинилась за свое неумение. Монах рассеянно кивнул.

И вот полились звуки. Тонкие пальцы изящно скользили по инструменту. Мелодия в низкой тональности напоминала рокот воды в горном потоке. Такуану показалось, будто он сам преобразился в поток, бурный в теснинах и ласково-игривый на равнине. Высокие ноты возносили его до самого неба, где он парил среди облаков. Звуки земли и небесное эхо сплетались, превращаясь во вздохи ветра в кронах сосны,

напоминая о бренности всего земного. Закрыв глаза и целиком погрузившись в музыку, Такуан невольно вспомнил легенду о принце Хиромасе. Лунной ночью он шел мимо ворот Судзаку в Киото, играя на флейте, и вдруг услышал, как другая флейта в такт подхватила его мелодию. Принц увидел флейтиста на верхнем ярусе ворот. Они обменялись флейтами и дуэтом проиграли всю ночь. Позже принц узнал, что партнером был дьявол в человеческом обличье.

«Даже дьявол подвластен красоте гармонии», — подумал Такуан. Что же говорить о человеке с его пятью чувствами, когда он слушает мелодию, творимую прекрасной девушкой. Ему хотелось плакать, но он сдерживал слезы. Такуан все крепче прижимал голову к коленям.

Костер затухал, бросая красные отблески на щеки Оцу. Она была настолько поглощена музыкой, что, казалось, слилась воедино с инструментом.

Звала ли она своего отца и мать? «Где вы?» — словно вопрошали звуки флейты. К ним примешивалась горькая тоска девушки, оставленной и преданной возлюбленным.

Оцу была опьянена музыкой, переполнена глубоким волнением. Она устала, дышала прерывисто, а на лбу выступили капельки пота. Слезы

текли по щекам. Рыдания прерывали музыку, но мелодия, казалось, никогда не оборвется.

В траве вдруг послышался шорох. Кто-то крался шагах в двадцати от костра, как зверь. Такуан насторожился, потом приветливо помахал рукой, обращаясь к чьей-то чернеющей тени.

— Эй! В росе, верно, холодно. Пожалуйста, иди к костру, погрейся! Посидим у огня, поговорим.

Прервав игру, Оцу удивленно спросила:

— Такуан, ты снова беседуешь сам с собой?

— А разве ты не заметила? Такэдзо давно уже притаился там, слушая твою игру, — ответил монах, указывая пальцем в темноту.

Оцу обернулась и, вскрикнув от ужаса, бросила флейту в черную тень. Это был действительно Такэдзо. Он вскочил, как вспугнутый олень, и бросился бежать.

На Такуана крик Оцу подействовал не меньше, чем на Такэдзо. Монах с отчаянием подумал, что рыба ускользает из сети, которую он с такой тщательностью расставил. Монах закричал во весь голос:

— Такэдзо! Стой!

В его голосе было столько мощи и повелительной силы, что ей невозможно было не повиноваться. Беглец остановился как вкопан-

ный, оглянулся и подозрительно посмотрел на Такуана.

Монах не вымолвил ни слова. Скрестив руки на груди, он тоже в упор глядел на Такэдзо. Казалось, их дыхание слилось воедино. Вокруг глаз Такуана собрались морщинки — предвестники дружеской улыбки. Разомкнув руки, он подозвал Такэдзо:

— Подойди ко мне!

При этих словах монаха Такэдзо моргнул, на его смуглом лице появилось странное выражение.

— Иди сюда, — повторил Такуан. — Надо поговорить.

Повисла напряженная тишина.

— У нас много еды, даже саке есть. Ты знаешь, мы не враги. Садись к костру, поговорим.

Никакого ответа.

— Такэдзо, ты делаешь большую ошибку. Ты собственными руками создаешь ад, упрямишься, забыв, что существует иная жизнь, где есть огонь, еда, питье, человеческое сострадание. Ты однобоко смотришь на мир. Хорошо, не буду тебя уговаривать. Сейчас ты вряд ли способен воспринять голос разума. Просто подойди к нам. Оцу, подогрей-ка батат, я тоже проголодался.

Оцу поставила горшок на костер, а Такуан пододвинул кувшин с саке поближе к огню, чтобы

водка согрелась. Мирная картина успокоила Такэдзо, и он медленно начал приближаться. Подойдя почти вплотную к сидящим у костра, он вдруг замер, словно превозмогая последнее сомнение. Такуан придвинул большой камень поближе к костру и хлопнул Такэдзо по спине:

— Устраивайся!

Такэдзо сел. Оцу не решалась взглянуть на друга бывшего жениха. Ей казалось, что рядом дикий зверь, сорвавшийся с цепи.

Такуан поднял крышку горшка:

— Кажется, готово.

Он подхватил палочками батат и отправил его в рот. Жуя с завидным аппетитом, Такуан похвалил:

— Очень вкусно! Попробуй, Такэдзо!

Такэдзо кивнул и в первый раз улыбнулся, обнажая ряд превосходных белых зубов. Оцу подала ему полную миску, и Такэдзо жадно накинулся на еду, обжигаясь горячим соусом. Руки тряслись, зубы стучали о край миски. Он не мог унять голодную дрожь. Страх тоже давал о себе знать.

— Ну как? — спросил монах, откладывая палочки. — Глоток саке не хочешь?

— Не надо!

— Не любишь?

— Сейчас не хочу.

Такэдзо опасался, что после долгого обитания в горах его стошнит от саке.

— Спасибо за угощение, — вежливо сказал Такэдзо. — Я согрелся.

— Сыт?

— До отвала!

Отдавая миску Оцу, Такэдзо спросил:

— Зачем вы здесь? Я и в прошлую ночь видел ваш костер.

Вопрос застал девушку врасплох, но Такуан пришел ей на помощь и откровенно заявил:

— По правде говоря, для того, чтобы тебя поймать.

Такэдзо не выразил особого удивления. Было видно, что он не поверил словам монаха. Некоторое время Такэдзо молчал, переводя взгляд с Оцу на Такуана.

Такуан почувствовал, что пришло время действовать. Глядя в глаза Такэдзо, он сказал:

— Тебя все равно схватят. Не лучше ли подчиниться закону Будды? Правила, установленные даймё, — закон. Из двух законов повеления Будды более человечны и добры.

— Нет! — ответил Такэдзо, сердито тряхнув головой.

Такуан неторопливо продолжал:

— Не горячись, выслушай меня. Как я понимаю, ты готов даже на смерть, но сможешь ли ты выйти победителем?

— Что значит «выйти победителем»?

— Сможешь ли ты победить в поединке с людьми, которые тебя ненавидят, в борьбе с законами нашей провинции и противоборстве с самым грозным противником — самим собой?

— Знаю, что уже проиграл, — почти простонал Такэдзо. Его лицо исказила гримаса боли, глаза наполнились слезами. — Уверен, что меня добьют, но прежде я прикончу старуху Хонъидэн, воинов из Химэдзи и всех, кого я ненавижу. Перебью, сколько смогу.

— А что будет с твоей сестрой?

— Сестра?

— Да, Огин. Как ты собираешься помочь ей? Верно, слышал, что ее заточили в Хинагуре?

Такэдзо не отвечал, хотя в душе был полон решимости освободить Огин.

— Не пора ли позаботиться о той, которая так много для тебя сделала? И потом, разве ты забыл свой долг — с честью носить фамилию твоего отца, Симмэна Мунисая? Ведь она восходит через семейство Хирата к славному роду Акамацу из

Харимы.

Такэдзо закрыл лицо почерневшими, с отросшими ногтями, руками, его худые, острые плечи затряслись от рыданий.

— Не знаю! Какая теперь разница?

Такуан вдруг кулаком ударил Такэдзо в челюсть.

— Дурень! — загремел монах.

От неожиданности Такэдзо попятился и, прежде чем опомнился, получил новый удар, с другой стороны.

— Безответственный чурбан! Глупая скотина! Я научу тебя уму-разуму, раз уж твоих отца и матери нет в живых, чтобы тебе всыпать. Получай!

На этот раз монах сбил Такэдзо с ног.

— Что, больно? — гневно спросил Такуан.

— Больно! — взмолился Такэдзо.

— Хорошо. Это означает, что ты не окончательно утратил человеческий облик. Оцу, подай мне веревку… Что ждешь? Принеси веревку! Такэдзо уже знает, что я его свяжу. Он готов. Это не путы насилия, а знак сострадания. Тебе не нужно бояться его или жалеть. Быстро, девочка, веревку!

Такэдзо неподвижно лежал лицом вниз. Такуан сел на него верхом. Если бы Такэдзо хотел сопротивляться, то скинул бы монаха, как бумажный

шарик. Оба знали это. Но Такэдзо продолжал лежать с распростертыми ногами и руками, словно сдавшись на милость каких-то неведомых законов природы.

Старая криптомерия

В неурочный утренний час, когда храмовый колокол не должен звонить, его тяжелые мерные удары разносились над деревней и замирали далеко в горах. Сегодня истекал срок, отпущенный Такуану на поимку Такэдзо, и деревенский люд гурьбой валил к подножию холма, чтобы узнать, совершил ли монах невозможное. Известие о том, что он сдержал обещание, распространилось со скоростью лесного пожара.

— Такэдзо поймали!

— Неужели? Кто же сумел?

— Такуан!

— Невероятно! И голыми руками?

— Вранье!

Толпа напирала, чтобы взглянуть на преступника, который был привязан за шею, как дикий зверь, к перилам галереи перед главным входом в храм Сипподзи. Некоторые словно вросли в землю, уставившись на Такэдзо, будто перед ними предстал злой дух горы Оэ. Такуан, добродушно улыбаясь, сидел чуть поодаль, на ступенях, опершись на локти, и старался снять излишнее возбуждение в толпе.

— Жители Миямото, — выкрикивал он, — теперь вы можете вернуться с миром на свои поля. Воины скоро покинут нас!

Такуан сделался героем для запуганных крестьян, их спасителем и защитником от дьявольских козней. Одни кланялись ему до земли, другие протискивались к нему, чтобы коснуться его руки или одежды, третьи пали на колени. Такуан, придя в ужас от этих проявлений благодарности, поднял руку, требуя тишины.

— Слушайте, мужчины и женщины Миямото! — обратился он к толпе. — Я должен сказать вам нечто важное.

Шум мгновенно утих.

— В том, что Такэдзо пойман, нет моей заслуги, — продолжал Такуан. — Не я привел его сюда, а закон природы. Нарушивший его неизменно терпит поражение. Все должны уважать этот закон.

— Не смеши людей, — донеслось из толпы, — не природа, а ты поймал его!

— Не скромничай, монах!

— Мы воздаем тебе по заслугам!

— Забудь про закон! Тебя надо благодарить!

— Ладно, — сказал Такуан, — благодарите. Я не против. Но вы должны отдать дань уважения

закону. Что сделано, то сделано. А сейчас хочу попросить вас об одной очень важной услуге. Мне нужна ваша помощь.

— Какая? — раздался голос из любопытной толпы.

— Что нам делать с Такэдзо? Вы все знаете представителя дома Икэды. Так вот, с ним было заключено соглашение. Я должен был бы повеситься на криптомерии, если бы в течение трех дней не привел беглеца. В случае успеха судьбу Такэдзо поручено решить мне.

В толпе зашумели:

— Мы слышали про уговор!

Такуан сел.

— Что с ним делать? Ужасное чудовище перед вами. По правде, не так уж он и страшен. Он совсем не сопротивлялся, слабак! Убьем его или отпустим?

Поднялся гул голосов, возражавших против помилования Такэдзо. Кто-то крикнул:

— Убить его! Он опасен, он преступник! Если мы его отпустим, он станет проклятием нашей деревни.

Такуан молчал, взвешивая возможный исход разговора. По толпе катился гул голосов:

— Убить его! Смерть!

В это время вперед протиснулась старая женщина, энергично оттолкнув дюжих мужчин. Это была Осуги. Она добралась до ступенек, уперлась взглядом в Такэдзо, затем повернулась к толпе. Она закричала, потрясая деревянной палкой:

— Мало просто убить его! Пусть его сначала подвергнут пыткам! Взгляните на эту омерзительную рожу! Ах ты, гадкая тварь! — Осуги принялась колотить Такэдзо, пока не выбилась из сил. Такэдзо только морщился от боли.

Осуги угрожающе уставилась на Такуана.

— Что вам нужно? — спросил монах.

— Из-за этого убийцы загублена жизнь моего сына, — трясясь, прокаркала Осуги. — Без Матахати у нас некому стать главой рода.

— Простите, — возразил монах, — если говорить начистоту, то Матахати — человек заурядный. Не лучше ли объявить наследником вашего зятя и передать ему благородную фамилию Хонъидэн?

— Как ты смеешь так говорить? — опешила надменная старуха и вдруг разрыдалась. — Мне нет дела до твоего мнения. Никто его не понимает. Он не плохой, он мое дитя!

Старуху снова охватила злоба.

— Он сбил Матахати с толку, сделал шалопаем вроде себя! — завопила она, указывая на Такэд-

зо. — Я имею право с ним расквитаться!

Обращаясь к толпе, Осуги крикнула:

— Разрешите мне решить судьбу Такэдзо! Я знаю, что с ним делать.

Чей-то сердитый голос из задних рядов заставил старуху замолчать. Толпа раздвинулась, словно по ней пробежала трещина, и Чахлая Борода быстро прошагал к галерее храма, кипя от гнева.

— Что здесь происходит? Что за балаган? Все вон! Марш на работу! Все по домам!

Толпа колыхнулась, но никто не торопился уходить.

— Вы что, оглохли! Все по домам! Чего ждете?

Самурай грозно наступал на толпу, сжимая эфес меча. Первый ряд попятился в испуге.

— Стойте! — закричал Такуан. — Добрым людям нет нужды уходить. Я собрал их, чтобы обсудить участь Такэдзо.

— Молчать! — скомандовал самурай. — Тебя никто не спрашивает.

Посмотрев на Такуана, Осуги и толпу, самурай загремел:

— Симмэн Такэдзо совершил тяжкие преступления против законов провинции. Он бежал с поля боя в Сэкигахаре. Чернь не имеет права

определять ему наказание. Преступника надлежит выдать властям.

— Неправда, — покачал головой Такуан. Предваряя возражение Чахлой Бороды, монах предостерегающе поднял палец. — Мы договаривались о другом.

Честь самурая оказалась под угрозой.

— Такуан, ты получишь денежное вознаграждение от правительства за поимку Такэдзо. Как официальный представитель князя Тэрумасы, я принимаю задержанного под свою ответственность. Пусть его судьба вас больше не тревожит. Забудьте о нем!

Такуан рассмеялся, не затрудняя себя ответом. Его распирало от хохота.

— Ты слишком развеселился, монах! — сурово промолвил самурай. — Что смешного? Шутки в сторону!

Самурай шипел и брызгал слюной, как кипящий чайник.

— Развеселился? — переспросил Такуан, продолжая смеяться. — Смотри, Чахлая Борода! Не собираешься ли ты отказаться от честного слова и нарушить уговор? Тогда я немедленно отпускаю Такэдзо на волю. Предупреждаю!

Толпа ахнула. Люди попятились назад.

— Согласен? — спросил Такуан, обращаясь к самураю, и потянулся к веревке, которая связывала Такэдзо.

Самурай ошеломленно молчал.

— Развяжу его, — продолжал монах, — и толкну прямо на тебя. Потрудитесь сразиться между собой. Потом арестуй его, если сможешь.

— Подожди!

— Свое обещание я выполнил, — сказал Такуан, сделав вид, что распутывает веревку.

— Остановись, говорю!

На лбу самурая выступил пот.

— Почему?

— Потому что… — Самурай не находил слов. — Он связан, так зачем же его развязывать? Он наделает новых бед. Слушай, Такуан! Можешь сам его убить. Вот мой меч. А мне достаточно головы Такэдзо. Так будет справедливо.

— Отдать голову? Никогда в жизни! В обязанности священнослужителя входит хоронить людей, а не выдавать их тела или части оных. Это запятнает честное имя монахов. Кто же доверит нам своих покойников, если мы начнем их раздавать. Так недалеко и до упадка всех храмов.

Такуан не мог удержаться, чтобы не поддразнить самурая, хотя тот все крепче сжимал меч.

Посерьезнев, монах обратился к толпе:

— Посоветуйтесь и дайте мне ответ. Эта женщина считает, что Такэдзо нельзя сразу убивать, а надо прежде помучить. Может, привязать его на несколько дней к ветке старой криптомерии? Прикрутим за руки и ноги и выставим на позор. Вороны могут выклевать его глаза. Подходит?

Никто не ответил, потому что предложение показалось слишком жестоким. Одна Осуги сказала:

— Такуан, ты воистину мудрый человек. Привяжем на неделю, нет, на десять или даже двадцать дней. А потом я добью его.

Такуан поспешно кивнул в знак согласия.

— Быть посему!

Он отвязал веревку от перил и повел Такэдзо, как собаку на поводке, к дереву. Пленник шел не сопротивляясь, с поникшей головой. Казалось, он глубоко раскаивается в своих прегрешениях, так что самые добросердечные в толпе начали его жалеть. Но захватывающий вид «дикого зверя» продолжал манить толпу, и она дружно двинулась вслед за монахом. Крестьяне подтянули Такэдзо на девятиметровую высоту и крепко-накрепко привязали его к толстой ветке. Такэдзо больше походил на соломенную куклу, чем на

живого человека.

После похода в горы Оцу стали одолевать приступы странной меланхолии, когда она оставалась одна в своей комнате. Она не могла понять причины, ведь одиночество было привычно ей. Да и в храме не так уж часто приходится оставаться одной. В храме ей было по-домашнему уютно, но Оцу чувствовала себя более одинокой, чем на пустынном горном склоне в течение трех долгих дней, пока ее спутником был лишь Такуан. Она полдня пыталась разобраться в своих чувствах, сидя, подперев голову руками, за маленьким столиком.

Оцу поняла, что те три дня помогали ей разобраться в себе. Одиночество, думала Оцу, как голод, оно точит изнутри. Быть одинокой — значит чувствовать необходимость в чем-то жизненно важном, чего она еще не могла определить.

Ни окружавшие ее люди, ни спокойная жизнь в храме не могли сгладить чувства одиночества, которое постоянно терзало Оцу. В горах ее окружали лишь тишина, деревья и туман, но там с нею был и Такуан. Для нее было откровением то, что Такуан стал как бы частью ее существа. Его слова отзывались в сердце, они согревали и дарили свет, какой не дают ни костер, ни лампа. Оцу

простодушно решила, что она одинока, потому что рядом нет Такуана.

Сделав это открытие, Оцу поднялась из-за стола, но к окончательному выводу все же не пришла. Решив судьбу Такэдзо, Такуан большую часть времени проводил, запершись в гостевой комнате с самураем из Химэдзи. Он часто уходил в деревню, и ему было недосуг беседовать с Оцу, как недавно в горах. Оцу снова села.

Был бы у нее друг! Хотя бы один, которому она бы доверяла, на которого могла бы положиться, кто-то сильный и близкий. Этого ей недоставало, она страстно, до самозабвения жаждала обрести надежного друга.

Конечно, оставалась ее флейта, но девушке в шестнадцать лет бамбуковая дудочка не ответит на все вопросы и сомнения, терзающие девичью душу. Пора кому-то довериться, окунуться в жизнь с головой.

— Отвратительно! — вслух произнесла Оцу. Ее ненависть к Матахати не утихала. Слезы закапали на лакированный столик, глаза покраснели, голова казалась нестерпимо тяжелой.

Фусума за спиной Оцу тихо отодвинули. В храмовой кухне ярко горел огонь, готовили ужин.

— Вот где прячемся! — раздался вкрадчивый

голос. — Сидим, и целый день в праздности прошел.

На пороге стояла Осуги. Оцу опешила на мгновение, но быстро взяла себя в руки и пригласила старую женщину сесть. Осуги уселась, не заставляя себя долго упрашивать.

— Моя дорогая невестка, — начала она напыщенным тоном.

— Да, госпожа, — ответила Оцу, низко склоняясь перед старой каргой.

— Ты признала наши родственные отношения, и я хочу кое-что сообщить тебе, но сначала угости меня чаем. Я разговаривала сейчас с Такуаном и самураем из Химэдзи, и служка не удосужился подать чай. Горло пересохло.

Оцу послушно принесла чай.

— Речь о Матахати, — сразу взялась за дело старуха. — Я не верю всему, что болтает враль Такэдзо, но, похоже, Матахати жив и находится в другой провинции.

— Неужели? — холодно отозвалась Оцу.

— Полной уверенности нет, но настоятель храма как твой попечитель согласился на твой брак с моим сыном. Семейство Хонъидэн приняло тебя невесткой. Верю, ты не откажешься от данного слова, каким бы ни оказалось будущее.

— Да, но…

— Ты ведь не нарушишь уговор?

Оцу тихо вздохнула.

— Ну вот и хорошо! Я очень рада, — сказала Осуги, считая разговор законченным. — А то люди всякое болтают. Кто знает, когда вернется Матахати, поэтому я хочу, чтобы ты перебралась из храма ко мне. У меня больше нет сил работать, старшую невестку особо не погоняешь, у нее в собственной семье дел по горло. Нужна твоя помощь.

— Но я…

— Кому, как не невесте Матахати, войти в семейство Хонъидэн?

— Не знаю, но…

— Ты что же, не хочешь переезжать к нам? Не по душе жить у меня? Любая девушка прыгала бы от радости.

— Дело в том, что…

— Нечего ломаться. Собирай вещи!

— Прямо сейчас? Может, подождать немного?

— Чего ждать?

— Пока Матахати вернется.

— И не думай! — решительно отрезала Осуги. — Вдруг начнешь думать о других мужчинах. Мой долг — следить за твоим поведением. В доме

буду учить тебя полевым работам, уходу за шелковичными червями, покажу, как делать прямой шов. И научу, как должна держаться женщина из хорошего дома.

— Я понимаю, но…

У Оцу не было сил протестовать. Голова раскалывалась, грудь теснило от упоминания Матахати. Она еле сдерживала слезы.

— Кстати, — продолжала Осуги, надменно вскинув голову и не обращая внимания на смятение девушки. — Не знаю, что этот сумасшедший монах намерен делать с Такэдзо. Меня это беспокоит. Последи за обоими, пока Такэдзо жив. Не спускай глаз и днем и ночью. Особенно ночью, потому что Такуан способен на любую выходку. Возможно, они в сговоре.

— Вы не против, если я останусь в храме?

— На время. На две части не разорвешься. Придешь со своим скарбом в дом Хонъидэнов в тот день, когда голова Такэдзо упадет с его плеч. Ясно?

— Да.

— Смотри не забудь! — грозно проворчала старуха, покидая комнату.

В ту же минуту, словно поджидая, когда Оцу останется одна, на сёдзи легла тень. Мужской

голос тихо позвал:

— Оцу!

Подумав, что это Такуан, Оцу кинулась отодвигать сёдзи и отпрянула в изумлении: перед ней стоял самурай. Войдя в комнату, он схватил Оцу за руку и горячо заговорил:

— Ты была добра ко мне. Я только что получил приказ возвращаться в Химэдзи.

— Жаль.

Оцу пыталась освободиться, но самурай крепко держал руку.

— До них, видно, дошли слухи о здешних беспорядках, — продолжал он. — Будь у меня голова Такэдзо, я бы доложил, что выполнил свой долг с честью, и был бы оправдан. Но упрямец Такуан не хочет мне уступать. Не желает даже слушать. Я верю, что ты поддерживаешь меня, поэтому пришел. Вот письмо. Прочти его незаметно для чужих глаз.

Самурай вложил ей в руку письмо и поспешно удалился. Оцу слышала его торопливые шаги.

Это было не просто письмо — к нему была приложена золотая монета. Послание было прямолинейное — самурай предлагал Оцу обезглавить Такэдзо и доставить голову в Химэдзи, где автор письма сделает Оцу своей женой, так что

девушка проживет в покое и довольстве до конца своих дней. Подпись — Аоки Тандзаэмон. Эту славную фамилию, по свидетельству ее обладателя, носит один из самых почтенных самурайских родов провинции. Оцу не расхохоталась лишь потому, что была слишком возмущена.

— Оцу, ты поужинала? — донесся голос Такуана.

Оцу продела ноги в сандалии и вышла на галерею.

— Не хочется. Голова разболелась.

— Что это у тебя в руке?

— Письмо.

— Еще одно?

— Да.

— От кого?

— Такуан, ты чересчур любопытен.

— Любознателен, девочка, а не любопытен.

— Хочешь взглянуть?

— Если можно.

— Время скоротать?

— А почему бы нет?

— Ладно.

Оцу протянула Такуану письмо. Прочитав его, монах долго смеялся. Оцу невольно заулыбалась.

— Бедняга! Дошел до того, что готов на подкуп и

любовью и деньгами. Уморительное сочинение! Мир облагодетельствован бравыми и прямодушными самураями! Он в таком отчаянии, что умоляет молоденькую девушку снести преступнику голову. И глуп настолько, что пишет об этом!

— Письмо меня не беспокоит, — сказала Оцу, — но что мне делать с золотом?

Она передала монету Такуану.

— Немалая сумма, — сказал Такуан, прикидывая вес монеты на руке.

— Это меня и тревожит.

— Успокойся! Потратить деньги — не проблема.

Такуан направился ко входу в храм, где стоял ящик для пожертвований. Прежде чем опустить монету, он поднес ее ко лбу в знак преклонения перед Буддой, но в последний момент передумал.

— Лучше деньги оставить у тебя. Вдруг пригодятся.

— Мне не нужны деньги. От них одни неприятности. Могут спросить, откуда они взялись. Лучше сделать вид, что я их никогда не видела.

— Золото уже не принадлежит Аоки Тандзаэмону. Оно превратилось в подношение Будде, а

Будда даровал его тебе. Храни монету на счастье.

Без лишних слов Оцу спрятала монету в оби. Затем, взглянув на небо, произнесла:

— Ветер поднялся. Как бы гроза не собралась. Дождя не было тысячу лет.

— Конец весны, нужен хороший ливень. Он смоет опавшие цветы, не говоря уже о том, что взбодрит приунывших крестьян.

— А как же Такэдзо?

— Такэдзо?.. — задумался монах.

В этот момент с ветви криптомерии раздался голос:

— Такуан, Такуан!

— Такэдзо, ты? — спросил монах, запрокинув голову. На Такуана обрушился поток брани.

— Свинья в монашьем облачении! Грязный враль! Встань под деревом — скажу тебе кое-что!

Ветер с силой раскачивал ветви, заглушая голос Такэдзо. Кружившие на ветру иглы хлестали лицо Такуана, обращенное вверх. Монах смеялся.

— Как вижу, ты полон сил. Прекрасно. Надеюсь, это естественная бодрость, а не та, которая возникает при мысли о близкой смерти.

— Заткнись! — закричал Такэдзо, переполненный не столько силой, сколько гневом. — Если бы я боялся смерти, то не дался бы вам в руки с

вашими веревками!

— У тебя не было выбора, ты ведь слабый, а я сильный.

— Вранье! Сам знаешь!

— Хорошо, давай по-другому: я умный, а ты круглый дурачина.

— Согласен. Я действительно сглупил, попав в твою западню.

— Не буянь, обезьяна на дереве! Себе навредишь. Истечешь кровью, если она в тебе еще осталась. И вообще, это недостойно мужчины.

— Послушай, Такуан!

— Слушаю.

— Была бы у меня охота сразиться с тобой там, в горах, раздавил бы тебя одной ногой, как огурец.

— Весьма нелестное сравнение. Но теперь поздно сожалеть. Забудь о случившемся. От сожалений толку мало.

— Заманил сказочками, святоша. Подлость! Я поверил, а ты меня предал. Согласился прийти сюда, думая, будто ты не такой, как все. Никогда бы не поверил, что подвергнусь такому унижению.

— Короче, Такэдзо! — нетерпеливо прервал Такуан.

— Зачем тебе все это? — вопило сверху соломен-

ное чучело. — Почему сразу не отрубили голову? Лучше бы сам придумал мне казнь, не полагаясь на кровожадную толпу. Ты монах, но ты должен знать «Бусидо».

— Знаю получше тебя, бедное дитя, сбитое с толку.

— Уж лучше бы меня поймали крестьяне. Они, по крайней мере, добрые.

— Разве это единственная ошибка, Такэдзо? А что ты прежде натворил? Стоило бы поразмыслить о прошлом, пока прохлаждаешься наверху.

— Заткнись, лицемер! Мне нечего стыдиться. Пусть мать Матахати обзывает меня как угодно, но он мой друг, самый лучший. Я считал своим долгом рассказать карге о ее сыне. А что делает она? Натравливает на меня толпу, придумывает пытки. Прорывался через заставы с одной целью — сообщить Осуги о ее бесценном сыночке. Разве это нарушение кодекса воина?

— Не о том толкуешь, болван! Ты даже не понимаешь, что к чему. Думаешь, если ты храбр, то уже самурай. Заблуждение! Преданность другу считаешь своей добродетелью, но чем дальше, тем больше вреда ты причиняешь себе и окружающим. И каков же результат? Сам себе устроил западню. — Монах помолчал. — Кстати, красиво

там наверху, Такэдзо?

— Негодяй! Я тебе все припомню!

— Скоро ты забудешь обо всем на свете. Пока не стал куском сушеного мяса, рассмотри хорошенько огромный мир вокруг. Поразмышляй над родом человеческим и перестань печься только о себе. Когда оставишь бренный мир и воссоединишься с предками, расскажи им все, что накануне смерти ты услышал от человека по имени Такуан Сохо. Они возрадуются, узнав о прекрасном наставнике, пусть даже ты постиг смысл бытия слишком поздно и навлек позор на доброе имя семьи.

Оцу, оцепенело стоявшая поодаль, вдруг набросилась на Такуана:

— Это уже слишком, Такуан! Я все слышала. Ты жесток к беззащитному человеку. Ты верующий или только прикидываешься? Такэдзо верно говорит, он и вправду доверился тебе и сдался без сопротивления.

— Как ты смеешь! Бывший союзник теперь против меня!

— Сжалься, Такуан! Мне ненавистны твои слова! Если хочешь покончить с ним, убей! Такэдзо готов умереть. Так пусть уйдет с миром из жизни.

Оцу от возмущения начала трясти Такуана за грудь.

— Прекрати! — неожиданно жестко произнес Такуан. — Женщины в таких делах не смыслят. Придержи язык, или подвешу тебя рядом с ним.

— Не замолчу! — возразила Оцу. — У меня есть право говорить. Кто провел с тобой в горах три дня и три ночи?

— При чем тут поход в горы? Такуан Сохо накажет Такэдзо по своему разумению.

— Вынеси приговор! Убей Такэдзо сейчас! Ты не имеешь права издеваться над полумертвым, подвешенным на дереве.

— Единственная моя слабость — высмеивать дураков вроде Такэдзо.

— Бесчеловечно!

— Уходи! Оцу, оставь меня одного!

— Не уйду!

— Не упрямься! — закричал Такуан и локтем с силой толкнул Оцу.

Придя в себя от потрясения, Оцу разрыдалась, припав к стволу дерева. Она не подозревала, что Такуан способен на такую жестокость. Жители деревни верили, что монах подержит Такэдзо несколько дней связанным, но потом смягчит наказание. Теперь Такуан признался, что ему

нравится смотреть на мучения Такэдзо. Оцу содрогнулась от кровожадности мужчин.

Если Такуан, которому она безгранично доверяла, настолько бессердечен, то весь мир должен быть страшнее дьявола. И у нее не останется никого, кому можно довериться…

От ствола исходило удивительное тепло, словно в огромном, в десять обхватов, дереве струилась кровь Такэдзо.

Вот кто истинный сын самурая! Как отважен! Оцу видела, что и Такэдзо мог быть слабым, когда Такуан связывал его в горах, и Такэдзо мог плакать. До последнего момента Оцу разделяла мнение толпы, поверхностно зная Такэдзо. Что в нем дурного, за что его ненавидели, как демона, и травили, как зверя?

Плечи Оцу сотрясались от рыданий. Слезы падали на толстую кору дерева. Ветер шумел в кроне криптомерии, раскачивая ветки. Первые капли дождя упали ей за ворот и покатились холодной струйкой по спине.

— Пошли, Оцу! — крикнул Такуан, прикрывая голову руками. — Промокнем!

Оцу не отвечала.

— Во всем ты виновата, Оцу. Плакса! Захныкала — расплакались и небеса.

Такуан продолжал уже серьезно:

— Ветер усиливается, надвигается сильная буря, пойдем в дом. Не лей слезы попусту из-за человека, обреченного на смерть. Идем!

Забросив полы кимоно на голову, Такуан побежал под навес храма.

Ливень обрушился через несколько секунд, потоки дождя хлестали землю. Вода стекала по спине Оцу, но она не двигалась. Холодное мокрое кимоно облепило тело, но она не могла оторваться от старого дерева. Поглощенная мыслью о Такэдзо, Оцу не замечала дождя. Она не рассуждала о том, что страдает вместе с ним. Ею овладели новые для нее мечты о настоящем мужчине. Оцу молча молилась за спасение Такэдзо.

Девушка ходила вокруг дерева, пытаясь разглядеть Такэдзо, скрытого мглой и бурей. Звала его, но не получала ответа. Оцу решила, что Такэдзо считает ее членом семейства Хонъидэнов или другого дома, враждебно настроенного.

«Такую бурю он не перенесет, — в отчаянии думала Оцу, — наверняка умрет к утру. Неужели на свете нет человека, который спас бы Такэдзо?»

Оцу бросилась к храму, подгоняемая порывами ветра. Позади главного здания храма находились кухня и кельи монахов. Ставни везде были на-

глухо закрыты. Вода, хлеставшая из водостоков, устремлялась вниз по склону холма, прорезая глубокие промоины.

— Такуан! — закричала Оцу.

Она принялась громко колотить в стену его кельи.

— Кто там? — раздался голос изнутри.

— Это я, Оцу!

— Почему ты до сих пор не у себя?

Такуан открыл сёдзи и в изумлении уставился на Оцу. Его мгновенно окатило потоком, от которого не спас даже широкий карниз.

— Входи, быстро! — скомандовал он, пытаясь схватить ее за руку, но Оцу отпрянула от него.

— Нет! Я к тебе с просьбой, а не сушиться. Умоляю, Такуан, сними его с дерева.

— Что? Никогда! — твердо сказал Такуан.

— Ты должен, Такуан! Век буду тебе благодарна.

Оцу упала на колени в грязь и умоляюще протянула руки к монаху.

— Сама я не могу, но ты должен помочь. Прошу тебя! Ты не допустишь, чтобы Такэдзо умер!

Шум непогоды заглушал голос Оцу. Стоя под холодными струями дождя, Оцу походила на истового верующего, закаляющего дух под ударами

ледяного водопада.

— Я пала ниц перед тобой, Такуан! Умоляю! Я подчинюсь любой твоей воле, только освободи его!

Такуан молчал. Глаза были закрыты, как двери храма, где хранится потаенный Будда. Монах глубоко вздохнул, открыл глаза и взорвался от ярости:

— Марш домой! Немедленно! Ты не крепкого здоровья, чтобы болтаться под ливнем, заболеть хочешь?

— Прошу тебя, прошу! — тянулась к нему Оцу.

— Я пошел спать. Советую и тебе.

Голос Такуана был холоден как лед. Монах исчез в келье.

Оцу продолжала на что-то надеяться. Она пробралась под галереей к тому месту, над которым находилась келья Такуана.

— Такуан, для меня нет ничего важнее! Такуан, слышишь? Ответь! Ты дьявол, Такуан! Бессердечный, хладнокровный демон!

Некоторое время монах терпеливо слушал, не отвечая, но Оцу мешала ему заснуть. Наконец он выскочил из кельи и завопил:

— На помощь! Воры! Воры под нашей галереей! Держите их!

Оцу выскользнула под дождь и скрылась, досадуя от неудачи, но она не хотела сдаваться.

Скала и дерево

К утру дождь и ветер унесли последние следы весны. Палящее солнце обрушилось на головы поселян, и мало кто отваживался выходить из дома без широкополой соломенной шляпы.

Осуги выбилась из сил, пока взобралась на холм к храму и доплелась до кельи Такуана. Ей страшно хотелось пить, пот градом катился со лба на праведный нос Осуги. Но она не обращала на это внимания, поскольку сгорала от нетерпения узнать о судьбе заклятого врага.

— Такуан! — позвала она. — Такэдзо еще живой?

Монах появился на галерее.

— А, это вы! Страшный ливень, правда?

— О да! — хитро улыбнулась Осуги. — Убийственный!

— Каждый знает, что под самым проливным дождем не так уж трудно продержаться ночь и даже две. Человек очень вынослив. А вот солнце для него действительно губительно.

— Выходит, Такэдзо жив? — с недоверием спросила Осуги, повернувшись к старому дереву. Прищурив глазки-буравчики, она заслонилась

ладонью от солнца. Увиденное ею благотворно подействовало на Осуги. — Обвис как мокрая тряпка! — сказала Осуги с окрепшей надеждой в голосе. — Вряд ли он жив!

— Не вижу птиц, клюющих его глаза, — с улыбкой сказал Такуан. — Значит, он еще дышит.

— Спасибо, Такуан! Ты — ученый человек, поэтому знаешь обо всем побольше меня.

Осуги вытянула шею, оглядываясь по сторонам.

— Что-то я не вижу своей невестки. Не можешь ее позвать?

— Невестку? По-моему, я с нею не знаком. Даже не знаю ее имени. Как же я позову ее?

— Позови! — нетерпеливо повторила Осуги.

— Кого?

— Конечно, Оцу!

— Оцу? Почему вы называете ее невесткой? Она еще не вошла в дом Хонъидэнов.

— Она скоро станет членом семьи как невеста Матахати.

— Невероятно! Как она выйдет замуж за человека, который отсутствует?

Осуги возмутилась.

— Не твое дело, бродяга! Отвечай, где Оцу!

— Думаю, в своей комнате.

— Конечно, как я не сообразила! — пробормотала старуха. — Я велела следить ей по ночам за Такэдзо, так что к утру Оцу утомилась. Кстати, — назидательно произнесла Осуги, — не твоя ли обязанность, Такуан, сторожить Такэдзо днем?

Не дожидаясь ответа, Осуги решительно направилась к криптомерии. Она долго, как завороженная, стояла под деревом, задрав голову. Затем, словно очнувшись от забытья, засеменила по дороге в деревню, опираясь на палку из шелковицы.

Такуан вернулся в келью, где и пробыл до вечера.

Комната Оцу находилась недалеко от кельи Такуана. Весь день сёдзи в комнате Оцу не открывались, за исключением моментов, когда служка приносил ей лекарство или глиняный горшок с густым рисовым отваром. Ночью Оцу нашли полумертвой под дождем. Несмотря на ее крик и сопротивление, девушку внесли в комнату и напоили горячим чаем. Настоятель сурово отчитал Оцу, которая молча сидела, привалившись к стене. К утру у нее появился сильный жар, и она едва приподнимала голову, чтобы выпить отвар.

Опустилась ночь. В отличие от прошлой, ярко светила луна, ясная и четкая, будто в небе вы-

резали аккуратное отверстие. Когда все вокруг стихло, Такуан отложил книгу, надел деревянные сандалии и вышел из кельи.

— Такэдзо! — позвал он.

В вышине колыхнулась ветка, и сверкающие капли посыпались на землю.

— Бедный парень, у него нет сил ответить, — сказал сам себе Такуан. — Такэдзо! Такэдзо!

— Что тебе надо, подлый монах? — раздался сверху свирепый голос. Обычно невозмутимый Такуан растерялся.

— Ты вопишь слишком громко для человека, находящегося у врат смерти. Ты, случаем, не рыба или морское чудище? Ты вполне протянешь еще дней пять-шесть. К слову, как там твой живот? Не тянет к земле?

— Не болтай ерунду, Такуан. Отруби мне голову, и дело с концом!

— Не спеши! Такое дело суеты не терпит. Если отрубить голову прямо сейчас, она свалится на меня и укусит.

Такуан в задумчивости уставился на небо.

— Великолепная луна! Счастливчик, любуешься ею с очень удобной позиции.

— Ну держись, негодный монах! Покажу, на что способен Такэдзо.

Напрягая все силы, Такэдзо начал раскачиваться вместе с веткой, к которой был привязан. Сверху посыпались иглы, куски коры, но стоявший под деревом монах оставался невозмутимым, нарочито безразличным.

Такуан стряхнул мусор и снова взглянул вверх.

— Вот сила духа, Такэдзо! Такая злость благотворна. Давай, Такэдзо! Соберись с силами, докажи, что ты настоящий мужчина, покажи всем, на что способен. Ныне принято считать, что преодолевать гнев — значит проявлять мудрость и силу воли. Я заявляю: это глупость. Мне противно смотреть на сдержанных и благоразумных молодых людей. У них больше энергии, чем в их родителях, и они должны проявлять ее. Не сдерживайся, Такэдзо! Чем неистовее ты будешь, тем лучше.

— Ну, погоди, Такуан! Я перетру веревку зубами, и тогда тебе от меня не уйти! Разорву на куски!

— Это угроза или обещание? Если ты всерьез, то я дождусь тебя внизу. Уверен, что выпутаешься из веревок до собственной смерти?

— Заткнись! — прохрипел Такэдзо.

— Ты воистину могуч, Такэдзо! Вон как дерево раскачал! Но я не чувствую, чтобы тряслась земля. Как ни печально, но беда в том, что ты

слаб. Твой гнев — лишь вспышка досады, а настоящий мужчина впадает в гнев от морального негодования. Гнев по пустякам — удел женщин, постыдный для мужчины.

— Ждать тебе недолго, — доносилось сверху, — скоро сверну тебе шею!

Такэдзо напрягался всем телом, но веревка не поддавалась. Такуан, понаблюдав за тщетными усилиями, дал дружеский совет:

— Может, хватит упрямиться, Такэдзо? Толку никакого. Выдохнешься, а какой прок от этого? Можешь извиваться сколько вздумается, но тебе не сломать одной-единственной ветки на дереве, не говоря уже о том, чтобы оставить вмятину на вселенной.

Такэдзо застонал. Приступ ярости прошел. Он понял, что монах прав.

— Осмелюсь предположить, что твои силы разумнее обратить на благо страны. Ты должен сделать что-то для других, хотя начинать уже поздновато. Если ты пойдешь по этому пути, то сможешь повлиять на богов, даже на вселенную, не говоря уже о простых смертных. — В голосе Такуана зазвучали назидательные нотки. — К огромному сожалению, ты больше похож на животное — вепря или волка, хотя и рожден чело-

веком. Прискорбно, что такой красивый юноша заканчивает жизнь, не успев стать человеком! Большая утрата!

— Это ты, что ли, стал человеком? — спросил Такэдзо и сплюнул.

— Послушай, дикарь! Ты всегда слепо верил в грубую силу, полагая, что тебе нет равных. Ну а где ты теперь?

— Мне нечего стыдиться. Мы с тобой не бились в честном бою.

— Если поразмыслить, Такэдзо, то не так уж это важно. Тебя уговорили и перехитрили, вместо того чтобы схватить с помощью кулаков. Поражение есть поражение. Не знаю, нравится ли тебе, но я сижу внизу на камне, а ты висишь на дереве. Правда, разница?

— Грязная игра! Ты трус и обманщик.

— Я не сумасшедший, чтобы брать тебя силой. Физически ты гораздо сильнее. Человеку не побороть тигра. К счастью, ему, как правило, нет в этом нужды, потому что он умнее зверя. И большинство людей считают, что тигр уступает человеку.

Неизвестно, услышал ли Такэдзо доводы монаха, но невольник хранил молчание.

— То же относится к твоей так называемой

смелости. Судя по твоим поступкам, она сродни дикости зверя, которому неведома ценность человеческой жизни. Это не та смелость, что делает из человека истинного самурая. Подлинной смелости не чужд страх. Она боится того, чего следует бояться. Достойные люди страстно дорожат жизнью, оберегают ее, как бесценное сокровище. Смелые люди жертвуют жизнью и с достоинством умирают ради высоких целей.

Сверху не доносилось ни звука.

— Вот почему мне жаль тебя. Рожденный сильным и выносливым, ты не обладаешь ни мудростью, ни знаниями. Ты усвоил не самое ценное из «Бусидо» и не овладел секретами добродетели. Рассуждают о слиянии Пути Познания и Пути Воина. В гармонии они становятся единым целым. Есть лишь один Путь, Такэдзо.

Дерево было немо, как и камень, на котором сидел Такуан. В ночной тишине не раздавалось ни звука. Такуан медленно поднялся.

— Подумай еще ночь над моими словами, Такэдзо. Потом я отрублю тебе голову.

Такуан, задумчиво кивнув, медленно зашагал прочь, поникнув головой. Не прошел он и двадцати шагов, как послышался взволнованный голос Такэдзо.

— Подожди!

Такуан обернулся.

— Зачем?

— Вернись!

— Только не говори, что хочешь послушать меня. Неужели взялся за ум?

— Такуан, спаси меня!

Мольба прозвучала пронзительно и горько. Ветвь задрожала, словно само дерево разразилось рыданиями.

— Я хочу стать лучше. Я понял, какое счастье родиться человеком. Я полумертв, но понимаю, что значит жить. И теперь, когда я познал это, жизнь моя сведена к тому, чтобы висеть в путах на дереве. Самому мне не исправить содеянного.

— Наконец ты начал что-то соображать. Впервые в жизни ты говоришь, как человек.

— Я не хочу умирать! — воскликнул Такэдзо. — Хочу жить, хочу немедленно начать все заново!

Рыдания сотрясали тело Такэдзо.

— Такуан, пожалуйста, помоги мне, помоги!

Монах покачал головой:

— Извини, Такэдзо, это не в моей воле. Правит закон природы. Ты не можешь переделать содеянное. Такова жизнь. Она дается лишь раз в бренном мире. Ты не можешь прирастить себе

голову, отрубленную противником. Сочувствую, но не могу развязать веревку, завязанную не мной. Ты сам завязал ее. Могу только дать совет. Попробуй встретить смерть смело и спокойно. Прочитай молитву с надеждой, что кто-то ее услышит. И ради твоих предков, Такэдзо, постарайся уйти с миром.

Стук деревянных сандалий гэта Такуана постепенно затих. Монах ушел. Такэдзо уже не плакал. Следуя наставлению монаха, он закрыл глаза. В нем свершалось таинство великого пробуждения. Такэдзо забыл обо всем. Ушли мысли о жизни и смерти, мириады звезд мирно светили в ночи, и легкий ветерок пробегал по ветвям. Такэдзо продрог.

Вскоре ему показалось, что кто-то подошел к дереву, обхватил ствол и отчаянно, но безуспешно пытался вскарабкаться на него и дотянуться до нижней ветви. Такэдзо слышал, как каждая попытка заканчивалась сползанием вниз. Он слышал шорох падающей коры и понимал, что руки у неизвестного ободраны сильнее, чем ствол дерева. Кто-то невидимый упрямо карабкался вверх, пока не дотянулся до нижней ветви, а потом легко добрался до ветви, к которой был привязан Такэдзо, совершенно выбившись из

сил. Прерывистый голос прошептал его имя.

Такэдзо с трудом разомкнул веки и увидел перед собой измученное лицо с лихорадочно блестящими глазами.

— Это я. — Слова прозвучали как-то по-детски.

— Оцу?

— Да. Бежим, Такэдзо. Я слышала твою мольбу о желании жить.

— Бежать? Ты меня развяжешь? Освободишь?

— Да. Я не могу оставаться в этой деревне. Сама мысль страшит меня. У меня свои причины. Хочу покинуть это жестокое место. Я тебе помогу, Такэдзо. Мы спасем друг друга.

На Оцу уже был дорожный костюм, все ее имущество было в маленькой котомке, свисавшей с плеча.

— Режь веревку! Быстрее! Чего ты ждешь!

— Сейчас!

Оцу достала короткий кинжал и одним ударом разрезала путы пленника. Прошло несколько минут, прежде чем в онемевшем теле снова побежала кровь. Такэдзо, пытаясь повернуться, не удержался и полетел вниз, увлекая за собой Оцу. Два тела, цепляясь за ветки, перевернулись в воздухе и грохнулись на землю.

Такэдзо поднялся. Он стоял твердо, несмотря

на падение с девятиметровой высоты и невероятную слабость. Оцу пыталась встать, корчась от боли. Такэдзо помог ей подняться.

— Ничего не сломала?

— Понятия не имею, но думаю, что идти смогу, — простонала Оцу.

— Ветки смягчили падение, надеюсь, руки-ноги у тебя целы.

— А ты как?

— Нормально. — Такэдзо помедлил секунду, затем выдохнул. — Жив! Я действительно жив!

— Конечно.

— Не совсем «конечно».

— Пойдем скорее. Нам несдобровать, если нас увидят.

Оцу, хромая, пошла вперед, Такэдзо за ней… молча и медленно, как два кузнечика, прихваченных осенним заморозком.

Они спешили уйти подальше, ковыляя в полной тишине. Безмолвие нарушила Оцу:

— Смотри, над Харимой занимается заря.

— Где мы?

— На перевале Накаяма.

— Неужели так далеко?

— Да. Человек может совершать необыкновенные дела, если захочет, — слабо улыбнулась

Оцу. — Но, Такэдзо… — забеспокоилась она, — ты, верно, страшно голодный. Несколько дней не ел!

При упоминании о пище желудок Такэдзо свело судорогой. Боль нарастала, и, пока Оцу развязывала узелок и доставала из него еду, Такэдзо сгорал от нетерпения. Спасительный дар явился в виде рисового колобка с начинкой из сладких бобов. От первых кусков, сладостью заливших горло, у Такэдзо закружилась голова. Колобок в руке дрожал. «Живой!» — бесконечно твердил он про себя, давая обет немедленно начать новую жизнь.

Облака на востоке заалели, свет зари упал на их лица. Такэдзо рассмотрел Оцу. На смену голоду пришло умиротворение. Не снится ли ему, что он сидит рядом с девушкой, живой и здоровый!

— Надо быть очень осторожными, когда рассветет. Мы около границы провинции, — предупредила Оцу.

Глаза Такэдзо расширились.

— Граница? Я совсем забыл! Мне надо в Хинагуру.

— Почему?

— Там они держат сестру. Я должен ее вызволить. Придется нам распрощаться.

Оцу уставилась на Такэдзо как пораженная громом.

— Раз так, то ступай! Знай я заранее, что ты оставишь меня, я бы осталась в Миямото.

— Что ты предлагаешь? Бросить сестру в заточении?

Оцу взяла Такэдзо за руку, глядя ему в глаза.

— Такэдзо, я все объясню позже, но умоляю, не бросай меня! Я последую за тобой куда угодно, — трепеща от волнения, сказала она.

— Не могу!

— Учти! — заявила Оцу, крепко сжав его руку. — Я не уйду, хочешь ты или нет. Если, по-твоему, я помешаю освободить Огин, тогда я буду ждать тебя в Химэдзи.

— Хорошо, договорились, — сразу согласился Такэдзо.

— Правда придешь?

— Обещаю.

— Буду ждать у моста Ханада на въезде в Химэдзи. И сто и тысячу дней, если потребуется!

Кивнув в знак согласия, Такэдзо заспешил по тропинке к синевшим вдали горам. Оцу провожала его взглядом, пока он не исчез из виду.

Внук Осуги примчался в усадьбу Хонъидэн и, заглянув в кухню, позвал бабку.

— Бабушка, ты слышала? — взволнованно спросил он, вытирая кулаком нос. — Ой, что

случилось!

Осуги, которая раздувала угли в очаге бамбуковым веером, едва взглянула на мальчика.

— Ну, что там еще?

— Не знаешь? Такэдзо сбежал, бабушка!

— Сбежал?

Веер упал из рук Осуги прямо в очаг.

— Что ерунду мелешь?

— Утром его не нашли на дереве. Только обрывки веревок.

— Хэйта, знаешь, что бывает за вранье?

— Это правда, я не вру. В деревне только и говорят об этом.

— Ничего не путаешь?

— Нет! А в храме ищут Оцу. Она тоже исчезла. Такая суматоха!

Осуги как громом ударило. Она побледнела, а потом стала почти фиолетовой, как пламя на догоравшем бамбуковом веере. Глядя на мертвенно-бескровное лицо бабки, Хэйта в страхе отпрянул.

— Хэйта!

— Да!

— Беги скорее и позови отца! Потом приведи дядюшку Гона, он работает в поле у реки. Быстрее! — Голос Осуги дрожал.

Не успел мальчик выбежать за ворота, как подошла толпа деревенских жителей, и среди них зять Осуги, дядюшка Гон, другие родственники и крестьяне.

— Эта девчонка, Оцу, тоже пропала?

— И Такуан исчез!

— Веселенькая история!

— Они были в сговоре!

— А как же старуха? Задета честь семьи.

Зять и дядюшка Гон, вооруженные копьями, которые передавались в семье по наследству, топтались перед домом. Им нужен был приказ, поэтому они с нетерпением ждали Осуги.

— Бабуля, — не вытерпев, крикнул кто-то из родни, — слышали новость?

— Сейчас выйду, — последовал ответ. — Не волнуйтесь!

Осуги быстро взяла себя в руки. В висках застучало, когда она убедилась, что ужасная новость не выдумка, но она постаралась собраться с мыслями. Преклонив колени перед алтарем, она молча прочитала молитву, затем выпрямилась, открыла глаза и гордо подняла голову. Подойдя к оружейному шкафу, Осуги раскрыла створки, выдвинула ящик и достала заветный меч. Она уже переоделась для погони. Осуги засунула короткий

меч за пояс и в прихожей крепко замотала вокруг щиколоток ремешки сандалий. Почтительная тишина у ворот свидетельствовала, что односельчане поняли ее замысел. Упрямая старуха была в боевом настрое и яростно желала мести за оскорбление, нанесенное ее дому.

— Мы восстановим справедливость, — отчеканила Осуги. — Сама поймаю бесстыжую девку и прослежу, чтобы ее наказали по заслугам.

Старуха строго поджала губы, и, прежде чем кто-либо успел вымолвить слово, она твердой поступью зашагала вниз по дороге.

— Раз Осуги так решила, мы должны идти с ней.

Родственники и крестьяне гурьбой потянулись за грозной воительницей. Вооружаясь на ходу палками и самодельными бамбуковыми копьями, они без остановок двигались к перевалу Накаяма. К полудню достигли цели, но беглецов там не обнаружили.

— Упустили! — послышался разочарованный возглас. Преследователи негодовали. Масла в огонь подлил страж с заставы, объявивший, что не может пропустить через границу такую толпу.

Дядюшка Гон пустился в объяснения, что Так-

эдзо — преступник, Оцу — дьяволица, а Такуан — сумасшедший.

— Отступись мы, — втолковывал дядюшка Гон, — так наши предки будут навеки запятнаны. Как мы людям в глаза будем смотреть? Деревня засмеет. Семейству Хонъидэн придется покинуть родные места.

Сочувствуя их щекотливому положению, страж, однако, ничего не мог поделать. Закон есть закон. Он мог бы послать в Химэдзи гонца за специальным разрешением на переход границы, но это потребовало бы много времени.

Посоветовавшись с родственниками и крестьянами, Осуги обратилась к стражу:

— Нельзя ли пропустить хотя бы двоих — меня и дядюшку Гона?

— По закону можно и пятерых!

Осуги удовлетворенно кивнула. Если кто-то и ждал от нее трогательного прощания, то напрасно. Старуха деловито подозвала спутников, которые выстроились перед ней, внимательно глядя на ее тонкие губы, не закрывающие крупные выпирающие зубы. Удостоверившись, что ее внимательно слушают, Осуги сказала:

— Пока у нас нет причин тревожиться. Я предвидела такой поворот событий. Взяв короткий

меч, самое дорогое наследие семейства Хонъидэн, я встала на колени перед поминальными табличками предков и по обряду произнесла слова прощания. Я дала два обета. Первый — догнать и наказать беспутную девчонку, которая замарала наше имя. Второй — выяснить, пусть ценой жизни, жив ли Матахати. Если он жив, я привезу его домой, чтобы он продолжил наш славный род. Я поклялась, что верну сына, даже с веревкой на шее, если будет сопротивляться. У него долг не только передо мной и теми, кто уже в лучшем из миров, но и перед всеми вами. Он найдет жену в сто раз лучше, чем Оцу, смоет пятно позора, и жители Миямото вновь признают благородство и честь нашего дома.

Люди восторженно внимали ее словам, кто-то даже завопил от избытка чувств. Осуги строго уставилась на зятя:

— Я и дядюшка Гон заслужили право удалиться на покой от дел. Гон полностью принимает взятые мной обеты. Мы готовы исполнить клятву, пусть на это уйдет два-три года и нам придется исходить всю страну. В мое отсутствие главой дома остаешься ты. Обещай, что без нас будешь работать не покладая рук. Никакие оправдания о погибших шелковичных червях или одичавшем

поле я не приму. Ясно?

Дядюшке Гону было под пятьдесят, Осуги постарше лет на десять. Односельчанам не хотелось отпускать их одних, ведь они не справились бы с Такэдзо, даже если бы и нагнали его. Для жителей деревни Такэдзо оставался зверем, готовым убивать ради запаха крови.

— Не лучше ли взять трех молодых крепких парней? — предложил кто-то. — Пятерых пропустят.

Старуха решительно вздернула голову.

— Обойдусь без помощи! Не нуждалась и не нуждаюсь. С ума посходили от силы Такэдзо! Я его не боюсь. Для меня он по-прежнему безволосый ублюдок, каким я знала его в младенчестве. Он сильнее физически, но я-то еще в своем уме. Пока могу перехитрить не одного противника. Дядюшка Гон тоже не развалина. Теперь вы знаете мой план, — горделиво произнесла Осуги. — И я исполню его. Вы же возвращайтесь домой и следите за хозяйством!

Велев всем идти в Миямото, Осуги направилась к заставе. Никто не осмелился остановить ее. Двое стариков шли по горной тропе на восток, вслед им неслись прощальные возгласы.

— Отважная женщина! — заметил кто-то.

Другой, приложив руки рупором ко рту, закричал:

— Заболеете, немедленно шлите гонца!

— Берегите себя! — заботливо напутствовал третий.

Осуги обратилась к дядюшке Гону, когда голоса односельчан остались далеко позади:

— Нам не о чем беспокоиться. Мы и так умрем раньше молодых парней из деревни.

— Истинная правда, — согласился дядюшка Гон.

Дядюшка Гон промышлял охотой. В молодые годы он был самураем и, по его словам, участвовал не в одной кровавой битве. Даже сейчас он был плотным и загорелым, без единой седой нити в волосах. Он носил фамилию Футикава, имя Гон было сокращением от Гонроку. Он приходился дядей Матахати и, естественно, переживал за родных.

— Осуги!

— Что?

— Ты снарядилась в дорогу, а я в повседневной одежде. Надо где-то раздобыть мне сандалии и шляпу.

— На полпути к долине есть харчевня.

— Припоминаю! Называется «Микадзуки». Там,

конечно, найдется все нужное.

Солнце клонилось к закату, когда они добрались до харчевни. Шли они гораздо больше времени, чем предполагали. Им казалось, что удлинившиеся с приближением лета дни облегчат поиск беглецов.

Осуги и Гон выпили чаю и передохнули. Отсчитывая деньги, Осуги сказала:

— До темноты в Такано не успеть. Придется заночевать на постоялом дворе Сингу на циновках, провонявших от погонщиков вьючных лошадей. По мне, лучше совсем не спать, чем ночевать в Сингу.

— Нет, сон теперь как никогда нужен. Пора в путь!

Гонроку поднялся, надевая только что купленную соломенную шляпу.

— Подожди минутку! — сказал он.

— Что еще?

— Наберу воды!

За харчевней тек горный ручей, из которого Гонроку зачерпнул полную фляжку, сделанную из бамбуковой трубки. На обратном пути он заглянул сквозь раздвинутые сёдзи внутрь дома. Гонроку застыл на месте, увидев в полумраке комнаты фигуру, накрытую циновкой. В воздухе

стоял запах лекарства. Гонроку не видел лица, только разметанные по подушке длинные черные волосы.

— Гон, поторопись! — нетерпеливо окликнула его Осуги.

— Иду.

— Что ты там застрял?

— В харчевне лежит какой-то больной, — ответил Гон и поспешил к Осуги с видом провинившейся собаки.

— Ну и что? Зеваешь по сторонам, как ребенок.

— Прости! — поспешно извинился Гонроку. Он тоже побаивался вздорной старухи, но прекрасно знал, как с ней обходиться.

С крутого склона они начали спускаться к дороге, ведущей в Хариму. Тропа, проложенная вьючными лошадьми с серебряных рудников, была в рытвинах.

— Не упади, Осуги! — обеспокоенно предупредил Гон.

— Не смей делать таких замечаний! По этой дороге я пройду с завязанными глазами. Смотри сам под ноги, старый дуралей!

Сзади вдруг раздался голос:

— А вы резво идете!

Обернувшись, Осуги и Гон увидели хозяина

харчевни верхом на лошади.

— Да, мы только что передохнули у вас. А вы куда держите путь?

— В Тацуно.

— На ночь глядя?

— Нигде лекаря нет. Верхом поспею туда лишь к полуночи.

— Жена захворала?

— Да нет, — сдвинул брови хозяин. — Ладно бы жена или ребенок. Путник, который зашел передохнуть у нас.

— Не девушка ли в задней комнате? — спросил дядюшка Гон. — Я случайно ее увидел.

Осуги насторожилась.

— Она отдыхала, — продолжал хозяин, — и ее начала бить дрожь. Я предложил ей прилечь в задней комнате. А ей все хуже. Надо было что-то решать. Она еле дышит, вся горит. Дело плохо.

Осуги остановилась:

— Девушка лет шестнадцати, очень худенькая?

— На вид шестнадцать. Сказала, что она из Миямото.

Осуги, подмигнув Гонроку, начала копаться за поясом.

— Оставила в харчевне! — озабоченно восклик-

нула она.

— Что?

— Четки. Хорошо помню, как положила их на стол.

— Вот незадача! — отозвался хозяин, заворачивая лошадь. — Сейчас привезу.

— Нет! Вам надо спешить за лекарем. Больная девушка поважнее моих четок. Мы сами вернемся за ними.

Дядюшка Гон уже карабкался вверх по склону. Избавившись от услужливого хозяина, Осуги поспешила за Гонроку. Молча, тяжело дыша, они приближались к цели. Та девушка — не кто иной, как Оцу.

Оцу так и не избавилась от простуды, которую она подхватила в грозовую ночь, когда ее с трудом затащили домой. Рядом с Такэдзо Оцу забыла о болезни, но, оставшись одна, вскоре почувствовала ломоту и слабость. Она добралась до харчевни чуть живая.

Оцу не знала, сколько пролежала в бреду, изредка прося пить. Перед отъездом за лекарем хозяин заглянул к ней, чтобы приободрить. Едва он вышел, как Оцу снова впала в забытье. Казалось, ее пересохший рот забит сотнями иголок. Срывающимся голосом она попросила воды, но

никто не ответил. Она приподнялась на локтях, чтобы доползти до бадьи с водой, которая стояла за стеной. Кое-как она дотянулась до бамбукового ковшика, и в тот же миг сзади кто-то с грохотом откинул ставень, защищавший сёдзи от дождя. Харчевня была обыкновенной горной хижиной, поэтому ставень так легко поддался.

Осуги и дядюшка Гон ввалились в комнату.

— Ничего не вижу, — проворчала Осуги.

— Сейчас! — ответил Гон, помешивая угли в очаге и подбрасывая хворост, чтобы осветить комнату.

— Ее здесь нет!

— Она должна быть здесь! Куда ей деться?

Осуги заметила отодвинутые фусума.

— Она здесь! — крикнула Осуги и тут же получила в лицо полный ковш воды, выплеснутой Оцу. Девушка выбежала из хижины и понеслась вниз по склону, рукава и полы кимоно развевались, как крылья птицы.

Осуги, брызгая слюной, закричала:

— Гон, Гон, да делай же что-нибудь!

— Сбежала?

— Конечно! Мы ее вспугнули, пока лезли сюда. Ты уронил ставень! — Лицо старухи исказила злоба. — Все у тебя валится из рук!

Дядюшка Гон указал на удалявшуюся фигурку, похожую на олененка, бегущего от преследователей.

— Далеко ей не уйти. Она больна, да и не может девушка бегать быстрее мужчины. В один миг догоню!

Набычившись, Гон бросился в погоню, за ним Осуги.

— Гон, — кричала она, — не руби ей голову, пока я ей не выскажу все!

Неожиданно Гон вскрикнул и упал на четвереньки.

— Что с тобой? — спросила запыхавшаяся Осуги.

— Посмотри вниз!

Под ними был горный провал, поросший густыми зарослями бамбука.

— Неужели бросилась вниз?

— Да. Вряд ли здесь глубоко, но, как знать, слишком темно. Сбегаю за факелом в харчевню.

— Что ты тянешь время, осел? — закричала Осуги и толкнула Гона, стоявшего на четвереньках на краю обрыва. Гон пытался ухватиться за что-нибудь, но покатился вниз.

— Старая ведьма! — раздался его голос. — Сама теперь лезь сюда! Полюбуйся!

Такэдзо сидел со скрещенными руками на скале и смотрел на долину, где находился острог Хинагура. Под одной из крыш заточена его сестра. Такэдзо сидел так и весь вчерашний день, однако не мог ничего придумать. Он решил, что не сдвинется с места, пока не составит план спасения Огин.

Такэдзо уже знал, как обмануть пятьдесят или сто стражей, охранявших острог, однако его беспокоило расположение темницы. Ведь надо было не только проникнуть в нее, но и выйти оттуда. Тыльная стена острога примыкала к крутому обрыву, фасад его был защищен двойными воротами. Дело осложнялось и тем, что им пришлось бы убегать по равнинной местности, без единого деревца. В безоблачный день, такой, как сегодня, они с Огин будут более чем легкой мишенью.

Можно было бы предпринять вылазку ночью, но ворота запирались перед заходом солнца. Без стука их не отпереть, значит поднимется переполох. Голыми руками острог не взять.

«Ничего не получится, — с горечью думал Такэдзо. — Я рискую собой и жизнью Огин без надежды на успех».

Собственное бессилие причиняло Такэдзо невыносимые страдания.

«Почему я стал таким трусом? — спрашивал он себя. — Неделю назад мысль о боязни за собственную жизнь в голову бы мне не пришла».

Минула половина еще одного дня. Такэдзо сидел в той же позе, скрестив руки на груди, словно их заперли на замок. Он не мог определить, что удерживало его от того, чтобы приблизиться к острогу. Он ругал себя последними словами, чувствуя необъяснимый страх.

«Совсем растерялся, а ведь был отчаянным. Заглянув в лицо смерти, остаешься, верно, трусом на всю жизнь».

Такэдзо тряхнул головой. Нет, это не трусость. Он усвоил урок, преподанный монахом, — стал зорче смотреть на мир. В душе его царил покой, словно в груди текла большая и тихая река. Теперь он усвоил, что храбрость и бездумное отчаяние — не одно и то же. Он перестал вести себя как зверь, он обдумывал поступки как человек, смелый мужчина, переросший безрассудство юности. Он должен беречь, как драгоценное сокровище, дарованную ему жизнь, осмысленно тратить каждый ее час.

Такэдзо взглянул на ясное небо — какое чудо его синева! Жизнь прекрасна, но он не мог бросить сестру, пусть даже придется пожертвовать

жизнью, цену которой он в муках познал совсем недавно.

В голове начал складываться план.

«С наступлением темноты пересеку долину, взберусь на скалу на той стороне. Естественное препятствие может пригодиться — с тыльной стороны острога нет ворот, она плохо охраняется».

Размышления Такэдзо внезапно были прерваны — мимо просвистела стрела, которая вонзилась в землю в паре шагов от его ноги. За оградой острога он увидел несколько человек, они обнаружили Такэдзо. Люди мгновенно исчезли. Такэдзо понял, что стрелявший рассчитывал на его ответный выпад, поэтому не среагировал на стрелу.

Вечерняя заря угасала за грядой гор на западе, но еще было достаточно светло. Такэдзо подобрал с земли камень. Ужин пролетал у него над головой — Такэдзо сбил птицу с первого раза. Разорвав ее, Такэдзо впился зубами в теплое мясо.

Такэдзо еще ел, когда два с лишним десятка солдат с криками окружили его. Каждый занял боевую позицию, и чей-то голос прокричал:

— Это он! Такэдзо из Миямото!

— Он опасен! Берегитесь!

Оторвавшись от еды, Такэдзо обвел неистовым

взглядом солдат, как дикий зверь, которому помешали терзать добычу.

— Я-а-х! — выдохнул Такэдзо, швырнув здоровенный булыжник в живую стену перед собой. Булыжник обагрился кровью, а юноша стремительно помчался к воротам острога. Люди застыли в замешательстве.

— Что с ним?

— Куда этот болван собрался?

— Сумасшедший!

Такэдзо летел, как вспугнутая стрекоза, преследуемый воплями солдат. Пока они добежали до острога, Такэдзо уже перескочил через внешние ворота. Он очутился в западне между двумя воротами, но Такэдзо этого не замечал. Он не видел ни преследующих его солдат, ни частокол, ни стражу у вторых ворот. Солдата, пытавшегося его остановить, Такэдзо уложил ударом кулака почти машинально. С нечеловеческой силой он стал раскачивать столб внутренних ворот, пока не вывернул, и с этим оружием повернулся к преследователям. Он не считал их, только видел, как нечто большое и темное надвигается на него. Такэдзо обрушил дубину на движущуюся массу. На землю посыпались сломанные копья и мечи.

— Огин! — крикнул Такэдзо, подскочив к тыль-

ной стене. — Это я, Такэдзо.

Горящим взором он обводил острожные строения, выкрикивая имя сестры.

«Неужели обманули?» — в панике подумал Такэдзо. Дубиной он вышибал одну дверь за другой. Куры, которых разводила стража, с квохтаньем разлетались в разные стороны.

— Огин!

Сестры нигде не было. Такэдзо охрип. В грязной и маленькой клетушке он вдруг заметил тень человека, пытавшегося незаметно скрыться.

— Стой! — приказал Такэдзо, швыряя окровавленную дубину под ноги существа, похожего на хорька.

Человек жалобно заверещал, придавленный тяжестью тела Такэдзо.

— Где сестра? — взревел Такэдзо, нанося мощный удар по лицу. — Что с ней? Отвечай, иначе забью до смерти.

— Ее здесь нет. Позавчера ее увезли по приказу из замка.

— Куда? Куда, болван?

— В Химэдзи.

— В Химэдзи?

— Точно.

— Если соврал… — Такэдзо ухватил извиваю-

щегося человека за волосы.

— Сущая правда, клянусь!

— Учти, если соврал, я за тобой вернусь!

Солдаты снова окружили Такэдзо. Схватив избитого человека, он швырнул его в преследователей и исчез в лабиринте между камерами. Просвистело с полдюжины стрел, и одна, как огромная игла, вонзилась в подол кимоно Такэдзо. Прикусив большой палец, он выждал момент, когда утих град стрел, и, как молния, метнулся через ограду. За спиной раздался мушкетный залп, эхом прокатившийся по долине.

Такэдзо мчался вниз по склону. В ушах звучали слова Такуана: «Научись бояться того, что воистину опасно. Грубая сила — ребячество, инстинкт неразумного животного. Обрести силу истинного воина — настоящее мужество. Жизнь — бесценный дар».

Рождение Мусаси

Такэдзо ждал, как было условлено, на окраине Химэдзи. Временами он прятался под мост Ханада, но по большей части стоял на мосту, незаметно наблюдая за прохожими. Отлучаясь ненадолго в центр города, где находился замок, он надвигал шляпу на глаза и скрывал лицо куском тонкой соломенной циновки, как это делают нищие.

Такэдзо волновался из-за отсутствия Оцу. Она произнесла клятву неделю назад — не сто, не тысяча дней миновали. Сам Такэдзо, дав слово, никогда не нарушал его. С каждым часом в нем крепло желание отправиться в путь, хотя в Химэдзи его привела не только договоренность с Оцу. Надо было разузнать, где находится Огин.

Во время одной из вылазок в центр Такэдзо услышал, как кто-то окликнул его по имени. За спиной у него возник человек. Такэдзо резко обернулся — перед ним стоял Такуан. Появление монаха сразило юношу. Он вообще чувствовал себя скованно в его присутствии. Такэдзо считал, что никто, даже Такуан, не узнает его в новом обличье.

Монах, схватив Такэдзо за руку, приказал:

— Пойдешь со мной!

Тон монаха исключал всякое неповиновение.

— Веди себя смирно. Я слишком долго разыскивал тебя.

Такэдзо покорно последовал за Такуаном. Он понятия не имел, куда они направляются. Он снова испытывал необъяснимое бессилие перед этим человеком. Почему так происходит? Ведь сейчас он свободен. Такэдзо не сомневался, что они возвращаются к тому ненавистному дереву в Миямото или в тюрьму при замке. Он подозревал, что Огин держат где-то в замке, но не имел ни малейшего тому подтверждения. Если его вели в замок, то хотя бы они будут вместе с сестрой. Коли им суждена смерть, то последние минуты бесценной жизни он предпочел бы провести рядом с единственным человеком, которого любил.

Замок Химэдзи величественно предстал взору Такэдзо. Он понял, почему его называют замком Белой Цапли. Стройное здание парило над каменными громадами укреплений, как спустившаяся с небес сказочная гордая птица. Такэдзо с Такуаном перебрались через внешний ров по широкому подвесному мосту. У железных ворот застыла стража. Солнце играло на отполированных наконечниках копий, выстроившихся в ряд.

Такэдзо замедлил шаг. Такуан не оглядываясь уловил сомнения спутника и нетерпеливым жестом велел ему поторопиться. Миновав первые ворота, Такуан и Такэдзо подошли ко вторым, где стража казалась еще более грозной и воинственной, готовой мгновенно вступить в схватку. Замок принадлежал даймё. Обитателям замка, получившим краткую передышку, еще предстояло осознать, что произошло успешное воссоединение страны. Мир был непривычным благом для Химэдзи, как и для других замков страны в те времена. Такуан вызвал командира стражников.

— Привел! — объявил монах.

Передавая Такэдзо в руки стражи, Такуан напомнил об уговоре хорошо заботиться о пленнике, но предупредил:

— Будьте поосторожней! Этот клыкастый львенок не укрощен. Если его дразнить, он кусается.

Такуан прошел через вторые ворота в центральную часть замка, где находились покои даймё. Монах хорошо знал дорогу, ему не требовались провожатые. Он шел с высоко поднятой головой, и никто не останавливал его.

Выполняя указания Такуана, главный страж пальцем не коснулся Такэдзо. Он только прика-

зал пленнику следовать за собой. Такэдзо молча повиновался. Они пришли в баню, и страж велел юноше вымыться. У Такэдзо мурашки побежали по спине — он хорошо помнил последнюю баню у Осуги, когда ему чудом удалось выбраться из западни. Такэдзо, скрестив руки на груди, оглядывался по сторонам и тянул время. Все вокруг выглядело удивительно мирно — истинный островок покоя, где даймё мог насладиться жизнью в минуты, свободные от обдумывания военных планов. Появился слуга в черном кособэ и брюках хакама. Он вежливо сказал с поклоном:

— Я оставлю одежду здесь. Наденьте после бани.

Такэдзо едва сдерживал слезы. Вместе с одеждой ему принесли не только складной веер и бумажные салфетки, но и пару самурайских мечей — длинный и короткий. Вещи были скромными и недорогими. С Такэдзо обращались как с человеком. Ему захотелось потереться щекой о чистую одежду и вдохнуть свежий запах хлопка. Юноша вошел в баню.

Владелец замка князь Икэда Тэрумаса сидел, опершись на подлокотник, и любовался садом. Это был невысокий человек с чисто выбритой головой и темными оспинами на лице. Он не был

облачен в официальный костюм, но выглядел строго и величаво.

— Это он? — обратился Тэрумаса к Такуану, указывая сложенным веером в сторону Такэдзо.

— Да, — ответил монах с учтивым поклоном.

— У него хорошее лицо. Ты правильно поступил, сохранив ему жизнь.

— Он всем обязан вам, ваша светлость.

— Это твоя заслуга, Такуан. Будь у меня больше таких, как ты, мы спасли бы много отважных воинов во благо страны.

Даймё вздохнул:

— Печально, но мои люди считают своим священным долгом отловить или обезглавить как можно больше таких храбрецов.

Часом позже Такэдзо сидел в саду перед верандой, склонив голову и положив ладони на колени в знак почтительного внимания.

— Тебя зовут Симмэн Такэдзо? — спросил Икэда Тэрумаса.

Такэдзо мельком взглянул на прославленного воина и тут же опустил глаза.

— Да, ваша светлость.

— Дом Симмэна принадлежит к клану Акамацу, а Акамацу Масанори, как тебе известно, когда-то владел этим замком.

У Такэдзо пересохло в горле. Он лишился дара речи. Привыкнув быть изгоем в семействе Симмэн, он и к даймё не испытывал ни теплых чувств, ни благоговения. Такэдзо вдруг охватил стыд за то, что он навлек позор на предков и запятнал фамилию. Лицо его вспыхнуло.

— Ты совершил множество непростительных ошибок, — строго продолжал Тэрумаса.

— Да, ваша светлость.

— Ты понесешь наказание.

Обратившись к Такуану, даймё спросил:

— Правда ли, что мой вассал Аоки Тандзаэмон без моего разрешения позволил тебе решать вопрос о наказании этого человека в случае его поимки?

— Спросите лучше у самого Тандзаэмона.

— Его я уже допросил.

— Вы полагаете, я мог вам солгать?

— Конечно нет! Тандзаэмон признался, но мне нужно было твое подтверждение. Он мой вассал, поэтому его обещание должно выполнять и мне. Являясь правителем Химэдзи, я тем не менее потерял право наказать Такэдзо по своему усмотрению. Я не могу отменить наказание, но приговор вынесешь ты.

— Хорошо. Этого я и добивался.

— И видимо, уже все обдумал. Что с ним делать?

— Считаю, надо его испытать.

— Каким образом?

— В замке наверняка есть темная комната, про которую ходит дурная молва, будто там водятся привидения?

— Да. Слуги отказываются в нее входить, ее избегают даже мои воины, так что она всегда пустует. Ею никогда не пользуются, я держу ее запертой.

— Вы, Икэда Тэрумаса, один из славнейших воинов сёгуна Токугавы, а у вас в замке есть комната, куда все боятся заходить. Не подрывает ли это ваше достоинство?

— Мне это никогда не приходило в голову.

— Это может плохо отразиться на вашей власти и могуществе. Мы должны вдохнуть жизнь в этот уголок замка.

— Да?

— С вашего позволения, я помещу в ней Такэдзо и буду держать его, пока не прощу. Он привык жить во мраке. Ты меня слышишь, Такэдзо?

Такэдзо промолчал, а Икэда рассмеялся:

— Прекрасно!

В ту памятную ночь Такуан сказал сущую

правду Аоки Тандзаэмону о своих отношениях с Икэдой. Монаха и Икэду, исповедовавших дзен, связывали дружеские, почти братские узы.

— Зайди в чайный домик после того, как определишь Такэдзо на новом месте, — сказал Икэда монаху, завершая аудиенцию.

— Хотите лишний раз продемонстрировать свою неуклюжесть в чайной церемонии?

— Ты несправедлив, Такуан! Я серьезно увлекся этой наукой. Увидишь, как я преуспел. Жду тебя!

Икэда Тэрумаса удалился во внутренние покои. Князь был невысок ростом, но фигура его, казалось, заполняла весь многоярусный замок.

В башне, где находилась проклятая комната, стояла кромешная тьма. Здесь не существовало времен года, дня, ночи, сюда не проникали звуки жизни. Тусклый светильник освещал бледное, осунувшееся лицо Такэдзо. Перед ним на низком столике лежал трактат Сунь-цзы, раскрытый на главе «Топография». Она гласила:

«По топографическим характеристикам местность бывает:
проходимой
препятствующей движению
задерживающей движение

теснящей со всех сторон
имеющей крутизну
отдаленной».

Доходя до параграфа, который ему особенно нравился, Такэдзо начинал декламировать наставления:

«Владеющий искусством воина
четок в движениях
он действует, он не скован
познавший себя и врага побеждает без угрозы для жизни
познавший землю и небеса одерживает верх надо всеми».

В глазах начинало рябить от напряжения, и Такэдзо промывал их холодной водой из кувшина, стоявшего под рукой. Когда кончалось масло и светильник начинал чадить, он его задувал. Стол был завален горами японских и китайских книг. Книги о дзен, тома японской истории. Такэдзо погребла лавина знаний. Все книги были из библиотеки князя Икэды.

Приговорив Такэдзо к заключению, Такуан объявил:

— Можешь читать сколько угодно. Один древ-

ний мудрец сказал: «Я погрузился в священные манускрипты и прочел тысячи томов. Возвратившись в мир, я обнаружил, что сердце мое обрело зоркость». Готовься к новому рождению, Такэдзо! Считай, что ты здесь, как во чреве матери. Взгляни на эту комнату обыкновенным взглядом, увидишь лишь тесное темное узилище. Но приглядись! Подумай! Она может стать источником просветления, кладезем мудрости, созданным и обогащенным мудрецами древности. Тебе решать, быть этой комнате вместилищем света или тьмы.

Такэдзо давно потерял счет дням. Если было холодно, значит стояла зима, тепло — лето. Ничего другого он не ощущал. Воздух оставался неизменно промозглым и спертым, смена времен года не сказывалась на жизни Такэдзо. Он твердо знал, что, когда в очередной раз он увидит ласточек, вьющих гнезда в бойницах башни, пойдет третья весна его заточения.

— Мне уже двадцать один год! — воскликнул он. Его мучили угрызения совести. Такэдзо застонал от душевной боли. — Что я совершил за свою жизнь?

Порой его преследовали горькие воспоминания о прожитом, причиняя глубокие страдания. Он

стонал, выл, катался по полу, иногда рыдал, как ребенок. Приступы тоски продолжались днями. Он пробуждался к жизни опустошенным, с всклокоченными волосами и болью в сердце.

Настал день, когда в бойницах защебетали ласточки, принесшие на крыльях весну из-за морей. Через несколько дней после прилета птиц раздался голос, резанувший ухо узника:

— Такэдзо! Ты жив?

На верхней ступени показалась знакомая фигура Такуана. Потеряв дар речи от потрясения, Такэдзо схватил монаха за рукав кимоно и затащил в комнату. Слуги, приносившие еду Такэдзо, никогда не разговаривали. Какое счастье услышать человеческий голос, тем более Такуана!

— Я только что вернулся из путешествия, — сказал Такуан. — Пошел третий год заключения. Думаю, у тебя было достаточно времени, чтобы одуматься и стать другим.

— Я навеки обязан тебе, Такуан, за твою доброту. Я понял, что ты для меня сделал. Смогу ли я когда-нибудь отблагодарить тебя?

— Отблагодарить? — переспросил Такуан, не веря своим ушам. Монах рассмеялся. — Ты мог разговаривать только с самим собой, но все же научился говорить по-человечески. Прекрасно!

Сегодня ты покинешь башню, унеси с собой как величайшую драгоценность обретенное просветление. Оно пригодится, когда ты вернешься к обычной жизни.

Такуан повел Такэдзо к князю Икэде. Три года назад во время аудиенции Такэдзо оставили в саду, сейчас его допустили на веранду. После церемонии приветствия Икэда предложил Такэдзо поступить к нему на службу.

Такэдзо ответил отказом. Поблагодарив за высокую честь, он сказал, что не чувствовал себя достойным для службы у даймё.

— Если я останусь в замке, духи, пожалуй, начнут являться в проклятой комнате каждую ночь.

— Почему? Они водили с тобой компанию?

— Если со светильником рассмотреть ту комнату, то на стенах и потолочных балках видны темные пятна. Их можно принять за следы лака, но это кровь. Кровь, пролитая Акамацу, моими предками, которые погибли здесь, защищая замок.

— Быть может…

— Во мне клокочет ярость, когда я вижу эти пятна. Кровь закипает при мысли о предках, некогда правивших здесь. Их истребили, а души их развеяли осенние ветры. Они умерли насильственной

смертью, но Акамацу был могущественным кланом, и лучше его не тревожить. Во мне течет та же кровь. Пусть я ничтожен, но я принадлежу к Акамацу. Если я останусь здесь, то возмущенные духи придут за мной. Они уже напомнили мне о моем происхождении в той комнате. Они способны поднять мятеж, затеять новое жестокое побоище. Мы переживаем смутное время. Во имя покоя обитателей нашего края я бы не хотел тревожить духов предков.

Князь одобрительно кивнул:

— Понимаю. Лучше покинуть замок, но куда же ты пойдешь? Назад в Миямото? Будешь жить там?

Такэдзо смиренно улыбнулся:

— Хотел бы пострaнствовать.

— Понятно. Проследи, Такуан, чтобы он получил деньги и дорожное снаряжение!

— Благодарю за вашу заботу об этом юноше, — с поклоном ответил монах.

— Такуан! — засмеялся Икэда. — Ты впервые дважды поблагодарил меня за сущий пустяк.

— Пожалуй, — усмехнулся Такуан. — Больше не повторится!

— Полезно попутешествовать, пока молод, — сказал Икэда. — Он вступает в самостоятельную

жизнь, родившись заново, как ты говоришь, ему следует принять новую фамилию. Назовем его Миямото, чтобы не забывал родину. Отныне, Такэдзо, носи фамилию Миямото!

Ладони Такэдзо коснулись пола. Он распростерся ниц перед князем.

— Слушаюсь, ваша светлость.

— Нужно сменить имя, — вмешался Такуан. — Почему бы не читать иероглифы твоего имени по-китайски? Вместо Такэдзо получится Мусаси. Написание имени останется прежним. В день нового рождения ты входишь совершенно обновленным!

Пребывавший в веселом настроении Икэда одобрительно кивнул.

— Миямото Мусаси. Прекрасное имя! Замечательно! Следует выпить за наречение!

Они перешли в соседнюю комнату, им подали саке. Такэдзо и Такуан оставались с князем до глубокой ночи. К ним присоединилось несколько вассалов Икэды. Такуан даже исполнил старинный танец. Знаток искусства, он мастерски воспроизвел волшебный мир танца. Такэдзо, теперь Мусаси, замирал от восхищения, благоговения и радости. Саке лилось рекой.

На следующий день Такэдзо и Такуан покину-

ли замок. Мусаси сделал первый шаг в новую жизнь — мир дисциплины и совершенствования воинского мастерства. Во время трехлетнего заточения он решил досконально изучить Сунь-цзы.

У Такуана были свои планы. Он собирался в очередное странствие, и, по его словам, настала пора расставаться.

Оставив за спиной ворота замка, они вышли в город. Мусаси стал прощаться, но Такуан удержал его за рукав.

— Никого не хотел бы повидать?

— Кого?

— Огин.

— Она жива? — изумленно воскликнул Мусаси. Никогда, даже во сне, он не забывал о нежной сестре, заменившей ему мать.

Такуан рассказал, что, когда Такэдзо напал на острог в Хинагуре три года назад, Огин уже не было там. Ее ни в чем не смогли обвинить, но она не захотела возвращаться в Миямото и осталась в деревне у родственников в Саё. Она и по сей день счастливо живет там.

— Хочешь ее увидеть? — спросил Такуан. — Она мечтает о встрече. Три года назад я посоветовал ей считать тебя мертвым, и в некотором смысле ты умер заживо. Я пообещал через три года при-

вести нового брата, не имеющего ничего общего с прежним Такэдзо.

Мусаси молитвенно сложил ладони и склонил голову, словно бы перед статуей Будды.

— Ты не только позаботился обо мне, — произнес он, охваченный волнением, — но и спас Огин. Такуан, воистину безмерно твое сострадание к людям. Никогда не смогу тебя отблагодарить.

— Лучшей благодарностью будет, если пойдешь со мной к Огин.

— Но… может, мне не обязательно видеться? Услышать о сестре из твоих уст — все равно что повидаться с ней.

— Уверен, ты хочешь взглянуть на нее хоть одним глазком.

— Нет. Я действительно умер, Такуан, и родился заново. Пока не время возвращаться к былому. Я должен сделать решительный шаг в будущее. Я на ощупь отыскиваю путь, которому должен следовать. Когда я продвинусь по пути знания и самосовершенствования, у меня будет время остановиться и оглянуться на прошлое. Но не сейчас!

— Ясно.

— Мне трудно найти нужные слова, но ты меня поймешь, надеюсь.

— Да. Я рад, что ты обрел цель в жизни. Поступай по своему разумению.

— Теперь простимся. Встретимся снова, если меня не убьют во время странствий.

— Обязательно увидимся, если судьба сведет нас.

Такуан сделал несколько шагов, но вдруг остановился.

— Должен предупредить, что Осуги и дядюшка Гон покинули Миямото три года назад и пошли разыскивать тебя и Оцу. Они поклялись не возвращаться, пока не отомстят вам. Ни возраст, ни пошатнувшееся здоровье не образумили их — они все еще продолжают поиски. Не думаю, что они представляют серьезную угрозу. Не считай их страшными врагами. И еще есть человек по имени Аоки Тандзаэмон. Имя тебе, вероятно, не знакомо, но это тот самый, что руководил в Миямото облавой на тебя. Незадачливый самурай запятнал воинскую честь, и князь Икэда навсегда уволил его со службы. Не знаю, имеет ли это какое-то отношение к нам с тобой. Аоки, несомненно, тоже где-то странствует. — Монах помрачнел. — Мусаси, ты вступаешь на опасный путь. Помни об этом каждую минуту!

— Постараюсь, — улыбнулся Мусаси.

— Теперь, кажется, все. Прощай! — Такуан пошел не оглядываясь. Путь его лежал на запад.

— Счастливо! — крикнул ему вслед Мусаси. Он стоял на распутье, пока фигура монаха не исчезла из виду. Потом Мусаси зашагал на восток.

— Теперь я остался с одним лишь мечом. На него только я и могу положиться, — сказал себе Мусаси, поглаживая эфес. — Буду жить по его законам. Меч станет моей душой. Овладевая им, я буду совершенствовать себя во имя мудрости. Такуан следует Путем Дзен. Я избрал Путь Меча. И должен превзойти даже Такуана.

Так решил Мусаси. Он был еще молод, поэтому мог многое успеть в жизни.

Мусаси шел уверенным шагом, глаза светились молодостью и надеждой. Порой он приподнимал поля соломенной шляпы и вглядывался в даль, мысленно представляя путь в будущее, по которому предстояло пройти, не ведая, что подстерегает его в дороге.

Мусаси не успел выйти за пределы Химэдзи, как с моста Ханада к нему с криком бросилась какая-то женщина. Мусаси прищурился, чтобы солнечный свет не мешал ему разглядеть женщину.

— Это ты! — вымолвила Оцу, хватая его за

рукав.

Мусаси онемел от изумления.

— Такэдзо, ты ведь не забыл? Помнишь, как называется мост? Забыл мое обещание ждать тебя здесь до бесконечности? — обиженно говорила Оцу.

— Ты прождала три года? — поразился Мусаси.

— Осуги и дядюшка Гон настигли меня сразу после того, как мы расстались. Я заболела, пришлось остановиться в харчевне. Была на волосок от смерти, но мне удалось спастись. Через двадцать дней после нашего расставания на перевале Накаяма я была на условленном месте.

У моста была лавка плетельщика корзин, таких заведений немало вдоль больших дорог. Путники покупают в них разные мелочи. Оцу, указав рукой в сторону лавки, продолжала:

— Я рассказала хозяевам про свою судьбу, и добрые люди взяли меня в услужение. Здесь я могла жить и ждать тебя. Сегодня пошел девятьсот семидесятый день. Я честно выполнила свое обещание.

Оцу заглядывала в лицо Мусаси, пытаясь прочесть его мысли.

— Ты ведь возьмешь меня с собой?

Мусаси, разумеется, не имел намерения брать

с собой ни Оцу, ни кого-либо другого. Сейчас ему хотелось как можно быстрее уйти отсюда и заглушить мысли о сестре, к которой его неудержимо влекло.

«Что делать? Как отправиться на долгие поиски истины и знания вместе с женщиной или с другим спутником, который постоянно будет мне мешать, — лихорадочно размышлял Мусаси. — Девушка к тому же по-прежнему считается невестой Матахати».

Мусаси не сумел скрыть от Оцу сомнений, терзавших его.

— Взять с собой? Куда?

— Туда же, куда и ты идешь!

— Я собрался в дальний и трудный путь, а не на прогулку.

— Я не помешаю. И готова к любым трудностям.

— Уверена?

— Вытерплю все!

— Дело в другом, Оцу. Как может человек осилить Путь Воина вместе с женщиной? Нелепо. Люди засмеют — смотрите, идет Мусаси, а за ним нянька тащится.

Оцу крепче ухватилась за его рукав, как малое дитя.

— Отпусти! — приказал Мусаси.

— Ни за что! Ты, значит, обманывал меня?

— Когда?

— На перевале. Обещал взять меня с собой.

— Сто лет назад! Я тогда вообще ни о чем не думал, у меня и времени не было. Вообще, ты сама выдумала все. Я спешил, а ты не отпустила бы меня, не пообещай я встречу на мосту. Выбора не было, и я ушел, поневоле приняв твое условие.

— Нет! Ты не смеешь так говорить! — воскликнула Оцу, тесня Мусаси к перилам моста.

— Пусти меня! Люди смотрят!

— Ну и пусть! Когда ты болтался привязанным на дереве, я предложила свою помощь. От радости ты дважды попросил меня разрезать веревку. Разве не правда?

Оцу пыталась быть рассудительной, но слезы выдали ее. Первыми ее бросили родители, потом обманул жених, а теперь предает человек, которому она помогла спастись от смерти. Зная, как одинока Оцу, Мусаси сочувствовал ей всей душой, но был сдержан.

— Ладно, пошли, — сказал он. — Неприлично средь бела дня устраивать такие сцены. Хочешь сделать нас посмешищем для зевак?

Оцу, отпустив рукав, припала, содрогаясь от

рыданий, к перилам. Блестящие волосы упали ей на лицо.

— Прости! — прошептала она. — Не нужно было ничего говорить. Забудь, ты мне ничего не должен!

Склонившись над Оцу, Мусаси откинул волосы с ее лица и посмотрел ей в глаза.

— Оцу, — ласково сказал он, — все это время, пока ты ждала, я был заточен в башне замка. Не видел солнца три года.

— Слышала.

— Ты знала?

— Такуан рассказывал.

— Такуан? Во всех подробностях?

— Почти. Я потеряла сознание, когда сорвалась с обрыва около харчевни в Микадзуки. Я убегала от Осуги и дядюшки Гона. Такуан спас меня, а потом пристроил в лавку корзинщика. Три года прошло с той поры. Он навещал меня несколько раз. Вчера зашел, пил чай. Не знаю, что подразумевал Такуан, сказав: «Речь идет о мужчине и женщине. Никому не дано знать, как обернется дело».

Мусаси, опустив руки, смотрел на дорогу, ведущую на запад. Встретит ли он снова человека, спасшего ему жизнь? Мусаси непрестанно восхи-

щался добротой Такуана, безмерной, совершенно бескорыстной. Мусаси понял, что монах не ограничился заботой только о его, Мусаси, судьбе. Душевная щедрость Такуана обогрела Огин, Оцу, всех, кто нуждался в утешении.

«Речь идет о мужчине и женщине…» Слова Такуана смутили ум Мусаси. Он не мог проникнуть в суть. Таких слов не было ни в одной из бесчисленных книг, над которыми он корпел три года. Такуан никогда не касался его отношений с Оцу. Может быть, монах считал неуместным вмешательство в личную жизнь? Или в таких отношениях вообще нет установленных правил, как, например, в «Искусстве войны»? Ни надежной стратегии, ни пути, гарантирующего победу? Или это новое испытание, задача, которую сможет решить только сам Мусаси?

Мусаси погрузился в раздумья, глядя на бегущую под мостом воду. Оцу не сводила глаз с его лица, спокойного и отрешенного.

— Я ведь могу пойти с тобой? Хозяин лавки обещал отпустить меня по первой просьбе. Попрощаюсь с ним и соберу вещи. Я мигом!

Мусаси ладонью накрыл изящную белую руку Оцу, лежавшую на перилах.

— Послушай! — умоляюще произнес он. — Не

торопись, подумай как следует!

— О чем?

— Я говорил тебе, что стал совершенно другим. Три года я провел в затхлой комнате. Читал, размышлял, кричал и плакал. Внезапно на меня снизошло озарение. Я постиг суть человеческого бытия. У меня новое имя — Миямото Мусаси. Я решил посвятить себя совершенствованию и дисциплине. Каждый день, каждую минуту хочу употребить на то, чтобы сделаться лучше. Теперь я твердо знаю цель жизни. Связав свою судьбу со мной, ты никогда не будешь счастливой. Впереди нас ожидают одни трудности, их бремя день ото дня будет все тяжелее.

— Твои слова убеждают меня, что ты стал мне еще дороже. Я не сомневаюсь в своей правоте. Я не нашла бы никого лучше тебя, проискав всю жизнь.

Мусаси понял, что его слова осложнили дело.

— Я не могу взять тебя с собой.

— Хорошо, я просто пойду следом. Не буду мешать твоим занятиям, поэтому не наврежу тебе. Ты и не заметишь моего присутствия.

Мусаси не нашелся, что ответить Оцу.

— Обещаю, что не буду тебе докучать.

Мусаси молчал.

— Вот и решили! Подожди здесь, я сейчас вернусь. Рассержусь, если попытаешься сбежать.

Оцу побежала в лавку.

Мусаси подмывало со всех ног броситься в другую сторону, но он словно прирос к земле.

Оцу, оглянувшись, крикнула:

— Не вздумай улизнуть!

Она улыбнулась, и на щеках появились ямочки. Мусаси невольно кивнул в знак согласия. Радостная Оцу исчезла в лавке.

Если бежать, то сию же минуту! Так подсказывало сердце. Но улыбка Оцу и ее умоляющий взгляд словно приковали его к месту. Какая она хорошенькая! Никто, кроме сестры, не любил его так сильно. Нельзя сказать, чтобы Оцу не нравилась ему.

Мусаси взглянул на небо, потом на воду и судорожно сжал перила моста. Его охватило замешательство. Щепки от перил упали из-под пальцев Мусаси в воду и поплыли вниз по реке.

Оцу появилась на мосту. На ней были новые соломенные сандалии с желтыми ноговицами, большая дорожная шляпа, подвязанная под подбородком алой лентой. Она никогда еще не казалась такой красивой.

Мусаси нигде не было.

Оцу отчаянно закричала, зарыдав. Взгляд ее упал на перила, на которых белели свежие надрезы. Она прочитала вырезанную острием кинжала надпись: «Прости меня, прости!»

Книга вторая. Вода

Цвет ёсиоки

Жизнь — сиюминутность, не ведающая завтра.

В Японии начала семнадцатого века и знать, и простой люд воспринимали жизнь как нечто быстротечное и преходящее. Знаменитый военачальник Ода Нобунага, положивший начало объединению Японии, которое завершил Тоётоми Хидэёси, выразил это ощущение в четверостишии:

Полвека жизни —
Лишь мимолетный сон
В скитаниях человека
Сквозь цепь рождений.

Ода Нобунага покончил с собой в Киото в возрасте сорока восьми лет, после того как потерпел поражение в стычке с одним из своих собственных военачальников, который предательски напал на него.

К 1605 году, то есть двадцатью годами позже, бесконечные распри между даймё были в основном закончены, и Токугава Иэясу два года правил как сёгун. На улицах Киото и Осаки ярко горели

фонари, как в лучшие дни сёгуната Асикаги, царило приподнятое праздничное настроение. Немногие верили в продолжительный мир. Сто лет междоусобиц приучили людей воспринимать периоды без войн как нечто временное и непрочное. В столице кипела жизнь, но в воздухе висела напряженность, вызванная неуверенностью в завтрашнем дне. Неопределенность подхлестывала лихорадочную жажду наслаждений.

Токугава Иэясу формально оставил пост сёгуна, не выпустив, однако, бразды правления. У него было достаточно сил для контроля над другими даймё и поддержания главенства своего клана. Титул сёгуна перешел к его третьему сыну — Хидэтаде. Ходили слухи, что новый сёгун собирается в Киото для засвидетельствования почтения императору, но все понимали — путешествие на запад значило больше, чем визит вежливости. Наиболее могущественный среди вероятных соперников сёгуна — Тоётоми Хидэёри — был сыном Хидэёси, даровитого преемника Оды Нобунаги. Хидэёси сделал все возможное для сохранения власти над семейством Тоётоми, пока Хидэёри не достиг возраста, дававшего право на самостоятельную власть. Но победителем в битве при Сэкигахаре стал Токугава Иэясу.

Резиденция Хидэёри по-прежнему находилась в замке Осака. Иэясу не расправился с Хидэёри, даже разрешал ему иметь внушительный годовой доход, понимая, что Осака представляет собой главную опасность как оплот всех неприятельских сил. Многие феодальные правители, сознавая неустойчивость обстановки, проявляли равное уважение и Хидэёри и сёгуну. Не было секретом, что Хидэёри имел достаточно замков и золота, чтобы в случае необходимости нанять на службу ронинов со всей страны.

Киото кипел слухами и домыслами о будущем страны.

— Рано или поздно война начнется!

— Дело времени.

— Уличные фонари завтра могут погаснуть.

— Пустое. Чему бывать, того не миновать!

— Поживем в свое удовольствие, пока есть возможность.

Бурная ночная жизнь и процветание веселых кварталов свидетельствовали о том, что большинство людей следовало совету не терять времени даром.

К любителям развлечений принадлежали и восемь молодых самураев, только что свернувших на улицу Сидзё. Они шли вдоль белой оштука-

туренной стены, в конце которой возвышались внушительных размеров ворота под массивной крышей. Почерневшая от времени деревянная доска извещала: «Ёсиока Кэмпо, город Киото. Военный наставник сёгунов Асикаги». Поблекшие иероглифы читались с трудом.

Молодые самураи выглядели так, словно занимались фехтованием весь день напролет. У одних, помимо традиционных двух стальных, были деревянные мечи, у других — копья. Такие отчаянные вояки всегда первыми оказываются на месте кровавой схватки. Их лица выражали решительность и непреклонность, глаза грозно сверкали. Молодые самураи готовы были ринуться в бой по любому поводу.

— Молодой учитель, куда пойдем сегодня вечером? — шумно спрашивали они своего предводителя, окружив его кольцом.

— Куда угодно, только не туда, где были вчера, — мрачно ответил он.

— Почему? Все женщины засматривались на тебя. Нас едва замечали.

— Учитель, пожалуй, прав, — вмешался один из самураев. — Лучше в такое место, где никто не знает ни молодого учителя, ни нас.

Балагуря и подзадоривая друг друга, молодые

люди рассуждали, где сегодня выпить и развлечься с женщинами.

Самураи вышли на ярко освещенную набережную реки Камо. Долгие годы берег был пустошью, поросшей травой, — красноречивое свидетельство упадка, порожденного войной. С наступлением мира земля здесь подорожала. Берег усеяли кособокие домишки, вход в которые был кое-как завешен красными или светло-желтыми занавесками норэн. В этих домах продажные женщины занимались своим ремеслом. Девушки из провинции Тамба с небрежно набеленными лицами свистом зазывали клиентов; купленные оптом несчастные женщины бряцали на сямисэне, недавно вошедшем в моду, и, хихикая, распевали непристойные песни.

Молодого учителя звали Ёсиока Сэйдзюро. Изящное темно-коричневое кимоно ладно сидело на его высокой фигуре. Когда молодые самураи вошли в веселый квартал, он подозвал одного из спутников.

— Тодзи, купи мне соломенную шляпу!

— Которая совсем скрывает лицо?

— Да.

— Зачем она тебе здесь? — удивился Гион Тодзи.

— Значит, нужно! — отрезал Сэйдзюро. — Не хочу, чтобы сына Ёсиоки Кэмпо видели в подобном месте.

Тодзи рассмеялся:

— Шляпа, наоборот, привлечет внимание. Все здешние женщины знают: если посетитель прячет лицо, он из приличного и, возможно, богатого семейства. Конечно, они тебя не оставят в покое и по другой причине, но шляпа — лишняя приманка!

Тодзи, как обычно, одновременно поддразнивал учителя и льстил ему. Он приказал слуге принести шляпу, перед тем как влиться в толпу гуляющих. Сэйдзюро, надев принесенную шляпу, почувствовал себя свободнее.

— В ней, — заметил Тодзи, — ты еще больше смахиваешь на городского щеголя.

— Смотрите, все женщины высунулись из домов, чтобы разглядеть его! — обратился Тодзи к друзьям.

Независимо от лести Тодзи Сэйдзюро действительно был хорош собой. Отлично отполированные ножны двух мечей, достоинство и манеры — все выдавало в нем отпрыска богатого семейства. Соломенная шляпа не ограждала его от окликов женщин:

— Эй, красавчик! Зачем прятаться под дурацкой шляпой?

— Иди-ка ко мне! Посмотрю, что у тебя под шляпой!

— Не робей! Покажись!

От заигрываний Сэйдзюро стал держаться еще прямее и неприступнее. Он начал заходить в этот квартал совсем недавно, и то по настоянию Тодзи, и пока чувствовал себя неловко. Сэйдзюро был старшим сыном знаменитого фехтовальщика Ёсиоки Кэмпо и никогда ни в чем не нуждался, однако изнаночная сторона жизни до последнего времени оставалась неведомой ему. Всеобщее внимание заставляло его сердце учащенно биться. В нем еще оставались следы застенчивости, хотя Сэйдзюро, избалованный сын богатого человека, любил покрасоваться на людях. Лесть приятелей и заигрывания женщин вливались в него сладким ядом.

— Ведь это сын Ёсиоки с улицы Сидзё! — воскликнула одна из женщин. — Почему прячешь лицо? Никого шляпой не обманешь!

— Откуда она знает? — с притворным недовольством проворчал Сэйдзюро, обращаясь к Тодзи.

— Очень просто! — откликнулась женщина, прежде чем Тодзи открыл рот. — Все знают, что

люди из школы Ёсиоки предпочитают темно-коричневую одежду. Этот цвет называют «Ёсиока», его любят в нашем квартале.

— Правильно, но, как ты заметила, многие носят одежду такого цвета.

— Да, но на других нет твоего герба.

Сэйдзюро взглянул на свой рукав.

— Я должен быть осмотрительнее, — проговорил он.

В этот момент из-за сёдзи высунулась чья-то рука и ухватила его за кимоно.

— Ну и ну! — вмешался Тодзи. — Спрятал лицо и не утаил герб! Должно быть, хотел, чтобы его узнали. Теперь непременно нужно заглянуть к девушкам.

— Как хотите, — отозвался Сэйдзюро, ощущая неловкость. — Только пусть отпустит рукав!

— Отцепись! — заревел Тодзи. — Хозяин сказал, что мы ваши гости.

Ученики фехтовальной школы гурьбой ввалились в дом. Комната была безвкусно украшена аляповатыми картинками и кое-как подобранными букетами цветов. Убожество обстановки угнетающе подействовало на Сэйдзюро, его друзья вовсе ее не замечали.

— Саке! — распорядился Тодзи, заказав и за-

куски.

Когда принесли еду, Уэда Рёхэй, постоянный соперник Тодзи в фехтовании, крикнул:

— Женщин сюда!

Подражая Тодзи, он говорил нарочито грубо. Молодые люди хором поддержали приятеля, копируя его голос:

— Эй вы, старик Уэда приказал подать женщин!

— Не люблю, когда меня называют стариком, — скорчил гримасу Рёхэй. — Да, я дольше всех пробыл в школе, но вы не найдете седого волоска у меня на голове.

— Может, ты чернишь их!

— Сказавший это должен выпить штрафную из моих рук.

— Лишний труд! Лучше передай сюда!

Чашечка полетела в говорившего. В ответ полетела другая.

— Получай!

— А сейчас — танцы!

— Выходи в круг, Рёхэй! Докажи, что ты не старик! — воскликнул Сэйдзюро.

— Всегда готов! А ну, держись!

Рёхэй отошел в угол веранды, повязал голову красным передником, воткнул цветы сливы в

пучок волос на затылке и взял метлу.

— Он хочет исполнить танец девушки из Хиды! Тодзи, нужна песня!

Все начали ритмично постукивать по посуде палочками для еды, а кто-то из компании стучал щипцами для углей по жаровне.

За бамбуковой оградой,
За оградой, за оградой
Я приметил кимоно с длинными рукавами,
С длинными рукавами,
На снегу.

Под одобрительные крики Тодзи закончил первый куплет. Девушки подхватили под аккомпанемент сямисэна:

Девушки, увиденной вчера,
Сегодня нет уже.
А та, что предо мной сегодня,
Исчезнет завтра без следа.
Что день грядущий принесет?
Хочу любить тебя сегодня!

В углу комнаты молодой самурай предлагал приятелю большую чашку саке.

— Выпей одним глотком!

— Не хочу.

— Не хочешь? Называешься самураем и не можешь выпить?

— Могу! Но и тебе придется.

— Справедливо!

Оба начали пить на спор, отхлебывая, как кони. Часть питья лилась мимо рта. Не прошло часа с небольшим, как их уже тошнило. Остальные осоловело таращили налившиеся кровью глаза.

Один из учеников, врожденное бахвальство которого вышло из берегов от выпитого саке, бросал вызов желающим сразиться:

— Есть ли у нас в стране, помимо молодого учителя, по-настоящему владеющий стилем Кёхати? Пусть выйдет вперед!

Другой авторитет, сидевший рядом с Сэйдзюро, заметил, икая:

— Он безмерно льстит, потому что молодой учитель здесь. Есть немало в других местах, кроме Киото. Из здешних школа Ёсиоки теперь не бесспорно лучшая. В Киото существует школа Тоды Сэйгэна в Куротани и школа Огасавары Гэнсинсая в Китано. И не забудьте Ито Иттосая в Сиракаве, хотя он и не берет учеников.

— И что в них особенного?

— Я просто хочу сказать, что мы не единственные на свете, умеющие владеть мечом.

— Болван! — закричал один из самураев, задетый этими словами. — Выходи на поединок!

— Ну что ж! — ответил критик, поднимаясь на ноги.

— Занимаешься в школе Ёсиоки Кэмпо и принижаешь его технику?

— Нет. Теперь школа совсем не та, что в старые времена, когда учитель тренировал сёгунов и почитался несравненным мастером меча. Сегодня многие избрали Путь Меча, и не только в столице Киото, но и в Эдо, Хитати, Этидзэне, в центральных, западных провинциях и на Кюсю, — словом, по всей стране. Слава Ёсиоки Кэмпо не означает, что молодой учитель и все мы — великие фехтовальщики. Это неправда, зачем себя обманывать?

— Трус! Прикидываешься самураем, а сам боишься фехтовальщиков из других школ.

— Боюсь?! Предупреждаю только, что мы должны опасаться самоуверенности.

— Кто ты такой, чтобы предупреждать? — С этими словами обиженный молодой самурай, ударив приятеля в грудь, сбил его с ног.

— Драки захотел? — угрожающе проговорил

упавший.

— Я готов!

Старшие ученики Гион Тодзи и Уэда Рёхэй поспешили вмешаться в ссору.

— Прекратите! — Они растащили спорщиков, пытаясь успокоить их.

— Посидите смирно!

— Мы понимаем ваши чувства.

В повздоривших влили несколько чашечек саке, и шум улегся. Задира вновь превозносил себя и товарищей по школе, а критик, обняв Рёхэя, проливал пьяные слезы.

— Я хотел добра нашей школе, — всхлипывал он. — Если мы будем упиваться лестью, то слава Ёсиоки Кэмпо померкнет. Сгинем совсем, слышишь?

Один Сэйдзюро оставался почти трезвым.

— Тебя не радует застолье? — спросил Тодзи.

— Полагаешь, остальным нравится?

— Конечно! Ничего иного они не помышляют.

— С меня довольно!

— Может, пойдем куда-нибудь, где поспокойнее? Мне тоже надоел этот гам.

Сэйдзюро тут же согласился, заметно повеселев.

— Давай туда, где мы были прошлой ночью.

— В «Ёмоги»?

— Да.

— Там гораздо приятнее. Я сразу понял, куда тебя тянет, но брать с собой эту ватагу — пустая трата денег, поэтому я завернул сюда, где подешевле.

— Давай незаметно исчезнем. Рёхэй позаботится об остальных.

— Сделай вид, что идешь по нужде. Я выйду следом.

Никто не заметил ухода Сэйдзюро.

Невдалеке от «Ёмоги» женщина, стоя на цыпочках, пыталась повесить на крючок фонарь. Его задуло ветром, и ей пришлось снять фонарь, чтобы зажечь огонь. Недавно вымытые волосы разметались по спине, напрягшейся от усилия. Тени от раскачивающегося фонаря метались по ее рукам. Вечерний ветерок доносил аромат цветущей сливы.

— Око, тебе помочь?

— Это вы, молодой учитель? — удивилась женщина.

— Да, я.

К Око подошел не Сэйдзюро, а Тодзи.

— Так хорошо?

— Да. Спасибо.

Тодзи, отойдя на несколько шагов, увидел, что фонарь висит криво, и поправил его. Око не переставала удивляться, что многие мужчины, которые пальцем не шевельнут в собственном доме, с готовностью помогают по хозяйству в ее заведении. Здесь они сами открывают и закрывают сёдзи, раскладывают дзабутоны и выполняют десятки других дел, за которые они и не подумали бы взяться в своем доме.

Тодзи провел Сэйдзюро в дом.

— Здесь слишком тихо, — промолвил Сэйдзюро.

— Открою сёдзи на веранду, — сказал Тодзи.

Узкая веранда выходила на реку Такасэ, бежавшую по камням. К югу, за мостом на улице Сандзё, раскинулись Дзуйсэнин, Тэрамати и поросшая мискантом пустошь. Здесь, недалеко от Каяхары, солдаты Тоётоми Хидэёси убили жену, наложниц и детей его племянника — жестокого регента Хидэцугу. Событие это было свежо в памяти людей.

Тодзи занервничал.

— Почему так тихо? Куда женщины попрятались? У них сегодня нет других гостей? — Тодзи нетерпеливо поерзал. — Где Око запропастилась? Даже чаю не подала!

Не вытерпев, Тодзи пошел узнать, в чем де-

ло. Ступив на веранду, он чуть не столкнулся с Акэми, которая несла лакированный с золотом поднос. Колокольчик, прикрепленный к оби, звякнул, когда она заговорила.

— Осторожнее! Чуть не расплескала чай! — воскликнула девушка.

— Почему так долго? Молодой учитель пожаловал. Я думал, что он тебе нравится.

— Смотри, я и правда разлила чай. Ты виноват! Принеси тряпку!

— Еще чего! Где Око?

— Прихорашивается.

— Красоту наводит?

— Днем некогда было.

— Днем? Кто же приходил средь бела дня?

— Не твое дело. Пропусти меня, пожалуйста!

Тодзи отошел в сторону, Акэми вошла в комнату и поздоровалась с гостем:

— Добрый вечер! Рады видеть вас.

Сэйдзюро с деланым безразличием ответил, глядя куда-то мимо девушки:

— А, это ты, Акэми! Спасибо за вчерашний вечер!

Сэйдзюро выглядел смущенным. Акэми сняла с подноса кувшин, напоминавший курильницу для благовоний, и поставила на него трубку с ке-

рамическим мундштуком и круглой чашечкой.

— Не хотите ли покурить? — вежливо спросила она.

— По-моему, курение табака недавно запретили.

— Да, но все продолжают курить.

— Хорошо, тогда и я не откажусь.

— Сейчас приготовлю трубку.

Акэми, взяв щепоть табака из миниатюрной перламутровой коробочки, ловко набила трубку и вложила мундштук в рот Сэйдзюро. Непривыкший к курению Сэйдзюро неуклюже затянулся.

— Горьковато, — сказал он.

Акэми хихикнула.

— А где Тодзи?

— В комнате матери, верно.

— Ему нравится Око, как я заметил. Подозреваю, что он похаживает сюда и без меня. Так?

Акэми засмеялась, но ничего не ответила.

— Что смешного? Думаю, что и он нравится твоей матери.

— Ничего не знаю.

— Зато я уверен. Несомненно. Славно получается: две счастливые пары — твоя мать и Тодзи, ты и я!

Как бы невзначай Сэйдзюро накрыл ладонью

тонкие пальцы Акэми, лежавшие на ее коленях. Девушка быстро отдернула руку, но это только раззадорило Сэйдзюро. Он обнял вскочившую Акэми за тонкую талию и притянул к себе.

— Не убегай! Я не сделаю ничего плохого.

— Отпустите меня!

— Если ты сядешь рядом.

— Я… Я сейчас подам саке.

— Я не хочу пить.

— Мать рассердится, если его не будет на столе.

— Она мило беседует с Тодзи в другой комнате.

Сэйдзюро хотел прижаться щекой к лицу Акэми, но та резко отвернулась и отчаянно позвала на помощь:

— Мама, мама!

Он выпустил ее, и девушка стрелой умчалась на заднюю половину дома.

Сэйдзюро был раздосадован. Он чувствовал себя одиноко, но не хотел насильно навязываться Акэми. Он растерянно проворчал, что идет домой, и тяжело затопал к выходу. С каждым шагом лицо его наливалось кровью.

— Куда вы, молодой учитель? Уже уходите?

Око внезапно появилась за спиной Сэйдзюро и обняла его. Он заметил, что волосы у нее не

растрепаны и грим не смазан. Око позвала Тодзи, и они уговорили Сэйдзюро вернуться за стол. Око принесла саке и старалась развеселить гостя, Тодзи привел Акэми. При виде унылого Сэйдзюро девушка улыбнулась.

— Акэми, налей молодому учителю чашечку!

— Хорошо, мама, — покорно отозвалась Акэми.

— Видите, какая она у нас, — сказала Око. — Почему всегда ведет себя как малое дитя?

— В этом ее прелесть, она так молода! — заметил Тодзи, подвигая дзабутон поближе к столу.

— Ей уже двадцать один!

— Двадцать один? Невероятно! Она такая маленькая, на вид ей не больше семнадцати.

Акэми, мгновенно оживившись, спросила:

— Правда? Я бы хотела, чтобы мне всегда было шестнадцать. Со мной произошло замечательное событие, когда мне исполнилось шестнадцать.

— Что же?

— Не могу рассказывать! — затараторила Акэми, прижимая руки к груди. — Вы знаете, в какой провинции мы жили в ту пору? В том году произошла битва при Сэкигахаре.

Око грозно взглянула на дочь.

— Трещотка! Надоела своей болтовней. Принеси лучше сямисэн!

Поджав губы, Акэми пошла за инструментом. Она устроилась поудобнее и запела. Пела она для собственного удовольствия, а не для гостей.

Если ночью небо затянут тучи,
Пусть царит тьма.
Луна все равно скрыта
Для глаз, подернутых слезой.

Акэми спросила, прервав песню:
— Понимаешь, Тодзи?
— Не совсем. Послушаю, что будет дальше.

Даже самой темной ночью
Я не собьюсь с дороги.
О! Как ты зачаровал меня!

— Ей все-таки двадцать один! — пробормотал Тодзи.

Сэйдзюро сидел молча, подперев голову рукой. После второго куплета он, словно очнувшись от забытья, произнес:

— Акэми, давай выпьем с тобой!

Он подал ей чашечку и налил подогретого саке. Акэми выпила залпом, протянула чашечку Сэйдзюро.

Сэйдзюро опешил:

— Ты, оказывается, умеешь пить!

Сэйдзюро выпил из той же чашечки и предложил Акэми вторую, которую она тут же осушила. Для Акэми чарка, видимо, была маловата. Она достала большую чашку, и в течение получаса они опрокидывали одну чарку за другой.

Сэйдзюро недоумевал. Девушка выглядела лет на шестнадцать, губы ее, казалось, не знали поцелуя, взгляд был робок и застенчив, и в то же время она нализалась саке, как мужчина. Как только выпитое умещается в ее маленьком теле?

— Советую тебе остановиться, — обратилась Око к Сэйдзюро. — Этот ребенок способен пить всю ночь, не пьянея. Пусть лучше поиграет на сямисэне.

— Как забавно! — весело воскликнул Сэйдзюро.

Почуяв что-то неладное в голосе Сэйдзюро, Тодзи спросил:

— Как ты чувствуешь себя? Не перебрал?

— Не беспокойся, Тодзи. Сегодня, пожалуй, не пойду домой.

— И то дело! — ответил Тодзи. — Оставайся здесь столько ночей, сколько душе угодно. Правда, Акэми?

Тодзи подмигнул Око, и они направились в соседнюю комнату, откуда вскоре донесся их

оживленный шепот. Тодзи объяснил, что молодой учитель в таком настроении, что наверняка пожелает провести ночь с Акэми. Если Акэми откажется, то им не миновать неприятностей. Конечно, самое главное — уважать чувства матери, поэтому Тодзи попросил назначить цену.

— Ну, как? — нетерпеливо требовал Тодзи.

Око приложила палец к набеленной щеке, что-то соображая.

— Решай поскорее! — подгонял Тодзи.

Придвинувшись вплотную к Око, Тодзи зашептал:

— Он — подходящая пара. Отец — знаменитый учитель боевого искусства, у них полно денег. У его отца самая большая школа в стране. И Сэйдзюро не женат. Суди сама, какое заманчивое предложение.

— Я-то согласна, но…

— Никаких возражений! Решено! Мы оба останемся у вас.

В комнате было темно. Тодзи положил руку на плечо Око. В это время в задней комнате раздался какой-то шум.

— Что это? — спросил Тодзи. — У тебя другие гости?

Око молча кивнула и прошептала на ухо Тод-

зи:

— Потом расскажу.

Как ни в чем не бывало они вернулись в комнату для гостей, где нашли крепко спящего Сэйдзюро.

Тодзи проскользнул в соседнюю комнату и улегся в постель. Постукивая пальцами по татами, он ждал Око. Она не появлялась. Веки Тодзи отяжелели, и он заснул. Проснулся он поздно утром следующего дня в полном недоумении от случившегося.

Сэйдзюро сидел в комнате, выходящей на реку, и пил саке. Око и Акэми держались радостно и приветливо, словно забыв про вчерашний вечер. Мать и дочь о чем-то уговаривали Сэйдзюро.

— Так вы берете нас с собой?

— Хорошо! Соберите закусок и саке не забудьте!

Речь шла о представлении Окуни Кабуки, которое устраивалось на берегу реки на улице Сидзё. Спектакль с музыкой, танцами и декламацией пользовался в городе невероятным успехом. Его придумала жрица по имени Окуни из храма Идзумо, и у представления объявилось множество подражателей. В оживленных кварталах вдоль реки появились балаганы, на подмостках

которых исполнительницы соревновались в привлечении зрителей. Они для разнообразия включали в представления песни и танцы разных провинций. Актрисы, прежде зарабатывавшие в веселых кварталах, сейчас были желанными гостями в лучших домах столицы. Многие женщины выступали под мужскими именами, в мужских костюмах, разыгрывая захватывающие боевые сцены, демонстрируя воинские доблести.

Сэйдзюро смотрел на реку через раздвинутые сёдзи. Под маленьким мостом на улице Сандзё женщины полоскали белье, а по мосту взад-вперед проезжали мужчины верхом на лошадях.

— Они еще не готовы? — с раздражением спросил Сэйдзюро. Наступил полдень. Сэйдзюро уже не хотел смотреть представление, маясь от похмелья и ожидания.

Тодзи, все еще переживая вчерашнюю оплошность, был непривычно тих.

— С женщинами неплохо прогуляться, — ворчал он, — но когда все уже готовы к выходу, они вдруг заявляют, что у них прически не в порядке, а пояс-оби повязан косо. Кого угодно выведут из терпения!

Сэйдзюро вспомнил про свою школу. Ему чудились удары деревянных мечей и треск

скрещенных копий. Что говорят ученики о его отсутствии? А младший брат Дэнситиро, конечно, неодобрительно прищелкивает языком.

— Тодзи, — сказал Сэйдзюро, — я, вообще-то, не хочу с ними смотреть Кабуки. Пошли домой!

— Но ты обещал.

— Да, но…

— Они вне себя от счастья. Они не простят, если мы откажемся. Пойду потороплю их!

Пройдя по коридору и заглянув в комнату хозяек, Тодзи с изумлением обнаружил только разбросанные повсюду вещи. Женщин нигде не было.

— Куда они подевались? — вымолвил Тодзи.

Их не оказалось и в соседней комнате. Рядом была небольшая каморка, темная и затхлая, наполненная запахом старого постельного белья. Тодзи отодвинул фусума и отпрянул от злобного рыка:

— Кто там?

Тодзи заглянул в щелку. Пол каморки был покрыт драными циновками, ее обстановка отличалась от нарядных комнат, как ночь ото дня. На полу валялся немытый и нечесаный самурай с небрежно перекинутым через живот мечом. По одежде и физиономии в нем безошибочно можно

было узнать ронина, каких немало болталось без дела по улицам и переулкам столицы. Взгляд Тодзи уперся в грязные пятки лежавшего. Самурай был пьян и не пытался подняться.

— Простите меня, я не знал, что здесь гость, — сказал Тодзи.

— Я не гость! — прокричал самурай в потолок. От него несло перегаром. Тодзи, не имея понятия о незнакомце, не хотел с ним связываться.

— Простите за беспокойство, — быстро проговорил Тодзи и пошел прочь.

— Стой! — грубо окликнул лежавший, чуть приподнимаясь. — Задвинь фусума!

Озадаченный Тодзи повиновался. Вдруг как из-под земли в каморке выросла Око. Она явно хотела быть сегодня неотразимой и разыгрывала из себя светскую даму.

— Почему ты сердишься? — засюсюкала она, обращаясь к Матахати, словно к ребенку.

Появилась и Акэми.

— Не хочешь поехать с нами? — предложила она.

— Куда еще?

— На представление Окуни Кабуки.

Матахати презрительно скривил рот.

— Мужу не пристало появляться в одной

компании с малым, который волочится за его женой, — с горечью ответил он.

Око словно окатили холодной водой. Глаза ее вспыхнули гневом.

— О чем болтаешь? Хочешь сказать, что между мной и Тодзи что-то есть?

— Кто говорит, что между вами что-то есть?

— Именно это ты сейчас и сказал.

Матахати не ответил.

— И ты называешь себя мужчиной!

Око излила на Матахати поток презрения, но тот угрюмо молчал.

— Твои выходки несносны! — выговаривала Око. — Ревнуешь из-за пустяков. Пошли, Акэми, не будем тратить время на этого сумасшедшего!

Матахати схватил Око за подол кимоно.

— Кто сумасшедший? Как смеешь разговаривать с собственным мужем в таком тоне?

Око выдернула подол.

— А почему бы и нет? — прошипела она. — Разве настоящие мужья так себя ведут? Кто тебя кормит, бездельник?

— Полегче!..

— Ты не принес в дом ни гроша с тех пор, как мы покинули провинцию Оми. Живешь за мой счет, пьешь и болтаешься без дела. И еще жалуешься?

— Я уже говорил, что должен найти работу. Говорил, что готов ворочать камни на строительстве замковой стены. Тебя это не устраивало. Ты не могла есть этого, носить того, жить в грязном домишке. У тебя непомерные запросы. Ты не дала мне честно трудиться, а открыла свое проклятое заведение. Пора кончать с этим!

Матахати трясло.

— С чем?

— С твоей харчевней!

— А что мы будем есть завтра?

— Я могу заработать на нас троих, если просто буду таскать камни.

— Если тебя так тянет носить камни или валить лес, почему бы сейчас не приступить? Будь поденщиком, кем угодно, но только живи сам по себе. Беда в том, что ты лентяй, родился бездельником, им и помрешь. Тебе следовало остаться в Мимасаке. Я не прошу тебя жить с нами. Иди на все четыре стороны!

Матахати с трудом сдерживал гневные слезы. Око и Акэми ушли. Матахати долго стоял, уставившись вслед исчезнувшим женщинам. Когда Око спрятала его в своем доме около горы Ибуки, ему казалось, что он нашел того, кто будет любить его и заботиться о нем. Сейчас Матахати думал,

что было бы лучше попасть во вражеский плен. Какая разница между пленником и игрушкой в руках своенравной вдовы, которая превратила воина в ничтожество? Томиться в тюрьме не позорнее, чем валяться в конуре, подвергаясь насмешкам и унижению. Былые надежды на будущее обратились в прах. Око увлекла его за собой на дно набеленным лицом и затейливыми любовными утехами.

— Мерзавка! Проклятая тварь!

Матахати дрожал от гнева. Глаза туманили горькие слезы. Почему он не вернулся в Миямото? Почему бросил Оцу? В Миямото живут его мать, сестра с мужем, дядюшка Гон. Они все его любили! И сегодня он слышал бы колокол в храме Сипподзи, видел бы, как течет река Айда и распускаются цветы по ее берегам, и слышал бы птиц, возвещающих о приходе весны.

— Дурак, безмозглый дурак! — бил кулаками себя по голове Матахати.

Тем временем мать, дочь и их двое гостей направлялись, весело болтая, на представление.

— Похоже, весна наступает.

— Пора. Третий месяц пошел.

— Говорят, что скоро сёгун прибудет в столицу. Вы, дорогие дамы, должны нажиться по этому

случаю.

— Едва ли!

— Неужели? Разве самураи из Эдо не любят поразвлечься?

— Они неотесанные мужланы.

— Мама, эта музыка к спектаклю Кабуки? Я слышу колокольчики и флейту!

— Дитя неразумное! Ты еще не в театре.

— Но я слышу, мама!

— Ладно. Понеси лучше шляпу молодого учителя.

Голоса веселой компании доносились до «Ёмоги». Матахати проводил ее злобным взглядом, украдкой подсматривая из каморки. Сцена показалась ему настолько унизительной, что он снова рухнул на татами, проклиная себя.

«Почему ты до сих пор здесь? Не осталось ни капли гордости? Как ты мог так низко пасть? Болван! Сделай же что-нибудь!»

В самообличении сквозило возмущение собственной никчемностью. Это чувство было сильнее гнева на Око.

«Она сказала, чтобы я убрался. Да, так и заявила! Зачем сидеть здесь, скрипя зубами? Мне всего двадцать два года. Я еще молод. Беги прочь и начни самостоятельную жизнь!»

Матахати казалось, что он ни минуты не выдержит в пустом безмолвном доме, но и заставить себя уйти он почему-то не мог. В голове у него все перемешалось. Его существование в последние годы лишило Матахати способности ясно мыслить. Как же он выносил такую жизнь? Его женщина развлекала по вечерам других мужчин, одаривая их ласками, которые когда-то предназначались ему. Матахати не спал по ночам, днем же он малодушно боялся выходить из дома. В темной конуре оставалось только пить.

«И все, — думал он, — ради какой-то стареющей шлюхи!»

Матахати почувствовал отвращение к себе. Он понимал: единственный выход — порвать с этой безобразной жизнью и вернуться в светлые дни юности. Он должен найти верный путь. И все же…

Его опутывали какие-то таинственные чары. Какое колдовство удерживало его здесь? Женщина — демон в человеческом обличье? Она проклинала его, гнала вон, попрекала за дармоедство, а среди ночи вдруг растекалась приторным медом, шепча, что она пошутила днем, что у нее и в мыслях такого не было. Око было под сорок, но губы ее пленяли яркой сочностью, как у ее

дочери.

Матахати терзала еще одна мысль. Он, по правде, никогда не осмелился бы предстать поденщиком перед Око и Акэми. Жизнь избаловала и изнежила его. Он превратился в молодого человека, привыкшего к шелковому кимоно, отличавшего вкус саке из Нады от питья местного изготовления. В нем не осталось и следа от деревенского крепкого парня, который сражался при Сэкигахаре. Самое неприятное заключалось в том, что странная жизнь с немолодой женщиной быстро состарила его. Матахати был молод годами, но в душе его царили холод, разочарование, праздность и озлобление.

«Нет, хватит! Уйду сегодня же!»

Хлопнув себе по голове еще раз, Матахати вскочил.

— Сию минуту! — закричал он.

Он прислушался к своему голосу и вдруг осознал, что его ничто не удерживало в этом доме, ничто не было ему дорого здесь. Единственная его собственность — меч. Матахати тут же заткнул его за пояс.

— Мужчина я или нет?! — решительно произнес он.

Матахати мог бы выйти из дома через парад-

ный выход с мечом в руке, как победоносный воин, но он по привычке сунул ноги в грязные сандалии и выскользнул на улицу через кухню.

Пока все шло гладко. Он на свободе! А что дальше? Ноги Матахати словно приросли к земле. Он стоял на свежем весеннем ветру. Неяркий дневной свет ослепил его. Куда же идти? Мир казался Матахати огромным бурным морем, в котором не за что уцепиться. Помимо прозябания в Киото он знал только деревенскую юность и участие в сражении. Внезапная мысль загнала его, как щенка, на кухню.

— У меня нет денег! — прошептал он. — Наверняка они понадобятся.

Матахати вернулся в комнату Око, где обшарил ее ларцы с белилами и помадой, туалетный столик, шкафы. Он перевернул все вверх дном, но денег не нашел. Ему следовало бы знать, что Око не из беспечных женщин.

Обескураженный, Матахати уселся на кучу одежды, брошенной на пол. Запах тела Око окутывал, как липкий туман, он исходил от ее нижнего кимоно из красного шелка, оби, вытканного в Нисидзине, кимоно, крашенного в Момояме. Он представил, как она сидит рядом с Тодзи в театре под открытым небом на берегу

реки и смотрит танцы Кабуки. Белизна кожи, дразнящая, кокетливая улыбка Око затмили воображение Матахати.

— Проклятая шлюха! — воскликнул Матахати. Горькие, жестокие мысли поднялись из глубины души.

Его вдруг пронзила боль воспоминаний об Оцу. Дни и месяцы разлуки открыли ему глаза на чистоту и преданность девушки, которая обещала ждать его. Матахати был бы рад покорно склонить перед ней голову, с мольбой простереть к ней руки, только бы Оцу простила его. Но он вероломно порвал с ней, бросив девушку на произвол судьбы, так что теперь он не сможет показаться Оцу на глаза.

— И все из-за этой женщины! — сокрушенно вздохнул Матахати.

Он все понял, но слишком поздно. Он не должен был говорить Око про невесту. Око, впервые услышав про Оцу, едва заметно улыбнулась и притворилась, что ей нет дела до деревенской девушки. В действительности ее охватила ревность. Потом при каждой ссоре Око настаивала, чтобы он написал в деревню письмо, разрывающее помолвку. Матахати в конце концов сдался. Око нагло приложила свою записку и хладнокровно

отправила послание с рассыльным.

— Что подумала обо мне Оцу? — жалобно стонал Матахати.

Он представил ее невинные девичьи глаза, полные осуждения. Ему виделись горы и реки в Мимасаке. Хотелось позвать мать и родственников. Они так любили его. Даже земля на родине казалась теплой и ласковой.

«Я никогда не смогу туда вернуться! — думал Матахати. — Отказался от всего ради…»

Впав в новый приступ негодования, Матахати принялся выбрасывать из сундуков одежду Око, рвать ее, разбрасывая клочки по дому.

До него не сразу дошло, что кто-то окликает его у парадного входа.

— Простите! — произнес мужской голос. — Я из школы Ёсиоки. Молодой учитель и Гион Тодзи не у вас?

— Откуда мне знать? — грубо ответил Матахати.

— Они должны быть здесь. Понимаю, что неприлично беспокоить их, когда они развлекаются, но я пришел по неотложному делу. Речь идет о чести семейства Ёсиоки.

— Пошел вон! Что привязался?!

— Может быть, вы передадите мою просьбу?

Скажите, что в школу явился мастер фехтования по имени Миямото Мусаси и никто из наших не смог его победить. Он ждет молодого учителя и не собирается уходить. Миямото готов ждать сколько угодно. Пожалуйста, попросите молодого учителя и Гиона поскорее вернуться.

— Миямото?!

Превратности судьбы

Это был день невиданного позора для школы Ёсиоки. Никогда прежде прославленный центр боевого искусства не переживал такого оскорбительного унижения. Ученики сидели в глубоком унынии, вытянутые лица и сжатые до боли кулаки свидетельствовали о безысходности их отчаяния. Большая группа молодых самураев толпилась в передней с деревянными полами, кучки по нескольку человек тихо переговаривались в боковых комнатах. Смеркалось. В обычный день они уже разошлись бы по домам или отправились бы пить, но сегодня все были на месте. Время от времени мертвую тишину нарушал стук ворот.

— Он?

— Молодой учитель?

— Нет! — откликался ученик, который добрую половину дня понапрасну подпирал столб у ворот.

Время шло, погружая людей в трясину отчаяния. От растерянности один щелкал языком, другой смахивал с глаз невольную слезу.

Лекарь, появившийся из задней комнаты, спросил привратника:

— Сэйдзюро еще нет? Не знаешь, где он?

— За ним послали. Должен скоро появиться.

Раздосадованный лекарь скрылся в глубине дома.

Зловещий ореол засиял вокруг свечи на алтаре храма Хатимана, расположенного напротив школы.

Никто не отрицал, что основатель и первый наставник школы Ёсиока Кэмпо несравненно превосходил Сэйдзюро и его младшего брата. Кэмпо начинал жизнь как мелкий ремесленник — красильщик тканей. В бесконечном однообразии работы с красками Кэмпо придумал оригинальный способ владения коротким мечом. Он изучил алебарду под руководством самого искусного воина-монаха из Курамы, постиг фехтовальный стиль Кёхати и впоследствии выработал собственный стиль. Сёгуны Асикаги, признав его технику владения коротким мечом, назначили Ёсиоку официальным наставником по фехтованию. Кэмпо был великим мастером, мудрость которого не уступала его боевому совершенству.

Сыновья Кэмпо — Сэйдзюро и Дэнситиро — прошли такую же строгую школу, как их отец, но они унаследовали его богатство и славу, а в

этом, как считали некоторые, заключалась их слабость. Сэйдзюро обычно называли «молодой учитель», но на деле его мастерство не достигало того уровня, который привлек бы большое количество учеников. Молодые самураи посещали школу, потому что во времена Кэмпо боевой стиль Ёсиоки стал настолько популярным, что лишь причастность к школе обеспечивала ученику признание его военного таланта.

После падения сёгуната Асикаги, случившегося тридцать лет назад, дом Ёсиоки перестал получать официальное жалованье, но бережливый Кэмпо успел к тому времени нажить приличное состояние. Обзавелся он и большим заведением на улице Сидзё, где учеников было больше, чем в любой другой школе города, а Киото был крупнейшим в стране. Верховенство школы Ёсиоки, по сути, было иллюзорным. Мир за ее высокими белыми стенами изменился гораздо значительнее, чем подозревали многие ученики, которые бахвалились, бездельничали, развлекались и не заметили, как отстали от времени. Позорное поражение, которое они потерпели от неизвестного провинциального фехтовальщика, раскрыло им глаза на реальную жизнь.

Сегодня в полдень слуга пришел в додзё с

вестью, что у ворот стоит человек по имени Мусаси и просит впустить его в школу. На вопрос о незнакомце слуга ответил, что он ронин, родом из деревни Миямото в Мимасаке, что ему года двадцать два, роста высокого, вида весьма угрюмого. Волосы пришельца, не чесанные по меньшей мере год, приобрели красноватый оттенок и были небрежно собраны в пучок на затылке. Одежда заношена до того, что нельзя было сказать, черная она или коричневая, с рисунком или однотонная. Слуга добавил, будто от пришельца неприятно пахло. За спиной у него висел кожаный мешок, который в народе называют «мешок воина-ученика», значит, Мусаси — сюгёся, один из многочисленных самураев, которые странствовали в те дни по стране, занимаясь искусством фехтования. По мнению слуги, Мусаси, однако, нечего делать в их школе.

Попроси пришедший покормить его, никто не обратил бы на него внимания. Услышав, что неотесанный малый явился к главным воротам, дабы вызвать на поединок знаменитого Ёсиоку Сэйдзюро, ученики разразились громким хохотом. Одни предлагали прогнать его без лишних разговоров, другие — сначала расспросить о стиле фехтования и имени учителя странного

гостя. Слуга, позабавленный, как и все остальные, притязаниями незнакомца, пошел к воротам. Вернувшись вскоре в зал, он сообщил, что посетитель в детстве обучался владению дубинкой у своего отца, а потом перенимал приемы у воинов, которые проходили через его деревню. Ему пришлось оставить родину в возрасте семнадцати лет и по «ряду причин», как он выразился, посвятить три года изучению наук. Затем он провел год в горах в полном одиночестве, где его наставниками были деревья и горные духи, поэтому он не может точно определить свой стиль и назвать учителя. Он намерен постичь учение Киити Хогэна, усвоить секреты стиля Кёхати и в подражание великому Ёсиоке Кэмпо создать свой оригинальный стиль, который назовет именем Миямото. Несмотря на свои многочисленные недостатки, он полон решимости достичь поставленной цели, служа ей душой и телом.

Слуга расценил ответ как честный и бесхитростный, но его смутил деревенский выговор посетителя и его корявая речь. Слуга охотно передразнил говор посетителя, повергнув учеников в новый приступ веселья.

Малый наверняка не в своем уме. Лишь сумасшедший может заявить, что мечтает создать

собственный стиль фехтования. Ученики снова послали слугу к воротам, чтобы тот для острастки деревенщины поинтересовался, кому вручить его труп после поединка.

— Если меня вдруг убьют, мне безразлично, бросят ли мои останки на горе Торибэ или вышвырнут в реку Камо. Претензий к вам не будет, — ответил Мусаси.

Ответ Мусаси, по признанию слуги, был предельно четок и ясен, без признаков косноязычия.

— Пусть войдет! — сказал кто-то после недолгой паузы.

Ученики школы решили, слегка поцарапав пришельца, вышвырнуть его вон. В первом же поединке, однако, потерпел поражение первый фехтовальщик школы. Мусаси перебил ему руку, так что кисть висела на лоскуте кожи. Ученики по очереди принимали вызов Мусаси и терпели позорное поражение. Некоторые получили серьезные ранения. С меча Мусаси стекала кровь. После третьего поражения ученики, не на шутку обозлившись, решили не выпускать живым наглого дикаря, поднявшего руку на честь школы Ёсиоки. Они готовы были умереть все до единого, если потребуется.

Мусаси первым прекратил кровопролитие. Он

не чувствовал угрызений совести из-за жертв своего меча, поскольку они сами приняли вызов на поединок. Мусаси отказался от дальнейшей борьбы, заявив, что в ней нет смысла, пока не явится Сэйдзюро. Пришлось отвести его в комнату, чтобы он мог подождать молодого учителя. Опомнившись от потрясения, кто-то догадался позвать лекаря.

Вскоре после ухода лекаря из задней комнаты раздались отчаянные вопли. Выкрикивали имена двух юных самураев. Бледные ученики, сбежавшиеся на крик, окружили двух товарищей. Оба были мертвы.

В додзё раздались торопливые шаги. Ученики расступились, давая дорогу Сэйдзюро и Тодзи. Оба были без кровинки в лице, словно выскочили из-под ледяного водопада.

— В чем дело? — спросил Тодзи. — Что случилось? — Он, как всегда, держался самоуверенно.

Угрюмый самурай, стоявший на коленях у изголовья одного из умерших товарищей, укоризненно взглянул на Тодзи.

— У тебя надо спросить, что происходит. Ты водишь молодого учителя по увеселительным заведениям. Сегодня вы зашли слишком далеко!

— Придержи язык, иначе отрежу!

— При жизни учителя Кэмпо он каждый день проводил в додзё.

— Что из этого? Молодой учитель желал немного взбодриться, и мы пошли на представление Кабуки. Как ты смеешь говорить такое в его присутствии? Кто ты такой?

— Смотрел Кабуки всю ночь? Праху учителя Кэмпо нет покоя и в могиле!

— Довольно! — заорал Тодзи, угрожающе надвигаясь на самурая.

Спорящих начали растаскивать и успокаивать, и один из раненых с болью в голосе произнес:

— Перестаньте препираться, ведь молодой учитель с нами. Он обязан отстоять честь школы. Этот ронин не должен уйти отсюда живым!

Раненые кричали от боли, корчась на татами. Их страдания были красноречивее укора тем, кто не попробовал меча Мусаси.

В ту эпоху честь для самурая была превыше всего. В их сословии было принято соперничать в первенстве за смерть во имя чести. Правительство, занятое постоянными войнами, не разработало уложение, определяющее жизнь страны, которая вступала в период мира, и даже в столице Киото действовали переменчивые, расплывчатые законы. Главенство личной чести

в сословии воинов тем не менее признавалось крестьянами и жителями городов, играя важную роль в поддержании мира. Общепринятые понятия о достойном и недостойном поведении регулировали жизнь без помощи законов.

Ученики школы Ёсиоки не отличались хорошим воспитанием, но не были трусами. Придя в себя после потрясения, вызванного мастерством Мусаси, они первым делом вспомнили о своей чести. Забыв о разногласиях, они сгрудились вокруг Сэйдзюро, но тот, как назло, сегодня не чувствовал в себе боевого задора. Он был слаб, подавлен и опустошен в тот момент, когда должен был явить чудеса ловкости и силы.

— Где этот человек? — спросил Сэйдзюро, подвязывая рукава кимоно кожаной тесемкой.

— В комнате рядом с приемной, — ответил один из учеников, показывая в сторону сада.

— Зовите его! — скомандовал Сэйдзюро.

Во рту у него пересохло от напряжения. Он сел на место главы школы на невысоком помосте, чтобы принять приветствия Мусаси. Выбрав один из деревянных мечей, принесенных учениками, Сэйдзюро держал его в вертикальном положении.

Несколько человек отправились за Мусаси,

но Тодзи и Рёхэй остановили их. Они шепотом что-то оживленно обсуждали. Говорили в основном Тодзи и старшие ученики. К ним подошли родственники Сэйдзюро и несколько служителей, так что совет разбился на группы. Спорили горячо, но договорились быстро.

Многие понимали, что речь идет о судьбе школы, но сознавали недостатки боевого мастерства молодого учителя. Решили, что Сэйдзюро не стоит принимать вызов Мусаси. Двое учеников убиты, несколько ранено. Если и Сэйдзюро проиграет, то школа окажется в тяжелейшем положении. Риск был неприемлем. Все думали об одном, не решаясь высказывать вслух, что в присутствии Дэнситиро беспокоиться было бы не о чем. Никто не сомневался, что Дэнситиро более пригоден для продолжения отцовского дела, но он был вторым сыном, поэтому не нес ответственности за судьбу школы и стал весьма легкомысленным. Сегодня утром он отправился с друзьями в Исэ, даже не сообщив, когда вернется.

Тодзи подошел к Сэйдзюро.

— Мы достигли согласия. — Он шепотом объяснял план действий, и Сэйдзюро мрачнел с каждым словом.

— Как, взять его обманом? — наконец негодую-

ще выдохнул он.

Тодзи сделал ему знак глазами, но Сэйдзюро молчать не желал.

— На такие штучки я не пойду! Это трусость. А если люди узнают, что школа Ёсиоки так испугалась неизвестного воина, что напала на него из-за угла?

— Успокойся! — просил Тодзи, но Сэйдзюро расходился еще больше. — Положись на нас. Мы обо всем позаботимся.

Сэйдзюро не унимался.

— Ты полагаешь, что я, Ёсиока Сэйдзюро, потерплю поражение от какого-то Мусаси или как там его?

— Дело в другом! — соврал Тодзи. — Мы полагаем, что, победив Мусаси, ты ничего не прибавишь к своей известности. Твое положение слишком высоко, чтобы ты опускался до поединка с бродягой. Важно, чтобы никто за стенами этого дома не узнал о происходящем. Главное — не выпустить его живым.

Тодзи с Сэйдзюро все еще спорили, а большинство учеников разошлось по заранее обговоренным местам. Тихо, как кошки, они рассыпались по саду, внутренним комнатам, задней половине дома, растворяясь в темноте.

— Молодой учитель, тянуть нельзя, — твердо сказал Тодзи и погасил лампу. Он проверил, хорошо ли скользит меч в ножнах, и засучил рукава кимоно.

Сэйдзюро не двигался. Он почувствовал облегчение оттого, что избежал сражения с незнакомцем, но особой радости не испытывал. Он понял, что его подопечные не питают доверия к боевым способностям наставника. Сэйдзюро сокрушался, что после смерти отца часто пренебрегал тренировками.

В доме стало тихо и холодно, как на дне колодца. Не находя себе места от волнения, Сэйдзюро выглянул во двор. В комнате, отведенной Мусаси, неровным светом горела лампа, ее мерцание отражалось на сёдзи. Все вокруг было погружено во мрак.

К огоньку в комнате Мусаси присматривался не один Сэйдзюро. Готовые к атаке молодые самураи, затаив дыхание, вслушивались в тишину, пытаясь по звуку определить намерения Мусаси. Мечи лежали перед ними на земле.

Тодзи, несмотря на многие недостатки, был опытным бойцом. Он пытался представить, что предпримет Мусаси.

— Он действительно великий воин, хотя со-

вершенно неизвестен в столице. Будет ли он спокойно выжидать в комнате? Мы окружили его бесшумно, но нас так много, что он наверняка заметил передвижения. Искушенный воин должен заметить, иначе его уже давно не было бы в живых. А может, он задремал? Похоже на то. Заждался. С другой стороны, Мусаси проявил проницательность. Он, вероятно, уже стоит начеку, готовый уложить первого нападающего, а лампу засветил для отвода глаз. Так оно и есть. Несомненно!

Молодые самураи продвигались с крайней осторожностью, потому что тот, кого они собирались убить, был готов расправиться с ними. Они молча обменялись взглядами, выясняя, кто с риском для жизни первым бросится в атаку.

Напряжение разрядил коварный Тодзи, который подобрался вплотную к комнате.

— Мусаси! — позвал он. — Прости, что заставили ждать. Можешь выйти на минутку?

Ответа не последовало. Тодзи решил, что Мусаси приготовился отражать нападение. Поклявшись, что не выпустит Мусаси из рук, Тодзи дал сигнал к атаке, а сам ногой вышиб сёдзи. Выбитая из пазов рама опрокинулась внутрь комнаты. От треска дерева нападавшие инстинк-

тивно отпрянули, но тотчас по команде выбили и остальные сёдзи.

— Его нет!

— Пусто!

Воинственные голоса зазвучали растерянно. Совсем недавно, когда один из учеников принес лампу, Мусаси сидел на своем месте. Светильник горел, в жаровне тлели угли, перед подушкой дзабутоном стояла нетронутая чашка чая. И ни следа Мусаси!

Один из учеников, выбежав на веранду, оповестил всех об исчезновении Мусаси. Из-под веранды и из укромных уголков сада появились ученики и служители. Грозно топая, они проклинали разинь, поставленных сторожить Мусаси. Те уверяли, что Мусаси не мог исчезнуть. Час назад он выходил в уборную, но сразу же вернулся в комнату. Он не мог выскользнуть незаметно.

— Он невидимка, как ветер? — спросил чей-то насмешливый голос.

В это время раздался крик из чулана:

— Ушел через пол! Доски отодраны!

— На лампе нет нагара, значит он скрылся только что. Он где-то поблизости.

— Вперед!

Мусаси трус, раз сбежал. Мысль эта вооду-

шевила преследователей, вселив в них боевой дух, недостаток которого явно ощущался совсем недавно. Они выбежали из парадных, задних и боковых ворот, и вскоре кто-то закричал:

— Вот он!

Чья-то тень метнулась через дорогу у задних ворот и скрылась в темной аллее. Удиравший, как заяц, человек достиг конца аллеи и помчался вдоль стены. Ученики настигли его на дороге между Куядо и руинами сгоревшего храма Хоннодзи.

— Смыться надумал?

— Натворил дел и в бега?

Послышались шум борьбы, удары, отчаянная ругань. Пойманный человек пришел в себя и набросился на преследователей. В одно мгновение трое учеников, навалившихся на него, очутились на земле. Над ним уже взметнулся меч, когда подбежал четвертый с криком:

— Подожди! Мы ошиблись! Это не он!

Матахати опустил меч, молодые самураи поднялись на ноги.

— И правда, не Мусаси!

Подбежал Тодзи.

— Поймали? — обратился он к незадачливым преследователям.

— Промашка. Это не тот, кто устроил погром в школе.

Тодзи внимательно посмотрел на схваченного.

— И за ним вы гнались? — изумленно спросил он.

— Да. Ты его знаешь?

— Только сегодня виделся с ним в харчевне «Ёмоги».

Матахати спокойно отряхнул кимоно и поправил волосы, не обращая внимания на подозрительные взгляды молодых самураев.

— Он хозяин «Ёмоги?»

— Нет, хозяйка сказала, что к ее заведению он не имеет отношения. Так себе, нахлебник.

— Подозрительный тип. Почему он здесь околачивался? Следил за нами?

Тодзи уже отошел.

— Будем попусту тратить время, так упустим Мусаси. Разбейтесь группы и вперед! Выясним хотя бы, где он остановился.

Все безропотно последовали за Тодзи. Люди пробегали мимо Матахати, стоявшего с опущенной головой лицом ко рву Хоннодзи. Он окликнул последнего из пробегавших.

— Что тебе? — замедляя шаг, спросил тот.

— Сколько лет человеку, который называет

себя Мусаси?

— Откуда мне знать?

— Примерно моего возраста?

— Пожалуй.

— Он из деревни Миямото в провинции Мимасака?

— Да.

— Верно, «Мусаси» — это второй способ чтения иероглифов, которыми пишется имя «Такэдзо». Правильно?

— Какая тебе разница? Он твой друг?

— Нет, нет! Просто интересно!

— Мой тебе совет: не шляйся там, где не следует. Иначе нарвешься на серьезные неприятности. — Самурай побежал вслед за товарищами.

Матахати брел вдоль темнеющего рва, останавливаясь, чтобы посмотреть на звезды. Идти ему было некуда.

— Конечно, это он! — решил Матахати. — Поменял имя на Мусаси и стал профессиональным мастером меча. Наверняка в нем не осталось ничего от прежнего Такэдзо.

Матахати, заложив руки за пояс, стал носком сандалии гэта пинать камешек. Он гнал камешек перед собой, мысленно представляя лицо Такэдзо.

— Еще не время, — пробормотал он. — Стыдно показаться перед ним в теперешнем виде. Я не хочу, чтобы он свысока смотрел на меня, я не совсем потерял гордость… Стая Ёсиоки, поймав его, учинит ему расправу. Жаль, что я не знаю, где он. Надо было бы предупредить его об опасности.

Стычка и отступление

Вдоль узкой каменистой дороги к храму Киёмидзу лепились полуразвалившиеся домишки с крышами, похожими на щербатые зубы. Мох бахромой свисал с ветхих карнизов. Разогретая полуденным солнцем улица смердела соленой рыбой, поджаренной на угольях. Из одной лачуги вылетела миска и разбилась вдребезги о камни. Потом вышел человек лет пятидесяти, по виду ремесленник, за которым по пятам следовала босая жена со спутанными волосами и вислыми, как у коровы, грудями.

— Чем оправдаешься, бездельник? — пронзительно кричала она. — Бросаешь жену и детей голодать, болтаешься где-то, а потом, как червяк, приползаешь домой.

Из дома доносился рев детей. Неподалеку выла собака. Женщина, догнав мужа, вцепилась в собранный на макушке пучок волос и принялась лупить гуляку.

— Куда собрался, старый дурак?

Сбежавшиеся соседи пытались разнять семейную пару.

Мусаси, иронически улыбнувшись, повернулся

к керамической лавке. Он давно стоял здесь, еще до семейной сцены, по-детски увлеченно следя за работой гончаров, которые сосредоточенно трудились, не замечая ничего вокруг. Они словно слились с глиной.

Мусаси захотелось попробовать себя в гончарном деле. Он с детства любил разные поделки. Ему казалось, он сможет без труда вылепить хотя бы чашку. В это время гончар лет шестидесяти принялся лопаточкой отделывать чайную чашку, и Мусаси, наблюдая за точными движениями чутких пальцев мастера, понял, что переоценил свои возможности.

«Сколько умения требуется, чтобы сделать такую простую вещь», — с изумлением подумал он.

Мусаси с недавних пор стал восхищаться мастерством других людей. Он проникся уважением к искусству, ремеслам, самой способности создавать что-то руками, особенно к навыкам, какими не владел сам.

В углу мастерской на прилавке, сколоченном из старых досок, стояли плошки, кувшины, чашечки для саке, горшки. Люди покупали их на память о храме Киёмидзу за небольшие деньги. Вдохновение, с каким работали гончары, подчеркивало

убожество их обиталищ. Мусаси засомневался, что их выручки хватает на еду. Жизнь была суровее, чем казалось со стороны.

Наблюдая за мастерством, увлеченностью, сосредоточенностью, необходимыми для изготовления самых простых вещей, Мусаси подумал, сколько ему нужно трудиться для достижения совершенства в фехтовании. Мысль отрезвила его, поскольку у него порой мелькало сомнение, что он чересчур строго относился к себе после выхода из заключения в Химэдзи. На эти размышления его навели посещения школ боевого искусства в Киото, включая и школу Ёсиоки, на протяжении последних трех недель. Он полагал встретить в Киото людей, в совершенстве владеющих боевыми искусствами, ведь это была столица государства и бывшая резиденция сёгуната Асикаги. Киото всегда собирал лучших военачальников и легендарных воинов. Мусаси, однако, не нашел в столице ни одной школы военного мастерства, где он мог бы почерпнуть что-нибудь полезное для себя. Увиденное разочаровало его. Он выиграл все поединки, но не знал, побеждал ли он благодаря мастерству или из-за слабости противников. Страна пребывает в тяжелом положении, если все самураи такие же,

как и побежденные им в Киото.

Мусаси возгордился своим мастерством. Сейчас он осознал опасность тщеславия и раскаялся в гордыне. Он мысленно отвесил низкий поклон выпачканному глиной старому гончару и направился вверх по крутому склону к храму Киёмидзу.

Он сделал несколько шагов, как его окликнули:

— Господин ронин!

— Вы меня? — обернулся Мусаси.

Он увидел человека в стеганой куртке, босоногого, с шестом на плече. По виду — носильщик паланкина. Он говорил весьма грамотно для своего сословия.

— Ваша фамилия Миямото?

— Да.

— Спасибо!

Человек зашагал к холму Тяван.

Мусаси видел, как он зашел в харчевню. Раньше, проходя мимо этого заведения, Мусаси видел там толпу носильщиков. Он не знал, кто послал одного из них, но пожелавший уточнить имя должен скоро появиться. Мусаси, немного подождав, продолжил путь наверх.

По дороге Мусаси останавливался перед зна-

менитыми храмами и произносил две молитвы: «Спаси сестру от несчастий!» и «Даруй испытания недостойному Мусаси! Пусть станет лучшим в стране мастером меча или погибнет!».

Достигнув вершины холма, Мусаси сел на камень и снял соломенную шляпу. Отсюда открывался прекрасный вид на Киото. Он сидел, обняв колени, и мечты о славном будущем захлестнули молодую душу.

«Хочу жить осмысленно. Я ведь рожден человеком».

Когда-то Мусаси читал о двух мятежных героях, живших в десятом веке, по имени Тайра-но Масакадо и Фудзивара-но Сумитомо, безудержно жаждавших славы и власти. Они договорились поделить Японию между собой, если победят в войнах. Не все в их истории достоверно, но Мусаси тогда подумал, как глупо и самонадеянно ставить столь грандиозную задачу. Сейчас же эти притязания не казались ему смешными. Его мечты были иными, но в них было сходство с прочитанным. Кому, как не молодым, мечтать о великом? Мусаси пытался представить, какое место он займет в мире.

Мусаси размышлял об Оде Нобунаге и Тоётоми Хидэёси, их плане объединения Японии, о

многочисленных битвах, которые они вели для его осуществления. Сейчас было ясно, что путь к величию лежал не через битвы. Теперь люди желали только мира, за который они так долго страдали. Раздумывая о долгой борьбе, которую выдержал Токугава Иэясу для достижения своей цели, Мусаси убеждался, как трудно сохранить веру своим идеалам.

«Настали другие времена, — думал он. — У меня впереди целая жизнь. Я появился на свет слишком поздно, чтобы пойти по стопам Нобунаги или Хидэёси, но есть мир, который я мечтаю завоевать. Никто не остановит меня. У носильщика своя мечта».

Мусаси, очнувшись от грез, вернулся в реальную жизнь. У него был меч, и он избрал Путь Меча. Неплохо бы стать Хидэёси или Иэясу, но теперь их таланты уже не требовались. Иэясу крепко сбил страну воедино, в кровавых войнах нужды нет. В Киото, раскинувшемся в долине, быстро налаживалась мирная жизнь, в которой забылась шаткость недавнего прошлого.

Отныне главным для Мусаси станут меч и люди, причастные к Пути Меча. Через фехтование он постигнет человеческую сущность. Мусаси радовался, что в минуты прозрения ему открылась

связь между боевыми искусствами и собственным представлением о величии.

Из-за каменистой гряды вдруг выглянул носильщик.

— Здесь! — крикнул он, указывая на Мусаси бамбуковым шестом.

Мусаси увидел множество носильщиков, карабкавшихся вверх по склону. Он поднялся и зашагал к вершине холма, не обращая на них внимания, но вскоре понял, что путь перерезан. Держась на некотором удалении, носильщики окружили его плотным кольцом, выставив вперед шесты. Стоявшие сзади тоже застыли на месте. Один из них с ухмылкой заметил, что Мусаси погружен в изучение храмовой таблицы. Мусаси, стоя у основания лестницы к храму Хонгандо, действительно всматривался в почерневшую от непогоды таблицу под козырьком над входом в храм. Он от раздражения готов был припугнуть толпу боевым кличем. Он разделался бы с ними в мгновение ока, но ему неприлично связываться с чернью. Произошла какая-то ошибка, значит они сами скоро разойдутся. Мусаси стоял, терпеливо перечитывая надпись на таблице: «Истинный обет».

— Она близко! — крикнул один из носильщи-

ков.

Носильщики вполголоса о чем-то переговаривались. Мусаси показалось, что они ободряют друг друга перед нападением. Храмовый двор со стороны западных ворот наполнился людьми — священнослужителями, богомольцами, торговцами. Они окружили Мусаси и носильщиков, с любопытством уставившись на ронина.

Со стороны холма Саннэн донеслись ритмичные возгласы, какими носильщики сопровождают переноску груза. Голоса слышались все громче, и вскоре на храмовом дворе появились двое носильщиков, тащивших на закорках старуху и деревенского самурая с усталым лицом.

— Стой! — скомандовала Осуги из-за спины носильщика.

Тот присел, и Осуги, живо соскочив на землю, поблагодарила его.

— На этот раз не уйдет! — сказала старуха дядюшке Гону.

Осуги и Гон были снаряжены так, словно до конца дней собирались странствовать.

— Где он? — спросила Осуги.

— Там, — показал в сторону храма носильщик.

Дядюшка Гон плюнул на рукоять меча и потер ее ладонью. Осуги и Гон двинулись сквозь толпу.

— Не спешите! — посоветовал один из носильщиков.

— Крепкий парень! — добавил другой.

— Справитесь ли? — поинтересовался третий.

Носильщики подбадривали Осуги, остальные же зрители растерянно наблюдали за сценой.

— Неужели старая женщина бросит вызов ронину?

— Похоже.

— Она же совсем древняя! Спутник ее тоже едва держится на ногах. Верно, у них серьезная причина, коли решились схватиться с таким молодцом.

— Не иначе как семейная ссора.

— Смотри, смотри! Старика на драку настраивает. Есть же среди старух такие отчаянные!

Носильщик принес ковш воды для Осуги. Отпив, она передала его Гону со словами:

— Не волнуйся, нам нечего бояться. Такэдзо — соломенное пугало. Может, и выучился держать меч, но постиг, конечно, немного. Главное — выдержка.

Осуги уселась на ступенях храма Хонгандо в десяти шагах от Мусаси. Не обращая внимания ни на Мусаси, ни на толпу, она вынула четки и, закрыв глаза, зашевелила губами. Вдохновленный

молитвенным рвением, дядюшка Гон сложил ладони и последовал примеру Осуги.

Картина приобретала комический оттенок, в толпе раздались смешки. Один из носильщиков резко повернулся к зевакам:

— Что смешного? Нечего склабиться, олухи! Старая женщина проделала долгий путь из Мимасаки в поисках шалопая, который скрылся с невестой ее сына. Два месяца она истово молится в этом храме, и вот наконец беглец нашелся.

— Самураи — особая порода, — рассуждал другой носильщик. — Сидеть бы старухе дома и пестовать внучат, так нет, она выполняет то, что по долгу положено ее сыну, отстаивая честь семьи. Разве она не заслуживает уважения?

— Мы ее поддерживаем не за чаевые, — вмешался третий. — Храбрая женщина! Возраста почтенного, но не боится вступить в бой. Мы должны ее подбодрить. Справедливо помочь слабому. Если она проиграет, за ронина возьмемся мы!

— Правильно! Чего ждать? Не смотреть же со стороны, как ее убивают.

Волнение возрастало по мере того, как собравшиеся узнавали о причине воинственности Осуги. Зрители подбадривали носильщиков.

Осуги спрятала четки. На храмовом дворе воцарилась тишина.

— Такэдзо! — выкрикнула старуха, взявшись левой рукой за эфес короткого меча, заткнутого за пояс.

Мусаси стоял молча. Он, казалось, не слышит Осуги. Удивленный поведением Такэдзо, дядюшка Гон принял боевую стойку и, набычившись, прокричал вызов. Мусаси хранил молчание — он не знал, что сказать. Он вспомнил Такуана, предупреждавшего его в Химэдзи о возможной встрече с Осуги. Мусаси не волновало появление Осуги, но ему не нравились разговоры носильщиков. Его глубоко задевала и та ненависть, которую неизменно питало к нему семейство Хонъидэн. Вся история, по сути, сводилась к мелким передрягам и сведениям счетов в деревушке Миямото. Будь здесь Матахати, недоразумение уладили бы.

Мусаси не знал, как ответить на вызов настырной старухи и старика-самурая. Он растерянно смотрел на них, не проронив ни слова.

— Подлец! Он струсил! — крикнул один носильщик.

— Будь мужчиной! Дай старухе убить тебя! — вторил другой.

Все поддерживали Осуги.

Старуха прищурилась, негодующе тряхнув головой. Строго посмотрев на носильщиков, она прикрикнула:

— Заткнитесь! Вы мне нужны как свидетели. Если нас убьют, вы доставите наши тела в Миямото. Я не нуждаюсь в вашей болтовне и помощи!

Вытащив наполовину короткий меч из ножен, Осуги сделала несколько шагов навстречу Мусаси.

— Такэдзо! — презрительно бросила она. — Такэдзо! Так тебя звали в деревне. Почему ты не откликаешься? Слышала, у тебя теперь красивое имя Миямото Мусаси, но для меня ты навсегда Такэдзо. Ха-ха-ха!

Голова старухи тряслась от смеха. Она, видимо, надеялась прикончить Мусаси с помощью языка, не доводя дела до мечей.

— Хотел скрыться от меня, переменив имя? Глупец! Я знала, что боги наведут меня на твой след. А теперь сражайся! Посмотрим, унесу ли я твою голову в деревню, или ты чудом уцелеешь.

К старухе дребезжащим голосом присоединился дядюшка Гон:

— Ты укрывался от нас целых четыре года! Мы искали тебя все это время. Наконец наши молитвы здесь, в Киёмидзу, достигли цели, и

боги отдали тебя в наши руки. Пусть я стар, но не намерен терпеть поражение от подлеца вроде тебя. Готовься к смерти.

Выхватив меч из ножен, Гон крикнул Осуги:

— Прочь с дороги!

— Что ты затеял, старый дурак? Трясешься от дряхлости! — гневно оборвала его Осуги.

— Пусть я стар, но божества храма защитят меня!

— Ты прав, Гон! С нами предки семейства Хонъидэн. Нам нечего бояться.

— Такэдзо! Выходи на бой!

— Чего ты ждешь?

Мусаси не шелохнулся. Он стоял как глухонемой, взирая на двух стариков с обнаженными мечами.

— В чем дело, Такэдзо? Испугался? — крикнула Осуги.

Она приняла боевую стойку и сделала шаг вперед, но, оступившись, повалилась чуть ли не под ноги Мусаси.

Толпа замерла. Кто-то крикнул:

— Он ее убьет!

— Скорее на помощь!

Дядюшка Гон остолбенел от неожиданности, уставившись на Мусаси.

К изумлению толпы, Осуги подобрала выпавший меч и снова встала рядом с Гоном в боевой стойке.

— В чем дело, олух? — крикнула она. — Меч у тебя в руке или красивая безделка?! Или не знаешь, как им пользоваться?

Лицо Мусаси оставалось непроницаемым, как маска, но наконец он произнес громовым голосом:

— Я не могу.

Он двинулся к старикам, и те невольно отпрянули в разные стороны.

— Ты куда, Такэдзо?

— Я не могу применить меч.

— Стой! Почему ты не дерешься?

— Я вам сказал, что не могу.

Мусаси шел напролом, не глядя по сторонам. Он рассек толпу, не заметив ее.

Опомнившись, Осуги закричала:

— Удирает! Держите его!

Толпа ринулась на Мусаси, но он как сквозь землю провалился, когда его уже было схватили. Изумление толпы было неописуемым. Глаза смотрели тупо и непонимающе. Разбившись на группки, люди суетливо сновали по окрестностям до заката. Беглеца искали под полом храмовых

построек, в соседних рощах. Позднее, когда люди возвращались вниз с холмов Саннэн и Тяван, кто-то клялся, что видел, как Мусаси с проворностью кошки вскочил на высоченную стену у западных ворот и скрылся. Никто не поверил, особенно Осуги и дядюшка Гон.

Водяной-каппа

Тяжелые удары цепов на току, заставленном рисовыми снопами, разносились по поселку на северо-западной окраине Киото. Набухшие от затяжных дождей соломенные крыши нависали над ветхими домишками. Это была «ничья земля», отделявшая столицу от сельской местности. Жили здесь так бедно, что в сумерках дым от кухонных очагов поднимался всего над несколькими домами.

Большие и корявые иероглифы на тростниковой шляпе, подвешенной под карнизом одного из домишек, оповещали прохожих, что здесь находится постоялый двор. Заведение, конечно, самого дешевого пошиба. В нем останавливались непритязательные путники, которые платили только за место на полу. За более удобный ночлег взималась дополнительная плата, но такую роскошь позволяли себе редкие постояльцы.

Около фусума, перегородки, разделяющей кухню с земляным полом и комнату с очагом, стоял мальчик. Он опирался на скатанный в рулон соломенный мат-татами.

— Добрый вечер! Есть кто-нибудь?

Это был посыльный из придорожной лавки, такой же убогой и грязной, как и все в поселке. Голос мальчика звучал не по годам зычно. На вид ему было лет одиннадцать, мокрые от дождя волосы свисали на уши. Он походил на маленького водяного-каппу с лубка. Одет он был тоже на посмешище — кимоно до бедер с несуразными рукавами, толстая веревка вместо пояса. Спину мальчика заляпала грязь из-под деревянных сандалий гэта.

— Это ты, Дзё? — отозвался из задней комнаты хозяин постоялого двора.

— Принести саке?

— Сегодня не надо. Постоялец пока не вернулся, а мне не требуется.

— Он наверняка захочет. Принесу, как обычно.

— Захочет, так я сам зайду к вам.

Мальчику не хотелось уходить, не получив заказа.

— А вы что делаете?

— Пишу письмо. Хочу послать завтра с конной почтой в Кураму. Писать трудновато. Ломит спину. Иди, не мешай!

— Чудеса! Вы уже такой старый, что не можете сгибаться, а до сих пор не выучились как следует писать.

— Хватит! Еще одно слово — и отведаешь хворостины.

— Давайте я напишу.

— Будто умеешь!

— Умею, — уверенно сказал мальчик, входя в комнату. Он заглянул в письмо через плечо хозяина и рассмеялся.

— Вы хотели, верно, написать «картошка», а у вас получился иероглиф «шест».

— Замолчи!

— Молчу! На ваши каракули страшно смотреть. Что вы хотите послать друзьям — картошку или шесты?

— Картошку.

Мальчик, прочитав письмо до конца, заявил:

— Никуда не годится! Никто не поймет, о чем это письмо.

— Напиши сам, если ты такой умный.

— Хорошо. Объясните, что вы хотите сообщить.

Дзётаро уселся и взял кисть.

— Неуклюжий болван! — воскликнул старик.

— Почему это я неуклюжий? Это вы не умеете писать.

— У тебя из носа капает на бумагу.

— Виноват. Отдайте мне этот лист как плату

за услугу.

Дзётаро высморкался в испорченный лист.

— Так о чем письмо?

Уверенно держа кисть, мальчик быстро писал под диктовку. Письмо было окончено, когда пришел постоялец. От дождя он накинул на голову мешок из-под угля, подобранный где-то по пути. Мусаси остановился у входа, выжимая мокрые рукава кимоно.

— Цветы сливы опали от ливня, — проворчал он.

За двадцать дней Мусаси так привык к постоялому двору, что он казался ему домом. Каждое утро он видел усыпанное розовым цветом сливовое дерево у ворот. Сейчас мокрые лепестки лежали в грязи.

Мусаси остановился, удивленно глядя на сидевших голова к голове мальчика из винной лавки и старика-хозяина. Он тихо подошел и украдкой заглянул через плечо хозяина. Дзётаро проворно спрятал кисть и лист бумаги за спину.

— Подглядывать нельзя! — сказал он.

— Дай посмотреть, — попросил Мусаси.

— Не дам! — упрямо ответил Дзётаро.

— Брось дурака валять, дай взглянуть! — настаивал Мусаси.

— При условии, что вы купите саке.

— Вот к чему ты клонишь! Хорошо.

— Пять кувшинчиков?

— Столько не надо.

— Три?

— Тоже многовато.

— Сколько вы хотите? Не будьте скрягой!

— Скрягой? Ты знаешь, что я — бедный фехтовальщик. У меня нет лишних денег, чтобы сорить ими.

— Ладно, я сам отмерю, не тратя ваших денег. Но взамен вы расскажете мне что-нибудь интересное.

Сделка состоялась, и довольный Дзётаро зашлепал по лужам к винной лавке.

Мусаси внимательно прочитал письмо. Потом спросил у хозяина:

— Правда он написал?

— Да. Диву даешься. Мальчишка очень смышленый.

Мусаси пошел к колодцу, окатился холодной водой и переоделся в сухое. Старик тем временем повесил котелок над очагом, поставил чашку для риса и подал маринованные овощи. Вернувшись в кухню, Мусаси сел у очага.

— Куда запропастился маленький негод-

ник? — бормотал старик. — Неужели так трудно принести саке из соседней лавки.

— Сколько лет мальчику?

— Говорит, одиннадцать.

— Выглядит старше.

— Так ведь с семи лет прислуживает в винной лавке. Видит разных людей: погонщиков лошадей, ремесленников, путешественников, всех не перечислить.

— Где он научился так хорошо писать?

— Он и впрямь так умело пишет?

— Видно, что детская рука, но в почерке есть что-то особое, я бы сказал, прямодушие. Если бы речь шла о фехтовальщике, я назвал бы это широтой натуры. Из мальчика выйдет толк.

— В каком смысле?

— Будет настоящим человеком.

— Да? — Старик хмуро поднял крышку с котелка, проворчав: — До сих пор не явился. Где-то болтается.

Хозяин надел гэта и собрался было в винную лавку, когда прибежал Дзётаро.

— Где тебя носило? — спросил старик. — Почему гости должны ждать?

— Не мог выбраться раньше. В лавке сидел совсем пьяный человек, он схватил меня и долго

расспрашивал.

— О чем?

— О Миямото Мусаси.

— Ты, конечно, болтал без умолку.

— Какая разница? Вся округа знает, что произошло в Киёмидзу. Наша соседка и дочь мастера-лакировщика были в тот день в храме и все видели.

— Хватит об этом, — умоляющим тоном проговорил Мусаси.

Наблюдательный мальчишка, уловив настроение Мусаси, сказал:

— Можно посидеть немного с вами?

Дзётаро принялся отмывать ноги, прежде чем войти в комнату с очагом.

— Оставайся, коли не получишь нагоняй от хозяина лавки.

— Сейчас я ему не нужен.

— Ладно.

— Я подогрею саке. У меня хорошо получается.

Дзётаро поставил кувшинчик в горячую золу, и вскоре саке было готово.

— Ты ловкий, — одобрил Мусаси.

— Вы любите саке?

— Да.

— Но от бедности пьете мало.

— Верно.

— Я думал, что мастера боевых искусств служат у богатых даймё и получают большое жалованье. Один гость в нашей лавке рассказывал, что Цукахара Бокудэн имел обыкновение выезжать в сопровождении семи или восьми десятков слуг, с запасными лошадями и соколом.

— Верно.

— А знаменитый воин по имени Ягю, который служил дому Токугавы, имел доход в десять тысяч коку риса.

— И это правда.

— Почему же вы бедный?

— Я еще учусь.

— Сколько вам будет лет, когда вы заведете учеников?

— Не знаю, появятся ли они.

— Почему? Разве вы плохой мастер?

— Ты знаешь, что говорят люди, видевшие меня в храме. Как ни крути, но я бежал.

— Все твердят, что сюгёся с постоялого двора, то есть вы, — слабак. Я выхожу из себя от этих сплетен. — Дзётаро поджал губы.

— Зачем сердиться? Не о тебе же злословят?

— Обидно за вас. Сын бумажника, сын медника и другие парни иногда собираются на задворках

лаковой мастерской и тренируются с мечом. Почему бы вам не побить кого-нибудь из них?

— Если ты просишь, согласен.

Мусаси трудно было отказать Дзётаро, потому что он сам в душе оставался мальчишкой и хорошо понимал юного собеседника. Мусаси помимо воли тянуло ко всему, что могло бы заменить тепло родной семьи, которого он лишился с детских лет.

— Давай поговорим о чем-нибудь другом, — предложил Мусаси. — Теперь я буду спрашивать. — Ты где родился?

— В Химэдзи.

— Так ты из провинции Харима?

— Да, а вы из Мимасаки, как я слышал.

— Верно. Чем занимается твой отец?

— Он был самураем. Настоящим, честным до мелочей самураем.

Мусаси удивился, но ответ Дзётаро прояснил многое, включая и грамотность мальчика. Мусаси спросил, как зовут отца Дзётаро.

— Аоки Тандзаэмон. Он получал пятьсот коку риса, но оставил службу у сюзерена, когда мне было семь лет, и перебрался в Киото, как ронин. Истратив все деньги, он пристроил меня в винную лавку, а сам удалился монахом в храм. Я не

хочу оставаться в лавке. Хочу быть самураем, как отец, и владеть мечом, как вы. Ведь это лучший способ стать самураем?

Помолчав, Дзётаро серьезно добавил:

— Я хочу стать вашим учеником и вместе с вами бродить по стране. Возьмете?

Выдав сокровенное желание, Дзётаро решительным видом показывал, что отрицательный ответ его не устроит. Он, конечно, и не подозревал, что обращается к человеку, который причинил его отцу бесчисленные неприятности. Мусаси нелегко было отказать мальчику. Мусаси размышлял над судьбой несчастного Аоки Тандзаэмона, а не над тем, что ответить Дзётаро. Мусаси сочувствовал Тандзаэмону. Путь Воина — постоянная игра с судьбой, самурай всегда должен быть готов к смерти — собственной или соперника. Размышляя о превратностях судьбы, Мусаси впал в грустную задумчивость. Хмель быстро прошел. Он чувствовал себя одиноким.

Дзётаро упрямо ждал ответа. Он не обращал внимания на хозяина постоялого двора, пытавшегося выпроводить его, чтобы Мусаси отдохнул.

Дзётаро схватил Мусаси за руку, потом вцепился в рукав и в конце концов разразился слезами.

Мусаси от безвыходности согласился:

— Ну, довольно! Станешь моим учеником, но только с разрешения своего хозяина.

Ликующий Дзётаро умчался в винную лавку.

На следующее утро Мусаси встал рано, оделся и сказал хозяину:

— Приготовьте мне в дорогу какой-нибудь еды. Приятно было пожить у вас здесь несколько недель, но мне пора отправиться в Нару.

— Покидаете нас? — удивился старик неожиданному отъезду Мусаси. — Вам, вероятно, надоел назойливый мальчишка?

— Нет, дело не в нем. Я давно собирался посмотреть в Наре знаменитые поединки копьеносцев в храме Ходзоин. Надеюсь, что Дзётаро не причинит вам хлопот, узнав о моем уходе.

— Не беспокойтесь! Он ведь ребенок. Всплакнет и забудет.

— Вряд ли хозяин лавки его отпустит, — проговорил Мусаси, выходя на улицу.

От вчерашней непогоды не осталось и следа. Теплый ветерок ласкал кожу Мусаси, как бы сглаживая вину за вчерашний пронизывающий ветер.

Вода в реке Камо поднялась и неслась мутным потоком. На деревянном мосту на улице Сандзё самураи проверяли всех прохожих. Мусаси

объяснили, что проверка устроена по причине скорого приезда сёгуна. В столицу уже прибыла первая группа крупных и средних даймё. Из города удаляли опасных ронинов. Мусаси, сам ронин, с готовностью ответил на все вопросы и получил разрешение продолжить путь.

Проверка навела его на размышление о собственной участи странствующего ронина, который не служил ни клану Токугавы, ни их соперникам в Осаке. Побег из дома и участие в битве при Сэкигахаре на стороне Осаки объяснялись семейной традицией. Его отец верно служил Симмэну, князю Иги. Тоётоми Хидэёси умер за два года до битвы, сторонники, верные его сыну, взяли сторону Осаки. В Миямото Хидэёси считался величайшим из героев. Мусаси помнил сказания о подвигах легендарного воина, которые любил слушать по вечерам, сидя у очага. Воспитание, полученное в детстве и юности, жило в его душе, и сейчас Мусаси не колеблясь встал бы на сторону Осаки.

Мусаси многому научился со времени первых приключений юности. Сейчас он понимал, что его поведение в семнадцатилетнем возрасте было глупым и бесцельным. Преданная служба сюзерену не сводится к тому, чтобы слепо бросаться в

драку, размахивая копьем. Самурай должен пройти весь путь до грани смерти. Самурай свершил нечто достойное и важное, если умирает с молитвой на устах за победу сюзерена. Теперь Мусаси так определял суть долга. В те далекие дни он и Матахати не имели представления о долге. Они жаждали славы, вернее, хотели легкой жизни без особых усилий со своей стороны. Странно, что они испытывали такие чувства. Мусаси благодаря Такуану постиг, что жизнь — бесценное сокровище, которое они с Матахати ни во что не ставили. Легкомысленно рисковали жизнью за жалкое жалованье самурая. Задним умом Мусаси понимал безрассудство их юности.

Мусаси незаметно для себя достиг Дайго, местечка к югу от города, и остановился передохнуть, потому что от быстрой ходьбы его прошиб пот.

— Подождите! Не уходите! — послышался издалека голос.

Посмотрев вниз на горную дорогу, Мусаси разглядел фигурку маленького водяного Дзётаро, бегущего со всех ног вверх по дороге. Вскоре мальчик сердито смотрел в глаза Мусаси.

— Вы меня обманули! — кричал Дзётаро. — Почему вы так поступили?

Мальчик запыхался, лицо его горело, слова были полны горечи. Он едва не плакал. Мусаси, не сдержавшись, рассмеялся, глядя на одежду мальчика. Вместо обычного одеяния на Дзётаро было кимоно, которое, правда, едва прикрывало колени, а рукава кончались на локтях. Деревянный меч за поясом был больше мальчика, тростниковая шляпа, болтавшаяся за спиной, напоминала зонт.

Браня Мусаси за нарушение слова, мальчик разразился слезами. Мусаси, обняв его, пытался успокоить ребенка, но Дзётаро безутешно рыдал, решив, верно, что в безлюдных горах нет свидетелей его плача.

— Тебе нравятся плаксы? — сказал наконец Мусаси.

— Мне все равно! — всхлипывал Дзётаро. — Вы взрослый, но обманули меня. Обещали взять в ученики и тайком ушли. Разве это достойно взрослого?

— Прости меня! — отозвался Мусаси.

От простых слов мальчик разрыдался еще громче.

— Хватит слез! — сказал Мусаси. — Я не хотел тебе лгать. У тебя есть отец и хозяин лавки. Я не мог увести тебя без разрешения хозяина, поэтому

просил договориться с ним. Я не верю, что он тебя отпустил.

— Но почему вы не дождались ответа?

— Именно за это я извинился. Ты действительно говорил с хозяином?

— Да, — ответил мальчик, всхлипывая и сморкаясь в сорванные с дерева листья.

— Что он сказал?

— Отпустил меня.

— Правда?

— По его словам, ни один приличный воин или школа не возьмет такого сорванца, как я. Живший на постоялом дворе самурай — слабак, поэтому я ему под стать. Сказал, что я могу нести ваши вещи, и подарил на прощанье вот этот меч.

Рассуждения хозяина лавки вызвали у Мусаси улыбку.

— Потом я пришел на постоялый двор, — продолжал мальчик. — Старика не было, и я позаимствовал шляпу, которая висела под карнизом на крючке.

— Но это же вывеска заведения!

— Все равно. Она пригодится в дождь.

Судя по поведению Дзётаро, он считал все формальности, включая заверения в преданности, выполненными, поэтому возомнил себя произве-

денным в ученики Мусаси. Мусаси скрепя сердце смирился с присутствием мальчика. Быть может, оно и к лучшему. Мусаси сыграл не последнюю роль в том, что Тандзаэмон лишился служебного положения, поэтому стоило благодарить судьбу за дарованную возможность позаботиться о младшем Аоки. Так будет справедливо.

Дзётаро успокоился. Вдруг, что-то вспомнив, он полез за пазуху.

— Совсем забыл! Это вам, — сказал он, доставая письмо.

— Откуда оно у тебя? — спросил Мусаси, с интересом осматривая письмо.

— Помните, вчера я рассказывал о ронине, который много пил и расспрашивал о вас?

— Да.

— Когда я вернулся в лавку, он все еще сидел там. Он снова спрашивал о вас. Ну и пьяница! Один выдул целую бутылку саке! Потом написал это письмо и велел передать вам.

Мусаси, удивленно склонив голову набок, сломал печать. Взглянув сначала на подпись, он понял, что послание от Матахати, который действительно был крепко пьян, когда его писал. Казалось, иероглифы были навеселе. Мусаси, читая письмо, переживал и радость былого, и

печаль. Не только почерк, но и содержание было невразумительным и путаным.

«После того как я покинул тебя на горе Ибуки, я никогда не забывал нашу деревню. Я не забывал старого друга. Случайно я услышал твое имя в школе Ёсиоки. Я был в растерянности тогда и не мог решить, встречаться с тобой или нет. Сейчас я в винной лавке. Много выпил».

Первые строки можно было разобрать, но дальше следовало что-то странное.

«После того как мы расстались, меня заперли в клетку похоти, и лень въелась в мои кости. Пять лет прошли в тупом безделье. Ты сейчас знаменит в столице как мастер меча. Пью за твое здоровье. Говорят, что Мусаси трус, гораздый лишь на бегство от вызова. Другие утверждают, что ему нет равных во владении мечом. Мне безразлично, правда это или ложь. Я просто счастлив, что твой меч заставил столицу говорить о тебе.

Ты умный. Ты сможешь проделать свой путь с помощью меча. Вспоминаю прошлое и думаю: почему я стал таким? Какой же я дурак! Глупый неудачник вроде меня должен умереть от стыда при встрече с таким мудрым другом, как ты. Не спеши осуждать меня! Впереди жизнь, и никто не знает, что принесет нам будущее. Не хочу встре-

чаться с тобой сейчас, но настанет день, когда я захочу увидеться. Молюсь за твое здоровье».

Приписка, нацарапанная торопливыми иероглифами, извещала о том, что недавнее происшествие взбудоражило школу Ёсиоки, что Мусаси повсюду ищут, что ему следует остерегаться. Письмо завершалось следующими строками:

«Тебе нельзя умирать сейчас, когда ты вступил на стезю славы. Достигнув чего-то, я найду тебя, и мы вспомним былые дни. Береги себя, живи, потому что ты пример для меня».

Матахати, несомненно, желал ему добра, но чего-то недоговаривал. Зачем так хвалить друга и тут же поносить себя? «Почему, — думал Мусаси, — не написать просто: мы давно не виделись, давай встретимся и не спеша поговорим».

— Дзё, ты узнал адрес этого человека?

— Нет.

— Его знают в лавке?

— Вряд ли.

— Он часто заходит к вам?

— Нет. Я видел его в первый раз.

Мусаси подумал, что немедленно вернулся бы в Киото, знай он, где живет Матахати. Он хотел поговорить с другом детства, вразумить его, пробудить в нем юношеский пыл. Матахати оста-

вался для него другом, и Мусаси хотел вытащить его из состояния безразличия, которое губило Матахати. Мусаси, конечно, хотел, чтобы Матахати объяснил своей матери, как она заблуждается, преследуя Такэдзо.

Мусаси и Дзётаро молча шли по дороге. Они спускались с горы Дайго, внизу уже виднелся перекресток Рокудзидзо.

— Дзё, у меня есть просьба к тебе, — вдруг сказал Мусаси мальчику.

— Слушаю!

— Хочу послать тебя с поручением.

— Куда?

— В Киото.

— Откуда я только что пришел?

— Да. Отнеси письмо в школу Ёсиоки на улицу Сидзё.

Расстроенный Дзётаро пнул камень.

— Не хочешь? — спросил Мусаси, в упор глядя на мальчика.

Дзётаро неуверенно покачал головой:

— Я бы пошел, но мне кажется, что вы просто хотите избавиться от меня.

Мусаси почувствовал неловкость от подозрений Дзётаро. Ведь он подорвал веру мальчика в слово старших.

— Нет! — решительно возразил Мусаси. — Самурай не лжет. Прости меня за то, что произошло утром. Случилось недоразумение.

— Хорошо, я отнесу.

У перекрестка они зашли в харчевню под названием «Рокуамида» и заказали обед.

Мусаси сел писать письмо Ёсиоке Сэйдзюро:

«Мне передали, что Вы и Ваши ученики разыскивают меня. Сейчас я нахожусь на горной дороге Ямато и намерен странствовать в окрестностях Иги и Исэ в течение года для продолжения занятий фехтованием. Сейчас я не намерен менять свои планы. Разделяю Ваше сожаление, что нам не довелось встретиться во время моего посещения Вашей школы. Хочу сообщить, что вновь буду в столице в первый или второй месяц будущего года. К той поре я надеюсь значительно усовершенствовать мастерство. Полагаю, что и Вы не будете пренебрегать тренировками. Позор падет на процветающую школу Ёсиоки Кэмпо, если она потерпит еще одно поражение, как случилось в мой недавний визит. С почтением шлю Вам пожелания доброго здоровья.

Симмэн Миямото Мусаси Масана».

Письмо было вежливым, но не оставляло сомнений в том, что Мусаси уверен в своем пре-

восходстве. Мусаси исправил адрес, приписав к имени Сэйдзюро и учеников школы. Отложив кисть, Мусаси вручил письмо Дзётаро.

— Его можно бросить в ворота школы? — спросил мальчик.

— Нет! Ты должен постучать в главные ворота и отдать письмо слуге.

— Понял.

— Я бы попросил тебя еще об одной услуге, но думаю, что она затруднительна.

— Что?

— Не найдешь человека, который прислал мне письмо? Его имя Хонъидэн Матахати. Он мой старинный друг.

— Никакого труда.

— Серьезно? Как же ты его отыщешь?

— Обойду все питейные заведения и разузнаю.

Мусаси рассмеялся:

— Здорово придумал! Из письма Матахати я понял, что он кого-то знает в школе Ёсиоки. Не лучше ли спросить о нем там?

— Что делать, когда я найду его?

— Передай, что на Новый год с первого по седьмое число я каждое утро буду ждать его на большом мосту на улице Годзё. Попроси его прийти туда в один из дней.

— Все?

— Да. Еще скажи, что я очень хочу его видеть.

— Понятно! А вас где искать?

— Спросишь в Ходзоине. Как только доберусь до Нары, отправлюсь туда. Ходзоин — храм, знаменитый монахами, которые владеют особой техникой сражения на копьях.

— Правду говорите?

— Ха-ха-ха! Какой недоверчивый! Не беспокойся. Если я не сдержу обещания, можешь отсечь мне голову.

Мусаси все еще смеялся, выходя из харчевни. Он направился в Нару, а Дзётаро побежал в сторону Киото. Перекресток дорог представлял собой неразбериху из людей в тростниковых шляпах, мелькающих в воздухе ласточек, ржущих лошадей. Протискиваясь в толкучке, Дзётаро оглянулся. Мусаси стоял, глядя ему вслед. Они издалека улыбнулись друг другу, и каждый пошел своей дорогой.

Весенний ветерок

Акэми полоскала кусок ткани в реке Такасэ и пела песню, услышанную на представлении Окуни Кабуки. Извивающаяся в струях воды узорная материя напоминала цветы вишни, подхваченные ветром.

Ветерок любви залетел
В рукав кимоно.
Руки не поднять,
Неужели любовь тяжела?

Дзётаро стоял на дамбе. Он был в веселом настроении и одаривал всех дружелюбной улыбкой.

— Тетя, вы хорошо поете! — крикнул он.

— Глупость какая! — распрямилась Акэми. Ее взору предстал смешной мальчишка в огромной шляпе и с длинным деревянным мечом.

— Ты кто? Почему называешь меня «тетя»? Я не старая!

— Ладно. Хорошенькая юная девица. Подходит?

— Прекрати! — рассмеялась Акэми. — Мал еще,

чтобы отпускать комплименты. Вытри нос!

— Я просто хотел спросить.

— Ой! — вдруг всполошилась Акэми. — Лоскут уплыл!

— Не беспокойся!

Дзётаро помчался вдоль берега и выловил ткань мечом. «Меч хоть на это сгодился!» — мелькнуло у него в голове. Акэми, поблагодарив мальчика, спросила, не может ли она ему помочь.

— Где находится «Ёмоги»?

— Совсем рядом, это наше заведение.

— Приятная весть. Я долго искал.

— Зачем? Ты откуда?

— Оттуда, — неопределенно махнул рукой Дзётаро.

— А поточнее?

Дзётаро на мгновение задумался.

— Сам толком не знаю.

Акэми хихикнула:

— Ерунда. А зачем тебе в «Ёмоги»?

— Ищу человека по имени Хонъидэн Матахати. В школе Ёсиоки мне сказали, что его можно найти в «Ёмоги».

— Но его здесь нет.

— Врешь!

— Правда. Он жил с нами, но недавно ушел.

— Куда?

— Не знаю.

— Кто-то у вас должен знать?

— Моя мать тоже не знает. Он просто сбежал.

— Неужели?

Мальчик присел на корточки, растерянно уставясь на реку.

— Что же мне делать?

— Кто тебя прислал?

— Мой учитель.

— А он кто?

— Его зовут Миямото Мусаси.

— Ты принес письмо?

— Нет! — замотал головой Дзётаро.

— Хорош гонец! Не знает, откуда и зачем явился с пустыми руками!

— Я должен передать послание устно.

— Какое? Боюсь, что Матахати больше не вернется, но, если объявится, я бы сообщила ему.

— По-моему, я не должен доверяться посторонним.

— Как хочешь. Решай сам.

— Ладно. Мусаси сказал, что очень хочет увидеть Матахати. Он будет ждать Матахати каждое утро с первого по седьмое число нового года на большом мосту на улице Годзё. Пусть Матахати

придет на мост в один из указанных дней.

Акэми невольно расхохоталась:

— Впервые слышу такое! Мусаси, значит, шлет послание Матахати сейчас, сообщая о свидании в будущем году? Твой учитель такой же чудак, как и ты!

Дзётаро нахмурился, возмущенно вздернув плечи:

— Не нахожу ничего смешного!

Акэми наконец справилась со смехом.

— Ты рассердился?

— Конечно! Я вежливо попросил тебя о помощи, а ты хохочешь как безумная.

— Прости меня, я и правда со странностями. Больше не засмеюсь. Если Матахати вернется, я передам ему твое послание.

— Обещаешь?

— Клянусь!

Закусив губу, чтобы не улыбнуться, Акэми спросила:

— Повтори имя человека, который прислал тебя.

— Память у тебя неважная. Миямото Мусаси.

— Как ты пишешь «Мусаси»?

Подняв бамбуковую щепку, Дзётаро нацарапал на песке два иероглифа.

— Это ведь читается «Такэдзо»! — воскликнула Акэми.

— Его имя не Такэдзо, а Мусаси.

— Да, но эти иероглифы можно прочитать и как «Такэдзо».

— Упряма же ты! — проворчал Дзётаро, швыряя щепку в воду.

Акэми немигающим взглядом смотрела на иероглифы, начертанные на песке. Подняв глаза на Дзётаро, она внимательно оглядела его с головы до ног.

— Твой Мусаси, случаем, не из Ёсино в провинции Мимасака? — тихо спросила она.

— Да. Я из Харимы, а он из деревни Миямото соседней провинции Мимасака.

— Он высокий и сильный? И не бреет макушку?

— Да. Откуда ты знаешь?

— Я помню, он однажды рассказал мне, что в детстве у него на макушке вскочил громадный чирей, от которого остался шрам. Если он будет брить макушку, как все самураи, безобразный шрам будет виден.

— Он тебе рассказал? Когда?

— Пять лет назад.

— Ты знаешь моего учителя так давно?

Акэми не отвечала. Нахлынувшие воспоминания захватили ее так, что ей трудно было говорить. Со слов мальчика она убедилась, что Мусаси и Такэдзо — одно лицо. Акэми страстно захотелось его увидеть. Ей опротивели проделки матери, она видела, как гибнет Матахати. С первого взгляда Акэми приглянулся Такэдзо, и годы убедили ее в правильности первого впечатления. Она радовалась, что до сих пор не вышла замуж. Такэдзо совсем не похож на Матахати!

Акэми не раз обещала себе никогда не связывать свою судьбу с типами, которые пьянствовали в «Ёмоги». Она презирала таких мужчин, храня в сердце образ Такэдзо. Ее не покидала надежда когда-нибудь встретить его. Такэдзо представлялся в ее мечтах, когда она пела любовные песни.

Посчитав задание выполненным, Дзётаро сказал:

— Мне пора. Не забудь все передать Матахати, если он вернется.

Дзётаро засеменил по узкой тропке на гребне дамбы.

Воловья упряжка тащила гору мешков с рисом или чечевицей, а может, и другого местного продукта. Гору венчала надпись, сообщавшая, что это подношение истовых верующих храму

Кофукудзи в Наре. Этот храм знал даже Дзётаро, поскольку Кофукудзи был символом Нары.

Глаза Дзётаро вспыхнули озорным блеском. Догнав повозку, он забрался на нее, даже ухитрился присесть незаметно для извозчика. Мешки не только скрывали его, на них можно было удобно откинуться.

По обе стороны дороги тянулись поля с ровными рядами ухоженных чайных кустов. Вишня только зацветала. Крестьяне возделывали поля, молясь о том, чтобы в этом году земли не потоптали ноги солдат и копыта лошадей. Женщины, склонившись над ручьями, мыли овощи. Горный тракт Ямато жил мирной жизнью.

«Мне здорово повезло», — думал Дзётаро, устраиваясь поудобнее среди мешков. Его клонило в сон. Когда колесо наезжало на камень и телегу встряхивало, Дзётаро таращил глаза, мысленно благодаря дорогу, не дававшую ему проспать Нару. Езда была вдвойне приятна — не надо было идти пешком, и путь до Нары укоротился.

На выезде из деревни Дзётаро сорвал на ходу лист камелии. Приложив его к губам, он стал насвистывать мелодию. Извозчик оглянулся, но никого не увидел. Свист не умолкал, извозчик несколько раз поворачивал голову назад, потом,

остановив воз, пошел вокруг телеги. Дармовой попутчик ему не понравился, и возница принялся дубасить мальчишку, а тот начал оглушительно вопить.

— Ты что здесь делаешь? — орал извозчик.

— Разве я мешаю вам?

— Да!

— Не вы же впряжены в телегу?

— Наглый сорванец! — истошно заорал извозчик, швырнув Дзётаро на землю.

Тот мячиком откатился к дереву. Телега двинулась дальше. Скрип удалявшихся колес звучал словно смех над незадачливым Дзётаро.

Он поднялся с земли и вдруг обнаружил пропажу бамбукового пенала, в котором находился ответ из школы Ёсиоки. Пенал висел у него на шее на шнурке. Мальчик принялся шарить вокруг, но безуспешно. Потеряв надежду, он ходил кругами, уставившись в землю. Молодая женщина, одетая по-дорожному, в широкополой шляпе, наполовину закрывавшей лицо, остановилась рядом.

— Ты что-то потерял? — спросила она.

Дзётаро, мельком взглянув на нее, кивнул и снова уставился себе под ноги.

— Там были деньги?

Поглощенный поисками, Дзётаро бросил от-

рицательный ответ, не обращая внимания на женщину.

— Ты ищешь бамбуковый пенал, не очень длинный и со шнурком?

Дзётаро подскочил от удивления:

— Откуда вы знаете?

— Так это за тобой гонялись возчики, браня за то, что ты дразнил их лошадей?

— Э-э… Ну и что?

— Когда ты удирал от них, шнур, верно, порвался. Пенал упал на дорогу, и его подобрал какой-то самурай, который как раз разговаривал с возчиками. Вернись и забери свой пенал у него.

— А вы ничего не напутали?

— Нет.

— Спасибо!

Дзётаро сделал несколько шагов, и молодая женщина окликнула его:

— Подожди! Не надо никуда бежать. Я вижу того самурая, он направляется сюда. Вон тот, в рабочих хакама.

Дзётаро, застыв на месте, впился глазами в незнакомца.

Это был внушительного вида мужчина лет сорока. Все в нем было крупнее обычного — рост, иссиня-черная борода, широкие плечи, мощная

грудь. На кожаные носки у него были надеты соломенные сандалии дзори, ноги, казалось, попирали землю. Дзётаро с первого взгляда понял, что перед ним выдающийся воин, состоящий на службе у очень знатного даймё. Оробев, мальчик боялся подать голос.

Самурай, к счастью, заговорил первым, подозвав к себе Дзётаро:

— Не ты ли, разиня, обронил бамбуковый пенал перед храмом Мам-пукудзи?

— Это он! Вы нашли его?

— Не знаешь, что надо прежде сказать слово «спасибо»?

— О, простите! Благодарю вас, господин.

— В пенале важное письмо. Когда хозяин посылает тебя с поручением, ты не должен останавливаться по дороге, дразнить лошадей, цепляться за телеги и отвлекаться на посторонние дела.

— Да, господин! Вы заглянули внутрь?

— Разумеется. Когда что-то находишь, то разглядываешь вещь и потом возвращаешь хозяину. Я не сломал печать на письме. Теперь ты должен проверить, все ли в порядке.

Дзётаро, сняв колпачок пенала, заглянул внутрь. Убедившись, что письмо невредимо, он повесил пенал на шею и мысленно поклялся не

потерять его.

Женщина, казалось, радовалась не меньше Дзётаро.

— Вы очень добры, господин, — поблагодарила она самурая, как бы извиняясь за недостаточную учтивость мальчика.

Все трое зашагали по дороге.

— Мальчик с вами? — спросил самурай.

— Нет, впервые вижу его.

Самурай улыбнулся:

— Вместе вы и правда выглядели бы странно. Он — потешный дьяволенок. И на шляпе надпись «Сдаем ночлег».

— Он по-ребячьи непосредственный, поэтому такой милый. Мне он нравится. Ты куда идешь? — спросила женщина, обратившись к мальчику.

Шагая между взрослыми, Дзётаро повеселел.

— В Нару, в храм Ходзоин.

Внимание Дзётаро привлек узкий длинный предмет, завернутый в парчу, который выглядывал из-под оби девушки.

— У вас тоже пенал с письмом? Смотрите не потеряйте!

— Пенал? Где?

— В оби.

Девушка рассмеялась:

— Это не пенал, малыш, а флейта.

— Флейта?

Дзётаро горящим от любопытства взором уставился на парчовый сверток, едва не уткнувшись головой в грудь девушки. Внезапно он отшатнулся от попутчицы, не сводя с нее застывшего взгляда.

Дети способны оценить женскую красоту или, по крайней мере, инстинктивно почувствовать целомудрие женщины. Дзётаро восхитился очарованием девушки. Он ощутил несказанное счастье и благоволение судьбы, оказавшись рядом с такой красавицей. Сердце Дзётаро бешено колотилось, голова слегка кружилась.

— Флейта… Вы играете на флейте, тетя? — спросил он. Вспомнив, как на слово «тетя» обиделась Акэми, Дзётаро изменил вопрос: — Как вас зовут?

Девушка рассмеялась и бросила веселый взгляд на самурая поверх головы мальчика. Похожий на медведя воин тоже расхохотался, и в густой бороде сверкнули крепкие, ослепительно-белые зубы.

— Славный мальчуган! Если ты спрашиваешь у кого-то имя, то сначала должен назвать свое. Так поступают вежливые люди.

— Меня зовут Дзётаро.

Ответ вызвал новый приступ смеха.

— Так нечестно! — закричал Дзётаро. — Вы узнали мое имя, а я до сих пор не знаю вашего. Как вас зовут, господин?

— Сода, — ответил самурай.

— Это фамилия. А имя?

— С твоего позволения, я пока не назову имени.

Довольный, Дзётаро обратился к девушке:

— Теперь ваша очередь представиться. Наши имена вам известны. Будет невежливо, если вы скроете свое!

— Меня зовут Оцу.

— Оцу?

Дзётаро на мгновение задумался, ответ, видимо, его удовлетворил, и он продолжал:

— Почему вы странствуете с флейтой?

— Зарабатываю на жизнь.

— Это ваше ремесло?

— Я не знаю человека, для которого игра на флейте была бы ремеслом, но флейта позволяет мне совершать долгие путешествия. По-моему, игра на флейте для меня стала средством зарабатывать на жизнь.

— Вы играете такую музыку, которую я слышал

в квартале Гион и в храме Камо? Музыку для храмовых танцев?

— Нет.

— Музыку для танцев? Кабуки?

— Нет.

— А что же?

— Самые простые мелодии.

Самурай тем временем разглядывал длинный деревянный меч Дзётаро.

— Что это у тебя за поясом? — поинтересовался он.

— Деревянный меч, неужели не ясно? Я-то думал, что вы самурай!

— Да, я самурай. Я просто удивился, что ты его таскаешь. Зачем он тебе?

— Буду учиться фехтованию…

— Неужели? У тебя есть учитель?

— Да.

— Письмо ему адресовано?

— Да.

— Если он твой учитель, то должен быть истинным мастером.

— Не совсем.

— То есть?

— Все говорят, что он слабак.

— Тебе не обидно состоять при слабом учи-

теле?

— Я и сам мечом не владею, так что мне все равно.

Самурай изумился. Едва сдерживая улыбку, он серьезно смотрел на мальчика.

— Ты изучал основы фехтования?

— Не совсем. Вообще-то, я еще ничему не учился.

Самурай, не выдержав, расхохотался:

— С тобой дорога покажется короче. Ну а вы, барышня, куда направляетесь?

— В Нару. Пока не знаю, куда именно в Наре. Больше года я разыскиваю одного ронина. Говорят, их теперь много в Наре, вот я и иду туда, хотя не очень доверяю слухам.

Показался мост в Удзи. На веранде чайной благообразный старик обслуживал посетителей. Заметив Соду, старик приветливо поздоровался.

— Как приятно видеть человека из Ягю! — сказал он. — Заходите! Милости просим!

— Мы передохнем немного. Не найдется ли для мальчика чего-нибудь сладкого?

Спутники Дзётаро сели, но он стоял. Сидение было скучным делом для него. Когда принесли сласти, Дзётаро сгреб их в кулак и убежал на пригорок за чайным домиком.

Оцу, отпивая чай маленькими глотками, спросила старика:

— Далеко ли до Нары?

— Изрядно. Даже хороший ходок до заката доберется лишь до Кидзу. Такой девушке, как вы, придется заночевать в Таге или Идэ.

В разговор вмешался Сода:

— Барышня уже несколько месяцев ищет одного человека. По-твоему, молодой женщине безопасно в наши дни идти одной в Нару, не зная, где остановиться на ночлег?

Старик от изумления округлил глаза.

— Неужели она не подумала об этом? И речи быть не может! — решительно заявил он. Старик замахал на Оцу руками. — И думать нечего! Если бы с тобой был надежный попутчик, тогда другое дело. Для одинокой девушки Нара — очень опасное место.

Хозяин налил себе чаю и пустился в рассказы о том, что слышал о жизни в Наре. Большинство полагают, что древняя столица — безмятежный уголок со множеством красивых храмов и стадами ручных оленей, благодатное место, обойденное войной и голодом. На самом деле город давно изменился. Никто не знает, сколько ронинов из потерпевших поражение в битве при

Сэкигахаре укрылось в Наре. Сторонники Осаки, они сражались в основном в Западном войске. Лишенные средств к существованию, ронины теперь потеряли надежду найти себе применение в мирной жизни. Укрепление сёгуната Токугавы лишало беглецов возможности со временем взяться за меч, не нарушая законов.

Не у дел оказалось около ста тридцати тысяч самураев. Победоносный клан Токугава конфисковал владения, приносившие в год до шести с половиной миллионов коку риса. Собственность была частично возвращена некоторым феодальным владетелям, однако почти восемьдесят даймё с доходом в двадцать миллионов коку риса безвозвратно лишились своих поместий. На каждые сто коку приходилось по три самурая, потерявших службу и рассеявшихся по разным провинциям, а с учетом их домочадцев и слуг общее количество составляло не менее ста тысяч человек.

Войскам Токугавы было трудно контролировать Нару и окрестности горы Коя, где располагалось множество храмов. Эти места считались надежным убежищем для беглецов, стекавшихся сюда толпами.

— Возьмите знаменитого Санаду Юкимуру, —

продолжал старик. — Он скрывается на горе Кудо. Про Сэнгоку Соя говорят, что он прячется неподалеку от храма Хорюдзи, а Бан Данъэмон — в храме Кофукудзи. Сколько их таких!

Все они были обречены на смерть, покажись они на людях. Будущее они связывали только с новой войной.

По мнению старика, знаменитые ронины, выйдя из укрытия, не пропали бы. Имея высокий авторитет, они обеспечили бы себя и свои семьи. Куда опаснее были нищие самураи, рыскавшие по окраинам и закоулкам города в поисках работы для своих мечей. Добрая половина этих молодцов затевала драки, играла в азартные игры и нарушала закон другими способами, надеясь, что устроенные ими беспорядки заставят Осаку взбунтоваться и вновь взяться за оружие. Некогда тихий город Нара превратился в гнездо отъявленных сорвиголов. Девушке идти туда одной — все равно что облить кимоно маслом и прыгнуть в огонь. Старик настаивал, чтобы Оцу изменила первоначальный план.

Оцу задумалась. Будь у нее капля уверенности во встрече с Мусаси в Наре, она без страха пошла бы туда. Ее надежды не имели почвы под собой. Она просто шла в Нару, как путешествовала по

другим местам с той поры, как Мусаси бросил ее на мосту в Химэдзи.

Замешательство девушки не ускользнуло от Соды.

— Ваше имя Оцу, так ведь?

— Да.

— Я не сразу решился предложить вам, Оцу, но послушайте меня. Почему бы вместо Нары вам не отправиться во владения Коягю?

Сода посчитал нужным подробнее рассказать о себе, чтобы развеять возможные сомнения девушки и уверить ее в искренности намерений.

— Меня зовут Сода Кидзаэмон, я состою на службе у семейства Ягю. Мой сюзерен, которому уже восемьдесят лет, сейчас не у дел. Он тоскует от праздности. Услышав, что вы играете на флейте, я подумал, как чудесно пригласить вас к нам, чтобы вы музыкой отвлекали старца от грусти. Вам бы подошла такая работа?

Старик тут же поддержал самурая:

— Непременно соглашайтесь! Знайте, владелец Коягю — это великий Ягю Мунэёси. Удалясь от мирских дел, он принял имя Сэкисюсай. После Сэкигахары его наследник Мунэнори, владелец Тадзимы, был вызван в Эдо и получил пост советника при управлении двора сёгуна. Семейство

Ягю не имеет себе равных в Японии. Приглашение в Коягю — великая честь. И не вздумайте отказаться!

Кидзаэмон занимал значительное положение в доме Ягю. Оцу обрадовалась, что не ошиблась, угадав в Соде не простого самурая, но не решалась немедленно ответить на его предложение.

— Не хотите? — спросил Кидзаэмон, не услышав ни слова от Оцу.

— Я не могла и мечтать о подобном. Боюсь, что моя игра недостойна слуха столь почтенного человека, как Ягю Мунэёси.

— Не волнуйтесь! Ягю не похожи на семьи других даймё. А Сэкисюсай непритязательный и спокойный по характеру, как мастер чайной церемонии. Его огорчила бы вычурность, а не погрешности в игре на флейте.

Оцу подумала, что пребывание в Коягю, а не бесцельные блуждания по Наре, давало ей проблеск надежды на будущее. Семья Ягю после смерти Ёсиоки Кэмпо считалась признанным авторитетом в области боевых искусств. К ним, вероятно, стекаются мастера фехтования со всей страны, и может быть, даже существует книга для записи посетителей. Какое счастье найти в ней имя Миямото Мусаси!

Воодушевившись, Оцу весело ответила:

— Если вы не шутите, я готова!

— Великолепно! Я вам очень признателен. Сомнительно, чтобы женщина пешком осилила путь до Коягю до наступления темноты. Вы умеете ездить верхом?

— Да.

Кидзаэмон вынырнул из-под навеса на улицу и, повернувшись к мосту, сделал знак рукой. Подбежал слуга, ведя за повод коня. Кидзаэмон усадил Оцу верхом, а сам пошел рядом.

Дзётаро, увидев их со взгорка, закричал:

— Уже уходите?

— Да!

— Подождите меня!

Дзётаро догнал Оцу и Кидзаэмона, когда они въехали на мост в Удзи. Самурай поинтересовался, что мальчик делал на холме. Дзётаро ответил, что там, в роще, люди играют в какую-то игру. Дзётаро не знал, во что именно, но забава показалась ему интересной.

— Отребье из ронинов! — хмыкнул слуга. — У них нет денег на пропитание, они заманивают путников и обирают до нитки. Какой позор!

— Зарабатывают на жизнь игрой? — переспросил Кидзаэмон.

— Играют самые смекалистые, — ответил слуга. — Остальные промышляют похищением людей и шантажом. Никто не может найти управу на эту разбойничью шайку!

— Почему местное начальство не арестует их или не выдворит прочь?

— С ними не справиться, их слишком много. Ронины из Кавати, Ямато и Кии объединяются, они превзойдут уездное войско.

— Говорят, их полно и в Коге.

— Туда бежали ронины из Цуцуи, рассчитывая переждать там до следующей войны.

— Вы ругаете ронинов, — вмешался Дзётаро, — а среди них есть и хорошие люди.

— Ты прав, — согласился Кидзаэмон.

— Мой учитель — ронин.

Кидзаэмон засмеялся:

— Поэтому ты их защищаешь! Преданный ученик. Ты говорил, что идешь в Ходзоин? Твой учитель там?

— Не знаю точно. Он велел мне спросить в храме, где его искать.

— Какой у него стиль фехтования?

— Не знаю.

— Ученик — и не ведаешь о его стиле?

— Господин, — вмешался слуга, — фехтование

стало модой, только ленивый не занимается им. На этом тракте в любой день вам попадется на глаза десяток бродячих мастеров. Теперь объявилось много ронинов, готовых давать уроки.

— Ты, верно, прав.

— Они занимаются этим, вообразив, будто даймё чуть ли не соперничают, чтобы нанять хорошего фехтовальщика на службу за четыре-пять тысяч коку риса в год.

— Неужели можно так быстро разбогатеть?

— Так точно. Страшно даже подумать! Мальчишки и те с деревянными мечами. Воображают, что достаточно выучиться дубасить людей и станешь настоящим мужчиной. Сколько таких! Самое печальное, что в конце концов большинство из них влачит голодное существование.

Дзётаро вспыхнул от обиды.

— Повторите еще раз!

— Смотрите-ка! Похож на блоху, которая тащит на себе зубочистку, а уже возомнил себя великим воином!

Кидзаэмон засмеялся:

— Успокойся, Дзётаро! Не то снова потеряешь пенал.

— Ни за что! Не беспокойтесь обо мне!

Некоторое время шли молча. Дзётаро обиженно

надулся. Взрослые смотрели на солнце, медленно катившееся к закату. Вскоре путники добрались до переправы на реке Кидзу.

— Здесь мы расстанемся, приятель. Темнеет, так что поспеши. И не зевай по сторонам.

— Оцу, а вы? — обратился к девушке Дзётаро, полагая, что они продолжат путь вместе.

— Совсем забыла тебе сказать, — улыбнулась Оцу. — Я отправляюсь с господином Сода в замок Коягю. Будь здоров, хорошего тебе пути!

Дзётаро был сражен.

— Так и знал, что снова меня бросят!

Мальчик, подобрав плоский камешек, швырнул его так, что он полетел над водой несколько раз, подняв фонтанчики брызг.

— Мы обязательно встретимся! Твой дом — дорога, и я много путешествую.

Дзётаро не уходил.

— Кого вы ищете? Кто он?

Промолчав, Оцу помахала ему на прощанье.

Дзётаро с разбегу прыгнул с берега на середину маленькой лодки. Скоро она была уже на стремнине, купаясь в алых лучах закатного солнца. Дзётаро оглянулся. На дороге, ведущей к храму Касаги, он различил Оцу верхом на лошади и идущего рядом Кидзаэмона. Быстро сгущавшиеся

горные сумерки опустились на долину, поглотив путников, миновавших ту часть реки, где она резко сужается.

Храм Ходзоин

Причастные к боевым искусствам хорошо знали храм Ходзоин. Если человек претендовал на серьезное отношение к боевым искусствам, а Ходзоин считал обычным храмом, то это был, несомненно, непосвященный дилетант. Местные жители тоже знали о Ходзоине, но, как ни странно, мало кто слыхал о сокровищнице Сёсоин с ее бесценной коллекцией древнего искусства, делавшей Сёсоин важнейшей частью храма.

Храм находился на холме Абура среди зарослей криптомерии. В таком месте могли бы обитать сказочные существа. Здесь были руины, напоминавшие о былой славе периода Нары, — развалины храма Ганринъин и огромной бани, построенной императрицей Комё для бедных. От них остались поросшие травой и мхом валуны, некогда служившие основанием построек.

Мусаси без труда нашел дорогу на холм Абура, но, поднявшись по склону, растерялся, увидев среди криптомерий несколько храмов. Криптомерии, пережившие зимнюю непогоду, расправив омытые первыми весенними дождями ветви, темнели густо-зеленой листвой. Над рощей в

ранних сумерках различались женственно-мягкие очертания горы Касуга. Горы вдали были освещены солнцем.

Ни один из храмов не походил на Ходзоин, но Мусаси переходил от одного к другому, читая таблички с их названиями на воротах. Мусаси, поглощенный поисками Ходзоина, даже ошибся, прочитав на табличке название «Одзоин» как «Ходзоин». Разница заключалась лишь в первом иероглифе названия. Мусаси, быстро поняв ошибку, все же решил заглянуть в Одзоин. Храм принадлежал секте Нитирэн. Ходзоин был обителью последователей секты дзен, не имея ничего общего с учением Нитирэна. Молодой монах, шедший в Одзоин, подозрительно оглядел Мусаси.

Мусаси, сняв шляпу, обратился к монаху:

— Позвольте спросить?

— Слушаю вас.

— Этот храм называется Одзоин?

— Да, как гласит табличка на воротах.

— Мне сказали, что Ходзоин находится на холме Абура.

— Как раз позади нашего храма. Идете туда на поединок?

— Да.

— В таком случае хочу дать совет. Вернитесь, пока не поздно.

— Почему?

— Опасно. Можно понять калеку, который идет туда, чтобы ему вправили кости, но здоровому человеку бессмысленно устремляться туда, где его покалечат.

Монах — хорошо сложенный молодой человек — совсем не походил на монахов секты Нитирэн. По его словам, желающих стать воинами столько, что они стали в тягость даже Ходзоину. Храм прежде всего святая обитель, хранящая свет Закона Будды, о чем свидетельствует его название. Верховное предназначение обители — служение Будде. Боевые искусства, так сказать, побочное занятие.

Бывший настоятель Какудзэнбо Инъэй часто встречался с Ягю Мунэёси. Благодаря общению с Мунэёси и его другом Коидзуми, владетелем Исэ, Инъэй заинтересовался боевыми искусствами. Позднее фехтование превратилось в истинное увлечение. Затем настоятель занялся разработкой новых способов владения копьем, что и привело, как уже знал Мусаси, к созданию прославленного стиля Ходзоин.

Сейчас бывшему настоятелю было восемьдесят

четыре года, он впал в старческое слабоумие и почти никого не принимал. Если и допускал посетителя, то мог только сидеть, издавая беззубым ртом нечленораздельные звуки. Он не воспринимал ничего из слов, произносимых гостем. О копье он давным-давно забыл.

— Выходит, — завершил монах, — вам незачем идти туда. Если вам доведется повидать старого учителя, вы ничему не научитесь.

Судя по нетерпению монаха, ему хотелось избавиться от Мусаси. Мусаси чувствовал признательность за откровенность монаха, но настаивал на своем.

— Мне рассказывали подобное про Инъэя, и я верю в вашу искренность. Но я слышал, что монах Инсун стал его преемником. Он продолжает учиться, хотя постиг секреты стиля Ходзоин. У него много учеников, но Инсун никогда не отказывает в наставлении любому, приходящему к нему.

— А, Инсун! — пренебрежительно бросил монах. — Пустые слухи! В действительности Инсун — ученик настоятеля храма Одзоин. Когда Инъэй одряхлел, наш настоятель посчитал непростительной ошибкой растерять славу Ходзоина. Он передал Инсуну секреты владения копьем,

которые, в свою очередь, перенял от Инъэя, и позаботился о том, чтобы сделать Инсуна настоятелем.

— Понятно, — отозвался Мусаси.

— И все же вы не передумали?

— Я проделал большой путь…

— Воля ваша!

— Вы сказали, что Ходзоин за вашим храмом. Лучше обойти слева или справа вашу обитель?

— Идите через наш храм, так короче. Окажетесь прямо перед Ходзоином.

Поблагодарив монаха, Мусаси прошел мимо храмовой кухни на задний двор, напоминавший хозяйство зажиточного крестьянина. Здесь были и деревянный навес, и амбар для хранения соевой пасты, и большой огород. За огородом возвышался Ходзоин.

Мусаси шел по мягкой земле между грядками рапса, редиски и лука. Поодаль согбенный старик окучивал овощи, сосредоточенно глядя на острие мотыги. Мусаси рассмотрел только белоснежные брови старика. Кругом стояла глубокая тишина, нарушаемая звяканьем тяпки о случайный камешек.

Мусаси, приняв старика за монаха из храма Одзоин, хотел заговорить с ним, но тот был

настолько поглощен работой, что Мусаси постеснялся помешать ему. Молча проходя мимо старика, Мусаси заметил, что тот искоса наблюдает за его ногами. Старик не шевельнулся, не произнес ни слова, но Мусаси вдруг ощутил, как удар страшной силы обрушился на него, словно сверкнула грозная молния. Это было не видение. Мусаси почувствовал, как тело пронзила неведомая сила, подбросившая его в воздух. Он оцепенел от ужаса. Его охватил жар, словно он только что уклонился от неминуемого удара неприятельского меча или копья.

Оглянувшись, Мусаси увидел сгорбленную спину старика, который все так же ритмично работал мотыгой. «Что это было?» — думал Мусаси, опомнившись от удара.

Он подошел к Ходзоину, переполненный любопытством. Ожидая появления служителя, он размышлял:

— Инсун должен быть молодым человеком. Монах у ворот говорил, что Инъэй выжил из ума и начисто забыл о копье. Однако…

Происшествие на огороде не давало покоя Мусаси.

Мусаси дважды подал голос, но в ответ раздалось только лесное эхо. Тогда он ударил в

большой гонг, висевший у ворот. Немедленно в глубине храма прозвучал ответный удар.

В воротах появился монах. Это был дюжий человек, похожий на монаха-воина с горы Хиэй или даже на военачальника. Он привык к посетителям типа Мусаси, которые с утра до ночи стучали в ворота храма.

— Ученик? — спросил монах, бегло взглянув на посетителя.

— Да.

— Что тебе?

— Хочу встретиться с учителем.

— Войди.

Монах жестом указал вправо от двери, давая понять, что прежде необходимо вымыть ноги. Вода, бежавшая по бамбуковой трубе, переполняла бадью, около которой стоял десяток стоптанных грязных сандалий гэта.

Мусаси проследовал за монахом по просторному темному коридору в прихожую, где ему велели подождать. В открытые сёдзи заглядывали широкие листья платана, воздух был напоен благовониями. Все как в обычном храме, кроме, пожалуй, вольных манер монаха-великана.

Монах вернулся с книгой посетителей и тушечницей.

— Запиши свое имя, где учился, каким стилем владеешь, — сказал он Мусаси назидательным тоном, словно обращаясь к ребенку.

Книга называлась «Список лиц, посетивших Ходзоин в учебных целях. Управляющий храмом Ходзоин».

Мусаси, раскрыв книгу, пробежал взглядом список самураев и учеников, посетивших храм. Против каждого имени стояла дата. Следуя предшествующим записям, Мусаси внес свои данные, опустив лишь имя учителя. Монаха больше всего интересовало имя наставника.

Мусаси записал в книгу то, что он ранее сообщил в школе Ёсиоки. Учился владению дубинкой под руководством отца, «не проявляя особого усердия». Занявшись делом всерьез, стал учиться у всех на свете, а также следовать примеру предшествующих мастеров боевых искусств. В заключение Мусаси написал: «Продолжаю обучаться и в настоящее время».

— Ты, вероятно, знаешь, что со времен нашего первого учителя Ходзоин известен оригинальной техникой боя на копьях. Поединки здесь жестокие, снисхождения нет ни к кому. Прежде следует ознакомиться со вступлением в начале книги регистрации.

Мусаси открыл первую страницу и прочитал условие участия в поединках, которое он прежде не заметил: «Прибыв сюда в учебных целях, я снимаю с храма всякую ответственность за мое возможное увечье или смерть».

— Согласен, — усмехнувшись, произнес Мусаси. Написанное было бесспорным для тех, кто решил посвятить себя военной службе.

— Прекрасно! Прошу!

Додзё был огромных размеров. Монахи, видимо, пожертвовали под него учебный зал или другое просторное храмовое помещение. Мусаси впервые видел зал с такими массивными колоннами. На поперечных балках проступали следы росписи в китайском стиле — белой штукатурки с узорами, выполненными краской и позолотой. В обычных тренировочных залах ничего подобного не бывает.

Мусаси был не единственным посетителем. Десяток с лишним воинов-учеников и столько же монахов сидели в части зала, отведенной для ожидания поединка. Было еще несколько самураев, которые просто наблюдали за тренировкой. Все напряженно следили за учебным боем на копьях. Мусаси тихо присел в углу, никто даже не взглянул в его сторону.

Объявление на стене гласило, что в поединке можно использовать настоящие боевые копья. Сейчас сражение происходило на дубовых шестах. Удар таким шестом бывал болезненным, а иногда и смертельным.

В конце концов один из бойцов был подброшен в воздух победившим соперником и неуклюже заковылял к своему месту, волоча ногу, распухшую, как бревно. Он упал на колено, вытянув раненую ногу перед собой.

— Следующий! — надменно выкрикнул монах-тренер. Рукава его одежды были завязаны за спиной, руки, ноги, плечи и даже лоб монаха состояли из сплошных мускулов. Дубовый шест, который он держал вертикально, был в добрых десять сяку.

Отозвался один из ожидавших, прибывших в монастырь сегодня. Подвязав рукава кожаным шнурком, он вошел в тренировочную зону. Монах стоял неподвижно. Боец выбрал у стены алебарду и встал напротив него. Не успели они обменяться ритуальными поклонами, как монах с воплем, похожим на лай дикой собаки, обрушил шест на голову противника.

— Следующий! — раздался бесстрастный голос монаха, принявшего выжидательную позицию.

С последним противником было покончено. Он был еще жив, но мог лишь слегка приподнять голову от пола. Два монаха-ученика оттащили его в сторону, взяв за рукава и пояс кимоно. Следом тянулась дорожка слюны, смешанной с кровью.

— Следующий! — угрюмо повторил монах.

Мусаси подумал, что это и есть представитель второго поколения — учитель Инсун, но сидевшие рядом с ним сказали, что монаха зовут Агон. Он был одним из старших воспитанников, прозванных «Семь столпов Ходзоина». Инсун никогда не участвовал в поединках, поскольку любого соперника укладывал один из «Семи столпов».

— Кто еще? — проревел Агон, держа учебное копье горизонтально.

Здоровенный монах-управляющий сверял записи в книге посетителей, оглядывая лица присутствующих. Он указал на одного из сидящих.

— Нет, не сегодня. В другой раз…

— А ты?

— Сегодня я не в форме.

Один за другим посетители отказывались от поединка, пока палец монаха не уперся в Мусаси.

— Ну, а ты?

— Если угодно…

— Как понимать, «если угодно»?

— Это значит, я готов сражаться.

Все уставились на Мусаси. Надменный Агон, покинув тренировочную площадку, оживленно разговаривал с монахами. Когда сыскался смельчак, Агон досадливо поморщился и лениво произнес:

— Пусть кто-нибудь займется им вместо меня.

— Давай, давай! — уговаривали его приятели. — Один всего остался.

Агон неохотно вышел в центр зала. Он крепко обхватил отполированный черный шест, с которым, казалось, сросся. Стремительно приняв боевую стойку, Агон повернулся спиной к Мусаси и отпрыгнул от противника.

— Яй-а-а!

Испуская пронзительный вопль, напоминающий крик диковинной птицы, Агон ринулся на тренировочную стенку, неистово вонзив копье в мишень. Она рассыпалась на щепки, хотя была сколочена из новых досок.

— А-а-х!

Громкий победоносный клич раскатился под сводами зала. Вырвав шест из стены, Агон танцующей походкой надвигался на Мусаси, от его могучего тела исходил жар. Остановившись на

некотором удалении от Мусаси, Агон метнул яростный взгляд на последнего противника. Мусаси стоял с одним деревянным мечом, удивленно глядя на монаха.

— Готов? — рыкнул Агон.

Неожиданно со двора послышался сухой смешок и чей-то голос произнес из-за раздвинутых сёдзи:

— Агон, не глупи! Опомнись, олух! Перед тобой не доска, которую ты можешь прошибить насквозь.

Не выходя из стойки, Агон взглянул в створку сёдзи.

— Кто там? — заревел он.

Снова прозвучал смех, и в проеме возникла блестящая лысина и белоснежные брови, словно их выставил на витрину хозяин антикварной лавки.

— Неразумно рискуешь, Агон. На сей раз тебе не повезет. Пусть посетитель подождет до послезавтра, когда вернется Инсун.

Мусаси узнал старика, которого видел в огороде по пути в Ходзоин. Он не успел рассмотреть его лицо, потому что голова мгновенно скрылась.

От слов старика Агон на мгновение расслабил руку с копьем, но, поймав взгляд Мусаси, выру-

гался в сторону исчезнувшего старика.

Агон вцепился в древко копья. Мусаси, следуя ритуалу, спросил:

— Теперь вы готовы?

Такая учтивость взбесила Агона. Стальные мускулы, как пружина, с невероятной легкостью подкинули его тело в воздух. Казалось, ноги монаха одновременно парят в воздухе и касаются пола, выписывая замысловатый рисунок, похожий на морскую рябь в лунном свете.

Мусаси не шевельнулся, по крайней мере, так казалось со стороны. Его стойка была обыкновенной — он держал меч обеими руками прямо перед собой. Рядом с могучим монахом Мусаси — менее рослый и мускулистый — казался обыкновенным человеком. Основное различие между соперниками заключалось в глазах. Глаза Мусаси были остры, как у птицы. Зрачки, налитые кровью, сверкали яркими кораллами.

Агон тряхнул головой, то ли смахивая катившийся со лба пот, а может, освобождаясь от предостережений старика. Звучали ли они до сих пор в его ушах? Пытался ли он выбросить их из мыслей? Агон выглядел разъяренным. Он стремительно менял стойку, пытаясь спровоцировать Мусаси, но тот стоял недвижно.

Агон сделал выпад под душераздирающий вопль. В долю секунды Мусаси, отразив нападение, перешел в атаку.

— Что случилось? — раздалось в тишине зала.

Монахи бросились к Агону, обступив его черным кольцом. В суматохе кто-то споткнулся о копье и растянулся на полу. Склонившийся над Агоном монах закричал:

— Лекарство! Скорее! Лекаря!

Руки и грудь монаха были в крови.

— Лекарство не поможет.

Эти слова произнес старик, появившийся у входа в зал. На лице его было ехидное выражение.

— Если бы я знал, что ему поможет лекарство, не стал бы отговаривать его от поединка. Безумец!

Никто не обращал внимания на Мусаси. Здесь ему делать было нечего, и он направился к выходу, где начал обуваться.

— Эй ты! — окликнул его старик, шедший следом.

— Слушаю! — ответил через плечо Мусаси.

— Хочу с тобой поговорить. Иди за мной!

Старик провел Мусаси в комнату по соседству с додзё. Это была простая квадратная келья, в которой раздвигалась только одна створка фусума.

Усадив Мусаси, старик сказал:

— Ты заслужил встречу с настоятелем, но он в отъезде и вернется дня через три. Хочу поздравить тебя от его имени.

— Я вам очень признателен, — ответил с поклоном Мусаси. — Я благодарен за хороший урок, преподанный у вас в храме, но я должен извиниться за печальный исход поединка.

— Никаких извинений! Обычный случай. Перед боем надо смириться с возможной смертью. Не беспокойся!

— Как чувствует себя Агон?

— Сражен наповал!

От слов старика на Мусаси повеяло ледяным холодом.

— Убит? — переспросил Мусаси, а про себя подумал, что стал виновником еще одной смерти. Его деревянный меч принес новую жертву. Мусаси, закрыв глаза, сердцем обратился к Будде, как он всегда делал в подобных случаях.

— Молодой человек!

— Слушаю вас.

— Твое имя Миямото Мусаси?

— Да.

— Кто учил тебя боевым искусствам?

— У меня не было учителя в обычном смысле

слова. Отец в детстве учил меня обращаться с дубинкой. Потом я заимствовал различные приемы у самураев старшего поколения в разных провинциях. Я много путешествовал по стране, побывал в отдаленных краях. Учился я у рек и гор, которые тоже считаю своими наставниками.

— Ты правильно понимаешь дело. Но ты очень сильный. Чересчур!

Мусаси, приняв эти слова за похвалу, покраснел.

— Что вы! Я еще не совсем окреп. Всегда допускаю ошибки.

— Я о другом. Сила порой вредит тебе. Ты должен владеть собой, стать слабее.

— Что? — недоуменно спросил Мусаси.

— Помнишь, ты шел через огород, где я работал?

— Да.

— Ты отскочил в сторону, увидев меня.

— Да.

— Почему?

— Мне показалось, что вы можете мотыгой перебить мне ноги. Вы, казалось, были поглощены работой, но ваш взгляд сковал меня. В нем было что-то убийственное, словно вы нащупывали мое слабое место, чтобы поразить в него.

Старик засмеялся:

— Все наоборот! Когда ты был метрах в пятнадцати от меня, я ощутил приближение «чего-то убийственного». Это передалось мне через острие мотыги — с такой силой каждый твой шаг обнаруживает боевой дух и честолюбие. Я понял, что следует приготовиться к защите. Проходил бы мимо местный крестьянин, я остался бы обычным стариком, копающимся в грядках. Ты почувствовал во мне враждебность, но она была вызвана твоей агрессивностью.

Мусаси не ошибся, почувствовав в старике необыкновенного человека задолго до того, как они заговорили. Теперь Мусаси невольно воспринимал старика-монаха как своего учителя. Мусаси испытывал к согбенному старцу глубокое почтение.

— Спасибо за ваш урок. Могу ли я узнать ваше имя и ваш пост в этом храме?

— Я не из храма Ходзоин. Я настоятель храма Одзоин. Зовут меня Никкан.

— Благодарю вас.

— Я старинный друг Инъэя. Когда он начал изучать копье, я присоединился к его занятиям. Позднее, многое переосмыслив, я не прикасаюсь к оружию.

— Инсун, теперешний настоятель храма Ходзоин, — ваш ученик?

— Можно и так считать. Священнослужители не должны прибегать к оружию. По-моему, прискорбно, что Ходзоин теперь знаменит своим боевым искусством, а не ревностным служением Будде. Многие, однако, считали забвение стиля Ходзоин большой утратой, поэтому я обучил Инсуна. И никого больше.

— Не позволите ли вы остаться в вашем храме до приезда Инсуна?

— Намерен вызвать его на поединок?

— Хотелось бы не упустить возможность увидеть, как владеет копьем самый посвященный мастер.

Никкан осуждающе покачал головой:

— Пустая трата времени. Здесь нечему учиться.

— Правда?

— Ты познакомился с техникой Ходзоина в поединке с Агоном. Чего же более? Если хочешь научиться чему-то, наблюдай за мной. Смотри мне в глаза!

Никкан, расправив плечи, слегка подался головой вперед и устремил взор в Мусаси. Глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит. Мусаси тоже

пристально вглядывался в старца. Зрачки Никкана вспыхнули коралловым пламенем, которое сменилось темной лазурью. Горящий взор привел Мусаси в смятение. Он не выдержал взгляда старика. Негромкий смех Никкана прозвучал как треск пересохшего дерева.

Никкан умерил пронзительность взгляда лишь в тот момент, когда в комнату вошел молодой монах и что-то прошептал старику на ухо.

— Принеси сюда! — приказал Никкан.

Молодой монах вернулся с подносом, на котором была круглая деревянная коробка с рисом. Никкан положил рис в чашку и подал ее Мусаси.

— Рекомендую отядзукэ и соленья. В Ходзоине этим угощают всех, кто приходит на обучение, так что не думай, будто тебе оказывают особый прием. Монахи сами готовят соленья, которые так и называются — «соленья Ходзоин». Это огурцы, приправленные базиликом и красным перцем. Думаю, тебе понравится.

Мусаси взял палочки для еды и снова почувствовал на себе взгляд Никкана. Мусаси не понимал, исходил ли пронизывающий взгляд из существа Никкана, или это был ответ настоятеля на силу, источаемую самим Мусаси. Мусаси надкусил огурец, и его вдруг охватило предчувствие,

словно на него вот-вот обрушится кулак Такуана или стоявшее в углу копье полетит в его сторону.

Мусаси съел чашку отядзукэ и огурцы. Никкан спросил, не хочет ли гость добавки.

— Спасибо. Я сыт.

— Соленья понравились?

— Спасибо, очень вкусные.

Мусаси покинул храм, но жгучий привкус красного перца на языке долго напоминал ему о соленьях. Не один перец не давал ему покоя. Мусаси сознавал, что в каком-то смысле потерпел поражение.

— Проиграл, — ворчал Мусаси, бредя среди криптомерий. — Побит мастером более высокого класса.

По тропинке в сумрачной роще мелькнула быстрая тень — путь Мусаси перебежала стайка оленей, вспугнутых человеком.

— Я победил физической силой, но меня подавляет горечь поражения. Почему? Видимая победа и внутреннее поражение?

Мусаси внезапно вспомнил о Дзётаро и повернул к воротам Ходзоина. В храме еще мерцали огни. На голос Мусаси отозвался монах-сторож, выглянувший из калитки.

— Что случилось? Забыл что-нибудь? — невоз-

мутимо поинтересовался он.

— Через день-другой меня здесь будут спрашивать. Передайте тому человеку, что я остановился неподалеку от пруда Сарусава. Пусть ищет на постоялых дворах.

— Хорошо.

Равнодушный тон монаха вынудил Мусаси добавить:

— Это будет мальчик по имени Дзётаро. Он еще маленький. Растолкуйте ему все получше.

Мусаси зашагал прежней дорогой через рощу.

— Меня действительно побили! — пробормотал он. — Я даже забыл предупредить в храме о Дзётаро. Меня сокрушил старый настоятель.

Разочарование в себе нарастало. Мусаси одолел Агона, но сознанием владела мысль о собственной незрелости, которая со всей очевидностью проявлялась в присутствии Никкана. Разве из такого получится великий мастер меча? Мусаси и прежде терзал этот вопрос, но события сегодняшнего дня повергли его в отчаяние.

В последние лет двадцать пространство между прудом Сарусава и низовьями реки Сай быстро застраивалось. Здесь выросло множество новых домов, постоялых дворов и лавок. Окубо Нагаясу, наместник правительства Токугавы, недавно

прибывший в город, расположил присутственные места по соседству. В центре нового квартала находилось заведение китайца, про которого говорили, что он потомок Лин Хоцина. Китаец слыл непревзойденным мастером пельменей, и дело его процветало так, что к лавке со стороны пруда пришлось соорудить пристройку.

Мусаси в нерешительности остановился среди суеты торгового квартала, сияющего огнями. Кругом было много постоялых дворов, но Мусаси не намеревался тратить лишние деньги, ему не хотелось забираться далеко от главной улицы, иначе Дзётаро не найдет его.

Мусаси недавно поел в храме, но от вкусного запаха пельменей почувствовал голод. Он зашел в лавку и заказал большую миску. Каждый пельмень был украшен иероглифом «Лин». Кушанье было гораздо приятнее, чем рис с соленьями, залитыми чаем, которым его потчевали в храме Ходзоин.

Девушка, наливавшая чай Мусаси, вежливо спросила:

— Где вы собираетесь остановиться на ночлег?

Мусаси, незнакомый с этими местами, обрадовался возможности посоветоваться с девушкой. Она сообщила, что один из родственников хозя-

ина лавки пускает путников на постой. Гостю должен понравиться дом. Не дожидаясь ответа Мусаси, девушка ушла. Вскоре она вернулась с моложавой женщиной, бритые брови которой указывали на ее замужнее положение. Вероятно, это была жена хозяина пельменной.

Дом находился поблизости в тихом переулке. Обыкновенный дом, в котором иногда принимали постояльцев. Безбровая женщина, провожавшая Мусаси, легонько постучала в дверь и, повернувшись к гостю, приветливо сказала:

— Здесь живет моя старшая сестра, так что не беспокойтесь о чаевых и прочем.

Женщина пошепталась с вышедшей из дома служанкой, и та, приветливо улыбаясь, повела гостя на второй этаж.

Убранство комнаты не походило на обстановку тех, которые сдают внаем. Мусаси чувствовал себя неловко. Он спросил служанку, почему в такой благополучный дом пускают постояльцев, но та не ответила, по-прежнему улыбаясь. Мусаси не стал ужинать. Он вымылся и лег спать, но загадочность дома не давала ему покоя.

Утром Мусаси сказал служанке:

— Я жду одного человека. Можно ли мне остаться у вас еще дня на два, пока он не придет?

— Живите сколько угодно! — ответила служанка, даже не спросив разрешения у хозяйки. Она вскоре появилась и сама, чтобы поздороваться с гостем.

Это была привлекательная женщина лет тридцати, с нежной кожей. Мусаси спросил о постояльцах, и хозяйка дома рассмеялась:

— По правде, я — вдова. Мой муж Кандзэ был актером в театре Но. Но я боюсь оставаться в доме без мужчины, кругом бродят шайки ронинов.

Вдова рассказала, что нищие самураи не довольствовались только продажными женщинами и винными лавками. Они расспрашивали мальчишек о домах, где не было мужчин, а потом нападали на них. У них это называлось «навестить вдову».

— Выходит, — уточнил Мусаси, — вы пускаете постояльцев вроде меня, чтобы они охраняли вас?

— Я уже сказала, в доме нет мужчин, — улыбнулась вдова. — Живите у нас сколько вам нужно.

— Понятно. Пока я здесь, вы в полной безопасности. Я хотел бы попросить об одном одолжении. Я жду посетителя. Нельзя ли наклеить на ваши ворота листок с моим именем?

Вдова была рада оповестить окружающих о

том, что в ее доме есть мужчина, поэтому полоска бумаги с надписью «Миямото Мусаси» тут же появилась на воротах.

В тот день Дзётаро не пришел, но к Мусаси явились три самурая. Не обращая внимания на протесты служанки, они протопали в комнату постояльца. Мусаси их сразу узнал — они были среди зрителей в храме Ходзоин, когда он убил Агона. Бесцеремонно усевшись вокруг Мусаси, словно старинные приятели, незваные гости начали наперебой расточать похвалы.

— Никогда не видел ничего подобного! — начал один. — Небывалое происшествие в Ходзоине. Подумать только! Никому не известный посетитель и махом сносит одного из «Семи столпов». Да еще грозного Агона. Короткий взмах, и тот плюется кровью. Такое редко увидишь.

Второй самурай продолжил:

— Разговоры только об этом! Все ронины спрашивают, кто такой Миямото Мусаси. Это был несчастливый день для репутации Ходзоина.

— Ты наверняка самый великий мастер меча в стране!

— И такой молодой!

— Верно! Со временем станешь еще лучше.

— Можно спросить? Почему при таких способ-

ностях ты всего лишь ронин? Попросту растрачиваешь талант, не находясь на службе у даймё.

Самураи приутихли на несколько минут, чтобы выпить чай и проглотить печенье, обсыпав колени и татами крошками.

Опешивший от похвал Мусаси оглядывал самураев. Некоторое время он продолжал бесстрастно слушать их, надеясь, что в конце концов поток красноречия иссякнет. Поняв, что они не собираются менять тему разговора, Мусаси спросил, как их зовут.

— Прошу прощения! Я Ямадзоэ Дампати. Прежде я служил у даймё Гамо, — сказал первый.

— Отомо Банрю, — произнес второй. — Я овладел стилем Бокудэн и имею большие планы на будущее.

— Ясукава Ясубэй, — ухмыльнулся третий. — Ронин всю жизнь, как, впрочем, и мой отец.

Мусаси гадал, куда они клонят. Он решил без обиняков задать вопрос гостям. Воспользовавшись паузой, Мусаси сказал:

— Полагаю, у вас есть дело ко мне.

Самураи изобразили на лицах удивление, но потом признались, что у них и правда есть интересное предложение. Ясубэй напрямую сказал:

— Мы к тебе по делу пришли. Собираемся

устроить «развлечение» для людей у подножия горы Касуга и хотели бы потолковать с тобой. Это не театральные представления. Думаем провести несколько поединков, чтобы дать людям представление о боевых искусствах, а заодно и заработать на ставках зрителей.

Ясубэй добавил, что уже приготовлены места для публики, что поединки будут иметь успех. Троице приятелей требовался еще один напарник, потому что случайный сильный самурай может побить их, и тогда плакали их денежки. Они решили, что самым подходящим человеком был бы Мусаси. Если он составит им компанию, они не только поделятся с ним прибылью, но и будут содержать его до окончания поединков. Мусаси быстро заработает на дальнейшее путешествие.

Мусаси слушал болтовню с нескрываемым изумлением. Утомившись от потока слов, он прервал гостей:

— Если вы пришли только за этим, нам не о чем говорить. Меня это не интересует.

— Почему же? — спросил Дампати. — Почему тебе не интересно?

По-юношески порывистый Мусаси вышел из себя.

— Я не игрок и не шут! — негодующе заявил он. — И ем палочками, а не мечом.

— Почему такой тон? — возмутились гости, задетые намеком. — Как прикажешь понимать твои слова?

— Вы, глупцы, не понимаете? Я самурай и останусь им! Даже если мне придется голодать. А теперь убирайтесь вон!

Один из гостей пренебрежительно скривил губы, другой, красный от гнева, крикнул:

— Ты еще пожалеешь!

Они понимали, что и втроем ничего не стоят против Мусаси, но нарочито громко топали, угрожающе ухмылялись, намекая, что еще отплатят за обиду.

Наступившая ночь, как и предыдущая, была лунной. Луну окутывала легкая молочная дымка. Хозяйка дома, успокоенная присутствием Мусаси, готовила ему изысканную еду и угощала отменным саке. Мусаси ужинал внизу вместе с хозяевами и слегка охмелел. Поднявшись к себе, он растянулся на полу. Мысли его вернулись к Никкану.

— Какое унижение! — вырвалось у него.

Мусаси не хранил в памяти побежденных противников, даже убитых и покалеченных.

Воспоминания о них уплывали, как пена по реке. Мусаси, однако, никогда не забывал тех, кто в чем-то превосходил его или обладал мощной внутренней силой. Они таились в его памяти, как привидения, и Мусаси терзался мыслью о том, как в один прекрасный день расправится с ними.

— Унизительно! — повторил Мусаси.

Схватив себя за волосы, он размышлял, как ему одолеть Никкана, как выдержать нечеловеческий взгляд монаха. Два дня его мучил этот вопрос. Мусаси не желал зла Никкану, а был раздосадован на себя.

«Выходит, я никчемный?» — сокрушался Мусаси. Самоучкой овладев фехтованием, он не имел возможности в полной мере оценить свои силы, поэтому неизбежно сомневался в своей способности когда-нибудь постичь силу, которую излучал старец.

Никкан сказал, что Мусаси слишком силен и ему надо поубавить силу. Мусаси в который раз возвращался к этим словам, пытаясь вникнуть в их смысл. Разве сила — не главное качество воина? Ведь она определяет превосходство одного воина над другим? Почему Никкан говорит о силе как о недостатке?

«Может быть, — думал Мусаси, — старый негодник смеялся надо мной? Сыграл на моей молодости, говоря загадками, чтобы сбить меня с толку и позабавиться? После моего ухода, верно, долго смеялся надо мной».

В такие минуты Мусаси сомневался, стоило ли ему читать книги в замке Химэдзи. До обращения к книгам он не затруднял себя размышлениями над непонятными явлениями, но теперь его ум привык добираться до сути каждого предмета. Прежде он действовал по наитию. Теперь ему необходимо было разобраться в мельчайших деталях. Так он подходил и к фехтованию, и к человеку, и к людям.

Прежний сорвиголова в Мусаси был укрощен. Никкан, однако, сказал, что он все еще «слишком силен». Мусаси предположил, что монах имел в виду не физическую силу, а свирепый боевой дух, которым Мусаси был наделен от рождения. Действительно ли старый монах уловил в нем этот дух или строил догадки?

«Книжные знания не нужны воину, — рассуждал Мусаси. — Если человек придает большое значение мнению и поступкам других, он всегда опаздывает с действием. Если Никкан на мгновение закроет глаза и сделает неверный шаг, то

развалится на куски».

Размышления Мусаси прервали шаги по лестнице. Появилась служанка, а за ней дочерна загоревший Дзётаро. Вихры мальчишки густо припудрила дорожная пыль. Мусаси искренне обрадовался появлению маленького друга и встретил его с распростертыми объятиями.

Дзётаро плюхнулся на татами и вытянул грязные ноги.

— Очень устал! — вздохнул он.

— Долго искал?

— Весь город обегал! Думал, не найду.

— А в храме Ходзоин спрашивал?

— Там мне ответили, что ничего о вас не знают.

— Странно. — Глаза Мусаси сузились. — И это после того, как я попросил их направить тебя в окрестности пруда Сарусава! Рад, что ты отыскал меня.

— Вот ответ из школы Ёсиоки.

Мальчик протянул Мусаси бамбуковый пенал.

— Я не смог найти Хонъидэна Матахати, но попросил его домашних передать ему ваше послание.

— Прекрасно! А теперь марш отмываться! Тебя покормят внизу.

Мусаси вынул письмо из пенала. В письме сообщалось, что Сэйдзюро готов провести с ним «второй поединок». Если Мусаси не появится в означенный срок, его отсутствие будет означать малодушие. В этом случае Сэйдзюро позаботится о том, чтобы сделать Мусаси посмешищем на весь Киото.

Бахвальство было нацарапано неумелой рукой, писал, скорее всего, не Сэйдзюро, а кто-то из его подчиненных.

Мусаси разорвал и сжег письмо. Пепел полетел по комнате, как черные бабочки.

Сэйдзюро писал о поединке, но было очевидно, что подразумевается гораздо большее. Бой не на жизнь, а на смерть. Кто из соперников превратится на следующий год в прах по воле этого оскорбительного письма?

Для Мусаси было естественно, что воин живет одним днем, не зная утром, увидит ли вечернюю зарю. Мысль о возможной гибели, однако, тревожила его. Так много хотелось сделать. Прежде всего Мусаси жаждал стать великим мастером меча. К тому же он чувствовал, что не сделал многого, что положено обычному человеку в жизни. В нем горело молодое тщеславие — он мечтал иметь многочисленных слуг, которые вели бы

его коня, несли бы ловчих птиц, как заведено у Бокудэна или Коидзуми, князя Исэ. Хотелось иметь хороший дом, любящую жену и верных слуг, быть заботливым хозяином, наслаждаться теплом и довольством семейной жизни. А до того как он остепенится, ему в глубине души хотелось испытать страстную любовь. Мусаси, естественно, не знал женщин, поскольку был поглощен «Бусидо». Некоторое женщины, которых он видел на улицах Киото и Нары, волновали его воображение. Он не просто любовался их красотой, но и ощущал возбуждение плоти.

Мусаси вспомнил Оцу. Время отодвинуло ее далеко в прошлое, но он по-прежнему испытывал привязанность к ней. Мысли об Оцу скрашивали ему жизнь в минуты тоски и одиночества.

Мусаси взял себя в руки. Появился вымытый и сытый Дзётаро, гордый выполненным поручением. Мальчик уселся, скрестив маленькие ноги и положив руки на колени, и вскоре мерно засопел, сраженный усталостью. Мусаси отнес мальчика в постель.

На следующий день Дзётаро вскочил чуть свет. Мусаси тоже поднялся рано, собираясь в дорогу.

Он одевался, когда появилась вдова.

— Вы так спешите покинуть нас? — печально

сказала она.

Вдова держала в руках мужское одеяние.

— Сшила вам на прощанье кимоно и хаори. Не знаю, понравится ли вам мое рукоделие, но надеюсь, они вам сгодятся в путешествии.

Мусаси смущенно взглянул на хозяйку дома. Одежда была слишком дорогой, чтобы дарить ее случайному постояльцу, прожившему в доме два дня. Мусаси пробовал отказаться, но вдова настаивала на своем.

— Вы должны принять мой подарок. Ничего особенного в нем нет. От мужа у меня осталось много кимоно и костюмов для спектаклей театра Но. Они мне не нужны. Я подумала, не подойдет ли вам кое-что. Пожалуйста, не стесняйтесь! Я подогнала одежду под ваш размер. Если вы не возьмете, они попусту пропадут.

Вдова помогла Мусаси надеть кимоно. Почувствовав прикосновение к телу дорогого шелка, он еще больше смутился. Хаори было роскошным, похоже, его привезли из Китая. Оторочка златотканая, подклад из шелкового крепа, а лайковые завязки пурпурного цвета.

— Сидит превосходно! — воскликнула вдова.

Дзётаро, с завистью наблюдавший сцену, подал голос:

— А мне что вы подарите?

— Ты должен благодарить судьбу за то, что она послала тебе такого хозяина, — засмеялась вдова.

— Кому нужно старое кимоно! — пробормотал разочарованный Дзётаро.

— Что бы ты хотел?

Мальчик, подбежав к висевшей на стене маске театра Но, снял ее с крючка и крикнул:

— Вот это!

Маску он приметил еще накануне вечером и теперь крепко прижимал ее к лицу. Вкус мальчика удивил Мусаси, он и сам отметил редкое изящество маски. Имя автора не было известно, но ей было не менее трехсот лет. Мастерски вырезанная маска изображала лицо ведьмы, но, в отличие от обычных масок этого персонажа, гротескно раскрашенных синими штрихами, эта изображала красивое девичье лицо. Несходство с ликом прелестной девушки заключалось в хищном изгибе губ, вздернутых с одной стороны рта. Несомненно, это был портрет реальной женщины — прекрасной, но одержимой нечистой силой.

— Она не предназначена для подарка, — твердо сказала вдова, отнимая маску у Дзётаро.

Мальчишка увернулся, нацепил маску на голову и пошел приплясывать по комнате, выкрикивая:

— Зачем она вам? Теперь маска моя. Я ее хозяин!

Мусаси, стыдясь выходки своего подопечного, попытался его поймать, но Дзётаро, спрятав маску за пазуху, кубарем скатился вниз по лестнице, преследуемый вдовой. Хозяйка дома смеялась и, казалось, не очень сердилась, но не хотела расставаться с маской.

Вскоре Дзётаро поднялся наверх. Мусаси ждал его, сидя лицом к двери, чтобы немедленно отчитать за скверное поведение. Мальчишка вынырнул из-за фусума, прикрыв лицо маской.

— Бу-у! — зарычал он.

Мусаси вздрогнул и мгновенно напрягся всем телом. Он не мог понять, почему шутка Дзётаро так подействовала на него, но, вглядевшись в полумраке комнаты в маску, он догадался о причине. Резчик вложил в свое творение нечто дьявольское. В хищном изгибе левого уголка рта таилась мрачная сила.

— Если мы идем, так пора! — сказал Дзётаро.

Не двигаясь с места, Мусаси сказал:

— Почему ты не вернул маску? Зачем она тебе?

— Но хозяйка сказала, что я могу ее взять. Она мне ее подарила.

— Неправда. Ступай вниз и немедленно верни маску!

— Она сама отдала! Я хотел вернуть, но хозяйка сказала: если маска уж так мне нравится, я могу ее взять. Только попросила, чтобы я бережно обращался с маской.

— Что с тобой поделаешь! — вздохнул Мусаси.

Ему было стыдно и за подаренное прекрасное кимоно, и за маску, которой вдова, по-видимому, дорожила. Он хотел чем-то отблагодарить ее, но в деньгах она не нуждалась, заплатить он мог совсем немного. У Мусаси не было ничего, что он мог бы подарить хозяйке. Мусаси спустился вниз, извинился за невоспитанность Дзётаро и попытался отдать назад маску, но вдова ответила:

— Нет, не надо! Поразмыслив, я решила, что без маски мне будет спокойнее. Мальчику она так нравится. Не ругайте его!

Подозревая, что маска имеет особое значение для хозяйки дома, Мусаси еще раз попытался вернуть подарок, но Дзётаро, обувшись в соломенные сандалии, вылетел стрелой к воротам, откуда поглядывал на Мусаси с плутовским видом. Мусаси томился долгим прощанием. Он

поблагодарил хозяйку за ее щедрость. Молодая вдова ответила, что ей гораздо обиднее терять не маску, а постояльца. Она умоляла Мусаси останавливаться у нее всякий раз, как только ему случится быть в Наре.

Мусаси завязывал сыромятные шнурки гэта, когда прибежала запыхавшаяся жена пельменщика.

— Хорошо, что застала вас! Вам нельзя уходить! Возвращайтесь, пожалуйста, к себе наверх! Происходит что-то ужасное!

Голос женщины дрожал, словно она едва вырвалась от какого-то чудовища.

Мусаси, невозмутимо завязав сандалии, поднял голову и спросил:

— Что же такого страшного?

— Монахи Ходзоина узнали, что вы сегодня покидаете Нару. Добрый десяток с копьями устроили засаду на вас на равнине Ханъя.

— Неужели?

— Да, и с ними настоятель Инсун. Муж знаком с одним монахом, он-то и рассказал. Монах сказал, что человек по имени Миямото, проживший здесь два дня, сегодня уходит из Нары. Его-то и поджидают в засаде монахи.

Лицо женщины перекосилось от страха, она

считала, что для Мусаси уход сегодня из Нары был бы самоубийством. Она уговаривала переждать еще одну ночь и выбраться из города на следующий день.

— Ясно, — проговорил спокойно Мусаси. — Говорите, они поджидают меня на равнине Ханъя?

— Не знаю точно, в какой ее части, но они ушли в том направлении. Соседи сказали, что там были не только монахи. Собралась ватага ронинов, которые собираются поймать вас и доставить в Ходзоин. Вы, может, плохо отзывались о храме или оскорбили кого-то из его насельников?

— Нет.

— Соседи говорят, что монахи разозлились, потому что вы наняли кого-то для расклейки по городу стихов, высмеивающих Ходзоин. Монахи считают, что вы торжествуете, убив одного из них.

— Ничего подобного не делал. Это ошибка.

— Тем более нелепо погибать из-за навета.

Над бровями Мусаси выступили капельки пота. Он задумчиво посмотрел на небо, припомнив взбешенных ронинов, которых накануне выгнал. По их вине, скорее всего, вышло недоразумение. Расклеили оскорбительные стишки и пустили слух, что это дело рук Мусаси. Вполне в их духе.

Мусаси решительно поднялся.

— Я ухожу! — сказал он.

Он закинул за спину мешок, повесил на руку соломенную шляпу и поблагодарил женщин за гостеприимство. Вдова, уже не сдерживая слез, проводила его до ворот, умоляя подождать до завтра.

— Если я останусь, беда нагрянет в ваш дом, — ответил Мусаси. — Я не хочу причинять вам неприятности в ответ на вашу доброту.

— Я не боюсь их! — настаивала вдова. — Здесь вам безопаснее.

— Нет, я пойду. Дзё! Поблагодари тетю!

Дзётаро послушно поклонился. Он тоже выглядел расстроенным, но не потому, что покидал гостеприимный дом. Дзётаро так толком и не знал своего хозяина. В Киото говорили, что Мусаси — слабак и трус, поэтому Дзётаро встревожился, услышав, что знаменитые копьеносцы Ходзоина намерены напасть на них. Сердце мальчика сжималось от дурных предчувствий.

Равнина Ханъя

Поникший Дзётаро тащился за своим хозяином, содрогаясь оттого, что каждый шаг приближает их к неминуемой смерти. Когда на мокрой тенистой дороге неподалеку от храма Тодайдзи ему за ворот упала с дерева капля, он едва не завопил от ужаса. Черные вороны, кружившие над ними, усугубляли мрачные предчувствия мальчика.

Город остался позади. Сквозь ряды криптомерий, выстроившихся вдоль дороги, виднелась холмистая равнина, тянувшаяся до горы Ханъя, справа возвышались волнистые вершины горы Микаса. Ясное небо царило над головами путников.

Дзётаро считал глупостью идти туда, где их поджидали в засаде копьеносцы Ходзоина. Укрыться можно где угодно, стоило только немного пошевелить мозгами. Почему бы не переждать опасность в одном из придорожных храмов? Так было бы разумнее. Может, Мусаси хотел извиниться перед монахами, хотя он им ничего не сделал? Дзётаро решил: если Мусаси попросит прощения, то он к нему присоединится. Сейчас поздно рассуждать, кто прав.

— Дзётаро!

Мальчик вздрогнул, услышав свое имя. Брови взлетели вверх, и он сжался в комочек. Сообразив, что выглядит по-детски испуганным и бледным, он тут же принял бравый вид, устремив взгляд в небеса. Мусаси тоже посмотрел на небо, и Дзётаро совсем приуныл.

Мусаси, однако, заговорил обычным бодрым голосом:

— Красота, правда? Словно плывем на крыльях соловьиных трелей.

— Что? — удивился Дзётаро.

— Я сказал о соловьях.

— А, соловьи! Их здесь полно.

По побелевшим губам мальчика Мусаси видел, что тот плохо соображает от страха. Сердце Мусаси заныло от жалости. Действительно, мальчик вскоре может оказаться в одиночестве в незнакомом месте.

— Мы уже неподалеку от холма Ханъя, да? — произнес Мусаси.

— Да.

— Что будем делать?

Дзётаро молчал. Соловьиные трели холодом обжигали его слух. Он не мог отделаться от предчувствия, что скоро навсегда распрощается с

Мусаси. Глаза, озорно блестевшие несколько часов назад, когда он маской напугал Мусаси, теперь наполнились тоской.

— Тебе не стоит идти дальше, — сказал Мусаси. — Останешься со мной, и тебя могут случайно задеть. Бессмысленно нарываться на опасность.

Дзётаро не выдержал. Слезы хлынули ручьями, будто прорвало плотину. Он закрыл лицо руками, плечи содрогались, мальчик судорожно всхлипывал и икал.

— Это что такое? Ты ведь собираешься следовать «Бусидо»! Слушай внимательно! Если я оторвусь от противника и побегу, беги в том же направлении. Если меня убьют, возвращайся в винную лавку в Киото. А сейчас иди вон на тот холмик. Оттуда все хорошо видно.

Вытерев слезы, Дзётаро, вцепившись в рукав Мусаси, выдавил из себя:

— Давайте убежим!

— Самураю так не пристало говорить. Ты ведь мечтаешь стать самураем?

— Страшно! Я не хочу умирать! — Дрожащие руки мальчика тянули Мусаси за рукав. — Подумайте обо мне! Убежим, пока не поздно!

— От твоих слов и мне захочется убежать! У тебя нет родителей, ты беспризорный, как и я в

детстве. Но…

— Пойдем! Чего мы ждем?

— Нет!

Мусаси решительно повернулся к мальчику и встал как вкопанный, широко расставив ноги.

— Я — самурай! Ты — сын самурая. Мы не побежим от врага!

Дзётаро понял, что Мусаси неумолим. Он сел на землю, размазывая слезы по грязному лицу и растирая кулаками красные и опухшие глаза.

— Не волнуйся, — сказал Мусаси. — Я не собираюсь проигрывать. Я их побью. Все будет хорошо, так ведь?

Это было слабое утешение для Дзётаро. Он не верил ни одному слову. Он знал, что в засаде более десятка копьеносцев из Ходзоина. Наслышанный о нелестной репутации Мусаси, Дзётаро сомневался, что тот может справиться с каждым из них поодиночке, не говоря уже о схватке с целой группой.

Мусаси терял терпение. Он любил Дзётаро и жалел его, но сейчас ему было не до мальчика. Копьеносцы поджидали Мусаси, чтобы убить его. Необходимо приготовиться к встрече. Мальчишка только мешал ему.

Голос Мусаси зазвучал жестче.

— Хватит хныкать. Иначе не станешь самураем. Боишься, так отправляйся в свою винную лавку! — Мусаси, схватив мальчишку за плечо, резко оттолкнул его.

Пораженный, Дзётаро мгновенно прекратил плакать и удивленно застыл на месте. Его учитель уходил, размашисто шагая в сторону холма Ханъя. Дзётаро хотел окликнуть его, но заставил себя промолчать. Через несколько минут он сел под дерево, стиснул зубы и закрыл лицо руками.

Мусаси не оглядывался, но рыдания Дзётаро звучали в его ушах. Спиной, казалось, он видел жалкую, дрожащую от страха фигурку мальчика. Мусаси сожалел, что взял его с собой. Хватало забот о себе одном. Зачем ему спутник, когда единственное средство к существованию — меч, будущее смутно, а сам он еще молод и мало чего достиг в жизни?

Деревья поредели, и Мусаси вышел на равнину, которая плавно поднималась к подножию гор, видневшихся вдали. На развилке, откуда начиналась дорога к горе Микаса, стоял человек.

— Эй, Мусаси! Куда собрался? — спросил он, помахав рукой.

Мусаси узнал того, кто шагал ему навстречу. Это был Ямадзоэ Дампати. Мусаси понял, что Дам-

пати поручено завести его в западню, но радостно ответил на приветствие.

— Рад тебя видеть! — сказал Дампати. — Представить не можешь, как я сожалею о случившемся в тот день. — Дампати говорил подчеркнуто вежливо, пристально вглядываясь в Мусаси. — Надеюсь, ты забудешь это недоразумение, — продолжал он. — Ошибка вышла.

Дампати не знал, как держаться с Мусаси. Увиденное в Ходзоине живо стояло перед глазами. Мурашки бежали по спине от одного воспоминания. Мусаси, однако, всего лишь провинциальный ронин, лет двадцати с небольшим, и Дампати не допускал, что такой юнец может превзойти его.

— Куда идешь? — переспросил он.

— Через провинцию Ига хочу выйти на тракт Исэ. А ты?

— Есть кое-какие дела в Цукигасэ.

— Это неподалеку от долины Ягю?

— Совсем близко.

— Замок клана Ягю там находится?

— Да, рядом с храмом Касагидэра. Стоит там побывать. Старый правитель Мунэёси отошел от дел, увлекается чайной церемонией, а сын его, Мунэнори, в Эдо, но тебе будет интересно прове-

сти там несколько дней.

— Не думаю, что старец Ягю преподаст урок случайному путнику вроде меня.

— Почему же? Если бы кто-нибудь порекомендовал тебя Ягю. Я случаем знаю оружейника из Цукигасэ, который работает для Ягю. Если хочешь, он представит тебя по моей просьбе.

Равнина простиралась до горизонта, линия которого кое-где нарушалась одинокими криптомериями и черными китайскими соснами. Бегущая вдаль дорога плавно поднималась и опускалась по холмистой местности. У подножия холма Ханъя Мусаси заметил коричневый дымок.

— Что это? — спросил он.

— Где?

— Дым вон там?

— Подумаешь, дым!

Дампати будто приклеился к левому боку Мусаси, не спуская глаз с его лица, и насторожился. Мусаси указал на дым.

— Странный дым. Тебе не кажется?

— Почему же?

— Подозрительный, как и выражение твоего лица! — резко ответил Мусаси, ткнув пальцем в грудь Дампати.

Тонкий свистящий звук нарушил безмолвие равнины. Дампати не успел даже охнуть, получив удар. Заглядевшись на палец Мусаси, Дампати не заметил, как тот выхватил меч. Дампати, отлетев от удара, рухнул лицом вниз, чтобы никогда уже не встать.

Вдалеке послышался тревожный крик, и на пригорке показались двое. Один из них кричал. Они повернулись и побежали, отчаянно размахивая руками.

Мусаси шел, опустив меч, с которого капала свежая кровь. Солнце играло на стали клинка. Он шел прямо к пригорку. Теплый весенний ветерок ласкал лицо. Мышцы Мусаси напрягались с каждым шагом вверх по склону. С холма он посмотрел на горевший костер.

— Пришел! — закричал один из тех, кто видел Мусаси с пригорка, Мусаси насчитал человек тридцать. Друзья Дампати — Ясукава Ясубэй и Отомо Банрю — сразу же бросились в глаза Мусаси.

— Он пришел! — подхватили голоса.

Гревшиеся на солнце люди мгновенно вскочили. Половину составляли монахи, остальные — ронины различных мастей. При виде Мусаси они молча и свирепо ощетинились. Увидев кровь

на мече Мусаси, ожидавшие поняли, что бой уже начался. Они упустили момент, чтобы напасть на Мусаси, просидев у костра, и теперь вызов им бросил Миямото.

Ясукава и Отомо торопливо объясняли, показывая жестами, как был зарублен Ямадзоэ. Ронины грозно хмурились, монахи Ходзоина, встав в боевой порядок, угрожающе смотрели на Мусаси. Монахи держали копья, черные рукава кимоно подвязаны. Они были исполнены решимости отомстить за смерть Агона и восстановить честь храма. В них было нечто сверхъестественное, словно демоны явились из ада.

Ронины рассыпались полукругом, чтобы следить за сражением и перерезать Мусаси путь к отступлению. Их предосторожность была излишней, поскольку Мусаси не хотел ни отступать, ни уклоняться от боя. Решительно и неотвратимо он надвигался на них. Приближался медленно, шаг за шагом, готовый в любой миг совершить решающий выпад.

Зловещая тишина нависла над равниной. Все до одного ощущали близость смерти. Лицо Мусаси мертвенно побледнело. Теперь божество мести смотрело его глазами, в которых горела холодная ярость. Мусаси выбирал жертву.

Никто из монахов или ронинов не испытывал такого напряжения, как Мусаси. Уверенные в численном превосходстве, они не сомневались в победе. Никто, однако, не хотел, чтобы его атаковали первым.

Монах, замыкавший отряд копьеносцев, подал сигнал, и они рассыпались справа от Мусаси.

— Мусаси, я Инсун, — крикнул главный среди монахов. — Мне сказали, что в мое отсутствие ты убил Агона в храме. Потом прилюдно поносил Ходзоин. Ты насмехался над нами, расклеив стишки по всему городу. Это правда?

— Нет! — ответил Мусаси. — Если ты монах, то должен знать правило: верь лишь тому, что сам видел и слышал. Ты должен оценивать все вокруг умом и сердцем.

Слова Мусаси подлили масла в огонь. Не обращая внимания на Инсуна, монахи завопили, что пора сражаться, а не болтать языком. Хором им вторили ронины, вплотную подступившие к Мусаси слева. Ругаясь и размахивая мечами, они подначивали монахов поскорее вступить в бой.

Мусаси, знавший, что от ронинов больше шума, чем дела, неожиданно обернулся к ним и крикнул:

— Кто первый? Выходи!

Все, за исключением двух-трех человек, невольно отступили назад, опасаясь, что зловещий взгляд Мусаси выхватит именно его из толпы. Оставшиеся храбрецы с мечами приняли вызов. В мгновение ока Мусаси налетел на одного из них, как боевой петух. Раздался хлопок, и земля окрасилась кровью. Затем последовал жуткий звук — не боевой клич, не проклятие, а леденящий душу вой.

Меч сверкал, рассекая воздух, и Мусаси телом чувствовал, когда лезвие натыкалось на кость, потому что дрожание клинка передавалось и ему. Кровь и мозги стекали с лезвия, пальцы и руки разлетались вокруг.

Ронины собрались здесь, чтобы посмотреть на бой, не участвуя в нем. Их слабость вынудила Мусаси атаковать их первыми. Поначалу ронины держались неплохо, надеясь на помощь монахов. Монахи, однако, молча и недвижно смотрели, как Мусаси, прикончив с полдюжины ронинов, привел в смятение их товарищей. Самураи в панике дико размахивали мечами, раня своих же.

Мусаси не думал о происходящем. Он находился в состоянии забытья, в упоении от смерти, когда душа и тело его слились с клинком меча. В стремительных движениях Мусаси скон-

центрировался весь опыт его жизни: знания, вдолбленные рукоприкладством отца, уроки Сэкигахары, теоретические наставления, слышанные в различных школах боевого искусства, мудрость, преподанная горами и деревьями. Как бесплотный вихрь, косил Мусаси потрясенных ронинов, превратившихся в беззащитные мишени для его меча.

Один из монахов, считая свои вдохи и выдохи, измерял продолжительность схватки. С ронинами было покончено, когда монах сделал двадцатый вдох.

Мусаси промок до нитки от крови жертв. Немногие уцелевшие ронины также были в крови. Она пропитала землю, траву и даже воздух. Один из выживших закричал, и его товарищи бросились наутек.

Дзётаро молился все время, пока продолжалось кровопролитие. Сложив ладони и устремив взгляд в небо, он взывал:

— О боги на небесах, помогите ему! Врагов намного больше, а мой учитель один. Он слабый воин, но хороший человек. Помогите ему!

Дзётаро не смог уйти, несмотря на приказание Мусаси. Он сидел на холмике, положив рядом шляпу и маску. Отсюда хорошо было видно про-

исходящее вокруг костра.

— Хатиман! Компира! Покровитель храма Касуга! Смотрите! Мой учитель лицом к лицу идет на врага. Защитите его, о боги! Он не понимает, что делает. Обычно он добрый и мягкий, но сегодня с утра он слегка не в себе. Тронулся умом, похоже, если бросает вызов целой куче противников. Помогите же ему, помогите!

Творя страстные молитвы, Дзётаро не заметил признаков вмешательства небес. Мальчик рассердился. В конце концов он начал ругаться:

— В нашей стране не осталось уже богов? Неужели вы допустите, чтобы дурные люди победили, а хороших поубивали? Если так, то я буду считать ложью все, что твердили взрослые о разнице между плохим и хорошим. Вы не позволите убить его! Иначе я наплюю на вас!

Когда Дзётаро увидел, как окружили Мусаси, его заклинания сменились поношением не только врагов, но и богов. Потом он увидел, что учитель невредим, хотя с головы до ног залит кровью. Настроение Дзётаро мгновенно изменилось.

— Смотрите! Мой учитель не слабак! Он лупит их!

Впервые Дзётаро наблюдал людей, сражающихся со звериной яростью, впервые видел столько

крови. Ему чудилось, будто он сам находится в гуще схватки и выпачкан с ног до головы кровью. Сердце кувыркалось в груди, он ощущал головокружение и странную легкость в теле.

— Смотрите! Я же говорил, он справится! Какой выпад! Смотрите на глупых монахов, стоят, как каркающие вороны! Боятся сделать шаг!

Последнее утверждение Дзётаро оказалось преждевременным. Монахи Ходзоина начали приближаться к Мусаси.

— Так нечестно! Нападают все разом. Мусаси в тяжелом положении!

Забыв обо всем на свете, взволнованный Дзётаро понесся, как огненный шар, к полю боя.

Настоятель Инсун дал команду к нападению. Копьеносцы ответили боевым кличем, исторгнутым из хриплых глоток. Наконечники копий со свистом рассекли воздух. Монахи рассыпались, как пчелы, вылетевшие из улья. Бритые головы придавали им варварский вид. Наконечники копий были разной формы — обычные пики, конические, плоские, с поперечиной, в виде багра. Каждый монах имел любимый тип копья. Сегодня у них была возможность проверить в настоящем бою технику, отточенную в бесконечных тренировках.

Когда монахи рассыпались, Мусаси, ожидая замысловатую атаку, отскочил назад и встал в боевую позицию. Голова у него слегка кружилась от закончившейся только что рубки. Он крепко сжимал эфес меча, липкий от крови. Взгляд Мусаси застилал кровавый пот. Он был готов достойно принять смерть, если она суждена ему сегодня.

К удивлению Мусаси, атаки не последовало. Монахи, как бешеные собаки, набросились на противников Мусаси, безжалостно преследуя и избивая вопящих ронинов. Застигнутые врасплох ронины тщетно пытались натравить монахов на Мусаси. Скоро все до единого были умерщвлены — насажены на пику, разрублены пополам, пронзены копьем через рот. Резня была беспощадной и свирепой.

Мусаси не верил своим глазам. Почему монахи напали на своих сторонников? Откуда такая жестокость? Недавно он сам бился, как дикий зверь, но сейчас ему претила жестокость, с какой священнослужители расправлялись с ронинами. Мусаси, несколько минут назад переживший состояние безумного зверя, снова обрел способность смотреть на мир глазами нормального человека и видеть других в таком озверении. Отрезвление было горьким.

Мусаси почувствовал, что кто-то тянет его за руку. Это был Дзётаро со слезами радости на глазах. Мусаси ощутил внезапный покой на душе.

Бой кончился. Настоятель приблизился к Мусаси и с достоинством вежливо произнес:

— Если не ошибаюсь, вы Миямото. Почитаю честью для себя встретиться с вами.

Настоятель был высокого роста, с белым лицом. Внешность и манеры Инсуна произвели на Мусаси глубокое впечатление. Вытерев меч, Мусаси вложил его в ножны и хотел ответить настоятелю должным образом, но от смущения не находил слов.

— Позвольте мне представиться, — продолжал монах. — Я Инсун, настоятель храма Ходзоин.

— Вы мастер копья, — выдавил из себя Мусаси.

— К сожалению, я отсутствовал, когда вы посетили наш храм. Я очень разочарован тем, что мой ученик Агон скверно показал себя.

Извинения за неудачное выступление Агона? Мусаси не верил своим ушам. Он молчал, стараясь собраться с мыслями, чтобы ответить на изысканно-учтивое обращение Инсуна. Он не мог понять, почему монахи выступили против ронинов. Мусаси, впрочем, недоумевал оттого, что остался жив.

— Пойдемте! — сказал настоятель. — Вам надо смыть кровь и отдохнуть.

Инсун повел Мусаси к костру. Дзётаро шел следом.

Монахи, разорвав на куски хлопчатую ткань, вытирали копья. Один за другим они подходили к костру и спокойно усаживались рядом с Инсуном и Мусаси.

— Эй, смотри! — сказал один, указывая на небо.

— Да, воронье почуяло кровь. Раскаркались над трупами.

— Почему вороны не садятся?

— Сядут, как только мы уйдем. Вот уж попируют!

От шутливой болтовни веяло ужасом. Мусаси стало ясно, что нужно самому спросить монахов, почему события обернулись столь странно. Он взглянул на Инсуна.

— Я полагал, что вы пришли сюда со своими людьми, чтобы напасть на меня, поэтому я решил захватить с собой в страну мертвых побольше спутников. Не понимаю, почему вы изменили первоначальный план? — спросил он, глядя в лицо Инсуну.

Инсун засмеялся:

— По правде сказать, мы не считали вас нашим союзником. Истинной целью сегодняшней операции была небольшая чистка.

— Вы называете это чисткой?

— Именно так, — ответил Инсун, показывая пальцем куда-то вдаль. — Лучше дождаться Никкана, чтобы он все объяснил. Видите точку на горизонте, без сомнения, это он.

В то же самое время на другом краю равнины всадник говорил Никкану:

— Вы слишком проворны для своих лет.

— Не я иду быстро, а вы медленно едете.

— Вы резвее лошади.

— Почему бы и нет? Я ведь человек!

Старый монах в сопровождении пятерых всадников, представлявших местные власти, быстро приближался к костру. Когда они подошли, сидевшие монахи зашептали:

— Старый учитель пожаловал!

Монахи поднялись и почтительно выстроились в отдалении, словно для совершения священного обряда, приветствуя Никкана и его свиту.

— Ты обо всем позаботился? — первым делом спросил Никкан.

— Как и было приказано, — ответил с поклоном Инсун.

Повернувшись к чиновникам, Инсун произнес:

— Благодарю за ваш приезд.

Приехавшие самураи спешились, а их начальник ответил:

— Приехать не трудно. Настоящую работу выполнили вы. За дело!

Чиновники принялись осматривать трупы, делая пометки, потом они присоединились к Инсуну.

— Мы пришлем людей из города, чтобы убрать тела. Оставьте все как есть. — С этими словами все пятеро сели на коней и ускакали.

Никкан дал понять монахам, что в их присутствии больше нет надобности. Те поклонились и молча пошли прочь. Инсун тоже распрощался с Никканом и Мусаси.

После ухода монахов вороны раскаркались еще громче. Птицы стаями слетались на поле боя.

Никкан, стараясь перекричать вороний гвалт, сказал Мусаси:

— Прости, если я тогда тебя обидел.

— Что вы? Вы были очень добры. Я вам очень обязан. — Мусаси встал на колени и склонился в глубоком поклоне.

— Встань! — приказал Никкан. — Это поле не

место для поклонов.

Мусаси поднялся с земли.

— Ты чему-нибудь научился здесь? — спросил монах.

— До сих пор не понимаю, что произошло. Вы можете мне объяснить?

— Все просто, — ответил Никкан. — Уехавшие только что чиновники служат под началом Окубо Нагаясу, присланного наместником в Нару. Они здесь люди новые, чем и воспользовались ронины, которые промышляют грабежами на дорогах, вымогательством, азартными играми, непрошеными визитами к вдовам и другими безобразиями. Власти не сумели навести порядок, но им удалось определить полтора десятка вожаков, среди них Дампати и Ясукава. Дампати с дружками, как тебе известно, невзлюбили тебя, но боялись напасть на тебя сами, поэтому придумали хитрый, как им казалось, ход, с тем чтобы монахи Ходзоина за них расправились с тобой. Они распространили клеветнические измышления о храме, развесили стишки по городу, приписав тебе все козни. Они позаботились, чтобы скандал дошел до меня, вероятно предполагая, что я совсем выжил из ума.

В глазах Мусаси заблестели искорки смеха.

— Поразмыслив немного, — продолжал настоятель, — я понял, что представляется прекрасная возможность произвести чистку в Наре. Я поговорил с Инсуном, и он согласился с моим планом. В результате все довольны — монахи, городские власти, а также вороны. Ха-ха-ха!

Была еще одна персона, довольная исходом событий. Рассказ Никкана рассеял все сомнения и страхи Дзётаро. Мальчик был вне себя от восторга. Похлопывая себя по бокам руками, как птенец крыльями, он пустился в пляс, сопровождая его припевом:

— О чистка! О великая чистка!

От его голоса Мусаси и Никкан замолчали и стали смотреть на мальчика, который, надев маску с загадочной улыбкой, размахивал деревянным мечом, направляя его то в сторону разбросанных кругом трупов, то в сторону слетающихся ворон.

Знай, ворон черный!
Приходит время чистки.
Она нужна нам очень
Не только в Наре.
Закон природы вечен —
Все обновлять.
Чтобы весна пробилась из земли,

Мы сжигаем листья
И прошлогоднюю траву в полях.
Порой нам нужен снегопад,
Порою чистка в доме.
Эй, вороны, пируйте!
Раздолье вам сейчас!
Суп свежий из глазниц,
Густое красное саке.
Но знайте меру,
Иначе допьяна напьетесь!

— Мальчик, иди сюда! — строго приказал Никкан.

— Слушаюсь! — ответил Дзётаро.

— Хватит дурачиться. Принеси мне камней.

— Таких? — Дзётаро поднял лежавший у его ног камень.

— Да. И побольше.

— Слушаюсь.

На каждом из принесенных Дзётаро камней Никкан написал священную молитву секты Нитирэн «Наму Мёхо рэнгё-кё» и затем велел разбросать их среди мертвых. Пока Дзётаро выполнял поручение, Никкан, сложив ладони, читал молитву из Сутры Лотоса.

Закончив молитву, Никкан сказал:

— Молитва оградит мертвых. Можете продолжать свой путь, а мне пора в монастырь.

Никкан поднялся и стремительно зашагал в сторону Нары. Мусаси не успел ни поблагодарить его, ни договориться о будущей встрече. Мусаси просто стоял, глядя в спину удаляющегося старика, но вдруг рванулся следом.

— Почтеннейший, вы ничего не забыли? — спросил Мусаси, похлопывая по ножнам меча.

— Ты о чем?

— Вы не дали мне наставления. Не знаю, когда вновь доведется встретиться. Хотел бы получить ваше напутствие.

Беззубый рот монаха издал слышанное прежде стрекотание, означавшее смех.

— Ты до сих пор не понял? — спросил он. — Могу только повторить, что у тебя слишком много силы. Если и впредь будешь гордиться ею, то не доживешь и до тридцати лет. Между прочим, тебя без труда могли убить сегодня. Сам думай, как тебе жить дальше.

Мусаси молчал.

— Сегодня кое-чего ты достиг, но проделал все плохо и несовершенно. Я тебя не осуждаю, поскольку ты еще молод. Думать, что «Бусидо»

сводится только к бахвальству силой, — глубокое заблуждение. Я и сам склонен совершать такую же ошибку, поэтому не имею права поучать тебя. Ты должен усвоить правила жизни, которые выработали Ягю, Сэкисюсай и князь Коидзуми. Сэкисюсай был моим учителем, а его учил Коидзуми. Если будешь им подражать и пойдешь их путем, то сможешь познать истину.

Никкан замолк, Мусаси, потупившись, стоял в глубокой задумчивости. Когда он поднял голову, монах уже скрылся из виду.

Владение Коягю

Долина Ягю лежит у подножия горы Касаги к северо-востоку от Нары. В начале семнадцатого века здесь располагалось зажиточное поселение, слишком большое, чтобы называться деревней, но и недостаточно крупное и оживленное, чтобы величаться городом. Его следовало бы называть «деревня Касаги», но местные жители предпочитали название Камбэ Дэмэснэ, по имени большого частного владения, располагавшегося здесь в стародавние времена.

В центре поселка возвышался главный дом — замок, служивший символом государственной стабильности и одновременно центром культурной жизни. Каменные бастионы — следы древних укреплений — окружали главный дом. Жители, как и предки владельцев замка, обосновались здесь в десятом веке. Нынешний хозяин замка был примерным феодалом в лучшем смысле слова, он улучшал жизнь подданных и в любую минуту был готов защищать свои земли ценою собственной жизни. Он, однако, избегал вмешательства в войны и споры феодалов за пределами своих владений. Словом, это был благословенный

уголок с просвещенной формой правления.

Здесь не было нужды и запустения, которые сеют мародерствующие самураи. Селение разительно отличалось от Нары, где приходили в упадок храмы, воспетые в легендах. Всякий сброд просто не допускали в долину Ягю.

Здешней природе, казалось, претило все безобразное. Горная цепь Касаги была прекрасна и на рассвете, и при закате солнца; вода — чистой и прозрачной, — говорили, что из нее получается самый лучший чай. Знаменитые сливовые сады Цукигасэ были по соседству; соловьиные трели, кристально чистые, как горные ручьи, звенели в воздухе с поры таяния снегов до сезона осенних бурь.

Некий поэт сказал: «На родине героя воды и горы свежи и чисты». Утверждение осталось бы поэтическим вымыслом, если бы герои действительно не рождались в долине Ягю. Эта земля породила не одного героя. Лучшим примером служил сам клан Ягю. В огромном доме даже слуги были благородного происхождения. Многие попали в дом с рисовых полей, проявив себя в сражениях и со временем превратившись в толковых и преданных служивых.

Ягю Мунэёси Сэкисюсай, удалившись от дел,

поселился в небольшом горном домике, находившемся позади главного дома. Теперь он не проявлял интереса к повседневным заботам и даже не знал, кто держит в руках бразды правления. У него были способные сыновья и внуки, преданные вассалы и чиновники, готовые помочь наследникам, поэтому старец Ягю не сомневался, что без него дела по-прежнему идут хорошо.

Мусаси прибыл в долину Ягю через десять дней после побоища на равнине Ханъя. По пути он посетил храмы Касагидэра и Дзёруридзи, где поклонился реликвиям эпохи Кэмму. Он остановился на местном постоялом дворе, намереваясь пожить несколько дней и отдохнуть душой и телом.

В один из дней Мусаси в неофициальной одежде вышел прогуляться вместе с Дзётаро. Взор его был устремлен на поля, на работающих крестьян.

— Удивительно, просто невероятно! — несколько раз повторил Мусаси.

— Что? — спросил Дзётаро. Он поразился, что Мусаси разговаривает сам с собой.

— Покинув Мимасаку, я побывал в провинциях Сэцу, Кавати, Идзуми, в Киото и Наре, но нигде не видел ничего подобного.

— Что здесь особенного?

— Хотя бы множество деревьев в горах.

Дзётаро засмеялся:

— Так они везде есть!

— Деревья, да не те. В Ягю все деревья старые, а это значит, что здесь не было войн, войска не валили лес для костров. Это также означает, что в этих краях давным-давно не знают голода.

— И все?

— Нет, не все. Поля зеленые, ячмень притоптан для укрепления корней. Послушай! Веретена жужжат в каждом доме. Ты заметил, что крестьяне завистливо не оглядываются на богатых и хорошо одетых путников?

— Что еще?

— На полях работает много девушек. Стало быть, народ здесь зажиточный и жизнь течет спокойно. Дети растут здоровыми, стариков почитают, молодые люди не бегут в другие провинции в поисках счастья. Готов поручиться, что клан Ягю богат, а мечи и ружья в его арсенале вычищены и исправны.

— Ничего особенного не нахожу, — возразил Дзётаро.

— И неудивительно.

— Вы же пришли сюда не для того, чтобы любоваться пейзажем. Будете сражаться с самураями

дома Ягю?

— «Искусство войны» не сводится только к сражениям. Люди, которые так думают и довольствуются едой на день и ночлегом на ночь, просто бродяги. Серьезный ученик занят больше тренировкой ума и дисциплиной духа, чем отработкой боевых навыков. Он должен знать все — географию, ирригацию, нравы и обычаи людей, их характер, их отношения с владетельным феодалом своей местности. Он должен интересоваться внутренней жизнью замка, а не ограничиваться ее внешней стороной. Словом, он должен побывать везде, где только можно, и узнать все, что возможно.

Мусаси понимал, что его наставления мало что значат для Дзётаро, но он хотел быть честным с мальчиком и не отделываться от его вопросов. Любопытство Дзётаро не раздражало его, и он отвечал вдумчиво и серьезно.

Мусаси и Дзётаро сходили посмотреть на замок Коягю, как официально именовался главный дом, прогулялись по долине и вернулись на постоялый двор.

В селении он был только один, но весьма вместительный. Он стоял на горном тракте Ига, поэтому паломники, направлявшиеся в храмы

Дзёруридзи и Касагидэра, останавливались здесь на ночлег. Каждый вечер дюжина вьючных лошадей стояла у коновязи под деревьями или под навесом постоялого двора.

— Гуляли? — спросила служанка, проводившая их в комнату.

Ее можно было принять за мальчика из-за шаровар, какие обычно носят женщины в горных селениях, не будь она повязана девичьим красным оби. Не дожидаясь ответа, она сказала:

— Не угодно ли помыться?

Мусаси сразу отправился в баню, а Дзётаро решил познакомиться со сверстницей.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Не знаю, — ответила девочка.

— Ты что, ненормальная? Своего имени не знаешь?

— Котя.

— Неужели «Чай»? Смешное имя!

— Что смешного? — рассердилась Котя и ударила мальчишку.

— Караул, бьют! — заорал Дзётаро.

Увидев одежду на полу предбанника, Мусаси понял, что в бане уже кто-то есть. Раздевшись, он вошел в наполненное паром помещение. При появлении рослого чужака оживленно бе-

седовавшие трое мужчин замолкли. Мусаси с наслаждением погрузился в деревянную лохань, и горячая вода выплеснулась через край.

Примолкшие мужчины снова как-то странно посмотрели на Мусаси, который блаженно закрыл глаза, оперевшись головой о стенку лохани.

Вскоре они продолжили прерванный разговор. Они мылись, не залезая в лохань, кожа на спинах была белой, с сильными мускулами. Судя по говору и манерам, это были городские люди.

— Как звали самурая из дома Ягю?

— Кажется, Сода Кидзаэмон.

— Ягю, вероятно, не так хорош, как гласит молва, если послал вассала с отказом от поединка.

— Если верить Соде, Сэкисюсай удалился на покой и ни с кем не сражается. Интересно, это правда или простая отговорка?

— Не похоже на правду. Узнал, что второй сын из дома Ёсиоки бросил ему вызов, и решил поберечься.

— Во всяком случае, он учтиво прислал фрукты и осведомился, как мы устроились.

Услышав фамилию Ёсиока, Мусаси открыл глаза. В школе Ёсиоки он краем уха слышал, что Дэнситиро отправился в Исэ. Эти трое, похоже,

возвращаются в Киото. Один из них Дэнситиро. Кто же?

«Не везет мне с баней, — сокрушался Мусаси. — Сначала Осуги обманом затащила в западню, теперь я голышом нарвался на одного из семьи Ёсиоки. Он, конечно, слышал о случившемся в школе. Стоит ему узнать, что я тот самый Миямото, мгновенно бросится в предбанник за мечом».

Мужчины, однако, не обращали внимания на Мусаси. Из их разговора следовало, что сразу по прибытии в Коягю они послали письмо в дом Ягю. Видимо, Сэкисюсай имел какие-то отношения с Ёсиокой Кэмпо, когда тот был наставником сёгунов, поэтому Сэкисюсай подтвердил получение письма от сына Кэмпо, послав Соду с визитом вежливости на постоялый двор. Городские юноши расценили поведение Сэкисюсая как «учтивое» и пришли к выводу, что старик «решил поберечься», что вообще он «не так хорош, как гласит молва». Юноши были безмерно кичливы. Мусаси они казались смешными. Он видел, в каком порядке поддерживается замок Коягю и как зажиточны поселяне. Молодые люди из города были горазды на одно краснобайство.

Мусаси вспомнил притчу о лягушке, живущей на дне колодца и ничего не ведающей о внеш-

нем мире. Жизнь порой переиначивает притчу, подумал он. Лощеные обитатели Киото знали обо всем, что происходило в столице, судили обо всем на свете, они видели широкие морские просторы, но им и в голову не приходило, что в каком-то колодце растет и набирает силу лягушка. Здесь, в Коягю, вдалеке от политического и экономического центра страны крепкий самурай десятилетиями жил здоровой деревенской жизнью, храня традиционные добродетели, совершенствуя их, укрепляя свое положение среди селян.

Коягю дал стране великого знатока боевого искусства Ягю Мунэёси. Военный талант его сына Мунэнори, владетеля Тадзимы, был признан самим Иэясу. Старшие сыновья Мунэёси — Городзаэмон и Тосикацу — прославились на всю страну своей храбростью. Хёго Тоситоси — внук Мунэёси — благодаря легендарным подвигам получил доходное место у знаменитого военачальника Като Киёмасы, владетеля Хиго. Клан Ягю не мог соперничать с домом Ёсиоки в славе и престиже, но по способностям, предприимчивости Ягю теперь превзошли семейство Ёсиоки.

Дэнситиро и его друзья упивались собственным высокомерием. Они вызывали у Мусаси чувство,

близкое к жалости.

Мусаси направился в угол, откуда по трубе в баню подавалась вода. Сняв головную повязку, он зачерпнул пригоршню глины и начал тереть ею волосы. Впервые за многие недели странствий он мог как следует вымыть голову.

Столичные гости тем временем закончили купание.

— Как хорошо!

— Сейчас бы девочек, чтобы разлили нам саке.

— Блестящая идея! Бесподобно!

Они вытерлись и ушли. Тщательно отмывшись и посидев в лохани, Мусаси оделся, подвязал волосы и вернулся в свою комнату.

— Ты почему плачешь? — спросил он, увидев Котя в слезах.

— Ваш мальчишка виноват! Смотрите, как он меня ударил.

— Она врет! — завопил Дзётаро из другого угла комнаты.

Мусаси собрался было его отругать, но Дзётаро опередил учителя.

— Эта бездельница говорит, что вы слабак!

— Неправда! Я такого не говорила.

— Нет, говорила.

— Господин самурай, я не называла слабаком

ни вас, ни кого другого. Этот дурак расхвастался, что вы величайший мастер меча во всей стране, потому как уложили десятки самураев на равнине Ханъя. А я ответила, что никто в Японии не владеет мечом лучше нашего хозяина. Тогда ваш мальчишка ударил меня по лицу.

— Вот оно что! — рассмеялся Мусаси. — Так нельзя, ему здорово попадет за такое поведение. Прости нас, пожалуйста. Дзё! — строго позвал Мусаси.

— Слушаю вас, господин, — хмуро откликнулся Дзётаро.

— Иди вымойся!

— Я не люблю мыться.

— Я тоже не люблю, — солгал Мусаси. — Но от тебя разит потом.

— Утром искупаюсь в реке.

Дзётаро, привыкнув к Мусаси, стал более упрямым. Мусаси не огорчался, ему даже нравилась эта черта в характере мальчика.

Дзётаро так и не пошел в баню.

Котя принесла подносы с обедом. Ели молча. Время от времени Дзётаро обменивался сердитыми взглядами с прислуживавшей девочкой.

Мысль о встрече с Сэкисюсаем не покидала Мусаси. Вероятно, он претендовал на невозможное

для человека скромного положения, но надежда продолжала теплиться в нем.

— Если обнажать меч, так только в поединке с сильным противником, — рассуждал Мусаси. — Стоит рискнуть жизнью, чтобы попробовать свои силы в бою с великим Ягю. Если мне не хватает смелости на эту попытку, то Путь Меча недоступен мне.

Мусаси знал, что многие засмеяли бы его за такую гордыню. Ягю не принадлежал к числу крупнейших феодалов, но владел замком, его сын служил при дворе сёгуна, клан Ягю из поколения в поколение хранил верность воинским традициям. В канун новых времен, наступавших в стране, они были в зените славы.

«Вот это настоящее испытание!» — думал Мусаси. Даже за едой он мысленно готовился к поединку.

Пион

С годами осанка старца становилась все благороднее, и теперь он походил на великолепного журавля и в преклонном возрасте не утратил изысканных манер потомственного самурая. Зубы были целы, а глаза зорки. «Доживу до ста лет», — часто повторял он. Сэкисюсай верил в это. «В роду Ягю все долгожители, — утверждал он. — Если кто-то умирал в двадцать или тридцать лет, то лишь на поле брани. Все остальные пережили шестой десяток». Сам он участвовал во множестве войн, включая мятеж Миёси и битвы, сопровождавшие взлет и падение кланов Мацунаги и Оды. Не будь Сэкисюсай родом из семьи долгожителей, он все равно дожил бы до столетнего возраста. Залогом тому служили образ жизни старого воина, его отношение к миру. В сорок семь лет он по личным причинам оставил военное дело и ни разу не отступил от своего решения. Он отверг настоятельные просьбы сёгуна Асикаги Ёсиоки, а также предложения Нобунаги и Хидэёси присоединиться к ним. Он жил в том месте, на которое буквально падали тени от Киото и Осаки, но неизменно держался

в стороне от бесконечных столкновений между двумя политическими центрами. Он предпочитал оставаться в Ягю, как медведь в берлоге, и управлять своим делом, дававшим доход в три тысячи коку риса, в таком образцовом порядке, чтобы потомки ни в чем его не упрекнули. Как-то Сэкисюсай заметил: «Я поступаю правильно, оберегая свой удел. В наши смутные времена, когда владыки восходят сегодня, а завтра слетают с престолов, наш маленький замок чудом уцелел».

Его слова не были бахвальством. Если бы старый Ягю поддержал Ёсиоку, то стал бы жертвой Нобунаги; займи он сторону Нобунаги, то превратился бы во врага Хидэёси. Вступив в союз с Хидэёси, он после битвы при Сэкигахаре оказался бы без земель по приказу Иэясу. Сэкисюсай обладал прозорливостью, за что его почитали окружающие, но, для того чтобы выжить во времена смуты, требовалась особая стойкость духа, которой не было у большинства самураев той эпохи. Ведомые корыстными интересами, они могли без зазрения совести предать человека, своего вчерашнего друга и даже уничтожить собственных родственников, если те стояли на пути к достижению личного преуспеяния. «На такое я не способен», — повторял Сэкисюсай, не кривя

душой. Он тем не менее не вычеркнул «Искусство войны» из жизни. В нише токонома его гостиной висел свиток со стихотворением, написанным Сэкисюсаем.

Не ведаю пути
Мирского процветанья.
Сунь-цзы – наставник мой,
Ему лишь доверяю.

Получив приглашение Иэясу посетить Киото, Сэкисюсай не мог им пренебречь и впервые появился при дворе сёгуна после десятилетий добровольного затворничества. Он взял с собой пятого сына Мунэнори, которому было двадцать четыре года, и шестнадцатилетнего внука Хёго. Иэясу не только подтвердил право заслуженного воина на его владения Коягю, но и пригласил на должность военного наставника дома Токугавы. Сэкисюсай не принял этой чести, сославшись на возраст, и рекомендовал Мунэнори. Иэясу согласился. Мунэнори прибыл в Эдо не только с превосходными знаниями боевого дела, но и с унаследованным от отца вдумчивым пониманием «Искусства войны», которое помогало сёгуну мудро править страной.

По мнению Сэкисюсая, «Искусство войны» —

во-первых, средство управления народом, а во-вторых, способ самоконтроля. Эту истину он постиг благодаря даймё Коидзуми, которого Сэкисюсай любил называть покровителем дома Ягю. Грамота о постижении фехтовального стиля Синкагэ, врученная Коидзуми, и подаренный им же четырехтомный трактат о военном деле всегда хранились в комнате Сэкисюсая. Каждый год в день смерти Коидзуми Сэкисюсай обязательно ставил поминальное угощение перед этими бесценными реликвиями.

В учебнике, помимо описания техники владения скрытым мечом в стиле Синкагэ, были рисунки, сделанные рукой Коидзуми. Отойдя от дел, Сэкисюсай с удовольствием регулярно заглядывал в трактат. Он всегда восхищался выразительностью кисти Коидзуми, запечатленной в рисунках, которые изображали фехтовальщиков во всех боевых позициях. Сэкисюсаю казалось, что фехтовальщики вот-вот спустятся с небес в его маленький домик в горах.

Князь Коидзуми впервые появился в замке Коягю, когда Сэкисюсай был тридцативосьмилетним самураем, обуреваемым честолюбивыми надеждами. Коидзуми тогда ездил по стране с двумя племянниками Хикидой Бунгоро и Судзуки Иха-

ку в поисках мастеров боевых искусств, и в один прекрасный день он прибыл в храм Ходзоин. В те времена Инъэй часто наведывался в замок Коягю. Он-то и сообщил Сэкисюсаю о приезде гостя. Так началось знакомство Сэкисюсая с Коидзуми.

Поединки между Сэкисюсаем и Коидзуми продолжались три дня. Перед первой схваткой Коидзуми объявил, как он будет атаковать, и точно выполнил то, о чем предупредил противника. На второй день повторилось то же, и уязвленный Сэкисюсай после размышлений применил оригинальный прием на третий день. Столкнувшись с новой техникой, Коидзуми сказал: «Этого мало. На этот выпад я отвечу вот так». Атаковав, он в третий раз победил Сэкисюсая. С того дня Сэкисюсай отказался от самолюбивого отношения к искусству фехтования. По его признанию, тогда ему впервые приоткрылся истинный смысл «Искусства войны».

Сэкисюсай упросил князя Коидзуми остаться в Коягю, и шесть месяцев хозяин замка с неистовым рвением постигал науку фехтования. В день расставания князь сказал: «Мое искусство еще далеко от совершенства. Ты молод и постарайся довести его до абсолюта» — и на прощанье задал ученику коан: «Что есть бой на мечах без меча?»

Несколько лет Сэкисюсай размышлял над этой загадкой и наконец нашел удовлетворительный ответ. Когда князь Коидзуми посетил Ягю в следующий раз, Сэкисюсай, взглянув на гостя ясным спокойным взором, предложил сразиться. Князь, пристально оглядев Ягю, ответил: «В этом нет нужды. Ты постиг истину».

Князь подарил ученику грамоту и трактат. Так родился стиль Ягю, а он, в свою очередь, породил умиротворенный образ жизни, которому Сэкисюсай предался на склоне лет.

Сэкисюсай перебрался в скромный домик в горах, потому что ему разонравился величественный, с роскошным убранством замок. Имея почти даосскую склонность к уединению, старец радовался обществу девушки, которую привез Сода Кидзаэмон. Она играла для старика на флейте, была внимательна, вежлива и неназойлива. Не только музицирование доставляло наслаждение Сэкисюсаю. Оцу привнесла в его дом обаяние женственности и юности. Когда она заговаривала об уходе, Ягю просил ее погостить еще немного.

Установив один цветок пиона в вазе из Иги, Сэкисюсай обратился к Оцу:

— Нравится? Выглядит живым?

— Вы, верно, долго изучали икебану?

— Да что ты! Я не аристократ из Киото и никогда специально не занимался с учителями ни икебаной, ни чайной церемонией.

— Но делаете все так, словно специально учились.

— К цветам я подхожу так же, как и к мечу.

Оцу удивилась:

— Неужели можно применять к цветам методы владения мечом?

— Да. Главное — состояние духа. Я не давлю пальцами на головки цветов, не надламываю венчик под основанием, как требуют правила. Необходимо верно настроить душу, суметь сохранить их в естественном виде, какими они были в саду. Взгляни, мой цветок не кажется срезанным.

Оцу чувствовала, что суровый старец многому научил ее из того, что ей следовало знать. Она была счастлива, что судьба послала ей случайную встречу на дороге. «Научу тебя чайной церемонии», — говорил он. Однажды он задал ей вопрос: «Ты умеешь сочинять стихи? Не можешь ли рассказать мне о придворном поэтическом стиле? „Манъёсю“, конечно, превосходное собрание, но, живя в уединении, я больше люблю простые стихи о природе».

Взамен Оцу оказывала Сэкисюсаю мелкие услуги, о которых никто другой и не подумал бы. Он обрадовался, к примеру, сделанной ею шапочке, какие носят мастера чайных церемоний. Он почти не снимал ее с головы, словно это была невиданная редкость. Флейта доставляла ему наслаждение, и лунными ночами чарующие звуки долетали до самого замка.

Сэкисюсай и Оцу занимались икебаной, когда пришел Кидзаэмон. Не входя в дом, он вызвал Оцу. Она вышла и пригласила его зайти, но он топтался на месте.

— Не сообщишь господину, что я выполнил его поручение?

— Я не могу заменить вас, — засмеялась девушка.

— Почему?

— Вы здесь главный чиновник. А я гость, которого пригласили поиграть на флейте. Вы гораздо ближе к господину, чем я. Не лучше ли, минуя меня, напрямую доложить о деле?

— Верно, но здесь, в домике господина, у тебя особое положение. Пожалуйста, передай ему, что я пришел.

Кидзаэмон был доволен тем, как обернулось дело с Оцу. Он не ошибся, девушка пришлась по

душе его хозяину.

Оцу мгновенно вернулась с сообщением, что Сэкисюсай хочет выслушать Кидзаэмона. Он застал старика в комнате для чайной церемонии в шапочке, сшитой Оцу.

— Побывал у них? — спросил Сэкисюсай.

— Отдал письмо и фрукты, как было приказано.

— Они уехали?

— Нет. Я не доехал еще до замка, как меня нагнал посыльный с постоялого двора с письмом. Они пишут, что им жаль было бы покинуть Ягю, не побывав в здешнем додзё. Хотели бы прийти завтра. Сообщают, что желали бы увидеть вас и засвидетельствовать свое почтение.

— Неотесанные глупцы! Какая бесцеремонность!

Сэкисюсай выглядел весьма раздраженным.

— Ты сказал, что Мунэнори находится в Эдо, Хёго в Кумамото и что здесь никого нет?

— Я все объяснил.

— Презираю таких людей. Я послал человека сообщить, что не смогу их принять, а они лезут напролом.

— Я не знаю, что…

— Похоже, правду говорят, что сыновья Ёсиоки

никуда не годятся.

— Один из остановившихся в «Ватая» — Дэнситиро. Он не произвел особого впечатления.

— Ничего удивительного. Его отец был незаурядным человеком. Когда я поехал в Киото вместе с князем Коидзуми, мы встречались с Ёсиокой раза три за чашечкой саке. После его смерти дом, вероятно, пришел в упадок. Молодой человек, видимо, считает, раз он сын Кэмпо, так никто не вправе отказать ему, и поэтому проявляет неприличную настойчивость. Но по-моему, нет смысла принимать его вызов, чтобы отправить домой битым.

— Дэнситиро излишне самоуверен. Если ему не терпится, я могу заняться им.

— И не думай! Отпрыски важных родителей слишком заносчивы. Они склонны ловко использовать обстоятельства в свою пользу. Ты побьешь его, но будь уверен, он вывернет все так, чтобы подорвать нашу репутацию в Киото. Мне, собственно, безразлично, но я не хотел бы обременять неприятностями Мунэнори и Хёго.

— Что же делать?

— Лучший способ — ублажить его каким-то образом, дать ему почувствовать, что с ним обращаются как с наследником знаменитого дома.

Видимо, я ошибся, послав тебя к нему.

Сэкисюсай взглянул на Оцу.

— Я думаю, что женщина с этим лучше справится. Оцу как раз подходит для такого дела.

— К вашим услугам! Нужно идти прямо сейчас? — живо откликнулась Оцу.

— Не торопись. Подождем до завтрашнего утра.

Сэкисюсай быстро написал простое по форме письмо, какое мог бы сочинить мастер чайной церемонии, и передал его Оцу вместе с пионом, похожим на тот, что он поставил в вазу.

— Отдай ему и скажи, что пришла вместо меня, потому как я простудился. Посмотрим, каков будет ответ.

На следующее утро Оцу накинула на голову длинную шаль. Они вышли из моды в Киото, даже у дам из высших слоев, но в провинции женщины среднего сословия все еще носили их. В конюшне, находившейся за пределами замка, Оцу попросила лошадь. Конюх, чистивший стойла, спросил:

— Едете куда-то?

— На постоялый двор «Ватая» по поручению господина Ягю.

— Проводить вас?

— Не нужно.

— С лошадью справитесь?

— Конечно. Я их люблю. На родине, в Мимасаке, я ездила на необъезженных лошадях.

Лошадь тронулась, и красно-коричневая шаль затрепетала на ветру. Оцу уверенно держалась в седле, держа поводья одной рукой, в другой у нее были письмо и слегка поникший пион. Крестьяне и батраки в поле приветливо махали ей — местные жители привязались к ней за недолгое ее пребывание в селении. Отношения между обитателями Коягю и Сэкисюсаем были гораздо теплее, чем принято между феодалом и крестьянами. Крестьяне, зная, что эта красивая девушка играет на флейте для их господина, распространяли на Оцу любовь и восхищение, которые питали к старому хозяину.

Прискакав в «Ватая», Оцу привязала лошадь в саду под деревом.

— Добро пожаловать! — встретила ее Котя. — Останетесь ночевать?

— Нет, я привезла послание из замка Коягю для Ёсиоки Дэнситиро. Он еще не съехал?

— Подождите минутку!

Котя исчезла. Появление Оцу произвело легкий переполох среди путников, которые шумно гото-

вились к отъезду, обуваясь и навьючивая багаж на лошадей.

— Кто это?

— Интересно, к кому она приехала?

Красота, изящные манеры Оцу, редкие в такой глуши, привлекли всеобщее внимание. Гости перешептывались и оглядывались, пока Котя не увела Оцу в дом.

Дэнситиро и его друзья, накануне засидевшиеся за саке до поздней ночи, только что встали. Когда им сообщили о прибытии гонца из замка, они решили, что это вчерашний самурай. Появление Оцу с белым пионом повергло их в изумление.

— Простите за беспорядок в комнате…

Молодые самураи смущенно расправили кимоно и сели, приняв подобающую этикету позу.

— Пожалуйста, проходите!

— Меня послал хозяин замка Коягю, — сказала Оцу, положив перед Дэнситиро письмо и пион. — Будьте добры, прочтите письмо.

— А, письмо! Хорошо, сейчас.

Дэнситиро развернул короткий свиток. Письмо, написанное блеклой тушью, издавало тонкий аромат чая. Оно гласило:

«Примите мои извинения за то, что приветствую вас письменно и не при личной встрече,

невозможной из-за простуды. Полагаю, что чистота пиона будет вам приятнее мокрого носа старика. Пион вы примете из рук другого цветка. Надеюсь на ваше прощение. Мое дряхлое тело давно уже удалилось от мирской суеты. Я не решаюсь появляться на людях. Пожалуйста, одарите старика сочувственной улыбкой».

Дэнситиро, презрительно фыркнув, свернул свиток.

— И это все? — спросил он.

— Господин Ягю еще передал, что был бы рад пригласить вас на чай, но сомневается, что вам понравится прием, поскольку в замке только воины, ничего не смыслящие в тонкостях чайной церемонии. Мунэнори находится в Эдо, поэтому этикет приема будет столь неуклюж, что вызовет лишь смех у столичных гостей. Господин Ягю поручил мне попросить у вас прощения и выразил надежду, что в будущем надеется на встречу с вами.

— Ха-ха! — саркастически воскликнул Дэнситиро. Лицо его выдавало подозрительность. — Насколько я понял, Сэкисюсай обеспокоен тем, что нас не удовлетворят тонкости чайной церемонии. По правде говоря, мы, выходцы из самурайских семей, ничего не смыслим в ней. Мы намерева-

лись лично справиться о здоровье Сэкисюсая и уговорить его дать нам урок фехтования.

— Господин Ягю это понимает. Отойдя от дел, он приобрел привычку выражать мысли понятиями чайной церемонии.

— Придется отказаться от наших планов. Передайте, пожалуйста, что мы хотели бы его увидеть в следующий приезд, — раздосадованно ответил Дэнситиро, протягивая пион Оцу.

— Он вам не понравился? Господин Ягю полагал, что цветок скрасит вам дорогу. Он сказал, что его можно прикрепить в углу паланкина или к седлу, если поедете верхом.

— Это, выходит, подарок?

Дэнситиро опустил глаза, словно от оскорбления.

— Странная причуда! Скажите ему, что в Киото полно пионов, — добавил он с кислой миной.

Оцу поняла, что бессмысленно навязывать подарок Дэнситиро. Пообещав передать его слова старцу, она удалилась с такой деликатностью, словно снимала повязку с открытой раны. Раздосадованные самураи едва заметили уход девушки.

Выйдя в коридор, Оцу тихо рассмеялась, взглянула на блестящие черные половицы, ведшие к

комнате Мусаси, и направилась к выходу. Котя, показавшаяся из комнаты Мусаси, догнала Оцу.

— Вы уже покидаете нас?

— Да, я закончила свои дела.

— Ну и быстро же вы управились! Это пион? Я не знала, что они бывают белыми.

— Бывают. Он из замкового сада. Возьми, если хочешь.

— Спасибо большое!

Котя протянула руки к цветку.

Попрощавшись с Оцу, Котя побежала в комнаты для прислуги похвастать подарком. Никто не обращал внимания на пион, и девочка, разобидевшись, вернулась в комнату Мусаси.

Мусаси сидел у раздвинутых сёдзи, подперев подбородок руками. Взгляд его был устремлен в сторону замка. Он размышлял, как, во-первых, встретиться с Сэкисюсаем, а во-вторых, как победить его на поединке.

— Вы любите цветы? — спросила Котя, войдя в комнату.

— Цветы?

Девочка показала пион.

— Красивый.

— Нравится?

— Да.

— Мне сказали, что это пион. Белый пион.

— Вот как! Может, поставить его в вазу?

— Я не знаю икебану. Поставьте сами.

— Нет, сделай ты. Ставь, не думая, как он будет выглядеть в вазе.

— Принесу воды, — сказала Котя и вышла с вазой.

Взгляд Мусаси упал на срез на стебле пиона. От удивления он склонил голову набок. Он не мог понять, что удивило его в срезе. Котя вернулась, а Мусаси все еще изучал стебель. Девочка поставила вазу в токоному и хотела опустить в нее пион, но цветок не умещался.

— Стебель слишком длинный, — сказал Мусаси. — Давай подрежу. Он будет выглядеть естественно.

Котя протянула цветок Мусаси. Она внезапно выронила пион и разразилась слезами. И неудивительно — в долю секунды Мусаси, выхватив короткий меч, с боевым кличем рассек стебель цветка в руках девочки и вложил меч в ножны. Ей показалось, что ослепительная вспышка стали и стук опущенного в ножны клинка произошли в один и тот же миг.

Не обращая внимания на перепуганную девочку, Мусаси, подняв отрубленный конец стебля,

начал сравнивать оба среза. Он ничего не замечал вокруг себя, но через несколько минут до него дошло, что рядом плачет маленькая служанка. Он погладил ее по голове и извинился.

— Кто срезал этот цветок? — спросил он, успокоив Котя.

— Не знаю. Мне его дали.

— Кто?

— Кто-то из замка.

— Самурай?

— Нет, молодая женщина.

— По-твоему, цветок из замка?

— Да, она так сказала.

— Прости, я напугал тебя. Ты простишь меня, если я куплю тебе сладостей? Вот теперь стебель подходящей длины. Поставь пион в вазу.

— Так хорошо?

— Да, очень красиво.

Мусаси сразу понравился Котя, но блеск его меча ошеломил ее. Она покинула его комнату, решив входить в нее только по зову гостя.

Обрубок стебля восхищал Мусаси сильнее, чем сам цветок. Он был уверен, что первый срез сделан не ножом, а ножницами. Пионовый стебель гибкий и волокнистый, поэтому срезать его мог только меч, причем столь безупречный срез мог

произвести исключительно меткий удар. Лишь незаурядный человек способен на такой удар. Мусаси попытался скопировать его, но, сравнив концы обрубка, убедился, что его срез явно уступает первому. Разница была примерно такая же, как в буддийских статуях, вырезанных мастером и ремесленником средней руки.

«Что это значит? — спрашивал себя Мусаси. — Если самурай, работающий в замковом саду, способен сделать подобный срез, то мастерство дома Ягю еще выше, чем я предполагал».

Уверенность вдруг покинула Мусаси. «Я пока не готов к бою», — думал он.

Вскоре самообладание вернулось к Мусаси. «В любом случае люди Ягю — достойные противники. Если меня победят, я упаду им в ноги и достойно признаю поражение. Ведь я решил, что готов на любой исход, даже на смерть», — размышлял Мусаси, ощущая, как прилив мужества согревает его.

Но как проникнуть в замок? Сэкисюсай вряд ли согласился бы на поединок, явись к нему ищущий знаний с должными рекомендациями. Так говорил хозяин постоялого двора. Если ни Мунэнори, ни Хёго не было дома, то вызов поневоле предназначался самому Сэкисюсаю.

Мусаси ломал голову, как получить доступ в замок. Взгляд его остановился на пионе, и в сознании пробудился образ той, кого напоминал цветок. Представшая воображению Оцу умиротворила его дух.

Оцу тем временем возвращалась в замок Коягю. Внезапно за ее спиной раздался пронзительный вопль. Оглянувшись, она увидела мальчика, выскочившего из кустов у подножия скалы. Мальчишка несомненно обращался к ней. Здешние дети не посмели бы окликнуть молодую женщину подобным образом, поэтому Оцу придержала лошадь из чистого любопытства.

Дзётаро подбежал совершенно голый, вода стекала с мокрых волос, свернутую одежду он держал под мышкой. Ничуть не смущаясь наготы, Дзётаро сказал:

— Вы девушка с флейтой? Все еще живете здесь?

Мальчишка, неприязненно взглянув на лошадь, уставился на Оцу.

— Ты! — воскликнула Оцу, не успев отвести в сторону смущенный взгляд. — Тот самый мальчик, который плакал на тракте Ямато?

— Я не плакал! — возразил Дзётаро.

— Не буду спорить. Ты давно здесь?

— Дня два.

— Один?

— Нет, с учителем.

— Да-да, ты говорил, что обучаешься фехтованию. И что ты делаешь здесь голышом?

— А в реку нужно нырять одетым?

— В реку? Сейчас вода ледяная. Местные жители посмеялись бы над тем, кто купается в это время года.

— Я не плавал, а мылся. Учитель сказал, что от меня разит потом, поэтому я пошел на реку.

Оцу улыбнулась:

— Где вы остановились?

— В «Ватая».

— Я только что была там!

— Жаль, что вы не зашли к нам. Давайте вместе вернемся.

— Не могу, у меня срочное дело.

— Тогда до свидания! — И Дзётаро пошел к скале.

— Дзётаро, навести меня в замке!

— Правда?

Оцу, пожалев о приглашении, добавила:

— Но только не в сегодняшнем наряде.

— Если вы так придирчивы, то я совсем не приду. Не люблю места, где пустякам придают

большое значение.

Оцу вздохнула с облегчением, въехав в ворота замка. Улыбка все еще играла на ее губах.

Вернув лошадь в конюшню, Оцу пошла с докладом к Сэкисюсаю.

Старец с улыбкой выслушал ее рассказ.

— Значит, рассердились? Прекрасно! Пусть дуются. Ничего другого им не остается.

Затем, словно о чем-то вспомнив, он спросил:

— Ты выбросила пион?

Оцу ответила, что отдала цветок служанке постоялого двора, и старик одобрительно кивнул.

— Когда ты передала пион сыну Ёсиоки, он осмотрел его?

— Да, потом начал читать письмо.

— А что дальше?

— Вернул пион.

— Стебель цветка осмотрел?

— Я не заметила.

— Не осмотрел и ничего не сказал?

— Нет.

— Я правильно поступил, отказавшись от встречи с ним. Он не достоин ее. Дом Ёсиоки прекратил свое существование со смертью Кэмпо.

Додзё в замке Ягю без преувеличения можно назвать огромным. Зал, находившийся за стенами

замка, был перестроен, когда Сэкисюсаю исполнилось сорок лет. Толстые бревна, из которых построили зал, придавали ему несокрушимый вид. Отполированное годами дерево, казалось, впитало в себя боевые выкрики учеников, проходивших здесь суровую школу. Во время войн просторное здание служило казармой для самураев.

— Полегче! Не острием меча, а силой духа!

Сода Кидзаэмон в нижнем кимоно и хакама, восседая на возвышении, громовым голосом давал команды фехтовальщикам.

— Повторить! Пока не получается!

Тренировались два самурая, служившие при доме Ягю. Они упорно сражались, хотя уже обессилели и обливались потом, но по команде принимали боевые стойки и яростно набрасывались друг на друга.

— А-о-ох!

— А-а-ах!

В додзё Ягю новичкам не разрешали пользоваться деревянными мечами. Тренировались на палицах, специально изготовленных для овладения техникой Синкагэ. Это был длинный, тонкий кожаный рукав, набитый бамбуковой щепой, по сути дела, кожаная дубинка без рукоятки и

гарды. Дубинка была безопаснее деревянного меча, но могла оторвать ухо или превратить нос в перезрелый гранат. Удары позволялось наносить по любой части тела. Разрешалось сбивать с ног противника ударом в горизонтальной плоскости и бить лежачего.

— Наступай, еще удар! Делай как в прошлый раз! — гремел Кидзаэмон.

По правилам, заведенным здесь, человека не выпускали из додзё до тех пор, пока он окончательно не выбивался из сил. Новичкам приходилось особенно туго, их никогда не хвалили, но ругали за малейший промах. Рядовые самураи знали, как непросто попасть на службу в дом Ягю. Случайные люди долго не задерживались, а состоявшие при Ягю прошли тщательный отбор. Навыки фехтования получали даже простые пешие солдаты и конюхи.

Сода Кидзаэмон, разумеется, был настоящим мастером меча, который овладел техникой Синкагэ в юном возрасте и постиг секреты стиля Ягю под руководством самого Сэкисюсая. Добавив к этому несколько собственных элементов, он с гордостью говорил об «истинном стиле Соды».

Кимура Сукэкуро, конюший дома Ягю, был не меньший мастер, как и Мурата Ёдзо, который

хотя и управлял амбарами с провиантом, но не уступал самому Хёго в искусстве фехтования. Невысокого ранга чиновник Дэбути Магобэй занимался мечом с детства и сейчас был сильным фехтовальщиком. Князь провинции Этидзэн уговаривал Дэбути перейти к нему на службу, а Токугава из Кии пытался переманить Мурату, но оба остались с Ягю, не прельстившись на высокое жалованье.

Дом Ягю, находясь в расцвете благополучия, выпускал нескончаемое число великих фехтовальщиков. По меркам Ягю мастером меча признавался лишь тот, кто проходил все ступени безжалостных тренировок, доказав свою пригодность.

— Эй ты! — окликнул Кидзаэмон проходившего мимо стражника, за которым, как ни странно, следовал Дзётаро.

— Здравствуйте! — весело закричал Дзётаро.

— Как ты оказался в замке? — строго спросил Кидзаэмон.

— Меня пропустил стражник на воротах, — простодушно ответил Дзётаро.

— Пропустил? — удивился Кидзаэмон и, обращаясь к солдату, спросил: — Почему привел мальчишку?

— Он сказал, что ему надо увидеть вас.

— По-твоему, достаточно его слова? Мальчик!

— Да, господин!

— Здесь не место для игр. Поскорее уходи отсюда!

— Я не играть пришел, а принес письмо от моего учителя.

— От твоего учителя? Ты говорил, что он странствующий ученик фехтования?

— Взгляните на письмо.

— Оно мне ни к чему.

— Почему? Вы не умеете читать?

Кидзаэмон фыркнул.

— Прочтите, если умеете! — настаивал Дзётаро.

— Ну ты и пройдоха! Я не хочу читать письмо, потому что знаю его содержание.

— Тем более будет любезно с вашей стороны прочитать письмо.

— Ученики военного дела роятся здесь как комары. Если я стану с каждым вежливо обращаться, у меня не останется времени ни на что другое. Мне тебя жаль, поэтому расскажу, о чем это письмо. Ладно? В нем говорится, что податель сего жаждет увидеть наш великолепный додзё, провести хотя бы минуту под сенью величайших

мастеров меча, что во имя всех, кто посвятил себя Пути Меча, он нижайше просит преподать ему урок фехтования. Примерно в таком духе.

Глаза Дзётаро округлились.

— Об этом написано в письме?

— Да, поэтому я не намерен его читать. Мне бы не хотелось слухов о том, что дом Ягю высокомерно отвергает всех, кто обращается в замок. — Кидзаэмон остановился, словно бы репетируя монолог. — Пусть стражник тебе объяснит. Учеников, приходящих в замок, пропускают в главные ворота. Затем они проходят через внутренние ворота направо, к зданию, которое называется Синъиндо. На нем есть деревянная табличка с названием. Обратившись к смотрителю, они с его разрешения могут отдохнуть там и остаться на ночь-другую. Перед уходом им выдают на дорогу немного денег. Иди со своим письмом к смотрителю Синъиндо, понял?

— Нет! — ответил Дзётаро, решительно тряхнув головой и выдвинув вперед правое плечо. — Послушайте, господин!

— Что еще?

— Не судите о людях по внешнему виду. Я не сын попрошайки.

— Признаться, язык у тебя бойкий.

— Почему бы вам не взглянуть на письмо? Вдруг в нем совсем не то, о чем вы говорите? Что тогда? Позволите мне обезглавить вас?

— Ну и дела! — рассмеялся Кидзаэмон. Его красные губы в густой черной бороде походили на треснувший каштан. — Тебе не видать моей головы!

— Тогда возьмите письмо.

— Подойди поближе.

— Зачем?

Дзётаро не без испуга подумал, что слишком занесся.

— Мне нравится твоя решимость любой ценой выполнить поручение хозяина. Я прочту его письмо.

— И правда, почему бы не прочитать? Вы ведь самый главный чиновник в доме Ягю?

— Ну и язык у тебя! Желаю, чтобы ты так же владел мечом, когда подрастешь.

Кидзаэмон сломал печать на свитке и углубился в послание Мусаси. Лицо его становилось все серьезнее. Дочитав, Кидзаэмон спросил:

— Кроме письма, ты ничего не принес?

— Совсем забыл! Я должен отдать вам вот это.

Дзётаро достал обрезок пионового стебля из-за пазухи. Кидзаэмон внимательно рассматривал

оба среза. Лицо его выражало удивление. Он не мог до конца понять смысл письма Мусаси.

В письме сообщалось, как служанка постоялого двора принесла цветок, привезенный из замка, и как Мусаси, изучая стебель, обнаружил, что срезать цветок мог только «незаурядный человек». Далее следовало: «Поставив цветок в вазу, я почувствовал его необыкновенную одухотворенность. Я понял, что непременно должен выяснить, кто срезал пион. Вопрос мой может показаться ничтожным, но я буду признателен, если через мальчика вы сообщите, кто из обитателей замка сделал такой срез».

И все — ни слова об отправителе письма, ни просьбы о поединке.

«Странное послание», — думал Кидзаэмон. Он снова внимательно осмотрел оба среза, но не нашел между ними различия.

— Мурата! — позвал Кидзаэмон. — Взгляни, видишь разницу между срезами? Один, кажется, более гладкий?

Мурата Ёдзо, повертев стебель, оглядел его со всех сторон и признался, что ничего не заметил.

— Покажем Кимуре!

Оба направились в контору, расположенную позади додзё, и предложили загадку своему

товарищу. Кимура тоже удивился. Дэбути, оказавшийся рядом, сказал:

— Это один из двух пионов, которые старый господин Ягю срезал собственноручно позавчера. Сода, ведь ты был тогда с ним.

— Я видел, как он ставил цветок в вазу, но не был в саду, когда господин срезал его.

— Точно, это один из тех двух, срезанных им самим. Один пион поставил в токономе в своей комнате, а другой, вместе с письмом, отослал Дэнситиро через Оцу.

— Да, я помню, — ответил Кидзаэмон и принялся перечитывать письмо Мусаси. Вдруг он изумленно поднял глаза от свитка.

— Подпись «Симмэн Мусаси». Не тот ли Миямото Мусаси, который помог монахам Ходзоина расправиться со сбродом на равнине Ханъя? Наверняка он!

Дэбути и Мурата несколько раз перечитали письмо, передавая его из рук в руки.

— В почерке чувствуется характер, — сказал Дэбути.

— Да, — протянул Мурата, — человек, похоже, необыкновенный.

— Если в письме правда и Миямото смог определить, что пион срезан мастером, значит ему

ведомо то, чего не знаем мы, — сказал Кидзаэмон. — Старый учитель сам срезал цветок, но это определит только опытный глаз.

— Хорошо бы с ним встретиться, — произнес Дэбути. — Сможем его проверить и заодно расспросить, что произошло на равнине Ханъя.

Дэбути, желая заручиться поддержкой Кимуры, поинтересовался его мнением. Кимура сказал, что нельзя принять Мусаси в додзё, поскольку туда закрыт вход бродячим ученикам, но вполне можно пригласить его на ужин и саке в Синъиндо. В саду уже цвели ирисы и вот-вот должны распуститься дикие азалии. Во время застолья и поговорить о фехтовании. Мусаси, вероятно, охотно примет приглашение, а старый хозяин не станет возражать, узнав о госте в Синъиндо.

Кидзаэмон, хлопнув себя по коленям, воскликнул:

— Хорошо придумали!

— И нам вечеринка не повредит, — добавил Мурата. — Нужно немедленно послать ему ответ.

Кидзаэмон, сев за письмо, сказал:

— Мальчик во дворе. Приведите его сюда.

Дзётаро томился от скуки.

— И что они так долго возятся? — ворчал он.

К мальчишке подошла, принюхиваясь, боль-

шая черная собака. Дзётаро, думая, что нашел нового приятеля, за уши подтащил пса к себе.

— Давай поборемся! — сказал он и повалил собаку на землю. Та не сопротивлялась, и Дзётаро еще раза два опрокинул ее. Сжав челюсти собаки обеими руками, он скомандовал: — Голос!

Пес рассердился. Вырвавшись из рук, он вцепился в подол кимоно мальчика и стал его яростно трепать.

— Ты за кого меня принимаешь? Как ты смеешь огрызаться? — закричал он, разозлившись не меньше собаки.

Мальчишка выхватил деревянный меч и замер, занеся его над головой. Собака, почуяв неладное, залилась лаем, привлекая внимание стражей. Дзётаро, выругавшись, опустил меч на голову собаки. Раздался глухой звук, словно меч ударился о камень. Собака набросилась на Дзётаро и, схватив его сзади за пояс, повалила на землю. Подмяв мальчишку, пес рвал его. Дзётаро руками закрывал лицо. Вскочив, он кинулся прочь, но собака неслась следом, оглашая окрестности неистовым лаем, эхом отзывавшимся в горах. Сквозь пальцы Дзётаро, прижатые к лицу, капала кровь. Жалобные стоны мальчика заглушили собачий лай.

Месть Дзётаро

Вернувшись на постоялый двор, Дзётаро с довольным видом уселся перед Мусаси и сообщил, что выполнил поручение. Его лицо было исцарапано, нос походил на спелую землянику. Конечно, Дзётаро было больно, но он ничего не объяснял, и Мусаси решил не задавать вопросов.

— Вот ответ, — сказал Дзётаро, протягивая письмо от Соды Кидзаэмона. Он кратко рассказал о встрече с самураями, не упомянув о собаке. Раны на лице кровоточили. — Мне можно идти?

— Да. Спасибо.

Пока Мусаси распечатывал письмо Кидзаэмона, Дзётаро, прикрыв лицо ладонями, выскочил из комнаты. В коридоре его встретила Котя.

— Как это тебя угораздило? — спросила она, озабоченно осматривая раны.

— Собака набросилась.

— Чья?

— Собака из замка.

— Огромная, черная, породы Кисю? Она очень злая. Ты сильный, но и тебе ее не одолеть. Однажды загрызла до смерти воришек.

Они были не в лучших отношениях, но Котя

проводила его до ручья, чтобы умыться. Потом она принесла мазь и смазала раны. Впервые Дзётаро вел себя с Котя как благородный человек. Когда девочка закончила лечение, он поблагодарил ее, несколько раз вежливо поклонившись.

— Перестань кивать головой. Ты ведь мужчина!

— Я выражаю тебе признательность за помощь.

— Ты мне нравишься, хотя мы постоянно деремся, — призналась Котя.

— Ты мне тоже.

— Правда?

На лице Дзётаро кое-где сквозь мазь на лице проступил румянец, зарделась и девочка. Кругом никого не было. Розовые цветы персика светились на солнце.

— Твой хозяин скоро уедет? — спросила Котя. В голосе прозвучала грусть.

— Побудем немного, — успокоил Дзётаро.

— Хорошо бы ты пожил здесь год или два.

Они зашли под навес, где держали корм для лошадей, и улеглись на сене. Их руки соприкоснулись, теплая волна обдала Дзётаро. Он вдруг притянул к себе руку Котя и укусил ее за палец.

— Ой!

— Больно? Извини.

— Нет, терпимо. Укуси еще раз.

— Ты не против?

— Нет! Укуси посильнее!

Дзётаро покусывал пальцы девочки, как щенок. Сено сыпалось им на головы. Они начали шутливо бороться, и в это время под навес заглянул отец девочки. Потрясенный увиденным, он застыл с видом негодующего конфуцианского святого.

— Что вы делаете, негодники? Вы ведь еще дети!

Он стащил обоих за шиворот с сена и отвесил дочери пару увесистых шлепков.

Остаток дня Мусаси, погруженный в раздумья, почти ни с кем не разговаривал. Проснувшись среди ночи, Дзётаро взглянул на учителя. Тот лежал, устремив взгляд широко открытых глаз в потолок. Лицо его было сосредоточенным.

Мусаси был неразговорчив и на следующий день. Дзётаро с испугом подумал, что учитель узнал о его проделках с Котя под навесом. Мусаси ничего не сказал. К вечеру Мусаси велел Дзётаро попросить счет за постой. Он уже укладывался, когда принесли счет. От ужина он отказался.

Стоявшая у входа в комнату Котя спросила:

— Вы разве не вернетесь ночевать?

— Нет. Спасибо, Котя, за твою заботу. Думаю, ты устала от нас. До свидания!

— Берегите себя! — ответила Котя, закрывая лицо, чтобы не увидели ее слез.

Хозяин постоялого двора и служанки выстроились у ворот, чтобы попрощаться с гостями. Их отъезд на ночь глядя показался всем странным.

Сделав несколько шагов, Мусаси огляделся по сторонам, но не обнаружил Дзётаро. Вернувшись назад, он нашел его под навесом, где мальчик прощался с Котя. Увидев Мусаси, они отпрянули друг от друга.

— До свидания! — сказала девочка.

— Пока! — ответил Дзётаро и побежал навстречу Мусаси. Мальчик прятал глаза от взгляда учителя. Дзётаро, побаиваясь, все же украдкой оглядывался до тех пор, пока «Ватая» не исчезла из виду.

В долине загорались огни. Мусаси шагал молча, не оглядываясь. Дзётаро печально плелся следом.

Подойдя к замку, Мусаси спросил:

— Мы еще не пришли?

— Куда?

— К главным воротам замка Коягю?

— Мы идем в замок?

— Да.

— И заночуем там?

— Не знаю. Посмотрим, как дело пойдет.

— Здесь. Вход через эти ворота.

Мусаси остановился и некоторое время стоял неподвижно. Огромные деревья глухо шумели над поросшими мхом стенами. Светилось единственное квадратное окошко.

На зов Мусаси появился стражник. Показав ему письмо Соды Кидзаэмона, Мусаси сказал:

— Меня зовут Мусаси, я пришел по приглашению Соды. Доложите ему, пожалуйста, обо мне.

Стражник был предупрежден о возможном появлении Миямото.

— Вас ждут, — сказал он, приглашая Мусаси следовать за ним.

Здание Синъиндо использовалось для нескольких целей. Молодые люди изучали здесь конфуцианство. Здесь же хранилась библиотека замка. Комнаты вдоль коридора в задней половине дома были заставлены книгами. Клан Ягю славился военными свершениями, но Мусаси видел, что в замке серьезно относятся и к наукам. Каждый уголок замка дышал историей.

Замок, судя по аккуратной дороге от ворот к Синъиндо, содержался в образцовом порядке. О

том же свидетельствовали вежливые манеры стражи и умеренное, но по-домашнему уютное освещение замкового двора.

Порой случается, что с первой минуты в незнакомом доме чувствуешь себя непринужденно, словно не раз бывал здесь раньше. Такое чувство охватило и Мусаси, когда он сел на деревянный пол в просторной комнате, куда его проводил стражник. Он предложил гостю круглую подушку дзабутон, сплетенную из жесткой соломы, и удалился. Дзётаро оставили в приемной управляющего. Вскоре стражник появился с сообщением, что хозяева скоро прибудут.

Пододвинув дзабутон в угол, Мусаси сел, привалившись к столбу. Свет лампы выхватывал из темноты уголок сада. Мусаси увидел ветки цветущей глицинии, белой и лиловой. Их сладковатый аромат наполнял воздух. Сердце его дрогнуло, когда он услышал кваканье лягушки, впервые в этом году. Где-то в саду журчала вода. Ручей, верно, протекал и под домом. Мусаси уловил звук бегущей воды под полом. Потом ему стало казаться, что этот звук струится из стен, с потолка и даже из светильника. Мусаси ощущал прохладу и покой, но в глубине сознания пульсировало необъяснимое беспокойство. Это

бился неукротимый боевой дух Мусаси, который не могла усыпить умиротворенность, разлитая вокруг. Сидя на дзабутоне, Мусаси внимательно осматривался по сторонам.

«Кто такой Ягю? — подумал он. — Он фехтовальщик, я тоже. В этом мы равны. Но сегодня я еще на шаг продвинусь в мастерстве и превзойду Ягю».

— Извините, что заставили вас ждать.

В комнату вошли Сода Кидзаэмон, Кимура, Дэбути и Мурата.

— Добро пожаловать в замок Коягю, — тепло приветствовал гостя Кидзаэмон.

Его товарищи представились Мусаси. Слуги принесли саке и закуски. Местное саке, тягучее, как сироп, подавали в больших старинных кубках на высоких ножках.

— Здесь, в деревне, мы не можем предложить вам ничего особенного, но просим чувствовать себя как дома, — сказал Кидзаэмон.

Друзья Соды тоже радушно предложили гостю сесть поудобнее, забыв о формальном этикете. Уступая просьбам, Мусаси выпил саке, хотя не очень любил его. Оно не то чтобы не понравилось ему, просто Мусаси был слишком молод, чтобы постигнуть вкус саке. Замковое саке было крепким, но в этот вечер оно не подействовало

на Мусаси.

— Вы, похоже, умеете пить, — заметил Кимура Сукэкуро, наполняя чарку Мусаси. — Кстати, о пионе. Я слышал, что его срезал сам хозяин замка.

Мусаси хлопнул себя по коленям.

— Я так и думал! — воскликнул он. — Блистательный срез!

Кимура придвинулся поближе.

— Вы не могли бы объяснить, каким образом вы определили, что нежный, тонкий стебель пиона срезан рукой мастера меча? Мы потрясены вашей проницательностью.

— Неужели? Вы преувеличиваете мои скромные способности.

Мусаси решил потянуть время, не зная, к чему клонят его собеседники.

— Мы поражены! — воскликнули в один голос Кидзаэмон, Дэбути и Мурата.

— Мы не заметили ничего особенного в срезе, — сказал Кидзаэмон. — Мы порешили, что лишь гений может распознать гения. Нам было бы крайне полезно узнать, как вы замечаете такие тонкости.

— Ничего особенного, просто счастливая догадка, — ответил Мусаси, отпив саке.

— Не умаляйте излишней скромностью ваших

достоинств.

— Я не скромничаю. Я посмотрел на срез и почувствовал его исключительность.

— Каково же ощущение?

Четверо старших питомцев школы Ягю хотели понять характер Мусаси и одновременно подвергнуть его экзамену, как обычно поступали со всеми незнакомцами. Они уже отметили про себя его физические данные, осанку и выражение глаз. Его манера держать чашечку с саке и палочки для еды выдавали в нем деревенское происхождение, поэтому хозяева держались с Мусаси слегка снисходительно.

После третьей или четвертой чарки саке лицо Мусаси стало медно-красным. Он растерянно несколько раз приложил ладонь ко лбу и щекам.

Этот мальчишеский жест заставил хозяев рассмеяться.

— Так что же вы почувствовали? — вернулся к разговору Кидзаэмон. — Не могли бы вы описать поподробнее? Кстати, это здание, Синъиндо, было построено специально для приема в замке Коидзуми, князя Исэ. Оно занимает важное место в истории фехтования и весьма подходит для того, чтобы вы прочитали нам лекцию.

Мусаси понял, что ему нелегко будет отделать-

ся от лести хозяев. Тогда он решился на прямой выпад.

— Просто возникает чувство, и все, — сказал он. — Словами не объяснишь. Если вы хотите, чтобы я продемонстрировал это на практике, то единственный способ — поединок со мной. Другого нет.

Дым от лампы струился в тихом ночном воздухе, как чернила из кальмара. Заквакала лягушка.

Старшие по возрасту Кидзаэмон и Дэбути, переглянувшись, засмеялись. Голос Мусаси звучал миролюбиво, но предложение испытать его было явным вызовом, и самураи именно так его и восприняли. Хозяева, однако, сделав вид, что пропустили замечание Мусаси мимо ушей, заговорили о мечах, школе дзен, о событиях в других провинциях, припомнили битву при Сэкигахаре. Кидзаэмон, Дэбути и Кимура участвовали в битве, но у Мусаси, сражавшегося на другой стороне, их рассказы вызывали чувство горечи. Хозяева, казалось, наслаждались беседой, а Мусаси было интересно их слушать. Он тем не менее чувствовал стремительный бег времени и понимал, что если сегодня не встретит Сэкисюсая, то уже никогда не увидит его.

Кидзаэмон приказал подать ячмень, смешан-

ный с рисом, — последнее блюдо в угощении. Слуги убрали саке.

«Как мне его увидеть?» — думал Мусаси. Ясно, что без уловки не обойтись. Вывести из терпения кого-нибудь из собеседников? Это трудно, поскольку он сам был в хорошем настроении. Мусаси умышленно перечил хозяевам, говорил нарочито резко и грубо. Сода и Дэбути отделались смехом. Никто из четверки хозяев не поддавался на выходки Мусаси, избегая опрометчивых поступков.

Мусаси впал в отчаяние. Ему была невыносима мысль покинуть замок, не исполнив своего намерения. Он хотел украсить свою корону блистательной звездой победы, хотел отметить в истории, что Миямото Мусаси посетил замок и оставил свою зарубку на доме Ягю. Он жаждал своим мечом поставить на колени великого патриарха боевого искусства Сэкисюсая, «древнего дракона», как его называли.

Не разгадан ли его замысел? Мусаси раздумывал над возможностью разоблачения, когда произошло неожиданное.

— Слышали? — спросил Кимура.

Мурата вышел на веранду.

— Лает Таро, но как-то необычно. Что-то случи-

лось, — сказал он, вернувшись в комнату.

Таро был тот пес, с которым не поладил Дзётаро. Лай, доносившийся от внутренних укреплений замка, звучал устрашающе. С трудом верилось, что одна собака способна лаять так громко и зловеще.

— Пойду посмотрю, — сказал Дэбути. — Прости, Мусаси, за испорченный вечер, но там, верно, случилось что-то серьезное. Продолжайте без меня.

Вскоре Мурата и Кимура, вежливо извинившись, тоже покинули комнату.

Лай звучал все исступленнее. Собака предупреждала об опасности. Если так лает сторожевая собака, значит происходит нечто чрезвычайное. Мир, наступивший в стране, был не так прочен, чтобы даймё ослабили бдительность по отношению к своим соседям. Развелось множество бесчестных воинов, готовых пойти на все ради собственной выгоды. Страна кишела лазутчиками, которые выискивали подходящие цели для нападения.

Кидзаэмон выглядел встревоженным. Его взгляд остановился на зловещем огоньке лампы. Он, казалось, считал про себя, сколько раз эхо повторит лай Таро.

Раздался долгий тоскливый вой. Кидзаэмон,

кашлянув, взглянул на Мусаси.

— Собака мертва, — сказал Мусаси.

— Ее убили. Ничего не понимаю.

Встревоженный Кидзаэмон встал и направился к выходу, но Мусаси остановил его.

— Подождите! — сказал Мусаси. — Дзётаро, мальчик, который пришел со мной, все еще в приемной?

Спросили молодого самурая, стоявшего на карауле перед Синъиндо. Он доложил, что мальчика нигде нет. Мусаси нахмурился.

— Я, кажется, знаю, в чем дело. Не возражаете, если я пойду с вами? — обратился он к Кидзаэмону.

— Пожалуйста.

Метрах в трехстах от додзё уже собралась толпа. Горело несколько факелов. Кроме Мураты, Дэбути и Кимуры, там были пешие солдаты и стражники. Все говорили и кричали в один голос.

Мусаси посмотрел через чье-то плечо, и его сердце упало. Как он и ожидал, в центре черного кольца из людей был Дзётаро, измазанный кровью и пылью, похожий на дьяволенка, с деревянным мечом в руке. Стиснув зубы, мальчишка тяжело дышал. Рядом лежала собака с оскаленной пастью и безжизненно вытянутыми ногами.

В застывших глазах отражались огни факелов. Из пасти стекала кровь.

— Это собака хозяина, — с грустью заметил кто-то.

Какой-то самурай подошел к Дзётаро и заорал:

— Ты что наделал, ублюдок?! Ты убил?

Самурай размахнулся, чтобы дать Дзётаро оплеуху, но мальчишка увернулся.

— Да, я убил! — закричал он, выпрямившись.

— Признаешься?

— Да, но у меня были причины.

— Ха!

— Я мстил.

— Что?!

По толпе пронесся ропот удивления и негодования. Таро был любимцем Мунэнори, владельца Тадзимы. Породистого пса произвела на свет Райко, любимая сука Ёринори, князя Кисю. Ёринори подарил щенка Мунэнори, который вырастил его. Убийство пса неизбежно повлечет за собой серьезное дознание, поэтому судьба двух самураев, получавших жалованье за уход за собакой, была под угрозой. Подошедший к Дзётаро самурай был одним из псарей.

— Заткнись! — закричал он, занося кулак над головой мальчика.

На этот раз Дзётаро не смог увернуться — удар пришелся по уху.

— Вы что? — возмутился Дзётаро, прикрыв ухо рукой.

— Ты убил собаку хозяина. И тебя надо забить до смерти, что я и собираюсь сделать. Не возражаешь?

— Я свел счеты с ней. За что меня наказывать? Взрослый человек должен понимать, что это несправедливо.

По мнению Дзётаро, он защитил свою честь, рискуя жизнью, поскольку самураю позорно получить рану, видимую постороннему взору. Сохранить честь можно было единственным путем — убить собаку. Дзётаро в глубине души ожидал похвалы за мужественный поступок. Уверенность в своей правоте не покинула мальчика.

— Замолчи, негодяй! — кричал псарь. — Плевать, что ты еще маленький. Ты вполне взрослый, чтобы понимать разницу между человеком и собакой. Додумался мстить бессловесной твари!

Самурай, схватив мальчишку за шиворот, объявил толпе, что его долг — наказать убийцу собаки. Люди одобрительно закивали. Четверо старших самураев, недавно тепло принимавших Мусаси за столом, хмурились, но молчали.

— А теперь лай, мальчишка! Собачьим голосом! — кричал псарь.

Держа Дзётаро за шиворот, он изо всех сил колошматил его, затем, зловеще сверкая глазами, швырнул на землю. Схватив дубовую палку, самурай занес ее над головой.

— Ты убил собаку, маленький негодяй! Теперь твоя очередь. Встань, чтобы я мог размозжить тебе голову. Почему не лаешь? Кусай меня!

Стиснув зубы, Дзётаро с трудом приподнялся, не выпуская из рук деревянного меча. Он по-прежнему походил на маленького водяного, но в выражении лица не осталось ничего детского. Вой, вырвавшийся из его груди, звучал с дикой звериной силой.

Взрослые, впадая в гнев, потом часто сожалеют, что потеряли самообладание. Гнев ребенка не проходит, и даже мать, давшая ему жизнь, не в силах его успокоить.

— Убей меня, убей! — выл Дзётаро.

— Подыхай! — заорал псарь, опуская палку.

Удар прикончил бы мальчишку, попади он в цель, но этого не случилось. Резкий деревянный треск отозвался в ушах людей, в воздухе мелькнул меч, выбитый из рук Дзётаро. Мальчишка бессознательно парировал удар. Теперь он был

безоружный.

Зажмурившись, Дзётаро набросился на обидчика и вцепился зубами ему в пояс. Мальчишка сражался за жизнь. Он рвал зубами и ногтями пах самурая, а тот беспомощно размахивал палкой.

Мусаси наблюдал за происходившим молча, с бесстрастным лицом, скрестив руки на груди. В воздухе замелькала вторая дубовая палка, еще кто-то ворвался в круг, намереваясь напасть на Дзётаро сзади, и Мусаси рванулся с места. В мгновение ока, проломив человеческую стену, он вырос на арене схватки.

— Трус! — крикнул он человеку за спиной Дзётаро, и в тот же миг в воздух взлетели палка и дрыгающиеся ноги — человек плюхнулся в кусты метрах в четырех от Мусаси. — Теперь с тобой разберемся, дьяволенок! — рявкнул Мусаси.

Схватив Дзётаро за пояс кимоно, он поднял мальчика над головой. Обращаясь к первому псарю, который покрепче вцепился в свою палку, Мусаси произнес:

— Я видел вас с самого начала. Вы не с того конца взялись за дело. Мальчик — мой слуга, если вы имеете вопросы к нему, прежде следует обратиться ко мне.

— Прекрасно! В таком случае предъявляем

обвинение вам обоим! — вызывающе ответил псарь.

— Что ж, вдвоем и ответим. Начнем с того, кто поменьше!

Мусаси швырнул Дзётаро прямо в псаря. Толпа, охнув, отступила. Сумасшедший никак? Где это видано, чтобы использовать человека как оружие! Дзётаро влетел в грудь опешившего самурая, и тот рухнул как подкошенный. То ли псарь ударился головой о камень или поломал ребра, но он взвыл от боли, и у него началась кровавая рвота. Дзётаро мячиком отлетел от псаря, кувыркнулся в воздухе и укатился метров на шесть в сторону.

— Это что же делается?! — послышался изумленный голос.

— Кто этот ненормальный ронин?

Со всех сторон на Мусаси посыпалась брань. Мало кто знал, что Мусаси — приглашенный гость, поэтому предлагали прикончить его на месте.

— А теперь слушайте все! — Голос Мусаси перекрыл гвалт.

Притихшая толпа смотрела, как он взял деревянный меч Дзётаро и обвел всех испепеляющим взглядом.

— Преступление мальчишки — вина и его хозяина. Мы оба готовы рассчитаться за него,

но учтите прежде: мы не дадим убить себя, как собак. Мы готовы вступить с вами в бой.

Мусаси бросил вызов, вместо того чтобы признать вину, принять наказание. Происшествие, скорее всего, замяли бы, если Мусаси извинился бы за Дзётаро, сказал что-то в свое оправдание или сделал бы малейшую попытку поладить с обиженными самураями Ягю. Но Мусаси повел себя иначе, видимо провоцируя более серьезный скандал.

Сода, Кимура, Дэбути и Мурата хмуро размышляли, что за странного человека они пригласили в замок. Его безумная горячность раздосадовала их. Не спуская с Мусаси глаз, они заняли позицию позади толпы.

Толпа, и без того накаленная, пришла в неистовство от Мусаси.

— Нечего его слушать! Бандит!

— Лазутчик! Вяжи его!

— Изрубить на части!

— Главное — не упустить его!

Казалось, что море мечей вот-вот захлестнет Мусаси и Дзётаро, который уже стоял рядом с хозяином, но в это время раздался властный возглас:

— Стойте!

Это был Кидзаэмон. Вместе с Дэбути и Кимурой он пытался сдержать толпу.

— Этот человек заранее спланировал скандал, — сказал Кидзаэмон. — Если поддадитесь на его хитрость, он вас ранит или убьет, за что нам придется отвечать перед господином Ягю. Собаку жаль, но человеческая жизнь ценнее. Мы вчетвером берем на себя ответственность. Поверьте, вы не понесете наказания за наши поступки. Спокойно идите по домам!

Люди неохотно разбрелись. Остались четверо самураев, принимавших Мусаси в Синъиндо. Гость стал преступником, а хозяева — судьями.

— Мусаси, мне жаль, что твой замысел раскрыт, — произнес Кидзаэмон. — Кто-то послал тебя шпионить в замок Коягю или устроить потасовку. Не вышло!

Четверо надвигались на Мусаси, знавшего, что каждый из них виртуозно владел мечом. Он застыл на месте, положив руку на плечо Дзётаро. Он не мог уже выбраться из окружения, будь у него даже крылья.

— Мусаси! — крикнул Дэбути, слегка выдвинув меч из ножен. — Ты проиграл. Тебе следовало бы покончить с собой. Ты, может, и негодяй, но проявил храбрость, явившись в замок с одним

только мальчишкой. Мы провели приятный вечер, а теперь готовы подождать, пока ты приготовишься к харакири. Прекрасная возможность доказать, что ты настоящий самурай.

Это был бы идеальный выход из положения. Они предупредили Сэкисюсая о визите Мусаси, и теперь неприятную историю можно похоронить вместе с телом гостя. Мусаси думал иначе.

— Думаете, я наложу на себя руки? Ерунда! Я не собираюсь умирать, во всяком случае в ближайшее время. — Плечи Мусаси содрогались от смеха.

— Хорошо! — негромко ответил Дэбути. — Хотели обойтись с тобой по-честному, но ты просто использовал нас.

— Нечего попусту тратить время! — вмешался Кимура. Толкнув в спину Мусаси, он скомандовал: — Пошел!

— Куда?

— В тюрьму.

Мусаси кивнул и зашагал, но в противоположном направлении, к центральной башне замка.

— Куда это ты собрался? — воскликнул Кимура, заслонив собой дорогу. — Тюрьма в обратной стороне. Поворачивай!

— Нет! — воскликнул Мусаси. Он взглянул

на Дзётаро, прилепившегося сбоку, и приказал ему ждать под сосной напротив главной башни. Белый песок, насыпанный под деревом, был тщательно разровнен граблями. Дзётаро пулей вылетел из-под рукава Мусаси и спрятался за деревом, не зная пока, что задумал учитель. Он вспомнил, как храбро сражался Мусаси на равнине Ханъя, и сердце его замерло в ожидании чего-то необычайного.

Кидзаэмон и Дэбути с двух сторон тянули Мусаси за руки, но тот стоял как вкопанный.

— Пошли!

— Не пойду!

— Упорствовать вздумал?

— Да!

Кимура, выйдя из терпения, схватился за меч, но старшие по званию Кидзаэмон и Дэбути остановили его.

— Что еще? Куда собрался?

— Хочу видеть Ягю Сэкисюсая.

— Видеть кого?!

Самураям из замка и в голову не приходило, что этот сумасшедший парень способен на такую наглость.

— И что будет, если ты увидишь его? — спросил Кидзаэмон.

— Я молод и постигаю боевое искусство. Заветная цель моей жизни — получить урок от создателя стиля Ягю.

— Почему не сказал сразу?

— Сэкисюсай никого не принимает и не дает уроков заезжим ученикам.

— Верно.

— Мне остается бросить ему вызов. Понимаю, он, скорее всего, не захочет нарушить свое уединение. В таком случае я вызову на бой весь замок.

— На бой? — в один голос воскликнули четверо самураев.

Кидзаэмон и Дэбути держали возмутителя спокойствия за руки. Мусаси взглянул на небо. Раздался шум крыльев — это прилетел орел со стороны горы Касаги, которая громадиной нависала над замком. Силуэт огромной птицы, скользнув на миг, закрыл звезды. Орел опустился на крышу рисового амбара.

Для четверки служивых слово «бой» прозвучало до смешного напыщенно, но Мусаси выразил то, чего он добивался. Его не интересовало состязание по фехтованию, где демонстрируют техническое мастерство. Ему был нужен бой до победного конца, когда решается судьба против-

ников, бой, которому воины без остатка отдают волю и умение. Это, по сути, то же сражение между двумя армиями, но с некоторой разницей в форме. Все очень просто — один человек против одного замка. Решимость пронзала Мусаси с такой же силой, как подставки его деревянных сандалий гэта попирали землю. Железная воля, владевшая им, сделала слово «бой» совершенно естественным в его устах.

Четверо самураев изучали лицо Мусаси, пытаясь уловить в нем проблеск здравого смысла.

Кимура принял вызов. Сбросив соломенные сандалии и подоткнув хакама, он сказал:

— Прекрасно! Больше всего на свете я люблю бой! Не могу предложить бой барабанов или удары гонга, а поединок — пожалуйста! Сода, Дэбути, подтолкните-ка его ко мне!

Кимура, первым предложивший наказать Мусаси, до сих пор сдерживался, проявляя терпение. Теперь он мог дать себе волю.

— Выходи! — крикнул он. — Давайте его сюда!

Кидзаэмон и Дэбути вытолкнули Мусаси вперед. От толчка он сделал шагов пять навстречу Кимуре, а тот, отступив на шаг, занес горизонтально меч, глубоко вздохнул и нанес стремительный удар по массивной фигуре Мусаси. Меч

прочертил дугу в воздухе под какой-то странный шуршащий звук. Раздался крик, но не Мусаси, а Дзётаро, который выскочил из-за сосны. Брошенная им горсть песка и произвела странный звук.

Мусаси знал, что Кимура перед нанесением удара прикинет расстояние между ними, поэтому специально ускорил шаг, когда его вытолкнули вперед, оказавшись ближе к противнику, чем тот рассчитывал. Меч Кимуры коснулся только воздуха и песка. Оба мгновенно отскочили на три шага, замерли в напряженной тишине, не спуская друг с друга глаз.

— Будет на что посмотреть, — негромко промолвил Кидзаэмон.

Дэбути и Мурата, не участвовавшие в схватке, приняли оборонительные стойки. Они уже убедились в недюжинных боевых способностях Мусаси. Блестящая реакция, проявившаяся в том, как он увернулся от удара и тут же занял боевую позицию, свидетельствовала, что Мусаси не уступает Кимуре.

Кимура держал меч чуть ниже груди. Он не двигался. Мусаси тоже замер, сжимая эфес и выдвинув вперед плечо и высоко подняв локоть. На темном лице глаза его походили на два белых полированных камня. Некоторое время шла борьба

воли, но, прежде чем один из них пошевелился, темнота, окружавшая Кимуру, вздрогнув, замерла. Вскоре все заметили, что он дышит чаще и надсаднее, чем Мусаси. Дэбути исторг негромкий рык. Теперь он знал, что мелкая стычка вот-вот обратится в катастрофу. Ему было ясно, что Кидзаэмон и Мурата чувствуют это не хуже его. Выйти из положения было трудно. Если не произойдет что-то необычайное, то исход боя между Мусаси и Кимурой предрешен. Трое самураев ни за что не хотели совершать поступок, из-за которого их упрекнули бы в трусости, но у них не было выбора в способе предотвращения непоправимого. Лучше всего поскорее избавиться от этого странного типа, избежав ранений от его меча. Им не нужны были слова — самураи Ягю разговаривали глазами.

Все трое двинулись на Мусаси, и в тот же миг его меч рассек воздух со свистом натянутой тетивы. Громовой клич раскатился по окрестностям. Голос вырвался не из глотки Мусаси, неистово вопило его существо, словно внезапно ударили в храмовый колокол. Противники, окружившие Мусаси со всех сторон, отозвались клокочущим шипением.

Мусаси ощутил мощный прилив сил. Кровь

готова была брызнуть из каждой его поры, но голова была холодной как лед. Может быть, это огненный лотос, о котором говорили буддисты? Соединение абсолютного жара с абсолютным холодом, слияние пламени и воды?

Песок больше не летел из-за сосны. Дзётаро исчез. С горы Касаги налетали порывы ветра. Матово поблескивали клинки мечей, крепко зажатых в руках самураев.

Четверо против одного. Мусаси не придавал этому особого значения. Он ощущал, как мускулы наливаются мощью. Говорят, что в такие минуты человек думает о смерти, но Мусаси не собирался умирать. Он, однако, не был уверен в победе.

Ветер, казалось, проникал в голову Мусаси, холодя мозг и обостряя зрение. Тело Мусаси покрылось липкой испариной, пот маслянистыми капельками выступил на лбу.

Послышался еле уловимый шорох. Меч Мусаси, подобно сверхчувствительной антенне, уловил едва заметное движение ноги человека, находившегося слева. Мусаси незаметно изменил положение меча. Противник, уловивший движение, отложил атаку. Все пятеро замерли, как изваяния.

Мусаси понимал, что промедление опасно для

него. Лучше бы противники не окружали его, а выстроились в линию, тогда бы он разделался с ними по очереди. Сегодня он имел дело с искушенными бойцами. Мусаси не мог шевельнуться до тех пор, пока кто-то из соперников не сделает движения. Ему оставалось только ждать, надеясь, что кто-то из четверых допустит ошибку и подставится под удар.

Противники не очень радовались численному превосходству над Мусаси. Они знали, что стоит одному из них на мгновение потерять бдительность, как Мусаси атакует. Они понимали, что им противостоял человек совершенно исключительного склада. Даже Кидзаэмон не решался пошевелить пальцем.

«Удивительная натура!» — думал он.

Все застыло: люди, земля, небо. И в этот момент тишину нарушил неожиданный звук — голос флейты, прилетевший с ветром. Услышав мелодию, Мусаси забыл все на свете — себя, врагов, жизнь и смерть. В глубине сознания всегда жила эта мелодия, именно она выманила его из убежища на горе Такатэру, отдала его в руки Такуана. Флейта Оцу, это она играла.

Мусаси вдруг обмяк. Лицо его оставалось бесстрастным, но враги были начеку. С боевым

кличем, который, казалось, вырвался из глубины тела, Кимура сделал выпад, выбрасывая меч. Мускулы Мусаси напряглись, лицо налилось кровью. Мусаси был уверен, что меч Кимуры достал его. Левый рукав был разрезан от плеча до запястья, и голая рука навела Мусаси на мысль о резаной ране. На миг самообладание покинуло его, и он выкрикнул имя бога войны. Мусаси подпрыгнул, развернулся в воздухе и увидел, как Кимура едва не упал на том месте, где он сам только что стоял.

— Мусаси! — крикнул Дэбути Магобэй.

— Ты говоришь лучше, чем дерешься! — насмешливо крикнул Мурата, бросаясь вместе с Кидзаэмоном наперерез Мусаси.

Но Мусаси, мощно оттолкнувшись от земли, взвился вверх, коснувшись нижних веток сосен. Потом он еще несколько раз подпрыгнул, словно во мраке летя по воздуху.

— Трус!

— Мусаси!

— Будь мужчиной!

Мусаси добрался до рва вокруг внутренних укреплений замка. Треснула сухая ветка, и воцарилась тишина. Ее нарушала только чарующая мелодия флейты, доносившаяся откуда-то из-

далека.

Соловьи

Трудно определить, сколько дождевой воды накопилось во внутреннем рве глубиной девять метров. Перебравшись через изгородь и соскользнув до середины склона, Мусаси бросил вниз камень. Всплеска не последовало, тогда Мусаси спрыгнул вниз. Он лежал на траве, грудь судорожно вздымалась, вскоре сердце забилось ровнее, он задышал глубже. Тело охватила приятная прохлада.

— Оцу не может быть здесь, в Коягю, — произнес Мусаси. — Мне померещилось… Но почему бы ей не оказаться здесь? Возможно, это она играет.

Предавшись воспоминаниям, Мусаси неподвижным взором смотрел в небо, среди звезд он видел глаза Оцу. Он видел ее на перевале на границе провинций Мимасака и Харима, где она призналась, что не может без него жить, что Мусаси — единственный в мире для нее. Вспомнил ее на мосту Ханада в Химэдзи, когда она сказала, что ждала его почти тысячу дней и готова ждать десять, двадцать лет, пока не состарится и не поседеет. Он вспомнил, как Оцу умоляла взять ее с собой, ее обещания вынести любые превра-

ности судьбы.

Его бегство от Оцу было предательством. Как теперь она должна ненавидеть его! Она, верно, кусала губы и проклинала коварство мужчин!

— Прости меня! — сорвались с его губ слова, вырезанные им в тот день на перилах моста. Из уголков глаз скатились слезинки.

— Его здесь нет! — раздался наверху голос, выведший Мусаси из забытья. Четыре смоляных факела, мелькнув среди деревьев, исчезли. Мусаси не заметили.

Мусаси раздосадовался на свои слезы.

— К чему мне женщина? — презрительно произнес он, смахивая слезы рукой.

Резко вскочив, он уставился на черный силуэт замка Коягю.

— Они обозвали меня трусом и считают, что я не могу драться, как мужчина. Я не сдался! Я не бежал, а сделал тактическое отступление.

Прошло около часа. Мусаси медленно брел по дну рва.

— Драться с четверкой не имело смысла. Не они моя цель. Истинный бой начнется, когда я сойдусь с самим Сэкисюсаем.

Мусаси подбирал упавшие ветви и ломал их через колено на короткие палочки. Заталкивая

палочки в щели между камнями, укреплявшими стенку рва, Мусаси соорудил подобие лесенки. Скоро он выбрался наверх.

Флейту он больше не слышал. На мгновение Мусаси показалось, что где-то раздался голос Дзётаро, но, вслушавшись в темноту, он ничего не уловил. Мусаси не очень беспокоился о мальчике. Дзётаро мог постоять за себя и сейчас, вероятно, был далеко отсюда. Факелы не пылали, поиски Мусаси, похоже, отложили до утра.

Желание встретить и победить Сэкисюсая вновь охватило Мусаси с неистовой силой. Всепоглощающая страсть порождалась жаждой славы и признания.

Мусаси слышал от хозяина постоялого двора, что Сэкисюсай уединился не в замке, а за его пределами. Мусаси пересек несколько рощ и низин, и ему казалось, что он уже покинул территорию замка, но, натыкаясь на стену, ров или рисовый амбар, убеждался в своем заблуждении.

Мусаси блуждал всю ночь, гонимый неистовой страстью. Найти бы заветный домик в горах, ворваться в него и бросить вызов хозяину. Время шло, а он не приближался к цели. Теперь Мусаси был бы рад и привидению в образе Сэкисюсая.

На рассвете Мусаси обнаружил, что стоит перед

задними воротами замка. За ними разверзалась пропасть, а гора Касаги уходила высоко в небо. Отчаявшись, Мусаси повернул на юг. Неожиданно на пологом склоне юго-восточной стороны замка он увидел подстриженную лужайку и кущу ухоженных деревьев. Путь к приюту старца предстал глазам Мусаси. Вскоре догадка Мусаси подтвердилась — он увидел крытые соломой ворота в стиле, который любил великий мастер чайной церемонии Сэн-но Рикю. За воротами зеленела бамбуковая роща, окутанная утренним туманом.

Сквозь щель в воротах Мусаси увидел петляющую по роще и поднимающуюся в гору тропинку. Она была проложена по канонам обустройства дзенских горных обителей. Мусаси чуть было не перемахнул через забор, но вовремя удержал себя. Нечто в облике этого уголка остановило его. Вероятно, любовь, с какой была ухожена земля, или осыпавшиеся белые лепестки? Во всем отражалась утонченная натура человека, обретшего здесь уединение. Возбуждение Мусаси спало. Он вдруг подумал, как выглядит со стороны — бродяга с всклокоченными волосами, в драном кимоно.

«Не стоит спешить», — сказал себе Мусаси и

вдруг почувствовал неимоверную усталость. Нужно собраться с силами перед тем, как предстать старому Ягю.

«Кто-то обязательно откроет ворота, — рассуждал Мусаси. — Время у меня есть. Если он откажется принять меня как странствующего ученика, придумаем другой способ».

Мусаси сел под навесом ворот и, привалившись к столбу, мгновенно заснул.

Звезды угасали, утренний ветерок пробегал по маргариткам. Холодная капля росы упала за ворот Мусаси и разбудила его. Было совсем светло. Сон, свежий ветер и пение соловьев прояснили голову Мусаси. Он был бодрым, словно заново родился. Он потер глаза и взглянул вверх — красный диск солнца поднимался над горами. Мусаси вскочил. Тепло солнца пробудило в нем энергию, спрессованная в мышцах сила рвалась наружу. Потянувшись, Мусаси сказал: «Сегодня мой день!»

Почувствовав голод, он вдруг подумал о Дзётаро, который тоже наверняка хочет есть. Он обошелся с мальчиком слишком сурово прошлой ночью, но это был рассчитанный шаг, средство воспитания. Мусаси уговорил себя тем, что Дзётаро нигде не пропадет.

Мусаси вслушивался в плеск ручья, который сбегал по склону горы, нырял под забор, огибал бамбуковую рощу и выныривал с другой стороны ограды, чтобы продолжить путь по нижней части территории замка. Мусаси умылся и напился воды вместо завтрака. Вода была очень вкусной и чистой. Мусаси предположил, что именно она повлияла на выбор места для дома Сэкисюсая. Мусаси, не разбираясь в тонкостях чайной церемонии, не мог осознать, что о такой кристально прозрачной воде мечтает каждый мастер чайной церемонии.

Намочив в ручье полотенце, Мусаси тщательно протер шею и почистил ногти. Кинжалом подровнял волосы. Он хотел выглядеть поприличнее, поскольку Сэкисюсай был не только создателем стиля Ягю, но и одним из знаменитейших людей страны. Мусаси — безвестный воин — отличался от Сэкисюсая, как звездочка от луны.

Прибрав волосы и поправив ворот кимоно, Мусаси почувствовал себя готовым к встрече. Мысли были четкими. Он намеревался постучать в ворота, как обычный посетитель.

Дом стоял на некотором удалении от ворот на склоне, так что простой стук в створки вряд ли услышат. Мусаси огляделся вокруг в поисках

предмета, которым можно постучать погромче. Взгляд его наткнулся на две дощечки, прикрепленные по обе стороны ворот. Они были покрыты прекрасно вырезанными иероглифами, поверх которых лежала шпаклевка из голубоватой глины, похожей на бронзовую патину. Правая дощечка гласила:

Не гневайтесь, писцы,
На любовь мою к уединенью.

Слева было написано:

Здесь не увидишь воина с мечом.
Лишь молодые соловьи на лугах.

Под «писцами» подразумевались чиновники из замка, но смысл стихов был глубже. Старый хозяин закрыл ворота не только для странствующих учеников, но и для всех мирских дел с их суетой и тщеславием. Он отринул мирские желания, и свои и чужие.

«Я молод, слишком молод! — подумал Мусаси. — Мне недоступен этот человек».

Желание постучать в ворота исчезло. Сама мысль о вторжении в мирную обитель показалась варварской. Мусаси стало стыдно за себя. Эти ворота распахнуты лишь цветам и птицам, ветру

и луне. Сэкисюсай перестал быть величайшим в стране мастером меча, владельцем замка. Он вернулся к природе, презрев тщеславие мирской жизни. Преступно нарушать его покой. Что за честь и слава победить человека, для которого эти понятия утратили всякий смысл?

«Хорошо, что прочитал стихи, — произнес про себя Мусаси. — Оказался бы в дураках».

Солнце стояло высоко, соловьи замолкли. Со стороны склона раздался звук быстрых шагов. Вспугнутые птички стайкой вспорхнули в небо. Мусаси заглянул в щель ворот, чтобы посмотреть на идущего. Это была Оцу.

Значит, он слышал ее флейту! Подождать ее? Скрыться?

«Я хочу с ней поговорить, — подумал Мусаси. — Должен поговорить!»

Он совершенно растерялся, сердце сильно забилось.

Оцу сбегала по тропинке совсем близко от того места, где он стоял. Она остановилась и, обернувшись, негромко вскрикнула от удивления.

— Я думала, что он идет следом, — пробормотала она, оглядываясь по сторонам.

Оцу побежала назад, вверх по склону.

— Дзётаро! — позвала она. — Где ты?

Мусаси от растерянности прошиб пот. Он ненавидел себя за такую слабость. Он не мог выйти из укрытия в тени деревьев.

Оцу снова позвала мальчика, и на этот раз он откликнулся.

— Я здесь! А вы где? — подал голос Дзётаро из рощи.

— Сейчас же иди сюда! — ответила Оцу. — Я ведь приказала никуда не отходить.

Появился запыхавшийся Дзётаро.

— Вот вы где! — воскликнул он.

— Я ведь говорила, чтобы ни шагу от меня.

— Я шел следом, но потом увидел фазана и погнался за ним.

— Подумать только, погнался за фазаном! Забыл, что надо найти кое-кого?

— О нем я не беспокоюсь. Он не даст себя в обиду.

— Ты говорил иное вчера ночью, когда прибежал ко мне, чуть не плача.

— Я не плакал! Все случилось так внезапно, и я не знал, что делать.

— И я совсем растерялась, когда ты назвал имя своего учителя.

— Откуда вы знаете Мусаси?

— Мы жили в одной деревне.

— И все?

— Конечно!

— Странно. Вы расплакались только потому, что здесь появился ваш земляк?

— Я разве плакала?

— Как вы можете помнить, что делал я, если забыли о своих поступках? Я правда страшно перепугался. Если против учителя выступили бы четверо обыкновенных самураев, то я не волновался бы, но ведь те были мастерами. Я услышал флейту и вспомнил, что вы в замке. Я подумал, что, может, мне удастся извиниться перед господином Ягю.

— Если ты услышал флейту, значит ее слышал и Мусаси. Он, верно, узнал меня. — Голос Оцу звучал нежно. — Я думала о нем, когда играла.

— Не вижу никакой разницы. По звуку флейты я определил, где вы.

— И устроил сцену — ворвался в дом с воплем, что где-то идет «сражение». Господин Ягю был потрясен.

— Он хороший человек. Когда я сказал, что убил Таро, он не взбеленился, как другие.

Оцу поспешила к воротам, не желая терять времени на болтовню.

— Поговорим позже, — сказала она. — Есть

дело посерьезнее. Надо найти Мусаси. Сэкисюсай даже отступил от своего правила, пожелав видеть человека, который совершил то, о чем ты рассказал.

Оцу светилась радостью, как цветок. На ярком солнце раннего лета ее щеки блестели, как наливающийся плод. Воздух, напоенный свежестью молодых листьев, наполнял ее грудь.

Мусаси пристально смотрел на нее из-за деревьев, любуясь ее жизнерадостным видом. Это была новая Оцу, совсем непохожая на девушку, которая одиноко сидела на веранде храма Сипподзи и отсутствующим взором смотрела на мир. У той Оцу не было человека, которого она любила. Вернее, ее ощущение любви было расплывчатым и неясным, ей некому было отдать свои чувства. Она росла чувствительным ребенком, глубоко переживавшим сиротство.

Знакомство с Мусаси, восхищение им породили любовь, которая жила теперь в ее сердце, наполняя ее существование новым смыслом. Год странствий, проведенный ею в поисках Мусаси, закалил ее дух и тело, научил смотреть в лицо любым превратностям судьбы.

Мусаси, мгновенно оценив ее жизненную стойкость и красоту, захотел увести ее куда-нибудь

далеко-далеко, где они остались бы наедине, и рассказать ей все: как он тосковал по ней, как он жаждал ее. Хотел показать Оцу, что в его стальном сердце таилась слабость, взять назад слова, вырезанные им на перилах моста Ханада. В уединении он показал бы ей, каким нежным может быть. Сказал бы, что любит ее так же, как и она. Обнять ее, прижаться щекой к ее лицу, пролить слезы, которые подступали у него к глазам. Сейчас он ощущал себя достаточно сильным для того, чтобы признать это чувство. Он вспомнил, что говорила ему Оцу, как отвратительно и жестоко он отверг ее простодушные знаки любви.

Мусаси презирал себя, но что-то мешало ему отдаться чувству, нашептывая ему, что это было бы ошибкой. В нем жили два человека — один рвался к Оцу, другой предупреждал не делать глупости. Мусаси не знал, в котором из двоих заключалась его подлинная сущность. Терзаемый нерешительностью, Мусаси видел перед собой два пути — путь света и путь тьмы.

Не подозревая о присутствии Мусаси, Оцу вышла за ворота и сделала несколько шагов. Оглянувшись, чтобы позвать Дзётаро, она увидела, как мальчик подобрал что-то с земли.

— Дзётаро, ты опять отвлекаешься? Не отста-

вай!

— Подождите! — взволнованно откликнулся мальчик. — Взгляните!

— Ну и что? Старая грязная тряпка.

— Это платок Мусаси.

— Мусаси?! — воскликнула Оцу, подбегая к Дзётаро.

— Да, — подтвердил Дзётаро, развернув платок. — Я хорошо помню его, нам дали в доме вдовы в Наре, где мы останавливались. Видите кленовый лист и иероглиф «Лин». Это название пельменной.

— Думаешь, Мусаси был здесь? — воскликнула Оцу, тревожно озираясь.

Дзётаро поднялся на цыпочки, почти что сравнявшись ростом с девушкой, и заорал что было мочи:

— Учитель!

В роще зашуршала листва. Оцу, вскрикнув, резко обернулась и бросилась к деревьям. Мальчик помчался за ней.

— Куда вы? — кричал он.

— Мусаси только что убежал.

— В какую сторону?

— Вон туда!

— Я его не вижу.

— Вон там, за деревьями!

Оцу заметила мелькнувшую фигуру Мусаси, но вспыхнувшая радость тут же сменилась тревогой, потому что он стремительно удалялся. Со всех ног она бросилась за ним. Дзётаро несся по пятам, хотя и не очень верил, что Оцу действительно видела его учителя.

— Вы ошиблись! — кричал он. — Это был кто-то другой. Зачем Мусаси убегать от нас?

— Смотри!

— Где?

— Вон там!

Оцу набрала в легкие побольше воздуха и крикнула:

— Му-са-си!

Едва крик сорвался с ее губ, как она споткнулась и упала. Дзётаро бросился поднимать ее.

— Почему ты его не зовешь? — упрекала Оцу мальчика. — Кричи, зови его!

Дзётаро, не исполнив ее просьбы, застыл на месте, уставившись на лицо Оцу. Это лицо он уже видел — глаза с красными прожилками, брови-ниточки, восковой нос и подбородок. Та самая маска! Маска безумной женщины, которую отдала ему вдова в Наре. От маски театра Но лицо Оцу отличалось только тем, что у девушки не

было зловещего изгиба в уголке рта. Мальчик отдернул руку и в страхе отшатнулся.

Оцу не унималась:

— Нельзя медлить! Он уйдет и никогда не вернется! Зови его! Приведи сюда!

Дзётаро внутренне сопротивлялся, но вид Оцу говорил ему, что спорить с нею невозможно. Они снова побежали, мальчик громко звал Мусаси.

За рощей поднимался небольшой холм, у подножия которого пролегала дорога из Цукигасэ в Иге.

— Мусаси вон там! — закричал Дзётаро.

Выбежав на дорогу, мальчик увидел удалявшуюся фигуру учителя, который был слишком далеко, чтобы слышать их крики.

Оцу и Дзётаро бежали из последних сил. Они уже охрипли от крика. Голоса эхом перекатывались по полям. На краю долины они потеряли из виду Мусаси, который нырнул в густой подлесок у подножия горы.

Оцу и Дзётаро остановились, как заблудившиеся дети. Над ними проплывали безмятежные белые облака, бормотание ручья подчеркивало их одиночество.

— Он сошел с ума, Мусаси безумец! Почему он бросил меня? — воскликнул Дзётаро, топнув

ногой.

Оцу прислонилась к старому каштану и дала волю слезам. Ее безграничная любовь, ради которой она пожертвовала бы всем на свете, не удержала Мусаси. Оцу была озадачена, огорчена и рассержена. Она знала цель его жизни и понимала, почему Мусаси избегает ее. Знала с того памятного дня на мосту Ханада. Оцу, однако, недоумевала, почему он смотрит на нее как на преграду к заветной цели. Почему своим присутствием она могла повредить его целеустремленности?

Может быть, это лишь предлог? Вдруг он вовсе не любит ее? Тогда его поведение объяснимо. И все же, все же… Оцу поняла характер Мусаси, когда он висел на дереве в Сипподзи. Такой человек не может лгать женщине. Будь она безразлична ему, он без обиняков сказал бы ей, но на мосту Ханада он признался, что очень любит ее. Она с горечью вспомнила те слова Мусаси.

Сиротство научило Оцу настороженному отношению к людям, но, раз поверив человеку, она доверяла ему беззаветно. Она чувствовала, что только ради Мусаси стоит жить, лишь на него можно положиться. Предательство Матахати преподало ей суровый урок, приучив осмотрительно относиться к мужчинам. Но Мусаси — это

не Матахати. Оцу твердо решила, что посвятит себя одному Мусаси, чего бы это ни стоило, что она никогда не раскается в своем выборе.

Но почему он не сказал ни слова? Недоговоренность угнетала Оцу. Листья каштана вздрагивали, словно старое дерево сочувствовало девушке.

Чем больше сердилась Оцу, тем сильнее была ее любовь к Мусаси. Она не знала, предначертана ли любовь судьбой, но истерзанная душа говорила, что без Мусаси жизнь ее лишена смысла.

Дзётаро, взглянув на дорогу, пробормотал:

— Монах какой-то бредет.

Оцу не обратила внимания на его слова.

К полудню небо стало прозрачно-синим. Спускавшийся по склону монах казался небожителем, сошедшим с облака. Монах приблизился к каштану и увидел Оцу.

— Что случилось? — воскликнул он.

Оцу узнала голос.

— Такуан! — закричала она, в изумлении раскрыв опухшие от слез глаза. Такуан Сохо явился как спаситель. Оцу казалось, что она грезит наяву.

Девушка была удивлена появлением Такуана, но встреча с Оцу подтвердила монаху одно из его предположений. В его появлении не было ничего

чудесного или случайного.

Дружеские отношения не один год связывали Такуана с домом Ягю. Их знакомство началось в ту пору, когда он был молодым монахом в обители Сангэнъин храма Дайтокудзи и в его обязанности входила уборка кухни и приготовление бобовой пасты для супа мисо.

В те времена Сангэнъин был известен как «Северный придел» Дайтокудзи, где собирались «необыкновенные» самураи — самураи, которые имели склонность к философским размышлениям о смысле жизни и смерти, увлекались познанием духовного, равно как и овладением техникой боевых искусств. Самураев оказалось больше, чем монахов школы дзен, поэтому храм обрел славу рассадника мятежных идей. Среди самураев, часто посещавших Сангэнъин, были Судзуки Ихаку, брат Коидзуми, князя Исэ, Ягю Городзаэмон — наследник дома Ягю, брат Мунэнори. Мунэнори и Такуан быстро сошлись и с той поры оставались друзьями. Такуан не раз гостил в замке Коягю, знал и глубоко уважал Сэкисюсая. Тот полюбил молодого монаха, подававшего большие надежды на будущее.

Недавно Такуан побывал в Нансодзи в провинции Идзуми, откуда он послал письмо в Коягю,

справляясь о здоровье Сэкисюсая и Мунэнори. В ответ он получил длинное послание от Сэкисюсая, в котором, в частности, говорилось:

«Последнее время счастье улыбается мне. Мунэнори получил пост при дворе Токугавы в Эдо. Внук, оставив службу у Като, князя Хиго, занялся постижением знаний и достиг заметных успехов. Ко мне на службу поступила прекрасная молодая девушка, которая не только хорошо играет на флейте, мы беседуем, занимаемся чайной церемонией, икебаной, сочиняем стихи. Она — утешение моей старости, цветок, распустившийся в холодной и заброшенной старой хижине. Она говорила, что жила в Мимасаке, недалеко от твоих родных мест, что воспитывалась в храме Сипподзи. Полагаю, вы знаете друг друга. Какое наслаждение пить саке вечером под нежные звуки флейты! Сейчас ты поблизости от Коягю, поэтому приглашаю посетить нас и разделить мою радость».

Такуан и так бы принял приглашение, но его желание побывать в Коягю возросло, когда он узнал в описываемой девушке Оцу.

Монах, Оцу и Дзётаро направились к домику Сэкисюсая. Оцу не таясь отвечала на вопросы

Такуана. Рассказала о своей жизни с тех пор, как они виделись в последний раз в Химэдзи, о событиях того утра, о своих чувствах к Мусаси. Такуан сочувственно кивал, слушая ее грустное повествование.

— По-моему, женщина способна выбрать жизненный путь, невозможный для мужчины. Ты, как я понял, ждешь от меня совета, как жить дальше, — сказал он, когда девушка замолкла.

— Нет!

— Тогда…

— Я решила, что мне делать, — ответила она, замедлив шаг.

Такуан внимательно посмотрел на потупившуюся Оцу. Она была в глубоком отчаянии, и все же Такуан уловил решимость в ее голосе, что заставило его взглянуть на все с новой стороны.

— Если бы я сомневалась в своих силах, то давно бы все бросила. Никогда бы не ушла из Сипподзи, — сказала Оцу. — Я обязательно встречу Мусаси. Вопрос лишь в том, не наврежу ли я ему, не приношу ли я ему несчастье своим существованием. Если я обременяю Мусаси, то придется исправить положение.

— Каким образом? — настороженно спросил Такуан.

— Не могу сказать.

— Не делай опрометчивых шагов, Оцу!

— В каком смысле?

— Бог смерти поглядывает на тебя в этот яркий солнечный день.

— Я… я не понимаю твоих намеков.

— Ты и не поймешь, потому что обратилась мыслями к богу смерти. Глупо умирать, Оцу, особенно из-за такого пустяка, как безответная любовь, — засмеялся Такуан.

Оцу рассердилась. Все равно что с воздухом разговаривать, ведь Такуан никогда не любил. Ему не понять ее чувств. Объяснять Такуану ее переживания так же бессмысленно, как втолковывать учение дзен безумцу. Дзен, однако, содержит истину, другой вопрос, что она не каждому доступна. Есть и люди, готовые умереть за любовь независимо от того, понимает ее Такуан или нет. Любовь, во всяком случае для женщины, намного важнее заумных коанов дзенских монахов. Человеку, одержимому любовью, которая заставляет выбирать между жизнью и смертью, не имеет смысла задавать вопрос о том, как звучит хлопок одной ладонью. Прикусив губу, Оцу поклялась не говорить на эту тему.

— Тебе следовало родиться мужчиной, Оцу.

Мужчина с твоей силой воли непременно совершил бы что-то значительное на благо страны, — серьезно произнес Такуан.

— По-твоему, такая женщина, как я, не имеет права на существование? Моя жизнь может повредить Мусаси?

— Не передергивай мои слова. Я говорю не о том. Он убежал, как бы ты его ни любила. Боюсь, ты никогда его не поймаешь.

— Это не каприз. Я не могу иначе. Я люблю Мусаси.

— Давно не видел тебя. Сейчас ты поступаешь как обычная женщина.

— Ты слишком проницательный! Хватит об этом. Образцовому монаху никогда не понять чувств женщины.

— Не знаю, что тебе ответить. Ты права в одном — женщины ставят меня в тупик.

Оцу отвернулась от Такуана.

— Пошли, Дзётаро! — позвала Оцу мальчика.

Такуан смотрел, как они свернули на боковую тропинку. Монах, грустно приподняв брови, подумал, что ему здесь делать уже нечего.

— И не хочешь попрощаться с Сэкисюсаем, покидая его навсегда? — крикнул он девушке.

— Я мысленно попрощаюсь с ним. Он знает, что

я не намеревалась долго гостить у него.

— Не пожалеешь?

— О чем?

— Хорошо жить в горах Мимасаки, но и здесь неплохо. Тишина и покой, никаких житейских забот. А там — мирская суета с ее бедами и трудностями. Не разумнее ли пожить спокойно среди гор и ручьев подобно соловьям, которые поют вокруг?

— Ха-ха! Спасибо, Такуан!

Он вздохнул. Монах был бессилен перед волевой женщиной, решившей до конца пройти избранный путь.

— Можешь смеяться надо мной, Оцу, но ты ступила на дорогу тьмы.

— Тьмы?

— Ты воспитана в храме, Оцу, и должна знать, что путь тьмы и страстей завершается отчаянием и горем, от которых нет спасения.

— Путь света заказан мне от рождения.

— Но он ведь есть! Путь света существует!

Такуан вложил в эти слова всю силу веры. Подойдя к Оцу, он взял ее за руку. Как он хотел, чтобы девушка поверила ему!

— Хочешь, я поговорю с Сэкисюсаем? О твоей жизни, о счастье? Здесь, в Коягю, ты найдешь

хорошего мужа, у вас появятся дети, и будешь жить как все женщины. Ты принесешь счастье этому селению, оно принесет удачу тебе.

— Понимаю твое стремление помочь, но…

— Умоляю, послушай меня! — Такуан потянул Оцу за руку и, обращаясь к Дзётаро, сказал: — Пойдем с нами, мальчик.

Дзётаро решительно тряхнул головой:

— Я пойду за своим учителем.

— Хорошо, поступай как знаешь, но хотя бы попрощайся с Сэкисюсаем.

— Ой, забыл! — воскликнул Дзётаро. — Маску забыл. Надо ее забрать.

Мальчик помчался, не ломая голову над путями света и тьмы.

Оцу задумчиво стояла на развилке дорог. Такуан отвлекся от дум и снова стал старым другом, которого она знала прежде. Он предупредил о трудностях, поджидавших ее в выбранной ею жизни, пытался убедить в том, что счастье можно обрести иным путем. Оцу осталась верной своему выбору.

Вскоре прибежал Дзётаро с маской на лице. Такуан окаменел, невольно почувствовав в маске будущий облик Оцу, который она обретет в результате долгого и мучительного путешествия

по пути тьмы.

— Пойду! — сказала Оцу.

Дзётаро, уцепившись за ее рукав, поддакнул:

— Пошли! Нам пора!

Такуан поднял глаза к белым облакам, досадуя на свое бессилие.

— Я сделал все, что мог, — сказал он. — Сам Будда отчаялся спасти женщину.

— Прощай, Такуан, — вымолвила Оцу. — Я низко кланяюсь Сэкисюсаю. Пожалуйста, поблагодари его и попрощайся от моего имени.

— Теперь и я начинаю подозревать, что монахи — безумцы. На каждом шагу им попадаются только люди, по собственной воле устремляющиеся в ад. — Воздетые к небу руки Такуана бессильно упали. Трагическим тоном он добавил: — Оцу, если тебя начнут одолевать шесть зол, произнеси мое имя. Вспомни меня и произнеси мое имя. Все, что я могу сказать сейчас, — береги себя, и пусть твоя дорога будет по возможности долгой.

Книга третья. Огонь

Сасаки Кодзиро

К югу от Киото река Ёдо огибает гору Момояма (на ней расположен замок Фусими) и течет по равнине Ямасиро к бастионам замка Осака, расположенного километрах в двадцати пяти к юго-востоку. В какой-то степени из-за непосредственной связи городов по реке любое политическое событие в Киото немедленно отзывалось в Осаке. В замке Фусими каждое слово, произнесенное осакским самураем, а уж тем более военным высокого ранга, воспринималось как зловещее предзнаменование.

В окрестностях Момоямы происходила бурная жизнь, поскольку Токугава Иэясу решил изменить все, что утвердилось при Хидэёси. Замок Осака, где по-прежнему жили Хидэёси и его мать Ёдогими, отчаянно цеплялся за остатки былого могущества, как заходящее солнце тщится сохранить полуденный блеск. Реальная власть, однако, сосредоточилась в Фусими, где предпочитал останавливаться Иэясу во время длительных поездок по Кансаю. Столкновение старого и нового бросалось в глаза на каждом шагу. Оно чувствовалось в лодках, плывущих по реке, в движении путни-

ков по трактам, популярным песенкам, в лицах неприкаянных самураев, ищущих работу.

Замок в Фусими обновлялся. Горами лежали глыбы скальной породы, которые выгружали с барж на берег. Некоторые в высоту были больше человеческого роста. Казалось, они плавятся под палящим солнцем. По календарю уже наступила осень, но испепеляющая жара напоминала дни, следующие за сезоном дождей в начале лета.

Ивы у моста покрылись белесым налетом. Большая стрекоза металась зигзагами от реки к маленькому домику на берегу. Крыши деревянных домов, которые по вечерам свет фонарей окрашивал в пастельные тона, сейчас были неприглядными, пыльно-серыми. Двое рабочих, наслаждаясь получасовым отдыхом от каторжного труда, растянулись на каменном кубе под полуденным солнцем. Они обсуждали тему, волновавшую всех.

— Думаешь, еще одна война будет?

— Не сомневаюсь. Похоже, никто не имеет достаточно сил, чтобы держать все в руках.

— Вот-вот. Военачальники в Осаке набирают в войско всех ронинов без разбору.

— И будут. Громко говорить об этом не нужно, но я слышал, что Токугава покупает оружие и

боеприпасы с заморских кораблей.

— Так почему же Иэясу выдает за Хидэёри свою внучку Сэнхимэ?

— Кто ж его знает? Он ничего просто так не делает. Нам, простолюдинам, никогда не уразуметь, что у Иэясу на уме.

Мухи жужжали над рабочими. Облепили и пару волов, впряженных в пустую телегу для перевозки бревен. Животные тупо жевали жвачку под палящим солнцем.

Простые поденщики не знали истинной причины ремонта замка. Они считали, что Иэясу намерен в нем жить. На самом деле ремонт являлся частью обширной строительной программы, которой уделялось серьезное внимание в государственных планах Токугавы. Большое строительство велось также в Эдо, Нагое, Суруге, Хиконэ, Оцу и в десятке других замковых городов. Оно преследовало прежде всего политические цели, поскольку один из способов Иэясу держать феодалов под контролем заключался в том, чтобы принудить их к строительству. Никто не осмеливался отказать сёгуну, поэтому удельные князья-союзники не имели теперь времени на заговоры. Бывшие враги Иэясу в битве при Сэкигахаре лишались значительной части своих доходов.

Правительство также стремилось получить поддержку у простого народа, который имел прямую или косвенную выгоду от масштабных работ. В одном только Фусими почти тысяча человек расширяли каменные укрепления, и в окрестности замка валом повалили коробейники, продажные женщины и оводы, что безошибочно свидетельствует о процветании. Народ радовался хорошим временам, пришедшим вместе с Иэясу, а купцы лелеяли мечту, что процветание завершится новой войной, которая принесет им громадные барыши. В город завозили множество товаров, значительную часть которых составляло военное снаряжение. Крупные торговые дома быстро оценили прибыльность военных поставок.

Горожане уже забыли старые добрые времена, когда правил Хидэёси, и теперь их занимала мысль о днях грядущих. Им было безразлично, кто стоит у власти. Пока удовлетворялись их обыденные потребности, они не роптали. Иэясу не обманул их ожиданий, ухитрившись оделить каждого ребенка гостинцем, разумеется не из собственных средств, а за счет вероятных противников.

Иэясу вводил новую систему контроля в сельском хозяйстве. Местные землевладельцы

лишились неограниченной власти над своими подданными и права отправлять крестьян на заработки. Отныне крестьянину предписывалось обрабатывать свою землю, не отвлекаясь на отхожие промыслы. Крестьян полагалось держать вне политики, воспитывая в них безусловное подчинение властям.

Иэясу полагал, что разумный правитель не допустит обнищания крестьянина, но в то же время должен строго держать его в рамках крестьянского сословия. Эта политика была призвана увековечить власть Токугавы. Ни горожане, ни крестьяне, ни даймё не замечали, как их постепенно загоняют в феодальную систему, которая свяжет их по рукам и ногам. Никто не задумывался, что из этого выйдет через сто лет. Никто, кроме Иэясу.

Люди, ремонтировавшие замок Фусими, тоже не помышляли о завтрашнем дне. Важно прожить сегодняшний день, и чем быстрее он пройдет, тем лучше. Они толковали о войне, но разразись она, им не было бы дела до грандиозных планов сохранения мира и процветания народа. Их положение в любом случае не станет намного хуже теперешнего.

— Арбуз! Кому арбуз? — выкрикивала кре-

стьянская девочка, всегда появлявшаяся здесь в это время.

Арбуз купили несколько человек, которые играли в монету в тени каменной глыбы. Девочка переходила от группы к группе, весело выкрикивая:

— Кто купит арбуз?

— Чудачка! Откуда у нас деньги?

— Давай сюда! Съем, коли задаром.

Девочке больше не повезло. Она уныло подошла к молодому рабочему, который сидел уперевшись спиной и ногами в два каменных блока. Руки его лежали на коленях.

— Арбуз не нужен? — неуверенно произнесла она.

Рабочий был худой, с запавшими глазами и обожженной солнцем кожей. Он выглядел не по годам изнуренным, но его знакомые признали бы в нем Хонъидэна Матахати. Рабочий, устало отсчитав несколько мелких монет, протянул их девочке. Он снова привалился к камню, и голова его бессильно упала. Небольшое усилие вконец ослабило его. Он подавился куском арбуза и выплюнул красную мякоть на траву. Арбуз скатился с колен на землю, но у Матахати не было сил поднять его. Матахати смотрел на арбуз потухшим

взглядом.

— Негодяй! — вяло пробормотал Матахати. Он бранил тех, кому хотел бы отомстить, — Око с набеленным лицом, Такэдзо с деревянным мечом. Первой ошибкой стало участие в битве при Сэкигахаре, второй — увлечение соблазнительной вдовой. Матахати верил — не соверши он этих глупостей, так жил бы дома в Миямото, был бы главой семейства Хонъидэн, имел бы красавицу-жену на зависть всей деревне.

«Оцу должна меня ненавидеть… Где она теперь?» — вяло размышлял Матахати. Воспоминание о бывшей невесте было единственной радостью. Поняв истинную натуру Око, он мысленно вернулся к Оцу. С тех пор как ему хватило духу сбежать из «Ёмоги», он все чаще думал об Оцу. В день побега он узнал, что фехтовальщик Миямото Мусаси, о котором заговорили в Киото, — это его старый друг Такэдзо. Потрясение, которое Матахати испытал от этого открытия, мгновенно сменилось волной жгучей зависти.

Мысли об Оцу заставили его перестать пить, попытаться превозмочь лень и бросить дурные привычки. Поначалу Матахати не мог найти работу. Он проклинал себя за потерянные пять лет, которые оторвали его от настоящей жизни, за

существование за счет немолодой женщины. Порой ему казалось, что все безвозвратно потеряно.

«Нет, еще не все погублено! — убеждал он себя. — Мне всего двадцать два. При желании я могу добиться многого».

Конечно, любой мог убеждать себя подобным образом, но для Матахати это было все равно что зажмуриться и прыгнуть через пропасть шириной в пять лет. Он нанялся поденщиком в Фусими. Здесь приходилось тяжко трудиться изо дня в день, под палящим солнцем, все лето до самой осени. Он гордился, что не бросал работу.

«Покажу им всем, — думал Матахати. — Ничто не помешает мне стать известным. Мне по плечу все, что сделал Такэдзо. Я хочу и превзойду его. Тогда и расквитаюсь с ним. С Око можно потом разобраться. На все мне потребуется десять лет».

«Десять лет? — Матахати на минуту задумался, подсчитывая, сколько лет исполнится Оцу к той поре. — Тридцать один! Не выйдет ли она замуж, станет ли дожидаться меня? Вряд ли». Матахати ничего не знал о том, что произошло в Мимасаке, и не подозревал, что его мечты напрасны.

Десять лет! Ни за что! Ему хватит пяти-шести. За это время он должен добиться успеха. Не иначе. Он вернется в деревню, попросит прощения у

Оцу и уговорит выйти за него замуж.

— Только так! — воскликнул Матахати. — Пять, ну, шесть лет!

Он посмотрел на арбуз. Взгляд его обрел живость.

Из-за каменного блока появился один из его приятелей-поденщиков. Облокотившись на шероховатую поверхность огромного камня, он спросил:

— Что ты бормочешь, Матахати? Ты совсем зеленый! Арбуз гнилой попался?

Матахати попытался улыбнуться, но получилась жалкая гримаса. Голова снова закружилась, рот наполнился слюной.

— Ничего, ерунда, — задыхаясь, проговорил он. — Перегрелся на солнце. Отдохну здесь часок.

Подносчики камней, здоровенные детины, добродушно посмеялись над его немощью. Один из них спросил:

— Зачем купил арбуз, если не можешь есть?

— Для вас купил, — ответил Матахати. — А вы за меня поработаете час.

— Годится! Налетай! Матахати угощает!

Разбив арбуз о камень, поденщики набросились на него, как муравьи, жадно поедая сочную и сладкую мякоть. Едва они доели арбуз, как на

обломке глыбы появился человек.

— Все по местам, быстро! — приказал он.

Самурай — старший на стройке — появился из будки, помахивая хлыстом. Над площадкой повис едкий запах пота. Послышалась песня подносчиков камней, в такт которой они с помощью рычагов ставили огромные куски скал на катки и поднимали на канатах толщиной в мужскую руку. Камни двигались неторопливо, как живые горы.

Бурное строительство в замках способствовало рождению новых трудовых песен. Никто не записывал их, тем интереснее отрывок, приведенный в письме Хатисуки, князя Авы, который возглавлял строительство замка Нагоя. Князь, едва ли в жизни коснувшийся пальцем до строительного материала, скорее всего, услышал эту песню на приеме. Бесхитростные сочинения, как ни странно, стали популярными в светском обществе.

Из Аватагути мы тащим
Камень за камнем, скалу за скалой
Для благородного князя Тогоро.
Эй са, эй са.
Тяни – хо! Тащи – хо! Тянем – хо! Тащим – хо!

А молвит слово Тогоро —
Трясемся мы от страха.
Верны тебе, наш грозный князь,
Покуда живы мы.

Автор письма добавляет: «Такие песни поет и стар и млад. Они стали частицей нашего переменчивого времени».

Поденщики в Фусими не подозревали о причудах высшего общества, но их песни действительно отражали дух времени. В период заката сёгуната Асикаги в моде были печальные мелодии, которые редко звучали на публике. В годы процветания при Хидэёси повсюду слышались бодрые и радостные мелодии. Под твердой рукой Иэясу песни отчасти утратили беззаботность. Власть Токугавы крепла, на смену народной музыке пришли сочинения музыкантов, служивших у сёгуна.

Матахати сидел, обхватив голову руками. Голова трещала от боли, песня рабочих сверлила уши, как пчелиный рой. Матахати, оставшись в одиночестве, впал в отчаяние.

— Все напрасно, — стонал он. — Пять лет! Хорошо, я буду работать, но что я получу? За целый день едва зарабатываю на еду. День не погнешь

спину, и есть нечего.

Кто-то подошел и встал рядом. Матахати, подняв голову, увидел высокого молодого человека в глубокой, грубо сплетенной соломенной шляпе, на плече висела котомка, какие обычно носят сюгёся. Шляпу украшал герб в виде полураскрытого веера со стальной окантовкой. Молодой человек внимательно оглядывал строительную площадку. Затем он сел около широкой плоской глыбы, по высоте подходившей для письменного столика, сдул с нее песчинки и цепочку бегущих муравьев, оперся локтями на камень и вновь стал наблюдать за окрестностями.

Солнце слепило ему глаза, но он сидел неподвижно, словно не замечая жары. Он не обращал внимания на Матахати, который чувствовал себя так худо, что не видел ничего вокруг. Матахати сидел спиной к подошедшему самураю, давясь от рвоты.

— Эй ты, что с тобой? — спросил самурай, услышав наконец икоту Матахати.

— Перегрелся на солнце.

— Ты совсем плох.

— Получше стало, но сильно кружится голова.

— У меня есть лекарство, — сказал самурай. Открыв черную лакированную коробочку, он

высыпал на ладонь несколько пилюль.

Он подошел к Матахати и вложил черные пилюли ему в рот.

— Сразу полегчает, — сказал самурай.

— Спасибо.

— Ты будешь здесь?

— Да.

— Сделай мне одолжение. Дай знак, если кто-нибудь появится. Брось гальку или еще что.

Самурай вернулся к глыбе, достал из коробки с письменными принадлежностями кисть, вытащил тетрадь из-за пазухи кимоно и начал рисовать схему. Глаза, зорко глядевшие из-под шляпы, ощупывали замок и подступы к нему, задерживаясь на главной башне, укреплениях, горах на заднем плане, реке и ручьях.

Накануне битвы при Сэкигахаре войска Западной армии осадили замок, разрушили часть укреплений рва. Сейчас замок не просто восстановили, но и значительно укрепили, так что он, очевидно, превосходил твердыню Хидэёри в Осаке.

Быстро, но не упуская ни детали, молодой самурай набросал общий вид крепости и, перевернув страницу, начал чертить подступы к замку с тыла.

— Эй! — негромко крикнул Матахати, но было уже поздно.

За спиной самурая стоял выросший из-под земли смотритель работ. Одетый в легкие латы и соломенные сандалии, человек молча ждал, когда его заметят. Матахати чувствовал себя виноватым, потому что прозевал смотрителя и вовремя не предупредил самурая.

Молодой самурай поднял руку, чтобы согнать мух с потной шеи, и в этот момент заметил смотрителя. Он растерянно уставился на фигуру в латах. Негодующий чиновник протянул руку к тетради, но самурай, обхватив его за запястье, вскочил.

— Что тебе? — крикнул самурай.

— Хочу взглянуть! — проревел смотритель, вырывая тетрадь.

— Не имеешь права!

— Это моя обязанность.

— Совать нос в чужие дела?

— А почему бы не посмотреть?

— Олух ничего не поймет.

— Тогда заберу тетрадь.

— Отдай! — крикнул молодой самурай, пытаясь отобрать тетрадь.

Каждый потянул в свою сторону, и тетрадь

разорвалась пополам.

— Берегись! — крикнул смотритель. — Подумал бы, как будешь оправдываться, когда я сдам тебя куда следует.

— А ты имеешь такое право? Рангом вышел?

— Да.

— Из какого ты отряда? Кто у вас старший?

— Не твое дело. Учти, мне поручено задерживать всех подозрительных. Кто разрешил рисовать схему?

— Я изучаю крепости и топографию, может, пригодится в будущем. Что в этом плохого?

— Здесь полно вражеских лазутчиков шныряет. У всех одинаковая отговорка. Меня не интересует, кто ты. Придется ответить на несколько вопросов. Пошли!

— Обвиняешь меня в преступлении?

— Придержи язык и следуй за мной!

— Проклятые чиновники! Привыкли, что люди немеют от страха, когда вы раскрываете глотки.

— Молчать! Марш за мной!

— А ты заставь! — вызывающе ответил молодой самурай.

Вены вздулись на лбу смотрителя. Бросив половину тетради на землю, он придавил ее ногой и выхватил дубинку. Самурай отскочил назад,

чтобы занять более выгодную позицию.

— Не пойдешь по своей воле, так я тебя свяжу и волоком потащу, — сказал смотритель.

Не успел он договорить, как его противник бросился в атаку. Издав пронзительный вопль, молодой самурай обхватил смотрителя за шею рукой, а второй подхватил под нижний край доспехов и швырнул его на каменную глыбу.

— Получай, бездельник! — крикнул самурай, но смотритель уже его не слышал, потому что голова стража порядка раскололась о камень, как арбуз. Завопив от ужаса, Матахати закрыл лицо, чтобы уберечься от брызнувших во все стороны липких красных кусочков. Молодой самурай был невозмутим.

Матахати оцепенел от потрясения. Неужели человек способен привыкнуть к таким жестоким убийствам? Или хладнокровие — защитная маска после неистового взрыва гнева? От ужаса Матахати покрылся потом. На вид самураю не было и тридцати. На худом загорелом лице виднелись следы оспы. У него почти не было подбородка. Его отсутствие объяснял страшный морщинистый шрам от удара меча.

Самурай не спешил. Он подобрал обрывки тетради, поискал шляпу, отлетевшую в сторону в

момент его мощного броска, и не торопясь надел ее, скрыв под полями изувеченное лицо. Он пошел прочь, с каждым шагом все стремительнее, и вскоре Матахати показалось, будто самурай летел по воздуху.

Все произошло так быстро, что ни один из бесчисленных рабочих и надсмотрщиков ничего не заметил. Люди трудились, как муравьи, вооруженные дубинками и хлыстами надзиратели нависали над их потными спинами, изрыгая команды.

Но был человек, все видевший. Он стоял на лесах, откуда целиком просматривалась строительная площадка. Это был главный мастер по плотницким работам. Заметив, что неизвестный самурай уходит, он громогласно дал команду пешим солдатам, которые пили чай под лесами. Началось преследование.

— Что случилось?

— Война?

Услышав сигнал тревоги, люди всполошились. Клубы желтой пыли поднялись у деревянных ворот ограды, отделявшей строительную площадку от деревни. Мгновенно собравшаяся толпа гудела:

— Лазутчик! Шпион из Осаки!

— Они ничего не разнюхают!

— Бей его, бей!

Подносчики камней, землекопы, прочие поденщики накинулись на беглеца так, словно он был их заклятым врагом. Тот метнулся к воротам, пытаясь выскользнуть под прикрытием проезжавшей повозки, но его заметил стражник и ударил усаженной гвоздями дубинкой.

С лесов доносился голос мастера:

— За ворота не выпускать!

Возбужденная толпа навалилась на беглеца, отбивавшегося с яростью загнанного зверя. Вырвав дубинку у стражника, самурай уложил его на месте. Забив еще четверых, он выхватил огромный меч из ножен и встал в боевую стойку. Преследователи в страхе отпрянули, но едва самурай попытался прорвать окружение, как на него обрушился град камней.

Толпа разъярилась не на шутку. Жажду крови подстегивала ненависть к людям, изучающим воинское искусство. Как и все простолюдины, поденщики считали бродячих самураев никчемными бездельниками, которые к тому же любили задаваться.

— Отойдите, глупые мужланы! — кричал обложенный со всех сторон самурай, призывая к

благоразумию толпы. Он кое-как отбивал нападение, но больше ругался, чем увертывался от камней. От потасовки получили ранения несколько прохожих.

Вдруг в одно мгновение все стихло. Шум прекратился, рабочие побрели на свои места. Через пять минут огромная стройка работала в привычном ритме, словно ничего не произошло. Искры летели из-под режущих инструментов, ржали ошалевшие от солнца лошади, люди задыхались от зноя — обычная картина в Фусими.

Двое стражников склонились над безжизненным телом, перетянутым толстой пеньковой веревкой.

— Наполовину труп! — сказал один. — Пусть валяется здесь до прихода судьи.

Стражник, оглянувшись вокруг, увидел Матахати.

— Эй ты! Покарауль его. Сдохнет, не беда!

Матахати слышал слова, но не мог понять, о чем его просят. Он все еще не опомнился от случившегося. Как в ночном кошмаре — Матахати видел все собственными глазами, слышал все собственными ушами, но сознание отказывалось воспринять происшествие.

«До чего же жизнь хрупкая! — думал Мата-

хати. — Несколько минут назад этот человек занимался схемами, а сейчас умирает. А ведь совсем еще молодой».

Матахати жалел самурая с обрубленным подбородком. Он лежал с неловко подвернутой головой, заляпанной грязью и кровью, но лицо его по-прежнему было искажено гневом. Конец веревки, которой его вязали, был прикручен к камню. Матахати не понимал, зачем такие предосторожности, когда человек едва жив, а может, уже и мертв. Сквозь разодранные хакама виднелась белая берцовая кость, торчащая из розового мяса. Кровь запеклась на голове, и осы кружили над слипшимися волосами. Руки и ноги самурая облепили муравьи.

«Бедняга! — думал Матахати. — Судя по его образованности, у него были грандиозные честолюбивые планы. Откуда он? Живы ли его родители?»

Матахати поймал себя на мысли, что не понимает, жалеет ли он погибшего или тревожится за свое неопределенное будущее.

«Для честолюбивого человека, — думал он, — должен быть другой, более разумный путь».

Было время надежд, заставлявшее мечтать молодых, манящее их к положению в обществе.

Это время позволяло даже таким, как Матахати, надеяться на то, что в один прекрасный день они превратятся во владельцев замка. Воин средних способностей мог жить за счет гостеприимства монахов, кочуя из храма в храм, а если повезет — получить место у провинциального землевладельца, самые удачливые поступали на службу к даймё.

В реальности одному из тысячи молодых людей удавалось занять положение, обеспечивающее приличный доход. Прочим мечтателям оставалось находить утешение в том, что их порывы воспринимались всеми как трудное и опасное дело.

Размышляя над поверженным самураем, Матахати вдруг понял, как глупы его притязания. Куда заведет Мусаси его путь? Желание не уступить другу детства и даже превзойти его не пропало, но вид окровавленного самурая наводил Матахати на мысль, что Путь Воина — дело тщетное и неумное.

Матахати с ужасом увидел, что раненый зашевелился. Мысли тут же исчезли. Рука самурая простерлась вперед, как ласта морской черепахи, и вцепилась в землю. Самурай с трудом приподнял торс, вскинул голову и дернул веревку. Мата-

хати не верил своим глазам. Человек медленно полз, волоча кусок скалы весом килограммов сто шестьдесят, к которому он был привязан. Самурай одолел почти метр, проявляя нечеловеческие силы. Никто из силачей, таскавших на стройке каменные блоки, не сумел бы, хотя некоторые из них раз в двадцать превосходили по силе обыкновенных людей. Находившийся на пороге смерти самурай был одержим демонической силой, которая возвышала его над простыми смертными.

Из горла умирающего вырвался хрип. Он отчаянно пытался что-то сказать, но почерневший, пересохший язык не повиновался. Дыхание со свистом вырывалось из груди самурая. Выкатившиеся из орбит глаза умоляюще смотрели на Матахати.

— Бу-др-бу…

Матахати с трудом разобрал, что самурай пытается выговорить «будь добр». Последовали другие маловразумительные звуки, которые Матахати понял как «прошу тебя». Больше слов говорили глаза умирающего. В них блеснула последняя слеза и промелькнула тень близкой смерти. Голова самурая упала, дыхание прекратилось. Полчища муравьев ползли по его припудренным пылью волосам, некоторые забрались в окровавленные

ноздри. Матахати видел, что кожа под воротником кимоно самурая стала иссиня-черной.

О чем он хотел попросить? Матахати сверлила мысль, что он в долгу перед умершим. Самурай помог ему лекарством. Почему судьба сделала Матахати слепым в тот миг, когда нужно было предупредить о появлении смотрителя? Или тому суждено было случиться?

Матахати осторожно потрогал узелок, привязанный к поясу покойного. Содержимое узелка подсказало бы, кто и откуда этот человек. Матахати догадывался, что самурай просил передать его родным какие-то памятные вещи. Отвязав узелок и коробочку с лекарствами, он быстро спрятал их за пазуху. Пока Матахати раздумывал, отрезать ли прядь волос с головы покойного, чтобы передать его матери, как послышались шаги. Выглянув из-за камня, Матахати увидел самураев, которые шли за трупом. Если бы они обнаружили у Матахати вещи убитого, то он попал бы в большую беду. Матахати, присев на корточки, двинулся прочь, прячась в тени каменных блоков, как полевая мышь.

Через два часа Матахати уже был в лавке сладостей, где он снимал угол. Жена лавочника умывалась в лохани за домом. Услышав шаги в

доме, она заглянула в раздвинутые сёдзи, мелькнув белым телом.

— Это ты, Матахати? — спросила она.

Матахати, пробормотав что-то в ответ, кинулся в свою комнату. Он вытащил из сундука кимоно и меч, потом обвязал голову скрученным полотенцем и стал обуваться.

— Тебе не темно? — спросила хозяйка.

— Нет.

— Принесу лампу.

— Не надо, я ухожу.

— Мыться не будешь?

— Потом.

Матахати выскочил в поле и поспешил от обшарпанного домика. Оглянувшись, он увидел, как несколько самураев, несомненно из замка, появились из зарослей мисканта. Разделившись на две группы, они вошли в дом через главный и задний входы.

«Пронесло! — подумал Матахати. — Я ведь ничего не украл. Просто взял вещи на время. Я должен был так поступить. Он ведь попросил меня».

По его мнению, он не совершал преступления, пока признавал, что вещи чужие. Понимал он и то, что теперь не мог показаться на стройке.

Метелки мисканта доставали ему до плеча, над головой сгущался вечерний туман. Никто не разглядел бы Матахати издалека, и он спокойно мог уйти от преследования. Куда же податься? Матахати ломал голову, ведь он знал, что от правильного выбора зависело, повезет ему в жизни или нет.

Осака? Киото? Нагоя? Эдо? Ни в одном из городов у него не было друзей. Впору бросить кость, чтобы определить, куда идти. Все в руках случая — Матахати бросил кость. Куда дул ветер, туда и шел Матахати.

С каждым шагом заросли мисканта становились гуще. Матахати облепили комары, туман пропитал влагой одежду. Мокрые полы кимоно закручивались вокруг ног. Метелки мисканта цеплялись за рукава. Икры ног зудели. Матахати уже совсем оправился от недомогания, теперь ему нестерпимо хотелось есть. Оторвавшись от преследователей, он почувствовал, что едва волочит ноги.

Непреодолимое желание приткнуться где-нибудь на отдых привело его к полю, за которым проглядывала крыша дома. Подойдя поближе, Матахати увидел покосившиеся забор и ворота, — вероятно, их повалил недавний ураган.

Крышу тоже перекосило. Дом когда-то, должно быть, принадлежал богатому семейству, потому что хранил следы былого изящества. Матахати вообразил, как прекрасная придворная дама подъезжает к дому в задрапированной карете.

Войдя в открытые ворота, Матахати увидел, что двор вокруг главного дома и маленького флигеля порос бурьяном. Картина напомнила ему отрывок из сочинения поэта Сайгё, которое он учил в детстве.

«Узнав, что мой приятель живет в Фусими, я направился к нему, но сад так зарос, что я не отыскал тропинки. Под жужжание насекомых я сочинил стихотворение:

Продираясь сквозь бурьян,
Слезы я прячу
В складках рукавов.
В саду, росою омытом,
Плачут и мелкие букашки».

Сердце Матахати замерло, когда он подбирался к дому, шепча давно забытые строки.

Матахати решил было, что дом брошен, но внезапно внутри засветился красный огонь. Полились тягучие переливы сякухати, бамбуковой флейты, на которой играют монахи, просящие

подаяние на улицах. Заглянув в дом, Матахати убедился, что флейтист действительно был из странствующих монахов. Он сидел у очага. Огонь, разгораясь все ярче, отбрасывал на стене огромную тень монаха. Он выводил грустную мелодию, в которой слышались жалобы на одиночество и осенняя печаль. Монах играл для себя, незатейливо и просто, и, как показалось Матахати, получал удовлетворение от игры.

Отзвучала последняя нота, и монах, глубоко вздохнув, заговорил сам с собой.

— Говорят, что после сорока человек избавляется от соблазнов. Взгляните на меня! Я в сорок семь погубил доброе имя своей семьи. Сорок семь лет! Поддавшись искушению, я потерял все — доход, положение, репутацию. И не только. Я бросил единственного сына на произвол судьбы в этом греховном мире… Чего ради? Соблазнился женщиной! Стынет сердце! Я никогда не увижу ни покойную жену, ни своего мальчика. Когда толкуют о мудрости, приходящей после сорока лет, подразумевают великих мужей, а не глупцов вроде меня! Я полагал, что возраст сделал меня мудрым, а надо было остерегаться искушений. Безумно терять голову из-за женщины.

Оперевшись руками на мундштук флейты,

монах продолжал:

— Когда раскрылась история с Оцу, напрасно было ждать прощения. Слишком поздно, время ушло!

Матахати пробрался в соседнюю комнату. Облик монаха внушал ему отвращение. Запавшие щеки, острые плечи, грязные волосы делали его похожим на шелудивого бродячего пса. Матахати притаился в углу. Пляшущая на стене тень монаха наводила на мысли о демонах ночи.

— Что мне теперь делать? — стонал монах, поднимая провалившиеся глаза к потолку.

Он был одет в дешевое поношенное кимоно и черное облачение, обозначавшее его принадлежность к последователям Пу Хуа — китайского наставника дзен. Имущество монаха состояло, по-видимому, из тростниковой циновки, на которой он сейчас сидел. Ее он повсюду носил с собой, и она служила ему и постелью, и занавеской, и крышей в непогоду.

— Словами не вернешь былого, — продолжал монах. — Почему я поступил так опрометчиво? Думал, что знаю жизнь. Я же ничего не знал, воспользовался своим положением. Повел себя бесстыдно по отношению к женщине. Неудивительно, что боги покинули меня. Есть ли

что-нибудь более унизительное?

Монах опустил голову, словно извиняясь перед кем-то.

— Я не думаю о себе. Теперешнее существование меня устраивает. Справедливо, что я должен каяться и выживать своими силами. Но как я поступил с Дзётаро! По моей вине он страдает больше меня. Служи я у князя Икэды, сын был бы наследником самурая с доходом тысячу коку риса, но из-за моей глупости мальчик теперь никто. Самое страшное, что, повзрослев, он узнает правду об отце.

Некоторое время монах сидел неподвижно, закрыв лицо, затем резко поднялся.

— Хватит оплакивать самого себя! Взошла луна, пройдусь по полю, чтобы стряхнуть печаль и призраки былого.

Взяв флейту, монах согбенно вышел из дома. Матахати заметил щетку усов под уныло опущенным носом монаха.

«Странный человек, — подумал Матахати. — Еще не старый, но еле держится на ногах».

Ему показалось, что монах слегка не в себе. Матахати даже почувствовал легкую жалость к несчастному.

Огонь, раздуваемый вечерним ветром, из раз-

битого очага перекинулся на пол, и доски начали тлеть. Матахати вошел в комнату и плеснул на огонь воду из кувшина, отметив про себя беспечность монаха.

Матахати не слишком огорчился бы, сгори дотла этот старый, заброшенный дом. А если бы на его месте стоял древний храм эпохи Асуки или Камакуры? Негодование охватило Матахати. «Из-за таких вот людей часто гибнут древние храмы в Наре и на горе Коя, — подумал он. — Полусумасшедшие монахи не имеют ни семьи, ни имущества. Совсем не соображают, как опасен огонь. Готовы запалить костер в главном зале старого монастыря под самыми фресками, чтобы согреть свои хилые мощи».

— А вот что-то поинтереснее, — пробормотал Матахати, обращая взгляд на нишу токонома. Его привлекли не следы изысканного убранства или черепки драгоценной вазы. В нише стоял черный металлический котелок и кувшинчик для саке с обломанным носиком. В котелке оказались остатки риса, а в кувшине приятно забулькало, когда Матахати встряхнул его. Матахати расплылся в улыбке и поблагодарил судьбу, совершенно забывая, как это случается с голодными людьми, кто берет чужое.

Двумя большими глотками Матахати опустошил кувшинчик, съел рис и довольно похлопал себя по животу. Он присел у очага и вскоре задремал, но пришел в себя от жужжания насекомых, напоминавшего шум дождя. Оно доносилось не только с темного поля, снаружи дома, но и со стен, потолка и драных татами.

Засыпая, Матахати вдруг вспомнил об узелке, который он снял с погибшего самурая. Он тут же проснулся и развязал грязный кусок шелка, выкрашенного красителем из дерева сапан в темно-красный цвет. Матахати обнаружил пару чистого накрахмаленного белья и другие дорожные мелочи. Развернув белье, он увидел аккуратно завернутый в промасленную бумагу предмет, похожий по форме и размеру на свиток. Был еще и кошелек из пурпурной кожи, который с глухим стуком выпал на пол из складок белья. Руки Матахати затряслись от страха, когда в кошельке он увидел изрядное количество серебра и золота. «Это не мои, а чужие деньги!» — напомнил он себе.

В промасленной бумаге был свиток на спице из китайской айвы, отороченный парчовой каймой. Матахати сразу же сообразил, что свиток содержит важный секрет, и осторожно развернул его.

Свиток гласил:

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Клятвенно свидетельствую, что передал Сасаки Кодзиро нижеследующие семь сокровенных способов фехтования школы Тюдзё.

Явные: стиль молнии, стиль колеса, закругленный стиль, стиль плывущей лодки.

Скрытые: Алмаз, Назидание, Бесконечное.

Выдано в деревне Дзёкёдзи уезда Усака Дэмэснэ провинции Этидзэн такого-то дня и месяца.

Канэмаки Дзисай, ученик Тоды Сэйгэна

На листе, приложенном, видимо, позднее, Матахати прочел стихи:

Луна освещает
Воду, которой нет
В невырытом колодце,
Рождая человека,
Без формы, без тени.

Матахати понял, что держит в руках диплом, выданный ученику, усвоившему все, что преподал его учитель, но имя Канэмаки Дзисай ничего не говорило Матахати. Он знал Ито Ягоро, который, приняв имя Иттосай, создал знаменитый и очень популярный стиль фехтования. Матахати не ведал, что Дзисай был учителем Ито. Не подозревал, что Дзисай — самурай выдающихся достоинств, овладевший истинным стилем Тоды Сэйгэна, отойдя от дел, поселился в глухой деревне, чтобы в покое провести остаток дней и передать секреты стиля Сэйгэн узкому кругу избранных учеников.

Матахати снова посмотрел на первое имя. «Сасаки Кодзиро, похоже, и есть самурай, убитый в Фусими, — подумал он. — Отменный должен быть фехтовальщик, если ему выдали свидетельство об овладении стилем Тюдзё. Жаль, что он погиб. Теперь я понял, что хотел от меня Сасаки. Он просил передать все это кому-то, возможно, на его родине».

Матахати, вознеся краткую молитву Будде за упокой души Сасаки Кодзиро, поклялся, что непременно выполнит просьбу самурая. Подбросив дров в огонь, Матахати растянулся рядом с очагом и заснул.

Откуда-то издалека донесся звук флейты — играл монах. Мелодия изливала тоску, кого-то искала и звала. Печальные волны переливались над темными полями.

Встреча в Осаке

Поля лежали, укутанные серым туманом, и холодок раннего утра напоминал о приближающейся осени. Повсюду деловито сновали бурундуки, а на земляном полу в кухне покинутого дома тянулась цепочка свежих следов лисицы.

Нищий монах, дотащившись до дома на заре, бессильно рухнул на пол прихожей, не выпуская из рук флейту. Грязное кимоно и монашеское облачение намокли от росы и испачкались травой — он, как затерянная душа, блуждал в ночи. Монах приоткрыл глаза и сел. Нос его сморщился, ноздри раздулись, глаза выкатились, и он чихнул, содрогнувшись всем телом. Монах не обратил внимания на упавшую из носа каплю, которая закатилась ему в редкие усы. Посидев немного, он вспомнил, что со вчерашнего вечера осталось саке. Бормоча что-то, он побрел по длинному коридору в комнату с очагом. При дневном свете в доме оказалось больше комнат, чем ему показалось ночью, но он без труда нашел нужную ему. Он удивился, не обнаружив кувшина на месте. Его взору, однако, предстал незнакомец, который

спал у очага, подложив локоть под голову. Изо рта у него тянулась струйка слюны. Стало ясно, куда подевалось саке.

Исчезла не только выпивка. Быстро оглядевшись, монах убедился, что не осталось ни рисинки в горшке от того, что он припас на завтрак. Без саке можно обойтись, но рис — дело жизни и смерти. Монах побагровел от гнева. Со свирепым рыком он изо всех сил пнул спящего. Матахати что-то промычал, высвободил руку из-под головы и приподнял голову.

— Ну, ты… ты… — давился от гнева монах, расталкивая Матахати.

— Ты что? — завопил Матахати, вскакивая на ноги. На его заспанной физиономии вздулись вены. — По какому праву ты бьешь меня? — кричал он.

— Надо бы поддать! Ты почему украл мой рис и саке?

— Они твои разве…

— А чьи же?

— Извини.

— Какой мне толк от твоих извинений?

— Прошу прощения.

— С тебя побольше причитается.

— Что же?

— Верни мое!

— Так ведь оно у меня в животе! Твоя еда поддержала меня ночью. Как я верну?

— А меня что поддержит? Я целыми днями хожу, играя на флейте у ворот за жалкую горсть риса и несколько капель саке. Болван! Думаешь, что будешь воровать мою еду, а я спокойно смотреть? Верни сейчас же!

В голосе монаха звучало раздражение, и он казался Матахати голодным дьяволом, явившимся прямо из ада.

— Ну и скряга! — пренебрежительно возразил Матахати. — Нашел из-за чего поднимать шум. Подумаешь, пригоршня риса и два глотка сивухи!

— Можешь воротить нос от такой еды, тупица, но для меня она пропитание на день! — закричал монах, вцепившись Матахати в запястье. — Так просто не отделаешься.

— Не дури! — крикнул Матахати, вырывая руку.

Он схватил немолодого монаха за редкие волосы и хотел было швырнуть его на пол. К удивлению Матахати, кошачье тощее тело монаха не сдвинулось с места. Он мгновенно мертвой хваткой зажал шею Матахати.

— Мерзавец! — завопил Матахати, недооценивший соперника.

Было уже поздно. Монах, твердо уперевшись ногами в пол, с силой оттолкнул Матахати. Этот мастерский прием, обративший энергию Матахати против него самого, отбросил его в дальний угол соседней комнаты, припечатав спиной к стене. Доски под штукатуркой и столбы прогнили, поэтому большой кусок стены рухнул на Матахати. Выплюнув штукатурку, Матахати выхватил меч и бросился на монаха.

Монах приготовился к обороне с помощью флейты, но уже обессилел и жадно хватал ртом воздух.

— Ты затеял драку! — заорал Матахати, рассекая воздух мечом. Он промахнулся, но продолжал размахивать клинком, не давая монаху перевести дух. Лицо старика посерело, как у призрака. Он отскакивал, уворачиваясь от меча, но прыжки были вялыми, казалось, он вот-вот свалится. Вертясь, он издавал жалобный звук, похожий на стон умирающего, однако Матахати не удавалось задеть его мечом.

Матахати подвела собственная неосторожность. Монах выпрыгнул в сад, и Матахати сгоряча бросился следом, наступив на веранде

на гнилую половицу. Нога его провалилась, и он упал. Монах тут же перешел в наступление. Схватив противника за ворот кимоно, он начал колотить его флейтой. Удары градом сыпались на макушку, виски, плечи. При каждом ударе монах утробно крякал. С ногой в ловушке Матахати был беспомощным. Ему казалось, что голова распухла, как бочонок, но тут ему повезло. Из-за пазухи кимоно посыпались золотые и серебряные монеты. После каждого удара флейты слышался заманчивый звон выпавшей монеты.

— Что это? — раскрыл рот монах, выпустив свою жертву.

Матахати, быстро вытащив ногу, отскочил в сторону, но гнев монаха уже иссяк. Ни ноющая рука, ни хриплое дыхание не мешали ему завороженно смотреть на деньги.

Матахати, держась за гудящую от боли голову, заговорил:

— Видишь, старый дурак? Зачем было скандалить из-за горсти риса и нескольких глотков саке? У меня полно денег. Бери, если хочешь, но взамен получишь все свои удары. Подставляй голову, и я расквитаюсь за твой рис и пойло с процентами!

Монах, не отвечая на оскорбление, пал ниц и разрыдался. Матахати несколько поостыл, но не

удержался от колкости:

— Смотрите-ка! Увидел деньги, и ноги подкосились.

— Какой стыд, позор! — причитал монах. — Почему я так глуп?

Монах упрекал себя с той же страстностью, с какой только что колотил Матахати. В нем чувствовался незаурядный характер.

— Какой я болван! — продолжал он. — Никак не образумлюсь! Дожил до седин! И это после того, как меня отвергли люди и я пал ниже любого смертного!

Монах забился головой о черную колонну.

— Зачем я играю на сякухати? Не для того ли, чтобы изгнать через пять отверстий флейты свои заблуждения, глупость, похоть, себялюбие, дьявольские страсти? Как я допустил драку не на жизнь, а на смерть из-за ничтожной еды и питья? К тому же с человеком, годящимся мне в сыновья? — стонал он.

Матахати впервые видел такое самоистязание. Старик то плакал, то бился головой о столб. Казалось, он хотел расколоть себе лоб. Он побил себя сильнее, чем Матахати. Кровь потекла из рассеченной брови монаха.

Матахати решил, что пора остановить монаха.

— Хватит! — обратился он к монаху. — Соображаешь, что делаешь?

— Оставь меня!

— Что с тобой?

— Ничего особенного.

— Причина должна быть! Ты не болен?

— Нет.

— В чем же дело?

— Ненавижу себя. Забил бы себя до смерти и швырнул бы труп воронам, но не желаю умереть круглым дураком. Хочу стать сильным и честным человеком, прежде чем покину бренную плоть. Меня бесит то, что я теряю самообладание. Может, это в самом деле болезнь?

Матахати стало жалко старика. Подобрав деньги, он попытался вложить несколько монет в его руку.

— Я тоже отчасти виноват, — сказал извиняющимся тоном Матахати. — Возьми деньги, может, простишь меня.

— Не надо! — воскликнул монах, отдергивая руку. — Мне не нужны деньги, говорю тебе!

Человек, недавно бушевавший из-за чашки риса, сейчас с отвращением взирал на золото. Тряся головой, монах на коленях попятился назад.

— Чудной ты, — сказал Матахати.

— Не совсем.

— Поведение твое все же странное.

— Не обращай внимания.

— Ты, судя по говору, из западных провинций.

— Правильно, я родом из Химэдзи.

— Неужели? А я почти твой земляк, из Мимасаки!

— Мимасака? — повторил монах, пристально глядя на Матахати. — А поточнее?

— Из деревни Ёсино, вернее, из Миямото.

Старик успокоился. Сев на порог, он негромко заговорил:

— Миямото? Да, есть что вспомнить. Однажды я нес службу в отряде в остроге Хинагура. Я хорошо знаю те края.

— Вы, значит, были самураем в Химэдзи?

— Да. Сейчас в это трудно поверить, но тогда я был воином. Меня зовут Аоки Тан…

Монах неожиданно замолк на полуслове, потом торопливо произнес:

— Нет! Все выдумка! Забудь, что я сказал. — Он поднялся на ноги. — Пойду в город поиграть на флейте и раздобыть немного риса. — С этими словами он торопливо направился к зарослям мисканта.

После ухода старика Матахати засомневался,

правильно ли он поступил, предлагая монаху деньги убитого самурая. Он не мудрствуя разрешил вопрос, сказав себе, что лишь берет взаймы и немного.

«Если я должен доставить вещи убитого на его родину, как он пожелал, мне понадобятся деньги на путевые расходы. Откуда их взять, как не из его кошелька?» — рассуждал Матахати.

Объяснение пришлось кстати. С того дня Матахати начал понемногу тратить деньги.

Неясным оставался вопрос о свидетельстве, выданном на имя Сасаки Кодзиро. Убитый самурай походил на ронина, но он, возможно, состоял на службе у какого-нибудь даймё. У Матахати не было зацепки, чтобы гадать, откуда происходил самурай, поэтому он не знал, куда доставить свидетельство. Он мог лишь разыскать учителя фехтования по имени Канэмаки Дзисай, который, несомненно, знал все о Сасаки.

По пути из Фусими в Осаку Матахати расспрашивал во всех постоялых дворах, чайных домиках, харчевнях о Дзисае, но никто не знал о нем. Не помогала и подсказка, что Дзисай является признанным последователем Тоды Сэйгэна. В конце концов самурай, с которым Матахати познакомился в пути, что-то припомнил:

— Я слышал о Дзисае, он должен быть глубоким стариком, если вообще жив. Говорили, что он будто бы ушел на восток и уединился, кажется, в деревне в Кодзукэ. Если тебе нужны подробности, пойди в замок Осака и спроси человека по имени Томита Мондоносё.

Мондоносё был одним из наставников Хидэёри в боевом искусстве и, как уверял спутник Матахати, происходил из того же рода, что и Сэйгэн.

Матахати решил воспользоваться весьма смутным указанием. В Осаке он снял комнату в дешевом постоялом дворе на одной из оживленных улиц и начал расспрашивать хозяина о Томите Мондоносё, служащем в замке Осака.

— Да, я слышал это имя, — ответил тот. — По-моему, он приходится внуком Тоде Сэйгэну. Он не личный наставник князя Хидэёри, а дает уроки фехтования некоторым самураям из замка. Вернее, давал. Говорят, несколько лет назад он уехал в провинцию Этидзэн. Да-да, именно так. Можно поехать в Этидзэн на поиски, но вдруг они окажутся пустыми. Лучше поговорить с Ито Иттосаем, а не пускаться наугад в длинное путешествие. Я точно знаю, что Томита изучал стиль Тюдзё под руководством Дзисая до того, как придумал собственный стиль.

Совет показался Матахати толковым. Начав поиск Иттосая, он снова зашел в тупик. Иттосай жил до недавнего времени в маленьком доме в Сиракаве, на восточной окраине Киото, но потом куда-то исчез, и его не видели ни в Киото, ни в Осаке.

Решимость Матахати поостыла, и он было прекратил поиски. Блеск и суета городской жизни подогревали его честолюбие, волновали молодое воображение. Перед ним распахнут город, а он должен тратить время на розыск родственников погибшего? Здесь было чем заняться — всюду требовались молодые люди. В замке Фусими власти методично осуществляли политику Токугавы. Тем временем в замке Осака военачальники набирали ронинов, чтобы создать армию. Действовали они, конечно, не явно, но довольно свободно, так что любой об этом знал. Действительно, ронинам в Осаке жилось лучше, чем в другом замковом городе страны.

Ошеломительные слухи ходили по городу. Например, говорили, что Хидэёри тайно снабжает деньгами беглых даймё — Гото Матабэя, Санаду Юкимуру, Акаси Камона и даже коварного Тёсокабэ Моритику, который теперь снимал дом на узкой улочке на окраине города.

Несмотря на молодость, Тёсокабэ обрил голову на манер буддийских монахов и принял имя Итимусай — «Человек одной мечты». Таким образом он дал понять окружающим, что заботы бренного мира его уже не волнуют, и проводил время в утонченных развлечениях. Все, однако, знали, что на службе у него состоят около восьми сотен ронинов, уверенных в том, что, когда пробьет час, Тёсокабэ восстанет, дабы отомстить за своего покровителя Хидэёри. Поговаривали, что все его расходы, включая жалованье ронинов, оплачивал Хидэёри из личных средств.

Матахати прожил в Осаке два месяца, поняв, что этот город подходит ему. Именно здесь он ухватится за соломинку, которая принесет ему успех. Впервые за многие годы он чувствовал себя сильным и бесстрашным, как перед уходом на войну. Матахати вновь был здоровым и бодрым, его не беспокоило то, что деньги убитого самурая таяли. Он верил в свое счастье, а каждый день дарил радость. Матахати не покидало ощущение, будто вот-вот он вскарабкается на скалу, где на него посыплется золото.

Новая одежда! Вот что ему нужно. Матахати купил одежду с иголочки, тщательно выбрав ткань потеплее, потому что надвигалась зима. Решив,

что постоялый двор дороговат, он снял комнату у седельщика неподалеку от рва Дзюнкэй, а ел в городских харчевнях. Он осмотрел все, что хотел, возвращался к себе, когда хотел, порой не ночевал дома. Предаваясь счастливой беззаботности, Матахати внимательно приглядывался к людям, выискивал знакомого, который помог бы ему поступить на хорошую службу к влиятельному даймё.

Ограниченность средств вынуждала Матахати быть экономным. Он считал, что сейчас ведет себя разумнее, чем когда-либо прежде. Истории о самураях, недавно месивших грязь на поденщине на строительстве, а теперь разъезжающих по городу с пышной свитой в двадцать человек и запасной лошадью, подстегивали воображение Матахати.

Порой Матахати впадал в уныние. «Мир — это каменная стена, — думал он. — Камни пригнаны так плотно, что нет ни щелки, в которую можно было бы протиснуться». Тоска быстро проходила. «О чем я? — рассуждал он. — Всегда так кажется, пока не подвернулся удобный случай. Трудно пробиться к счастью, но если повезет…»

Матахати спросил хозяина-седельщика, где можно найти приличное место, и тот не задумы-

ваясь ответил:

— Ты сильный и молодой. Попытай счастье в замке, там наверняка найдется что-нибудь подходящее.

Найти место оказалось совсем не просто. В последний месяц года Матахати сидел без работы, а деньги были наполовину истрачены.

Под зимним солнцем самого оживленного месяца года толпы людей на улицах казались на редкость беззаботными. В центре города еще оставались незастроенные участки, трава на которых по утрам покрывалась инеем. Днем грязь на улицах оттаивала, и ощущение зимы пропадало под грохот барабанов и звон гонгов, которыми торговцы зазывали покупателей. Бумажные флаги и украшенные перьями копья перед наскоро сколоченными балаганами извещали публику о представлении, а чтобы любопытные не заглядывали даром, балаганы были занавешены драными циновками. Зазывалы наперебой заманивали публику в захудалые театрики.

В воздухе висел запах дешевого соевого соуса. В лавках мужчины сидели со скрещенными волосатыми ногами, набивали рот едой и ржали, как жеребцы. В сумерках появлялись стайки женщин с набеленными лицами, одетых в кимоно с длин-

ными рукавами. Они жеманничали и жевали поджаренные бобы.

Однажды вечером в питейной лавке, которую на углу улицы устроил торговец саке, поставив несколько столиков, два ее завсегдатая затеяли драку. Было неясно, кто победил, но драчуны позорно бежали, оставляя за собой следы крови. Героем оказался Матахати, разогнавший подравшихся горожан.

— Спасибо вам, — поблагодарил продавец саке. — Если бы не вы, всю посуду перебили бы.

Продавец, непрестанно кланяясь, подал Матахати кувшинчик с саке, сказав, что оно подогрето в самый раз. В знак признательности он подал и закуски.

Матахати был доволен собой. Драка возникла между двумя поденщиками, они сбежали, когда Матахати пригрозил убить их обоих, коли те что-нибудь сломают в лавке.

— У вас полно народу, — дружелюбно заметил Матахати.

— Конец года. Есть и случайные прохожие, но и завсегдатаев немало.

— И погода радует.

Матахати раскраснелся от саке. Подняв очередную чашечку, он вспомнил, как поклялся не пить

перед тем, как нанялся на стройку в Фусими. Както незаметно он снова начал выпивать. «Совсем, что ли, нельзя пропустить чарочку-другую?» — убеждал он себя.

— Дай-ка мне еще кувшинчик, старина! — приказал он.

Тихо сидевший рядом с Матахати человек был тоже ронином. Его длинный и короткий мечи выглядели внушительно, горожане, верно, уступали ему дорогу, хотя воротник его был засален, а поверх кимоно не было хаори.

— И мне тоже, да побыстрее! — крикнул ронин.

Положив правую ногу на колено левой, он изучающе оглядел Матахати. Взгляд ронина добрался до лица Матахати.

— Здравствуй! — с улыбкой произнес ронин.

— Здравствуй! — ответил Матахати. — Выпей моего саке, пока твое подогревают.

— Спасибо, — сказал ронин, протягивая свою чашечку. — Вообще-то, позорно быть пьяницей. Я увидел тебя за чаркой, а потом запах саке донесся до меня и словно бы за рукав затащил сюда. — Ронин залпом осушил чашечку.

Он понравился Матахати. Ронин держался дружелюбно, в нем чувствовалась какая-то

неуемность. Пил он мастерски. Матахати допивал один кувшинчик, а ронин уже опорожнил пять, совсем не хмелея.

— Обычно ты сколько выпиваешь? — поинтересовался Матахати.

— Не считал, — небрежно ответил ронин. — Десять — двенадцать, если настроение хорошее.

Они разговорились о положении в стране. Ронин, расправив плечи, сказал:

— Да кто такой Иэясу? Как он посмел пренебречь правами Хидэёри и назвать себя верховным правителем? Он ничто без поддержки Хонды Масадзуми и еще нескольких старых сторонников. Хладнокровие, лицемерие и средние способности — только и всего. По-моему, у него есть только политическое чутье, которого обычно недостает военным. Я хотел, чтобы при Сэкигахаре победил бы Исида Мицунари, но он оказался слишком непрактичным, чтобы организовать вокруг себя даймё, да и положение его не очень высокое.

Откровенно изложив свои взгляды, ронин вдруг спросил:

— Если Осака и Эдо снова столкнулись бы, чью сторону ты примешь?

Матахати тут же выпалил:

— Осаки!

— Хорошо!

Ронин поднялся с кувшинчиком в руке:

— Ты наш человек! Выпьем за это! Ты откуда… Ах да! Следовало бы сначала самому представиться. Меня зовут Акакабэ Ясома. Я из Гамо. Ты, может, слышал о Бане Данъэмоне? Так вот, он мой друг. На днях мы с ним встречаемся. Сусукида Хаято Канэскэ тоже мой друг, он важный военачальник в замке Осака. Мы вместе странствовали, когда он еще был ронином. Раза четыре я встречал Оно Суриноскэ, но он слишком мрачный на мой вкус, хотя и более влиятельный, чем Канэскэ.

Ронин остановился и замолчал, словно соображая, не сболтнул ли чего лишнего, потом спросил:

— А ты кто?

Матахати, не слишком доверяя рассказам нового знакомого, все же не хотел оставаться в тени.

— Слыхал о Тоде Сэйгэне? — спросил Матахати. — Создателе стиля Томиты?

— Это имя мне знакомо.

— Так вот, моим учителем был великий и бескорыстный отшельник Канэмаки Дзисай, который перенял истинный стиль Томиты от Сэйгэна, а потом разработал стиль Тюдзё.

— Ты, стало быть, настоящий мастер меча.

— Верно, — ответил Матахати.

Затеянная им игра понравилась ему.

— Я так и предполагал, — сказал Ясома. — У тебя тренированное тело, ты выглядишь способным человеком. Как тебя звали, когда ты тренировался у Дзисая? Извини, если я слишком любопытный.

— Сасаки Кодзиро, — ответил Матахати, не моргнув глазом. — Ито Ягоро, создатель стиля Итто, был старшим учеником в той же школе.

— Неужели? — изумленно воскликнул Ясома.

У Матахати мелькнула мысль, не взять ли свои слова обратно, но он опоздал. Ясома, встав на колени, склонился в глубоком поклоне. Путь к отступлению был отрезан.

— Простите меня! — сказал Ясома. — Я слышал много раз о выдающемся мастерстве Сасаки Кодзиро. Извините, что не оказал вам должного уважения. Я ведь не знал, кто вы.

Матахати с облегчением вздохнул. Окажись Ясома другом или знакомым Кодзиро, тогда Матахати пришлось бы постоять за свою жизнь.

— Не надо таких поклонов, — великодушно произнес он. — Если ты будешь держаться строго по этикету, мы не сможем говорить как друзья.

— Тебе, верно, надоела моя болтовня.

— Что ты! У меня нет ни положения, ни должности. Я просто молодой человек, несведущий в мирских делах.

— Ты ведь великий фехтовальщик. Я столько о тебе слышал! Всматриваюсь и вижу: передо мной сам Сасаки Кодзиро. — Ясома пристально смотрел на Матахати. — Несправедливо, что у тебя нет официальной должности.

— Я был поглощен овладением боевым искусством, поэтому не успел обзавестись друзьями, — простодушно отозвался Матахати.

— Понятно. Тебя разве не интересует хорошее место?

— Нет, я всегда думал, что придется искать покровителя и поступить на службу, но пока еще не созрел до такого решения.

— Ясное дело. С твоей репутацией фехтовальщика не так-то просто в мире. Будешь молчать о себе, никто внимания не обратит, как бы талантлив ты ни был. Вот я, например, даже не подозревал, кто ты, пока ты не рассказал. Ты меня поразил.

Ясома, помолчав, продолжил:

— Я с радостью помогу тебе, если хочешь. Я, правда, уже попросил своего друга Сусукиду Канэскэ подыскать мне подходящее место. Хоте-

лось бы попасть в замок Осака, хотя там не ахти как платят. Уверен, что Канэскэ будет счастлив похлопотать за такого человека, как ты. Если хочешь, я готов поговорить с ним.

Ясома распинался о блестящих перспективах, а Матахати не мог отделаться от ощущения, что угодил в ситуацию, из которой будет нелегко выпутаться. Он нуждался в заработке, но выдавать себя за Сасаки Кодзиро слишком опрометчиво. С другой стороны, назовись он Хонъидэном Матахати, деревенским самураем из Мимасаки, Ясома не предложил бы помощь, да еще и смотрел бы на Матахати сверху вниз. Имя Сасаки Кодзиро произвело воистину сильное впечатление.

Есть ли повод для волнений? Настоящий Кодзиро умер, а Матахати был единственным человеком, знавшим об этом. У него было свидетельство, единственный документ, удостоверяющий личность погибшего Сасаки. Без него власти не в состоянии установить личность ронина, да едва ли начнется расследование. В конце концов, Сасаки был лишь лазутчиком, которого забили камнями. Матахати убедил себя, что его тайну никогда не разоблачат. В его голосе созрел смелый план — с этой минуты он стал Сасаки Кодзиро.

— Счет! — крикнул Матахати, доставая несколь-

ко монет из кошелька.

Видя, что Матахати уходит, Ясома смущенно пролепетал:

— А мое предложение?

— А, да! — отозвался Матахати. — Буду благодарен, если ты поговоришь со своим другом от моего имени. Здесь не место обсуждать такие важные дела. Надо найти спокойное заведение, где нам никто не помешает.

— Конечно, пойдем! — с готовностью согласился Ясома.

Он не возразил, когда Матахати оплатил и его счет.

Скоро они очутились в квартале вдали от главной улицы. Матахати хотел было пригласить новообретенного друга в приличное питейное заведение, но тот заявил, что это пустая трата денег. Ясома предложил дешевое, но более интересное место. Красноречиво описывая прелести веселого квартала, Ясома повел Матахати в местечко, известное под игривым названием «Город монахинь». Говорили, не слишком преувеличивая, что здесь находится тысяча домов развлечений. Дела шли так бойко, что за ночь сжигали шестнадцать тысяч литров лампового масла. Поначалу Матахати с прохладцей отнесся

к предложению Ясомы, но вскоре его обволокла беззаботная атмосфера квартала.

Веселые дома тянулись вдоль отвода от крепостного рва, который наполнялся водой в прилив. Приглядевшись, под водой можно было различить крабов и рачков, мелкую рыбешку, ползающих по дну под стенами с красными фонарями. Матахати, понаблюдав за ними, почувствовал отвращение к водяной живности, похожей на ядовитых скорпионов.

Население квартала состояло в основном из женщин с густо набеленными лицами. Попадались хорошенькие личики, но было много женщин в возрасте за сорок. Они прохаживались по улицам с грустными глазами, укутав голову от холода и обнажая черненные лаком зубы в улыбке, пытаясь увлечь встречных мужчин.

— Сколько же их! — удивленно вздохнул Матахати.

— А я что говорил! — подхватил Ясома, словно оправдывая женщин. — Они куда лучше служанок из чайных домиков или певичек, с которыми обычно связываются. Некоторых отталкивает продажная любовь, но проведешь зимнюю ночь с одной из этих женщин, поговоришь о ее семье, о том о сем и поймешь, что они самые обыкновен-

ные женщины. Не надо осуждать их за то, что они торгуют собой. Некоторые были наложницами сёгуна, у многих отцы состояли на службе у даймё, а потом потеряли власть. Сейчас повторяется то, что случилось сотни лет назад, когда Минамото победил дом Тайры. Здесь ты убедишься, мой друг, что мусор в сточных канавах мирской жизни состоит в значительной мере из опавших цветов.

Новые друзья зашли в один из домов. Матахати положился на Ясому, который оказался бывалым человеком. Ясома ловко заказывал саке, обходительно беседовал с девушками — словом, был неподражаем. Матахати тоже развеселился.

Друзья развлекались до утра, но даже к полудню Ясома не выказал признаков утомления. Матахати отвел душу за годы, проведенные в чулане в «Ёмоги», но изрядно устал. Наконец, почувствовав, что больше пить не может, Матахати сказал:

— Пошли! С меня хватит.

Ясома и не думал уходить.

— Посидим до вечера, — предложил он.

— Почему до вечера?

— У меня встреча с Сусукидой Канэскэ. Сейчас пока рано к нему идти. К тому же как я могу тол-

ковать с ним о тебе, не зная, чего ты хочешь.

— Пожалуй, не стоит сразу требовать большого жалованья?

— Нельзя дешево предлагать себя. Самурай твоего ранга волен запросить любую сумму. Собьешь себе цену, если согласишься получать столько, сколько и прежде. Почему бы не сказать, что твоя ставка — пятьсот коку риса в год? Уверенный в себе самурай может рассчитывать и на большее. Ты не должен держаться так, будто согласен на первое предложение.

Смеркалось, и на улицах, лежащих в тени гигантского замка Осака, быстро темнело. Покинув веселое заведение, Матахати и Ясома направились через город в один из богатых районов, где жили самураи. Холодный ветер, дувший им вслед со стороны рва, выветрил из них хмель.

— Вон дом Сусукиды, — сказал Ясома.

— С навесом над воротами?

— Нет, следующий. Угловой.

— Большой дом, ничего не скажешь.

— Канэскэ всего добился сам. До тридцати лет о нем никто и не слыхал, а сейчас…

Матахати сделал вид, что замечание Ясомы его мало волнует. Дело не в том, что не доверял ему, напротив, он уверился в Ясоме настолько, что не

подвергал сомнению ни единого его слова. Матахати решил, что лучше держаться равнодушно. Глядя на усадьбы даймё вокруг огромного замка, Матахати ощутил новый прилив юношеского честолюбия, которое шептало ему: «Ты будешь жить в таком же доме, ждать недолго».

— А теперь, — проговорил Ясома, — пойду к Канэскэ и поговорю с ним о тебе. Да, а как насчет денег?

— Да, да! Конечно! — сказал Матахати, понимавший, что взятка в порядке вещей.

Он достал из-за пазухи кошелек, невольно отметив, что в нем осталась лишь треть от былого веса. Высыпав деньги на ладонь, он сказал:

— Вот все, что у меня есть. Достаточно?

— Вполне!

— Не завернешь во что-нибудь?

— Нет! Не один Канэскэ берет вознаграждение за устройство на хорошее место. Все так делают, причем открыто. Стесняться нечего.

Оставив себе несколько монет, Матахати отдал остальное Ясоме. Матахати стало не по себе, когда Ясома спокойно удалился со всем его состоянием.

— Ты уж постарайся! — крикнул Матахати ему вслед.

— Полный порядок! Станет упираться, так я верну деньги. Не он один пользуется влиянием в Осаке. Я могу попросить Оно или Готу. У меня полно знакомых.

— Когда я получу ответ?

— Давай прикинем. Можешь подождать меня здесь, но ведь ты не захочешь мерзнуть на холодном ветру. Покажешься кому-нибудь подозрительным. Встретимся завтра!

— Где?

— Давай на пустыре, где показывают представления.

— Договорились!

— А лучше всего ждать меня в питейном заведении, где мы познакомились.

Они условились о времени. Ясома, помахав рукой, решительно расправив плечи, вошел в ворота усадьбы, что произвело на Матахати должное впечатление. Он окончательно удостоверился, что Ясома вправду знает Канэскэ с тех времен, когда тот влачил скромное существование. Матахати, уверовав в успех, в ту ночь видел счастливые сны.

На следующий день Матахати шагал по оттаявшей уличной грязи к пустырю, где разыгрывали представления. Как и накануне, дул пронзитель-

ный ветер. Улицы были полны народу. Матахати прождал до захода солнца, но Акакабэ Ясома так и не появился.

На следующий день Матахати снова пришел на условленное место. «Что-то его задерживает, — утешал он себя, провожая глазами прохожих. — Сегодня наверняка объявится». Но Ясомы не было.

— Третий день жду, — сообщил Матахати упавшим голосом хозяину.

— Кого вы ждете?

— Человека по имени Акакабэ Ясома. Я с ним познакомился у вас несколько дней назад.

Матахати в подробностях рассказал хозяину лавки о своем деле.

— Вот негодяй! — воскликнул тот. — Так он пообещал устроить вас на службу, а сам украл деньги?

— Он не украл. Я их сам отдал, чтобы передать человеку по имени Сусукида Канэскэ. Вот жду ответа.

— Бедняга! Можете прождать сто лет и не увидеть его.

— Почему?

— Да ведь он известный мошенник. Тут их полным-полно. Заприметив простака, цепляют его

на крючок. Сначала я хотел вас предупредить, но потом решил не вмешиваться. Посчитал, что вы сами раскусите проходимца по его ухваткам. А вас надули и обобрали. Плохи дела!

Торговец саке искренне сочувствовал Матахати. Он утешал его, объясняя, что нет позора быть обманутым осакскими жуликами. Вопрос чести не слишком волновал Матахати. Он негодовал от потери денег, с которыми уплыли его радужные мечты. Матахати потерянно смотрел на текущую мимо толпу.

— Поспрашивайте вон там, рядом с балаганом фокусника, хотя навряд ли что прояснится, — продолжал продавец саке. — Местное отребье часто собирается там для игры. Заполучив деньги, Ясома наверняка захочет увеличить свой капитал.

— Спасибо! — воскликнул обнадеженный Матахати. — Который из балаганов? — спросил он, вскакивая на ноги.

Место, указанное продавцом саке, было огорожено бамбуковым забором. У входа в балаган надрывались зазывалы, на флагах по бокам деревянных ворот значились имена известных фокусников. Из-за полотнищ и соломенных циновок, закрывавших щели в заборе, неслась необычная музыка вперемешку с громкой скоро-

говоркой комедиантов и хлопками зрителей.

Позади балагана Матахати нашел еще один вход. Стоявший на стреме человек спросил:

— Играть?

Матахати кивнул, и его пропустили. Он вошел в небольшое пространство под открытым небом, огороженное полотнищами. Посредине сидели кружком десятка два неприглядного вида игроков. Все взоры устремились на вошедшего Матахати, и один из типов потеснился, чтобы дать ему место.

— Мне нужен Акакабэ Ясома, — сказал Матахати.

— Ясома? — переспросил кто-то. — Погоди, его что-то не видно последнее время. Почему бы?

— Думаете, он будет позже?

— Почем я знаю? Садись и играй.

— Я не играть пришел.

— Что ты тогда здесь делаешь?

— Ищу Ясому. Простите, что побеспокоил вас.

— Почему ты заявился именно сюда?

— Я же извинился, — ответил Матахати, не скрывая раздражения.

— А ну-ка постой! — угрожающе произнес один из игроков, поднимаясь со своего места. — Так просто не отделаешься. Ты должен заплатить за

вход сюда, даже если и не играл.

— У меня нет денег.

— Нет денег? Хорошо! Высматриваешь, где бы чего прихватить? Вор проклятый!

— Я не вор! Не смей меня обзывать! — Матахати схватился за эфес меча, что лишь позабавило игрока.

— Болван! Я бы и два дня не прожил в Осаке, если бы боялся таких, как ты. Только попробуй вытащить меч!

— Я не шучу, предупреждаю!

— Неужели?

— Знаешь, кто я?

— Откуда же?

— Я Сасаки Кодзиро, преемник Тоды Сэйгэна из деревни Дзёкёдзи провинции Этидзэн. Он создал стиль Томиты, — вызывающе объявил Матахати, уверенный, что его слова обратят противника в бегство. Ничего, однако, не произошло. Игрок, сплюнув, обернулся к приятелям.

— Послушайте только! Парень щеголяет дурацкими именами и грозит нам мечом. Посмотрим, как он им владеет. Думаю, потешит нас задаром.

Матахати, воспользовавшись беспечностью противника, неожиданно вытащил меч и рубанул по спине игрока. Тот подскочил с воплем:

— Сукин сын!

Матахати выскочил наружу и нырнул в толпу. Ему удалось скрыться, перебегая от одной толпы к другой, но ему везде мерещились преследователи. От страха он стал искать убежища понадежнее.

Убегая, он чуть не ткнулся носом в большого тигра, намалеванного на полотне, натянутом на бамбуковом заборе. Перед входом был флаг с изображением трезубца и змеиного глаза, под которым на пустом ящике стоял зазывала, хрипло выкрикивая:

— Смотрите тигра! Заходите и увидите тигра! Путешествие за тысячу километров. Великий полководец Като Киёмаса собственноручно поймал огромного тигра в заморском лесу. Спешите видеть диковинку!

Выкрики зазывалы были ритмичными и завораживающими.

Матахати, бросив монету служителю, проскользнул в балаган. Почувствовав себя в безопасности, он озирался в поисках зверя. В дальнем конце балагана на деревянном помосте лежала шкура тигра, похожая на белье после стирки. Зрители с любопытством глазели на нее, не возмущаясь тем, что зверь не живой и даже рас-

потрошен.

— Вот он какой, тигр! — говорил один.

— Здоровый!

Матахати стоял сбоку от шкуры, и вдруг ему почудился знакомый голос. Не веря своим ушам, он оглянулся и увидел пожилых мужчину и женщину.

— Дядюшка Гон, — говорила женщина, — это ведь мертвый тигр.

Старый самурай, перегнувшись через бамбуковые перила, пощупал шкуру и рассудительно ответил:

— Конечно. Одна шкура.

— Но зазывала говорил так, словно тигр живой.

— В этом, верно, и состоит суть ремесла зазывалы, — усмехнулся старик.

Осуги не было смешно. Она сердито поджала губы.

— Не глупи! Если тигр ненастоящий, то нечего заманивать враньем, а шкуру я могу посмотреть и на картине. Пойдем потребуем назад наши деньги!

— Не поднимай шум, сестрица. Людей насмешишь.

— Пусть смеются, я не гордая. Не хочешь, так

я пойду сама.

Осуги протискивалась сквозь толпу. Матахати попытался укрыться за спинами зрителей, но было уже поздно. Старик Гон заметил его.

— Матахати! Ты ли? — закричал он.

Подслеповатая Осуги пролепетала, заикаясь:

— Что, что ты сказал, Гон?

— Не видишь? Здесь только что стоял Матахати, прямо за твоей спиной.

— Не может быть!

— Стоял здесь, а потом убежал.

— Куда? Куда побежал?

Старики выбрались из деревянных ворот на запруженную народом улицу, окутанную вечерними сумерками. Матахати убегал, натыкаясь на встречных.

— Сынок, подожди! — кричала Осуги.

Матахати оглянулся. Его мать как безумная трусила за ним. Дядюшка Гон отчаянно махал руками.

— Матахати! — кричал Гон. — Почему ты убегаешь? Стой, Матахати!

Поняв, что сына не догнать, Осуги, вытянув дряблую шею, завопила на всю улицу:

— Держи вора! Хватай его!

Тут же несколько человек присоединились к

погоне, и бежавшие впереди напали на Матахати, размахивая бамбуковыми шестами.

— Держи его крепче!

— Негодяй!

— Тресни ему как следует!

Толпа окружила Матахати, некоторые плевали в него. Подоспев с дядюшкой Гоном, Осуги гневно обрушилась на преследователей. Вцепившись в рукоятку короткого меча, она растолкала зевак.

— Что вы делаете? — кричала она, оскаля зубы. — Почему вы нападаете на этого человека?

— Он вор.

— Не вор, а мой сын!

— Сын?

— Да, мой сын, сын самурая, и не вам, городской черни, его бить. Только посмейте тронуть его!

— Ты шутишь! А кто минуту тому назад кричал «вор»?

— Я не отрицаю. Я преданная мать. Подумала: если закричу «держи вора!», то мой сын остановится. Но кто просил вас, олухи, бить его? Возмутительно!

Толпа расходилась, пораженная решимостью старухи. Осуги, схватив непутевого сына за шиворот, поволокла его во двор близлежащего храма. Дядюшка Гон остался у ворот храма, наблюдая за

сценой. Не выдержав, он подошел к Осуги.

— Сестрица, ты не должна так обходиться с Матахати. Он уже не ребенок.

Дядюшка Гон попытался снять ее руку с воротника Матахати, но Осуги бесцеремонно оттолкнула старика.

— Не вмешивайся! Он мой сын, и я его накажу по-своему. Без тебя справлюсь. Помалкивай и не лезь не в свое дело. Матахати, неблагодарный! Я тебе покажу!

Говорят, что с годами люди делаются откровеннее и прямолинейнее. Осуги своим поведением подтверждала это. Другая мать рыдала бы от радости, но Осуги кипела от возмущения.

Она поставила Матахати на колени и била его головой оземь.

— Подумать только! Убегать от родной матери! Ты родился не от деревяшки, бездельник, ты мой сын.

Осуги принялась шлепать Матахати, как малое дитя.

— Уже не чаяла увидеть тебя живым, а ты, оказывается, болтаешься в Осаке. Позор! Никудышный малый! Почему не явился домой и не воздал уважение предкам? Почему ни разу не удосужился показаться на глаза матери? Вся род-

ня исстрадалась, тревожась за тебя.

— Пожалуйста, мамочка! — умолял Матахати как маленький. — Прости меня, я больше так не буду. Знаю, что поступил плохо. Я не мог вернуться домой, потому что не оправдал твоих надежд. Я не хотел скрываться от вас. Увидев вас, я так удивился, что невольно побежал. Я стыжусь себя и не могу смотреть в глаза тебе и дядюшке Гону.

Матахати закрыл лицо руками. Нос Осуги сморщился, и она тоже начала всхлипывать, но сию же минуту сдержала себя. Гордость не позволяла выказывать слабость.

— Ты действительно не делал ничего путного все эти годы, раз стыдишься себя и сознаешься, что позоришь своих предков, — едко заметила Осуги.

Дядюшка Гон вмешался в разговор:

— Ну, довольно. Будешь так его корить, он просто надломится душой.

— Кому я велела не вмешиваться? Ты — мужчина и обязан держаться непреклонно. Я — мать и должна поступать строго, но справедливо, как делал бы его отец, будь он в живых. Матахати заслуживает наказания, и я еще не закончила. Матахати! Сядь прямо и смотри мне в глаза!

Осуги чинно села на землю и указала Матахати

на его место.

— Да, мама, — послушно пролепетал Матахати, поднимая запачканные грязью плечи от земли и становясь на колени. Он боялся гнева матери. Он мог бы надеяться на ее снисхождение по случаю встречи, но слова матери о долге перед предками усугубляли его положение.

— Запрещаю утаивать что-либо от меня! — проговорила Осуги. — А теперь выкладывай, что ты делал с тех пор, как сбежал в Сэкигахару. Говори и не умолкай, пока я не услышу все, что хочу знать.

— Ничего не скрою, — ответил Матахати, окончательно подавленный решимостью матери.

Сдержав слово, он рассказал все в мельчайших подробностях: как они ускользнули с поля битвы после разгрома и скрывались в Ибуки, как он спутался с Око и стал жить за ее счет, как провел несколько лет с ненавистной женщиной, как теперь он искренне раскаивается в содеянном. Матахати почувствовал облегчение, как будто его вывернуло желчью. Признание принесло ему покой.

Дядюшка Гон, слушая племянника, изумленно хмыкал. Осуги осуждающе прищелкнула языком:

— Я потрясена твоим поведением. А теперь скажи, что ты сейчас делаешь? Ты неплохо одет. Пристроился на приличную должность?

— Да, — ответил Матахати. Ответ сорвался с губ без его ведома, и он поспешил поправиться: — Нет, вернее сказать, у меня нет должности.

— На что живешь?

— Зарабатываю мечом. Преподаю фехтование.

Ответ прозвучал правдоподобно и произвел желаемый эффект.

— Правда? — с явным интересом произнесла Осуги. Нечто вроде удовлетворения впервые мелькнуло на ее лице. — Фехтование? — продолжала она. — Конечно, мой сын обязан был найти время для совершенствования своего мастерства даже при его образе жизни. Слышишь, Гон? Он и впрямь мой сын.

Дядюшка Гон радостно закивал, одобряя сестру и радуясь перемене в настроении Осуги.

— Мы так и знали, — сказал он. — Лишнее подтверждение того, что в его жилах течет кровь рода Хонъидэн. Подумаешь, слегка сбился с пути! Главное, сохранил дух предков.

— Матахати! — сказала Осуги.

— Да, мама!

— Кто учил тебя фехтованию?

— Канэмаки Дзисай.

— Неужели? Он знаменитость!

Осуги явно была польщена. Желая угодить матери, Матахати вытащил свидетельство и развернул его, предусмотрительно закрыв большим пальцем истинное имя владельца.

— Взгляни-ка, мама, — сказал он.

— Покажи, что это, — промолвила Осуги, потянувшись за свидетельством, но Матахати крепко держал свиток.

— Мама, тебе не надо обо мне беспокоиться.

Осуги кивнула:

— Молодец! Посмотри, Гон! Великолепно! Когда Матахати был совсем маленьким, я уже знала, что он умнее и способнее Такэдзо и других мальчишек.

Осуги от радости говорила, брызгая слюной. Палец Матахати вдруг съехал в сторону, отрыв имя Сасаки Кодзиро.

— Подожди-ка! — промолвила Осуги. — Почему здесь написано «Сасаки Кодзиро»?

— Что? Ах, это! Под этим именем я сражаюсь.

— Чужое имя. Зачем оно тебе? Разве тебя не устраивает собственное — Хонъидэн Матахати?

— Конечно, — ответил Матахати, соображая, как вывернуться. — Я решил его скрыть. Мое

постыдное прошлое бросило бы тень на память предков.

— Ясно. Правильное решение. Ты, верно, ничего не знаешь о событиях в нашей деревне. Расскажу, слушай внимательно, это важно.

Осуги пустилась в повествование о происшествии, приключившемся в Миямото, умышленно выбирая выражения таким образом, чтобы подтолкнуть Матахати к действию. Рассказала об оскорблении, нанесенном семейству Хонъидэн, о многолетних поисках Оцу и Такэдзо. Она старалась сдерживаться, но все же разволновалась, на глаза навернулись слезы, а голос зазвучал глуше.

Матахати слушал, склонив голову. Его потрясла живость повествования. Ему хотелось быть хорошим и послушным сыном. Осуги волновали честь семьи и самурайская гордость, но Матахати больнее задевало другое — Оцу его больше не любила, если все сказанное было правдой. Он впервые услышал об этом.

— Это правда? — спросил Матахати.

Заметив, как Матахати изменился в лице, Осуги сделала ошибочный вывод, что ее нотации о чести и самурайском духе возымели действие.

— Не веришь мне, спроси дядюшку Гона. Эта вертихвостка, предав тебя, удрала с Такэдзо. Тот

тоже хорош. Зная, что тебя некоторое время не будет дома, завлек Оцу и бежал с ней. Я правильно говорю, Гон?

— Точно. Оцу помогла Такэдзо освободиться от пут, когда тот был привязан к дереву, а потом они вместе скрылись. И раньше поговаривали, что между ними что-то есть.

Услышанное пробудило в Матахати самые темные чувства, подогрев его ненависть к другу детства. Осуги, уловив перемену в настроении сына, принялась раздувать зароненную искру.

— Вот видишь, Матахати? Понимаешь, почему я и дядюшка Гон покинули деревню? Мы обязаны отомстить этой парочке. Я не могу появиться в Миямото или предстать перед поминальными табличками наших предков, пока мы их не убьем.

— Да.

— Тебе ясно, что и ты не можешь ступить на родную землю, если мы не отомстим за себя?

— Я не вернусь. Никогда.

— Дело не в том. Ты должен убить их обоих. Они — смертельные враги нашей семьи.

— Наверно.

— Ты нерешительно отвечаешь. Почему? Не уверен в своих силах? Сумеешь убить Такэдзо?

— Сил хватит, — возразил Матахати.

— Не робей, Матахати. Я всегда буду рядом, — успокоил дядюшка Гон.

— И старая мать, — добавила Осуги. — Привезем их головы в подарок нашей деревне. Как по-твоему? Если мы возвратимся с таким трофеем, ты смело можешь вернуться, найти жену и поселиться в своем доме. Подтвердишь, что ты истинный самурай, и заслужишь уважение. Во всем Ёсино нет более славной фамилии, чем Хонъидэн. Ты, несомненно, еще раз подтвердишь это. Ты готов, Матахати? Выполнишь свой долг?

— Да, мама.

— Хорошо, сын. Гон, что ты там стоишь? Подойди, поздравь мальчика. Он поклялся отомстить Такэдзо и Оцу. — Добившись своего, Осуги с видимым усилием поднялась. — О-хо-хо! Как болит! — закряхтела она.

— Что с тобой? — спросил дядюшка Гон.

— Земля холодная, живот и поясницу ломит.

— Худо. Снова геморрой прихватит.

— Я понесу тебя на спине, мама, — предложил Матахати в порыве сыновней нежности.

— Понесешь? Как хорошо!

Осуги прослезилась от умиления, устраиваясь на спине Матахати.

— Смотри, Гон! Сын понесет меня!

Матахати тоже растрогался, почувствовав, как слезы матери падают ему на шею.

— Где вы остановились, дядюшка Гон? — спросил он.

— Пока нигде, но нам подойдет любой постоялый двор.

— Ладно.

Осуги слегка раскачивалась в такт шагам Матахати.

— Какая ты легкая, мама! Как пушинка. Куда легче камней.

Молодой красавец

Солнечный остров Авадзи скрылся в зимней полуденной дымке. Большой парус хлопал на ветру, заглушая шум волн. Корабль, несколько раз в месяц ходивший между Осакой и провинцией Ава на острове Сикоку, пересекал Внутреннее море, направляясь в Осаку. Груз состоял в основном из бумаги и краски индиго, но запах выдавал, что на нем немало контрабандного табака, запрещенного правительством Токугавы. Не разрешалось курить, жевать и нюхать табак. На корабле были и пассажиры — купцы, возвращавшиеся в Осаку или ехавшие туда на предновогодние ярмарки.

— Как дела? Кучу денег, верно, выручил?

— Какие деньги! Твердят, что в Сакаи бойкая торговля, но по себе я что-то не заметил.

— Я слышал, там нужны ремесленники, особенно оружейники.

В другой кучке говорили о том же.

— Я сам поставляю амуницию — древки для знамен, латы и прочее. Прибытку гораздо меньше, чем раньше.

— Не может быть!

— Сущая правда. Самураи, похоже, учатся счи-

тать.

— Ха-ха!

— Раньше было раздолье — мародеры приносят тебе добычу, ты починишь и подкрасишь амуницию и продаешь военным. После очередной битвы товар целиком возвращается снова, подправишь и еще раз сбываешь.

Один из пассажиров с восторгом описывал заморские страны, устремляя взор к горизонту.

— Дома денег не наживешь. Хочешь получить настоящий барыш, надо действовать, как Ная Сукэдзаэмон или Тяя Сэдзиро, зарабатывающие на заморской торговле. Опасное дело, но, если повезет, риск окупается с лихвой.

— Мы сетуем на неважные дела, а по мнению самураев, торговцы процветают. Большинство военных не знают вкус хорошей еды. Мы судачим о роскоши, в которой живут даймё, но рано или поздно им приходится облачаться в кожу и железо, идти на войну и отправляться на тот свет. Мне их жалко. Они так хлопочут о чести и воинском кодексе, что не могут спокойно насладиться жизнью.

— И то верно. Мы жалуемся на плохие времена, но, по правде говоря, сегодня только купец и счастлив.

— Хотя бы живем в свое удовольствие.

— Одна забота — время от времени выказывать почтение самураям, но деньги возмещают наши поклоны.

— Коли явился в этот мир, воспользуйся его благами!

— Я об этом и толкую. Порой подмывает спросить самурая, какая радость в его жизни.

Собеседники сидели на заморском шерстяном ковре, свидетельствовавшем, что они самые богатые среди пассажиров. После смерти Хидэёси предметы роскоши периода Момоямы перешли по большей части в руки купцов, а не самураев. Зажиточные горожане обзавелись дорогой, изысканной столовой утварью и добротными дорожными принадлежностями. Мелкий торговец, как правило, жил лучше самурая с годовым жалованьем в тысячу коку риса, что по меркам самураев считалось пределом мечтаний.

— В пути изнываешь от безделья.

— Может, в карты сыграем, чтобы время скоротать?

— Давайте!

Место игры занавесили, служанки и прихлебатели принесли саке, и купцы начали играть в умсуммо — игру, недавно привезенную порту-

гальцами. Ставки делали умопомрачительные. Золота на столике было столько, что оно спасло бы от голода целые деревни. Игроки небрежно передвигали кучки монет, словно морскую гальку.

Среди пассажиров были и те, кто, по определению купцов, ничего не имел от жизни: бродячий монах, несколько ронинов, конфуцианский ученый, профессиональные воины. Посмотрев начало игры, они сели около своего багажа и с осуждающим видом отвернулись к морю.

Молодой человек держал на коленях что-то живое и пушистое, приговаривая время от времени: «Сиди смирно!»

— Прекрасная обезьянка, — проговорил один из пассажиров. — Ученая?

— Да.

— Давно она у вас?

— Недавно нашел ее в горах на границе провинций Тоса и Ава.

— Так вы ее сами поймали?

— Еле унес ноги, спасаясь от старых обезьян.

Беседуя, молодой человек выискивал блох у обезьянки. Будь молодой человек и без нее, он непременно привлек бы внимание своей наружностью. Одет он был броско — кимоно и красное хаори были необычными. Волосы на лбу

не выбриты, а пучок на затылке завязан яркой пурпурной лентой. Судя по одежде, он еще не принял обряда посвящения в мужчины, но в теперешние времена невозможно определить возраст человека по его внешнему виду.

С возвышением Хидэёси стали носить яркую одежду. Случалось, что двадцатипятилетний мужчина был одет как пятнадцатилетний мальчик с невыбритым лбом.

Блестящие глаза, упругая кожа, красные губы — все в этом человеке дышало молодостью. Несмотря на юный возраст, он был крепкого сложения, а в густых бровях и уголках глаз уже залегла суровость мужчины.

— Не верещи! — нетерпеливо произнес молодой человек, давая обезьянке подзатыльник. Он выбирал блох с мальчишеским самозабвением.

Трудно было определить его сословную принадлежность. На ногах обычные для путников соломенные сандалии и кожаные носки, так что одежда не давала разгадки. Он непринужденно чувствовал себя среди странствующих монахов, кукольников, потрепанных самураев, немытых крестьян. Он мог сойти за ронина, если бы не намек на более высокое положение — его оружие, висевшее за спиной на кожаном ремешке. Это

был боевой меч — длинный, прямой, сделанный прекрасным мастером. Каждый, кто говорил с молодым человеком, обращал внимание на великолепное оружие.

Стоявший в стороне Гион Тодзи изумился красоте меча. Подумав, что даже в Киото такой меч большая редкость, Тодзи заинтересовался его владельцем.

Тодзи томился от скуки и раздражения. Его двухнедельное путешествие оказалось хлопотным, утомительным и бесплодным. Он хотел поскорее увидеть близких ему людей. «Интересно, успеет ли посыльный, — размышлял он. — Не опоздает, так она обязательно встретит меня на пристани в Осаке». Пытаясь развеять тоску, Тодзи вызывал в воображении образ Око.

В путь его погнало шаткое положение дома Ёсиоки, вызванное непомерными тратами Сэйдзюро. Семья перестала быть богатой. Дом на улице Сидзё заложили, и кредиторы в любую минуту могли его отобрать. Выплаты по счетам, скопившимся к концу года, довели семейство до краха. Распродав все имущество, Ёсиоки не собрали бы достаточно средств, необходимых на покрытие всех долгов.

Сэйдзюро только беспомощно восклицал:

— Как же могло такое случиться?

Тодзи, потворствовавший похождениям молодого учителя, чувствовал долю ответственности за несчастье, поэтому вызвался уладить денежный вопрос.

Поломав голову, Тодзи решил, что надо построить новую просторную школу на пустыре рядом с Нисинотоин, где обучалось бы множество учеников. Сейчас не время для работы с одним учеником, рассуждал он. Самые разные люди желали овладеть боевым искусством, даймё остро нуждались в тренированных воинах, поэтому такая школа была бы всем кстати. Она выпускала бы гораздо больше профессиональных фехтовальщиков. Тодзи с каждым днем укреплялся в мысли, что священный долг новой школы — это приобщение к стилю Кэмпо по возможности широкого круга людей.

Сэйдзюро сочинил по этому поводу прошение, вооружившись которым Тодзи отправился на запад островов Хонсю, потом на Кюсю и Сикоку собирать пожертвования с выпускников школы Кэмпо. В феодальных владениях по всей стране служило много учеников Кэмпо, были среди них и достигшие высокого положения. Как ни увещевал их Тодзи, лишь немногие захотели внести

деньги или дать подписку о будущем взносе. Все они, как правило, говорили: «Я сообщу ответ в письме» или «Обсудим дело, когда я приеду в Киото» и прочее в том же духе. Тодзи возвращался с ничтожной толикой суммы, на которую рассчитывал.

Разорившееся хозяйство не было, строго говоря, собственностью Тодзи, поэтому и его воображение рисовало не образ Сэйдзюро, а Око. Соблазнительное видение, однако, не могло надолго увлечь его, и он снова почувствовал беспокойство. Тодзи завидовал молодому человеку, ловившему блох у обезьянки. Ему хотелось убить время, поэтому он подошел к юноше и попытался завязать разговор.

— Привет, молодой человек! В Осаку едешь?

— Да, — ответил тот, не поднимая головы и мельком взглянув исподлобья на Тодзи.

— Семья живет там?

— Нет.

— А ты из Авы?

— Нет.

Разговор не клеился.

Тодзи помолчал и сделал еще одну попытку разговорить молодого человека.

— У тебя отличный меч.

Комплимент явно польстил молодому человеку. Он живо повернулся к Тодзи.

— Он очень давно хранится в нашей семье. Это боевой меч. Хочу найти в Осаке хорошего оружейника и переделать ручку, чтобы носить его на поясе.

— Но он слишком длинный для ношения на боку.

— Вряд ли. Меньше метра.

— Для меча это много.

Молодой человек улыбнулся.

— Каждый должен владеть мечом такой длины, — самоуверенно ответил он.

— Конечно, можно фехтовать мечом в три и даже в четыре сяку, — с легкой укоризной возразил Тодзи, — но это по силам только настоящему мастеру. Сейчас полно хвастунов, щеголяющих огромными мечами. Выглядят внушительно, но стоит делу принять серьезный оборот, так они спасаются бегством. Какой стиль ты изучал?

Речь зашла о фехтовании, и Тодзи не мог скрыть чувства превосходства над мальчиком.

Молодой человек, мельком взглянув на высокомерное лицо Тодзи, ответил:

— Стиль Томиты.

— Он основан на применении более короткого

меча, — непререкаемо заявил Тодзи.

— Я изучал стиль Томиты, но не обязан пользоваться коротким мечом. Не люблю подражать. У моего учителя был короткий меч, а я решил попробовать длинный, и меня выставили из школы. За непокорность.

— Вы, молодые люди, любите ниспровергать авторитеты. А что потом?

— Я уехал из деревни Дзёкёдзи провинции Этидзэн и отправился к Канэмаки Дзисаю. Он превзошел стиль Томиты и разработал стиль Тюдзё. Он из сочувствия взял меня в ученики и через четыре года объявил, что я могу идти собственной дорогой.

— Провинциальные учителя легко раздают свидетельства.

— Только не Дзисай. Он очень строгий. Он выдал свидетельство еще одному человеку, кроме меня, — Ито Ягоро Иттосаю. Я стал настойчиво работать, решив получить второе в истории школы официальное свидетельство. Я не успел завершить курс, потому что меня вызвали домой к умирающей матери.

— Ты откуда родом?

— Из Ивакуни в провинции Суо. Дома я практиковался каждый день у моста Кинтай, срезая на

лету ласточек и рубя лозу. Так я разработал некоторые собственные приемы. Перед смертью мать передала мне меч, наказав беречь его, потому что его сделал Нагамицу.

— Нагамицу? Неужели?

— На мече клейма мастера нет, но всегда считалось, что это его работа. В наших местах этот меч известен всем, его называют «Сушильный шест».

Немногословный с виду молодой человек разговорился, когда речь зашла о любимом предмете. Он оживленно рассказывал все, что знал, не обращая внимания на собеседника. Его повествование наводило на мысль, что он человек целеустремленный и сильный, несмотря на вычурный вкус в одежде.

Молодой человек вдруг замолк, глаза его подернулись печалью.

— Когда я был в Суо, — продолжил он, — Дзисай заболел. Не сдержавшись, я разрыдался, когда узнал об этом от Кусанаги Тэнки. Тэнки поступил в школу задолго до меня и продолжал обучение, когда учитель захворал. Тэнки приходился ему племянником, но учитель и не помышлял выдавать ему свидетельство. Дзисай сказал Тэнки, что пожалует свидетельство мне вместе с книгой тайных приемов. Учитель захотел сделать это

собственноручно.

На глаза молодого человека навернулись слезы.

Тодзи не испытывал симпатии к чувствительному юноше, но беседа с ним отвлекала его от скуки.

— Вот оно как… — промолвил он с наигранным интересом. — Он, значит, умер, не дождавшись тебя.

— Как я хотел быть рядом, когда он слег от недуга! Учитель находился в Кодзукэ, в сотнях километров от Суо. В это самое время скончалась матушка, так что я не смог присутствовать около его смертного одра.

Солнце скрылось за тучами, небо посерело. Море заволновалось, и пена захлестывала палубу.

Молодой человек предавался воспоминаниям. Он продал родительский дом в Суо и послал письмо Тэнки, сообщив о встрече с ним в день весеннего равноденствия. Дзисай, не имевший близких родственников, вряд ли оставил значительное наследство, но он поручил Тэнки передать молодому человеку немного денег, свидетельство и книгу тайных приемов. Тэнки собирался странствовать и набираться опыта перед встречей с другом в назначенный день на

горе Хорайдзи в провинции Микава, на полпути между Кодзукэ и Авой. Молодой человек хотел пожить в Киото, набираясь знаний и осматривая окрестности.

— Вы из Осаки? — спросил он у Тодзи, закончив рассказ.

— Нет, из Киото.

Оба примолкли, слушая шум волн и хлопанье паруса на ветру.

— Ты хочешь пробиться в жизни с помощью боевого искусства? — произнес Тодзи.

Вопрос был обычным, но на лице Тодзи было явное снисхождение, близкое к презрению. Он перевидал множество бойких молодых фехтовальщиков, хвастающих свидетельствами и книгами секретов. Он был убежден, что не может существовать такого количества профессиональных мастеров меча. Он сам все еще ходил в учениках, пусть даже избранных, хотя в школе Ёсиоки провел двадцать лет.

Молодой человек, не меняя позы, пристально посмотрел на серые волны.

— Киото? — пробормотал он, оборачиваясь к Тодзи. — Я слышал о тамошнем фехтовальщике Ёсиоке Сэйдзюро, старшем сыне Ёсиоки Кэмпо. Он по-прежнему продолжает дело отца?

Тодзи захотелось подразнить собеседника.

— Да, — ответил он, — школа Ёсиоки вроде бы процветает. Бывал в ней?

— Нет, но, приехав в Киото, вызову Сэйдзюро на поединок и посмотрю, насколько тот умел.

Тодзи притворно закашлялся, чтобы подавить смех. Спокойная самоуверенность юнца становилась несносной. Тот, конечно, не знал о положении Тодзи в школе, но ему со временем придется раскаяться в необдуманных словах. Скорчив презрительную гримасу, Тодзи поинтересовался:

— Считаешь, что выйдешь из поединка целым и невредимым?

— Почему бы и нет? — живо отозвался молодой человек.

Сейчас Кодзиро захотелось посмеяться вслух, что он и сделал.

— Дом Ёсиоки велик и знаменит. Кэмпо, насколько я знаю, воистину был выдающимся мастером меча. Говорят, что ни один из его сыновей ничего собой не представляет.

— Можно ли утверждать такое, не встретившись с ними?

— Я не верю всему, что говорят самураи в провинциях, но все уверены, что с Сэйдзюро и

Дэнситиро дому Ёсиоки наступает конец.

Тодзи выводила из терпения болтовня молодого человека. Он готов был представиться, но посчитал невыгодным выяснять отношения. С трудом сдерживаясь, Тодзи ответил:

— В провинциях полно всезнаек, я не удивляюсь, что дом Ёсиоки там недооценивают. Расскажи поподробнее о себе. Ты обмолвился, будто нашел способ рассекать на лету ласточек?

— Да, говорил.

— Длинным мечом?

— Да.

— В таком случае ты без труда разрубишь одну из чаек, которые кружат над нами.

Юноша не отвечал. Его вдруг осенило, что Тодзи замышляет что-то недоброе. Глядя на плотно сжатые губы незнакомца, молодой человек сказал:

— Я могу, но к чему такая глупость?

— Почему же? Ты настолько ловок, что унижаешь дом Ёсиоки, не побывав там… — напыщенно произнес Тодзи.

— Я вас обидел?

— Ничуть, — ответил Тодзи. — Но людям из Киото не нравится, когда чернят школу Ёсиоки.

— Но я не утверждал, что это мое мнение. Я лишь повторил слышанное от других.

— Молодой человек! — строго произнес Тодзи.

— Что?

— Знаешь, что означает «недозрелый самурай»? Предупреждаю ради твоего же блага. Недооценка других не доведет тебя до добра. Бахвалишься, что рубишь ласточек на лету, толкуешь о свидетельстве об овладении стилем Тюдзё, но не забывай, что вокруг тебя не одни дураки. Следует получше приглядеться к собеседнику, прежде чем хвастаться.

— По-вашему, я бахвалюсь?

— Вот именно!

Выпятив грудь, Тодзи подошел ближе.

— Хвастовство юноше простительно, но ты должен знать меру.

Молодой человек молчал. Тодзи продолжал:

— Я не против твоих рассказов. Хочу только уточнить, что я — Гион Тодзи, старший воспитанник Ёсиоки Сэйдзюро. Еще одно неуважительное замечание о доме Ёсиоки, и получишь хорошую трепку.

Их разговор привлек внимание других путешественников. Тодзи, объявивший свое имя и высокий ранг, вперевалку удалился на корму, сердито ворча о распущенности современной молодежи. Юноша молча последовал за ним.

Окружающие издали глазели на обоих.

Тодзи пожалел о своих словах. Случись сейчас схватка, так последуют неприятности с властями, когда корабль причалит в Осаке. Око, придя его встречать, все увидит. Тодзи с безразличным видом облокотился на поручни, внимательно изучая бурун темно-голубой воды, бежавший из-под кормы.

Молодой человек легко похлопал его по плечу.

— Господин Гион, — обратился он к Тодзи. В спокойном голосе не было ни обиды, ни гнева.

Тодзи не отозвался.

— Господин Гион, — повторил молодой человек.

Тодзи уже не мог хранить маску безразличия.

— Что тебе?

— Вы назвали меня хвастуном в присутствии многих людей. Я должен защитить свою честь и вынужден сделать то, о чем вы упоминали несколько минут назад. Будьте свидетелем.

— Что я говорил?

— Не думаю, что вы так забывчивы. Вы смеялись, когда я сказал, что рублю на лету ласточек. Вы предложили мне разрубить чайку.

— Верно.

— Если я это сделаю, вы перестанете сомневать-

ся в моей правоте?

— Пожалуй, да.

— Хорошо, я готов.

— Прекрасно! — разразился саркастическим смехом Тодзи. — Но учти, если тобою движет одно самолюбие, если ты не выполнишь обещание, то станешь всеобщим посмешищем.

— Попробую.

— Не намерен отговаривать.

— Вы согласны быть свидетелем?

— С удовольствием!

Юноша, встав на середине палубы в кормовой части, потянулся за мечом.

— Господин! — позвал он Тодзи.

Удивленный Тодзи спросил, что ему надо. Юноша серьезно ответил:

— Пошлите ко мне несколько чаек. Готов сразить их сколько угодно.

Тодзи вдруг сообразил, что сцена развивается как в веселой истории, приписываемой монаху Иккю. Молодой человек выставил Тодзи в глупом свете.

— Что за чепуха? Любой, кто заставит чайку летать перед носом, сможет разрубить ее мечом, — зло ответил Тодзи.

— Длина моего меча девяносто сантиметров.

Море простирается на тысячи километров. Если птицы не подлетят поближе, как я их срежу?

Сделав два шага вперед, Тодзи злорадно проговорил:

— Пытаешься вывернуться из неловкого положения. Не можешь разрубить чайку, так и скажи, а потом попроси прощения.

— Будь я настроен просить прощения, то не ждал бы здесь. Если чайка не прилетит, срежу для вас что-нибудь другое.

— Например?

— Подойдите еще на пять шагов. Я покажу.

— Ты что надумал? — проворчал Тодзи, подходя ближе.

— Хотел воспользоваться вашей головой, которая требует от меня доказательств правдивости моих слов. Справедливее снести ее, чем убивать беззащитную чайку.

— Ты в своем уме? — закричал Тодзи, невольно пригнув голову, потому что молодой человек выхватил меч и полоснул им воздух. Все произошло с такой стремительностью, что длинный клинок мелькнул, как иголка. — Что?.. — заорал Тодзи, пятясь назад и ощупывая шею. Голова была цела, и он сам, кажется, остался невредимым.

— Теперь все ясно? — спросил молодой человек

через плечо, пробираясь между тюками на свое место.

Сконфуженный Тодзи залился густым румянцем. Взгляд его, случайно упавший на освещенную солнцем палубу, наткнулся на странный предмет, похожий на кисточку. Страшная мысль промелькнула в сознании Тодзи, и он схватился за макушку. Пучка волос на голове не было! Драгоценного пучка, красы и гордости самурая! С искаженным от ужаса лицом Тодзи ощупывал голову. Шнурок, стягивавший волосы на затылке, пропал, пряди беспорядочно рассыпались.

— Мерзавец!

Тодзи обезумел от ярости. Теперь он знал, что юноша не враль и не хвастун. Несмотря на молодость, он потрясающе владел мечом. Тодзи, изумленный его мастерством и отдававший ему должное, не мог справиться со своей обидой.

Тодзи видел, что юноша, вернувшись на свое место на передней палубе, что-то искал. Тодзи решил воспользоваться случаем и отомстить юноше. Поплевав на эфес меча и покрепче сжав его, Тодзи стал подкрадываться к своему мучителю. Он не был уверен, что точно так же срежет пучок, не задев головы юноши, но сейчас Тодзи такие тонкости не волновали. Налившись

кровью и тяжело дыша, Тодзи подбирался на расстояние удара.

В этот момент игроки в карты заволновались.

— Почему не хватает карт?

— Куда они делись?

— Посмотри у себя!

— Уже проверил.

Игроки кричали, трясли ковер, когда один из них случайно посмотрел наверх.

— Они у обезьяны!

Путешественники, довольные новым развлечением, с интересом следили за обезьянкой, сидевшей на самом верху девятиметровой мачты.

— Ай да обезьянка! Украла карты!

— Она их жует!

— Нет, просто делает вид, что тасует их.

Одна карта, соскользнув вниз, спустилась на палубу. Подобравший ее купец сказал:

— У нее еще три или четыре осталось.

— Пусть кто-нибудь заберется наверх и отнимет карты. Иначе нельзя продолжать игру.

— Кто же туда полезет?!

— Пусть лезет капитан.

— Он бы смог при желании.

— Заплатим, так и полезет.

Капитан согласился, приняв деньги. Он, как главный на корабле, захотел сначала выявить виновного. Он обратился к публике, забравшись на кучу тюков:

— Чья обезьяна? Хозяину выйти сюда!

Ответа не последовало, но многие, зная, что обезьяна принадлежит молодому человеку, вопросительно уставились на него. Знал и капитан. Молчание юноши особенно разозлило его. Капитан повысил голос:

— Есть ли хозяин? Если обезьяна беспризорная, я позабочусь о ней, но никаких жалоб потом.

Хозяин обезьяны между тем стоял в глубокой задумчивости, опершись на чей-то багаж. Среди пассажиров послышался ропот осуждения. Капитан неодобрительно смотрел на юношу. Игроки сердито ворчали, некоторые спрашивали: юноша глухонемой или обычный нахал. Юноша, переступив с ноги на ногу, продолжал хранить невозмутимость.

Капитан заговорил снова:

— Оказывается, обезьяны водятся не только на суше, но и на море. Одна забралась к нам. Она ничья, поэтому с нею можно поступить по нашему усмотрению. Прошу всех быть моими свидетелями! Как капитан, я попросил объявить-

ся владельца обезьяны, но никто не отозвался. Прошу подтвердить мои слова, если он потом пожалуется, что не слышал меня.

— Поддержим! — дружно откликнулись не на шутку рассерженные купцы.

Капитан исчез в трюме и вскоре появился на палубе, держа мушкет с дымящимся фитилем. Никто не сомневался, для чего предназначено оружие. Все повернулись к хозяину обезьяны.

Обезьяна продолжала забавляться. Она играла картами, передразнивая тех, кто наблюдал за ней снизу. Оскалясь, она с писком побежала по рее. Добежав до конца реи, она села, не зная, что еще придумать.

Капитан прицелился. Один из купцов, дергая его за рукав, уговаривал поторопиться. Неожиданно раздался голос молодого человека:

— Остановись, капитан!

Теперь капитан притворился, будто не слышит. Он спустил курок, все пригнулись, зажав уши. Мушкет оглушительно выпалил. Пуля пролетела далеко от цели, потому что в последний момент молодой человек толкнул ствол вверх.

Взбешенный капитан схватил молодого человека за грудь. Казалось, он повис на юноше, поскольку был значительно ниже того, хотя и

коренастого сложения.

— Ты что? — кричал молодой человек. — Хотел застрелить из своей хлопушки невинного зверька, так?

— Да!

— Разве так можно?

— Я честно предупредил.

— Каким образом?

— Ты без глаз и ушей, что ли?

— Молчать! Я пассажир этого корабля. Более того, я самурай. Ждать от меня ответа, когда простой капитан распинается перед пассажирами, словно он их повелитель и хозяин?

— Нечего задирать нос! Я трижды предупреждал. Ты сам слышал. Если тебе не понравился мой тон, мог бы держаться уважительнее с людьми, которым досаждает твоя обезьяна.

— Кто эти люди? Неужели торговцы, играющие за занавеской?

— Не заносись! Они заплатили втрое больше других.

— И все равно остаются теми, кто они есть от рождения, — низким сословием, бесстыдными торгашами, выставляющими напоказ свое золото, пьющими саке. Они ведут себя так, будто корабль принадлежит им. Я давно наблюдаю за

ними. Они мне совсем не нравятся. Подумаешь, обезьяна утащила их карты. Я ее не заставлял. Она лишь подражала игрокам. Не вижу повода для извинений.

Молодой человек, пристально оглядев богачей-купцов, презрительно и громко рассмеялся им в лицо.

Раковина забвения

Вечером корабль вошел в гавань Кидзугава, пропахшую рыбой. На берегу переливались красные огоньки, шумел прибой. Корабль медленно приближался к берегу, голоса встречающих слышались все отчетливее и вскоре слились с голосами людей на палубе. С грохотом выбросили якорь, отдали концы, перекинули сходни.

Громкие крики огласили пристань.

— Есть ли на корабле сын настоятеля храма Сумиёси?

— Нет ли посыльного поблизости?

— Хозяин, мы здесь!

Бумажные фонарики с названиями постоялых дворов захлестнули корабль, как волна, посредники усиленно навязывали свои услуги.

— Кому на постоялый двор «Касивая»?

Молодой человек с обезьянкой на плече пробирался сквозь толпу.

— К нам, господин! Обезьяне бесплатный постой!

— Наше заведение напротив храма Сумиёси. Все паломники посещают храм. У вас будет прекрасная комната с великолепным видом.

Молодого человека никто не встречал. Он быстро уходил с пристани, не обращая внимания на зазывал.

— Кем себя воображает? — проворчал один из пассажиров. — Подумаешь, научился размахивать мечом.

— Не будь я простым горожанином, он бы не ушел так просто.

— Успокойся! Пусть воины считают, что они лучше других. Они счастливы, расхаживая с надутыми щеками. Пусть они наслаждаются цветами, а мы, горожане, будем пожинать плоды. Сегодняшнее происшествие — сущий пустяк!

Купцы за разговором не забывали следить, как выгружают их огромный багаж. На пристани их поджидало множество людей с повязками и фонарями. Каждого купца мгновенно брали в кольцо назойливые женщины.

Последним на берег сошел Гион Тодзи. Лицо его выдавало удрученность. Никогда в жизни ему не выпадал столь неприятный день. Он предусмотрительно покрыл голову платком, чтобы скрыть позорное отсутствие пучка на макушке, но кислого выражения лица и оскорбленно поджатых губ под платком не спрячешь.

— Тодзи! Я здесь! — раздался голос Око. Она

тоже была в платке. Лицо ее, однако, застыло от холодного ветра. Морщины проступили сквозь толстый слой белил.

— Око! Ты здесь!

— Ты ведь хотел этого. Не ты ли послал письмо, прося встретить тебя на пристани.

— Да, но я не ожидал, что письмо успеет в срок.

— Что-то случилось? Ты выглядишь расстроенным.

— Пустяки! Укачало немного. Пойдем поскорее в Сумиёси и найдем приличный постоялый двор.

— Иди за мной. Я наняла паланкин.

— Спасибо. Комнату сняла?

— Да. Все ждут нас там.

Тодзи мгновенно помрачнел.

— Все? О ком ты? Я хотел побыть с тобой в спокойном месте. Если там полно народу, я не пойду!

Отказавшись от паланкина, Тодзи рассерженно зашагал прочь. Око пыталась объясниться, но он обозвал ее дурой. Досада, скопившаяся в Тодзи за время плавания, выплеснулась наружу.

— Сам найду где остановиться! — кричал он. — Мне не нужен паланкин. Как можно быть такой

безмозглой? Совсем не понимаешь меня!

Тодзи, вырвав руку из ладони Око, зашагал еще быстрее. Они дошли до рыбного рынка. Лавки уже закрылись, чешуя, покрывавшая землю, блестела, как маленькие серебряные раковины. Кругом никого не было, и Око обняла Тодзи, пытаясь смягчить его гнев.

— Отойди! — кричал он.

— Если ты не придешь в гостиницу со мной, все подумают, что произошло недоброе.

— Пускай.

— Пожалуйста, не говори так, — умоляла Око.

Ее холодная щека прижалась к его лицу. Он ощутил сладковатый аромат ее белил, запах волос, и злоба отпустила его.

— Умоляю! — повторяла Око.

— Ты огорчила меня.

— Знаю, но у нас будет возможность побыть наедине.

— Я так мечтал о двух-трех днях с тобой.

— Знаю.

— Зачем тогда притащила за собой эту ораву? Ты совсем не любишь меня.

— Опять за свое! — укоризненно произнесла Око. Отвернувшись, она притворилась, будто вот-вот заплачет, но, видимо передумав, попыталась

еще раз урезонить Тодзи.

Око, получив письмо, собралась в Осаку одна, но, как назло, в тот вечер к ним заявился Сэйдзюро с полудюжиной учеников, и Акэми проболталась о возвращении Тодзи. Компания тут же порешила поехать с Око в Осаку, прихватив и Акэми. Так набралось десять человек, которые поджидали Тодзи в Сумиёси.

Тодзи понимал, что Око ни в чем не виновата, но веселее ему не стало. Ему не везло сегодня, и он верил, что худшее ждет впереди. Первым делом, конечно, его спросят, сколько денег он собрал, а ответ его будет неутешительным. Еще страшнее обнажить голову. Как объяснить отсутствие пучка? Тодзи решил покориться судьбе.

— Хорошо, поедем, — вздохнул он. — Зови паланкин.

— Как я рада! — ворковала Око, уводя его назад к пристани.

Сэйдзюро и его компания вымылись в бане постоялого двора и уселись поджидать Тодзи с Око, закутавшись в теплые кимоно, которые выдавались постояльцам. Прошло некоторое время, но никто не появлялся.

— Какой толк торчать здесь? Они все равно рано или поздно придут, — сказал кто-то.

Естественным следствием этого замечания было распоряжение подать саке. Сначала пили, дабы убить время, но вскоре разгорячились, и чашечки с саке опустошались все быстрее. О Тодзи и Око вскоре забыли.

— А есть ли певички в Сумиёси?

— Вот это мысль! Почему бы не позвать пару-другую красоток?

Сэйдзюро колебался, пока кто-то не предложил ему уединиться с Акэми в соседней комнате, где ему будет спокойнее. Неуклюжая попытка избавиться от учителя вызвала у Сэйдзюро понимающую улыбку, но он обрадовался случаю. Куда приятнее побыть с Акэми в комнате, согретой жаровней-котацу, чем оставаться с бандой дебоширов. Он ушел, а гулянка продолжалась. В саду появились певицы, известные здесь под именем «гордость Тосамагавы». Их флейты и сямисэн были старыми, разбитыми и расстроенными.

— Почему такой шум? — строго обратилась к самураям одна из женщин. — Собрались напиться и затеять драку?

— Не задавай глупых вопросов! Никто не платит денег за драку. Мы вас позвали, чтобы выпить и поразвлечься, — ответил заводила компании.

— Хорошо, — сдержанно ответила гостья. —

Очень приятно, я бы попросила вас вести себя потише.

— Будь по-вашему! Споем вместе.

В присутствии женщин весельчаки упрятали волосатые ноги под кимоно, а лежавшие на татами сели в приличную позу. Под музыку настроение у всех улучшилось, и воцарилось веселье. В самый разгар гулянья появилась служанка и объявила, что человек, прибывший на корабле с Сикоку, уже в гостинице.

— О чем она? Кто еще приехал?

— Говорит, какой-то Тодзи.

— Прекрасно! Великолепно! Вернулся старина Тодзи… А кто такой Тодзи?

Появление Тодзи и Око не помешало веселью, вернее, их просто не заметили. Тодзи возмутился таким безразличием, считая, что друзья собрались для его встречи. Позвав служанку, он попросил проводить его к Сэйдзюро. Они были в коридоре, когда заводила, нетвердо держась на ногах, нагнал их и, обдавая Тодзи перегаром, повис у него на шее.

— Тодзи! — воскликнул он. — Вернулся! Верно, недурно провел время с Око, пока мы тебя ждали. Нехорошо!

Тодзи безуспешно стряхивал с себя пьяного.

Подгулявший самурай втащил его в комнату, наступив при этом на два подноса и опрокинув несколько кувшинчиков саке, и в конце концов повалился на пол, увлекая за собой Тодзи.

— Платок! — воскликнул Тодзи. Он схватился за макушку, но было поздно. Падая, пьяный приятель сорвал платок и теперь держал его в руке, тупо глядя на Тодзи. Все ахнули, уставившись на то место, где положено быть пучку.

— Что у тебя с головой?

— Ха-ха! Новая прическа?

— Ты где ее сделал?

Кровь бросилась в лицо Тодзи. Вырвав платок и прикрыв им голову, он забормотал:

— Ничего особенного, нарыв был.

Грянул хохот.

— Нарыв на память о путешествии?

— Прикрой позор!

— Нечего разглагольствовать, лучше покажи!

Никто не верил Тодзи. Все тешились от души, но компания быстро забыла об утраченном пучке, и гулянка продолжалась.

Утро встретили в ином настроении. В десять часов все собрались на берегу позади постоялого двора, трезвые и сосредоточенные. Самураи сидели кружком, кто выпрямившись, кто скре-

стив руки, но выражение лиц было одинаково серьезным.

— Неважное дело!

— Правда ли, что он рассказал?

— Слышал собственными ушами! По-твоему, я вру?

— Мы не можем пренебречь своим долгом. Речь идет о чести школы Ёсиоки. Надо действовать!

— Но как поступить?

— Время не упущено. Найдем человека с обезьяной и отрежем ему пучок. Покажем, что задета честь не только Гиона Тодзи, оскорблены имя и достоинство школы Ёсиоки. Согласны?

Вчерашний заводила гулянки выступал сегодня как бравый командир, готовящий солдат к бою.

Все началось раньше, когда очнувшиеся самураи приказали приготовить баню, чтобы смыть вчерашнее похмелье. В бане с ними оказался купец, который, не ведая, что они друзья Тодзи, рассказал о случившемся на корабле. В конце уморительной истории о том, как самурай лишился пучка волос, купец сказал, что бедняга называл себя старейшим учеником школы Ёсиоки в Киото. «Если это правда, — заключил купец, — то дела дома Ёсиоки куда хуже, чем говорят люди».

Мгновенно протрезвев, питомцы Ёсиоки бро-

сились на поиски невезучего товарища, чтобы узнать все из первых уст. Тодзи, рано позавтракав и переговорив с Сэйдзюро, уже отправился с Око в Киото. Ученики восприняли его отъезд как подтверждение правдивости истории, рассказанной купцом. Молодые самураи посчитали бессмысленным догонять трусливого Тодзи. Лучше отыскать незнакомца с обезьяной и отомстить за школу Ёсиоки.

Военный совет на морском берегу закончился, самураи, отряхнув песок с кимоно, начали действовать. Неподалеку у полосы прибоя резвилась босоногая Акэми. Она перебирала раковины. Зимнее солнце припекало, и морской йодистый запах поднимался из пены набегавших волн. Море насколько хватало глаз рябило белыми барашками.

Акэми с любопытством уставилась на учеников школы Ёсиоки, которые, придерживая мечи, разбегались в разные стороны.

— Куда вы? — окликнула она пробегавшего мимо ученика.

— Это ты! — узнал он девушку. — Не хочешь мне помочь? У каждого из нас свой участок для поиска.

— А кого вы ищете?

— Молодого самурая с длинными волосами. У него есть обезьяна.

— Что он сделал?

— Такое, что может запятнать имя молодого учителя, если не принять меры.

Сбивчивый рассказ о происшествии на корабле не заинтересовал Акэми.

— Просто ищете повод подраться, — с осуждением произнесла она.

— Дело не в драке. Если мы упустим юнца, позор падет на нашу школу, величайший центр боевого искусства.

— Ну и что?

— Ты полоумная, что ли?

— Вы, мужчины, постоянно суетитесь по пустякам.

— Неужели? — покосился самурай на девушку. — А сама что делаешь все утро?

— Я? — Акэми задумчиво посмотрела на чистый белый песок. — Ищу раковину.

— Зачем ее искать? Их тут бессчетное количество. Женщины глупее мужчин тратят время.

— Я ищу не обыкновенную раковину. Ее называют раковиной забвения.

— Впервые слышу!

— Ее можно отыскать только здесь, в Сумиёси.

— Бьюсь об заклад, что такой раковины нет.

— А вот есть! Не веришь — пойдем, я покажу.

Акэми потащила упиравшегося юношу к сосновой роще и указала ему на камень, на котором были выбиты странные стихи:

Позволило бы время,
Я нашел бы на берегу Сумиёси
То, что таится только здесь,
Раковину, которая дарует
Забвенье от любви.

— Видишь? Какое еще нужно доказательство? — гордо проговорила Акэми.

— Пустые слова, бессмысленная выдумка, которую сочиняют поэты.

— В Сумиёси есть еще цветы и вода, которые помогают человеку забыть о чем-нибудь.

— Предположим. А тебе это зачем?

— Очень просто. Спрячу раковину в оби или в рукав и все забуду.

Самурай рассмеялся:

— Хочешь стать более рассеянной, чем сейчас?

— Да. Хочу забыть все. Меня преследует нечто, мучающее меня днем и не дающее заснуть ночью. Вот я и разыскиваю раковину. Не уходи, поищем вместе.

— Нашла время для детских игр! — презрительно проговорил самурай и, вспомнив о задании, умчался прочь.

В минуты грусти Акэми казалось, что она обретет покой, забыв прошлое и живя одним настоящим. Она пока не решила, как поступить с дорогими ей воспоминаниями — сохранить их или выбросить в море. Если вправду существует раковина забвения, она не оставит ее при себе, а подсунет в рукав Сэйдзюро. Акэми вздохнула, воображая, какой приятной станет жизнь, если тот о ней забудет.

От мысли о Сэйдзюро у Акэми похолодело сердце. Она считала, что он существует на свете только для того, чтобы погубить ее юность. Когда он досаждал ей объяснениями в любви, Акэми находила спасение в мыслях о Мусаси. Воспоминания о нем не только спасали ее, но и доставляли страдания, вызывая желание перенестись в мир фантазии. Она боялась своей мечты, подозревая, что Мусаси давно о ней забыл. «Как бы изгнать его образ из воспоминаний!» — сокрушалась Акэми.

Голубые воды Внутреннего моря вдруг повлекли ее к себе. Акэми вздрогнула. Как легко можно исчезнуть в них!

Мать Акэми, а тем более Сэйдзюро не знали,

что девушку посещают отчаянные мысли. Все считали ее счастливой, немного капризной, бутоном, которому еще предстоит расцвести и познать настоящую любовь. Око и посетители «Ёмоги» обитали за пределами существа Акэми. Она смеялась и шутила в их присутствии, звеня колокольчиком на оби, манерничала, когда требовалось, но, оставаясь одна, впадала в задумчивость и грусть.

Слуга из постоялого двора прервал ее размышления. Завидев Акэми у камня со стихами, он подбежал, торопливо говоря:

— Барышня, куда же вы запропастились? Вас ищет молодой учитель, он очень волнуется.

Сэйдзюро был один. Он грел руки под красным стеганым одеялом, покрывавшим жаровню. В комнате было тихо. Сосны в саду шелестели на зимнем ветру.

— Неужели выходила в такой холод? — спросил Сэйдзюро.

— Холод? Ничуть. На берегу даже припекает.

— Что делала там?

— Искала раковину.

— Как дитя малое!

— А я еще не взрослая.

— Сколько, по-твоему, тебе исполнится в следу-

ющий день рождения?

— Не имеет значения. Я все еще ребенок. Разве это плохо?

— Вот именно, очень плохо. Ты должна обдумать планы матери о твоем будущем.

— Матери? Ей нет до меня дела. Она считает, что сама еще молодая.

— Сядь!

— Не хочу. Здесь слишком жарко. Не забывай, я еще маленькая.

— Акэми! — Сэйдзюро, сжав ее запястье, притянул к себе. — Никого нет. Твоя мать предусмотрительно вернулась в Киото.

Акэми, застыв от неожиданности, взглянула на горящие глаза Сэйдзюро. Она хотела вырваться, но самурай держал ее за руку.

— Почему ты убегаешь? — укоризненно промолвил Сэйдзюро.

— Я не убегаю.

— Здесь ни души. Прекрасный случай, Акэми.

— Для чего?

— Не упрямься! Мы знаем друг друга почти год. Тебе известно о моих чувствах. Око давно дала мне разрешение. Она говорит, что ты избегаешь близости со мной, потому что я не нашел правильного подхода к тебе. Так давай же сегодня…

— Замолчи! Отпусти руку! Сейчас же!

Акэми, неожиданно замолчав, стыдливо опустила голову.

— Я тебе совсем не нравлюсь?

— Замолчи! Пусти!

Рука Акэми онемела в тисках Сэйдзюро, но он не выпускал ее. Девушка не могла сопротивляться боевому приему в стиле Кёхати.

Сэйдзюро сегодня не походил на себя. Он часто обретал радость и утешение в саке, но в это утро не выпил ни капли.

— Акэми, почему ты так ко мне относишься? Хочешь унизить?

— Не хочу говорить с тобой. Отпусти, или я закричу.

— Кричи! Никто не услышит. Главный дом далеко, да я предупредил, чтобы меня не беспокоили.

— Я хочу уйти.

— Не пущу.

— Мое тело тебе не принадлежит.

— Думаешь? Спроси-ка лучше у матери! Я, разумеется, заплатил вперед.

— Пусть мать продала меня, но я не продаюсь! Тем более человеку, которого ненавижу больше смерти.

— Ах, так! — взревел Сэйдзюро, набрасывая на голову Акэми красное одеяло.

Девушка пронзительно закричала.

— Кричи, мерзавка! Кричи сколько хочешь. Никто не придет.

На сёдзи, освещенных бледным солнцем, двигались тени сосен, словно ничего не произошло. На дворе стояла тишина, нарушаемая отдаленным шумом моря и голосами птиц.

Глухие рыдания Акэми смолкли. Вскоре в коридор вышел смертельно бледный Сэйдзюро, прикрывая правой рукой окровавленную и исцарапанную левую.

Спустя несколько мгновений дверь резко распахнулась, и из комнаты выбежала Акэми. Сэйдзюро, обматывавший полотенцем руку, вскрикнул от неожиданности. Он пытался остановить Акэми, но не успел. Девушка как безумная промчалась мимо.

Сэйдзюро нахмурился, но не пошел следом за Акэми. Она пробежала по саду и скрылась в другой части постоялого двора.

Озабоченность на лице Сэйдзюро вскоре сменилась кривой ухмылкой. Она выражала глубокое удовлетворение.

Геройская смерть

— Дядюшка Гон!

— Что?

— Устал?

— Немного.

— Так я и думала. Я тоже запыхалась. Какая же красота вокруг! Видишь вон то апельсиновое дерево? По-моему, это священное дерево Вакамии Хатимана.

— Похоже.

— Когда императрица Дзингу покорила Корею, то правитель Силла послал ей восемьдесят кораблей дани. Это дерево было первым подношением.

— Взгляни на Конюшню священных лошадей! Видишь того коня? Наверняка тот, который пришел первым на ежегодных скачках в Камо.

— Ты про белого коня?

— Да-да. А что на этой вывеске?

— Написано, что бобы из фуража лошадей целебные. Если сделать из них отвар и пить на ночь, то перестанешь кричать во сне и скрипеть зубами. Возьмем тебе?

— Не глупи, — засмеялся дядюшка Гон. Затем,

оглянувшись, спросил: — А где Матахати?

— Сзади где-то плетется.

— А, вижу! Отдыхает у помоста для священных танцев.

Старуха махнула рукой, подзывая сына.

— Мы пойдем в эту сторону, посмотрим великие ворота-тории, но сначала полюбуемся большим фонарем.

Матахати неохотно поплелся следом. Он неотлучно находился при матери с тех пор, как она поймала его в Осаке. И все это время они были на ногах, бредя без устали. Его терпение иссякло. Можно стерпеть десяток дней хождения по достопримечательностям, но Матахати боялся, что мать и Гон заставят его искать их общих врагов. Он попытался разубедить их, говоря, что ему лучше одному найти Мусаси и расправиться с ним. Мать не хотела даже слышать об этом.

— Наступает Новый год, — наставительно говорила она, — и я хочу встретить его с тобой. Мы слишком давно не праздновали вместе, а этот Новый год может оказаться последним.

Матахати понимал, что он не сможет ей отказать, но про себя твердо решил отделаться от родных сразу после праздника. Осуги и Гон предались истовой вере, очевидно чувствуя, что

жить им уже недолго. Они останавливались у каждого синтоистского и буддийского храма, делали приношения, долго молились богам и буддам. Весь сегодняшний день они провели в храме Сумиёси.

Матахати, которому до смерти надоели благочестивые хождения, плелся сзади.

— Нельзя ли побыстрее? — подгоняла его Осуги.

Матахати и не думал убыстрять шаг. Мать раздражала его, как и он ее.

— То гонишь меня, то заставляешь ждать, — ворчал он. — То беги, то жди, то торопись, то стой столбом!

— А что прикажешь делать с таким, как ты? Когда приходишь к святому месту, следует останавливаться и молиться. Ни разу не видела, чтобы ты вознес молитву богам или Будде. Попомни, ты об этом пожалеешь! Молился бы, и ждать пришлось меньше.

— Как вы мне надоели! — проворчал Матахати.

— Кто надоел? — негодующе воскликнула Осуги.

Первые дни после встречи их отношения были сладкими, как мед, но, попривыкнув к матери,

Матахати начал во всем ей перечить и высмеивать при каждом удобном случае. Вечером, вернувшись на постоялый двор, Осуги усаживала перед собой сына и читала ему наставления, от которых настроение у него окончательно портилось.

— Ну и парочка! — переживал дядюшка Гон.

Он изо всех сил старался угомонить старуху и приободрить племянника. Вот и сейчас, чувствуя, что приближается очередное наставление, дядюшка Гон попытался предотвратить новую стычку.

— Пахнет чем-то вкусным! — воскликнул он. — В харчевне на берегу продают печеные устрицы. Неплохо бы откушать.

Ни мать, ни сын не выказали радости от предложения, но дядюшке Гону удалось затащить их в лавку, завешенную от песка тростниковыми циновками. Пока Осуги и Матахати устраивались поудобнее, Гон сбегал за саке. Протягивая чашечку Осуги, он весело проговорил:

— Угостим и Матахати для бодрости. По-моему, ты слишком сурова с ним.

— Я пить не буду! — отрезала Осуги, отвернувшись от брата.

Дядюшка Гон предложил саке Матахати, ко-

торый с хмурым видом опорожнил подряд три кувшинчика, прекрасно сознавая, что его поведение выведет мать из себя. Когда он потребовал четвертый, Осуги не выдержала.

— Довольно! — остановила она его. — Мы здесь не на прогулке и не для того, чтобы напиваться. Это и тебя касается, Гон. Ты старше Матахати и должен соображать.

Пристыженный дядюшка Гон заволновался, словно пил только он один, и принялся тереть лоб и щеки, чтобы укрыться от взгляда Осуги.

— Ты права, — покорно пробормотал он, поднимаясь на ноги.

Гон отошел в сторону, и начался скандал. Матахати задел за живое властное и нежное материнское сердце Осуги, переживающей за судьбу сына. Она не могла сдержаться до возвращения на постоялый двор, чтобы излить накипевшее на душе. Она набросилась на Матахати с руганью, не обращая внимания на посторонних. Он угрюмо ждал, когда мать выдохнется, вызывающе поглядывая на нее.

— Прекрасно! — заявил он. — Ты записала меня в неблагодарные лодыри без чести и совести. Так?

— Именно! Что ты сделал для защиты своей

чести?

— Я не такой никчемный, как ты думаешь. Многое тебе неизвестно.

— Я не знаю? Никто не знает детей лучше, чем их родители. День твоего появления на свет был несчастливым для дома Хонъидэн.

— Не торопись с выводами! Я еще молод. На смертном одре ты пожалеешь о своих упреках.

— Насмешил! Сто лет придется ждать такого исправления. Как горько думать об этом!

— Если тебя удручает такой сын, как я, то мне нечего болтаться с вами. Я ухожу!

Сопя от гнева, Матахати встал и решительно вышел из харчевни. Потрясенная Осуги жалким, дрожащим голосом окликала сына, но тот не оборачивался. Дядюшка Гон мог бы догнать племянника, но в это время он отвлекся, пристально вглядываясь в сторону моря.

Осуги встала, потом снова присела.

— Не пытайся его остановить, — сказала она Гону, — бесполезно.

Дядюшка Гон, обернувшись к Осуги, заговорил что-то невпопад.

— Девушка ведет себя странно. Подожди минутку!

Дядюшка Гон, повесив шляпу на гвоздь под

навесом, стрелой помчался к воде.

— Болван! — кричала Осуги. — Ты куда? Матахати совсем…

Осуги побежала вслед за стариком, но запуталась в выброшенных прибоем водорослях и повалилась ничком на песок. Сердито бормоча, она поднялась, стряхивая песок с лица и груди. Она взглянула на дядюшку Гона, и глаза ее едва не выкатились от удивления.

— Старый дурак! Куда полез? Совсем спятил?

Осуги от волнения словно обезумела. Со всех ног она кинулась вдогонку за Гоном, но не успела. Дядюшка Гон был уже по колено в воде и шел дальше.

Он выглядел невменяемым в пене прибоя. Впереди него двигалась девушка, торопливо устремляясь в пучину. Дядюшка Гон заметил ее, когда та стояла в тени сосен, безумным взглядом вглядываясь в море. Девушка внезапно сорвалась с места и бросилась к воде, разметав по ветру длинные волосы. Вода доходила ей до пояса, и она быстро приближалась к тому месту, где дно круто обрывается. Отчаянно крича, дядюшка Гон настигал девушку, но она заспешила что было сил. Девушка вдруг скрылась под водой, оставив на поверхности маленькую воронку.

— Безумное дитя! — кричал дядюшка Гон. — Задумала убить себя?

С этими словами он тоже ушел под воду.

Осуги металась на берегу. Когда Гон и девушка исчезли, она пронзительно закричала, созывая на помощь. Осуги размахивала руками, падала, поднималась, приказывала всем, кто оказался рядом, спасать утопающих, словно эти люди были причиной несчастного случая.

— Спасайте их, раззявы! Что глазами хлопаете? Утонут ведь!

Вскоре рыбаки вытащили тела девушки и дядюшки Гона.

— Двойное самоубийство влюбленных? — спросил один.

— Брось шутить! — рассмеялся другой.

Дядюшка Гон и девушка не подавали признаков жизни. Старик успел поймать девушку за оби, его пальцы так и остались судорожно сжатыми. Девушка являла собой странное зрелище — волосы спутаны и покрыты тиной, но вода не тронула белил с лица и помаду на губах. Она казалась живой. Пурпурный рот будто бы смеялся, хотя нижняя губа была прикушена.

— Где-то я ее видел, — промолвил один из зевак.

— Кажется, она недавно собирала раковины на берегу.

— Точно! Она живет на постоялом дворе.

Со стороны постоялого двора приближалось человек пять, среди них был и Сэйдзюро. Затаив дыхание, он растолкал толпу и остановился перед девушкой.

— Акэми! — закричал он. Сэйдзюро побледнел, но твердо держался на ногах.

— Ваша знакомая? — спросил рыбак.

— Д-да…

— Надо побыстрее откачать ее.

— Ее можно спасти?

— Вряд ли, если будете стоять с раскрытым ртом.

Рыбаки разжали руку дядюшки Гона, уложили утопленников рядом и принялись поколачивать их по спине и нажимать на живот. Акэми вскоре задышала. Сэйдзюро приказал слуге с постоялого двора поскорее унести ее.

— Гон! Гон! — кричала Осуги в ухо старика, обливаясь слезами.

Акэми ожила, потому что была молода, но дядюшка Гон… Он был не столько стар, но выпил изрядно. Его дыхание замерло навсегда, и как бы ни билась в крике Осуги, ему уже никогда не

открыть глаза.

— Старик умер, — сказали рыбаки, отступив от тела.

Осуги, сдержав рыдания, набросилась на них, как на врагов.

— Что болтаете? Девушку можно спасти, а его нельзя?

Осуги готова была броситься на рыбаков с кулаками. Она растолкала мужчин, крича:

— Сама откачаю его, я вам покажу, как это делается!

Старуха взялась за Гона, пробуя все известные ей способы. Ее решимость растрогала некоторых до слез, кое-кто стал ей помогать. Осуги, однако, не намеревалась оценить их бескорыстие. Она командовала помощниками, кричала, что они нажимают не там и не так, что от них нет толку, приказывала то разжечь костер, то сбегать за лекарством. Ее поведение было отвратительным. Его не потерпели бы друзья или родственники, не говоря о посторонних людях. Возмутились даже самые терпеливые.

— Кто она, эта старая карга? — ворчал один.

— Не соображает, кто мертвец, а кто сознание потерял. Пусть оживляет покойника, коли умеет!

Скоро Осуги осталась одна с телом дядюшки Гона. Сгущалась темнота, над морем повис туман, и лишь на горизонте светилась оранжевая полоска — след уходящего дня. Разложив костер, Осуги села, прижав к себе мертвого Гона.

— Гон! Гон! — стонала Осуги.

Море почернело. Осуги старалась согреть хладное тело. Она надеялась, что дядюшка Гон вот-вот откроет глаза и заговорит. Она разжевывала пилюли из коробочки для лекарств, которую носила в оби, и запихивала их в рот Гона. Она обняла его, покачивая, как дитя.

— Открой глаза, Гон! — причитала Осуги. — Отзовись! Ты не должен бросать меня! Мы ведь не убили Мусаси и не наказали развратную Оцу.

Акэми забылась неспокойным сном. Она что-то бормотала в забытьи, когда Сэйдзюро поправлял подушку под ее пылавшей жаром головой. Он сидел рядом, лицо его было бледнее, чем у Акэми. Он страдал, видя мучения, причиненные по его вине. Влекомый животной похотью, он взял девушку силой. Сейчас он смущенно сидел рядом с Акэми, пробуя ее пульс, прислушиваясь к ее дыханию, молясь о том, чтобы жизнь вернулась к ней. В один день он побывал и грубым животным, и полным сострадания человеком. Сэйдзюро,

человеку крайностей, такое состояние казалось естественным. Он сидел, устремив печальный взор на Акэми. Горькие складки залегли вокруг его рта.

— Успокойся, Акэми, — шептал он. — Не я один, большинство мужчин такие… Скоро сама поймешь. Тебя, конечно, потрясла необузданность моей любви.

Трудно сказать, искренне он обращался к девушке или успокаивал собственную совесть, но Сэйдзюро повторял эти слова вновь и вновь.

Комнату залил мрак. Сёдзи приглушали шум ветра и волн.

Акэми шевельнулась, белая рука выскользнула из-под одеяла.

— К-какое сегодня число? — пробормотала она.

— Что? — спросил Сэйдзюро, поправляя одеяло.

— Сколько дней… осталось… до Нового года?

— Всего семь. За это время ты поправишься, и мы вернемся в Киото.

Сэйдзюро склонился к Акэми, но она оттолкнула его.

— Уйди! Ты мне противен!

Сэйдзюро выпрямился.

— Скотина! Животное! — повторяла в полубре-

ду Акэми.

Сэйдзюро молчал.

— Зверь. Не хочу тебя видеть!

— Прости меня, Акэми!

— Уходи! Не хочу слышать тебя!

Акэми вытянула белевшую в темноте руку, будто защищаясь от Сэйдзюро. Он молча сглотнул подкативший к горлу комок.

— Какое… какое число? — прошептала Акэми.

Сэйдзюро не ответил.

— Новый год не наступил? С первого по седьмое число, каждый день… он будет на мосту… Мусаси велел передать… что каждый день на мосту на улице Годзё. Новый год еще не скоро… Я должна вернуться в Киото… Я пойду к мосту и увижу его.

— Мусаси? — изумленно пробормотал Сэйдзюро.

Акэми впала в забытье.

— Мусаси? Миямото Мусаси?

Сэйдзюро припал к ее лицу, но губы Акэми не шевелились. Синие веки сомкнулись. Казалось, Акэми погрузилась в глубокий сон.

Ветер швырял сухие иголки сосны в сёдзи. Послышалось лошадиное ржание. За перегородкой засветился огонь, и служанка произнесла:

— Молодой учитель, вы здесь?

Сэйдзюро стремительно вышел в соседнюю комнату, тщательно задвинув за собой фусума.

— Я здесь. В чем дело?

— Уэда Рёхэй, — последовал ответ.

Рёхэй в дорожном костюме, покрытый пылью, вошел в комнату. Здороваясь, Сэйдзюро гадал, что привело Рёхэя сюда. Он, как и Тодзи, был старшим учеником и должен был присматривать за домом. Он не приехал бы без веской причины.

— Почему ты здесь? Дома что-то случилось? — спросил Сэйдзюро.

— Да, тебе придется немедленно вернуться.

— Что стряслось?

Рёхэй вытаскивал что-то из-за пазухи. Раздался голос Акэми:

— Ненавижу! Животное! Уходи!

Голос ее дрожал от страха. Она говорила внятно, словно ей кто-то угрожал наяву.

— Кто там? — удивленно произнес Рёхэй.

— Что? Акэми. Заболела, у нее жар. Бредит постоянно.

— Акэми?

— Не обращай внимания. С чем ты приехал?

Рёхэй извлек письмо из-под нижнего пояса и протянул его учителю.

— Вот, — коротко сказал он, пододвигая Сэйдзю-

ро лампу, оставленную служанкой.

— От Миямото Мусаси. Гм…

— Да, — многозначительно ответил Рёхэй.

— Вы прочитали?

— Да. Решили, что оно может оказаться важным, поэтому распечатали.

Сэйдзюро, почему-то не читая, спросил:

— Что в нем?

По негласному уговору все в доме Ёсиоки не упоминали Мусаси, хотя мысль о нем исподволь точила Сэйдзюро. Он уговорил себя, что грозный ронин больше не появится. Неожиданное письмо, сразу после того как Акэми произносила имя Мусаси, повергло Сэйдзюро в ужас, от которого по спине забегали мурашки.

Рёхэй злобно поджал губы.

— Дождались! Я был уверен, что после побоища прошлой весной он не осмелится сунуть нос в Киото. Невообразимая наглость! Его письмо — вызов. Ему хватает смелости адресовать его всему дому Ёсиоки, хотя под письмом только его подпись. Вообразил, что в одиночку разделается с нами!

Мусаси не указал обратный адрес, из письма нельзя было понять, где он сейчас находится. Он не забыл обещания, данного Сэйдзюро и его

ученикам в первом письме. Второе означало, что вызов брошен. Мусаси объявил войну дому Ёсиоки, войну до последней капли крови, в которой самурай сражается до победного конца, защищая честь и доказывая в бою умение владеть мечом. Ставкой Мусаси была его жизнь. Он ожидал того же от самураев школы Ёсиоки. Теперь увертки и хитроумные отговорки теряли смысл.

Сэйдзюро пока не осознал серьезность положения. Он не понял, что роковой день неумолимо наступает, что преступно тратить время на пустые развлечения.

Когда письмо прибыло в Киото, некоторые наиболее способные ученики, возмущенные разнузданной жизнью молодого учителя, открыто осудили Сэйдзюро за его отсутствие в такой важный момент. Уязвленные оскорблением ронина-одиночки, они горько сожалели, что Кэмпо нет вместе с ними. Обсудив дело, они решили известить Сэйдзюро и потребовать немедленного возвращения в Киото. И вот сейчас, когда Сэйдзюро привезли письмо, он не удосужился прочитать его, просто положил на колени.

— Не считаешь нужным прочитать письмо? — с явным раздражением спросил Рёхэй.

— Что? Письмо! — рассеянно отозвался Сэйдзю-

ро. Он развернул свиток. Пальцы его невольно задрожали. Он растерялся не столько от резкости вызова Мусаси, сколько от сознания собственной слабости и беззащитности. Сэйдзюро потерял самообладание, услышав горькие слова Акэми, отвращение девушки задело его самурайскую гордость. Он впервые чувствовал себя совершенно бессильным.

Послание Мусаси было кратким и откровенным.

> «Надеюсь, Вы в добром здравии. Выполняя данное мною обещание, прошу сообщить день, час и место нашей встречи. Я не имею особых условий и готов провести поединок в назначенном Вами месте в удобное для Вас время. Прошу известить меня, выставив объявление у моста на улице Годзё до седьмого дня Нового года. Надеюсь, что Вы, как всегда, оттачиваете фехтовальное мастерство. Я, кажется, немного преуспел в этом деле.
>
> ***Симмэн Миямото Мусаси».***

Сэйдзюро, спрятав письмо за пазуху, встал.

— Еду немедленно!

Им двигала не решимость. Сэйдзюро находился

в таком смятении, что не вынес бы здесь ни минуты. Ему хотелось бежать прочь и поскорее забыть ужасный день. Он позвал хозяина и попросил его позаботиться об Акэми, на что тот согласился с большой неохотой, несмотря на хорошие деньги, предложенные Сэйдзюро.

— Я возьму твою лошадь, — сказал Сэйдзюро Рёхэю.

Как убегающий преступник, он вскочил в седло и стремительно поскакал сквозь темную аллею. Рёхэю оставалось лишь пуститься бегом за учителем.

«Сушильный шест»

— Парень с обезьяной? Да, недавно проходил.

— Куда? Не заметили, куда он отправился?

— К мосту Нодзин. Кажется, через мост не переходил, а свернул к оружейнику в лавку.

Посовещавшись, ученики школы Ёсиоки бросились дальше, оставив прохожего гадать о причине переполоха.

Большинство лавок вдоль Восточного рва уже закрылось, но заведение оружейника еще работало. Один из учеников, зайдя в лавку, расспросил подмастерье и выбежал, громко крича:

— Тэмма! Он направился в Тэмму!

Самураи ринулись дальше.

По словам подмастерья, самурай с длинными волосами заявился, когда в лавке собирались закрывать ставни на ночь. Сбросив обезьянку у входа, он уселся и потребовал хозяина. Ему сказали, что хозяин вышел. Тогда самурай сообщил, что хотел бы наточить меч, но его оружие настолько дорогое, что его можно доверить только настоящему мастеру. Он захотел посмотреть образцы мечей их работы. Подмастерье показал самураю несколько клинков, и он презрительно

отозвался о них.

— Похоже, делаете только заурядное оружие, — высокомерно сказал он. — Свой меч я вам не доверю. Он слишком хорош — работы мастера из Бидзэна. Меч называется «Сушильный шест». Видишь? Само совершенство! — Самурай показал меч с явной гордостью.

Хвастовство молодого человека позабавило подмастерья, который заметил, что единственная особенность меча — прямой и длинный клинок. Молодой человек, оскорбившись, встал и спросил, как пройти к причалу в Тэмме, откуда отплывают барки в Киото.

— О мече позабочусь в Киото, — сказал он. — Все, что делают оружейники в Осаке, — железки, годные лишь для простых пеших воинов. Простите за беспокойство! — Он обвел лавку холодным взглядом и вышел.

Рассказ подмастерья окончательно разозлил учеников школы Ёсиоки. Они получили еще одно подтверждение непомерной наглости молодого человека. Срубив пучок с головы Гиона Тодзи, хвастун совсем забылся.

— Теперь он в наших руках!

— Считай, что поймали!

Преследователи торопились, даже не переды-

хая, и на закате достигли пристани Тэмма.

— Опоздали! — воскликнул один из них, увидев, что последняя в этот день барка уже отплыла.

— Не может быть!

— С чего ты взял, что мы опоздали?

— Сам не видишь? Смотри вон туда! — возразил первый самурай, указывая на пристань. — В харчевнях собирают в кучу скамейки, значит барка отчалила.

С минуту все стояли обескураженные и растерянные. Наведя справки, узнали, что молодой человек с обезьяной действительно отплыл с последней баркой, которая пойдет без остановки до Тоёсаки. Путь в Киото был вверх по течению, и барки плывут очень медленно. Ученики спокойно могли догнать ее в Тоёсаке.

Имея в запасе время, они попили чаю с рисовыми колобками и дешевыми сладостями, затем бодро зашагали вдоль берега. Река, извиваясь, как серебряная змея, убегала вдаль, где Накацу и Тэмма соединяются, давая начало реке Ёдо. Недалеко от места слияния на середине реки мигали огни барки.

— Вон она! — закричал один из учеников.

Семеро молодых самураев от радости мигом забыли о пронизывающем холоде. В голых при-

дорожных полях сухая стерня, покрытая инеем, блестела словно крохотные стальные клинки. Дул ледяной ветер.

Самураи быстро нагоняли барку, палубные фонари были совсем близко.

Один из них сгоряча заорал:

— Эй, на барке! Тормози!

— Зачем? — отозвались с реки.

Ученики набросились с руганью на ретивого однокашника, по глупости которого их не вовремя обнаружили. Барка обязательно остановилась бы у следующей пристани. Преследователи выдали себя, поэтому вынуждены были потребовать, чтобы нужного им человека высадили на берег.

— Нужно бросить ему вызов сейчас, иначе, заподозрив неладное, он прыгнет за борт и улизнет. Ему ничего не стоит сбежать.

Шагая вровень с баркой, самураи повторили свое требование. Строгий голос, несомненно хозяина лодки, потребовал объяснений.

— Причаливай к берегу!

— С ума сошли? — последовал ответ, сопровождаемый раскатистым смехом.

— Немедленно!

— Не дождетесь!

— Мы встретим вас на следующей пристани.

Есть дело к одному из ваших пассажиров. Молодой человек с длинным чубом и обезьяной. Скажи ему, чтобы показался, если у него есть хоть капля гордости. Упустишь его, всех вас за борт вышвырнем.

— Не разговаривайте с ним! — умолял какой-то пассажир.

— Пусть болтают! Не обращайте внимания! — советовал другой. — Надо плыть до Моригути, там есть стража.

Большинство жалось от страха, говоря вполголоса. Путник, минуту назад лихо отвечавший самураям, примолк. Безопасность всех людей на барке зависела от расстояния до берега.

Семеро самураев, подоткнув рукава и положив ладони на эфесы мечей, шагали вровень с баркой. Воины остановились, надеясь получить ответ на свой вызов, но его не последовало.

— Эй, на барке! Оглохли? — заорал один из них. — Пусть этот хвастунишка подойдет к борту!

— Вы обо мне? — послышался решительный голос.

— Он там! И, по обыкновению, нахальный! — закричали преследователи, указывая пальцами на барку.

Пассажиры дрожали от страха. Им казалось, что самураи в любой момент окажутся на палубе.

Молодой человек с длинным мечом стоял твердо, словно ноги его вросли в палубу. Белые зубы перламутрово блестели в лунном свете.

— Обезьяна только у меня, поэтому я предполагаю, что вы интересуетесь именно мною! — крикнул он. — Кто вы? Ловцы удачи? Компания голодных бродячих актеров?

— Ты не знаешь, с кем говоришь, любитель обезьян. Прикуси язык, перед тобой воины из дома Ёсиоки.

Перебранка не затихала. Барка приближалась к дамбе Кэма, где был навес и причальные столбы. Самураи побежали к причалу, чтобы не выпустить людей на берег, но барка, замедлив ход, закружилась посредине реки.

Люди Ёсиоки бесновались на берегу.

— Что случилось?

— Не будете же вы торчать там!

— Причаливайте, или вам не поздоровится!

Поток угроз не иссякал, и наконец барка направилась прямо к берегу.

— Заткнитесь, болваны! — проревел голос с реки. — Причаливаем. Готовьтесь к защите!

Не обращая внимания на протесты пассажиров,

молодой человек кормовым шестом направил барку к берегу. Самураи поспешили к месту, где нос судна должен коснуться берега. Они видели, как фигура человека с кормовым шестом становится все больше. Барка вдруг рванулась вперед, и противник самураев оказался в роли нападающего. Днище заскрипело по песку, самураи отпрянули назад, и что-то темное и круглое, пролетев над камышами, вцепилось в шею одного из преследователей. Выхватив мечи, самураи бестолково размахивали ими, не сообразив, что в них швырнули обезьяну. Растерянность они пытались скрыть командами, которые громко выкрикивали друг другу.

Испуганные пассажиры сгрудились в дальнем конце барки. Суматоха в группе преследователей приободрила их, хотя и озадачила, но никто не осмелился заговорить. Все головы вдруг разом повернулись в одну сторону, и толпа замерла.

Новоявленный кормчий, опершись шестом в дно реки, легче обезьяны перелетев заросли камыша, оказался на берегу. Семеро самураев оторопели. Не сообразив перегруппироваться, люди Ёсиоки по одному атаковали молодого человека, следуя друг за другом цепочкой, что дало ему явное преимущество. Первый из семерки под-

бежал слишком близко, но исправлять ошибку было поздно. Военные науки, преподанные ему в школе Ёсиоки, мгновенно вылетели из головы. Оскалившись, он беспорядочно размахивал мечом перед собой.

Превосходство духа придало уверенности молодому человеку. Он застыл в решительной позе, закинув правую руку за плечо и сжимая эфес меча. Локоть его был поднят над плечом.

— Вы, значит, из школы Ёсиоки? Очень приятно. У меня такое ощущение, будто я давно вас знаю. Один из вас любезно позволил мне срезать пучок с его головы. Видимо, этого мало. Все хотите постричься? К вашим услугам. Меча для доброго дела не пожалею — все равно его скоро точить.

Тирада закончилась, и «Сушильный шест» рассек воздух. Самурай, стоявший ближе всех, рухнул наземь. Мгновенная смерть товарища парализовала волю остальных. В смятении они пятились, наталкиваясь друг на друга, как рассыпанные шары. Воспользовавшись их паникой, молодой человек, сделав выпад в сторону, нанес удар такой мощи, что атакованный самурай отлетел в камыши, издав пронзительный вопль.

Молодой человек обвел горящим взором пятерку, которая окружила его, как лепестки венчик

цветка. Уверенные в правильности тактики, ученики школы Ёсиоки воспряли духом до того, что вновь повели себя вызывающе. В выкриках, правда, не было прежней самоуверенности.

Один из них бросился вперед с громким боевым кличем. Он считал, что на сей раз не промахнулся, но острие меча, прочертив дугу, прошло в полуметре от цели и со звоном ударилось о камень. Самурай упал, открытый для удара противника. Молодой человек пренебрег легкой добычей. Отпрыгнув в сторону, он разрубил еще одного преследователя. Его предсмертный вопль еще не утих, когда уцелевшие трое бросились наутек.

Молодой человек стоял, обхватив эфес обеими руками. Вид его устрашал.

— Трусы! — крикнул он. — Вернитесь и сражайтесь! Это и есть славный стиль Ёсиоки? Вызвать человека на поединок и удрать? Недаром дом Ёсиоки сделался посмешищем.

Уважающий себя самурай предпочел бы оказаться оплеванным, чем выслушивать такие оскорбления, но ученикам школы Ёсиоки сейчас было не до чести.

Со стороны дамбы послышался звон бубенцов — кто-то ехал на лошади. Река и иней на полях отражали достаточно света, чтобы молодой че-

ловек разглядел всадника и бежавшего следом человека. Из ноздрей путников вырывался пар, но они не замечали мороза. Всадник резко осадил лошадь, когда убегавшие самураи едва не налетели на нее. Узнав своих, Сэйдзюро гневно закричал:

— Почему вы здесь? Куда несетесь?

— Молодой учитель, там… там, — заикаясь, пролепетал один.

Появившийся из-за лошади Уэда Рёхэй с бранью набросился на учеников:

— Это что такое? Вы должны были сопровождать молодого учителя, бездельники! Еще один пьяный дебош?

Потрясенные ученики оскорбились. Они рассказали, что не пили, а отстаивали честь школы и ее главы и как жестоко наказал их молодой, но демонического вида самурай.

— Вот он! — воскликнул один из учеников, застывшим взором глядя на приближавшегося врага.

— Молчать! — нетерпеливо приказал Рёхэй. — Слишком много болтаете. Хороши защитники чести Ёсиоки! Ваш подвиг ославил школу так, что нам никогда не смыть позора. Пошли прочь! Сам разберусь! — Рёхэй принял атакующую по-

зицию.

Молодой человек стремительно приближался.

— Стойте и сражайтесь! — кричал он. — Бегство с поля боя — «Искусство войны» в стиле Ёсиоки? Я совсем не хочу убивать вас, но мой «Сушильный шест» еще не утолил жажду. У вас, трусов, единственный выбор — оставить головы поверх следов от ваших пяток!

Молодой человек огромными скачками мчался по дамбе, казалось, еще миг — и он перелетит через Рёхэя. Тот, поплевав на ладони, покрепче сжал эфес меча.

Золотистая накидка молодого человека мелькнула рядом. Рёхэй с воплем замахнулся мечом. Клинок со свистом опустился, не задев цели. Молодой человек резко повернулся.

— Что! Еще один, новенький?

Рёхэй, спотыкаясь, по инерции сделал несколько шагов. Молодой человек бросился на него. Никогда прежде Рёхэй не переживал такой сокрушительной атаки. Он едва увернулся, но свалился с дамбы на рисовое поле. К счастью, дамба была низкой, а земля замерзшей, но он выронил меч и совершенно растерялся. Вскарабкавшись наверх, он увидел, как молодой человек, словно рассвирепевший тигр, разогнав мечом троих учеников,

добрался до Сэйдзюро.

Сэйдзюро до этой минуты не испытывал страха. Он надеялся, что бой закончится без его вмешательства. Сейчас опасность маячила перед ним в виде окровавленного меча.

— Стой, Ганрю! — крикнул Сэйдзюро, ощущая неудержимый внутренний порыв. Высвободив ногу из стремени, он встал на седло, выпрямился и, когда конь рванулся вперед, перемахнул через голову молодого человека. Сэйдзюро кувыркнулся в воздухе и твердо приземлился на ноги.

— Великолепно! — воскликнул молодой человек, не скрывая восхищения. — Ты мне враг, но я признаю, что этот прыжок неподражаем. Ты, верно, сам Сэйдзюро. Защищайся!

Боевой дух молодого человека воплотился в длинном мече, который неумолимо надвигался на Сэйдзюро. Несмотря на слабости и недостатки, Сэйдзюро был сыном Кэмпо и мог, не дрогнув, смотреть опасности в лицо. Твердым голосом он обратился к молодому человеку:

— Ты Сасаки Кодзиро из Ивакуни. Я знаю. И ты угадал, что я Ёсиока Сэйдзюро. У меня нет желания драться с тобой. Отложим поединок до лучшего времени, если есть необходимость сразиться. Хочу знать, как произошло недоразу-

мение с моими учениками. Убери меч.

Когда Сэйдзюро назвал молодого человека Ганрю, тот, видимо, не услышал. Но сейчас, услышав имя Сасаки Кодзиро, юноша застыл в удивлении.

— Как ты узнал меня? — спросил он.

Сэйдзюро хлопнул себя по бедру:

— Предположение меня не подвело! Рад встретиться! Много слышал о тебе.

— От кого?

— От твоего покровителя Ито Ягоро.

— Ты его друг?

— Да. До прошлой осени он жил в уединении на горе Кагура в Сиракаве. Я часто навещал его. И он бывал у меня.

Кодзиро улыбнулся.

— Можно считать, что мы немного знакомы.

— Конечно. Иттосай часто вспоминал о тебе. Рассказывал, что в Ивакуни есть некий Сасаки, который, освоив стиль Тоды Сэйгэна, занимался под руководством Канэмаки Дзисая. Говорил, что Сасаки — самый молодой из учеников Дзисая, но придет день, когда один он сможет бросить вызов Иттосаю.

— Никак не пойму, почему ты сразу узнал меня.

— Ты молод и соответствуешь описанию Итто-

сая. Увидев, как ты орудуешь длинным мечом, я вспомнил и твое прозвище — Ганрю, Прибрежная Ива. Я нутром почувствовал, что это ты, и не ошибся.

— Удивительно! Правда.

Кодзиро восхищенно улыбнулся, но взгляд его вдруг упал на окровавленный меч. Он вспомнил бой и подумал, как уладить дело с Сэйдзюро. Они быстро сошлись и через несколько минут шагали по дамбе плечом к плечу, как старые друзья. Позади плелись Рёхэй и трое посрамленных учеников. Они направлялись в Киото.

— Не понимаю, из-за чего возникла драка. Я ничего не имел против них, — сказал Кодзиро.

Сэйдзюро размышлял о странном поведении Гиона Тодзи.

— Тодзи вывел меня из терпения, — сказал он. — Я сам с него спрошу, когда вернусь домой. Не думай, что я затаил на тебя обиду. Меня удручает то, что среди учеников много шалопаев.

— Ты видишь мой характер, — ответил Кодзиро. — Я без обиняков говорю все, что думаю, и готов сразиться с любым. Нельзя осуждать только твоих учеников. Они даже заслуживают похвалы за желание защитить честь школы. К сожалению, они неважные бойцы, но все же попытались. Мне

их немного жаль.

— Я сам во всем виноват, — возразил Сэйдзюро. Лицо его выражало искреннюю боль.

— Забудем!

— Предел моих мечтаний!

Видя примиренных Кодзиро и Сэйдзюро, их спутники вздохнули с облегчением. Кто бы мог подумать, что этот красивый мальчик-переросток — знаменитый Сасаки Кодзиро, которого превозносил Иттосай. (Он называл его «гением из Ивакуни».) Не ведая, кто перед ним, Тодзи опрометчиво пошутил и остался в дураках.

Рёхэй и оставшиеся в живых молодые самураи содрогались от мысли о том, как близко они были от сокрушительного «Сушильного шеста». Теперь, зная, кто шагает перед ними, они вдруг увидели широченные плечи и мощную спину Кодзиро. Они изумлялись собственной глупости, из-за которой недооценили незнакомца.

Они подошли к причалу. Трупы учеников уже застыли от мороза. Сэйдзюро приказал троим предать их земле, а Рёхэя послал искать коня. Кодзиро свистнул обезьянке, и та, возникнув из ниоткуда, вскочила хозяину на плечо.

Сэйдзюро уговаривал Кодзиро отправиться в школу на улице Сидзё и пожить у них. Он даже

предложил Кодзиро своего коня, но юноша отказался.

— Это нехорошо, — ответил он, неожиданно проявив щепетильность. — Я — молодой ронин, а ты — глава знаменитой школы, сын выдающегося человека, вожак сотен последователей стиля Ёсиоки.

Взявшись за уздечку, Кодзиро продолжал:

— Верхом поедешь ты, а я пойду рядом, держась за уздечку, так легче. Если я вам не в тягость, то с удовольствием погощу у вас в Киото.

— Хорошо, сначала поеду я, а когда ты устанешь, поменяемся местами, — сердечно ответил Сэйдзюро.

Сэйдзюро смекнул, что не худо иметь рядом такого бойца, как Сасаки Кодзиро, ему ведь предстояла встреча с Миямото Мусаси в начале нового года.

Орлиная гора

В 1550–1560 годах самыми знаменитыми фехтовальщиками в Восточной Японии были Цукахара Бокудэн и Коидзуми, князь Исэ. В Центральной Японии их соперниками являлись Ёсиока Кэмпо из Киото и Ягю Мунэёси из Ямато. Славился еще и Китабатакэ Томонори, князь Куваны, знаток боевых искусств и мудрый правитель. Много лет после его смерти жители Куваны вспоминали его с любовью, поскольку он был воплощением разумного правителя, пекущегося о благополучии подданных.

Когда Китабатакэ занимался под руководством Бокудэна, наставник посвятил его в Высшую Ступень владения мечом — секретнейший из тайных методов. Сын Бокудэна, Цукахара Хикосиро, унаследовал фамилию и имение отца, но не был посвящен в таинство меча. По этой причине стиль Бокудэна распространился не на востоке, где жил Хикосиро, а в районе Куваны, где правил Китабатакэ.

Как гласит легенда, Хикосиро приехал в Кувану после смерти Бокудэна, чтобы выведать у Китабатакэ его секрет. «Отец, — утверждал он, —

передал мне тайну много лет назад, сообщив, что посвятил в нее и тебя. С недавнего времени я засомневался, владеем ли мы одним и тем же секретом. Сокровенная тайна Пути — наша общая забота, поэтому следует сопоставить наши знания. Согласен?»

Китабатакэ, раскусив хитрость наследника Бокудэна, согласился продемонстрировать свое умение, но показал Хикосиро лишь внешнюю сторону Высшей Ступени, скрыв ее потаенный смысл. Таким образом, Китабатакэ остался единственным обладателем знаний об истинном стиле Бокудэна, поэтому для его изучения самураи ехали в Кувану. На востоке страны Хикосиро выдавал за оригинальный отцовский стиль одну его видимость, лишь форму, лишенную души.

Эту историю рассказывают всем, кто оказывается в местности Кувана. Легенда сама по себе хороша. Взятая из жизни, она достовернее и убедительнее тысячи других народных преданий, которые поведают вам во славу родного города или провинции.

Мусаси услышал легенду от извозчика, когда они спускались с горы Тарусака после посещения замкового города Кувана. Он кивнул и вежливо пробормотал:

— Правда? Интересная история.

Была середина последнего месяца года, и хотя климат провинции Исэ считается мягким, ветер со стороны залива Нако пробирал до костей. Тонкое кимоно, исподнее хлопчатое белье и верхняя накидка совсем не защищали Мусаси от холода. Непривычно светлая одежда выглядела грязной и засаленной. Лицо его не то что загорело, а задубело от солнца. Растерзанная соломенная шляпа на косматой голове Мусаси выглядела нелепо. Потеряй он шляпу по дороге, никто бы ее не поднял. Давно немытые волосы, связанные на затылке, походили на птичье гнездо. Последние шесть месяцев продубили кожу Мусаси. Белки глаз ярко сверкали на черном лице.

Подрядившись подвезти немытого клиента, извозчик потерял покой. Он сомневался, что ему заплатят, и уж вовсе не надеялся на оплату обратного пути после того, как доставит седока далеко в горы.

— Господин! — робко произнес он.

— М-м-м?

— Мы доедем до Ёккаити к полудню, а к вечеру до Камэямы, но в деревне Удзи будем за полночь.

— М-м-м.

— Вас это устраивает?

— М-м-м.

Мусаси больше занимала панорама залива, а не беседа с возницей, поэтому на все его вопросы он отвечал кивком или хмыканьем.

Извозчик еще раз попытался завязать разговор.

— Удзи — крохотное селение в глубине гор в восьми километрах от горы Судзука. Что там интересного?

— Надо повидаться с одним человеком.

— Там никого нет, кроме крестьян и дровосеков.

— Мне сказали в Куване, что там живет большой специалист по цепному шестоперу.

— Скорее всего, это Сисидо.

— Да, Сисидо, а фамилия…

— Сисидо Байкэн.

— Да.

— Кузнец, делает косы. Я слышал, что он ловко владеет шестопером. Вы изучаете боевое искусство?

— М-м-м.

— Тогда я бы посоветовал вместо Байкэна встретить мастеров в Мацудзаке. Там живет несколько лучших фехтовальщиков провинции Исэ.

— Кто, например?

— Скажем, Микогами Тэндзэн.

Мусаси кивнул:

— Я слышал о нем.

Он больше ничего не добавил, словно хорошо знал о достижениях Микогами.

Приехав в Ёккаити, Мусаси прохромал к харчевне, заказал бенто и стал есть. Нога у него была перевязана из-за раны в ступне, поэтому ему пришлось нанять лошадь, а не идти пешком. Мусаси ревностно следил за тем, чтобы быть в хорошей физической форме, но несколько дней назад в толчее портового города Наруми он наступил на гвоздь, торчавший из доски. Красная распухшая ступня напоминала маринованную хурму, и со вчерашнего дня у него начался жар.

По понятиям Мусаси, произошла стычка между ним и гвоздем, и тот выиграл. Для Мусаси, изучавшего боевое искусство, было унижением попасть впросак. «Разве нельзя справиться с таким противником? — спрашивал он себя. — Гвоздь был виден. Я напоролся на него, потому что шел в полусне, нет, потому что был слеп, ибо мой дух не бодрствовал в моем теле. Я допустил, чтобы гвоздь проник глубоко, что говорит о вялости моей реакции. Контролируй я себя полностью, я бы почувствовал гвоздь, едва он коснулся по-

дошвы».

Мусаси сделал вывод, что беда заключается в его незрелости. Меч и тело пока не срослись в единое целое. С каждым днем руки его наливались силой, но дух его креп значительно медленнее. Самокритичный ум Мусаси расценивал это несовпадение как уродство.

Прошедшие полгода все же не были потеряны напрасно. После бегства из Ягю он направился сначала в Игу, затем по тракту в Оми, затем в провинции Мино и Овари. И в городе, и в горном ущелье Мусаси пытался постичь истинный дух Пути Меча. Временами ему казалось, что вот-вот на него снизойдет озарение, но тайна ускользала, и ключа к ней не было ни в городах, ни в горных расселинах.

Мусаси потерял счет поединкам. Он сражался с опытными фехтовальщиками. Найти хорошего партнера просто, труднее встретить настоящего человека. В огромном множестве людей, населяющих мир, невозможно отыскать совершенного человека. Мусаси осознал это в результате странствий, и вывод угнетал его, доставлял почти физическую боль. В такие минуты он мысленно обращался к Такуану, который был, несомненно, своеобразным и неповторимым человеком.

«Мне повезло, — думал Мусаси. — Я хотя бы одного настоящего человека знаю. Надо стараться, чтобы знакомство с ним принесло плоды».

Каждый раз, думая о Такуане, Мусаси ощущал боль, пронзавшую его от запястий по всему телу. Странное чувство, невольная память о тех днях, когда Мусаси был привязан к ветви на старой криптомерии. «Ничего, — думал Мусаси, — придет время, и я привяжу Такуана к тому же дереву, а сам сяду рядом и буду читать наставления о смысле жизни». Мусаси не таил обиды на Такуана и не лелеял мечту о мести. Он хотел доказать, что совершенство, достигнутое Путем Меча, выше совершенства, обретенного на стезе дзен. Мусаси улыбался при мысли, что в один прекрасный день он и необыкновенный монах поменяются ролями.

Не все может выйти по желанию Мусаси, но, положим, он достигнет высот в фехтовании и привяжет Такуана к дереву. Что скажет Такуан? Монах наверняка радостно воскликнет: «Великолепно! Теперь я счастлив!»

Но нет, не таков Такуан! Не изменяя себе, он рассмеется и скажет: «Дурачок! Делаешь успехи, но остаешься по-прежнему глупым!»

Дело не в словах. Мусаси полагал, что пре-

восходство над Такуаном воздаст монаху за его старания сделать человека из непутевого Такэдзо. Наивные мечты. Мусаси избрал свой Путь и, следуя ему, каждый день убеждался в том, как бесконечно далек он от истинного человеческого совершенства. Фантазии исчезали, как только здравый ум напоминал Мусаси, как преуспел Такуан в поисках истины.

Более всего Мусаси тревожила мысль о собственной незрелости и бесталанности в сравнении с Сэкисюсаем. Мысль о Ягю, старом мастере меча, терзала Мусаси еще нестерпимее, высвечивая скудность его познаний, неумение безошибочно судить о Пути Меча или «Искусстве войны».

В минуты сомнений ему казалось, что мир населен глупцами. Жизнь — не пособие по логике. Меч тоже не логика. Суть заключается не в словах, а в действии. Вокруг достаточно людей, сегодня превосходящих Мусаси, но и он когда-нибудь может стать великим!

Когда Мусаси одолевали сомнения, он отправлялся в горы, где в уединении мог восстановить душевный покой. О его жизни в горах говорила его внешность, когда он возвращался к людям. Впалые, как у оленя, щеки, тело в синяках и ссади-

нах, ломкие и жесткие волосы от долгого стояния под холодным водопадом. Он спал на земле, и грязь въедалась в каждую пору, а белизна зубов казалась ослепительной. Внешность была лишь видимой оболочкой. Внутри Мусаси пылал огонь самоуверенности на грани надменности, которая гнала его на поиски достойного противника. Из гор его влекла потребность в поисках новых испытаний для духа и тела.

Сейчас Мусаси был в пути, поскольку его интересовал мастер по части цепного шестопера с серпом из Куваны. До поединка в Киото оставалось десять дней, и Мусаси располагал временем, чтобы выяснить, является ли Сисидо Байкэн заветным примером настоящего человека, или он такой же червь, питающийся рисом, как и множество других, населяющих землю.

Глубокой ночью Мусаси и хозяин лошади достигли цели. Мусаси, отблагодарив возницу, отпустил его, но тот не захотел возвращаться ночью и сказал, что переночует около дома, где остановится Мусаси. Утром он отправится через перевал Судзука и, если повезет, найдет ездока на обратный путь. В любом случае было темно и холодно, чтобы пускаться в путь до восхода солнца.

Мусаси согласился с хозяином лошади. Они находились в долине, окруженной с трех сторон горами. Какую дорогу ни выбрал бы извозчик, ему пришлось бы продвигаться по колено в снегу.

— Пошли со мной! — решил Мусаси.

— К Сисидо Байкэну?

— Да.

— Спасибо, господин. Надо отыскать его дом.

Байкэн был кузнецом, поэтому его жилище мог указать любой местный крестьянин, но в поздний час деревня спала. Единственным признаком бодрствования были глухие размеренные удары, похожие на звук колотушек для сукновалки. Идя на звук, путники вскоре завидели свет.

Они вышли прямо к дому кузнеца. Перед входом валялись какие-то железки, карниз дома почернел от дыма. По приказу Мусаси извозчик распахнул сёдзи. В горне горел огонь, женщина, стоя спиной к огню, била колотушкой по войлоку.

— Добрый вечер, хозяйка! Как хорошо, что вы еще не спите! — С этими словами извозчик прямиком двинулся к горну.

Женщина, вскрикнув от неожиданности, выронила колотушку.

— Откуда вы? — спросила она.

— Минутку, я все объясню, — ответил попутчик Мусаси, потирая над огнем руки. — Я привез издалека человека, который хочет повидаться с вашими мужем. Мы только что прибыли. Я извозчик из Куваны.

— И не нашли лучше… — Женщина остановилась, бросив хмурый взгляд в сторону Мусаси. По выражению ее лица было ясно, что она навидалась изучающих воинские искусства и знает, как с ними обращаться. С нотками превосходства в голосе она сказала Мусаси, словно перед ней был мальчик:

— Закрой сёдзи! Напустили холоду, ребенка простудите!

Мусаси, поклонившись, выполнил ее приказ и сел на чурбан около горна. Дом состоял из закопченной кузни и трех жилых комнат. На стене висел десяток цепных шестоперов с серпом. Мусаси решил, что это и есть то, о чем ему говорили. Он впервые видел это оружие. Он специально приехал сюда, чтобы увидеть шестопер, считая, что изучающему боевое искусство необходимо знать все виды оружия. Глаза Мусаси загорелись.

Хозяйка — лет тридцати, весьма привлекательной наружности, — отложив деревянную колотушку, ушла на жилую половину. Мусаси

подумал, что она принесет чай, но женщина, сев на циновку, стала кормить грудью спящего младенца.

— Вы, верно, один из тех молодых самураев, приезжающих сюда, чтобы получить кровавый урок от моего мужа. Если так, вам повезло. Он в отъезде, так что останетесь в живых, — сказала она Мусаси.

Женщина звонко рассмеялась, а Мусаси нахмурился от досады. Он забрался в эту глухомань не для того, чтобы выслушивать насмешки женщины. Жены любят превозносить мужей, не зная меры. Жена кузнеца была хуже остальных, почитая мужа величайшим человеком на земле.

— Жаль, что вашего мужа нет. Куда он уехал? — не выдавая раздражения, спросил Мусаси.

— В дом Аракиды.

— Где это?

— Ха-ха! Оказались в Исэ и не знаете семейства Аракиды?

Ребенок закапризничал, и она, забыв про гостей, стала его укачивать, напевая колыбельную на местном диалекте:

Спи, усни, спи, усни!
Спящий дитятко пригож,

Плачут только неслухи,
Будят маму бедную.

Мусаси хотел подробнее узнать об оружии кузнеца, рассмотреть его поближе.

— Этим оружием мастерски владеет ваш муж? — спросил он.

Женщина утвердительно хмыкнула. Мусаси попросил разрешения подержать шестопер, и она кивнула в ответ. Мусаси снял один с крючка.

— Так вот какой он, — пробормотал Мусаси. — Говорят, его теперь часто применяют.

Оружие представляло собой железную палку длиной сантиметров сорок пять (удобно носить за поясом) с кольцом на конце, к которому приклепывалась длинная цепь с железным шаром, достаточно тяжелым, чтобы проломить человеку голову. В глубоком пазу на железной палке было складное лезвие, тыльная сторона которого едва выступала наружу. Мусаси ногтями потянул за лезвие, и оно, с щелчком выскочив из паза, встало вертикально к ручке. Лезвие имело форму серпа. Этим оружием легко снести голову.

— Держать, вероятно, надо так, — проговорил Мусаси, беря в левую руку серп, а в правую цепь. Представив перед собой противника, Мусаси при-

нял боевую стойку и мысленно привел оружие в движение.

Женщина, на минуту отвлекшись от ребенка, наблюдала за Мусаси.

— Ничего подобного! Неправильно! — заметила она.

Запахнув кимоно на груди, она подошла к Мусаси.

— Будешь так неуклюже держать, любой зарубит тебя мечом. Вот так надо!

Она вырвала шестопер из рук Мусаси и показала правильное положение оружия. Мусаси удивленно смотрел на женщину в боевой стойке с ужасающим оружием в руках. От изумления он раскрыл рот. Когда она кормила ребенка, в ней было что-то животное, но сейчас, в боевой стойке, женщина выглядела величественной, гордой и необычайно красивой.

На сине-черном лезвии серпа, поблескивавшем, как спинка макрели, Мусаси увидел клеймо: «Стиль Сисидо Яэгаки».

Стремительно показав, как держать оружие, женщина быстро сложила лезвие и повесила шестопер на стенку.

— Вот так, — сказала она.

Мусаси очень хотелось, чтобы она повторила

прием, но хозяйка не была расположена демонстрировать боевые навыки. Освободив стол, на котором лежал войлок, она принялась мыть посуду и что-то готовить.

«Если жена такая мастерица, то муж ее чего-нибудь да стоит!» — размышлял Мусаси.

Ему до боли захотелось увидеть Байкэна, и он тихо спросил извозчика о семействе Аракиды. Разморенный теплом спутник Мусаси пробормотал в ответ, что оно охраняет храм Исэ.

«В таком случае, — подумал Мусаси, — их не трудно найти». Решив заняться поисками завтра, он улегся у огня и заснул.

Рано утром, когда подмастерье открыл дверь кузницы, Мусаси поднялся и попросил извозчика довезти его до Ямады, селения, ближайшего к храму Исэ. Погонщик, накануне получивший плату, немедленно согласился.

К вечеру они выехали на большую, обсаженную деревьями дорогу, ведущую к храму. Харчевни были необычайно пустынными даже для зимы. Путники встречались редко, дорога была разбитой. Деревья, поваленные осенними бурями, лежали неубранными.

Из постоялого двора в Ямаде Мусаси отправил посыльного в дом Аракиды с поручением узнать,

там ли Сисидо Байкэн. Ответ гласил, что произошла, верно, ошибка и никакого Байкэна у них нет. Раздосадованный Мусаси вдруг заметил, что нога за ночь еще сильнее распухла.

Мусаси охватила тревога, потому что до встречи в Киото остались считаные дни. В вызове, посланном в школу Ёсиоки из Нагои, он предложил им на выбор любой день в первую неделю нового года. Мусаси не мог отказаться от поединка, сославшись на больную ногу. Он обещал встретиться с Матахати на мосту на улице Годзё.

Следующий день Мусаси лечил ногу всеми известными ему средствами. Он парил ее в сыворотке от перебродивших бобов, но опухоль увеличилась. Мусаси мутило от запаха сыворотки. Колдуя над ногой, Мусаси ругал себя за глупое решение завернуть в Исэ. Следовало прямиком отправиться в Киото.

Ночью боль в ноге, закутанной ватным одеялом, сделалась нестерпимой, жар усилился. Утром Мусаси испробовал другие средства. Хозяин гостиницы дал ему мазь, уверяя, что в их семье ею исцеляются из поколения в поколение. Опухоль не спадала. Мусаси казалось, что нога набухает, как соевый творог тофу, тяжелеет, как бревно.

Непривычное состояние заставило Мусаси задуматься. Впервые в жизни он пролежал в постели три дня подряд. Он не помнил себя больным, кроме одного случая в детстве, когда у него был нарыв на голове. «Болезнь — худший враг, — рассуждал Мусаси. — Я бессилен против ее власти». До сего времени он воспринимал врагов как внешнюю опасность. Состояние, когда враг поразил его изнутри, было неожиданным и обескураживающим. «В году не так много дней, — думал Мусаси. — Я не могу оставаться в бездействии!» Его давила тоска, ребра, казалось, сжимали сердце, ему не хватало воздуха. Мусаси решительно сбросил одеяло. «Если я не могу одолеть недуг, как я собираюсь победить всю школу Ёсиоки?» — спросил он себя.

Мусаси заставил себя сесть на ноги в официальной позе, надеясь задавить дьявола, забравшегося внутрь его тела. Боль пронзила его чуть не до обморока. Он сидел лицом к раздвинутым сёдзи, закрыв глаза. Красное от жара лицо через некоторое время побледнело, голова перестала пылать. Мусаси не был уверен, что дьявол покорится его непреклонной воле. Мусаси открыл глаза и увидел перед собой лес вокруг храма Исэ. За ними возвышалась гора Маэ, немного восточнее

— гора Асама, а между ними к небу вознесся пик, который смотрел свысока на соседей и словно дразнил Мусаси.

«Как орел», — подумал Мусаси, не зная, что вершину действительно называют Орлиной горой. Надменность горы оскорбляла его. Пренебрежение, излучаемое горой, пробудило в Мусаси боевой дух. Мусаси одолевали мысли о Ягю Сэкисюсае, старом мастере меча. Сэкисюсай походил на этот гордый пик, и вскоре Мусаси уже казалось, что пик и есть Сэкисюсай, который взирает на него из-за облаков и смеется над его слабостью и ничтожеством.

Глядя на гору, Мусаси на какое-то время забыл о боли в ноге, но вскоре она вернулась. Поставь он ногу в кузнечный горн, страданий было бы ненамного больше. Он вытащил из-под себя нечто толстое и круглое, не узнавая собственную ногу. Мусаси позвал служанку, нетерпеливо стуча кулаком по татами, потому что она не спешила появиться.

— Где все? — кричал он. — Подайте счет! Я уезжаю. Приготовьте еду — жареный рис. И еще три пары крепких соломенных сандалий.

Вскоре Мусаси хромал по улицам старинного торгового городка, где, по преданию, родился зна-

менитый воин Тайра-но Тадакиё, герой «Истории войны Хогэн». Сейчас ничто здесь не напоминало о герое. Это был веселый квартал под открытым небом со множеством харчевен и женщин. Продажных соблазнительниц было больше, чем деревьев. Они зазывали прохожих, цеплялись за рукава, кокетничали, заманивали, дразнили. Мусаси пришлось буквально продираться сквозь них, отворачиваясь от их наглых взоров.

— Что с ногой?

— Полечить тебя?

— Давай ногу разотру!

Женщины тянули его за одежду, цеплялись за руки.

— Такому красавчику не к лицу хмуриться!

Покрасневший Мусаси продвигался вперед почти вслепую. Он не знал защиты против такого нападения. Мусаси извинялся, отговаривался, еще больше раззадоривая женщин. Одна из них назвала его «хорошеньким, как детеныш пантеры», и набеленые руки еще настойчивее замелькали вокруг Мусаси. В конце концов он просто бросился наутек, забыв о манерах и достоинстве. Шляпа слетела с его головы. Женский хохот сопровождал его до тех пор, пока он не оказался за городом.

Мусаси не мог спокойно относиться к женщинам. Возбуждение, вызванное прикосновением их рук, будоражило его. От воспоминания о терпком аромате белил сердце его учащенно билось и сила воли не могла обуздать волнение. Этот враг грознее противника с обнаженным мечом, потому что Мусаси не знал, как его одолеть. По ночам, охваченный желанием, он метался без сна. Предметом его похотливой мечты становилась порой невинная Оцу.

Боль в ноге отвлекла его от женщин. Ему пришлось бежать, хотя он едва мог передвигаться, и ему казалось, что он ступает в расплавленный металл. Боль пронзала от ступни до макушки. Губы стали пунцовыми, а руки липкими, как мед, волосы взмокли от пота. Он собирал последние силы, чтобы приподнять больную ногу. Порой ему казалось, что он вот-вот рухнет наземь. Мусаси знал, что боль сама по себе не пройдет. Покидая постоялый двор, он настроился преодолеть предстоящую пытку. Мусаси проклинал при каждом шаге больную ногу, едва не теряя сознание.

Он перешел реку Исудзу и оказался в пределах Внутреннего храма. Настроение его изменилось. Мусаси ощущал божественное присутствие, он чувствовал его в травах, деревьях, в голосах птиц.

Мусаси не мог выразить словами священную благость, разлитую вокруг.

Мусаси со стоном привалился к корням огромной криптомерии, обхватив ногу руками. Он долго сидел в этой позе, неподвижный, как скала, снедаемый изнутри лихорадочным огнем, а холодный ветер студил его кожу.

Что погнало его с постоялого двора? Любой на его месте оставался бы там до выздоровления. Не ребячество или глупость поддаться порыву? Не одно нетерпение владело Мусаси. Несмотря на боль и физические страдания, дух его был бодр и крепок. Подняв голову, Мусаси зорко огляделся, всматриваясь в объявшую его бесконечность.

Сквозь монотонный скрип деревьев храмового леса Мусаси уловил другие звуки. Где-то поблизости флейты и свирели выводили старинную мелодию, посвященную богам, и звонкие детские голоса пели молитву. Влекомый умиротворением музыки, Мусаси попытался встать. Закусив губу, он пересилил непослушное тело. Добравшись до глинобитной стены, окружавшей храм, Мусаси заковылял вдоль нее, опираясь о стену обеими руками. Передвигался он боком и неуклюже, как краб.

Небесная музыка лилась из сооружения, стояв-

шего отдельно от храма. В зарешеченных окнах горел свет. Это был Дом девственниц — девушек, давших обет служить божествам. Здесь их учили играть на старинных инструментах, исполнять священные танцы, родившиеся много веков назад.

Мусаси, добравшись до входа с тыльной стороны дома, заглянул внутрь, но никого не увидел. Он облегченно вздохнул, потому что не надо было объяснять свое появление. Сняв меч и заплечный мешок, он связал их и повесил на колышек с внутренней стороны стены. Мусаси заковылял назад к реке Исудзу.

Часом позже обнаженный Мусаси, разбив корку льда, погрузился в студеную воду. Он плескался в реке, нырял, ощущая духовное очищение. К счастью, кругом не было ни души. Любой священнослужитель прогнал бы его прочь, приняв за умалишенного.

В Исэ есть старинная легенда о лучнике по имени Никки Ёсинага. Когда-то он напал на храм и, овладев территорией, стал ловить рыбу в священной реке Исудзу и охотиться с соколом в священном лесу. Боги ниспослали на него безумие за святотатство. Мусаси, купавшийся в ледяной воде, сошел бы за призрака легендарного

безумца.

Накупавшись, Мусаси, как птичка, выпорхнул на прибрежный камень. Пока он вытирался и одевался, пряди его волос превратились в сосульки.

Мусаси было необходимо купание в ледяной воде священной реки. Если его тело не выдержит холода, то как ему одолеть более серьезные опасности на жизненном пути? Он думал не об отвлеченной угрозе, а о предстоящей встрече с Ёсиокой Сэйдзюро и учениками его школы. Они соберут свои лучшие силы, потому что решалась судьба школы Ёсиоки. Им оставалось одно — убить Мусаси, и он знал, что люди идут на любые уловки ради спасения собственной шкуры.

В такой ситуации обыкновенный самурай твердил бы о «беспощадной борьбе», о «готовности встретить смерть», но для Мусаси подобные заявления были вздором. Борьба не на жизнь, а на смерть — всего лишь животный инстинкт. Встретить смерть, зная, что она неминуема, не так уж сложно. Способность сохранять хладнокровие накануне встречи со смертельной опасностью — вот высшая ступень духовного развития.

Мусаси не боялся смерти, но его целью была победа, а не спасение жизни, и он настраивал себя на достижение этой задачи. Пусть умирают

геройской смертью те, кому это нравится. Мусаси жаждал только героической победы.

Киото был недалеко, километрах в восьмидесяти. При нормальной ходьбе Мусаси добрался бы до него за три дня, но сколько времени потребуется для моральной подготовки? Готов ли он внутренне к схватке? Едины ли его дух и разум?

Мусаси не мог утвердительно ответить на эти вопросы. Он чувствовал в глубине души слабость и сознавал свою незрелость. Он прекрасно понимал, что не достиг духовных высот истинного мастера, что ему далеко до гармонии и совершенства личности.

Сравнивая себя с Никканом, Сэкисюсаем или Такуаном, он сознавал собственную слабость. Оценивая свои способности и возможности, он обнаруживал не только уязвимые погрехи, но и пока что не проявленные свойства натуры.

Он не мог считать себя знатоком «Искусства войны» до тех пор, пока не пройдет с триумфом по жизни, оставив в мире незабываемый след.

Тело его содрогнулось, когда он закричал:

— Я буду победителем!

Ковыляя по берегу вверх по реке, он оглашал священный лес громогласным кличем:

— Я буду победителем!

Мусаси миновал притихший подо льдом водопад, карабкаясь, как пещерный человек, через валуны, продираясь сквозь заросли в глубоких распадках, куда прежде не забирались люди. Краснолицый, как демон, Мусаси, цепляясь за скалы и лианы, шаг за шагом продвигался вперед.

Выше места под названием Итиносэ начиналось ущелье длиной километров пять. Река здесь была такой порожистой и бурной, что даже форель не могла пробиться против течения. Ущелье замыкалось отвесной скалой. Говорили, что по склону могли вскарабкаться только обезьяны и горные духи. Мусаси, взглянув вверх, коротко бросил: «Отсюда путь лежит на вершину Орлиной горы». Его охватил восторг. Не существовало преград, которые он не преодолел бы. Подтягиваясь за лианы, он начал путь наверх по скалистой стене, карабкаясь и срываясь, движимый силой, которая словно бы делала его тело невесомым.

Мусаси добрался до вершины скалы и задохнулся от восхищения. Он видел под собой пенистый след реки и серебристые песчаные косы залива Футамигаура. Впереди, за редкой рощицей, окутанной ночным туманом, лежало подножие Орлиной горы.

Гора — это Сэкисюсай. Пик насмехался над ним,

как и в те дни, когда Мусаси лежал больным. Мятежному духу Мусаси было непереносимо надменное превосходство Сэкисюсая. Оно подавляло его, препятствовало его продвижению вперед.

Мусаси решил взобраться на вершину горы и выместить на ней гнев — попрать ее ногами, словно это голова Сэкисюсая, показать, что Мусаси хочет и может победить.

Мусаси взбирался вверх, преодолевая сопротивление кустарника, деревьев, льда — врагов, которые отчаянно удерживали его. Каждый шаг, каждый вдох давался с боем. Недавно холодная кровь сейчас кипела в жилах Мусаси, он обливался потом, и морозный воздух окутывал паром его разгоряченное тело. Мусаси, раскинув руки, приник к красной поверхности скалы, нащупывая ногами опору. Нога срывалась, и лавина мелких камней скатывалась в рощу внизу. Три, шесть, девять метров — и Мусаси достиг облаков. Глядя на него снизу, можно было подумать, что он парит в воздухе. Пик по-прежнему холодно взирал на него сверху.

Теперь, вблизи от вершины, Мусаси каждый миг рисковал жизнью. Одно неверное движение — и он покатится вниз в потоке камней и пыли. Он хрипло дышал, хватая ртом воздух. Сердце

готово было выпрыгнуть из груди. Он продвигался на полметра и отдыхал, потом еще рывок и остановка, чтобы перевести дух.

Весь мир лежал у его ног: большой лес вокруг храма, белая полоска реки, гора Асама, гора Маэ, рыбацкая деревня в Тобе и безбрежный простор моря. «Почти добрался, — подумал Мусаси. — Еще немного!»

«Еще немного!» Легко сказать, но трудно сделать! «Еще немного» — вот что отличает меч победителя от меча побежденного.

Запах пота стоял в ноздрях Мусаси. Ему мерещилось, будто он уткнулся в грудь матери. Шершавая поверхность горы казалась ее кожей. Мусаси клонило ко сну. Камень, сорвавшийся в этот момент из-под большого пальца ноги, привел его в чувство. Мусаси нащупал новую опору.

«Я почти на вершине!» Руки и ноги сводило от боли, но пальцы цеплялись за крохотные трещины в камне. Мусаси твердил себе, что стоит ему расслабиться духом или телом, как в один прекрасный день ему придет конец как профессионалу-фехтовальщику. Он знал, что судьба поединков решается сейчас и здесь.

«Это тебе, Сэкисюсай! Тебе, негодяй!» Каждым подтягиванием вверх он ниспровергал гигантов,

которых почитал, тех выдающихся людей, которые увлекли его сюда, которых он непременно победит. «Это тебе, Никкан! И тебе, Такуан!»

Он карабкался по головам своих идолов, топтал их, показывал им свое превосходство. Мусаси и гора слились воедино, но гора, изумленная упорством вцепившегося в нее существа, сердито плевалась в него галькой и песком. Мусаси задыхался, словно кто-то зажал ему рот. Он вжимался в гору, но порывы ветра отрывали его от поверхности.

Мусаси вдруг обнаружил, что лежит на животе. Он закрыл глаза, боясь шевельнуться. Душа его пела. Теперь он увидел небо, объявшее его со всех сторон, и первые лучи зари, окрасившие белое море облаков.

«Добрался! Я победил!»

Как только Мусаси понял, что достиг вершины, воля его лопнула, как тетива лука. Ветер хлестал его по спине песком и камнями. Здесь, на грани земли и неба, неописуемая радость переполнила существо Мусаси. Разгоряченное тело слилось с камнем. В лучах нарождавшегося дня дух человека и дух горы творили великое таинство. Охваченный неземным восторгом, Мусаси впал в глубокий сон.

Когда Мусаси проснулся, голова его была ясной, как кристалл. Ему хотелось броситься в голубую высь и резвиться в ней, подобно угрю в ручье.

— Надо мной только небо! — кричал Мусаси. — Я на голове орла.

Он стоял в красных лучах восходящего солнца, простерев к небу мощные, всепобеждающие руки. Крепкие ноги попирали вершину. Мусаси, взглянув на них, увидел, как из больной ноги хлынул поток гноя. В небесной чистоте повис странный запах из мира людей — волнующий запах преодоленной опасности.

Зимний мотылек

Каждое утро, закончив дела в храме, мико — девушки, жившие в Доме девственниц, — отправлялись с книжками в руках в классную комнату в дом Аракиды, где их обучали грамматике и стихосложению. Они исполняли ритуальные танцы-кагура в белых шелковых косодэ и малиновых хакама, но сейчас девушки были в хлопчатобумажных косодэ с короткими рукавами и белых хакама. В этой одежде они учились и выполняли хозяйственные работы в храме. Младшим было тринадцать, самой старшей — двадцать.

Они появились из бокового входа Дома девственниц, и одна из девушек воскликнула:

— Что это? — Она показывала на дорожную котомку и мечи, оставленные Мусаси прошлой ночью. — Чьи это вещи?

— Какого-то самурая.

— Верно!

— А может, вор бросил?

Девушки удивленно переглядывались, взволнованно дыша, словно наткнулись на самого вора, задремавшего после обеда.

— Надо сообщить госпоже Оцу, — предложила

одна из них. Девушки гурьбой побежали к комнате Оцу.

— Учительница! Выйдите, пожалуйста! Мы нашли что-то странное!

Оцу, отложив кисть, поднялась из-за письменного столика и выглянула во двор.

— В чем дело? — спросила она.

— Вор оставил мечи и мешок. Они висят на стене, — сказала младшая из девушек, указывая пальцем на стену.

— Их лучше отнести в дом господина Аракиды.

— Мы боимся к ним прикоснуться.

— Сколько шума из-за пустяка! Идите на урок, не теряйте попусту время.

Девушки ушли, и Оцу вышла во двор. В доме остались пожилая повариха и девушка, которая из-за болезни лежала в постели.

— Не знаете, кто оставил эти вещи? — спросила Оцу повариху.

Та ничего не видела и не слышала о находке.

— Отнесу их господину Аракиде, — сказала Оцу.

Она едва не уронила мешок и мечи, снимая их с крючка. Ухватившись обеими руками за неподъемные вещи, Оцу потащила их, удивляясь, как их носит хозяин.

Оцу и Дзётаро пришли в храм Исэ месяца два тому назад, пробродив в поисках Мусаси по дорогам провинций Ига, Оми и Мино. Добравшись до Исэ, они решили перезимовать здесь из-за снежных заносов на горных дорогах. Сначала Оцу давала уроки игры на флейте в Тобе, но потом ее приметил глава семейства Аракиды, который, занимая пост блюстителя ритуального этикета, был вторым после настоятеля в иерархии храма.

Оцу приняла предложение Аракиды перебраться в храм и обучать девушек игре на флейте. Ее интересовало не само преподавание, а возможность познакомиться с древней храмовой музыкой. Ей нравились и умиротворение священного леса, и жизнь среди храмовых девушек-мико.

Дело осложнил Дзётаро, поскольку в дом, где жили девушки, запрещался вход мужчинам, даже мальчикам. Порешили, что днем Дзётаро будет подметать дорожки в храмовом лесу, а ночью спать в дровяном сарае дома Аракиды.

Оцу шла через храмовый сад. Ветер тревожно свистел в голых кронах. В дальней роще над деревьями поднималась струйка дыма. Оцу подумала о Дзётаро, который мел там дорожки бамбуковой метлой. Она приостановилась, улыбнувшись при мысли о Дзётаро. Непоседливый мальчишка

последнее время вел себя хорошо, примерно исполняя свои обязанности. В его возрасте дети обычно заняты только проказами и играми.

Раздался резкий треск, словно обломилась ветка. Звук вновь повторился. Оцу ускорила шаг, волоча тяжелый груз и окликая Дзётаро.

— Я здесь! — ответил уверенный голос, и послышались торопливые шаги мальчика. — А, это ты! — проговорил он, появившись из-за кустов.

— Я думала, ты работаешь, — сказала Оцу. — Почему ты здесь с деревянным мечом? И в белой рабочей одежде?

— Тренируюсь. Упражняюсь на деревьях.

— Никто не запрещает тебе тренироваться, Дзётаро, но только не здесь. Забыл, где находишься? Этот сад олицетворяет покой и чистоту. Это святое место, посвященное богине, которая является родоначальницей всех нас, японцев. Посмотри! Разве не видишь надпись, запрещающую портить деревья и убивать зверей и птиц? Обрубать ветви деревянным мечом — позор для человека, который здесь работает.

— Знаю, — буркнул Дзётаро с недовольным видом.

— Если знаешь, то почему так ведешь себя? Учитель Аракида как следует отругал бы тебя.

— Подумаешь, беда какая, обрубать сухие ветки! Они ведь мертвые, так?

— Правильно, но только не в этом саду.

— Много ты знаешь! Можно спросить?

— О чем?

— Если это такая ценность, то почему теперь за садом так плохо ухаживают?

— Стыдно, что не заботятся. Запускать этот сад — все равно что дать сорной траве заполнить душу.

— Если бы только сорняки! Посмотри на деревья! Разбитые молнией гибнут, поваленные тайфуном так и валяются — и так по всему саду. Крыши построек продолблены птицами и протекают. Никому не приходит в голову поправить ветхие каменные фонари. А ты думаешь, что это место какое-то особенное? Вспомни замок Осака, Оцу! Посмотришь на него из Сэтцу, со стороны моря, и он сверкает белизной. Токугава Иэясу строит по стране десятки более великолепных замков, как в Фусими. Какой роскошью удивляют дома даймё и богатых купцов в Киото и Осаке? Мастера чайной церемонии школы Рикю и Кобори Энсю говорят, что даже соринка в саду чайного домика портит аромат чая! Наш сад гибнет. В нем работают я да еще три старика, четверо на такую

громадину!

— Дзётаро! — прервала его Оцу, взяв мальчика за подбородок и глядя ему в глаза. — Ты слово в слово повторяешь наставления учителя Аракиды.

— Ты их тоже слышала?

— Конечно, — укоряюще ответила Оцу.

— Могу ведь я ошибаться!

— Мне не нравится, что ты повторяешь чужие слова, пусть каждое слово учителя Аракиды — сущая истина.

— Учитель прав. Слушая его, я задумываюсь, уж так ли велики герои Нобунаги, Хидэёси и Иэясу. Они важные особы, но стоит ли покорять всю страну, а потом печься только о своих интересах?

— Положим, Нобунага и Хидэёси не были совсем плохими. Они хотя бы отремонтировали императорский дворец в Киото и пытались сделать что-то для простого народа. Они достойны похвалы, пусть ими руководило желание доказать свою правоту. Сёгуны Асикаги были гораздо хуже.

— Почему?

— Ты слышал о войне Онин?

— Хм-м.

— Сёгунат Асикаги был совершенно беспомощным, в его правление шли беспрерывные усобицы: даймё дрались между собой, захватывая земли. Простой народ не знал ни минуты покоя, и никому не было дела до того, что случится со страной.

— Ты говоришь о знаменитых сражениях между кланами Яманы и Хосокавы?

— Да. В то время, сто лет назад, Аракида Удзицунэ стал главным жрецом храма Исэ. У него не было средств даже для соблюдения древних церемоний и священных обрядов. Удзицунэ двадцать семь раз посылал прошения правительству о выделении денег на ремонт обветшавших храмовых построек, но не получил ответа. Императорский двор был слишком беден, сёгунат слишком слаб, даймё заняты войнами. Удзицунэ не отступился, и в конце концов ему удалось возвести новый храм. Не стоит забывать эту грустную историю. Дети, становясь взрослыми, забывают о матери, люди забывают о предках, о давшей нам жизнь великой богине, почитаемой в Исэ.

Дзётаро подпрыгнул, хлопая от восторга в ладоши. Он радовался, что вынудил Оцу на страстную речь.

— Кто сейчас повторяет чужие слова? — вос-

кликнул он. — Думаешь, я не слышал этого от учителя Аракиды?

— Упрямец! — засмеялась Оцу. Она хотела дать ему подзатыльник, но мешок помешал ей. Оцу ласково смотрела на Дзётаро. Он наконец обратил внимание на ее необыкновенную ношу.

— Чье это? — спросил он, протянув руку к дорожной котомке.

— Не трогай! Никто не знает.

— Я аккуратно, просто посмотрю. Тяжеленная! А длинный меч какой громадный! — Дзётаро чуть не захлебнулся от восторга.

Послышалось шлепанье соломенных сандалий. Прибежала одна из девушек-мико.

— Вас зовет учитель Аракида. У него какое-то поручение к вам, — сказала она и тут же поспешила прочь.

Дзётаро растерянно огляделся. Зимнее солнце светило сквозь голые верхушки деревьев, ветер волнами пробегал по ветвям. Дзётаро, казалось, заметил призрак среди солнечных отблесков.

— Что с тобой? — спросила Оцу. — Что ты там увидел?

— Ничего, — хмуро ответил мальчик, покусывая указательный палец. — Когда девушка произнесла слово «учитель», я вдруг подумал, что

речь идет о моем учителе.

Оцу помрачнела. Замечание Дзётаро было простодушным, но зачем упоминать имя Мусаси?

Оцу, вопреки совету Такуана, и не думала изгонять Мусаси из памяти. Она продолжала любить его и тосковать по нему. Такуан — бесчувственный человек. Порой Оцу жалела его, не ведавшего, что такое любовь.

Любовь — как зубная боль. Когда Оцу была занята, любовь ее не тревожила, но стоило ей погрузиться в воспоминания, как ее охватывало желание отправиться в дорогу, найти Мусаси, обнять его и пролить слезы радости.

Оцу молча пошла по дорожке. Где он? Нет больше и горше муки, чем разлука с дорогим человеком. Оцу шла, и слезы струились по ее щекам.

Тяжелые мечи и потертые кожаные ремни дорожного мешка ни о чем не говорили. Она не догадывалась, что тащит боевые доспехи Мусаси. Дзётаро, поняв, что огорчил Оцу, молча плелся следом. Когда Оцу свернула к воротам дома Аракиды, он подбежал к ней.

— Сердишься?

— Нет, все хорошо.

— Прости меня, Оцу!

— Ты не виноват. Просто у меня грустное настроение. Не беспокойся. Узнаю, какое дело ко мне у господина Аракиды. А ты поработай в саду.

Аракида Удзитоми называл свой дом Домом учения. Часть его служила школой, которую посещали не только храмовые девушки, но и пятьдесят детей из трех уездов, приписанных к храму Исэ. Аракида пытался увлечь детей предметом, который не пользовался особой популярностью, — историей. В больших городах древняя история Японии вышла из моды. Ранняя история страны была тесно связана с храмом Исэ и окрестными землями, но теперь настали времена, когда люди путали судьбу страны с судьбой военного сословия и мало кого интересовала древняя старина. Удзитоми в одиночку сеял семена древней традиционной культуры среди юного поколения из окрестностей Исэ. Удзитоми отвергал мнение, что провинция занимает второстепенное значение в судьбе нации. Он считал, что детям надо прививать знания о прошлом, и тогда дух славной старины воспрянет и разрастется, как могучее дерево в священном лесу.

Аракида каждый день с настойчивостью и самозабвением рассказывал ученикам о китайских классиках, о ранней истории Японии, запечат-

ленной в «Летописи минувших дней», надеясь, что его воспитанники научатся ценить старину. Он учил своих питомцев более десяти лет. «Пусть, — думал он, — Хидэёси подчинил страну своему контролю и объявил себя регентом, пусть Токугава Иэясу стал всесильным сёгуном, варварскими методами подавляющим врагов, но дети не должны воспринимать счастливую звезду военного героя за лучезарное солнце, как делают их родители. Если упорно воспитывать детей, то они поймут, что великая богиня Солнца Аматэрасу, а не грубый военный диктатор олицетворяет предназначение Японии».

Аракида, чуть запыхавшись, появился из просторной классной комнаты. Дети вылетели, как пчелиный рой, и побежали по домам. Храмовая девушка доложила Аракиде о приходе Оцу. Слегка смешавшись, он ответил:

— Да-да, я посылал за ней. Совсем забыл. Где она?

Оцу, некоторое время простояв перед домом, прослушала часть лекции Аракиды, прочитанной в классе.

— Я здесь! — крикнула она. — Вы меня звали, учитель?

— Прости, что заставил тебя ждать. Заходи.

Он провел ее в кабинет, но, прежде чем начать беседу, поинтересовался принесенными ею вещами. Оцу рассказала, откуда они взялись. Аракида с опаской покосился на мечи.

— Обычные паломники не приходят сюда с воинскими доспехами, — произнес он. — Вчера их не было. Кто-то пробрался в храм ночью. Какой-то самурай, вероятно, решил таким образом пошутить, но мне такие шутки не нравятся, — проворчал Аракида с выражением брезгливости на лице.

— По-вашему, неизвестный решил намекнуть, что мужчина побывал в Доме девственниц?

— Вероятно. Я, собственно, и хотел поговорить с тобой об этом.

— Происшествие имеет отношение ко мне?

— Не хочу тебя обижать, но один самурай отчитал меня за то, что я поместил тебя вместе с храмовыми девушками. Сказал, что предупреждает меня ради моего же блага.

— Я бросила тень на вашу репутацию?

— Не расстраивайся! Сама знаешь, люди всякое болтают. Пойми меня правильно, но ты все-таки не девица в полном смысле слова. Прежде ты общалась с мужчинами. Люди говорят, что репутация храма страдает, если в Доме девственниц

вместе с непорочными девушками живет женщина, утратившая девственность.

Аракида говорил с Оцу учтиво, но слезы обиды навернулись на ее глазах. Да, она много странствовала, встречалась со многими людьми, однако сохранила верность своей любви. Неудивительно, что люди принимают ее за бывалую женщину, повидавшую мир. Ей были оскорбительны слова об утраченной девственности, беспочвенные упреки и сплетни.

Аракида делал вид, что не придает разговору особого значения. Его беспокоила только людская молва. Приближался конец года и «все такое прочее», как он выразился, поэтому Аракида просил Оцу прекратить уроки флейты и покинуть Дом девственниц.

Оцу тут же согласилась, но не от признания своей вины, просто ей не хотелось задерживаться в храме, доставляя неприятности учителю Аракиде. Скрыв обиду, нанесенную ложными слухами, Оцу поблагодарила его за гостеприимство и заботу и пообещала покинуть храм Исэ через день.

— Зачем такая спешка? — произнес Аракида, протягивая ей сверток с деньгами.

Дзётаро, улучив момент, высунулся с веранды.

— Я уйду с тобой! — прошептал мальчик. — Мне

надоело подметать в их старом саду.

— Вот маленький подарок от меня, — продолжал Аракида. — Деньги не велики, но пригодятся в дороге.

В свертке было несколько золотых монет.

Оцу даже не притронулась к деньгам. Она сказала Аракиде, что не заслуживает вознаграждения за уроки. Скорее она должна заплатить за стол и кров.

— Нет, об этом и речи быть не может, — возразил Аракида. — Хотел бы попросить об одном одолжении. Если ты направишься в Киото, пусть деньги будут платой за твою услугу.

— Рада выполнить вашу просьбу. Мне достаточно вашей доброты.

Аракида обернулся к Дзётаро:

— Почему бы не отдать деньги ему? Он будет покупать все необходимое для вас обоих.

— Благодарю вас! — мгновенно отозвался Дзётаро, протягивая руку к свертку. — Я правильно поступил? — спросил он Оцу.

Ей оставалось только поблагодарить Аракиду.

— Передай, пожалуйста, посылку от меня его светлости Карасумару Мицухиро, который живет в Хорикаве в Киото. — Аракида взял с расшатанной полки два свитка. — Два года назад его

светлость попросил меня расписать свитки. Я наконец закончил их. Карасумару намерен вписать в свитки свои комментарии к рисункам и преподнести их императору. Мне бы не хотелось поручать их простому посыльному. Можешь доставить их и позаботиться, чтобы они не запачкались и не намокли в пути?

Поручение было неожиданным и очень серьезным. Оцу колебалась, но отказаться было неловко, Аракида вытащил коробку и промасленную бумагу, но, прежде чем запаковать и опечатать свитки, проговорил:

— Пожалуй, стоит показать вам.

Он сел и развернул свитки. Аракида гордился своим произведением и хотел в последний раз взглянуть на свитки.

Оцу поразила красота рисунков. Дзётаро, широко раскрыв глаза, склонился над свитками. Пояснений к рисункам не было. Поэтому Оцу и Дзётаро не знали сюжета рисунков. Аракида разворачивал свиток, и их взору представали сцены из жизни древнего императорского двора, тонко выписанные в изысканных цветах с орнаментом из порошкового золота. Рисунки были выполнены в стиле Тосы, уходившем корнями в классическую японскую живопись периода

Хэйан.

Дзётаро, не имевший представления о живописи, был потрясен увиденным.

— Взгляни на огонь! — восклицал он. — Как настоящий горит!

— Не прикасайся к рисункам! — строго сказала Оцу. — Смотри, но не трогай руками.

Они всматривались в рисунки, когда вошел храмовый слуга и что-то сказал Аракиде на ухо. Тот кивнул в ответ.

— Да, конечно. Я не сомневался в нем, но на всякий случай пусть оставит расписку.

С этими словами он отдал слуге мешок, пропахший потом, и оба меча, принесенные Оцу.

Весть об отъезде Оцу огорчила обитательниц Дома девственниц. За два месяца, проведенных вместе, они привыкли к ней, как к старшей сестре.

— Неужели это правда?

— Вы действительно покидаете нас?

— И никогда больше не вернетесь?

Со двора донесся голос Дзётаро:

— Я готов. Почему ты так долго собираешься, Оцу?

Он с удовольствием избавился от рабочей белой одежды и теперь был в привычном коротком

кимоно. Деревянный меч волочился по земле. За спиной мальчика была обшитая тканью коробка со свитками.

— Расторопный какой! — откликнулась Оцу, выглянув из окна.

— Я все быстро делаю, — возразил Дзётаро. — А ты копуша. Почему женщины так медленно собираются?

Дзётаро, позевывая, уселся на солнцепеке, однако и это занятие ему тут же наскучило.

— Готова? — нетерпеливо окликнул он Оцу.

— Минуту потерпи! — ответила та.

Она уложила вещи, но девушки не отпускали ее.

— Не огорчайтесь, я вас скоро навещу, — успокаивала их Оцу. — Ждите меня и берегите себя.

Она чувствовала неловкость, потому что говорила неправду. После того что она выслушала от Аракиды, вряд ли ей захочется вернуться в Исэ. Девушки, похоже, чувствовали это. Некоторые плакали. Кто-то предложил проводить Оцу до священного моста через реку Исудзу, и все вышли из дома. Дзётаро нигде не было. Девушки громко звали его, но никто не отвечал. Оцу, зная повадки мальчика, предложила:

— Он, верно, устал ждать и ушел вперед.

— Противный мальчишка! — возмутилась одна из девушек.

— Он ваш сын? — внезапно спросила другая, взглянув на Оцу.

— Сын? Как ты могла подумать такое? Мне всего двадцать! Неужели я так старо выгляжу, что Дзётаро можно принять за моего сына?

— Кто-то сказал, что он ваш ребенок.

Оцу покраснела, вспомнив разговор с Аракидой, но утешилась мыслью, что, пока Мусаси верит в нее, ей безразлична людская молва.

В этот момент их нагнал Дзётаро.

— Кто так поступает? — осуждающе произнес он. — Сначала заставляете меня ждать целую вечность, а потом бросаете!

— Тебя нигде не было, — возразила Оцу.

— Могли бы поискать меня. Я увидел человека, идущего по дороге в Тобу, который издалека походил на моего учителя. Я побежал, чтобы разглядеть его получше.

— Похожий на Мусаси?

— Да, но это оказался не он. Я добежал вон до тех деревьев и рассмотрел его со спины. Это не Мусаси, а какой-то хромой.

Оцу и Дзётаро вновь испытали то, что не раз случалось во время их странствий. Не проходило

и дня, чтобы не блеснула надежда, сменявшаяся разочарованием. Повсюду им мерещился кто-то похожий на Мусаси — мелькнувший мимо прохожий, самурай на отплывшей от берега лодке, ронин верхом на коне, силуэт человека в паланкине. Мгновенно вспыхивала надежда, и они бросались следом, чтобы потом разочарованно переглянуться. Не упомнить, сколько раз они спешили за чужими людьми.

Привыкшая к невезению, Оцу не огорчилась, но Дзётаро был совершенно убит. Она ласково попыталась успокоить мальчика:

— И сейчас нам не повезло, но не сердись на меня. Мы надеялись встретить тебя на мосту. Не печалься! Сам знаешь, путь будет нелегким, если начинать его в дурном настроении. Пошли скорее!

Дзётаро немного успокоился. Посмотрев исподлобья на стайку девушек, он поинтересовался:

— А им что надо? С нами собрались?

— Конечно нет! Они опечалены расставанием и хотят проводить меня до моста.

— Очень мило с их стороны, — тоненьким голоском произнес Дзётаро, дразня Оцу.

Девушки рассмеялись, и боль разлуки поутихла.

— Учительница, вы не туда свернули! — крикнула одна из провожавших. — Вам в другую сторону!

— Знаю, — спокойно ответила Оцу.

Она направлялась к воротам Тамагуси, чтобы помолиться перед храмом. Сложив руки и склонив голову, Оцу застыла на несколько минут в молитвенной позе.

— Ясное дело, — пробормотал Дзётаро. — Не может уйти, не попрощавшись с богиней.

Он ограничился наблюдением за Оцу со стороны. Девушки, подталкивая его в спину, спрашивали, почему он не следует примеру Оцу.

— Я? Мне неохота молиться обветшалым святыням.

— Так нельзя говорить. Боги покарают тебя.

— По-моему, молитва — глупость.

— Глупо поклоняться богине Солнца? Она не чета мелким божкам, которым поклоняются в городах.

— Знаю.

— Почему тогда не молишься?

— Потому что не желаю.

— Упрямец?

— Заткнитесь, сумасшедшие бабы!

— А-ах! — хором воскликнули девушки, потря-

сенные грубостью Дзётаро.

— Чудовище! — вымолвила одна из них.

Оцу, завершив молитву, вернулась к девушкам.

— Что случилось? Вы чем-то расстроены? — спросила она.

— Он обозвал нас сумасшедшими бабами за то, что мы уговаривали его помолиться богине, — возмущенно выпалила одна из девушек.

— Дзётаро, ты знаешь, что это дурной поступок, — отчитала Оцу мальчика. — Ты должен помолиться.

— Почему?

— Помнишь, ты рассказывал, как ты молился от страха, что монахи Ходзоина убьют Мусаси? Ты молился вслух, воздев руки к небу. Почему сейчас не можешь?

— Но… они же таращатся на меня.

— Хорошо, мы не будем смотреть.

— Ну ладно уж…

Все отвернулись, но Оцу искоса наблюдала за мальчиком. Он послушно подбежал к воротам Тамагуси, встал лицом к святыне и по-мальчишечьи стремительно отвесил глубокий поклон.

Ветряная мельница

Мусаси сидел на узкой веранде маленькой харчевни на берегу моря, в которой подавали устриц, сваренных в раковине. Около веранды стояли две женщины-ныряльщицы с корзинами моллюсков и лодочник. Лодочник уговаривал Мусаси проехать на лодке вдоль прибрежных островов, а женщины предлагали купить ракушек в дорогу.

Мусаси снял с ноги пропитанную гноем повязку. Рана доставила ему невероятные страдания, и сейчас ему не верилось, что опухоль наконец спала. Нога приняла нормальный вид и лишь немного побаливала, хотя кожа оставалась белесой и морщинистой.

Отмахнувшись от назойливых лодочника и ныряльщиц, Мусаси пошел к берегу, осторожно ступая больной ногой. Вымыв ногу, он вернулся на веранду, поджидая служанку, которую послал купить новые кожаные носки и сандалии. Мусаси надел принесенные носки и сандалии и осторожно наступил на ногу. Он слегка прихрамывал, но это был пустяк по сравнению с перенесенными муками.

Старик, варивший устриц, сказал Мусаси:

— Вас перевозчик зовет. Это вы собирались переправиться в Оминато?

— Да. Я слышал, что оттуда постоянно ходят корабли в Цу.

— Еще в Ёккаити и Кувану.

— Сколько дней осталось до конца года?

Старик рассмеялся:

— Позавидуешь вам! Ваш вопрос означает, что у вас нет долгов, которые надо вернуть в конце года. Сегодня двадцать четвертое.

— Неужели!

— Какое счастье молодость!

Направляясь к переправе, Мусаси вдруг захотелось разбежаться и мчаться далеко, все быстрее и стремительнее. Поправившись, он воспрял духом, но по-настоящему счастливым его сделало потрясение, пережитое утром.

Лодка была полна, но Мусаси удалось отыскать местечко. В Оминато он пересел на большой корабль, шедший в Овари. Паруса наполнились ветром, и корабль заскользил по водам залива Исэ. Мусаси сидел в левой стороне палубы и с удовольствием смотрел на берег — на старый рынок, Ямаду, дорогу в Мацудзаку. «Если направиться в Мацудзаку, — думал Мусаси, — то можно повидаться с выдающимся мастером меча Микогами

Тэндзэном». Но для такой встречи время пока не пришло, и Мусаси сошел на берег в Цу.

Едва ступив на землю, Мусаси заметил прохожего с короткой железной палкой, заткнутой за пояс. На палку была намотана цепь, а на ее конце болтался железный шар. На боку мужчины висел короткий палаш в кожаных ножнах. На вид ему было года сорок три, рябое лицо покрыто таким же черным загаром, как и у Мусаси, отдававшие рыжиной волосы стянуты узлом на затылке. Он сошел бы за разбойника с большой дороги, не следуй за ним закопченный сажей мальчик с молотом. Ясно было, что он — подмастерье, а его хозяин — кузнец.

— Подождите, хозяин!

— Пошевеливайся! Что так медленно идешь?

— Забыл молот на корабле.

— Забыл то, чем зарабатываешь на жизнь?

— Пришлось вернуться.

— Хорош! Добро, что спохватился, иначе башку бы тебе раскроил.

— Хозяин… — жалобно заскулил мальчик.

— Молчи!

— Ночевать будем в Цу?

— У нас полно времени. Доберемся до дома к ночи.

— Разве нельзя где-нибудь остановиться? Хорошо бы развлечься в путешествии.

— Не болтай ерунды!

На въезде в город вдоль дороги выстроились мелочные лавки, зазывалы приглашали путников в гостиницы. Обычный портовый город. Подмастерье, вдруг потеряв хозяина из виду, выискивал его в толпе, пока тот не вышел из лавки игрушек с яркой игрушечной ветряной мельницей в руках.

— Ива, — позвал кузнец мальчика.

— Да, хозяин.

— Возьми игрушку. Да поосторожнее, не сломай! Прикрепи ее к воротнику.

— Для малыша?

— Хм, — буркнул кузнец.

Кузнец не был дома несколько дней и теперь с нетерпением ждал момента, когда отдаст игрушку сыну.

Кузнец с подмастерьем, похоже, шли туда же, куда и Мусаси. Мусаси подумал, не Сисидо Байкэн ли это, но не был уверен и поэтому прибег к незамысловатой хитрости, чтобы проверить свое предположение. Он то обгонял кузнеца с подмастерьем, то отставал, вмешиваясь в их разговор. Миновав городские укрепления, они повернули на городскую дорогу, ведущую в Судзуку. Эту

дорогу должен был выбрать Байкэн, направляясь домой. Мусаси убедился, что мужчина и есть Байкэн.

Мусаси собирался идти прямо в Киото, но встреча с Байкэном изменила его планы. Мусаси подошел к кузнецу и дружеским тоном спросил:

— Возвращаетесь в Умэхату?

— Да, в Умэхату. А тебе какое дело? — сухо отозвался кузнец.

— Вы Сисидо Байкэн?

— Да. А ты?

— Меня зовут Миямото Мусаси. Я изучаю боевое искусство. Недавно я побывал у вас дома в Удзи и разговаривал с вашей женой. Верно, сама судьба свела нас.

— Неужели? — насмешливо вскинул брови Байкэн. На лице его вдруг появилась настороженность. — Это ты останавливался на постоялом дворе в Ямаде и хотел сразиться со мной? — поинтересовался Байкэн.

— Откуда вы знаете?

— Ты направлял посыльного в дом Аракиды, чтобы справиться обо мне?

— Да.

— Я делал кое-какую работу для Аракиды, но не жил у них. Снял деревенскую кузницу. Такую

работу мог выполнить только я.

— Вот как! Говорят, вы мастер по цепному шестоперу с серпом.

— Ха-ха-ха! Значит, ты встречался с моей женой?

— Да, она показала мне один из приемов стиля Яэгаки.

— С тебя достаточно. Нет нужды идти за мной. Конечно, я бы мог показать тебе еще кое-что, но пока до тебя дойдет суть приема, ты уже будешь на полпути в мир иной.

Жена кузнеца показалась Мусаси женщиной самоуверенной, но ее муж оказался высокомерным. Мусаси, безошибочно оценив возможности и характер кузнеца, все же не торопился с выводами. Один из уроков Такуана, усвоенных Мусаси, гласил, что на свете множество людей, более достойных, чем ты сам. Увиденное в храме Ходзоин и замке Коягю подтвердило эту истину. Мусаси старался всесторонне изучить врага, чтобы избежать недооценки противника под влиянием гордыни и самоуверенности. Во время разведки надлежало держаться просто и дружелюбно, порой проявлять угодливость или нарочитую трусоватость.

На презрительное замечание Байкэна Мусаси

ответил уважительно, как и подобало человеку его возраста:

— Действительно, я мало что узнал из разговора с вашей женой, но мне выпало счастье встретить вас. Буду признателен, если вы подробнее расскажете про ваше оружие.

— Если только рассказать, согласен. Ночевать в гостинице у заставы собираешься?

— Если вы не хотите приютить меня на ночь, то заночую там.

— Можешь остаться у меня, если согласен спать в кузнице вместе с подмастерьем. У меня не постоялый двор и нет лишней постели.

Путники добрались до подножия горы Судзука на закате. Под красноватыми облаками деревенька выглядела безмятежной, как озеро. Ива побежал вперед, чтобы оповестить хозяйку о прибытии, и, когда путники подходили к дому Байкэна, жена поджидала их с младенцем на руках. Ребенок держал игрушечную ветряную мельницу.

— Вот и папа! Папа уезжал далеко, теперь вернулся! Посмотри на папу! — ворковала жена Байкэна.

В мгновение ока Байкэн, сбросив высокомерие, расплылся в ласковой отцовской улыбке.

— Это твой папочка, малыш! — сюсюкал он, вертя пальцами перед носом младенца.

Муж и жена вошли в дом и заговорили о хозяйственных делах, занялись малышом, не обращая внимания на Мусаси.

Байкэн вспомнил про гостя, когда стали подавать обед.

— Дай этому малому что-нибудь поесть, — приказал он жене.

Мусаси сидел на земляном полу кузницы, греясь у горна. Он даже не снял сандалий.

— Он уже ночевал у нас, — неприязненно произнесла жена Байкэна, ставя кувшин с саке в очаг, перед которым сидел хозяин дома.

— Эй, парень! — позвал Байкэн. — Саке пьешь?

— Не откажусь.

— Выпей чарочку!

— Спасибо.

Войдя в комнату с очагом, Мусаси принял от хозяина чашечку местного саке и поднес ее к губам. Оно показалось ему кисловатым.

Возвращая чашечку кузнецу, Мусаси сказал:

— Позвольте я налью вам.

— Не беспокойся, пока есть. Сколько тебе лет? — спросил Байкэн, окинув взглядом Мусаси.

— Двадцать два.

— Откуда ты родом?

— Из Мимасаки.

Байкэн изучающе всматривался в Мусаси.

— Напомни-ка твое имя! Из головы вылетело.

— Миямото Мусаси.

— Как ты пишешь Мусаси?

— Теми же иероглифами, что и Такэдзо.

Вошла хозяйка и поставила на циновку перед Мусаси суп мисо, соленья, чашку риса и положила палочки.

— Ешь! — бесцеремонно приказала она.

— Благодарю вас, — ответил Мусаси.

Байкэн, на мгновение задержав дыхание, произнес:

— Что-то крепкое саке нынче! Тебя, значит, в детстве звали Такэдзо? — спросил он небрежным тоном, наливая Мусаси.

— Да.

— Лет до семнадцати?

— Да.

— В этом возрасте ты участвовал в битве при Сэкигахаре? С тобой был еще один парень — ровесник? Матахати?

Теперь удивился Мусаси.

— Откуда вы знаете? — медленно произнес он.

— Я много кое-чего знаю. Я тоже там был.

Мусаси почувствовал расположение к Байкэну, тон которого стал более дружеским.

— Где-то я тебя видел, — продолжал кузнец. — На поле боя, верно.

— Вы были в лагере клана Укиты?

— Я тогда жил в Ясугаве и отправился на войну с группой тамошних самураев. Мы были на передовой линии, впереди всех.

— Правда? Значит, мы там и виделись.

— А что стало с твоим другом?

— Не видел его с тех пор.

— Со времени битвы?

— Почти. Мы некоторое время прожили в одном доме в Ибуки, а когда зажили мои раны, мы с ним расстались. Больше я его не встречал.

Байкэн крикнул жене, что саке кончилось. Она с ребенком уже легла.

— Больше нет ни капли, — ответила хозяйка дома.

— Я еще хочу. Немедленно!

— Почему надо напиться именно сегодня?

— У нас интересный разговор. Давай саке!

— Сказала, что больше нет.

— Ива! — позвал Байкэн.

— Что изволите, хозяин? — откликнулся Ива из-за тонкой дощатой перегородки в углу куз-

ницы. Ива открыл некое подобие двери, и его согбенная фигура появилась в проеме. Притолока была слишком низкой для его роста.

— Пойди к Оносаку и возьми в долг бутылку саке.

Мусаси больше не хотел пить.

— Если не возражаешь, я поем, — сказал он, берясь за палочки.

— Нет, подожди! — воскликнул Байкэн, перехватывая руку Мусаси. — Подожди! Я послал за саке, и тебе придется выпить.

— Если саке ради меня, то напрасно. Вряд ли я осилю даже каплю.

— Брось ломаться! — настаивал Байкэн. — Хочешь узнать побольше о цепном шестопере с серпом? Все тебе расскажу, но нужно еще немного добавить.

Вернулся Ива с бутылкой. Байкэн, налив саке в кувшин, поставил его подогреть на огонь и пустился рассказывать о цепном шестопере с серпом, о том, как лучше использовать его в боевых действиях. Главное преимущество оружия перед мечом заключалось в том, что оно не оставляло противнику времени для защиты. Можно обезоружить противника с помощью цепи и перейти в атаку. Точный бросок цепи, резкий рывок — и

противник оказывается без меча.

Байкэн не вставая продемонстрировал прием.

— Держишь серп левой рукой, шар в правой. Если противник нападает в лобовую, принимаешь его на лезвие и швыряешь шар ему в лицо. Это один вариант.

Торс Байкэна принял другое боевое положение.

— Если между тобой и противником есть какое-то пространство, вырываешь у него оружие с помощью цепи, любое — меч, копье, дубину и прочее.

Байкэн говорил без остановки. Он рассказывал Мусаси, как бросать шар, объяснил с десяток способов применения оружия, растолковал, почему цепь действует как змея, показал, как ввести противника в заблуждение, ловко орудуя серпом и цепью, так чтобы защитные действия неприятеля обернулись против него самого. Байкэн выложил все секреты своего оружия.

Мусаси слушал как завороженный. Он внимал каждому слову кузнеца, впитывая мельчайшие детали.

Цепь. Серп. Обеими руками…

Рассказ Байкэна навел Мусаси на размышления. «Меч можно применять одной рукой, но

ведь у человека две руки...»

Бутылка саке опустела. Байкэн пил много, настойчиво угощая Мусаси. Выпив непривычную дозу, он совсем опьянел.

— Вставай! — приказал Байкэн жене. — Пусть гость спит на нашей постели. А мы — в задней комнате. Пойди постели там.

Хозяйка не шевелилась.

— А ну, вставай! — еще громче крикнул Байкэн. — Гость устал. Ему пора отдыхать.

Жена Байкэна согрелась под одеялом, и ей совсем не хотелось покидать уютное ложе.

— Ты же говорил, что он будет спать в кузнице вместе с Ивой, — пробормотала она.

— Хватит болтать! Делай, что тебе говорят!

Женщина поднялась и раздраженно прошлепала в заднюю комнату. Байкэн взял спавшего младенца на руки и сказал:

— Одеяла старые, но очаг рядом. Если захочешь пить, заваришь чай, горячая вода на огне в котелке. Спи. Спокойной ночи!

Байкэн ушел вслед за женой. Через минуту хозяйка вернулась, чтобы сменить подушки. Она уже не выражала недовольства.

— Муж напился и устал с дороги, — сказала она. — Он хочет выспаться вволю и встанет позд-

но. Устраивайся поудобнее. Утром накормлю тебя вкусным завтраком.

— Спасибо, большое спасибо! — только и смог ответить Мусаси. Ему не терпелось скорее раздеться.

Мусаси нырнул под теплое одеяло, но ему было жарко от выпитого саке. Женщина немного постояла, наблюдая за гостем, затем, задув светильник, мягко проговорила:

— Спокойной ночи!

Мусаси казалось, будто голова его стянута стальным обручем. В висках стучало. Он не мог понять, почему так напился. Чувствовал он себя скверно, но не мог отделаться от мысли о Байкэне. Почему вдруг кузнец расположился к нему и послал за саке, хотя сначала вел себя довольно грубо? С чего его своенравная жена вмиг стала любезной? Почему они предоставили ему свою постель? Мусаси не понимал. Глубоко вздохнув, он натянул одеяло и закрыл глаза. Из-под одеяла выглядывал лишь лоб, освещаемый вспышками тлеющих углей в очаге. Вскоре комната наполнилась глубоким ровным дыханием.

Жена Байкэна вернулась в заднюю комнату, чуть слышно шлепая босыми ногами по татами.

Мусаси видел сон, вернее повторяющиеся об-

рывки сна. Воспоминания детства кружились в его спящем мозгу словно какое-то насекомое, оставляя за собой светящийся след. Мусаси слышались слова колыбельной:

Спи, усни, спи, усни,
Спящий маленький так мил.

Мусаси видел себя дома в Мимасаке, слышал колыбельную, которую пела жена кузнеца на наречии провинции Исэ. Он был ребенком на руках бледной женщины лет тридцати… Это была его мать… Да, его мать. Он прижался к ее груди, глядя в ее бледное лицо.

Плачут только неслухи,
С ними плачет мама.

Мать Мусаси тихо напевала, укачивая его. Тонкое гордое лицо ее было голубоватого оттенка, как цветок груши… Тянулась каменная стена, поросшая цветущим мхом. Потом глинобитная стена с нависавшими над ней ветвями деревьев, темных в наступивших сумерках. Из-за сёдзи дома струился свет. На щеках матери блестели слезы. Младенец — Мусаси — с изумлением взирал на них.

«Уходи! Убирайся в свой дом!»

Это был повелительный голос отца, Мунисая, доносившийся из глубины дома. Мать Мусаси медленно поднялась. Потом она бежала вдоль стены дома, потом по берегу реки Айды. Она вошла в воду и побрела к середине реки… Малыш вертелся на руках у матери, пытаясь предупредить ее об опасности, но говорить он еще не умел. Чем больше извивался ребенок, тем крепче прижимала она его к груди. Он чувствовал ее мокрую от слез щеку. «Такэдзо, — сказала она, — ты чей сын? Отца или матери?»

Мунисай кричал с берега. Мать скрылась под водой. Младенец, выброшенный на прибрежную гальку, лежал среди цветущих примул и закатывался от плача.

Мусаси открыл глаза. Он снова начал засыпать, а женщина, не то мать или какая-то другая, вторглась в его сон и разбудила его. Мусаси не помнил лица матери. Он часто думал о ней, но не мог описать ее словами. Видя чужих матерей, он предполагал, что его мать похожа на этих женщин.

«Почему сегодня ночью?» — промелькнуло у него в голове.

Хмель почти выветрился из головы. Мусаси лежал, глядя в потолок. По толстому слою сажи

пробегали красные отблески от тлеющих в очаге углей. Взгляд Мусаси остановился на подвешенной к потолку игрушечной ветряной мельнице. Он вдруг сообразил, что запах матери и младенца исходит от постели. Мусаси охватила легкая грусть. Сон вновь объял его. Игрушка над головой приняла расплывчатые очертания.

Мельница начала медленно вращаться. Ничего удивительного, игрушечная вертушка для того и сделана. Вертеться она может только от движения воздуха, от сквозняка. Мусаси приподнялся. Вслушиваясь в темноту, он уловил едва слышный звук осторожно закрываемой двери. Вертушка остановилась.

Мусаси опустил голову на подушку, соображая, что происходит в доме. Он походил на жука под листом, который угадывает погоду наверху. Мусаси чутко реагировал на малейшие изменения, происходившие вокруг. Нервы напряглись до предела. Мусаси понял, что жизнь его в опасности. Но почему?

«Разбойничий притон?» — спрашивал себя Мусаси. Настоящие воры сразу бы определили, что у Мусаси нечего красть. «Кузнец затаил на меня обиду?» Вряд ли. Мусаси был уверен, что прежде никогда не встречал Байкэна. Мусаси ко-

жей ощущал приближение смертельной угрозы, хотя не знал, чем он навлек ее. Он чувствовал, что опасность совсем рядом, что надо мгновенно решать: ждать ее, притворяясь спящим, или делать упреждающий шаг.

Мусаси протянул руку через порог в кузницу, нащупал сандалии и осторожно обулся под одеялом.

Вертушка начала вращаться. В бликах очага она напоминала заколдованный цветок. С улицы послышались тихие шаги. Кто-то осторожно двигался и внутри дома. Мусаси быстро скатал постельные тряпки в подобие спящего человека.

Из-под короткой занавески норэн в дверном проеме сверкнули два глаза. Человек крался с обнаженным мечом. Другой, сжимая копье, скользнул вдоль стены к изножию постели. Оба вслушивались в дыхание спящего. Затем, как облако дыма, явился третий. Это был Байкэн с серпом в левой руке и железным шаром в правой. Переглянувшись, троица задышала в одном ритме. Человек, стоявший в изголовье постели, изо всех сил пнул подушку, второй с копьем сделал шаг назад в кузницу и нацелился в спящего. Байкэн, спрятав серп за спину, крикнул:

— Вставай, Мусаси! — Пустая постель безмолв-

ствовала.

Человек с копьем откинул одеяло.

— Его нет! — воскликнул он.

Байкэн, быстро оглядев комнату, заметил крутящуюся вертушку.

— Где-то дверь открыта! — бросил он.

Послышалось ворчание третьего человека. Дверь кузницы, выходившая на задворки дома, оказалась распахнутой. Морозный воздух ворвался в нее, выстуживая дом.

— Отсюда ушел!

— Прозевали, болваны! — выругался Байкэн, выскакивая на улицу. От стены дома отделилось несколько теней.

— Порядок, хозяин? — спросил кто-то.

Байкэн взорвался от гнева:

— Ты что несешь, дурак? Зачем я вас здесь поставил? Он сбежал под носом у вас.

— Ушел? Как же он ухитрился выйти?

— Это у вас нужно спросить, безмозглые скоты!

Громко топая, Байкэн вбежал в дом.

— У него только два пути, — послышался его голос. — К броду Судзука или назад, к дороге на Цу. Он далеко не мог уйти. В погоню!

— Нам куда бежать?

— Я к броду Судзука, а вы марш по нижней дороге!

Преследователей было с десяток, все вооружены. Один, с мушкетом, смахивал на охотника, другой, с коротким полевым мечом, походил на дровосека.

— Если его настигнете, пальните из мушкета, мы все соберемся! — крикнул Байкэн.

Преследователи бросились в погоню по нижней дороге.

Через час они возвратились с побитым видом, хмуро перебрасываясь словами. Вопреки ожиданиям вожак встретил их молча. Вернувшись первым, Байкэн сидел с отрешенным видом на полу в кузнице.

— Что верно, то верно — слезами горю не поможешь, — ответил он на их попытки приободрить его.

Байкэн, схватив обуглившееся полено, переломил его через колено, давая выход душившей его злобе.

— Несите саке! Выпьем!

Байкэн помешал угли в очаге и подбросил дров. Жена с младенцем на руках напомнила, что выпивки в доме нет. Один из мужчин вызвался сбегать за саке, и скоро чашечки с подогретым

питьем пошли по кругу.

Разговор не клеился.

— Меня просто распирает от злости.

— Паршивый мерзавец!

— Он заколдован, помяните мое слово.

— Не расстраивайся, хозяин! Ты сделал все, что мог. Парня прохлопали те, кто сторожил дом снаружи.

Те понуро молчали, сознавая вину.

Компания подпаивала Байкэна, чтобы он пошел спать, но он только морщился от выпитого и не уходил. Он никого не упрекал.

— Не надо было затевать эту историю, я собирал вас, чтобы действовать наверняка. Поначалу я думал разделаться с ним сам, но поосторожничал. Он ведь убил моего брата Цудзикадзэ Тэмму, а брат был не из слабых бойцов, — произнес он после долгого молчания.

— Неужели этот ронин — тот самый парень, который четыре года назад прятался в доме Око?

— Он. Дух покойного брата привел его сюда. Точно. Мне бы и в голову не пришло, не скажи он, что сражался при Сэкигахаре, что его звали Такэдзо. Все сходится — и возраст, и приметы того парня, который убил брата. Это он.

— Брось тужить, хозяин! Забудь обо всем и

ложись спать!

Байкэну помогли дойти до постели, кто-то заботливо отряхнул отброшенную в сторону подушку и подложил ему под голову. Байкэн заснул мгновенно, оглушив всех громким храпом. Его друзья, сочувственно переглянувшись, тихо вышли из дома и растворились в утреннем тумане.

Сброд этот прежде промышлял разбоем и состоял в бандах Цудзикадзэ Тэммы из Ибуки или Цудзикадзэ Кохэя из Ясугавы, который теперь звался Сисидо Байкэном. Некоторые были просто типами со дна общества. Обстоятельства превратили их в землепашцев, ремесленников, охотников, но при удобном случае они готовы были вцепиться в глотку честного человека.

В доме Байкэна стояла тишина, нарушаемая лишь дыханием спящих и возней мыши-полевки.

В коридоре, соединявшем кузницу с кухней, стояла большая глинобитная печь, а у стены сложены дрова. Над дровами на гвоздях висели зонты и большие соломенные шляпы от дождя. В полумраке между печью и стеной одна из шляп шевельнулась и тихо поползла вверх, пока не повисла на гвозде. Расплывчатый силуэт человека словно бы отделился от стены. Во время погони

Мусаси оставался в доме. Выскользнув из-под одеяла, он открыл дверь во двор, а сам спрятался в дровах, прикрывшись шляпой.

Неслышно ступая, он пересек кузницу и приблизился к спящему Байкэну. Мусаси никогда не слышал такого храпа. «Шишки в носу», — отметил про себя Мусаси. Ему стало смешно, и он невольно улыбнулся.

Мусаси колебался, размышляя. По большому счету он выиграл поединок у Байкэна. Победа неоспорима. Если этот спящий человек и хотел убить его, то делал это ради успокоения духа покойного брата Цудзикадзэ Тэммы. Похвальный поступок для заурядного грабителя. Стоит ли убивать Байкэна? Конечно, безопаснее прикончить его на месте, ведь он будет искать случая отомстить. Но достоин ли Байкэн того, чтобы его убил Мусаси?

Мусаси осенило. Подойдя к стене, он снял с гвоздя оружие кузнеца и осторожно вытащил лезвие серпа. Взглянув на спящего, Мусаси обернул лезвие влажной бумагой и осторожно приставил его к горлу Байкэна. Отступив на шаг, Мусаси оценивающе осмотрел свою работу.

Вертушка на потолке, казалось, заснула вместе с хозяином дома. Утром она бы неистово завер-

телась, увидев, как отрезанная голова хозяина скатывается с подушки. Этого не случится из-за бумажной обертки лезвия.

В свое время у Мусаси были причины убить Цудзикадзэ Тэмму, да и пыл битвы при Сэкигахаре все еще горел в его душе. Сейчас смерть кузнеца ничего не значила бы для Мусаси. Кто знает, не сделает ли хозяин вертушки, который пока еще в пеленках, целью жизни кровавую месть за убийство отца?

В эту ночь Мусаси не раз вспоминал о своих родителях. Он почувствовал что-то похожее на зависть, вдыхая легкий сладковатый запах материнского молока. Ему даже не хотелось уходить.

«Простите, что я потревожил вас. Спите спокойно!» — сказал про себя Мусаси. Он тихо вышел из дома.

Скачущий конь

Поздно ночью Оцу и Дзётаро добрались до заставы, переночевали в гостинице и пустились в путь, не дожидаясь, когда рассеется утренний туман. Миновав гору Фудэсутэ, они дошли до Ёнкэнтяя. Взошедшее солнце приятно согревало спину.

— Красота! — воскликнула Оцу, оглядываясь на огненное светило.

Надежда и радость наполняли ее. Она переживала один из счастливых моментов, когда все живое: растения, звери — ликовали и радовались тому, что существуют на земле.

— Сегодня мы самые первые на дороге. Впереди — ни души! — горделиво заявил Дзётаро.

— Нашел чем хвастать! Какая разница?

— Мне это очень важно.

— Полагаешь, что дорога станет короче?

— Ничего подобного. Приятно быть первым, даже на дороге. Вот увидишь, лучше идти одним, а не тащиться за паланкином или лошадью.

— Может, ты и прав.

— Когда на дороге никого нет, кажется, что она принадлежит только мне.

— Почему бы в таком случае тебе не сделать вид, будто ты важный самурай, который едет верхом, осматривая свои владения? А я буду слугой!

Оцу подобрала бамбуковую палку и, церемонно размахивая ею, нараспев провозгласила:

— Падите! Падите ниц перед его светлостью!

Эту картину с изумлением наблюдал человек, сидевший под навесом придорожной харчевни. Застигнутая врасплох Оцу, вспыхнув от стыда за ребяческую проделку, ускорила шаг.

— Стой! — крикнул Дзётаро. — Ты не должна убегать от хозяина, иначе велю тебя казнить.

— Я больше не играю.

— Не я же придумал игру.

— Я тебя хотела развлечь. Тот человек все еще смотрит на нас. Думает, верно, какие мы глупые.

— Пошли в харчевню!

— Зачем?

— Есть хочу.

— Уже проголодался?

— Можем съесть половину рисовых колобков-онигири, запасенных на обед.

— Потерпи, мы не прошли и двух километров. Дай тебе волю, пять раз в день будешь есть.

— Наверное. Но я ни разу не ехал на лошади, меня не несли в паланкине, как случается с тобой.

— Только вчера вечером, потому что стемнело и нам надо было спешить. Буду идти сегодня весь день пешком, если хочешь.

— Сегодня моя очередь ехать верхом.

— Детям не положено.

— Я хочу попробовать. Пожалуйста!

— Хорошо, посмотрим, но только сегодня.

— Около харчевни привязана лошадь. Наймем ее.

— Нет, пока рано.

— Значит, ты просто водишь меня за нос.

— Ты еще не устал. Зачем попусту тратить деньги?

— Ты прекрасно знаешь, что я никогда не устаю. Я не устану, если мы будем в пути сто дней и пройдем тысячу километров! Я никогда не прокачусь верхом, если мы будем ждать, когда я устану. Наймем лошадь сейчас, пока дорога свободная. Безопаснее, чем ехать верхом в толпе. Прошу тебя!

Оцу поняла, что спорить с Дзётаро — значит терять то время, которое они выиграли на заре, отправившись в дорогу. Мальчик почуял ее согласие прежде, чем она ему кивнула, и вихрем помчался к харчевне.

Судя по названию местечка Ёнкэнтяя, в окру-

ге имелось четыре чайных, разбросанных по склонам гор Фудэсутэ и Куцунакэ. У дороги находилась всего одна харчевня.

Подбежав к хозяину, Дзётаро закричал:

— Мне нужна лошадь!

Старик, еще полусонный, снимал с дома ставни. От громкого голоса мальчишки он окончательно проснулся.

— Что раскричался? — недовольно проворчал он.

— Нужна лошадь. Немедленно! Сколько стоит до Минагути? Если недорого, то найму лошадь и до Кусацу.

— Ты чей, мальчик?

— Отца с матерью! — нахально ответил Дзётаро.

— А я подумал, что непослушный отпрыск грома.

— Сам ты гром! Тарахтишь, как гром и молния.

— Негодник!

— Веди лошадь!

— Думаешь, что конь сдается внаем? Ошибаешься. Увы, я лишен чести предоставить коня вашей милости.

— В таком случае я лишен удовольствия нанять вашего коня! — ответил Дзётаро, передразнивая

старика.

— Ну и наглец! — воскликнул хозяин харчевни. Выхватив из очага головешку, он швырнул ее в мальчишку. Головешка пролетела мимо Дзётаро и попала в старого коня, привязанного под навесом. Конь пронзительно заржал, рванулся и ударился крупом о столб.

— Ублюдок! — вопил старик и, громко ругаясь, подбежал к коню, отвязал его и повел на задний двор.

Дзётаро не отставал.

— Пожалуйста, дайте нам лошадь.

— Не могу.

— Почему?

— Нет погонщика.

На помощь подоспела Оцу. Она предложила заплатить вперед и вернуть коня из Минагути с кем-нибудь из путников. Ее вежливые манеры смягчили старика. Вручая Оцу веревочный поводок, он сказал:

— В таком случае можете ехать до Минагути, даже до Кусацу, если угодно. Пожалуйста, не забудьте отправить коня назад.

Оцу и Дзётаро немного отошли от харчевни, и мальчишка негодующе воскликнул:

— Как это вам нравится? Надо мной издевался,

но стоило появиться хорошенькому личику…

— Не говори так о старике. Конь его услышит, рассердится и сбросит тебя.

— Думаешь, эта дохлятина справится со мной?

— Ты же не умеешь ездить верхом.

— Умею.

— Почему тогда пытаешься взобраться на коня сзади?

— Помоги мне!

— Ты мне надоел.

Оцу приподняла Дзётаро и усадила его на лошадь.

Дзётаро обозрел расстилавшийся перед ним мир.

— Пожалуйста, иди впереди, Оцу!

— Ты плохо сидишь.

— Не волнуйся, все хорошо.

— Тебе будет хуже, предупреждаю!

Взяв коня за повод, Оцу, махнув рукой хозяину харчевни, вместе со всадником двинулась в путь.

Не прошли они и сотни шагов, как позади них в тумане раздались крики и топот бегущих ног.

— Что это? — спросил Дзётаро.

— Нас зовут? — отозвалась Оцу.

Они остановились. В белесом тумане замая-

чила фигура человека. Сначала это был темный силуэт, но человек быстро приближался. Можно было различить его черты и возраст. Незнакомец словно мчался в сопровождении вихрей. Подбежав к Оцу, он вырвал из ее рук повод.

— Слезай! — приказал он Дзётаро.

Конь попятился.

— Не имеешь права! Я нанял этого коня! — закричал Дзётаро, держась за гриву.

Человек хмыкнул и повернулся к Оцу.

— Эй, женщина!

— Да, — сдавленно ответила Оцу.

— Меня зовут Сисидо Байкэн. Я живу в деревне Удзи в горах за заставой. Мне надо догнать человека по имени Миямото Мусаси. На это есть причины. Сегодня перед рассветом он проследовал по этой дороге. Он был здесь несколько часов назад, поэтому мне надо спешить, чтобы поймать его в Ясугаве или на границе Оми. Необходима лошадь!

Человек говорил торопливо, тяжело дыша. Потная шея блестела, как змеиная кожа, хотя было холодно. Туман индевел на ветвях деревьев.

Оцу молчала. Лицо ее залила смертельная бледность, будто земля под ее ногами высосала из нее кровь. Губы дрожали. Она хотела переспросить

имя, упомянутое человеком, но не могла вымолвить ни слова.

— Мусаси? — воскликнул Дзётаро.

Он дрожал всем телом, не отпуская лошадиную гриву.

Байкэн не заметил потрясения, вызванного его словами, он слишком спешил.

— Побыстрее! — скомандовал он, обращаясь к Дзётаро. — Слезай, или сверну тебе шею!

Кузнец размахнулся поводом, как хлыстом.

Дзётаро упрямо вскинул голову:

— Не слезу!

— Что это значит?

— Это мой конь. Не отдам, какое мне дело до вашей спешки.

— Полегче! Я все объяснил вежливо и терпеливо, потому что вы, женщина и ребенок, путешествуете одни, однако…

— Оцу! — прервал его Дзётаро. — Разве я не прав? Разве мы должны отдать коня?

Оцу готова была обнять мальчика. Ей важно было любым способом подольше задержать это чудовище.

— Мальчик прав, — сказала она. — Я не сомневаюсь в неотложности вашего дела, но и мы спешим. Вы можете нанять другую лошадь, они

постоянно возят путников по этой дороге. Мальчик верно говорит, что несправедливо забрать у нас лошадь.

— Я не слезу, — проговорил Дзётаро. — Умру, но не слезу.

— Это ваше последнее слово? — угрожающе произнес Байкэн.

— Давно пора бы понять! — дерзко ответил Дзётаро.

— Негодник! — заорал Байкэн, взбешенный тоном мальчика.

Вцепившийся в конскую гриву Дзётаро казался не больше блохи. Байкэн, схватив мальчика за ногу, начал стягивать его с коня. Это был подходящий момент для использования деревянного меча, но в суматохе Дзётаро забыл про него. Столкнувшись с грозным противником, мальчик начал неистово плевать ему в лицо.

Оцу охватил ужас. У нее пересохло во рту при мысли, что незнакомец их покалечит или убьет. Она, однако, и не думала уступать коня. Мусаси уходил от погони, и чем дольше она задержит напавшего на них негодяя, тем больше времени выиграет Мусаси. Оцу не волновало то, что увеличится расстояние между ней и Мусаси в тот момент, когда они оказались на одной дороге. С

криком «Не смей!» она толкнула Байкэна в грудь с удивившей ее силой. Байкэн, вытиравший в этот момент плевки, потерял равновесие. Оцу случайно ухватилась за эфес его меча.

— Мерзавка! — рявкнул Байкэн, ловя ее за руку.

Меч был наполовину обнажен, и вместо руки девушки Байкэн сжал лезвие меча, взвыв от боли. Мизинец и безымянный палец правой руки упали на землю со струей крови. Байкэн отскочил назад, оставив меч в руке Оцу. Сверкающее лезвие, прочертив дугу, замерло. Оцу приготовилась к удару.

Этот промах Байкэна был хуже, чем ночью. Казня себя за неосторожность, он постарался поскорее твердо стать на ноги. Оцу, никого теперь не боявшаяся, нанесла удар поперек тела противника. Меч был слишком велик для нее, с широким лезвием, длиной почти в метр. Не каждый мужчина смог бы управиться с таким оружием. Байкэн увернулся, но меч рванул Оцу за собой вперед. Меч чуть не вывернул ей кисти, струя темно-красной крови ударила Оцу в лицо. На миг она потеряла сознание, но тут же поняла, что меч врезался в круп лошади.

Конь, взбрыкнув, с диким хрипом завертелся

на месте. Рана, к счастью, оказалась не глубокой. Байкэн, вопя что-то нечленораздельное, перехватил руку Оцу и стал вырывать меч, но в этот момент конь лягнул его так, что он отлетел в сторону, увлекая за собой девушку. С пронзительным ржанием конь встал на дыбы и, как стрела, понесся по дороге, унося на себе Дзётаро.

Байкэн вынырнул из облака пыли. Он понял, что упустил коня. Он оглядывался в поисках Оцу, но девушки нигде не было. Байкэн заметил свой меч под лиственницей и рванулся к нему. В этот момент его осенило, что между девушкой и Мусаси может существовать какая-то связь. Если она подруга Мусаси, то это отличная приманка. Она, во всяком случае, должна знать, куда направляется Мусаси.

Байкэн скатился с дамбы, защищавшей дорогу, и бросился к крестьянскому дому под соломенной крышей. Он вихрем пронесся по всему дому, обшарив каждый уголок и напугав до смерти старуху, сидевшую за прялкой.

Оцу бежала вниз по склону к долине, кое-где покрытой островками снега. Байкэн заметил ее, когда она мчалась по роще. Он рванулся следом, как неудержимая лавина, и в несколько гигантских прыжков настиг ее.

— Мерзавка! — закричал он, пытаясь схватить девушку за волосы.

Оцу подвернула ногу. Она скатилась на край отвесной скалы, но успела ухватиться за корень дерева и повисла над обрывом, раскачиваясь как маятник. Песок и галька посыпались на нее. Взглянув вверх, она увидела яростные глаза Байкэна и сверкающий меч.

— Дура! — презрительно произнес Байкэн. — Думала, что убежишь от меня?

Оцу взглянула вниз. До подножия скалы, где шумел поток, было метров восемнадцать. Удивительно, но Оцу не испытывала страха, поскольку узкая долина была ее единственным спасением. В любой момент она могла уйти от преследователя, достаточно разжать руки и предаться свободному полету. Оцу почувствовала близость смерти, но не ощутила страха, потому что ее мыслями владел только Мусаси. Она видела его, представляла его лицо, подобное полной луне в грозовом небе.

Байкэн, поймав Оцу за запястье, сильным рывком вытащил ее наверх.

— Что ты там копаешься? — раздался голос с дороги. — Надо поторапливаться. Старик из харчевни сказал, что какой-то самурай разбудил его до рассвета, купил еду и ушел в сторону до-

лины Кага.

— Долина Кага? — переспросил Байкэн подоспевшего дружка.

— Так старик говорит. Какая разница, пойдет он этим путем или дорогой на Минагути через гору Цуги. Обе сходятся в Исибэ. Мы его перехватим, если вовремя доберемся до Ясугавы.

Байкэн стоял спиной к напарнику. Кузнец не сводил глаз с Оцу, которая комочком лежала у его ног, недвижно, словно заколдованная.

— Эй вы, быстро сюда! Все трое! — проревел Байкэн.

— Зачем?

— Нечего спрашивать!

— Эдак Мусаси обойдет нас в Ясугаве.

— Черт с ним!

Троица на дороге была из тех, кто ловил Мусаси накануне ночью. Привычные к горным тропам, они стремительно, как стадо кабанов, спустились по склону. На уступе, где стоял Байкэн, они увидели Оцу. Байкэн быстро рассказал о случившемся.

— Свяжите и заберите ее с собой! — приказал Байкэн, прежде чем скрыться за деревьями, чтобы пойти наперерез Мусаси.

Разбойники связали Оцу, но им было жалко девушку. Она беспомощно лежала на земле,

неудобно повернув голову. Бледное лицо Оцу приводило разбойников в смущение.

Байкэн спустился в долину Кага. Остановившись, он взглянул на утес и крикнул:

— Встречаемся в Ясугаве. Я иду наперерез, а вы по дороге. Да не зевайте по сторонам.

— Ладно, хозяин! — хором отозвалась троица.

Байкэн, перескакивая с камня на камень, как горный козел, скрылся из виду.

Дзётаро несся на обезумевшем коне. Конь был старый, но гонимый страхом мчался так, что невозможно было осадить его с помощью веревки, если бы Дзётаро и знал, как это делается. Рана жгла, как горящий факел, и конь бешено скакал по извилистой дороге. Мелькали придорожные деревни. Дзётаро чудом держался на спине коня, отчаянно вопя: «С дороги!» Он выкрикивал эти слова бесконечно, как заклинание.

Обессилев, Дзётаро приник к шее коня, крепко обхватив ее руками и зажмурив глаза. Каждый скачок коня подбрасывал Дзётаро в воздух. Выкрики мальчишки превратились в жалобный вой. Прося Оцу разрешения прокатиться на лошади, он представлял себя самураем, гордо едущим на великолепном скакуне, но через несколько минут скачки ничего не осталось от этого желания.

Дзётаро молил, чтобы кто-нибудь отважился схватить болтающуюся веревку и остановить лошадь. Тщетная надежда — ни путники, ни деревенские жители не хотели рисковать из-за незнакомого мальчишки. Все бросались врассыпную, ругая безрассудного всадника.

Дзётаро, пролетев деревню Микумо, достиг городка Нацуми, где было несколько постоялых дворов. Будь он опытным наездником на послушном коне, он, прикрыв глаза от солнца, предался бы обозрению величественных гор и прекрасных долин Ига, вершин Нунобуки, реки Ёкота и прозрачных вод озера Бива.

Отчаявшись, Дзётаро сменил слова заклинания. «Стой, стой, стой!» — вопил он. Когда они помчались вниз по склону горы Кодзи, он уже вопил: «На помощь!» Конь несся по крутому склону, и Дзётаро мячиком подскакивал на его спине.

Конь и всадник миновали треть склона, когда Дзётаро заметил впереди слева от дороги большой дуб. Толстая ветка нависала над дорогой. Когда листья ударили Дзётаро по лицу, он ухватился за ветку, искренне веря, что боги в ответ на его молитвы ниспослали ему спасение. Он, вероятно, был прав. Дзётаро отделился от коня и повис на ветке, вцепившись в нее изо всех сил.

Конь, освободившись от седока, помчался еще быстрее.

До земли было не более трех метров, но руки не слушались Дзётаро и не хотели разжиматься. Мальчик пережил такое потрясение, что эта высота казалась ему бездонной пропастью. Судорожно вцепившись в ветку, он обхватил ее ногами, лихорадочно размышляя, что делать дальше. Все решилось само собой, когда ветка обломилась и Дзётаро полетел вниз. Не успел он испугаться, как уже сидел на земле, целый и невредимый.

— У-ух! — только и сумел выдохнуть неудавшийся наездник.

Несколько минут Дзётаро сидел в оцепенении, потом, вспомнив, как он здесь очутился, вскочил на ноги.

— Оцу! — закричал он, забыв о расстоянии, которое разделяло их.

Он побежал назад в гору, крепко сжимая рукоятку деревянного меча. «Что с ней? Оцу! Оцу!»

Дзётаро увидел человека в серо-красном кособэ, шедшего ему навстречу. Незнакомец был в кожаных хакама, соломенных сандалиях, с двумя мечами, но на нем не было хаори. Пройдя мимо Дзётаро, он оглянулся и окликнул мальчика:

— Эй, послушай!

Дзётаро оглянулся.

— Что-то случилось? — поинтересовался незнакомец.

— Вы идете с той стороны горы? — спросил Дзётаро.

— Да.

— Не видели красивую женщину лет двадцати?

— Представь себе, видел.

— Где?

— Видел нескольких разбойного вида типов вместе с девушкой. Руки у нее были связаны. Я, конечно, удивился, но не стал вмешиваться не в свое дело. По-моему, это были люди из банды Цудзикадзэ Кохэя. Несколько лет назад он переселил в долину Судзука чуть не деревню разного отребья из Ясугавы.

— Это она! — произнес Дзётаро и заспешил дальше, но незнакомец остановил его.

— Вы вместе путешествуете?

— Да. Ее зовут Оцу.

— Будешь по-глупому рисковать, так тебя убьют до того, как ты подоспеешь на помощь девушке. Почему не подождать? Они неминуемо пройдут здесь. А сейчас расскажи, что произошло. Вдруг я

смогу дать полезный совет.

Незнакомец расположил к себе мальчика. Дзётаро рассказал о случившемся утром. Незнакомец понимающе кивал, наклоняя широкополую шляпу. Дзётаро умолк, и человек сказал:

— Сочувствую вам, но при всей твоей храбрости ты, маленький мальчик, и женщина никогда не справитесь с людьми Кохэя. Лучше я попробую спасти Оцу.

— Разве они отдадут ее вам?

— Нет, если я вежливо попрошу их. Что-нибудь придумаю, а ты спрячься в кусты и сиди там тихо.

Дзётаро спрятался за придорожными кустами, а незнакомец быстро зашагал под гору. Дзётаро показалось, что человек его обманул. Может, ронин просто утешил его, а сам пустился наутек? Дзётаро осторожно высунулся из кустов, но тотчас присел, заслышав голоса. Вскоре показалась Оцу в окружении троих мужчин. Руки у нее были связаны за спиной, на ноге запеклась кровь.

Один из разбойников подтолкнул ее в плечо и проворочал:

— Ты что по сторонам озираешься? Пошевеливайся!

— Давай побыстрее! — подхватил другой.

— Я ищу своего попутчика. Что с ним?.. Дзётаро!

— Замолчи!

Дзётаро готов был с воплем выскочить из убежища, но на дороге появился знакомый ему ронин, но без шляпы. На вид ему было лет двадцать шесть. Лицо сильно загоревшее. Взгляд его был сосредоточенным и острым. Шагая по дороге в гору, он повторял вслух:

— Ужасно, невероятное дело!

Поравнявшись с Оцу и ее стражей, ронин пробормотал приветствие и последовал дальше, но разбойники его остановили.

— Эй! — окликнул его один из них. — Ты, случаем, не племянник Ватанабэ? О чем ужасном ты говоришь?

Ватанабэ — старинное и уважаемое в округе семейство. Глава его Ватанабэ Хандзо был признанным авторитетом в магических боевых искусствах, известных под общим названием «ниндзюцу».

— Неужели не слышали?

— Что?

— Там внизу, под горой, стоит самурай по имени Миямото Мусаси, готовый к большой резне. Встал посреди дороги с обнаженным мечом, ни-

когда не видел более страшных глаз!

— Мусаси?!

— Вот именно. Остановил меня и спросил мое имя. Я ответил, что я Цугэ Саннодзё, племянник Ватанабэ Хандзо, что я иду из Иги. Он извинился и пропустил меня, обошелся со мной вежливо. Сказал, раз я не связан с Цудзикадзэ Кохэем, то мне нечего бояться.

— Неужели?

— Я поинтересовался, что произошло. Он рассказал, что Кохэй с дружками собираются убить его. Он приготовился к обороне и ждет нападения. Похоже, готов биться до конца.

— Не врешь, Саннодзё?

— С какой стати?

Разбойники побледнели. Они нервно переглянулись, не зная, что делать.

— Поостерегитесь! — посоветовал Саннодзё и сделал вид, будто собирается уйти.

— Саннодзё!

— Что?

— Как нам быть? Наш вожак и то признает, что Мусаси необыкновенно сильный противник.

— Он уверен в себе. Когда он подошел ко мне с мечом, мне и в голову не пришло сопротивляться.

— Что же делать? Мы ведем эту женщину в Ясугаву по приказу Кохэя.

— А мне какое дело?

— Не ломайся! Помоги нам!

— Никогда! Если дядя узнает, что я вам помог, он откажется от меня. Могу, правда, кое-что посоветовать вам.

— Говори! Слушаем!

— Положим, вы можете привязать женщину к дереву и оставить ее здесь. Без нее вам проще двигаться быстрее.

— Что еще?

— Вам нельзя идти по этой дороге. Лучше следовать по долине до Ясугавы — сделаете небольшой крюк, но там предупредите своих. Окружите Мусаси и загоните его в ловушку.

— Ловко придумано!

— Прошу вас, будьте осторожней. Мусаси, защищаясь, захватит несколько душ с собой, отправляясь на тот свет. Лучше не угодить в эту компанию.

Разбойники согласились с Саннодзё и потащили Оцу в рощу. Привязав ее к дереву, они поспешили в путь, но тут же вернулись, чтобы заткнуть ей в рот кляп.

— Так-то лучше! — промолвил один из них.

— Пошли скорее!

Разбойники исчезли в лесу. Дзётаро, благоразумно выждав некоторое время, высунулся из кустов. Кругом никого — ни путников, ни разбойников, ни Саннодзё.

— Оцу! — позвал он, выскакивая из убежища.

Дзётаро быстро нашел ее и, отвязав, потащил к дороге.

— Скорей! Надо немедля уйти отсюда.

— Почему ты прятался? — спросила на бегу Оцу.

— Потом расскажу.

— Подожди! — проговорила Оцу, останавливаясь.

Она поправила волосы, воротник и оби. Дзётаро осуждающе щелкнул языком.

— Не время прихорашиваться! — произнес он. — Волосы можно прибрать попозже.

— Ронин ведь сказал, что Мусаси стоит под горой.

— Вот почему ты прихорашиваешься!

— Ничего подобного, — ответила Оцу, тщетно притворяясь безразличной. — Нам нечего бояться, если Мусаси рядом. Полагаю, что наши беды кончились, мы теперь в безопасности и я имею право подумать о своей внешности.

— Думаешь, что ронин правда видел Мусаси?

— Конечно! Кстати, где этот ронин?

— Исчез. Он какой-то странный.

— Пойдем, — сказала Оцу.

— Уверена, что выглядишь хорошенькой?

— Дзётаро!

— Я пошутил. Так и сияешь от счастья!

— Да, не скрываю радости и готова громко кричать: «Я счастливая!»

Дзётаро в ответ изобразил подобие танца, выписывая ногами замысловатые фигуры.

— А если Мусаси там нет? Вот досада! — дразнил он. — Побегу вперед на разведку.

Оцу в мыслях опередила его. Сердце ее унеслось к подножию горы, прежде чем Дзётаро успел сделать шаг.

«Я выгляжу ужасно», — подумала Оцу, осматривая раненую ногу, грязь и прилипшие к одежде листья.

— Пошли! — звал Дзётаро. — Хватит любоваться собой!

Оцу почему-то решила, что Дзётаро уже увидел Мусаси.

«Наконец!» — подумала она. До сего момента ей приходилось замыкаться в себе, и она устала от постоянного напряжения. Оцу гордилась

перед собой и богами тем, что осталась верной своей мечте. Сейчас, когда ей предстояла встреча с Мусаси, душа ее пела от восторга. Оцу ликовала от предвкушения свидания, стараясь не думать, оценит ли Мусаси ее преданность. Радость омрачалась смутным предчувствием того, что встреча может принести печаль и разочарование.

На северном склоне горы Кодзи земля была скована морозом, а у подножия, в харчевне, солнце пригревало так, что ожили мотыльки-однодневки. Селение стояло на бойком месте, в нем были постоялые дворы и горячий чай, которым потчевали путника в харчевне. В лавке продавались товары, нужные сельским жителям, от дешевых сладостей до соломенных сандалий для волов.

Дзётаро поджидал Оцу перед лавкой — маленький мальчик в большой и шумной толпе.

— А где Мусаси? — спросила она, озираясь по сторонам.

— Его здесь нет, — упавшим голосом отозвался Дзётаро.

— Как же так?

— Я не нашел его. Расспросил хозяина харчевни, но тот похожего на Мусаси самурая не видел. Вышла какая-то ошибка.

Дзётаро был огорчен, но не терял присутствия

духа. Оцу призналась себе, что слишком далеко унеслась в безумных мечтах. Спокойствие Дзётаро возмутило ее. Оцу строго спросила:

— А в харчевне хорошо посмотрел?

— Да.

— А по ту сторону дорожного поста Косин?

— И там нет.

— А на заднем дворе харчевни?

— Я же сказал, Мусаси нигде нет.

Оцу отвернулась.

— Ты плачешь? — спросил Дзётаро.

— Не твое дело! — резко ответила Оцу.

— Не понимаю тебя. Ты очень разумная, но порой хуже маленькой. Мы ведь не знаем, сказал ли Саннодзё правду или нет. Ты почему-то приняла его слова всерьез, а теперь заливаешься из-за выдумки. Женщины — неразумные создания! — со смехом заключил Дзётаро.

Оцу хотелось сесть на землю и не двигаться. Свет погас в ее душе. Снова, как и раньше, надежда обошла ее стороной. Гнилой молочный зуб во рту хохочущего Дзётаро показался ей отвратительным. В сердцах она недоумевала, зачем тащит за собой этого негодного мальчишку. Ее охватило желание бросить его.

Конечно, Дзётаро тоже искал Мусаси, но любил

его как учителя. Мусаси был смыслом жизни для Оцу. Дзётаро с легким сердцем забывал очередное разочарование, но Оцу не скоро опомнится от горя. По-мальчишечьи самоуверенный, Дзётаро не сомневался, что рано или поздно непременно встретится с Мусаси. У Оцу веры в счастливый исход не было. Накануне ее окрыляли радужные надежды, но теперь она погрузилась в пучину безысходности. Ей казалось, что она никогда больше не увидит любимого человека.

Влюбленные склонны к размышлениям, поэтому ищут уединения. Сиротство, постоянное чувство одиночества обострили в Оцу замкнутость характера.

В ответ на бесчувственность Дзётаро она повернулась и молча пошла прочь от харчевни.

— Оцу!

Это был Саннодзё. Он появился со стороны дорожного поста Косин, направляясь к ней прямиком через низкий кустарник. Ножны намокли от влажных веток.

— Вы нам наврали, — осуждающе заявил Дзётаро.

— Почему?

— Вы сказали, что Мусаси ждет под горой. Вранье!

— Не глупи! — с упреком ответил Саннодзё. — Благодаря моему вранью Оцу на свободе. Чем ты недоволен? Следовало бы меня поблагодарить.

— Вы все придумали, чтобы провести тех разбойников?

— Конечно!

— Слышишь? Я же тебе говорил! — торжествующе воскликнул Дзётаро, обращаясь к Оцу.

Оцу могла гневаться на Дзётаро, но обижаться на Саннодзё было глупо. Несколько раз поклонившись ему, она выразила глубокую признательность за спасение.

— Теперь головорезы из Судзуки ведут себя тише, чем раньше, — сказал Саннодзё. — От них не скроешься. Если они решили схватить кого-нибудь на этой дороге, то Мусаси, о котором вы так беспокоитесь, настолько умен, что вряд ли попадет в их западню. Я сужу по тому, что говорят о Мусаси люди.

— Есть ли другая дорога в Оми? — спросила Оцу.

— Да, — ответил Саннодзё, посмотрев на снежные вершины, сверкающие под полуденным солнцем. — Если пройти в долину Ига, то оттуда есть путь на Уэно, а из долины Ано дорога ведет в Ёккаити и Кувану. Есть еще две-три горные тро-

пы. По-моему, Мусаси свернул с главной дороги.

— Считаете, он в безопасности?

— Скорее всего. Во всяком случае, ваше положение похуже. Вам повезло, вы освободились, но люди Цудзикадзэ снова захватят вас в Ясугаве, если вы останетесь на дороге. Если вы осилите крутой подъем, я покажу вам тропу, о которой почти никто не знает. Идите за мной!

Оцу и Дзётаро не раздумывали. Саннодзё повел их к перевалу Макадо выше деревни Кага, откуда тропа вела к Сэто в Оцу.

Добравшись до перевала, Саннодзё подробно объяснил им дорогу.

— Сейчас вы в безопасности, но держите ухо востро и постарайтесь найти укромное место до темноты, — напутствовал он.

Оцу поблагодарила Саннодзё за его доброту. Саннодзё, внимательно глядя на нее, многозначительно произнес:

— Мы расстаемся. Я гадал, спросите или нет. Вы так и не спросили. — В голосе провожатого прозвучали нотки обиды.

— О чем?

— Мое имя.

— Я слышала ваше имя на горе Кодзи.

— Вы помните его?

— Конечно! Вы Цугэ Саннодзё, племянник Ватанабэ Хандзо.

— Спасибо. Я не претендую на пожизненную благодарность, но надеюсь, что вы не забудете меня.

— Премного вам обязана.

— Я не о том. Я хотел сказать, что пока не женат. Я бы немедленно взял вас в свой дом, не будь мой дядя слишком строгим. Вы, как вижу, спешите. Через несколько километров будет маленькая гостиница, где можно переночевать. Хозяин — мой знакомый. Передайте ему поклон от меня. Прощайте!

Непонятное чувство овладело Оцу после ухода Саннодзё. С первой минуты их знакомства Оцу не могла понять этого самурая. Ей казалось, что она едва не попала в когти хищного зверя. Выражая слова признательности, Оцу не чувствовала в глубине души благодарности.

Дзётаро, быстро сходившийся с незнакомыми людьми, был под тем же впечатлением.

— Мне не понравился этот тип, — произнес он, когда они начали спускаться с перевала.

Оцу не хотела плохо отзываться о Саннодзё за его спиной, но призналась, что он ей тоже неприятен.

— Что он имел в виду, говоря, что холост? — вслух подумала она.

— Намекнул, что в один прекрасный день попросит тебя выйти замуж за него!

— Ерунда какая!

Путники благополучно добрались до Киото. Они печалились, что не нашли Мусаси, хотя по пути расспрашивали о нем у озера в Оми, у моста Кара в Сэте, у заставы в Осаке.

В Кэагэ их захлестнула оживленная толпа и понесла ко входу в город на улице Сандзё. Столичные дома были украшены кадомацу — сосновыми ветками, как принято в Новый год. Вид предпраздничного города приободрил Оцу. Она постаралась отвлечься от недавней неудачи и твердо решила во что бы то ни стало найти Мусаси. Большой мост на улице Годзё. Первый день нового года. Если Мусаси не появится в первый день, то в запасе второй, третий… Он, по словам Дзётаро, должен обязательно прийти. Пусть он придет не ради встречи с ней, но ей достаточно взглянуть на него, сказать ему несколько слов.

Оцу гнала прочь мысль о том, что может повстречать и Матахати. Дзётаро рассказал, что послание Мусаси он передал в руки Акэми. Оно могло и не дойти до Матахати. Оцу молилась о

том, чтобы пришел только Мусаси.

Оцу брела, озираясь по сторонам, надеясь в толпе отыскать Мусаси. Внезапно мороз пробежал у нее по коже, и она ускорила шаг. Ей показалось, что в любую минуту здесь может объявиться грозная мать Матахати.

Дзётаро был беззаботен, как птица. Пестрота и шум большого города, от которого он успел отвыкнуть, привели его в безудержный восторг.

— Мы сразу в гостиницу? — осторожно спросил Дзётаро.

— Нет.

— Правильно! Что сидеть в четырех стенах, пока на улице светло. Погуляем еще немного. Смотри, кажется, вон там базар.

— У нас нет времени ходить по базарам. Есть дело поважнее.

— Какое?

— Забыл про коробку за спиной?

— А, это…

— Да. Я не успокоюсь, пока не найду дом его светлости Карасумару Мицухиро и не передам ему свитки.

— Мы у него заночуем?

— Конечно нет, — рассмеялась Оцу, глядя на реку Камо. — Думаешь, знатный человек пустит

к себе грязного мальчика?

Зимняя бабочка

Акэми выскользнула из гостиницы в Сумиёси, не сказав никому ни слова. Она ощущала себя пташкой, выпорхнувшей на свободу из клетки. Акэми оправилась от схватки со смертью настолько, чтобы взлететь высоко. Боль, нанесенная насилием Сэйдзюро, заживет не скоро. Он разбил ее заветную мечту принадлежать, сохраняя чистоту помыслов, мужчине, которого она действительно любила бы.

На протяжении всего пути вверх по реке Ёдо до самого Киото ей казалось, что слез у нее намного больше, чем воды в реке. Провожая взглядом спешащие мимо барки, груженные украшениями из сосновых веток и провизией для Нового года, Акэми думала: «Если сейчас я встречу Мусаси…»

Слезы навернулись на глаза. Никто в мире не знал, с каким нетерпением она ждала новогоднее утро, встречу на Большом мосту на улице Годзё.

Желание увидеть Мусаси становилось все неистовее. Акэми, смотав нить любви в клубок, схоронила его в сердце. Все эти годы она прятала эту нить из отдельных воспоминаний и отрывочных слухов о Мусаси.

Несколько дней назад она лелеяла девичьи мечты, оберегая их, как нежный полевой цветок со склонов горы Ибуки. Теперь цветок растоптан. Акэми казалось, что все понимающим взглядом осматривают ее, хотя вряд ли кому известно, что произошло с ней.

В вечерних сумерках Акэми шла по Киото мимо голых ив и пагод неподалеку от улицы Годзё. Она походила на бабочку, выпорхнувшую в зимнюю стужу.

— Эй, красотка, — окликнул ее какой-то мужчина. — У тебя развязался шнурок на оби. Давай завяжу!

Мужчина был худой, бедно одетый, говорил как простолюдин, хотя имел при себе самурайский меч.

Акэми прежде не видела его, но завсегдатаи окрестных трактиров рассказали бы ей, что его зовут Акакабэ Ясома, что он зимними ночами болтается без дела по задворкам. Шлепая разношенными соломенными сандалиями, он догнал Акэми и схватил ее за свисающий шнурок.

— Как ты оказалась в этом безлюдном месте? Ты не из тех помешанных, которые появляются в представлениях кёгэн? А ты и впрямь красотка. Открыла бы личико, как другие девушки.

Акэми шла, не обращая внимания на приставания. Ясома принял ее поведение за застенчивость.

— У тебя манеры городской девушки. Что ты здесь делаешь? Сбежала из дому? Или от мужа?

Акэми не отвечала.

— Хорошенькие девочки не должны гулять с потерянным видом, словно они попали в беду. Здесь с девушкой может случиться всякое. У нас, правда, нет воров и хулиганов, которые, бывало, болтались у ворот Расёмон, зато много разбойников с большой дороги, которые не упустят хорошенькую женщину. Полно бродяг и торговцев женщинами.

Акэми не проронила ни слова, однако Ясома не смущался. Он сам отвечал на свои вопросы.

— Здесь и впрямь опасно. Говорят, что женщины из Киото идут по хорошей цене в Эдо. Было время, когда здешних женщин переправляли в Хираидзуми, на северо-восток, а теперь в Эдо. А все потому, что второй сёгун Хидэтада затеял громадное строительство в городе. Все веселые дома Киото открывают в Эдо свои заведения.

Акэми не отвечала.

— На тебя везде будет спрос, так что поберегись. Иначе прихватит какой-нибудь мерзавец. Здесь

очень опасно.

У Акэми лопнуло терпение. Решительным жестом закинув рукава за плечи, она обернулась и громко зашипела.

— Знаешь, — продолжал он, — я думаю, что ты действительно помешанная, — расхохотался Ясома.

— Замолчи и иди своей дорогой!

— Разве я не прав?

— Сам ненормальный.

— Ха-ха! Теперь все ясно! Ты сумасшедшая. Жаль тебя.

— Запущу в тебя камнем, если не уберешься.

— Ты это всерьез?

— Убирайся, скотина!

Напускной решимостью Акэми пыталась скрыть панику, охватившую ее. Закричав на Ясому, она побежала через поросший тростником пустырь, туда, где когда-то была усадьба даймё Комацу, окруженная садом с каменными фонарями. Акэми казалось, что она плывет среди качающихся стеблей.

— Стой! — вопил Ясома, преследуя ее, как гончий пес.

Вечерняя луна взошла над горой Торибэ, ухмыляясь, словно ведьма.

Вокруг ни души. В отдалении, метрах в трехстах, виднелись люди, спускавшиеся с холма. Спасать Акэми они не стали бы, даже услышав ее крик, потому что возвращались с похорон. Одетые в белые траурные одежды, в шляпах, подвязанных белыми лентами, с четками в руках, люди были погружены в печаль.

Акэми упала от сильного толчка в спину.

— Прошу прощения, — сказал Ясома, повалившийся на нее. — Не ушиблась? — участливо поинтересовался он, прижимая девушку к себе.

Кипя от гнева, Акэми ударила Ясому по заросшей физиономии, но тот не рассердился. Ему, похоже, даже понравилась пощечина. Он зажмурился, не переставая ухмыляться. Ясома покрепче прижал Акэми, уткнулся ей в щеку. Щетина тысячью иголок впилась ей в кожу.

Акэми задыхалась. Отчаянно царапаясь, она разодрала ему ноздрю. Хлынула кровь, но Ясома не разомкнул объятий.

Колокол в храме Амида на горе Торибэ звучал мрачно и глухо, словно напоминая о бренности и тщетности всего земного. Его предостережение не производило впечатления на двух дерущихся смертных. Сухие стебли тростника раскачивались от их борьбы.

— Успокойся! — просил Ясома. — Тебе нечего бояться. Будешь моей женой. Я порадую тебя!

— Лучше умереть! — пронзительно закричала Акэми.

Ее отчаяние поразило Ясому.

— Что? Почему? — забормотал он.

Акэми лежала, сжавшись в комочек. Она походила на бутон горного цветка. Ясома ласково утешал девушку в надежде добиться ее расположения. Он, несомненно, не в первый раз был в подобной ситуации. Казалось, происходящее ему нравилось, и его физиономия светилась от удовольствия, не утратив при этом зловещего выражения. Он не спешил, растягивая удовольствие, как кот, который забавляется игрой с полупридушенной жертвой.

— Не плачь, — говорил он, — горевать не о чем, правда?

Поцеловав Акэми в ухо, Ясома продолжал:

— Ты должна знать мужчин. В твоем возрасте невинных не бывает.

Сэйдзюро! Акэми вспомнила, какой жалкой и бессильной она была. Как расплылась у нее в глазах рама сёдзи.

— Подожди! — крикнула она.

— Подождать? Ладно уж, — ответил Ясома, при-

няв лихорадочный жар ее тела за страсть. — Не вздумай бежать, а то придется приструнить тебя.

С резким стоном Акэми повела плечом и сбросила его руки. Глядя пристально в глаза Ясоме, она медленно встала.

— Что тебе нужно от меня?

— Сама знаешь.

— Считаешь, что с женщинами можно обращаться как с набитыми дурами? Все мужчины одинаковы! Да, я женщина, но у меня есть гордость!

Кровь сочилась из губы Акэми, порезанной листом камыша. Прикусив губу, она снова разрыдалась.

— Ты говоришь что-то странное, — сказал Ясома, — так и есть, сумасшедшая!

— Говорю то, что хочу.

Толкнув Ясому в грудь изо всех сил, она бросилась бежать, продираясь сквозь камышовые заросли, залитые лунным светом.

— Убивают! На помощь! Убивают!

Ясома бросился следом. Не успела Акэми пробежать и десяти шагов, как он настиг ее и швырнул на землю. Акэми лежала, прижавшись щекой к земле, задравшиеся полы кимоно обнажили ноги, растрепанные волосы закрыли ей лицо.

Она чувствовала холодный ветер на груди.

Ясома не успел наброситься на нее, как что-то твердое ударило его в висок. Хлынула кровь. Ясома завопил от боли. Он оглянулся, но в этот момент получил другой удар по макушке. Ясома не почувствовал боли, мгновенно потеряв сознание. Голова его поникла, как у бумажного тигра. Ясома лежал, полуоткрыв рот, а над ним стоял бродячий монах с флейтой сякухати, которой он и сражался.

— Гнусная скотина, — произнес монах. — Свалился быстрее, чем я ожидал.

Монах смотрел на Ясому, раздумывая, не лучше ли прикончить его. Если он и придет в себя, то вряд ли рассудок вернется к нему.

Акэми пристально смотрела на своего спасителя. Монаха в нем можно было признать только по сякухати. Судя по грязной одежде и по мечу на боку, он сошел бы за нищего самурая или бродягу-попрошайку.

— Все хорошо, — произнес монах. — Ни о чем не беспокойся.

Оправившись от потрясения, Акэми поблагодарила монаха и стала поправлять волосы и кимоно. Темнота вокруг пугала ее.

— Где ты живешь? — спросил монах.

— Живу? Вы хотите сказать, где мой дом? — переспросила она, закрыв лицо руками.

Акэми пыталась ответить сквозь рыдания, но не осмеливалась рассказать правду. В ее рассказе была правда — то, что мать, иная по натуре, пыталась торговать телом дочери, что Акэми вынуждена бежать сюда из Сумиёси, — но конец истории она придумала только что.

— Скорее умру, чем вернусь домой, — рыдала Акэми. — Столько пришлось вытерпеть из-за матери. Сколько раз меня выставляли на позор! Девочкой меня посылали на поле боя после сражения, чтобы обирать убитых воинов.

Ее трясло от ненависти к матери.

Аоки Тандзаэмон повел Акэми к небольшой лощине, где холодный ветер дул не так сильно. Подойдя к полуразрушенному храму, он широко улыбнулся:

— Здесь я и живу. Убого, но мне нравится.

Акэми не удержалась и переспросила, нарушая приличия:

— Как? Вы действительно живете здесь?

Тандзаэмон толкнул решетчатую дверцу и жестом пригласил ее войти. Акэми топталась на месте.

— Внутри теплее, чем ты думаешь, — сказал

он. — Пол покрыт тонкой циновкой, но это лучше, чем ничего. Боишься, что я поведу себя как та скотина?

Акэми отрицательно покачала головой. Тандзаэмон не пугал ее. Она была уверена в его порядочности, к тому же монах был немолодой. Ему было лет за пятьдесят. Единственное, что ее смущало, — грязь в маленьком храме и тяжелый запах, исходивший от тела и одежды Тандзаэмона. Идти ей было некуда, да и кто знает, что случится, если Ясома или подобный ему тип нападут на нее. Голову ломило от лихорадки.

— Я вам не помешаю? — спросила она, поднимаясь по ступеням.

— Конечно нет. Оставайся сколько хочешь.

Внутри старого храма стояла кромешная тьма и пахло летучими мышами.

— Подожди минутку, — сказал Тандзаэмон.

Акэми услышала удары кресала о кремень, и вскоре затеплился маленький светильник, который монах, верно, подобрал где-нибудь в отбросах. Она огляделась, удивленно заметив, что странный человек собрал в жилище все необходимое для хозяйства — несколько горшков и плошек, деревянное изголовье, несколько циновок. Сказав, что он приготовит гречневую

лапшу, Тандзаэмон захлопотал около глиняного очага, подкинул древесного угля, хвороста, раздул огонь, подняв фонтанчик искр.

«Славный старик», — подумала Акэми.

Она немного успокоилась. Приют монаха уже не казался ей отвратительным.

— Ну вот, — сказал монах. — У тебя, кажется, жар, и ты устала. Простудилась, верно. Полежи, пока готовится еда.

Монах кивнул на постель из циновок и мешков из-под риса.

Акэми накрыла деревянное изголовье бумажным платком, который был у нее с собой, и легла, извиняясь за то, что отдыхает, когда хозяин работает. Одеялом служила рваная москитная сетка. Когда Акэми стала накрываться ею, какой-то зверек с горящими глазами выскочил из-под сетки, ударившись о ее голову. Акэми вскрикнула и уткнулась лицом в тряпку. Тандзаэмон, казалось, испугался больше Акэми. Он уронил мешочек, из которого доставал муку для лапши, просыпав половину себе на колени.

— Что это? — вскрикнул он.

Акэми ответила, не поднимая головы:

— Не знаю. Покрупнее крысы.

— Белка, верно. Они иногда заглядывают сюда

на запах еды. Нигде не видно ее.

Приподняв голову, Акэми сказала:

— Вот она.

— Где?

Тандзаэмон, выпрямившись, огляделся. На загородке, окружавшей алтарь, из которого давно исчезло изображение Будды, сидела обезьянка, сжавшаяся под пристальным взглядом Тандзаэмона. Монах выглядел озадаченно, и обезьянка поняла, что ей нечего бояться. Она заерзала по загородке, на которой еще виднелись следы красной краски, потом уселась, вертя мордочкой, похожей на мохнатый персик, и часто моргая.

— Откуда она взялась? Ага, понятно! То-то я смотрю, что кругом разбросан рис.

Тандзаэмон направился было к обезьянке, но та проворно скрылась за алтарем.

— Смышленый дьяволенок, — проговорил Тандзаэмон. — Если мы покормим ее, она перестанет шалить. Пусть остается.

Монах смахнул муку с колен и уселся перед очагом.

— Нечего бояться, Акэми, отдохни.

— Вы думаете, она будет послушной?

— Да. Она ручная и жила у кого-то в доме. Не волнуйся. Согрелась?

— Да.

— Поспи. Нет лучше лекарства от простуды.

Тандзаэмон помешал палочками лапшу в горшке. Огонь горел ярко, и, пока варилась еда, он мелко резал лук. Доской ему служила старая столешница, ножом — ржавый кинжальчик. Грязной ладонью он смахнул лук в деревянную посудину, вытер доску, которая теперь стала подносом.

От кипящего горшка по жилищу струилось тепло. Обхватив руками тощие колени, бывший самурай сидел, уставившись голодным взором на варево. Он выглядел довольным, словно в горшке варилось лучшее в мире кушанье.

Зазвонил ночной колокол храма Киёмидзу. Зимнее ненастье, стоявшее тридцать дней, окончилось, наступал Новый год. Чем меньше времени оставалось до конца старого года, тем тяжелее давили грехи на души людей. До глубокой ночи раздавались глухие звуки гонга у входа в храм, в который били богомольцы, приступая к молитве. Монотонно звучали их мольбы, обращенные к Будде.

Медленно помешивая варево, Тандзаэмон впал в задумчивость.

— Я получаю заслуженное наказание и каюсь

в грехах, но что будет с Дзётаро? Малыш ничего дурного не совершил. О, Великий Учитель, накажи родителя за его грехи, но устреми свой милостивый взор на сына!

Внезапно его молитву прервал вопль.

— Скотина!..

Акэми рыдала во сне, уткнувшись в деревянное изголовье. Она вскрикивала, пока не проснулась от собственного голоса.

— Я кричала во сне? — спросила она.

— Да, ты напугала меня, — ответил Тандзаэмон, подойдя к постели. Он вытер лоб девушки влажной тряпкой. — Ты сильно вспотела. У тебя жар.

— Что… что я говорила?

— Разное…

— Что же?

Разгоряченное лицо Акэми покраснело от стыда, и она натянула на себя москитную сетку. Тандзаэмон уклончиво сказал:

— Акэми, ты проклинаешь какого-то мужчину, так?

— Я это говорила?

— Что произошло? Он бросил тебя?

— Нет.

— Понятно, — произнес Тандзаэмон, делая собственные выводы.

Акэми рывком села в постели.

— Что мне делать?

Она поклялась, что никому не раскроет позорную тайну, но гнев и обида, подавленность жгли ей душу. Она припала к коленям Тандзаэмона и, отчаянно рыдая, рассказала ему свою историю.

— Я хочу умереть, умереть! — стонала она.

Тандзаэмон тяжело дышал. Он давно не находился так близко от женщины, ее запах обжигал его ноздри, глаза. Плотские желания, которые он, казалось, давно победил, начали вздыматься в нем, кровь побежала быстрее. Его тело, до сих пор бесчувственное, как засохшее дерево, наполнилось новой жизнью. Он вспомнил, что под ребрами у него есть и сердце и легкие.

— Мм, — промычал он. — Вот каков Ёсиока Сэйдзюро! Мерзавец!

Душа монаха наполнилась жгучей ненавистью к Сэйдзюро. Это было не просто негодование, а что-то вроде ревности заставило его расправить плечи, будто речь шла о его поруганной дочери. Пока Акэми заливала слезами его колени, он испытывал влечение к ней. На лице монаха была растерянность.

— Не надо плакать! Твое сердце по-прежнему невинно. Ты не разрешала тому человеку обла-

дать собой и не отвечала на его страсть. Женщине важна не ее плоть, а душа; целомудрие — это состояние души. Если женщина не отдается мужчине, но смотрит на него с вожделением, она теряет чистоту и невинность, во всяком случае на время, пока испытывает похоть.

Рассуждения монаха не успокоили Акэми. Горячие слезы промочили насквозь кимоно Тандзаэмона. Она твердила, что хочет одного — смерти.

— Успокойся, перестань плакать, — терпеливо повторил Тандзаэмон, похлопывая ее по спине.

Белизна нежной шеи Акэми пробуждала в нем не истинное сострадание, а негодование, что другой мужчина украл у него прелесть невинной юности.

Увидев, что обезьяна пробралась к горшку и пробует его содержимое, Тандзаэмон бесцеремонно отодвинул Акэми и прикрикнул на животное, потрясая кулаком. Для Тандзаэмона еда была поважнее страданий женщины.

На следующее утро Тандзаэмон объявил, что отправляется в город собирать милостыню.

— Присмотри за домом, пока меня не будет, — сказал он. — Надо раздобыть денег тебе на лекарство, рис и масло.

На нем была обыкновенная шляпа из бамбуковой дранки, а не плоская тростниковая, какие носят нищенствующие монахи. Соломенные сандалии, стоптанные и разбитые у задников, шаркали при ходьбе. Не только усы, весь он выглядел неряшливо. Таким пугалом он отправлялся в ежедневный обход, если только не шел дождь.

В это утро монах выглядел совсем растрепанным, потому что не спал. Акэми, наплакавшись и поев гречневой лапши, согрелась и крепко проспала остаток ночи. Монах не сомкнул глаз до утра. Отправляясь в путь ясным утром, он не мог прогнать мысли, лишившей его сна. Она роилась у него в голове, будоража чувства.

«Ей столько же лет, как и Оцу, — рассуждал он. — Но у них разные натуры. Оцу исполнена изящества и утонченности, но в ней есть холодность. Акэми привлекательна всегда — смеется, плачет, сердится ли она».

Молодые чувства, которые неотразимые чары Акэми пробудили в иссохшей плоти Тандзаэмона, неумолимо напомнили ему о его годах. Ночью, когда он с состраданием смотрел на гостью, метавшуюся во сне, в его сердце звучало предупреждение:

«Безумный глупец! До сих пор ничему не научился! Хотя я в монашьем облачении и играю на сякухати, как положено нищему, я по-прежнему далек от достижения совершенного просветления. Обрету ли я мудрость, которая освободит меня от ига бренного тела?»

Он долго поносил себя, затем закрыл глаза и попытался заснуть, но безуспешно.

Рассвело, и Тандзаэмон дал себе клятву:

— Я должен! Отброшу все греховные мысли!

Акэми была очаровательной девушкой. Она столько пережила. Он должен ее утешить, показать ей, что не все мужчины на свете являют собой похотливых демонов.

Он думал, какой подарок принести Акэми вечером. Желание хотя бы немного порадовать Акэми поддержит его, пока он будет собирать милостыню. Других помыслов у Тандзаэмона не было.

Когда монах взял себя в руки, он вдруг услышал шум крыльев над скалой. Мелькнула тень огромного сокола, и Тандзаэмон увидел, как пестрое перышко маленькой птахи медленно слетает с дуба, росшего посреди голой рощи на вершине скалы. Зажав птичку в когтях, сокол взмыл ввысь, мелькнув светлым подкрылком.

— Удача! — произнес неподалеку голос.

Послышался посвист сокольничего. Через минуту Тандзаэмон увидел двух человек в охотничьих костюмах, спускавшихся с холма позади храма Эннэндзи. Сокол сидел на левой руке одного из мужчин, у которого на левом боку висела ловчая сеть, а на правом — два меча. За ним бежала коричневая охотничья собака.

Кодзиро остановился, оглядываясь по сторонам.

— Где-то здесь, — проговорил он. — Моя обезьянка повздорила с собакой, и та цапнула ее за хвост. Обезьянка убежала и пропала. Может, на дереве спряталась.

Сэйдзюро, не скрывая раздражения, сел на камень.

— Ну а с какой стати ей торчать в одном месте? У нее четыре лапы. Не понимаю, зачем обезьяна на соколиной охоте.

Кодзиро присел на корень дерева.

— Она сама увязывается за мной. Я к ней очень привык. Мне без нее грустно.

— Всегда считал, что лишь женщины и бездельники любят обезьянок и комнатных собачек. Невообразимо, что молодой воин может питать привязанность к обезьяне.

Сэйдзюро видел Кодзиро в деле на дамбе в Кэме

и отдавал должное его умению владеть мечом, но находил его привычки ребячьими. Сэйдзюро прожил несколько дней в одном доме с Кодзиро и убедился, что зрелость приходит только с возрастом. Он не мог заставить себя уважать Кодзиро, зато чувствовал себя непринужденно в обществе юного гостя.

— Все потому, что я молод. Скоро я научусь любить женщин и забуду про обезьянку, — рассмеялся Кодзиро.

Юноша оживленно болтал, а Сэйдзюро все больше мрачнел. В его глазах застыла тревога, придававшая ему сходство с соколом, сидевшим у него на руке. Неожиданно Сэйдзюро раздраженно воскликнул:

— Что еще за нищий монах? Глазеет на нас с тех пор, как мы сюда пришли.

Сэйдзюро подозрительно смотрел на Тандзаэмона, и Кодзиро обернулся.

Тандзаэмон поковылял прочь. Сэйдзюро резко поднялся.

— Кодзиро, я собираюсь домой, — сказал он. — Не время для охоты. Сегодня уже двадцать девятый день последнего месяца.

Кодзиро рассмеялся с едва заметным оттенком презрения.

— Мы пришли поохотиться, не так ли? Добыли горлицу и пару дроздов. Надо забраться повыше в горы.

— Нет. Настроения нет. Если я не в духе, то и сокол не летит. Пошли домой и потренируемся. Тренировка — вот что мне нужно сейчас, — добавил Сэйдзюро.

— Хорошо, пойдем, раз так.

Кодзиро шагал рядом с Сэйдзюро, но выглядел расстроенным.

— Напрасно я позвал тебя.

— Куда?

— На охоту вчера и сегодня.

— Не беспокойся. Я знаю, что ты не нарочно. Приближается конец года и решающий поединок с Мусаси.

— Я думал, тебе будет полезно поохотиться. Отвлечешься, и настроение улучшится. По-моему, ты не из тех, кто сам себе создает хорошее настроение.

— Н-да. Чем больше я слышу о Мусаси, тем настойчивее мысль, что нельзя недооценивать его.

— Следовательно, нужно избегать волнения и паники. Ты должен держаться хладнокровно.

— Я не паникую. Не пренебрегать врагом — первое правило военного искусства. Ничего

странного, что я хочу побольше потренироваться перед поединком. Если проиграю, по крайней мере, буду знать, что сделал все от меня зависящее. Если противник сильнее…

Ценя откровенность Сэйдзюро, Кодзиро угадывал в нем малодушие, которое помешает Сэйдзюро отстоять репутацию школы Ёсиоки. Кодзиро жалел, что у Сэйдзюро не хватало воли следовать заветам отца и серьезно руководить школой. Ему казалось, что младший брат Дэнситиро обладал более решительным нравом, но был неисправимым повесой. Дэнситиро владел мечом лучше брата, однако его не волновала фамильная честь Ёсиоки. Кодзиро хотел, чтобы Сэйдзюро не думал только о поединке с Мусаси, считая, что это лучший способ подготовиться. Он не решался задать Сэйдзюро вопрос, чему бы тот хотел научиться за несколько дней, оставшихся до поединка.

«Что ж, — вздохнув, подумал Кодзиро, — если он так настроен, то я ничем не могу помочь ему».

Собака убежала, яростный лай слышался где-то впереди.

— Нашла дичь, — заключил Кодзиро, блестя глазами.

— Она нас догонит.

— Сбегаю посмотреть. Подожди здесь.

Кодзиро бросился вперед и вскоре увидел собаку на галерее древнего развалившегося храма. Собака бросалась на старую решетчатую дверь, пытаясь ее открыть. Не справившись с дверью, она принялась царапать облупившиеся колонны и стены со следами красного лака. Кодзиро подошел, чтобы посмотреть, что взволновало собаку, и заглянул сквозь решетку. Глазам его предстала темнота, как внутри черной лаковой вазы. Кодзиро потянул на себя скрипучую дверь. Собака лезла ему под ноги, виляя хвостом. Кодзиро хотел пинком отогнать ее, но она проскользнула внутрь, едва он переступил порог храма.

Раздался пронзительный крик женщины. Собака залилась лаем, словно пытаясь заглушить человеческий голос. Кодзиро казалось, что треснули потолочные балки. Он увидел Акэми, закрывшуюся москитной сеткой, и обезьянку, которая, спасаясь от собаки, выскочила через окно. Акэми загораживала дорогу собаке, гнавшейся за обезьянкой, и тогда собака бросилась на девушку. Акэми упала, собака зашлась в оглушительном лае. Девушка кричала теперь не от страха, а от боли — собака вцепилась ей в предплечье. Кодзиро,

изрыгая проклятья, изо всех сил ударил собаку ногой под ребра. Собака лишилась жизни от первого пинка, но челюсти ее остались стиснутыми на руке Акэми.

— Уберите ее! — кричала девушка, катаясь по полу.

Кодзиро, опустившись на колено, стал разжимать собачьи челюсти. Раздался звук, похожий на треск ломаемых кусков дерева. Пасть разжалась. Кодзиро едва не раскроил череп собаки пополам. Выбросив труп на улицу, он вернулся к Акэми.

— Все в порядке, — успокоил он ее, но рука Акэми была разорвана. Рана на белой коже походила на большой алый пион. Кодзиро передернуло при виде крови. — Нет ли у вас саке? Я бы промыл рану… Хотя в подобном месте вряд ли бывает саке.

Теплая кровь стекала по запястью Акэми.

— Надо что-то делать, — сказал Кодзиро, — иначе можно помешаться умом от яда, который бывает на собачьих зубах. Собака странно вела себя последнее время.

Пока Кодзиро думал, что бы предпринять для первой помощи, Акэми наморщила лоб, откинула голову и запричитала:

— Сойти с ума! Прекрасно! Этого я и хочу! Не-

медленно и навсегда!

— Что вы? — заикаясь, пробормотал Кодзиро. Не теряя времени, он склонился над ней и стал высасывать кровь из раны. Выплюнув кровь на пол, он вновь припал к ране, пока щеки не раздулись от переполнившей рот крови.

К вечеру Тандзаэмон вернулся после дневных трудов.

— Я вернулся, Акэми, — сказал он, войдя в храм. — Не скучала без меня? Монах поставил в угол купленные лекарства, еду и кувшин с маслом и продолжил: — Минуту, сейчас зажгу свет.

Он разжег светильник и увидел, что никого нет.

— Акэми! — позвал он. — Где ты?

Его безответная любовь мгновенно перешла в гнев, который сменился чувством одиночества. Сегодняшний день вновь напомнил Тандзаэмону, что ему никогда не бывать молодым, что у него не осталось ни чести, ни надежды. Подумав о дряхлеющей плоти, он смахнул слезу.

— Я спас ее, заботился о ней, — бубнил он, — а она ушла, не сказав ни слова. Неужели мир всегда жесток? Неужели и она бессердечная? Или подозревает меня в дурных намерениях?

На постели он обнаружил клочок ткани, ото-

рванный от ее оби. Следы крови на лоскутке пробудили в нем зверя. Ударами ноги он разбросал циновки и вышвырнул лекарство в окно.

Он проголодался, но не мог заставить себя приготовить еду. Взяв флейту, он вышел на галерею. Он играл больше часа, музыкой заглушая боль разочарований и утраченных надежд. Тандзаэмон понимал, что вожделения и страсти не покинут его до конца дней.

— Ею обладал другой, — рассуждал он. — Почему я должен быть сдержанным и добродетельным? Что за нужда ночь напролет томиться одному в постели?

Одна половина Тандзаэмона сожалела о том, что он устоял перед соблазном, другая осуждала блудливые помыслы. Это борение страстей, сотрясавших каждую клетку его тела, Будда называл искушением. Тандзаэмон стремился к душевному очищению, но чем прилежнее были его попытки, тем фальшивее звучала его флейта.

Из-под галереи показалась голова нищего, который устроился там на ночлег.

— С какой радости разыгрался на дудке? — спросил он. — Счастье привалило? Если разжился деньгами и купил саке, так угости и меня.

Нищий был калекой и, с точки зрения Тандзаэ-

мона, жил роскошно.

— Не знаешь, что случилось с девушкой, которую я привел прошлой ночью?

— Славная девчонка! Будь я здоров, не упустил бы ее. Вскоре после твоего ухода появился молодой самурай с длинным чубом и здоровенным мечом за спиной. Он забрал девчонку вместе с обезьяной. Первую понес на правом плече, вторую посадил на левое.

— Самурай с чубом?

— Ага… До чего хорош собой! Куда красивее нас с тобой.

Нищий закатился смехом от собственной шутки.

Извещение

Сэйдзюро вернулся в школу в скверном настроении. Сунув сокола одному из учеников, он приказал посадить птицу в клетку.

— Кодзиро не пришел? — спросил Сэйдзюро у ученика.

— Будет с минуты на минуту, полагаю.

Сэйдзюро, переодевшись, прошел в комнату для гостей. Напротив, по другую сторону двора, находился большой додзё, закрытый для тренировок с двадцать пятого числа. В течение года в додзё тренировалось более тысячи учеников. Додзё откроется только с началом занятий в новом году. Дом, обычно наполненный стуком деревянных мечей, сейчас казался пустынным и заброшенным.

Кодзиро был нужен Сэйдзюро как партнер для тренировки, поэтому Сэйдзюро настойчиво интересовался, вернулся ли гость. Кодзиро не пришел ни в этот, ни на другой день.

Зато докучали посетители другого рода, которые явились в последний день старого года получить по счетам. К полудню приемная была заполнена торговцами и ростовщиками. Если

деловой человек не получит долг сейчас, то ему придется ждать до летнего праздника поминовения Бон. Обычно эта публика держалась услужливо с самураями, но сейчас, когда ее терпению пришел конец, она не церемонилась со знатным должником.

— Можете заплатить хотя бы часть?

— Целый месяц твердите про отсутствие то управляющего, то хозяина. До каких пор собираетесь за нос водить?

— Сколько времени потеряли из-за вас!

— Старый хозяин был добросовестным человеком. Я бы не настаивал, коли речь шла бы только о долге за вторую половину года, но вы не рассчитались и за первую. Есть неоплаченные счета и за прошлый год.

Одни нетерпеливо барабанили пальцами по расчетным книгам, другие совали их под нос ученикам. В приемную набились столяры, маляры, торговцы рисом, саке, мануфактурой и прочими товарами. Подоспели хозяева чайных, где Сэйдзюро ел и пил в долг. Все было мелочью по сравнению с векселями, которые Дэнситиро тайно от брата выдал ростовщикам под одолженные деньги. Человек шесть ростовщиков сидели с твердым намерением не уходить, пока с ними

не рассчитаются.

— Мы хотим поговорить с учителем Сэйдзюро. Нечего терять время на разговоры с учениками.

Сэйдзюро отсиживался на задней половине дома и на все вопли отвечал: «Скажите, что меня нет». Дэнситиро в такие дни близко не подходил к собственному дому. Самым неприятным оказалось отсутствие еще одного лица. Гион Тодзи, который ведал хозяйством и казной школы, несколько дней назад исчез вместе с Око, прихватив деньги, собранные во время его поездки в западные провинции.

Семеро молодых людей под предводительством Уэды Рёхэя вразвалку вошли в приемную. Унизительная для школы картина не сбила спеси с Рёхэя. Его, по обыкновению, распирало от сознания собственной значительности, поскольку он принадлежал к «Десяти меченосцам школы Ёсиоки». Окинув собравшихся грозным взглядом, он спросил:

— Что здесь происходит?

Ученик, занимавшийся кредиторами, вкратце изложил суть дела, хотя и без слов все было ясно.

— И только? — скорчил презрительную мину Рёхэй. — Кучка живоглотов? Какая разница, когда им заплатят? Они в конце концов получат

свои деньги. Кто не желает ждать, пусть пройдет в додзё. Я поговорю с ними на своем языке.

Лица кредиторов вытянулись. Ёсиока Кэмпо был щепетильным в денежных делах да к тому же служил военным наставником сёгунов Асикаги. По этой причине поставщики беспрекословно выполняли все заказы дома Ёсиоки, принимая его условия, угождали, давали в долг что угодно и сколько угодно, являлись по вызову в любое время дня и ночи, соглашались со всем, что им говорили. Рано или поздно их покорной услужливости должен был прийти конец. Торговцы разорятся, если позволят себя запугать. Что тогда делать самураям? Неужели они воображают, что сами смогут вести дела?

Кредиторы в приемной возмущались. Рёхэй выражал безграничное к ним презрение.

— Быстро по домам! Нечего здесь торчать.

Торговцы молчали и не двигались с места.

— Гоните их взашей! — приказал Рёхэй.

— Возмутительно, господин!

— Ничего подобного!

— Вы поступаете опрометчиво.

— Кто это сказал?

— Бессовестно приказывать вышвырнуть нас.

— Почему вам не уйти по-хорошему? Мы заня-

ты, у нас дела.

— Мы не обивали бы ваши пороги, коли не последний день года. Нам необходимы деньги, чтобы до конца дня самим расплатиться по обязательствам.

— Да, плохи ваши дела! Хватит жаловаться, пошли вон!

— Не имеете права так обращаться с нами!

— Что-то я заговорился с вами!

В голосе Рёхэя вновь зазвучала угроза.

— Отдайте долги, и мы сразу же уйдем.

— А ну, подойдите сюда! — гаркнул Рёхэй.

— Кого вы зовете?

— Всех недовольных.

— Совсем с ума посходили!

— Это кто сказал?

— Я не о вас, господин. Я имел в виду суматоху вокруг.

— Заткнись!

Рёхэй, схватив торговца за волосы, вышвырнул его вон через боковую дверь.

— Есть еще жалобы? — спросил Рёхэй. — Мы не допустим, чтобы всякий сброд толпился у нас, требуя какие-то жалкие гроши. Смотрите у меня! Я запрещу платить вам, пусть даже молодой учитель распорядится вернуть вам деньги.

Увесистый кулак Рёхэя заставил просителей гурьбой кинуться к выходу. За воротами они дали волю своим чувствам.

— Вот уж посмеемся, когда на этих воротах появится вывеска «Продается!». Ждать недолго.

— Они ведь говорят, что не допустят такого позора.

— Каким способом?

Довольный, Рёхэй направился на заднюю половину дома. Его распирало от смеха. Вместе с другими учениками он вошел в комнату Сэйдзюро, который молча сидел, склонившись над жаровней.

— Ты чем-то опечален, молодой учитель? — спросил Рёхэй.

— Нет, нет! — поспешно отозвался Сэйдзюро, обрадованный приходом самых преданных учеников. — До назначенной встречи остается мало времени.

— Поэтому мы здесь, — ответил Рёхэй. — Давайте определим место и время и сообщим Мусаси.

— Да, пожалуй, — неуверенно согласился Сэйдзюро. — Место… Какое выберем место? Может, поле у храма Рэндайдзи к северу от города?

— По-моему, подходит. День?

— Когда в городе уберут новогодние украше-

ния, пожалуй.

— Чем скорее, тем лучше. Нечего давать этому трусу лишнего времени, а то, чего доброго, улизнет.

— Восьмого?

— Восьмое — день смерти учителя Кэмпо.

— Действительно! Девятое? В семь утра? Подходит?

— Хорошо. Выставим объявление на мосту сегодня вечером.

— Прекрасно.

— Ты готов? — спросил Рёхэй.

— Давно, — ответил Сэйдзюро, у которого не было выбора в ответе. Сэйдзюро не принимал всерьез возможность поражения в поединке с Мусаси. Отец тренировал его с детства. Сэйдзюро ни разу в жизни не проигрывал, даже в поединках с опытными учениками школы, поэтому он и не задумывался над тем, что молодой деревенский выскочка может представлять серьезную угрозу.

В глубине души тем не менее его точил червь сомнения. Временами Сэйдзюро охватывала неуверенность, но он по привычке отмахивался от нее, приписывая минутную слабость неурядицам в личной жизни. Ему не хватало мужества признаться себе в неспособности строго сле-

довать предписаниям «Бусидо». Особенно его тревожила история с Акэми. Со дня происшествия в Сумиёси он пребывал в постоянном волнении. После исчезновения Гиона Тодзи он узнал о безнадежном положении дома Ёсиоки.

Вернулся Рёхэй с товарищами, неся доску, на которой было написано извещение, адресованное Мусаси.

— Годится? — спросил Рёхэй.

Еще не высохшие иероглифы гласили:

«В ответ на вашу просьбу о поединке сообщаю время и место. Место: поле около храма Рэндайдзи. Время: семь часов утра девятого дня первого месяца. Священной клятвой подтверждаю свою явку. Если вы по какой-то причине не выполните обещание явиться, то я оставляю за собой право высмеять вас публично. Если я нарушу нашу договоренность, пусть гнев богов обрушится на мою голову.

Сэйдзюро Ёсиока Кэмпо II из Киото.

Совершено в последний день 9 года Кэйтё.

Адресовано ронину Миямото Мусаси из

Мимасаки».

— Правильно, — сказал Сэйдзюро, прочитав послание.

Он почувствовал облегчение, потому что жребий был брошен.

На заходе солнца Рёхэй с доской под мышкой степенно вышагивал к Большому мосту на улице Годзё в сопровождении двоих учеников школы Ёсиоки.

Человек, которому адресовалось извещение, шел в это время по кварталу у подножия горы Ёсида, где жили обедневшие самураи старинных благородных фамилий. Они хранили верность старым традициям, держались скромно в стороне от мирской суеты.

Мусаси шел от ворот к воротам, читая таблички с именами хозяев. Он остановился посреди дороги, размышляя, стоит ли продолжать поиски. Он искал тетку, сестру матери, единственную, кроме Огин, родственницу, оставшуюся у него. Тетка была замужем за самураем, состоявшем на службе у дома Коноэ за небольшое жалованье. Мусаси полагал, что нетрудно будет найти их дом у подножия горы Ёсида, но дома здесь не отличались один от другого. Маленькие домики, окружен-

ные деревьями, ворота наглухо закрыты, как раковины моллюсков. На многих отсутствовали именные таблички. Мусаси потерял надежду найти тетку, поэтому даже не расспрашивал редких прохожих.

«Вероятно, переехали, — подумал он. — Нет смысла искать».

Мусаси повернул к центру города. Сгущались сумерки. Сквозь прозрачную дымку светились огни новогодних базаров. До Нового года оставались считаные часы, но в центре кипела деловая жизнь.

Мусаси взглянул на проходившую мимо женщину, поняв вдруг, что это его тетка, которую он не видел со дня смерти отца, Мунисая. Ее внешность напомнила образ матери, который Мусаси сохранил в глубине памяти. Сделав несколько шагов за женщиной, он окликнул ее:

— Тетушка!

Женщина подозрительно уставилась на него. На утомленном от постоянных забот лице мелькнуло удивление.

— Ты Мусаси, сын Мунисая? — спросила она.

Он удивился, почему тетка назвала его Мусаси, а не Такэдзо. Он изумился, почувствовав, что тетка не расположена к нему, как к дорогому гостю.

— Да, я Такэдзо из дома Симмэн, — ответил он.

Обычных в таких случаях причитаний и восклицаний «какой ты стал большой» или «как ты изменился» не последовало. Тетка строго и холодно смотрела на Мусаси.

— Зачем явился? — спросила она.

— У меня нет к вам особого дела. Оказался в Киото и решил навестить вас.

Глядя на глаза, прическу тетки, Мусаси подумал: будь его мать жива, она походила бы на сестру, говорила бы тем же голосом.

— Навестить меня? — В голосе тетки звучало недоверие.

— Да. Простите, что без предупреждения.

Тетка махнула рукой, показывая, что разговор окончен.

— Что ж, меня ты увидел, нет нужды идти за мной. Ступай своей дорогой!

Неожиданно холодный прием поразил Мусаси.

— Почему вы отсылаете меня, едва увидев? Конечно, я уйду, если вам угодно, но чем я провинился? Если я совершил что-то плохое, так скажите мне в глаза.

Тетка ушла от прямого вопроса.

— Коль скоро ты здесь, зайдем к нам, поздороваешься с дядей. Не обижайся, если услышишь

от него неприятные слова. Сам знаешь, какой он человек. Мне бы не хотелось, чтобы ты ушел от нас с тяжелым сердцем.

«И на том спасибо», — подумал Мусаси.

Тетка, оставив племянника в передней, пошла сообщить мужу о госте. Из-за фусума донесся низкий бас Мацуо Канамэ, страдавшего одышкой.

— Сын Мунисая? Я знал, что он рано или поздно заявится. Как, уже здесь? И ты впустила его в дом без моего разрешения?

Не вытерпев, Мусаси позвал тетку, чтобы попрощаться. Фусума раздвинулась, и показался Канамэ. Лицо его выражало безграничное презрение, брезгливость, которую питают городские жители к деревенской родне. Так смотрели бы на забредшую в дом корову, истоптавшую грязными копытами татами.

— Ты зачем здесь? — спросил Канамэ.

— Оказался в Киото и решил справиться о вашем здоровье.

— Ложь!

— Почему?

— Можешь сочинять сколько угодно, но я знаю все о твоих проделках. Натворил бед в Мимасаке, восстановил всех против себя, запятнал честь дома, а потом сбежал. Скажешь, не правда?

Мусаси от неожиданности лишился дара речи.

— И тебе хватает наглости заявляться к родственникам?

— Я сожалею о своих ошибках, — произнес Мусаси, — но я дал обет искупить вину перед предками и односельчанами.

— Вряд ли ты сможешь когда-нибудь вернуться на родину. Впрочем, мы пожинаем то, что посеяли. Дух Мунисая, наверное, рыдает.

— Я загостился у вас. Мне пора идти, — сказал Мусаси.

— Нет, подожди! — сердито возразил Канамэ. — Лучше оставайся у нас. Шатаясь по округе, неминуемо попадешь в беду. Сварливая старуха из дома Хонъидэн более полугода бродит здесь. Недавно несколько раз заходила к нам. Расспрашивала, был ли ты у нас, пыталась узнать, где тебя найти. Она кипит от ненависти.

— Осуги была у вас?

— Представь себе. Она много порассказала о тебе. Не будь ты родственником, я бы связал тебя и выдал ей, но сейчас… Ладно, оставайся пока. Уйдешь поздно ночью, нам так будет спокойнее.

К несчастью, они поверили каждому слову Осуги. Чувство безысходного одиночества охватило Мусаси. Он сидел, молча уставившись в пол. Тет-

ка, пожалев его, велела пройти в другую комнату и поспать там.

Мусаси тяжело опустился на циновку. Он вновь осознал, что может рассчитывать только на себя. Он подумал, что родные так суровы только потому, что он был им кровным родственником. Несколько минут назад он хотел уйти из дома, но сдержал гнев, признав, что родственники не без основания сомневались в его порядочности.

Мусаси по-прежнему был неискушен в оценке людей. Будь он богат и знаменит, ему бы оказали иной прием. Он свалился как снег на голову, в драном, грязном кимоно да еще под Новый год. Неудивительно, что родственники не расточали теплых чувств.

Вскоре Мусаси убедился в этой незамысловатой истине. Он лежал, простодушно полагая, что его позовут есть. До него доносился запах еды и звон посуды из кухни, но никто и не заглянул в его комнату. Жаровня не грела, огонь в ней едва теплился. Мусаси решил, что голод и холод — дело второстепенное, главное — хорошо выспаться. Он тут же погрузился в сон.

Мусаси проснулся через четыре часа под звон храмовых колоколов, провожавших старый год. Сон освежил его. Мусаси упруго вскочил, устало-

сти как не бывало. Голова была ясной.

Огромные колокола ритмично гудели над городом и предместьями, знаменуя окончание тьмы и славя наступление света. Сто восемь ударов колокола, по числу человеческих заблуждений и искушений, призывали мужчин и женщин поразмыслить о суетности земных устремлений.

Мусаси думал, кто в эту ночь мог бы с чистым сердцем сказать себе: «Я поступал правильно. Делал то, что положено, и ни о чем не сожалею»? Каждый удар колокола отзывался угрызением совести в душе Мусаси. Все, совершенное им в уходящем году, казалось ему неправильным. То же можно сказать о прошлом и позапрошлом годах. Он не прожил ни года, ни дня без сожалений о допущенных ошибках.

Мир в представлении Мусаси устроен так, что люди неминуемо раскаиваются в содеянном. Например, мужчины женятся, чтобы прожить с избранницей всю жизнь, но потом забывают о женах. Женщинам простительно непостоянство взглядов. От них редко услышишь жалобу, а мужчины без конца сетуют на жизнь. Мусаси слышал много историй о том, как мужчины выбрасывали своих жен, как старые, непригодные сандалии.

У Мусаси не было семейных забот, но он под-

давался искушениям, страдая от собственной слабости. Вот и сейчас он сожалел, что пришел в дом тетки. «Я не могу сбросить путы зависимости от других, — сокрушался он. — Сколько раз твердил себе, что следует прочно стоять на земле, полагаясь лишь на себя. И вдруг я начинаю надеяться на кого-то. Наивная глупость! Я знаю, что мне делать! — осенило его. — Напишу себе предписание».

Мусаси развязал дорожный мешок и достал оттуда пачку скрепленных листков, служивших ему записной книжкой. В нее он заносил мысли, приходившие ему в голову во время странствий, наставления дзен, заметки по географии, замечания о собственных недостатках и порой зарисовки необычных предметов. Раскрыв книжку, Мусаси положил перед собой кисть и задумался. Затем написал: «Никогда ни о чем не сожалеть».

Мусаси нередко сочинял подобные предписания, но заметил, что от одного писания проку мало. Их надо было повторять ежедневно, утром и вечером, как молитву, поэтому он подбирал выражения, которые легко запомнить и читать как стихи.

Мусаси посмотрел на иероглифы и изменил

формулировку. «Не буду сожалеть по поводу моих действий». Мусаси, несколько раз повторив выражение, остался недоволен. Он написал третий вариант: «Не делать ничего, о чем потом пришлось бы сожалеть». Выражение понравилось Мусаси. Он отложил кисть. Две первые искажали мысль, которую Мусаси хотел выразить. Их можно толковать так, что он не будет сожалеть о своих действиях, не разбирая, правильные они или неправильные. Третья формулировка подразумевала решимость Мусаси поступать лишь так, чтобы потом не испытывать угрызений совести.

Мусаси повторил предписание, сознавая, что не достигнет поставленной цели, пока полностью не дисциплинирует разум и волю. Он должен стремиться к тому, чтобы не совершать ничего, в чем пришлось бы раскаиваться. «Когда-нибудь я достигну совершенства», — поклялся Мусаси, словно бы вгоняя клин себе в сердце.

Фусума за спиной Мусаси отодвинулась, в комнату заглянула тетка. Дрожащим голосом она прошептала:

— Я так и знала! Словно предчувствовала, что не следует тебя здесь оставлять. Случилось то, чего я так боялась. Явилась Осуги и заметила в прихожей твои сандалии. Она убеждена, что ты

в доме, и требует расправы над тобой. Слышишь ее голос? Мусаси, придумай что-нибудь!

— Осуги? Здесь?

Мусаси не верил своим ушам, но до его слуха доносился хриплый голос Осуги, которая что-то говорила Канамэ в привычной надменной манере.

Осуги появилась с последними ударами полуночных колоколов, когда тетка Мусаси собиралась идти к колодцу, чтобы набрать свежую воду на первый день нового года. Тетка перепугалась, что дело дойдет до крови, и весь Новый год будет испорчен.

— Уходи поскорее! — торопила она Мусаси. — Дядя убеждает Осуги, что тебя здесь нет, он ее задержит. Постарайся выскользнуть незаметно.

Подобрав мешок и шляпу Мусаси, она пошла к черному входу, где были приготовлены его кожаные носки и соломенные сандалии.

Обуваясь, Мусаси робко спросил:

— Не хочу беспокоить вас, тетушка, но не дадите ли вы мне миску супа? С вечера ни крошки во рту.

— Нашел время для еды! Вот, возьми и до свидания! — Тетка протянула Мусаси пять рисовых колобков на белой бумаге.

— Благодарю вас, прощайте! — сказал он.

В первый день радостного новогоднего праздника Мусаси с тяжелым сердцем шел по холодному и темному переулку. Он походил на зимнюю птицу с полинявшим оперением, устремленную в ночное небо. Мусаси продрог до кончиков ногтей, до корней волос. Белое облако пара, вырывавшееся изо рта, оседало морозным инеем на щеках.

— Ну и мороз! — невольно вырвалось у Мусаси. — В аду и то теплее!

Обычно Мусаси не мерз. Почему ему так нестерпимо холодно в это раннее утро? Он сам нашел ответ: «Я не замерз снаружи. Это внутренний холод. Не контролирую себя должным образом. Все еще тянусь к теплой плоти, как младенец, и готов в любую минуту расчувствоваться. Я жалею себя, потому что одинок, и завидую людям в теплых домах. В глубине души я низкий и подлый. Почему я не благодарю судьбу за независимость, за возможность идти туда, куда глаза глядят? Почему забываю о своих идеалах и гордости?»

Рассуждения о свободе согрели Мусаси, его дыхание разгорячилось, тепло струилось в пальцах ног.

«Странник без идеалов, без чувства благодарности за собственную свободу — жалкий нищий!

Разница между нищим и великим Сайгё сокрыта в глубине их сердец».

Мусаси вдруг заметил, что идет по белому битому льду. Он вышел к реке Камо, промерзшей у берегов. Заря на востоке еще не занималась, небо и река казались черными. Мусаси остановился. Он пришел сюда по ночному городу от горы Ёсида, но теперь ноги отказывались повиноваться ему. Сложив в кучу под дамбой ветки, кору, все, что могло гореть, он достал огниво. Немалый труд и упорство требовались для того, чтобы загорелся первый язычок пламени. Сначала занялись сухие листья, потом тонкие веточки, и наконец заплясали языки пламени. Раздуваемые ветром, они готовы были опалить сидевшего рядом человека.

Мусаси достал рисовые колобки-моти, полученные от тетки, и один за другим поджарил их на огне. Запах подрумяненных колобков унес Мусаси в детство, на новогодние праздники. Колобки были пресные, без начинки. Мусаси жевал их, наслаждаясь вкусом белого риса. «И у меня праздник!» — бодро подумал он. Согревшись и поев, Мусаси повеселел.

«Хороший Новый год. Небеса даруют каждому праздник, посылая даже мне, страннику, рисовые колобки. Я могу поднять чарку вместе с рекой Ка-

мо, а тридцать шесть вершин Хигасиямы служат мне праздничным украшением. Нужно искупаться и чистым встретить первые лучи солнца».

Раздевшись, Мусаси зашел в воду и долго плескался, как громадная птица.

Он стоял на берегу, яростно растираясь, когда первые лучи солнца, пробившись сквозь облака, ласково коснулись его спины. Он оглянулся на костер и на дамбе увидел еще одного странника, приведенного сюда судьбой, — Осуги.

— Вот он! Наглец! — завопила старуха, заметив Мусаси. Она была вне себя от нахлынувших на нее радости и страха. Горло пересохло, тело дрожало. Осуги опустилась на землю под невысокой сосной. — Сбылось! — ликовала она. — Наконец я добралась до него! Дух Гона привел меня сюда.

В мешочке, привязанном к оби, Осуги носила кусочек кости и прядь волос дядюшки Гона. Она каждый день беседовала с покойным. «Гон, — говорила Осуги, — ты ушел, но я не чувствую одиночества. Ты был рядом, когда я поклялась не возвращаться в деревню, пока не накажу Мусаси и Оцу. Ты и сейчас со мной. Ты умер, но твой дух сопровождает меня. Мы навеки останемся вместе. Внимательно следи за мной сквозь могильную траву. Мусаси не уйдет от возмездия!»

Со дня смерти Гона прошла неделя, но Осуги решила не расставаться с братом, пока сама не обратится в пепел. Она с удвоенным упорством продолжала поиски Мусаси. Ее ярость и злоба заставляли вспоминать об ужасной Кисимодзин, которая кормила свое многочисленное потомство чужими детьми, пока Будда не обратил ее в истинную веру.

Ходившие по городу слухи о предстоящем поединке Мусаси и Ёсиоки Сэйдзюро навели Осуги на след. Вчера она оказалась в толпе зевак, наблюдавших, как на Большом мосту на улице Годзё водружали щит с объявлением о предстоящем поединке. Какое волнение она пережила в тот миг! Перечитывая объявление, Осуги повторяла: «Наконец Мусаси попал в капкан собственного честолюбия. Он у них попляшет! Ёсиока прикончит его. А как же я посмотрю в глаза односельчанам, если его убьют? Надо опередить Ёсиоку, снести с Мусаси голову, чтобы потом показать его мерзкую личину всей деревне».

Осуги вознесла молитву синтоистским и буддийским божествам, своим предкам, прося у них помощи.

Переполненная злобой и ядом, Осуги ни с чем ушла из дома Мацуо. Возвращаясь в гостиницу

вдоль берега Камо, она заметила костер. Решив, что огонь развел какой-то бродяга, Осуги невольно остановилась на дамбе. Увидев мускулистого голого человека, выходившего из воды, она мгновенно узнала Мусаси.

Стоило бы сразу напасть на Мусаси и покончить с ним, ведь он был голый и безоружный, но даже черствое сердце Осуги не позволило такого поступка.

Осуги, сложив руки, произнесла благодарственную молитву, словно голова Мусаси уже лежала в ее дорожном мешке. «Как я рада! С помощью всех богов я нашла Мусаси. Вот он! Это не случайность. Моя непреклонная вера вознаграждена — враг в моих руках». Осуги склонилась в глубоком поклоне. Она не сомневалась, что теперь без суеты исполнит свой обет.

В свете зари прибрежные камни, казалось, всплывали из земли. Мусаси надел кимоно, завязал пояс, затянул перевязь с мечом. Опустившись на колени, он замер в глубоком поклоне перед богами неба и земли.

Сердце Осуги затрепетало: «Сейчас!»

В этот момент Мусаси упруго поднялся и быстро зашагал вдоль берега, легко перескакивая через лужи. Опасаясь раньше времени обнаружить

себя, Осуги последовала за ним вдоль дамбы.

Из утреннего тумана начали проступать белые очертания городских крыш и мостов, но звезды еще не погасли на бледнеющем небе, а подножие горы Хигасияма было окутано тьмой. Мусаси, нырнув под деревянный мост на улице Сандзё, появился с другой стороны на гребне дамбы и пошел вперед размашистым шагом. Осуги с трудом сдержалась, чтобы не окликнуть его.

Мусаси знал, что Осуги идет следом. Он понимал, что стоит ему обернуться, как она бросится на него, вынудив отражать ее наскоки, но так, чтобы не причинить ей вреда. Мусаси не мог доставить такого удовольствия Осуги. «Страшный противник!» — думал он. Будь он прежним Такэдзо, так не задумываясь отлупил бы старуху, чтобы она плевалась кровью, но Мусаси и помыслить о таком не мог.

Мусаси имел больше оснований ненавидеть Осуги, но он хотел доказать ей, что злоба ее порождена недоразумением. Он был уверен, что стоит ей все растолковать, как она перестанет считать его заклятым врагом. Ненависть Осуги была столь неистовой, что тысячи объяснений Мусаси не вразумят ее. Она бы поверила, преодолев упрямство, одному Матахати. Если ее

сын подробно расскажет о событиях накануне и после битвы при Сэкигахаре, с Мусаси будет снято клеймо врага дома Хонъидэн и похитителя невесты Матахати.

Мусаси приближался к мосту в том районе Киото, который считался самым богатым в конце двенадцатого века, когда клан Тайры был в расцвете славы. Квартал этот оставался самым густонаселенным и после разрушительных усобиц пятнадцатого столетия. Лучи солнца коснулись фасадов домов, деревьев в садах, дорожки которых тщательно подмели накануне вечером. В этот ранний час дома были погружены в сон.

Осуги шла буквально по пятам своего врага, отпечатанным в грязи. Она ненавидела даже землю, по которой ступал Мусаси.

Расстояние между ними сокращалось.

— Мусаси! — окликнула старуха. Сжав кулаки и опустив голову, она бросилась на противника. — Злой дьявол! — крикнула старуха. — Оглох, что ли?

Мусаси не оборачивался.

Осуги была совсем рядом. Шаги ее звучали по-мужски твердо и решительно из-за ее бесстрашия и презрения к смерти. Мусаси не оглядываясь лихорадочно обдумывал затруднительное по-

ложение.

Осуги, забежав вперед, скомандовала:

— Стой!

Ее острые плечи, исхудавшее тело дрожали. Она не двигалась, переводя дыхание и набирая во рту слюну.

Мусаси покорился судьбе.

— О, это вы, вдова Хонъидэн! Какими судьбами? — спросил он беззаботно.

— Наглый пес! Что я здесь делаю! Тебя надо спросить. В прошлый раз ты удрал с горы Саннэн, но сегодня я не уйду без твоей головы!

Мусаси подумал о бойцовом петухе, глядя на вытянутую морщинистую шею старухи. Ее пронзительный голос, звучавший для Мусаси страшнее боевого клича, казалось, выталкивал изо рта Осуги и без того торчащие вперед зубы.

Страх Мусаси перед Осуги уходил корнями в детство, когда она заставала его и Матахати за шалостями в шелковичной роще или на кухне в доме Хонъидэн. Им было лет девять, самый озорной возраст, и Мусаси до сих пор слово в слово помнит ругань Осуги. Он в ужасе убегал, а живот его сводило от страха. Мусаси и теперь вздрагивал от этих воспоминаний. В детстве Осуги казалась ему злобной и коварной ведьмой.

Мусаси не мог простить ей и предательства, когда он возвратился в деревню после битвы при Сэкигахаре. Как ни странно, Мусаси свыкся с мыслью, что ему никогда не одолеть старуху. Со временем его неприязнь к Осуги притупилась.

Иное дело Осуги. Она считала Такэдзо дерзким и упрямым сорванцом, которого она знала с пеленок, с мокрым носом, болячками на голове, непомерно длинными руками и ногами. Нельзя сказать, что она не осознавала происшедшие с тех пор перемены. Осуги знала, что она постарела, а Мусаси стал взрослым человеком. Верх брала ее привычка видеть в нем зловредного бездельника. Месть — единственный ответ на тот позор, который негодный мальчишка навлек на их семейство. Осуги жаждала не только восстановить честь дома в глазах деревни, но и увидеть Мусаси в могиле, прежде чем сойти в нее самой.

— Не трать слова понапрасну, — проскрипела старуха. — Отдай мне сам свою голову или попробуешь моего меча. Ты готов, Мусаси? — Она провела рукой по губам, плюнула на левую ладонь и ухватилась за ножны.

Есть поговорка о богомоле, который нападает на императорскую карету. Поговорка как нельзя лучше подходила к хищной Осуги с ее костля-

выми конечностями. Посмотришь — вылитый богомол: и глаза, и затвердевшая кожа, и несообразные движения. Мусаси с могучими плечами и грудью стоял как неприступная железная карета, ожидая нечаянного противника, словно бы играя в войну с ребенком.

Положение принимало комический оборот, но Мусаси не смеялся, потому что ему стало жалко Осуги.

— Подождите, почтеннейшая! — проговорил он, осторожно, но твердо удерживая ее за локоть.

— Ты что? — вскрикнула Осуги. Ее слабые руки тряслись, зубы выбивали дробь. — Трус! — заикаясь, продолжала она. — Хочешь меня отговорить? Учти, я встречала Новый год уже сорок раз, когда ты только появился на свет. Тебе не провести меня. Прими наказание!

Кожа Осуги была цвета красной глины, голос срывался от напряжения.

Старательно кивая в знак согласия, Мусаси ответил:

— Я все понимаю и разделяю ваши чувства. В вас горит боевой дух семейства Хонъидэн. В ваших жилах течет кровь первых Хонъидэнов, которые отважно сражались под началом Симмэна Мунэцуры.

— Пусти меня, ты!.. Мне ни к чему лесть мальчишки, годящегося мне во внуки.

— Успокойтесь! В вашем возрасте не следует волноваться. Я хочу все объяснить вам.

— Последнее слово перед смертью?

— Нет, объяснение.

— Не нуждаюсь в них! — заявила Осуги, гордо выпрямившись.

— В таком случае придется забрать у вас меч. До той поры, пока не явится Матахати и не расскажет все.

— Матахати?

— Да. Прошлой весной я послал ему письмо.

— Письмо?

— Я назначил ему встречу в новогоднее утро.

— Ложь! — взвизгнула Осуги, тряся головой. — Стыдись, Мусаси! Разве ты не сын Мунисая? Не он ли учил тебя достойно встречать смерть, когда приходит ее час? Хватит играть словами. Вся моя жизнь в этом мече, на моей стороне все боги. Прими удар стойко, если у тебя хватит духу.

Осуги, освободив руку, с криком «Будь благословен Будда!» выхватила меч из ножен. Сжав эфес обеими руками, старуха сделала выпад, целясь в грудь Мусаси. Он увернулся.

— Пожалуйста, почтеннейшая, успокойтесь!

Мусаси из-за спины Осуги легонько похлопал ее по плечу. Та с воплем развернулась к нему лицом. Призывая богиню Каннон на помощь, Осуги приготовилась к новой атаке.

— Хвала Каннон! Хвала Каннон! — воскликнула Осуги, бросаясь вперед.

Мусаси сделал шаг в сторону и перехватил руку старухи.

— Совсем обессилете, если не остановитесь. Давайте дойдем до моста.

Обернувшись, старуха оскалила зубы и яростно плюнула в Мусаси. Мусаси отпустил руку Осуги и стал вытирать левый глаз. Он горел, словно в него попала искра. Мусаси посмотрел на руку, которой тер глаз, но крови на ней не увидел. Глаз не открывался.

Воспользовавшись его замешательством, Осуги неистово бросилась в атаку, не переставая взывать к Каннон. Она трижды кидалась на врага. В третий раз Мусаси слегка подался в сторону, не сходя с места, и меч рассек рукав и задел предплечье. Лоскут ткани упал на землю. На белой подкладке рукава Осуги увидела кровь.

— Ранен! — с восторгом закричала Осуги, размахивая мечом. Ее обуяла гордость, будто одним ударом она свалила могучее дерево. То обстоя-

тельство, что Мусаси совсем не сопротивлялся, не омрачало ее ликования. Она выкрикивала имя богини милосердия Каннон, покровительницы храма Киёмидзу.

Осуги в упоении кружила вокруг Мусаси, налетая на него то спереди, то сзади. Мусаси уклонялся от ударов. Его беспокоил глаз и царапина на предплечье. Он ждал удара меча, но вовремя не уклонился. Никто прежде не превосходил его в ловкости и ни разу не задел его в поединках. Он не принимал всерьез Осуги с мечом, поэтому даже не думал, кто победит. Пренебрежение силой старухи обернулось ранением.

«Искусство войны» гласит, что раненый, пусть даже легко, проиграл в бою. Несокрушимая воля старухи и ее меч проучили Мусаси, показав его несовершенство.

«Я допустил ошибку», — подумал он. Раздосадованный неосмотрительностью, Мусаси увернулся от меча и, оказавшись позади Осуги, шлепнул ее по спине. Старуха растянулась на земле, меч вылетел из рук. Одной рукой Мусаси подобрал меч, второй подхватил Осуги.

— Отпусти! — кричала Осуги, размахивая руками. — Где же вы, боги? Я его ранила! Что мне делать? Мусаси, не позорь меня. Отсеки мне го-

лову, убей меня!

Мусаси, сжав зубы, нес под мышкой извивающуюся старуху.

— Боевое счастье отвернулось от меня. Это судьба! Я не боюсь тебя. Да будет так, как угодно богам. Матахати, узнав, как умер дядюшка Гон и как погибла я, отомстит за нас обоих. Наша гибель откроет ему глаза. Убей меня, Мусаси, убей! Куда ты идешь? Хочешь выставить меня на посмешище, а потом убить? Нет! Руби мою голову немедленно!

Мусаси молчал. Дойдя до моста, он спохватился, что у него нет плана действий. Его вдруг осенило. Он спустился к реке, подошел и осторожно посадил старуху в одну из лодок, привязанных у причала.

— Наберитесь терпения и подождите, пока не придет Матахати. Осталось недолго.

— Ты что затеял? — кричала Осуги, отталкивая Мусаси вместе с наваленными в лодке тростниковыми циновками. — При чем тут Матахати? Ему нечего здесь делать. Знаю, чего ты хочешь. Не просто убить, но и унизить меня.

— Думайте, что вам угодно. Скоро узнаете правду.

— Убей меня!

— Ха-ха-ха!

— Чему радуешься? Рубани по старой шее, тебе это пустяк!

Мусаси привязал Осуги к корме, вложил ее меч в ножны и аккуратно положил их рядом со старухой.

Осуги кричала вслед уходящему Мусаси:

— Ты не понимаешь «Бусидо»! Вернись, дам тебе урок!

— Потом! — буркнул Мусаси.

Он поднимался на дамбу, но старуха так буйствовала, что ему пришлось вернуться и навалить на нее тростниковых циновок.

Солнце огненным шаром поднялось над горой Хигасияма. Мусаси завороженно смотрел на него, чувствуя, как солнечные лучи проникают в глубь его души. Мусаси глубоко задумался. Новогоднее утро — единственное в году, когда божественный свет молодого солнца испепеляет и рассеивает ничтожную гордыню человека, порождаемую мелочными надеждами и помыслами. Радость жизни наполнила Мусаси.

— Я все еще молод! — восторженно крикнул он, обращаясь к светилу.

Большой мост на улице Годзё

«Поле около храма Рэндайдзи… девятый день первого месяца…»

От извещения сердце Мусаси учащенно забилось, но его внимание отвлекла острая боль в левом глазу. Проведя ладонью по веку, он вдруг заметил крошечную иглу на вороте кимоно. Осмотрев себя, он нашел еще пять иголочек, застрявших в ткани и блестевших, как кристаллики льда на утреннем солнце.

«Интересно!» — пробормотал Мусаси, вытаскивая одну иголочку и внимательно разглядывая ее. Иголочка походила на швейную, но была без ушка для нитки и не круглой, а треугольной. «Старая ведьма! — прошептал Мусаси, с содроганием оглядываясь на лодку. — Я слышал про стреляющие иголки, но не мог предположить, что старуха воспользуется ими. Я был на волосок от серьезной неприятности».

С присущей ему аккуратностью Мусаси выбрал все иголки и воткнул их в воротник кимоно, чтобы на досуге внимательно их изучить. Мусаси знал о противоречивом отношении военных к этому виду оружия. Одни считали его действен-

ным средством устрашения, если выдувать иглы в лицо противника, другие воспринимали иголки с насмешкой.

Сторонники игл утверждали, что древняя техника их применения родилась из игры швей и ткачих, приехавших в Японию из Китая в седьмом веке. Иголки не относились к самостоятельному наступательному оружию, но применялись как отвлекающий маневр до эпохи сёгуната Асикаги. Другие, отрицая существование древней техники, все же признавали, что в давние времена существовала игра в стреляющие иглы. Полагая, что подобной игрой могли развлекаться женщины, они отвергали возможность усовершенствования «стреляющих иголок» до уровня боевого оружия. Сторонники этого мнения указывали, что слюна во рту человека смягчает жар и холод, разбавляет вкус кислого и соленого, но не может уменьшить боль от иголок, когда их держат за щеками. Им возражали, что можно овладеть умением безболезненно держать иголки во рту, метко выплевывая их противнику в глаза.

По мнению скептиков, иголки наносят незначительный вред, даже при сильном и точном выбросе. В лучшем случае иголки опасны лишь для глаз, но попасть в них трудно. Метиться надо

непременно в зрачок, иначе толку от иголки не будет.

Мусаси слышал немало подобных споров и был скорее на стороне скептиков. Убедившись на себе в поспешности выводов об иголках, он в который раз задумался о непредсказуемых последствиях неточных сведений.

Осуги не попала в зрачок, но глаз Мусаси слезился. Он отыскивал среди вещей какую-нибудь тряпицу, чтобы вытереть глаз, и вдруг услышал за спиной треск разрываемой ткани. Оглянувшись, он увидел девушку, которая отрывала кусок рукава от нижнего кимоно красного цвета.

Это была Акэми. Голова ее не была убрана в новогоднюю прическу, кимоно измято. На босых ногах были сандалии. Мусаси не мог вспомнить ее, хотя лицо девушки казалось знакомым.

— Это я, Такэдзо… вернее, Мусаси, — произнесла неуверенно девушка, протягивая ему лоскут. — Что-то попало в глаз? Не три, иначе еще хуже станет. Промокни слезы.

Мусаси молча взял лоскут и прижал его к глазу. Вторым он уставился на девушку.

— Помнишь меня? — с надеждой в голосе спросила Акэми. — Неужели забыл?

Лицо Мусаси оставалось бесстрастным.

— Вспомни, пожалуйста!

Молчание Мусаси стало последней каплей, переполнившей чашу страданий Акэми. Поверженная несправедливостью и жестокостью, она стремилась к Мусаси, уповая на него, как на последнюю надежду. Сейчас Акэми поняла, что призрачный лучик света порожден ее фантазией. Комок подступил к горлу Акэми, она всхлипнула. Она закрылась рукавом, пытаясь сдержать рыдания, но плечи ее вздрагивали. Горько плачущая Акэми пробудила в памяти Мусаси образ невинной девочки с колокольчиком на оби, которую он знал в те далекие дни, когда жил в Ибуки. Мусаси обнял ее за хрупкие плечики.

— Акэми! Конечно, я помню тебя. Как ты здесь очутилась? Никогда бы не подумал, что повстречаю тебя здесь. Вы уехали из Ибуки? Как поживает твоя мать?

Вопросы Мусаси шипами вонзались в Акэми, особенно больно ранило имя матери, Око. Естественно, что Мусаси поинтересовался старым другом.

— Матахати по-прежнему с вами? Он должен прийти сюда сегодня утром. Не видела его?

Каждое слово убивало Акэми. Плача на груди Мусаси, она отрицательно покачала головой.

— Разве Матахати не придет? Что с ним? Как я узнаю, если ты только рыдаешь?

— Он не… не придет. Он не… не получил письма.

Акэми уткнулась в грудь Мусаси, содрогаясь от плача. Она хотела рассказать ему так много, но все смешалось в ее горячечном мозгу. Как рассказать, какую ужасную судьбу уготовила ей мать? Как описать страшные дни, пережитые в Сумиёси и во время бегства в Киото?

Лучи новогоднего солнца заливали мост. Движение на мосту оживилось. Девушки в ярких кимоно, спешащие в храм Киёмидзу совершить новогодний обряд, мужчины в торжественных одеждах, приступившие к исполнению обязательных новогодних визитов. В толпе мелькнула лохматая голова Дзётаро, который и летом и зимой походил на водяного-каппу. Он заметил Мусаси и Акэми с середины моста.

«Что это? — изумился он. — А я думал, что он с Оцу. Какая-то незнакомая девица!»

Дзётаро скорчил недоуменную гримасу.

Сцена потрясла его. Ладно уж, если бы никто не видел, но они стояли в обнимку на самой оживленной улице! Обниматься на людях! Позор! Дзётаро никогда бы не поверил, что взрослые

способны на такое. А тут его почитаемый сенсей! Сердце Дзётаро учащенно билось. Он испытывал горечь с привкусом ревности. Он настолько рассердился, что готов был запустить камнем в бесстыдную парочку. «Я где-то ее видел! — подумал Дзётаро. — Ага! Я передавал ей письмо Мусаси, адресованное Матахати. Она девушка из чайной, что же от нее ожидать? Откуда они знают друг друга? Надо немедленно сообщить Оцу».

Дзётаро огляделся по сторонам, заглянул через перила вниз, но Оцу нигде не было.

Накануне вечером, готовясь к встрече с Мусаси, Оцу вымыла волосы и полночи укладывала их в сложную модную прическу. Она надела кимоно, подаренное ей в доме Карасумару, и еще до света ушла молиться в храмы Гион и Киёмидзу, прежде чем отправиться на улицу Годзё. Дзётаро собрался было с ней, но Оцу не разрешила, объяснив, что сегодня день особенный и он ей помешает.

— Оставайся в гостинице, — сказала Оцу. — Сначала я одна поговорю с Мусаси. Приходи на мост, когда рассветет, но не спеши. Не беспокойся, мы с Мусаси дождемся тебя.

Дзётаро разволновался. Он был достаточно взрослым, чтобы понять чувства Оцу, и уже начинал догадываться об отношениях между

мужчинами и женщинами. Возня в сене с Котя на постоялом дворе в Коягю разбудила в Дзётаро неведомое ему прежде чувство. Он тем не менее недоумевал, почему Оцу, взрослая женщина, постоянно тоскует, проливая слезы по мужчине.

Оцу он так и не нашел. Мусаси и Акэми отошли в конец моста, чтобы не бросаться в глаза. Мусаси, привалившись к перилам, стоял со скрещенными на груди руками. Акэми смотрела на воду. Они не заметили Дзётаро, прошедшего мимо по другой стороне моста.

«Где она запропастилась? Сколько можно молиться богине Каннон?» — ворчал Дзётаро. Привстав на цыпочки, он вглядывался в толпу на улице.

Шагах в десяти от Дзётаро росло несколько ив. Белые цапли всегда прилетали сюда поохотиться за рыбой, но сегодня птиц не было. Молодой человек с невыбритыми волосами надо лбом стоял, опершись на низкую и вытянутую ветку, похожую на спящего дракона.

Акэми торопливо что-то говорила Мусаси, он кивал ей в ответ. Акэми решила пренебречь гордостью и начистоту открыться Мусаси в надежде на то, что он не оставит ее. Слышал ли Мусаси ее? Он кивал в такт ее словам, но не походил на

мужчину, внимающего милой болтовне возлюбленной. Глаза его блистали холодным огнем, выдавая сосредоточенность на чем-то далеком от происходящего на мосту. Акэми не замечала его состояния. Погруженная в страдания, она говорила словно помимо своей воли.

— Я рассказала все, без утайки, — вздохнула Акэми. Придвинувшись к Мусаси, она мечтательно произнесла: — После Сэкигахары минуло почти пять лет. Я переменилась и душой и телом. — По щекам Акэми покатились слезы. — Нет! Я не изменилась. Чувство к тебе прежнее. Не сомневаюсь. Слышишь, Мусаси? Понимаешь меня?

— Хм…

— Пожалуйста, пойми! Я все рассказала. Я уже не тот полевой цветок, каким была, когда мы встретились у подножия горы Ибуки. Теперь я просто поруганная женщина. Как по-твоему, целомудрие — это свойство души или тела? Не порочна ли девственница, обуреваемая похотью? Сердце мое осталось чистым, хотя один человек — не хочу называть его имя — обесчестил меня.

— Хм…

— Я безразлична тебе? Я ничего не скрываю от того, кого люблю. Увидев тебя, я засомневалась, открыть тебе правду или нет. Долгих

размышлений не было, я не могу тебя обманывать. Пожалуйста, пойми! Почему ты молчишь? Скажи, что прощаешь меня. Или я заслуживаю твоего презрения?

— Хм… А…

— Я безумею, вспоминая о случившемся со мной.

Акэми прижалась лбом к перилам моста.

— Стыдно выпрашивать у тебя любовь. Я не имею права на нее. Но… я по-прежнему чиста душой. Я берегла свою первую и единственную любовь, как жемчужину. Я сохранила это сокровище и сохраню его, что бы ни послала мне судьба в этой жизни.

Дрожь пробежала по спине рыдающей Акэми. Слезы капали в реку, которая текла, сверкая в лучах новогоднего солнца, навстречу вечно недостижимой надежде, такой же, как и мечты Акэми.

— Хм-м…

Мусаси отвечал на горькие признания Акэми хмыканьем и кивками, но глаза его пристально сосредоточились на чем-то ином. Отец Мусаси как-то заметил: «Ты не похож на меня. У меня глаза черные, а у тебя темно-карие. Говорят, у твоего двоюродного деда Хираты Сёгэна были пронзи-

тельные карие глаза. Верно, ты в него удался».

В косых лучах восходящего солнца глаза Мусаси светились, как прозрачный черный янтарь.

«Это он», — думал Сасаки Кодзиро, который давно наблюдал за Акэми, опершись о ветку ивы, похожую на спящего дракона. Кодзиро много слышал о Мусаси, но сейчас увидел его впервые.

«Кто это?» — гадал Мусаси, глядя на молодого человека под ивой.

Взгляды их встретились, и оба ощупывали друг друга глазами, пытаясь оценить волевые качества. Правило «Искусства войны» гласит, что боевую мощь противника надо уметь определить по кончику меча. Этим и занимались Мусаси и Кодзиро. Как борцы перед схваткой, они приглядывались друг к другу. Каждый имел основания чувствовать недоверие.

«Что-то не нравится мне эта история», — подумал Кодзиро, нахмурившись. Он заботился об Акэми с той поры, как вынес ее из заброшенного храма в долине Комацу, и теперь сцена объяснения с Мусаси выводила его из себя.

«Пожалуй, он охотник до невинных девушек. А она? Не сказала, куда идет, и теперь средь бела дня рыдает на плече у мужчины».

Кодзиро оказался свидетелем их встречи, пото-

му что выследил Акэми.

Мусаси уловил враждебность во взгляде Кодзиро. Он понимал, что начался невидимый поединок с волей противника, неизбежный при встрече постигающих воинские искусства. Кодзиро, несомненно, прочитал вызов во взгляде Мусаси.

«Кто это? — вновь подумал Мусаси. — Видно, что боец. Почему столько вражды в его взгляде? Надо присмотреть за ним на всякий случай!»

Взаимное напряжение воли исходило из самой глубины их сердец. Казалось, что глаза Мусаси и Кодзиро мечут искры. На первый взгляд Мусаси выглядел года на два моложе Кодзиро, но при внимательном рассмотрении Кодзиро оказывался помоложе. Общим было то, что оба находились в том возрасте, когда молодые люди самоуверенно считают себя знатоками в политике, в обществе, в «Искусстве войны» и во всем на свете. Злой пес скалит зубы, завидев такую же кусачую собаку. Мусаси и Кодзиро на расстоянии почуяли друг в друге опасного соперника.

Первым отвел глаза Кодзиро, издав при этом глухой рык. Всем видом он пытался подчеркнуть презрение к противнику, но Мусаси не сомневался в победе собственной воли. Он обрадовался,

потому что противник, не выдержав его взгляда, отступил под натиском его воли.

— Акэми! — произнес Мусаси, положив ладонь на ее плечо.

Акэми не отвечала. Она по-прежнему стояла, прижавшись лбом к перилам моста.

— Что за человек вон там? Он тебя знает? Молодой человек, похожий на ученика военного дела. Ты знакома с ним?

Акэми молчала. Она только сейчас заметила Кодзиро и не могла скрыть замешательства.

— Ты говоришь о том рослом юноше?

— Да. Кто он?

— Он… Кто же он?.. Я толком не знаю.

— Ты прежде встречала его?

— О да!

— Воображает себя великим воякой, таская длинный меч и вызывающе одеваясь. Откуда ты его знаешь?

— На днях меня укусила собака, — быстро ответила Акэми, — сильно шла кровь, и я пошла к лекарю как раз в то место, где жил этот молодой человек. Он стал заботиться обо мне.

— Другими словами, вы живете вместе?

— Получилось так, что мы живем под одной крышей, но это ничего не значит. Между нами

ничего нет. — Последние слова с трудом дались Акэми.

— В таком случае ты едва ли знаешь много о нем. Как его хотя бы зовут?

— Сасаки Кодзиро. Еще его называют Ганрю.

— Ганрю?

Мусаси слышал это имя. Оно не гремело по всей стране, но было известно в нескольких провинциях среди профессионалов. Кодзиро оказался моложе, чем предполагал Мусаси.

Мусаси еще раз взглянул на Кодзиро, и странное дело — на щеках юноши появились ямочки. Мусаси улыбнулся в ответ. Молчаливый диалог, однако, не был наполнен миролюбием и приязнью, как улыбки Будды и его ученика Ананды, когда их пальцы мяли цветы. В улыбке Кодзиро таился вызов, боевой задор и ирония.

Ответной улыбкой Мусаси принял вызов, но и выразил страстное желание сразиться.

Акэми, оказавшись между решительными бойцами, собралась разрыдаться с новой силой, но Мусаси ее остановил:

— Тебе стоит пойти с этим человеком. Скоро увидимся. Не беспокойся.

— Ты правда навестишь меня?

— Конечно!

— Запомни, гостиница «Дзудзуя», напротив монастыря на улице Рокудзё.

— Хорошо.

Тон Мусаси не устроил Акэми. Она схватила его руку и страстно сжала ее, прикрыв рукавом кимоно.

— Не обманываешь? Обещаешь?

Мусаси не успел ответить, как раздался громкий хохот.

— Ха-ха-ха! О, ха-ха-ха!

Кодзиро уходил, давясь от смеха.

Дзётаро, с отвращением наблюдавший за сценой с другого конца моста, подумал: «Смешнее не придумать!»

Заблудший учитель, Оцу, весь мир ему опостылел.

«Где она?» — досадовал Дзётаро, уходя в город. Он едва спустился с моста, как заметил Оцу, которая пряталась за воловьей упряжкой, стоявшей у ближайшего перекрестка.

— Вот ты где! — завопил Дзётаро, от изумления чуть не уткнувшийся носом в воловью морду.

Оцу, против обыкновения, слегка подкрасила губы. Она не умела пользоваться белилами и прочими косметическими премудростями, но благоухала духами, кимоно было радостного

весеннего цвета — бело-зеленый рисунок, вышитый по малиновому полю. Дзётаро обхватил ее за спину, не заботясь о том, что испортит ей прическу и смажет белила на шее.

— Ты зачем прячешься? Я заждался тебя! Пошли скорей!

Оцу не отвечала.

— Скорее! — крикнул Дзётаро, тряся ее за плечи. — Мусаси здесь, на мосту. Отсюда видно. Я сам разозлился на него, но мы должны с ним встретиться, иначе он уйдет.

Дзётаро тянул Оцу за руку, пытаясь поднять ее. Рукав кимоно был мокрым от слез.

— Ты плачешь?

— Спрячься за повозку, прошу тебя!

— Почему?

— Прячься и не спрашивай.

— Но ведь… — Дзётаро не скрывал досаду. — В женщинах есть ненавистное мне. Их поведение совершенно бессмысленно. Ты твердила, что хочешь увидеть Мусаси, и пролила море слез из-за него. Сейчас, когда он в двух шагах, ты прячешься. Даже меня заставляешь таиться. Чем не забава! Ха! Даже не смешно!

Слова жгли, как удары хлыста. Подняв на мальчика опухшие от слез глаза, Оцу промолвила:

— Пожалуйста, не говори так. Умоляю! Не будь и ты жесток со мной.

— Жесток? Что же я такого сделал?

— Прошу, помолчи. Пригнись, чтобы тебя не увидели.

— Не могу. Везде навоз. Кстати, слышала поговорку: над плачущим в Новый год смеются даже вороны.

— Какая разница. Я просто…

— Давай я буду смеяться. Как тот самурай у ивы. Хохотать над тобой. Первый повод для смеха в новом году. Согласна?

— Да. Смейся сколько угодно!

— Не могу, — произнес Дзётаро, вытирая нос. — Готов спорить, что знаю причину твоих слез. Ты ревнуешь Мусаси к той женщине.

— Это… ты ошибаешься!

— Именно так. Я знаю. Они меня самого разозлили. Ты должна поговорить с Мусаси. Надо же выяснить, в чем дело.

Оцу не хотела выходить из укрытия, но Дзётаро настойчиво тянул ее, и ей пришлось уступить.

— Мне больно! — закричала она. — Не вредничай! Тебе не понять, каково мне сейчас.

— Знаю. Вне себя от ревности.

— Это не просто ревность.

— Хватит слов. Пошли!

Оцу и Дзётаро вышли из-за повозки. Оцу упиралась, Дзётаро тянул ее за собой.

— Смотри! — воскликнул он. — Акэми уже нет.

— Акэми? О ком ты?

— Девушка, с которой разговаривал Мусаси… Ой, Мусаси уходит! Если мы его не перехватим, он исчезнет!

Дзётаро, выпустив руку Оцу, помчался к мосту.

— Подожди! — крикнула Оцу, торопливо оглядываясь, чтобы удостовериться в отсутствии Акэми. Она почувствовала огромное облегчение, не увидев соперницу. Морщинка между бровями исчезла. Оцу, нырнув за повозку, вытерла глаза, пригладила волосы и расправила кимоно.

— Не копайся, Оцу! — нетерпеливо окликнул Дзётаро. — Мусаси спустился к реке. Не время наводить красоту!

— Где он?

— На берегу! Странно, почему он туда направился?

Они добежали до конца моста. Дзётаро, непрестанно извиняясь, бойко растолкал толпу и пробился к перилам.

Мусаси стоял перед лодкой, в которой дергалась Осуги, пытавшаяся освободиться от веревок.

— Прошу прощения, почтеннейшая, — произнес он. — Матахати, как выяснилось, не придет. Я не теряю надежды вскоре увидеть его и заставить действовать посмелее. И вы должны найти его и забрать с собой в деревню. Пусть живет с вами, как положено почтительному сыну. Это верный способ засвидетельствовать уважение к предкам, гораздо лучший, чем подношение им моей головы.

Мусаси, сунув руку под камышовые циновки, наваленные на Осуги, кинжалом перерезал веревки.

— Ты слишком красноречив, Мусаси. Я не нуждаюсь в твоих советах. Пошевели дурными мозгами и реши, кому быть убитым — тебе или мне.

Старуха выбралась из-под горы циновок. Синие вены выступили на ее лбу. Мусаси был уже на середине реки, с легкостью трясогузки перепрыгивая от мели к мели, от камня к камню. В считаные секунды он добрался до другого берега и поднялся на дамбу.

— Смотри, Оцу! Вот он! — крикнул Дзётаро, кубарем скатываясь к берегу. Оцу поспешила следом.

Ни на воде, ни на суше для проворного Дзётаро

не существовало преград. Оцу, облаченная в дорогое кимоно, застыла как вкопанная у кромки воды. Она громко окликала Мусаси.

— Оцу! — услышала она вдруг свое имя.

Оцу оглянулась и увидела Осуги. Оцу вскрикнула, невольно закрывшись на мгновение рукавом, и побежала. Старуха, тряся седыми космами, бросилась следом.

— Стой, Оцу! Негодница! Надо поговорить!

Пронзительные крики Осуги словно вздыбили воды Камо.

Старуха уже решила для себя, почему Оцу оказалась здесь. Осуги считала, что Мусаси связал ее, чтобы она не увидела его свидания с Оцу. «Затем, — рассуждала старуха, — Оцу чем-то рассердила Мусаси, и он в гневе ушел. Поэтому Оцу слезно умоляла его вернуться».

«Девчонка неисправима!» — думала Осуги, ненавидя Оцу яростнее, чем Мусаси. Она по-прежнему считала Оцу своей невесткой, не думая о том, что официального бракосочетания не было. Достаточно обещания, данного Оцу. Если Оцу возненавидела жениха, значит и к его матери она питает злобу.

— Подожди! — кричала Осуги, широко раскрывая лягушечий рот.

Оказавшись рядом, Дзётаро чуть не оглох от воплей.

— Что вы собираетесь делать, старая ведьма? — крикнул он, схватив старуху за руку.

— Пошел вон! — огрызнулась Осуги, отталкивая мальчишку.

Дзётаро впервые видел ее, не знал, почему убегает от нее Оцу, но сразу сообразил, что старуха очень опасна. Сын Аоки Тандзаэмона, единственный ученик Миямото Мусаси, он не мог стерпеть, чтобы какая-то старая карга толкала его костлявым локтем.

— Не смейте толкаться! — завопил Дзётаро.

Догнав старуху, он прыгнул ей на спину. Осуги стряхнула его с себя и, зажав его голову под мышкой, отвесила ему несколько увесистых шлепков.

— Дьяволенок! Я проучу тебя!

Оцу мчалась, ничего не видя перед собой. Голова шла кругом. Она была молода, полна надежд, подолгу не печалилась, как и все в ее возрасте. Для нее каждый новый день был подобен цветку в солнечном саду. Горести и неудачи составляли часть ее жизни, и Оцу старалась побыстрее забывать их. Она считала, что счастье не бывает и безмятежным.

В первый день нового года ее жизнелюбие подверглось двум ударам. «Почему, — спрашивала себя Оцу, — Осуги объявилась именно в это утро?»

Слезы и гнев не облегчили душу от пережитого потрясения. В голове мелькнула мысль о самоубийстве. Оцу прокляла всех мужчин на свете, как подлых лгунов. Она то сердилась, то приходила в отчаяние, ненавидя мир и презирая себя. Горе ее было так сокрушительно, что она не могла плакать или хладнокровно рассудить о случившемся. Ее душила ревность. Оцу упрекала себя в недостатке гордости и самообладания. Она твердила себе, что необходимо держать себя в руках. Ей, кажется, удалось скрыть порывы под маской сдержанности, как и подобает приличной молодой женщине.

Оцу не выдала себя ни единым движением, пока странная девушка была рядом с Мусаси. Когда Акэми исчезла, Оцу не могла больше сдерживаться. Она жаждала излить Мусаси все свои думы и чувства. Оцу не знала, с чего она начнет разговор с Мусаси, но твердо решила объясниться с ним.

Жизнь полна неожиданностей. Неточность, малейшая ошибка, допущенная под влиянием момента, способна на месяцы и годы предопре-

делить события. Потеряв на мгновение из виду Мусаси, Оцу оказалась лицом к лицу с Осуги.

В прекрасное новогоднее утро в сад грез Оцу заползли змеи.

Ночной кошмар стал явью. Оцу не раз снилась зловещая физиономия Осуги, и теперь грозная личина предстала ей в неумолимой реальности. Пробежав несколько сот метров, Оцу выбилась из сил. Она задыхалась. Оцу остановилась и оглянулась — Осуги рьяно лупила Дзётаро. Дзётаро отчаянно сопротивлялся, дрыгая ногами и молотя кулаками в воздухе, изредка попадая в старуху.

Оцу знала, что Дзётаро вот-вот схватится за деревянный меч. Было ясно, что и старуха без колебаний пустит в дело короткий меч. Осуги была из сильных духом. Над жизнью Дзётаро нависла угроза.

Оцу оказалась в безвыходном положении: надо спасать мальчика, но она не могла заставить себя подойти к Осуги.

Дзётаро вытащил деревянный меч из-за пояса, но освободить голову из тисков старухи он не смог.

— Ублюдок! — ехидно каркала Осуги. — Что брыкаешься? Лягушкой хочешь стать?

Ее физиономия с торчащими по-заячьи зубами

сияла злобным торжеством. Волоча Дзётаро за собой, Осуги твердой поступью надвигалась на Оцу.

Старуха воспряла духом, увидев страх во взгляде Оцу. Осуги сообразила, что выбрала неправильную тактику. Столкнись она с Мусаси, ее коварство было бы мгновенно разгадано, но перед ней была Оцу, нежная, наивная девушка, которую легко обмануть, притворившись сердечной и искренней. «Сначала опутаем ее словами, — ухмыляясь, подумала Осуги, — а потом зажарим на ужин».

— Оцу! — наигранно жалобно позвала Осуги. — Почему ты убегаешь? Пускаешься наутек, едва завидев меня? Скрылась от меня в харчевне «Микадзуки». Не пойму тебя. Ты заблуждаешься, у меня и в мыслях нет злобы против тебя.

На лице Оцу появилось сомнение.

— Правда, бабушка? Не обманываешь? — спросил зажатый под мышкой старухи Дзётаро.

— Сущая истина! Оцу совсем меня не понимает и почему-то боится.

— Тогда отпусти меня, и я приведу Оцу.

— Какой скорый! Вдруг ударишь меня мечом и убежишь?

— Разве я трус? Никогда не поступлю так. Хочу

разобраться, из-за чего мы деремся.

— Хорошо. Иди и скажи Оцу, что я больше не сержусь на нее. Прежние обиды в прошлом. После смерти дядюшки Гона я странствую одна, нося его прах с собой. Я одинокая старая женщина, которой негде преклонить голову. Передай, что я по-прежнему считаю ее дочерью, независимо от моего отношения к Мусаси. Я не прошу ее вернуться в деревню и выйти замуж за Матахати. Хочу, чтобы Оцу выслушала и пожалела меня.

— Хватит! А то я забуду, что ты мне наговорила.

— Хорошо, передай то, что запомнил.

Дзётаро побежал к Оцу и повторил ей слова Осуги. Старуха, демонстративно отвернувшись, села на камень и стала наблюдать за стайкой рыбок, резвившихся на мелководье. Придет ли Оцу? Старуха искоса бросила молниеносный взгляд на девушку.

Оцу колебалась, но Дзётаро убедил ее в том, что опасности нет. Она робко двинулась к старухе, которая, широко улыбаясь, торжествовала победу.

— Оцу, девочка моя! — по-матерински ласковым голосом заговорила Осуги.

— Почтеннейшая госпожа Хонъидэн, — отозвалась Оцу, склоняясь у ее ног. — Простите

меня. Пожалуйста, простите. У меня нет слов для оправданий.

— Ничего не говори! Всему виной Матахати, но он по сей день сожалеет, что ты разлюбила его. Признаюсь, я когда-то плохо думала о тебе, но теперь все минуло, утекло, как вода под мостом.

— Значит, вы прощаете мои проступки?

— Как бы тебе сказать? — ответила Осуги менее решительно, подсаживаясь поближе к Оцу.

Машинально ковыряя песок, Оцу вырыла маленькую ямку, в которую мгновенно набралась холодная вода.

— Я прощаю тебя как мать Матахати, но не хочешь ли поговорить с ним? Он сам связался с другой женщиной и, по-моему, не попросит тебя вернуться. Я и сама не позволю ему такой прихоти. Однако…

— Что?

— Может быть, ты повидаешься с ним? Я ему выскажу все без обиняков, выполнив материнский долг. Я успокоюсь, сделав все, что от меня зависело.

— Да-да, — ответила Оцу.

Крошечный краб вылез из песчаной норки и спрятался за камнем. Дзётаро, поймав краба, подошел сзади к Осуги и незаметно посадил его

на макушку старухи.

— Думаю, что мне лучше не видеться с Матахати, — продолжала Оцу.

— Я ведь буду рядом. Правильнее будет встретиться и открыто порвать с ним.

— Да, но…

— Договорились. Стараюсь для твоего же блага.

— Если я соглашусь, то как мы найдем Матахати? Вам известно, где он?

— Уж я-то его вмиг отыщу! Недавно я его видела в Осаке. Мы вместе были в Сумиёси, когда он раскапризничался, по обыкновению, устроил скандал и оставил меня. Он всегда раскаивается в таких вспышках. Непременно со дня на день появится в Киото, чтобы отыскать меня.

Оцу подспудно чувствовала, что Осуги не говорит всей правды, но непоколебимая вера старухи в никчемность сына возымела действие. Оцу согласилась на встречу главным образом потому, что предложение Осуги показалось ей правильным.

— А если я помогу вам найти Матахати? — спросила Оцу.

— О, доброе дитя! — воскликнула Осуги, сжимая руку Оцу.

— Да, по-моему, вам следует помочь.

— Пойдем ко мне в гостиницу… Ой! Что это?

Старуха вскочила, пошарила по вороту кимоно и поймала краба.

— Откуда он? — с отвращением воскликнула она, швыряя краба на песок.

Дзётаро сдавленно фыркнул, но Осуги провести было не просто.

— Ты безобразничаешь?

— Я ни при чем! — ответил Дзётаро, на всякий случай отбежав подальше к дамбе. — Оцу, ты уходишь в ее гостиницу?

Осуги не дала Оцу открыть рот.

— Да, идет со мной. Я остановилась в гостинице у подножия горы Саннэн. Я всегда там живу, бывая в Киото. Ты нам больше не нужен, ступай своей дорогой.

— Я буду в доме Карасумару. Оцу, приходи, когда закончишь свои дела.

— Подожди, Дзётаро! — забеспокоилась Оцу, не желая отпускать его.

Она побежала к дамбе, где стоял мальчик. Осуги поспешила следом, опасаясь, что Оцу передумает идти с ней. Оцу и Дзётаро успели поговорить без свидетелей.

— По-моему, стоит с ней пойти, — сказала

Оцу. — Я вернусь в дом Карасумару при первой возможности. Объясни все хозяину и попроси разрешения остаться у них, пока я не закончу свои дела.

— Не волнуйся, я дождусь тебя.

— Пожалуйста, найди Мусаси!

— Опять за свое! Увидишь его, так прячешься, а потом жалеешь. Не говори потом, что я тебя не предупреждал.

— Глупо поступила.

Осуги вклинилась между Оцу и мальчиком. Все трое направились к мосту. Старуха исподлобья бросала колючий взгляд на Оцу, которой она не доверяла до конца. Оцу, не имея доказательств грозящей ей опасности, в глубине души чувствовала, что угодила в западню.

Когда они ступили на мост, солнце стояло высоко над соснами и ивами, а улицы пестрели новогодней толпой. У объявления, выставленного на мосту, собралось много народу.

— Кто такой Мусаси?

— Что-то не встречал такого имени среди знаменитых мастеров меча.

— Впервые слышу.

— Должно быть, отважный боец, коли пошел на самого Ёсиоку. Стоит посмотреть!

Оцу замерла на месте как вкопанная. Осуги и Дзётаро тоже остановились, ловя обрывки разговора. Имя Мусаси пробегало по толпе, как рябь, поднятая на реке стайкой рыб.

Книга четвертая. Ветер

Пустошь

Фехтовальщики из школы Ёсиоки собрались на поле у развилки дорог, ведущих в Нагасаки и Тамбу. За аллеей деревьев ослепительно сверкала заснеженная цепь гор, обступавших Киото с северо-востока.

Кто-то из учеников школы предложил развести костер, потому что совсем застыл от прикосновения с собственными ножнами. Стояла ранняя весна, шел девятый день нового года. Дул пронизывающий ветер, и даже птицы, казалось, пели как-то печально.

— Хорошо горит!

— Поосторожней! Может поле загореться.

Ученики придвинулись к весело потрескивающему пламени, однако вскоре Уэда, отгоняя руками дым, проворчал:

— Слишком большой огонь.

Взглянув на ученика, который хотел подбросить листьев в костер, он сказал:

— Хватит уже!

Прошел час.

— Уже седьмой час.

Все не сговариваясь посмотрели на солнце.

— Почти семь.

— Пора бы молодому учителю прибыть.

— В любую минуту появится.

Ученики вглядывались в дорогу, ведущую из города.

— Как бы не случилось чего!

Коровье мычание нарушило тишину. На поле когда-то стояли коровники для императорского стада, и здесь до сих пор бродили оставшиеся от него коровы.

Солнце, поднимаясь выше, грело теплее, воздух наполнялся запахом сухой травы и навоза.

— Мусаси, верно, уже поджидает на поле у храма Рэндайдзи.

— Пожалуй.

— Пусть кто-нибудь посмотрит, идти недалеко.

Никому не хотелось отходить от костра. Все примолкли, отворачивая лица от густых клубов дыма.

— Может, произошла какая-то путаница?

— Нет, Уэда договорился обо всем с молодым учителем вчера вечером. Недоразумения исключены.

— Не удивлюсь, если Мусаси уже на месте поединка, — вступил в разговор Уэда. — Молодой учитель может намеренно запоздать, чтобы про-

тивник понервничал. Подождем еще немного. Нам нужно действовать осмотрительно и не давать повод злословить, что мы пришли на помощь молодому учителю. Молва запятнает честь школы. Будем терпеливо ждать его. Да и кто такой Мусаси? Простой ронин! Сплетни приписывают ему способности, которых на деле нет.

Ученики, видевшие Мусаси в прошлом году в додзё Ёсиоки, думали иначе, однако и они не допускали мысли о поражении Сэйдзюро. Вся школа настроилась на неизбежную победу учителя, однако ученики знали, что нельзя исключать случайности. О поединке было извещено публично, поэтому ожидался наплыв зрителей, что привлекло бы внимание к школе Ёсиоки и повысило бы авторитет их учителя.

Несмотря на предупреждение Сэйдзюро, что помощь учеников ему не понадобится ни при каких условиях, в это утро у развилки дорог их собралось человек сорок, чтобы поддержать боевой дух учителя и на всякий случай быть под рукой. Среди них был Уэда Рёхэй с пятью другими бойцами из числа «Десяти меченосцев дома Ёсиоки».

Было половина восьмого. Увещевания Уэды не успокоили учеников. Зрители, собравшиеся посмотреть поединок, недоумевали.

— Где Мусаси?

— А второй — Сэйдзюро?

— А эти самураи что тут делают?

— Помощники, верно.

— Странный поединок. Помощники явились, а главных соперников нет как нет.

Толпа росла, гул голосов усиливался, но зрителям хватило благоразумия не приближаться к ученикам Ёсиоки. В ответ молодые самураи не обращали внимания на зевак, торчавших из зарослей тростника или примостившихся на ветвях деревьев.

Дзётаро деловито пробирался сквозь толпу, волоча за собой длинный меч и шаркая сандалиями не по размеру. Он разглядывал только женщин. «Нет! Опять не она! — бормотал он. — Что случилось с Оцу? Неужели она не знает о сегодняшнем поединке?» — удивлялся Дзётаро.

Оцу должна прийти. Мусаси грозила опасность. Что могло ей помешать?

Поиски вконец измотали Дзётаро. «Странно, — думал он. — Я не видел ее с новогоднего утра. Может, заболела? Подозрительно ласковой была старая карга. Может, обвела ее вокруг пальца? Вдруг Оцу в беде?»

Дзётаро переживал за Оцу больше, чем за по-

единок, исход которого был ему ясен. Все верили в победу Сэйдзюро, но только не Дзётаро, перед взором которого простиралась равнина Ханъя, а на ней учитель и грозные копьеносцы храма Ходзоин.

Дзётаро остановился. «Что-то здесь не так, — подумал он. — Почему весь народ здесь? В объявлении написано, что бой состоится на поле около храма Рэндайдзи».

Этот вопрос заинтересовал одного лишь Дзётаро.

— Эй, мальчик, подойди! — раздался из толпы повелительный голос.

Дзётаро узнал человека, который в новогоднее утро наблюдал за Мусаси и Акэми, когда они беседовали на мосту.

— Что вам угодно? — отозвался Дзётаро.

Сасаки Кодзиро, не спеша подойдя к мальчику, оглядел его с ног до головы.

— Тебя я недавно видел на улице Годзё?

— У вас прекрасная память.

— Ты был с какой-то женщиной.

— Да, ее имя Оцу.

— Оцу? Скажи-ка, она имеет какое-нибудь отношение к Мусаси?

— Вообще-то, да.

— Она его двоюродная сестра?

— У-у-хм.

— Сестра?

— Ну, это…

— Да кто же она ему?

— Она его любит.

— Они любовники?

— Не знаю. Я только ученик Мусаси. — Дзётаро гордо выпрямился.

— Вот почему ты здесь! Смотри, толпа волнуется. Ты должен знать, где Мусаси. Он сегодня выходил из гостиницы?

— Откуда мне знать? Я давно его не видел.

Несколько человек, проталкиваясь сквозь толпу, приближались к Кодзиро. Ястребиный взгляд Кодзиро устремился на них.

— Вот ты где, Сасаки!

— А, это ты, Рёхэй!

— Где пропадал? — спросил Рёхэй, сжимая руку Кодзиро, словно беря его в плен. — Десять дней не заглядывал в додзё. Молодой учитель хотел с тобой потренироваться.

— Что за беда? Зато сегодня я здесь.

Товарищи Рёхэя как бы невзначай взяли Кодзиро в кольцо. Все двинулись к костру.

Длинный меч и яркая одежда Кодзиро привлек-

ли внимание зевак.

Толпа всколыхнулась.

— Мусаси!

— Конечно!

— Никакого сомнения!

— Слишком вызывающе одет. Но не слаб, сразу видно.

— Это не Мусаси! — возмущенно крикнул Дзётаро. — Мусаси совсем не похож на него. Мусаси никогда не одевается как актер в театре Кабуки.

Не слышавшие замечания Дзётаро вскоре поняли свою ошибку. Недоумение зрителей возрастало.

Кодзиро разговаривал с учениками Ёсиоки, окидывая их презрительным взглядом. Те хмуро слушали.

— Считайте, что дому Ёсиоки повезло, потому что ни Сэйдзюро, ни Мусаси вовремя не явились, — говорил Кодзиро. — А вам лучше, разбившись на группы, перехватить Сэйдзюро и увести его домой, пока его не покалечили.

Наглый совет возмутил молодых самураев, но Кодзиро невозмутимо продолжал:

— Попомните мои слова, это лучшее, что вы можете сделать для вашего учителя. — Речь Кодзиро приобретала высокопарный оттенок. — Меня

послали небеса, чтобы помочь советом дому Ёсиоки. Вот мое предсказание: если бой состоится, Сэйдзюро проиграет. Не хотелось бы говорить, но Мусаси неминуемо побьет Сэйдзюро, а может, и убьет его.

Миикэ Дзюродзаэмон, выпятив грудь, с криком «Какое оскорбление!» двинулся на Кодзиро. Вцепившись в эфес, Дзюродзаэмон готов был выхватить меч из ножен. Кодзиро, смерив его презрительным взглядом, проговорил:

— Вам, видимо, не понравились мои слова. В таком случае примите мои извинения. В моей помощи, похоже, никто не нуждается.

Последние слова Кодзиро произнес с видом полного безразличия.

— Никто и не просил о помощи, — возразил один из учеников.

— Начнем с того, что это не так. В противном случае вам незачем было приглашать меня погостить в доме Ёсиоки. Сэйдзюро и все вы старались во всем угодить мне.

— Простое гостеприимство. Не задавайся!

— Ха-ха-ха! Оставим этот разговор, а то как бы не пришлось побить вас. Еще раз предупреждаю, вы горько пожалеете, если пренебрежете моим советом. Я оценил способности обоих. Уверен в

поражении Сэйдзюро. В новогоднее утро я видел Мусаси на мосту на улице Годзё. Достаточно взгляда, чтобы понять, насколько он опасен. Ваше извещение о поединке следует воспринимать как траур по дому Ёсиоки. Мир так устроен, что люди никогда не замечают, как уходит их время.

— Замолчи! Явился, чтобы наговорить нам всякой ерунды?

— Люди, которые катятся к гибели, имеют обыкновение отталкивать руку помощи, — едко заметил Кодзиро. — Дело ваше! Сегодня все прояснится. Часа через два убедитесь, кто из нас прав.

— Тьфу! — плюнул Дзюродзаэмон в Кодзиро. Все сорок учеников сделали шаг вперед, лица их потемнели от гнева.

Кодзиро не растерялся. Отскочив в сторону, он принял боевую стойку. Не осталось и следа от его былой приветливости. Казалось, он нарочно подогревал учеников, чтобы привлечь к себе внимание любопытной толпы и принизить значение поединка между Мусаси и Сэйдзюро.

Зеваки с интересом наблюдали за разгорающейся ссорой. Драка обещала быть интересной, хотя они пришли сюда за более захватывающим зрелищем.

В круг молодых самураев ворвалась девушка.

За ней пушистым шаром неслась маленькая обезьянка. Встав между Кодзиро и учениками Ёсиоки, девушка воскликнула:

— Кодзиро! Где Мусаси?

— Что это значит? — зло спросил Кодзиро.

— Это Акэми! Зачем она здесь? — воскликнул один из учеников.

— Почему ты пришла? Я ведь запретил! — продолжал Кодзиро.

— Я не твоя собственность! Почему бы мне не быть здесь?

— Замолчи и немедленно уходи. Ступай в «Дзудзуя»! — закричал Кодзиро, легонько подталкивая Акэми в спину.

Тяжело дышавшая Акэми решительно покачала головой.

— Не командуй! Я живу с тобой, но я не твоя вещь. Я… — Акэми громко разрыдалась. — Как ты смеешь приказывать после всего, что наделал? Ты запугивал и мучил меня, когда я призналась, что волнуюсь за Мусаси. Связал и бросил меня в гостинице.

Кодзиро хотел было возразить, но Акэми не давала ему говорить.

— Сосед, услышав крики, развязал меня. Я хочу видеть Мусаси.

— Ты в своем уме? Не видишь, что кругом народ? Замолчи!

— Нет! Мне безразлично, слышат нас или нет. Ты говорил, что Мусаси убьют сегодня утром. Если его не сразит Сэйдзюро, то ты убьешь его сам. Считай меня сумасшедшей, но я люблю единственного человека на свете — Мусаси. Я должна его видеть. Где он?

Кодзиро прищелкнул языком, но не мог соперничать с красноречием Акэми. Слова Акэми звучали неправдоподобно для людей Ёсиоки, однако они внимательно слушали ее. Получалось, что Кодзиро заманил Акэми притворной лаской, а потом издевался над нею.

Застигнутый врасплох, Кодзиро испепелял Акэми злобным взглядом.

Внимание собравшихся вдруг переключилось на одного из помощников Сэйдзюро, юношу по имени Тамихати, который бежал по полю к толпе, дико размахивая руками.

— На помощь! — кричал он. — Молодой учитель! Они встретились с Мусаси! Молодой учитель ранен! Это ужасно!

— Что он там несет?

— Молодой учитель? Мусаси?

— Где? Когда?

— Тамихати, говори толком!

Посыпался град вопросов. Ученики школы Ёсиоки мгновенно побледнели.

Тамихати кричал что-то невразумительное. Не ответив ни на один вопрос, он повернулся и бросился назад по направлению к Тамбе. Потерянные, Рёхэй, Уэда, Дзюродзаэмон и все остальные кинулись следом, как стадо животных в горящем поле.

Пробежав с полкилометра, они оказались у пустынного поля, отделенного от дороги аллеей деревьев. Вокруг царили тишина и покой, земля грелась на весеннем солнышке, свистели дрозды и сорокопуты. Распугивая птиц, Тамихати продирался сквозь высокую прошлогоднюю траву. Взбежав на холмик, похожий на древнюю усыпальницу, он упал на колени, возопив:

— Молодой учитель!

Подбежавшие следом молодые самураи замерли на месте. Сэйдзюро, одетый в кимоно с голубым рисунком, с рукавами, подвязанными кожаными тесемками, с белой повязкой на голове лежал неподвижно среди сухой травы.

— Молодой учитель!

— Мы здесь! Что случилось?

Ни на белой повязке, ни на рукавах, ни на траве

крови не было, но в глазах Сэйдзюро застыла невыносимая боль. Губы были цвета дикого винограда.

— Он… он дышит?

— Едва.

— Быстро поднимайте его!

Один из учеников взялся за правую руку Сэйдзюро, чтобы поднять его. Сэйдзюро пронзительно вскрикнул.

— Найдите, на чем его можно понести!

Четверо бросились к стоявшему невдалеке крестьянскому дому и притащили оттуда ставень. Сэйдзюро осторожно переложили на ставень. Молодой учитель корчился от боли. Несколько учеников, сняв пояса, привязали его к носилкам. Подхватив ставень, ученики молча направились к дороге.

Сэйдзюро неистово бил ногами, доски трещали от его ударов.

— Мусаси… Он ушел? Ой, как больно! Правая рука… Плечо… Кость… Невыносимо! Отсеките! Оглохли? Отсеките мне руку!

Молодые самураи от страха прятали глаза. Они несли поверженного учителя. Видеть его в таком состоянии было верхом неприличия для них.

Несшие Сэйдзюро окликнули Рёхэя и Дзюро-

дзаэмона.

— Он ужасно страдает, просит отсечь руку. Может, ему тогда станет легче?

— Не мелите чепуху! — заревел Рёхэй. — Ему больно, но он не умрет. Если отсечь руку, то не остановим кровь, а это смерть. Надо поскорее донести его до дома, и там решим, что делать. Если следует отсечь руку, то прежде надо предотвратить потерю крови. Двоим надо побежать вперед и доставить лекаря в школу.

Зеваки стояли на обочине дороги, молча взирая на процессию. Рёхэй скорчил недовольную гримасу:

— Разгоните этих бездельников! Здесь не театр.

Молодые самураи, получив возможность разрядиться, ретиво набросились на зрителей, которые бросились врассыпную, как вспугнутая саранча.

— Тамихати, подойди! — сердито подозвал Рёхэй, словно обвиняя юношу в случившемся несчастье.

Заплаканный Тамихати, шедший за носилками, сжался от страха.

— Ты был с молодым учителем, когда он вышел из дома?

— Да.

— Где он готовился к бою?

— Здесь, на поле.

— Он знал, где мы ждали его. Почему он сначала не встретился с нами?

— Не знаю.

— Мусаси явился первым?

— Стоял на холмике, где… где…

— Он был один?

— Да.

— Как было дело?

— Молодой учитель, глядя мне в глаза, сказал, что в случае его смерти я должен перенести его тело на другое поле, где вы ждали его с рассвета. До окончания поединка он запретил мне кого-либо извещать о его присутствии. Сказал, что бывают моменты, когда приверженцы «Искусства войны» обязаны рисковать, что он не хочет бесчестной победы. Потом он пошел навстречу Мусаси.

Тамихати говорил торопливо, словно боялся, что не успеет закончить рассказ.

— И что было потом?

— Я взглянул на Мусаси. Мне показалось, что он слегка улыбался. Оба обменялись приветствиями. Потом… раздался крик, прокатившийся от одного края поля до другого. Я увидел, как дере-

вянный меч молодого учителя взлетел в воздух. Потом… потом я увидел, что стоит один лишь Мусаси. У него на лбу была оранжевая повязка, а волосы распущены.

Зеваки исчезли с дороги. Ученики, подавленные и хмурые, несли ставень, стараясь идти в ногу, чтобы не трясти раненого.

— Что это? — подал голос один из них, взглянув на придорожную сосну.

Самураи опустили носилки, один потер шею, другой посмотрел на небо. Сухие сосновые иголки посыпались на Сэйдзюро. Высоко на ветке сидела обезьянка Кодзиро и с безразличным видом непристойно кривлялась.

— Ой! — вскрикнул один юноша, когда сосновая шишка угодила ему в лицо. Выхватив из ножен кинжал, он метнул его в зверька, но промахнулся.

Раздался свист, обезьянка, кувырнувшись, слетела с дерева на плечо хозяина, стоявшего под деревом. Рядом с Кодзиро была Акэми. Люди Ёсиоки мрачно смотрели на Кодзиро. Тот пристально вглядывался в Сэйдзюро. Обычная ухмылка Кодзиро сменилась серьезностью, даже благоговейным почтением. Он морщился, словно стоны раненого причиняли ему боль. Ученики

Ёсиоки решили, что Кодзиро умышленно поджидал их здесь, чтобы злорадно торжествовать свою правоту.

— Не теряйте времени! Подумаешь, шишка упала из-за жалкой обезьяны! — подгонял товарищей Рёхэй.

— Стойте! — сказал Кодзиро и, подойдя к носилкам, обратился к Сэйдзюро: — Как это случилось? — Не дожидаясь ответа, он продолжал: — Мусаси оказался сильнее. Куда пришелся удар? В правое плечо? Плохи дела, кость раздроблена. Рука теперь как мешок с песком. Нельзя переносить толчки, лежа на носилках. Кровь может ударить в голову.

Кодзиро властно скомандовал ученикам:

— Ставень на место! Не слышите? Делайте, что вам говорят!

Сэйдзюро, казалось, находился на пороге смерти, но Кодзиро заставил его встать.

— Встанешь, если захочешь! Рана не такая уж серьезная. Перебита только правая рука. Ты сможешь идти сам, если попытаешься. Левая рука невредима. Забудь про себя! Вспомни покойного отца! Он заслуживает большего уважения, чем ты ему оказываешь сейчас. Прокатиться на ставне по улицам Киото! Прекрасный способ почтить

память родителя!

Сэйдзюро смотрел на Кодзиро отрешенным оловянным взглядом. Неожиданно он резко поднялся на ноги. Перебитая правая рука свисала ниже левой.

— Миикэ, — позвал Сэйдзюро.

— Да, учитель!

— Отсеки ее!

— К-как?..

— Что стоишь? Руби руку!

— Но…

— Трус! Уэда, отсеки руку! Сию минуту!

— Да-да, учитель!

Уэда не успел сделать шагу, как вмешался Кодзиро:

— Если хочешь, я выполню твою просьбу.

— Сделай милость! — ответил Сэйдзюро.

Кодзиро, подняв руку Сэйдзюро, вытащил короткий меч и молниеносным движением отсек ее. Рука упала на землю, из культи хлынула кровь.

Сэйдзюро пошатнулся, но его подхватили ученики. Культю перетянули жгутом, чтобы остановить кровь.

— А теперь я пойду, — произнес Сэйдзюро. — В свой дом я войду сам.

Лицо его стало восковым. Он сделал несколько шагов, оставляя за собой кровавый след.

— Осторожней, молодой учитель!

Ученики взяли Сэйдзюро в кольцо, как обручи бочку. Они возмущались поступком Кодзиро. Один из учеников проворчал:

— Зачем этот надутый болван отрубил руку? С рукой было лучше.

Сэйдзюро, пристыженный словами Кодзиро, упрямо сказал:

— Я сказал, что дойду сам!

Собрав всю силу воли, Сэйдзюро сделал шагов двадцать. Затем еще двадцать. Покачнувшись, он лишился чувств.

— Быстро! Мы должны доставить его к лекарю!

Ученики, подхватив Сэйдзюро, торопливо понесли его на улицу Сидзё. У Сэйдзюро не было сил возражать.

Кодзиро, стоя под деревом, молча наблюдал за суетой. Обернувшись к Акэми, он насмешливо спросил:

— Видела? Думаю, ты немного утешилась.

Смертельно бледная, Акэми метнула в него уничтожающий взгляд. Кодзиро продолжал, словно не заметив ее настроения:

— Ты упрямо твердила, что хочешь отомстить

ему. Довольна? Достаточная плата за утраченную невинность?

Акэми растерянно молчала. Сейчас Кодзиро казался куда страшнее и отвратительнее самого Сэйдзюро. Ёсиока причинил ей горе, но не был подлым человеком и бессердечным негодяем. Натура Кодзиро была низкой от природы. Он был не просто вредным человеком, какие нередко встречаются, а извращенным типом, который никому не делает добра и наслаждается чужими страданиями. Кодзиро никогда не обманет и не украдет, но он гораздо опаснее обыкновенных разбойников.

— Пора домой! — сказал Кодзиро, сажая на плечо обезьянку.

Акэми так и подмывало убежать от него, но она не решалась.

— Сейчас нет смысла искать Мусаси, — продолжал он как бы про себя, но одновременно обращаясь к Акэми. — После боя ему незачем оставаться поблизости отсюда.

Акэми размышляла, почему она не может воспользоваться случаем, чтобы вырваться на свободу, оставить этого страшного человека. Проклиная себя за глупость, Акэми покорно плелась за Кодзиро. Обезьянка, попискивая, скалила на

Акэми белые зубы.

Акэми хотелось приструнить зверька, но она не могла. Ей чудилось, что они связаны с обезьянкой одной судьбой. Акэми, вспомнив, как жалко выглядел Сэйдзюро, преисполнилась состраданием к нему. Презирая людей, подобных Сэйдзюро и Кодзиро, она все же тянулась к ним, как мотылек к огню.

Одаренный человек

«Я победил, — сказал себе Мусаси, покидая поле. — Я побил Ёсиоку Сэйдзюро и сокрушил школу фехтования Киото».

Победа не радовала. Мусаси шел с опущенной головой, шурша прошлогодней листвой. Вспорхнувшая птичка мелькнула грудкой, белой, как рыбье брюшко.

Мусаси бросил последний взгляд на молодые сосны на холмике, где он встретил Сэйдзюро. «Всего один удар меча, — думал Мусаси. — Может, он выжил». Мусаси еще раз проверил, нет ли крови на его деревянном мече.

Утром, подходя к месту поединка, Мусаси ожидал увидеть с Сэйдзюро и учеников школы, готовых на любой вероломный поступок. Мусаси не исключал для себя смертельного исхода, поэтому вымыл голову и почистил зубы солью, чтобы не выглядеть неряшливым в последний час жизни.

Сэйдзюро оказался гораздо слабее, чем ожидал Мусаси. Он даже засомневался, действительно ли перед ним сын Ёсиоки Кэмпо. Мусаси не верилось, что холеный молодой человек с изыс-

канными манерами и есть лучший знаток стиля Киото. Сэйдзюро был слишком тщедушен, утончен и элегантен для выдающегося мастера меча.

После обмена приветствиями Мусаси с досадой подумал: «Напрасно я ввязался в поединок с ним». Сожаление было искренним, потому что Мусаси всегда сражался только с более сильным противником. Беглого взгляда на соперника хватило, чтобы понять: для боя с Сэйдзюро не требовались годы тренировок. Во взгляде Ёсиоки не было уверенности. Боевого пыла не чувствовалось ни во взоре, ни в осанке. «Зачем он здесь, если не уверен в себе?» — удивлялся Мусаси. Он сочувствовал Сэйдзюро, разгадав его состояние. Сэйдзюро при всем желании не мог уйти от боя. Ученики, доставшиеся ему в наследство от отца, видели в нем учителя и наставника, поэтому Сэйдзюро оставалось лишь испить до дна уготованную судьбой чашу. Когда оба приняли боевые позиции, Мусаси отчаянно пытался найти предлог для отмены поединка, но подходящего повода не было.

Поединок закончился, и Мусаси подумал: «Какое несчастье! Зря я с ним связался!» Он про себя помолился за скорое исцеление Сэйдзюро.

Случившегося не вернуть. Дело сделано, и

зрелому воину не пристало проливать слезы сожаления.

Мусаси ускорил шаг. Внезапно из травы высунулось лицо пожилой женщины. Она, верно, что-то собирала в траве, и шаги Мусаси вспугнули ее. Женщина была в легком однотонном кимоно, по цвету неотличимом от травы. В глаза бросался лишь пурпуровый пояс. Кимоно было обыкновенное, однако головной убор выдавал в ней монахиню. Женщина лет семидесяти была маленькой, хрупкого сложения.

Мусаси удивился не меньше женщины. Еще шаг, и он наступил бы на нее.

— Что вы ищете? — вежливо спросил Мусаси.

В одной руке женщина держала корзину с молодыми побегами полевых трав, в другой — четки, полуприкрытые рукавом. Руки и четки слегка дрожали.

Желая успокоить женщину, Мусаси беззаботно заметил:

— Не думал, что так рано можно собирать зелень. Весна, похоже, уже близко. У вас в корзине и петрушка, и рапс, и сушеница. Это вы сами собрали?

Старая монахиня, выронив корзинку, с криком «Коэцу! Коэцу!» побежала прочь. Мусаси

изумленно смотрел, как пожилая миниатюрная монахиня убегает от него по направлению к небольшому холмику посреди поля. Струйка дыма поднималась из-за холмика.

Мусаси решил, что монахиня напрасно бросила собранную зелень, и, взяв корзину, пошел следом. Поднявшись на холмик, он увидел монахиню и двух ее спутников.

На солнечной, южной, стороне пологого склона лежал коврик, на котором были приготовлены принадлежности для чайной церемонии. Рядом на костре кипел чайник и стоял кувшин с водой. Семья, видимо, готовила чайную церемонию на природе.

Один из мужчин походил на слугу. Второй — лет сорока восьми — был, вероятно, сыном монахини. Он напоминал ожившую фарфоровую фигурку аристократа из Киото. Гладкое, дородное лицо излучало спокойную уверенность. Брюшко и неторопливые манеры завершали образ.

Коэцу. Кто не слышал это знаменитое имя! Каждый в Киото знал Хонъами Коэцу. Поговаривали не без зависти, что сказочно богатый Маэда Тосиэ, князь Каги, даровал Коэцу ежегодное жалованье в двести коку риса. Коэцу, обыкновенный горожанин, мог бы припеваючи жить на

одно жалованье, но он постоянно получал знаки внимания от Токугавы Иэясу и был вхож в дома высшей аристократии. Проезжая мимо его лавки, представители высшего сословия спешивались, дабы не выказать высокомерного отношения к Коэцу.

Фамилия Хонъами произошла от названия переулка, в котором жил Коэцу. Он занимался полировкой и оценкой мечей. Семейство было известно со времен первых сёгунов Асикаги, а в эпоху Муромати достигло зенита славы. Позднее семейству покровительствовали старинные кланы даймё: Имагава Ёсимото, Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси.

Коэцу слыл в Киото одаренным человеком. Он писал картины, занимался керамикой и лаковой росписью, считался знатоком искусств. Коэцу особо выделял среди своих талантов каллиграфию. В искусстве каллиграфии он не уступал признанным авторитетам Сёкадо Сёдзё, Карасумару Мицухиро и Коноэ Нобутаде, последнему создателю известного стиля Саммякуин, который теперь снискал необычайную популярность.

Несмотря на оказываемые почести, Коэцу считал, что его не ценят в полной мере, во всяком случае, об этом свидетельствует следующая исто-

рия. Однажды Коэцу находился в гостях у Коноэ Нобутады, который был не только одним из знатнейших аристократов, но и левым министром при императорском дворе. По обыкновению, речь зашла о каллиграфии. Нобутада спросил: «Коэцу, назови трех крупнейших каллиграфов страны». Коэцу не колеблясь ответил: «Второй — это вы, третий — Сёкадо Сёдзё». Озадаченный Нобутада спросил: «Ты начал со второго. Кто же первый?» — «Разумеется, я», — без улыбки отозвался Коэцу, глядя в глаза Коноэ.

Мусаси остановился на некотором удалении от Коэцу и его спутников. Коэцу держал кисть, на коленях у него лежала стопка бумаги. Он рисовал бегущие воды ручья. Вокруг были разбросаны наброски. Глядя на расплывчатые волнистые линии, Мусаси подумал, что такое мог нарисовать и любитель.

— Что случилось? — невозмутимо спросил Коэцу, на секунду оторвавшись от бумаги. Он окидывал взглядом Мусаси и перепуганную мать, спрятавшуюся за спину слуги.

Мусаси почувствовал себя спокойнее в присутствии этого человека. Коэцу принадлежал к кругу людей, с которыми Мусаси встречался не каждый день, но он излучал необъяснимую притягатель-

ность. В глазах Коэцу таился глубокий теплый свет. Мгновение, и в них заиграла улыбка, словно он узнал в Мусаси старинного знакомого.

— Добро пожаловать, молодой человек! Матушка чем-то помешала вам? Мне сорок восемь, можете вообразить, сколько ей. Здоровье у нее крепкое, но порой она жалуется на зрение. Если она допустила оплошность, примите мои извинения.

Коэцу, отложив кисть и бумагу, склонился было в низком поклоне. Поспешно опустившись на колени, Мусаси попытался остановить его.

— Вы ее сын? — смущенно спросил Мусаси.

— Да.

— Я должен извиниться перед вами. Не знаю, право, что испугало вашу матушку, но при виде меня она уронила корзину и бросилась бежать. Мне стало жаль рассыпанную зелень. Я собрал траву и принес. Вот и все. Вам нет нужды извиняться.

Ласково посмеиваясь, Коэцу обратился к матери:

— Слышала, мама? Напрасно испугалась.

Монахиня вышла из-за спины слуги.

— Значит, ронин не хотел меня обидеть?

— Обидеть? Вовсе нет! Смотри, он даже принес

твою корзину. Весьма любезно с его стороны.

— Извините меня! — проговорила монахиня, склонившись в глубоком поклоне и касаясь лбом четок на запястье. Успокоившись, она с веселой улыбкой обратилась к сыну: — Стыдно признаться, но, когда я увидела молодого человека, мне почудился запах крови. Я очень испугалась. Оцепенела от страха. Теперь вижу, что ошиблась.

Проницательность старой женщины поразила Мусаси. Она вмиг разгадала его суть и простодушно изложила ее. В ее представлении Мусаси был кровавым и грозным существом.

Пронизывающий взгляд, грива волос, настороженность и готовность Мусаси сокрушить любого в ответ на малейший выпад не ускользнули от внимания Коэцу, но он пытался найти в Мусаси человеческие черты.

— Если вы не спешите, посидите с нами. Здесь тихо и покойно. На лоне природы чувствуешь себя очищенным и умиротворенным.

— Соберу еще немного зелени и приготовлю вам похлебку, а потом чай, — сказала монахиня. — Вы любите чай?

Рядом с Коэцу и его матерью Мусаси чувствовал покой и гармонию со всем миром. Он скрывал воинственность, как кошка поджимает когти. Со

стороны нельзя было подумать, что он находится с незнакомыми людьми. Мусаси не заметил, как снял соломенные сандалии и присел на коврике. Не стесняясь, Мусаси задал несколько вопросов и вскоре узнал, что мать Коэцу приняла монашеское имя Мёсю, что в мирской жизни она была примерной женой и хозяйкой, что сын ее действительно тот знаменитый знаток искусств и мастер. Фамилию Хонъами знал каждый профессионал-фехтовальщик. Никто лучше Хонъами не разбирался в мечах.

Мусаси не воспринимал собеседников как людей влиятельных и знаменитых. Для него они были случайные знакомые, которых он встретил в пустынном поле. Мусаси настроил себя на такой лад, чтобы не чувствовать скованности и не портить отдых семейству Коэцу.

Снимая кипящий чайник с костра, Мёсю спросила сына:

— Сколько, по-твоему, лет этому молодому человеку?

— Около двадцати пяти, — ответил Коэцу, взглянув на Мусаси.

— Только двадцать три, — покачал головой Мусаси.

— Неужели? — воскликнула Мёсю и стала за-

давать обычные при первой встрече вопросы: откуда он родом, живы ли его родители, где учился владеть мечом.

Мёсю говорила с ним как с внуком, и в Мусаси проснулся мальчишка. Забыв об этикете, он заговорил увлеченно и искренне. Жизнь Мусаси состояла из самодисциплины и суровых тренировок, он выковывал себя в клинок высшей пробы и не ведал ничего, кроме фехтования. Доброжелательность старой монахини растопила привычную сдержанность.

Мёсю, Коэцу, чайные принадлежности на коврике удивительно гармонично вписывались в природу. Мусаси почувствовал нетерпение, у него не было привычки подолгу сидеть на одном месте. Он радовался, когда они беседовали, но когда Мёсю погрузилась в созерцание чайника, а Коэцу вернулся к эскизам, Мусаси стало невмоготу. «Что они нашли в этом поле? — удивлялся он. — Холодно, до настоящей весны далеко.

Если им нужна зелень, то нужно дождаться тепла, да и народу вокруг будет побольше. Всему свое время. И цветов и трав полно в сезон. А если приспело заняться чайной церемонией, какая нужда тащить посуду в такую даль? В их богатом доме есть прекрасная комната для чаепитий.

Они, может, пришли сюда, чтобы рисовать?»

Заглядывая из-за спины Коэцу, Мусаси следил за быстрыми движениями кисти: художник не отрывал глаз от ручья, струящегося среди сухой травы. Он упорно пытался уловить движение прозрачных вод, но что-то ускользало от него. Не сдаваясь, Коэцу наносил на чистый лист волнистые линии.

«Рисование — не простая штука», — подумал Мусаси, с любопытством наблюдая за кистью Коэцу. Мусаси понял, что Коэцу сейчас переживает те же чувства, что и он, когда выходит на поединок с противником. В какой-то момент Мусаси ощущал единение с природой, но это настроение пропадало, едва его меч поражал противника. Оставалось воспоминание о волшебном миге собственного превосходства.

«Коэцу смотрит на воду, как на врага, — рассуждал Мусаси. — Вот и не может нарисовать ее. Он должен мысленно слиться с водой, чтобы проникнуть в ее образ».

Скука перерастала в оцепенение, и Мусаси забеспокоился. Он не мог позволить себе минуты праздности. Пора в путь.

— Прошу простить меня, — решительно проговорил Мусаси и взялся за сандалии.

— Уже уходите? — спросила Мёсю.

Коэцу неторопливо обернулся:

— Не можете побыть с нами еще немного? Матушка сейчас приготовит чай. Насколько я знаю, сегодня утром вы дрались на поединке с главой дома Ёсиоки. Чай всегда полезен после боя, так, во всяком случае, считает князь Маэда. Чай укрепляет дух. Не знаю лучшего средства. По-моему, действие рождается из состояния покоя. Подождите немного, я к вам присоединюсь.

Значит, Коэцу знал о поединке! Может, в этом нет ничего необычного, ведь храм Рэндайдзи находится через поле от того места, где они сейчас сидели. Интересно другое — почему Коэцу раньше не упомянул о поединке? Воспринимал ли он сражение как нечто чуждое его миру?

Мусаси, взглянув на мать и сына, опустился на ковер.

— Если вы настаиваете… — произнес он.

— Угощений особых нет, но нам приятно ваше общество, — сказал Коэцу.

Коэцу, закрыв тушечницу, придавил ею рисунки, чтобы их не унес ветер. Крышка тушечницы сверкнула в его руках. Она, похоже, была позолоченной, с инкрустацией из серебра и перламутра. Мусаси наклонился, чтобы рассмот-

реть тушечницу. Крышка оказалась неяркой и роскошной. Прелесть ее состояла в том, что она повторяла в миниатюре многоцветную живопись с позолотой, которая украшала замки в период Момоямы. На тушечнице лежал отпечаток времени, тускловатая патина свидетельствовала о давно минувших славных днях. Мусаси любовался тушечницей, которая действовала на него успокаивающе.

— Я сам ее сделал, — скромно заметил Коэцу. — Нравится?

— Вы можете работать по лаку?

Коэцу молча улыбнулся. Произведение человеческих рук восхищало этого юношу больше, чем красота природы. «Впрочем, он ведь из провинции», — снисходительно подумал Коэцу.

— Тушечница изумительна! — восторженно продолжал Мусаси.

— Я сказал, что сделал ее своими руками, но стихи на ней написал Коноэ Нобутада. Так что это наше совместное произведение.

— Это те Коноэ, из которых происходят императорские регенты?

— Да. Нобутада — сын последнего регента.

— Муж моей тетки много лет служит у Коноэ.

— Как его зовут?

— Мацуо Канамэ.

— Я хорошо знаю Канамэ. Мы встречаемся в доме Коноэ. Канамэ иногда посещает и меня.

— Неужели?

— Матушка! Как тесен мир! Жена Мацуо Канамэ приходится ему тетушкой!

— Не может быть! — воскликнула Мёсю.

Мёсю расставила на коврике чашки. Видно было, что она в совершенстве знает чайную церемонию. Ее движения были грациозны и естественны. В свои семьдесят лет она была воплощением женственности и утонченности.

Мусаси страдал от сидения в официальной позе, которая, как он полагал, не отличалась от позы Коэцу. К чаю было подано пресное печенье, известное под названием «Ёдо Мандзю». Печенье изящно покоилось на зеленом листе явно нездешнего растения. Мусаси знал, что существуют строгие правила чайного этикета, так же как и в фехтовании. Наблюдая за Мёсю, он восхищался ее мастерством. Мусаси определил ее манеры в привычных понятиях фехтования: «Само совершенство. Не открывается ни с какой стороны». Когда Мёсю протянула ему чай, Мусаси поразился сверхъестественной отточенностью движений, не уступающей той, что демонстри-

руют выдающиеся фехтовальщики. «Это и есть Путь, сокровенная суть искусства. Ее необходимо постичь, чтобы добиться совершенства в любом деле», — думал Мусаси.

Его внимание привлекла чашка. Мусаси впервые в жизни присутствовал на чайной церемонии и не имел понятия об ее этикете. Чашка удивила его тем, что, казалось, была слеплена ребенком, игравшим с глиной. Цвет ее придавал густой зеленой пене на поверхности чая воздушность и безмятежность неба.

Мусаси беспомощно взглянул на Коэцу, который, съев печенье, бережно держал обеими руками чашку. Так оберегают что-то теплое в холодную ночь. В три глотка Коэцу выпил чай.

— Господин Коэцу, — обратился к нему растерянный Мусаси, — я темный деревенский парень и ничего не смыслю в чайной церемонии. Я даже не знаю, как правильно поднести чашку ко рту.

Мёсю мягко упрекнула его:

— Не имеет значения, милый юноша. В чайной церемонии не должно быть ничего вычурного или мистического. Если вы из деревни, так пейте, как принято у вас на родине.

— А так можно?

— Разумеется! Строгих правил нет. Они опреде-

ляются сердцем. Думаю, что и в Искусстве Меча так же заведено.

— Вы правы.

— Если думать об этикете, то чай не доставит наслаждения. Скованность во время фехтования неуместна, так? Она вредит гармонии меча и духа. Правильно?

— Да, госпожа.

Мусаси невольно склонил голову, ожидая продолжения урока.

Старая монахиня рассмеялась, голос звучал тонким серебряным колокольчиком.

— Какая нелепость! Рассуждаю о фехтовании, ничего в нем не смысля.

— Я выпью чай, — сказал Мусаси, не чувствуя прежней неловкости.

Он устроился поудобнее, скрестив затекшие в официальной позе ноги перед собой, и одним духом опорожнил чашку. Чай оказался очень горьким. Мусаси не сказал бы, что чай ему понравился, даже из вежливости.

— Еще одну?

— Нет, спасибо. Достаточно.

И что люди находят в такой горечи? Почему всерьез рассуждают о безыскусной чистоте аромата и прочем? Мусаси не мог взять в толк такие

тонкости, но его восхищение новыми знакомыми росло. Вероятно, в чае было нечто потаенное, недоступное его пониманию. Иначе чайная церемония не стала бы основой философской и эстетической школы, сутью жизни для многих ее последователей. Выдающиеся личности, подобные Хидэёси и Иэясу, не проявляли бы к ней вдумчивого интереса.

Мусаси вспомнил, что Сэкисюсай посвятил старость Тядо — Пути Чая, что Такуан часто говорил о достоинствах чая. Глядя на чашку на коврике, Мусаси вдруг припомнил белый пион из сада Сэкисюсая и восторг, охвативший его при виде среза. Неизъяснимым образом его поразила и чашка. Мусаси показалось, что он восхищенно ахнул.

Мусаси осторожно взял чашку и поставил ее себе на колено. Глаза горели от неведомого прежде волнения. Разглядывая дно чашки, следы гончарной лопаточки, он обнаружил ту же точность и безупречность линий, что и на срезе пиона. Безыскусную на вид чашку изваял гений, в ней воплотились одухотворенность и таинство проникновения в суть вещей.

Мусаси затаил дыхание. Он угадал талант мастера, хотя вряд ли мог объяснить, в чем он

состоит. Ощущение Мусаси было безошибочным, потому что он острее большинства людей воспринимал не явную глазу одаренность. Он бережно погладил чашку, не желая выпускать ее из рук.

— Господин Коэцу, — сказал он, — я разбираюсь в керамике еще хуже, чем в чае, но бьюсь об заклад, эту чашку сделал великий мастер.

— Почему?

Вопрос прозвучал мягко, глаза художника светились дружеским расположением, серьезно и при этом задорно. Морщинки в уголках глаз выдавали едва заметную улыбку.

— Просто чувствую, но не могу объяснить словами.

— Расскажите, что вы чувствуете?

— Не нахожу точного определения, но на глиняных гранях запечатлен след сверхчеловеческого, — ответил Мусаси.

— Хм… — после недолгого размышления отозвался Коэцу.

Он отличался строгостью в профессиональных суждениях. Он знал, что узкий круг людей был посвящен в его творчество. Мусаси не мог подозревать о его увлечениях.

— Так что же вы увидели в гранях?

— Чрезвычайно чистый срез.

— И только?

— Нет, в них есть нечто более значительное. Они отражают широту души и дерзкий ум мастера.

— Что еще?

— Рука гончара отточена, как меч из Сагами, но он замаскировал ее изысканностью. Чашка выглядит непритязательной, но в ней проглядывает надменность, что-то царственное, словно мастер свысока относится к людям, считая их непосвященными в прекрасное.

— Хм-м…

— Душа человека, сделавшего эту вещь, — бездонный колодец. Вряд ли его можно постичь, но он должен быть знаменитостью. Кто этот мастер?

Коэцу рассмеялся:

— Он носит имя Коэцу. Безделка, которую я вылепил ради удовольствия.

Мусаси не догадывался, что его экзаменуют. Он искренне удивился, узнав, что Коэцу занимается керамикой. Его поразила не сама разносторонность художника, а его способность выразить в простых формах чайной чашки глубину человеческого духа. Мусаси даже растерялся, обнаружив в Коэцу кладезь духовного богатства. Мусаси

привык оценивать действительность понятиями фехтовальщика, но теперь понял, что они слишком одномерны. Впервые он почувствовал свою ограниченность. Человек, сидящий перед ним, одолел его без оружия. Несмотря на блестящую победу утром, Мусаси так и не поднялся выше уровня отчаянного рубаки.

— Вы тоже любите керамику? — вежливо продолжал Коэцу. — У вас верный глаз.

— Не уверен, — скромно ответил Мусаси. — Я говорил то, что приходило в голову. Простите, если я допустил какую-нибудь глупость.

— Никто не ожидал от вас глубоких суждений. Требуется опыт целой жизни, чтобы сделать одну хорошую чашку. Вы обладаете чувством красоты. Занятия фехтованием, видимо, способствовали развитию вашего глаза.

В словах Коэцу проскользнула нотка искреннего восхищения, но он, старший по возрасту, не позволял себе хвалить юношу.

Вскоре появился слуга со свежей зеленью, и Мёсю приготовила суп. Она подала его в маленьких тарелочках, которые, как выяснилось, тоже были сделаны руками Коэцу. Подогрели кувшинчик саке, и началась пирушка на природе.

Угощение к чаю было слишком легким и изыс-

канным для вкуса Мусаси. Его мощный организм требовал простой и сытной пищи. Он, соблюдая приличия, похвалил тонкий аромат жиденького супа, понимая, что может почерпнуть много полезного из общения с Коэцу и его очаровательной матушкой.

Некоторое время спустя Мусаси начал беспокойно оглядывать поле.

— Мне очень приятно ваше общество, но пора идти. Я очень хочу остаться, но боюсь, что ученики моего соперника могут явиться сюда и причинить вам беспокойство. Мне бы не хотелось втягивать вас в неприятности. Надеюсь, что у меня будет возможность еще раз повидаться с вами, господин Коэцу, и с вашей почтенной матушкой, — сказал Мусаси любезным хозяевам.

— Окажетесь поблизости от переулка Хонъами, непременно заходите к нам в гости, — произнесла Мёсю, вставая с коврика, чтобы попрощаться с Мусаси.

— Пожалуйста, навестите нас. Побеседуем не спеша, — добавил Коэцу.

Опасения Мусаси не оправдались — учеников школы Ёсиоки не было видно. Он остановился, чтобы взглянуть на новых знакомых. Да, они живут совсем в ином мире. Долгий каменистый

путь Мусаси никогда не приведет его к безмятежным радостям Коэцу. С поникшей от дум головой Мусаси медленно побрел к окаемке поля.

Ночной путь

Запах готовящейся еды и дровяной дым заполнили маленькую винную лавку на окраине города. Это был наскоро сколоченный сарай с земляным полом, доской вместо стола и несколькими сиденьями. Видневшаяся вдалеке пагода Тодзи в лучах заходящего солнца казалась охваченной огнем. Кружившиеся над ней вороны походили на хлопья пепла, парящего в воздухе.

За самодельным столом расположились несколько торговцев и бродячий монах, кучка поденщиков в углу разыгрывала, кому сегодня ставить выпивку. Они вертели волчок, сделанный из монеты с продетой в дырку палочкой.

— Ёсиока Сейдзюро попал в серьезную переделку, — сказал один из торговцев. — А я рад. Выпьем!

— И я за это выпью, — отозвался другой.

— Еще саке! — приказал хозяину третий.

Торговцы пили много и неторопливо. Быстро сгущались сумерки, занавеска норэн на входе в лавку слилась с тенью. Один из торговцев крикнул:

— Не вижу, подношу саке ко рту или к носу!

Где огонь?

— Одну минуту! Сейчас разведу! — устало отозвался хозяин лавки. Пламя заплясало в очаге. Чем гуще становилась тьма снаружи, тем ярче казался огонь в лавке.

— Всякий раз выхожу из себя, как подумаю о них. Задолжали мне кучу денег за рыбу и уголь! Изрядная сумма, уж поверьте! А какие запросы у этой школы! Я поклялся себе получить все долги с них в конце года, и что же? Эти забияки никого не пускали, оскорбляли и запугивали. До чего дошли! Вышвырнули вон честных торговцев, которые многие годы поили, кормили их в кредит!

— Пустое дело плакать по потерянным денежкам. Что было, то сплыло. После боя около храма в Рэндайдзи настал их черед плакать.

— Что и говорить, я доволен. Они свое получили.

— Надо же, Сэйдзюро разделали почти без боя.

— Сам видел?

— Нет, рассказывали. Мусаси свалил его с первого удара. Деревянным мечом. Изувечил на всю жизнь.

— Что будет со школой?

— Дела неважные. Ученики жаждут крови Мусаси. Они совсем потеряют лицо, коли не убьют

его. Слава дома Ёсиоки рухнет. Единственный, кто может одолеть Мусаси, — Дэнситиро, младший брат, так они говорят. Разыскивают его повсюду.

— Я и не знал, что есть младший Ёсиока.

— Не ты один, многие не слышали о нем. Говорят, он поспособнее старшего. Совсем никудышный человек, в школе не бывает, является только за деньгами. Прожигает жизнь, ест и пьет, хвастая именем Ёсиоки. Берет деньги у людей, которые знали его отца.

— Ну и парочка, как на подбор! Жалко, что у Ёсиоки Кэмпо такие наследники!

— Одна кровная связь еще не все значит.

У очага на полу спал пьяный ронин. Он давно не приходил в себя, и хозяин его не беспокоил. Ронин зашевелился, пытаясь подняться.

— Отодвиньтесь немножко, — попросил хозяин, подкладывая дрова в огонь. — Подол кимоно может загореться.

Матахати открыл осоловелые глаза.

— Знаю, знаю… м-м-м… Отстань! — промычал он, сверкая красными от саке и отблеска огня глазами.

Матахати слышал о бое около Рэндайдзи не только в этой лавке. Казалось, весь город только

и судачит о поединке. Чем больше Матахати слышал о подвигах Мусаси, тем сильнее ощущал собственное падение.

— Еще одну! — приказал Матахати. — Греть не надо, выпью так. Лей в мою чашку.

— Вы, случаем, не больны? У вас очень бледное лицо.

— Тебе какое дело? Лицо мое!

Матахати привалился к стене, скрестив на груди руки.

«Придет время, и я им всем покажу! — думал он. — Путь к успеху прокладывается не одним мечом. Главное — успех, а каким способом — не важно! Можно разбогатеть, заполучить титул или удачно ограбить. Нам с Мусаси по двадцать три года. Если кто-то и достигал известности в таком возрасте, то быстро утрачивал славу. Такие люди дряхлеют к тридцати годам — „старенькие мальчики“!»

Едва новость о поединке у Рэндайдзи докатилась до Осаки, Матахати тотчас отправился в Киото. Делать ему там было нечего, но известие о победе Мусаси вывело Матахати из себя, и он решил на месте разузнать подробности.

«Он на вершине славы, — раздраженно думал Матахати, — но ему не избежать падения. В

школе Ёсиоки много достойных людей: „Десять меченосцев“, Дэнситиро, других…» Матахати с нетерпением ждал дня, когда Мусаси проучат как следует. Судьба между тем уготовила неожиданности для самого Матахати.

— Как хочется пить! — громко простонал Матахати, медленно поднимаясь на ноги, но все еще не отрываясь от стены. Посетители умолкли, наблюдая, как он добрался до кадки с водой и, чуть не окунувшись в нее, зачерпнул воды. Напившись, Матахати швырнул ковш в сторону и, шатаясь, направился к выходу.

От увлекательного зрелища первым оправился хозяин, который бросился со всех ног за уходящим клиентом.

— Вы не заплатили! — крикнул он.

— Ты о чем? — пробурчал Матахати.

— Вы кое-что забыли.

— Ничего я не забыл.

— Забыли заплатить, хе-хе…

— Неужели?

— Сожалею, но именно так.

— У меня нет денег.

— Нет?

— Совсем. Недавно были, а теперь…

— Вы хотите сказать, что ели и пили у меня…

— Заткнись!

Пошарив в кимоно, Матахати достал коробочку для лекарств, принадлежавшую убитому самураю, и швырнул ее в лицо хозяину лавки.

— Не поднимай шум! Я — самурай с двумя мечами. Ослеп, не видишь? Я не настолько пьян, чтобы улизнуть, не заплатив. Эта вещица подороже твоего саке. Сдачу возьми себе!

Хозяин лавки стоял, прижав руки к лицу. Коробочка угодила в цель. Высунувшиеся из-под занавески посетители возмущались. Пьяному непереносимо видеть другого пьяного, который отказывается платить.

— Мерзавец!

— Жулик!

— Надо его проучить!

Посетители выбежали из лавки и окружили Матахати.

— Плати, негодяй! Так просто не уйдешь!

— Мошенник! Всегда, видно, надуваешь людей. Мы тебя вздернем, если не заплатишь.

Матахати взялся за рукоятку меча, чтобы припугнуть расшумевшихся людей.

— Считаете, что можете меня повесить? — угрожающе проговорил он. — Хотел бы посмотреть, как вы это сделаете! Да знаете ли вы, кто я та-

кой?

— Знаем, что ты пройдоха! Грязный ронин с помойки, у тебя гордости меньше, чем у нищего, а наглости больше, чем у вора!

— Сами напрашиваетесь на неприятности! — крикнул Матахати, грозно сдвинув брови. — Посмотрим, как запоете, узнав мое имя.

— Имя? Что особенного в твоем имени?

— Я Сасаки Кодзиро, соученик Ито Иттосая, мастер фехтовального стиля Тюдзё. Вы должны были слышать обо мне!

— Ну, потешил! Плевать нам на твое имя. Давай-ка гони деньги!

Кто-то протянул руку, чтобы схватить Матахати.

— Если коробки для лекарств мало, я добавлю еще кое-что! — крикнул Матахати.

С этими словами он выхватил из ножен меч и отсек человеку руку. Поняв, что недооценили противника, все бросились врассыпную.

С гордым видом Матахати кричал им вслед:

— Назад, скоты! Узнаете, что такое меч Кодзиро! Вернитесь, и я поснимаю вам головы!

Матахати взглянул на небо и широко ухмыльнулся, довольный своей выходкой. Настроение его внезапно испортилось, он помрачнел и,

неловким движением вложив меч в ножны, заковылял в темноту.

Коробочка для лекарств тускло поблескивала в свете звезд. Она была из черного сандала с перламутровой инкрустацией и не казалась дорогой, но голубоватый отлив перламутра придавал ей неброскую изысканность.

Выйдя из винной лавки, странствующий монах подобрал коробочку. Он торопливо зашагал вперед, но потом вернулся под навес лавки и принялся рассматривать рисунок и шнур, поднеся коробочку поближе к щели в стене, откуда пробивался свет. «Это же коробочка хозяина! — пробормотал монах. — Она была у него на поясе, когда его убили в замке Фусими. Да вот и его имя, Тэнки, написанное на донышке».

Монах поспешил за Матахати.

— Сасаки! — закричал он. — Сасаки Кодзиро!

Матахати слышал, как кто-то зовет Сасаки Кодзиро, но его голова была затуманена саке, и он забыл, что это имя с некоторых пор имеет к нему отношение. Качаясь, он брел по улице Хорикава, миновав улицу Кудзё. Монах, догнав его, ухватил за ножны.

— Подожди, Кодзиро! — проговорил он. — Одну минуту.

— Ты меня? — икнул Матахати.

— Ты ведь Сасаки Кодзиро!

Глаза монаха сверкнули холодным блеском. Матахати слегка протрезвел.

— Да, я Кодзиро. Что привязался?

— Спросить кое-что хочу.

— Что еще?

— Откуда у тебя эта коробочка?

— Коробочка? — недоуменно повторил Матахати.

— Да, коробочка для лекарств. Откуда она у тебя? Как она к тебе попала? Это единственное, что я хочу узнать.

Монах держался вежливо. Он был молод, лет двадцати шести, и не походил на жалких нищенствующих монахов, которые побираются по храмам и живут на подаяния. В руке у монаха была двухметровая дубовая палка.

— Ты кто? — спросил Матахати, ощутив беспокойство.

— Не имеет значения. Почему ты не отвечаешь, откуда у тебя эта коробочка?

— Ниоткуда. Всегда была моей.

— Ты лжешь! Скажи правду!

— А я что сказал?

— Не хочешь сознаться?

— В чем? — с невинным видом спросил Матахати.

— Ты не Кодзиро!

Мелькнула палка монаха, и Матахати невольно отпрянул назад. Хмель, однако, замедлил его реакцию, и палка угодила в цель. Матахати вскрикнул и, попятившись назад, повалился на спину. Быстро вскочив, он бросился наутек. Монах последовал за ним и, приблизившись, метнул в Матахати палку. Тот успел пригнуться. Палка просвистела около его уха. Матахати понесся что было сил. Монах подобрал свое оружие и метнул его второй раз, но Матахати удалось увернуться.

Матахати пробежал больше километра, пересек улицу Рокудзё и почти достиг Годзё. Он решил, что преследователь отстал от него. Матахати жадно глотал воздух, растирая грудь. «Палка — страшное оружие. В наши дни надо быть начеку», — лихорадочно думал он.

Матахати протрезвел, его терзала жажда. В конце узкой аллеи он нашел колодец. Матахати набрал воды, напился, потом сполоснул потное лицо.

«Кто этот монах? — спрашивал себя Матахати. — Что ему надо от меня?»

Матахати, приходя в себя, становился все

угрюмее. Перед глазами стоял убитый в Фусими самурай с изуродованным подбородком.

Матахати чувствовал угрызения совести, что потратил деньги покойного. Мысль о покаянии не раз посещала его. «Как только разживусь деньгами, сразу же выплачу долг, — говорил он себе. — Поставлю камень в память о нем, если добьюсь успеха в жизни. От него осталось только свидетельство. Лучше отделаться от этой бумаги. Можно нарваться на неприятности, если она попадет в чужие руки».

Матахати потрогал свиток, который он постоянно хранил под поясом на животе, хотя это было неудобно. Если удастся пристроить свидетельство за хорошие деньги, оно может открыть ему дорогу к первой ступеньке на лестнице успеха. Жестокий урок, полученный от Акакабэ Ясомы, так и не излечил Матахати от мечтательности.

Свидетельство уже пригодилось, и не раз. Показывая его в небольших захудалых додзё или наивным горожанам, которым взбрело в голову заниматься фехтованием, Матахати обретал в их глазах высокий авторитет, а также получал бесплатную еду и ночлег. Так он пробавлялся уже шесть месяцев.

«Нет, выбрасывать свидетельство пока рано.

Что со мной творится? Становлюсь робким. Может, это и есть главное препятствие на пути к успеху? Отныне буду другим, сильным и смелым, как Мусаси. Я им покажу!»

Матахати огляделся. Вокруг колодца ютились жалкие лачуги, однако Матахати позавидовал их обитателям. Крыши просели и поросли бурьяном, но защищали от дождя и непогоды. Испытывая неловкость, Матахати заглянул в ближайшее жилище. Он увидел жену и мужа за ужином, состоящим из единственного горшка похлебки. Сын, дочь и бабка занимались рядом какой-то работой. Здесь царила нищета, но был крепок дух семьи. Этого сокровища были лишены великие личности, подобные Хидэёси и Иэясу. Матахати подумал, что чем беднее люди, тем крепче они привязаны друг к другу. Радость человеческой привязанности дарована даже самым обездоленным.

Матахати со стыдом вспомнил ссору с матерью в Сумиёси, когда он оставил ее. «Скверно я поступил, — думал он. — Пусть она не права, но никто в мире не любит меня так, как она».

Целую неделю, пока Осуги, к глубочайшему неудовольствию Матахати, ходила от храма к храму, от святыни к святыне, она твердила ему

о чудодейственной силе богини Каннон в храме Киёмидзу. «Ни один бодхисаттва не может творить подобные чудеса, — уверяла она. — Не прошло и трех недель после моей молитвы, как Каннон привела Такэдзо ко мне, привела прямо в храм. Знаю, ты не прилежный верующий, но мой тебе совет: почитай богиню Каннон».

Мать тогда сказала, что в первые дни нового года пойдет в Киёмидзу молить Каннон о благосклонности к семейству Хонъидэн. Туда и надо идти! У Матахати не было приюта на ночь, так он отправится к воротам храма и проведет ночь там, а если повезет, увидит мать.

По темным улицам Матахати зашагал к Годзё. Как назло, за ним увязалась стая бродячих собак. Матахати швырял в них камнями, но псы бесстрашно лаяли и огрызались. Он перестал обращать на них внимание, потому что давно привык к тому, что собаки рычали, лаяли и скалили клыки на него.

В сосновой роще Мацубара близ улицы Годзё Матахати увидел еще одну свору. Собаки, окружив дерево, свирепо облаивали кого-то, сидевшего на сосне. Самые нетерпеливые подпрыгивали метра на два. Приглядевшись, Матахати различил на ветке дрожащую фигуру. Он не со-

мневался, что там прячется девушка.

Матахати закричал на собак, потом швырял камни, но безуспешно. Он вспомнил чей-то совет, что лучший способ испугать собак — встать на четвереньки и зарычать. Матахати попробовал, но собаки не убегали, чувствуя, очевидно, численное превосходство. Они подпрыгивали, как рыба в неводе, виляли хвостами, заливисто лаяли, выли, драли когтями кору дерева.

Матахати вдруг сообразил, что молодой человек с двумя мечами, рычащий на собак и бегающий на четвереньках, может показаться смешным женщине наверху. Выругавшись, он поднялся на ноги, и тут же раздался предсмертный собачий вой. При виде окровавленного меча стая сбилась в кучу, собаки скалились, загривки грозно ощетинились, а хвосты заходили, как морские волны.

— Хотите еще? — крикнул Матахати.

Собаки бросились врассыпную.

— Эй ты, наверху! Слезай, — обратился Матахати к женщине.

Тонко зазвенел колокольчик.

«Акэми!» — раскрыл рот Матахати.

— Акэми, это ты?

— А ты кто?

— Матахати. Ты что, не узнала по голосу?

— Не может быть! Правда это ты, Матахати?

— Ты зачем залезла на дерево? Ты вроде собак не боялась раньше.

— Я не от собак прячусь.

— Все равно слезай!

Акэми насторожилась, вслушиваясь в безмолвие ночи.

— Матахати, уходи! — сказала она взволнованно. — Кажется, он идет сюда.

— Кто?

— Некогда объяснять. Один человек. В конце года он предложил мне помощь, а потом повел себя как дикое животное. Он зверь. Я думала, он добрый, а он начал издеваться надо мной. Сегодня мне удалось сбежать от него.

— Случаем, не Око гонится за тобой?

— Нет, не мать. Это мужчина.

— Может, Гион Тодзи?

— Не смеши! Его-то я не боюсь. Ой, он подходит! Если ты останешься здесь, он найдет меня. И с тобой сделает что-нибудь ужасное. Скорее спрячься!

— С какой стати я должен прятаться? Подумаешь, кто-то идет!

Матахати растерялся. Он слегка струхнул,

но ему хотелось проявить доблесть. Он ведь мужчина и обязан защищать попавшую в беду женщину. Он стыдился, что на глазах Акэми на четвереньках гонялся за собаками. Чем настойчивее Акэми просила его уйти, тем сильнее ему хотелось продемонстрировать мужество не только девушке, но и самому себе.

— Кто здесь? — в один голос произнесли Матахати и Кодзиро.

Кодзиро взглянул на окровавленный меч Матахати.

— Ты кто? — с вызовом спросил Кодзиро.

Матахати не отвечал. Перед ним стоял человек, которого так боялась Акэми. Матахати напрягся, но, присмотревшись внимательнее, расслабился. Незнакомец был высок, хорошо сложен, но не старше Матахати. Приняв его по одежде и мальчишеской прическе за начинающего ученика, Матахати презрительно прищурился. Монах из винной лавки изрядно вспугнул его, но уж с этим юнцом Матахати разделается без хлопот. «Неужели он и есть тот изверг, издевающийся над Акэми? — недоумевал Матахати. — Совсем зеленый, как тыква. Не знаю, что он натворил, но, если негодник и правда ей досаждает, придется проучить его».

— Ты кто? — повторил Кодзиро. Голос его гулко прокатился по темной роще.

— Я-то? — поддразнил его Матахати. — Просто человек. — На губах Матахати играла вызывающая улыбка.

Кровь ударила в голову Кодзиро.

— Значит, у тебя нет имени, — сказал он. — Может, ты стыдишься его?

Ответ задел, но не испугал Матахати.

— Какой смысл называть имя первому встречному, которому оно ничего не скажет, — ответил он.

— Поговори у меня! — отрезал Кодзиро. — Отложим бой на потом. Сначала я сниму с дерева девчонку и отведу домой. Жди меня здесь.

— Ерунда какая! С чего ты взял, что я разрешу тебе увести ее?

— А тебе какое дело?

— Мать этой девушки была моей женой. Я не позволю обижать ее. Попробуй только пальцем тронуть ее, искромсаю тебя на куски.

— Уже интересно. Верно, вообразил себя самураем, хотя, признаться, я давно не видел такого костлявого. «Сушильный шест» за моей спиной плачет во сне, потому что ему ни разу не довелось напиться вволю крови с тех пор, как он перешел

в собственность нашей семьи. Он немного заржавел, и я с удовольствием пополирую его о твой костлявый остов. Не вздумай бежать!

Матахати не воспринял предупреждение всерьез.

— На словах ты грозен. Даю тебе время передумать. Топай отсюда, пока еще видишь, куда идешь. Дарю тебе жизнь! — с презрением произнес Матахати.

— Послушай, любезный человек! Ты хвастал, что я недостоин знать твое имя. Что за выдающееся имя? Этикет предписывает сообщить друг другу имя, прежде чем драться. Или ты не знаешь этого правила?

— Хорошо, назовусь. Не падай, когда услышишь.

— Постараюсь. Но сначала скажи, каким стилем фехтования ты владеешь?

Матахати решил, что разряженный в пеструю одежду юнец едва ли что-то соображает в фехтовании, и почувствовал полное небрежение к противнику.

— Я имею свидетельство мастера стиля Тюдзё, который сложился на основе стиля Тоды Сэйгэна.

Кодзиро едва сдержал возглас изумления.

Матахати решил, что произвел сильное впечатление, и поэтому воодушевленно продолжил тираду. Передразнивая Кодзиро, он спросил:

— А теперь ты скажи о своем стиле! Этикет требует, как известно.

— Потом скажу. Кто учил тебя стилю Тюдзё?

— Канэмаки Дзисай, разумеется, — не задумываясь ответил Матахати. — Кто же еще?

— Что?! — воскликнул Кодзиро, не веря своим ушам. — И ты знаешь Ито Иттосая?

— Конечно!

Матахати убеждался, что его слова производят оглушительное впечатление. Вопросы юноши он приписывал его изумлению. Скоро, как он полагал, мальчишка запросит примирения.

Матахати добавил, чтобы окончательно сразить противника:

— Какой смысл скрывать мое знакомство с Ито Иттосаем? Он мой предшественник, то есть мы оба учились у Канэмаки Дзисая. Почему ты спросил об Ито?

Кодзиро пропустил вопрос мимо ушей.

— Хочу еще раз переспросить, кто ты? — произнес он.

— Я Сасаки Кодзиро.

— Повтори!

— Сасаки Кодзиро, — вежливо отозвался Матахати.

Последовало долгое молчание. Из груди Кодзиро вырвалось что-то вроде громкого вздоха. На щеках появились ямочки.

— Что ты на меня уставился? — с подозрением спросил Матахати. — Мое имя что-нибудь говорит тебе?

— Признаюсь, да.

— Ну и ступай прочь! — повелительно произнес Матахати, гордо вздернув подбородок.

— Ха-ха-ха! О-о! Ха-ха-ха!

Ухватившись за живот, Кодзиро пошатывался от смеха. Наконец он успокоился.

— Чего только не слышал, пока странствовал, но подобное слышу впервые. А теперь, Сасаки Кодзиро, скажи мне, кто я?

— Откуда мне знать?

— Должен знать! Хотя и неприлично, но придется попросить тебя об одолжении повторить еще раз свое имя. Я не уверен, что правильно расслышал его.

— Оглох? Я Сасаки Кодзиро.

— А я?..

— Полагаю, что ты тоже человек.

— Никаких сомнений! Как меня зовут?

— Послушай, ублюдок! Решил посмеяться надо мной?

— Ни в коем случае! Я серьезен как никогда. Ответь мне, Кодзиро, как меня зовут!

— Надоел ты мне! Сам и ответь.

— Хорошо. Спрошу себя, как меня зовут, и назову свое имя. Правда, я рискую показаться выскочкой.

— Валяй!

— Только не удивляйся!

— Болван!

— Я Сасаки Кодзиро, известный еще под именем Ганрю.

— Что?!

— С незапамятных времен наше семейство жило в Ивакуни. Родители нарекли меня Кодзиро. Среди мастеров меча я известен как Ганрю. Не возьму в толк, откуда появился еще один Сасаки Кодзиро.

— Выходит, ты…

— Вот именно. Странствуя по дорогам, я перевидал множество народу, но человека, носящего мое имя, встречаю в первый раз. Странные обстоятельства свели нас.

Матахати лихорадочно соображал, что ему делать.

— Что с тобой? Ты дрожишь? — спросил Кодзиро.

Матахати съежился от страха.

Кодзиро подошел к нему и хлопнул по плечу.

— Не будем ссориться!

Бледный как смерть, Матахати отпрянул в сторону, нервно икнув.

— Попытаешься бежать, я тебя убью. — Голос Кодзиро хлестал по лицу Матахати.

«Сушильный шест», серебряной змеей сверкнув из-за плеча Кодзиро, заставил Матахати отлететь на три метра. Как жучок, сдутый с листа, он несколько раз перекувырнулся и шлепнулся на землю, потеряв сознание. Кодзиро и не взглянул в его сторону. Метровый меч, пока не окровавленный, вошел в ножны.

— Акэми! — позвал Кодзиро. — Слезай! Я больше не буду досаждать тебе, пошли в гостиницу! Твой друг немного ушибся, но я его не ранил. Спускайся на землю и позаботься о нем.

Ответа не последовало. Посмотрев вверх, Кодзиро не увидел Акэми. На всякий случай он забрался на дерево. Акэми еще раз ускользнула от него.

Ветер мягко шуршал в соснах. Кодзиро сидел на ветке, раздумывая, куда улетел его воробышек. Он не понимал, почему Акэми боится его. Разве

он не любил ее как умел? Он признал бы, что его манера выражать чувства могла показаться слишком грубой, но чем его поведение отличается от того, что заведено среди других людей?

Ответ могло бы подсказать отношение Кодзиро к боевому искусству. Он проявил незаурядные способности, когда мальчиком поступил в школу Канэмаки Дзисая. Его называли гениальным бесенком. Мечом он владел в необычной манере, еще удивительнее было его упорство. Он никогда не сдавался. Чем сильнее был противник, тем отчаяннее он держался. В описываемую эпоху ценилась победа, а не способ ее достижения. Поэтому никто не осуждал коварные уловки Кодзиро, к которым он прибегал, чтобы побить противника. Жаловались, что Кодзиро запугивал противника, чувствуя возможное поражение, однако такое поведение не считалось недостойным мужчины.

Однажды, когда он был еще мальчиком, группа старших учеников, которых он открыто презирал, до полусмерти избила его деревянными мечами. Один из учеников, пожалев Кодзиро, принес ему воды и привел в чувство. Кодзиро, едва опомнившись, схватил деревянный меч и убил сердобольного однокашника.

Кодзиро никогда и никому не прощал поражения. Он терпеливо выжидал удобного случая и нападал врасплох — в темном переулке, в постели, даже в уборной — и приканчивал противника. Победить Кодзиро означало нажить себе смертельного врага.

Став постарше, он все чаще называл себя гением. Мнение это не было простым бахвальством. И Дзисай, и Иттосай знали, что в словах ученика есть зерно истины. Кодзиро не фантазировал, утверждая, что может срезать на лету воробья и что он должен создать собственный стиль. Люди в округе стали называть его волшебником, с чем он охотно соглашался.

Неизвестно, как выражал Кодзиро любовь к женщине под влиянием болезненной страсти навязывать свою волю, несомненно, что и в любви он был не похож на других. Сам он не осознавал, что в интимных отношениях он так же самолюбив, как и в фехтовании. Он не понимал, почему Акэми избегает его страстной любви.

Задумавшись о загадках любви, Кодзиро не заметил, как под деревом появился еще один человек.

— Здесь человек какой-то валяется на земле! — пробормотал незнакомец.

Нагнувшись к лежавшему, он воскликнул:

— Тот негодяй из винной лавки!

Под деревом был странствующий монах. Снимая дорожную котомку со спины, монах продолжал:

— Вроде не ранен, тело теплое.

Монах, развязав пояс на кимоно Матахати, связал ему руки за спиной. Потом придавил коленкой спину Матахати и резко дернул его за плечи. Прием этот был болезненным для солнечного сплетения. Сдавленно застонав, Матахати пришел в себя. Монах поволок его, как мешок с бататом, и прислонил к стволу сосны.

— Вставай! Живо на ноги! — приказал монах, подкрепляя слова пинком. Матахати, едва не побывавший на том свете, очнулся, но пока не мог взять в толк происходящего. Исподволь повинуясь окрикам, он медленно поднялся с земли.

— Так-то лучше. Не шевелись! — сказал монах, привязывая Матахати к дереву за ноги и грудь.

Матахати открыл глаза, и у него вырвался возглас удивления.

— Теперь займемся тобой, самозванец, — сказал монах. — Пришлось побегать за тобой, но, к счастью, ты попался.

Монах начал неторопливо бить Матахати, то

ударяя его в лоб, то прикладывая головой к стволу дерева.

— Откуда у тебя коробочка для лекарств? Выкладывай начистоту!

Матахати молчал.

— Думаешь, отвертишься? — не на шутку разозлился монах. Он схватил Матахати за нос и стал больно дергать во все стороны. Матахати разинул рот, хватая воздух, и попытался что-то вымолвить. Монах отпустил его.

— Я скажу, — просипел Матахати. — Все расскажу.

Слезы закапали из его глаз.

— Это случилось прошлым летом… — начал он и пересказал всю историю, умоляя пощадить его.

— Сейчас я не могу отдать деньги, но обещаю вернуть долг. Прошу, не убивай меня. Я буду работать. Я дам долговую расписку с подписью и печатью, — просил он.

Признавшись в содеянном, Матахати словно выпустил гной из воспалившейся раны. Теперь ему нечего скрывать и бояться. Так, во всяком случае, считал он.

— Это правда? — спросил монах.

— Да, — утвердительно кивнул головой Матахати.

После минутного молчания монах вытащил короткий меч и направил его в лицо Матахати. Стремительно отвернувшись, Матахати взвыл:

— Неужели убьешь?

— Да, по-моему, тебе лучше умереть.

— Я искренне раскаялся перед тобой. Вернул коробочку. Отдам и свидетельство. Вскоре верну деньги. Клянусь, что отдам долг. Какой прок убивать меня?

— Я верю тебе, но войди в мое положение. Я живу в Симониде, это в Кодзукэ, и состоял на службе у Кусанаги Тэнки. Так звали самурая, убитого в замке Фусими. Я тоже самурай, хотя и в монашьем облачении. Меня зовут Итиномия Гэмпати.

Матахати извивался, пытаясь освободиться от пут, и слушал монаха вполуха.

— Простите меня, — умолял он. — Я поступил плохо, но не собирался красть эти деньги. Хотел передать их семье убитого, но потом поиздержался и вынужденно потратил деньги. Я готов принести любое извинение, только не убивай!

— Лучше бы ты не извинялся, — ответил Гэмпати, который, казалось, в душе терзался сомнениями. Печально покачав головой, он проговорил: — Я был в Фусими и все узнал. Твой

рассказ совпадает с тем, что я услышал в замке. Мне надо что-то передать семье Тэнки на память о нем. Я не говорю о деньгах. Необходимо предоставить им доказательство мщения, но убийцы как такового нет — Тэнки растерзала толпа. Где же мне раздобыть голову убийцы?

— Я… я не убивал. Я ни при чем.

— Знаю. Семья и друзья Тэнки не ведают, что его забили до смерти простые поденщики. Такая смерть никому не делает чести. Я не смогу рассказать дома в Кусанаги всю правду. Жаль, но тебе придется сыграть роль убийцы. Дело упростится, если ты согласишься принять смерть от моей руки.

Натягивая веревки и вырываясь, Матахати закричал:

— Отпусти! Я не хочу умирать!

— Понятно, кому же хочется умирать, но взгляни на дело с другой стороны. В лавке ты не заплатил за саке, значит тебе нечем жить. Не лучше ли обрести покой в ином мире, чем голодать и влачить постыдное существование в жестокой мирской юдоли? Если ты беспокоишься о деньгах, у меня есть немного. Я с радостью перешлю их твоим родителям как поминальное пожертвование. Если хочешь, отправлю их

вашему фамильному храму. Уверяю, деньги не пропадут даром.

— Безумие! Мне не нужны деньги. Я хочу жить!.. На помощь!

— Я терпеливо все объяснил. Независимо от твоего желания тебе придется выступить в роли убийцы моего хозяина. Смирись, дружище! Считай, такова твоя судьба.

Монах отступил, чтобы удобнее было замахнуться мечом.

— Подожди, Гэмпати! — раздался голос Кодзиро.

Монах взглянул вверх и крикнул:

— Кто там?

— Сасаки Кодзиро.

Гэмпати недоуменно повторил имя. Второй самозванец, но теперь с неба? Голос явно не принадлежал призраку. Гэмпати, отскочив от дерева, встал на изготовку с поднятым мечом.

— Чепуха какая! — рассмеялся он. — Похоже, настало время, когда каждый величает себя Сасаки Кодзиро. Один уже связан и дрожит от ужаса. А, кажется, догадываюсь! Ты дружок этого малого.

— Нет, я Кодзиро. Вижу, Гэмпати, ты готов разрубить меня надвое, едва я коснусь земли.

— Возможно. Подай сюда всех лже-Кодзиро, и я

разделаюсь с ними.

— Что ж, справедливо. Разрубишь меня, значит и я самозванец. А если ты опомнишься на том свете, то поверишь, что я настоящий Кодзиро. Сейчас я спрыгну вниз. Не разрубишь меня на лету, то мой «Сушильный шест» рассечет тебя, как бамбук.

— Кажется, я узнаю твой голос. Если твой меч знаменитый «Сушильный шест», то ты настоящий Кодзиро.

— Поверил теперь?

— Да. Почему ты на дереве?

— Потом объясню.

Кодзиро, перелетев через Гэмпати, приземлился у него за спиной, осыпаемый дождем сосновых иголок. Кодзиро поразил Гэмпати. Он помнил Кодзиро по школе Дзисая смуглым угловатым мальчишкой, которому было поручено таскать воду из колодца. В соответствии со строгими вкусами Дзисая мальчишка носил самую простую одежду.

Кодзиро сел под сосной, Гэмпати устроился рядом. Кодзиро услышал историю, как Тэнки приняли за лазутчика из Осаки, как его до смерти забили камнями, как свидетельство попало к Матахати. Рассказ о появлении двойника поза-

бавил Кодзиро, но он возразил против убийства никчемного парня. Кодзиро считал, что можно другим способом наказать Матахати. Кодзиро обещал побывать в Кодзукэ и представить Тэнки отважным и благородным воином, чтобы Гэмпати не тревожился о репутации хозяина. Не было нужды приносить Матахати в жертву.

— Согласен? — спросил Кодзиро.

— Может, ты и прав.

— Решено. Мне надо идти. Ты отправляйся в Кодзукэ.

— Ладно.

— Откровенно говоря, я тороплюсь. Ищу сбежавшую от меня девушку.

— Ничего не забыл?

— Нет.

— А свидетельство?

— Ну да!

Гэмпати засунул руку под пояс Матахати и вытащил свиток. Матахати облегченно вздохнул, теперь, когда его пощадили, он радовался избавлению от этой бумаги.

— Неожиданная встреча произошла по воле духов Дзисая и Тэнки, чтобы я нашел документ и передал его владельцу, — проговорил Гэмпати.

— Бумага мне не нужна, — ответил Кодзиро.

— Почему? — удивился Гэмпати.

— Не нужна, и все.

— Не понимаю.

— Мне ни к чему клочок бумаги.

— Разве можно так говорить? Неужели ты не чувствуешь благодарности к своему учителю? Дзисай не один год раздумывал, давать ли тебе свидетельство. Он не решался вплоть до своего смертного часа. Он поручил Тэнки передать свидетельство тебе, но с ним случилось непоправимое. Тебе должно быть стыдно.

— Мне безразличны желания Дзисая. У меня другие планы.

— Грех так говорить.

— Не придирайся к моим словам.

— Ты оскорбляешь человека, который учил тебя?

— Нет! Мой талант намного превосходит способности Дзисая, и я намерен затмить его известность. Жизнь в захолустье не для меня.

— Не шутишь?

— Совершенно серьезно.

Кодзиро не испытывал угрызений совести, хотя его откровения оскорбляли общепринятые приличия.

— Я благодарен Дзисаю, но свидетельство, вы-

данное какой-то деревенской школой, принесет мне больше вреда, чем пользы, — продолжал Кодзиро. — Ито Иттосай, приняв такое свидетельство, не остановился на стиле Тюдзё, а создал собственный. Я намерен сделать то же. Меня увлекает стиль Ганрю, а не Тюдзё. Скоро имя Ганрю обретет славу, так что провинциальный документ мне не нужен. Возьми его в Кодзукэ и передай в храм, пусть хранится среди записей о рождении и смерти.

Кодзиро изрек это равнодушно, не выявив ни скромности, ни пренебрежения. Гэмпати укоризненно смотрел на него.

— Передай мое почтение семье Кусанаги, — вежливо сказал Кодзиро. — Скоро я отправлюсь в восточные провинции и навещу их.

Кодзиро широко улыбнулся, давая понять, что разговор окончен. Тон Кодзиро показался Гэмпати высокомерным, и он хотел отчитать юношу за неблагодарность и неуважение к Дзисаю, но передумал, поняв тщету увещеваний. Спрятав свидетельство в мешок, он сухо попрощался и пошел прочь.

Когда Гэмпати скрылся из виду, Кодзиро громко расхохотался.

— Он, кажется, мною недоволен! Ха-ха-ха! —

Обернувшись к Матахати, Кодзиро проговорил: — А теперь послушаем тебя, мошенник!

Матахати нечего было сказать в оправдание.

— Признаешься, что выдавал себя за меня?

— Да.

— Я знаю, что тебя зовут Матахати. А полное имя?

— Хонъидэн Матахати.

— Ронин?

— Да.

— Учись у меня, бесхребетный болван! Видел, как я вернул свидетельство? Человек ничего не достигнет, не имея самолюбия, как у меня. Посмотри на себя! Украл свидетельство, живешь под фальшивым именем, зарабатываешь на чужой репутации. Что может быть омерзительнее? Сегодняшний урок, может, пойдет тебе на пользу. Кошка останется кошкой даже в тигровой шкуре.

— Я буду вести себя осмотрительно.

— Не стану тебя убивать, пожалуй, но и развязывать не хочу. Сам выпутаешься.

Кодзиро что-то придумал. Выхватив кинжал, он стал срезать кору со ствола прямо над головой Матахати. Стружки посыпались за шиворот Матахати.

— Вот только кисти нет, — проворчал Кодзиро.

— У меня за поясом есть тушечница и кисть, — заискивающе проговорил Матахати.

— Прекрасно. Воспользуемся.

Кодзиро, обмакнув кисть в тушечницу, стал что-то писать на затесе. Откинув голову, полюбовался своей работой. Надпись гласила:

> «Этот человек – мошенник. Присвоив чужое имя, он шатается по деревням, обманывая людей. Поймав его, я оставляю здесь на всеобщее посмешище. Мое имя и боевой псевдоним принадлежат только мне.
>
> ***Сасаки Кодзиро, Ганрю».***

— Вот так хорошо, — удовлетворенно произнес Кодзиро.

Ветер стонал в вершинах сосен. Кодзиро, оставив мысли о блестящем будущем, переключился на будничные дела. С горящими глазами он громадными прыжками понесся по темной роще.

Младший брат

В старые времена паланкином пользовались только представители высших классов, однако лишь недавно обыкновенным людям стал доступен более простой вид паланкина. Он представлял собой большую корзину с низкими бортами. К ней были приделаны четыре бамбуковых шеста. Седокам, чтобы не вывалиться, приходилось держаться за кожаные петли, прикрепленные к стенкам. Носильщики таскали паланкин под ритмичные выкрики, обращаясь с седоками как с камнями. Тем, кто пользовался этим средством передвижения, советовали дышать в ритм шагов носильщиков, особенно если те несли паланкин бегом.

— Э-хо! — кричал носильщик впереди.

— Я-хо! — отзывался его напарник, державший задние ручки носилок.

Подобный паланкин, сопровождаемый восемью приближенными, глубокой ночью появился в сосновой роще близ улицы Годзё. Четверо несли фонари. Носильщики и свита дышали, как загнанные лошади.

— Мы на улице Годзё!

— До Мацубары добрались!

— Немного осталось!

Фонари украшала монограмма, какой пользуются куртизанки из веселого квартала Осаки, но в паланкине сидела не женщина, а рослый мужчина.

— Дэнситиро, — крикнул один из сопровождающих, — Сидзё!

Дэнситиро не слышал — он спал, голова его болталась, как у бумажного тигра. Корзина наклонилась, один из носильщиков поддержал седока, чтобы тот не вывалился.

Открыв глаза, Дэнситиро пробормотал:

— Горло пересохло. Дайте саке!

Обрадованные передышкой носильщики, опустив паланкин на землю, вытирали полотенцами потные лица и грудь.

— Осталось на донышке, — сказал один из спутников Дэнситиро, протягивая ему бамбуковую фляжку.

Дэнситиро одним глотком опорожнил ее.

— Холодно, — пожаловался он. — Зуб на зуб не попадает.

От саке он окончательно проснулся.

— Еще ночь. Ни свет ни заря! — заметил Дэнситиро, взглянув на звезды.

— А брату кажется, что время остановилось. Он истомился, ожидая тебя.

— Надеюсь, он еще жив.

— Лекарь сказал, что выживет, но у него жар и рана кровоточит. Опасное дело.

Дэнситиро поднес пустую фляжку к губам и потряс ее, запрокинув голову.

— Мусаси! — гневно произнес он, отшвыривая пустую посудину. — В путь! И побыстрее!

Нетерпеливый и порывистый Дэнситиро, умевший и крепко выпить, и мастерски владевший мечом, ничем не походил на старшего брата. Еще при жизни Ёсиоки Кэмпо некоторые утверждали, что Дэнситиро талантливее отца. Так считал и сам молодой человек. При отце оба брата вместе занимались в додзё, кое-как ладя друг с другом, но сразу после смерти Кэмпо Дэнситиро отошел от дел в школе и даже заявил в лицо старшему брату, что тот должен уступить место главы школы ему, младшему брату.

Дэнситиро не появлялся дома с тех пор, как в прошлом году с двумя приятелями отправился в Исэ. Говорили, что он развлекается в провинции Ямато. За Дэнситиро послали гонца после несчастья, случившегося около храма Рэндайдзи. Дэнситиро согласился немедленно вернуться,

несмотря на нелюбовь к брату.

На пути в Киото Дэнситиро так гнал носильщиков, что четырежды пришлось менять их, зато у него находилось время покупать саке почти в каждом попутном трактире. Дэнситиро напивался, чтобы успокоиться, поскольку пребывал в состоянии крайнего возбуждения.

Процессия готова была двинуться в путь, когда путники услышали яростный лай в глубине рощи.

— Что это?

— Стая бродячих псов.

Город кишел бездомными собаками. Раньше они водились на окраинах, где кормились трупами, множество которых оставалось на полях после каждого сражения.

Взвинченный Дэнситиро приказал не терять попусту времени, но один из учеников возразил:

— Подождите! Там что-то странное творится.

— Иди посмотри! — распорядился Дэнситиро, но, не выдержав, пошел сам.

Кодзиро ушел, и собаки сбежались в рощу. Окружив Матахати тройным кольцом, они оглушительно лаяли. Псы словно намеревались отомстить за убитого собрата. Скорее всего, они чуяли добычу, которая была беззащитна перед

голодной стаей. Собаки были поджарые, с ввалившимися боками, острыми, худыми загривками и выпирающими как лезвие зубами.

Для Матахати собаки были пострашнее Кодзиро и Гэмпати. Единственным средством защиты ему служили голос и гримасы.

По наивности Матахати поначалу пытался урезонить собак, потом принялся выть, как дикий зверь. Собаки притихли и немного отступили. У Матахати вдруг потекло из носа, и грозного рыка не получалось. Он начал дико вращать глазами и скалить зубы, попробовал заворожить стаю пронзительным взглядом. Он изо всех сил высовывал язык и касался им кончика носа, но эта устрашающая гримаса была утомительной. Лихорадочно изобретая в голове новые способы, Матахати не придумал ничего лучше, как притвориться смирной собакой. Он лаял и подвывал, ему даже казалось, что у него вырос хвост.

Стая наступала наглее. Матахати видел собачий оскал совсем рядом. Самые смелые уже прихватывали его за ноги.

Матахати подумал усмирить собак пением. Он громко затянул популярную балладу «Повести о доме Тайры», подражая бродячим певцам-сказителям, которые исполняют это произведение под

аккомпанемент лютни бива.

И порешил император-инок
Посетить весной второго года Бундзи,
Загородную виллу Кэнрэймонъин
В горах близ Охары.
Но второй и третий месяц
Не утихая дул холодный ветер,
Не таяли снега на горных высях.

Матахати пел с закрытыми глазами, старательно и так громко, что едва не оглох от собственного голоса.

Дэнситиро со спутниками застали его за пением. Собаки разбежались.

— Помогите! Спасите меня! — возопил Матахати.

— Этого парня я видел в «Ёмоги», — сказал один самурай.

— Он муж Око.

— Муж? У нее вроде бы не было мужа.

— Это она дурила Тодзи.

Дэнситиро пожалел Матахати. Он велел прекратить болтовню и освободить несчастного.

Матахати тут же выдумал историю, в которой представал безупречным героем. Учитывая, что

перед ним были люди Ёсиоки, он приплел и имя Мусаси. Матахати сообщил, что они в детстве были друзьями, но потом Мусаси похитил его невесту, запятнав род Хонъидэнов несмываемым позором. Отважная матушка Матахати поклялась не возвращаться домой, не отомстив Мусаси. Вместе с матерью они повсюду разыскивали Мусаси, чтобы расквитаться с ним. Что до Око, так он никогда не был ее настоящим мужем. Он долго жил в чайной «Ёмоги», но не потому, что состоял в связи с хозяйкой. Ее шашни с Гионом Тодзи — лучшее подтверждение его слов.

Матахати сочинил, что на него в роще напали разбойники, ограбили и привязали к дереву. Он, разумеется, не сопротивлялся, сохраняя себя для дела, порученного ему матерью.

Матахати решил, что выдумка прозвучала убедительно.

— Благодарю вас! — сказал он. — Думаю, нас свела судьба. У нас общий заклятый враг, прогневавший небеса. Вы спасли меня от неминуемой гибели, и я навеки обязан вам. Смею предположить, что вы господин Дэнситиро. Вы, полагаю, намереваетесь встретиться с Мусаси. Не могу знать, кто из нас первым убьет Мусаси, но искренне надеюсь увидеть вас в ближайшем

будущем.

Матахати тараторил не умолкая, чтобы лишить слушателей возможности задавать ненужные вопросы.

— Осуги, моя мать, сейчас совершает новогоднее паломничество в храм Киёмидзу, чтобы помолиться об успехе в нашей войне против Мусаси. Я должен ее встретить там. На днях зайду к вам на улицу Сидзё, дабы засвидетельствовать свое почтение. Прошу простить, что я вас задержал.

Матахати поспешно удалился, оставив слушателей гадать, что в его истории правда, а что вранье.

— Откуда этот фигляр взялся? — проворчал Дэнситиро, сожалея о потерянном времени.

Как и предсказывал лекарь, первые дни оказались самыми тяжелыми. Наступил четвертый день. К ночи Сэйдзюро стало немного полегче. Он приоткрыл глаза, соображая, день сейчас или ночь. Светильник у изголовья едва теплился. Из смежной комнаты доносился храп приставленного к Сэйдзюро ученика.

«Я все еще жив, — подумал Сэйдзюро. — Жив и покрыт позором».

Дрожащей рукой он натянул на себя одеяло.

«Как смотреть людям в лицо? — Сэйдзюро с трудом сдерживал слезы. — Все кончено! — простонал он. — Пропал и я, и род Ёсиока».

Прокричал петух. Светильник затрещал и угас. В комнату проник бледный свет зари. Сэйдзюро почудилось, будто он снова на поле около Рэндайдзи. Глаза Мусаси! Он вздрогнул. Сэйдзюро осознавал, что в фехтовании ему далеко до этого человека. Почему он не бросил меч, не признал поражения и не попытался спасти остатки семейной репутации?

«Я зазнался, — простонал Сэйдзюро. — Какие у меня заслуги, кроме той, что я сын Ёсиоки Кэмпо?»

Сэйдзюро наконец понял, что дом Ёсиоки придет в упадок, если он останется его главой. Род Ёсиока не может процветать вечно, особенно в период бурных перемен.

«Поединок с Мусаси лишь ускорил падение. Почему я не умер на поле боя? Зачем мне жизнь?»

Сэйдзюро сдвинул брови. Безрукое плечо ломило от боли.

Раздался сильный стук в ворота дома, и через несколько мгновений в смежную комнату явился привратник, чтобы разбудить дежурного самурая.

— Дэнситиро? — воскликнул тот.

— Только что явился.

Оба побежали к воротам. Еще один человек вошел в комнату Сэйдзюро.

— Молодой учитель, хорошие новости! Господин Дэнситиро вернулся.

Ставни подняли, в жаровню подложили угля, приготовили подушку дзабутон. Из-за сёдзи раздался голос Дэнситиро:

— Брат здесь?

«Давно не слышал его», — подумал Сэйдзюро. Он сам вызвал Дэнситиро, но в нынешнем положении стеснялся показаться на глаза даже брату, вернее, брату хотелось показываться меньше всего.

Дэнситиро вошел. Сэйдзюро попытался улыбнуться.

Дэнситиро заговорил бодро и напористо:

— Видишь, никчемный братец мигом явился на помощь. Я бросил дела и поспешил сюда. Запаслись провизией в Осаке. Потом были в пути всю ночь. Я здесь, так что не беспокойся. Что бы ни случилось, никто и пальцем не посмеет тронуть школу. Это еще что? — уставился Дэнситиро на слугу, принесшего поднос с чаем. — Я не пью чай. Неси саке!

Дэнситиро выглянул в соседнюю комнату и приказал поплотнее задвинуть сёдзи.

— Вы что, обезумели? Не видите, мой брат замерз? — заорал он во всю глотку.

Сев на дзабутон перед жаровней, Дэнситиро некоторое время молча смотрел на раненого.

— Какую позицию ты принял перед боем? Почему проиграл? Миямото Мусаси приобрел некоторую известность, но он все равно остается новичком. Как ты допустил, чтобы этот бродяга застал тебя врасплох?

В дверях появился ученик.

— Что еще?

— Саке готово.

— Неси сюда!

— Я поставил в соседней комнате. Вы ведь сначала примете ванну?

— И не подумаю. Тащи саке сюда!

— В комнату молодого учителя?

— Почему бы нет? Я не видел его несколько месяцев и хочу с ним поговорить. Пусть мы не очень дружили, но в трудную минуту никто не заменит родного брата. Вот я и выпью за его здоровье около его постели.

Дэнситиро налил чашечку, за ней другую, третью…

— Ах, как славно! — воскликнул он. — Был бы ты здоров, я тебя бы угостил.

Сэйдзюро, потеряв терпение, сказал:

— Можешь не пить здесь?

— Почему?

— Потому что мне начинают в голову приходить тяжелые мысли.

— Какие еще мысли?

— Я думаю об отце. Его угнетало то, что мы прожигаем жизнь. Много ли хорошего мы успели сделать в жизни?

— Что это с тобой, братец?

— Ты пока этого не понимаешь, но я, лежа здесь, многое передумал и пожалел о попусту растраченной жизни.

Дэнситиро рассмеялся:

— Говори только про себя. Ты всегда был впечатлительным и чувствительным парнем, именно поэтому из тебя не получился настоящий мастер меча. Если хочешь знать правду, ты совершил ошибку, согласившись на поединок с Мусаси. Дело даже не в Мусаси, просто ты не годишься для сражений. Извлеки урок из поражения и забудь о фехтовании. Я давно говорил, что ты должен отказаться от школы. Конечно, можешь оставаться главой дома Ёсиоки, и я буду сражаться

вместо тебя, если кто-то настоит на поединке с тобой. Передай додзё мне! Я докажу, что способен прославить школу. Она станет более знаменитой, чем при отце. Не думай, что я хочу отобрать у тебя школу. Дай мне возможность, и я покажу, на что способен.

Дэнситиро выплеснул остатки саке в чашечку.

— Дэнситиро! — крикнул Сэйдзюро, пытаясь приподняться с постели. Он настолько ослабел, что не мог откинуть одеяло. Опустившись на изголовье, он протянул руку к брату.

— Осторожней, расплещешь саке! — заворчал Дэнситиро, перехватывая чашечку другой рукой.

— Дэнситиро, я с радостью передам тебе руководство школой, но ты должен стать и главой дома.

— Хорошо, будь по-твоему.

— Не считай, что это легкая ноша. Прежде подумай. Я скорее закрою школу, чем допущу, чтобы ты повторил мои ошибки. Мы уже запятнали память отца.

— Не опережай события. Я совсем не такой, как ты.

— Обещай, что изменишь свое поведение.

— Да ладно! Я буду пить когда захочу. Если ты об этом.

— Пей под настроение, но только знай меру. Я совершил свою ошибку не из-за пристрастия к саке.

— Твои беды из-за женщин. Ты всегда питал к ним слабость. Когда поправишься, ты должен жениться и остепениться.

— Нет, не время думать о женитьбе, хотя я и оставлю фехтование. Есть женщина, о которой я обязан позаботиться. Мне ничего не надо, лишь бы она была счастлива. А я проживу и в лесной хижине.

— Кто такая?

— Не важно, тебе дела до нее нет. Как самурай, я должен выдержать все испытания до конца. И обязан искупить свой позор. Я могу поступиться гордостью. Забирай школу!

— Я наведу порядок, вот мое слово. Клянусь, что сниму пятно с твоего имени. Где сейчас Мусаси?

— Мусаси? — чуть не задохнулся Сэйдзюро. — Не смей даже думать о поединке с ним! Я только что просил тебя не повторять моих ошибок.

— О чем же мне тогда думать? Зачем ты позвал меня? Мы должны найти Мусаси, пока он не скрылся. Какой смысл был в спешном приезде?

— Сам не понимаешь, что говоришь, — покачал головой Сэйдзюро. — Я запрещаю тебе сражаться

с Мусаси.

Дэнситиро обиделся. Он с детства ненавидел приказания старшего брата.

— А почему бы не сразиться?

На бледных щеках Сэйдзюро проступили красные пятна.

— Ты не выиграешь, — резко ответил он.

— Кто это не выиграет? — набычился Дэнситиро.

— Ты не победишь. Тебе не побить Мусаси.

— Почему?

— Ты не чета ему.

— Ерунда!

Дэнситиро притворился, будто слова брата насмешили его. Плечи Дэнситиро тряслись от смеха. Он высвободил руку, которую сжимал Сэйдзюро, и вылил в чашечку последние капли саке.

— Эй, кто там? — позвал он. — Саке кончилось!

Когда ученик принес саке, Дэнситиро в комнате уже не было. Сэйдзюро лежал под одеялом, уткнувшись в подушку. Ученик поправил постель.

— Позови его, — сказал Сэйдзюро. — Хочу еще кое-что сказать брату.

Сэйдзюро говорил ясно и четко. Обрадованный переменой в состоянии больного, ученик

побежал на поиски Дэнситиро. Он нашел его в додзё, сидящего в окружении Уэды Рёхэя, Миикэ Дзюродзаэмона, Нампо Ёитибэя, Отагуро Хёскэ и еще нескольких старших учеников.

— Вы видели старшего брата? — обратился один из учеников к Дэнситиро.

— Только от него вышел.

— Он, верно, обрадовался, увидев вас.

— Не очень. Я торопился к нему, но стоило заговорить, как он сделался капризным и сварливым. Пришлось выложить начистоту все, что я о нем думаю. Рассорились, по обыкновению.

— Ты спорил с ним? Напрасно. Он едва начал поправляться, — с упреком проговорил Рёхэй.

— Выслушай до конца!

Дэнситиро и старшие ученики держались как старые друзья. Дэнситиро, обняв Рёхэя за плечи, потряс его.

— Послушайте, что заявил мой брат. Сказал, что я не смогу победить Мусаси, поэтому должен выбросить из головы затею свести счеты с этим ронином. Если Мусаси побьет меня, то дому Ёсиоки придет конец. Он сказал, что ответственность за понесенный позор возьмет на себя и отойдет от дел. Брат хочет, чтобы я занял его место и упорным трудом поправил дела в школе.

— Вот как!

— Ты что хотел этим сказать?

Рёхэй промолчал.

— Молодой учитель хочет вас видеть, — позвал Дэнситиро ученик, вошедший в додзё.

— Где саке? — недовольно поморщился Дэнситиро.

— Оставил его в комнате господина Сэйдзюро.

— Принеси сюда!

— Брат вас ждет.

— Он мучается от приступов страха. Делай, что тебе говорят.

Молодые самураи пить не хотели.

— Не время для выпивки, — упорствовали они.

— Что-то с вами случилось? Вы тоже испугались Мусаси? — вспылил Дэнситиро.

Лица учеников выражали боль, потрясение, горечь поражения. До конца дней своих они не забудут роковую минуту, когда один удар деревянного меча искалечил их учителя и разрушил авторитет школы. Они пока не могли договориться о том, что им предпринять. Споры продолжались третий день. Одни настаивали на повторном вызове Мусаси, другие предпочитали не усугублять и без того тяжелое положение школы. Несколько бывалых учеников одобрительно

восприняли боевой задор Дэнситиро, однако остальные, включая Рёхэя, разделяли мнение своего искалеченного учителя. Одно дело, когда Сэйдзюро настаивает на сдержанности, другое — когда ученики пытаются отстоять его точку зрения перед такой горячей головой, как Дэнситиро.

Заметив их нерешительность, Дэнситиро заявил:

— Мой брат не имеет права на трусость, пусть он и калека. Он ведь не девица! Никогда не соглашусь с ним!

Принесли саке. Дэнситиро наполнил чашечки. Теперь он всему голова и с самого начала хотел поставить дело на лад. В школе Ёсиоки будет место только настоящим мужчинам.

— А теперь выслушайте мой план, — обратился он к ученикам. — Я сражусь с Мусаси и побью его, что бы ни говорил брат. Сэйдзюро хочет спустить этому типу его наглость. Немудрено, что Сэйдзюро потерпел поражение. Не воображайте, что я такой же мягкосердечный, как брат.

— Никто не сомневается в твоих талантах, они нам прекрасно известны, однако… — нерешительно промолвил Нампо Ёитибэй.

— Что «однако»? Договаривай, коли начал.

— Твой брат, кажется, не считает Мусаси достойным внимания фехтовальщиком. Он прав. Подумай о риске…

— О риске? — взревел Дэнситиро.

— Нет! Ты неправильно понял. Беру свои слова обратно… — поспешно оправдывался Ёитибэй.

Сказанное не вернешь. Дэнситиро, вскочив, схватил Ёитибэя за ворот и швырнул о стену.

— Вон отсюда! Трус!

— Я оговорился, я не имел в виду…

— Заткнись! Вон! Размазня не имеет права пить в моей компании.

Ёитибэй побледнел. Встав на колени, он обратился к однокашникам:

— Спасибо вам за годы, прожитые среди вас.

Он подошел к синтоистскому алтарю в дальнем конце додзё, поклонился и вышел. Дэнситиро не взглянул ему вслед.

— А теперь выпьем! — скомандовал он. — Потом вы отправитесь на поиски Мусаси. Едва ли он покинул Киото. Думаю, болтается по городу, бахвалясь победой. Вот еще одно дело. Хочу оживить додзё. Хочу, чтобы вы тренировались не щадя себя. Я немного отдохну и сам приступлю к тренировкам. Запомните, я не добренький, как мой брат. Даже из самых младших я буду

выжимать все.

Прошла неделя. Один из младших учеников принес весть, что Мусаси найден. Все эти дни Дэнситиро, верный своему слову, практиковался с утра до вечера. Его неистощимая энергия изумляла учеников. Когда новость достигла школы, они смотрели, как Дэнситиро играючи расправляется с Отагуро, самым опытным учеником.

— Перерыв! — объявил Дэнситиро, убирая меч. — Значит, нашел его?

— Да, — ответил ученик, опускаясь на колени перед Дэнситиро.

— Где?

— В переулке Хонъами к востоку от Дзиссоина. Мусаси живет у Хонъами Коэцу, насколько я понял.

— Странно! Откуда эта деревенщина может знать людей, подобных Коэцу?

— Не знаю. Но живет он там.

— Хорошо. Там его и возьмем, — объявил Дэнситиро.

Отагуро и Уэда тщетно пытались отговорить его.

— Если мы нападем врасплох, то все сведется к уличной драке. Молва нас осудит, даже если мы победим.

— Ерунда! Этикет оставим для додзё. В настоящих сражениях победитель тот, кто побеждает.

— Правильно, но Мусаси побил твоего брата по правилам. Истинному фехтовальщику пристало направить противнику письмо с указанием места и времени поединка и там побить противника честно и открыто.

— Может, вы и правы. Так и поступим, но не вздумайте под влиянием брата отговаривать меня. Я буду сражаться с Мусаси, хочет того Сэйдзюро или нет.

— Мы избавились ото всех несогласных с тобой и выгнали всех неблагодарных.

— И стали поэтому сильнее. Нам не нужны жулики вроде Гиона Тодзи или слюнтяи, подобные Нампо Ёитибэю.

— Брату сказать, что мы посылаем вызов Мусаси?

— Ни в коем случае! Я сам.

Дэнситиро ушел к Сэйдзюро. Остальные молились, чтобы не произошло новой ссоры, поскольку братья не изменили отношения к повторному поединку. Ученики принялись обсуждать место и время будущего боя.

Неожиданно тишину нарушил голос Дэнситиро:

— Уэда! Миикэ! Отагуро! Ко мне, быстрее!

Потерянный, Дэнситиро стоял посреди комнаты. На глаза навернулись слезы. Никто прежде не видел Дэнситиро в таком состоянии.

— Вот, смотрите! — сказал он, протягивая ученикам длинный свиток. — Полюбуйтесь, что наделал этот глупец. Он упорно настаивает на своем мнении, но дело не в этом. Он ушел из дома навсегда. Не удосужился сообщить, куда направляется.

Материнская любовь

— Кто там? — спросила Оцу, отложив шитье. Она отодвинула сёдзи со стороны веранды, но никого не увидела. Оцу печально вздохнула — она думала, что пришел Дзётаро. Она скучала без мальчика, а сейчас он был ей нужен как никогда.

Еще один день полного одиночества. Оцу не могла сосредоточиться на рукоделии.

Здесь, у подножия холма Саннэн, на котором стоял храм Киёмидзу, улочки были узкими и грязными, зато за домами и лавками виднелись бамбуковые рощицы и небольшие поля, цветущие камелии и груши. Осуги любила эту гостиницу. Она останавливалась в ней всегда, приезжая в Киото, и хозяин непременно предоставлял ей отдельный маленький домик. За домиком начинался сад, а перед ним был огородик, за которым располагалась гостиничная кухня, где постоянно кипела работа.

— Оцу! — донесся голос из кухни. — Время обедать. Принести обед?

— Пора уже? — переспросила Оцу. — Я поем вместе с пожилой женщиной, когда та вернется.

— Она говорила, что задержится допоздна.

— Есть не хочется.

— Не представляю, как можно жить без еды!

Во двор гостиницы ветром заносило дым от печей, в которых на сосновых поленьях гончары обжигали свои изделия. Когда разжигали все печи, дым становился удушливым, но потом весеннее небо казалось необычайно чистым и голубым.

С улицы доносились голоса паломников, идущих в храм, ржание лошадей, стук копыт. Новость о победе Мусаси над Сэйдзюро Оцу услышала от случайных встречных здесь же. Образ Мусаси возник перед ее взором. «Дзётаро наверняка был в тот день около Рэндайдзи, — подумала Оцу, — поскорее бы он пришел и обо всем рассказал!»

Оцу не верила, что мальчик не может найти ее. Прошло уже двадцать дней. Дзётаро знал, что она живет у подножия холма Саннэн. Конечно, Дзётаро мог заболеть, но Оцу сомневалась в этом, потому что мальчишка отличался крепким здоровьем. «Носится где-нибудь, бесшабашный, воздушных змеев запускает». Оцу невольно почувствовала легкую зависть к свободе Дзётаро.

А вдруг Дзётаро ждал ее? Она ведь обещала, что скоро вернется в дом Карасумару. Осуги запрети-

ла Оцу выходить из гостиницы без ее разрешения. Старуха наверняка поручила хозяину и слугам следить за девушкой. Стоило ей посмотреть в сторону улицы, как кто-нибудь обязательно интересовался: «Собираешься куда-то пойти, Оцу?» Вопрос звучал ненавязчиво, но Оцу догадывалась о причине любопытства. Письмо она могла передать только через постояльцев гостиницы. Их, однако, предупредили о необходимости придерживать все послания Оцу.

Осуги пользовалась известностью в квартале, и люди охотно выполняли ее поручения. Некоторые из местных лавочников, носильщиков паланкинов и извозчиков видели, как в прошлом году она вызвала на бой Мусаси в Киёмидзу, и ее отвага поразила их.

Оцу сшивала выстиранный дорожный костюм Осуги. Неожиданно за сёдзи мелькнула тень и незнакомый голос произнес: «Туда ли я попала?» Это была молодая женщина, которая с улицы зашла во двор гостиницы и теперь стояла под сливовым деревом между двумя маленькими грядками лука. Она выглядела взволнованной и немного испуганной, ей явно не хотелось уходить отсюда.

— Это гостиница? У ворот висит фонарь с на-

званием гостиницы, — обратилась она к Оцу.

Оцу не поверила своим глазам. У нее заныло сердце при виде незнакомки.

— А где же сама гостиница? — неуверенно спросила Акэми, полагая, что ошиблась. Взглянув на цветущую сливу, она воскликнула: — Какая прелесть!

Оцу молча наблюдала за девушкой. Из гостиницы прибежал слуга, которого позвала одна из кухарок.

— Вы ищете вход в гостиницу?

— Да.

— Пожалуйста, он на углу, справа от ворот.

— Гостиница выходит прямо на улицу?

— Да, но у нас очень тихо.

— Мне нужна такая комната, чтобы никто не видел, как я прихожу и ухожу. Я подумала, что гостиница стоит в глубине улицы. А этот домик тоже ваш?

— Да.

— Приятное, спокойное место.

— У нас хорошие комнаты и в главном доме.

— В домике, как я заметила, живет какая-то женщина. Нельзя ли поселиться вместе с ней?

— Видите ли, с ней еще одна гостья, старая и, простите, очень нервная.

— Мне это не помешает.

— Хорошо, я спрошу у пожилой госпожи, когда она придет. Ее сейчас нет.

— Могу я до той поры где-нибудь передохнуть?

— Да, пожалуйста!

Слуга повел Акэми по переходу в главный дом. Оцу пожалела, что не воспользовалась возможностью задать девушке несколько вопросов. Природная робость часто подводила Оцу, и ей хотелось быть пообщительнее.

Когда ревнивые мысли начинали завладевать Оцу, она уговаривала себя тем, что Мусаси не из тех мужчин, которые легко меняют свои привязанности. В то злосчастное утро Оцу был нанесен жестокий удар. «Ей легче проводить время с Мусаси… Она, верно, поумнее меня и хорошо знает, чем привлечь сердце мужчины…» — думала Оцу.

До того дня мысль о возможной сопернице никогда не приходила в голову Оцу. Сейчас она во всем винила себя. «Я некрасива… Не слишком сообразительна… У меня нет ни родителей, ни родственников, которые поддержали бы меня и помогли бы устроить жизнь». Приглядываясь к другим женщинам, Оцу с грустью думала, что мечты ее напрасны и глупо надеяться на чувство со стороны Мусаси. Она сознавала, что никогда

больше не переживет страстного порыва, который увлек ее на старую криптомерию, чтобы отвязать Мусаси в ту грозовую ночь.

«Вот если бы Дзётаро мне помог! — тоскливо думала Оцу. Ей даже показалось, что она постарела. — В Сипподзи я была такой же непосредственной, как Дзётаро сейчас, поэтому и освободила Мусаси».

Оцу тихо заплакала. Слезы падали на шитье.

— Ты здесь, Оцу? — раздался властный голос Осуги. — Что сидишь в потемках?

Оцу не заметила, как сгустились сумерки.

— Извините! Мигом зажгу светильник! — поспешила извиниться Оцу и побежала в заднюю комнату.

Вернувшись, она опустилась на колени, чтобы поставить светильник. Осуги холодно смотрела ей в спину. Комната осветилась, и Оцу поклонилась старухе.

— Вы, верно, очень устали. Что делали сегодня? — вежливо осведомилась Оцу.

— Сама знаешь, чем я занята.

— Ноги растереть?

— Ноги не болят, но четыре дня кряду затекают плечи. От погоды, наверное. Сделай милость, разомни их.

Осуги успокаивала себя, что ей недолго осталось терпеть эту девку. Надо найти Матахати, и он исполнит святую обязанность, исправив зло. Оцу, стоя на коленях, принялась массировать плечи старухи.

— Плечи очень затекли. Вам, верно, трудно дышать.

— Порой закладывает грудь. Я стара, и меня в любую минуту может хватить удар.

— Не надо так говорить! Вы здоровее и бодрее многих молодых людей.

— Может быть. Но возьми, к примеру, дядюшку Гона. Какой был здоровяк и весельчак, а его не стало в одну минуту. Никто не знает, что случится завтра. Только мысль о Мусаси дает мне силы.

— Вы относитесь к нему с предубеждением. Мусаси — хороший человек.

— Ну да! — усмехнулась Осуги. — Ты ведь его любишь и ради него бросила моего сына. Не буду ругать Мусаси при тебе.

— Я не о том говорю.

— Как это? Ты любишь Мусаси больше, чем Матахати. Почему открыто не признаться?

Оцу молчала. Старуха продолжала:

— Вот найдем Матахати, я с ним поговорю, и мы устроим все по-твоему. Я уверена, правда, что

ты снова удерешь к Мусаси и вы на пару до конца дней будете чернить нас.

— Почему вы так решили? Вы плохо знаете меня. Я с неизменной благодарностью буду помнить все сделанное вами для меня в прежние годы.

— Ловки же современные девицы! Как ты складно все обставляешь. Я честная женщина и не могу скрывать чувства за красивыми словами. Ты знаешь, что станешь моим врагом, выйдя замуж за Мусаси. Ха-ха-ха! Тебе не надоело разминать старушечьи плечи?

Оцу не отвечала.

— Плачешь, что ли?

— Нет.

— А что мне капает за ворот?

— Простите, не могла сдержать слез.

— Прекрати реветь! Такое ощущение, будто насекомые ползают по спине. Перестань хныкать по Мусаси, лучше дави посильнее на плечи!

В саду засветился фонарь. Оцу подумала, что служанка несет их ужин, но подошедший оказался монахом.

— Прошу прощения, — произнес он, поднимаясь на веранду. — Здесь живет вдова Хонъидэн? Это вы, вероятно?

На фонаре в руке монаха было написано: «Храм

Киёмидзу на горе Отова».

— Позвольте представиться, — начал монах. — Я служу в храме Сиандо, он находится повыше на холме.

Опустив фонарь на пол, монах достал из-за пазухи письмо.

— Имя человека мне неизвестно, но он молодой ронин. Сегодня вечером незадолго до захода солнца он пришел в храм и стал расспрашивать о пожилой женщине из Мимасаки, которая должна прийти сюда на богомолье. Я ответил, что женщина, похожая на описанную им, бывает в храме, но сегодня она не приходила. Он попросил у меня кисть и написал письмо. Ронин оставил его мне, чтобы я передал письмо женщине в очередной ее приход в храм. Я слышал, что вы остановились в этой гостинице, решил занести вам письмо, поскольку шел мимо на улицу Годзё.

— Премного вам благодарна! — сердечно поблагодарила Осуги.

Она предложила монаху присесть и выпить чаю, но он распрощался, сказав, что торопится по делам.

«Что за письмо?» — подумала Осуги, разворачивая свиток. Прочитав первые строки, она побледнела.

— Оцу! — позвала старуха.

Оцу отозвалась из задней комнаты.

— Не надо готовить чай. Он ушел.

— Уже? Может, вы попьете?

— Хватает же ума предлагать мне чай, приготовленный для кого-то еще? Я не водосточная труба. Оставь чай и одевайся!

— Мы куда-нибудь идем?

— Да. Сегодня все твои беды утрясутся.

— Письмо от Матахати?

— Не твое дело.

— Хорошо. Я попрошу поскорее принести ужин.

— Ты разве не ела?

— Нет, ждала вас.

— Все у тебя невпопад! Я вот поела по пути в гостиницу. Быстро поешь риса с маринованными овощами.

Оцу направилась в кухню, но старуха остановила ее.

— Ночью на горе Отова будет холодно. Одежду мою сшила?

— Осталось несколько стежков в кимоно.

— Я не спрашиваю о кимоно! Я тебе толкую о нижней одежде. Я ведь оставила ее, чтобы ты вовремя ее приготовила. Носки выстирала?

Шнурки на сандалиях ослабли, скажи, чтобы принесли новые.

Приказания сыпались градом, так что Оцу не могла не то что выполнить их, но даже ответить Осуги, но девушка не смела перечить. Она цепенела от страха перед старой ведьмой.

О еде и заикаться нельзя было. Вскоре Осуги заявила, что она готова в путь. Поставив на веранде новые сандалии для старухи, Оцу сказала:

— Идите, я вас догоню.

— Фонарь принесла?

— Нет.

— Бестолочь! Считаешь, я должна спотыкаться на горе во тьме? Возьми в гостинице.

— Простите, я не догадалась.

Оцу не знала, куда они собираются на ночь глядя, но боялась спрашивать. Она шла с фонарем впереди старухи вверх по холму Саннэн. Оцу повеселела, несмотря на придирки Осуги. Конечно, письмо от Матахати, значит недоразумение, мучившее ее много лет, наконец разрешится. «Как только мы поговорим, сразу вернусь в дом Карасумару. Надо увидеть Дзётаро», — подумала Оцу.

Подниматься в гору было трудно. На каждом шагу подстерегали камни и ямы. В ночной тишине водопад шумел сильнее, чем днем.

Наконец Осуги остановилась.

— Думаю, это и есть место, посвященное божеству горы. Вот и надпись: «Вишневое дерево божества гор».

— Матахати! — крикнула в темноту старуха. — Сынок, я здесь!

Материнская любовь преобразила ее грозное лицо, голос взволнованно дрожал. Оцу впервые видела Осуги такой. Она и не подозревала, что старуха так нежно любит сына.

— Следи, чтобы фонарь не погас! — предупредила Осуги девушку.

— Не беспокойтесь, — послушно отозвалась Оцу.

— Его здесь нет, — проворчала старуха. — Не пришел.

Она обошла храм раз, другой.

— Он написал, что я должна прийти к святилищу божества горы.

— Он написал, что будет ждать вас сегодня?

— Он вообще не написал ни слова о дне встречи. Он, похоже, никогда не повзрослеет. Не понимаю, почему ему самому не прийти в мою гостиницу. Стыдится, верно, выходки в Осаке.

Оцу потянула старуху за рукав.

— Тише! Кто-то идет. Может, он.

— Это ты, сынок? — позвала Осуги.

Мимо прошагал человек, даже не взглянув на них. Обойдя храм, он вернулся и пристально посмотрел на Оцу. Когда он только появился, Оцу не узнала его, но сейчас вспомнила, что это тот самурай, который стоял под мостом в новогоднее утро.

— Вы только что поднимались в гору? — спросил Кодзиро.

Оцу и Осуги не отвечали, опешив от неожиданности вопроса. Вызывающе яркий костюм Кодзиро приковал их внимание.

— Я ищу девушку примерно твоего возраста. — Кодзиро показал пальцем на Оцу. — Ее зовут Акэми. Она поменьше ростом и покруглее лицом. Она выросла в чайной и держится весьма независимо для своих лет. Не видали такой?

Оцу и Осуги покачали головами.

— Странно. Мне сказали, что ее встречали в этих местах. Я был уверен, что она вздумает переночевать в одном из храмов.

Кодзиро обращался к стоящим перед ним женщинам, но говорил он скорее сам с собой. Пробормотав еще что-то, он ушел.

— Еще один бездельник! — прищелкнула языком Осуги. — У него два меча, самурай, должно

быть, но ты видела, во что он вырядился? Шатается ночью, ищет какую-то женщину. Счастье, что не нас!

Оцу не сомневалась, что самурай искал девушку, днем заходившую в гостиницу, но она ничего не сказала Осуги.

Что связывало эту девушку и Мусаси? Какое отношение имел самурай к девушке?

— Идем назад! — проговорила Осуги. Голос прозвучал устало и подавленно.

Перед храмом Хонгандо, где в прошлом году произошла стычка между Осуги и Мусаси, женщины вновь увидели Кодзиро. Переглянувшись, они молча продолжили путь. Осуги проводила взглядом самурая, который поднялся до Сиандо, а потом стремительно поспешил вниз.

— У него твердый взгляд, — пробормотала Осуги. — Как у Мусаси.

В этот момент, заметив, как мелькнула чья-то тень, старуха вздрогнула.

— О-оу! — вырвался у нее из груди совиный крик.

Кто-то махал ей рукой из-за ствола громадной криптомерии, подзывая к себе.

«Матахати!» — обрадовалась Осуги. Она растрогалась оттого, что Матахати хочет видеть ее

одну.

Оцу шла метрах в пятнадцати впереди.

— Оцу, ступай вперед, я тебя догоню! — крикнула Осуги. — Жди меня у места, которое называется Тиримадзука.

— Хорошо, — отозвалась Оцу.

— Да не вздумай сбежать! Я тебя везде отыщу! От меня не скроешься.

Осуги подбежала к дереву.

— Матахати, ты?

— Да, матушка.

Матахати прижал мать к груди, словно долгие годы ждал этой минуты.

— Почему ты прячешься за деревом? А руки какие холодные, как лед!

Осуги расчувствовалась от прилива материнских чувств.

— Скрываюсь, — ответил Матахати, судорожно оглядываясь. — Видела человека, который бродил здесь несколько минут тому назад?

— Самурай с длинным мечом за спиной?

— Да.

— Ты его знаешь?

— Можно так сказать. Это Сасаки Кодзиро.

— Что? Я считала, что Сасаки Кодзиро — это ты.

— Я?!

— В Осаке ты показывал свидетельство. Это имя значилось в документе. Ты говорил, что принял это имя, став мастером фехтования.

— Неужели? Да-да, верно! Когда я шел сюда, я его заметил. На днях Кодзиро учинил мне большую неприятность. Вот я и стараюсь не попадаться ему на глаза. Появись он сейчас, мне несдобровать.

Осуги от потрясения потеряла дар речи. Она с горечью отметила, что Матахати исхудал. Его растерянный вид вызвал у Осуги теплую волну нежности к сыну, — по крайней мере, она сочувствовала ему в эту минуту.

Дав ему понять, что ее не интересуют подробности, Осуги сказала:

— Все это пустяки. Сынок, ты знаешь, что дядюшка Гон умер?

— Дядюшка Гон?

— Да. Он умер там же, в Сумиёси, сразу после того, как ты покинул нас.

— Нет, не слышал.

— Вот такие новости. Хочу спросить, понимаешь ли ты, ради чего умер дядюшка Гон и почему я на склоне дней занимаюсь изнурительным и долгим поиском?

— Понимаю. Твои слова запечатлелись в моем сердце после той ночи, когда ты… объяснила мои недостатки.

— Запомнил? Очень хорошо. А теперь другая новость, радостная для тебя.

— Какая?

— Дело касается Оцу.

— Девушка, шедшая с тобой, Оцу?

Матахати сделал было шаг вперед, но Осуги остановила его.

— Куда собрался?

— Хочу увидеть Оцу. Столько лет не встречал ее!

— Я привела ее специально, чтобы ты посмотрел на нее, — кивнула Осуги. — Не расскажешь ли матери, что теперь собираешься делать?

— Попрошу у нее прощения. Я поступил с Оцу подло, но надеюсь на ее доброту.

— А потом?

— Потом я ей скажу, что не совершу подобной ошибки никогда в жизни. Матушка, ради меня, ты ее тоже попроси.

— Что дальше?

— А дальше все будет по-прежнему.

— Что значит «по-прежнему»?

— Я хочу, чтобы мы с Оцу снова подружились.

Хочу жениться. Как ты думаешь, матушка, она…

— Дурак! — сказала Осуги, залепив Матахати увесистую пощечину.

Матахати, приложив руку к щеке, попятился от матери.

— За что, мама? — заикаясь, спросил он.

Матахати впервые видел мать в таком гневе.

— Ты только что сказал, что не забудешь наш разговор в Осаке.

Матахати понурил голову.

— Где это видано, чтобы перед распутной девкой извинялись? За что ты намерен извиняться, если она бросила тебя и сбежала с другим? Ты ее увидишь, но извиняться не будешь. А теперь слушай!

Осуги, схватив сына за грудки, несколько раз основательно тряхнула его. Голова Матахати болталась как у болванчика, глаза были закрыты.

— Что это? Плачешь? — изумленно воскликнула Осуги. — Так любишь эту беспутную? Тогда ты мне не сын!

Осуги отпустила его. Матахати подкошенным снопом рухнул на землю. Осуги опустилась рядом с сыном и зарыдала.

Старуха расчувствовалась, но ненадолго. Смахнув слезы и выпрямившись во весь рост, она

сказала:

— Ты должен решиться — теперь или никогда. Мне осталось недолго жить. Я умру, и ты не сможешь при всем желании поговорить со мной. Подумай, Матахати! На свете много девушек. Оцу вела себя непристойно, с такими нельзя связываться. Подбери себе хорошую девушку, и я сосватаю ее, пусть даже ценой сотни визитов к ее родителям. Я положу на это дело последние силы и жизнь.

Матахати угрюмо молчал.

— Откажись от Оцу, забудь ее во имя славного рода Хонъидэн. Какие бы чувства ты ни питал к ней, наша семья не может принять ее. Если ты не порвешь с ней навсегда, лучше отсеки мою дряхлую голову, а уж потом гуляй вволю. Пока я жива…

— Замолчи, мама!

Резкость Матахати задела Осуги.

— Ты имеешь наглость кричать на меня?

— Ответь мне, кто из нас женится — ты или я?

— Глупость какая!

— Почему я не могу выбрать себе жену?

— Тише! Всегда был капризным. Сколько тебе лет? Ты давно не ребенок.

— Ты моя мать, но твои требования непомерны.

Ты несправедлива ко мне.

Перепалки между Матахати и его матерью были в порядке вещей. Оба горячились, и каждый упрямо стоял на своем, зная, что не уступит в споре.

— Несправедлива? — прошипела Осуги. — Чей ты сын? Кто носил тебя под сердцем?

— При чем тут это? Я люблю только Оцу и хочу жениться на ней.

Матахати сказал это, глядя на небо, чтобы не видеть ядовитой улыбки матери.

— Ты хочешь этого, сын? — произнесла Осуги. Вытащив короткий меч, она приставила лезвие к горлу.

— Ты что, мама?!

— С меня довольно. Не пытайся остановить меня. Соберись с мужеством и нанеси мне последний удар.

— Не надо! Я твой сын! Я не переживу твоей смерти!

— Хорошо. Откажись от Оцу.

— Зачем тогда ты привела ее? Зачем бередить мне душу? Не понимаю!

— Я без труда могла бы убить ее, но ведь она оскорбила твою честь. И я, мать, решила, что ты должен наказать ее. Ты мне должен быть за это

благодарен.

— Ты заставляешь меня убить Оцу?

— А разве ты не хочешь? Говори прямо! Но прежде хорошенько подумай.

— Мама… ведь…

— Все еще цепляешься за ее подол? Тогда ты мне не сын, я тебе не мать. Раз ты не в состоянии отсечь голову наглой распутнице, возьми мою! Пожалуйста, я готова принять последний удар от тебя! Жду!

«Жизнь устроена так, — подумал Матахати, — что дети доставляют хлопоты родителям, но порой случается наоборот». Осуги загнала его в угол. Матахати впервые оказался перед таким страшным выбором. Дикие глаза матери пронзали его до глубины души.

— Стой, мама! Опусти меч! Я забуду Оцу и выполню твое приказание.

— Какое еще приказание?

— Накажу ее. Сделаю это собственными руками.

— Ты убьешь ее?

— Да.

Слезы радости потекли из глаз Осуги. Отложив меч, она сжала руку сына.

— Дорогой мой! Наконец ты заговорил как

будущий глава дома Хонъидэн. Предки гордятся тобой.

— Правда?

— Иди и исполни свой долг. Оцу ждет внизу, в Тиримадзуке. Беги!

— Э-э…

— Сочиним сопроводительное письмо и пошлем его вместе с ее головой в храм Сипподзи. Вся деревня узнает, что мы наполовину смыли свой позор. Мусаси, услышав о ее смерти, по велению гордости сам придет к нам. И настанет миг нашего торжества! Матахати, не мешкай!

— Ты подождешь меня здесь?

— Нет, я пойду за тобой следом, но не покажусь на глаза Оцу. Увидев меня, она расхнычется и обвинит в нарушении обещания. Лишняя неловкость.

— Она беззащитная женщина, — сказал, поднимаясь, Матахати. — С ней хлопот не будет. Посиди лучше здесь. Я принесу ее голову. Не беспокойся, она от меня не уйдет.

— Осторожность не помешает. И женщина сопротивляется, увидев обнаженный клинок.

— Напрасное беспокойство.

Матахати с решительным видом зашагал вниз по склону. Мать последовала за ним, озабоченно

нахмурив брови.

— Запомни, — напутствовала она сына, — в таком деле надо быть начеку.

— Ты все идешь за мной? Ты обещала не показываться.

— Тиримадзука ниже.

— Знаю, мама. Иди, если хочешь. Я подожду здесь.

— Что за упрямство?

— У меня такое ощущение, что я должен убить слепого котенка. А ведь надо лишить жизни человека. Невыносимо!

— Понимаю. Пусть Оцу изменила, но она была твоей невестой. Раз ты не хочешь убивать на моих глазах, я подожду здесь.

Матахати пошел один.

Когда Оцу осталась одна, ее первым порывом была мысль о бегстве. Остыв немного, она подумала, что побег перечеркнет ее мучения, которые она терпела от Осуги целых двадцать дней. Она решила выдержать до конца. Коротая время, Оцу думала о Мусаси, потом о Дзётаро. При воспоминании о Мусаси любовь ее вспыхивала россыпью ярких звезд. Она продолжала лелеять свои мечты и надежды, в ушах у нее отчетливо звучал голос Мусаси, который она слышала на перевале На-

каяма, на мосту Ханада. Она верила: рано или поздно Мусаси вернется к ней.

Внезапно Оцу вспомнила об Акэми, чей образ преследовал ее, угрожая надеждам. Зловещая тень соперницы исчезла. Безграничная вера в Мусаси была сильнее страха перед чарами Акэми. Оцу вспомнила предсказание Такуана о том, что ее ожидает горькая участь, но монах, видимо, ошибся. Иначе как объяснить ту радость, которая не покидала ее? И сейчас, когда в глухом и темном месте она ждала постылого человека, Оцу не отчаивалась.

— Оцу!

— Кто это?

— Хонъидэн Матахати.

— Матахати?

У Оцу перехватило дыхание.

— Ты и голос мой забыла?

— Нет, теперь узнала. Ты видел мать?

— Да, она ждет меня повыше на горе. Ты совсем не изменилась! Совсем такая, как в Мимасаке.

— Где ты? Здесь так темно, что я ничего не вижу.

— Можно подойти? Мне стыдно смотреть тебе в глаза. Ты сейчас о чем думала?

— Ровным счетом ни о чем.

— Обо мне не думала? А вот я всегда думаю о тебе. Не было дня, чтобы я не вспомнил тебя, Оцу.

Оцу сжалась при виде медленно приближающегося Матахати.

— Матахати, мать тебе все рассказала?

— Угу.

— Раз ты все знаешь, ты без труда поймешь меня, — с облегчением произнесла Оцу. — Посмотри на случившееся моими глазами. Забудем прошлое! Оно минуло безвозвратно, а впереди у каждого из нас своя жизнь.

— Не говори так, Оцу!

Матахати не знал, что говорила его мать, но не сомневался в коварстве Осуги.

— От воспоминаний у меня сжимается сердце, — продолжал Матахати. — От стыда я не могу поднять голову. Небо свидетель, что я с радостью забыл бы прошлое, но это выше моих сил. Невыносимо вообразить, что мне придется отказаться от тебя, Оцу!

— Рассуди трезво, Матахати! Связь между нашими сердцами давным-давно порвана. Их разделила широкая долина.

— Верно. И пять лет протекли по этой долине.

— Утекли безвозвратно. Мы не можем вернуть нашу привязанность из минувшего.

— Нет, сможем!

— Ошибаешься, Матахати. Чувства прошли, как и время.

Матахати, пораженный холодностью Оцу, не узнавал в ней наивную, веселую, как весеннее солнышко, девушку, которая когда-то открыла ему сердце. Матахати чудилось, что он разговаривает с белоснежным каменным изваянием. Откуда в ней непреклонная, холодная решительность?

Он вспомнил, как Оцу, бывало, с отрешенным и мечтательным видом могла почти целый день просидеть на веранде храма Сипподзи, устремив взгляд в никуда, словно разглядывая в плывущих облаках мать и отца, братьев и сестер.

Матахати сделал шаг вперед и осторожно, словно протягивая руку к бутону белой розы, прошептал:

— Попробуем сначала, Оцу. Пять лет не вернешь, но начнем новую жизнь вместе, ты и я!

— Матахати, ты грезишь наяву, — прозвучал бесстрастный голос. — Главное — не ушедшее время, а пропасть, которая пролегла между нашими сердцами и судьбами.

— Знаю. Я хотел бы завоевать твою любовь. Не стоит, верно, говорить, но мой проступок мог бы

совершить любой человек по молодости лет.

— Говори что угодно, все равно я никогда не поверю ни единому твоему слову.

— Я сознаю вину перед тобой. Подумай, Оцу! Я мужчина и прошу прощения у женщины. Неужели ты не понимаешь, как это тяжело?

— Оставь это! Если ты мужчина, то и поступай как подобает настоящему мужчине.

— Оцу, ты дороже всего в моей жизни! Хочешь, я на коленях буду молить у тебя прощения? Я поклянусь, поклянусь всем, чем ты захочешь!

— Мне безразличны твои намерения.

— Не сердись, прошу! Здесь не место для выяснения отношений. Отойдем в сторону.

— Нет.

— Не хочу, чтобы мать увидела нас. Пойдем! Я не могу тебя убить.

Матахати взял Оцу за руку, но девушка выдернула ее.

— Не прикасайся! — сердито вскрикнула Оцу. — Смерть лучше жизни с тобой!

— Не пойдешь?

— Нет, нет и еще раз нет!

— Это окончательное решение?

— Да.

— Ты по-прежнему любишь Мусаси?

— Да. И буду любить его и в этой, и в следующей жизни.

Матахати содрогнулся.

— Не говори так, Оцу.

— Твоя мать знает и обещала сказать тебе. Мы должны были встретиться с тобой, чтобы навсегда расстаться.

— Вот как! Это, вероятно, поручение Мусаси? Я угадал?

— Нет. Мусаси здесь ни при чем. Я не получаю ничьих указаний.

— В конце концов, у меня тоже есть гордость, как у каждого мужчины. Раз тебе больше нечего сказать…

— Ты что? — воскликнула Оцу.

— Я не хуже Мусаси и не допущу, чтобы вы были вместе. Готов пожертвовать жизнью. Слышишь, я этого не допущу! Никогда!

— Кто ты такой, чтобы решать нашу судьбу?

— Я не позволю тебе выйти замуж за Мусаси. Запомни, Оцу, ты не с Мусаси была помолвлена!

— Не тебе напоминать об этом.

— Мне! Ты была обещана мне в жены и без моего согласия не имеешь права выходить за другого.

— Ты трус, Матахати! Ты жалок. Как можно

так унижаться? Я получила письма от тебя и от женщины по имени Око, которые извещали о разрыве помолвки.

— Ничего не знаю. Я никогда не писал тебе. Все подстроила Око.

— Неправда. Одно письмо было написано твоей рукой. Ты писал, чтобы я забыла о тебе и нашла себе другого жениха.

— Где оно? Покажи письмо!

— У меня его нет. Такуан, прочитав его, высморкался в листки и выбросил.

— Значит, у тебя нет доказательств. Тебе никто не поверит. Вся деревня знает, что ты помолвлена со мной. Правда на моей стороне. Подумай, Оцу! Ты не будешь счастливой, если пойдешь против всех ради Мусаси. Ты расстроилась из-за Око, но клянусь, с этой женщиной покончено.

— Не теряй времени, Матахати!

— Ты не хочешь дослушать мои извинения?

— Матахати, ты сейчас гордо заявил, что ты мужчина. Почему ты не поступаешь по-мужски? Ни одна женщина не отдаст сердце слабому, бесчестному и лживому трусу. Женщины не любят слабых.

— Не забывайся!

— Отпусти меня! Рукав оторвешь!

— Ты… Мерзкая потаскуха!

— Замолчи!

— Если ты не выслушаешь меня, пеняй на себя, Оцу!

— Матахати!

— Если хочешь жить, поклянись, что отречешься от Мусаси!

Матахати отпустил руку Оцу, чтобы вытащить меч. Казалось, вырвавшийся из ножен клинок подчинил волю Матахати. Оцу увидела одержимого человека с диким блеском в глазах.

Она вскрикнула, испугавшись не оружия, а безумного вида Матахати.

— Мерзавка! — завопил Матахати, бросаясь за убегающей Оцу.

Меч обрубил узел оби на кимоно девушки.

«Ее нельзя упустить», — думал Матахати, преследуя Оцу и громко окликая мать.

Осуги кинулась на помощь сыну, на ходу вытаскивая меч. «Неужели все испортил?» — мелькнула у нее мысль.

— Вот она! Держи ее, мама! — кричал Матахати.

Вынырнув из кустов, он едва не сшиб с ног Осуги.

— Где она? — воскликнул он, дико озираясь по

сторонам.

— Ты не прикончил ее?

— Она убежала.

— Болван!

— Смотри, вон она! Внизу!

Оцу, спускаясь по крутому склону оврага, зацепилась за куст и на миг остановилась. Поблизости шумел водопад. Оцу бросилась вперед, придерживая разорванный рукав. Водопад бурлил где-то за ее спиной.

— Она в ловушке, — раздался голос Осуги.

Непроглядная тьма окутывала дно оврага.

— Вот она лежит! Руби, Матахати!

Матахати уже не владел собой. Прыгнув вперед, он яростно рубанул по лежащему на земле телу.

— Исчадие ада! — крикнул он.

Тьму огласил предсмертный вопль и треск ломаемых сучьев.

— Вот тебе, вот!

Матахати неистово наносил один удар за другим. Казалось, меч разломится от силы Матахати. Он был пьян от крови, глаза полыхали огнем.

Все кончено. Наступила тишина.

Бессильно опустив окровавленный меч, Матахати начал приходить в себя. Глаза были пустыми. Он взглянул на руки — они были крас-

ными. Кровь алела на его лице, на одежде. Кровь Оцу! Земля поплыла у него под ногами.

— Молодец, сынок! Наконец ты выполнил долг!

Задыхаясь от восхищения, за спиной Матахати стояла Осуги. Она вглядывалась в месиво помятых и поломанных кустов.

— Как я рада! Мы сдержали слово! Половина бремени упала с меня. Теперь мы можем смотреть в глаза всей деревне. Что с тобой? Немедленно отсеки голову.

Видя нерешительность сына, Осуги засмеялась.

— Не хватает смелости? Коли ты такой нежный, я сама! Отойди!

Матахати стоял неподвижно. Едва мать сделала шаг вперед, он стукнул ее рукояткой меча по плечу.

— Ты что, с ума сошел? — закричала, чуть не упав, Осуги.

— Мама!

— Что?

У Матахати сел голос, в горле что-то булькало. Окровавленной рукой он провел по глазам.

— Я ее убил… Убил Оцу.

— Похвально. Почему ты плачешь?

— Как не плакать? Это ты, безумная старая карга.

— Тебе ее жалко?

— Да… да! Все ты! Почему до сих пор ты жива? Я бы сумел вернуть Оцу. Все ты со своей честью дома!

— Прекрати детский лепет. Если она так мила тебе, почему же ты не убил меня?

— Будь я способен, я бы… Есть ли что чудовищнее сумасбродной, одержимой матери?

— Не смей! Как только язык поворачивается!

— Отныне буду жить по-своему. Загублю себя, никому до этого дела нет!

— Ты всегда был нытиком, Матахати. Выходил из себя и закатывал сцены, чтобы досадить матери.

— Ты у меня еще поплачешь, старая скотина! Ведьма! Ненавижу тебя!

— Вот как! Мы сердимся! Прочь с дороги! Я возьму голову Оцу, а уж потом с тобой поговорю.

— С разговорами покончено. Больше не намерен слушать тебя!

— Ты должен посмотреть на ее голову. Красота! Убедись, как выглядит мертвая женщина. Мешок костей. Пора понять, как слепа страсть.

— Замолчи! — зарычал Матахати. — Оцу —

единственное сокровище, к которому я стремился всю жизнь. Я расстался с беспутным существованием, попытался исправиться, вернулся на правильный путь ради женитьбы на Оцу. Оцу убита не во имя спасения семейной чести, а по прихоти злобной старухи.

— Долго будешь распространяться о том, что сделано? Лучше бы молитвы читал. «Слава Амиде Будде!»

Старуха потопталась среди поломанных кустов и сухой травы, заляпанных кровью, и, собрав траву в пучок, пригнула его к земле и опустилась на него на колени.

— Оцу, не сердись на меня, — проговорила Осуги. — Теперь, когда ты мертва, мне не в чем тебя укорить. Твоя смерть была неизбежной. Покойся с миром!

Старуха левой рукой нащупала густую шевелюру.

— Оцу! — раздался голос Такуана.

Темная пустота откликнулась эхом. Казалось, что Оцу зовут деревья и звезды.

— Ты не нашел ее? — Голос Такуана звучал тревожно.

— Ее здесь нет. — Хозяин гостиницы, в которой остановились Осуги и Оцу, вытер пот со лба.

— Ты ничего не спутал?

— Нет, я хорошо все слышал. Пришел монах из Киёмидзу, и старая женщина спешно покинула гостиницу, сказав, что ей срочно надо в святилище божества гор. Девушка ушла с ней.

Такуан и хозяин гостиницы замолкли.

— Может, они свернули с главной тропы или поднялись еще выше? — предположил Такуан.

— Почему такое беспокойство?

— По-моему, Оцу заманили в ловушку.

— Неужели старуха такая коварная?

— Нет, она прекрасная женщина, — загадочно ответил Такуан.

— Не поверил бы после всего, что ты рассказал. Да, еще кое-что припомнил.

— Что же?

— Девушка сегодня плакала в своей комнате.

— Ну и что?

— Старуха сказала нам, что девушка — невеста ее сына.

— Она всем это говорит.

— Судя по твоему рассказу, старуха дико ненавидит девушку и издевается над нею.

— Ненавидеть — одно, но отвести девушку в глухую ночь на гору — совсем другое. Боюсь, что Осуги решила ее убить.

— Как — убить? Ты же назвал старуху прекрасной женщиной.

— Она добродетельна по расхожим меркам. Часто молится в храме Киёмидзу. Подолгу сидит перед Каннон, перебирая четки. В такие минуты духовно она близка к богине милосердия.

— Я слышал, что она возносит молитвы Амиде.

— В миру много таких верующих. Их считают истовыми последователями Будды. Совершив что-нибудь неправильное, они идут на поклонение к Амиде, полагая, что он простит им самые страшные прегрешения. Не задумываясь они убьют человека, зная, что милостью Амиды все грехи прощаются и они попадут в Западный рай после смерти. Эти добродетельные люди причиняют много хлопот.

Матахати испуганно оглянулся, не понимая, откуда доносится голос.

— Слышала, мама? — взволнованно спросил он.

— Ты узнал голос?

Осуги приподняла голову, не выпуская меча из правой руки. Левой она крепко ухватилась за волосы жертвы.

— Слышишь? Снова заговорили.

— Странно, ведь Оцу может искать только

мальчишка по имени Дзётаро.

— Это голос мужчины.

— Сама слышу. Голос кажется знакомым.

— Плохи дела. Оставь голову, дай фонарь. Кто-то идет сюда.

— С той стороны, откуда раздаются голоса?

— Да. Бежим!

Опасность мгновенно помирила мать и сына, но Осуги не могла оторваться от чудовищного занятия.

— Подожди! — проговорила она. — После стольких испытаний я не могу уйти без головы. Иначе я не докажу, что отомстила Оцу. Сейчас закончу.

— О-о! — с отвращением простонал Матахати.

Крик ужаса сорвался с губ Осуги. Уронив отсеченную голову, она привстала, но зашаталась и рухнула на землю.

— Это не она! — воскликнула старуха, вскидывая руки и тщетно пытаясь подняться.

— Что… что с тобой? — забормотал Матахати, подскочив к ней.

— Посмотри, это не Оцу, а какой-то нищий, калека.

— Не может быть! — оторопел Матахати. — Я его знаю.

— Один из твоих дружков?

— Нет! Он выманил у меня деньги. Что делал около храма этот грязный жулик Акакабэ Ясома?

— Кто здесь? — раздался голос Такуана. — Оцу, ты?

Матахати оказался проворнее матери. Он успел скрыться, но старуха попала в руки монаха, крепко державшего ее за шиворот.

— Так я и думал. Конечно, твой милый сыночек сбежал. Эй, Матахати, почему ты дал деру, бросив мамочку? Неблагодарный олух! Немедленно иди сюда!

Осуги жалобно охала, повалившись на землю, но и теперь, не удержавшись, злобно прошипела:

— Ты кто такой? Что привязался?

— Не узнаете меня, почтеннейшая? Вас подводит память, — ответил Такуан, выпустив из рук ее ворот.

— Такуан!

— Удивлены?

— Ничуть. Бродяги вроде тебя болтаются повсюду. Рано или поздно ты должен был объявиться в Киото.

— Вы правы, — усмехнулся Такуан. — Все, как вы говорите. Я странствовал по долине Коягю и провинции Идзуми, а прошлой ночью пришел

в Киото и услышал от знакомого тревожную новость. Вынужден был срочно заняться этим делом.

— Какое мне дело до твоих странствований?

— Я подумал, что Оцу должна быть с вами. Я ее ищу.

— Хм-м.

— Почтеннейшая!

— Что еще?

— Где Оцу?

— Не имею понятия.

— Я вам не верю.

— Пятна крови вокруг, — вмешался хозяин гостиницы. — Кровь еще не загустела.

Свет фонаря упал на лежащее на земле тело. Лицо Такуана окаменело. Воспользовавшись моментом, Осуги вскочила и бросилась бежать.

— Подождите! — крикнул Такуан, не двигаясь с места. — Вы покинули дом, чтобы восстановить честь семьи. Вы ее запятнали еще больше. Твердите, что любите сына, а сейчас бросаете его одного на произвол судьбы, погубив его жизнь?

Голос Такуана гремел, как раскаты грома. Осуги резко остановилась. Лицо старухи исказилось, она постаралась придать голосу вызывающий оттенок.

— Запятнала честь семьи, погубила жизнь сына? Что за нелепые выдумки! — ответила она нарочито надменным тоном.

— Сущая правда.

— Глупец! — презрительно засмеялась старуха. — Кто ты такой? Болтаешься по свету, ешь пищу чужих людей, живешь в чужих храмах, справляешь нужду в полях. Что ты знаешь о семейной чести? Что ты понимаешь в материнской любви? Пережил ли ты хоть раз трудности, которые выпадают на долю обыкновенных людей? Прежде чем унизить других, тебе следовало бы попробовать пожить собственным трудом, как все нормальные люди.

— Вы задели больное место, я с вами согласен. Немало есть монахов, которым я сказал бы то же самое. Я всегда признавал, что ваш язык острее моего, что вы всегда меня переспорите, госпожа Хонъидэн.

— Мне осталось выполнить еще одно важное дело в этом мире. Напрасно ты считаешь меня бездельницей с острым языком.

— В любом случае мне надо поговорить с вами.

— О чем?

— Вы заставили Матахати убить Оцу сегодня ночью. Подозреваю, вы вместе расправились

с нею.

Вздернув морщинистый подбородок, старуха презрительно фыркнула:

— Такуан, ты можешь бродить по жизни с фонарем, но он тебе не поможет, пока ты сам не раскроешь глаза. На твоем лице вместо глаз — две дырки, бесполезные, как украшения.

Заподозрив коварство в словах Осуги, Такуан посмотрел на лежащее на земле тело. Выпрямившись, он облегченно вздохнул. Старуха торжествующе воскликнула:

— Рад, что это не Оцу? Я помню, это ты познакомил ее с Мусаси, грязный сводник!

— Будь по-вашему. Я знаю вас как женщину верующую, поэтому вы не должны уйти, бросив тело убитого человека.

— Он и так лежал здесь на последнем издыхании. Матахати прибил его, но не по своей вине.

— Этот ронин был слегка не в себе, — подал голос хозяин гостиницы. — Последнее время он бродил по городу с фонарем на голове и порол всякую чушь.

Осуги повернулась и спокойно зашагала прочь от места убийства. Такуан, попросив хозяина гостиницы посторожить труп, последовал за Осуги, вызвав ее неудовольствие. Осуги обернулась,

чтобы извергнуть с языка новую порцию яда, и раздался голос Матахати:

— Мамаша!

Осуги пошла на голос. Матахати в конце концов оказался хорошим сыном — он остался, чтобы убедиться в безопасности матери. Пошептавшись, они бросились со всех ног под гору. Очевидно, они решили, что присутствие монаха грозит им опасностью.

— Бесполезно, — пробормотал Такуан. — Они не стали бы меня слушать. Насколько улучшился бы мир, освободись он от глупых недоразумений.

Такуан хотел немедленно найти Оцу. Она, видимо, сумела спастись. Такуан воспрял духом, хотя и знал, что не успокоится, пока не отыщет Оцу. Монах решил продолжать поиски, несмотря на темноту.

Хозяин гостиницы поднялся в гору немного раньше и сейчас возвращался в сопровождении группы людей с фонарями и лопатами. Это были ночные сторожа из храма, которые согласились закопать покойника. Вскоре лопаты заскрежетали о гальку.

Яма была уже достаточно глубокой, когда один из сторожей крикнул:

— Да здесь еще одно тело! Очень красивая де-

вушка!

Девушка лежала на краю болотистой лощины в нескольких метрах от могилы.

— Мертвая?

— Дышит, но без сознания.

Ремесленник

До последнего дня жизни отец Мусаси постоянно напоминал сыну о предках. «Пусть я деревенский самурай, — говаривал он, — но ты должен помнить, что когда-то клан Акамацу был влиятельным и знаменитым. История рода должна служить тебе источником силы и гордости».

Попав в Киото, Мусаси решил разыскать храм Ракандзи, рядом с которым в прошлом находилась усадьба Акамацу. Клан давно распался, но Мусаси хотел поискать в храмовых записях сведения о предках и воскурить благовония в их память.

Мусаси дошел до моста Ракан, переброшенный через Нижнюю Когаву, зная, что храм расположен восточнее того места, где Верхняя Когава сливается с Нижней. Он расспрашивал о храме, но никто о нем и не слышал.

Мусаси повернул назад и остановился на мосту, глядя на воду. Река была прозрачной и мелкой. Со времени смерти Мунисая минуло не так много времени, но храм не то перенесли в другое место, не то снесли. Мусаси смотрел, как на поверхности воды кружили и исчезали пенистые воронки,

потом его взгляд остановился на грязном стоке на левом берегу. Он сразу понял, что неподалеку находится мастерская, где полируют мечи.

— Мусаси!

Мусаси обернулся. За спиной у него стояла старая монахиня Мёсю, которая, похоже, возвращалась домой. Решив, что Мусаси пришел навестить их, Мёсю продолжала:

— Рада, что ты здесь. Коэцу дома. Ему будет приятно тебя видеть.

Мусаси вслед за Мёсю вошел в ворота соседнего дома, и слуга побежал с докладом к хозяину.

Сердечно поздоровавшись с гостем, Коэцу сказал:

— Сейчас я полирую меч, чрезвычайно ответственная работа, но у нас будет время вдоволь наговориться.

Мать и сын были такими же непринужденными и приветливыми, как и в день первой встречи. Вечер они провели в беседе, а когда хозяин предложил Мусаси остаться на ночь, он с удовольствием согласился. На следующее утро Коэцу показал Мусаси мастерскую, рассказал о технике полировки мечей и предложил погостить у них столько, сколько захочет Мусаси.

Дом с неприметными воротами стоял на углу,

примыкая с юго-востока к развалинам храма Дзиссоин. По соседству было еще несколько домов, принадлежавших двоюродным братьям и племянникам Коэцу, а также мастерам-оружейникам. Здесь работали и жили все Хонъами, как было принято в больших провинциальных кланах в былые времена. Хонъами происходили от известного воинского рода и были вассалами сёгунов Асикаги. В социальной иерархии нового времени они перешли в класс ремесленников, но по авторитету и богатству Коэцу не уступал представителям самурайского сословия. Он дружил с придворными и время от времени получал приглашения от Токугавы Иэясу в замок Фусими.

Положение семейства Хонъами не было исключительным. Большинство богатых купцов и ремесленников, к примеру Суминокура Соан, Тяя Сиродзиро и Хайя Сёю, восходили к самурайскому сословию. При сёгунах Асикаги их предкам было предписано заняться ремеслом и торговлей. Достигнув успеха в новом деле, они постепенно утратили связь с сословием военных, а их доходы обеспечивали безбедное существование и без жалованья от сюзерена. Формально на социальной лестнице они стояли ниже военных, но имели большое влияние в обществе. Саму-

райское звание скорее тяготило их, чем давало преимущества. Главным достоянием третьего сословия была стабильность. Когда начинались войны, воюющие стороны искали поддержки у богатых купцов. Порой, правда, их заставляли делать военные поставки даром или за ничтожную плату, но это неудобство купцы рассматривали как налог за сохранность имущества, которое в противном случае могло пойти прахом в ходе боевых действий.

Во время войны Онин в 1460–1470 годах весь квартал вокруг развалин Дзиссоина сровняли с землей. До сих пор люди, сажая деревья, находили то ржавый шлем, то меч. Хонъами были одними из первых, кто отстроился на этом месте после войны.

Ручей, отведенный от реки Арисугава, протекал через усадьбу. Он петлял по огороду, потом исчезал в рощице, появляясь снова у колодца близ главных ворот. Часть его воды направлялась по отдельному руслу в кухню, другая — в баню, еще один ручеек струился к скромному чайному домику. Чистая прозрачная вода — основа чайной церемонии. Река питала водой мастерскую, где полировали мечи таких мастеров, как Масамунэ, Мурамаса и Осафуна. Мастерская почиталась

семейной святыней, поэтому над входом в нее висел шнур, как в синтоистских храмах.

Незаметно пролетели четыре дня. Мусаси решил, что ему пора в путь. Он не успел предупредить хозяев, когда к нему обратился Коэцу:

— Особых развлечений у нас в доме нет, но, если тебе не наскучило, живи у нас не стесняясь. В моем кабинете есть старые книги и старинные вещи. Ты можешь посмотреть их. А дня через два покажу тебе обжиг керамики, собираюсь заняться чайной посудой. Тебе может понравиться гончарное дело. Керамика увлекает, как и мечи. Вдруг ты и сам что-нибудь вылепишь.

Мусаси растрогала деликатность хозяев. Они бы обиделись, соберись Мусаси в путь без особого предупреждения, поэтому он решил еще дня два пожить в гостеприимном доме Коэцу. Он не скучал здесь. В кабинете Коэцу он нашел книги на китайском и японском языках, рисунки эпохи Камакуры, образцы каллиграфии старых китайских мастеров и множество других редкостей, за изучением которых можно было проводить дни напролет. Мусаси заворожила картина в нише токонома. Она была создана в эпоху Сун художником Лянкаем и называлась «Каштаны». Небольшая картина, шестьдесят на семьдесят

пять сантиметров, настолько старая, что невозможно было определить, на какой бумаге она написана. Мусаси часами всматривался в нее. Наконец он завел разговор с Коэцу:

— Любитель не напишет ничего подобного вашим картинам, но порой мне кажется, что «Каштаны» мог бы нарисовать и я: так безыскусно произведение.

— Все наоборот, — возразил Коэцу. — Любой может научиться рисовать так же, как я, но произведение Лянкая исполнено глубины и одухотворенности, подвластных лишь умению безупречно владеть кистью.

— Неужели? — удивился Мусаси, но в душе согласился со словами Коэцу.

Картина изображала белку, которая смотрела на два упавших на землю каштана. Один каштан раскололся, другой был плотно закрыт. Белке хотелось полакомиться каштанами, но она боялась колючек на скорлупе. Рисунок, выполненный свободными мазками черной туши, на первый взгляд казался наивным. Подолгу всматриваясь в него, Мусаси убеждался в правоте Коэцу.

Однажды в полдень Коэцу зашел к Мусаси.

— Все любуешься «Каштанами»? Она тебе по душе. Пожалуйста, возьми картину на память.

Рад подарить ее тебе.

— Я не могу принять такой подарок, — смутился Мусаси. — Я неприлично долго загостился у вас. Картина, вероятно, ваша семейная реликвия.

— Она ведь тебе нравится? — снисходительно улыбнулся пожилой художник. — Забирай. Она мне не нужна. Произведения искусства должны принадлежать тем, кто их любит и ценит. По-моему, их создатели мечтают о том же.

— Вряд ли я подхожу такой картине. Признаться, меня соблазняло желание обладать ею, но что с ней делать? Я странствующий фехтовальщик и подолгу не задерживаюсь на одном месте.

— Конечно, носить ее с собой неудобно. В твои годы ты не думаешь о собственном доме, но, по-моему, у каждого должен быть свой кров, пусть даже убогая хижина. Иначе человек совсем одинок и потерян. Почему бы тебе не построить домик где-нибудь в тихом уголке Киото?

— Никогда не думал об этом. Необходимо побывать во множестве разных мест. Хочу пройти остров Кюсю и посмотреть, как живут люди рядом с иностранцами в Нагасаки, хочу увидеть новую столицу Эдо, которую отстраивает сёгун, хочу взглянуть на великие горы и реки на севере Хонсю. Может быть, я бродяга по призванию?

— Путешествия влекут не одного тебя. Не следует думать, что твои мечты могут осуществиться лишь в чужих краях. Будешь искать счастья на стороне, упустишь то, что рядом. Такие разочарования случаются с большинством молодых людей. — Коэцу улыбнулся. — Старый лентяй вроде меня не вправе читать наставления молодым, — продолжал он. — Я, собственно, не затем пришел. Хочу пригласить тебя отдохнуть вечером. Ты бывал в веселом квартале?

— Где куртизанки живут?

— Да. У меня есть друг по имени Хайя Сёю. Несмотря на возраст, он всегда готов поразвлечься. Я только что получил от него записку, он приглашает встретиться на улице Рокудзё. Я подумал, что и тебе неплохо бы отвлечься от дел.

— Не уверен.

— Не хочешь, я не настаиваю, но там весьма занятно.

Незаметно вошедшая в комнату Мёсю слышала разговор.

— Мусаси, стоит пойти, — вмешалась она. — Увидишь много нового. Хайя Сёю из заносчивых людей. Уверена, тебе там понравится.

Старая монахиня начала вытаскивать из комода кимоно и пояса. Обычно пожилые стараются

удержать молодых от развлечений в веселых кварталах, в которых на ветер летят большие деньги, но Мёсю говорила так, словно и сама собиралась составить компанию мужчинам.

— Посмотрим, какое кимоно тебе к лицу, — щебетала она. — Нравится этот пояс?

Мёсю вынимала одну вещь за другой, будто готовила наряд для сына. Она подобрала к одежде лакированную коробочку для пилюль, короткий декоративный меч и парчовое саше для носовых платков и незаметно вложила несколько золотых монет в кошелек.

— Пойду, если вы настаиваете, — нехотя согласился Мусаси. — Я буду выглядеть нелепо в этих шелках. Лучше в моем старом кимоно. С ним я не расстаюсь в моих странствиях, в нем и сплю, когда ночую под открытым небом.

— Ни в коем случае, — строго сказала Мёсю. — Тебе безразлична одежда, но не забывай о тех, кто рядом. Среди изящного убранства комнат ты будешь как драная половая тряпка. Мужчины посещают веселый квартал, чтобы забыть о неприятностях. Их должны окружать радующие глаз вещи. Не думай, что нарядная одежда изменит твою натуру. Многие носят такую одежду каждый день, она опрятна и хорошо сшита.

Одевайся!

Мусаси повиновался.

— Приятно посмотреть! — одобрила Мёсю.

Перед уходом Мёсю зажгла свечку перед статуей Будды в домашнем алтаре. Коэцу и его мать принадлежали к последователям секты Нитирэн.

У дверей были приготовлены две пары сандалий с новыми кожаными тесемками. Пока мужчины обувались, подошел привратник и что-то тихо сказал старой монахине.

Коэцу попрощался было с матерью, но она проговорила:

— Подожди! — Лицо Мёсю выражало тревогу.

— В чем дело? — спросил Коэцу.

— Привратник говорит, что только что здесь были три самурая, которые очень грубо себя вели. Не опасно ли это?

Коэцу вопросительно взглянул на Мусаси.

— Нам нечего бояться, — успокоил его Мусаси. — Вероятно, люди из дома Ёсиоки. Если они нападут на меня, вам они зла не причинят.

— Один из подмастерьев рассказывал, что несколько дней назад какой-то самурай вошел во двор и стал рассматривать через изгородь ту часть дома, в которой ты расположился.

— Уверен, это люди Ёсиоки.

— Я тоже так думаю, — согласился Коэцу. Обратившись к привратнику, он спросил: — О чем же расспрашивали самураи?

— Все работники ушли, и я хотел запереть ворота, когда трое самураев неожиданно окружили меня. Один из них, самый страшный, вынул из-за пазухи письмо и потребовал передать его гостю.

— Он произнес имя «Мусаси»?

— Да, он сказал «Миямото Мусаси». Он еще сказал, что Мусаси живет здесь несколько дней.

— Что еще они говорили?

— Мне приказано никому не рассказывать о Мусаси, поэтому я ответил, что такого человека в нашем доме нет. Тот самурай рассердился и обозвал меня обманщиком. А тот, что постарше и все время ухмылялся, остановил его, сказав, что они найдут другой способ вручить письмо. Не знаю, что он имел в виду, но слова прозвучали как угроза. Сейчас они отошли за угол.

— Коэцу, идите на несколько шагов впереди меня, — проговорил Мусаси. — Не хочу, чтобы вы ненароком пострадали из-за меня.

— За меня нечего бояться, — рассмеялся Коэцу. — Тем более если это люди Ёсиоки, как ты говоришь. Мне они не страшны. Вперед! Мама! —

обернулся Коэцу с порога.

— Что-нибудь забыл? — отозвалась Мёсю.

— Если ты волнуешься, можно послать человека к Сёю и сообщить ему, что сегодня я занят.

— Нет-нет! Я переживаю за Мусаси. Но я не думаю, что теперь его можно остановить. Желаю приятного отдыха!

Коэцу догнал Мусаси, и они направились вдоль реки.

— Дом Сёю на углу улиц Итидзё и Хорикава. Он наверняка уже собрался уходить. Зайдем за ним, все равно по пути.

Еще не стемнело. Приятно было праздно идти вдоль реки, наблюдая, как вокруг суетятся люди, занятые работой.

— Я слышал имя Хайя Сёю, но ничего о нем не знаю, — сказал Мусаси.

— Немудрено, что тебе знакомо его имя. Он известен своими стихами.

— Он еще и поэт?

— Поэт, но сочинительство его не кормит. Он родом из старинной купеческой семьи Киото.

— Почему его фамилия Хайя?

— От его дела.

— Чем же он торгует?

— Хайя означает «торговец поташем». Он про-

дает поташ.

— Поташ?

— Его используют в красильнях. У него крупное дело. Хайя торгует по всей стране. В начале эпохи Асикаги эту торговлю контролировало правительство, но потом ее передали в частные руки. В Киото три больших торговых дома, занимающихся оптовой продажей, дом Сёю — один из них. Конечно, он уже отошел от дел. Удалился на покой и живет в свое удовольствие. Видишь затейливые ворота — это дом Хайя Сёю.

Мусаси вежливо кивал, слушая спутника, но его внимание отвлекало странное ощущение в левом рукаве. Правый рукав свободно колыхался под дуновением вечернего ветерка, левый висел неподвижно, его оттягивало грузило. Правой рукой Мусаси незаметно для Коэцу вытянул кончик хорошо выделанного пурпурного ремешка. Ими воины подвязывают рукава кимоно перед боем. «Мёсю», — подумал Мусаси. Только она догадалась снабдить его этой воинской принадлежностью.

Мусаси, обернувшись, с улыбкой посмотрел на людей, следовавших за ним. Он почувствовал преследователей за спиной с того момента, как они с Коэцу свернули на большую улицу из пере-

улка Хонъами.

Улыбка Мусаси придала духу троим самураям. Пошептавшись, они зашагали увереннее.

У ворот дома Хайя Коэцу постучал в колотушку. Появился слуга с метлой. Коэцу вошел в ворота и только в садике перед домом обнаружил, что Мусаси нет.

— Заходи, Мусаси! Не скромничай! — позвал он.

Выглянув за ворота, Коэцу увидел, как троица, сжав рукоятки мечей и выставив вперед локти, окружила Мусаси. Он не слышал, что самураи сказали Мусаси и что с мягкой улыбкой ответил им Мусаси.

Мусаси крикнул Коэцу, чтобы тот не ждал его.

— Я буду в доме. Заходи, когда закончишь, — спокойно отозвался Коэцу.

Один из самураев обратился к Мусаси:

— Нам безразлично, побежишь ли ты прятаться. Меня зовут Отагуро Хёскэ. Я один из «Десяти меченосцев дома Ёсиоки». Я принес тебе письмо от Дэнситиро, младшего брата Сэйдзюро. Прочти и дай немедленно ответ.

Мусаси, небрежно распечатав письмо, быстро пробежал его и невозмутимо ответил:

— Принимаю.

Хёскэ подозрительно посмотрел на него:

— Серьезно?

— Совершенно, — кивнул Мусаси.

Непринужденность Мусаси сбила с толку самураев.

— Если не сдержишь слова, забудь дорогу в Киото! Мы уж позаботимся!

Мусаси, спокойно посмотрев на собеседников, улыбнулся, но ничего не сказал.

— Принимаешь условия? Учти, времени на подготовку не остается.

— Я готов, — возразил Мусаси.

— Тогда встретимся сегодня вечером.

Мусаси двинулся было к воротам, когда Хёскэ окликнул его:

— Ты будешь здесь до назначенного часа?

— Нет, меня пригласили развлечься в веселый квартал рядом с улицей Рокудзё.

— В веселом квартале? — удивился Хёскэ. — Ну что ж, предположим, что ты будешь здесь или там. Пошлю за тобой, если задержишься. Надеюсь, уговор не будет нарушен?

Мусаси уже скрылся за воротами. Он оказался в другом мире.

Здесь словно сама природа уложила неровные каменные плиты садовой дорожки. Ее обрамлял

бамбук — пучки карликового, похожего на папоротник, и длинные, тонкие побеги другого вида бамбука, не толще кисти для рисования. Мусаси шел по дорожке, и ему казалось, что крыша дома надвигается на него. Открылся вид на главный вход, маленький флигель и садовый павильон, несущие печать старины и бережно хранимых традиций. Высокие сосны стояли на страже покоя и великолепия усадьбы.

Мусаси услышал голоса и глуховатые удары — играли в кожаный мяч. Эти звуки, часто доносившиеся из-за высоких стен, окружающих усадьбу знати, Мусаси не ожидал услышать в доме торговца.

Слуга провел Мусаси в комнату, выходившую в сад. Подали чай и сладости. Один из слуг сообщил, что хозяин скоро придет. Мусаси удивился, что в доме торговца такие вышколенные слуги.

Сидевший в комнате Коэцу поежился.

— Солнце село, и сразу похолодало, — заметил Коэцу.

Он хотел задвинуть сёдзи, но ничего не сказал слуге, потому что Мусаси любовался цветущими сливовыми деревьями. Коэцу безуспешно попытался погрузиться в любование природой.

— Над горой Хиэй собираются тучи. Северный

ветер нагнал. Не холодно, Мусаси?

— Ничуть, — простодушно отозвался тот, не замечая намека.

Слуга принес светильник, и Коэцу воспользовался удобным поводом, чтобы задвинуть сёдзи. Мусаси погружался в умиротворенную и приветливую атмосферу дома. Из дальних комнат неслись веселые голоса и смех, вокруг царила искренность и непринужденность. В доме, похоже, чуждались даже намека на вычурность. Мусаси показалось, будто он сидит в гостиной просторного деревенского дома.

Вошел Хайя Сёю.

— Прошу меня простить, что заставил вас ждать, — громко произнес он. Звонкий молодой голос звучал особенно громко на фоне тихой и мягкой речи Коэцу. Хайя Сёю был лет на десять старше друга, но гораздо живее. Коэцу представил хозяину Мусаси.

— Племянник Мацуо Канамэ? Прекрасно его знаю!

Мусаси решил, что Сёю знаком с его дядей через дом Коноэ, удивившись в душе тесному переплетению интересов богатых купцов и придворной аристократии.

Легкий на подъем старый купец скомандовал:

— Пора в путь! Собрался выйти засветло, чтобы немного прогуляться, однако уже стемнело. Придется нанять паланкин. Молодой человек с нами?

Прибыли носильщики с паланкином. Впереди понесли Коэцу и Сёю, следом Мусаси, который впервые в жизни оказался в паланкине. Около конюшен Янаги носильщики, от которых валил пар, замедлили шаг.

— Холодно! — пожаловался один.

— Ветер пронизывает насквозь!

— Весна называется!

Фонари раскачивались в такт шагов, огонек мерцал, порой едва не угасая. Сгустились черные тучи, предвещая студеную ночь. Вскоре взору Мусаси открылась сверкающая картина оживленного района, огоньки которого казались ему множеством светлячков, кружащихся в ночной мгле.

— Мусаси! — позвал Коэцу. — Мы устремляемся в самую гущу огней. Неплохо ворваться в них с налета!

Коэцу рассказал, что раньше веселый квартал находился на улице Нидзё рядом с дворцом, но три года назад градоначальник Итакура Кацусигэ приказал выдворить куртизанок из центра, по-

скольку шум, вульгарная музыка и фривольные песни нарушали покой жителей окружающих домов. Но квартал, переселенный на пустырь в Янаги, быстро освоился на новом месте. Здесь, по словам Коэцу, зарождалось все, что потом становилось модным в Киото.

— Можно сказать, что квартал Янаги-мати создал всю современную культуру. — Коэцу на минуту умолк, прислушиваясь. — Ты слышишь звуки струн и пение?

Такой музыки Мусаси прежде не слышал.

— Это сямисэн. Он произошел от трехструнного инструмента с островов Рюкю. Под сямисэн здесь сочиняют множество песен, которые потом расходятся по всей стране. Как видишь, здесь не просто увеселительное место, поэтому здесь следует держаться пристойно, хотя обитательницы Янаги-мати ведут своеобразный образ жизни.

Носильщики свернули на боковую улицу. Огни бесчисленных фонарей, развешенных на ветках ив, отражались в глазах Мусаси. Квартал, перенесенный на новое место, сохранил старое название «Янаги-мати» — «Квартал ив». Ива давно стала символом веселого квартала.

Коэцу и Сёю пользовались известностью в заведении, куда прибыли гости. Их приветствовали

почтительно, хотя и с оттенком принятой здесь игривости. В таких домах завсегдатаям присваивают шутливые имена, что было непременной частью развлечений. Коэцу называли Мидзуотисама — «господин НиспадающийРучей», в честь ручья в его усадьбе, а Сёю звали Фунабаси-сама — «господин Навесной Мост», из-за моста рядом с его домом.

Стань Мусаси частым гостем, и он бы получил прозвище, вот только у него не было постоянного дома, с которым можно было бы связать новое имя. Хозяин заведения, в котором они находились, был известен как Хоясия Ёдзибэй, хотя его чаще называли Огия, по имени заведения. Оно и «Кикёя» были лучшими в Янаги-мати. Они не знали себе равных в квартале. Первой красавицей «Огия» была куртизанка высшего ранга «таю» Ёсино, а в «Кикёя» — «таю» Мурогими. Обе красавицы славились на всю страну не менее самых крупных даймё.

Мусаси старался не глазеть по сторонам, но изысканность и пышность убранства заведения, не уступавшие роскоши дворцов, заворожили его.

Филенчатый потолок, резные рамы сёдзи, полированные перила, крошечные сады во внут-

ренних двориках ласкали глаз. Мусаси застыл, рассматривая роспись на дверной створке, и не заметил, как его друзья прошли во внутренние помещения. Коэцу вернулся за ним.

Серебристые фусума комнаты тускло мерцали в ярком свете ламп. Комната выходила в сад камней в стиле Кобори Энсю. Белый песок и композиция из камней воссоздавали китайский горный пейзаж, который любили изображать художники эпохи Сун.

Сёю, ворча на холодную погоду, опустился на удобную подушку и ссутулился. Коэцу, расположившись в непринужденной позе, усадил и Мусаси. Девушки-служанки принесли саке. Заметив, что саке остывает в чашечке Мусаси, Сёю велел ему выпить.

— Пей, юноша! И снова налей!

Повторив совет дважды, Сёю начал сердиться.

— Кобосацу! — позвал он одну из девушек. — Заставь его выпить. Мусаси, что с тобой? Почему не пьешь?

— Я пью! — возразил Мусаси.

Старик уже охмелел.

— Нехорошо. Никакого в тебе задора!

— Я не мастер в питье.

— Значит, и фехтовальщик плохой.

— Может быть, — согласился Мусаси, пропуская оскорбление мимо ушей.

— Какой ты боец, если опасаешься дурного влияния саке. Волнуешься, что из-за него выучка пострадает, хладнокровие пропадет, ослабнет сила воли, а слава пройдет мимо?

— Нет, дело в ином.

— В чем же?

— Я засыпаю от саке.

— Здесь можно спать, где тебе вздумается. Никто не потревожит. Молодой гость боится задремать, если выпьет лишнего. Если заснет, уложите его, пусть выспится, — крикнул Сёю, обращаясь к девушкам.

— Не волнуйтесь, мы справимся, — последовал игривый ответ.

— Если он приляжет, кому-то надо согреть его. Коэцу, кто бы мог это сделать?

— Кто бы? — уклоняясь от ответа, повторил Коэцу.

— Только не Сумигику — она моя женщина, а ты бы не хотел, чтобы ею стала Кобосацу. Остается лишь Каракото. Впрочем, она слишком строптива.

— А не предстанет ли перед нами сегодня сама Ёсино-таю? — поинтересовался Коэцу.

— Точно! Ёсино-таю! Она развеселит самого угрюмого гостя. Где она? Позовите ее! Хочу показать ее господину молодому самураю.

— Ёсино-таю отличается от нас. У нее много гостей, она не прибежит по первому зову, — возразила Сумигику.

— Ради меня прибежит! Скажи ей, что я здесь, и она оставит любого, с кем бы ни проводила время. Позови ее!

Сёю приосанился и крикнул девочкам — прислужницам куртизанок, которые сейчас играли в соседней комнате.

— Ринъя у вас?

Отозвалась сама Ринъя.

— Зайди-ка сюда! Ты прислуживаешь Ёсино-таю? Почему ее нет с нами? Передай, что пришел Фунабаси, пусть поспешит. Приведешь ее, получишь подарок.

Ринъя смутилась. На мгновение глаза ее блеснули, но она тут же вежливо поклонилась. Видно было, что из девочки вырастет красавица и она со временем займет то место, которое теперь принадлежит Ёсино. Ринъя исполнилось одиннадцать лет. Едва девочка вышла, как раздался ее веселый голосок. Она хлопала в ладоши.

— Унэмэ, Тамами, Итоносукэ! Идите сюда!

Три подружки бросились на зов и тоже захлопали в ладоши, радостно вскрикивая. Девочки ликовали, увидев свежий снег, укрывший дорожки в саду.

Мужчины заинтересовались причиной неистового веселья. Все, за исключением Сёю, с улыбкой наблюдали за щебечущими девочками, которые спорили, не растает ли снег до утра. Ринъя, забыв о поручении, выбежала в сад играть в снежки.

Сёю, окончательно теряя терпение, послал одну из куртизанок за Ёсино-таю. Девушка, быстро вернувшись, прошептала на ухо гостю:

— Ёсино-таю просила передать, что с радостью пришла бы, но ее господин не позволит.

— Не разрешает? Чепуха! Другие девушки обязаны выполнять прихоти посетителей, но только не Ёсино. Она вольна делать все, что захочет. Или наступило время, когда и ее можно купить за деньги?

— Нет! Просто сегодня попался необычайно упрямый гость. Не разрешает ей отлучиться даже на миг.

— Немудрено. Какой гость захочет отпустить ее! Кто у нее?

— Господин Карасумару.

— Карасумару? — иронически переспросил

Сёю. — Он один?

— Нет.

— Со своими дружками?

— Да.

Сёю хлопнул себя по колену.

— Дело, похоже, принимает забавный оборот. Выпал чистый снег, нам подают отменное саке, да вот только красавицы Ёсино нет с нами. Коэцу, напишем-ка его светлости письмо. А ты, милая, принеси тушь и кисть.

— Что бы сочинить? — обратился Сёю к Коэцу.

— Надо написать стихи. Можно и прозой, но стихи лучше. Его светлость Карасумару принадлежит к числу известнейших поэтов. Я, правда, не уверен, справимся ли мы со стихами. Сочинить необходимо так, чтобы Карасумару согласился отпустить Ёсино!

— Вот именно!

— Если стихи окажутся никудышными, нам не видать красавицы. Изящные стихи не рождаются вмиг. А может, поступим так: ты напишешь несколько первых строк, а я завершу послание стихотворением?

— Попробуем.

Сёю начертал:

Заглянет ли вишневое дерево

В нашу скромную обитель.
Вишневое дерево из Ёсино.

— Неплохо, — отозвался Коэцу и, взяв кисть, дописал:

Стынут цветы на склонах,
Тучи закрыли вершины.

Сёю расплылся от восторга.

— Недурно! — проговорил он. — В самый раз для его светлости и благородной компании — обитателей заоблачных вершин.

Аккуратно сложив лист, Сёю передал его Сумигику:

— Ни одна девушка здесь не выглядит достойнее тебя. Назначаю тебя послом к его светлости Канган-сану. Он ведь известен здесь под этим именем. «Суровая Вершина». Иного прозвища у столь знатной особы быть не может!

Сумигику отсутствовала недолго. Поставив перед Сёю и Коэцу искусную шкатулку для писем, она церемонно провозгласила:

— Извольте принять ответ его светлости Кангана.

Шкатулка означала, что дело принимает официальный оборот. Друзья переглянулись. Шутка грозила обернуться непредсказуемыми послед-

ствиями.

— Право слово, нам следует быть поосторожнее, — проговорил Сёю. — Письмо их удивило. Они, конечно, не ожидали, что мы заявимся сегодня.

Не теряя надежды на благополучный исход, Сёю достал письмо из шкатулки. К его изумлению, это был чистый листок тонкой розоватой бумаги. Решив, что это лишь часть письма, Сёю пошарил глазами по шкатулке, но она была пуста.

— Сумигику, что это значит?

— Не знаю. Его светлость Канган передал мне шкатулку и велел вручить ее вам.

— Он нас за болванов держит? Или наши стихи чересчур хороши для него и он сдался без слов?

Сёю имел обыкновение толковать все в свою пользу, но сейчас он искренне недоумевал. Он протянул лист Коэцу.

— А ты что думаешь?

— Он что-то сообщил нам этим посланием.

— Чистым листом?

— В нем есть какой-то смысл.

— Какой? Не возьму в толк!

Коэцу на минуту задумался.

— Снег… Снег, покрывший все окрест.

— Вероятно, ты прав.

— В ответ на нашу просьбу прислать вишневое дерево из Ёсино чистый лист бумаги мог означать:

Если, глядя на снег,
Наполнить чашечку саке,
То и без цветов…

Он намекает, что после сегодняшнего снегопада нам следует забыть о любви и, раскрыв сёдзи, любоваться снегом и пить саке. Так я понял его ответ.

— Неприятная история! — воскликнул Сёю. — Не намерен пить в унылой обстановке и покорно сидеть здесь. Любым способом мы должны добыть дерево из Ёсино, чтобы насладиться прелестью его цветов.

Сёю взволнованно облизывал пересохшие губы.

Коэцу подтрунивал над Сёю, чтобы развеселить его, но тот упрямо повторял, что непременно надо увидеть Ёсино. Настойчивость его, разумеется, была напрасной, и вскоре девушки весело стали смеяться над незадачливым гостем.

Мусаси незаметно вышел из комнаты. Он исчез вовремя, когда его ухода никто не заметил.

Скрип снега

Мусаси крался по коридору, обходя залитые светом комнаты в передней части дома. Сначала он забрел в спальню с приготовленными постелями, затем в кладовку, где хранились инструменты и всякая утварь. Казалось, стены источают запах еды, но Мусаси не удалось отыскать кухню.

Из полумрака внезапно вынырнула девочка-служанка и, раскинув руки, преградила ему дорогу.

— Господин, сюда гостям нельзя.

Голос девочки звучал твердо, в нем не было и следа детской наивности, которую она играла, обслуживая гостей в передних комнатах.

— Неужели?

— Нельзя!

Девочка подталкивала Мусаси, чтобы он покинул эту часть дома.

— Ты та девочка, которая недавно резвилась в снегу? Тебя зовут Ринъя?

— Да, Ринъя. Вам, верно, надо в уборную? Я вас провожу. — Она взяла Мусаси за руку.

— Нет. Я не пьян. Сделай мне одолжение, отведи в пустую комнату и принеси какой-нибудь еды.

— Еды? Пожалуйста, я подам вам в гостиную.

— Нет, только не туда! Там веселятся. Зачем им мешать, напоминая об ужине.

Ринъя с любопытством взглянула на Мусаси.

— Может, вы правы. Покормлю вас здесь. Что вам принести?

— Ничего особенного. Хватит двух рисовых колобков-нигиримоти.

Вскоре Ринъя вернулась. Мусаси сел и стал есть.

— Я хотел бы выйти из дома через сад, — сказал он, доев ужин.

Не ожидая ответа, он направился к веранде.

— Куда вы?

— Не беспокойся, скоро вернусь.

— Почему вы уходите через заднюю дверь?

— Гости поднимут шум, увидев меня в передней. Жаль портить вечер друзьям, пригласившим меня сюда.

— Я открою вам ворота, но обещайте, что вы вернетесь. Если не придете, меня накажут.

— Понятно. Если господин Мидзуоти спросит обо мне, скажи, что пошел к храму Рэнгэоин на встречу со знакомым и скоро вернется.

— Непременно возвращайтесь! Сегодня вечером с вами должна быть Ёсино-таю, которой я

прислуживаю.

Девочка раскрыла створку ворот, над которыми тяжелой шапкой навис снег, и выпустила Мусаси на улицу.

У выхода из веселого квартала была лавка с вывеской «Амигасатяя». Мусаси вошел и попросил пару соломенных сандалий, но ими здесь не торговали. Как и следовало из названия лавки, здесь держали широкополые тростниковые шляпы, предназначаемые для тех мужчин, которые перед входом в Янаги-мати хотели бы скрыть лицо.

Послав служанку за сандалиями в другую лавку, Мусаси сел на табурет, поправил нательный пояс и потуже затянул пояс кимоно. Сняв накидку хаори, он аккуратно свернул ее и положил рядом. Спросив тушь и кисть, Мусаси написал короткую записку, которую вложил в рукав хаори. Позвав старика, похоже хозяина, гревшегося у очага, Мусаси сказал:

— Я оставлю хаори у вас. Если я не вернусь до одиннадцати, отнеси его в заведение «Огия» и передай человеку по имени Коэцу. В рукаве лежит письмо для него.

Старик охотно согласился. Мусаси спросил о времени, и старик ответил, что недавно уличный сторож прокричал семь часов.

Вернулась служанка с сандалиями. Мусаси проверил, не туги ли ремешки, и натянул сандалии на кожаные носки. Заплатив лавочнику намного больше положенного, он захватил новую шляпу и вышел на улицу. Шляпой, как зонтиком, он прикрылся от снега, кружившего мягкими хлопьями, словно вишневый цвет. Набережная Сидзё сверкала огнями, но в роще Гион стояла кромешная тьма. Мерцали огни редких каменных фонарей. Тишину изредка нарушали комья снега, срывавшиеся с ветвей.

Перед храмом Гион молилась кучка людей. Темный храм казался пустынным. Колокол соседнего храма на горе пробил пять раз. Восемь часов. Громкий, отчетливый звук колокола в морозной тишине отзывался в душе.

— Хватит молиться, — промолвил Дэнситиро, вставая с колен. — Пора!

Кто-то на ходу спросил Дэнситиро, не жмут ли ремешки сандалий.

— Если перетянуты, то могут лопнуть в такой мороз.

— Все в порядке. И запомни, в мороз кожаные ремешки следует заменять обычным шнурком.

Самураи направились к Рэнгэоину. Дэнситиро завершил приготовления к бою, повязав лоб

лентой и затянув рукава ремешками. В окружении мрачной свиты из восемнадцати человек он широко зашагал по снегу в поле за храмом. Он дышал глубоко и ровно, пар густым облаком валил у него изо рта.

Место поединка было указано в вызове, переданном Мусаси. Он должен был явиться на поле позади Рэнгэоина в девять. Люди дома Ёсиоки спешили, чтобы не дать Мусаси скрыться. Во всяком случае, так они говорили.

Хёскэ остался наблюдать за домом Сёю, отослав двоих товарищей доложить об обстановке.

На подходе к Рэнгэоину Дэнситиро и его свита заметили костер.

— Кто нас опередил? — спросил Дэнситиро.

— Рёхэй и Дзюродзаэмон, верно.

— И эти здесь? — недовольно пробурчал Дэнситиро. — Нас слишком много. Я не хочу, чтобы потом сплетничали, что мы навалились на Мусаси целой толпой.

— Уйдем, когда настанет время.

Главное здание храма Рэнгэоин, или Сандзюсангэндо, как его называли в народе, было непомерно длинным по фасаду. За храмом находился обширный пустырь, как нельзя лучше подходивший для тренировок лучников. Дэн-

ситиро выбрал этот пустырь, потому что его давно облюбовали служители боевых искусств. Сосны, окаймлявшие пустырь, скрашивали его унылость. Здесь не было высокой травы и кустов, которые затрудняют сражение.

Рёхэй и Дзюродзаэмон поднялись, увидев Дэнситиро.

— Садись на мое место, погрейся. У нас еще много времени, — предложил Рёхэй.

Дэнситиро молча сел. Протянув руки к огню, он стал с хрустом растирать пальцы.

— Рано пришел, — проговорил он. Красноватые отблески костра придали его лицу кровожадное выражение. — По пути, кажется, видели харчевню, — продолжал он.

— Она была закрыта.

— Пусть кто-нибудь принесет саке. Стучите, пока не откроют.

— Сейчас пить саке?

— Именно. Я замерз.

Дэнситиро придвинулся ближе к костру и, раскинув руки, почти обнял огонь. К его приказанию отнеслись спокойно, ведь никто не помнил, чтобы Дэнситиро появлялся в додзё трезвым, будь то утро или вечер. Сегодня решалась судьба школы Ёсиоки, но молодые самураи посчитали, что вы-

пить не грех. Лучше согреться, чем держать меч в окоченевших руках. Да и возражать Дэнситиро рискованно. Двое побежали в харчевню и вскоре вернулись с кувшином горячего саке.

— Вот это дело! — повеселел Дэнситиро. — Саке — мой лучший друг и помощник!

Ученики со скрытой тревогой наблюдали, сколько он выпьет. Дэнситиро на сей раз выпил гораздо меньше обычного. Он понимал, что сегодня рискует жизнью.

— Смотрите! Кажется, Мусаси!

Все напряженно вслушивались в тишину. Некоторые поднялись на ноги. Из-за угла храма здания появилась темная фигура.

— Не беспокойтесь, это я! — крикнул человек.

Это был пожилой человек, хотя и одетый по современной моде. Его хакама были подвернуты, чтобы не мешать при беге. Годы согнули его спину. Молодые самураи, узнав в нем «старика из Мибу», уселись на свои места. «Старик из Мибу» был Ёсиока Гэндзаэмон, брат Кэмпо и дядя Дэнситиро.

— Дядя Гэн, что вас привело сюда? — удивленно воскликнул Дэнситиро.

— Гора свалилась с плеч, когда я увидел тебя, — решительно проговорил Гэндзаэмон. — Значит,

ты настроен решительно.

— Хотел с вами посоветоваться, но не успел…

— О чем? Имя Ёсиока облито грязью, твой брат искалечен. Ты бы мне ответил за позор, если бы не предпринял ответных действий.

— Не беспокойтесь. Я не хлюпик, как Сэйдзюро.

— Верю на слово. Уверен, ты победишь, но решил приободрить тебя. Пробежал весь путь от Мибу. Послушай, Дэнситиро, не смотри свысока на противника. Судя по слухам, он не так уж прост.

— Знаю.

— Не торопись выиграть бой. Держись спокойно, и пусть боги сделают выбор. Если погибнешь, я позабочусь о твоем теле.

— Ха-ха-ха! Лучше сядь и выпей!

Старик молча выпил чашечку саке, затем обратился к свите племянника:

— А вы что здесь делаете? Неужели намерены толпой сражаться против одного? Это ведь поединок двух мужчин. Стыдно, когда у одного из них куча помощников. Пора! Идите все за мной! Понаблюдаем издали, чтобы никто нас не упрекнул в подготовке атаки против одного.

Все встали. Дэнситиро сидел один у костра.

«Колокола давно пробили восемь. Должно быть, уже девять. Мусаси опаздывает», — подумал он. От учеников школы Ёсиоки остались только следы на снегу. Изредка с карниза храма со звоном срывались сосульки или слышался треск ветки, ломавшейся под гнетом снега. Дэнситиро настороженно оборачивался на каждый звук, устремляя в темноту соколиный взор.

Из темноты возникла тень бегущего человека.

— Идет! — проговорил запыхавшийся Хёскэ.

Дэнситиро уже стоял наготове.

— Он идет? — невольно повторил Дэнситиро, затаптывая головешки в костре.

Хёскэ сообщил, что Мусаси, покинув заведение «Огия», шел неторопливо, не обращая внимания на снегопад.

— Он поднялся по лестнице храма Гион. Я обогнал его. Появится с минуты на минуту. Готов?

— Ну вот и дождались. Уходи, Хёскэ!

— Где остальные?

— Не знаю. Но ты уходи. Ты мешаешь мне.

— Хорошо, — ответил Хёскэ, хотя уходить не собирался. В его голове уже созрел план действий. Пока Дэнситиро затаптывал костер, Хёскэ нырнул под галерею храма. Холодный ветер пробирал до костей. Обхватив руками колени, Хёскэ

уговаривал себя, что крупная дрожь, бившая его, происходит лишь от холода.

Дэнситиро прошагал сотню метров навстречу противнику и остановился под высокой сосной, уперевшись ногой в выступающий корень. Тепло от выпитого саке быстро выстуживалось. Дэнситиро начал зябнуть. Хёскэ из укрытия видел, как волнуется Дэнситиро, вглядываясь в пустынный храмовый двор, кажущийся еще просторнее от снежного покрова.

Дэнситиро вздрогнул от шума, но это сорвался с ветки ком снега. Мусаси не появлялся. Не выдержав, Хёскэ вылез из-под галереи.

— Куда он задевался?

— Ты все еще здесь? — грозно вымолвил Дэнситиро. Он не находил себе места от волнения, как и Хёскэ, но не отослал его прочь. Они поняли друг друга без слов. Они оглядывались по сторонам, чувствуя, что их подозрения сбываются.

— Нигде не видно, — бормотал Хёскэ.

— Негодяй сбежал! — подтвердил Дэнситиро.

— Сбежать он не мог, — возразил Хёскэ и принялся пересказывать все, что успел разведать. Он не сомневался в серьезности намерений Мусаси.

— Что это там? — прервал его Дэнситиро, указывая на дальний край храмовых построек. Там,

в дверях кухни, появился огонек свечи и двинулся к главному зданию. Свечу, несомненно, нес монах, но за ним маячила еще одна тень. Огонек, проследовав через ворота, начал подниматься по ступеням на галерею Сандзюсангэндо.

Монах обратился к следовавшей за ним тени:

— Ночью здесь никого нет, все заперто. Вечером была, правда, группа самураев, они грелись у костра. Верно, те, кого вы ищете, но они ушли.

— Простите, что потревожил вас так поздно. А вон те двое у высокой сосны? Они, кажется, ожидают меня.

— Сейчас спросим.

— Я сам. Теперь я найду дорогу. Вам лучше уйти.

— Вы собираетесь с друзьями на прогулку, полюбоваться свежим снегом?

— Нечто вроде этого, — усмехнулся Мусаси.

Загасив свечу, монах проговорил:

— Прошу прощения, но должен вас предупредить. Если будете разводить костер вблизи храма, как те молодые самураи, обязательно загасите его и затопчите угли.

— Не беспокойтесь!

— Еще раз прошу извинить меня.

Монах ушел и затворил за собой ворота. Чело-

век на галерее стоял неподвижно, глядя в сторону Дэнситиро.

— Хёскэ, кто это?

— Не знаю. Появился из кухни.

— Но он не из храмовых служителей.

Дэнситиро и Хёскэ подошли поближе к храму. Тень на галерее переместилась в центр. По движениям можно было догадаться, что человек подвязывает рукава кимоно. Дэнситиро и Хёскэ застыли на месте.

Дэнситиро, сделав два глубоких вдоха, крикнул:

— Мусаси!

Человек на галерее занимал выгодную позицию, находясь на метр выше Дэнситиро. Он был защищен с тыла, а намеревавшемуся напасть на него слева или справа предстояло сначала взобраться наверх. Таким образом, человек мог сосредоточиться на противнике перед собой.

Позади Дэнситиро были открытое пространство, снег и ветер. Он был уверен, что Мусаси придет один, но в то же время его волновала незащищенность тыла. Дэнситиро сделал нетерпеливое движение, словно стряхивая что-то невидимое с кимоно, и приказал Хёскэ отойти. Хёскэ переместился в дальний конец двора.

— Вы готовы?

Голос Мусаси прозвучал спокойно и холодно. Дэнситиро показалось, что на него выплеснули ушат ледяной воды. Он уже успел рассмотреть Мусаси.

«Вот он каков, негодяй!» — промелькнуло у него в голове. Дэнситиро люто ненавидел Мусаси. Он ненавидел его за поражение брата. Его оскорбляло, когда простолюдины сравнивали его, Ёсиоку Дэнситиро, с этим Мусаси. Он презирал Мусаси за то, что эта деревенщина изображает из себя самурая.

— Кто ты такой, чтобы спрашивать о моей готовности? Уже давно пробило девять часов.

— Разве я обещал быть ровно в девять?

— Не увиливай! Я давно жду тебя. Сам видишь, что я готов. Спускайся! — Дэнситиро понимал, что нападать на Мусаси, когда тот находился на галерее, бессмысленно.

— Сию минуту! — насмешливо ответил Мусаси.

Мусаси готовился к бою не так, как его противник. Дэнситиро, хорошо подготовленный физически, стал настраиваться на бой только сейчас. Для Мусаси поединок начался задолго до того, как он увидел противника. Теперь для

Мусаси наступал второй, решающий этап схватки. Его боевое чутье предельно обострилось при виде множества следов на снегу во дворе храма Гион. Когда Мусаси перестал ощущать за спиной тень, неотступно следовавшую за ним, он, быстро пройдя в ворота храма Рэнгэоин, направился к кухне. Разбудив монаха, он вежливо расспросил о том, что здесь происходило несколько часов назад. Мусаси опаздывал, но все же выпил горячего чая в кухне. Затем он внезапно появился перед противником со стороны галереи, заняв выгодную позицию. Преимущество было на стороне Мусаси.

Призывы Дэнситиро сойти вниз давали ему еще одну тактическую выгоду. Он мог выбирать, драться ли ему внизу или совершить удобный маневр. Мусаси соблюдал осторожность. В поединках, подобных сегодняшнему, победа походила на луну, отражающуюся в водах озера, — если безрассудно броситься за ней, то велик риск утонуть.

Дэнситиро был вне себя от бешенства.

— Ты не только опоздал, так еще и не готов! А я торчу тут на холоде!

— Еще минуту, я спускаюсь, — последовал спокойный ответ.

Дэнситиро знал, что злость способна довести его до поражения, но уже не мог сдерживаться, тем более что его намеренно дразнили. Все, выученное им по части стратегии, мгновенно вылетело из головы.

— Немедленно! — заорал Дэнситиро. — Спускайся вниз, во двор! Хватит время тянуть, держись по правилам! Я — Ёсиока Дэнситиро и плюю на твои хитрости и коварство. Ты недостоин сражаться со мной, если струсил до боя. Спускайся!

Мусаси улыбался.

— Ёсиока Дэнситиро? И мне тебя бояться? Прошлой весной я уже разрубил тебя пополам, а сейчас мне придется повторить то же самое.

— О чем это ты? Где? Когда?

— В Ямато, в Коягю.

— Ямато?

— Для полной ясности в бане, на постоялом дворе «Ватая».

— Ты был там?

— Да, был. Правда, мы оба были голые, но я мысленно примерился, как разрублю тебя. И особого труда это не составило. Ты не заметил, как мой меч не оставил на тебе шрамов, но я тебя победил. Сказки о великом фехтовальщике Дэнситиро не для меня. Ты мне просто смешон!

— Давно хотелось тебя услышать, но теперь я понял, что ты дурак. Мне наскучила твоя болтовня. Спускайся, и я покажу, чего ты стоишь.

— Какое у тебя оружие? Меч? Деревянный меч?

— Зачем спрашивать, когда у тебя нет деревянного? Прекрасно знаешь, будем драться на мечах.

— Вдруг ты предпочел бы деревянный меч. Тогда мне пришлось бы одолжить деревянный меч у тебя.

— Нет у меня никакого деревянного меча, болван! Закрой рот и спускайся!

— Ты готов?

— Нет!

Дэнситиро отскочил, взрывая снег, открывая пространство для Мусаси, но тот, прежде чем спрыгнуть, переместился вдоль галереи метров на шесть в сторону. Оба двинулись навстречу друг другу, не обнажая мечей. Взгляды их скрестились. Дэнситиро, не выдержав, выхватил из ножен меч. Меч был длинным, под рост хозяина. Клинок с легким, звенящим посвистом опустился на то место, где мгновение назад стоял Мусаси.

Мусаси был проворнее меча, но еще стремительнее оказалось его оружие, выхваченное из

ножен. Противники находились так близко, что казалось невозможным выйти невредимым из стычки. Молниеносная пляска сверкающих клинков, и противники уже на расстоянии трех метров друг от друга. Оба замерли, выбросив вперед острия мечей. Потянулись напряженные минуты. На бровях Дэнситиро оседал снег, тая, он падал на ресницы. Глаза его выкатились и горели, как огонь в кузнице, жаркое дыхание рвалось из широкой груди.

Дэнситиро чувствовал уязвимость своей позиции. «Почему я держу меч на уровне глаз, если всегда атакую с мечом над головой?» — думал он. Он, собственно, не думал, это ему подсказывала кровь, стучавшая в висках. Внешне тем не менее он казался крайне разъяренным и исполненным ненависти к врагу.

Невыгодность позиции угнетала Дэнситиро. Он осторожно приподнимал локти, чтобы занести меч повыше, но каждый раз останавливался. Мусаси ловил момент, когда на мгновение ока руки противника закроют ему обзор.

Меч Мусаси тоже был на уровне глаз. Расслабленные локти готовы были мгновенно отразить возможную угрозу с любой стороны. Руки Дэнситиро в непривычной для них позиции были

напряжены и скованы. Меч едва заметно подрагивал. Меч Мусаси застыл в неподвижности, и снег начал оседать на наружной поверхности клинка.

Мусаси считал количество вдохов и выдохов, устремив на противника по-ястребиному пронзительные глаза. Он не жаждал победы, зная, что она неизбежна. Он ощущал ту грань, которая разделяет жизнь и смерть. В его воображении Дэнситиро принял образ гигантского булыжника, который необходимо сдвинуть с места. Мусаси мысленно призвал на помощь бога войны Хатимана.

«Его техника совершеннее моей», — честно признался себе Мусаси. Он пережил такое же чувство неполноценности в Коягю, в кольце четырех лучших бойцов замка. Оно охватывало Мусаси при каждом столкновении с представителями традиционных школ, поскольку его собственный стиль едва ли поддавался описанию, в нем отсутствовала четкая последовательность. Мусаси просто решал задачу — жить или умереть. Противостоя Дэнситиро, Мусаси видел, что стиль, созданный Ёсиокой Кэмпо, был сплавом простоты и виртуозности, имел четкую логику, не делал крена ни в сторону физической силы, ни в

сторону излишней духовности.

Мусаси сосредоточился на том, чтобы не допустить лишнего движения. Его примитивная тактика вдруг отказалась ему повиноваться. Мусаси недоумевал, почему руки его не поднимаются, словно онемели в одном положении. Ему оставалось лишь стоять в оборонительной позиции и выжидать. Глаза Мусаси покраснели от напряжения. Он молил Хатимана о победе.

По телу пробегала горячая волна, заставляя сердце учащенно биться. Он был простым смертным, поэтому мгновенное невнимание могло стоить ему жизни. Мусаси не отвлекался. Он отбросил мысль о своем несовершенстве, как снег с рукава. Стычки со смертью приучили его к хладнокровию и рассудительности. Теперь он полностью владел собой.

Мертвая тишина. На волосы Мусаси, на плечи Дэнситиро намело снега.

Дэнситиро уже не казался ему огромным валуном. Мусаси растворился в пространстве и не принуждал себя к победе. Он видел только белый снег между собой и человеком напротив, и невесомая белизна была легка, как и его душа. Мусаси стал частью неба и земли, а небо и земля вошли в его существо. Мусаси словно парил в воздухе, не

ощущая тяжести тела.

Нога Дэнситиро слегка двинулась вперед. Воля его сконцентрировалась на подрагивающем кончике меча.

Два удара одного меча обрубили две жизни. Первый выпад Мусаси сделал, обернувшись назад, и половина головы Отагуро Хёскэ огромной алой вишней пролетела мимо, а тело убитого швырнуло под ноги Дэнситиро. Боевой клич Дэнситиро оборвался на середине. Подпрыгнувший Мусаси, казалось, завис в воздухе, а Дэнситиро ничком валился в глубокий пушистый снег.

— Подожди! — сорвался с его губ предсмертный стон.

Мусаси исчез.

К месту поединка мчались Гэндзаэмон и ученики школы Ёсиоки. Черной волной они захлестнули белое пространство у храма.

— Слышал?

— Это Дэнситиро!

— Он ранен.

— Хёскэ убит.

— Дэнситиро! Дэнситиро!

Они знали, что бессмысленно кричать, и послали за лекарем. Меч Мусаси снес голову Хёскэ от правого уха до левой скулы, голова Дэнситиро

была разрублена от макушки до правой скулы. И в одно мгновение.

— Я же предупреждал… говорил, — бормотал, заикаясь, Гэндзаэмон. — Он — серьезный противник. О, Дэнситиро, Дэнситиро! — Старик причитал, прижимая к груди тело племянника.

Он был сражен горем, но бестолково топтавшиеся по окровавленному снегу ученики взбесили его.

— Где Мусаси? — взревел он.

Стали искать Мусаси, но не нашли.

— Ищите! — приказал Гэндзаэмон. — Крыльев у него нет! Я не смогу поднять головы, если не отомщу за честь дома Ёсиоки. Отыскать его!

Один из учеников вдруг застыл с открытым ртом. Все обернулись в ту сторону, куда он смотрел.

— Мусаси!

Звенящая в ушах тишина объяла поле, как дьявольское наваждение, отупляющее мысли и чувства.

Мусаси лишь почудился ученику. В тот момент Мусаси стоял под низким карнизом соседней постройки, слившись со стеной, и не сводил глаз с людей Ёсиоки. Едва заметно двигаясь вдоль стены, он проскользнул до юго-западного угла

храма Сандзюсангэндо, взобрался на галерею и пробежал до ее середины. «Станут ли они нападать?» — спрашивал он себя. Люди Ёсиоки не двигались. По-кошачьи мягко Мусаси перебрался по галерее на северную сторону храма и растворился в темноте.

Избранное общество

— Со мной не может соперничать ни один аристократ. Он ошибается, решив отделаться от меня чистым листом бумаги. Придется молвить ему словечко. Теперь дело чести привести к нам Ёсино.

Говорят, что и в преклонном возрасте любят поиграть. Хайя Сёю был неукротим, когда входил в раж.

— Проводи меня к ним! — приказал он Сумигику.

Опершись на ее плечо, он попытался подняться. Коэцу хотел отговорить друга от его затеи.

— Нет, я приведу Ёсино! Вперед, знаменосцы! Ваш предводитель выступает в поход. Кто не трус, за мной!

С пьяными происходит необъяснимое — кажется, что они вот-вот упадут, ударятся или искалечатся, но остаются целыми и невредимыми, если им не мешать. Так уж принято, что пьяных оберегают — они вносят разнообразие в наш мир. Долгие годы жизни научили Сёю разделять игру в свое удовольствие и потеху для публики. Когда он напивался и казалось, что с

ним можно делать все что угодно, старый гуляка становился неприступным. Он едва держался на ногах, пока кто-нибудь не приходил ему на помощь, и на почве сочувствия распускались цветы взаимной симпатии и задушевности.

— Упадете! — воскликнула Сумигику, поддерживая старика.

— Чепуха! Ноги не совсем слушаются меня, но дух мой тверд. — Сёю придал голосу зловещий оттенок. — Сам дойду!

Девушка отпустила гостя, и тот шлепнулся на пол.

— Утомился. Пусть кто-нибудь отведет меня!

По длинному коридору Сёю повели в комнату Кангана, который не показывал виду, что знает о готовящейся выходке. Сёю доставлял много хлопот провожатым — он то стукался о стены, то валился на пол, то цеплялся за кимоно девушек.

Вопрос был в том, имеют ли право «нахальные выскочки-аристократы» безраздельно владеть красавицей Ёсино. Богатые купцы — простолюдины с большим состоянием — благоговели перед особами из окружения императорского двора. Аристократы кичились родословными и высоким положением, но это мало кого впечатляло, поскольку у них не было денег. Знатью можно

было управлять, как марионетками, достаточно иногда подбрасывать им золота, оплачивать их капризы и делать вид, что преклоняешься перед их заслугами. Сёю знал это лучше других.

Купец ввалился в прихожую, ведущую в гостиную Кэнгана. На бумажных фусума плясали отблески огня. Сёю потянулся к створке фусума, но она неожиданно отодвинулась сама.

— А, это ты, Сёю! — воскликнул Такуан Сохо.

Сёю вытаращил глаза. Он обрадовался и удивился:

— Славный монах! Какая встреча! Ты что, все это время был здесь?

— А вы, ваше степенство, тоже изволили пребывать здесь? — передразнил Такуан.

Друзья узнали друг друга и упали в пьяные объятия.

— Все резвишься, старый негодник?

— А ты, мошенник? Тебя все еще носит по этой земле?

— Как приятно увидеть тебя!

— Да!

Обмен приветствиями сопровождался новыми объятиями, похлопываниями по плечу.

Сидевший в гостиной Карасумару, с оттенком презрения наблюдавший эту сцену, обратился к

его светлости Коноэ Нобутаде:

— Весельчак явился. Не заставил себя ждать.

Карасумару Мицухиро был молодым человеком лет тридцати. Знатное происхождение безошибочно угадывалось в нем, его не замаскировала бы простая одежда. Красивый человек с белой кожей, густыми бровями и сочными губами. Взгляд был зорким и проницательным. Он казался мягким по натуре, но за внешним лоском таился сильный и волевой характер. Как и все придворные, Карасумару недолюбливал военное сословие. Не раз слышали, как он заявлял: «Если в наши времена людьми считаются только военные, то зачем я родился в семье придворной знати!» Он считал, что военным надлежит заниматься только своим делом. Любой молодой придворный, не лишенный умения думать, возмущался происходящими событиями. Притязания военных на абсолютную власть в корне подрывали издревле заведенный порядок, когда императорский двор правит страной с помощью военных. Самураи перестали почитать древние аристократические семьи, прибрав все к рукам, и военные отвели придворным роль красивых безделушек. Изысканные головные уборы придворных, овеянные традициями, превратились

в мишуру. Решения, которые теперь позволяли принимать придворным, можно было бы переложить на кукол.

Князь Карасумару считал, что боги ошибались, сделав его придворным аристократом от рождения. Состоя при дворе, Карасумару мог вести унылое существование или прожигать жизнь. Несомненно, приятнее проводить время, положив голову на колени прекрасной женщины, наблюдать бледную луну, любоваться цветением вишни и умереть с чашечкой саке в руках.

Карасумару занимал высокое положение в придворной иерархии, побывав на постах министра казны, левого министра права, а сейчас советника, но он проводил большую часть времени в Янаги-мати, где забывались унижения придворной службы. Его постоянными спутниками были несколько недовольных молодых придворных, небогатых, как и он, но умудрявшихся добывать деньги на утехи в заведении «Огия», единственном, по их утверждению, месте, где они чувствовали себя полноценными людьми.

Сегодня с князем был совсем иной человек — сдержанный, утонченный Коноэ Нобутада. Нобутада был лет на десять старше Карасумару, и на нем тоже лежала печать аристократического

происхождения. Полноватое, с густыми бровями над пронзительно острыми глазами смуглое лицо было помечено редкими оспинами, но этот изъян, казалось, придавал мужественности его облику. Новичок в заведении «Огия» не догадался бы, что перед ним сидит один из знатнейших людей страны, глава рода, поставлявшего к императорскому двору регентов.

Нобутада с легкой улыбкой обратился к Ёсино:

— По-моему, голос господина Фунабаси.

Ёсино, закусив красную, как сливовый цвет, губу, отвела в сторону смущенный взгляд. «Что делать, если он явится?» — в смятении думала она.

— Сиди! — приказал Карасумару, удерживая куртизанку за подол кимоно.

— Такуан, ты где? — продолжал Карасумару. — Задвинь фусума, холодно. Если уходишь, так иди, а если остаешься, вернись в гостиную и закрой фусума.

— Пойдем! — проговорил Такуан, увлекая за собой Сёю.

Сёю уселся против аристократов.

— Весьма приятная встреча! — с деланой радостью воскликнул Карасумару Мицухиро.

Сёю придвинул тощие колени поближе к

придворным. Протянув руку к Нобутаде, он проговорил:

— Не поднесете ли саке?

Получив чашечку, он с наигранной учтивостью низко поклонился.

— Рад тебя видеть, старина Фунабаси! — усмехнулся Нобутада. — Кажется, тебе неведомо плохое расположение духа.

Сёю, выцедив саке, возвратил чашечку Коноэ.

— Не думал, что сегодня в обществе его светлости Кангана увижу вас.

Притворяясь пьянее, чем на самом деле, Сёю, вытянув жилистую шею, потряс головой на манер слуг старинной выучки.

— Простите меня, недостойного, — проговорил он, разыгрывая испуг. Внезапно, сменив тон, Сёю дерзко произнес: — С какой стати я должен извиняться? Ха-ха-ха! Скажи, Такуан!

Сёю, обняв Такуана, притянул его к себе и, указывая на аристократов, сказал:

— До слез жаль благородное сословие. Они носят громкие титулы советников, регентов, но титулом сыт не будешь. Купцы да ремесленники куда счастливее, правда?

— Так, так, — поддакивал Такуан, выпутываясь из объятий приятеля.

— А вот ты меня еще не угостил, — заметил Сёю, поднося Такуану под нос чашечку для саке.

Такуан налил ему. Старик выпил.

— Ты хитрый малый, Такуан! В нашем бренном мире монахи лукавы, купцы умны, военные сильны, а аристократы глупы. Ха-ха! Так ведь?

— Правда, — скороговоркой отозвался Такуан.

— Аристократы кое-что позволяют себе, пользуясь происхождением, но у них нет возможности влиять на политику и правительство. Вот им и приходится упражняться в каллиграфии и сочинять стихи. Разве я что придумал? — Сёю захохотал.

Мицухиро и Нобутада любили шутку и ценили остроумие не меньше Сёю, но сегодня развязность торговца перешла разумные границы. Придворные сидели с каменными лицами.

Сёю и не думал угомониться.

— А ты что молчишь, Ёсино? Кто тебе милее, купец или аристократ?

— Хи-хи! — выдавила смешок куртизанка. — Странный вопрос, господин Фунабаси!

— Я не шучу. Пытаюсь заглянуть в женское сердце. Теперь вижу, что там спрятано. Ты предпочитаешь купца. Нам с тобой лучше удалиться. Пошли в мою гостиную!

Сёю, взяв Ёсино за руку, трезво и зорко заглянул ей в глаза. Изумленный невиданной наглостью, Мицухиро расплескал саке.

— Шутка перестала быть забавной, — промолвил он. Вырвав руку Ёсино, он прижал девушку к себе.

Сёю и Мицухиро не были ни соперниками, ни врагами, но они следовали правилам игры, которая ставила куртизанку в безвыходное положение.

— Идем, красавица несравненная! — приказывал Сёю. — Решай твердо, чью гостиную украсишь и кому подаришь сердце.

— Нелегкий выбор, правда, Ёсино? Скажи, кого ты выбираешь? — вмешался Такуан.

Лишь Нобутада не принимал участия в игре. Долг приличия заставил его наконец подать голос:

— Не надо буйства, вы здесь в гостях. По-моему, Ёсино рада бы избавиться от вас обоих. Почему бы не оставить ее в покое? И Коэцу бросили в одиночестве. Велите служанке привести его сюда.

Сёю махнул рукой:

— Нет нужды за ним посылать. Сей миг я сам уйду к нему вместе с Ёсино.

— Ты не уйдешь! — проговорил Мицухиро, еще

крепче прижимая девушку к себе.

— Заносчивость знатных мира сего! — воскликнул Сёю. Сверкнув глазами, он порывисто протянул Мицухиро чашечку. — Решим по правилам, кому она принадлежит. Победит тот, кто сильнее в выпивке.

— Вот так-то лучше, — ответил Мицухиро, ставя на столик большую чашку. — Уверен, что возраст не помеха таким забавам!

— Для соревнования с худосочным аристократом не много нужно.

— Как определим очередность? Просто нализаться саке неинтересно. Предлагаю сыграть в какую-нибудь игру. Проигравший выпивает. Во что поиграем?

— Кто кого переглядит!

— Мне придется созерцать безобразную купеческую физиономию. Это пытка, а не игра.

— Напрасно оскорбляешь. Давай в камень, ножницы и бумагу?

— Хорошо.

— Такуан, будешь судьей!

— К вашим услугам!

Сёю и Мицухиро с головой ушли в игру. Проигравший, как водится, сетовал на горькую судьбу, веселя компанию.

Ёсино незаметно выскользнула из комнаты, грациозно приподняв подол кимоно, и тихо пошла вглубь коридора. Вскоре незаметно для игроков вышел и Коноэ Нобутада.

Такуан, зевая во весь рот, примостился рядом с Сумигику и с невинным видом положил голову ей на колени. Ему было приятно и удобно, но он испытывал подобие угрызений совести. «Я должен идти, — думал Такуан. — Они заждались меня».

Такуан думал о Дзётаро и Оцу, которые вновь жили в доме Карасумару. Такуан отвел туда Оцу после страшной ночи в храме Киёмидзу.

Такуан и Карасумару были старыми друзьями. Их связывало увлечение поэзией дзен, саке и общие интересы в политике. В конце прошлого года Такуан получил приглашение провести Новый год в Киото. Мицухиро писал:

> «Ты затворничаешь в маленьком деревенском храме. Неужели не тоскуешь по столице, по хорошему саке из Нады, красивым женщинам, птичкам-ржанкам, порхающим по берегу Камо? Если ты жаждешь забвения, продолжай погружение в дзен в захолустье, но, если

хочешь проснуться, непременно объявись и поживи среди интересных людей. Приезжай, если еще помнишь, что такое столица».

Приехав в Киото в начале нового года, Такуан во дворе дома Карасумару неожиданно встретил Дзётаро. Мальчик рассказал, что от Оцу нет известий с того дня, как ее увела Осуги.

После ночи в Киёмидзу Оцу слегла в горячке. Дзётаро не отходил от нее, меняя влажные полотенца на лбу, подавая лекарства.

Такуан не мог уйти из «Огия» раньше приятеля, а Мицухиро все больше втягивался в игру. Соперники умели крепко выпить, их поединок сулил ничью. Игроки увлеченно пили, оживленно беседовали, сидя коленка в коленку друг против друга. Такуан не слышал, обсуждалась ли роль военного сословия, родовые добродетели придворной знати или вклад купцов в развитие заморской торговли, однако разговор, несомненно, был важным. Такуан в полудреме приподнимал голову с колен девушки, улавливал обрывки разговора и блаженно улыбался.

— А где Нобутада? Неужели ушел домой? — вдруг спросил Мицухиро. В голосе слышалась

обида.

— Пусть! А где Ёсино? — спросил Сёю, мгновенно протрезвев.

Мицухиро послал Ринъю за хозяйкой.

Проходя мимо комнаты, где оставался Коэцу, Ринъя увидела сидевшего в одиночестве Мусаси.

— Я не знала, что вы вернулись, — сказала девочка.

— Я недавно пришел.

— Вошли через задние ворота?

— Да.

— А куда вы ходили?

— По делу.

— Наверное, на свидание с девушкой? Как вам не стыдно! Я все расскажу госпоже Ёсино.

Мусаси засмеялся.

— Где же все гости? — поинтересовался он.

— В другой комнате. Играют.

— Коэцу с ними?

— Я не знаю, где он.

— Домой, верно, ушел. Мне тоже пора.

— Не говорите так. Раз вы пришли в «Огия», то без разрешения госпожи Ёсино не покинете нас. Если вы уйдете тайком, над вами будут смеяться, а мне попадет как следует.

Мусаси, не привыкший к шуткам, принятым

среди куртизанок, воспринял все всерьез. «Ну и порядки здесь!» — сокрушенно подумал он.

— Вы не имеете права скрываться незаметно, — продолжала девочка. — Подождите здесь, я за вами приду.

Через некоторое время кто-то хлопнул Мусаси по плечу. Оглянувшись, он увидел Такуана.

— Как, это вы? Не видел вас целую вечность! — воскликнул пораженный Мусаси, простираясь в глубоком поклоне.

— Нашел место для формальных церемоний! — засмеялся Такуан, поднимая молодого ронина. — Здесь отдыхают и развлекаются. Мне сказали, что в этой гостиной я найду Коэцу. Где он?

— Не представляю.

— Надо найти его. Мне необходимо поговорить с ним, но, видимо, придется отложить разговор до более удобного случая.

Такуан отодвинул фусума. В соседней комнате, свернувшись под стеганым одеялом, Коэцу мирно спал около жаровни, огороженной золотистой ширмой. Такуан не решился разбудить его.

Коэцу открыл глаза. Спросонок он не мог сообразить, почему Мусаси и Такуан вдруг оказались вместе в веселом квартале.

Ему объяснили, что его ждет Мицухиро, что

посторонних в заведении «Огия» нет.

Мицухиро и Сёю, обессилев, сидели молча. Саке уже казалось горьким, губы горели, а глоток холодной воды напомнил о том, что пора домой. Ёсино их покинула.

— Уже поздно? — сказал кто-то.

— Да, пора по домам.

Гостям не хотелось домой, но они боялись окончательно испортить вечер, задержавшись в «Огия». Они уже поднялись, когда в комнату вбежала Ринъя и еще две служанки. Ринъя, ухватив Кангана за руку, затараторила:

— Извините, что заставили вас ждать. Пожалуйста, не уходите. Ёсино-таю примет вас в своих покоях. Час поздний, но на улице все видно из-за свежего снега. Вы попьете чаю у госпожи, чтобы погреться перед уходом, а потом вызовем ваши паланкины.

Настроения пить чай не было, все порядком устали. Видя нерешительность гостей, одна из служанок сказала:

— Ёсино-таю просила не гневаться на нее за то, что она покинула гостей, но у нее не было выбора. Уступи она господину Кангану, обиделся бы господин Фунабаси, уйди она с господином Фунабаси, остался бы в одиночестве господин Канган.

Она не хочет, чтобы кто-то из гостей почувствовал невнимание к себе, поэтому приглашает всех выпить чаю на прощанье. Войдите в ее положение и уделите нам еще немного времени.

Отказаться было бы бестактно. Любопытно было взглянуть на покои знаменитой куртизанки. На веранде рядом с лестницей, ведущей в сад, гости нашли пять пар больших деревянных сандалий. Они обулись, чтобы пройти по глубокому снегу. Мусаси плохо понимал, о чем идет речь, но компания решила, что их пригласили на чайную церемонию. Ёсино увлекалась этим искусством. После обильных возлияний чашка крепкого чая была приятна. Гости шли спокойно до тех пор, пока, миновав чайный домик, не вышли на поросший кустами пустырь.

— Куда вы нас ведете? — недоуменно спросил Канган. — Это же тутовник!

Девочки захихикали, а Ринъя поспешила объяснить:

— Нет-нет, это наш пионовый сад. В начале лета мы принимаем гостей в саду. Попивая саке, они наслаждаются цветами.

— Какая разница, тутовник или пион! Одинаково вязнешь в снегу! Ёсино хочет, чтобы мы простудились?

— Потерпите немного!

В дальнем конце пустыря стоял домик под соломенной крышей. Он, казалось, уцелел с тех времен, когда здесь была тихая деревня. За домиком росла небольшая рощица. Домик был отделен оградой от ухоженного сада заведения «Огия».

Девочки провели гостей в прихожую с земляным полом и закопченными стенами и потолком. Ринъя доложила о приходе гостей, и из-за фусума раздался приветливый голос Ёсино-таю:

— Добро пожаловать! Проходите, пожалуйста!

Отсветы очага плясали на фусума, в обстановке комнаты не было ничего городского. На стене висели большие тростниковые шляпы. Гости терялись в догадках, какое развлечение предложит им хозяйка. Фусума мягко раздвинулись, и гости вошли во внутренние покои.

На Ёсино было бледно-желтое кимоно с черным атласным оби. Лицо почти без косметики, а волосы уложены в простую домашнюю прическу. Гости замерли от восхищения.

— Какая прелесть!

— Необыкновенно!

Ёсино выглядела несравненно прекраснее в домашнем одеянии среди закопченных стен, чем в роскошно расшитых кимоно в «Огия». Дорогие

кимоно, яркая помада, позолоченные ширмы и серебряные подсвечники были непременной принадлежностью женщин ее профессии, но красота Ёсино не нуждалась в дополнительных украшениях.

— Да, поразительная картина! — пробормотал Сёю. Задиристый и острый на язык старик притих.

Ёсино предложила гостям расположиться вокруг очага.

— Так я и живу. Особого угощения у меня для вас нет, но в доме есть огонь. Согласитесь, в холодную снежную ночь очаг — самый желанный подарок для любого человека, будь он принцем или бедняком. Дров много, так что можно беседовать всю ночь. Нам не придется пускать на растопку деревца, растущие в горшках. Устраивайтесь поудобнее.

Аристократ, купец, художники и монах расселись вокруг в непринужденных позах, протянув руки к огню. Коэцу понял, что прогулка по снегу входила в замысел программы. После нее тепло очага воспринималось как щедрый подарок.

— Садитесь ближе к огню, — с улыбкой обратилась Ёсино к Мусаси и подвинулась, чтобы дать ему место.

Изысканная компания подавляла Мусаси. Ёсино была, пожалуй, самой известной личностью в Японии после Тоётоми Хидэёси и Токугавы Иэясу. Конечно, славилась еще Окуни из знаменитого театра Кабуки и Ёдогими, наложница Хидэёси, но Ёсино считалась изысканнее Окуни и остроумнее, красивее и добрее Ёдогими. Знакомых мужчин Ёсино называли «покупателями», а ее называли «таю». Любая куртизанка высшего ранга называлась «таю», но лишь Ёсино величали просто «таю», без упоминания имени. Мусаси слышал, что семь служанок купают Ёсино, две следят за ее ногтями.

Мусаси впервые в жизни попал в общество роскошных и утонченных женщин, поэтому держался формально, как предписывают правила этикета. В душе он удивлялся, что особенного находят мужчины в Ёсино.

— Чувствуйте себя как дома, — приветливо сказала ему Ёсино. — Садитесь поудобнее.

Приглашение пришлось повторить раза четыре, прежде чем Мусаси сел. Опустившись на колени рядом с хозяйкой, Мусаси, подражая остальным, неуклюже протянул руки к огню.

От взгляда Ёсино не ускользнуло красное пятнышко на рукаве его кимоно. Вытащив салфетку,

она промокнула пятно.

— Извините! Спасибо! — смущенно поблагодарил Мусаси.

Никто бы не обратил внимания на них, не подай Мусаси голос. Все взоры устремились на алое пятно, отпечатавшееся на бумаге.

— Это кровь? — изумленно проговорил Мицухиро.

— Нет! Лепесток красного пиона, — улыбнулась Ёсино.

Разбитая лютня

Сухие ветки весело потрескивали в очаге, источая приятный терпкий аромат. Белесый дымок, струившийся над очагом, не раздражал глаз, его легкие завитки походили на лепестки пионов. Время от времени очаг выстреливал фонтанчиком золотисто-пурпурных искр. Когда огонь притухал, Ёсино подкладывала короткие ветки из вязанки.

Гости как завороженные не сводили глаз с огня. Мицухиро, словно очнувшись от забытья, поинтересовался:

— Чем ты топишь? Сосновые дрова?

— Нет, — ответила Ёсино, — стебли пиона.

Гости удивились, ведь тонкие пионовые стебли едва ли годились для топки. Вытащив из очага слегка обуглившуюся ветку, Ёсино протянула ее Мицухиро. Она рассказала, что пионовым кустам в саду «Огия» по сто лет. Осенью садовник срезает подточенные гусеницами верхушки кустов и сушит их для очага. Запас большой не сделать, но для дома Ёсино хватает.

По словам Ёсино, пион — царь цветов, поэтому его сухие стебли отличаются от обыкновенных

дров.

— Незаурядные свойства у растений встречаются так же редко, как и в людях, — добавила она с улыбкой. — Много ли найдется мужчин, которые не утратили бодрости после того, как отцвела их молодость? — спросила Ёсино, ни к кому не обращаясь. Грустная улыбка заиграла на ее губах. — Мы, смертные, цветем только раз в юности, а потом усыхаем, вянем и превращаемся в белые кости еще до смерти, — печально заключила она.

Помолчав немного, Ёсино сменила тему:

— Прошу извинить, но могу предложить вам только саке и огонь. Дров у нас хватит до утра.

— Не надо извинений. Твое угощение достойно царских особ, — отозвался Сёю. Купца трудно было удивить роскошью, но он искренне восхищался приемом Ёсино.

— Хотела бы попросить об одолжении, — продолжала хозяйка. — Напишите мне что-нибудь на память о сегодняшнем вечере.

Она приготовила тушь и кисти, девушки, расстелив шерстяной ковер на полу соседней комнаты, разложили листы китайской бумаги. Плотная, хорошо впитывающая тушь бумага, которую выделывали из бамбука и шелковицы,

была самой лучшей для занятий каллиграфией.

Мицухиро, взяв на себя роль помощника Ёсино, обратился к Такуану:

— Достопочтенный монах, любезная хозяйка просит написать ей что-нибудь на память. Не начнешь ли ты? Коэцу первым возьмет кисть?

Коэцу молча придвинулся к листу, взял кисть, на мгновение задумался и быстро нарисовал цветок пиона. Такуан начертил над рисунком:

Зачем я обречен на жизнь,
Текущую вдали
От страсти и красоты?
Зачем я обречен на жизнь
Вдали от аромата красок?
Прекрасен цвет пиона.
Увы, умрет и он,
Осыпав лепестки.

Такуан написал в стиле японской поэзии. Мицухиро предпочел китайскую поэтическую традицию и написал несколько строк из Цай Вэня:

Взирают горы, как хлопочу в трудах я.
Взираю я на горы, досугу отдаваясь

всласть.

Одна картина пред очами, – заметит кто-то,

Но нет трудов отраднее.

Под стихами Такуана Ёсино подписала:

В цветении они,

Но грусть витает рядом.

Что ждет их в миг,

Когда падут на землю лепестки?

Сёю и Мусаси молча наблюдали. Мусаси испытал неимоверное облегчение, когда его не заставили участвовать в поэтическом турнире.

В углу комнаты, куда компания вернулась и вновь расселась вокруг очага, Сёю заметил лютню бива. Он сразу попросил Ёсино что-нибудь сыграть.

Хозяйка не заставила долго упрашивать себя. Взяв инструмент, она села в центре полуосвещенной комнаты. Она не изображала, что виртуозно владеет лютней, но и не играла в застенчивость. Лица мужчин стали сосредоточенными. Раздались первые аккорды и строки «Повести о Хэйкэ». Неторопливые пассажи сменялись бурными речитативами. Пламя угасло, и комната погру-

зилась в темноту. Зачарованные музыкой гости сидели неподвижно, пока последний хлопок искр в очаге не вернул их к действительности.

— Боюсь, что у меня не все хорошо получилось, — извиняющимся тоном проговорила Ёсино. Поставив лютню на место, она вернулась к очагу.

Мужчины поднялись и стали прощаться. Мусаси, обрадованный окончанию нудного вечера, первым оказался у дверей. Ёсино попрощалась со всеми, кроме него. Мусаси собрался было выйти, но она спокойно взяла его за рукав.

— Останься на ночь, Мусаси. Я не хочу, чтобы ты уходил, — проговорила хозяйка.

Мусаси покраснел, как девица. Он неловко притворился, будто не слышал ее слов, но все поняли, что он онемел от смущения.

— Никто не возражает? — повторила Ёсино, обращаясь главным образом к Сёю.

— Хорошо, хорошо! Ты уж отнесись к нему поласковее, — отозвался старик.

Мусаси неуклюже снял ее руку с рукава и пробормотал:

— Мне надо идти. Я пойду вместе с господином Коэцу.

Коэцу остановил его на пороге:

— Не смущайся, Мусаси. Почему бы не остаться? Вернешься домой утром. Прелестная хозяйка оказывает тебе честь.

Коэцу решительно направился к ожидавшим его мужчинам.

Мусаси сначала показалось, что его разыгрывают, чтобы потом похохотать над ним, но слова Коэцу и серьезность тона Ёсино говорили о другом.

Отказ Мусаси поверг в изумление Сёю и Мицухиро. Один не удержался, чтобы не поддеть его:

— В эту минуту нет счастливее тебя во всей Японии!

Другой вызвался остаться вместо Мусаси.

Шутки прервал прибежавший привратник, которого Ёсино посылала проверить, спокойно ли на улице. Привратник тяжело дышал, дрожа от страха.

— Всем можно идти, кроме господина Мусаси, — проговорил он, стуча зубами. — Сейчас открыты главные ворота, перед ними стоит толпа самураев. Еще одна группа собирается около харчевни «Амигасая». Все в полном снаряжении. Торговцы спешно закрывают лавки. Говорят, что около конюшен еще человек сто!

Предусмотрительность Ёсино поразила гостей.

Один Коэцу предчувствовал какие-то неприятности. Ёсино заподозрила неладное, обнаружив кровь на рукаве Мусаси.

— Мусаси, сейчас ты можешь уйти, чтобы продемонстрировать свое бесстрашие. Прошу тебя, подумай! Если враги сегодня обвинят тебя в трусости, ты завтра докажешь им обратное. Ты пришел сюда отдохнуть, а настоящий мужчина должен знать толк в развлечениях. Люди Ёсиоки намерены убить тебя. Нет ничего постыдного в том, чтобы лишить их этой возможности. Тебя осудят, если ты безрассудно бросишься в западню. Понимаю, затронута твоя честь, но не забывай, что в результате сражения пострадает и наш квартал. В неприятности окажутся втянутыми и твои друзья. Самое разумное — остаться здесь.

Не дожидаясь ответа, Ёсино обернулась к гостям:

— По-моему, вам можно идти. Умоляю, будьте поосторожнее.

Прошло часа два. Пение и музыка в Янаги-мати стихли. Мусаси сидел на пороге комнаты, дожидаясь рассвета. Ёсино оставалась у очага.

— Подойди к очагу, здесь теплее, — позвала она одинокого пленника.

— Не беспокойтесь. Пожалуйста, ложитесь

спать. Я уйду с восходом солнца.

Они несколько раз безрезультатно обменивались этими репликами.

Неотесанность Мусаси привлекала Ёсино. Говорят, что в веселых кварталах жить могут лишь те женщины, которые воспринимают мужчин только как источник доходов. Это выдумки хозяев заведений, которые имеют дело с дешевыми проститутками и в глаза не видели настоящих куртизанок. Образованные, изысканно воспитанные женщины, как Ёсино, способны на искреннюю любовь. Она была года на два постарше Мусаси, но в искусстве любви он не мог соперничать с ней. Ёсино пристально вглядывалась в одеревеневшего Мусаси, который упорно избегал ее взгляда, словно боясь ожога, и её сердце билось все беспокойнее.

Служанки, не ведая о безмолвном поединке в соседней комнате, приготовили роскошное ложе, достойное дочери даймё. Золотые колокольчики матово поблескивали на углах атласных подушек.

Мусаси вслушивался в тишину. Время от времени с крыши срывался снег, с глухим шумом падая на землю. Такой звук сопровождал бы и человек, спрыгнувший с забора. Мусаси сидел, как

настороженный еж, готовый броситься на врага.

Ёсино продрогла. В предрассветный час мороз усилился. Куртизанку влекло к свирепому воину, который выглядел нелепо в ее доме.

Чайник над огнем весело забулькал. Привычный домашний звук отвлек Ёсино от переживаний.

— Скоро рассвет. Выпей чаю и погрейся у огня, — обратилась она к гостю.

— Спасибо, — ответил Мусаси, не пошевельнувшись.

— Чай готов, — повторила Ёсино, но Мусаси не обернулся.

Ёсино тоже молчала. Ей не хотелось казаться навязчивой, но поведение гостя ее задело. Любовно приготовленный чай пришлось вылить. «Какой смысл предлагать изысканный чай мужлану, который ничего в нем не понимает», — с досадой подумала она.

Мусаси сидел спиной к Ёсино. Она ощущала, как напряжен каждый его мускул. Глаза Ёсино потеплели.

— Мусаси!

— Да.

— Ты напрягся в ожидании нападения?

— Нет, просто не хочу расслабляться.

— Из-за врагов?

— Конечно.

— Если ты перенапряжешься, то при внезапной атаке тебя сразу же убьют. Я очень волнуюсь за тебя.

Мусаси не отвечал.

— Я женщина и ничего не понимаю в «Искусстве войны», но, понаблюдав за тобой всю ночь, я вдруг испытала страшное чувство, будто тебя изрубили на куски. Тень смерти нависла над тобой. Десятки мечей подстерегают тебя. Может ли такой человек, как ты, выйти из боя невредимым?

Ёсино говорила доброжелательно, но ее слова насторожили Мусаси. Он стремительно обернулся и, подойдя к очагу, сел напротив куртизанки.

— Вы хотите сказать, что я еще незрел?

— Тебя это сердит?

— Я не обижаюсь на слова женщины, но хотел бы знать, почему вы решили, что меня убьют.

Мусаси отчетливо представлял зловещие планы людей Ёсиоки, представлял блеск их мечей. Он ждал их мести и во дворе Рэнгэоина и подумывал о том, что нужно куда-нибудь скрыться. Бегство было бы бестактным по отношению к Коэцу и бесчестным по отношению Ринъе, которой он пообещал вернуться в «Огия». Но он остался

в «Огия» только потому, что не хотел обвинений в трусости.

Вернувшись в «Огия», Мусаси даже похвалил себя за самообладание. И вот Ёсино без труда разглядела его незрелость. Мусаси не огорчился бы, если бы его поддразнивали, как принято среди куртизанок, но Ёсино была совершенно серьезна.

Мусаси сдерживал злобу, но глаза его сверкали как острия мечей. Он не отрывал взгляда от белого лица Ёсино.

— Объясните, что вы имели в виду.

Ёсино медлила с ответом.

— Может, вы пошутили?

На щеках Ёсино появились ямочки. Она улыбалась.

— Нет! Разве я могу позволить такие шутки с воином?

— В таком случае на что вы намекаете?

— Попробую объяснить, если настаиваешь. Ты внимательно слушал, когда я играла на лютне?

— При чем тут лютня?

— Напрасно я спросила об этом. Ты был так сосредоточен на своих мыслях, что едва ли воспринимал богатство музыки.

— Я внимательно слушал.

— Задумался ли ты над тем, как всего четыре струны могли сотворить гармонию низких и высоких звуков, мягких полутонов и громовых аккордов?

— Я слушал балладу. Вот и все.

— Попробуем сравнить лютню с человеком. Не стану утомлять тебя техникой игры, лучше прочту стихи Бо Цзюйи, в которых он описывает звучание лютни. Ты их, конечно, знаешь.

Ёсино, слегка изогнув бровь, начала декламировать низким голосом. Стихи звучали как речитатив.

Толстая струна грохочет как дождь,
Тонкие струны нашептывают секрет.
Шепот и шум дождя слились,
Смешались, как крупные и мелкие жемчужины
На нефритовом блюде.
Слышен сладкий голос иволги,
Укрывшейся в цветах.
Журчит ручей в песчаных берегах,
И лопнула струна от струй его холодных.
Звук полетел, замирая,

В обитель печали и слез.
Безмолвие красноречивее звуков.
Треснула серебряная ваза.
Хлынула ледяная струя.
Помчались кони боевые,
Со звоном скрестились мечи.
Вздохнули четыре струны,
Как разрываемый шелк.

— Всего четыре струны способны выразить множество чувств. В детстве лютня удивляла меня этим волшебством. Я разбила лютню, чтобы посмотреть, что у нее внутри. Потом я попыталась сама сделать лютню. После нескольких попыток я поняла ее секрет. Он заключен в ее сердце.

Ёсино принесла лютню из соседней комнаты.

— Взглянув на ее сердце, ты поймешь, почему она рождает невероятное разнообразие звуков.

Взяв острый нож, Ёсино ловко поддела им заднюю деку инструмента. Несколько точных движений, и лютня раскрыта. Мусаси почудилось, словно из нее вот-вот хлынет кровь. Он ощутил боль, будто лезвие полоснуло и его. Отложив нож за спину, Ёсино приподняла лютню, показывая Мусаси ее внутренность.

Глядя на точные удары, которые наносила эта сильная тонкая рука, Мусаси подумал, не склонна ли Ёсино к жестокости. Он и сейчас слышал жалобный стон дерева.

— Видишь, у лютни внутри ничего нет, — продолжала она. — Многообразие звуков исходит от деревянной крестовины в середине — это сердце лютни. Будь крестовина совершенно прямой и неподвижной, звучание оказалось бы невыразительным и монотонным. Детали крестовины изогнуты и скреплены намертво, поэтому они вибрируют. Словом, звуковое богатство лютни происходит от известной свободы движения деревянных вибраторов. Это свойство лютни относится и к людям. Нужно быть гибкими. Дух должен витать свободно. Бесчувственный холодный человек скован и угнетен.

Мусаси смотрел на лютню. Губы его были упрямо сжаты.

— Кажется, нет ничего проще, — продолжала Ёсино, — но люди закрепощены в себе. Легким движением пальцев я заставляю струны звучать как мечи, копья и гром, ведь у лютни есть сердце, в котором переплетены жесткость и гибкость. А в тебе я не вижу гибкости, одна несокрушимая твердость. Будь вибратор лютни таким же жест-

ким, дека раскололась бы от первого удара по струнам. Вероятно, я беру слишком много на себя, но хочу оградить тебя от лишних неприятностей. Я не шутила. Понимаешь, о чем я говорю?

Вдали прокричал петух. Сквозь щели ставней сверкнули лучи солнца. Мусаси молча смотрел на растерзанную лютню. Он не слышал крика петуха, не видел солнца.

— Вот и утро! — воскликнула Ёсино. Она словно сожалела о том, что ночь миновала. Она протянула руку, чтобы подбросить веток в огонь, не заметив, что дров больше не осталось.

Послышался скрип ворот, щебетание птиц — обычные звуки утра. Ёсино не собиралась открывать ставни. Огонь в очаге погас, но кровь ее не остыла. Девочки-служанки знали, что хозяйку нельзя беспокоить, пока она их не позовет.

Весенние хвори

Через два дня снег растаял, потеплело и на деревьях лопнули почки. Солнце припекало так, что было жарко и в одежде из хлопка.

Перед домом князя Карасумару стоял забрызганный грязью молодой монах секты дзен, тщетно пытавшийся дозваться до кого-нибудь из слуг. Зайдя с тыльной стороны дома, он заглянул в комнаты прислуги.

— В чем дело? — спросил Дзётаро.

Монах отпрянул от сёдзи. Он не ожидал увидеть лохматое пугало в усадьбе придворного.

— Если за подаянием, то иди на кухню, — продолжал Дзётаро.

— Я пришел не за милостыней, — возразил монах, доставая из-за пазухи шкатулку для писем. — Я из храма Нансодзи в провинции Идзуми. Письмо для Такуана Сохо. Насколько я знаю, он сейчас живет здесь. Ты кто, мальчик на побегушках?

— Только этого не хватало! Я такой же гость, как Такуан.

— Неужели? Не передашь ли ты ему, что я его ожидаю?

— Сейчас позову.

Дзётаро, ворвавшись в переднюю, споткнулся о подставку ширмы, рассыпав спрятанные за пазухой мандарины. Быстро подобрав их, он исчез в глубине дома.

Вскоре он вернулся с сообщением, что Такуана нет дома.

— Говорят, пошел в храм Дайтокудзи.

— Когда вернется?

— Сказали, что скоро.

— Где бы мне пристроиться, чтобы не докучать другим?

Дзётаро мячом вылетел во двор и повел монаха в коровник.

— Жди здесь. Тут тебя не увидят.

На полу была солома вперемешку с навозом, в углу валялись колеса и какой-то хлам, и не успел монах открыть рот, как Дзётаро уже несся в другой конец усадьбы по направлению к домику, видневшемуся из-за деревьев.

— Оцу! Я принес мандарины, — выпалил он.

Лекарь семейства Карасумару убедил, что Оцу вне опасности. Оцу верила его словам, но, глядя на свои запястья, поражалась их худобе. Горячка не отступала, аппетита не было, но утром она сказала Дзётаро, что, может, съела бы мандарин.

В кухне Дзётаро мандаринов не нашел, в лавках их тоже не было, и ему пришлось бежать на рынок к Кёгоку. Там продавались горы разного добра: шелковая пряжа, хлопчатобумажные ткани, ламповое масло, меха, но только не мандарины. Несколько раз он замечал в садах за оградой золотисто-оранжевые плоды, но они оказывались горькими апельсинами или айвой.

Дзётаро, исколесив полгорода, наконец нашел мандарины, но их не продавали, пришлось украсть. Перед входом в синтоистский храм верующие оставляли подношение богам — картофель, морковь, мандарины. Предусмотрительно оглядевшись, Дзётаро набрал мандаринов за пазуху и весь обратный путь домой молился, прося прощения у богов. «Не наказывайте меня, я не для себя!» — повторял мальчишка.

Выложив мандарины перед Оцу, Дзётаро очистил один и протянул его больной, но Оцу лежала отвернувшись.

— Что с тобой? — Дзётаро нагнулся, чтобы заглянуть ей в лицо, но Оцу зарылась в подушку. — Снова слезы? — спросил Дзётаро, осуждающе щелкая языком.

— Прости меня!

— Не извиняйся, ешь мандарины.

— Я тронута твоей заботой, но не могу.

— Все потому, что разревелась. Почему плачешь?

— От радости, что ты так добр со мной.

— Я и сам сейчас захнычу.

— Все, не буду больше, обещаю. Прости меня, Дзётаро.

— Пожалуйста, съешь мандарин, иначе не прощу. Не будешь есть, так умрешь.

— Съешь сам.

— Мне нельзя, — забормотал Дзётаро. Он вспомнил страшные глаза бога. — Хорошо, — уступил он, — давай вместе съедим по одному.

Взяв мандарин, Оцу медленно снимала белые волокна с очищенного плода.

— Где Такуан? — рассеянно спросила она.

— Сказали, что в Дайтокудзи.

— Правда, что вчера он видел Мусаси?

— Ты слышала?

— Да. Интересно, сказал ли он Мусаси, что я здесь?

— По-моему, да.

— Такуан обещал позвать Мусаси сюда. Слышал?

— Нет.

— Может, он забыл?

— Хорошо, я спрошу.

— Пожалуйста, узнай. — Оцу в первый раз улыбнулась. — Не спрашивай только при мне, — добавила она.

— Это почему?

— Такуан ехидный. Он твердит, что моя болезнь называется «Мусаси».

— Если Мусаси придет, ты сразу встанешь на ноги, правда?

— Вот и ты заладил, как Такуан! — Несмотря на упрек, Оцу выглядела счастливой.

Из-за фусума послышался голос самурая из свиты Мицухиро:

— Дзётаро у вас?

— Я здесь!

— Идем со мной.

— Иди поскорее! — проговорила Оцу. — Не забудь о нашем разговоре. Спросишь Такуана? — Оцу слегка порозовела и натянула на лицо одеяло.

Такуан сидел в гостиной вместе с Карасумару. Дзётаро, бесцеремонно отодвинув фусума, спросил:

— Звали?

— Заходи.

Мицухиро с любопытством посмотрел на маль-

чика, прощая его невоспитанность.

Садясь на циновку, Дзётаро сообщил Такуану:

— Тебя ждет монах, он говорит, что пришел из Нансодзи. Позвать его?

— Не надо, я обо всем знаю. Он пожаловался, что встретил дрянного мальчишку.

— Меня, что ли?

— Ты считаешь нормальным отвести гостя в коровник и бросить его там?

— Он же хотел, чтобы его никто не увидел.

История развеселила Мицухиро. Колени у него тряслись от смеха. Приняв серьезный вид, он спросил Такуана:

— Ты пойдешь прямо в Тадзиму, не заходя в Идзуми?

Монах кивнул.

— Письмо очень тревожное, — пояснил он. — Мне не надо времени на сборы, я отправлюсь сегодня.

— Ты уходишь? — спросил Дзётаро.

— Да, нужно поскорее добраться до дома.

— Почему?

— Пришло известие, что моя матушка в тяжелом состоянии.

— У тебя есть мать? — Мальчик не поверил своим ушам.

— Конечно.

— А когда вернешься?

— Это зависит от здоровья матушки.

— А что же мне делать без тебя здесь? — упрямо пробормотал Дзётаро. — Значит, мы больше не увидимся?

— Обязательно увидимся. Я договорился, чтобы ты и Оцу пожили пока здесь. Позаботься о ней и постарайся отвлечь ее от грустных мыслей. Она нуждается во внимании больше, чем в лекарствах.

— У меня вряд ли получится. Она не поправится, пока не повидает Мусаси.

— Да, тяжелая болезнь, согласен. Не завидую тебе.

— Такуан, где ты видел Мусаси?

— Э-э… — Такуан смущенно заулыбался, бросив быстрый взгляд на Мицухиро.

— Когда Мусаси придет сюда? — продолжал расспрашивать Дзётаро. — Ты ведь обещал его привести. Оцу только об этом и думает.

— Мусаси? — переспросил Мицухиро. — Этот тот самый ронин, которого мы встретили в «Огия»?

Не ответив, Такуан обратился к Дзётаро:

— Я не забыл о своем обещании. На обратном

пути из Дайтокудзи я зашел к Коэцу и осведомился о Мусаси. Мусаси еще не вернулся. Коэцу считает, что он все еще в «Огия». Коэцу сказал, что его матушка так встревожена отсутствием Мусаси, что написала письмо Ёсино-таю с просьбой отпустить его.

— О? — удивленно поднял брови Мицухиро. — Он до сих пор у Ёсино? — В голосе аристократа прозвучали нотки зависти.

— Она поймет, что Мусаси ничем не отличается от других мужчин, — поспешил с утешением Такуан. — Только с виду кажутся разными, да и то в молодом возрасте.

— Странная женщина. Что она нашла в этом мужлане?

— Не берусь толковать ее мысли. Оцу тоже не понимаю. Вероятно, я вообще не понимаю женщин. По-моему, все они слегка помешаны. А Мусаси сейчас вступил в пору весны жизни. Настоящая жизнь только начинается для него. Будем надеяться, что он поймет важную истину: женщина опаснее меча. Никто не разберется в его делах, кроме самого Мусаси, так что мне остается лишь отправиться в путь.

Монах почувствовал неловкость, дав себе волю разговориться в присутствии Дзётаро. Поспеш-

но поднявшись, он стал прощаться, еще раз попросив хозяина дома позаботиться об Оцу и мальчике.

Старая пословица учит, что путешествие следует начинать с утра, однако Такуан не намеревался следовать ей. Он вышел за ворота, когда солнце клонилось к закату. Дзётаро семенил рядом, вцепившись в рукав монаха.

— Вернись, пожалуйста, и успокой Оцу. Она начнет рыдать, а я ничем не смогу помочь.

— Ты говорил с ней о Мусаси?

— Она просила узнать, когда он придет. Боюсь, она умрет, если он не навестит ее.

— Положим, не умрет. Оставь ее в покое.

— Такуан, кто такая Ёсино?

— Зачем тебе знать?

— Но ты сказал, что Мусаси у Ёсино.

— Э-э… Я… У меня нет сейчас времени заниматься исцелением Оцу. Передай ей кое-что от моего имени.

— Что сказать?

— Пусть как следует ест.

— Я говорил то же самое сто раз.

— Неужели? Пока это единственное, что можно ей сказать. Если она не будет слушаться тебя, можешь выложить ей всю правду.

— Какую правду?

— Мусаси сошелся с куртизанкой по имени Ёсино и не выходит из веселого квартала два дня и две ночи. Оцу совершит глупость, продолжая любить такого человека.

— Это ложь! — воскликнул Дзётаро. — Он мой учитель! Он самурай! Он не способен на такое! Если я скажу все это Оцу, она наложит на себя руки. Вот уж кто глупец, так это ты, Такуан. Старый болван!

— Ха-ха-ха!

— Кто тебе дал право говорить непристойности про Мусаси и обзывать Оцу глупой?

— Славный ты мальчуган, Дзётаро! — Такуан потрепал мальчика по волосам.

Дзётаро отстранился.

— Хватит, Такуан! Никогда больше не стану просить тебя о помощи. Я сам найду Мусаси, приведу его к Оцу.

— Тебе неизвестно, где он.

— Ничего, найду!..

— Настроен ты решительно, но Ёсино тебе придется долго искать. Подсказать?

— Не утруждайся!

— Дзётаро, я не враг ни Оцу, ни Мусаси. Который год я молюсь об их счастье.

— А почему ты постоянно говоришь с издевкой?

— Тебе так кажется! Может, ты и прав. Беда в том, что оба сейчас — больные люди. Если оставить Мусаси в покое, он справится сам, но Оцу нуждается в помощи. Я пытался помочь ей уже потому, что я монах. Мы, монахи, исцеляем сердечные недуги, а лекари врачуют телесные хвори. Увы, я ничего не достиг и теперь отступаю в сторону. Если Оцу не желает уразуметь, что ее любовь безответна, я могу дать ей единственный совет — побольше есть.

— Не беспокойся, Оцу не нужна помощь такого коварного обманщика, как ты.

— Не веришь, пойди в Янаги-мати в заведение «Огия» и посмотри, чем занимается там Мусаси. Потом расскажи все Оцу. Новость может подкосить ее, но хотя бы отрезвит ее горячечный ум.

Дзётаро, зажав уши, завопил:

— Ни слова больше, яйцеголовый болван!

— Ты сам увязался за мной, забыл уже?

Дзётаро остановился посреди дороги, глядя в спину монаха. Едва сдерживая слезы, он пропел ему вслед скабрезные куплеты, которыми уличные мальчишки награждают странствующих монахов. Такуан скрылся из виду, и слезы ручьем

хлынули из глаз Дзётаро. Утеревшись рукавом, он, как побитый щенок, поплелся домой. По пути он решил узнать, где находится заведение «Огия».

Он наобум обратился к первой попавшейся женщине, простой горожанке, судя по ее внешности.

— Как пройти в Янаги-мати?

— Веселый квартал?

— Что такое «веселый квартал»?

— Ну как тебе сказать…

— Хорошо, что там делают?

— Ах ты, негодник! — воскликнула женщина, торопливо удаляясь от мальчишки.

Дзётаро, не оробев, останавливал каждого прохожего, расспрашивая об «Огия» в квартале Янаги-мати.

Аромат алоэ

Окна заведений в веселом квартале зазывно светились, но было еще рано для наплыва посетителей.

В заведении «Огия» молодой слуга, проходя мимо главного входа, заметил нечто странное: сквозь щель в сёдзи блестели бойкие глаза, а внизу торчали грязные соломенные сандалии и кончик деревянного меча. Слуга подскочил от удивления, но не успел раскрыть рот, как из-за сёдзи выступил Дзётаро.

— В этом доме находится Миямото Мусаси? — спросил он. — Это мой учитель. Скажи ему, пожалуйста, что пришел Дзётаро. Пусть он выйдет.

Слуга насупился.

— Такого здесь нет. А ты как здесь оказался? Надо же, принесло грязную рожу, когда гости начинают съезжаться. Пошел прочь, попрошайка!

Слуга схватил Дзётаро за ворот и с силой толкнул.

— Не смей! — завопил Дзётаро, раздувшись от гнева как рыба-шар. — Я пришел к своему учителю!

— Плевать мне, к кому ты пришел, крысенок.

Твой Мусаси наделал здесь переполоху. Его здесь нет!

— Раз нет, почему так сразу и не сказать об этом? Убери руки!

— Ты что тут вынюхиваешь? Может, тебя подослали люди Ёсиоки?

— Не знаю таких. Когда ушел Мусаси? Куда?

— Сначала ты командовал мной, а теперь начинаешь выведывать. Придется научить тебя не болтать языком. Откуда мне знать, куда он отправился?

— Хорошо, отпусти воротник.

— Отпущу, но прежде... — Слуга с силой закрутил ухо мальчика и, дав пинка, толкнул к воротам.

— Ой! — завопил Дзётаро.

Развернувшись, он выхватил деревянный меч и ударил слугу, выбив ему передние зубы.

Слуга вскрикнул, прикрыв одной рукой окровавленную губу, а другой молотя Дзётаро.

— Убивают! — взвыл мальчишка.

Не помня себя он рубанул мечом по голове слуги. Он ударил изо всех сил, как когда-то в Коягю, убивая собаку. Из носа слуги хлынула кровь. Слабо вскрикнув, он повалился на землю.

Куртизанка, наблюдавшая драку из дома на-

против, подняла крик:

— Мальчишка убил человека в «Огия». Держите его!

Выскочившие из домов люди заметались по улице.

— В какую сторону он побежал?

— Как он выглядит?

Суматоха улеглась так же быстро, как и началась. Вереницей потянулись гости, и о происшествии забыли. Потасовки в квартале были привычным делом, и даже самые кровавые улаживали без шума, не вынося скандалы за ворота квартала.

Главные улицы веселого квартала утопали в огнях, но, свернув за угол, можно было оказаться в непроглядно-темном переулке, да и незастроенные участки зияли чернотой. Дзётаро нырнул в закоулок. Он надеялся без труда выбраться отсюда, но скоро обнаружил, что оказался в ловушке. Веселый квартал был обнесен трехметровой стеной без единой щели. Сверху он топорщился кольями, обожженными на огне. Дзётаро повернул назад, надеясь перебраться через улицу на другую сторону, и в этот миг увидел девочку-служанку. Девочка махнула ему рукой, подзывая к себе. Дзётаро изумленно уставился на ее на-

беленное лицо, но девочка не показалась ему неприятной.

— Не ты ли спрашивал о Миямото Мусаси в заведении «Огия»?

— Да.

— Тебя зовут Дзётаро?

— Ага!

— Пошли! Я отведу тебя к Мусаси.

— Где он? — В голосе Дзётаро прозвучали нотки подозрения. Девочка ответила, что Ёсино велела ей привести Дзётаро к Мусаси.

Хозяйка девочки беспокоилась из-за драки около «Огия».

— Ты служанка Ёсино? — уже признательным тоном спросил Дзётаро.

— Да. Ничего не бойся. Если за тебя заступилась Ёсино, в квартале никто не посмеет тронуть тебя и пальцем.

— Мой учитель правда у вас?

— С какой стати я с тобой тогда разговариваю?

— А что он делает в таком месте?

— Посмотри сам. Загляни вон в тот маленький домик. А теперь прощай, у меня дел полно.

Девочка исчезла в кустах, окаймлявших садовую дорожку.

Дзётаро сомневался, что увидит учителя в

неказистом домике. Подтащив большой камень к стене, он встал на него и прижался носом к бамбуковой решетке, прикрывавшей сёдзи.

— Он здесь! — прошептал Дзётаро, еле сдерживаясь, чтобы не завопить от радости. Ему хотелось потрогать учителя, которого он давно не видел.

Мусаси спал около очага, подложив под голову руку. Дзётаро никогда не видел такой одежды на своем учителе. На Мусаси было модное кимоно с крупным рисунком, в каких щеголяли столичные франты. На шерстяном коврике лежали кисть, листы бумаги, стояла тушечница. На одном листе Мусаси пытался изобразить баклажан, на другом — голову петуха.

Дзётаро не верил своим глазам «Как можно тратить время на такую чепуху? — с негодованием думал он. — Разве он не знает, что Оцу болеет?»

Мусаси спал, накрывшись узорчатым хаори, которое было явно женским. Дорогое кимоно Мусаси показалось Дзётаро отвратительным. Мальчишку воротило от ослепительной роскоши, скрывавшей что-то постыдное. Дзётаро охватило негодование на взрослых, которое он уже испытал однажды на Новый год. «С Мусаси происходит что-то ненормальное, его словно подменили», — думал он.

Досада переросла в желание сыграть злую шутку. «Сейчас я его напугаю», — решил мальчишка, осторожно сползая с камня.

— Дзётаро, ты откуда взялся? — спросил Мусаси.

Дзётаро застыл от неожиданности. Мусаси с улыбкой смотрел на него из-под полуприкрытых век. Опомнившись, мальчик вбежал в дом и уткнулся лицом в широкую грудь учителя.

— Учитель! — радостно захлебывался Дзётаро.

— Ну вот мы и встретились.

Мусаси, высвободив из-под головы руку, прижал к себе лохматую голову ученика.

— Кто тебе сказал, что я здесь? Такуан?

Мусаси сел. Мальчишка ласкался, как щенок, не находя слов от радости. На мгновение он затих.

— Оцу лежит совсем больная. Ты и представить не можешь, как она хочет видеть тебя. Твердит, что поправится после первого взгляда на тебя. Единственное ее желание — увидеть тебя.

— Бедняжка Оцу!

— Она видела тебя на мосту на Новый год. Ты разговаривал тогда с той сумасшедшей девчонкой. Оцу очень обиделась. Я тащил ее к мосту, но она уперлась и не пошла.

— Не надо бранить Оцу. Акэми тогда доставила

мне хлопот.

— Ты должен навестить Оцу. Она в доме Карасумару. Просто приди и скажи: «А вот и я, Оцу!» Она вмиг поправится.

Дзётаро пустил в ход все свое красноречие. Мусаси раза два хмыкнул в ответ на его мольбу, но ничего определенного не сказал. Дзётаро, несмотря на привязанность к Мусаси, захотелось хорошенько поколотить учителя. Отчаяние мальчишки дошло до предела. Он вдруг умолк, и на лице его застыла гримаса, словно он хлебнул уксуса.

Мусаси потянулся за кистью и нанес несколько мазков на неоконченный рисунок. Дзётаро, презрительно посмотрев на баклажан, подумал: «С чего он взял, что умеет рисовать?»

Мусаси недолго упражнялся в живописи. Когда он начал мыть кисть, Дзётаро попытался еще раз уговорить учителя. В это время раздался стук деревянных сандалий по плиткам садовой дорожки.

— Ваша одежда готова! — прозвучал девичий голос.

В комнату вошла та самая девочка, которая встретила Дзётаро. Она положила перед Мусаси аккуратно сложенные кимоно и хаори.

— Спасибо, — поблагодарил Мусаси. — Совсем как новые.

— Кровь плохо отстирывается. Долго пришлось оттирать.

— Никаких следов… А где Ёсино?

— Занята с гостями. Они не отпускают ее ни на минуту.

— У вас очень приятно, но я не желаю вам больше надоедать. С восходом солнца я исчезну. Передай это Ёсино и поблагодари ее от меня.

Дзётаро успокоился. Конечно, Мусаси решил навестить Оцу. Таков и должен быть учитель — справедливый, бесстрашный и великодушный.

Когда девочка ушла, Мусаси, указав на принесенную одежду, сказал:

— Ты явился вовремя. Эту одежду надо вернуть хозяевам. Отнеси ее в дом Хонъами Коэцу — это в северной части города, и принеси мне мое кимоно. Не откажи в моей просьбе.

— Я все сделаю! — радостно отозвался Дзётаро.

Мальчик завязал одежду в платок-фуросики, взял письмо, которое Мусаси написал Коэцу, и направился к дверям, закинув котомку за спину.

В это время принесли ужин. Служанка, увидев Дзётаро, всплеснула руками:

— Не отпускайте его!

Из ее сбивчивого рассказа Мусаси понял, что меч Дзётаро оглушил привратника, но не убил его. Ёсино приказала всем держать язык за зубами. История могла закончиться тяжелыми последствиями, потому что появление в заведении «Огия» ученика Мусаси доказывало, что Мусаси до сих пор не покинул Янаги-мати.

— Ясно! — коротко бросил Мусаси.

Он посмотрел на Дзётаро, который забился в дальний угол комнаты, почесывая голову и глядя куда-то в сторону.

— Не представляете, что случится, если мальчик окажется на улице. Теперь все знают, что он ваш ученик. Там полно людей Ёсиоки, которые вас подкарауливают. Коэцу просил хозяина заведения и Ёсино позаботиться о вас. Ёсино вас просто не выпустит, — тараторила девочка. — Самураи решили стоять здесь до победного конца. Они уже заявили, что мы вас прячем. Едва отделались от них. Они держатся так, словно собрались на большую войну, в полном вооружении до зубов, везде выставили посты. Ёсино считает, что вам следует остаться у нас еще на три-четыре дня.

Мусаси поблагодарил девочку и загадочно произнес:

— У меня свой план действий.

К Коэцу вместо Дзётаро послали слугу, который через час вернулся с письмом. Коэцу писал: «Надеюсь, что мы когда-нибудь снова встретимся. Жизнь коротка, хотя кажется бесконечной. Береги себя».

Короткое письмо обрадовало Мусаси.

— Ваша одежда в фуросики, — сказал слуга. — Матушка господина Коэцу просила передать вам сердечные пожелания.

Привычное старое кимоно из хлопка вернулось к хозяину. Оно испытало и палящее солнце, и затяжные дожди, и холодные росистые ночи. Человеку, серьезно постигающему науку меча, оно подходило лучше, чем шелковые наряды заведения «Огия». Мусаси не нужна другая одежда…

Пропахшее телом воина кимоно теперь было чистым и выглаженным. Конечно, выстирала его Мёсю. «Как приятно чувствовать материнскую заботу», — подумал Мусаси. Судьба обрекла его на одинокое странствование по дорогам жизни; из родни у него была только сестра, которую он никогда не увидит. Мусаси не мигая смотрел на догорающий в очаге огонь. Поднявшись, он решительно произнес: «Пора!» Он засунул меч за пояс, и гнетущая тоска улетучилась. Меч для

Мусаси был отцом и матерью, братом и сестрой. Он дал себе такой обет и до конца дней сохранит ему верность.

Дзётаро был уже в саду. Взглянув на звездное небо, он подумал, что Оцу еще не спит в этот поздний час. «Какая неожиданность для нее! Обязательно расплачется от радости», — решил мальчик.

— Дзётаро, ты вошел сюда через задние ворота? — спросил Мусаси.

— А я не знаю. Знаю только, что ворота там, — махнул рукой Дзётаро.

— Жди меня там.

— А мы не вместе пойдем?

— Вместе, но прежде я попрощаюсь с Ёсино.

— Хорошо.

Дзётаро не хотел отпускать Мусаси даже на несколько минут, но в эту ночь он был готов на все ради учителя.

Заведение «Огия» было раем, но недолгим. Мусаси понял, что он не зря провел здесь два дня и две ночи. До прихода сюда его душа и тело походили на ледяную глыбу, которой были чужды красота луны, запах цветов, ласковое сияние солнца. Мусаси не сомневался в правильности своей суровой жизни, но теперь он понял, что

самоистязание способно превратить человека в тупое, ограниченное, скучное существо. Такуан говорил Мусаси, что в нем таится мощь дикого зверя, Никкан предупреждал его об избытке силы. После боя с Дэнситиро Мусаси не мог освободиться от напряжения и скованности. За два дня в Янаги-мати Мусаси отдохнул. Он пил саке, когда хотелось, дремал, читал, немного рисовал, предавался праздности. Раньше он не знал, как важно время от времени отвлекаться от дел, а теперь решил по возможности устраивать себе изредка беззаботную жизнь дня на три-четыре.

«Скажу два слова Ёсино — и все», — подумал Мусаси, глядя на освещенные сёдзи и мелькавшие за ними тени. Из заведения доносились звуки сямисэна и буйное пение гостей. Заходить в дом было неловко, и Мусаси решил поблагодарить Ёсино в душе, надеясь, что она поймет. Поклонившись в сторону дома, он пошел прочь. Когда он нашел Дзётаро, подбежала Ринъя и протянула Мусаси записку. Развернув листок, он почувствовал волнующий запах алоэ. Чуть помедлив, он начал читать: «Лунный свет на ветвях деревьев долговечнее, чем цветы, теряющие лепестки ночь за ночью. Надо мной смеются, когда я плачу, роняя слезы в чью-то чашечку саке. Возьми мои

слова на память».

— От кого записка? — поинтересовался Дзётаро.

— Так, от одного человека.

— От женщины?

— Не имеет значения.

— О чем она пишет?

— Не твое дело.

Дзётаро, вытянув шею, понюхал листок.

— Хорошо пахнет, — сказал он. — Похоже на алоэ.

Ворота

Дзётаро полагал, что они потихоньку выберутся задворками.

— Ведь мы придем к главным воротам! — удивился он. — Опасно!

— Хм-м!

— Лучше пойти в другую сторону.

— Ночью открыты лишь главные ворота.

— Можно перелезть через стену.

— Это удел трусов. Мне дороги честь и репутация. Настает мой час, и я, по обыкновению, иду через главные ворота.

— И сейчас тоже?

Мальчику было страшно, но он уже не задавал вопросов, поскольку честь для человека из воинского сословия ценилась дороже жизни.

— Я должен, но ты еще маленький, поэтому выбирайся безопасным путем, — сказал Мусаси.

— Как это?

— Через стену.

— В одиночку?

— Да.

— Не могу.

— Почему?

— Это трусость.

— Не валяй дурака. Они ведь охотятся за мной, ты ни при чем.

— Где же мы встретимся?

— У конюшен Янаги.

— Обещаешь прийти?

— Конечно.

— Дай слово, что не сбежишь от меня.

— Не убегу. И запомни, что я учил тебя никогда не лгать. Раз сказал, что встретимся, так и будет. Давай подсажу тебя на стену, пока никого нет.

Дзётаро подбежал к стене и задрал голову, посмотрев наверх. Стена была в три его роста. Следом подошел Мусаси, почему-то с мешком древесного угля. Сбросив мешок на землю, он припал к узкой трещине в стене.

— Ты что-нибудь видишь? — спросил Дзётаро.

— Один камыш. Спускайся поосторожнее, там может быть вода.

— Я не боюсь промокнуть, но как я влезу на стену?

Мусаси пропустил вопрос мимо ушей.

— Предположим, посты поставлены у главных ворот. Но ты можешь и здесь напороться на меч.

— Понятно.

— Для проверки я переброшу мешок с углем.

Если все будет тихо, прыгнешь вниз.

Мусаси пригнулся, Дзётаро взобрался ему на спину.

— Встань на плечи, — сказал Мусаси.

— Сандалии грязные.

— Ничего.

Дзётаро выпрямился во весь рост.

— Достаешь до верха?

— Нет.

— Можешь подпрыгнуть и уцепиться?

— Не получится, наверное.

— Тогда становись на руки. — Мусаси поднял руки над головой.

— Достал! — прошептал Дзётаро.

Мусаси перебросил мешок с углем через стену. Он глухо шлепнулся в камыши. Было тихо.

— Здесь сухо, — сказал Дзётаро, спрыгнув вниз.

— Осторожнее!

Мусаси сквозь щель смотрел за мальчиком, пока тот не скрылся из виду. С легким сердцем он вышел на оживленную улицу и направился к главным воротам квартала. Увидев Мусаси, люди Ёсиоки застыли в немом изумлении. Пост расположился у главных ворот, самураи сидели группками вокруг костров, которые развели носильщики паланкинов, ожидавшие седоков.

Вооруженные люди стояли у чайной «Амигасая» и винной лавки напротив. Все были начеку. Они бесцеремонно проверяли каждого выходящего, заглядывая под широкие соломенные шляпы, останавливали носильщиков паланкинов, проходивших мимо с седоками.

Самураи несколько раз безрезультатно вступали в переговоры с «Огия», убеждая его хозяина пустить их внутрь. Для хозяина заведения Мусаси словно не существовало. Ворваться силой и напасть на гостя Ёсино они не посмели. Им бы не простили такой выходки. Ёсино имела много покровителей и в квартале, и в столице.

Решили ждать, взяв под стражу все выходы из веселого квартала. Конечно, Мусаси мог скрыться, перемахнув через стену, но самураи считали, что он предпочтет выйти через ворота, замаскировавшись или спрятавшись в паланкине. Никто не предполагал, что Мусаси явится в открытую.

Ни один человек не пошевелился, чтобы преградить Мусаси дорогу, он продолжал идти, не обращая внимания на самураев. Он сделал более ста шагов, когда один из очнувшихся стражей крикнул:

— Стой!

— За ним! — послышались крики.

Человек десять кинулись за Мусаси.

— Подожди, Мусаси!

— В чем дело? — отозвался Мусаси громовым голосом, от которого преследователи вздрогнули.

Мусаси остановился и прислонился к стене стоявшего на обочине сарая, который служил ночлегом для пильщиков дров. Один из них выглянул и тут же в страхе захлопнул дверь, задвинув засов.

Люди Ёсиоки взяли Мусаси в полукольцо, как стая лающих и воющих бродячих собак. Мусаси напряженно вглядывался в их лица, оценивая их возможности, боевую позицию, угадывая их последующие действия. Самураев было человек тридцать, но такое количество людей, собранных вместе, никогда не выберут правильное решение. Мусаси знал это. Как он и предполагал, никто в одиночку не осмелился бросить ему вызов. Самураи громко выражали негодование и награждали Мусаси непотребными прозвищами, как простые бродяги:

— Ублюдок!

— Трус!

— Деревенщина!

Бравада ограничивалась словами, подтверждая их нерешительность. Пока среди самураев

царила сумятица, Мусаси имел над ними превосходство. Взгляд его выхватывал из стаи лица тех, кто мог оказаться наиболее опасным, отмечал уязвимые места в боевом порядке врага. Мусаси готовился к сражению, но не торопился. Медленно обведя глазами толпу, Мусаси произнес:

— Я — Мусаси. Кто кричал мне, чтобы я остановился?

— Мы все кричали.

— Как я понимаю, все вы из школы Ёсиоки.

— Вот именно.

— Какое у вас ко мне дело?

— Сам знаешь! Ты готов?

— Готов? — саркастически ухмыльнулся Мусаси, сбивая спесь с противника. — Настоящий воин в боевой готовности даже тогда, когда спит. Выходи! Кто из вас смелый? К чему ваши формальности, если вы затеваете уличную драку? Ответьте мне на один вопрос. Вы хотите умертвить меня любой ценой или намерены сражаться, как мужчины?

Толпа безмолвствовала.

— Вы сводите со мной счеты или вызываете на ответный бой?

Мусаси знал, что стоит ему сделать малейшее неосторожное движение, и на него обрушится

лавина мечей. Он не давал врагу повода для нападения. Самураи молчали.

— Тебе известен ответ на твой вопрос, — раздался чей-то голос.

Это сказал Миикэ Дзюродзаэмон, самурай, который, по оценке Мусаси, достоин был защищать честь Ёсиоки. Миикэ был единственным, готовым нанести первый удар. Он осторожно выставил ногу вперед.

— Ты изувечил Сэйдзюро, убил его брата Дэнситиро, — произнес Миикэ. — Мы не можем смотреть людям в глаза, пока ты жив. Нас сотни, мы преданы своему учителю и поклялись смыть позор, восстановив доброе имя школы Ёсиоки. Мы не намерены устраивать уличную потасовку и сводить с тобой счеты, но обязаны убить тебя, чтобы отомстить за учителя и успокоить дух его брата. Без твоей головы мы не уйдем. Не завидую тебе! Защищайся!

— Твои слова достойны самурая, — ответил Мусаси. — Вижу, жизнь моя действительно в опасности. Если ты говоришь о долге и о Пути Воина, то почему не вызываете меня на бой по правилам, как Сэйдзюро и Дэнситиро? Почему оравой нападаете на одного?

— Ты ведь прятался от нас!

— Ерунда! Трус всегда обвиняет в малодушии другого. Почему я тогда стою перед вами?

— Не сумел от нас скрыться.

— При желании давно бы ушел.

— Полагаешь, что спас бы свою голову?

— Вы, конечно, начали бы охоту на меня. Я не хочу, чтобы мы устроили побоище здесь, как дикие звери или бездомные бродяги. Мы потревожим обитателей Янаги-мати, навлечем позор не только на себя, но и на все военное сословие. Вы толкуете о своем долге перед домом Ёсиоки, но потасовка здесь не прибавит ему славы. Вы этого добиваетесь? Хотите окончательно опозорить своего учителя, разрушить его школу и предать Путь Воина? В таком случае советую вам запомнить: Мусаси будет сражаться, пока его не разрубят на куски.

— Бей его! — взвыл самурай, стоявший рядом с Дзюродзаэмоном, и выхватил меч.

— Осторожно! Итакура явился! — внезапно закричал кто-то.

Градоначальник Итакура Кацусигэ правил Киото железной рукой. В городе его боялись, а дети пели про него:

Чей чалый конь

Стучит копытом грозно?
Ужели Сиродза из Иги?
Беги наутек!

или:

Итакура, господин из Иги!
Тысячерукая Каннон,
Трехглазый Тэммоку
Тебе не ровня!
И сыщики твои снуют
И день и ночь повсюду!

Итакура был могущественным феодалом и талантливым чиновником, и ему непросто давалось управление Киото. Эдо уже превзошел древнюю столицу по количеству жителей, но Киото оставался центром экономической, политической и военной жизни, колыбелью наук и искусств. В нем громче критиковали сёгунат, чем в других уголках Японии. С начала периода Муромати горожане, потеряв интерес к военным делам, занялись ремеслами и торговлей. Перемены эти породили влиятельное и весьма консервативное среднее сословие. В Киото находили прибежище множество самураев, со стороны наблюдавших за соперничеством между

Токугавой и Тоётоми, а также безродные выскочки, которые ухитрялись содержать значительные военные силы. Немало было и бродячих ронинов, вроде тех, что наводнили Нару.

Число винных лавок и веселых заведений в городе превзошло разумные пределы, и в Киото не было отбоя от темных людей, любивших развлечения и легкую наживу.

Когда в 1601 году Токугава Иэясу предложил Итакуре пост наместника в Киото, тот прежде всего посоветовался с женой. «В истории немало выдающихся деятелей, которые завершили жизненный путь, покрытые позором и презрением. До падения их довели жены и родственники, поэтому я и говорю сейчас с тобой. Поклянись, что не станешь вмешиваться в мои дела, и я приму высокий пост», — сказал он жене. Жена ответила, что «женщинам не пристало вмешиваться в государственные заботы». На следующее утро Итакура собрался в замок Эдо, чтобы принять предложение. Жена, заметив, что ворот его кимоно замялся, хотела было поправить, но Итакура остановил ее. «Ты уже забыла вчерашнее обещание». Жене пришлось повторить клятву, что она никогда ни во что не будет вмешиваться.

Итакура оказался способным правителем,

строгим, но справедливым. Иэясу не ошибся в выборе.

Крик, предупреждавший о приближении Итакуры, привел самураев в замешательство. Люди Итакуры постоянно разъезжали по улицам, и никто не смел им перечить.

Молодой человек, раздвинув живую стену самураев, встал перед Мусаси. Это он крикнул, что идет патруль. Мусаси узнал Сасаки Кодзиро.

— Я только что прибыл в паланкине и сразу понял, что готовится драка, — произнес с ухмылкой Кодзиро. — И в таком месте? Немыслимо! Я не поклонник школы Ёсиоки, а уж тем более Мусаси, но как воин и фехтовальщик я имею право призвать вас к соблюдению кодекса чести самурая. — Кодзиро говорил ясно и убедительно. Тон его был высокомерным и покровительственным. — Что вы будете делать, когда люди Итакуры схватят вас за уличную драку? Можно было бы заранее предупредить городские власти, тогда бой не считался бы потасовкой, но уже поздно. Сейчас вы нарушаете общественный порядок, выбрав самое неподходящее место и время. Вы позорите военное сословие. Как самурай, призываю немедленно прекратить это безобразие. Если вы жаждете скрестить мечи, не роняйте чести воина

и соблюдите все правила вызова на поединок.

— Справедливо! — отозвался Дзюродзаэмон. — Мы назначим место и время, но ты обещаешь, что Мусаси явится?

— Я бы хотел, но…

— Даешь слово?

— Мусаси сам ответит за себя.

— Может, ты просто помогаешь ему улизнуть?

— Не говори глупостей. Будь я на его стороне, вы без промедления напали бы на меня. Он — чужой мне. У меня нет причин его защищать. Если он скроется из Киото, вы оповестите город о его трусости с помощью объявлений.

— Нет! Мы не разойдемся, пока ты не поручишься за его явку на бой.

Расправив плечи, Кодзиро шагнул к Мусаси. Их взгляды перекрестились. Так смотрят друг на друга два диких зверя. Они были молоды и самолюбивы, оба признавали боевые качества друг друга, и оба чувствовали взаимную настороженность.

— Мусаси, принимаешь мое предложение?

— Да.

— Хорошо!

— Я не нуждаюсь в твоем поручительстве.

— Не хочешь, чтобы я за тебя дал слово?

— Меня не надо брать на поруки. Поединки с Сэйдзюро и Дэнситиро не дают повода сомневаться в моей порядочности. Неужели я побегу от их учеников?

— Хорошо сказано! Запомню твои слова. Никаких поручительств! Назови место и время.

— Мне безразлично.

— Смелый ответ. Где ты будешь находиться до поединка?

— У меня нет постоянного адреса.

— Как же направить тебе письмо с вызовом?

— Определите место и время сейчас.

Кодзиро одобрительно кивнул. Посоветовавшись с Дзюродзаэмоном и другими учениками, он снова подошел к Мусаси.

— Послезавтра в пять утра.

— Согласен.

— Место боя — подножие горы Итидзёдзи у развесистой сосны на дороге к горе Хиэй. Дом Ёсиоки формально будет представлять Гэндзиро, старший сын Ёсиоки Гэндзаэмона, дяди Сэйдзюро и Дэнситиро. Гэндзиро теперь возглавил дом Ёсиоки, поединок будет вестись от его имени. Гэндзиро еще ребенок, поэтому ему будут помогать несколько учеников школы Ёсиоки. Предупреждаю заранее, чтобы потом не возникло

недоразумений.

Мусаси официально принял вызов. Кодзиро постучал в дверь сарая и, когда оттуда выглянула голова лесоруба, приказал:

— Принесите столб высотой в два метра и приколите к нему доску. Хочу выставить объявление.

Доску гладко обтесали. Кодзиро послал за кистью и тушью. Уверенными взмахами кисти он написал на доске извещение о месте и времени поединка. Публичное объявление было надежнее любых поручительств, клятв и обещаний. Никто не рискнул бы выставить себя на всеобщее посмешище.

Люди Ёсиоки установили столб на самом людном месте. Мусаси невозмутимо поспешил к конюшням Янаги.

Дзётаро не находил себе места от волнения. Кругом была кромешная тьма. Мальчик напряженно вслушивался, не раздадутся ли знакомые шаги, но до него доносились лишь песни гуляк, бредущих домой. Дзётаро сковал страх за Мусаси. Может, его ранили или убили? Потеряв терпение, мальчик побежал назад к Янаги-мати.

— Куда это ты? — раздался из тьмы голос Мусаси.

— Наконец-то! — с облегчением воскликнул Дзётаро. — Решил проверить, что случилось.

— Напрасно. Могли бы разминуться.

— Людей Ёсиоки много было?

— Вполне.

— И они не схватили тебя? Все обошлось тихо? — с любопытством расспрашивал Дзётаро.

— Ничего не случилось.

— Ты куда? Дом Карасумару в этой стороне. Ты ведь навестишь Оцу?

— Да, я бы очень хотел ее увидеть.

— Она онемеет от изумления, увидев тебя среди ночи.

Последовало неловкое молчание. Затем Мусаси спросил:

— Дзётаро, помнишь ту гостиницу, где мы встретились в первый раз? Как называется то место?

— Усадьба Карасумару куда приятнее старого постоялого двора.

— Несомненно.

— Ворота уже заперты, но мы подступим с черного хода, там, где ночуют слуги. Они нас впустят. Когда узнают, что я тебя привел, князь сам выйдет к тебе. Да, я забыл спросить про этого чудаковатого монаха, Такуана. Он вывел меня

из терпения. Твердил, что лучше всего оставить тебя в покое. Даже не хотел сказать мне, где тебя найти, хотя прекрасно знал.

Мусаси не отвечал. Дзётаро продолжал болтать.

— Ну вот и пришли, — произнес Дзётаро, указывая на ворота. Мусаси молча остановился.

— Видишь свет в угловой комнате? Это северное крыло дома, там живет Оцу. Она, верно, заждалась меня.

Дзётаро сделал шаг к воротам, но Мусаси удержал его. Крепко взяв мальчика за руку, он сказал:

— Подожди. Я не собираюсь заходить в дом. Слушай, что ты должен передать Оцу от моего имени.

— Как?! Зачем тогда ты пришел?

— Убедиться, что ты благополучно добрался до дома.

— Ты должен зайти! Не смей уходить, не повидав Оцу! — Дзётаро отчаянно тащил Мусаси за рукав.

— Тише! Послушай меня.

— Не хочу ничего слушать! Ты обещал, что придешь со мной сюда.

— Разве не пришел?

— Я звал тебя не для того, чтобы разглядывать ворота. Я хотел, чтобы ты увидел Оцу.

— Успокойся. Похоже, меня скоро могут убить.

— При чем тут это? Кто учил меня, что самурай должен быть готов к смерти в любой миг? Ты ведь!

— Правильно. Ты хороший ученик. Спасибо, что ты запомнил этот урок. На этот раз против меня замышляется что-то серьезное. Вероятность выжить невелика. По этой причине я не хочу сейчас видеть Оцу.

— Бессмыслица какая-то!

— Если я начну объяснять, ты не поймешь, потому что слишком мал.

— Ты не победишь? Правда считаешь, что скоро умрешь?

— Да. Только не вздумай сказать Оцу, особенно сейчас, когда она хворает. Я желаю, чтобы она поправилась и нашла путь к счастью. Передай ей эти слова. Ни звука о моей возможной смерти!

— Слово в слово передам, но только все. Я не могу лгать Оцу. Умоляю, пойдем со мной.

— Ты не понимаешь меня! — упрекнул мальчика Мусаси, слегка отталкивая его.

Дзётаро уже не сдерживал слез.

— Мне ее так жалко! Если Оцу узнает, что ты не

захотел ее увидеть, она совсем разболеется.

— Именно поэтому ты должен передать ей мои слова. Скажи ей, что нам не следует встречаться, пока я постигаю боевое искусство. Я избрал путь самодисциплины. Мой долг — подавлять свои чувства, вести строгий образ жизни, закалять себя трудностями. Иначе я потеряю свет, к которому стремлюсь всей душой. Подумай, Дзётаро! Тебе тоже предстоит эта стезя, если ты намерен стать истинным воином.

Дзётаро тихо плакал. Мусаси обнял его и прижал к груди.

— Никто не знает, где обрывается Путь Воина. Когда меня не будет, найди себе хорошего учителя. Я не хочу сейчас встречаться с Оцу, потому что знаю: без меня ей в конце концов будет лучше. Обретя новое счастье, она поймет меня. В ее комнате не гаснет свет. Ей очень одиноко. Успокой ее и сам ложись спать.

Дзётаро начинал смутно понимать своего учителя, но все еще стоял к нему спиной. Продолжать разговор было бесполезно. Дзётаро спросил, хватаясь за последнюю соломинку:

— А ты вернешься к Оцу, когда постигнешь боевые искусства? Когда убедишься, что стал настоящим воином?

— Да, если такой день настанет.

— А когда?

— Трудно сказать.

— Через два года?

Мусаси молчал.

— Через три?

— Путь совершенствования бесконечен.

— Ты не увидишь Оцу до конца жизни?

— Если природа наделила меня нужными качествами, то я когда-нибудь достигну цели. Или останусь таким же глупцом, как сейчас. Жизнь моя в серьезной опасности. Разве мужчина в таком положении может давать обещания молодой женщине?

Для Мусаси эта речь была непривычно длинной. Удивленный, Дзётаро взглянул на него, затем торжествующе сказал:

— А ты ничего не обещай. Зайди, и все!

— Это не так просто, как кажется. Мы с нею молоды. Стыдно признаться, но я боюсь ее слез. Они могут победить меня.

Мусаси не был уже тем самоуверенным юношей, который легко отверг Оцу на мосту Ханада. Самолюбие, бездумность уступили место терпимости и снисходительности. Ёсино пыталась разбудить его страсть, но он не поддался ее чарам.

С Оцу могло быть иначе. Мусаси понимал, как много он значит для нее.

— Ты понял меня? — шепнул Мусаси на ухо мальчику.

Дзётаро потер глаза. Отняв ладони от лица, увидел лишь густой ночной туман.

— Учитель! — раздался во мраке его крик.

Дзётаро добежал до конца стены, зная, что Мусаси не вернется. Уткнувшись в стену, мальчик разрыдался. Он потерпел еще одно поражение. На этот раз взрослые одолели его своими доводами. Горло Дзётаро свело судорогой, тело трясло от рыданий.

Вытерев слезы, он тихо побрел домой. У ворот стояла женщина, которую мальчик принял за служанку. Дзётаро подумал, что ее послали по какому-то делу в столь поздний час. Ему стало стыдно, что служанка могла слышать его плач. Женщина, сняв с головы покрывало, пошла ему навстречу.

— Дзётаро, это ты?

— Оцу? Ты почему здесь? Ты ведь очень слабая.

— Беспокоилась о тебе. Почему ушел, не предупредив? Где ты пропадал? Зажгли фонари, заперли ворота, а тебя все нет. Я извелась от волнений.

— С ума сошла! У тебя горячка! Отправляйся немедленно в постель.

— Почему ты плакал?

— Потом все скажу.

— Нет, говори сейчас. Ты чем-то расстроен? Ты провожал Такуана?

— Да.

— Узнал, где Мусаси?

— Такуан — плохой человек. Я его ненавижу.

— Он ничего не сказал?

— Нет.

— Что-то ты от меня скрываешь!

— Вы оба невыносимы! — завопил Дзётаро. — И ты, и этот глупец, мой учитель! Не вымолвлю ни слова, пока ты не ляжешь в постель с мокрым полотенцем на лбу. Если сейчас же не пойдешь в дом, отволоку тебя силой!

Дзётаро схватил Оцу за руку и, неистово колотя по воротам, яростно завопил:

— Открывайте! Больная ждет! Она окоченеет, если будете долго копаться!

Тост в честь завтрашнего дня

Матахати остановился посреди дороги и вытер пот со лба. Весь путь от улицы Годзё до горы Саннэн он проделал бегом. Лицо его было красным, больше от выпитого саке, чем от усталости. Матахати, нырнув в старые ворота, прошел через огород к маленькому домику.

— Мамаша! — позвал он.

Никто не отвечал. Матахати огляделся.

— Спит, что ли? — пробормотал он.

Вымыв у колодца руки и ноги, Матахати вошел в дом. Дремавшая Осуги перестала храпеть и приоткрыла глаза.

— Что кричишь как полоумный? — недовольно пробурчала она.

— Наконец-то проснулась.

— Что за тон?

— Сама спишь, но стоит мне присесть на минутку, ты тут же попрекаешь меня ленью и посылаешь на поиски Мусаси.

— Уж извини мой возраст! — саркастически произнесла Осуги. — Я должна спать для поддержания сил, но с головой у меня все в порядке. Ни минуты покоя с тех пор, как убежала Оцу. И рука

все еще болит из-за этого Такуана.

— Почему ты всегда жалуешься, когда видишь меня в хорошем настроении?

— Не так часто ты слышишь мои сетования. Узнал что-нибудь про Оцу и Мусаси?

— Новость, которую я принес, не знают только старухи, которые днем спят.

— Какую еще новость?

Осуги привстала и ползком придвинулась к сыну.

— Мусаси предстоит третье сражение со школой Ёсиоки.

— Где? Говори же!

— В Янаги-мати столб с подробным объявлением. Бой состоится завтра утром в местечке Итидзёдзи.

— Янаги-мати! Это же веселый квартал! — недоверчиво посмотрела на сына Осуги. — Значит, ты там болтался?

— Нигде я не болтался! — строптиво возразил Матахати. — Ты постоянно меня в чем-то дурном подозреваешь. Там всегда можно узнать последние новости и слухи.

— Не обижайся, я пошутила. Рада, что ты одумался и отрекся от прежней беспутной жизни. Завтра утром? Я не ослышалась?

— Да, в пять.

Осуги помолчала, размышляя о чем-то.

— Ты как-то говорил, что у тебя есть знакомые в школе Ёсиоки.

— Да, кое-кого знаю, но познакомился я с ними при неблагоприятных обстоятельствах.

— Не имеет значения. Собирайся, отведешь меня в школу Ёсиоки.

Матахати не переставал удивляться неугомонности матери. С каменным выражением лица он холодно спросил:

— К чему суета? Пожар, что ли? Зачем тебе туда!

— Предложить свои услуги, разумеется.

— Что-о?

— Завтра они собираются убивать Мусаси. Хочу попросить, чтобы и нас допустили к бою. Толку от нас немного, но два удара нанесем.

— Ну насмешила! — расхохотался Матахати.

— Что смешного в моих словах?

— Наивность твоя хуже глупости.

— Как ты смеешь говорить такое матери?

— Не будем спорить. Сама подумай. Люди Ёсиоки жаждут крови, это их последняя возможность. Ради нее они отбросят все правила игры. Они спасут дом Ёсиоки, убив Мусаси любой ценой.

Ни для кого не секрет, что они толпой навалятся на него.

— Ах так! — ликующе прошептала Осуги. — Тогда Мусаси уж точно не жилец.

— А вот с этим я не согласен. Мусаси может привести своих людей, и тогда случится настоящее сражение. Так, во всяком случае, толкует народ на улице.

— Может быть. Все равно мы не можем сидеть сложа руки, предоставив кому-то убивать Мусаси, после того как мы его так долго преследовали.

— Верно. Я кое-что придумал, — живо произнес Матахати. — Пойдем на место боя заранее, встретим там людей Ёсиоки и объясним причину нашей мести. Они разрешат нам рубануть разок по мертвому Мусаси. Тогда мы отрежем у него прядь волос или кусок рукава, чтобы принести в деревню и сказать, что мы его прикончили. Вот и вернем свое доброе имя.

— Хороший план, сынок. Лучше не придумаешь.

Осуги забыла, что когда-то сама предлагала Матахати то же самое.

— Мы и честь дома восстановим, и расквитаемся с Оцу. Без Мусаси она как рыба без воды.

Успокоив мать, Матахати повеселел и захотел

выпить.

— У нас в запасе несколько часов. Не заказать ли нам саке на ужин?

— Хорошо, пусть принесут. Я тоже пригублю, чтобы отметить предстоящую победу.

Матахати поднимался на ноги, когда кто-то мелькнул в решетчатом окне.

— Акэми! — крикнул Матахати.

Акэми, как провинившаяся кошка, хотела юркнуть за дерево. Она остолбенела, увидев Матахати.

— Ты? — воскликнула она, не веря своим глазам.

— А ты как здесь оказалась?

— Я здесь остановилась на некоторое время.

— Не знал. Око с тобой?

— Нет.

— Вы давно вместе не живете?

— Нет. Ты знаешь Гиона Тодзи?

— Слышал это имя.

— Мать убежала с ним.

Маленький колокольчик на оби звякнул, когда Акэми поднесла руки к глазам, чтобы скрыть слезы.

Голубоватая тень окутывала девушку, ее тонкие руки и нежная шея матово белели в вечерних

сумерках, все в ней было чужим и непривычным для Матахати. Детская непосредственность Акэми, которая скрашивала дни Матахати в Ибуки и Ёмодзе, бесследно исчезла.

— Ты с кем там разговариваешь? — раздался удивленный голос Осуги.

— Это девушка, о которой я тебе рассказывал. Дочь Око.

— Подслушивала нас?

— Почему ты всегда подозреваешь людей в подлости? — раздраженно ответил Матахати. — Она живет рядом и проходила мимо. Правильно, Акэми?

— Я и представить не могла, что встречу тебя здесь. Правда, один раз я видела здесь девушку, ее звали Оцу, если не ошибаюсь.

— Ты разговаривала с ней?

— Нет. Но подумала, что она и есть та девушка, с которой ты помолвлен.

— Да, верно.

— Я не ошиблась. Моя мать испортила тебе жизнь.

Матахати пропустил замечание мимо ушей.

— Замуж не вышла? Выглядишь совсем взрослой.

— После твоего ухода жить с матерью стало

невыносимо. Потерпев, пока сил хватало, я в прошлом году убежала в Сумиёси.

— Она загубила и твою судьбу. Погоди, она за все расплатится!

— Мне безразлично. Меня больше волнует, как самой жить дальше.

— Я смутно представляю будущее. Все гадаю, как расквитаться с Око, но, верно, ничего не придумаю.

Пока они разговаривали, Осуги собиралась в дорогу. Прищелкнув языком, она недовольным тоном позвала сына:

— Матахати, почему ты сетуешь на судьбу перед первым встречным! Лучше помог бы мне.

— Иду.

— До свидания, Матахати! До встречи.

Акэми убежала с виноватым видом.

Вскоре служанка принесла поднос с ужином и саке. Комнаты гостиницы осветились. Не глядя на счет, лежавший на подносе, мать и сын поднесли друг другу по чашечке. Зная, что постояльцы уезжают, слуги по очереди прощались. Пришел и сам хозяин.

— Жаль расставаться, вы так долго гостили у нас, — сказал он. — Извините, что не смогли предоставить вам всех удобств. Надеемся увидеть

вас в следующий приезд в Киото.

— Спасибо, — ответила Осуги. — Я собираюсь приехать еще раз. Сколько я у вас прожила? Почти три месяца.

— Да. Будем скучать без вас.

— Не выпьете с нами саке на прощанье?

— С удовольствием. Вы так внезапно покидаете нас. Редкий гость отправляется в дорогу на ночь глядя.

— Получили срочное известие. Не посоветуете, как побыстрее добраться до деревни Итидзёдзи?

— Это на другом берегу Сиракавы у горы Хиэй. Лучше не отправляться туда ночью, места там безлюдные.

— Ничего, — вмешался Матахати. — Не нарисуете нам план для верности?

— Конечно. Один из наших слуг родом оттуда. Он подробно расскажет. Людей в Итидзёдзи немного, но деревня разбросана по окрестностям.

— За нас не беспокойтесь. Нам главное — туда добраться, — произнес захмелевший Матахати.

— Прошу прощения и не стану мешать вашим сборам.

Откланявшись, хозяин вышел из комнаты. Не успел он спуститься с веранды в сад, как подбе-

жали управляющий и трое слуг.

— Она проходила здесь? — спросили они, едва переводя дух.

— О ком вы?

— Девушка, которая живет в задней комнате?

— Зачем она вам?

— Я ее недавно видел, но потом я заглянул к ней в комнату…

— Короче!

— Не можем найти.

— Болван! — заорал хозяин гостиницы, мгновенно забыв об учтивости, которую только что разыгрывал перед Осуги. — Чего ради бегать по саду, когда ее и след простыл. По ее виду ясно было, что она без денег. И ты разрешил ей жить в долг целую неделю? Разорить меня хочешь?

— Она держалась тихо и пристойно.

— Поздно об этом вспоминать. Проверь, не пропало ли что из других комнат. С какими тупицами приходится иметь дело! — Хозяин поспешно зашагал к главному дому гостиницы.

Осуги и Матахати выпили еще немного саке, потом старуха налила чаю и протянула чашку сыну.

— На донышке осталось немного, — сказал Матахати, опрокидывая кувшинчик. — Есть я

не хочу.

— Надо подкрепиться. Съешь хотя бы чашку риса с соленьями.

Слуги с фонарями все еще бегали по саду.

— Пока не нашли, — заметила Осуги. — Я не хотела вмешиваться, но речь шла о девушке, с которой ты разговаривал?

— Похоже.

— Немудрено, что такая мать, как Око, воспитала негодную дочь. Почему ты любезничал с этой девчонкой?

— Жалко ее. Тяжелая жизнь ей выпала.

— Не проболтайся, что знаком с нею. Хозяин гостиницы, узнав, что мы ее знаем, заставит нас платить.

Матахати думал о другом. Он повалился на постель, подложив кулак под голову, и проворчал:

— Убил бы негодяйку эту. Как живая стоит перед глазами. Не один Мусаси виноват в моих несчастьях. Око тоже постаралась!

— Разболтался, умник! — одернула его Осуги. — Ладно, положим, убьешь ты Око, но что это прибавит к репутации нашей семьи? Никто в деревне и в глаза не видел твою Око.

В два часа ночи к ним зашел хозяин гостиницы, чтобы сообщить время.

— Поймали девушку? — поинтересовался Матахати.

— Как в воду канула, — ответил хозяин. — Она хорошенькая, так что управляющий рассчитывал подержать красотку с неделю здесь, пока не отработала бы долг. Вы понимаете, что я имею в виду. К сожалению, упустили.

Матахати завязывал сандалии.

— Мамаша, опять ты копаешься! Всегда подгоняешь меня, а сама никогда не бываешь готова вовремя! — крикнул он.

— Поди сюда, Матахати! Я тебе не отдавала кошелек, который я держу в дорожной котомке? За комнату я расплатилась тем, что ношу в оби, а деньги на дорогу у меня в кошельке.

— Не видел.

— Взгляни-ка. На листке твое имя. Что?! Какая наглость! Написано, что она взяла деньги взаймы, пользуясь давним с тобой знакомством. Она надеется, что ты простишь ее. Взяла взаймы!

— Это почерк Акэми.

Осуги позвала хозяина гостиницы.

— Полюбуйтесь! Если постояльца обворовали в гостинице, то отвечает хозяин. Вам придется возместить украденное!

— Да что вы? — широко улыбнулся хозяин. — Я

бы так и поступил, не будь она вашей знакомой. Боюсь, вам придется заплатить за комнату.

Глаза Осуги забегали.

— Еще чего придумали! — пробормотала она. — Никогда в жизни не видела эту воровку. Матахати, поднимайся! Будем копаться здесь, так и петухи запоют.

В ловушке смерти

Забрезжило утро, но луна стояла высоко. По белеющей во мгле горной дороге двигались тени. Путники беспокойно переговаривались тихими голосами.

— Я думал, что людей будет побольше.

— И я тоже. Многие не явились. Я полагал, что человек сто пятьдесят наберется.

— И половины нет!

— С людьми Гэндзаэмона и семидесяти не насчитаешь.

— Плохи дела. Развалилась школа Ёсиоки!

— Нечего жалеть о тех, кто не явился, — раздался голос из группы людей, шедших сзади. — Додзё закрыт, и многие разбрелись, чтобы прокормиться. Пришли самые гордые и преданные, а это важнее количества.

— Правильно! Представь, какую кутерьму устроили бы двести или даже сто человек!

— Ха-ха-ха! Отважные речи! Вспомните Рэнгэоин!

Двадцать человек открыв рот смотрели вслед Мусаси.

Гора Хиэй и соседние вершины спали в пелене

облаков. Путники приближались к развилке, откуда одна дорога взбиралась в гору, другая — вела к деревне Итидзёдзи. Дорога была каменистой, с глубокими выбоинами. У развилки, раскинув ветви гигантским зонтом, росла сосна, под которой расположились несколько старших учеников школы Ёсиоки. Шел военный совет.

— Сюда ведут три тропы. Неизвестно, по какой придет Мусаси. Разумно разделить людей на три группы и поставить на каждой. Гэндзиро с отцом останутся здесь с десятком самых сильных наших учеников во главе с Миикэ и Уэдой.

— Местность здесь пересеченная, поэтому собирать всех людей бессмысленно. Надо расставить их вдоль трех троп и подождать, пока Мусаси не приблизится достаточно близко к месту боя, а затем окружить его.

Тени метались по дороге, некоторые самураи стояли неподвижно, опершись на копья. Они подбадривали друг друга, хотя среди них не было трусов.

— Идет! — раздался крик дозорного.

Тени замерли. По спинам воинов пробежал холодок.

— Ложная тревога! Это Гэндзиро.

— Смотрите, его несут в паланкине.

— Да он ведь еще ребенок!

Тусклый фонарь, раскачиваясь в такт шагов носильщиков, медленно приближался. Вскоре Гэндзаэмон уже выбирался из паланкина со словами: «Ну вот, кажется, все в сборе». Гэндзиро, мальчик лет тринадцати, вылез из другого паланкина. На головах отца и сына были белые повязки, хакама подогнуты. Гэндзаэмон велел сыну стоять под сосной. Отец потрепал мальчика по волосам:

— Бой от твоего имени, но сражаться будут ученики школы. Ты еще мал, твое дело — наблюдать со стороны.

Гэндзаэмон застыл под деревом, как кукла самурая на празднике мальчиков.

— Еще рано, — проговорил Гэндзаэмон. — До восхода солнца далеко.

Порывшись за пазухой, он достал трубку и попросил дать ему огня. Все видели, что он спокоен и держит себя в руках.

— Может, решим, как распределить людей? — предложил кто-то.

— Пожалуй. Каждый должен знать свою позицию. Что предлагаете?

— Боевое ядро остается под деревом. Остальные воины будут стоять через двадцать шагов друг от

друга вдоль трех дорог.

— Кто на позиции под сосной?

— Вы и еще десяток учеников. Мы сможем оградить Гэндзиро и прийти на помощь бойцам на дорогах.

— Надо подумать, — произнес Гэндзаэмон. — По твоему плану на Мусаси смогут напасть не более двадцати человек.

— Правильно, этого достаточно для его окружения.

— А если он приведет подмогу? Запомните, он мастер выходить из самых трудных положений. В этом он, пожалуй, даже сильнее, чем в бою. Вспомните Рэнгэоин. Он может ударить по слабому звену в наших порядках, ранить троих-четверых и скрыться, а потом бахвалиться, что один справился с семью десятками учеников школы Ёсиоки.

— Мы не допустим клеветы!

— У вас не будет доказательств. В городе уже сплетничают, что Мусаси один бросил вызов всей школе Ёсиоки. Народ, как обычно, на стороне одинокого храбреца.

— Если он и на этот раз вывернется, нам конец, — произнес Миикэ Дзюродзаэмон. — Никакие объяснения не помогут. Единственное наше

спасение — смерть Мусаси, сейчас не до выбора средств. Мертвые молчат.

Дзюродзаэмон подозвал четверых самураев, стоявших в стороне. Трое были с луками, один с мушкетом.

— Мы обеспечили дополнительные меры обороны, — сказал он.

— А, дальнобойное оружие!

— Поставим их на возвышении или устроим на деревьях.

— Не обвинят ли нас в нечестных приемах?

— Плевать на молву. Наша задача — убить Мусаси.

— Если тебя не страшат сплетни, согласен, — быстро проговорил старик. — Если Мусаси захватит с собой человек шесть, им не уйти от стрел и пули. Пора по местам. Мусаси может напасть внезапно. Расставляй людей, командование поручаю тебе.

Темные тени рассыпались, как дикие гуси по болоту. Одни нырнули в заросли бамбука, другие спрятались за деревьями или слились с камнями на межах между рисовыми полями. Трое лучников заняли позицию на возвышенности, а один забрался на сосну. Пока он карабкался на дерево, дождь иголок сыпался на стоявшего внизу

Гэндзиро. Отец заметил, что мальчик заерзал на месте.

— Уже волнуешься? Нельзя так трусить!

— Я не трус. Иголки за ворот попали.

— Терпи молча. Хорошая закалка для тебя. Попытайся запомнить все подробности боя.

— Перестань драться, болван! — раздался вопль с восточного конца дороги.

В зарослях бамбука стоял такой шум, что лишь глухой мог не догадаться, какая там куча людей.

— Страшно! — закричал Гэндзиро, прижимаясь к отцу.

Дзюродзаэмон бросился на крик, понимая, что это ложная тревога.

Сасаки Кодзиро дубасил одного из людей Ёсиоки.

— Слепой, что ли? Как можно принять меня за Мусаси? Я пришел, чтобы быть свидетелем, а ты набросился с копьем. Сумасшедший!

Люди Ёсиоки переполошились. Они подозревали в Кодзиро лазутчика.

Увидев Дзюродзаэмона, Кодзиро обратился к нему:

— Я пришел как свидетель, а меня встречают как врага. Если это твой приказ, придется мне с тобой сразиться. Мне нет дела до Мусаси, но

за свою честь я постою. К тому же «Сушильный шест» давно не пробовал крови, что-то я разленился.

Кодзиро походил на тигра, изрыгающего огонь. Его ярость поразила людей Ёсиоки, обманувшихся было фатоватой внешностью Кодзиро. Дзюродзаэмон решил не уступать строптивому юнцу:

— Ты правда рассердился. Ха-ха-ха! А кто звал тебя в свидетели? Не припоминаю. Мусаси попросил?

— Почему переполох? Когда мы ставили столб с объявлением в Янаги-мати, я сообщил враждующим сторонам, что буду свидетелем.

— Ну и что? Это ты сам придумал. Мусаси не просил, а мы тем более. Удивляюсь, сколько на свете выскочек, сующих нос не в свои дела.

— Это оскорбление! — бросил Кодзиро.

— Убирайся! — заорал, не выдержав, Дзюродзаэмон. — Здесь не балаган для представлений!

Посинев от злости, Кодзиро, мягко отпрыгнув назад, приготовился к атаке.

— Защищайтесь, негодяи!

— Подождите, молодой человек! — раздался голос подошедшего Гэндзаэмона.

— Сам жди! — прошипел Кодзиро. — Не лезь!

Я вам покажу, что случается с людьми, которые меня оскорбляют.

Старик подбежал к Кодзиро.

— Прошу вас не принимать это недоразумение всерьез. Наши люди перевозбуждены. Я дядя Сэйдзюро, он рассказывал, какой вы выдающийся фехтовальщик! Не обижайтесь! Приношу вам личное извинение за поведение наших людей.

— Спасибо на добром слове. Я был в хороших отношениях с Сэйдзюро и желаю успехов дому Ёсиоки, хотя и не могу выступить на вашей стороне. Я тем не менее не допущу, чтобы ваши люди оскорбляли меня.

Гэндзаэмон склонился в глубоком поклоне:

— Вы совершенно правы. Прошу вас, забудьте о происшедшем ради Сэйдзюро и Дэнситиро.

Старик решил любой ценой уладить неприятность, поскольку Кодзиро мог ославить их на весь Киото, рассказав о подготовленной засаде на Мусаси.

— Хорошо! Мне стыдно, что почтенный старец гнет передо мной спину в поклоне, — милостиво произнес Кодзиро.

Без тени смущения хозяин «Сушильного шеста» начал хвалить и подбадривать людей Ёсиоки и поносить Мусаси.

— Я дружил с Сэйдзюро и знать не знаю Мусаси. Конечно, я на вашей стороне. Я видел много поединков, но трагедия вашего дома ни с чем не сравнима. Какой-то деревенский бродяга вывалял в грязи семейство, служившее военными наставниками сёгунам Асикаги!

От слов Кодзиро у всех загорелись уши. Дзюродзаэмон ругал себя за то, что грубо обошелся с искренним другом дома Ёсиоки.

Кодзиро, мгновенно уловив перемену в отношении к себе, заговорил еще вдохновеннее:

— Я мечтаю о собственной школе, поэтому не пропускаю ни одного поединка, чтобы видеть различные приемы. Таким образом я учусь. Два ваших боя с Мусаси меня безмерно разочаровали. Вас было много в Рэнгэоине, да и в Рэндайдзи тоже, но вы позволили Мусаси уйти безнаказанным. Теперь он болтается по улицам Киото и кичится своими победами. Не могу понять, в чем дело.

Кодзиро продолжал, облизнув пересохшие губы:

— Спору нет. Мусаси на редкость упорный боец, впрочем, как и все бродячие фехтовальщики. Раза два я наблюдал его в деле. Боюсь показаться навязчивым, но хочу кое-что рассказать вам

о Мусаси. Впервые я услышал о нем от женщины, которая знала Мусаси с семнадцати лет.

Кодзиро предусмотрительно опустил имя Акэми.

— Ее рассказ и другие сведения дали мне представление об этом человеке. Он сын деревенского самурая из провинции Мимасака. Вернувшись в деревню после битвы при Сэкигахаре, он натворил столько безобразий, что односельчане изгнали его. С тех пор он странствует. Человек он никчемный, но кое-какие способности имеет. Обладает могучей силой. Сражается с полным пренебрежением к собственной жизни, что сводит на нет традиционные правила фехтования в поединках с ним. Это все равно что с помощью здравого смысла пытаться уговорить сумасшедшего. Надо поймать его в ловушку, как дикого зверя, иначе вам с ним не справиться. У вас есть представление о противнике, так что действуйте!

Гэндзаэмон церемонно поблагодарил Кодзиро и посвятил его в план сражения. Кодзиро одобрительно кивал.

— Если выполните задуманное, Мусаси живым не уйдет. Можно, однако, придумать кое-что и получше.

— Получше? — переспросил Гэндзаэмон, пристально взглянув на самоуверенного гостя. — Спасибо, но, по-моему, мы все предусмотрели.

— Нет, мой друг, далеко не все. Если Мусаси честно явится сюда по дороге, то ему, может, и не уйти. А если он разгадает вашу тактику и вовсе не появится? Все ваши приготовления пойдут насмарку.

— Расставим по всему Киото объявления о его трусости и сделаем его посмешищем.

— Конечно, таким образом вы отчасти поправите свою репутацию, но не забывайте, Мусаси будет всем рассказывать о вашем коварстве. Вам не будет веры. Необходимо уничтожить Мусаси сегодня. Значит, надо подстроить так, чтобы он явился сюда и угодил в вашу западню.

— Как это сделать?

— Сейчас скажу. Есть несколько вариантов. — Кодзиро что-то прошептал на ухо Гэндзаэмону. — Ну как? — спросил Кодзиро. Надменное лицо выражало дружелюбие, несвойственное ему.

— Понимаю, к чему вы клоните, — закивал в знак согласия старик. Обернувшись к Дзюродзаэмону, он зашептал ему на ухо.

Встреча при луне

Уже пробило за полночь, когда Мусаси добрался до маленькой гостиницы севернее Китано, где когда-то он встретил Дзётаро. Неожиданное появление Мусаси обрадовало старика-хозяина, который быстро приготовил ему постель.

Мусаси ушел рано утром и вернулся поздним вечером. Он сбросил с плеч мешок батата из Курамы и отдал старику штуку беленого полотна из Нары, купленную в ближайшей лавке, и попросил сшить исподнее — набрюшник и набедренную повязку. Старик сразу же снес полотно белошвейке, а на обратном пути забежал в винную лавку за саке. Они проговорили до глубокой ночи, сидя с горшком тушеных бататов и кувшинчиком саке, пока белошвейка не принесла новое белье. Мусаси аккуратно сложил его у изголовья.

Задолго до рассвета старика разбудил плеск воды. Мусаси умывался студеной колодезной водой. Он надел новое белье и старое кимоно. Лунный свет заливал землю.

Мусаси сказал старику, что, устав от Киото, направляется в Эдо, и пообещал зайти года через три, когда вернется в эти края. Старик завязал

пояс на его спине. Мусаси ушел.

Узкая тропа вела через поля к дороге на Китано. Мусаси ступал осторожно, чтобы не угодить в лепешки навоза. Старик долго смотрел в ту сторону, где лунная дымка поглотила гостя.

Голова Мусаси была ясной, как небо над ним. Тело налито силой, настроение становилось бодрее с каждым шагом.

«Зачем я так тороплюсь? — громко спросил он себя и замедлил шаг. — Это, пожалуй, моя последняя ночь в мире живых».

Мусаси не скорбел, не сокрушался, он трезво оценивал свое положение. Он пока не ощущал дыхания смерти.

Весь вчерашний день он молча просидел под сосной во внутреннем храме Курама в надежде обрести отрешенность, когда теряется ощущение души и тела. Он не смог отделаться от мысли о смерти и теперь сожалел о напрасно потерянном времени.

Ночной воздух бодрил. Немного саке, короткий, но глубокий сон, ледяная вода из колодца, новое белье — нет, он не чувствовал себя человеком, обреченным на смерть. Мусаси вспомнил зимнюю ночь, когда он одолевал вершину Орлиной горы. Тогда тоже ярко сверкали звезды, на деревьях

блестели сосульки. Сейчас сосульки сменились бутонами цветов. Мусаси чувствовал легкое головокружение, ему не хотелось думать о серьезном. Впрочем, какой толк ломать голову над тем, что не постигли мудрецы на протяжении веков — смерть, предсмертная агония, то, что ждет после смерти.

Мусаси шел по кварталу, где жила придворная знать. Жалобно пела флейта. Он живо представил людей в трауре вокруг гроба, ждущих рассвета. Ему почудились звуки заупокойной молитвы. Мусаси неожиданно для себя вспомнил танцующих жриц в храме Исэ, надменную вершину Орлиной горы.

Мусаси остановился, чтобы прийти в себя. Он уже миновал храм Сёкокудзи и был неподалеку от серебряной ленты реки Камо. Он увидел на глинобитной стене тень человека, двигавшегося ему навстречу. Немолодой человек с собакой на поводке робко приблизился к Мусаси.

— Можно вас побеспокоить?

— Меня? — удивился Мусаси.

— Извините за странный вопрос: не видели ли вы по пути освещенный дом?

— Я не смотрел по сторонам, но, по-моему, не попадался.

— Снова не на ту улицу попал!

— А что вы ищете?

— Дом, в котором скончался один человек.

— Дома я не видел, но, кажется, слышал флейту. Это рядом.

— Должно быть, тот самый дом. Жрец из синтоистского храма, похоже, опередив меня, начал заупокойную службу.

— Вы священнослужитель?

— Не совсем. Я гробовщик с холма Торибэ. Мне сказали, чтобы я шел к дому господина Мацуо, вот я и направился к горе Ёсида, но они там больше не живут.

— Вы говорите о Мацуо с горы Ёсида?

— Да. Я не знал, что они переехали, и сделал большой крюк. Спасибо! До свидания!

— Подождите! — остановил его Мусаси. — Вы говорите о Канамэ Мацуо, который служил у господина Коноэ?

— Вот именно. Он умер, не проболев и десяти дней.

Мусаси молча зашагал дальше, гробовщик — в противоположную сторону.

«Умер дядя», — подумал Мусаси. Человек прожил нелегкую жизнь, пытаясь нажить состояние, но так и остался бедным. Мусаси вспомнил про-

стую еду, которую дала ему тетка, — рисовые колобки, съеденные им в новогоднюю ночь на берегу реки. Теперь и она осталась одна-одинешенька.

Мусаси остановился на берегу Камо, вглядываясь в тридцать шесть вершин Хигасиямы. Они излучали холодную враждебность. Мусаси, тряхнув головой, сбежал вниз к мосту. Отсюда дорога из северной части города вела к горе Хиэй и дальше в провинцию Оми.

На середине моста Мусаси услышал крик человека. Он остановился. Клокотала вода, шумел ветер. Крик повторился. Мусаси, не поняв, откуда он доносится, поспешил вперед. Поднявшись на берег, Мусаси увидел бегущего навстречу человека. В нем Мусаси узнал вездесущего интригана Сасаки Кодзиро.

Кодзиро неестественно горячо поприветствовал Мусаси. Оглядев безлюдный мост, он спросил:

— Ты один?

— Конечно.

— Надеюсь, ты простишь меня за прошлую ночь. Спасибо, что ты не отверг моего вмешательства.

— Я должен благодарить тебя, — вежливо от-

ветил Мусаси.

— Идешь на поединок?

— Да.

— Неужели один? — домогался Кодзиро.

— Один.

— Мусаси, ты, видимо, неправильно истолковал объявление в Янаги-мати.

— Думаю, что не ошибся.

— Уверен, что знаешь условия? Это не будет бой один на один, как с Сэйдзюро или Дэнситиро.

— Знаю.

— Бой будет происходить от имени Гэндзиро, но на сражение выйдут ученики школы Ёсиоки. Понимаешь, что их может оказаться и десять, и сто, и даже тысяча?

— Понимаю. Почему ты меня расспрашиваешь?

— Слабые покинули школу, остались сильные и смелые. Сейчас все они под большой сосной у развилки дороги. Они тебя ждут.

— Ты успел побывать там?

— Хм-м… подумал, что стоит предупредить тебя. Я знал, что ты пойдешь по этому мосту, поэтому ждал тебя здесь. Это мой долг. Я ведь писал объявление.

— Ты очень предупредителен.

— Я изложил тебе положение дел. Ты действительно намерен драться в одиночку или за тобой следуют другим путем сторонники?

— У меня один сторонник.

— Правда? Где же он?

— Да вот, рядом, — засмеялся Мусаси, показывая на собственную тень.

Кодзиро обиделся.

— Я пришел не за шутками.

— Я не шучу.

— Ты, кажется, решил посмеяться над моим советом?

— Думаешь, что великий мудрец Синран шутил, утверждая, что истинный верующий обладает двойной силой, потому что его всегда сопровождает Амида Будда? — глубокомысленно произнес Мусаси.

Кодзиро промолчал.

— Ясно, что у людей Ёсиоки подавляющее превосходство. Их много, я один, — продолжал Мусаси. — Ты, конечно, решил, что я уже побежден. Прошу не тревожиться за меня. Положим, узнав, что их десять человек, я возьму с собой тоже десять. Что из этого? Они приведут двадцать. Приди со мной два десятка воинов, их будет тридцать, сорок. Начнется побоище, погибнет много

народу. Государственный порядок будет нарушен без пользы для искусства фехтования. От моих сторонников было бы больше вреда.

— Положим, ты прав, но решение вступать в заведомо проигранный бой противоречит «Искусству войны».

— Случается, что выбора нет.

— В «Искусстве войны» об этом не упоминается. Оно не признает импульсивных действий сгоряча.

— Я знаю, как мне следует поступать, независимо от уложений «Искусства войны».

— Ты нарушаешь его законы.

Мусаси рассмеялся.

— Если ты идешь против правил, — настаивал Кодзиро, — почему бы не избрать тактику, гарантирующую жизнь?

— Я следую по пути, который ведет к совершенству жизни.

— Боюсь, он заведет тебя в ад.

— Река перед нами может оказаться тройной рекой ада, тропа — дорогой к вечным мукам, холм, на который я скоро поднимусь, — горой иголок, но для меня нет иного пути к истинной жизни.

— Ты говоришь так, словно смерть уже за твоей

спиной.

— Как тебе угодно. Есть люди, заживо умершие, и такие, кто через смерть обретает вечную жизнь.

— Несчастный! — с усмешкой произнес Кодзиро.

— Скажи лучше, куда ведет эта дорога?

— К деревне Хананоки, а оттуда к раскидистой сосне в Итидзёдзи, где ты собрался умереть.

— Далеко?

— Километра два. У тебя много времени.

— Спасибо. Увидимся позже, — весело произнес Мусаси и свернул на боковую тропу.

— Не туда! — крикнул ему вслед Кодзиро.

Мусаси кивнул.

— Говорю же, не туда!

— Знаю.

Мусаси спускался по склону. За придорожными деревьями виднелись рисовые поля, за ними — соломенные крыши крестьянских домов. Кодзиро видел, как Мусаси, застыв на месте, смотрел на луну. Кодзиро расхохотался, представив, что Мусаси справлял малую нужду. Взглянув на луну, Кодзиро подумал, что много людей покинет этот мир до ее захода.

Мусаси не возвращался. Кодзиро уселся на

оголенные корни дерева. Его возбужденное воображение рисовало картины боя.

«Судя по спокойствию Мусаси, он смирился со смертью, но все равно будет бешено сопротивляться. Чем больше жертв, тем увлекательнее зрелище. У людей Ёсиоки припасены луки и мушкет. Если стрелки не промахнутся, спектакль окажется коротким. Они все испортят. Надо бы предупредить Мусаси», — решил Кодзиро.

Над полями поднимался туман, холод пробирал до костей.

— Мусаси, ты что там так долго? — крикнул Кодзиро, поднявшись на ноги.

Почуяв что-то неладное, он быстро спустился вниз по дороге и еще раз окликнул Мусаси. Тишину нарушал лишь скрип водяного колеса.

— Безмозглый негодяй!

Кодзиро взбежал на главную дорогу, оглядываясь по сторонам. Крыши храма на берегу Сиракавы, храмовая роща на склонах Хигасиямы, луна в небе — все, что он увидел. Кодзиро решил, что Мусаси сбежал. Упрекая себя в легковерности, он быстро зашагал к Итидзёдзи.

Из-за дерева, где только что сидел Кодзиро, вышел Мусаси. Он улыбался, радуясь, что отделался от интригана. Мусаси презирал тех, кто получает

удовольствие от гибели других. Кодзиро лгал, говоря, что ходит смотреть на поединки ради учения. Он был коварным человеком, который заигрывал с обеими сторонами, ловко изображая честного посредника, готового всем услужить.

Кодзиро, видимо, ожидал, что Мусаси на коленях станет умолять его о помощи, узнав, сколь велика сила дома Ёсиоки. Он должен был принять помощь, ведь речь шла о его жизни. Кодзиро не подозревал, что Мусаси заранее разведал о планах дома Ёсиоки выставить на бой до ста человек.

Мусаси помнил слова Такуана о том, что истинно смелый человек любит жизнь и бережет ее, как заветное сокровище. Мусаси понимал разницу между полноценной жизнью и существованием. Он размышлял о том, как сделать жизнь осмысленной, как превратить ее в луч света, освещающий дорогу в будущее, пусть даже ценой собственной жизни. Если ему удастся осуществить свой замысел, то безразлично, проживет он двадцать или семьдесят лет. Жизнь — мгновение в потоке времени.

Мусаси считал, что, в отличие от остальных людей, воину уготована своя дорога. Он должен жить как самурай и умереть как самурай. Свер-

нуть с этого пути невозможно. Пусть его изрубят в куски, но враг никогда не посмеет отрицать, что Мусаси бесстрашно и честно принял вызов.

Мусаси раздумывал, каким путем добираться до места боя. Самый близкий — дорога к горе Хиэй, по которой только что ушел Кодзиро. Второй, подлиннее, вел вдоль Таканогавы, притока реки Камо, к большой дороге на Охару и затем мимо императорского дворца Сюгакуин. Третий путь сначала шел на восток, затем поворачивал на север к подножию горы Урю и потом к деревне. Все три дороги сходились у раскидистой сосны, существенной разницы между ними не было. С точки зрения боевого искусства, когда предстоит атаковать превосходящие силы противника, выбор подхода имеет серьезное тактическое значение. От его правильности подчас зависел исход боя.

Мусаси решительно побежал в направлении, почти противоположном Итидзёдзи. Миновав подножие холма Кагура позади гробницы императора Го-Итидзё, нырнул в густую бамбуковую рощу и вышел к горному ручью, протекавшему мимо деревни с северо-восточной стороны. В лунном свете над ним возвышалась гора Даймондзи. Мусаси начал карабкаться вверх по ее северному

склону.

Сквозь деревья справа виднелась стена, ограждавшая сад, принадлежавший, вероятно, храму Гинкакудзи. Матово поблескивала зеркальная поверхность пруда в саду. Пруд скрылся за деревьями, и взору предстала серебристая лента реки Камо. Мусаси казалось, что весь город лежит у него на ладони.

Мусаси остановился, чтобы определиться на местности. Он мог подойти к развесистой сосне с противоположной стороны и с высоты птичьего полета осмотреть вражеские позиции. Подобно Оде Нобунаге в битве при Окэхадзаме, он ради сложного обхода пренебрег коротким и легким путем.

— Эй, кто там?

Мусаси застыл. Послышались осторожные шаги. Появился самурай в одежде служивого человека при придворном аристократе. Мусаси понял, что он не имеет отношения к людям Ёсиоки. Лицо самурая закоптилось от факела, кимоно мокрое и заляпанное грязью. Увидев Мусаси, он вскрикнул от удивления. Мусаси настороженно уставился на незнакомца.

— Вы, случайно, не Миямото Мусаси? — испуганно спросил самурай. Глаза Мусаси сверкнули

в свете факела.

— Вы Миямото Мусаси? — повторил дрожащим голосом самурай. Никогда в жизни он не видел таких страшных глаз.

— Кто вы? — произнес Мусаси.

— Я… э…

— Хватит мычать! Кто вы?

— Я служу у господина Карасумару Мицухиро.

— Миямото Мусаси — я. Но что служивый человек его светлости делает в горах в глухую ночь?

— Значит, вы Мусаси? — с облегчением вздохнул самурай и вдруг побежал вниз по склону, размахивая факелом.

Мусаси с невозмутимым видом продолжал свой путь. Самурай, добежав до Гинкакудзи, закричал:

— Кура, где ты?

— Мы здесь! — откликнулся голос. Это был не Кура из служивых Карасумару, а Дзётаро.

— Дзётаро? Ты здесь?

— Да.

— Скорее ко мне!

— Не могу. Оцу не может идти дальше.

Самурай тихо выругался, затем крикнул что было мочи:

— Поди сюда! Я нашел Мусаси. Не поторопишь-

ся, так мы его упустим.

Дзётаро и Оцу были на тропе метрах в двухстах ниже. Прошло, казалось, бесконечно много времени, прежде чем появились их длинные тени, медленно двигавшиеся в лунном свете. Самурай размахивал факелом, подгоняя их. Скоро послышалось тяжелое дыхание Оцу. Лицо девушки было бледнее луны. Дорожная одежда болталась на исхудавшей фигурке.

— Правда? — задыхаясь, спросила Оцу.

— Только что видел его. Мы сможем догнать его, если вы поспешите, иначе…

— Где он? — спросил Дзётаро, став между больной женщиной и нетерпеливым самураем.

Оцу стало не по себе, когда Дзётаро рассказал ей о предстоящем сражении. Ничто не могло удержать ее в постели. Она поднялась, не слушая ничьих уговоров, оделась и, пошатываясь, вышла за ворота усадьбы. Карасумару, поняв, что Оцу не остановить, предпринял все для помощи девушке. Он разослал людей, чтобы держать под наблюдением все подступы к деревне Итидзёдзи. Пока Оцу плелась по направлению к Гинкакудзи, люди Карасумару обшарили окрестности и в отчаянии готовы были прекратить поиски.

Самурай указывал факелом на вершину горы,

и Оцу решительно двинулась вверх по склону. Дзётаро подбадривал ее, боясь, что она в любой миг потеряет сознание.

Оцу молчала. Она не слышала Дзётаро. Холодный пот катился с ее лба, сухие губы потрескались, но желание увидеть Мусаси вело ее вперед, пересиливая болезненную усталость.

— Мы правильно идем, — говорил Дзётаро. — Это дорога к горе Хиэй. Скоро выйдем на пологую часть. Сразу станет легче. Не хочешь отдохнуть?

Оцу молча покачала головой. Она крепко держалась за посох, борясь за глоток воздуха, за каждый шаг, словно родилась на свет с единственным предназначением проделать этот путь.

Они прошли около километра и остановились.

— Мусаси! Учитель! — крикнул Дзётаро.

Зычный голос мальчика ободрил Оцу, но вскоре силы покинули ее.

— Дзётаро, — тихо прошептала она, уронив посох и медленно опускаясь на землю. Она зашлась в кашле и, закрыв рот руками, ничком упала в траву.

— Оцу, у тебя из горла идет кровь! — закричал Дзётаро и подхватил ее под руки, пытаясь поднять. От растерянности мальчик осторожно

постучал Оцу по спине.

— Оцу, что-нибудь хочешь?

Оцу молчала.

— Знаю! Нужно воды выпить.

Оцу едва кивнула в ответ.

— Подожди!

Дзётаро вскочил, на миг вслушался в темноту и побежал к распадку, откуда доносилось журчание ручья. Мальчик без труда нашел ключ, бивший из-под скалы. Он увидел маленький прозрачный водоем, на дне которого замерли крошечные черные крабы. В воде отражалось лунное небо с редкими облаками. Отражение было прекраснее самого неба. Дзётаро опустился на колени, чтобы напиться, и вдруг замер от ужаса. Неужели привидение? Среди деревьев, отражавшихся в воде, он увидел Мусаси. Дзётаро решил, что это наваждение, которое мгновенно исчезнет, но Мусаси не пропал. Дзётаро медленно поднял глаза.

— Это ты? Действительно здесь? — воскликнул он.

Дзётаро бросился по воде к учителю, поднимая фонтан брызг, от которых сразу же промок до нитки.

— Это ты? — повторил он, обняв ноги Мусаси.

— Тише! — негромко произнес Мусаси. — Здесь

опасно. Я приду сюда позже.

— Нет, раз я тебя нашел, то ни за что не отпущу!

— Тихо! Я услышал твой голос и ждал тебя. А сейчас отнеси Оцу воды.

— Я замутил воду.

— Рядом другой ключ. Возьми! — Мусаси протянул мальчику бамбуковую флягу.

— Отнеси воду сам, — ответил Дзётаро, не двигаясь с места.

Мгновение они молча смотрели друг на друга, затем Мусаси кивнул и пошел к ручью.

Наполнив флягу, он пошел к Оцу. Мусаси осторожно приподнял девушку, обняв ее за плечи, и поднес флягу к ее губам.

— Оцу, это Мусаси. Слышишь? Мусаси пришел, — прошептал Дзётаро.

Оцу отпила воды, дыхание стало немного ровнее, но она по-прежнему безвольно висела на руках Мусаси, глядя перед собой остановившимся взглядом.

— Оцу, очнись! Это Мусаси! Тебя держит Мусаси! — В голосе Дзётаро звучало отчаяние.

Глаза Оцу наполнились слезами. Она слабо кивнула. Дзётаро чуть не подпрыгнул от радости.

— Ты рада? Ведь ты этого хотела, правда? —

продолжал Дзётаро, обращаясь к Мусаси. — Она всегда говорила, что во что бы то ни стало увидит тебя. Никого не слушала. Обязательно скажи ей, что она умрет, если не будет беречь себя. Меня она не слушает, может, ты повлияешь на нее.

— Во всем виноват я, — ответил Мусаси. — Попрошу у нее прощения и накажу ей беречь себя… Дзётаро!

— Да.

— Оставь нас одних на некоторое время.

— Зачем? Почему ты меня гонишь?

— Не упрямься, Дзётаро, — вдруг произнесла Оцу. — Всего на несколько минут. Пожалуйста!

— Ну ладно, — согласился Дзётаро, он не мог отказать Оцу, хотя ничего не понимал. — Я поднимусь повыше на гору, потом позовете.

Природная застенчивость Оцу, усугубленная ее болезнью, лишила ее дара речи. Робость сковала и Мусаси. Он сидел, глядя на небо. Он чувствовал, что не найдет нужных слов. В голове у него промелькнула вся его жизнь с той грозовой ночи, когда Оцу освободила его от пут, которыми он был привязан к дереву. Мусаси воочию увидел искреннюю любовь, которую Оцу пронесла через пять лет скитаний.

Кто из них больше выстрадал? Оцу, которая

жила любовью к Мусаси и боролась с превратностями судьбы? Мусаси, прятавший любовь за бесстрастной внешностью и засыпавший огонь страсти холодным пеплом? Мусаси всегда думал, что его путь самый тяжкий. Постоянство Оцу требовало больше душевных сил и мужества. Не каждый мужчина вынес бы ее ношу.

«Еще немного», — подумал Мусаси.

Луна стояла низко, близился рассвет. Еще немного, и он, подобно луне, исчезнет, сойдет в иной мир. В оставшееся время он должен все сказать Оцу. Он был в неоплатном долгу за ее постоянство и преданность, но не находил слов. Душа его была переполнена чувствами, а язык не подчинялся ему. Он пристально смотрел в небо, словно ожидая вдохновения свыше.

Оцу плакала, поникнув головой. Сердце ее пылало от безграничной любви. Всепоглощающая страсть вытеснила все — почитание богов, гордость, чувство самосохранения. В глубине души она надеялась, что ее любовь одолеет неприступность Мусаси, что море выплаканных ею слез иссякнет, когда они заживут вместе вдали от мирской суеты. Сейчас, когда Мусаси был рядом, Оцу как будто одеревенела. Она не могла выразить в словах горечь одиночества, бесприютность

странствий среди чужих людей, боль от безразличия Мусаси. Если бы у нее была мать, которой можно выплакать горе!

В предрассветной тишине раздались крики гусей, стая которых летела над вершинами деревьев.

— Гуси улетают на север, — вымолвил Мусаси, удивившись своему голосу.

— Мусаси…

Их глаза встретились. Они вспомнили дни деревенской жизни, когда каждую осень и весну гусиные стаи пролетали над полями. Как все было просто в те времена! Оцу дружила с Матахати. Мусаси в деревне не любили за его буйное поведение, но Оцу не боялась отчитывать его за грубость. Они вспомнили и храм Сипподзи, и реку Ёсино под горой. С замиранием сердца оба чувствовали, что теряют бесценные мгновения, которым нет возврата.

— Дзётаро говорил, что ты болеешь. Что-нибудь серьезное?

— Нет.

— Тебе получше стало?

— Да, теперь это мне безразлично. Ты правда считаешь, что тебя могут убить сегодня?

— Полагаю, да.

— Если ты умрешь, то и мне не жить. Какой смысл говорить о моей хвори.

Свет засиял в глазах Оцу. Мусаси впервые понял, насколько Оцу сильнее его духом. Много лет он размышлял над смыслом жизни и смерти, контролируя каждый свой шаг, подвергал себя суровой самурайской тренировке ради достижения хотя бы основ самоконтроля. Молодая женщина твердо заявила, что умрет, если он погибнет. Ей не понадобилось ни тренировки, ни самодисциплины. Лицо Оцу было совершенно спокойным, а глаза говорили Мусаси, что ее решение — не ложь, не сиюминутный порыв. Оцу, казалось, с радостью уйдет из жизни вслед за ним. Мусаси устыдился, поняв душевную стойкость Оцу.

— Не глупи, Оцу! — воскликнул он. — Зачем тебе умирать? — Мусаси удивился глубине своего порыва. — Я умру в сражении против людей Ёсиоки. Смерть от меча естественна для профессионального фехтовальщика. Я должен напомнить трусам о Пути Воина. Я глубоко тронут твоей решимостью умереть, но во имя чего ты отдашь жизнь? Смерть твоя останется незаметной, люди не обращают внимания на смерть мошки.

Оцу едва сдержала рыдания. Мусаси пожалел о своей прямолинейности.

— Наконец я понял, что заблуждался сам и обманывал тебя много лет. Я не замышлял ничего дурного, когда сбежал из деревни и бросил тебя на мосту Ханада. Против моей воли вышло так, что я обманул тебя. Обман я скрывал, притворяясь холодным и бесстрастным. Безразличие было напускным. Часы мои сочтены, и я скажу всю правду. Я люблю тебя, Оцу! Я бы пожертвовал всем на свете и остался с тобой навсегда, но… — Мусаси на миг замолк, затем взволнованно продолжил: — Верь каждому моему слову, Оцу, у меня не будет больше случая поговорить с тобой. Сейчас я открываю тебе душу. Мысль о тебе, случалось, отвлекала меня от дела, были ночи, когда я не мог заснуть, мечтая о тебе. Ты являлась мне во сне, пробуждая во мне страсть. Я обнимал подушку, словно тебя, Оцу. Стоило, однако, обнажить меч, увидеть блеск клинка, как кровь мгновенно остывала и мысли освобождались из плена грез.

Оцу просветленным взглядом смотрела на Мусаси. Она хотела что-то сказать, но к горлу подступил комок.

— Мое единственное прибежище — меч, — продолжал Мусаси. — Страсть захлестывала меня, но я неизменно возвращался к своему ремеслу. Это

судьба, Оцу. Я разрывался между любовью и самодисциплиной. Я словно бежал по двум дорогам одновременно. Когда они расходились, я выбирал ту, которую считаю верной. Я хорошо знаю себя. Я не гений и не великий человек. — Мусаси замолк. Он хотел честно рассказать о своем чувстве, но слова, казалось, затемняли правду. Сердце подсказывало, что нужно быть еще откровеннее. — Что еще сказать? Один взгляд на меч — и ты удаляешься из мыслей. Нет, ты бесследно исчезаешь. Сейчас я ощущаю себя счастливейшим человеком на земле. Понимаешь? Долгие годы ты страдала душой, всем существом ради человека, который любит меч больше тебя. Я отдам жизнь за меч, но не умру ради женщины, даже ради твоей любви. Такова правда, хотя мне хочется на коленях вымаливать у тебя прощение.

Мусаси почувствовал, как тонкие пальцы Оцу сжались на его запястье. Она уже не плакала.

— Я все знаю, — спокойно произнесла она. — Иначе я бы не любила тебя.

— Неужели ты не понимаешь, что глупо умирать из-за меня? Сейчас я твой, душой и телом, но как только мы расстанемся… Нельзя жертвовать собой ради такого, как я. У женщин есть разумный путь. Найди его, Оцу, ты должна обрести

счастье. Это все, что я могу сказать на прощанье. Мне пора! — Мусаси осторожно отвел руку Оцу и поднялся.

— Еще минуту, Мусаси! — прошептала она сквозь слезы, хватая его за рукав.

Оцу так много надо было сказать Мусаси. Пусть он забудет ее, пусть люди осмеют ее, пусть он не изменит себе. Оцу придумала Мусаси в мечтах, она знала его истинную натуру, когда полюбила его. Она цеплялась за рукав Мусаси, отчаянно пытаясь продлить мгновения перед вечным расставанием. Ее смиренная мольба обезоружила Мусаси. Оцу была прекрасна в своем смущении и скованности. Мусаси дрогнул от собственной нерешительности. Он вдруг почувствовал себя деревом с расшатанными корнями, которое вот-вот рухнет от порыва ветра. Его беззаветная преданность Пути Меча заколебалась от слез Оцу.

— Ты поняла меня? — натужно выдавил он из себя.

— Да, но вместе с тобой умру и я. Для меня смерть будет иметь такой же смысл, как для тебя гибель в сражении. Меня не затоптать, как букашку, я не брошусь с горя в реку. Я сама решу свою судьбу. Даже ты не волен распоряжаться моей жизнью. — Голос Оцу звучал спокойно и

твердо. — Если ты признал меня невестой, я буду счастливейшей из женщин. Ты говорил, что не хочешь обрекать меня на горе. Поверь, я не умру от горя. Кому-то я кажусь несчастной, но это не так. Я с радостью встречу свой смертный час. Он будет для меня как рассвет с ярким солнцем и пением птиц. С такой же радостью я встретила бы день свадьбы с тобой.

Выбившись из сил, Оцу сложила на груди руки и устремила невидящий взор куда-то вдаль, словно завороженная волшебным видением.

Луна заходила. Не рассвело, но туман уже окутал стволы деревьев.

Внезапно громкий вопль разорвал тишину. Крик раздался со стороны скалы, на которую взобрался Дзётаро. Оцу замерла, вглядываясь в вершину. Мусаси безмолвно зашагал навстречу своей судьбе. Оцу с глухим стоном сделала несколько неверных шагов ему вслед. Мусаси ускорил шаг, затем обернулся.

— Я понял тебя, Оцу, но прошу тебя, не уходи малодушной смертью. Не позволяй горю увлечь тебя в долину смерти. Сначала поправься, а потом решай. Я рискую жизнью не напрасно. Я сделал выбор. Умерев, я обрету вечную жизнь. Кости мои истлеют, но я останусь жить. — Переведя ды-

хание, Мусаси продолжал: — Ты меня слышишь? Если ты умрешь из-за меня, то не найдешь меня в мире ином. Я буду жить сотни, тысячи лет в сердцах людей и сольюсь с японским культом меча.

Оцу хотела что-то сказать, но Мусаси уже не слышал. Сердце ее на миг замерло, но она не верила, что они расстаются навсегда. Ей казалось, что их обоих увлекает волна жизни и смерти.

Посыпалась галька, и следом скатился Дзётаро в маске театра Но, которую ему подарили в Наре.

— Такого еще со мной не было! — воскликнул мальчик, вскидывая руки.

— Что случилось? — прошептала Оцу, потрясенная видом маски.

— Слышала? Я никому не мешал, и вдруг этот ужасный вопль.

— А где ты находился? Ты был в маске?

— Сидел на скале. Туда ведет узкая тропинка. Я взобрался наверх и смотрел на луну.

— Я еще раз спрашиваю, ты был в маске?

— Да. Вокруг тявкали лисы и возились барсуки. Я подумал, что маска отпугнет их. И вдруг крик, леденящий душу, словно завыло исчадие ада.

Отбившиеся от стаи

— Подожди меня, Матахати! Посторонись! — причитала Осуги, плетясь за сыном. От ее высокомерия не осталось и следа. Матахати ворчал себе под нос, но так, чтобы слышала мать:

— Сама подгоняла поскорее уйти из гостиницы, а теперь недовольна. Мастерица только говорить.

Они шли по дороге в Итинодзи до горы Даймондзи, потом свернули в горы и заблудились.

Осуги не сдавалась.

— Послушал бы кто, как ты обижаешь меня! Можно подумать, что ты ненавидишь свою мать.

Старуха смахнула пот с морщинистого лица. Матахати не сбавлял хода.

— Ты наконец остановишься? Отдохнем! — крикнула Осуги.

— Будешь отдыхать каждые десять шагов, так мы никогда не доберемся до цели.

— До рассвета далеко. Горная дорога была бы мне нипочем, коли не простуда.

— Никогда не признаешь своей ошибки. Я разбудил хозяина гостиницы, чтобы ты получше отдохнула, тебе же не сиделось на месте. Не хоте-

ла даже чаю выпить, только и твердила, что мы опоздаем. Едва я пригубил саке, как ты потащила меня за собой. Хоть ты мне и мать, но совершенно непереносима.

— Ты злишься, потому что я не позволила тебе напиться допьяна. Разве я не права? Почему ты такой слабый? Сегодня нам предстоит очень важное дело.

— Нам ведь не придется пускать в ход мечи. Всего-то и хлопот — отрезать у Мусаси клок волос и кусок одежды. Велика важность!

— Ладно. Не будем ссориться. Пошли!

Они продолжили путь, и Матахати забурчал:

— Глупее не придумаешь. Притащим в деревню клок волос показать, что наш долг выполнен. Деревенские олухи, которые ничего не видели, кроме своих гор, будут потрясены. Как я ненавижу деревню!

Матахати не утратил пристрастий к саке из Нады, хорошеньким девушкам из Киото и другим удовольствиям. Он по-прежнему верил в счастье, которое подарит ему город. Он все еще надеялся, что в одно прекрасное утро проснется обладателем всего желаемого. «Никогда не вернусь в деревенскую глухомань», — поклялся себе Матахати.

Осуги отстала. Отбросив спесь, она захныкала:

— Матахати, понеси меня на спине. Прошу тебя, хотя бы немного.

Матахати нахмурился и остановился. В этот момент они услышали ужасный вопль, который поразил Оцу и Дзётаро. Мать с сыном застыли на месте. Матахати бросился к краю обрыва, не обращая внимания на отчаянные попытки матери остановить его.

— Куда ты? — кричала ему вслед Осуги.

— Стой на месте, я взгляну, что случилось. Спущусь вниз, — бросил ей через плечо Матахати.

— Дурак, куда тебя несет? — кричала опомнившаяся от потрясения Осуги.

— Оглохла, что ли? Не слышала чей-то крик?

— А тебе какое дело? Немедленно вернись!

Не обращая внимания на крики матери, Матахати торопливо спускался на дно распадка, цепляясь за корневища деревьев.

— Безмозглый дурень! — вопила ему вслед Осуги.

Матахати еще раз велел ей оставаться на месте, но голос его был едва слышен.

«Что дальше?» — подумал он, оказавшись внизу. Матахати уже пожалел о своей опрометчивости. Он не был уверен, что кричали именно

здесь.

Сквозь кроны деревьев пробивалась луна. Глаза Матахати привыкли к полумраку. Он стоял на одной из бесчисленных тропинок, которые, пересекая горы к востоку от Киото, ведут в Сакамото и Оцу. Матахати двинулся вдоль ручья и вскоре увидел хижину, какие ставят ловцы горной форели. Хижина была маленькой, на одного человека, внутри никого не было, но позади нее Матахати заметил чью-то фигуру. Лицо и руки выделялись белыми пятнами.

«Женщина», — с облегчением подумал он и притаился за скалой. Женщина осторожно подошла к ручью и нагнулась, чтобы зачерпнуть пригоршню воды. Матахати сделал шаг вперед. Женщина, как пугливое животное, резко обернулась и бросилась бежать.

— Акэми!

— Как я испугалась! — срывающимся голосом отозвалась Акэми, узнав Матахати.

— Что произошло? Как ты оказалась здесь среди ночи? Почему ты в дорожном платье? — Матахати вглядывался в Акэми.

— Где твоя мать?

— Наверху, — махнул рукой Матахати.

— Она, верно, вне себя от злости.

— Из-за денег?

— Да. Мне надо было немедленно скрыться, а у меня не было ни гроша на дорогу. Прости меня, Матахати. Я совсем растерялась тогда от волнения. Обещаю, что верну вам деньги.

Акэми заплакала.

— Ты за что просишь прощения? Думаешь, мы гонимся за тобой?

— Матахати, я от страха потеряла голову, но ведь я убежала с вашими деньгами. Я не посетую, если вы обойдетесь со мной, как с воровкой.

— Мать так бы и поступила, но не я. Да и денег-то немного. Я бы сам охотно отдал их тебе. Я не сержусь. Меня больше интересует, что вынудило тебя срочно бежать из Киото и почему ты здесь.

— Вчера я подслушала ваш разговор с матерью.

— О Мусаси?

— Да.

— И сразу решила отправиться в Итидзёдзи?

Акэми не отвечала.

— Да, совсем забыл! — хлопнул себя по лбу Матахати, вспомнив, зачем спустился вниз. — Это ты сейчас кричала?

Акэми кивнула, бросив испуганный взгляд на гору. Убедившись, что там никого нет, она расска-

зала, как, перейдя через ручей, стала подниматься по крутому гребню скалы и вдруг увидела страшный призрак с телом карлика. Он сидел на камне, уставившись на луну. Женское лицо его сияло нечеловеческой белизной, рот с одной стороны рассечен в дьявольской улыбке до самого уха. Акэми едва не лишилась чувств от страха. Когда она снова взглянула вверх, привидение исчезло.

Рассказ был нелепым, но девушка говорила серьезно. Матахати, соблюдая вежливость, внимательно ее слушал, но скоро расхохотался.

— Ха-ха! Ну и выдумщица ты! Наверняка сама напугала привидение. Ты с малолетства бродила по полям сражений и обирала покойников, не дожидаясь, пока дух убитых расстанется с телом.

— Но я была ребенком и не боялась лишь потому, что ничего не знала о духах.

— Не малым же ребенком ты была тогда… До сих пор вздыхаешь по Мусаси?

— Нет… Он моя первая любовь, но теперь…

— Зачем тогда ты идешь в Итидзёдзи?

— Сама не знаю. Просто подумала, что увижу его там.

— Напрасно теряешь время, — сказал Матахати, сочувственно глядя на нее. Он объяснил, что Мусаси неминуемо обречен на смерть.

Акэми натерпелась от Сэйдзюро и Кодзиро. Ее прекрасные мечты рассыпались в прах. Былые грезы о счастье исчезли, новых не было, душа ее погрузилась в оцепенение. Она походила на гуся, который отбился от стаи и летел, не ведая куда.

Глядя на Акэми, Матахати вдруг понял, насколько схожи их судьбы. Поток жизни нес их, как сорванные с якорей лодки. Беленое лицо Акэми было таким несчастным, что Матахати почувствовал, что ей нужен друг. Обняв ее, он прижался к ее щеке и прошептал:

— Акэми, пойдем в Эдо!

— В Эдо? Шутишь?

Неожиданное предложение вывело ее из забытья.

Матахати еще крепче прижал ее к груди.

— Не обязательно в Эдо, но все говорят, что это город с большим будущим, — произнес он. — Осака и Киото отходят в прошлое, поэтому сёгуны строят столицу на востоке. Там мы наверняка найдем себе полезное занятие. Отбившиеся от стаи гуси вроде нас с тобой могут попытать там счастье. Скажи, что ты согласна, Акэми!

Заметив блеск в ее глазах, Матахати увлеченно заговорил:

— Весело заживем, Акэми! Будем делать то, что

захотим. А иначе зачем жить? Мы еще молоды, мы научимся стойкости и ловкости, не будем легковерными. На деле выходит, что от честности и порядочности проку мало. Слезы досады счастья не принесут. Ты сама все это пережила. Сначала тебя изводила мать, потом мужчины. Давай порешим так, что с сегодняшнего дня пожирают не тебя, а ты глотаешь других.

Слова Матахати звучали убедительно. Оба бежали из чайной, которая была для них клеткой. С тех пор Акэми видела лишь жестокую сторону жизни. Она чувствовала, что Матахати может справиться с жизненными невзгодами лучше, чем она. В конце концов, он мужчина.

— Пойдешь со мной? — переспросил Матахати.

Акэми понимала, что, цепляясь за минувшие грезы, она тщится построить дом из пепла. Это были мечты, в которых Мусаси безраздельно принадлежал ей одной.

Акэми, посмотрев на Матахати, молча кивнула.

— Договорились? Идем! — воскликнул он.

— А твоя мать?

— Да ну ее! — фыркнул Матахати. — Если она ухватит что-нибудь из одежды Мусаси как доказательство его смерти, она вернется в деревню.

Она взбесится, конечно, из-за моего ухода. Представляю, как она будет рассказывать всем, что я, мол, бросил ее умирать одну в горах, как это принято до сих пор в некоторых глухих местах. Если я преуспею в жизни, она меня простит. В любом случае мы решились. Правда?

Матахати сделал шаг вперед, но Акэми остановила его.

— Матахати, пойдем другой дорогой.

— Почему?

— Ведь придется идти мимо скалы.

— Ха-ха! Еще раз встретить карлика с женским лицом? Выбрось из головы эту ерунду! Теперь я с тобой. Слышишь? Мать зовет меня. Надо спешить. Она пострашнее того духа!

Раскидистая сосна

Ветер вздыхал в бамбуковой роще. Птицы не летали, поскольку еще не рассвело, но отовсюду доносилось их робкое щебетание.

— Спокойно! Это я, Кодзиро!

Кодзиро пробежал сломя голову около километра и теперь еще переводил дух у раскидистой сосны. Люди Ёсиоки вышли из укрытий и окружили его, ожидая рассказа Кодзиро.

— Видел его? — спросил Гэндзаэмон.

— Да, я нашел его, — самодовольно ответил Кодзиро.

Все насторожились. Кодзиро, обведя собравшихся холодным взглядом, продолжал:

— Мы вместе шли до реки Такано, а потом он…

— Сбежал! — подхватил Миикэ Дзюродзаэмон.

— Нет! — возразил Кодзиро. — Судя по его хладнокровию и собранности, он не намеревался бежать. Сначала я и сам так решил, но потом понял, что он просто отделался от меня. Он, видимо, составил план действий и не хотел, чтобы я разгадал его. Советую быть начеку.

— План? Какой план? — Самураи придвинулись ближе, боясь пропустить хотя бы слово.

— По-моему, ему будут помогать несколько человек. Они, возможно, договорились встретиться в условном месте, чтобы напасть разом.

— Похоже на правду, — пробормотал Гэндзаэмон. — Стало быть, нам их недолго ждать.

Дзюродзаэмон отошел в сторону и приказал бойцам занять свои места.

— Мусаси может выиграть первую атаку, так как мы рассредоточимся. Убьет несколько человек, но это небольшая потеря. Мы до конца будем держаться избранной тактики.

— Ты прав, но нельзя терять бдительности.

— Она может притупиться от долгого ожидания. Повнимательнее!

— По местам!

Самураи разбежались. Но один самурай взобрался на верхушку сосны и затих в ветвях.

Гэндзиро стоял спиной к дереву как вкопанный.

— Спать хочешь? — спросил его Кодзиро.

— Нет! — нарочито бодро ответил мальчик.

Кодзиро потрепал его по волосам.

— У тебя губы посинели от холода. Ты должен быть храбрым и сильным, потому что ты — представитель рода Ёсиока. Потерпи немножко и увидишь захватывающее зрелище. — Кодзиро

отошел от мальчика. — Надо подыскать себе место.

Мусаси вышел из узкого распадка между горами Сига и Урю, где он встретил Оцу. Луна плыла по небу следом за ним. Облака заволокли тридцать шесть вершин, возвещая близкий рассвет. Мусаси ускорил шаг. Прямо под ним на склоне из-за ветвей деревьев показалась крыша храма. «Осталось немного», — подумал Мусаси. Он взглянул на небо. Скоро его душа вознесется туда и поплывет вместе с облаками. Для земли и небес смерть одного человека — не важнее смерти бабочки, но в мире людей она способна перевернуть течение жизни к добру или ко злу. Сейчас для Мусаси превыше всего на свете была возвышенная смерть.

Журчание ручья отвлекло Мусаси от раздумий. Из-под высокой скалы бил ключ. Мусаси зачерпнул полную пригоршню воды. Он насладился ее холодной свежестью. Мусаси знал, что спокоен и собран, что мужество не покинуло его. Он присел на камень, и ему почудились чьи-то голоса. Оцу? Дзётаро? Мусаси понимал, что Оцу не могла быть поблизости. Она никогда бездумно не кинулась бы следом в такой час. Оцу знала, как он отнесся бы к ее поступку. Мусаси все же казалось, что

кто-то зовет его. Он встревоженно оглядывался по сторонам. Неужели чудятся голоса?

Мешкать было нельзя. Опоздание означало бы нарушение слова самурая. Более того, опоздание поставило бы его в невыгодную позицию. Мусаси понимал, что для воина-одиночки, атакующего превосходящего противника, нет поры лучше, чем предрассветные полчаса, когда луна уже зашла, но утренняя заря еще не разгорелась.

«Легче одолеть внешнего врага, чем неприятеля внутри себя», — вспомнил он старинную пословицу. Он поклялся изгнать Оцу из своих мыслей, даже сказал ей об этом, когда она цеплялась за его рукав, но ее голос не умолкал в его душе.

Мусаси тихо выругался. «Расчувствовался, как женщина. Отправляясь на достойное мужчины дело, неприлично предаваться мечтам о любви», — подумал он.

Мусаси шел все быстрее и наконец побежал. Вдруг внизу мелькнула белая полоска дороги, петляющая среди рисовых полей и бамбуковых рощ. Один из путей вел в Итидзёдзи. До места, где сходились три дороги, оставалось метров четыреста. Из молочно-белого тумана проступали контуры раскидистой сосны.

Мусаси, припав на колени, застыл. Каждое дере-

во могло обернуться врагом. Гибко, как ящерица, он соскользнул с тропинки и вскоре очутился вверху, как раз над сосной. С вершины гор дул холодный ветер, гнавший клочья тумана. Ветви могучей сосны тревожно раскачивались, словно предупреждая о грядущей беде.

Мусаси различил десять неподвижных фигур, застывших вплотную к стволу с копьями на изготовку. Мусаси ощущал присутствие других, укрывшихся на склонах гор, хотя и не видел их. Холодок пробежал у него по телу, но дыхание оставалось глубоким и ровным. Весь он до кончиков пальцев был настроен на бой. Осторожно переступая по земле, он осязал ее подошвой так чутко, словно касался ее рукой.

Взгляд Мусаси наткнулся на скрытые деревьями каменные развалины, которые, вероятно, остались от старой крепости. Мусаси невольно поднялся к стене. Он обнаружил каменные ворота тории, обращенные к раскидистой сосне. В глубине находилось святилище, скрытое вечнозелеными деревьями. Не зная, какому богу посвящен храм, Мусаси стремительно прошел сквозь ряды деревьев и склонился перед храмовыми воротами. От присутствия божества сердце его взволнованно забилось, тем более что смерть

была совсем рядом. Внутри храма было темно, и только священный светильник раскачивался на ветру, то угасая, то ярко вспыхивая. На дощечке у входа было написано: «Храм Хатидай».

Мусаси с радостью подумал, что обрел мощного союзника. Бог войны будет у него за спиной, когда Мусаси обрушится с гор на врага. Боги всегда поддерживают тех, на чьей стороне правда. Мусаси вспомнил, что и Ода Нобунага перед битвой при Окэхадзаме остановился на молебен в храме Ацута. Неожиданная встреча с храмом сулила удачу.

В воротах храма была небольшая каменная чаша для совершения омовений. Мусаси прополоскал рот, окропил рукоятку меча и ремни сандалий. Очистившись, он подобрал рукава кожаной тесьмой и обвязал голову хлопчатобумажной повязкой. Играя мускулами, он подошел ко входу в храм и протянул руку к веревке гонга. По освященной веками традиции он хотел ударить в гонг и вознести молитву божеству.

Мусаси резко отдернул руку. «Что я делаю?» — с ужасом подумал он. Веревка гонга, сплетенная из белых и красных шнуров, манила к себе, приглашая ударить в гонг и вознести молитву. «Чего же мне просить? — спросил себя Мусаси. — Какая помощь от богов мне нужна? Я ведь растворился во

вселенной? Разве не я убеждал себя, что в любую минуту готов к смерти. Не я ли тренировался, чтобы встретить смерть хладнокровно и уверенно?»

Мусаси был потрясен. Забыв о годах тренировки и самодисциплины, он едва не обратился за помощью к сверхъестественным силам. С ним происходило что-то неладное. В глубине души он знал, что самый надежный союзник самурая — смерть. Еще ночью он чувствовал, что смирился с судьбой. Сейчас, чуть не отрекшись от всего, чему научился, он был готов просить помощи у божества. Мусаси, окаменев, стоял как изваяние с опущенной от стыда головой.

«Какой я глупец! Думал, что достиг совершенства и самоотречения, но что-то во мне цепляется за жизнь. Смутные мечты уносят меня к Оцу и сестре. Призрачные надежды вынуждают хвататься за соломинку. Дьявольское наваждение морочит меня, искушая просить богов о помощи».

Мусаси испытывал отвращение к себе, потому что не сумел постичь Путь. Слезы, которые он сдерживал во время встречи с Оцу, хлынули из глаз.

«Я все сделал бессознательно, даже не думая о желании помолиться. Тем хуже, если я действую

сознательно».

Мусаси ощущал себя глупым, нерешительным, подверженным сомнениям. Есть ли у него способность для того, чтобы стать воином? Если бы он достиг высшей степени отрешенности, он не только не молился бы, но даже и не подумал о молитве. В роковой момент, за несколько минут до битвы, он обнаружил в своем сердце семена поражения. Он не мог теперь воспринимать надвигающуюся смерть как вершину жизни самурая.

Еще мгновение, и Мусаси почувствовал благоговение. Он увидел великодушие и всесилие божества. Бой не начался, суровое испытание еще впереди. Небеса ниспослали ему знак. Мусаси открылась его слабость, и он преодолел ее. Сомнения исчезли — божество привело его сюда, чтобы преподать урок.

Мусаси искренне почитал богов, но считал, что молить их о помощи — значит противоречить Пути Воина. Путь вел к совершенной истине, превосходящей богов и будд. Мусаси отступил на шаг, сложил ладони и поблагодарил богов за поддержку. Быстро поклонившись, он стал спускаться по тропе, проложенной в склоне потоками дождевой воды. Из-под ног с шумом

посыпались комья земли и гальки. Показалась раскидистая сосна, и Мусаси, прыгнув в сторону, замер в кустах. Трава и листья были в росе, и Мусаси промок до нитки. До сосны оставалось не более пятидесяти шагов. Мусаси заметил в ветвях человека с мушкетом. Гнев охватил Мусаси. «Трусы! — чуть не вслух произнес он. — Сколько приготовлений против одного!» Он почувствовал жалость к противнику, падшему так низко. Он, конечно, ожидал коварства и внутренне был готов к неожиданностям. Противник считал, что Мусаси будет не один, поэтому запасся дальнобойным оружием. Обязательно должны быть лучники. Если люди Ёсиоки выбрали короткие луки, то лучники должны находиться в укрытии за скалами или ниже по склону.

У Мусаси было преимущество — человек с мушкетом и люди под деревом стояли к нему спиной. Согнувшись так, что рукоятка меча оказалась выше головы, Мусаси подкрадывался к врагу. Последние двадцать шагов он, казалось, преодолел в один прыжок.

— Он здесь! — закричал мушкетер, оглянувшись.

Мусаси сделал еще несколько шагов, зная, что человеку на дереве надо время, чтобы прице-

литься.

— Где? — закричали из-под сосны.

— Позади вас! — ответил мушкетер с дерева и навел дуло на голову Мусаси. Искры от зажженного фитиля сыпались вниз. Рука Мусаси прочертила дугу, и камень с неимоверной силой ударил по фитилю. Не удержавшись, человек с воплем свалился с сосны, ломая сучья.

Никто не предполагал, что Мусаси ударит в самое сердце обороны. Все переполошились. Десять самураев под деревом, разворачиваясь, цеплялись друг за друга оружием, сталкивались и бессмысленно кричали. Кто-то призывал не упустить Мусаси.

Наконец они выстроились дугой лицом к Мусаси, который бросил им формальный вызов:

— Я, Миямото Мусаси, сын Симмэна Мунисая из провинции Мимасака, явился в соответствии с соглашением, заключенным позавчера в Янаги-мати. Ты здесь, Гэндзиро? Прошу тебя быть внимательнее. Насколько я понял, вместо тебя сразятся несколько десятков людей, поскольку ты еще ребенок. Я, Мусаси, пришел сюда один. Твои люди могут нападать поодиночке или группой, мне безразлично. К бою!

Это была еще одна неожиданность: никто не

ожидал, что Мусаси бросит формальный вызов. Если кто-то и хотел ответить, как предписывают правила, то он не мог это сделать из-за полной растерянности.

— Мусаси, ты опоздал! — раздался хриплый выкрик.

Люди Ёсиоки воспряли духом, услышав, что Мусаси один, но Гэндзаэмон и Дзюродзаэмон заподозрили обман и принялись оглядываться по сторонам в поисках помощников Мусаси.

Звон тетивы и молниеносный блеск меча Мусаси почти совпали. Пущенная ему в лицо стрела упала разрубленной надвое. Мусаси уже не было там, где он только что стоял. Как неистовый зверь, он бросился к замершей под сосной тени. Грива волос развевалась на ветру. Гэндзиро вдавился в сосну, моля о помощи. Гэндзаэмон с отчаянным криком бросился наперерез, чтобы принять на себя удар, но было поздно. Окровавленная голова Гэндзиро упала вместе с длинной лентой сосновой коры, срезанной мечом.

Удар был демонический. Мусаси поразил мальчика, презрев остальных. Стало ясно, что он заготовил этот план заранее. Нападение устрашало звериной жестокостью. Смерть Гэндзиро не ослабила боевую мощь людей Ёсиоки. Растерян-

ность сменилась исступлением.

— Зверь! — крикнул Гэндзаэмон с искаженным от горя лицом.

Мусаси ударил снизу вверх, разрубив локоть и лицо Гэндзаэмона. Раздался еще один вопль, и человек, метивший копье в спину Мусаси, проковылял несколько шагов и бездыханно рухнул на старика. Третий самурай, нападавший спереди, развалился надвое, разрубленный от плеча до пояса. Ноги пронесли рассеченное тело шага на два. Уцелевшие под сосной люди отчаянно звали на помощь, но крики потонули в вое ветра и шуме ветвей. Их соратники находились далеко, к тому же не могли ничего видеть, поскольку их задачей было наблюдение за дорогой, а не разглядывание сосны.

Раскидистая сосна росла здесь не одну сотню лет. Она видела отступающие из Киото в Оми войска Тайры в войне двенадцатого века. Она не раз видела, как воинствующие монахи-воины спускались с горы Хиэй в столицу, чтобы повлиять на императорский двор. Сосна осыпала холодной росой мертвые тела, простертые у ее подножия, словно благодаря за свежую кровь, напоившую ее корни, а может, содрогаясь от ужаса перед резней. Шумели окутанные туманом ветви,

звенел бамбук, о чем-то шептала под порывами ветра трава.

Мусаси встал спиной к стволу сосны, который не обхватили бы и два человека. Сосна прекрасно прикрывала его с тыла, но задерживаться здесь было опасно. Глаза Мусаси измеряли расстояние от кончика меча до противника и одновременно исследовали местность в поисках подходящей позиции.

— К сосне! Бой там! — раздался крик со стороны скалы, на которой устроился Сасаки Кодзиро для наблюдения за кровавым спектаклем. Громовой раскат мушкета дал сигнал к атаке. Мусаси вовремя сдвинулся в сторону, и пуля впилась в ствол в трех сантиметрах от его головы. Семь самураев, полукругом обложивших его, одновременно с Мусаси сдвинулись на полметра.

Тем временем из укрытий выскочили вооруженные люди и со всех ног понеслись к сосне.

Неожиданно Мусаси, держа меч на уровне глаз, сделал выпад в сторону самурая на крайнем левом фланге. Кобояси Курандо, один из «Десяти меченосцев Ёсиоки», был застигнут врасплох. Взревев, Курандо развернулся на одной ноге, но опоздал — меч Мусаси полоснул его по боку. Мусаси вырвался из кольца. Оставшаяся шестерка

бросилась вслед за ним.

— Держи его!

Воспользовавшись смятением среди самураев, Мусаси резко обернулся и нанес горизонтальный удар по ближайшему из преследователей, Миикэ Дзюродзаэмону. Опытный боец, Миикэ успел вовремя отпрянуть. Меч едва коснулся его груди.

Мусаси своеобразно владел мечом. Если меч в руках человека, владеющего обычной техникой фехтования, проходил мимо цели, то мощь удара пропадала даром. Для повторного удара надо было вновь привести клинок в исходную позицию. Традиционный способ казался Мусаси пустой тратой времени. Нанося горизонтальный удар, он немедленно повторял его на возврате меча. За ударом слева направо следовал удар справа налево. Молниеносное сверкание меча напоминало по форме две сосновые иголки, соединенные вместе с одного конца. Обратный удар, неожиданный для Дзюродзаэмона, превратил его лицо в кровавое месиво.

У Мусаси никогда не было учителя, что порой ставило его в невыгодное положение в бою с противниками, прошедшими школу фехтования, однако отсутствие выучки чаще шло ему на пользу. Преимущество Мусаси состояло в том, что его

не сковывали каноны какого-либо стиля. Строго говоря, его техника не имела четкого рисунка, не следовала правилам и не таила секретных приемов. Его стиль невозможно было определить — Мусаси руководствовался воображением и потребностью момента. Дзюродзаэмон не ожидал выпада Мусаси, как не ожидал бы и любой фехтовальщик, прошедший выучку в одной из школ Киото.

Нанеся смертельный удар Дзюродзаэмону, Мусаси мог бы уложить еще нескольких растерявшихся преследователей, но он вдруг побежал к развилке дороги. Люди Ёсиоки расценили это как бегство с поля боя, но в этот миг Мусаси атаковал их. Пока они выстраивались в оборонительный порядок, Мусаси уже бежал дальше.

— Мусаси!

— Трус!

— Сражайся как мужчина!

— Мы тебя еще не прикончили!

Ругательства сотрясали воздух, глаза самураев едва не выскакивали из орбит. Люди опьянели от крови, будто выпили по ведру саке. Смелый человек трезвеет от вида крови, а у труса голова идет кругом. Преследователи походили на вампиров, восставших из моря крови.

Преследуемый криками, Мусаси, добежав до развилки, свернул на узкую тропу, ведущую в Сюгакуин. Впереди маячили силуэты самураев, поставленных в засаду. Мусаси пробежал еще шагов сорок. С обычной точки зрения он попал в западню, но Мусаси исчез, изумив противника.

— Мусаси, где ты?

— Он пробежал здесь, сам видел!

— Ему некуда деться!

— Его нет!

— Я здесь! — загремел голос Мусаси.

В тот же миг Мусаси выскочил из-за скалы, оказавшись у противников за спиной. Ошеломленные маневром, люди Ёсиоки развернулись и бросились к Мусаси, но на узкой тропе численное преимущество только мешало им. Мечу нужно пространство для размаха, поэтому на тропе в один ряд не умещались и два человека. Бежавший впереди остановился и попятился назад, натыкаясь на следовавших за ним самураев. Вся группа беспомощно суетилась на месте, но толпа легко не отдает добычу. Каждый боялся мощи и ярости Мусаси, но вера в общую силу взяла верх. Подбадривая себя криками, самураи двинулись вперед. Они не сомневались, что одолеют одинокого фехтовальщика.

Мусаси походил на пловца в гигантских волнах. Он наносил удар, затем отступал, сосредоточившись на обороне. Он даже пощадил одного из преследователей, который, оступившись, оказался на расстоянии удара меча. Мусаси считал, что потеря одного человека не ослабила бы противника, кроме того, он потерял бы долю секунды, открывшись для вражеских копий. Радиус действия меча можно рассчитать точно, но расстояние, на котором поражает копье, непредсказуемо.

Преследователи наступали, Мусаси медленно отходил. Лицо его побледнело до синевы. Удивительно, но дыхание у него было ровным. Люди Ёсиоки надеялись, что в конце концов он споткнется о корень дерева или наткнется на скалу. Никто, однако, не рисковал приблизиться к человеку, который сражается за жизнь. Ни мечи, ни копья противников не достигали цели.

В шум боя вплетались другие звуки — просыпались окрестные деревни, заржали вьючные лошади, по каменистой дороге застучали деревянные сандалии монахов, спускавшихся с горы Хиэй. Скоро на дороге образовалась большая толпа зрителей из монахов, дровосеков и крестьян, которая выкриками подбадривала сражавшихся

самураев. Вторая группа зевак собралась у храма, где Мусаси готовился к бою.

Ветер утих, густой туман ватным одеялом укрыл землю. Туман внезапно рассеялся, открыв картину боя.

Сражение, казалось, идет бесконечно долго, но на деле прошло несколько минут. Мусаси был неузнаваем. Повязка на голове набухла от пота и крови, волосы спутались в кровавую гриву. Он походил на исчадие ада. Мусаси жадно хватал воздух, грудь, мощная, как щит, тяжело вздымалась. В прорехе левой штанины зияла рана. Сухожилия в рассеченной ноге белели, как зерна в треснувшем гранате. Рана на плече сочилась кровью, струившейся на короткий меч, заткнутый за пояс. Рана была легкой, но она окрасила кимоно в малиновый цвет. Многие зрители отворачивались от кровавого зрелища. Убитые и раненые, которыми Мусаси усеял поле боя, являли леденящую кровь картину.

Мусаси отступал вверх по склону, вдоль тропинки. Когда он достиг ровной площадки, преследователи решили, что настал момент решительной атаки. Попытка нападения стоила им пяти бойцов. В течение мгновений пять самураев распрощались с жизнью, подтвердив

сверхъестественную способность Мусаси стремительно менять позицию. Он, казалось, находился в нескольких местах одновременно.

В маневрах Мусаси просматривались четкие правила. Он атаковал не с фронта, а только с фланга. Когда на него надвигалась шеренга самураев, он молниеносно перемещался на фланг, где ему противостояли один-два противника. Таким образом, он держал ситуацию под контролем. Мусаси должен был рано или поздно устать, а его противники изыскать путь для сопротивления его тактике, для чего им необходимо было разделиться на две части, атакующие с фронта и тыла. И Мусаси придет конец. Мусаси делал все, чтобы не оказаться в клещах противника.

Пришел момент, когда Мусаси вытащил короткий меч и стал сражаться двумя клинками. Длинный меч в правой руке был в крови по самую рукоятку, короткий меч в левой сверкал нетронутой чистотой. Короткий меч не раз достал врага, но по-прежнему блестел и жаждал крови. Мусаси и сам не осознавал, когда и почему вытащил второй меч, но работал левой рукой уверенно и точно, как и правой.

Если Мусаси не наносил удар левой рукой, то держал короткий меч, нацелившись в глаз про-

тивника. Длинный меч в этот момент описывал размашистую горизонтальную дугу вне поля зрения соперника. Противник, делая движение вправо, натыкался на длинный меч, если он передвигался влево, то Мусаси, меняя положение левой руки, загонял его в ловушку между двумя мечами. Когда противник пытался наступать, то Мусаси останавливал его коротким мечом и наносил удар длинным прежде, чем неприятель успевал увернуться. Впоследствии эта тактика получила название «Техника двух мечей против превосходящего противника», но сейчас Мусаси применял ее по наитию.

По общепринятым представлениям техника Мусаси была посредственной. Школы, стили, теории, традиции для него не существовали. Его манера фехтования исходила из конкретных обстоятельств. Он знал лишь то, чему научился у жизни. Он не применял теорию на практике. Мусаси сначала сражался, а потом делал выводы.

В головы учеников Ёсиоки, начиная с «Десяти меченосцев» и кончая новичками, была вдолблена теория стиля Кёхати. Некоторые разрабатывали свои варианты, но только в рамках этой теории. Все ученики обладали хорошей тренировкой и дисциплинированностью, но им

не было дано разгадать Мусаси, который жил аскетической жизнью в горах, подвергая себя двойной опасности как по воле природы, так и со стороны людей. Воины Ёсиоки не могли понять, как Мусаси разделывается с каждым, кто попадался ему под мечи. Он неровно дышал, лицо покрыла мертвенная бледность, пот ручьями струился со лба, застилая взгляд. Мусаси сражался, как бог гнева и огня. Люди Ёсиоки совсем выбились из сил, а их попытки прикончить этого демона приобретали все более отчаянный характер. Возбуждение возрастало.

— Беги! — кричала толпа наблюдателей тысячью голосов.

— Одинокий боец, беги!

— Беги, пока возможно спастись!

Крики словно неслись с неба, деревьев и гор. Зрители видели, как силы Ёсиоки теснее смыкаются вокруг Мусаси. Всех охватил порыв помочь Мусаси, пусть даже криками, но их призывы были тщетными. Мусаси не заметил бы, если бы даже раскололась земля, а с неба грянули огненные стрелы. Гром криков нарастал, казалось, что от них содрогнулись тридцать шесть вершин. В нем смешались вопли толпы и возгласы самураев Ёсиоки.

Мусаси, как быстроногое животное, ринулся вдоль по склону горы. Человек шесть следовали за ним по пятам. Со зловещим кличем Мусаси резко обернулся и прочертил дугу мечом на уровне колена, заставив самураев остановиться. Один из них успел замахнуться копьем, но мощный удар выбил оружие из его рук. Самураи отпрянули. Мусаси попеременно вращал то левым, то правым мечом, вынуждая противников спотыкаться, уклоняться от ударов, отбегать назад. Мусаси был неуловим, как огонь и вода.

Мусаси снова побежал. Теперь он выскочил на ячменное поле.

— Стой!

— Вернись и сражайся!

Два отчаянных самурая выскочили на поле следом за Мусаси. Два копья, прочертив дугу, вонзились в землю в середине поля. Вопль в два голоса, и оба преследователя забились в предсмертных судорогах. Мусаси был уже на другом конце поля. Издали он походил на огромный ком грязи. Он уже опередил врагов метров на сто и стремительно отрывался от них.

— К деревне бежит!

— К большой дороге!

На самом деле Мусаси скрылся из виду на краю

поля и незаметно пробрался в рощицу, росшую на склоне. Оттуда он видел, как неприятели, разбившись на несколько групп, бросились в разные стороны в погоню.

Было обыкновенное солнечное утро.

Приношение мертвым

Ода Нобунага, прогневанный политическими интригами монахов, напал на храмы на горе Хиэй и в одну ночь сжег три тысячи буддийских и синтоистских храмов. С тех пор минуло сорок лет, главный храм и несколько поменьше были восстановлены, но память о страшной ночи витала над горой. Могущественный центр утратил былую власть в миру, и монахи вернулись к молитвам и отправлению обрядов.

На южной вершине, откуда открывался великолепный вид на храмы и Киото, приютился маленький храм Мудодзи. Тишину здесь нарушали лишь щебет птиц да журчание ручья. Из глубины храма доносился мужской голос, читавший из Сутры Лотоса молитву Каннон. Голос вдруг повышался, но потом, словно спохватываясь, монах переходил на монотонную скороговорку.

По коридору с черным полом шел молодой служка в белом. Он нес поднос с постной едой, принятой в храме. Войдя в комнату, откуда доносился голос, он поставил поднос в угол, опустился на колени и вежливо поклонился. Поглощенный

чтением человек не обратил на него внимания.

— Почтеннейший, — чуть громче обратился к нему служка, — я принес обед. Я поставил поднос в углу.

— Спасибо! — наконец отозвался Мусаси, отрываясь от чтения. — Большое спасибо. — Мусаси вежливо поклонился.

— Сейчас пообедаете?

— Да.

— Тогда я положу вам рис.

Мусаси принял чашку и стал есть. Служка уставился на кусок дерева и маленький острый нож, лежавшие рядом с Мусаси. Вокруг была разбросана ароматная стружка белого сандалового дерева.

— Режете по дереву?

— Да, священное изображение.

— Будда Амида?

— Нет, Каннон. К сожалению, я ничего не смыслю в скульптуре. Больше руки режу, чем дерево.

Мусаси посмотрел на пальцы с глубокими порезами, но мальчика, похоже, больше интересовала повязка на предплечье.

— Как ваши раны?

— Спасибо, ваше лечение пошло на пользу, раны почти зажили. Передай настоятелю мою

глубокую благодарность.

— Если вы хотите вырезать изображение Каннон, вам следует посетить главный храм, в котором есть статуя Каннон работы очень известного мастера. Хотите, я вас провожу! Это недалеко, всего с полкилометра.

Мусаси заинтересовался предложением. Он быстро поел, и они пошли. Мусаси девять дней не выходил на воздух, с тех пор как залитый кровью добрался сюда, опираясь на меч, как на посох. Сейчас, выйдя из комнаты, он обнаружил, что раны не зажили так хорошо, как ему казалось. Левое колено саднило, а прохладный ветерок отдавался болью в ране на руке. На улице было приятно. В воздухе кружились лепестки сакуры, небо сияло лазурью. Мускулы Мусаси налились как весенние почки, готовые лопнуть.

— Вы изучаете боевое искусство?

— Да.

— А почему вырезаете изображение Каннон?

Мусаси медлил с ответом.

— Не полезнее ли использовать свободное время для тренировок?

Вопросы причиняли Мусаси больше страданий, чем его раны. Мальчик был ровесником Гэндзиро, такого же роста.

Сколько людей погибло в тот страшный день? Мусаси мог только гадать. Он смутно помнил, как сумел выйти из боя и скрыться. Одно видение стояло перед глазами: искаженное ужасом лицо Гэндзиро и маленькое разрубленное тело. Крик мальчика звучал в его ушах. В эти дни Мусаси не раз возвращался к записи в тетради, гласившей, что он не совершит ничего, в чем потом придется раскаиваться. Если притвориться, что содеянное им соответствует добродетелям Пути Меча, то его ждет мрачное, холодное и бесчеловечное будущее.

В тишине храма мозг Мусаси обрел ясность. Кровавые картины боя поблекли, но Мусаси все острее чувствовал печаль по зарубленному мальчику. В ответ на вопрос служки он сказал:

— Великие святые Кобо Дайси и Гэнсин создали множество статуй Будды и бодхисаттв. Полагаю, и в здешних храмах немало статуй, сделанных монахами?

— Точно не знаю, но монахи занимаются скульптурой и рисованием, — неуверенно отозвался служка.

— Дело в том, что монахи, создавая статую Будды или изображая его на бумаге, приближаются к нему. Подобным же образом может очиститься

воин. Все мы видим одну и ту же луну, но самую близкую к луне вершину достигаем различными путями. Порой мы сбиваемся с дороги, отвлекаясь на пустяки, но главная цель человека — найти смысл жизни.

Мусаси сделал паузу, и мальчик побежал вперед, указав на камень, полускрытый травой.

— Смотрите! Эту надпись сделал Дзитин, знаменитый монах, — сказал он, указывая на камень, поросший травой.

Мусаси прочитал замшелые иероглифы:

Воды Закона
Мелеют день за днем.
И близок день, когда
Над голыми вершинами Хиэй
Задует студеный ветер.

Пророческая сила слов потрясла Мусаси. После жестокой расправы, учиненной Нобунагой, холодные ветры действительно задули над горой Хиэй. Говорили, что священнослужители мечтают о возврате старых времен, сильной армии, политическом влиянии духовенства и его привилегиях. Устремления эти сказывались на выборах настоятелей, сопровождавшихся закулисными интригами и шумными скандалами. Священная

гора служила спасению грешных душ, но ее существование зависело от пожертвований этих самых душ. «Щекотливое положение», — подумал Мусаси, размышляя над двойственной ролью монастырей и храмов Хиэй.

— Пойдемте! — нетерпеливо позвал мальчик.

В этот момент они увидели бегущего к ним монаха из храма Мудодзи.

— Сэйнэн, ты куда ведешь гостя? — закричал монах.

— В главный храм. Гость хочет посмотреть статую Каннон.

— Как-нибудь в другой раз.

— Извините, что я увел мальчика с собой, просто не знал, что он нужен для работы, — сказал Мусаси. — Пусть возвращается. Я сам могу дойти до храма.

— Я вас ищу! Прошу следовать за мной.

— Меня?

— Извините за беспокойство, но…

— Меня кто-то спрашивает? — поинтересовался Мусаси, не выразив удивления.

— Да. Я сказал, что вас нет, но они мне ответили, что только что видели вас вместе с Сэйнэном. Просили срочно найти вас.

По словам монаха, о Мусаси спрашивали люди

из соседнего храма Санноин.

Их было десять человек, в черном облачении и с коричневыми повязками на лбу. С первого взгляда было ясно, что это монахи-воины, каких немало жило на горе Хиэй в старые времена. Искушенные воины в монашьих одеждах, которым подрезали крылья, но они, видимо, заново обустроили свое гнездо. Не все усвоили урок Нобунаги. Стали появляться бравые молодцы с длинными мечами, которые, называя себя учениками Закона Будды, на самом деле были более или менее образованными разбойниками.

— Явился! — произнес один из них.

— Вот он каков! — презрительно откликнулся другой.

Посетители уставились на Мусаси с нескрываемой враждебностью. Приземистый монах с копьем обратился к сопровождавшему Мусаси послушнику:

— Иди в храм! Ты больше не нужен. Ты Миямото Мусаси? — отрывисто спросил он Мусаси.

Тон был далек от учтивости. Мусаси коротко ответил, не раскланиваясь перед незваными гостями.

Из-за спины приземистого монаха показался другой и заговорил словно по написанному:

— Довожу до твоего сведения решение совета храма Эарякудзи, которое предписывает следующее:

Гора Хиэй — священное и чистое место, в котором недопустимо присутствие людей, сеющих вражду и беспорядок. Недопустимо предоставлять убежище тем, кто запятнал себя бесчестными кровавыми поступками. Храму Мудодзи предписывается немедленно изгнать Миямото Мусаси с горы. Если он не повинуется, то будет строго наказан в соответствии с уставом храма.

— Я поступлю так, как предписывает храм, — спокойно ответил Мусаси. — Сейчас уже за полдень, а я не готов в путь. Прошу разрешить мне остаться здесь еще на одну ночь, чтобы приготовиться. Можно ли узнать, предписание исходит от городских или храмовых властей? Настоятель Мудодзи известил власти о моем пребывании, возражений не последовало. Не понимаю, почему произошла столь резкая перемена.

— Говоря по правде, мы сначала хотели принять тебя у нас, потому что ты сражался один против многих, — ответил первый монах. — Позже мы получили сведения, которые изменили наши планы. Мы решили, что больше нельзя оставлять тебя здесь.

«Плохие сведения?» — горестно подумал Мусаси. Он, впрочем, этого ожидал. Легко было представить дальнейшие действия учеников школы Ёсиоки. Они, конечно, должны расстараться, распуская гнусные небылицы о нем. Мусаси не счел нужным возражать монахам.

— Хорошо, — холодно ответил он. — Завтра утром я покину вашу обитель.

Мусаси повернулся, чтобы войти в храм, и на него посыпались оскорбления:

— Поглядите на него! Гнусный подонок!

— Чудовище!

— Нелюдь! А с первого взгляда тихоней кажется.

— Что вы сказали? — спросил Мусаси, резко обернувшись.

— Что слышал!

— Хорошо. Теперь послушайте меня. Я подчинюсь решению монашеской братии, но не потерплю оскорблений со стороны таких, как вы. Вам нужен скандал?

— Мы служители Будды, а не драчуны, — последовал ханжеский ответ. — Я просто открыл рот, а из него вылетело слово.

— Глас небесный, — добавил другой монах.

Они вмиг окружили Мусаси, дразня, обзывая,

осыпая плевками. Мусаси не знал, насколько хватит ему терпения выносить издевательства. Монахи-воины лишились былой власти, но эта кучка их наследников держалась нагло.

— Какая досада, — заговорил один из монахов, — надеялся встретить достойного самурая, как рассказывали деревенские жители, а передо мной безмозглая скотина! Все сносит! Не может даже постоять за себя.

Мусаси молчал, монахи совсем распоясались. Мусаси покраснел.

— Один из вас сказал, что его устами говорит небо? — спросил он.

— Да. И что дальше?

— Вы намекали, что меня осуждает небо?

— Ты слышал наше решение. Не дошло еще?

— Нет.

— И не поймешь. Немудрено, если на плечах дурная голова. Убогих, как ты, надо жалеть. Будем надеяться, что в следующем рождении будешь пособразительнее.

Не дождавшись ответа Мусаси, монах продолжал:

— Поостерегись, когда уберешься отсюда. У тебя худая слава.

— Мне безразличны сплетни.

— Надо же! Он все еще считает себя правым.

— Я вел себя честно. Я не был ни трусом, ни подлецом, когда дрался с людьми Ёсиоки.

— И у тебя хватает наглости говорить такое?

— Я вас предупреждал, — начал терять терпение Мусаси. — Мелите что вздумается, но я не позволю унижать мой меч.

— В таком случае ответь на такой вопрос. Мы знаем, что ты храбро сражался против многочисленного противника. Ты обладаешь звериной силой, ею можно восхищаться. Похвально, что ты выдержал неравный бой. Зачем ты убил мальчика, которому всего тринадцать лет? Почему ты настолько бесчеловечен, что лишил жизни ребенка?

Мусаси побледнел, его охватила слабость. Монах продолжал:

— Сэйдзюро ушел в монахи, после того как потерял руку. Дэнситиро ты уложил на месте. Остался единственный продолжатель рода — Гэндзиро. Убив его, ты положил конец дому Ёсиоки. Жестокое, гнусное убийство, пусть оно и целиком соответствует Пути Воина. Мало назвать тебя демоном, чудовищем. И ты считаешь себя человеком? Хочешь быть в самурайском сословии? Полагаешь, что имеешь право на жизнь в нашей

великой стране цветущей сакуры? Нет! У тебя нет этого права, поэтому монашеская братия изгоняет тебя. Убийство ребенка непростительно, чем бы ты ни оправдывался. Настоящий самурай не способен на такое зверское преступление. Чем сильнее самурай, тем бережнее он обращается со слабыми. Самурай ценит сострадание и являет собой пример в сострадании к слабым. Теперь ступай отсюда, Миямото Мусаси! Поторопись! Гора Хиэй отвергает тебя!

Монахи ушли.

Мусаси вынес оскорбления молча, но не потому, что ему нечего было возразить. «Что бы они ни говорили, я прав, — подумал он. — Я делал то, что требовали мои убеждения, а они справедливы и чисты».

Мусаси искренне верил в ценность своих убеждений и необходимость их неуклонного им соблюдения. Ёсиока выставили Гэндзиро как символ рода, вынудив Мусаси убить его. Гэндзиро был главой семьи. Школа Ёсиоки считалась бы непобежденной до тех пор, пока существует ее глава. Мусаси мог уложить двадцать, тридцать человек, но люди Ёсиоки претендовали бы на победу, поскольку оставался в живых их предводитель. Убив мальчика, Мусаси обеспечил себе

победу, если бы даже сам погиб в поединке. Такой образ мыслей соответствовал Законам Меча. Эти законы были незыблемы для Мусаси.

Мысль о Гэндзиро, однако, мучила его, причиняя боль и страдание. Он совершил жестокость, от которой ему было не по себе. «Не пора ли выбросить меч и зажить обыкновенной жизнью?» — не раз спрашивал он себя.

Вечернее небо над священной горой было спокойным и ясным. В воздухе, как снег, кружились опадающие цветы сакуры. Голые ветви выглядели сиротливо. В этот момент Мусаси был беззащитным, терзаемый сомнениями. «Отказавшись от меча, я смогу жить с Оцу», — думал он. Вспоминая суетность Киото, жизнь, которую ведут Коэцу и Сёю, Мусаси говорил себе: «Нет, это не для меня».

Мусаси вошел в храмовый двор и направился в свою комнату. Сев поближе к светильнику, он принялся за незаконченную фигурку. Ему непременно хотелось оставить в храме вырезанное собственными руками изображение Каннон, пусть далекое от совершенства, чтобы успокоить дух убитого Гэндзиро.

Светильник зачадил, Мусаси поправил фитиль. Кругом стояла тишина, было слышно, как на та-

тами падают кусочки дерева из-под ножа Мусаси. Мусаси с головой ушел в работу, внимание его сосредоточилось на кончике ножа. За годы тренировок у него выработалась привычка целиком отдаваться намеченному делу.

Голоса, читающие сутру, то затихали, то нарастали. Мусаси отрывался от работы только для того, чтобы поправить фитиль лампы. Он походил на старинных мастеров, которые трижды кланялись Будде, прежде чем прикоснуться к инструменту. Фигурка Каннон будет его молитвой за благополучие Гэндзиро в следующем рождении и робкой мольбой о снисхождении небес к собственной душе.

— Кажется, все, — пробормотал Мусаси. Он немного откинулся назад, чтобы рассмотреть статую. Колокол на восточной пагоде пробил вторую стражу. «Уже десять», — опомнился Мусаси и заторопился к настоятелю, чтобы вручить ему свое произведение. Фигура была грубой, но резчик вложил в нее душу, она была орошена слезами раскаяния за погубленную жизнь мальчика.

Мусаси вышел, и тут же в комнате появился Сэйнэн, чтобы подмести пол. Закончив уборку, мальчик разложил соломенный тюфяк и скрылся в кухне. А незадолго до этого, пока Мусаси был

поглощен работой, чья-то тень проскользнула в Мудодзи и неслышно поднялась на храмовую галерею. Сэйнэн с метлой на плече ушел из комнаты Мусаси, и в тот же миг сёдзи тихо раздвинулись и так же неслышно затворились.

Мусаси вернулся, неся прощальные подарки, тростниковую шляпу и пару соломенных сандалий. Он сложил все у изголовья, затушил светильник и растянулся на циновке. Сёдзи были приоткрыты, и ветерок приятно холодил кожу. В лунном свете бумага на рамах сёдзи светилась серовато-серебристым оттенком. Тени деревьев на сёдзи слегка колебались, как волны на сонном море.

Мусаси задремал, слегка похрапывая. Засыпая, он задышал глубоко и ровно. Ширма в углу комнаты шевельнулась и немного подалась вперед. Из-за нее появилась крадущаяся ползком фигура. Храп прервался, человек приник к полу, слившись с ним. Мусаси всхрапнул, и фигура задвигалась, приближаясь все ближе к спящему. Добравшись до постели, человек взвился, подобно столбу дыма, и бросился на Мусаси, крича:

— Теперь-то я тебя проучу!

Короткий меч скользнул по шее Мусаси, но тут же отлетел в сторону, а темная фигура полетела

в другую, с треском выломав сёдзи. С громким воплем неизвестный скатился с галереи, исчезнув в ночи.

Когда Мусаси швырнул незваного гостя, его удивила легкость его тела. Словно он выбросил котенка. Голова человека была обмотана платком, но Мусаси показалось, что он видел клок седых волос. На раздумья времени не было. Выхватив меч, Мусаси выскочил на галерею.

— Стой! — закричал он. — Если ты явился, позволь встретить тебя подобающим образом.

Спрыгнув вниз, Мусаси бросился вслед удаляющимся шагам. Вскоре Мусаси остановился и расхохотался, глядя вслед убегавшим монахам. У его ног лежала стонущая от боли Осуги, которая приземлилась не самым удачным образом.

— Это вы, почтеннейшая? — изумленно воскликнул Мусаси, который ожидал нападения со стороны людей Ёсиоки или воинственных монахов.

Он поднял старуху, придерживая за подмышки.

— Теперь ясно, кто наплел монахам небылиц про меня, — продолжал Мусаси. — Как не поверить каждому слову бесстрашной добродетельной женщины!

— Спина, спина! — стонала Осуги, не отвечая Мусаси. У нее не было сил сопротивляться. — Поздно решать, кто прав, кто виноват, — слабым голосом произнесла старуха. — Дому Хонъидэн не повезло в этой войне. Отсеки мне голову, Мусаси!

Осуги, казалось, говорила искренне, без наигранных чувств. Сделав все возможное, она признала свое поражение. Мусаси все же не верил ей до конца.

— Вы плохо чувствуете себя? — спросил он. — Останьтесь здесь на ночь, в храме вам ничто не грозит.

Мусаси на руках внес старуху в комнату и уложил на свою постель. Всю ночь, не сомкнув глаз, он ухаживал за ней.

На заре Сэйнэн принес коробку с дорожной едой и записку от настоятеля, который с извинениями просил Мусаси немедленно покинуть пределы храма. Мусаси послал мальчика сообщить, что у него на руках больная старая женщина. Настоятель, однако, хотел поскорее избавиться и от Осуги, поэтому предложил следующий план. Проезжий торговец из города Оцу оставил в храме корову, а сам отлучился по делам. На обратном пути торговец собирался забрать корову. Насто-

ятель предложил Мусаси усадить старуху на корову, спустить ее с горы в Оцу и поставить корову на скотный двор в одном из торговых домов.

Мусаси с благодарностью принял предложение настоятеля.

Глоток молока

Дорога, сбегавшая с горы Хиэй, выходила на равнину в провинции Оми, сразу за храмом Миидэра. Мусаси вел корову за веревку.

— Если вы устали, можно передохнуть. Спешить некуда, — обернулся он к старухе.

Они двинулись в путь поздно, потому что Мусаси пришлось долго уламывать Осуги сесть на корову. Сначала старуха наотрез отказалась, но Мусаси убедил ее доводами о том, что женщине непристойно оставаться в обители монашеской непорочности.

Осуги сидела, припав к коровьей шее, и громко стонала. Сочувствие Мусаси вызывало у нее прилив ненависти. Старуху унижала забота, проявляемая ее смертельным врагом.

Мусаси понимал, что смысл жизни Осуги состоял в отмщении ему, но не мог воспринимать ее как настоящего врага. Никто из его противников, несравнимых по силе с Осуги, не докучал так, как эта старуха. Ее коварство едва не стоило ему жизни в деревне, из-за ее козней его подвергли осмеянию в храме Киёмидзу. Она постоянно являлась в самый неподходящий момент и путала

его планы. Случалось, как, например, прошлой ночью, что ему хотелось разрубить ее надвое. Что-то удерживало Мусаси, тем более сейчас, когда старуха выглядела столь жалкой. Ему даже не хватало ее колкостей, и он искренне желал ей скорейшего выздоровления, что сулило бы ему новые неприятности.

— Ехать на корове не очень удобно, — сказал Мусаси. — Потерпите еще немного. Доберемся до Оцу, и я что-нибудь придумаю.

Сверху открывался прекрасный вид. Прямо под ними мирно дремало озеро Бива, и за ним возвышалась гора Ибуки, а за ней виднелись горы Этидзэн. На ближнем берегу озера Мусаси различил каждый из восьми знаменитых видов Карасаки в деревне Сэта.

— Отдохнем, — сказал Мусаси. — Полежите немного на земле, и вам станет легче.

Привязав корову к дереву, он осторожно снял старуху. Осуги попыталась оттолкнуть его. Волосы ее были всклокочены, лицо пылало жаром.

— Пить не хотите? — спросил Мусаси, растирая ей спину. — Надо бы и поесть.

Осуги отрицательно замотала головой.

— С прошлой ночи вы не выпили ни глотка воды, — продолжал Мусаси. — Вы вредите себе.

Я бы достал лекарство, но в округе ничего нет. Почему бы вам не съесть половину моей еды?

— Какая мерзость!

— Мерзость?

— Лучше умереть в диком поле и стать добычей птиц. Никогда не унижусь до того, чтобы коснуться еды заклятого врага!

Осуги стряхнула руки Мусаси со своей спины и ничком упала в траву. Мусаси, гадая, сможет ли старуха преодолеть упрямство, пытался переубедить ее, ласково говорил с нею, словно с матерью.

— Бабуленька, вы же знаете, что умирать рано. Вам надо еще долго жить. Неужели вам не хочется увидеть, как Матахати возьмется за ум?

Старуха оскалила зубы:

— Какое тебе дело до Матахати? Он без тебя обойдется!

— Разумеется. Вам надо поправиться, чтобы помогать ему добрыми советами.

— Лицемер! — взвизгнула старуха. — Не теряй даром времени. Хочешь лестью взять? Всегда буду ненавидеть тебя!

Мусаси понял, что каждое его слово старуха перетолкует на свой лад. Он отошел в сторону к большому камню, достал коробку и начал есть.

Ему приготовили рисовые колобки со сладковатой бобовой пастой, обернутые в дубовые листья. Мусаси оставил половину.

Он услышал голоса. Оглянувшись, он увидел деревенскую женщину, разговаривающую с Осуги. На женщине были хакама, какие носят в Охаре, волосы ниспадали на плечи.

— У меня в доме больная. Ей полегче стало, но она поправится быстрее, если дать ей молока. Можно подоить вашу корову? — настойчивым тоном произнесла женщина.

Осуги вопросительно смотрела на незнакомку.

— В наших краях мало коров, — произнесла старуха. — Из коровы действительно можно надоить молока?

Женщины еще немного поговорили, и крестьянка стала доить корову в кувшин из-под саке. Наполнив кувшин, она поблагодарила Осуги.

— Постой! — позвала та, оглядываясь, чтобы проверить, не смотрит ли Мусаси за ней. — Дай мне немного. Глотков двух хватит.

Женщина удивленно наблюдала, как Осуги, вцепившись в кувшин, жадно припала к горлышку. Струйка молока стекала по дряблой шее.

Оторвавшись от кувшина, Осуги скорчила гримасу, словно ее вот-вот стошнит.

— Какая гадость это молоко! — воскликнула она. — Может, оно пойдет мне на пользу? Вкус противнее, чем у лекарства.

— А вам нездоровится? Вы тоже больны?

— Пустяк! Обыкновенная простуда, знобит немного.

Осуги легко поднялась, будто хворь рукой сняло, и, удостоверившись, что Мусаси не смотрит, произнесла шепотом, придвинувшись к крестьянке.

— Куда ведет эта дорога?

— Почти к Миидэре.

— Это в Оцу? А дорога в обход есть?

— А вам куда надо?

— Все равно. Лишь бы избавиться от этого негодяя.

— Если пройти под гору около километра, то окажетесь на тропинке, ведущей на север. Она выведет к месту между Сакамото и Оцу.

— Увидите мужчину, который меня ищет, ничего не говорите ему про меня.

Воровато озираясь, Осуги заковыляла прочь, как охромевший богомол. Деревенская женщина недоуменно смотрела ей вслед.

Мусаси вышел из-за камня. Он давился от смеха.

— Вы, верно, из этих мест? Ваш муж — крестьянин, дровосек или что-нибудь в этом роде? — спросил он у женщины.

Опасливо поглядывая на него, та ответила:

— Нет-нет, мы держим постоялый двор на перевале.

— Тем лучше. Не окажете ли мне любезность за плату?

— С удовольствием, но я должна вернуться домой, у нас там больная.

— Я мог бы отнести молоко вместо вас и подождать там. Согласны? Если вы сейчас отправитесь по моему делу, то обернетесь до темноты.

— Хорошо, я бы пошла, но…

— Не беспокойтесь! Я не злодей, каким представила меня старая женщина. Я хотел помочь ей. Теперь я не волнуюсь, потому что она в состоянии позаботиться о себе. Я напишу записку, и вы отнесете ее в дом господина Карасумару Мицухиро. Это в северной части Киото.

Достав дорожную тушечницу, Мусаси быстро заскользил кистью по бумаге. Ему не терпелось сообщить Оцу все, что он передумал за эти дни, залечивая раны в храме Мудодзи. Отдав письмо женщине, Мусаси сел на корову и двинулся в сторону постоялого двора, повторяя про себя

написанное, представляя, как Оцу будет читать письмо. «А ведь я думал, что никогда больше не увижу ее, — пробормотал Мусаси, внезапно пробудившись к жизни. — Она была такой слабой, верно, и сейчас в постели, — думал Мусаси. — Получив письмо, она сразу же поднимется и поспешит на встречу со мной. И Дзётаро тоже».

Мусаси не подгонял корову, и она неторопливо брела, пощипывая траву. Письмо Оцу было простым, но Мусаси оно нравилось.

> «На мосту Ханада ждала ты, – писал он. – Теперь жду я. Я жив и здоров. Буду ждать тебя в Оцу, на мосту Кара в деревне Сэта. Нам нужно о многом поговорить».

Мусаси хотелось придать теплоты деловому тону письма. Он повторил его про себя, выделив слова «о многом поговорить», и послание показалось ему выразительным.

Добравшись до постоялого двора, Мусаси слез с коровы и, бережно держа кувшин обеими руками, позвал хозяев. Постоялый двор ничем не отличался от сотни подобных заведений. По фасаду тянулась открытая веранда, где путники могли наскоро перекусить и попить чаю. Внутри находились харчевня и кухня. Комнаты для по-

стояльцев располагались вдоль задней стены.

Пожилая женщина разводила огонь в очаге под котлом для воды. Мусаси сел, и женщина молча налила ему остывшего чаю. Мусаси объяснил, что попросил хозяйку постоялого двора отнести его письмо в город, и протянул кувшин с молоком.

— Что это? — удивилась она.

Мусаси решил, что старушка плохо слышит, и с расстановкой повторил ей сказанное.

— Молоко? Зачем? — Женщина недоуменно повернулась и крикнула вглубь дома: — Господин, можно вас на минутку? Не возьму в толк, что хочет гость.

Из-за угла появился молодой человек.

— В чем дело?

Женщина молча сунула ему в руки кувшин, но он не видел кувшина и не слышал ее слов. Взгляд его был прикован к Мусаси. Мусаси был поражен не меньше подошедшего.

— Матахати!

— Такэдзо!

Оба кинулись друг к другу, но вдруг замерли, словно их что-то остановило. Мусаси раскрыл объятия, и Матахати, выронив кувшин, раскинул руки.

— Подумать, столько лет!

— После Сэкигахары ни разу не виделись!

— Сколько же лет прошло?

— Пять. Точно. Мне уже двадцать два.

Они обнялись. Запах пролитого молока напомнил им далекое деревенское детство.

— Ты прославился, Такэдзо. Я не должен называть тебя этим именем. Буду, как и все, величать тебя Мусаси. Только и говорят про бой у раскидистой сосны. О других твоих подвигах тоже многое слышал.

— Не смущай меня! Я все еще любитель. Просто на свете немало людей, которые владеют мечом еще хуже меня. А ты живешь здесь?

— Да, уже десять дней. Ушел из Киото и хотел двинуться в Эдо, но обстоятельства задержали меня.

— Мне сказали, что у вас здесь больная женщина. Я ничем не могу помочь, но меня попросили передать молоко, вот я и принес кувшин.

— Больная? Ах да, это моя попутчица.

— Сочувствую. Как я рад тебя видеть! В последний раз я получил весточку от тебя, когда направлялся в Нару. Записку принес Дзётаро.

Матахати смущенно потупился, надеясь, что Мусаси не вспомнит о хвастливых заявлениях в том письме.

Мусаси молча положил руку на плечо Матахати, думая, как приятно посидеть и не спеша поговорить.

— С кем ты путешествуешь? — простодушно поинтересовался Мусаси.

— Да так, ты ее не знаешь.

— Ну ладно! Сядем где-нибудь, поговорим.

Они пошли в сторону от постоялого двора.

— Как ты живешь? — спросил Мусаси.

— Чем зарабатываю?

— Да.

— Видишь ли, ни ремесла, ни особых талантов у меня нет. Получить место у какого-нибудь даймё трудно. В общем-то, ничего не делаю.

— Значит, ты слонялся без дела все эти годы? — спросил Мусаси, подозревая, что так оно и было.

— Не будем об этом. Неприятная для меня тема.

Матахати, казалось, вспомнил дни, проведенные у подножия горы Ибуки.

— Самая большая ошибка моей жизни в том, что я пошел на поводу у Око.

— Посидим! — предложил Мусаси, опускаясь на траву. Он жалел друга детства. Почему Матахати считает себя хуже остальных? Почему он валит собственные ошибки на других? — Ты во всем

обвиняешь Око, но подумай, достойно ли это взрослого мужчины? Никто за тебя не позаботится о твоем будущем.

— Я был не прав, но… Как бы тебе объяснить? Я бессилен что-либо изменить в своей судьбе.

— В наше время ты ничего не достигнешь, рассуждая подобным образом. Отправляйся, коли хочешь, в Эдо, но предупреждаю, там сотни людей со всех концов страны, жаждущих денег и теплых местечек. Ничего не добьешься, если будешь делать то, что и сосед. Нужно чем-то выделяться среди остальных.

— Надо было бы смолоду заняться фехтованием.

— Я вовсе не уверен, подходишь ли ты для этого дела. Но время еще есть. Ты мог бы заняться науками. По-моему, это наилучший для тебя путь, чтобы потом получить место у даймё.

— Не беспокойся, что-нибудь придумаю.

Матахати покусывал травинку. Стыд давил ему на плечи. Он думал, что пять лет безделья погубили его. Он мог пропускать мимо ушей передававшиеся из уст в уста истории про Мусаси, но встреча с ним показала, какая пропасть разделяет их. Он чувствовал себя ребенком рядом с Мусаси и с болью думал, что когда-то они были

задушевными друзьями. Случается, что и достоинства человека подавляют окружающих. Ни зависть, ни жажда соперничества не спасли бы Матахати от сознания собственной ущербности.

— Не унывай! — подбодрил его Мусаси, хлопнув по плечу. В этот момент он как никогда остро почувствовал слабость друга детства. — Что было, то было. Забудь о прошлом! Пропало пять лет, ну и что? Начнешь налаживать жизнь на пять лет позже, только и беды. Минувшие годы тоже многому научили тебя.

— Проклятое время!

— Забудь их. Кстати, я только что видел твою мать.

— Да что ты!

— Теперь я все чаще задумываюсь, почему ты не унаследовал от нее силу воли и настойчивость.

Мусаси недоумевал, почему сын Осуги вырос бесхарактерным и слабым. Мусаси хотелось как следует встряхнуть Матахати и сказать ему, какой он счастливчик, потому что жива его мать. Чем унять ненависть Осуги? Способ один — сделать из Матахати человека.

— Матахати, — строго произнес Мусаси, — почему ты не хочешь порадовать матушку? У меня нет родителей, а ты неблагодарный сын. Ты спо-

собен внешне проявлять к ней уважение, но, по существу, не ценишь счастье, выпавшее на твою долю. Будь у меня такая мать, я бы из кожи вылезал, чтобы добиться чего-то в жизни, зная, что на свете есть человек, радующийся моим успехам. Избитые слова, но в них правда жизни. Я бродяга и лучше других знаю, что такое одиночество. Порой я едва не плачу, что со мной нет никого, кто разделил бы мой восторг от красоты природы. — Мусаси перевел дыхание и взял Матахати за руку. — Сам знаешь, что я прав. Я говорю, как твой старый друг и земляк. Прошли те дни, когда мы собирались на бой при Сэкигахаре. Сейчас нет войн, но выжить в мирной жизни тоже непросто. Ты должен сражаться, передумать свою жизнь. Если решишься начать жизнь заново, я помогу чем смогу.

По щекам Матахати катились слезы, падая на их сомкнутые руки. Слова Мусаси напоминали материнские наставления, но сейчас они почему-то глубоко тронули Матахати.

— Спасибо! — сказал он, вытирая слезы. — Я сделаю, как ты сказал. Начну новую жизнь сегодня, сейчас же. Ты прав, я не гожусь для боевого искусства, но пойду в Эдо, найду учителя и буду прилежно заниматься.

— Я помогу найти хорошего наставника и работу. Будешь работать и учиться.

— Да, воистину новая жизнь! Меня, правда, беспокоит еще кое-что.

— Что? Обещаю свою помощь, чтобы заставить твою мать забыть ее ненависть.

— Неловко, право… Видишь ли, моя спутница. Она… не могу вымолвить ее имя…

— Будь мужчиной!

— Не сердись на меня, но ты ее знаешь.

— Кто же?

— Акэми.

От удивления Мусаси замолк. «Хуже не придумать!» — решил он, но вовремя спохватился, чтобы не высказаться вслух.

Конечно, Акэми не столь порочна, как ее мать, но была легкомысленной на свой лад — птица с факелом в клюве, увлекаемая ветром. Мусаси знал историю с Сэйдзюро и подозревал, что Акэми имела связь и с Кодзиро. Мусаси недоумевал, какая неведомая сила толкнула Матахати в объятия Око, а потом ее дочери.

Матахати истолковал молчание Мусаси как проявление ревности.

— Ты сердишься? Я честно сказал, не прятать же Акэми от тебя.

— Наивный ты парень! Мне тебя жалко! С рождения на тебе это проклятие или ты сам ищешь приключений? Я считал, что история с Око на всю жизнь послужит тебе хорошим уроком.

Матахати рассказал, при каких обстоятельствах он встретил Акэми.

— Она, может, послана в наказание за то, что я бросил мать. Акэми, упав с крутого склона, повредила ногу, и вот теперь…

— Вот вы где, господин, — сказала пожилая женщина на местном наречии. Заложив руки за спину, она рассеянно, пустым зором уставилась на небо, словно гадая, какая будет погода. — А больной с вами нет, — ровным голосом произнесла она, не то спрашивая, не то выражая вслух увиденное.

— Акэми? Что-нибудь случилось? — покраснев, спросил Матахати.

— Ее нет в постели.

— Вы уверены?

— Недавно лежала, а теперь нет.

Шестое чувство подсказывало Мусаси, что́ произошло, но он только произнес:

— Надо взглянуть.

Постель была не убрана, а комната пуста. Матахати, тихо ругаясь, беспомощно топтался по

комнате.

— Ни пояса, ни денег! Все до последнего гребня и шпильки утащила. Сумасшедшая девица! Почему она меня бросила так бессовестно!

Пожилая женщина стояла на пороге.

— Ужас! Может, и не полагается вмешиваться, но эта девушка не хворала. Только притворялась, — произнесла она, ни к кому не обращаясь. — Пусть я старуха, но меня не проведешь.

Матахати, выбежав на улицу, молча уставился на белую ленту дороги. Корова, лежавшая под персиковым деревом на опавших и побуревших лепестках, замычала протяжно и лениво.

— Матахати, не нужно, право, расстраиваться, — произнес Мусаси. — Помолимся, чтобы она устроила свою жизнь и обрела покой.

Одинокая желтая бабочка, подгоняемая легким ветерком, скрылась за скалой.

— Я рад твоему обещанию, — продолжал Мусаси. — Не будем терять времени. Пора тебе заняться своими делами.

— Да, ты прав, — уныло пробормотал Матахати, прикусив нижнюю губу, чтобы она не дрожала.

— У тебя свой путь, — сказал Мусаси, обняв Матахати за плечо и развернув его от пустынной дороги. — Смотри, перед тобой открыта дорога в

новую жизнь. Акэми завела бы тебя в тупик. Иди, пока не стемнело! Ступай по тропе между Сакамото и Оцу. Ты должен встретиться с матерью еще до ночи. И никогда не оставляй ее одну!

Мусаси вынес сандалии и ноговицы Матахати, потом принес свои вещи.

— Деньги есть? — спросил он. — У меня немного, правда, но я поделюсь с тобой. Если ты считаешь Эдо подходящим для себя местом, я отправлюсь туда вместе с тобой. Сегодня вечером я буду на мосту Кара в Сэте. Сначала найди мать, а потом приходите вместе на мост. Надеюсь, ты приведешь ее…

Матахати ушел, и Мусаси сел в ожидании ответа на письмо. Потом он прилег на скамейку в дальнем углу харчевни и задремал. Ему снились две бабочки, порхающие среди ветвей под легким ветерком. Одна бабочка была Оцу…

Мусаси проснулся, когда косые лучи солнца лежали на задней стене комнаты.

— Что ни говорите, но это было жалкое зрелище, — говорил кто-то.

— Ты о людях школы Ёсиоки?

— В народе ее почитают благодаря славе Кэмпо. В любом деле успеха добивается только первое поколение. Второе, как правило, много слабее, а

третье вообще пускает все на ветер. Редко увидишь, чтобы главу рода в четвертом поколении похоронили рядом с основоположником дома.

— А я собираюсь упокоиться рядом с прадедушкой.

— Ты просто каменотес, а я говорю о знаменитых людях. Если не веришь, то вот тебе пример наследников Хидэёси.

Каменотесы работали в долине и каждый день в три часа приходили на постоялый двор пить чай. Один из них, живший неподалеку от Итидзёдзи, видел все сражение собственными глазами. Свою историю он уже рассказывал десятки раз, непременно добавляя новые подробности, изображая в лицах то Мусаси, то бойцов Ёсиоки.

В середине очередного рассказа ко двору подошли четыре человека. Они расположились на веранде — Сасаки Кодзиро и три самурая с горы Хиэй. Их угрюмые физиономии не предвещали ничего хорошего, так что каменотесы удалились допивать чай в чайную комнату внутри дома. Повествование продолжалось, и скоро слушатели начали смеяться и перебивать рассказчика. Без конца упоминалось имя Мусаси, произносимое с восхищением. Кодзиро вышел из себя.

— Эй, вы! — крикнул он каменотесам.

— Да, господин, — хором отозвались те, склонив головы.

— Что вы там болтаете? Тебя спрашиваю? — Кодзиро ткнул тяжелым веером в сторону рассказчика. — Заливаешься, словно знаешь больше всех на свете. Ну-ка, выходите! Не бойтесь!

Каменотесы вышли на веранду.

— Надоело слушать, как вы расхваливаете Миямото Мусаси. Чепуху мелете.

Каменотесы недоуменно переглянулись.

— С чего вы взяли, что Мусаси великий мастер меча? Ты утверждаешь, будто видел бой своими глазами. Я тоже его видел. Я Сасаки Кодзиро. Я отмечал каждую деталь как официальный наблюдатель, а затем отправился на гору Хиэй и доложил монахам о бое. По приглашению известных монахов-воинов я посетил несколько обителей, сообщая о своих наблюдениях. Вы ничего не смыслите в боевом искусстве, — презрительно продолжал Кодзиро, обращаясь к каменотесам. — Только и поняли, что кто-то победил, и начали всем стадом восхвалять Мусаси, якобы он самый великий фехтовальщик на земле. Не имею привычки вмешиваться в разговоры невежд, но считаю своей обязанностью одернуть вас, потому что ваша болтовня вредит обществен-

ному порядку. На вашем примере заодно хочу показать выдающимся мастерам, которые меня сопровождают, как легко могут заблуждаться люди. Слушайте внимательно! Я вам расскажу о действительных событиях у раскидистой сосны и что за тип этот Мусаси.

Каменотесы послушно закивали.

— Прежде всего, — начал Кодзиро, — рассмотрим, какую цель преследует Мусаси. Я внимательно следил за тем, как он подначил людей Ёсиоки на последнее сражение, поэтому убежден, что он любыми способами делает себе имя. По этой причине он привязался к дому Ёсиоки, самой знаменитой школе фехтования в Киото. Дом Ёсиоки попался на крючок и стал первой ступенькой на пути Мусаси к славе.

Мусаси поступал бесчестно. Все знали, что дни Ёсиоки Кэмпо минули безвозвратно, а его школа пришла в упадок. Она уподобилась гнилому дереву или больному человеку. Мусаси оставалось лишь свалить трухлявый ствол. Это по силам любому, но никто этого не сделал. Почему? Всякий, кто разбирается в «Искусстве войны», видел полный упадок школы, ее бессилие. Мы не хотели оскорблять память Ёсиоки Кэмпо. Мусаси устроил провокацию, развесил объявления по улицам

Киото, распустил слухи и разыграл спектакль, показав то, что мог бы исполнить мало-мальски тренированный фехтовальщик.

Не будем говорить подробно об уловках Мусаси. Например, как он опаздывал на каждый поединок — и с Сэйдзюро, и с Дэнситиро. На встречу у раскидистой сосны он явился окольными путями, прибегая к самой подлой тактике.

Все твердят лишь о том, что он один сражался против многих. Так и было, но в этом-то и заключается его дьявольское коварство. Он отлично знал, что симпатии людей будут на его стороне. О самом бое могу сказать, что это была детская игра. Уж поверьте мне, знатоку фехтования. Мусаси своими трюками протянул время, а потом позорно бежал. Он, конечно, выказал звериную силу, но она не доказывает его военного мастерства. Ничуть. Славу Мусаси принесли его ноги. Удирать он умеет, в этом ему нет равных. — Слова лились из уст Кодзиро, как вода через дамбу. — Со стороны кажется, что сражаться в одиночку с многочисленным противником невероятно трудно. Не всегда десять бойцов в десять раз сильнее одного. Для мастеров фехтования численность противника не имеет существенного значения.

Кодзиро говорил уже назидательным тоном

преподавателя фехтования, профессионально разбирая бой. Принизить подвиг Мусаси не составляло труда, каждый посвященный в Искусство Меча непременно заметил бы ошибки в его действиях, несмотря на отчаянную храбрость Мусаси. Когда речь дошла до Гэндзиро, Кодзиро стал еще вдохновеннее. Он назвал убийство мальчика варварством, нарушением этикета фехтования, непростительной жестокостью.

— А теперь немного о прошлом Мусаси, — возвестил Кодзиро. Встретившись с Осуги на горе Хиэй, он наслушался ее рассказов о злобном коварстве Мусаси.

Не жалея красок, Кодзиро живописал картину страданий «славной женщины» из-за чудовища по имени Мусаси.

— Стыдно и больно слышать, как случайные люди возносят хвалу негодяю, — завершал свою речь Кодзиро. — В результате страдают общественная мораль и порядок. Поэтому я позволил себе пространную речь. Я не имею отношения к дому Ёсиоки и личной вражды к Мусаси. Я говорил честно и беспристрастно, как человек, преданный Пути Меча и следующий его предписаниям. Я сказал вам сущую правду.

Кодзиро, залпом выпив чашку чая, обратился к

своим спутникам:

— Солнце уже низко. Пора отправляться, иначе засветло не доберетесь до Миидэры.

Монахи-воины поднялись.

— Будь осторожен, — сказал один из них Кодзиро.

— Встретимся в Киото, — добавил другой.

Улучив момент, каменотесы торопливо направились в долину, где их ждала работа. Внизу уже легли розоватые тени и начали пощелкивать соловьи.

Проводив взглядом своих спутников, Кодзиро вошел в дом.

— Я оставлю деньги за чай на столе. Где у вас фитили для огнива? — спросил он у пожилой женщины, которая сидела на корточках перед очагом и готовила ужин.

— Фитили? — переспросила она. — Вон целая связка в углу под потолком.

Кодзиро направился в угол комнаты и стал вытягивать фитили из связки. Несколько штук упало на пол. Кодзиро нагнулся и вдруг заметил ноги спящего на скамейке человека. Кодзиро взглянул на лицо спящего и вздрогнул, как от удара хлыстом. На него в упор смотрел Мусаси. Кодзиро невольно отступил назад.

— Вот, значит, как! — ухмыльнулся Мусаси, вставая с лавки и подходя к онемевшему Кодзиро. Кодзиро пытался выдавить улыбку. Он сразу понял, что Мусаси слышал его рассказ до последнего слова. Положение Кодзиро было еще двусмысленнее потому, что Мусаси смеялся над ним. Кодзиро растерялся, но, мгновенно взяв себя в руки, принял привычный высокомерный вид.

— Вот уж не ожидал повстречать тебя здесь, — заявил он.

— Приятная встреча!

— Воистину!

Кодзиро не хотел разговаривать с Мусаси, о чем потом жалел, но слова будто сами срывались с языка:

— В сражении ты показал себя с превосходной стороны. Нечеловеческая отвага! Поздравляю!

Все еще улыбаясь, Мусаси ответил подчеркнуто вежливо:

— Благодарю тебя за участие в качестве свидетеля, а также за мнение, которое я услышал сегодня. Не часто удается посмотреть на себя со стороны. Обязан за твой рассказ. Никогда не забуду.

Голос Мусаси звучал спокойно, но от его слов Кодзиро внутренне съежился. Он понял, что в

один прекрасный день ему придется ответить на вызов Мусаси.

Мусаси и Кодзиро, в равной мере самолюбивые, гордые и волевые, рано или поздно неизбежно столкнулись бы. Мусаси не торопился — победа над Ёсиокой была ступенью на пути к совершенству, и он не собирался бесконечно терпеть клевету Кодзиро.

— Я не забуду, — пообещал он Кодзиро.

Кодзиро кое-что исказил в своем рассказе, однако он передал то, что увидел в сражении. Он не сомневался в своей оценке Мусаси.

— Хорошо, что не забудешь. И я буду помнить, — ответил Кодзиро.

Мусаси одобрительно кивнул, по-прежнему улыбаясь.

Переплетенные ветви

— Оцу, я вернулся!

Дзётаро вихрем ворвался в маленький зеленый дворик. Оцу сидела за письменным столиком на веранде, погруженная в созерцание неба. На фасаде домика висела дощечка с надписью «Обитель Горной луны». Домик принадлежал храму Гинкакудзи, по просьбе придворного Карасумару в нем разрешили пожить Оцу.

Дзётаро прошлепал босыми ногами по густому ковру незабудок к ручью. Ручей, текший с территории храма, был чист как слеза.

— Холодно! — заметил Дзётаро, плескаясь в воде. После ледяного купания песок показался теплее, а жизнь прекрасной. Щебетание ласточек подтверждало мнение мальчика.

Дзётаро, вытерев ноги о траву, поднялся на веранду.

— Не скучно? — спросил он Оцу.

— Нет, мне есть о чем подумать.

— А хорошую новость не хочешь послушать?

— Какую?

— Мусаси недалеко отсюда.

— Где?

— Исходил полгорода, расспрашивая о нем, и наконец узнал, что он в храме Мудодзи на горе Хиэй.

— Значит, он жив и здоров?

— Будем надеяться. Надо немедленно идти туда, иначе он, по обыкновению, исчезнет. Ты собирайся, а я поем.

— Рисовые колобки в большой коробке.

Дзётаро быстро съел колобки, но Оцу сидела все в той же позе.

— Что с тобой? — спросил он.

— Нам не надо идти.

— Что за глупости! То умираешь от разлуки с Мусаси, то не хочешь сдвинуться с места.

— Ты не понимаешь. Мусаси знает о моих чувствах. В ту ночь, когда мы встретились в горах, я ему призналась. Мы думали, что это наша последняя встреча в этой жизни.

— Скоро ты сможешь увидеть его снова.

— Я не знаю, в каком он настроении, доволен ли победой или просто скрывается. Мы расстались, и я примирилась с мыслью, что никогда не увижу его в этой жизни. Надо ждать, когда он пошлет за мной.

— Что, если он позовет тебя через много лет?

— Буду жить, как и сейчас.

— Сидеть, уставившись в небо?

— Ты не понимаешь. Оставим эту тему.

— Что я не понимаю?

— Чувство Мусаси. Теперь я поверила в него. Раньше я была в него просто влюблена, но не была до конца уверена в нем. Теперь все по-иному. Мы всегда будем вместе, пусть даже разлучимся или умрем. Я никогда не буду одинока. Я молю только о том, чтобы он нашел свой Путь.

— Вранье! — взорвался Дзётаро. — Почему женщины никогда не говорят правду? Ладно, делай по-своему, потом только не жалуйся, что умираешь без Мусаси. Хоть глаза выплачи, мне все равно!

Дзётаро приложил немалые усилия, чтобы проследить путь Мусаси после боя в Итидзёдзи, и все напрасно!

Дзётаро до конца дня не разговаривал с Оцу.

Стемнело, и появился один из самураев, состоявших на службе у Карасумару. Он отдал Дзётаро письмо со словами: «От Мусаси для Оцу. Наш господин советует Оцу поберечь себя».

Самурай ушел.

«Рука Мусаси, — подумал Дзётаро, разглядывая письмо. — Значит, он жив. Он пишет Оцу, а не мне!»

— Письмо от Мусаси? — спросила Оцу, выйдя из задней комнаты.

— Да, но, по-моему, оно неинтересно тебе, — ответил Дзётаро, пряча письмо за спину.

— Прекрати, Дзётаро! Дай сюда! — взмолилась Оцу.

Дзётаро поупрямился, но, как только у Оцу на глазах блеснули первые слезы, сразу же отдал письмо.

— Возьми! Притворяешься, будто не хочешь видеть Мусаси, а сама дрожишь от нетерпения при виде его письма.

Оцу наклонилась к лампе, руки ее дрожали. От лампы, словно предвещая счастье, струился яркий и ровный свет. Тушь переливалась всеми цветами радуги, слезы на глазах Оцу сверкали яркими алмазами. Неожиданно для себя Оцу перенеслась в мир радостных грез. Она вспомнила строки из знаменитого стихотворения Бо Цзюйи, в котором отлетевшая душа Ян Гуйфэй ликует, получив весточку от возлюбленного, убитого горем императора.

Оцу несколько раз перечитала письмо. «Надо торопиться, он ждет нас!» — подумала она.

Оцу поспешно начала собираться в дорогу. Она написала записку с выражением глубокой

благодарности владельцу домика, монахам Гинкакудзи, всем, кто заботился о ней. Собрав вещи, Оцу вышла за ворота. И только в этот миг обнаружила, что Дзётаро нет рядом. Обиженный мальчик неподвижно сидел в комнате.

— Поторопись, Дзётаро!

— Ты куда-то собралась?

— Почему ты сердишься?

— Любой бы разозлился на моем месте. Всегда думаешь только о себе. Что за секреты в письме Мусаси? Ты даже его не показала мне.

— Прости! — извиняющимся тоном ответила Оцу. — Конечно, прочитай.

— Теперь мне неинтересно.

— Не упрямься! Прекрасное письмо, первое от Мусаси. Он впервые позвал меня на встречу. Никогда в жизни не была так счастлива. Перестань дуться, пойдем в Сэту, прошу тебя!

Дзётаро угрюмо молчал до перевала Сига, потом, сорвав с дерева лист, начал насвистывать модную песенку. Свист был единственным звуком, нарушавшим ночную тишину.

— В коробке сладости, которые господин Карасумару прислал позавчера, — сказала Оцу, чтобы уладить затянувшуюся ссору.

Дзётаро промолчал до рассвета. Облака над

перевалом порозовели.

— Не хочешь отдохнуть, Оцу? — заговорил мальчик.

— Немного. Мы все время шли в гору.

— Сейчас станет полегче. Смотри, озеро уже видно.

— Да, Бива. А где Сэта?

— В той стороне. Мусаси не может быть там в такую рань.

— Не знаю. Мы доберемся туда пополудни. Посидим.

— Вон на тех поваленных деревьях, — согласился Дзётаро. К нему вернулось хорошее настроение.

Дым от очагов поднимался в утреннем воздухе, как столбы пыли с поля битвы. Туман укрыл пространство от озера до города Исияма, а улицы города Оцу уже освободились от пелены тумана. Мусаси остановился и неторопливо огляделся, испытывая радость от возвращения к людям.

По дороге сюда он выбрал для спуска склон Бидзодзи у Миидэры. Он гадал, каким путем пойдет Оцу. Ему хотелось встретиться с ней по пути, но потом он отказался от такого намерения. Женщина, относившая письмо в Киото, сообщила, что в доме Карасумару Оцу нет, однако послание

будет ей доставлено, значит, она получит письмо только вечером. Некоторое время уйдет на сборы, так что Оцу сможет отправиться в дорогу только утром.

Проходя мимо храма, окруженного старыми вишневыми деревьями — весной, верно, сюда приходят любоваться цветами, — Мусаси заметил большой камень, установленный на холмике. Он узнал с первого взгляда стихи, высеченные на камне. Это строки из «Тайхэйки». Стихи были навеяны сказанием, которое Мусаси когда-то знал наизусть. Спускаясь с горы, он неторопливо начал припоминать его вслух:

«Почтенный монах из храма Сига, который передвигался, только опираясь на двухметровый посох, и был таким древним, что брови его срослись в белоснежный холмик на лбу, стоял, погруженный в созерцание статуи богини милосердия Каннон, отраженной в водах озера. Неожиданно взор его упал на наложницу императора из Кёгоку. Она возвращалась из Сиги, где собирала цветы в лугах. Страсть завладела монахом. Добродетели, накопленные за долгие годы жизни, исчезли в один миг, он горел в огне желания…»

— Как же дальше? — вспоминал Мусаси. — По-

хоже, основательно подзабыл. Нет, вспомнил!

«…Монах вернулся в хижину и преклонился перед образом Будды, но воспоминания о женщине жгли его. Старец взывал к Будде, но голос его звучал нетвердо. Закатные облака над горной грядой казались ему гребнем в волосах императорской наложницы. Монах предался печали. Он воздел глаза к одинокой луне, и она улыбнулась. Стыд и замешательство охватили старца. Боясь, что из-за греховных мыслей ему будет заказана дорога в рай, он решил увидеться с женщиной и открыться ей. Он хотел облегчить душу и отойти тихой смертью. Монах пошел к императорскому дворцу и стал ждать наложницу во дворике для игры в мяч. Опершись на посох, монах прождал день и ночь…»

— Простите, господин! Господин на корове!

Человек, прервавший мысли Мусаси, походил на поденщика со склада оптовых торговцев. Погладив корову по носу, он взглянул на Мусаси.

— Вы, верно, из Мудодзи?

— А как ты узнал?

— Эту корову нанял у меня купец. Он, похоже, оставил ее в Мудодзи. Я сдаю корову внаем, так что с вас причитается.

— С удовольствием заплачу, но сколько я могу

пользоваться ею?

— Пока платите, делайте что угодно со скотиной. Одно условие — оставьте ее у любого оптовика в том месте, куда вы доберетесь. Ее сдадут внаем еще кому-нибудь, и рано или поздно корова вернется домой.

— Сколько возьмете за дорогу до Эдо?

— Надо уточнить в конторе. Она находится на вашем пути. Если заберете корову, то сообщите ваше имя в конторе нашего торгового дома.

Квартал оптовиков расположился у брода Утидэгахама. Место было бойкое, и Мусаси решил передохнуть здесь и запастись провизией и прочим необходимым в дорогу.

Договорившись о корове, Мусаси неторопливо позавтракал и отправился в Сэту, предвкушая скорую встречу с Оцу. Теперь он безраздельно верил ей. Его сомнения в том, что она не до конца понимает его, рассеялись после встречи в горах перед поединком. В ту ночь он убедился в разумности, чистоте и преданности Оцу. Вера Мусаси в Оцу была сильнее любви.

Мусаси знал, что и Оцу безгранично верит в него. Он поклялся, что не будет притеснять Оцу, когда они станут жить вместе. Конечно, если только она не помешает постижению секретов

меча. Раньше любовь отпугивала его, потому что могла отвлечь его от фехтования. Он боялся потерять свой Путь, как это произошло со старым монахом в сказании. Разумная и сдержанная Оцу никогда не станет ему обузой. Мусаси беспокоился, что сам может утонуть в пучине любви.

«В Эдо я позабочусь, чтобы Оцу получила приличное воспитание и образование. Пока она будет учиться, я с Дзётаро продолжу постижение новых высот совершенства и самодисциплины. И настанет день, когда…»

По лицу Мусаси скользили солнечные блики, отраженные водой.

Мост Кара состоял из двух частей, которые соединялись на маленьком острове. Один пролет стоял на девяноста шести столбах, второй — на двадцати трех. На островке росла старая ива, под которой путники часто назначали встречи. Мост называли Ивовым.

— Едет! — воскликнул Дзётаро, сбежав с веранды чайной. Он мчался навстречу Мусаси по короткому пролету моста. Дзётаро остановился, знаками поторапливая Мусаси и оглядываясь на чайную. — Вот он, Оцу! Верхом на корове!

Дзётаро, по обыкновению, пустился в пляс. Подбежавшая Оцу застыла на месте. Мусаси

размахивал тростниковой шляпой и радостно улыбался.

Мусаси привязал корову к иве, и все трое поднялись в чайную. Оцу, минуту назад громко окликавшая Мусаси, словно лишилась дара речи. Она только счастливо улыбалась, предоставив Дзётаро свободу говорить без умолку.

— Раны зажили! — блаженно улыбался мальчик. — Увидев тебя на корове, я подумал, что ты не можешь идти. А мы с Оцу опередили тебя. Едва получив письмо, Оцу немедленно отправилась в путь.

Мусаси улыбался, кивал и односложно поддакивал. Слова Дзётаро об Оцу и ее любви смущали Мусаси, поэтому он предложил пересесть в маленькую беседку, увитую со всех сторон цветущей глицинией. Оцу не могла вымолвить ни слова, примолк и Мусаси. Дзётаро, не обращая внимания на них, тараторил, заглушая жужжание пчел и гудение оводов.

— Скорее в дом! Надвигается гроза. Вон какая туча над Исиямадэрой! — крикнул хозяин чайной.

Хозяин менял соломенные циновки от солнца на деревянные ставни от дождя. Река посерела, ветер трепал ветви лиловой глицинии. Сверкнула молния, и дождь полился с небес.

— Гроза! — закричал Дзётаро. — Первая в этом году! Скорее в дом! Оцу, ты промокнешь. Не мешкай, учитель! Здорово, что мы успели встретиться до дождя! Красота!

Дзётаро ликовал от грозы, но Мусаси и Оцу были в замешательстве, потому что им предстояло оказаться в доме вместе, пробежав у всех на глазах подобно влюбленной парочке. Мусаси не двигался с места, а покрасневшая Оцу в нерешительности стояла под дождем на пороге беседки.

Укрывшись куском соломенной циновки, по улице бежал человек, похожий на зонт с ногами. Заскочив под навес храмовых ворот, он вытер лицо, пригладил волосы и взглянул на небо. «Настоящий летний ливень», — проворчал он. Оглушительный раскат грома разорвал мерный шум дождя, и человек присел, зажав уши. Матахати, а это был он, опасливо покосился на статую божества грома, рядом с которой он стоял.

Дождь прекратился так же внезапно, как и начался. Черные тучи разошлись, и на землю хлынули лучи солнца, улицы вскоре подсохли. Слышались звуки сямисэна. Матахати вышел из укрытия и пошел вдоль улицы.

— Ваше имя Матахати? — спросила какая-то женщина, преградив ему дорогу.

— Да. Откуда вы знаете? — подозрительно переспросил он.

— Ваш друг ждет вас в нашем заведении. Он увидел вас из окна второго этажа и послал за вами.

По обеим сторонам улицы стояли веселые дома. Женщина повела Матахати к одному из них.

— Мы вас долго не задержим, — пообещала она.

Они вошли в дом, и девушки буквально облепили Матахати, вытирая ему ноги, снимая мокрое кимоно, сопровождая наверх. Он спросил, кто его ожидает, но девушки только смеялись в ответ.

— Хорошо, — сказал Матахати. — Побуду здесь, пока не высохнет одежда, промок до нитки. Не пытайтесь силком удерживать меня. Меня ждут у моста в Сэте.

Девушки, хором уверяя, что никто не посмеет его задерживать, чуть не волоком тащили его вверх по лестнице.

Не успел Матахати войти в комнату, как чей-то голос произнес:

— Так, так! Неужели мой старый друг господин Инугами?

Матахати подумал, что произошла ошибка, лицо человека показалось ему знакомым.

— Кто вы? — спросил Матахати.

— Неужели забыл Сасаки Кодзиро?

— Нет, — поспешно ответил Матахати. — Но почему вы называете меня Инугами? Моя фамилия Хонъидэн. Хонъидэн Матахати.

— Знаю. Помню тебя по той ночи на улице Годзё, когда ты строил гримасы в окружении бродячих собак, поэтому считаю, что Инугами — «Бог собак» — более подходящее для тебя имя.

— Довольно! Я не расположен шутить. Это вам я обязан самым страшным воспоминаниям о той ночи.

— Немудрено. Впрочем, я послал за тобой, дабы искупить свое тогдашнее поведение. Проходи, садись. Красотки, саке!

— Я тороплюсь. У меня встреча в Сэте. И я должен быть трезвым.

— С кем же ты встречаешься?

— С человеком по имени Миямото. Он друг моего детства…

— Миямото Мусаси? Вы договорились о встрече на постоялом дворе на перевале?

— Как вы узнали?

— Я все знаю о вас с Мусаси. Я разговаривал с твоей матерью — ее зовут Осуги, так ведь? Мы с ней повстречались в главном храме на горе Хиэй.

Она поведала мне о своих страданиях.

— Вы встречались с моей матерью?

— Да, прекрасная женщина! Я восхищен ею. Монахи на горе Хиэй относятся к ней с почтением. Я как мог пытался приободрить ее.

Ополоснув чашечку в воде, Кодзиро протянул ее Матахати.

— Выпьем и забудем про старую вражду. Нечего беспокоиться из-за Мусаси, когда с тобой рядом Сасаки Кодзиро.

Матахати отказался от чарки.

— Почему?

— Не могу. Мне пора идти.

Матахати направился к выходу, но Кодзиро схватил его за руку.

— Садись!

— Меня ждет Мусаси!

— Не будь глупцом. Попытаешься напасть на Мусаси в одиночку, так он прихлопнет тебя, как муху.

— Вы ошибаетесь. Мусаси хочет мне помочь. Мы вместе отправляемся в Эдо, где я начну новую жизнь.

— Считаешь, что Мусаси можно доверять?

— Многие ругают его, а все потому, что моя мать распускает о нем сплетни. Она клевещет на него.

В этом я убедился, поговорив с Мусаси. Он мой друг, и я хочу подражать ему и чего-то добиться в жизни. Пусть и с большим запозданием.

Кодзиро хохотал, хлопая ладонями по татами.

— Почему ты такой простодушный? Мать рассказывала о твоей наивности, но ты, оказывается, совсем простак!

— Неправда! Мусаси…

— Сядь и послушай меня. Как ты можешь, предав мать, подружиться с ее врагом? Это подло. Я посторонний человек, и то обещал отважной старой женщине любую помощь.

— Мне нет дела до вашей помощи, я должен встретиться с Мусаси, не задерживайте меня! Эй, девушки, принесите кимоно, оно уже высохло!

Кодзиро пьяно посмотрел на Матахати.

— Не прикасайтесь к кимоно, пока я не прикажу, — скомандовал он девушкам. — Послушай, Матахати. Не лучше ли сначала посоветоваться с матерью, а уж потом отправляться в Эдо с Мусаси?

— Я решил обязательно пойти в Эдо с Мусаси. Если я там чего-нибудь добьюсь, то и с матерью все уладится.

— Повторяешь слова Мусаси. Кто, как не он, научил! Давай подождем до завтра и вместе

встретимся с матушкой. А сейчас повеселимся. Останешься здесь, и никаких возражений!

Девушки хором поддакивали Кодзиро, зная, что у него водятся денежки. Никто не принес кимоно Матахати, а после нескольких чарок саке он забыл о нем.

В трезвом состоянии Матахати боялся Кодзиро, но во хмелю осмелел. Он хвастал умением пить, требовал еще саке, бахвалился, проклиная судьбу. Под утро Матахати свалился и опомнился пополудни.

После вчерашней грозы солнце светило ярче, а воздух был напоен свежестью. Матахати хотелось выплюнуть выпитое накануне саке. В ушах звучал голос Мусаси. К счастью, Кодзиро еще не проснулся в соседней комнате. Матахати осторожно спустился вниз, оделся и поспешил в Сэту.

Вода под мостом, замутненная дождем, была усеяна опавшими лепестками сакуры, обломанными веточками глицинии, желтыми цветами акации.

В чайной у моста Матахати сказали, что человек, приехавший на корове, прождал до вечера, ушел в гостиницу, а утром снова был на Ивовом мосту. Не дождавшись, он оставил записку, привязав ее к иве, и уехал.

«Так и не дождался тебя. Не могу больше оставаться здесь. Постарайся догнать меня по дороге», — гласила записка, похожая на большую белую бабочку.

Матахати заспешил по дороге Накасэндо, ведущей из Кисо в Эдо, но и дойдя до Кусацу, он не нагнал Мусаси. Матахати миновал Хиконэ, Ториимото и уже подумал, что проглядел Мусаси. На перевале Сурибати он прождал полдня, вглядываясь в прохожих. Когда Матахати достиг поворота на Мино, он вспомнил слова Кодзиро.

«Неужели меня одурачили? — спрашивал он себя. — Правда ли Мусаси хотел идти вместе со мной в Эдо?»

После долгих поисков Матахати наконец увидел Мусаси на выезде из города Накацугава. Он обрадовался, но, подойдя поближе, обнаружил, что женщина на корове — Оцу. Охваченный ревностью, он не мог держать себя в руках.

«Какой я дурак! — подумал он. — Дурак с того самого дня, как он уговорил меня сбежать на войну. Не позволю издеваться над собой! Подожди, я еще с тобой расквитаюсь!»

Чета водопадов

— Ну и жара! — воскликнул Дзётаро. — Впервые так запарился на горной дороге. А мы сейчас где?

— Недалеко от перевала Магомэ, — ответил Мусаси. — Говорят, это самая трудная часть пути.

— В любом случае с меня довольно! Но скорее бы оказаться в Эдо. Там куча народу. Правда, Оцу?

— Действительно, только я вовсе не спешу в Эдо. Всю жизнь пропутешествовала бы по пустынной дороге.

— Вольно так говорить, когда едешь верхом. Шла бы пешком, запела бы по-другому. Смотрите, водопад!

— Отдохнем, — коротко бросил Мусаси.

Они свернули на узкую тропинку. Цветы на поляне еще блестели росой. Путники подошли к одинокой заброшенной хижине, стоявшей напротив водопада на скале. Дзётаро помог Оцу спешиться и привязал корову к дереву.

— Взгляни, Мусаси, — произнесла Оцу, указывая на дощечку на хижине, гласившую: «Мэотоно таки» — «Чета водопадов». Смысл объяснялся просто — скалы разделили водопад надвое. Один

поток, мощный и бурный, низвергался с высоты с грозным ревом; второй, тихий и прозрачный, струился ровным потоком.

Кипящий водоворот у подножия водопада привел Дзётаро в неописуемый восторг. Скатившись вниз по склону, он забегал по обточенным водой камням, подпрыгивая и приплясывая.

— Полно рыбы!

Вскоре он истошно завопил:

— Поймал! Камнем ее оглоушил!

Обрадованный мальчик побежал дальше, и шум воды поглотил его голос.

Мусаси и Оцу сидели на траве в тени хижины. Над поляной играли сотни маленьких радуг.

— Куда он убежал? — произнесла Оцу. — За ним не углядишь.

— Неужели? Я в его возрасте был куда хуже. А Матахати был тихоней. Где он? Откровенно говоря, я за него волнуюсь больше, чем за Дзётаро.

— Я рада, что Матахати нет с нами. Мне пришлось бы прятаться от него.

— Зачем? Мы бы ему все объяснили, и он понял бы нас.

— Вряд ли. Он и его мать не похожи на других людей.

— Оцу, ты окончательно решила?

— О чем ты?

— Хочу спросить, не надумаешь ли ты вернуться к Матахати?

Лицо Оцу исказила гримаса отвращения.

— Никогда! — негодующе ответила она.

Глаза Оцу покраснели, она закрыла лицо руками. Белый ворот кимоно вздрагивал от ее рыданий. Дрожащая фигурка девушки словно бы говорила Мусаси: «Твоя и только твоя!»

Мусаси пожалел о сказанном. Несколько дней он постоянно был рядом с Оцу, любуясь игрой света на ее теле. Вечерами, когда на ее одежду падал неверный огонь лампы, днем в лучах теплого солнца. Бисеринки пота на ее коже напоминали ему капельки росы на цветах лотоса. По ночам их разделяла тонкая ширма, и он с волнением вдыхал тонкий аромат ее волос. Кровь его закипела, как водопад. Неукротимая страсть овладела Мусаси. Резко встав, он отошел в сторону, на солнце, и сел в высокую зимнюю траву. Он тяжело вздохнул. Оцу подошла к нему, опустилась на колени рядом и вопросительно посмотрела ему в застывшее, строгое лицо.

— Что с тобой? — спросила она. — Я чем-то расстроила тебя? Прости меня.

Чем напряженнее становился взгляд Мусаси,

тем теснее прижималась к нему Оцу. Она вдруг обвила его руками, от теплоты ее хрупкого тела Мусаси содрогнулся.

— Оцу! — закричал он. Мощными, коричневыми от загара руками он схватил Оцу и опрокинул ее на траву. У Оцу перехватило дыхание от грубости его порыва. Освободившись из его объятий, она сжалась в комочек.

— Ты не должен так поступать! — хрипло крикнула она. — Как ты мог? Никогда не ожидала от тебя. Неужели ты такой, как все мужчины! — рыдала она.

Боль и ужас в глазах Оцу мгновенно остудили пыл Мусаси. Он тут же опомнился.

— Почему? Почему так случилось? — воскликнул он, зардев от стыда, едва не плача от потрясения.

Оцу поднялась и ушла, оставив на траве выпавший из кимоно мешочек для благовоний. Мусаси стонал, глядя на разорванный мешочек, затем уткнулся лицом в траву. Из глаз его хлынули слезы боли и отчаяния.

Он чувствовал, что Оцу одурачила его. Но разве губы, волосы, глаза, все существо Оцу не манили его к себе? Не она ли раздула огонь в его сердце, а когда пламя вырвалось наружу, в ужасе броси-

лась прочь?

Мусаси казалось, что многолетние попытки достичь совершенства безнадежно рухнули и преодоленные им суровые испытания оказались напрасными. Зарывшись лицом в траву, Мусаси твердил, что он не сделал ничего постыдного, но слова девушки не давали ему покоя.

Мусаси, однако, не пришла в голову мысль, что значит непорочность для девушки, как дорога ей недолгая пора невинности.

Вдыхая запах земли, Мусаси приходил в чувство. Когда он поднялся, огонь в глазах потух, лицо было бесстрастным. Наступив на мешочек для благовоний, Мусаси постоял в задумчивости, словно прислушиваясь к голосу гор. Тяжелые брови сурово сдвинулись, как перед боем у раскидистой сосны.

Солнце зашло за облако, скрипуче прокричала птица. Ветер переменился, а водопад зашумел сильнее.

Оцу, чье сердце трепетало, как пойманный воробей, наблюдала за Мусаси, спрятавшись за дерево. Она понимала, как глубоко ранила его, ей хотелось быть рядом с ним. Хотелось броситься к нему, моля о прощении, но ноги не слушались ее. Она впервые увидела, что ее возлюбленный

не был воплощением мужских добродетелей, какими она их представляла. Обнаружив в Мусаси животную страсть, зверя во плоти, Оцу опечалилась и испугалась.

Оцу побежала, но через двадцать шагов любовь к Мусаси остановила ее. Успокоившись, она убеждала себя, что страсть Мусаси отличается от животных примитивных чувств других мужчин. Больше всего на свете ей хотелось извиниться перед ним и уверить, что его поступок не обидел ее.

«Он все еще сердится. Что мне делать?» — подумала Оцу, заметив, что Мусаси нет на прежнем месте. Оцу вернулась к хижине, но увидела там лишь белую завесу из ледяных потоков водопада, сотрясавшего окрестные скалы и деревья.

— Оцу, какой ужас! Мусаси бросился со скалы в водопад! — отчаянно закричал Дзётаро. Мальчик спускался с крутого склона, хватаясь, словно обезьяна, за гибкие ветви глициний.

Оцу не разобрала слов Дзётаро, но поняла, что случилось что-то страшное. Она поспешила вниз, скользя по мшистым камням, цепляясь за траву.

В тумане брызг виднелось что-то похожее на обломок скалы, это был Мусаси. Скрестив руки на груди, склонив голову, Мусаси стоял под потоком

воды, падавшим на него с пятнадцатиметровой высоты. Оцу от ужаса застыла на полпути. Потрясенный Дзётаро стоял по другую сторону реки.

— Учитель!

— Мусаси!

Мусаси не услышал их криков. Тысячи серебряных драконов впивались ему в голову и плечи, глаза тысячи водяных демонов кружились в бешеной пляске. Потоки воды грозили в любой миг увлечь его за собой и разбить о камни. Малейший сбой в ритме дыхания, едва заметное колебание пульса — и он потеряет точку опоры на скользком камне. Казалось, горы Магомэ навалились на него, чтобы расплющить сердце и легкие Мусаси.

Страсть к Оцу умирала медленно, ибо была частью его горячей натуры, которая в свое время повлекла его на битву в Сэкигахару и впоследствии толкала на необыкновенные поступки. Мусаси осознал главную опасность — возможность под влиянием минуты забыть о годах тренировки и превратиться в неукротимого зверя. Меч бессилен против этого врага, скрытого и неуловимого. Потрясенный и подавленный открытием, Мусаси под потоками воды молился о том, чтобы боги даровали ему силу вернуться

на путь самообладания.

— Сенсей! Сенсей! — раздался плачущий голос Дзётаро. — Тебе нельзя умирать. Пожалуйста, не умирай!

Судорожно сжатые на груди руки, искаженное ужасом лицо отражали потрясение, охватившее мальчика. Он словно ощущал на плечах гнетущую тяжесть ревущего потока.

От взгляда на противоположный берег у Дзётаро подкосились ноги. Он не понимал намерений Мусаси. Может, он хочет простоять под водопадом, пока не умрет. Но что с Оцу? Куда она исчезла? Не прыгнула ли она в реку навстречу смерти?

Дзётаро смутно уловил голос Мусаси. Читал ли он сутру или гневно обличал себя?

Голос звучал твердо и добро. Широкие плечи, мощная грудь Мусаси дышали силой и молодостью, словно душа его очистилась и распахнулась для новой жизни.

Дзётаро почувствовал, что худшее миновало. В лучах закатного солнца над водопадом вспыхнула радуга.

— Оцу! — позвал мальчик. Он даже подумал, что Оцу просто ушла со скалы, поняв, что Мусаси вне опасности.

«Вот и хорошо. О ней можно не беспокоиться. Оцу знает Мусаси лучше меня», — подумал Дзётаро.

Дзётаро спустился вниз к потоку и в узком месте по камням перебрался на другой берег. Поднявшись по скале в хижину, он увидел Оцу, которая неподвижно сидела, прижав к груди кимоно и меч Мусаси.

Дзётаро понял, что ее нескрываемые слезы имели потаенный смысл. Он не понимал, что случилось с Оцу, но чувствовал сердцем волнение, которое она переживала. Немного постояв на пороге, он тихо побрел к дереву, под которым лежала корова, и повалился рядом с ней в белесую траву.

— Эдак мы никогда не доберемся до Эдо! — сказал мальчик.

Книга пятая. Небо

Похищение

Перевал остался позади. На горе Кома снег лежал острыми клиньями, а гора Онтакэ, видневшаяся сквозь красноватые почки деревьев, была усеяна снежными пятнами. Зеленоватая дымка молодой зелени покрывала поля и обочины дороги.

Оцу погрузилась в привычную задумчивость. Дзётаро был как молодой побег, сильный и упрямый, который нельзя ни подмять, ни затоптать. Дзётаро в последнее время рос на глазах. Порой Оцу улавливала в нем черты будущего мужчины.

Непослушание Дзётаро граничило с дерзостью. Оцу беспокоило его поведение, которое все труднее было оправдать тем, что мальчик воспитывался без родителей. Он выводил Оцу из терпения неуемной страстью к еде. В съестной лавке Дзётаро застывал на месте до тех пор, пока Оцу не покупала то, что он требовал. Получив рисовое печенье в Сухаре, он поклялся, что клянчит в последний раз, но через километр пути он, съев печенье, стал жаловаться на голод. Они не поссорились лишь потому, что Оцу рано остановилась

перекусить в чайной в Нэдзамэ. Они миновали еще один перевал, и Дзётаро запричитал, что вот-вот рухнет от истощения.

— Оцу, смотри, в лавке продают сушеную хурму. Купим, в дороге пригодится.

Оцу притворилась, будто не слышит.

После полудня они пришли в Фукусиму в провинции Синано, известную разнообразием снеди.

— Давай отдохнем, ну немного! — хныкал Дзётаро.

Оцу не отвечала.

— Оцу, давай купим рисовые колобки в соевой пудре. Здесь они самые вкусные. Не хочешь?

Дзётаро застыл перед лавкой, крепко держа корову за веревку, и Оцу поняла, что ей придется уступить.

— Какой ты ненасытный, — раздраженно произнесла она.

Корова, словно вступив в тайный сговор с Дзётаро, принялась щипать траву на обочине.

— Будешь так себя вести, расскажу Мусаси, — сердито произнесла Оцу. Дзётаро расхохотался, прекрасно зная, что Оцу никогда не пожалуется на него.

Убедившись в бесполезности наставлений, Оцу

неохотно спешилась. Они с Дзётаро зашли под навес, где подавали еду. Мальчишка зычным голосом заказал две порции и тут же выскочил, чтобы привязать корову. Когда он вернулся, Оцу сказала:

— Напрасно заказал мне. Я не хочу есть.

— Совсем?

— Ничуть! Обжоры превращаются в свиней.

— Придется мне съесть за тебя.

— Совсем забыл о совести.

Дзётаро, набив рот едой, ничего не слышал. Оторвавшись на миг от трапезы, он закинул деревянный меч за спину, чтобы оружие не давило ему на живот.

Не доев последний колобок, Дзётаро вдруг сорвался с места и выбежал из лавки.

— Наелся? — прокричала ему вслед Оцу.

Она оставила на столе деньги и пошла следом за мальчиком, но в этот момент Дзётаро вернулся и решительно преградил ей дорогу.

— Стой! Я видел Матахати, — взволнованно произнес он.

— Не может быть! — побледнела Оцу. — Что ему здесь делать?

— Не знаю. А ты его не заметила! Он стоял перед нами, закрывшись тростниковой шляпой, и в

упор глядел на тебя.

— Неужели?

— Привести и поставить его перед тобой?

— Не смей и думать!

— Не беспокойся, я пошутил. На худой конец можно позвать Мусаси.

Сердце Оцу бешено колотилось. Она понимала, что если они задержатся здесь, то Мусаси уйдет далеко вперед. Она заспешила к корове. Они двинулись в путь, и Дзётаро сказал:

— Не могу понять. До водопада в Магомэ мы весело шли вместе, а теперь Мусаси словно онемел, и ты с ним не разговариваешь. Что-то произошло?

Оцу не отвечала.

— Почему он идет один впереди? Почему мы спим все врозь? Вы что, поссорились? — настойчиво расспрашивал Дзётаро.

Оцу не могла честно ответить на этот вопрос. Она и сама не понимала, что случилось. Все мужчины, значит, обращаются с женщинами, как Мусаси, который так грубо хотел навязать ей свою любовь. Зачем она резко отвергла его? Досада и недоумение причиняли Оцу больше страданий, чем болезнь, от которой она постепенно оправлялась. Родник любви, питавший

ее все эти годы, внезапно превратился в кипящий водопад. Он сотрясал ее душу, сливаясь с воспоминанием о попытке Мусаси овладеть ею и победить ее непреклонность.

Оцу размышляла, как долго продлится их разлад, сколько они смогут пробыть рядом, так и не поняв друг друга. Она теперь сомневалась, стоит ли ей, как привязанной, следовать за Мусаси. Они почти не разговаривали, но Мусаси, казалось, не изменил решения довести ее до Эдо.

В Кодзэндзи они свернули на другую дорогу. На склоне горы им встретилась первая застава. Оцу слышала, что после битвы при Сэкигахаре правительство приказало тщательно проверять путников, особенно женщин. Рекомендательное письмо Карасумару завораживающе подействовало на стражу, и все трое благополучно проследовали через заставу.

За ней вдоль дороги тянулись чайные. Путники миновали последнюю из них, и Дзётаро спросил:

— Оцу, кто такой Фугэн?

— Фугэн?

— На пороге одной из чайных стоял монах. Увидев нас, он показал на тебя и сказал: «Фугэн на корове».

— Он, верно, говорил о бодхисаттве Фугэне.

— Тот самый, что едет на слоне? Тогда я бодхисаттва Мондзю. Они всегда неразлучны.

— Весьма прожорливый Мондзю, должна заметить.

— Достойная пара для плаксы Фугэна.

— Не смей так говорить.

— Почему Фугэн и Мондзю всегда вместе? Они ведь не мужчина и женщина?

Дзётаро нельзя было отказать в наблюдательности. Оцу, воспитанная в храме Сипподзи, могла подробно объяснить мальчику суть дела, но она просто ответила:

— Мондзю олицетворяет мудрость, Фугэн — верность и добропорядочность.

— Стой! — послышался голос сзади. Это был Матахати.

Оцу передернуло от отвращения. «Явился!» — мелькнуло у нее в голове. Обернувшись, она молча смотрела на Матахати. Он тяжелым взглядом впился в Оцу. В голове у него все перемешалось. После приступа ревности в Накацугаве он шел по следу Мусаси и Оцу. Он видел, что они держатся врозь, но объяснил это как хитрую попытку скрыть настоящие отношения. Воображение Матахати рисовало непристойные картины, героями которых были Мусаси и Оцу.

— Слезай! — приказал он Оцу.

Оцу смотрела невидящим взором, не проронив ни звука. Былые чувства к Матахати превратились в ненависть и презрение.

— Не тяни время!

Оцу пылала от негодования, но ответила сдержанно:

— С какой стати? У меня нет дела к тебе.

— Разве? — угрожающе проговорил Матахати, хватая Оцу за рукав. — Зато у меня есть! Сказал, слезай!

Дзётаро выпустил из рук веревку, за которую вел корову, и крикнул:

— Отстань! Она не хочет!

Он толкнул Матахати в грудь.

— Ты с ума сошел? — заорал Матахати, от неожиданности потерявший равновесие. Поправив соскользнувшие сандалии и грозно приподняв плечи, он продолжал: — Твою рожу я где-то видел. А, вспомнил! Ты прислуживал в винной лавке в Китано.

— Точно. А теперь я знаю, почему ты напивался до полусмерти. Ты жил со старой потаскухой, которая вертела тобой как хотела. Так ведь?

Дзётаро задел самое больное место в душе Матахати.

— Ах ты, наглый сопляк! — Матахати хотел схватить мальчика за шиворот, но тот увернулся. Теперь их разделяла корова.

— А кто же ты? Сопливый олух! Распутную бабу боялся.

Матахати бросился ловить Дзётаро, но мальчишка, поднырнув под корову, снова заслонился ею от Матахати. Дзётаро удалось несколько раз вывернуться, но в конце концов Матахати схватил врага за шиворот.

— А ну-ка, повтори, что ты сказал!

— Сопливый олух! Бабы испугался!

Дзётаро успел вытащить деревянный меч едва наполовину, как сильный удар подбросил его вверх и швырнул в заросли бамбука. Полуоглушенный, он лежал в какой-то луже.

Опомнившись, мокрый Дзётаро угрем выполз на дорогу, но он опоздал — корова и Оцу были далеко. Матахати бежал впереди, волоча скотину за веревку.

«Негодяй!» — простонал Дзётаро, проклиная свою беспомощность. Сил ему хватало лишь на то, чтобы ругаться, лежа в грязи.

В это время Мусаси сидел на камне, где-то в километре впереди своих спутников. Отдыхая, он рассматривал облака между холмами и горой

Кома и не мог определить, движутся они или застыли на месте.

Мусаси тряхнул головой, чтобы отделаться от назойливой мысли. Он думал только об Оцу, раздражаясь с каждой минутой. Лавина водопада смыла стыд и сожаление о содеянном, но Мусаси так и не понял, не ошибся ли он, открывшись Оцу. Почему она отвергла его, сбежала, словно презирала его?

«Оставь ее в покое!» — громко сказал себе Мусаси, зная, что пытается словами обмануть себя. Он пообещал Оцу, что в Эдо она займется образованием, а он продолжит военные занятия. Значит, окончательное решение их судьбы откладывается на неопределенное время. Мусаси покинул Киото с Оцу и теперь отвечал за ее жизнь.

«Что будет со мною? С моим мечом, если я буду с Оцу?»

Мусаси перевел взгляд на горную вершину и прикусил язык от стыда. Как мелочно он рассуждал! Горный пик презрительно взирал на него.

Мусаси терялся в догадках, почему отстали его спутники. Он поднялся с камня и посмотрел на дорогу — ни души, лишь черный лес в километре от того места, где он отдыхал.

«Может, задержали на заставе?»

Солнце клонилось к закату. Оцу и Дзётаро давно должны были бы догнать его. Внезапно Мусаси охватила тревога. Что-то случилось с ними! В следующий миг он уже несся под гору. Живность в полях от испуга бросилась врассыпную.

Воин из Кисо

Бегущего Мусаси вскоре окликнул путник:

— Это вы недавно шли с женщиной и мальчиком?

— Да, — ответил Мусаси, чувствуя резкий толчок сердца. — Что-то случилось с ними?

Все на дороге, кроме Мусаси, похоже, знали о происшествии. Какой-то молодой человек похитил девушку, ехавшую на корове. Видели, как он свернул к заставе по боковой тропе.

Путник не закончил рассказ, а Мусаси уже побежал дальше. Он летел как на крыльях, но достиг заставы через час, как раз в шесть, когда дорога закрывалась, как и окрестные чайные. Растерянный Мусаси бросился к старику, собиравшему скамьи перед своей лавкой.

— В чем дело, господин? Что-нибудь забыли у нас?

— Нет, я ищу девушку и мальчика, которые прошли здесь несколько часов назад.

— Девушка, похожая на Фугэна, верхом на корове?

— Да-да! — выпалил Мусаси. — Мне сказали, что ее похитил какой-то ронин. Не заметили,

каким путем они ушли?

— Сам я не видел, что произошло, но слышал, будто они свернули с тракта у могильного холма, стало быть, должны выйти к пруду Нобу.

Мусаси не представлял, кто бы мог украсть Оцу. Скорее всего, нападение совершил разбойник-ронин из тех, что шатаются по улицам в Наре. Или лихой человек из окрестных лесов. Мусаси молился, чтобы похититель оказался простым повесой, а не бандитом, промышляющим торговлей женщинами. Эти типы известны своей жестокостью.

Мусаси метался по округе в поисках пруда Нобу. Солнце зашло, и он едва различал предметы во мраке, хотя ярко сияли звезды. Дорога пошла вверх, и Мусаси понял, что он добрался до подножия горы Кома. Не увидев ничего похожего на пруд, Мусаси огляделся, решив, что сбился с пути. Вдали он рассмотрел крестьянский дом, полоску деревьев и темную громаду горы.

Подойдя поближе к дому, Мусаси увидел, что он большой и крепкий, хотя поросшая мхом поломанная крыша подгнила. Внутри было светло — горел очаг или лампа, рядом с кухней была привязана корова. Мусаси не сомневался, что та самая, на которой ехала Оцу.

Мусаси, держась в тени, подобрался к кухне и услышал громкий мужской голос из-за поленницы дров и вороха соломы.

— Мама, — говорил мужчина, — отдохни! Все жалуешься на глаза, а сама всегда работаешь в темноте.

В соседней с кухней комнате, освещенной лампой, слабо жужжало веретено. Вскоре веретено умолкло.

— Я скоро вернусь, только ноги вымою, — крикнул мужчина, выходя из кухни. — Приготовь, пожалуйста, ужин.

Он сел у ручья за кухней, поставил сандалии на камень и опустил ноги в воду. Корова положила голову ему на плечо. Мужчина погладил ее по носу.

— Мама, выйди на улицу, — позвал он. — Повезло мне сегодня с находкой. Откуда она? Корова, да такая справная!

Мусаси проскользнул мимо входа в дом и через боковое решетчатое окно заглянул в комнату по соседству с кухней, где горел очаг. Первое, что бросилось ему в глаза, было копье на стене. Прекрасное копье, отполированное и ухоженное, в кожаном с позолотой чехле. Мусаси удивился, обнаружив копье в крестьянском доме. Крестьяне

не имели права иметь оружие, если и имели деньги купить его.

Огонь на миг высветил фигуру мужчины, вернувшегося в дом. С первого взгляда стало ясно, что это не крестьянин. Глаза его были слишком ясными и зоркими. Мужчина был в коротком рабочем кимоно и забрызганных грязью ноговицах. Грива волос стянута на затылке соломенным жгутом. Приземистый, крепко сбитый, широкоплечий. Шагал он широко и решительно.

Дым от очага повалил в решетчатое окно. Мусаси заслонился было руками, но, глотнув дыма, закашлялся.

— Кто там? — спросила из кухни старуха. — Гонноскэ, ты закрыл кладовку? Похоже, вор забрался. Я слышала его кашель, — сказала она, входя в комнату с очагом.

— Где же вор? — спросил Гонноскэ, появившись из-за дома.

— Где-то здесь, — ответила из кухни старуха. — Я слышала, как он кашляет.

— Почудилось, верно.

— Слух меня не подводил пока! Я и лицо его заметила в окне. Он закашлялся от чада очага.

Гонноскэ сделал шагов двадцать, настороженно оглядываясь, как часовой в крепости.

— И правда. Чую человека.

Взгляд Гонноскэ, его повадки подсказывали Мусаси, что с этим человеком надо быть начеку. Гонноскэ двигался, чуть подавшись вперед. Мусаси не сразу разобрал, какое оружие у него в руках, но когда Гонноскэ повернулся, то увидел дубину длиной в метр с небольшим. Не просто палка, а отполированное временем оружие, которое, казалось, было частью Гонноскэ. Не приходилось сомневаться, что хозяин прекрасно владел им.

— Эй! Я пришел за своими спутниками, — крикнул Мусаси, выходя из-за кустов.

Гонноскэ молчал.

— Верни женщину и мальчика, которых ты похитил на дороге. Коли они целы и невредимы, расстанемся мирно, но если ты обидел их, то берегись!

В холодном воздухе повисла тишина. С гор повеяло свежестью нерастаявшего снега.

— Немедленно верни их! — Голос Мусаси звучал холодно, как ветер с гор.

Гонноскэ применил так называемый обратный захват дубинки. Волосы на его голове встали дыбом, как иглы у ежа. Расправив плечи, он крикнул:

— Эй ты, лошадиный помет! Ты кого обвиняешь

в похищении?

— Тебя! Ты воспользовался беззащитностью женщины и мальчика и захватил их. Сейчас же верни их!

Боковой удар дубиной последовал настолько быстро, что Мусаси едва успел отскочить. Оружие было словно продолжением руки Гонноскэ.

— Смотри, пожалеешь! — прокричал Мусаси.

— Ты что вообразил о себе, ублюдок! — ответил Гонноскэ, нанося еще один удар. Мусаси отскочил шагов на десять, но Гонноскэ не отступал.

Мусаси дважды пытался вытащить меч, но не решился. В момент, когда он будет вынимать меч из ножен, его локоть окажется незащищенным. Судя по быстроте реакции Гонноскэ, Мусаси не удалось бы обнажить меч. С коренастым противником шутить было опасно. Даже сбой в дыхании мог бы поставить Мусаси под удар.

Мусаси понял, что недооценил своего противника, который принял позицию «несокрушимого совершенства». Коренастый владел техникой, какую Мусаси не видел ни у одного фехтовальщика. Выражение глаз Гонноскэ подсказывало, что он постиг Путь, постоянно ускользавший от Мусаси.

Времени на раздумья не было. Удары сыпались

градом вместе с проклятиями Гонноскэ. Он бил то одной рукой, то обеими, чередовал удары сверху с горизонтальными, делал выпады вперед, нападал сбоку. Меч разит только острием, рукоятка его безвредна, а дубина наносит смертельный удар обоими концами. Гонноскэ вращал дубиной, как конфетчик разминает кусок сладкой массы, то укорачивая, то удлиняя его, то делая совсем невидимым, то подбрасывая его вверх, то швыряя вниз. Дубина, казалось, одновременно мелькала повсюду.

— Гонноскэ, осторожнее! Он не похож на простых самураев, — кричала сыну старуха, высунувшись в окно.

— Не беспокойся! — отвечал коренастый.

От заботы матери он словно обрел новую силу.

В какой-то момент Мусаси, уйдя от удара в плечо, припал к земле и оказался вплотную к Гонноскэ. Схватив противника за запястья, Мусаси швырнул его на землю, придавив тяжестью тела. Ноги Гонноскэ неистово пинали воздух, не находя опоры.

— Стой! — крикнула старуха, от волнения сломав плетеную бамбуковую решетку окна. Она была вне себя от изумления, увидев сына поверженным. Отчаяние на ее лице остановило

Мусаси от следующего неминуемого шага, когда он выхватил бы меч и прикончил противника.

— Хорошо, я подожду! — ответил Мусаси, сидя верхом на противнике.

Старуха с воплем выскочила из дома.

— Как ты допустил такой позор? — обратилась она к сыну. — Не бойся, я помогу тебе.

Мусаси ожидал, что старуха, пав на колени, будет молить о пощаде, но он ошибся. Старуха прятала за спиной копье, блеск его наконечника не ускользнул от Мусаси. Взор старухи, казалось, мог испепелить незнакомца.

— Грязный ронин, — кричала она, — ты прибег к подлому приему! Принял нас за безмозглых крестьян?

Мусаси не отразил бы нападения сзади, потому что Гонноскэ бешено вертелся под ним, пытаясь не только высвободиться, но и подставить Мусаси под удар матери.

— Не волнуйся, мать! — кричал Гонноскэ. — Сейчас я освобожусь. Не подходи слишком близко!

— Спокойнее! — предупредила старуха. — Тебе не пристало проигрывать всякому бродяге. Помни о предках! В тебе течет кровь великого Какумё, который сражался плечом к плечу с про-

славленным полководцем Кисо.

— Помню! — отвечал сын.

Извернувшись, Гонноскэ укусил Мусаси в ягодицу и ударил его дубиной. Старуха занесла копье.

— Стойте! — крикнул Мусаси.

Схватка достигла того накала, когда смерть одного из противников была неизбежной. Будь Мусаси уверен, что Оцу и Дзётаро спрятаны здесь, он не задумываясь прикончил бы Гонноскэ. Сомнения подсказывали, что сначала лучше все выяснить. Он попросил старуху отбросить копье.

— Что скажешь, сын? — спросила она Гонноскэ.

Коренастый, прижатый к земле, тоже задумался. Вероятно, у ронина были основания предполагать, что его спутники находятся здесь. Бессмысленно рисковать жизнью из-за недоразумения.

Поднявшись с земли, Мусаси и Гонноскэ в одну минуту объяснились. Войдя в дом, все трое направились к очагу. Подкладывая дрова в огонь, старуха проговорила:

— Мы оказались на волосок от беды. Подумать только, драка возникла из ничего!

Гонноскэ хотел было сесть рядом с матерью, но

та остановила его:

— Прежде проведи гостя по всему дому, дабы он удостоверился, что его друзей здесь нет. Хочу, чтобы ты собственными глазами проверил, — добавила старуха, обращаясь к Мусаси.

— Ты права, — ответил Гонноскэ. — Осмотрите дом. Не люблю, когда меня обвиняют в умыкании людей.

Мусаси отказался.

— Нет необходимости. Понятно, что вы не имеете отношения к похищению. Простите за дурные подозрения.

— Я тоже виноват, — извиняющимся тоном ответил Гонноскэ. — Надо было все выяснить, а не горячиться.

Мусаси осторожно начал расспрашивать про корову, которую он нанял в Сэте.

— Я ее нашел, — ответил Гонноскэ. — Я ловил гольцов в пруду Нобу и по пути домой увидел корову, увязнувшую в болоте. Корова отчаянно мычала, все глубже погружаясь в трясину. Я ее вытащил, никто из соседей не признал ее, поэтому я решил, что она краденая. Вору, видно, пришлось ее бросить. Корова в деревне стоит десяти работников, — продолжал с улыбкой Гонноскэ. — А это прекрасная молодая корова.

Я подумал, что небеса послали ее мне, нищему. Я не могу прокормить старуху-мать без помощи свыше. Я бы вернул корову хозяину, но не знаю, кто он.

Мусаси подкупили прямодушие и бесхитростность Гонноскэ, присущие деревенским жителям.

Старуха, похоже, почувствовала расположение к Мусаси.

— Ясно, что наш гость беспокоится о своих друзьях, — обратилась она к сыну. — После ужина пойдем с ним на поиски. Они должны быть около пруда. В наших горах нет житья от бандитов, самое опасное место для путников. Крадут все подряд: лошадей, овощи, людей. Похищение женщин — излюбленное занятие местных разбойников.

С гор налетали сильные порывы ветра, сотрясая деревья, пригибая траву. Звезды холодно и безмолвно смотрели сверху. Гонноскэ поднял факел, дожидаясь Мусаси.

— Никто ничего не знает, — произнес Гонноскэ. — Остается единственный дом у пруда, вон там за деревьями. Хозяин охотится в горах, когда не занят в поле. Он наша последняя надежда.

— Обошли десять домов, и все напрасно, — из-

виняющимся тоном произнес Мусаси. — Моих спутников, видимо, здесь нет. Спросим в последний раз и вернемся назад.

Было за полночь. Мусаси надеялся хоть что-то разузнать о Дзётаро, но о мальчике здесь никто не слышал. На вопрос об Оцу крестьяне отвечали долгим недоуменным взглядом.

— Не беспокойтесь, я могу всю ночь искать, — сказал Гонноскэ. — Кем приходятся вам пропавшие? Брат? Сестра? Слуги?

— Самые дорогие для меня люди на свете, — ответил Мусаси.

Конечно, можно было расспросить поподробнее, но Гонноскэ молча свернул на узкую тропинку, ведущую к пруду Нобу.

Мусаси не терпелось расспросить Гонноскэ, где он научился владеть дубинкой, но приличия удерживали Мусаси от разговора. Их встреча произошла по чистой случайности и едва не обернулась трагически, но Мусаси благодарил судьбу, давшую ему возможность увидеть виртуозную технику.

— Подождите здесь, — сказал Гонноскэ. — Хозяева спят, не надо их пугать. Я сам поговорю с ними.

Соломенная крыша дома была почти невиди-

мой из-за густых деревьев. Шаги Гонноскэ скоро замолкли. Под ветром шелестел бамбук. Вскоре Мусаси услышал сильный стук в дверь.

Гонноскэ вернулся с известием, вселившим надежду в Мусаси. Сначала разбуженные хозяева дома не могли уразуметь, что от них требуется, но потом хозяйка сказала, что под вечер, возвращаясь из лавки, она видела мчавшегося по дороге мальчика. Он бежал в сторону Ябухары, был заляпан грязью, за поясом у него торчал длинный деревянный меч. Мальчик спросил у нее, где находится контора наместника сёгуна. Он рассказал, что злой человек похитил его попутчицу. Крестьянка ответила, что чиновнику нет дела до маленьких людей и он никогда не станет хлопотать с облавой из-за такого пустяка. Случись это с важной персоной, то по приказу сверху люди сёгуна своротили бы с места каждый камень в округе. Мальчик, по ее мнению, напрасно терял время. И вообще, на горной дороге разбойники грабят и похищают людей и днем и ночью.

Крестьянка посоветовала мальчику дойти до местечка Нараи, где у развилки дорог стоит оптовая лавка, торгующая целебными травами. Хозяин лавки по фамилии Дайдзо сможет ему помочь. Дайдзо славился тем, что всегда выручал

обиженных, если находил, что они пострадали незаслуженно.

— Верно, тот мальчик и есть ваш Дзётаро, — завершил рассказ Гонноскэ.

— Да, это он, — отозвался Мусаси. — Надо немедленно идти в Нараи, чтобы встретиться с Дайдзо. Благодарение небу, мы хотя бы узнали, с чего начать.

— Переночуйте у нас, — сказал Гонноскэ. — Утром пойдете после завтрака.

— А это удобно?

— Конечно. На лодке переправимся через пруд, вдвое сократив путь.

Охотник разрешил взять его лодку.

Пруд Нобу походил на огромный барабан. Ширина его была метров сто. Берега окаймляла черная стена ив, в воде отражались гора Кома и звезды.

Лодка беззвучно скользила по воде. Гонноскэ отталкивался шестом, Мусаси держал факел, багровым пятном отражавшийся в пруду. Отблеск сиял ярче пламени.

Ядовитые зубы

Факел и его отражение в воде издали походили на две огненные птицы, скользящие по гладкой поверхности пруда.

— Кто-то плывет сюда, — прошептал Матахати. — Ну а мы пойдем в другую сторону.

Он дернул за конец веревки, которой была связана Оцу.

— Пойдем! — приказал он.

— Никуда не пойду, — решительно ответила Оцу.

— Вставай!

Матахати несколько раз хлестнул ее концом веревки. Каждый удар только укреплял намерение Оцу не двигаться с места.

Матахати растерялся.

— Пойдем, пожалуйста! — жалобно заскулил он.

Оцу не двигалась. Гнев охватил Матахати. Схватив девушку за ворот, он исступленно потянул ее за собой.

— Пойдешь, раз я говорю!

Оцу обернулась к пруду и хотела закричать, но Матахати быстро заткнул ей рот полотенцем. Ему

не без труда удалось оттащить Оцу к маленькому храму, скрытому ивами.

Оцу сгорала от нетерпения освободить руки, чтобы наброситься на похитителя. Она готова была превратиться в змею, похожую на ту, которая была изображена на стене храма. Змея, обвившись вокруг ивы, шипела на нападавшего на нее человека.

— Нам повезло, — облегченно вздохнул Матахати, заталкивая Оцу в храм. Он привалился к входу с наружной стороны, внимательно наблюдая за лодкой, которая в этот момент входила в узкую протоку. До лодки было метров четыреста.

Матахати порядком измотался за день. Он пытался силой овладеть Оцу, но она твердо заявила, что скорее умрет, чем отдастся ему. Оцу пригрозила покончить с собой, откусив язык, и Матахати понял, что она не бросает слов на ветер. От отчаяния он даже подумал убить ее, но от одной этой мысли руки и ноги не слушались его.

Матахати не мог понять, почему теперь Оцу предпочла ему Мусаси; хотя в прошлом все было наоборот. Он всегда нравился женщинам, хотя бы Око, которая влюбилась в него с первого взгляда. Оцу вела себя так сурово, потому что Мусаси оклеветал его. Матахати вскипал от гнева, думая

о Мусаси.

«Какой же я болван! — сокрушался он. — Почему я поддался на обман? Даже плакал, когда Мусаси повел речь о неумирающей дружбе, про то, как он дорожит ею!»

Матахати ругал себя за то, что пренебрег советом Сасаки Кодзиро. «Стоит довериться негодяю Мусаси, и ты — конченый человек», — звучало у него в ушах предостережение Кодзиро.

Матахати до сих пор не разобрался в своем отношении к Мусаси, но отныне возненавидел его всей душой. Не найдя отдушины для негодования, Матахати стал молиться за вечную погибель души Мусаси. Теперь он не сомневался — Мусаси существует на земле только для того, чтобы при первом удобном случае погубить Матахати. «Проклятый лицедей, — пыхтел Матахати. — После долгих лет разлуки читал мне наставления о необходимости стать человеком, распинался, что поддержит меня и мы пойдем по жизни плечом к плечу. И с таким искренним видом! Воротит от одного воспоминания. А сам, конечно, в душе хохотал надо мной.

Так называемые хорошие люди — пустая выдумка. Мусаси — тому пример. Теперь-то я вижу их насквозь! Больше меня не проведешь. Зачем

зарываться в глупые книги и снова обрекать себя на лишения? Ради того, чтобы стать одним из „хороших“? Хватит сказочек! Пойду на преступление, до конца дней буду на пути негодяя Мусаси! Он меня попомнит!»

Матахати пнул дверь в храм. Вытащив полотенце изо рта Оцу, он спросил:

— Хнычешь по-прежнему?

Оцу молчала.

— Отвечай, когда тебя спрашивают!

Матахати пнул лежащую на полу девушку.

— Мне не о чем говорить с тобой, — ответила Оцу. — Хочешь убить меня, то сделай это как мужчина.

— Не придуривайся! Меня теперь не остановить. Вы с Мусаси загубили мою жизнь, но я с вами расквитаюсь любой ценой.

— Глупости! Никто не сбивал тебя с толку, сам во всем виноват. Не без помощи этой Око.

— Придержи язык!

— До чего ты похож на мать! Странная вы семья! Почему ненавидите всех?

— Хватит, разболталась! Отвечай, пойдешь за меня замуж?

— Тебе известен мой ответ.

— Нет, ты скажи!

— Мое сердце навеки отдано единственному мужчине — Миямото Мусаси. Мне больше никто не нужен, а уж тем более такое ничтожество, как ты. Ненавижу тебя!

Дрожь пробежала по телу Матахати. Он хищно засмеялся:

— Ненавидишь? Тем хуже для тебя. Знай, с сегодняшней ночи твое тело принадлежит только мне.

Оцу невольно отодвинулась от Матахати.

— Не нравится?

— Я воспитана в храме. У меня нет ни отца, ни матери. Смерть не пугает меня.

— Шутишь, — произнес Матахати, прижимаясь лицом к Оцу. — Что ты лопотала про смерть? Просто убить тебя мне неинтересно. Есть кое-что позабавнее!

С этими словами Матахати вонзил зубы в предплечье Оцу. Она пронзительно вскрикнула, пытаясь вырваться из его рук, но Матахати еще крепче стиснул челюсти. Его не испугала кровь на рукаве Оцу.

Оцу лишилась чувств. Выпустив ее обмякшее тело, Матахати поспешно заглянул ей в рот: проверить, не откусила ли она язык. Испарина покрыла лоб Оцу.

— Оцу, прости меня! — взвыл Матахати.

Он тряс девушку до тех пор, пока та не открыла глаза.

— Как больно! — забилась в судороге Оцу. — Дзётаро, Дзётаро! Спаси меня!

— Что, больно? Ничего, заживет, но следы от моих зубов останутся навсегда. Как объяснишь людям эти рубцы? Что подумает Мусаси? Я поставил тебе клеймо, значит ты будешь моей. Пожалуйста, беги, но теперь ты меня уже не забудешь! — сказал Матахати, тяжело дыша.

Рыдания Оцу гулко отдавались в темноте храма.

— Замолчи! Надоели твои слезы. Никто не собирается тебя трогать. Воды принести? — Взяв с алтаря глиняную чашку, Матахати вышел.

На пороге он наткнулся на человека, который хотел заглянуть в храм. Он бросился наутек, но Матахати в два прыжка настиг его.

Это был крестьянин, который вез рис на оптовый базар в Сиёдзири. Мешки были навьючены на лошадь. Крестьянин рухнул в ноги Матахати, дрожа от страха.

— Я не сделал ничего плохого, — взмолился крестьянин. — Просто услышал женский крик и хотел узнать, что случилось.

— Не врешь? — строго спросил Матахати.

— Клянусь небом.

— Тогда живи! Сними мешки и посади на лошадь женщину. Привяжи ее получше. Пойдешь с нами, пока не отпущу тебя. — Матахати угрожающе поигрывал рукояткой меча.

Крестьянин поспешно выполнил приказ, и они втроем двинулись в путь. Матахати подобрал бамбуковую палку, чтобы подгонять крестьянина.

— Наш путь лежит в Эдо, но не по тракту. Веди в обход, чтобы никого не встретили на дороге.

— Так это очень трудно!

— Поговори у меня! Веди в обход! Надо выйти на Ину и оттуда на Косю, минуя тракт.

— Придется карабкаться по крутой тропе от Убагами до перевала Гомбэй.

— Годится и тропа. Не вздумай хитрить, не то расколю тебе башку! Ты мне вовсе не нужен, в отличие от твоей лошади. Скажи спасибо, что беру тебя с собой.

Тропа круто уходила в гору. Когда беглецы достигли Убагами, и они, и лошадь валились с ног от усталости. Облака клубились в долине внизу. На востоке засветилась полоска зари. Оцу не проронила ни слова, но на рассвете произнесла

ровным голосом:

— Матахати, отпусти человека и верни лошадь. Я никуда не денусь.

Матахати заупрямился, но Оцу настояла на своем. Крестьянин и лошадь ушли.

— Не вздумай бежать, — предупредил Матахати Оцу.

— Не убегу, — ответила Оцу, зажимая ладонью укус. — Не хочу, чтобы кто-нибудь увидел следы твоих ядовитых зубов.

Материнское наставление

— Мама, — раздался голос Гонноскэ. — Хватит бранить меня. Сама видишь, как я огорчен.

Гонноскэ плакал, слова перемежались всхлипываниями.

— Тише! Разбудишь его! — Голос матери звучал ласково, но твердо, таким тоном увещевают трехлетнего малыша. — Если тебе так плохо, — продолжала мать, — то выход один: взять себя в руки и совершить то, что диктуют правила Пути. Плакать бессмысленно, более того — и неприлично. Вытри слезы!

— Умоляю, прости мое позорное поражение вчера!

— Я вынуждена тебя ругать, но знаю, что все определяет мастерство. Недаром говорят, что человек слабеет, не встречая сопротивления. Твое поражение подтверждает это.

— Горько слышать такие слова от тебя. Я проиграл, хотя ты ободряла и помогала мне. У меня нет ни таланта, ни силы духа, чтобы стать настоящим воином. Придется оставить боевое искусство и стать крестьянином. Мотыга прокормит меня лучше, чем боевая дубинка.

Мусаси проснулся. Он удивился, что молодой человек и его мать всерьез восприняли вчерашнее столкновение. Сам он не вспоминал о стычке, считая ее досадным недоразумением с обеих сторон. «Поразительное чувство чести у них», — подумал Мусаси. Неслышно войдя в соседнюю комнату, он заглянул в щелку между створками фусума.

Мать Гонноскэ, освещенная утренним солнцем, сидела спиной к буддийскому алтарю. Сын склонил перед ней мокрое от слез лицо. Старуха схватила его за ворот и грозно произнесла:

— Что ты сказал? Превратиться в крестьянина? — Подтащив сына ближе к себе, старуха возмущенно продолжала: — Все эти годы я живу ради того, чтобы сделать из тебя самурая и восстановить семейную честь. Я заставила тебя прочитать множество книг и заняться боевым искусством. Другой заботы у меня нет. А ты хочешь взять мотыгу в руки? — Из глаз старухи потекли слезы. — Он побил тебя, ты обязан отомстить за себя, — продолжала она. — Он пока здесь. Когда проснется, вызови его на поединок, только так ты вновь обретешь веру в себя.

Гонноскэ, взглянув в лицо матери, грустно вымолвил:

— Будь я способен на такой шаг, мама, я бы не чувствовал себя законченным неудачником.

— Что с тобой? Тебя словно подменили. Где твоя воля?

— Вчера ночью, когда мы шли к пруду, я все улучал момент для нападения, но так и не смог. Я твердил про себя, что он всего лишь безродный ронин, но стоило мне посмотреть на него, рука моя отказывалась повиноваться.

— Ты просто думал как жалкий трус.

— И что ж? Знаю, в моих жилах течет кровь самураев Кисо, я не забыл, как молился двадцать один день перед богом Онтакэ.

— А ты не забыл, как поклялся перед ним, что создашь свою школу владения боевой дубинкой?

— Да, но вчера меня подвела гордыня. Я не ожидал, что кто-то умеет сражаться лучше меня. Вчера я понял свое несовершенство. Способен ли такой человек создать свою школу? Мы навсегда обречены на нищету. Не лучше ли сломать дубинку и заняться трудом!

— Ты выиграл все поединки. Как знать, может, бог Онтакэ преподал тебе урок вчера. Наказал за самоуверенность. Ты не сделаешь меня счастливее, отказавшись от дубинки. Когда ронин проснется, брось ему вызов. Если еще раз проигра-

ешь, тогда и вправду следует навсегда отказаться от былых надежд.

Мусаси тихо вернулся в свою комнату и присел в задумчивости. Если Гонноскэ бросит вызов, придется драться, а значит, он выиграет. Гонноскэ умрет, оставив мать в безутешном горе. «Надо избежать поединка», — решил Мусаси.

Неслышно отодвинув сёдзи, выходящие на веранду, Мусаси выскользнул из дома. Деревья купались в лучах утреннего солнца. У сарая в дальнем конце двора корова щипала траву, радуясь лишнему дню отдыха. Мусаси про себя попрощался с ней, пробрался сквозь кусты на тропинку, бегущую через поле, и скрылся из виду. Туманная завеса спала, и гора Кома предстала взору от подножия до вершины. Причудливой формы облачка плыли по небу.

«Дзётаро еще мал, а Оцу слишком слаба, — рассуждал Мусаси. — Найдутся добрые люди, которые позаботятся о ребенке и беспомощной женщине. Пусть небеса решат, суждена ли мне встреча с Оцу и Дзётаро».

Пережитое у водопада потрясение привело Мусаси в смятение, но сейчас он обрел душевный покой. Мусаси понял, что нельзя в это солнечное утро думать лишь об Оцу и Дзётаро, как бы доро-

ги они ему ни были. Он должен владеть собой и твердо следовать избранному Пути, который будет вести его и в этой, и в последующей жизни.

Мусаси пришел в Нараи вскоре после полудня. Это было бойкое торговое место. Мусаси миновал лавку, торгующую шкурами, затем еще одну, на прилавке которой лежали гребни из Кисо. Следующей была лавка, где продавали лекарство из медвежьей желчи. Мусаси решил заглянуть в нее. Вход в лавку украшала вывеска «Большой Медведь», под которой в клетке сидел живой медведь-великан.

Хозяин, пивший чай, обернулся на стук.

— Чем могу служить? — спросил он Мусаси.

— Как мне найти лавку, принадлежащую человеку по имени Дайдзо?

— Дайдзо? На следующем перекрестке.

Хозяин «Большого Медведя» с чашкой в руках вышел на дорогу и подробно объяснил, как пройти. Увидев своего помощника, который возвращался после выполнения какого-то поручения, хозяин подозвал его.

— Проводи господина к Дайдзо, — приказал хозяин. — Почтенный самурай не может терять время на поиски лавки.

Голова у подмастерья была бритой, только на

лбу и на затылке торчало по клочку волос. Он бодро зашагал впереди. Мусаси понял, что Дайдзо пользовался уважением в округе.

— Вот она, — указал подмастерье на лавку и отправился восвояси.

Мусаси ожидал увидеть обычное придорожное заведение, а перед ним был большой дом. Забранная решеткой витрина была пяти метров длиной, из-за дома выглядывали крыши двух амбаров. Двор окружала высокая стена, парадный вход был закрыт.

Мусаси нерешительно отодвинул сёдзи. В просторном помещении царил полумрак, пол был земляным, поэтому внутри сохранялась приятная прохлада. Мусаси почему-то подумал, что так должна выглядеть винокурня.

— Добрый день, — негромко обратился он к человеку за конторкой.

Мусаси объяснил цель своего прихода, и человек понимающе кивнул:

— Вы, значит, пришли за мальчиком.

Человек, оказавшийся приказчиком, предложил Мусаси подушку дзабутон, пригласив сесть.

— К сожалению, вы с ним разминулись, — продолжал он. — Мальчик прибежал в полночь, мы как раз укладывали дорожные вещи хозяина,

который отправлялся в путь на следующее утро. Насколько я знаю, разбойники похитили спутницу мальчика, и он просил о помощи. Хозяин пообещал ему сделать все возможное. Неизвестно, кто похитил женщину. Будь это местные разбойники, все решилось бы просто. Похоже, что это дело рук кого-то из пришлых, поэтому похититель непременно затаится подальше от тракта.

Утром хозяин разослал на поиски наших людей, но они вернулись ни с чем. Мальчика, убитого горем, хозяин взял с собой. Кто знает, может, в пути они услышат о похищенной женщине или встретят вас. Часа четыре, как хозяин и мальчик отправились в дорогу. Досадно, что вы разминулись!

Рассказ огорчил Мусаси, но он понимал, что не застал бы Дзётаро здесь, если бы и вышел пораньше. Мусаси утешился мудростью о том, что для того, кто ищет, всегда остается завтрашний день.

— Куда отправился господин Дайдзо?

— Трудно сказать. У нас не совсем обычная лавка. Мы скупаем целебные травы, растущие в горах. Сборщики приносят их дважды в год, весной и осенью. Наш хозяин не слишком занят, поэтому часто путешествует — по храмам и свя-

тым местам, по известным горячим источникам и живописным уголкам страны. На этот раз он, кажется, собирался в Дзэнкодзи, потом по Этиго, а напоследок в Эдо. Точно не знаю. Хозяин никогда не говорит, куда отправляется… Еще чаю?

Мусаси досадовал из-за потери драгоценного времени, но отказываться было неприлично. Принесли чай. Мусаси спросил, как выглядит Дайдзо.

— Вы его сразу узнаете! Ему пятьдесят два года, крепкого сложения, коренаст, лицо рябоватое. Справа на голове залысина.

— А какого он роста?

— Среднего.

— Как он одет?

— Одежда у него приметная. Хлопчатобумажное полосатое китайское кимоно, которое он заказал в Сакаи специально для этого путешествия. Ткань эта редкая, едва ли найдется второе такое кимоно.

Мусаси теперь имел представление о внешности Дайдзо. Соблюдая этикет, он еще некоторое время посидел за чаем. Мусаси не догнал бы путников сегодня, но мог бы перехватить их на перевале Сиёдзири на следующее утро, если прошагает всю ночь напролет.

К вечеру Мусаси дошел до того места, откуда начинался подъем на перевал. Солнце село, дорогу окутал туман. Весна была на исходе. Кучка домов жалась к подножию гор. До перевала оставалось километров пять. Мусаси шел без остановки, пока не достиг Инодзигахары, небольшого плоскогорья перед перевалом. Он улегся на землю по соседству со звездами и мгновенно заснул глубоким сном.

На скалистом выступе, возвышавшемся посредине плато, стоял маленький храм Сэнгэн. Это было самое высокое место в окрестностях Сиёдзири.

Мусаси разбудили голоса.

— Сюда! Отсюда видна Фудзияма!

Мусаси сел, огляделся, но никого не увидел. Утренний воздух был кристально прозрачен! Над морем облаков к небу гордо вознесся алый конус Фудзиямы, сияющей белоснежной вершиной. Детский восторг охватил Мусаси. Он видел множество изображений Фудзиямы, рисовал гору в воображении, но впервые воочию увидел священную вершину. Она находилась на расстоянии в сто километров, но казалось, что до нее рукой подать. «Чудо!» — прошептал Мусаси, вытирая слезы восторга. Он с новой силой ощу-

тил бесконечное великолепие природы и свою ничтожность по сравнению с ее величием. После победы у раскидистой сосны ему порой представлялось, что на свете не так уж много мастеров меча, способных сравниться с ним. А может, и вообще нет. Сейчас Мусаси понял, что его жизнь — краткий миг, а неповторимая красота Фудзиямы вечна. Мусаси застыдился, что он в гордыне переоценил себя.

Величавая природа еще раз явила свое превосходство над человеком. Мусаси упал на колени, обратившись лицом к горе, и стал молить о прощении за греховные мысли. Молился и за упокой души матери, за спасение Оцу и Дзётаро. Он благодарил землю, на которой родился, и просил даровать ему славу, пусть ничтожную по сравнению с величием природы. Мысли вереницей неслись в его голове. Правильно ли считать человека ничтожным? Не кажется ли природа могучей только в том случае, когда на нее смотрят глаза человека? Не возникли ли сами боги благодаря тому, что к ним взывали сердца смертных? Живой дух человека, а не мертвый камень совершает великие деяния.

«Я человек, но не так уж далек от богов и вселенной, — думал Мусаси. — Я могу коснуться

их своим мечом, но не раньше чем почувствую единение с природой, не раньше чем достигну высшей точки мастерства, развив все свои способности».

Показалась группа торговцев, чьи голоса разбудили Мусаси. Торговцы остановились, глядя на Фудзияму.

— Прекрасный вид!

— Немногим доводится поклониться отсюда священной горе.

Движение на дороге оживилось. В обоих направлениях, как муравьи, текли вереницы путников с поклажей. Рано или поздно должны были показаться Дайдзо и Дзётаро. Если он вдруг проглядит их, то они обязательно прочтут надпись, сделанную Мусаси у подножия скалы:

«Господину Дайдзо из Нараи.
Хочу встретить вас на перевале. Жду в храме на скале.

Мусаси, учитель Дзётаро».

Солнце поднялось высоко над горизонтом. Мусаси, как ястреб, вглядывался в дорогу, но Дайдзо не появлялся. За перевалом дорога разбегалась в трех направлениях — напрямую в Эдо через Косю, вторая, главная, через перевал Усуи — в

Эдо с севера, третья вела в северные провинции. Направлялся ли Дайдзо на север в Дзэнкодзи или на восток в Эдо, ему не миновать перевала. Мусаси хорошо усвоил, что люди ведут себя непредсказуемо. Торговец мог свернуть в сторону или провести лишнюю ночь у подножия горы. Мусаси размышлял, не спуститься ли ему вниз, чтобы навести справки о Дайдзо.

Мусаси решил пойти вниз, но едва ступил на каменистую тропинку, как услышал знакомый мужской голос:

— Он здесь, наверху.

Мусаси мгновенно вспомнил дубинку, которая две ночи назад едва не поколотила его.

— Иди сюда! — крикнул Гонноскэ, сжимая дубинку и сверля взглядом Мусаси. — Ты сбежал. Знал, что я вызову тебя на поединок. Спускайся, сразимся!

Привалившись к скале, Мусаси безмолвно смотрел на Гонноскэ. Тот решил, что Мусаси не намерен сойти вниз.

— Подожди, мама, — сказал он старухе, — сейчас я сброшу его со скалы.

— Стой! — одернула она сына. — Всегда допускаешь одну и ту же ошибку, чересчур нетерпелив. Надо сначала прочитать мысли противника, а по-

том бросаться в бой. Он, предположим, швырнет в тебя камнем, что тогда? — Старуха говорила, сидя на корове.

Мусаси слышал их голоса, но не мог разобрать слов. Он знал, что уже выиграл бой, поскольку разгадал технику Гонноскэ. Мусаси сожалел об их непримиримости и настойчивости. Они только ожесточатся, если Гонноскэ потерпит новое поражение. Борьба с домом Ёсиоки убедила Мусаси в том, насколько бесполезны поединки, порождающие усиление вражды. Мать Гонноскэ походила на Осуги — женщину, ослепленную любовью к сыну и ненавидящую всякого, кто посмел тронуть пальцем ее чадо.

Мусаси стал карабкаться вверх.

— Стой! — Голос старухи звучал так повелительно, что Мусаси невольно застыл на месте.

Старуха, спустившись с коровы, подошла к подножию скалы. Проверив, видит ли ее Мусаси, она простерлась на земле в поклоне.

Мусаси смутился от такого самоуничижения пожилой женщины. Он поспешно отвесил ответный поклон и протянул руки, словно бы желая поднять старуху на ноги.

— Добрый самурай, — заговорила она, — постыдно стоять так перед тобой. Понимаю, ты

презираешь мою назойливость. Причина не в упрямстве или ненависти. Прошу проявить снисходительность к моему сыну. Десять лет он занимается боевым искусством, без учителя, без друзей, без достойного соперника. Умоляю преподать ему еще один урок фехтования!

Мусаси молчал.

— Надеюсь, ты не оставишь нас, не блеснув мастерством, — взволнованно продолжала старуха. — Позавчера сын сражался отвратительно. Если он не докажет свои способности, мы с ним опозорим своих предков. Сейчас Гонноскэ вроде крестьянина, которого побил самурай. Ему посчастливилось встретить прекрасного воина, как ты, грех не поучиться у тебя. Вот я и привела его сюда. Прошу внять моим мольбам и принять его вызов! — Старуха вновь склонилась в поклоне, словно перед ней был не самурай, а божество.

Мусаси, сбежав вниз, поднял старуху и посадил ее на корову.

— Возьми веревку, Гонноскэ, — сказал он будущему противнику. — Пойдем, и я решу, стоит ли нам сражаться.

Мусаси шел впереди, но не проронил ни слова, пока они спускались вниз. Гонноскэ бросал настороженный взгляд на Мусаси и подхлестывал

прутиком корову. Старуха была взволнована и расстроена.

— Я принимаю твой вызов, — внезапно объявил Мусаси, когда они прошли около километра.

Выпустив из рук веревку, Гонноскэ огляделся по сторонам, выбирая позицию, словно поединок должен состояться сию минуту. Мусаси вместо него обратился к матери:

— Вы готовы к самому худшему? Я буду сражаться всерьез, не делая скидки ни на неопытность Гонноскэ, ни на различие в оружии, — сказал Мусаси старухе.

Впервые за все время она улыбнулась.

— Мне не надо ничего объяснять. Если его победит такой молодой человек, как ты, значит сын бросит боевое искусство, а в этом случае ему незачем жить. Я не буду роптать на худший исход поединка.

— Будь по-вашему. — Мусаси подобрал веревку, брошенную Гонноскэ. — Лучше уйти с дороги, здесь слишком людно. Отойдем в сторону, привяжем корову, и я буду сражаться, сколько вы пожелаете. — Указав на возвышавшуюся поодаль огромную лиственницу, Мусаси сказал: — Готовься, Гонноскэ, сойдемся в бою под тем деревом.

Не успели они подойти к лиственнице, как

Гонноскэ принял боевую стойку, уперев дубинку в землю перед собой. Мусаси стоял безоружный, расслабив плечи.

— Почему не готовишься? — спросил Гонноскэ.

— К чему?

— Возьми что-нибудь! Не будешь же ты сражаться голыми руками! — взорвался Гонноскэ.

— Я готов.

— Без оружия?

— Мое оружие здесь. — Мусаси погладил рукоятку меча.

— Ты будешь сражаться мечом?

Уголки губ Мусаси изогнулись в легкой улыбке. Он не мог говорить, потому что начал выравнивать дыхание для боя.

Старуха сидела под лиственницей, как каменный Будда.

— Подождите немного! — крикнула она.

Застывшие в боевых стойках мужчины не шелохнулись, будто не слышали ее слов. Дубинка Гонноскэ, словно вобрав в себя окрестный воздух, готова была извергнуть его в сокрушительном ударе. Рука Мусаси слилась с рукояткой меча, глаза его пронзали Гонноскэ, как стрелы. Началась невидимая битва, ведь взгляд способен поразить сильнее меча или дубинки. Взгляд проделывает

первую брешь в обороне противника, а меч или дубинка потом довершают дело.

— Постойте! — снова крикнула старуха.

— В чем дело? — отозвался Мусаси, отскочив назад на безопасное расстояние.

— У тебя настоящий меч?

— В моей технике нет разницы между стальным и деревянным мечом.

— Не подумай, что я хотела тебя остановить.

— Поймите меня правильно. Меч — деревянный или стальной — совершенное оружие. В серьезном бою нет полупобед и полупоражений. От смертельного риска спасает лишь бегство с поля боя.

— Ты прав, бой будет настоящим, поэтому предлагаю соблюсти необходимые формальности и представиться друг другу. Вы оба — противники редких боевых качеств. После поединка знакомства не получится.

— Вы правы.

— Гонноскэ, представься первым!

Гонноскэ почтительно поклонился Мусаси.

— Нашим предком считается Какумё, который сражался под знаменами великого воина Минамото-но Ёсинаки из Кисо. После смерти Ёсинаки Какумё стал последователем святого Конэна.

Наши предки жили в этих краях с незапамятных времен. При жизни отца наш род подвергся унижениям, о которых я сейчас умолчу. Убитый горем, я с матерью отправился в святилище Онтакэ и там письменно поклялся, что восстановлю честь рода, следуя Пути Воина. Овладев техникой боя на дубинках, я развил ее и назвал новый стиль «Мусо» — «Прозрение», потому что в храме Онтакэ мне было видение. В народе меня зовут Мусо Гонноскэ.

Мусаси поклонился в ответ.

— Моя семья происходит от Хираты Сёгэна, который принадлежал к одной из ветвей рода Акамацу из провинции Харима. Я единственный сын Симмэна Мунисая, который жил в деревне Миямото в провинции Мимасака. Мне дали имя Миямото Мусаси. У меня нет родных и близких, я посвятил жизнь Пути Меча. Если дубинка лишит меня жизни, не беспокойтесь о моих останках. К бою! — завершил Мусаси приветствие.

— К бою! — отозвался Гонноскэ.

Старая женщина сидела затаив дыхание. Она сама толкнула сына на смертельный риск, поставив его под сверкающий меч Мусаси. Простой обыватель осудил бы такую мать, но старуха твердо верила в правильность своего поступка.

Теперь она сидела в официальной позе, слегка наклонившись вперед. Она казалась маленькой и тщедушной. Трудно поверить, что она дала жизнь нескольким детям, из которых в живых остался один Гонноскэ. Терпя нужду и лишения, она воспитывала из него воина. Глаза старухи сверкали огнем, словно все божества и будды слились в ее земной оболочке, чтобы лицезреть бой.

Холодок пробежал по спине Гонноскэ, когда он услышал шуршание меча Мусаси, выхватываемого из ножен. Гонноскэ в душе угадал, что участь его предрешена, потому что он никогда прежде не встречал подобного человека. Два дня назад он видел иного Мусаси, в переменчивом, расслабленном состоянии духа, похожего на небрежный и легкий след кисти каллиграфа-скорописца. Теперь ему предстал суровый воин, закаленный жестокими тренировками и лишениями, твердый и совершенный, как образец классической каллиграфии, четко выводящей каждый элемент иероглифа.

Гонноскэ понял, как непростительно ошибся в оценке противника. Он теперь не мог вслепую броситься на него, как неизменно делал прежде. Дубинка бессильно замерла над его головой.

Туман рассеялся. Противники, как изваяния,

застыли друг против друга. Птица, лениво скользнув между ними, полетела в сторону гор.

Резкий звук расколол горный воздух, словно сраженная птица камнем рухнула на землю. Трудно сказать, меч или дубинка нарушили тишину. В звуке было что-то неземное, похожее на хлопок одной ладонью, о котором рассуждают последователи Дзен. В мгновение ока бойцы изменили позицию, подчиняясь законам своего оружия. Дубинка Гонноскэ промахнулась мимо цели. Мусаси отразил атаку, в ударе снизу вверх меч просвистел около виска противника. Обратное движение меча последовало без остановки — излюбленный прием Мусаси, поражавший любого соперника, но Гонноскэ, перехватив дубинку обеими руками, остановил меч над головой. Ударь меч не вскользь, а поперек дубинки, оружие Гонноскэ разлетелось бы пополам. Гонноскэ резко подался в сторону и, выставив левый локоть вперед, ударил, целясь в солнечное сплетение Мусаси. Дубинка не достала нескольких сантиметров до цели. Меч и дубинка замерли над головами сражающихся, словно приклеенные друг к другу. Ни Мусаси, ни Гонноскэ не могли сделать шага ни вперед, ни назад. Малейшее неверное движение стоило жизни. Позиция обыч-

ная для блокировки в фехтовании, но Мусаси знал о преимуществе дубинки в такой ситуации. Дубинка не имела ни лезвия, ни рукоятки, ни разящего острия, но в руках умелого мастера, как Гонноскэ, любая часть незатейливого с виду оружия могла превратиться и в лезвие, и в рукоятку, и в острие. Дубинка эффективнее меча, ее можно использовать как короткое копье.

Мусаси не мог предвидеть действий Гонноскэ, поэтому не решался убрать меч. Положение Гонноскэ было еще незавиднее, ведь дубинка пассивно препятствовала удару меча. Утрать он на миг хладнокровие, и меч разрубит ему голову.

Гонноскэ побледнел, вокруг глаз выступили капельки пота. Дубинка начала едва заметно подрагивать. Гонноскэ закусил губу. Дыхание его участилось.

— Гонноскэ! — крикнула старуха, в лице которой не осталось ни кровинки. — Бедро у тебя слишком высоко!

Старуха приподнялась и упала ничком на землю. Силы оставили ее. Голос звучал так, словно она захлебывалась кровью.

Бойцы, скрестив оружие, будто окаменели от голоса старухи. Они резко отпрянули друг от друга, еще неистовее, чем при наступлении. Му-

саси пружинисто отскочил на два метра назад. В тот же миг дубинка в руках Гонноскэ последовала за ним, так что Мусаси чудом увернулся. Вложив в этот удар все силы, Гонноскэ потерял равновесие и открыл противнику спину. Мусаси со стремительностью ястреба коснулся мечом спины противника. Жалобно застонав, Гонноскэ упал. Мусаси вдруг грохнулся наземь, держась за живот.

— Сдаюсь! — крикнул он.

Гонноскэ лежал безмолвно. Оцепеневшая мать смотрела на сына немигающим взором.

— Я ударил его плашмя, — сказал ей Мусаси.

Старуха, казалось, не понимала.

— Он просто оглушен. Дайте ему воды, — повторил Мусаси.

— Что? — не веря своим ушам, воскликнула старуха. Не видя крови на сыне, она, пошатываясь, подошла к нему и, упав на колени, обняла его. Потом принесла воды и трясла сына, пока тот не пришел в сознание.

Гонноскэ невидяще посмотрел на Мусаси, затем взгляд его принял осмысленное выражение. Он поднялся на ноги, подошел к Мусаси и склонился перед ним в глубоком поклоне.

— Признаю, что ты сильнее меня, — просто

сказал он.

Мусаси, оправившись от потрясения, схватил Гонноскэ за руку:

— Не говори так! Ты не проиграл. Поражение потерпел я. Смотри! — Мусаси распахнул кимоно. Красное пятно на его животе показывало, куда угодила дубинка.

Голос Мусаси дрогнул. Он так и не понял, когда и как Гонноскэ нанес удар.

Гонноскэ и его мать молча смотрели на красное пятно. Запахивая кимоно, Мусаси спросил старуху, почему она сказала сыну о бедре. Была ли в положении Гонноскэ ошибка или скрытая опасность?

— Я не знаток боевого искусства, но, наблюдая за Гонноскэ, я поняла, что он ошибается, — ответила старуха. — Всю силу он сосредоточил на том, чтобы удержать твой меч от удара. Он не мог сдвинуться с места и был напряжен до предела. Я догадалась: стоит ему резко расслабить мышцы бедер, как дубинка сама собой ударила бы тебя в грудь. Эта мысль невольно пришла мне в голову, и я даже не помню, что крикнула сыну.

Мусаси понимающе кивнул. Он считал, что ему повезло. Он получил ценный урок, не расплатившись жизнью. Гонноскэ с почтением

внимал словам матери. Теперь он воистину познал настоящий бой. Его не посетило озарение, от которого кружится голова. Он стал человеком, побывавшим на границе жизни и смерти. Мать, почувствовав, что сын находится на грани отчаяния, преподала ему урок выживания.

Много лет спустя, когда Гонноскэ создал свою школу и прославился на всю страну, он написал трактат на основании наблюдений своей матери. Он оставил пространные заметки, посвященные матери и поединку с Мусаси, но ни разу не упомянул о своей победе. До конца жизни он утверждал, что проиграл тот бой и поражение послужило ему бесценным уроком.

Мусаси, распростившись со старухой и ее сыном, двинулся дальше через Инодзигахару в Камисуву, не подозревая, что за ним следует самурай, который расспрашивал всех погонщиков лошадей и каждого путника, не встречался ли им по дороге Мусаси.

Любовь на одну ночь

Ранение Мусаси оказалось болезненным, и вместо поисков Оцу и Дзётаро в Камисуве он отправился на горячие источники в Симосуву. Город на берегу озера Сува был не мал — одних домов горожан насчитывалось больше тысячи.

В гостинице, предназначенной для даймё, ванны находились в помещении, а небольшие купальни для простолюдинов были вдоль дороги под открытым небом. Ими мог пользоваться любой.

Мусаси, повесив меч и одежду на дерево, погрузился в горячую воду. Помассировав распухший ушиб, он привалился головой к камню и блаженно закрыл глаза. Солнце клонилось к закату, розоватая дымка окутала озеро. Его зеркальная поверхность виднелась между рыбачьими домами.

Две узкие грядки с овощами отделяли Мусаси от дороги. Он слышал голоса прохожих, топот копыт, скрип повозок. В лавке, торгующей ламповым маслом и соломенными изделиями, какой-то самурай покупал сандалии. Выбрав подходящую пару, он начал обуваться.

— Ты, конечно, слышал о бое, — говорил самурай хозяину лавки.

— Он произошел у раскидистой сосны в Итидзёдзи под Киото. Этот ронин в одиночку выступил против всей школы Ёсиоки и сражался с отвагой, редкой для нынешних времен. Он должен был пройти по этой дороге. Ты точно его не видел?

Было очевидно, что самурай не представлял себе человека, которого разыскивал, не знал ни его возраста, ни как он одет. Лавочник разочаровал его отрицательным ответом.

— Все равно найду его, — несколько раз повторил самурай, подвязывая сандалии.

Это был человек лет сорока, в хорошей одежде, с обветренным в странствиях лицом. На висках из-под тесемки тростниковой шляпы торчала густая щетка волос, лицо было волевым. Мусаси, наблюдавший за ним из-под прикрытых век, не сомневался, что тело самурая опоясывали рубцы от долгого ношения боевых доспехов. «Я его прежде не встречал, — думал Мусаси. — Он упомянул школу Ёсиоки. Вероятно, один из былых учеников. Среди бесчисленного множества ее питомцев были и настоящие воины. Верно, плетут новый заговор против меня».

Когда самурай ушел, Мусаси неторопливо оделся, считая, что путь безопасен. Выйдя на дорогу, он столкнулся с поджидавшим его самураем. Незнакомец поклонился и, пристально глядя в глаза Мусаси, произнес:

— Миямото Мусаси?

Мусаси кивнул, не скрывая настороженности.

— Я так и знал! — продолжил самурай, обрадованный своей проницательностью. — Вы не представляете, как я счастлив встрече с вами. По-моему, я мельком видел вас среди путников на дороге.

Не давая Мусаси возможности что-либо ответить, самурай любезно предложил ему остановиться на ночлег в выбранной им гостинице.

— Доверьтесь мне, — сказал самурай. — Нескромно, право, говорить, но мое положение таково, что я обычно путешествую с запасными лошадьми и в сопровождении двенадцати слуг. Я состою на службе у Датэ Масамунэ, владельца замка Аоба в Митцу. Меня зовут Исимода Гэки.

Мусаси сдержанно принял приглашение. Гэки решил, что они остановятся в гостинице для даймё.

— Не хотите вымыться с дороги? — спросил Исимода, когда их проводили в комнаты. — За-

был, вы только что из горячего источника! Я искупаюсь, а вы без стеснения располагайтесь. Скоро вернусь.

Исимода снял дорожное платье и вышел из комнаты.

Он держался учтиво и дружески, но Мусаси не доверял ему. «Зачем я понадобился этому высокопоставленному военному? Почему Исимода подчеркнуто дружелюбен?» — размышлял Мусаси.

— Не хотите переодеться в домашнюю одежду? — раздался голос вошедшей служанки. Она протянула Мусаси кимоно на вате.

— Нет, спасибо. Я не уверен, что останусь на ночь.

Мусаси вышел на веранду. Слышалось постукивание посуды — служанка накрывала ужин. Озеро на глазах темнело от густо-синего к черному. Мусаси представил печальные глаза Оцу. «Я ошибся, — подумал он. — Похититель наверняка обходит стороной города».

Мусаси почудился голос Оцу. Правильно ли относиться ко всему бесстрастно, полагаясь на волю небес? Он терзался виной, потому что ничего не делал для спасения Оцу и Дзётаро.

Вернувшись из ванны, Исимода Гэки, извинив-

шись, что заставил долго ждать, уселся перед подносом с ужином.

— Вы не переоделись? — удивленно взглянул он на Мусаси.

— В своей одежде я чувствую себя привычнее. Она всегда на мне — в пути, в доме, под деревом, где я ночую.

— Конечно, я должен был бы догадаться. Вы постоянно в боевой готовности. Вы понравились бы его светлости Датэ. — Гэки с нескрываемым восхищением смотрел на Мусаси. — Садитесь, выпейте саке, — произнес он после небольшой паузы. Сполоснув чарку в фаянсовой чаше с водой, он протянул ее Мусаси.

Мусаси сел в официальной позе и поклонился.

— Простите, не объяснили бы вы мне, чем я обязан вашему вниманию? Почему вы расспрашивали обо мне в придорожной лавке?

— Закономерный вопрос, но едва ли мое объяснение удовлетворит вас. Я вами увлекся. — Помолчав немного, Гэки рассмеялся. — Да, — продолжал он, — можно сказать, это любовь.

Гэки счел объяснение достаточным, но Мусаси совсем растерялся. Бывало, что мужчина испытывал привязанность к мужчине, но Мусаси это чувство было незнакомо. Такуан был слишком

суров, чтобы внушать нежные чувства. Коэцу жил в своем мире. Сэкисюсай обитал на таких вершинах, что нелепо было рассуждать о любви или нелюбви к нему. Конечно, Гэки мог льстить ему, тогда его поведение вдвойне подозрительно. Мусаси почему-то казалось, что самурай не лицемерил, поскольку был значителен и мужественен.

— Как понимать ваши слова о том, что я привлекаю вас? — уточнил Мусаси.

— Как ни странно, но я обожаю вас с того дня, как услышал про вашу победу в Итидзёдзи.

— Вы в то время находились в Киото?

— Да, я приехал в столицу в первый месяц года и остановился в усадьбе господина Датэ на улице Сандзё. Я был у придворного Карасумару Мицухиро на другой день после вашего боя, где и услышал про вас. Карасумару рассказал о вашем прошлом, отметив вашу молодость. Я сразу почувствовал расположение к вам и решил найти вас. По дороге из Киото я увидел вашу надпись у перевала Сиёдзири.

— Вот в чем дело! — протянул Мусаси.

Надпись, адресованная Дзётаро, по иронии судьбы привела к Мусаси совершенно незнакомого человека. Слушая похвалы Гэки, Мусаси

укреплялся в мысли, что не заслуживает восторгов. Слова Гэки ставили Мусаси в неловкое положение, потому что он всегда болезненно переживал свои недостатки. Он счел нужным прямо сказать об этом новому знакомому:

— Вы переоцениваете меня.

— На службе князя Датэ — кстати, его доход составляет миллион коку риса в год — состоит немало выдающихся самураев. Я знаком с некоторыми знаменитыми воинами. Но, судя по рассказам о вас, никто из них не смог бы соперничать с вами. Главное, что вы молоды, впереди целая жизнь. Вот это и привлекает меня больше всего. Станем друзьями. Выпьем и поговорим не спеша.

Мусаси принял от Гэки чашечку саке и потом пил наравне с ним. Гэки не пьянел.

— Мы, самураи с севера, способны изрядно выпить. Мы пьем, чтобы согреться. Князь Датэ перепьет любого из нас, а мы же стараемся не отставать от хозяина.

Служанка все подносила саке и уже несколько раз подправляла светильник. Гэки был неутомим.

— Будем пить всю ночь, — заявил он. — Тогда получится душевный разговор.

— Хорошо, — улыбнулся Мусаси. — Вы говорили, что встречались с придворным Карасумару. Вы давно его знаете?

— Не могу утверждать, что мы друзья, но я не раз бывал в его доме с различными поручениями. Он очень гостеприимен.

— Меня представил ему почтеннейший Хонъами Коэцу. Карасумару большой жизнелюб, что несвойственно аристократам.

Гэки посчитал оценку Мусаси поверхностной.

— Иного вы в нем не увидели? У вас, верно, было мало времени, иначе вас поразили бы его ум и образованность.

— Мы встретились в веселом квартале.

— Ясно, что это не место для серьезной беседы.

— Каков же Карасумару на самом деле?

Гэки сел в официальную позу и серьезно произнес:

— Мятущаяся душа. Человек, пораженный печалью. Его подавляет могущество сёгуната.

Повисло молчание. Мусаси услышал плеск озерных волн, взглянул на белесые полосы, падавшие от лампы на фусума.

— Мусаси, мой друг, ради кого вы совершенствуете свое мастерство? — внезапно спросил Гэки.

Мусаси никогда не задумывался над этим во-

просом.

— Для себя, — ответил он.

— Разумеется, но ради кого вы постоянно совершенствуете себя? Для вас тщеславие слишком мелкое чувство.

Гэки словно невзначай перешел к главной цели разговора.

— Вся страна попала под власть Иэясу, — продолжал он. — Установилось некое подобие мира и благополучия. Насколько реально это благоденствие? Воистину ли счастлив народ при новом правителе? На протяжении столетий нами правили Ходзё, Асикага, Ода Нобунага, Тоётоми Хидэёси — вереница военных диктаторов, угнетавших не только простой народ, но и императорский двор вместе с самим императором. Император утратил реальную власть, народ утеснен. Военное сословие захватило все привилегии. Так повелось со времен Минамото Ёритомо, и по сей день ничего не изменилось. Нобунага хотя бы испытывал неловкость от чинимой им несправедливости, он построил новый дворец для императора. Хидэёси был еще разумнее, обязав всех даймё повиноваться императору Го-Ёдзэй и пытаясь улучшить положение простого народа. Ну а Иэясу? Помыслы его сосредоточены на благосостоянии и

возвышении собственного клана. Счастье народа и процветание императорской фамилии принесены в жертву военной диктатуре. На пороге новая пора тирании. Никто не переживает за судьбу страны так, как князь Датэ Масамунэ, а среди придворных — Карасумару Мицухиро.

Гэки умолк, ожидая ответа Мусаси, но тот пробормотал сквозь зубы:

— Вот как.

Мусаси, как и многие, понимал, что после битвы при Сэкигахаре произошли коренные изменения в политике. Ему всегда были безразличны политические интриги феодалов из Осаки, изворотливые маневры Токугавы, позиция могущественных владетельных князей вроде Датэ или Симадзу. О Датэ он знал лишь то, что официально объявленный доход с его владений составлял шестьсот тысяч коку риса в год, но возможно, что он достигал и миллиона коку, как говорил Гэки.

— Дважды в год, — продолжал Гэки, — хозяин посылает принцу Коноэ в Киото товары и провизию из своего владения для передачи императорскому дворцу. Датэ делает это постоянно даже в период войны. Прошлая моя поездка в Киото связана с такой поставкой.

Замок Аоба — единственный в стране, в котором есть специальные покои для императора. Едва ли они когда-либо будут использованы по назначению, но князь Датэ отделал покои деревом, вывезенным из императорского дворца во время его перестройки. Дерево доставили из столицы в Сэндай по воде. — Гэки помолчал. — Кстати, о походе в Корею. Полководцы Като, Кониси и другие пеклись о личной славе. Только на боевых знаменах князя Датэ вместо фамильного герба сияло солнце, тем самым показывая, что он воюет не ради своего рода или Хидэёси, а во славу Японии.

Мусаси внимательно слушал вдохновенное повествование Гэки о достоинствах его сюзерена, его безграничной преданности императору и стране. В пылу Гэки даже забыл о саке. Обнаружив, что саке остыло, Гэки хлопнул в ладоши, чтобы служанка принесла подогретое.

— Спасибо, я больше не буду саке. Я с удовольствием съел бы риса и выпил чаю.

— Как? — пробормотал разочарованный Гэки, но из уважения к гостю приказал служанке подать еду.

Гэки продолжил разговор. Мусаси представлял нравы и порядки у самураев князя Датэ. Они,

похоже, строго следовали Пути Воина, серьезно занимались самодисциплиной.

Путь Воина — «Бусидо» — сложился в давние времена, когда только зарождалось военное сословие, но теперь его каноны стали преданием седой старины. За годы смут в пятнадцатом и шестнадцатом веках нравственные законы военного сословия размылись, ими стали пренебрегать. Самураем стал называть себя любой, кто умел размахивать мечом или стрелять из лука и имел смутное понятие об этических нормах «Бусидо». Самураи-самозванцы по моральным качествам нередко стояли ниже крестьян и горожан. Одержимые бахвальством и стремлением к власти, они были обречены на гибель. Немногие даймё понимали происходящее. Группа высших вассалов сёгунов Токугавы и Тоётоми стремилась создать новый «Бусидо», который стал бы основой для сплочения и процветания нации.

Мусаси вспомнил свое заточение в замке Химэдзи. Такуан тогда вспомнил, что в библиотеке князя Икэды есть копия «Нитиё Сюсинкан» Фусикиана, и принес ее Мусаси. Фусикиан — литературный псевдоним знаменитого полководца Уэсуги Кэнсина, который изложил в трактате ежедневный порядок этических тренировок для

своих вассалов. Из книги Мусаси не только узнал о деяниях Уэсуги, но и понял, почему владения полководца в Этиго прославились на всю страну военной мощью и благосостоянием.

Поддавшись восторженному рассказу Гэки, Мусаси мысленно сравнивал Датэ с Уэсуги. Датэ, вероятно, создал в своих владениях обстановку, которая поощряла самураев развивать новый Путь и готовила их к восстанию против сёгуната.

— Извините, что я так долго рассказывал только о своих делах, — сказал Гэки. — Мусаси, может, вы придете в Сэндай и посмотрите на все собственными глазами? Князь Датэ честен и прямодушен. Его не смутит ваше теперешнее положение, если вы серьезно захотите следовать Пути. Вы даже сможете говорить с ним на равных. Сейчас нам не хватает самураев, готовых отдать себя служению родине. Я бы с радостью рекомендовал вас князю. Решайтесь, Мусаси, и мы вместе отправимся в Сэндай!

Служанка убрала подносы.

Рассказ Гэки взволновал Мусаси, но, по-прежнему не забывая об осторожности, он сказал:

— Надо подумать.

Растянувшись на постели в своей комнате,

Мусаси долго лежал с открытыми глазами.

Путь Воина. До сих пор он воспринимал его только применительно к себе и своему мечу. Он вдруг понял, что техника фехтования не была смыслом его жизни, необходимо постигнуть Путь Меча в его полноте. Меч — не просто оружие, он может объяснить жизнь в ее многообразии. Путь Уэсуги Кэнсина и Датэ Масамунэ ограничен узкими рамками военных целей. Мусаси призван придать Пути человечность, глубину и возвышенность.

Впервые Мусаси задумался, способен ли простой смертный слиться с великой природой.

Деньги в подарок

Мусаси проснулся с мыслью об Оцу и Дзётаро. Он думал о них и во время оживленного разговора с Гэки за завтраком. Выйдя из гостиницы, он невольно вглядывался в лица прохожих. Дважды ему казалось, будто он видел Оцу, но это была ошибка.

— Вы, кажется, кого-то ищете?

— Да. Я разминулся со своими товарищами и беспокоюсь о них. Я не пойду с вами в Эдо по тракту, пойду обходным путем.

— Жаль, я надеялся путешествовать вместе, — покачал головой Гэки. — Прошлой ночью был излишне многословен, но думаю, что у вас не пропало желание посетить Сэндай.

Мусаси нравился откровенный и мужественный характер Гэки.

— Спасибо за приглашение. Постараюсь воспользоваться им в другой раз, — извиняющимся тоном ответил он.

— Я хочу, чтобы вы посмотрели, как живут и тренируются наши самураи. Если вас не интересует военная подготовка, достаточно просто познакомиться с владениями Датэ, послушать

местные песни и посетить Мацусиму, славящуюся своей живописностью на всю Японию.

Гэки повернулся и быстро зашагал в сторону перевала Вада.

Мусаси пошел в другую сторону, туда, где дорога на Косю ответвлялась от Накасэндо. Пока он стоял, раздумывая над планом действий, к нему подошли несколько поденщиков из Сувы. Судя по одежде, они были носильщиками незатейливых паланкинов, которыми пользовались в здешних горах. Они приближались медленно, скрестив руки на груди. Они напомнили Мусаси стайку крабов.

Смерив Мусаси тяжелым взглядом, один из них сказал:

— Господин, вам что-то нужно? Слуга, а может, женщина?

Мусаси, досадливо отмахнувшись от них, повернулся, чтобы уйти.

Он еще не знал, двинуться ему на восток или на запад, но в конце концов решил обследовать окрестности. Если не найдет следов Оцу и Дзётаро, то он с чистой совестью отправится в столицу сёгуната.

— Может, помочь, если вы кого-то ищете? — продолжал носильщик. — Все лучше, чем торчать

без дела под палящим солнцем. Как выглядят ваши друзья?

— Не будем торговаться из-за платы, — вмешался другой. — Сами решите.

Отбросив сомнения, Мусаси подробно описал Оцу и Дзётаро. Носильщики, пошептавшись, сказали:

— Мы таких не видели, но обязательно найдем, если разделимся на группы. Похитители могли уйти только по одной из трех дорог между Сувой и Сиёдзири. Мы знаем окрестности как свои пять пальцев.

— Договорились, — ответил Мусаси, совсем не уверенный в успехе поисков, потому что места кругом были дикие и безлюдные.

— Пошли! — в один голос крикнули носильщики.

Они начали что-то обсуждать, решая, очевидно, кто куда пойдет. Наконец их старший подошел к Мусаси, смущенно потирая руки, и произнес:

— Маленькая просьба, господин. Видите ли, мы люди бедные, неловко говорить, но мы с утра ничего не ели. Не дали бы вы нам вперед половину дневной платы? Обещаю, к вечеру мы найдем ваших друзей.

— Конечно, я и сам хотел предложить вам

немного денег.

Носильщик назвал сумму, которой у Мусаси не было.

Мусаси не то чтобы вовсе не знал цену деньгам, но относился к ним равнодушно, поскольку жил один. Друзья и почитатели иногда давали ему деньги на дорожные расходы, ночевал он в храмах и монастырях, где за ночлег не брали. Чаще всего Мусаси спал на открытом воздухе и довольствовался простой пищей. Ему всегда удавалось прожить без заботы о деньгах. Во время последнего путешествия он отдал все деньги Оцу, которая держала их вместе со своими, полученными на дорогу от придворного Карасумару. Оцу платила по счетам и каждое утро давала Мусаси на расходы, как обычно заведено в семье.

Мусаси отдал носильщикам последние деньги. Поденщики посетовали, что сумма мала, однако пообещали начать поиски «из уважения».

— Ждите нас у двухъярусных ворот храма Мёдзин, — сказал старший носильщик. — К вечеру получите известия.

Носильщики разошлись в разные стороны.

Мусаси тем временем решил осмотреть замок Такасима и город Симосува. Он внимательно присматривался к особенностям местности на

случай неожиданностей, понаблюдал, как орошают поля в этих краях. Он расспросил о местных мастерах меча, но ничего интересного в ответ не услышал.

Под вечер Мусаси пришел к храму и устало опустился на каменные ступеньки двухъярусных ворот. Никто не появился. Мусаси осмотрел просторный двор и храмовые постройки. Вернувшись к воротам, он не нашел там ни души. Послышался стук копыт. Идя на звук, Мусаси набрел на скрытый деревьями навес, под которым стоял белый храмовый конь. Старый служитель недружелюбно взглянул на незваного гостя:

— Вы по какому делу?

Служитель расхохотался, услышав ответ Мусаси. Не находя ничего смешного в своих словах, Мусаси угрюмо уставился на старика.

— Невинным младенцам вроде вас нечего делать на большой дороге. Поверить, что эти пройдохи будут весь день изнывать от жары в поисках ваших спутников? Если вы заплатили им вперед, то их след давно простыл!

— По-вашему, они дурачили меня, когда разбрелись в разные стороны?

— Просто обобрали вас, — уже с ноткой сочувствия произнес служитель. — Я слышал, как

шайка бродяг день напролет пила и играла в кости в роще за горой. Верно, это и были те самые обманщики. Такое случается здесь каждый день.

Старик рассказал несколько историй о том, как бессовестные поденщики обманывали путников, и добавил в заключение:

— Ничего не поделаешь, таков мир. Будьте впредь осторожнее.

Старик вздохнул, взял ведро и удалился, оставив Мусаси в растерянности.

— Теперь ничего не поделаешь, — вздохнул Мусаси. — Я горжусь тем, что противники не находят ни малейшей лазейки в моей обороне, но позволяю низким проходимцам одурачить себя.

Грубый обман хуже пощечины. Подобные ошибки могут серьезно повлиять на овладение «Искусством войны». Способен ли человек успешно командовать армией, если его легко обманывают простолюдины? Мусаси медленно брел к двухъярусным воротам, обещая повнимательнее присматриваться к повседневной жизни. У ворот он увидел одного из носильщиков.

— Очень рад, господин, что нашел вас, — сказал носильщик, бросаясь навстречу Мусаси. — Есть новость об одном из ваших спутников!

— Неужели? О мальчике или о женщине?

Мусаси только что ругал себя за наивность, тем радостнее была встреча с человеком, несклонным к мошенничеству.

— О мальчике. Он сейчас с Дайдзо из Нараи. Я узнал, куда они направляются.

— Куда же?

— Господин, я знал, что шайка, с которой вы беседовали утром, ничего не сделает. Они прямиком отправились в рощу играть, а мне стало вас жалко. Я пошел из Сиёдзири в Сэбу, расспрашивая всех по дороге. О девушке никто не слыхал, но служанка в одной чайной сказала мне, что Дайдзо сегодня около полудня проследовал к перевалу Вада и с ним был мальчик.

Мусаси от растерянности поблагодарил поденщика сугубо официально.

— Весьма признателен за вашу новость.

Вытащив кошелек, Мусаси нерешительно подержал его в руках, зная, что в нем осталось лишь то, что он отложил на еду. Он высыпал деньги на ладонь носильщика, посчитав, что честность должна быть вознаграждена, и тот, раскланиваясь, радостно удалился. Мусаси, глядя ему вслед, думал, что потратил деньги на нечто более важное, чем собственный желудок. Кто знает, может, этот человек завтра окажет услугу еще одному

путнику, сознавая, что за честность воздается.

Стемнело. Мусаси решил не ночевать под навесом какого-нибудь крестьянского дома, а сразу отправиться к перевалу Вада, чтобы к утру догнать Дайдзо. Мусаси любил пустынные ночные дороги. В них было особое очарование. Считая шаги, прислушиваясь к шепоту звезд, он наслаждался жизнью. Толпы суетливых людей угнетали его, в ночном одиночестве он чувствовал гармонию в душе и единение с природой. Он мог спокойно и взвешенно думать о жизни, оценивая себя со стороны.

Вскоре после полуночи Мусаси заметил впереди свет. После моста через Отиаи дорога все время шла в гору. Мусаси миновал один перевал. Следующий, Вада, вырисовывался на фоне звездного неба, а за ним находился самый высокий — Даймон. Огонь светился в узкой долине, зажатой горами.

«Похоже, костер, — подумал Мусаси, впервые за ночь ощутив острый голод. — Может, мне позволят просушить одежду и дадут немного похлебки».

Подойдя ближе, Мусаси увидел не костер, а небольшую харчевню. Свет лился из решетчатого окна, слышались громкие голоса и потрескива-

ние дров в очаге. Коновязь перед домом, однако, была пуста. Странно, что глубокой ночью в такой глуши в харчевне есть посетители.

Мусаси нерешительно стоял перед входом. Будь это дом крестьянина или дровосека, он без колебаний постучался бы, но здесь надо платить.

Голова Мусаси кружилась от запаха еды. Он не мог сдвинуться с места. «Я объясню свое положение, и они, может, примут фигурку в качестве платы», — подумал он. Фигуркой он называл Каннон, которую вырезал из куска старого сливового дерева в храме.

Мусаси решительно распахнул дверь. Разговор в тот же миг оборвался. Бедная придорожная харчевня с земляным полом и очагом посредине, вокруг которого сидели трое. В котле над огнем варилось кабанье мясо с редькой, в горячей золе грелся кувшин саке. Хозяин резал маринованные овощи, весело болтая с гостями.

— Кто там? — обратился к Мусаси один из сидевших у очага. У него были пронзительные глаза и длинные волосы на висках.

Мучимый голодом, Мусаси не услышал вопроса. Он направился к хозяину.

— Дайте что-нибудь поесть, но быстрее! Любую еду! Хотя бы чашку риса с овощами.

Хозяин плеснул в чашку с холодным рисом немного варева из котла и протянул Мусаси.

— Собираетесь преодолеть перевал ночью? — поинтересовался он.

— М-да, — промычал Мусаси, орудуя палочками. Немного поев и отдышавшись, он спросил: — Вы не видели здесь человека по имени Дайдзо из Нараи? Он должен был проследовать к перевалу сегодня днем. С ним был мальчик.

— Ничем не могу помочь, — вздохнул хозяин. — А вы не видели их? — обратился он к гостям.

Те пошептались и отрицательно закачали головами.

После еды вопрос об оплате начал мучить Мусаси еще нестерпимее. Ему не хотелось говорить с хозяином при посторонних, но Мусаси ни на миг не почувствовал себя попрошайкой. Он считал, что прежде надо утолить голод. Он решил, что отдаст кинжал, если хозяина не устроит фигурка Каннон.

— Простите, но у меня нет денег, — начал Мусаси. — Учтите, я не прошу дармовой еды. Примите деревянную фигурку.

К удивлению Мусаси, хозяин не отказался.

— Не беспокойтесь, мы в расчете, — дружелюбно проговорил хозяин. — Что она изображает?

— Богиню Каннон.

— Настоящая?

— О нет, это не работа известного мастера, я сам вырезал. Она, может, и не стоит чашки риса.

Мусаси развязывал дорожный мешок, в котором, кроме фигурки, лежали смена белья и тушечница. Взоры гостей устремились на мешок. Мусаси вытряхнул его содержимое, что-то выпало с приглушенным звоном. Гости ахнули — у ног Мусаси лежал мешочек с деньгами, из которого выкатилось несколько золотых и серебряных монет. Мусаси изумленно уставился на деньги. «Откуда они взялись?» — недоумевал он.

Вытянув шеи, все завороженно смотрели на деньги.

Мусаси, пошарив в мешке, вытащил письмо, состоявшее из одной строчки: «На ваши дорожные расходы. Гэки».

Все ясно: Гэки пытался заманить Мусаси на службу к князю Датэ Масамунэ в замок Аоба. Приближалась развязка в затянувшемся споре между кланами Токугава и Тоётоми, и крупные даймё любыми способами привлекали на свою сторону лучших воинов. Самым расхожим средством было предложить выдающимся самураям деньги в долг, чтобы они потом расплатились службой.

Не было секретом, что Тоётоми Хидэёри предоставляет крупные суммы Гото Матабэю и Санаде Юкимуре. Официально Юкимура жил в затворе на горе Кудо, но ему направлялось столько золота и серебра из замка Осака, что Иэясу назначил расследование. Полководец-отшельник не нуждался в таких деньгах. Все эти средства явно уходили на содержание нескольких тысяч ронинов, которые, рассеявшись по всей стране, ждали начала новой войны.

Гэки, занимавший высокий пост при князе, оказывал сюзерену большую услугу, собирая под его знамена знаменитых воинов. По этой причине деньги Гэки не обрадовали Мусаси. Он знал, что, приняв их, берет на себя обязательства перед князем. Мусаси решил просто не замечать деньги. Он молча поднял кошелек и бросил его в мешок.

— Отдаю вам фигурку, — обратился он к трактирщику, словно ничего не произошло.

— Теперь она мне не нужна, — заупрямился хозяин.

— Чем она плоха? Конечно, не творение мастера…

— Фигурка неплохая, и я взял бы ее, не будь у вас денег. А у вас в мешке целое состояние. Зачем

вы притворяетесь нищим и при этом швыряете деньги на пол?

Троица у очага, мгновенно протрезвев при виде золота, дружно кивала в знак согласия. Мусаси понял тщетность объяснений и, вынув из кошелька серебряную монету, протянул ее хозяину.

— Слишком много, — ответил тот. — Нет ли чего помельче?

Монет помельче не нашлось.

— Сдачу возьмите себе, — сказал Мусаси.

Мусаси не мог изображать, что денег у него нет. Увесистый кошелек пришлось для надежности упрятать за пазуху. Не отвечая на уговоры посидеть в харчевне, Мусаси, закинув мешок на плечо, вышел. Поев и передохнув, он рассчитывал к утру добраться до перевала Даймон. Если бы Мусаси шел днем, он увидел бы вокруг море цветов: рододендроны, гиацинты, дикие хризантемы, но сейчас во тьме он едва различал густые полосы тумана.

Мусаси прошел километра два, когда услышал за собой шаги бегущего человека.

— Подожди, ты кое-что забыл в харчевне! — запыхавшись, произнес человек, поравнявшись с Мусаси. — Быстро же ты шагаешь! На полу нашел!

Один из троицы, сидевшей у очага, протянул Мусаси серебряную монету. Мусаси не взял ее, сказав, что монета не его.

— Бери, она закатилась в угол, когда ты доставал кошелек, — настаивал человек.

Мусаси, не знавший, сколько ему оставил Гэки, не мог доказать, что монета чужая, поэтому он взял ее и спрятал в рукав кимоно. Мусаси совсем не тронуло бурное проявление добропорядочности незнакомца, который пошел рядом, пытаясь завязать разговор.

— Прости за любопытство, ты у кого учился фехтованию?

— У меня свой стиль.

Краткий ответ не обескуражил случайного попутчика, который сообщил, что он тоже самурай.

— Сейчас в силу обстоятельств живу в горах, — добавил он.

— Неужели?

— Да. И те двое из харчевни тоже самураи. Вынуждены добывать пропитание рубкой леса и сбором трав. Уподобились дракону, которому приходится обитать в пруду. Временно забыл, что я Сано Гэндзаэмон, но пробьет час, и я достану свой добрый меч, доспехи и встану под знамена

какого-нибудь даймё.

— Ты за Осаку или за Эдо?

— Какая разница! Главное — попасть на службу, иначе пропаду в этих горах.

— Спасибо, что принес деньги, — вежливо сказал Мусаси, прибавив шагу в надежде отделаться от навязчивого спутника.

Мусаси настораживало, что тот все ближе подбирался к его левому боку — опасность эту понимал каждый фехтовальщик. Мусаси не делал ничего, чтобы защититься, словно нарочно открываясь возможному противнику. Откровенные излияния незнакомца лились потоком.

— Хочу предложить переночевать у нас. Впереди крутой перевал Даймон. На него можно взобраться к утру, но дорога очень тяжелая и опасная для пришлого путника.

— Так и быть, приму твое приглашение.

— Вот и хорошо. К сожалению, особого угощения или развлечений нет.

— Мне нужен только угол, где можно поспать. Где ваш дом?

— Чуть выше в горах, с полкилометра от тракта.

— Постоянно там живете?

— Я уже сказал, мы ждем своего часа. А пока

охотимся, собираем травы. Со мной живут те двое из харчевни.

— А где они?

— Пьют, верно. Как приходим в харчевню, они напиваются так, что приходится тащить их на себе в гору. А сегодня решил бросить их. Осторожно! Крутой спуск к ручью.

— Нужно перейти его?

— Да, он в этом месте узкий, и бревно переброшено. Переберемся на ту сторону, свернем направо и поднимемся наверх к дому.

Незнакомец остановился, но Мусаси, сделав вид, что не обратил на это внимания, ступил на перекинутое через поток бревно. В тот же миг незнакомец подскочил и приподнял конец бревна, пытаясь сбросить Мусаси в воду. Мусаси, ожидавший этого движения, уже соскочил с бревна и легко, как трясогузка, взлетел на большой камень, торчавший из воды. Изумленный незнакомец отпустил бревно, и оно плюхнулось в воду. Не успел осесть фонтан брызг, как Мусаси с обнаженным мечом ринулся с камня на берег и молниеносным ударом сразил незнакомца. Тело, дернувшись, затихло. Мусаси даже не взглянул на него. Он приготовился к новому нападению. Волосы его вздыбились, как перья орла.

Грохот выстрела расколол ночную тишину. Стреляли с другого берега. Мусаси упал, притворяясь раненым. Он заметил, как с противоположного берега на него надвигались две тени.

Очистительный огонь

Зажав горящий фитиль в зубах, человек припал к мушкету, готовый ко второму выстрелу. Его напарник, вглядываясь в темноту, прошептал:

— Думаешь, можно подойти?

— Уложил с первого выстрела, — последовал уверенный ответ.

Мусаси вскочил, когда двое приблизились к ручью. Человек с мушкетом от неожиданности выпалил в небо, и в следующее мгновение они уже убегали вверх по тропе.

— Стой! — вдруг крикнул один из них, резко остановившись. — Почему мы убегаем? Нас двое, а он один. Я нападу, а ты меня прикроешь.

— Уж я-то постараюсь, — ответил человек с мушкетом. Отбросив фитиль, он замахнулся прикладом на Мусаси.

Они не были простыми грабителями. Человек, которого Мусаси принял в харчевне за предводителя, виртуозно владел мечом, однако одного выпада Мусаси хватило, чтобы человек с мушкетом покатился под откос, разрубленный от плеча до пояса, а его приятель бросился вверх по тропе, зажимая раненую руку. Песок и галька посыпа-

лись на Мусаси, следовавшего за ним по пятам.

Узкая долина Буна, поросшая густым буковым лесом, лежала между перевалами Вада и Даймон. На самом высоком месте должна стоять громадная хижина, срубленная из бука.

Карабкаясь к неяркому свету факела, раненый разбойник закричал:

— Туши факел!

— Ты весь в крови! — воскликнула женщина, прикрыв огонь рукавом кимоно.

— Туши огонь, дура! — вопил раненый. — И в доме тоже!

Тяжело дыша, разбойник кинулся в хижину. Женщина, загасив факел, пошла следом.

Когда Мусаси подбежал к хижине, в ней было темно и тихо.

— Открывай! — взревел он.

Мусаси был взбешен не потому, что его пытались провести, как простака, и не из-за коварного нападения. Его возмутило то, что эти негодяи каждый день издевались над путниками, грабя их.

Мусаси мог бы взломать ставень от дождя, но он не стал атаковать в лоб, чтобы не оказаться незащищенным с тыла. Он держался в полутора метрах от ставня.

— Открывай! — ревел Мусаси.

Он швырнул огромный камень в ставень. Дерево треснуло, мужчина и женщина юркнули вглубь дома. Мужчина, выронив меч, упал на колени. Он пытался подняться, но Мусаси одним прыжком настиг его и схватил за шиворот.

— Не убивай меня! — тонким голосом, словно мелкий воришка, заверещал Гион Тодзи.

Внезапно Тодзи выхватил короткий меч. Мусаси, уклонившись от удара, отшвырнул противника так, что тот отлетел в соседнюю комнату, сломав бамбуковый шест над очагом и взметнув тучу пепла. Из-за серой завесы на Мусаси посыпался град горшков, чайных чашек, металлических палочек для еды, поленьев. Когда облако пепла рассеялось, Мусаси увидел, что все это в него метал не вожак разбойников, который без чувств валялся в углу, а женщина, изрыгавшая грязные ругательства.

Мусаси придавил женщину к полу, но она ловко вытащила из волос длинную и острую заколку и вонзила ее в своего противника. Мусаси прижал ее руку коленом. Женщина, взбесившаяся от ярости, закричала на Тодзи:

— Хоть капля гордости у тебя есть? Терпишь поражение от всякого ничтожества!

У Мусаси перехватило дыхание от ее голоса. Он выпустил женщину. Она мгновенно схватила короткий меч и напала на него.

— Прекратите безобразие, госпожа! — произнес Мусаси.

Женщина, ошарашенная столь вежливым обращением, застыла как вкопанная.

— Это ты… Такэдзо?

Мусаси не ошибся, перед ним была Око. Лишь Осуги и Око знали имя, которое он носил в детстве.

— Такэдзо, — ласково заворковала Око, — ты ведь теперь такой знаменитый! И зовут тебя Мусаси, правда?

— Как ты оказалась в такой глухомани?

— Стыдно признаться…

— Человек в углу — твой муж?

— Ты его знаешь. Это все, что осталось от Гиона Тодзи.

— Тодзи?!

Мусаси слышал в Киото о проделках пройдохи Тодзи, который присвоил деньги, пожертвованные школе Ёсиоки, и сбежал с Око. Глядя на простертое в углу тело, Мусаси почувствовал жалость.

— Попробуй привести его в чувство, — сказал

он Око. — Не знал, что он твой муж, иначе бы полегче обошелся с ним.

— Мне надоело жить с ним в этой глухомани, постоянно дрожа от страха.

Око дала Тодзи воды, перевязала ему раны. Когда он опомнился, Око сказала ему, что он с дружком напал на Мусаси.

— Как, Мусаси? Миямото Мусаси? — захрипел Тодзи. — Невероятно! Тот, который… — Тодзи закрыл лицо и отвернулся к стене.

Мусаси, поостыв, позволил Око обращаться с собой как с гостем. Она подмела пол, поправила огонь в очаге, подложила дров и подогрела саке. Подавая чарку Мусаси, она вежливо проговорила:

— Простите, нечем попотчевать дорогого гостя, но все, что есть…

— Я поел в харчевне, — ответил Мусаси. — Пожалуйста, не беспокойся.

— Нет уж, тебе придется отведать моей еды. Подумать только, сколько лет прошло!

Око повесила над очагом котелок с тушеными овощами и мясом и стала ухаживать за гостем, подливая ему саке.

— Мы словно в доме на горе Ибуки! — сердечно проговорил Мусаси.

Налетел порыв ветра, и над очагом взвилось облако пепла и дыма, хотя ставни были поставлены на место и плотно закрыты.

— Прошу, не напоминай мне об Ибуки, — вымолвила Око. — Лучше скажи, не слышал ли ты об Акэми. Где она?

— Знаю, что она несколько дней прожила в гостинице на горе Хиэй. Собиралась в Эдо вместе с Матахати, однако сбежала, прихватив все его деньги.

— Она пошла по кривой тропке, — неодобрительно покачала головой Око.

Опустив глаза, Око задумалась над судьбой дочери, повторяющей ее собственную.

Тодзи окончательно пришел в себя и, попросив у Мусаси прощения, присоединился к беседе. Он клялся, что действовал под влиянием минуты, что он глубоко сожалеет о случившемся. Придет день, говорил Тодзи, и он вернется в Киото самураем, каким его знали в былые времена.

Мусаси молча слушал. Большой разницы между Тодзи-самураем и Тодзи-разбойником он не видел, однако считал, что дороги в стране станут безопаснее, если Тодзи вернется к военному делу.

— Несомненно, лучше бы оставить вашу опас-

ную жизнь, — обратился Мусаси к Око. Он уже немного захмелел.

— Ты прав, но не я выбрала ее. Покинув Киото, мы хотели попытать счастья в Эдо, но по дороге туда, в Суве, Тодзи проиграл все деньги. Я вспомнила свое старое ремесло — приготовление снадобий из трав. Мы собирали их и продавали в городе. Я была по горло сыта его фантазиями о мгновенном обогащении. Сегодняшняя ночь явилась последней каплей, переполнившей чашу моего терпения.

Око тоже пригубила саке, что, по обыкновению, настроило ее на игривый лад.

Око давно приблизилась к возрасту, который называют неопределенным, но оставалась еще опасной. Кошка ласкается и мурлычет, пока ее хорошо кормят, но, когда она дичает, попав в горы, ее глаза загораются хищным огнем. Она готова пожирать трупы, терзать живого путника, которого болезнь свалила на обочине дороги. Око была из самых диких горных кошек.

— Тодзи, — промурлыкала она, — Такэдзо говорил, что Акэми в Эдо. Не отправиться ли нам туда, чтобы зажить по-человечески! Отыщем Акэми и заведем выгодное дело.

Тодзи равнодушно выслушал предложение

Око. Он молча гладил раненую руку. Предложение торговать телом Акэми, на что намекала Око, даже ему казалось непристойным. Пожив с Око, Тодзи испытывал те же чувства, что и Матахати. Мусаси угадал настроение Тодзи по его потерянному виду и внутренне содрогнулся, вспомнив, что некогда сам был предметом заигрываний для Око.

— Око, — сказал Тодзи своей спутнице жизни, — до рассвета далеко. Мусаси, думаю, устал. Постели ему в дальней комнате.

— Конечно, — ответила Око, бросая кокетливый взгляд на Мусаси. — Будь поосторожнее, Такэдзо, там тьма непроглядная.

— Да, поспать совсем неплохо.

Мусаси пошел за Око. Комната, похоже, была пристроена к дому. Она держалась на сваях над крутым обрывом. Внизу, метрах в двадцати, шумела река, окутанная облаком брызг. Комнату слегка покачивало от порывов ветра.

Око, мелькнув белыми щиколотками, вышла, оставив Мусаси одного.

— Лег? — спросил Тодзи.

— Да, — прошептала Око, усаживаясь рядом. — Что ты собираешься делать?

— Позови остальных.

— Хочешь его прикончить?

— Без колебаний. Дело не только в деньгах. Убив негодяя, я отомщу за дом Ёсиоки.

Око, подоткнув полы кимоно, вышла из дома. Она неслась с развевающимися волосами, как ведьма, сквозь черноту ночи.

В горных распадках и рощах обитали не одни звери и птицы. Око обошла две дюжины молодцов из банды Тодзи. Неслышно, как тени, они собрались в условленном месте перед горной хижиной вожака.

— Всего один?

— Самурай?

— С деньгами?

Оживленный шепот сопровождался жестами и многозначительными подмигиваниями. Вооруженные мушкетами, кинжалами и копьями для охоты на кабанов, разбойники подобрались поближе к пристройке над обрывом. Часть людей спустились к реке, остальные расположились на склоне, под сваями.

Пол в задней комнате был устлан тростниковыми циновками. На полках лежали пучки целебных трав и стояли ступки, в которых растирали снадобья. Аромат трав действовал успокаивающе, хотелось закрыть глаза и крепко

заснуть. Тело ныло от усталости, но Мусаси понимал, сколь опасно поддаться соблазну отдыха. Он чувствовал, что вокруг дома что-то происходит. Сборщики трав в Мимасаке никогда не хранили их в таких помещениях. Лекарственные травы берегли от сырости и от соседства со свежей листвой. В тусклом свете лампы, стоявшей на полке, Мусаси заметил еще одну подозрительную вещь. Вокруг железных скоб, скреплявших бревна по углам, зияли многочисленные дыры, словно скобы здесь не раз менялись. На дереве виднелись следы и от старых скоб. Комнату явно перестраивали.

Легкая улыбка коснулась губ Мусаси, но он продолжал лежать неподвижно.

— Такэдзо! — раздался шепот Око. — Спишь?

Око, тихо отодвинув фусума, на цыпочках приблизилась к изголовью. Поставив рядом поднос с кувшином, она прошептала:

— Это вода, если пить захочешь.

Мусаси лежал с закрытыми глазами.

Око неслышно выскользнула из комнаты.

— Все спокойно? — спросил Тодзи.

— Спит, — ответила Око, полуприкрыв веки.

Довольный, Тодзи вышел из дома, завернул за угол и помахал зажженным мушкетным

фитилем. По сигналу люди на склоне рывком выдернули сваи и комната рухнула вниз. Бревна и доски, которые составляли стены, пол, потолок, свалились в кучу.

Из укрытий с победными воплями повыскакивали люди и бросились к берегу реки, к груде бревен. Оставалось вытащить тело убитого и найти его вещи. Потом комнату соберут и поставят на прежнее место.

Разбойники набросились на бревна, как собаки на кости.

— Нашли? — спрашивали подбегавшие разбойники.

— Пока нет!

— Где-то здесь.

— Он мог удариться о скалу, пока летел вниз, и его отбросило в сторону. Осмотрите все вокруг, — хриплым басом распорядился Тодзи.

Факелы окрасили скалы, деревья, воду в розоватый цвет. Изумленный крик вырвался из груди Тодзи и его дружков. Яркое пламя охватило хижину, превратив ее в громадный огненный шар над их головами.

— Сюда, скорее! — пронзительно вопила Око, будто потеряв рассудок.

Огонь, раздуваемый ветром, метался в бешеной

пляске. Око, осыпаемая искрами, была крепко привязана к дереву перед домом.

Разбойники оцепенели, как пораженные громом. Неужели Мусаси ушел? Как? Как ему удалось обмануть их?

Тодзи совсем растерялся. Он даже не послал в погоню. Он слишком много слышал о Мусаси, чтобы ждать удачи от преследования. Разбойники, однако, разбившись на группы, бросились на поиски. Мусаси исчез бесследно.

Игра с огнем

Тракт Косю, который идет из Сиёдзири на Эдо через провинцию Каи, в отличие от других больших дорог, не был обсажен деревьями. В шестнадцатом веке по нему возили военные припасы, у него не было вспомогательных дорог, как у Накасэндо, да и трактом эту дорогу признали недавно.

Путники, следовавшие по этой дороге из Осаки в Эдо, жаловались на нехватку хороших постоялых дворов и чайных. Заказав дорожный обед в коробке, в лучшем случае можно было получить плоские рисовые колобки в бамбуковых листьях, а чаще всего — простые рисовые колобки в сухих дубовых листьях. Несмотря на незатейливость здешней кухни, которая, похоже, не менялась на протяжении сотен лет со времен Фудзивары, постоялые дворы были полны путниками, направлявшимися в Эдо.

Группа путников отдыхала на перевале Кобототокэ. Один из них воскликнул: «Еще одна стая!» Он говорил о проститутках, сопровождавших их из Киото в Эдо.

В веселой компании были женщины лет два-

дцати и постарше и четверо девочек. С ними следовал десяток мужчин, которые не то охраняли спутниц, не то прислуживали им. Компания походила на большую семью. За девушками плелось несколько навьюченных скарбом лошадей. Добро было уложено в маленькие корзины и здоровенные сундуки в человеческий рост.

Глава «семейства», мужчина лет сорока, поучал подопечных: «Если сандалии натерли ноги, переобуйтесь в соломенные, да покрепче привяжите, чтобы не болтались на ноге. И не нойте, что не можете больше идти. Смотрите, совсем маленькие дети шагают и не хнычут». Нелегко управляться со строптивым «семейством»!

Этот человек, по имени Сёдзи Дзиннай, был самураем родом из Фусими. Оставив наследственную профессию, он открыл веселое заведение. Человек незаурядных способностей, он заручился поддержкой Токугавы Иэясу, который часто наезжал в замок Фусими. Сёдзи Дзиннай не только получил разрешение на перевод заведения в Эдо, но и убедил многих хозяев последовать его примеру.

Достигнув перевала Коботокэ, Дзиннай остановился со словами:

— Рано, но пообедаем здесь.

Он велел Онао, пожилой женщине, служившей как бы наседкой при стайке девушек, раздать еду.

С лошади сняли корзину с провизией, и девушки получили рисовые колобки. Лица девушек, припудренные дорожной пылью, были желтоватыми, а волосы серыми, несмотря на широкополые дорожные шляпы и полотенца, которыми они обмотали лица. Девушки давились едой всухомятку, без чая. Глядя на них, никто бы не подумал, что сегодня вечером обнимет этот нежный цветок.

— Вкусно! — воскликнула самая молоденькая питомица Дзинная. Слышавший ее искренний восторг прослезился бы от умиления.

Другие девушки впились взглядом в молодого самурая, проходившего мимо.

— Красавец! — прошептала одна.

— Хорош, — отозвалась другая.

— Я знаю его! — воскликнула третья. — Он бывал у нас с людьми из школы Ёсиоки!

— О ком это вы? — поинтересовалась женщина с томными глазами.

— Вон о том самурае с длинным мечом за спиной.

Сасаки Кодзиро пробирался сквозь толпу но-

сильщиков и вьючных лошадей, не ведая, что о нем восхищенно болтают женщины.

— Господин Сасаки! Сюда, господин Сасаки! — раздался высокий кокетливый голос.

Сасаки — распространенная фамилия, поэтому Кодзиро даже не оглянулся.

— Эй, чубастый!

Кодзиро удивленно обернулся.

— Прикуси язык! — гневно закричал Дзиннай на девушку. — Грубиянка!

Он узнал Сасаки Кодзиро.

— Неужели наш друг Сасаки! — воскликнул Дзиннай, подходя к Кодзиро. — Куда держим путь?

— Здравствуй! Ты хозяин «Сумия», так ведь? Иду в Эдо. А вы куда? Перебираетесь на новое место, как видно.

— Совершенно верно, переезжаем в новую столицу.

— Неужели? Неужели надеетесь на успех?

— В стоячих водах рыбка плохо ловится!

— Да, Эдо растет день ото дня. Там нужны строители, носильщики, оружейники. Но утонченные развлечения? Вряд ли на них там большой спрос.

— Вы не правы. Осаку в город превратили женщины, а уж потом Хидэёси заинтересовался им.

— Не спорю, но в городе, который только строится, вам негде будет поселиться.

— Еще раз ошибаетесь. Правительство отвело большой участок на болотистой низине для людей нашего ремесла. Место называется Ёсивара. Мои друзья уже начали там строиться. Я без труда найду подходящий дом на бойком месте.

— Токугава дал землю бесплатно?

— Конечно! Кто же станет платить за болото? Правительство предоставило строительные материалы.

— Теперь ясно, почему многие из вас покидают Киото.

— Ну а вы? Есть надежда устроиться у какого-нибудь даймё?

— Нет. Да я бы и не принял предложения. Хочу посмотреть, что творится в Эдо. Как-никак резиденция сёгуна, центр власти. Если бы мне предложили место военного наставника сёгуна, то я бы согласился.

Дзиннай не был знатоком фехтования, но прекрасно разбирался в людях. Он предпочел не высказываться о неуемном честолюбии Кодзиро, а объявил своим подопечным, что пора двигаться в путь.

— Встали! Привал закончен!

Онао пересчитала девушек. Одной не хватало.

— Одной нет! Кого же? Китё? Или Сумидзомэ? Нет, эти здесь. Странно. Кого же нет?

Кодзиро зашагал прочь, не желая путешествовать вместе с проститутками.

К Онао подошли две девушки, которых она посылала на поиски.

— Кого же нет, Онао? — спросил Дзиннай.

— А, знаю! Нет Акэми, — виновато ответила Онао. — Та девушка, которую вы подобрали по дороге в Кисо.

— Она где-нибудь поблизости.

— Мы везде посмотрели! — вмешались девушки, вернувшиеся с поисков. — Сбежала, верно.

— Ну и пусть. Письменного договора с ней нет, денег вперед я ей не давал. Она согласилась на мое предложение, и я взял ее, внешность у нее подходящая для дела. Потерял немного на ее содержание в пути, но это пустяки. Забудем о ней. В путь!

Дзиннай поторапливал девушек. Он хотел сегодня прийти в Хатиодзи хотя бы поздно вечером. Тогда в Эдо они добрались бы на следующий день.

Вскоре Акэми снова появилась среди девушек.

— Где ты пропадала? — набросилась на нее

Онао. — Нельзя отлучаться без спросу, если не задумала удрать.

Пожилая женщина с обиженным видом рассказывала, как все переволновались.

— Вы глупые! — возразила Акэми, прыснув от смеха. — Я увидела на дороге человека, с которым не хотела встречаться. Я спряталась в бамбуковых зарослях, не заметив, что за ними обрыв, и съехала вниз.

Акэми показала всем разорванное кимоно и ободранный локоть. Она попросила прощения, впрочем не изображая раскаяния на лице.

Дзиннай, возглавлявший процессию, велел позвать к себе беглянку.

— Тебя зовут Акэми? — строго спросил он. — Такое имя трудно запомнить. Тебе надо сменить имя, чтобы преуспеть в ремесле. Ты всерьез решила остаться с нами?

— Неужели нужна особая решимость, чтобы стать проституткой?

— Учти, это не безделка на месяц-другой. Станешь одной из моих девушек, так тебе придется выполнять любые требования гостей. Подумай как следует.

— Какая мне теперь разница? Мужчины сломали мою жизнь.

— Неправильное отношение к делу. Обдумай все хорошенько. Если откажешься до прихода в Эдо, я тебя отпущу и не возьму денег за содержание в дороге.

В тот же самый день в Такао пожилой человек, явно не обремененный делами, намеревался продолжить путешествие. В храм Якуоин он прибыл накануне вечером со слугой и пятнадцатилетним мальчиком. С раннего утра он с мальчиком осматривали храм. Наступил полдень.

— Почините крышу на эти деньги. — Посетитель протянул сопровождавшему монаху три золотые монеты. Узнав о пожертвовании, настоятель лично поблагодарил дарителя за щедрость.

— Прошу, запишите ваше имя в храмовой книге, — предложил настоятель, но монах сказал, что оно уже внесено в книгу посетителей. Запись гласила: «Дайдзо из Нараи, торговец лекарственными травами. Живет в Кисо у подножия горы Онтакэ».

Настоятель рассыпался в извинениях за скромную еду, предложенную гостю в храмовой гостинице. Он хорошо знал имя Дайдзо, который щедро жертвовал на монастыри и храмы. Он давал только золотые монеты, иногда по нескольку дюжин. Одному Дайдзо было ведомо, жертвовал

ли он из благочестия, ради славы или собственного удовольствия.

Настоятель пригласил гостя осмотреть храмовую сокровищницу, в которую допускали только избранных.

— Я осмотрю ее на обратном пути из Эдо, — ответил Дайдзо.

— Будем ждать вас, а пока позвольте проводить вас до ворот. Вы будете ночевать в Футю?

— Нет, в Хатиодзи.

— В таком случае дорога не утомит вас.

— Кто сейчас правит в Хатиодзи?

— Правителем недавно назначен Окубо Нагаясу.

— Он прежде был градоначальником в Наре?

— Да. Ему теперь подчиняются и золотые копи на острове Садо. Он очень богатый человек.

— Весьма способный чиновник.

Дайдзо и Дзётаро спустились на равнину и засветло прибыли в Хатиодзи. На шумной главной улице они насчитали две дюжины гостиниц.

— Где нам остановиться, Дзётаро? — задумчиво проговорил Дайдзо. Дзётаро, не отходивший ни на шаг от Дайдзо, ответил, что подходит любое место, кроме храма.

Дайдзо выбрал самую большую гостиницу. Вну-

шительная внешность гостя и его лакированный сундук, который тащил слуга, произвели должное впечатление на прислугу.

Дайдзо проводили в просторную комнату на первом этаже, но до захода солнца к нему явился хозяин.

— Прошу извинить за беспокойство, — начал хозяин, — неожиданно прибыла большая группа гостей. Боюсь, на первом этаже будет слишком шумно. Не перейдете ли на второй этаж?

— С удовольствием, — добродушно согласился Дайдзо. — Очень рад, что у вас прекрасно идут дела.

Дайдзо приказал своему слуге Скэити перетащить сундук, а сам поднялся наверх. Не успел он освободить комнату, как ее заняли девушки из заведения «Сумия».

Шум и гам заполнили гостиницу. Слуги не являлись на зов. Ужин принесли поздно, и никто не пришел убрать подносы. Гостиница ходила ходуном от топота ног. Дайдзо был вне себя от возмущения, но сдерживался, чтобы не навлечь неприятности на гостиничных слуг. Отодвинув в сторону подносы, он улегся на циновке, подложив под голову руку вместо подушки. Через несколько минут он позвал Скэити. Тот не явился.

— Дзётаро! Поди сюда! — крикнул Дайдзо, сев на циновке.

Дзётаро тоже пропал. Дайдзо вышел на веранду. Там теснились постояльцы, с любопытством взиравшие на проституток, резвившихся на первом этаже. Найдя Дзётаро, Дайдзо подозвал его к себе.

— На что глазел? — с осуждением спросил Дайдзо.

— Там внизу много женщин.

— Только и всего?

— Да.

— И что в этом интересного?

Женщины из веселого квартала волновали Дайдзо, но его почему-то раздражал неуемный интерес к ним со стороны постояльцев-мужчин.

— А я не знаю, — честно признался Дзётаро.

— Я немного пройдусь по городу, — сказал Дайдзо. — Оставайся здесь, никуда не отлучайся.

— Можно я с вами пойду?

— Нет, уже поздно.

— Ну и что?

— Я тебе объяснял, что гуляю не для развлечений.

— А зачем же?

— Прогулки связаны с моей верой.

— Вам мало храмов и монастырей в дневное

время! Монахи и те спят по ночам.

— Вера — нечто большее, чем храмы и монастыри, молодой человек. А теперь отыщи Скэити. У него ключи от сундука.

— Я только что видел, как он спустился вниз. Он заглядывал в комнаты, в которых остановились женщины.

— Как, и он? — воскликнул Дайдзо, щелкнув языком. — Немедленно позови его!

Дзётаро ушел, и Дайдзо начал перевязывать пояс на кимоно.

Мужчины, слышавшие про красоту и изысканность женщин из веселых кварталов Киото, застыли на месте, наслаждаясь даровым зрелищем. Скэити глазел, раскрыв рот.

— Пошли, хватит! — приказал Дзётаро, крепко схватив слугу за ухо.

— Ох! — пискнул Скэити.

— Хозяин зовет!

— Врешь!

— Правда. Он собирался на прогулку. Он ведь всегда прогуливается по вечерам.

— Да-да! Иду! — забормотал Скэити, неохотно отрываясь от увлекательного представления.

Дзётаро шел следом, когда услышал, что его зовут.

— Дзётаро! Подожди!

Окликала его женщина. Дзётаро огляделся по сторонам. Он ни на минуту не забывал Оцу и своего учителя. Вдруг Оцу здесь? Мальчик пристально вглядывался в густые вечнозеленые кусты, из-за которых доносился голос.

— Кто там?

— Я.

Дзётаро узнал показавшуюся из-за кустов девушку.

— А, ты! — протянул он.

Акэми наградила его дружеским шлепком по спине.

— Ах ты, маленькое пугало! Целую вечность не видела тебя. Ты что здесь делаешь?

— О том же хочу спросить и тебя.

— Я… Ну, какое тебе дело до меня?

— Ты с этой веселой компанией?

— Да, но пока окончательно не решила.

— Что не решила?

— Оставаться ли с ними, — вздохнула Акэми. Затем, помедлив, спросила: — Как поживает Мусаси?

Дзётаро понял, что из-за этого Акэми и окликнула его.

— Оцу, Мусаси и я… Мы потеряли друг друга.

— Оцу? Кто это? — Акэми вспомнила девушку, едва закончив вопрос. — А, знаю. Она по-прежнему бегает за Мусаси?

Акэми по привычке видела в Мусаси отчаянного, странствующего фехтовальщика, ночующего в лесу или на голых скалах. Сумей она заполучить его, он бы мгновенно угадал в ней беспутство и отверг бы ее. Акэми смирилась с мыслью, что ее любовь к Мусаси останется безответной. Упоминание Дзётаро о другой женщине пробудило в ней ревность. Огонь любви вспыхнул с новой силой.

— Дзётаро, здесь на нас глазеют со всех сторон. Пойдем в другое место.

Они вышли через садовую калитку на улицу. Два десятка гостиниц Хатиодзи светились огнями. Это был самый оживленный и большой город на пути из Киото в Эдо. На северо-западе темнела горная гряда Титибу, по которой проходила граница с провинцией Каи. У подножия безмолвных и мрачных гор кипела жизнь, рекой лилось саке, щелкали челноки ткацких станков, слышались окрики чиновников, надзирающих за базаром, споры игроков, заунывные голоса уличных певцов.

— Я часто слышала имя Оцу от Матахати, — со-

лгала Акэми. — Расскажи про нее!

— Она очень хороший человек! — горячо воскликнул Дзётаро. — Очень добрая и красивая. Я люблю ее.

Акэми почувствовала опасность, которую несла соперница, но скрыла тревогу.

— Она и правда так хороша? — улыбнулась Акэми.

— Да-да. И все умеет. Хорошо поет и пишет, играет на флейте.

— Чего хорошего в том, что женщина играет на флейте? — раздраженно произнесла Акэми.

— Ты не понимаешь, зато все остальные, даже князь Ягю Сэкисюсай, хвалят Оцу. Одно мне в ней не нравится.

— У всех женщин есть недостатки. Только одни честно признаются в них, как я, другие же прячут их под благопристойным обличьем.

— Оцу ничего не скрывает, в этом ее слабость.

— Что ты хочешь сказать?

— Она готова рыдать из-за любого пустяка. Она — плакса.

— Почему же?

— Всегда льет слезы, когда думает о Мусаси. Рядом с ней тоскливо, вот это мне не по душе. — Дзётаро с детской непосредственностью выложил

все начистоту, не беспокоясь о последствиях сказанного.

Огонь ревности жег Акэми. Она даже изменилась в лице. Едва сдерживаясь, она продолжала беседу.

— Сколько ей лет?

— Как и тебе.

— Моя ровесница?

— Угу. Но выглядит моложе и красивее.

Акэми бросилась в наступление, чтобы склонить Дзётаро на свою сторону.

— Мусаси куда мужественнее остальных мужчин. Вряд ли он полюбит хнычущую женщину. Оцу думает, что завоюет сердце мужчины слезами. Она рассуждает, как барышни из заведения «Сумия».

— Неправда. Начнем с того, что Мусаси любит Оцу. Он не выказывает чувств, но по-настоящему ее любит! — ответил Дзётаро, задетый за живое.

Акэми залилась краской. Она бросилась бы в реку, чтобы погасить охвативший ее огонь.

— Дзётаро, зайдем сюда, — сказала Акэми, потянув его за руку в сторону дома с красивым фонарем в переулке.

— Это же винная лавка!

— Ну и что?

— Женщинам там делать нечего. Тебе туда нельзя.

— Хочу выпить, но не могу зайти туда одна. Сразу начнут приставать.

— Приставать к тебе будут, а мне что прикажешь делать там?

— Поешь. Закажешь все, что хочешь.

Лавка была полупустой. Акэми, сев лицом к стене, распорядилась:

— Саке!

Чарки так и мелькали в ее руках. Опешивший Дзётаро попытался остановить Акэми, но та решительно его оттолкнула.

— Сиди спокойно! — икнула Акэми. — Надоел! Саке! Еще саке!

— Хватит, тебе нельзя здесь напиваться! — взмолился Дзётаро, отодвигая от Акэми кувшинчик.

— Не беспокойся, — пьяно бормотала Акэми. — Ты друг Оцу? Ненавижу женщин, которые стараются слезами завоевать мужчину.

— А я ненавижу пьяных женщин.

— Извини, но может ли зеленый юнец вроде тебя понять, почему я пью?

— Пойдем отсюда. Немедленно заплати, и пора в гостиницу!

— Думаешь, у меня есть деньги?

— Как?

— Ни гроша. Пусть заплатит «Сумия». Все равно я уже продалась хозяину. — Слезы заблестели на глазах Акэми. — Какая я несчастная!

— Недавно сама смеялась над Оцу за ее плаксивость. Посмотри на себя!

— Разве сравнишь мои слезы с ее? Жизнь — невыносимая мука. Хочется умереть!

Акэми вскочила и бросилась на улицу. Хозяин лавки, повидавший на своем веку не одну такую посетительницу, только ухмыльнулся ей вслед, однако ронин, до сего времени спавший в углу, открыл глаза и тяжелым, мутным взглядом проводил убегавшую женщину.

Дзётаро пытался остановить Акэми, но она вырвалась из его рук и помчалась по темной улице.

— Стой! — кричал Дзётаро. — Не смей даже думать об этом!

Акэми не волновало, куда ее занесет во тьме, но она отчетливо слышала крики Дзётаро. Когда она хотела утопиться в море в Сумиёси, она не притворялась, но сейчас была в здравом рассудке. Ей нравилось, что Дзётаро переживает за нее.

— Осторожно! — надрывался мальчик, поняв, что Акэми несется прямиком ко рву с водой. —

Стой! Зачем тебе умирать? С ума сошла!

Дзётаро ухватил беглянку за пояс.

— Хочу умереть! — зарыдала Акэми. — Все считают меня порочной. Все, и Мусаси тоже. Мне остается лишь умереть, заключив Мусаси в объятия сердца. Не позволю, чтобы другая отобрала его у меня!

— С чего ты взяла такое. Ерунда какая!

— Какая разница? Столкни меня в ров! Толкни, Дзётаро!

Пьяные слезы потоком хлынули из глаз Акэми. Дзётаро испугался, ему тоже хотелось заплакать.

— Пойдем в гостиницу, Акэми!

— О, как я хочу его видеть! Найди его, Дзётаро, найди Мусаси!

— Стой спокойно, оступишься и упадешь в ров.

— О Мусаси, Мусаси!

— Осторожно, Акэми!

Из темноты вдруг выступил ронин, которого они видели в винной лавке.

— Иди-ка отсюда, мальчик! — приказал ронин. — Я приведу ее в гостиницу.

Приподняв Дзётаро, он отставил его в сторону.

Это был высокий мужчина лет тридцати пяти, с глубоко посаженными глазами и густой бородой. Багровый шрам от удара меча украшал его фи-

зиономию от уха до подбородка. Шрам походил на трещину на перезревшем персике.

Преодолевая страх, Дзётаро настойчиво уговаривал Акэми:

— Акэми, прошу тебя, пойдем со мной. Все будет хорошо.

Голова Акэми уже лежала на груди незнакомца.

— Пошел вон! Она хочет спать. Я отведу ее домой, — проговорил самурай.

— Оставь ее!

Самурай лениво схватил мальчика за шиворот.

— Убери руки! — крикнул Дзётаро, отбиваясь от ронина.

— Сопляк! Хочешь, чтобы я швырнул тебя в ров?

— Попробуй!

Дзётаро удалось вырваться, рука его судорожно вцепилась в деревянный меч. Не успел он замахнуться, целясь в бок самурая, как оказался в воздухе. Мальчик потерял сознание от удара о придорожный камень. Издав тихий стон, он стих.

Прошло некоторое время, прежде чем Дзётаро начал различать голоса.

— Проснись!

— Что случилось?

Дзётаро приоткрыл глаза и обвел взглядом людей вокруг.

— Опомнился?

— Ты как себя чувствуешь?

Дзётаро, смущенный всеобщим вниманием, поднялся, подобрал деревянный меч и хотел было уйти, но в это время слуга из их гостиницы схватил его за руку.

— Что случилось с женщиной, которая была с тобой? — спросил он. Дзётаро показалось, что все вокруг были из гостиницы — служащие и постояльцы. Кое-кто был вооружен палкой, другие держали круглые бумажные фонари.

— Нам сообщили, что на тебя напали, а женщину похитил какой-то ронин. Куда они пошли?

Дзётаро, не совсем пришедший в себя, неопределенно покачал головой.

— Отвечай, ты ведь знаешь!

— Вспомнил. Вон в ту сторону. — Дзётаро наугад махнул рукой.

Ему не хотелось рассказывать о происшествии. Он боялся упреков Дайдзо. Стыдно было признаваться в том, что ронин отшвырнул его, как щенка.

Толпа бросилась в указанном Дзётаро направлении, и, как ни странно, скоро оттуда донесся крик:

— Она здесь? Сюда!

Кольцо фонарей окружило Акэми. В растерзанной одежде она лежала без чувств на копне сена в крестьянском амбаре. Акэми очнулась от людского гомона и медленно поднялась на ноги. Кусок кимоно спереди был выдран, пояс оби валялся в стороне. Соломинки торчали из волос и драного платья.

— Что случилось?

У всех на языке вертелось слово «изнасилование», но никто не решался произнести его вслух. Никому не приходило в голову преследовать негодяя. Все чувствовали, что во всем виновата сама Акэми.

— Пошли в гостиницу, — проговорил кто-то, взяв Акэми за руку.

Акэми резко отдернула руку. Уткнувшись в стену, она разразилась слезами.

— Совсем пьяная!

— Докатилась!

Дзётаро со стороны наблюдал за сценой. Он так и не понял, что произошло с Акэми, но почему-то вспомнил, как барахтался с Котя в Коягю, как

они замерли при звуке приближавшихся шагов. Воспоминание мелькнуло и улетучилось. «Пора идти», — решительно сказал себе Дзётаро и побежал к гостинице. С каждым шагом настроение его улучшалось, пережитое отступало в прошлое, и вскоре Дзётаро запел:

Старый бронзовый Будда в поле,
Видал ли девушку шестнадцати лет?
Не ведаешь ли ту, что заблудилась?
На мой вопрос ты отвечаешь звоном,
А стукнешь по тебе, так ты гудишь.

Сверчок в траве

Дзётаро бежал не разбирая дороги и вдруг обнаружил, что заблудился. «Здесь я, кажется, не проходил», — испуганно подумал он.

Дома самураев лепились к старой крепости. Часть крепости перестроили по приказу нового градоначальника Окубо Нагаясу под официальную резиденцию, все остальное пребывало в запустении. Бастионы, много лет назад пострадавшие во время осады, обрушились, поросли кустами и травой. Крепость выглядела жалкой по сравнению с замками, возведенными в последние сорок-пятьдесят лет. Не было ни рва, ни моста, ни настоящей крепостной стены. До великой междоусобицы крепость принадлежала, вероятно, местному феодалу, а позже была присоединена к владениям более знатного даймё.

По одну сторону дороги простирались поля и болота, по другую — стояли остатки укреплений, а за ними — крутой утес, на котором некогда возвышалась крепость.

Дзётаро пытался сориентироваться, глядя на окрестные скалы. Он заметил на гребне движущуюся тень. Тень переместилась, замерла, потом

снова ожила. Дзётаро принял ее за животное, но вскоре четко проступил силуэт человека. Дзётаро оцепенел, не в силах сделать шаг.

Человек зацепил веревку крюком за камень и сбросил ее вниз. Спустился по веревке, нащупал ногой опору и сдернул крюк. Затем таким же образом спустился еще ниже. Достигнув подножия скалы, человек исчез в зарослях.

Дзётаро распирало от любопытства. Вскоре человек показался снова и направился по меже через поле прямо к тому месту, где стоял Дзётаро. Мальчик испугался, но, различив за спиной незнакомца большой мешок, успокоился. «Да это же крестьянин, наворовавший дров!» — с облегчением подумал Дзётаро. Человек, верно, сошел с ума, карабкаясь по скалам ради вязанки дров. Дзётаро раздосадовался — тайна оказалась обычным воровством. Мальчика ждало второе потрясение. Когда человек проходил мимо дерева, за которым прятался Дзётаро, мальчик едва не завопил от изумления. В темной фигуре он узнал Дайдзо. «Не может быть!» — прошептал про себя Дзётаро. Голова Дайдзо была обвязана черным платком, на нем были короткие крестьянские штаны и соломенные сандалии с ноговицами.

Таинственная фигура свернула на тропу, оги-

бавшую холм. Никто другой, кроме Дайдзо, не мог в свои пятьдесят с лишним лет идти с ношей на плечах так пружинисто и быстро. Дзётаро все же хотел убедить себя в ошибке. Следуя за Дайдзо, он надеялся выбраться на большую дорогу и вернуться в гостиницу.

Человек остановился у придорожного указательного камня и снял ношу со спины. Мешок, похоже, был очень тяжелым. Человек наклонился, чтобы прочитать надпись, и сходство с Дайдзо снова поразило Дзётаро.

Человек, взвалив мешок на плечи, пошел дальше, а Дзётаро прочитал на камне: «К сосне на могильнике для голов — вверх по дороге».

Вверху находился холм, где местные жители издревле хоронили потерпевших поражение воинов и отрубленные головы казненных преступников.

На фоне ночного неба выступил силуэт огромной сосны. Когда Дзётаро взобрался на вершину холма, человек сидел под деревом и курил трубку.

Теперь было очевидно, что это Дайдзо. У крестьянина не могло быть при себе кисета с табаком. Некоторые, правда, выращивали табак, но в небольших количествах, поэтому он стоил

очень дорого. И в богатой местности Кансай табак считался роскошью. Дальше на севере, в Сэндае, писец, ведший дневник князя Датэ, счел нужным сделать следующую запись: «Утром его светлость выкурил три трубки, в полдень — четыре, перед сном — одну».

Многие не курили лишь потому, что испытывали головокружение и даже тошноту. Табак считался ядовитым зельем, но все ценили его аромат.

Дзётаро знал, что Дайдзо — один из редких курильщиков. Дайдзо частенько потягивал красивую керамическую трубку, что, впрочем, мало кого удивляло, ведь купец отличался изысканными вкусами.

«Что он замышляет?» — с волнением думал Дзётаро. Оглядевшись в темноте, мальчик подкрался поближе.

Выкурив трубку, купец встал, снял черный платок и сунул его за пазуху. Медленно обошел сосну. Неизвестно откуда в руках у него появилась лопата. Опершись на нее, Дайдзо осмотрелся, словно запоминая место.

Откатив от ствола дерева большой камень, Дайдзо принялся сосредоточенно копать землю. Вскоре он едва виднелся из ямы. Оторвавшись от

дела, Дайдзо вытер лицо платком. Изумленный Дзётаро терялся в догадках.

— Хватит, — пробормотал купец, утаптывая дно. Дзётаро подмывало выскочить и отговорить Дайдзо от мысли похоронить себя.

Купец вылез из ямы, подтащил к ней принесенный мешок и начал развязывать пеньковую веревку. Сначала Дзётаро подумал, что это полотняный мешок, но потом разглядел тяжелую кожаную накидку, надеваемую поверх доспехов. В накидку был завязан второй мешок. Дайдзо открыл его, и тускло сверкнуло золото, много золота в полуцилиндрических слитках, которые льют в формах из расколотых по горизонтали стволов бамбука. Золото было не только в мешке. Дайдзо снял пояс и вытащил из-за пазухи золотые монеты новой чеканки. Уложив монеты поверх слитков, он аккуратно завязал мешок, плащ и швырнул их в яму, как дохлую собаку. Засыпав яму, Дайдзо утрамбовал землю, закатил камень на прежнее место и разбросал кругом сухую траву и ветки. Далее последовало превращение крестьянина в известного богатого торговца травами Дайдзо из Нараи. Крестьянская одежда вместе с лопатой полетела в кусты, дорожная накидка легла на плечи, а кошелек с деньгами повис на

шее, как у странствующего монаха.

— Неплохая выдалась ночка, — удовлетворенно пробормотал купец, обуваясь в соломенные сандалии.

Шаги Дайдзо стихли. Дзётаро выбрался из укрытия и подошел к камню. От ночной работы не осталось следов. Мальчик стоял, уставившись на землю, как на пустую ладонь фокусника.

«Пора идти, — спохватился Дзётаро. — Как бы он не заподозрил меня в чем, не застав в гостинице».

Внизу, под холмом, светились огни города, найти дорогу было легко. Дзётаро несся как ветер, держась боковых троп, чтобы не наткнуться на Дайдзо.

С невинным видом Дзётаро поднялся в свою комнату и с удовольствием обнаружил, что Скэити спит, обняв дорожный сундучок.

— Скэити, ты замерзнешь! — потряс его за плечо Дзётаро.

— А, это ты! — пробормотал слуга, потирая глаза. — Ты где болтался без разрешения?

— Ты что? Я никуда не отлучался. Проспал, а теперь выдумываешь чепуху.

— Не ври! Я видел, как ты ушел с женщиной из заведения «Сумия». Если ты водишься с прости-

тутками с таких лет, страшно подумать, во что ты превратишься с годами.

В это время сёдзи раздвинулись и вошел Дайдзо.

— Вот и я! — сказал он.

На следующее утро в путь отправились рано, чтобы засветло добраться до Эдо. Дзиннай разбудил девиц. Акэми присоединилась к ним еще до рассвета. Дайдзо, Скэити и Дзётаро засиделись за завтраком и покинули гостиницу, когда солнце поднялось высоко. Дайдзо, как обычно, шел впереди, Дзётаро на сей раз плелся сзади вместе со Скэити.

— Что с тобой приключилось? — наконец спросил Дайдзо.

— А что произошло? — переспросил Дзётаро, стараясь не выдать волнение.

— Расскажи-ка!

— Ничего не случилось. А почему вы спрашиваете?

— Ты необыкновенно молчалив. Тебя что-то огорчило?

— Нет, ничего, господин. Просто задумался. Если я останусь с вами, то не смогу найти своего учителя. Мне лучше одному отправиться на поиски, если вы не возражаете.

— Возражаю, — непререкаемым тоном ответил Дайдзо.

Дзётаро, который почти дотронулся до рукава купца, резко отдернул руку и дрожащим голосом спросил:

— Почему?

— Давай лучше отдохнем, — проговорил Дайдзо, сворачивая на ярко-зеленую поляну, которыми славится провинция Мусаси. Усевшись, он махнул рукой слуге, чтобы тот продолжал путь.

— Мне необходимо поскорее отыскать учителя! — взмолился Дзётаро.

— Я сказал, никуда ты не пойдешь! — строго посмотрел на мальчика Дайдзо, раскуривая керамическую трубку. — С сегодняшнего дня ты мой сын.

Дайдзо не шутил, Дзётаро судорожно проглотил комок, подкативший к горлу. Дайдзо засмеялся. Дзётаро, поняв, что это была шутка, сказал:

— Я не согласен! Не хочу быть вашим сыном.

— Что?

— Вы купец, а я хочу быть самураем.

— Ты скоро узнаешь, что Дайдзо из Нараи — не простой торговец без роду и племени. Будь моим приемным сыном, и ты станешь настоящим

самураем.

Дзётаро с ужасом понял, что Дайдзо настроен серьезно. Пересилив страх, мальчик спросил:

— Позволите ли узнать, почему вы приняли это неожиданное решение?

Рука Дайдзо легла на плечо мальчика. Наклонившись к уху Дзётаро, купец спросил:

— Ты меня видел, маленький негодник?

— Видел вас?

— Следил за мной?

— Не знаю, о чем вы говорите.

— Ты подглядывал за мной прошлой ночью.

Дзётаро усилием воли держал себя в руках.

— Почему ты шпионил за мной?

Дзётаро содрогнулся.

— С какой стати ты суешь нос в мои дела?

— Простите меня! — не выдержал Дзётаро. — Простите, я никому не скажу ни слова.

— Тише! Я не собираюсь тебя наказывать. Ты станешь моим приемным сыном. Откажешься, так мне придется убить тебя. Постарайся не доводить меня до крайности. Я считаю тебя хорошим мальчиком, очень смышленым.

Впервые в жизни Дзётаро почувствовал, что такое страх.

— Простите меня! — задыхаясь, бормотал он. —

Не убивайте! Я не хочу умирать.

Дзётаро, как пойманный жаворонок, бился в железных руках Дайдзо. Мальчик боялся сопротивляться по-настоящему, зная, что его неминуемо настигнет смерть.

Купец и не думал силой усмирять мальчика. Он скорее осторожно обращался с Дзётаро. Прижав его к колючей щеке, Дайдзо прошептал:

— Ты ведь хочешь быть моим сыном?

От Дайдзо исходил крепкий мужской запах, который почему-то сковывал Дзётаро, заставлял его чувствовать себя ребенком, лишенным дара речи.

— Решай: или я усыновлю тебя, или ты умрешь. Решай сейчас.

Мальчишка взвыл от безысходности. Он тер глаза, размазывая пыль по лицу.

— О чем плакать? Тебе улыбается счастье. Обещаю, ты станешь знаменитым самураем, когда мы с тобой покончим наши дела.

— Но…

— Что же?

— Вы… вы…

— Говори же!

— Не могу!

— Говори, не тяни время. Мужчина должен без

обиняков выражать мысли.

— Вы… вы занимаетесь воровством.

Дзётаро был бы рад вырваться из западни и умчаться со скоростью молодого оленя, но, сидя на коленях у Дайдзо, он словно ощущал вокруг себя непреодолимые стены.

— Ха-ха! — рассмеялся Дайдзо, ласково шлепнув мальчика по спине. — Это единственное, что тебя беспокоит?

— Д… да.

Массивные плечи купца тряслись от смеха.

— Конечно, я из тех, кто способен украсть целую страну, но я не грабитель и не вор. Посмотри на Иэясу, Хидэёси или Нобунагу — эти великие воины украли или жаждали украсть всю страну. Будь со мной, и настанет время, когда ты все поймешь.

— Выходит, вы не вор?

— Мне слишком низко заниматься столь невыгодным ремеслом. — Спустив мальчика с колен, Дайдзо продолжал: — А теперь прекрати хныкать, и в путь. С этого момента ты мой сын. Я буду хорошим отцом. От тебя требуется лишь одно — ты никому не проболтаешься о том, что тебе приснилось прошлой ночью. Откроешь рот, и я сверну тебе шею.

Дзётаро понял, что у Дайдзо слова не расходятся с делом.

Идущие впереди

В конце пятого месяца Осуги добралась до Эдо. Стояла невыносимая жара, обычная при опоздании сезона дождей. Осуги вышла из Киото два месяца назад и неторопливо путешествовала от храма к храму, задерживаясь в пути, чтобы подлечить недуги.

Столица сёгунов не понравилась ей с первого взгляда. «Надо же затеять строительство на болоте! — раздраженно подумала Осуги. — Толком даже землю не расчистили от кустов и тростника».

Над трактом Таканава неподвижно висело облако пыли, ее густой слой покрывал недавно посаженные деревья и указательные придорожные камни. Дорога от Сиоири до Нихонбаси была забита воловьими повозками, груженными камнем и лесом. Новые дома с неимоверной быстротой вырастали вдоль дороги.

— Ах ты!.. — гневно воскликнула Осуги, взглянув на строящийся дом, с которого на ее кимоно шлепнулся комок мокрой глины. Рабочие на лесах разразились веселым хохотом.

— Как вы смеете бросаться грязью в людей да

еще хохотать при этом? Вы должны пасть на колени и просить прощения.

В Миямото ее слова нагнали бы страху на любого крестьянина, но здесь, в огромном скопище людей, рабочие изумленно уставились на старуху.

— О чем бормочет эта старая ведьма? — спросил один из них.

— Кто посмел такое произнести? — взвизгнула Осуги.

Чем больше она гневалась, тем веселее хохотали рабочие. Стали собираться зеваки. Прохожие спрашивали, почему старая женщина выставляет себя на посмешище и не удаляется, как подобает ее возрасту.

Осуги бросилась к дому и выдернула подпорки из-под лесов. Рабочие с бадьей глины рухнули на землю.

— Ах ты, старая тварь! — Мужчины окружили Осуги.

— Прочь с дороги! — не дрогнув, скомандовала она и для убедительности взялась за рукоятку короткого меча.

Рабочие топтались на месте. Старуха явно была из самурайского сословия, и потасовка с ней грозила неприятностью.

— Не намерена терпеть наглости от простолюдинов! — высокомерно заявила Осуги, заметив их нерешительность.

Осуги зашагала дальше, непреклонная, выпрямив спину. Зеваки с уважением смотрели ей вслед.

Осуги не успела далеко отойти, как ее нагнал подмастерье, с ног до головы покрытый опилками и стружкой. В руке у него была бадья с жидкой глиной.

— А этого не хочешь, старая ведьма! — воскликнул он, выплескивая бадью на Осуги.

— О-о! — взвыла старуха, но подмастерье исчез. Слезы бессильной ярости наполнили глаза Осуги, ставшей жертвой невиданного оскорбления.

Улица ликовала от бесплатного представления.

— Над чем смеетесь, бездельники! — набросилась Осуги на зрителей. — Неужели смешно, что старую женщину заляпали грязью? Так, значит, встречают пожилых людей в Эдо? Нелюди! Помните, и вы состаритесь со временем.

Тирада старухи только развеселила толпу.

— Хорош Эдо! — презрительно фыркнула Осуги. — Говорят, во всей стране нет города больше. А на самом деле? Грязное место, где срывают хол-

мы, засыпают болота, роют канавы, наваливают горы песка, привозя его с побережья. Такого отребья, как здесь, никогда не встретить ни в Киото, ни в другом городе на западе.

Излив гнев, Осуги повернулась спиной к гогочущей толпе и торопливо засеменила по улице.

Конечно, все в Эдо блестело новизной. Дома пахли свежим деревом и сверкали белизной стен. Многие кварталы были застроены наполовину, в нос бил резкий запах конского и воловьего навоза.

Совсем недавно дорога, по которой шла Осуги, была всего лишь тропинкой, которая вела через рисовые поля из деревни Хибия в деревню Тиёда. Стоило Осуги пройти дальше на запад, в сторону замка Эдо, она бы оказалась в старом и более обустроенном квартале, где даймё и вассалы сёгуна поселились сразу после того, как Токугава Иэясу занял Эдо в 1590 году.

Город вызвал у старухи отвращение. Она впервые ощутила себя совсем старой. Все встречные были молоды — лавочники, чиновники верхом на лошадях, самураи в тростниковых шляпах. Молодыми были поденщики, ремесленники, лотошники, солдаты и даже военачальники.

На доме, у которого не успели доштукатурить

стены, вешали вывеску, а под ней сидела густо набеленная женщина и красила брови в ожидании гостей. В другом недостроенном доме продавали саке, в третьем торговали сушеной провизией. В доме подальше приколачивали еще одну вывеску, извещавшую о торговле лекарствами.

«Если бы не дело, так ни дня бы не осталась в этой помойке», — подумала Осуги.

Дорогу ей преградила недавно вырытая канава. Осуги остановилась. У моста через ров, пока не наполненный водой, находилось подобие сарая из тростниковых циновок, скрепленных бамбуковыми шестами. Надпись на циновке гласила, что здесь общественная баня. Осуги, заплатив медную монету, вошла, чтобы постирать кимоно. Выстирав одежду, она повесила ее на сушильный шест рядом с баней, а сама в нижнем кимоно присела на корточки рядом и уставилась на дорогу отсутствующим взглядом.

Полдюжины людей на той стороне дороги о чем-то громко торговались. Осуги отчетливо слышала их голоса.

— Какая же здесь площадь? Я бы дотошно не расспрашивал, будь цена разумной.

— Сотка с лишним. В цене не уступлю.

— Непомерно дорого! Сами знаете, что зало-

мили.

— Совсем не дорого! Обустройство стоило кучу денег. Выровнять участок привозной землей. Учтите, вокруг не осталось свободных участков.

— Ничего подобного. Повсюду засыпают болота.

— Все распродано. Люди расхватывают участки, не глядя, болото это или нет. Не найдете свободного клочка. Поближе к реке Сумида можно найти что-нибудь подешевле.

— Вы точно назвали площадь?

— Измерьте сами веревкой.

Осуги изумилась. За цену, которую запрашивали за сотку, в ее деревне можно купить полгектара хорошей пахотной земли. Повсюду в Эдо шли подобные торги, город был охвачен спекуляцией участков. «Кому нужна дикая земля? — думала Осуги. — Для риса не годится, а здесь ведь совсем не город».

Продавец и покупатель наконец договорились.

Пока Осуги разглядывала торгующихся, чья-то рука залезла ей за пояс.

— Грабят! — взвизгнула старуха, пытаясь схватить вора, но тот, вытащив кошелек, несся по улице. — Вор! — громко закричала Осуги и с неожиданной резвостью бросилась за вором.

Догнав вора, старуха крепко вцепилась ему в пояс. — Вор! Помогите! — оглашали улицу ее крики.

Отчаянно сопротивлявшийся вор дважды угодил по лицу старухи, но та не ослабляла хватки.

— Отпусти, старая скотина! — взвыл вор и ударил Осуги ногой под ребро. Осуги со стоном повалилась на землю, но в последний миг выхватила из ножен короткий меч и полоснула вора по щиколотке. Хлынула кровь, и вор, проковыляв несколько шагов, тоже упал.

Привлеченные шумом люди, которые торговали землю, оглянулись.

— Кажется, наш бездельник из Косю, — сказал один из них, Хангавара Ядзибэй, строительный подрядчик.

— Похоже, — подтвердил его помощник. — Что-то держит в кулаке. Кошелек вроде.

— Ну да! Кто-то сейчас про вора кричал. А вон и старуха на земле. Поди взгляни, что с ней. А я займусь бездельником.

Вор вскочил и побежал, но Ядзибэй догнал его и шлепнул ладонью по спине, словно прихлопнул кузнечика. Вор покатился по земле.

— Мы не ошиблись. Он украл кошелек у старой женщины, — сказал помощник, подходя к

Ядзибэю.

— Вот он. Как она себя чувствует?

— Она не слишком сильно пострадала. Лишилась чувств, а опомнившись, закричала: «Убили!»

— Она все на земле сидит. Встать может?

— Вряд ли. Он пнул ее под ребро.

— Негодяй! — Ядзибэй метнул на вора испепеляющий взгляд.

— Уси, поставь столб! — приказал Ядзибэй помощнику.

Преступник задрожал, будто ему к горлу приставили нож.

— Только не это! — завопил он, катаясь по земле в ногах у Ядзибэя. — Отпустите меня, обещаю, что никогда больше не украду!

— Нет, получишь по заслугам! — решительно сказал Ядзибэй.

Уси, нареченный родителями Быком по знаку зодиака, как принято в крестьянских семьях, вскоре вернулся, приведя двух рабочих со строительства моста.

— Вот здесь! — указал он в центр пустующего участка.

— Годится? — спросили рабочие, вкопав столб в землю.

— Хорошо, — ответил Ядзибэй. — А теперь привяжите его и прибейте у него над головой доску.

Доску прибили. Ядзибэй, взяв у плотника тушь и кисть, написал: «Этот человек — вор. До недавнего времени он работал у меня, но совершил преступление, за которое и наказан. Он приговорен к столбу на семь дней и семь ночей. Приказ Ядзибэя из Бакуротё».

— Спасибо! — сказал Ядзибэй, возвращая тушечницу. — Время от времени давайте ему еду, ровно столько, чтобы он не умер с голоду. Подойдут и объедки.

Все одобрительно закивали головами. Кое-кто вызвался приглядеть, чтобы вор получил должную толику насмешек. Публичного осмеяния за слабости и проступки боялись не только самураи. В те времена оно было самым страшным наказанием и для простого горожанина.

Самосуд крепко утвердился в повседневной жизни. Воинское сословие было слишком занято войнами, чтобы следить и за общественным порядком. Горожане ради собственной безопасности сами расправлялись с преступниками. В Эдо был назначен городской судья, и наиболее видные жители каждого квартала считались официальными представителями властей, од-

нако широко применялся самосуд. Обстановка в стране по-прежнему была неспокойной, поэтому власти не чинили препятствий стихийным расправам.

— Уси, — приказал Ядзибэй, — отдай кошелек старухе. Надо же пережить такую напасть в ее возрасте? Она, кажется, совсем одна. А где ее кимоно?

— Сказала, что повесила сушить.

— Принеси кимоно, а потом приведи старуху. Возьмем ее с собой. Что толку, если мы накажем вора и бросим женщину на произвол других негодяев.

Вскоре Уси тащил старуху на спине, кимоно ее свисало у него с руки, а возглавлял процессию Ядзибэй. Они подошли к мосту Нихонбаси, от которого велся счет расстоянию по всем дорогам из Эдо. Деревянный настил моста крепился на каменных опорах, перила не утратили природной свежести дерева, ведь мост достроили только год назад. Вдоль одного берега стояли лодки из Камакуры и Одавары, а на другом находился рыбный рынок.

— Бок, какая боль! — стонала Осуги.

Торговцы рыбой, привлеченные причитаниями старухи, с любопытством глазели на

процессию, что явно раздражало Ядзибэя. Он не любил, когда на него смотрели зеваки.

— Немного осталось. Потерпите, ваше состояние не опасно! — строго одернул он Осуги.

Осуги положила голову на спину Уси и затихла как ребенок. Кварталы в центре города сложились сообразно занятиям их обитателей. Квартал кузнецов, оружейников, красильщиков тканей, плетенщиков татами. Дом Ядзибэя находился в квартале плотников, но резко выделялся среди других из-за черепицы, наполовину покрывавшей крышу дома. До пожара, случившегося два года назад, все дома в квартале имели соломенную кровлю, а сейчас все были деревянными. Ядзибэй из-за черепичной кровли дома получил новую фамилию Хангавара — «наполовину под черепицей».

Ядзибэй был ронином, когда пришел в Эдо. Способный, легко ладящий с людьми, он проявил деловую сметку и занялся строительными подрядами. Вскоре он заимел большую артель плотников, кровельщиков и поденщиков. Он скопил денег от заказов от даймё и втянулся в торговлю землей. Он разбогател так, что мог не работать сам. Ядзибэй превратился в квартального старшину. Он пользовался всеобщим уважением

среди таких же негласных авторитетов Эдо.

Горожане искали защиты у военных и у местных старшин, но последние пользовались несравненной известностью, как заступники за простолюдинов. Вожаки в Эдо имели особенности, но подобные им люди существовали и в других городах. Они появились в смутные времена в конце сёгуната Асикаги, когда банды разбойников бродили по дорогам, как стаи голодных зверей, грабя всех и каждого, не признавая ничьей власти.

По свидетельству одного писателя той эпохи, их одежда состояла из одной красной набедренной повязки и широкого набрюшника. Мечи у них были очень длинные — до метра с лишним, а короткие доходили до полуметра. Многие пользовались и более простым оружием. Разбойники не стригли волосы, а подвязывали их толстой веревкой. На ногах у них нередко были кожаные ноговицы.

Во время войн вооруженные разбойники служили наемниками, а с наступлением мира и самураи, и крестьяне отворачивались от них. Наступила эпоха Эдо, и наиболее толковые из них, не пожелавшие оставаться бандитами, потекли в новую столицу. Некоторые сумели добиться

успеха. Про них говорили, что «справедливость — их кости, народная любовь — плоть, отвага — кожа». Одним словом, бывшие разбойники стали народными героями.

Резня на берегу реки

Жизнь под черепичной крышей гостеприимного дома Ядзибэя так полюбилась Осуги, что и через полтора года после происшествия с вором она не покинула его. Первые недели, пока Осуги выздоравливала, она упорно твердила, что ей пора в путь. Хозяин каждый раз отговаривал ее.

— Куда спешить? — спрашивал он. — Отдыхайте. Подождите, пока мы найдем Мусаси. Мы выступим на вашей стороне.

Ядзибэй знал о Мусаси только то, что ему рассказала Осуги, представив его отъявленным негодяем. Осуги поселилась в доме, и Ядзибэй приказал своим людям сообщать ему все, что они прослышат о Мусаси.

Осуги переменила отношение к Эдо. Она перестала ненавидеть этот город, даже говорила, что люди здесь «дружелюбные, беззаботные и очень добрые».

Дом Хангавары отличался особой широтой, в нем постоянно толпились подозрительные типы — крестьянские парни, не желавшие работать на полях, бродячие ронины, сынки из богатых домов, промотавшие родительское состояние,

отбывшие свой срок каторжники, покрытые татуировкой. Пестрая компания, однако, слишком походила на умело организованную военную школу, в которой грубая мужская сила преобладала надо всеми человеческими чувствами. Дом Ядзибэя был настоящим разбойничьим додзё.

Как и в настоящих додзё, где обучали боевому искусству, у Ядзибэя существовала строгая иерархия. Хозяин дома беспрекословно руководил жизнью своих подчиненных. За ним следовала группа старшин, называемых «старшими братьями». Далее шли исполнители — «кобуны», их положение зависело от срока службы. Существовал и особый класс «гостей», отношение к которым определялось по их умению владеть оружием. Иерархия покоилась на строгом этикете сомнительного, но незыблемого происхождения.

Желая избавить Осуги от безделья, Ядзибэй предложил ей следить за одеждой молодых людей, и с тех пор старуха хлопотала с утра до вечера. Она шила, чинила, стирала и гладила одежду кобунов, не отличавшихся аккуратностью.

Кобуны не могли похвастаться воспитанием, но отличали хорошую работу от плохой. Они восхищались строгими вкусами Осуги, ее сноровкой, ее заботливым отношением ко всем.

«Старуха из родовитой самурайской семьи, — говорили они. — Род Хонъидэн благородного происхождения».

Хозяин дома подчеркнуто уважительно относился к Осуги и даже построил ей отдельный домик в глубине двора. Когда он не отлучался из дома, то непременно навещал ее утром и вечером. На вопросы подчиненных, почему он почтенно относится к чужой старой женщине, Ядзибэй отвечал, что в свое время он дурно обошелся со своими родителями. «Теперь я в том возрасте, когда испытываешь чувство сыновнего долга по отношению ко всем старушкам», — вздыхал он.

Пришла весна, расцвела дикая слива, но в Эдо совсем не было цветущей сакуры. Редкие вишневые деревца посадили на холмах к западу от города, да буддийские монахи высадили деревца вдоль дороги к храму Сэнсодзи в Асакусе. С наступлением тепла заговорили, что на саженцах появились цветочные почки.

Однажды Ядзибэй зашел в домик Осуги и сказал:

— Я собираюсь в Сэнсодзи. Не хотите пойти со мной?

— С радостью. Храм посвящен Кандзэон, а я особенно верю в ее силу. Она воплощает собой

того же бодхисаттву, что и Каннон, которой я молилась в Киёмидзу в Киото.

Ядзибэй и Осуги вышли в сопровождении двух кобунов, Дзюро и Короку. Дзюро по неизвестной причине прозвали Тростниковой Циновкой, прозвище Короку — Храмовый Служка было более объяснимо. Это был маленький подвижный человек с сугубо благообразным лицом, которое уродовали три шрама на лбу, полученных в уличных драках.

Они направились ко рву около моста в Кёбаси, где давались внаем лодки. Короку ловко вывел лодку изо рва в реку Сумида. Ядзибэй велел открыть коробку с провизией.

— Я решил посетить храм именно сегодня, в годовщину смерти моей матери, — сказал Ядзибэй. — Лучше было бы проведать ее могилу на родине, но это слишком далеко. Помолюсь в Сэнсодзи и пожертвую на храм. Наша поездка — не настоящее паломничество, отнесемся к ней как к приятной прогулке.

Ядзибэй, ополоснув за бортом чарку, налил саке и протянул ее Осуги.

— Похвально, что вы помните о своей матушке, — ответила Осуги, размышляя, как поведет себя Матахати после ее смерти. — Не знаю, право,

уместно ли пить саке в день поминовения.

— Я предпочитаю непринужденность, а не официальные церемонии. Я верую в Будду, этого достаточно для таких олухов, как я. Вы, конечно, знаете заповедь: имеющий веру да не нуждается в знании.

Осуги, не настаивая на своем, выпила несколько чарок.

— Давно так много не пила. Словно парю в воздухе, — заметила она вскоре.

— Выпейте еще, — угощал Ядзибэй. — Хорошее саке. Не волнуйтесь, если слегка закружится голова, мы рядом.

Повернув на юг Сумидзюку, река разливалась широко и покойно. Вековой лес покрывал Симосу — восточный берег напротив Эдо. Корни деревьев утопали в воде, сверкавшей синими бликами между переплетенными черными корневищами.

— Слышите? Соловьи! — проговорила Осуги.

— Пойдут непрерывные дожди, кукушки будут куковать с утра до вечера.

— Позвольте вам налить еще чарочку. Надеюсь, вы не жалеете, что я поехала с вами.

— Рад, что путешествие вам нравится.

Короку, стоявший на корме с веслом, с зави-

стью проговорил:

— Хозяин, не пустить ли чарку по кругу?

— Занимайся своим делом. Одна чарка в твоих руках, и мы пойдем ко дну. На обратном пути возьмешь свое.

— Как прикажешь. Мне уже чудится, что под веслом не вода, а саке.

— А ты не думай об этом. Причаль-ка лучше к берегу, купим рыбу.

Короку выполнил указание. После непродолжительного торга рыбак с довольной улыбкой открыл перед покупателями деревянный ларь в лодке и предложил товар на выбор. Ничего подобного Осуги прежде не видела. Ларь до краев был наполнен живым серебром, здесь была и речная, и морская рыба — карпы, креветки, зубатка, бычки, даже лосось и морской окунь.

Ядзибэй набрал молоди и, сдобрив ее соевым соусом, начал есть живьем. Он предложил угощение Осуги, но та с отвращением отвернулась.

Когда лодка причалила к западному берегу, Осуги слегка пошатывало.

— Осторожнее, — предупредил Ядзибэй, — держитесь за меня.

— Спасибо. Обойдусь без посторонней помощи, — протестующе замахала руками Осуги.

Дзюро и Короку привязали лодку, и все четверо направились по топкой низине к пригорку, на котором стоял храм.

Стайка детей усердно искала что-то, переворачивая камни. Дети окружили приезжих, стараясь перекричать друг друга.

— Купите, пожалуйста!

— Бабушка, а у меня лучше.

Ядзибэй, видимо любивший детей, не выказывал раздражения.

— Чем торгуете? Крабами?

— Нет, наконечниками стрел! — хором ответили дети, показывая пригоршни этого добра.

— Наконечники стрел?

— Ну да! За храмом похоронено много воинов и лошадей. Приезжающие сюда покупают наконечники, чтобы принести их в жертву мертвым. Вы тоже должны купить.

— Наконечники мне не нужны, но я дам вам денег. Согласны?

Все, разумеется, одобрительно зашумели. Ядзибэй раздал монеты, и дети убежали на поиски наконечников. Вскоре из крытой тростником хижины вышел человек, который собрал у детей деньги. Ядзибэй осуждающе щелкнул языком и отвернулся. Осуги завороженно оглядывала

окрестности.

— В этих местах, верно, шли большие сражения.

— Точно не знаю, но во времена, когда Эдо был маленьким провинциальным селением, здесь происходили бои, лет пятьсот тому назад. Говорят, что в двенадцатом веке сюда приходил собирать войско Минамото-но Ёритомо из Идзу. А когда императорский двор был разделен — кажется, в четырнадцатом веке, — владетель Мусаси, князь Нитта, потерпел здесь поражение от клана Асикага. В последние двести лет здесь сражались Ота Докан и другие полководцы.

Пока Осуги и Ядзибэй беседовали, Дзюро и Кокуро пошли вперед, чтобы приготовить им место на веранде храма.

Храм несказанно разочаровал Осуги. Сэнсодзи представлял собой полуразвалившееся строение, а настоятель жил в жалкой хижине.

— И это храм? — неодобрительно заметила Осуги. — А сколько разговоров о Сэнсодзи!

Великолепный девственный лес окружал храм, однако святилище Кандзэон имело жалкий вид. Каждый год река выходила из берегов, подступая к веранде храма.

— Добро пожаловать, рад вновь видеть вас, —

раздалось откуда-то сверху.

Осуги увидела на крыше настоятеля.

— Чините кровлю? — благодушно справился Ядзибэй.

— Приходится. Птицы одолели. Только настелю свежую солому, как они растаскивают ее на гнезда. Постоянно где-то протекает. Располагайтесь, сейчас спущусь.

Осуги и Ядзибэй зажгли поминальные свечи и вошли в полумрак храма. «Как же не течь!» — подумала Осуги, взглянув на потолок, зиявший бесчисленными дырами.

Осуги, вынув четки, опустилась на колени рядом с Ядзибэем. Глаза ее заволок туман, когда она начала читать молитву Каннон из Сутры Лотоса:

Ты обитаешь в воздухе, подобно солнцу.

Если дурные люди и столкнут тебя с Алмазной горы,

Положись на чудодейственную силу Каннон,

И волос не падет с твоей головы.

Если тебя окружат разбойники

И пригрозят тебе мечом,

Положись на чудодейственную силу Канон,

И разбойники смилуются над тобой.

Если правитель осудит тебя на смерть

И над твоей головой занесут меч,

Положись на чудодейственную силу Каннон,

И меч разлетится на куски.

Старуха начала молитву негромко, но постепенно ее голос креп, она забыла о присутствии Ядзибэя, Дзюро, Короку и, казалось, отрешилась от бренного мира.

Восемьдесят четыре тысячи живых существ

Потянулись душой и сердцем

К вечной мудрости Будды.

Четки задрожали в руках старухи. Она без паузы перешла от молитвы к собственным просьбам:

Славься Каннон, почитаемая всеми!

Слава тебе, воплощению милости и сострадания!

Прими благосклонно просьбу старухи.

Помоги мне сразить Мусаси,

Помоги одолеть его поскорее.

Помоги отомстить ему!

Внезапно смолкнув, Осуги прижалась лбом к полу.

— И сделай из Матахати хорошего человека. Помоги процветанию дома Хонъидэн, — шепотом пробормотала она.

Наступило молчание. Снаружи донесся голос настоятеля, который приглашал гостей выпить чаю. Ядзибэй и оба молодых человека, простоявшие всю молитву в подобающей позе, растирали затекшие ноги.

— А теперь мне можно попробовать саке? — блестя глазами, спросил Дзюро.

Получив разрешение хозяина, он заспешил к дому настоятеля и разложил на веранде обед. Когда подошли его спутники, он уже потягивал саке, держа чарку в одной руке, и помешивал кипящую в масле рыбу другой.

— Что из того, что нет цветущей сакуры, — глубокомысленно заметил он. — Зато все остальное как во время любования цветами сакуры.

Ядзибэй передал настоятелю пожертвование, сказав, что оно пригодится для починки крыши. Когда Ядзибэй отдавал деньги, его взгляд упал на ряд деревянных дощечек с именами жертвователей и указанием переданных сумм. Обычно

давали столько же, сколько и Ядзибэй. Выделялась одна надпись: «Десять золотых монет. Дайдзо из Нараи. Провинция Синано».

Уязвленный Ядзибэй обратился к настоятелю:

— Не мне, конечно, говорить, но десять золотых монет — слишком большая сумма. Этот Дайдзо правда такой богач?

— Я не знаю его. Он появился неожиданно в конце прошлого года и заявил, что позорно держать в столь плачевном состоянии самый известный храм местности Канто. Он сказал, что жертвует золото на покупку строительного леса.

— Какой благочестивый человек!

— Он пожертвовал еще три золотые монеты на синтоистские храмы Юсима и не менее двадцати храму Канда Мёдзин. Он особенно печется о храме Канда Мёдзин, потому что там обитает дух Тайра-но Масакадо. Дайдзо считает Масакадо не мятежником, а первопроходцем, освоившим восточную часть страны и достойным почитания. Поживете у нас, и вы познакомитесь с необыкновенными жертвователями.

Старик не успел договорить, как прибежали ребятишки, кричавшие во весь голос.

— Что вам надо? — строго прикрикнул на них настоятель. — Если хотите играть, идите к реке.

Здесь храм, шуметь нельзя.

Ребятишки, юркие, как стайка рыбешек, вбежали на веранду.

— Скорее! — кричали они. — Там страшная драка.

— Самурай сражается.

— Один против четверых.

— Бьются на настоящих мечах.

— Огради нас, Будда! — запричитал настоятель, торопливо надевая сандалии. На бегу он объяснил гостям: — Вынужден оставить вас на некоторое время. Наш берег — излюбленное место для поединков. Как ни выйду к реке, обязательно натыкаюсь на дерущихся. То один кромсает другого на куски, то кого-то дубасят до смерти палками. Потом являются судейские чиновники и требуют письменных показаний. Взгляну, что сейчас приключилось.

— Драка? — хором переспросили Ядзибэй и его подручные и немедленно последовали за настоятелем. Осуги отстала от них, и, когда дошла до берега, бой уже окончился. Дети и жители рыбацкого поселка стояли безмолвным кружком. Осуги сначала не поняла, почему все молчат, но и у нее перехватило дыхание, как только она заглянула в центр круга.

Четыре обезображенных тела лежали на земле. Вдоль берега шагал решительного вида молодой самурай в красном плаще. Он не замечал собравшихся. Ласточка черной молнией метнулась над его головой.

Внезапно толпа как по команде вскрикнула — один из лежавших на земле приподнялся и крикнул в спину уходящему самураю:

— Стой! Не смей убегать!

Самурай в плаще остановился, поджидая едва державшегося на ногах противника.

— Бой не кончен! Дерись! — прохрипел раненый, делая выпад вперед. Самурай, отступив на шаг, молниеносным ударом разрубил голову нападавшего.

— Ну как, теперь кончено? — зловеще произнес самурай.

Никто не заметил, когда он успел вырвать из ножен «Сушильный шест».

Самурай вытер лезвие и сполоснул руки в реке. Деревенские жители, привычные к поединкам, были потрясены хладнокровной жестокостью молодого человека, особенно в момент, когда он сразил последнего противника. Люди оцепенело молчали.

Молодой человек потянулся и заметил вслух:

— Все как на реке Ивакуни. Словно домой вернулся.

Он задумчиво посмотрел на воду, над которой носились ласточки. Резко повернувшись, он быстро зашагал прочь от толпы. Дойдя до лодки Ядзибэя, он стал ее отвязывать. Дзюро и Короку опрометью бросились к берегу.

— Эй, ты что делаешь? — крикнул Дзюро, подбегая к лодке. Он заметил кровь на хакама и тесемках сандалий самурая.

Бросив веревку, самурай ухмыльнулся:

— А что, нельзя?

— Нет!

— А если я заплачу?

— Не болтай! — отрезал Дзюро.

В нем заговорил житель новой столицы Эдо, города будущего, который ничего не боялся.

Самурай не извинился, но и не выказывал воинственности. Он молча отошел от лодки.

— Кодзиро! Кодзиро! Постой, — закричала Осуги.

Узнав старуху, Кодзиро сбросил суровую маску и радостно улыбнулся.

— Как вы здесь оказались? Я волновался за вас.

— Приехала почтить Кандзэон вместе с Хангаварой Ядзибэем и этими молодыми людьми.

Ядзибэй разрешил мне пожить в его доме в Бакуротё.

— Где мы виделись в последний раз? Да, на горе Хиэй. Вы тогда сказали, что собираетесь в Эдо. Я надеялся встретить вас там, но не здесь. — Самурай взглянул на Дзюро и Короку. — Эти молодые люди с вами, говорите?

— Они уличные дебоширы, зато их хозяин — достойный человек.

Ядзибэй изумленно наблюдал, как Осуги запросто болтает с грозным самураем. Ядзибэй подошел к ним и учтиво поклонился.

— Мои подчиненные грубо обошлись с вами. Надеюсь, вы их простите. Не хотите ли попутешествовать с нами на лодке? — сказал Ядзибэй.

Стружки

Как нередко происходит с незнакомыми людьми, которых свел случай, молодой самурай и Ядзибэй быстро сошлись. Саке и свежей рыбы было вдоволь, знакомство Осуги и Кодзиро создавало непринужденность. Осуги с искренним участием расспрашивала Кодзиро о его жизни бродячего самурая, а тот поинтересовался, исполнила ли она «великое предназначение жизни». Старуха ответила, что давно потеряла след Мусаси. Кодзиро обнадежил ее.

— Говорят, что прошлой осенью и зимой он посетил двух-трех знаменитых воинов, а потом перебрался в Эдо. Он, пожалуй, и сейчас там, — сообщил Кодзиро.

Ядзибэй не поддержал догадку Кодзиро, поскольку его люди не слышали в Эдо о Мусаси.

Поговорили о злоключениях Осуги.

— Надеюсь, мы можем рассчитывать на вашу дружбу, — сказал Ядзибэй молодому самураю.

Кодзиро закивал в ответ и, демонстрируя расположение к новым знакомым, сполоснул чарку и предложил саке не только Ядзибэю, но и его подданным.

Осуги расчувствовалась.

— Правильно говорят, что добро есть везде, стоит только поискать получше, — значительно произнесла она. — Какое счастье, что на моей стороне два таких молодца. Кандзэон покровительствует мне. — Взволнованная старуха не сдерживала слез.

Ядзибэй, избегая выспренних слов, спросил у гостя:

— Кодзиро, кто те четверо, которых ты изрубил?

Кодзиро словно ждал этого вопроса.

— А, эти, — небрежно проговорил он. — Ронины из школы Обаты. Я несколько раз ходил туда поболтать с Обатой о военных вопросах, а эти неизменно встречали меня дурацкими замечаниями. Им хватило нахальства рассуждать о секретах фехтования. Я пообещал преподать им урок стиля Ганрю, если они придут на берег Сумиды, а заодно познакомить их с «Сушильным шестом». Я сказал, что они могут явиться в любом количестве. Придя на место, я увидел пятерых, но едва я принял боевую стойку, как один дал деру. Должен заметить, что в Эдо полно людей, которые работают лучше языком, чем мечом. — Кодзиро самодовольно рассмеялся.

— Обата? — переспросил Ядзибэй.

— Неужели не знаешь? Обата Кагэнори. Он из рода Обаты Нитидзё, который служил клану Такэда из Каи. Иэясу взял его с собой, и теперь он преподает военную науку сёгуну Хидэтаде. И собственная школа у него есть.

— Да-да, припоминаю, — взволнованно проговорил Ядзибэй.

Близость Кодзиро к столь знаменитым людям произвела должное впечатление на Ядзибэя. «Юноша еще носит чуб, — подумал он, — но, несомненно, уже известная личность, если он накоротке с самураями такого ранга». Старшина плотников был простым человеком, в людях больше всего уважал физическую силу. Его восхищение Кодзиро росло с каждой минутой.

— Есть предложение, — наклонился Ядзибэй к Кодзиро. — В моем доме постоянно отирается человек пятьдесят молодых бездельников. Если я выстрою додзё, а ты будешь их тренировать?

— Конечно, урока два я могу дать, но ты должен знать, что мне нет прохода от знатных даймё, просящих меня служить у них за четыреста — шестьсот коку риса. Не знаю, что и делать. Вообще-то, я не рассматриваю предложений ниже тысячи коку. К тому же вежливость требует,

чтобы я оставался там, где живу сейчас, но я как-нибудь загляну к вам.

— Большая честь для меня! — низко поклонился Ядзибэй.

— Будем ждать тебя, — добавила Осуги.

Дзюро и Короку, по простоте души неспособные разглядеть самолюбования и бахвальства Кодзиро, ликовали от оказанной им чести. При входе в ров Кёбаси Кодзиро попросил остановить лодку.

— Сойду здесь, — сказал он и выпрыгнул на берег. Вскоре он скрылся в облаке пыли, клубившейся над улицей.

— Весьма достойный юноша, — с уважением проговорил Ядзибэй.

— Настоящий воин! — горячо поддержала его Осуги. — Многие даймё мечтают иметь его у себя на службе и за хорошее жалованье. — Помолчав немного, она мечтательно добавила: — Был бы Матахати похож на него!

Через пять дней Кодзиро явился в дом Ядзибэя. Его с почтением провели в комнату для гостей. Одного за другим к нему подводили всех подчиненных хозяина для засвидетельствования почтения. Церемония понравилась Кодзиро. Он одобрительно заметил Ядзибэю, что у того в доме бурлит интересная жизнь.

Хозяин, не забывая о своей идее, проговорил:

— Хочу построить додзё. Посмотришь площадку?

Он повел гостя за дом, где был просторный участок земли, на котором расположилась красильня. На шестах сушились окрашенные ткани. Ядзибэй заверил самурая, что красильщика, арендовавшего этот участок, он без труда выставит.

— Собственно, додзё здесь и не требуется, — заметил Кодзиро. — Место отгорожено от улицы, посторонний не забредет.

— А в дождливые дни?

— В непогоду я не буду приходить. Должен предупредить: мои уроки потруднее, чем у Ягю или в других школах. Если твои молодцы будут разевать рот, дело в лучшем случае кончится увечьем. Пусть сразу запомнят!

— Ясно! Веди занятия по своему усмотрению.

Условились заниматься трижды в месяц — третьего, тринадцатого и двадцать третьего числа в хорошую погоду.

Появление Кодзиро в квартале Бакуротё повлекло волну толков. Слышали, как один сосед сказал: «У них появился фат, который обставит их всех». Обсуждали мальчишескую прическу Кодзиро. Сошлись во мнении, что если Кодзиро

за двадцать, то ему давно пора брить лоб, как принято у самураев. Соседи еще не видели крикливых нарядов Кодзиро, в которых он представал перед обитателями дома Хангавары, сбрасывая с правого плеча кимоно, чтобы высвободить руку для фехтования.

Кодзиро оправдал ожидания Ядзибэя и его подопечных. Он занимался с неопытными людьми, но не давал им спуску. После трех уроков один ученик был искалечен, а пятеро ранены. Их стоны доносились из дальних комнат дома Хангавары.

— Следующий! — выкрикивал Кодзиро, потрясая длинным мечом из древесины мушмулы. Ученикам он предварительно объявил, что от удара такого меча «человечье мясо гниет до самой кости».

— Намерены прекратить занятия? Тогда следующий! Иначе я уйду, — презрительно бросал Кодзиро ученикам.

— Хорошо, я выйду! — крикнул один из учеников.

Он подошел к учителю и нагнулся, чтобы взять деревянный меч, и Кодзиро внезапным ударом уложил его.

— Я преподал вам важный урок: никогда не открывайтесь противнику. Самая грубая ошиб-

ка! — Кодзиро высокомерно оглядел учеников, большинство которых тряслось от страха.

Пострадавшего оттащили к колодцу и принялись отливать водой, но он не приходил в себя.

— Кажется, готов бедняга.

— Умер?

— Не дышит.

Все собрались вокруг убитого товарища. Одни возмущались, другие испугались. Кодзиро даже не взглянул на бездыханное тело.

— Если вас пугают такие картины, лучше навсегда забыть о мече, — зловеще проговорил он. — Вас ведь подмывает ввязаться в драку, когда кто-нибудь называет вас бандитами и бродягами…

Кодзиро не закончил мысли. Помолчав немного, он продолжил лекцию, шагая по полю:

— Пошевелите мозгами, славные бандиты! Вы готовы напасть на всякого, кто наступил вам на ногу или случайно задел ваши ножны, но стоит делу дойти до настоящего боя, вы прячетесь по кустам. Вы бездумно рискнете жизнью из-за женщины или мелкого честолюбия, но вам не хватит смелости пожертвовать собой во имя высокой цели. Вы мгновенно впадаете в гнев, вами движет тщеславие, но этого мало. — Выпятив грудь, Код-

зиро продолжал: — Истина, в сущности, проста. Только тренировка и самодисциплина способны породить настоящую отвагу и веру в себя. Бросаю всем вызов — пусть хотя бы один наберется смелости и сразится, как подобает мужчине.

Один из учеников, решив поймать Кодзиро на слове, напал на него сзади. Кодзиро сложился вдвое, едва не коснувшись земли, и нападавший, перелетев через него, покатился по земле. Удар деревянного меча пришелся по берцовой кости ученика.

— На сегодня хватит, — объявил Кодзиро. Отбросив меч, он пошел к колодцу умываться. Тело убитого по-прежнему лежало у колодца. Кодзиро вымыл руки, поплескал воду на лицо и отошел от тела, не проронив ни слова сострадания.

Продевая руку в рукав кимоно, он сказал:

— Я много слышал о квартале Ёсивара. Вы наверняка знакомы с этим местом. Кто-нибудь может проводить меня?

Кодзиро, по обыкновению, без обиняков заявлял, что хочет развлечься и попить саке. Трудно сказать, притворялся ли он бесшабашным или был до наивности прямодушен.

Ядзибэй предпочел последнее объяснение.

— Ты еще не был в Ёсиваре? — изумился он. —

Надо срочно исправить это недоразумение. Я и сам пошел бы с тобой, но сегодня должен быть в доме на отпевании покойного.

Ядзибэй, дав денег Дзюро и Короку, строго предупредил их:

— Учтите, я посылаю вас не развлекаться. Вы обязаны позаботиться, чтобы ваш учитель хорошо отдохнул.

Кодзиро, шедший впереди, едва различал дорогу, потому что, в отличие от Киото, Нары и Осаки, Эдо был погружен в кромешную темноту.

— Ужасная дорога, — обратился Кодзиро к спутникам, — следовало захватить фонарь.

— Нас бы подняли на смех, увидев с фонарем в веселом квартале, — ответил Дзюро. — Осторожнее, господин, здесь куча земли из нового рва. Не свалитесь!

Вода во рву блеснула розоватым отсветом, лиловым цветом окрасилось и небо над рекой Сумида. Над крышами Ёсивары взошла большая весенняя луна.

— Близко совсем, только мост перейти, — сказал Дзюро. — Дать вам платок?

— Зачем?

— Скрыть лицо.

Дзюро и Короку вытащили из-за пазухи по

красному платку и обвязали лица. Кодзиро замаскировался дорогим платком из тонкого шелка.

— Вот так надо повязать, — объяснял Дзюро. — Так теперь модно.

— Вам это к лицу, — ответил Кодзиро.

Кодзиро и его провожатые влились в толпу обвязанных платками мужчин. Квартал сиял огнями, как Янаги-мати в Киото. Вход в дома прикрывали красные или бледно-желтые занавеси, на которых были прикреплены колокольчики. Их звон извещал девушек о приходе гостя.

Побывав в трех заведениях, Дзюро, подмигивая, сказал Кодзиро:

— Не следует больше скрывать, господин!

— Что скрывать? — удивился самурай.

— Будто вы прежде не бывали здесь. Девушка в заведении, из которого мы только что вышли, узнала вас. Она вскрикнула, увидев вас, и тут же спряталась за ширму. Секрет ваш раскрыт.

— Я действительно впервые в Ёсиваре. О какой девушке ты говоришь?

— Не прикидывайтесь, господин. Пойдемте, я покажу ее вам.

Они вернулись в дом, где на занавеси красовались три листа зубчатого дуба, а снизу мелко выведено название — «Сумия».

Строгие линии коридоров и тяжелые балки, по замыслу хозяина, должны были напоминать храмовую архитектуру Киото, но новизна дома обрекала на провал притязания на солидность и традиции. Кодзиро был уверен, что под досками пола хлюпает болотная жижа.

Большая комната на втором этаже, куда их провели, была не убрана после ухода предыдущих гостей. Всюду валялись объедки, бумажные салфетки, зубочистки. Служанка собирала мусор с мрачной сосредоточенностью.

Онао, пришедшая принять заказ, изображала чрезвычайную занятость. Мимоходом она заметила, что года три такой службы сведут ее в могилу. В приличных заведениях Киото делали вид, будто смысл их существования — ублажение гостей. В Ёсиваре откровенно обирали посетителей, не тратя времени даром.

— Хороши удовольствия в Эдо! — презрительно хмыкнул Кодзиро. Бросив взгляд на сучковатый потолок, он добавил: — Убогое место.

— Это временное пристанище! — запротестовала Онао. — Мы строим дом, который превзойдет все, виденное вами в Киото и Фусими.

Внимательно посмотрев на Кодзиро, Онао неуверенно произнесла:

— Не могла ли я прежде видеть вас? Ах да! — вспомнила она. — В прошлом году на тракте Косю.

Кодзиро не сразу припомнил ту случайную встречу, но потом, оживившись, сказал:

— Ну конечно! Как пересекаются людские судьбы!

— Воистину пересекаются! — поддразнивал Дзюро. — Нет только девушки, которая вас знает.

Дзюро, описав девушку Онао, велел привести ее.

— Знаю, о ком вы говорите, — ответила Онао, выходя из комнаты. Прошло некоторое время, но старая женщина не возвращалась.

Дзюро и Короку вышли в коридор, хлопая в ладоши, чтобы напомнить о себе. Хлопать пришлось долго.

— Ее нигде нет, — объявила Онао.

— Она только что была здесь.

— Странно, я уж и хозяину пожаловалась. Она тоже исчезла на перевале Коботокэ, когда мимо проходил этот самурай.

В темноте за заведением «Сумия» виднелся каркас строящегося дома, наполовину подведенного под крышу. Акэми укрылась за штабелем досок рядом с кучей стружек. Искавшие ее несколько

раз прошли мимо, едва не задев ее.

— Ханагири! Ханагири! — раздавались возгласы под недостроенной крышей.

Акэми в заведении дали это новое имя.

«Какая мерзость!» — подумала Акэми. Сначала она ненавидела Кодзиро, но вскоре ненависть ее пала вообще на всех мужчин. Кодзиро, Сэйдзюро, самурай в Хатиодзи, гости, которые мучили ее каждый вечер в «Сумия». Все мужчины были ее врагами, за исключением одного. Единственного, похожего на Мусаси, которого она искала всю жизнь. Акэми оставила мечту о настоящем Мусаси, но придумала его двойника и пыталась его полюбить. В жизни, однако, она не видела никого, кто хотя бы немного походил на выдуманного ею человека.

— Ха-на-гири! — раздался голос самого Сёдзи Дзинная. Поступь хозяина раздавалась в шаге от ее укрытия. Рядом с ним шли Кодзиро и его сопровождающие. Гости выражали недовольство, и Дзиннай извинялся. Наконец все двинулись к выходу.

Акэми, затаив дыхание, выждала, пока Дзиннай вернулся в дом, и стрелой помчалась в кухню.

— Ханагири, тебя все ищут! — удивилась служанка.

— Не кричи, налей мне саке.

— Саке? Сейчас?

— Да, саке.

После переезда в Эдо Акэми пристрастилась к саке, топя в нем свои тревоги.

Испуганная служанка налила полную чарку. Закрыв глаза, Акэми медленно пила, запрокинув набеленное лицо.

Увидев, что Акэми уходит, служанка всполошилась:

— Ты куда?

— Молчи! Вымою ноги и вернусь.

Акэми сунула ноги в первые попавшиеся соломенные сандалии и, пошатываясь, вышла на улицу. «Как хорошо на свободе!» — подумала она, но тут же почувствовала отвращение, увидев толпу мужчин, жаждущих удовольствий. Плюнув в сторону ярко освещенной улицы, она побежала прочь от людей.

Акэми резко остановилась, увидев отражение звезд в темной воде рва. Позади послышался топот бегущих следом людей. «Ага, на этот раз даже с фонарями! — подумала Акэми. — Все из „Сумия“. Скоты! Ни минуты покоя. Им надо найти меня, чтобы я зарабатывала для них. Плоть и кровь мою они превращают в строительный лес для нового

веселого заведения. Но нет, я вам не дамся!»

Ноги Акэми несли ее в ночную темноту, волосы с запутавшимися в них древесными стружками развевались по ветру. Она бежала куда глаза глядят. Все равно где оказаться, только подальше от ненавистного заведения.

Сова

Трое вышли из чайной. Кодзиро едва держался на ногах.

— Где… где твое плечо, — бормотал он, хватаясь за Дзюро и Короку, чтобы не упасть.

Улица была темной и пустынной.

— Господин, нам лучше остаться здесь на ночь, — произнес Дзюро.

— В этой дыре? Никогда! Я уж тогда вернусь в «Сумия».

— Я бы туда не пошел.

— Почему?

— Из-за девицы, которая убежала от вас. Они ее найдут и заставят провести ночь с вами. Вы не получите никакого удовольствия.

— Ты прав, пожалуй.

— Она все еще волнует вас?

— Не-ет.

— Но не выходит у вас из головы.

— Я в жизни ни разу не влюблялся. Это не для меня. Есть дела поважнее.

— Какие дела?

— Дорогой юноша, я стану самым великим фехтовальщиком в истории Японии. Самый быстрый

путь к этой цели — устроиться военным наставником к сёгуну.

— Но у него эту роль выполняет дом Ягю. Недавно, как я слышал, сёгун нанял еще и Оно Дзироэмона.

— Оно Дзироэмон? Да он никудышный воин! Впрочем, и сам Ягю, по-моему, так себе. Увидите, какую карьеру сделаю я. Когда-нибудь…

Молодые люди дошли до места, где новый ров пересекал улицу. Ивы до половины стволов были завалены мокрой землей.

— Осторожнее, господин, здесь скользко, — предупредили самурая Дзюро и Короку.

— Стой! — внезапно крикнул Кодзиро, с силой оттолкнув поводырей и стремительно соскользнув вниз по мокрой тропинке. — Кто здесь?

Человек, который прыгнул сзади на Кодзиро, промахнувшись, бултыхнулся в ров.

— Не помнишь, Сасаки?

— Ты убил четверых наших товарищей.

Кодзиро проворно выбрался наверх и увидел человек десять, прятавшихся в камышах и за деревьями. Они двинулись на него с мечами наголо.

— Так вы из школы Обаты! — презрительно фыркнул Кодзиро, мгновенно протрезвев. — В

прошлый раз вы потеряли четверых из пяти. Сколько вас сегодня? Сколько жаждет смерти? Назовите цифру, и я выполню ваш заказ. Трусы! Нападайте, кто смелый!

Рука Кодзиро, закинутая за плечо, уверенно сжимала рукоять «Сушильного шеста».

До пострижения в монахи Обата Нитидзё был едва ли не первым воином в провинции Каи, прославившейся отвагой своих самураев. Дом Такэды потерпел поражение от Токугавы Иэясу, и семья Обаты пребывала в забвении до той поры, пока Кагэнори не отличился в битве при Сэкигахаре. Сам Иэясу призвал Кагэнори на службу, на которой он снискал известность как наставник военных наук. Кагэнори отказался от предложения сёгуната принять почетный участок земли в центре Эдо, сославшись на то, что ему, деревенскому воину, не пристало жить там. Он предпочел лесистый уголок около храма Хиракава Тэндзин. Там, в старом крестьянском доме под соломенной крышей, он устроил свою школу. Кагэнори пристроил к дому зал и величавый парадный вход.

Кагэнори, теперь уже старый и больной, в учебном зале почти не появлялся. На его лесном участке обитали совы, и с некоторых пор он стал

подписываться «Старая сова». «Я и есть старая сова», — слабо улыбался прославленный воин. Он страдал от ломоты в пояснице, как случилось и в эту ночь.

— Ничуть не полегчало? Может быть, дать воды?

Рядом с Кагэнори сидел Ходзё Синдзо, сын известного полководца Ходзё Удзикацу.

— Мне лучше, — ответил Кагэнори. — Иди спать, скоро светает.

Старик был сед как лунь, его иссохшее тело походило на корявое от древности сливовое дерево.

— Не беспокойтесь, я выспался днем.

— Днем ты слушаешь мои лекции, у тебя нет времени на сон. Ты единственный, способный выдержать такое напряжение.

— Избыточный сон вреден.

Светильник зачадил — сгорело все масло. Молодой человек перестал растирать спину старика и пошел за маслом. Когда он вернулся, то увидел, что учитель, приподняв голову с подушки, к чему-то прислушивается. Огонек лампы отражался в старческих глазах.

— Что с вами, учитель?

— Не слышишь? Вода плещется.

— У колодца, кажется.

— Кто там среди ночи? Может, пьяные?

— Вероятно. Я посмотрю.

— Отругай их хорошенько.

— Хорошо, учитель. Постарайтесь уснуть. Вы устали.

Боль немного отпустила Кагэнори, и он заснул. Синдзо заботливо подоткнул одеяло и вышел на улицу через заднюю дверь. Два ученика школы у колодца смывали кровь с лица и рук.

— Вы все-таки ходили туда, хотя я просил вас не делать глупостей, — гневно проговорил Синдзо.

У него перехватило дыхание, когда он увидел еще одного ученика на земле около колодца. Ученик слабо постанывал, и казалось, вот-вот умрет. На лицах молодых людей было написано отчаяние, они всхлипывали, как маленькие.

— Безумцы! — продолжал Синдзо, сдерживая себя. — Сколько раз я вам твердил, что не вам сражаться с ним! Почему не послушались?

— Он ведь облил грязью имя учителя. Убил наших товарищей. Упрекаешь нас в опрометчивости, а может, ты сам потерял рассудок? Держать себя в руках, сторониться врага, молча глотать оскорбления! По-твоему, это и есть разумное поведение? Нет, Путь Воина не таков!

— Я первым бросил бы вызов Кодзиро в случае

необходимости. Он оскорбил учителя и нанес нам урон, но все равно я трезво оцениваю обстановку. Я не боюсь смерти, но Кодзиро недостоин того, чтобы любой из нас рисковал своей жизнью из-за него.

— Люди иначе оценивают наши отношения с ним. Считают, что мы, боясь его, не защищаем нашу честь. Кодзиро поносит Кагэнори по всему Эдо.

— Пусть болтает! Неужели, по-вашему, люди, знающие Кагэнори, поверят наглому юнцу?

— Думай как знаешь, Синдзо, но мы не намерены пускать дело на самотек.

— Что вы задумали?

— Убить его.

— Вы считаете, что сумеете? Я предупреждал, чтобы вы не ходили в Сэнсодзи. Вы меня не послушали. Мы потеряли четверых. Он снова вас побил. Это вы называете защитой чести? Не Кодзиро, а вы подрываете репутацию Кагэнори. И последний вопрос. Вы убили его?

Ответа не последовало.

— Конечно, вам это не по силам. Готов биться об заклад, что Кодзиро не получил ни единой царапины. Ваша ошибка в том, что вы встречаетесь с Кодзиро, принимая его условия. Вы не способны

правильно оценить его. Да, он молод, подл, груб и самонадеян, но при этом — выдающийся мастер меча. Не знаю, как он постиг тайны мастерства, но нельзя отрицать его талант. Вы недооцениваете его, в чем ваша первая ошибка.

Один из молодых людей, выйдя из терпения, начал возражать Синдзо:

— По-твоему, нужно молча любоваться этим негодяем?

Синдзо упрямо кивнул:

— Не любоваться, а присматриваться, потому что мы пока бессильны перед ним. Мы — не профессиональные фехтовальщики, а только изучаем военные науки. Если вы находите мое поведение трусливым, я согласен слыть трусом среди вас.

— Воды… воды! — простонал раненый.

Молодые люди приподняли голову своего товарища и попытались посадить его.

— Не поите, вода его убьет! — встревоженно крикнул Синдзо.

Пока молодые люди совещались, раненый припал к ведру. Он сделал один глоток, и голова его поникла в ведро. Погибших от рук Кодзиро стало пятеро.

Синдзо по пути в комнату учителя угрюмо

смотрел под ноги. Близилось утро, сова ухала на бледнеющую луну. Кагэнори спал, ровно дыша. Синдзо отправился к себе.

Стол в его комнате был завален трудами о военных науках. Синдзо происходил из хорошей семьи, но знал и тяжелый труд. В детстве он колол лучину, носил воду и проводил долгие часы за чтением при тусклом свете. Его отец, выдающийся самурай, считал, что отпрысков благородных семейств надо воспитывать в строгости. Синдзо поступил в школу Обаты, чтобы в будущем укрепить военную мощь фамильных владений. Он был одним из самых юных учеников, но Обата выделял его среди остальных питомцев.

Последнее время Синдзо совсем не спал по ночам, ухаживая за больным учителем. Он вздохнул и опустился на циновку. Кому же еще присматривать за учителем? Все ученики были грубоватыми парнями, какие обычно тянутся к военному делу. Они приходили в школу только на занятия. Громко рассуждали о самурайских доблестях и достоинствах, но ни один не понимал одинокого, мудрого человека, каким был их учитель. Сокровенная суть военной науки проходила мимо их ушей. Они восторгались, если отчаянный смельчак слепо бросился на защиту

собственного достоинства. Оскорбление возбуждало в них безудержную жажду мести.

Синдзо был в отъезде, когда Кодзиро приходил в школу. Кодзиро, казалось, искренне интересовался некоторыми вопросами военной науки, поэтому его представили учителю. Гость, не задавая вопросов, начал высокомерно противоречить Кагэнори. Всем стало ясно, что Кодзиро пришел с целью унизить старого военного. Вызвав Кодзиро в соседнюю комнату, ученики потребовали объяснения, но юный гость, осыпав их градом оскорблений, вызвал всех на поединок.

Кодзиро распускал слухи, что представления Обаты о военной науке поверхностны. Он якобы просто пересказывает стиль Кусуноки и старинный китайский трактат «Шесть секретов». Когда сплетни дошли до учеников школы, они поклялись, что обидчик заплатит за них жизнью.

Синдзо считал, что наветы Кодзиро недостойны внимания, что нельзя тревожить старика всякими пустяками, что Кодзиро никогда серьезно не изучал военные науки. По его мнению, следовало посоветоваться с Ёгоро, сыном Кагэнори, который, к несчастью, находился в длительном отъезде. Доводы Синдзо не возымели действия на его однокашников.

«Неужели они не понимают, в какую попали историю?» — сокрушенно думал Синдзо, сидя в своей комнате. Неверный свет лампы подчеркивал бледность его лица. Размышляя о выходе из печального положения, он незаметно заснул, уронив голову на книги.

Синдзо проснулся от голосов. Он заглянул в учебный зал, но там было пусто. Он направился в бамбуковую рощу при храме и увидел то, что и ожидал, — большая группа учеников держала военный совет. Двое из участников ночной стычки с перебитыми руками на перевязи, бледные от потери крови, рассказывали о случившемся.

— И вы утверждаете, что вас было десять человек и половину он убил? — спросил кто-то негодующим тоном.

— Именно так. Мы не смогли даже приблизиться к нему.

— Мурата и Аябэ были лучшими фехтовальщиками школы.

— Они погибли первыми. Ёсобэй усилием воли добрался до школы, но его угораздило хлебнуть воды, и он умер. Мы не успели убрать ведро с водой.

Повисла мрачная тишина. Ученики занимались военными науками: стратегией, обеспе-

чением тыла, связью, разведкой — и плохо разбирались в технике близкого боя. Они считали, что сражение на мечах — дело рядовых воинов, а их предназначение — стать полководцами. Самурайская гордость не позволяла им признать простую истину, что все они бессильны против опытного фехтовальщика Сасаки Кодзиро.

— Что нам теперь делать? — послышался тоскливый вопрос. В ответ только заухала сова.

— Мой двоюродный брат занимается в доме Ягю, — осенило одного из учеников. — Через него можно попросить у них помощи.

— Какая глупость! — набросились все на приятеля. — Нельзя обращаться за помощью к посторонним. Это еще больше опозорит нашего учителя. Зачем признаваться в своем бессилии?

— Как быть?

— Единственный выход — новое сражение с Кодзиро, но не в темном переулке, чтобы не подрывать репутацию школы. Лучше умереть в открытом бою, чем выслушивать обвинение в трусости.

— Пошлем вызов?

— Да. Сколько бы он нас ни побеждал, упорно будем вызывать его на бой.

— Правильно. Синдзо вот только рассердится.

— Он не должен знать о нашем плане. Учитель тоже. Кисть и тушь возьмем у настоятеля храма.

Несколько человек пошли к настоятелю. Неожиданно все застыли, словно пораженные громом, уставившись на веранду храма. В тени старого сливового дерева, усыпанного зеленоватыми плодами, на веранде стоял Кодзиро. Нога его упиралась в перила, на губах играла зловещая улыбка. Ученики изменились в лице, некоторые прерывисто задышали.

— Как я слышал, вы решили послать мне вызов, — презрительно заговорил Кодзиро. — Избавлю вас от хлопот. Я здесь и готов к бою. Вчера ночью, еще не смыв крови с рук, я понял, что вы не уйметесь. Вот я и пришел в вашу школу, жалкие трусы!

Кодзиро помолчал, дабы придать весомость своим словам, а затем продолжил в том же насмешливом тоне:

— Интересно, как вы определяете место и время поединка. Выбираете благоприятный день по звездам? Или предпочитаете ночь, когда ваш противник навеселе возвращается от проституток?

Кодзиро помолчал, словно в ожидании ответа.

— Вам нечего сказать? Среди вас нет ни одного мужчины? Выходите, если вам не терпится драть-

ся. По одному или кучей, мне безразлично. Я не побегу от вас, если вы двинетесь на меня строем в доспехах под бой барабанов.

Ученики молчали.

— Что случилось? Или вы забыли про вызов? Есть ли хотя бы в одном из вас капля смелости? Нет? Слушайте меня, болваны! Я, Сасаки Кодзиро, перенял стиль фехтования великого Тоды Сэйгэна после его смерти. Я знаю секреты обнажения меча, открытые Катаямой Хисаясу, я создал собственный стиль Ганрю. Я не из тех, кто копается в трактатах, читает книги или слушает лекции о китайских полководцах или о «Шести секретах». Душа и воля мои не имеют ничего общего с вами.

Не знаю, что вам вдалбливают в школе, но я преподал вам наглядный урок военного искусства. Я не хвастаюсь. Подумайте, как поступил бы обыкновенный человек, на которого напали ночью, но он отбился от бандитов? Он поспешил бы в безопасное место, радуясь тому, что уцелел. И вы бы ликовали в укромном уголке.

Как вел себя я? Зарубил половину из ваших людей, последовал за отступившими и был здесь у вас под носом. Слышал, как вы обсуждали планы, изнуряя ваши жалкие мозги. Я застиг вас

врасплох. Я бы мог при желании прикончить всех вас. Такого человека я называю военным, а его поведение — военной наукой.

Один из вас сказал, что Сасаки Кодзиро — простой фехтовальщик, что не его ума дело рассуждать о военной школе. Сколько вам доказывать, что вы ошибаетесь? Возможно, сегодня я покажу, что я не только великий фехтовальщик, но и непревзойденный знаток тактики.

Ха-ха! Неплохая получилась лекция! Боюсь, что бедный Обата Кагэнори останется не у дел. На сегодня, думаю, достаточно. Эй, Дзюро, Короку! Дайте воды, горло пересохло!

— Сию минуту, господин, — хором отозвались Дзюро и Короку, которые из-за угла храма с восторгом внимали речам Кодзиро.

Дзюро, подавая большой глиняный горшок с водой, спросил:

— Что вы теперь собираетесь делать, господин?

— Спроси их, — кивнул Кодзиро на учеников школы. — Ответ написан на их тупых мордах.

— В жизни не видел таких дурацких физиономий, — поддакнул Короку.

— Жалкое зрелище, — добавил Дзюро. — Пойдемте, господин, они не будут сражаться с вами.

Трое неторопливо вышли через ворота храма. Синдзо, спрятавшийся за деревьями, проговорил сквозь стиснутые зубы:

— Ты мне за все заплатишь!

Ученики школы были совершенно подавлены. Кодзиро победил, перехитрил, высмеял их, оставив в испуге и унижении. Мрачную тишину нарушил прибежавший ученик.

— Мы заказывали гробы? — спросил он. — Нет? Гробовщик привез пять гробов.

— Тела пока не привезли, — угрюмо ответил кто-то. — Понадобится еще один гроб. Сделай заказ гробовщику, а готовые сложите в амбаре.

В эту ночь в учебном зале отпевали погибших учеников. Служба проходила тихо, чтобы не слышал Кагэнори, но он догадался о случившемся. Старик, однако, ни о чем не спросил, промолчал и Синдзо.

На школу Обаты легло клеймо поражения. Один лишь Синдзо, которого обвиняли в трусости за его призывы к сдержанности, твердо решил расквитаться с противником. Немногие ученики различали скрытый огонь в глазах Синдзо.

К осени здоровье Кагэнори ухудшилось. На большое дерево, росшее перед комнатой старика, повадилась прилетать сова, которая ухала даже

днем. Синдзо знал, что крик совы предвещал близкую кончину учителя.

Ёгоро прислал письмо, в котором сообщал, что знает о столкновении с Кодзиро и скоро собирается домой. Синдзо переживал, застанет ли Ёгоро отца в живых. Приезд Ёгоро снял бы с Синдзо обязанности по уходу за стариком.

Накануне возвращения Ёгоро Синдзо, оставив в своей комнате прощальное письмо, покинул школу Обаты. Он постоял немного среди деревьев, глядя на комнату Кагэнори.

— Простите меня, я ухожу без вашего разрешения. Спите спокойно, мой учитель. Завтра в доме будет Ёгоро. Не знаю, успею ли я до вашей кончины показать вам голову Кодзиро, но попытаюсь. Если я погибну, то душа моя встретит вас в ином мире, — тихо вымолвил Синдзо.

Жареные гольцы

Мусаси странствовал вдали от городов, следуя аскетической практике. Он подавлял плоть ради совершенствования духа. С небывалой силой им овладела решимость идти дорогой одиночества. Пусть его ждут голод, ночлег на холоде и под дождем, рваная одежда. В душе он лелеял мечту, несравнимую с предложениями князя Датэ, облагодетельствуй он Мусаси всеми своими владениями.

Мусаси после долгого странствия по Накасэндо провел несколько ночей в Эдо и снова отправился в путь, на этот раз в Сэндай. Деньги, оставленные Исимодой Гэки, тревожили его. Мусаси знал, что не успокоится, пока не вернет их хозяину. И вот, по прошествии полутора лет, он вышел на равнину Хотэнгахара в провинции Симоса, к востоку от Эдо. Мало что изменилось здесь с тех пор, как в десятом веке войска мятежного Тайра-но Сасакады прошли по окрестностям с огнем и мечом. Долина выглядела уныло и пустынно. Единственным ее украшением были заросли камыша, редкие деревья и бамбуковые рощицы. Низкое солнце отражалось в ржавой болотной

воде, трава была бесцветной и жухлой.

«Куда теперь?» — спросил себя Мусаси, стоя на развилке дороги. Накануне он сильно промерз на перевале Тотиги, кости ломило от простуды. В холодный сырой вечер ему бы очень пригодилось человеческое жилье. Две последние ночи он проспал под открытым небом и сейчас мечтал о тепле очага и горячей еде, пусть даже незатейливой крестьянской пище из риса и проса.

Море, судя по соленому ветру, было недалеко. Мусаси подумал, что на берегу может быть рыбацкая деревня или небольшое портовое селение. Если не повезет, придется еще одну ночь скоротать в высокой траве под большой осенней луной.

Мусаси с улыбкой подумал: будь он поэтом, то нашел бы очарование в суровости равнины. Сейчас ему хотелось поскорее бежать от этой дикости к людям, поесть и отдохнуть. Нудное жужжание мошкары подчеркивало безмолвие окрестностей и одиночество Мусаси.

Проходя по мосту, покрытому поверх бревен утрамбованной глиной, Мусаси услышал всплеск воды. Выдра? Заглянув вниз, Мусаси заметил на берегу мальчика. Тот тоже разглядывал Мусаси, подняв личико, похожее на мордочку выдры.

— Ты что там делаешь? — крикнул Мусаси.

— Гольцов ловлю, — лаконично ответил мальчик. Он встряхнул плетеной снастью, давая стечь воде, выбрал улов и смыл набившийся ил.

— Много поймал? — спросил Мусаси, чтобы продолжить разговор.

— Очень, но гольцов мало.

— Со мной поделишься?

— Вам нужна рыба?

— Немного. Я заплачу.

— Нет, я ловил для отца. — Мальчик, подхватив корзину, взбежал на берег и скрылся в густых сумерках.

— Быстрый, дьяволенок, — рассмеялся Мусаси. Он припомнил себя в этом возрасте, вспомнил и Дзётаро. «Что теперь с мальчишкой?» — подумал он. Они расстались, когда Дзётаро было четырнадцать лет. Сейчас ему уже шестнадцать.

«Бедняга! — вздохнул Мусаси. — Он считал меня наставником, любил как учителя, помогал мне, а что я сделал для него? Ничего».

Погруженный в думы, Мусаси забыл об усталости. Он долго стоял на месте. Взошла луна. В такие ночи Оцу любила играть на флейте. В звоне мошкары Мусаси услышал смех и голоса Оцу и Дзётаро.

Вдали блеснул огонь, и Мусаси решительно двинулся на него.

Заросли клевера скрывали одинокую покосившуюся хижину со стенами, оплетенными стеблями тыквы-горлянки. Цветы ее в сумерках походили на огромные капли росы. Подойдя поближе, Мусаси вдруг услышал храпение коня, привязанного с другой стороны развалюхи.

— Кто там?

Мусаси узнал голос мальчика-рыбака.

— Не пустите меня переночевать? Я уйду рано утром, — попросил Мусаси.

Мальчик внимательно осмотрел Мусаси из-за двери и нерешительно произнес:

— Заходите.

Мусаси в своей жизни не видел более убогого жилища. Лунный свет падал сквозь щели в потолке, по ногам гулял ветер, хотя на полу были циновки. Мусаси не нашел даже гвоздя, чтобы повесить свою накидку.

Мальчик церемонно склонился перед Мусаси и спросил:

— Вы просили у меня рыбу. Вы любите гольцов?

Манеры мальчика не вязались с нищей обстановкой. Мусаси в недоумении уставился на него.

— Почему вы так смотрите?

— Сколько тебе лет?

— Двенадцать.

Мусаси поразило лицо мальчика. Грязное, как корень лотоса, вытащенный из земли, немытые волосы напоминали птичье гнездо. В лице чувствовался твердый характер, а глаза сверкали, как драгоценные камни.

— Есть немного проса и риса, — гостеприимно предложил мальчик. — Я уже дал рыбы отцу, осталось и для вас.

— Спасибо.

— Вы, верно, не откажетесь от чая.

— Если не затруднительно для тебя.

— Подождите, пожалуйста, — сказал мальчик и ушел в соседнюю комнату, притворив за собою скрипучую дверь.

Мусаси слышал, как мальчик ломал хворост и раздувал огонь в глинобитном очаге. Хижина вскоре наполнилась едким дымом, который выгнал наружу мошкару.

Мальчик появился с подносом. В одно мгновение Мусаси проглотил и солоноватых жареных гольцов, и рис с просом, и суп из соевых бобов.

— Очень вкусно, — сказал он мальчику.

— Понравилось? — приветливо спросил тот.

«Очень воспитанный ребенок», — подумал Мусаси и сказал вслух:

— Я хотел бы поблагодарить хозяина дома. Он еще не спит?

— Хозяин перед вами, — ответил мальчик.

— Ты один?

— Да.

— Вот как, — протянул Мусаси. — А чем же ты живешь?

— Сдаю внаем свою лошадь. Раньше мы выращивали рис. Лампа сейчас потухнет, кончилось масло. Вы ведь собираетесь спать, да?

Мусаси растянулся на старой циновке у стены. Однообразное гудение мошкары усыпляло. Мусаси заснул, но во сне он вдруг сильно вспотел, вероятно, из-за усталости. Ему снился шум дождя. От шума он очнулся и сел. Слух не подвел его. Он отчетливо слышал, как кто-то точил меч или нож. Мусаси невольно потянулся за своим мечом.

— Не спится? — спросил мальчик из соседней комнаты. Мусаси вздрогнул, удивившись, что мальчик задал этот вопрос.

— Почему ты занимаешься этим ночью? — тревожно спросил Мусаси, словно готовясь к обороне.

Мальчик рассмеялся:

— Я вас напугал? Вы такой большой и сильный.

Мусаси молчал. Может, в обличье крестьянского мальчика он встретил вездесущего дьявола?

Шарканье оселка по лезвию возобновилось. Мусаси подошел к двери. Сквозь щелку он увидел, что там была кухня с постелью в дальнем углу. Мальчик сидел у окна возле большого кувшина с водой. Пристроившись под лунным светом, он точил тесак, каким обычно пользуются в хозяйстве крестьяне.

— Для чего он тебе? — поинтересовался Мусаси.

Мальчик, взглянув на дверь, не ответил. Через несколько минут он вытер тряпкой лезвие и, прищурившись, оглядел клинок. В лунном свете сталь сверкнула холодным блеском.

— Как вы думаете, — сказал мальчик, — разрублю ли я им человека надвое?

— Если знаешь, как это делать.

— Об этом не беспокойтесь.

— Кого ты собираешься убить?

— Своего отца.

— Отца? — ужаснулся Мусаси, распахивая дверь. — Ты шутишь?

— Нет.

— Не верю, что ты намерен убить собственного отца. Крысы, осы и прочие твари не убивают своих родителей.

— Если я его не разрублю пополам, то не смогу унести его.

— Куда унести?

— На кладбище.

— Он что, умер?

— Да.

Мусаси повнимательнее взглянул в дальний угол. Ему и в голову не приходило, что у стены лежит покойник. Теперь он увидел старого человека, покрытого кимоно, у изголовья которого стояла плошка с рисом, чашка с водой и деревянная тарелка с жареными гольцами.

Мусаси растерялся — ведь он, ничего не ведая, попросил у мальчика гольцов, предназначенных для духа умершего. Он поразился сообразительности мальчика, который придумал разрезать покойника надвое, чтобы донести тело до кладбища. Некоторое время Мусаси молча наблюдал за мальчиком.

— Когда он умер?

— Сегодня утром.

— До кладбища далеко?

— Оно в горах.

— Разве ты не можешь кого-нибудь нанять, чтобы его отнесли?

— Денег нет.

— Я дам тебе их.

— Мой отец ни от кого не принимал подарков. Он и в храм не ходил. Спасибо, я все сделаю сам, — ответил мальчик, решительно тряхнув головой.

Судя по силе характера, смелости и самостоятельности мальчика, его отец вряд ли происходил из обыкновенной крестьянской семьи. Необыкновенные качества сына подтверждали незаурядность отца.

Из уважения к памяти покойного Мусаси не стал еще раз предлагать деньги, а вызвался донести тело до кладбища. Мальчик согласился. Они вместе погрузили покойника на коня. Когда дорога круто пошла в гору, Мусаси понес тело на себе.

Кладбище было на небольшой поляне под старым каштаном, посреди которой лежал круглый камень. Могилу зарыли, и мальчик положил цветы, сказав, что здесь похоронены его мать, бабушка и дедушка. Сложив ладони, он застыл в молитве. Мусаси тоже помолился о покое душ усопших.

— Камень совсем не старый. Когда вы посели-

лись в этих краях? — спросил Мусаси.

— Мой дедушка сюда переехал.

— А где вы жили прежде?

— Дедушка происходил из самурайского клана Могами. После поражения своего сюзерена дедушка сжег родовую книгу и все имущество. Ничего не осталось.

— На камне нет ни имени дедушки, ни фамильного герба.

— Перед смертью он приказал не делать никаких надписей. Дедушка был очень строгий. К нему приходили из владений Гамо и Датэ, предлагая службу, но он отказался. Дедушка считал, что, став крестьянином, не имеет права выбить на камне свое имя, чтобы не бросить тень на покойного сюзерена.

— Как звали дедушку?

— Мисава Иори. Мой отец лишился фамилии, перейдя в крестьянское сословие. Его стали звать просто по имени — Санъэмон.

— А тебя как зовут?

— Санноскэ.

— А родственники у тебя есть?

— Старшая сестра, но она давно живет отдельно. Я не знаю, где она.

— А еще кто?

— Никого.

— Как будешь теперь жить?

— Как и прежде.

Мальчик помялся и вдруг выпалил:

— Вы изучаете боевые искусства и странствуете повсюду. Возьмите меня с собой! Я отдам вам коня и буду прислуживать вам.

Мусаси не торопился с ответом. Он в раздумье смотрел на расстилавшуюся перед ним равнину. Он удивлялся, почему земля здесь пустует, хотя должна быть плодородной, судя по растительности. Странно, ведь люди здесь не настолько богаты, чтобы не нуждаться в заработке. Повсюду в глаза бросались следы нищеты.

Пока люди не отучатся бояться могучих сил природы, развития не будет. Почему здесь, в центре равнины Канто, люди бессильны и подавлены природой? В лучах восходящего солнца Мусаси видел в траве и в кустах суету бесчисленных птиц и зверюшек, которые, в отличие от людей, пользовались дарами природы.

Санноскэ вывел Мусаси из задумчивости. Ребенок оставался ребенком, несмотря на недетскую самостоятельность. Взошло солнце, засверкала роса, и мальчик отвлекся от своего горя. На обратном пути он ни разу не заговорил об отце.

— Я готов в дорогу прямо сейчас, — объявил он Мусаси. — Вы возьмете моего коня, а я буду вам слугой.

Мусаси невнятно хмыкал в ответ. Санноскэ был бы неплохим спутником, но Мусаси не хотелось брать на себя заботу о его будущем. Дзётаро, наделенный от природы умом, немного выиграл от того, что числился в учениках Мусаси. Сейчас, когда Дзётаро бесследно пропал, мысль о нем не давала покоя Мусаси. С другой стороны, если постоянно остерегаться неприятностей, тогда в этой жизни не сделать ни шагу, а планы на будущее вообще нельзя строить. Судьбу ребенка не могут предвидеть даже его родители. «Как определить, что благо, а что зло для ребенка? — спрашивал себя Мусаси. — Санноскэ смышленый, а я смогу направить его способности. Впрочем, любой мог бы сделать это», — скромно заключил Мусаси.

— Обещайте, что возьмете меня, пожалуйста! — настаивал мальчик.

— Санноскэ, неужели ты хочешь на всю жизнь оставаться слугой?

— Конечно нет! Я стану самураем.

— Согласен. Но в скитаниях со мной ты настрадаешься.

Мальчик отбросил веревку, за которую вел

лошадь, и не успел Мусаси опомниться, как Санноскэ упал на колени. Склонившись в глубоком поклоне, он сказал:

— Прошу вас, господин, сделайте из меня самурая. Это мечта моего отца, но мы не встретили никого, к кому можно было обратиться с подобной просьбой.

Мусаси спрыгнул с лошади и, подобрав на дороге две палки, протянул одну Санноскэ.

— Ударь меня палкой, — сказал Мусаси мальчику. — Посмотрю, как ты наносишь удар. Так я определю, есть ли в тебе задатки самурая.

— Если я вас ударю, возьмете меня?

— Посмотрим, — засмеялся Мусаси.

Санноскэ крепко сжал палку и пошел в атаку. Мусаси ему не спускал, нанося удары по плечам, по лицу, по рукам. Мальчик откатывался назад, но вновь бросался на Мусаси. «Скоро расплачется», — подумал Мусаси, но Санноскэ не сдавался. Когда палка сломалась, он бросился в наступление с голыми руками.

— Соображаешь, что делаешь, глупый мальчишка? — крикнул Мусаси и хлестнул его посильнее. Затем, ухватив мальчика за пояс, повалил его на землю.

— Ах ты, громила! — воскликнул Санноскэ,

вскакивая на ноги и кидаясь в новую атаку.

Мусаси схватил мальчика и поднял его над головой.

— Доволен? — спросил он.

— Нет! — не унимался Санноскэ, беспомощно болтая в воздухе ногами и руками.

— Сейчас швырну тебя головой в скалу, и она разлетится вдребезги. Сдаешься?

— Нет!

— Упрямец, ты проиграл!

— Я не побежден, пока жив. Все равно победа будет за мной.

— Каким образом, интересно?

— Буду тренироваться и заниматься самодисциплиной.

— На тренировки уйдет, скажем, лет десять. Но и я не буду сидеть без дела.

— Но вы намного старше меня, поэтому умрете раньше.

— Хм…

— И когда вас положат в гроб, я нанесу последний победный удар.

— Дурак! — крикнул Мусаси, отталкивая мальчика.

Санноскэ поднялся с земли. Мусаси пристально смотрел на него, затем засмеялся и хлопнул в

ладоши.

— Ладно! Будешь моим учеником.

Учитель и ученик

Всю дорогу до хижины Санноскэ трещал без умолку о своих мечтах. Вечером, когда Мусаси сказал, что они навсегда покидают эти места, мальчик загрустил. Они засиделись допоздна в тот вечер. Санноскэ рассказывал учителю об отце и дедушке.

Утром Мусаси объявил Санноскэ, что отныне будет звать его Иори.

— Ты намерен стать самураем, — объяснил мальчику Мусаси, — поэтому можешь носить имя деда.

Мальчик еще не достиг возраста посвящения в мужчины, когда дается взрослое имя, но до той поры имя деда будет ко многому обязывать внука.

Санноскэ замешкался в доме. Мусаси ласково, но твердо сказал:

— Иори, поторапливайся! Этот дом ушел в прошлое. Лишние воспоминания тебе не нужны.

Иори выскочил из лачуги в коротком кимоно, обутый в соломенные сандалии, как и подобает погонщику лошадей, с коробкой риса и проса на дорогу. Он походил на лягушонка, готового

вступить в большую жизнь.

— Привяжи коня к дереву подальше от дома! — скомандовал Мусаси.

— Но вы могли бы сесть на него.

— Делай что говорят!

— Слушаюсь, господин!

Мусаси отметил, как вежливо говорит мальчик. Тот действительно настраивался на образ жизни самурая, избавляясь от грубой крестьянской речи.

Иори отвел в сторону коня, привязал его и вернулся к Мусаси, стоявшему около лачуги. «Чего он ждет?» — удивился про себя мальчик.

Положив руку на голову Иори, Мусаси сказал:

— Это место, где ты появился на свет и преисполнился решимости победить.

Мальчик кивнул в знак согласия.

— Твой дедушка оставил военное сословие, не желая служить новому хозяину. Твой отец, выполняя волю отца, на всю жизнь остался крестьянином. Он умер, и ты остался один. Ты должен научиться крепко стоять на ногах.

— Да, господин.

— Ты должен стать великим человеком.

— Я постараюсь! — На глазах мальчика выступили слезы.

— Этот дом укрывал от дождя и стужи три поколения твоей семьи. Поблагодари его, попрощайся с ним и навсегда забудь его.

Мусаси зашел в дом и поджег его. Иори с трудом сдерживал слезы.

— Если оставить его, — объяснил Мусаси, — он превратится в прибежище для разбойников или бродяг. Я поджег дом, чтобы никто не осквернил памяти твоего отца и деда.

— Спасибо!

Охваченный пламенем домишко обрушился, быстро став кучей золы.

— Пошли! — сказал Иори, считая, что с прошлым покончено.

— Не торопись.

— Нам нечего делать здесь.

Мусаси засмеялся:

— Мы построим новый дом на том же пригорке.

— Новый дом? Зачем тогда сожгли старый?

— Он принадлежал твоему деду и отцу? Новый будет нашим.

— Значит, мы останемся здесь?

— Да.

— А как же странствия, тренировки, самодисциплина?

— Всем этим займемся здесь.

— Что мы будем изучать в этой глуши?

— Науку владения мечом. Науку воспитания в себе самурая. Будем укреплять волю и неустанно работать, чтобы стать настоящими людьми. Возьми топор и следуй за мной! — Мусаси указал на сваленные в траву инструменты.

С топором на плече Иори пошел за Мусаси к холму, поросшему каштанами, соснами, криптомериями. Мусаси разделся до пояса и принялся валить деревья. Белая щепа фонтаном летела из-под топора.

«Может, он хочет построить додзё? — гадал Иори. — Или мы будем тренироваться на открытом воздухе?»

С шумом падали деревья. Пот ручьями катился по лицу Мусаси, смывая тоску и одиночество последних дней.

Мусаси решил все во время похорон на маленьком кладбище у могилы отца мальчика. «Отложу на время меч и возьмусь за мотыгу», — сказал себе Мусаси. Совершенствованию фехтовального искусства способствуют дзен, каллиграфия, искусство чайной церемонии, живопись и скульптура. Не может ли земледелие стать частью тренировки? Разве равнина Канто, ждущая заботливых

рук, не является огромным додзё? Освоив дикие земли, Мусаси хотел тем самым внести лепту в благосостояние грядущих поколений.

Многие годы Мусаси жил подобно странствующему буддийскому монаху. Образно говоря, он был потребителем, получая от людей кров, еду, подаяние. Теперь он в корне изменит свою жизнь, потому что давно понял, что истинную цену рису знает лишь тот, кто растит его. Все остальные похожи на монахов, забывших о поиске истины, или на фехтовальщиков, овладевших техникой, но не имеющих представления о Пути.

Когда Мусаси был мальчиком, мать брала его с собой в поле, где он работал рядом с крестьянами. Сейчас Мусаси хотел возделывать землю не ради пропитания, а для утоления духовного голода. Он хотел прочувствовать, как люди трудом добывают пищу, не прося подаяния у других. Хотел он и местных жителей настроить на новый лад. Они уступили землю сорнякам и дикой растительности, ураганам и наводнениям, а сами веками влачили полуголодное существование, не подозревая ни о своих силах, ни о богатстве родной земли.

— Иори! — позвал Мусаси. — Принеси веревку, свяжи бревна и тащи их к реке.

Мусаси, отложив топор, локтем вытер пот со лба. Передохнув, он принялся обтесывать бревна. С наступлением темноты они развели костер из щепок и подобрали себе подходящие чурбачки для изголовья.

— Интересная работа! — проговорил Мусаси.

— По-моему, нет, — откровенно признался Иори. — Я не для того стал вашим учеником.

— Со временем ты ее полюбишь.

Пришла осень. Мошкара исчезла, листья опали с деревьев. Мусаси и Иори построили дом и стали готовить землю к будущему севу.

Однажды, бродя по окрестностям, Мусаси подумал, что земля, как зеркало, отражает все потрясения, которые пережила страна на протяжении столетий после окончания войны Онин. Картина безрадостная. Мусаси не знал, что равнину Хотэнгахара не раз засыпало пеплом от извержения Фудзиямы, что река Тонэ постоянно выходит из берегов. В сухую погоду земля превращалась в камень, в сезон дождей по ней неслись потоки воды с глиной и галькой. На равнине не было большой реки, способной поглотить избыток воды. Мелкое озеро поблизости было мало, чтобы использовать его для накопления воды. Главная задача состояла в том, чтобы справиться

с водной стихией.

День ото дня глядя на эту землю, Мусаси мучился вопросом, почему люди не возделывали ее. «Будет нелегко», — думал Мусаси, принимая вызов природы. Соединить воду и землю для того, чтобы заколосились поля, все равно что соединить мужчину и женщину во имя продолжения рода человеческого. В этой цели Мусаси находил общее с его представлениями об идеалах Искусства Меча. Путь Меча предстал ему в новом свете. Года два назад он жаждал лишь победы над соперниками, но сейчас не хотел рассматривать меч как средство для самоутверждения над другими. Рубить людей, торжествовать победу, демонстрировать силу — не более чем тщеславие. Мусаси теперь хотел победить себя, подчинить себе жизнь, заставить людей жить, а не умирать. Нельзя использовать Путь Меча исключительно ради собственного совершенствования. Путь должен служить источником энергии для управления страной ради счастья и мирной жизни ее народа.

Мусаси знал, что его мысли останутся мечтами до тех пор, пока их не подкрепит политическая власть. Здесь же, среди дикой равнины, он не нуждался ни во власти, ни в титулах. Он с восторгом

бросился навстречу новому предназначению.

Шли дни, наполненные тяжелой работой. Мусаси и Иори корчевали пни, выбирали из земли камни, возводили дамбы. Они вставали затемно и ложились, когда на небе зажигались звезды. Соседи часто приходили поглазеть на их спорую работу.

— Что же они задумали?

— Неужели можно жить в таком месте?

— Мальчик — сын Санъэмона?

Люди посмеивались над новыми земледельцами, но некоторые искренне сочувствовали им:

— Простите, но вы понапрасну теряете время. Надрываетесь, готовя землю под посев, но достаточно одного урагана, чтобы в мгновение ваше поле исчезло.

Через несколько дней тот же человек предупредил их:

— Вы ровняете поле, но в конце концов здесь будут одни промоины. — Он говорил благожелательно, но чувствовалось, что обижен, поскольку к его советам не прислушивались.

Спустя еще несколько дней он решил, что пришлый самурай сумасшедший.

— Дураки! — обозвал он Мусаси и Иори.

На следующий день явилась группа крестьян.

— Коли здесь что-нибудь росло, мы не ломали бы спины на наших полях! — кричали они. — Сидели бы дома и играли на флейте.

— И голода не было бы!

— Вы не крестьяне, а землекопы.

— Соображения у вас, как у кучи навоза.

Мусаси только улыбался, вгоняя мотыгу в землю. Иори не мог спокойно воспринимать издевки, хотя Мусаси строго приказал ему не обращать внимания на недоброжелателей.

— Господин, они хором твердят одно и то же.

— Пусть.

— Нет сил терпеть!

Мальчик схватил камень, чтобы запустить его в обидчиков, но тут же притих под гневным взглядом Мусаси.

— А теперь объясни, чего ты хочешь добиться своей выходкой? — отчитывал его Мусаси. — Будешь так себя вести, откажусь от тебя.

Иори осуждающе посмотрел на учителя и швырнул камень в большой булыжник. Камень высек искру и раскололся. Иори, бросив мотыгу, расплакался.

Мусаси притворился, будто ничего не замечает, хотя в душе жалел мальчика. «Он совсем одинокий. Как и я», — подумал Мусаси.

Словно от слез мальчика налетел сильный ветер, небо потемнело, на землю упали первые капли дождя.

— Скорее в дом, Иори! — крикнул Мусаси. — Похоже, буря надвигается!

Собрав инструменты, Мусаси бросился к дому. Едва он добежал, как серой стеной обрушился ливень.

— Иори! — позвал он, беспокоясь за мальчика.

Мусаси пристально всматривался в поле. Дождевая вода брызгала ему в лицо. Молния расколола небо, Мусаси зажмурился и закрыл уши. Удар грома потряс дом.

Мусаси вспомнил старую криптомерию в Сипподзи и строгий голос Такуана. Мусаси знал, что всем хорошим в себе он обязан монаху. Мусаси хотел обладать мощью криптомерии и непреклонной решимостью Такуана, чтобы творить добро людям.

Если Мусаси мог бы стать для Иори той старой криптомерией, которая дала ему новую жизнь, он отчасти вернул бы свой долг Такуану.

— Иори!.. Иори!

В ответ слышался шум дождя, заглушаемый раскатами грома. «Куда он подевался?» — тревожился Мусаси.

Дождь приутих, и Мусаси вышел в поле. Иори стоял на том же месте с гневным выражением лица, похожий на пугало в промокшей до нитки одежде. Какое упрямство в детские годы!

— Глупец! — отчитывал его Мусаси. — Марш в дом! Не думай, что купание пойдет тебе на пользу. Беги скорее, пока дорогу не залило.

Иори сделал вид, словно только что заметил Мусаси, и со смехом ответил:

— Вы беспокоитесь? Напрасно. Так, маленький дождик. Смотрите, небо уже светлеет.

Мусаси не ожидал получить такой урок от ученика.

— До вечера успеем поработать, — сказал Иори, берясь за мотыгу.

Пять дней стояла ясная погода. Кричали сорокопуты, ил у корней тростника спекся и потрескался. На шестой день на горизонте появилось темное облако, которое начало стремительно приближаться, расти и скоро заволокло все небо.

— Вот это серьезно, — тревожно сказал Иори.

Могучие порывы ветра пронеслись над равниной, срывая листья, швыряя мелких птиц оземь, словно их сразил невидимый охотник.

— Еще один ливень? — спросил Мусаси.

— Нет, если судить по небу. Я побегу в деревню,

а вы соберите инструменты и поспешите в дом.

Иори сорвался с места и, прежде чем Мусаси успел что-либо спросить, скрылся в высокой траве.

И снова чутье не обмануло Иори. Подгоняемый ураганными порывами ветра, Мусаси под дождем добежал до дома. За короткое время небо низвергло неимоверное количество воды. Дождь то стихал, то принимался с новой силой. Настала ночь, но буря не унималась. Казалось, что небеса решили обратить сушу в трясину. Мусаси опасался, как бы ветер не сорвал крышу.

Пришло утро, мутное и серое. Иори не вернулся. Мусаси не отходил от окна, досадуя на бессилие. Равнина превратилась в бесконечное болото, из которого торчали верхушки деревьев и трава. К счастью, дом стоял на высоком месте и вода не добралась до него. Сухой овраг за домом стал ревущим мутным потоком.

Мучительно тянулось время. Мусаси порой чудилось, что Иори утонул в разбушевавшемся половодье. Вдруг Мусаси услышал отдаленный крик:

— Учитель! Я здесь! — Иори ехал верхом на буйволе по другой стороне реки. Позади мальчика был привязан большой тюк.

Иори направил буйвола в мутный поток, который, казалось, вот-вот поглотит обоих. Буйвол уверенно перешел реку. Мусаси с облегчением вздохнул.

Когда мокрый и дрожащий от холода Иори подъехал к дому, Мусаси набросился на него с упреками:

— Где ты пропадал всю ночь?

— В деревне, конечно. Привез запас провизии. За эту непогоду выпадет столько дождя, сколько и за полгода не проливается. Наводнение надолго отрежет нас от мира.

Развязав соломенный мешок, Иори вынимал пакеты из промасленной бумаги, приговаривая:

— Вот каштаны, а это чечевица, соленая рыба тоже есть. Нам хватит еды, если вода простоит месяца два, — заключил он.

Сердце Мусаси дрогнуло от благодарности, но он промолчал. Он стыдился, что у него нет жизненной сметки. Какой пример он подаст людям, если не может позаботиться о собственном пропитании? Не будь Иори, он погиб бы от голода. А мальчик, выросший в деревенской глуши, с двух лет знал, что надо запасать провизию на случай бедствий.

Мусаси удивился, почему деревенские отдали

Иори столько еды, когда им самим едва хватало. На его вопрос Иори ответил:

— Я занял деньги в Токугандзи под залог своего кошелька.

— А что это, Токугандзи?

— Храм в двух километрах отсюда. Отец оставил мне кошелек с золотым песком, чтобы я понемногу тратил его, когда станет совсем трудно. Налетела буря, и я вспомнил про песок.

— Кошелек — память о твоем отце?

— Да. От сожженного дома остались только меч да кошелек. — Иори потер рукоять меча о пояс.

Когда Мусаси впервые увидел меч, он обратил внимание на прекрасное качество клинка. Клейма на нем не было, но его, несомненно, изготовил истинный мастер. Мусаси подозревал, что и кошелек имеет особое значение и предназначен не просто для хранения золотого песка.

— Оставшееся на память нельзя закладывать. Я выкуплю кошелек, и никогда больше никому не отдавай его.

— Слушаюсь, господин.

— Где ты ночевал?

— Настоятель предложил мне остаться в храме.

— Ты ел?

— Нет. Вы тоже.

— Точно. У нас нет дров.

— Полно!

Иори, оказывается, работая в поле, успел натаскать кучу хвороста, бамбука, корней и спрятать все в подполе.

Накрывшись соломенной циновкой, Мусаси полез в подпол и в который раз поразился практичности мальчика. В этих суровых местах жизнь зависит от умения предвидеть обстоятельства, а ошибка грозит смертью.

Поев, Иори вытащил книгу. Склонившись перед учителем, он сказал:

— Придется долго пережидать непогоду. Давайте пока учиться грамоте.

Мусаси согласился. Такие дни лучше всего коротать за чтением. Книга называлась «Мысли Конфуция». Иори сказал, что ее одолжили ему в храме.

— Ты всерьез хочешь учиться?

— Да.

— А раньше ты читал?

— Совсем немного.

— Кто тебя учил?

— Покойный отец.

— Что ты читал?

— «Начала знаний».

— Понравилось?

— Очень!

— Хорошо. Я научу тебя всему, что знаю. Потом ты найдешь кого-нибудь пообразованнее, кто преподаст тебе то, что неведомо мне.

Они занимались до вечера. Мальчик читал вслух, Мусаси поправлял его и объяснял непонятные слова. Они забыли о буре.

Дождь, ливший два дня, затопил равнину. На третий день он все не унимался. Иори с утра вытащил книгу.

— Начнем? — спросил он.

— Сегодня перерыв. Ты уже много прочитал. Пока достаточно.

— Почему?

— Если заниматься одним чтением, теряешь ощущение действительности. Отдохни и поиграй. Я тоже отдохну.

— Но я не смогу выйти из дома.

— Тогда делай, как я, — сказал Мусаси и вытянулся на циновке, скрестив под головой руки.

— И я должен лежать?

— Делай что хочешь. Сиди, лежи, стой, лишь бы удобно было.

— А потом?

— Потом я расскажу тебе сказку.

— Здорово! — воскликнул мальчик, плюхаясь животом на циновку и болтая ногами. — Какую сказку?

— Сейчас, — отозвался Мусаси, вспоминая сказки своего детства. Он выбрал сказку о битве домов Минамото и Тайры. Ее любят все мальчики.

Иори не был исключением. Когда Мусаси дошел до места, где дом Минамото потерпел поражение, а дом Тайры захватил власть в стране, мальчик помрачнел. Он часто моргал, чтобы не расплакаться, слушая о печальной участи принцессы Токивы. Иори повеселел, когда речь пошла о том, как Минамото Ёсицунэ стал учиться фехтованию у длинноносого Тэнгу на горе Курама, и о том, как он бежал из Киото.

— Мне нравится Ёсицунэ, — сказал Иори, сев на циновке. — А что, на горе Курама и вправду живет Тэнгу?

— Возможно. В любом случае всегда найдутся люди, которые выполнят роль Тэнгу. Но тот, который учил Ёсицунэ, не был настоящим Тэнгу.

— А кто же они?

— Верные вассалы дома Минамото, потерпевшего поражение. Они скрывались, пока род Тайра находился у власти, и ждали своего часа.

— Как мой дедушка?

— Да, только час твоего деда так и не настал. Когда Ёсицунэ вырос, преданные вассалы Минамото, заботившиеся о нем в детстве, восторжествовали.

— У меня ведь будет случай отомстить за дедушку?

— Думаю, будет.

Мусаси поднял Иори в воздух, как мячик, и произнес:

— Постарайся стать великим человеком.

— Вы… вы как Тэнгу, — залился смехом Иори. — Отпустите меня, я упаду! — И он ущипнул Мусаси за нос.

Дождь прекратился на одиннадцатый день. Мусаси рвался в поле, но они смогли выйти из дома только через неделю. Ярко светило солнце. Поле, с великим трудом созданное ими, бесследно исчезло. На его месте громоздились камни и текла река, которой прежде не было. Дождь посмеялся над незадачливыми земледельцами, как и крестьяне.

— Ничего не поделаешь, — сказал Иори. — Надо подыскать другое место.

— Нет! — твердо ответил Мусаси. — Здесь будет прекрасная земля, когда спадет вода. Я обследо-

вал всю округу, прежде чем выбрать это место.

— А если снова пойдет дождь?

— Мы не пустим воду сюда. Возведем дамбу отсюда вон до того холма.

— Это же невообразимый труд!

— Забыл, что это и есть наш додзё? Я не уступлю ни клочка этой земли, пока не увижу первого урожая ячменя.

Мусаси упорно боролся с природой всю зиму вплоть до второго месяца нового года. Он и Иори рыли водоотводные канавы, насыпали дамбы, укрепляя их тяжелыми камнями. Налетел ураган, и вода все уничтожила.

— Тратим силы на безнадежное дело. Разве в этом смысл Пути Меча? — спросил как-то Иори.

Вопрос разумный, но Мусаси не хотел сдаваться.

Через месяц последовало новое бедствие — выпал глубокий снег, который сразу растаял. Иори пришлось пойти в храм за провизией. Вернулся он угрюмый, потому что деревенские открыто потешались над ним и его учителем. Мусаси тоже начал терять веру в себя. Два дня он просидел молча, глядя на свое поле.

Наконец его осенило. Он бессознательно старался выкроить аккуратное квадратное поле,

типичное для равнины Канто. Но здесь рельеф диктовал другие условия. Земля имела здесь свои особенности, которым соответствовали поля неправильной формы.

— Какой я дурак! — хлопнул себя по лбу Мусаси. — Хотел заставить воду течь там, где мне хотелось, и осадить почву по своему усмотрению. Ничего не получалось. Вода есть вода, а почва есть почва. Я не могу переделать их естество. Я должен научиться служить воде и защищать землю.

Мусаси, по существу, согласился с крестьянами. С этого дня он стал слугой природы. Он уже не навязывал ей свою волю, а следовал ее сути. И в то же время Мусаси увидел возможности, до которых не могли додуматься давние обитатели равнины.

Снова шел снег, сменившийся оттепелью. Равнина медленно впитывала мутную воду. К этому времени Мусаси осуществил свой замысел. Его поле уцелело.

«Это правило применимо и к управлению народом», — сказал себе Мусаси. В дневнике он записал: «Не противопоставляй себя законам Природы. Прежде всего попытайся постигнуть ее законы».

Горные дьяволы

— Простите, но я не хочу излишне обременять вас. Вы очень гостеприимны.

— Спасибо, господин, вы очень добры, — ответил монах.

— Я просто отдохну.

— Мы к вашим услугам.

— Надеюсь, вы простите мою непринужденность, — заключил немолодой седеющий самурай, растягиваясь на циновке.

Гостя, только что прибывшего в храм Токугандзи, звали Нагаока Садо. Он был одним из крупных чиновников Хосокавы Тадаоки, владетельного князя Будзэна. Несмотря на занятость, Садо обязательно выкраивал время, чтобы посетить храм в годовщину смерти своего отца. Здесь он обычно и ночевал, поскольку до Эдо было километров двадцать. Путешествовал он не по рангу скромно, в сопровождении всего двух самураев и слуги.

Каждый раз, чтобы отлучиться из владений Хосокавы, Садо должен был изобретать предлог. Минуты праздности редко выдавались в его жизни, и сейчас он с явным удовольствием пил местное саке и лежал, наслаждаясь покоем. Слух

его услаждало лягушачье кваканье. На короткий миг самурай отвлекся от чиновничьих забот и бесконечных интриг.

Монах, быстро убрав обеденную посуду, исчез. Садо лениво переговаривался со своими путниками, сидевшими в полутьме у стены.

— Я бы остался здесь навсегда и обрел нирвану, подобно Будде, — усмехнулся старый самурай.

— Можно простыть, ночи здесь холодные и сырые.

— Оставьте! Мое бренное тело уцелело в нескольких битвах. Ему ли бояться простуды. Чувствуете, как пахнут цветы? Дивный аромат.

— Нет.

— У тебя плохое обоняние. Не насморк ли?

Лягушки внезапно смолкли, а кто-то крикнул:

— Ах ты, дьяволенок! Подглядываешь?

В тот же миг самураи-телохранители вскочили на ноги.

— Кто там?

В саду никого не было, слышался только затихающий топот убегающего ребенка.

— Простите за беспокойство. Это здешний мальчишка, — с поклоном сказал монах, заглянув в комнату.

— Точно?

— Конечно. Он живет в двух километрах отсюда. Его отец, погонщик лошадей, недавно умер, а дед мальчишки, как говорят, был самураем, поэтому ребенок как завороженный смотрит на всех самураев.

Садо сел.

— Не наказывайте его. Я хотел бы увидеть мальчишку. Принесите сладостей, чтобы угостить его и разговорить.

Иори был уже в кухне.

— Бабушка! — крикнул он стряпухе. — У меня кончилось просо. Насыпьте-ка вот сюда! — Иори протянул мешок, в который вошло бы килограммов двадцать.

— Наглый попрошайка! Ведешь себя так, словно мы тебе что-то должны, — проворчала стряпуха.

— Ты слишком бойкий, — добавил монах, мывший посуду. — Наш настоятель пожалел тебя, поэтому мы даем тебе еду. Если просишь у людей, соизволь быть вежливым.

— Я не прошу милостыню. Я отдал настоятелю кошелек, оставленный мне отцом. Там много денег.

— Интересно, сколько погонщики лошадей оставляют в наследство своим сыновьям?

— Дадите просо или нет?

— Снова за свое! Посмотри на себя! Ты и сам сумасшедший, к тому же тобой командует полоумный ронин. Кстати, кто он и откуда взялся? Почему живет за твой счет?

— Не ваше дело!

— Мы перевернули все пустоши, но все равно там никогда не получится ни сада, ни поля. Вся деревня смеется над вами.

— Вас не спросили!

— Слабоумие ронина, верно, заразное. Что вы там ищете? Золото, как в сказке? У тебя еще молоко на губах не просохло, а ты роешь себе могилу.

— Хватит болтать! Дайте просо!

Монах продолжал поддразнивать мальчишку, как вдруг что-то холодное и липкое ударилось о лицо священнослужителя. Монах завопил, выпучив глаза, — Иори запустил в него жабой. Убегая, мальчик налетел на другого монаха, который пришел за ним, чтобы отвести к приезжему самураю.

На шум прибежал настоятель.

— Наших гостей не потревожили? — осведомился он.

— Нет, господин Садо хочет посмотреть на мальчишку. Собирается угостить его сладостями.

Настоятель за руку отвел Иори в комнату для

гостей. Мальчик робко опустился на циновку рядом с настоятелем.

— Сколько тебе лет? — спросил Садо.

— Тринадцать.

— Хочешь стать самураем?

— Да! — решительно ответил Иори, кивнув для убедительности.

— Хочешь поехать со мной и жить у нас? Сначала будешь помогать по хозяйству, а потом устрою тебя учиться на самурая.

Иори отрицательно покачал головой. Садо, решив, что мальчик ему не верит, объяснил, что не шутит.

Сердито взглянув на важного гостя, Иори спросил:

— Где же сладости? Я слышал, вы собирались меня угостить.

Побледневший настоятель шлепнул мальчика по руке.

— Не сердитесь на него, — попросил настоятеля Садо, который любил детей и прощал их выходки. — Мальчик прав, мужчина должен держать слово. Подайте сладости!

Иори начал засовывать угощения за пазуху.

— А почему не ешь их здесь? — удивился Садо.

— Меня дома ждет учитель.

— У тебя есть учитель?

Ответа не последовало, потому что мальчик уже выскочил из комнаты и мчался по саду.

Поведение мальчика поразило Садо, но не настоятеля, который, отвешивая глубокие поклоны, покинул комнату и направился к кухне.

— Где этот наглец?

— Схватил мешок и убежал.

Настоятель прислушался, но уловил вдалеке режущее ухо посвистывание. Иори с помощью сорванного листка пытался исполнить знакомые ему мелодии, но безуспешно. Песни погонщиков лошадей были слишком медленными, поминальные песни праздника Бон слишком сложны. Иори наконец принялся за мелодию священного танца местного храма. Мелодия нравилась ему, как и танцы. Они с отцом несколько раз ходили смотреть их.

На полпути к Хотэнгахаре, там, где сливаются две речки, Иори ждала неприятная неожиданность. Свернутый в трубочку лист вылетел у него из губ, и мальчик резко отскочил в придорожную бамбуковую рощицу. Четыре человека на мосту что-то оживленно обсуждали.

— Они! — тихо прошептал Иори.

Эти люди наводили ужас на округу. Когда дети

шалили, матери говорили: «Вот подожди, утешут тебя горные дьяволы!» Последний раз дьяволы появлялись здесь осенью позапрошлого года.

В двадцати километрах отсюда в горах Хитати стоял синтоистский храм, посвященный богу гор. Бог наводил такой ужас на людей, что в старину жители окрестных деревень по очереди приносили ему ежегодные жертвы, отправляя в храм зерно и девушек. Когда приходила очередь той или иной деревни, при свете факелов в храм направлялась процессия с дарами. Позже выяснилось, что бога изображал человек, и приношение даров прекратилось. Однако в период смут так называемый бог гор решил собирать дары силой. Раз в три месяца с гор спускалась банда, вооруженная копьями, топорами, секирами, и совершала набеги на мирные селения, забирая все подряд, в том числе и женщин. Сопротивлявшихся убивали.

Иори помнил один из таких набегов. Из укрытия он видел, как через поле к мосту движутся в ночном тумане тени людей. Скоро их собралось человек пятьдесят.

Иори прислушивался, затаив дыхание. Разбойники быстро договорились о плане действий. Вожак дал команду, и банда, как стая саранчи,

ринулась на деревню. Ночную тишину огласили крики и плач, мычание коров, ржание лошадей.

Иори решил позвать на подмогу самурая из храма Токугандзи, но едва он выбрался из рощицы, как его окликнули с моста. Мальчик не заметил, что там остались двое дозорных. Он опрометью кинулся прочь, но разбойники без труда догнали его.

— Куда так спешишь? — поинтересовался один из преследователей.

— Ты кто? — спросил второй.

Иори мог бы заплакать, как маленький, но он колотил и царапал державшие его руки.

— Он видел всех нас. Собирался предупредить кого-то.

— Прикончим и бросим в поле.

— Я придумал кое-что получше.

Разбойники привязали мальчика к опоре моста.

— Пусть река его посторожит, — ухмылялись разбойники, вылезая на берег.

Издалека донесся звон храмового колокола. Иори с содроганием наблюдал, как разгоралось небо над деревней, бросая кровавые отсветы на реку. Потом послышался скрип колес, плач детей, рыдания женщин. Колеса стучали по настилу

моста прямо над головой Иори.

— Негодяи! — раздался мужской голос.

— Отдайте мою жену! — кричал кто-то.

На мосту завязалась драка, и скоро окровавленный труп упал в реку рядом с Иори. За ним последовал второй, обдав лицо Иори фонтаном брызг и крови. Разбойники сбросили в реку шестерых крестьян. Течение понесло тела вниз по реке, но один человек оказался живым. Раненый ухватился за камыш, подтянулся к берегу и пополз наверх.

— Эй! — окликнул его Иори. — Развяжи меня! Я позову подмогу. Мы отомстим за всех!

Человек, стоявший по пояс в воде, не двигался.

— Развяжи меня! Я должен спасти деревню! — громко крикнул Иори.

Человек не менял положения. Иори удалось ослабить путы, дотянуться до крестьянина и толкнуть его ногой в плечо. Раненый поднял лицо, заляпанное грязью, и бессмысленно уставился на мальчика. Он медленно добрел до Иори и неимоверным усилием ослабил узел. Через минуту он умер.

Иори взглянул на мост, там лежало еще несколько трупов. Разбойники на мосту сосредоточенно вытаскивали колесо повозки, провалившееся в

щель, поэтому никто не обратил внимания на побег мальчика.

Путь к храму был отрезан. Припадая к берегу, Иори пробрался к мелководью, где реку можно перейти вброд. Выбравшись на берег, он ветром помчался к дому.

Около дома он увидел Мусаси, который с тревогой смотрел на зарево.

— Скорее! — крикнул мальчик.

— Что случилось?

— Надо бежать в деревню.

— Пожар?

— Да. Напали горные дьяволы.

— Дьяволы? Бандиты?

— Человек сорок. Надо спасать крестьян!

Мусаси нырнул в дом, вернулся с мечом и поспешно стал завязывать сандалии.

— Скорее, я покажу дорогу, — торопил Иори.

— Ты останешься здесь.

Иори не поверил своим ушам.

— Там слишком опасно, — продолжал Мусаси.

— Я не боюсь.

— Ты будешь мешать мне.

— Но вы не знаете дорогу.

— Найду ее по зареву. Будь послушным и оставайся дома.

— Хорошо, учитель, — кивнул Иори, в душе несогласный с решением Мусаси. Стоя на пороге, он долго всматривался в ту сторону, куда ушел Мусаси.

Разбойники, связав всех женщин одной веревкой, гнали добычу к мосту.

— Хватит ныть! — прикрикнул на женщин один из бандитов.

— Что, ноги отнялись? А ну, живо!

Негодяи безжалостно хлестали тех, кто упирался. Одна женщина упала, увлекая за собой остальных. Дернув веревку, бандит заставил их подняться.

— Упрямые твари! — заорал он. — О чем жалеть? Здесь вы гнете спину за чашку проса. Посмотреть не на что — кожа да кости. У нас весело, вам понравится.

Разбойники выбрали лошадь посильнее среди нагруженных поклажей, привязали к ней веревку и погнали вперед. Лошадь потащила связку женщин. Они зарыдали в голос. Некоторые упали.

— Остановите! Я руку вывернула!

Разбойники дружно захохотали. Лошадь внезапно встала.

— Что там? Препятствие на дороге? — Разбой-

ники вглядывались в туман.

— Эй, ты кто? — рявкнул один из бандитов, обращаясь к тени, надвигавшейся на них. В руке человека тускло мерцал клинок. Бандиты, как дикие звери, чуявшие запахи, не сомневались — запахло кровью. Она стекала с меча, приближавшегося к ним. Уложив шедшего впереди бандита, Мусаси был в нескольких шагах от остальных. Он насчитал двенадцать закаленных, мускулистых, жестоких мужчин, которые быстро оправились от неожиданности и изготовились к отражению нападения. Двое выскочили вперед — один с топором, другой с копьем. Копьеносец, пригнувшись к земле, ждал момента, чтобы ударить Мусаси под ребро.

Первым рухнул бандит с топором, захрипев, словно он подавился языком.

— Вы меня не знаете? — загремел в тумане голос Мусаси. — Я защитник народа, посланный богом — хранителем этой деревни.

В тот же миг Мусаси вырвал копье у второго нападавшего и вонзил наконечник в землю. Удары остальных не представляли угрозы, но разбойники продолжали наступать с прежней настойчивостью. Мусаси решил внести замешательство в ряды нападающих, тогда их число

перестанет иметь значение.

Град метких ударов, и бандиты окровавленными мешками оседали на землю. Живые в панике отступили, превратившись в обычную толпу. Каждая минута боя давала Мусаси новые знания, он набирался опыта сражения против превосходящего противника. В поединке один на один такому не научишься.

Мусаси вел бой чужим оружием. Оба его меча были в ножнах. Он несколько лет отрабатывал прием захвата оружия у противника, а сейчас представился случай проверить себя на практике. Он выхватил меч у первого попавшего ему под руку бандита. Мусаси, конечно, не считал, что его меч, ставший частью его души, был слишком чистым для того, чтобы осквернять его кровью отребья. Он подходил к делу практически, он мог зазубрить или сломать свой меч в сражении с примитивно вооруженными бандитами.

Когда шестеро уцелевших разбойников скрылись в направлении деревни, Мусаси перевел дух. Он не сомневался, что они возвратятся с подкреплением. Мусаси освободил женщин, приказав тем, кто держался на ногах, позаботиться о слабых.

Подбадривая женщин, он сказал, что они са-

ми могут освободить своих родителей, мужей и детей.

— Вам не захочется жить, узнав, что они погибли, — продолжал Мусаси.

Женщины согласились.

— У вас достаточно силы, чтобы защитить себя и спасти родных, только вы не догадываетесь, как применить ее. По этой причине преступники побеждают вас. Больше такое не повторится. Я научу вас быть сильными! Во-первых, надо вооружиться.

Мусаси раздал женщинам брошенное разбойниками оружие.

— Следуйте за мной и выполняйте мои команды. Не бойтесь! Верьте, боги хранят вас!

По пути к ним присоединялись люди, прятавшиеся по обочинам дороги. Мусаси радовался, видя, как дочери находили родителей, мужья жен, дети бросались на шею матерей. Вскоре под началом Мусаси образовалась маленькая армия человек в сто.

Женщины рассказали мужьям, как Мусаси разделался с разбойниками. Те слушали, не веря своим ушам, — героем был чудаковатый ронин с равнины Хотэнгахара. Мужчины бросились благодарить смельчака. Они говорили на местном

наречии, но Мусаси понял их.

Мусаси приказал мужчинам найти оружие.

— Годится все, — добавил он, — дубина, камень, бамбуковый шест.

Люди беспрекословно повиновались.

— Сколько всего разбойников? — спросил Мусаси.

— Человек пятьдесят.

— А домов в деревне?

— Семьдесят.

Мусаси прикинул, что жителей должно быть не менее семисот. Если отбросить стариков и детей, на каждого бандита приходился десяток деревенских. Мусаси невесело улыбнулся, подумав, что при таком превосходстве сил крестьяне в отчаянии простирают руки к небу. Он знал, что деревня будет разорена еще не раз, если бездействовать. Сегодня Мусаси предстояло исполнить два дела — показать крестьянам способы самозащиты и отбить у разбойников охоту совершать налеты на деревню.

— Они идут! — крикнул прибежавший из деревни крестьянин. Войско Мусаси дрогнуло, хотя и было вооружено. Еще немного, и люди побежали бы. Мусаси понимал, что нужно укрепить в них веру в свои силы.

— Бояться нечего, — громко сказал он. — Ничего неожиданного не происходит. Спрячьтесь по обочинам дороги, но прежде выслушайте мой приказ. — Мусаси говорил спокойно, для ясности повторяя самое главное. — Когда они приблизятся, я позволю им атаковать себя. Потом я притворюсь, будто испугался, и побегу. Они бросятся за мной. Вы должны оставаться на своих местах, мне ваша помощь не нужна. Затем разбойники пойдут назад, и в тот миг вы нападете на них. Шумите как можно громче, не давайте им опомниться. Бейте их в грудь, в бока, по ногам, по любому незащищенному месту. Уничтожив первую группу, спрячьтесь снова и ждите следующую. Действуйте так, пока не уничтожите всех до последнего.

Мусаси закончил наставление, и крестьяне спрятались. Вскоре появились бандиты. Судя по их оружию и поведению, они были обыкновенными забияками. Такие горе-вояки существовали и в стародавние времена, когда человек добывал пропитание охотой и рыбной ловлей. Имена Токугавы или Тоётоми ничего не значили для разбойников. Испокон веков их домом были горы, а деревни на равнине существовали, по их мнению, только для того, чтобы обеспечивать

лиходеев провизией, саке и женщинами.

— Стой! — скомандовал предводитель.

Два десятка разбойников были вооружены грубыми мечами, дротиками, топорами. Один держал в руке ржавое копье. Подсвеченные заревом тени бандитов казались дьяволами.

— Это он?

— Да!

Мусаси стоял на дороге на расстоянии метров двух. Разбойники топтались на месте, словно засомневавшись в своем превосходстве. Вскоре Мусаси, словно магнитом, притянул их к себе.

— Ты стоишь на нашем пути, скотина!

— Стою! — громовым голосом ответил Мусаси и бросился на толпу. Началась суматоха, как в растревоженном муравейнике.

Рисовые поля с одной стороны дороги и дамба, поросшая кустами, с другой служили Мусаси надежным прикрытием, но после короткой схватки он внезапно побежал от разбойников.

— Испугался, мерзавец!

— В погоню!

Разбойники гнались за Мусаси до конца поля. Он вдруг развернулся и пошел на них. Открытая с флангов позиция была невыгодна Мусаси, но он, перемещаясь то вправо, то влево, не давал обойти

себя. Один из разбойников выскочил вперед и тут же получил удар мечом. Тело конвульсивно дернулось, испуская фонтан крови. Дружки убитого в тот же миг потеряли охоту сражаться, но Мусаси разил цель без промаха. Он чувствовал себя не так, как во время боя в Итидзёдзи. Сейчас не было грани между жизнью и смертью, Мусаси владела полная отрешенность, когда тело и меч, слившись воедино, выполняют боевую задачу. Разбойники бросились врассыпную.

— Приближаются! — пробежал шепот по цепочке спрятавшихся крестьян. Когда появилась первая тройка бандитов, их уложили почти без сопротивления с их стороны. Крестьяне залегли, растворившись во тьме. Остальных разбойников постигла та же участь.

Успех воодушевил крестьян.

— Не такие уж они и страшные!

— Осторожно! Еще один бежит.

— Налетай!

— Стойте! Это же ронин!

Крестьяне, обретшие веру в свои силы, выстроились вдоль дороги, как на смотре. Все не спускали глаз с Мусаси, его окровавленной одежды, меча с многочисленными зазубринами. Швырнув меч в сторону, он поднял копье.

— Мы еще не закончили наше дело, — сказал он крестьянам. — Возьмите побольше оружия и следуйте за мной. Вы прогоните бандитов и спасете ваши семьи.

Все как один двинулись за Мусаси. Женщины и дети, вооружившись, присоединились к мужчинам.

Деревня пострадала не так сильно, как ожидали жители, потому что дома стояли далеко один от другого. Ревела перепуганная скотина, младенцы надрывались от крика, с оглушающим треском лопались стволы бамбука в горящей роще у дороги. Разбойников нигде не было.

— Где они? — спросил Мусаси. — Я чувствую запах саке. У кого большой запас саке?

Завороженные пожаром, деревенские не заметили запаха саке.

— Деревенский староста хранил саке в бочках, — ответил один из крестьян.

— Там мы их схватим! — проговорил Мусаси. Толпа деревенских росла на глазах. К радости Мусаси, все были готовы к сражению.

— Вот дом старосты, — показал крестьянин на большую усадьбу за глинобитной стеной.

Крестьяне окружили дом, а Мусаси перелез через стену. В просторной комнате с земляным

полом сидели главарь и его подручные. Они пили саке и развлекались с захваченными в плен девушками. Когда прибежали уцелевшие в стычке разбойники, главарь набросился на них с руганью.

— Трусы! Испугались одного вояку! Сами справитесь, мне там нечего делать! — кричал он на грубом наречии жителя гор.

Главарь замолчал. С улицы донесся гул толпы, взявшей дом в кольцо. Разбойники растерялись.

Побросав недоеденных цыплят и чарки, они выскочили и, крепко сжав оружие, уставились на дверь.

Мусаси, приспособив копье под шест для прыжков, влетел в комнату через боковое окно и приземлился за спиной главаря. Тот обернулся и в тот же миг был пронзен копьем. Разбойник, хрипя, ухватился руками за древко и рухнул ничком. Наконечник копья торчал между лопатками. Мусаси, выбив оружие у второго разбойника, бросившегося на него, разрубил того его же мечом. Потом ударил по голове третьего и пронзил насквозь четвертого. Остальные ринулись из дома, застряв в двери. Мусаси метнул меч им вдогонку, одновременно выдернув копье из тела главаря.

— Стоять! — взревел Мусаси, бросаясь в атаку с

копьем в горизонтальном положении, раздвигая бандитов, как струи воды. Расчистив пространство для длинного копья, Мусаси пустил его в ход, делая неотразимые выпады вперед и по сторонам, нанося удары снизу и сверху. Древко из черного дуба выдержало натиск богатырской силы Мусаси.

Разбойники, увидев толпу у ворот дома, полезли через стену, но едва они касались ногами земли, их тут же убивали. Немногим удалось спастись, но большинство получили ранения.

Ликующие крики огласили деревню, радовались взрослые и дети, мужчины и женщины, все обнимались, заливаясь слезами радости. Схлынула первая волна восторга, и кто-то спросил:

— А если они вернутся?

Повисла напряженная тишина.

— Не вернутся, — заверил Мусаси крестьян. — В вашу деревню они никогда не придут, но будьте начеку. Ваше оружие — мотыга, а не меч. Если возгордитесь боевыми успехами, небеса пошлют вам наказание пострашнее набега горных дьяволов.

— Узнали, что случилось в деревне? — спросил Нагаока Садо двоих самураев, вернувшихся в храм. Зарево над деревней, находившейся за

болотами, затухало.

— Все уладилось.

— Вы прогнали бандитов? Деревня пострадала?

— Крестьяне сами перебили почти всех бандитов, сбежало несколько чудом уцелевших в живых.

Если дело было так, как доложили самураи, то ему придется заново обдумать, как усовершенствовать управление владениями своего сюзерена.

На следующее утро, покинув храм, Садо повернул коня к деревне.

— Деревня в стороне от дороги, но нужно заехать.

Один из монахов отправился с гостями. Глядя на трупы вдоль дороги, Садо заметил:

— Непохоже, чтобы бандитов зарубили крестьяне.

Он потребовал новых подробностей от сопровождавших его самураев.

Деревенские жители не спали всю ночь, хороня убитых, разгребая пожарища, собирая скотину. Увидев важного чиновника с телохранителями, они попрятались по домам.

— Найдите какого-нибудь толкового крестья-

нина, — попросил Садо монаха.

Тот привел человека, который подробно описал события прошлой ночи.

— Теперь кое-что прояснилось, — произнес Садо. — Как зовут этого ронина?

Крестьянин не знал его имени. Монах пошел с расспросами по деревне.

— Миямото Мусаси? — задумчиво повторил Садо. — Его мальчик называл своим учителем?

— Да. Крестьяне считают, что он слегка не в себе, потому что упорно бьется над освоением земли Хотэнгахары. Равнина эта всегда была бесплодной.

— Надо бы с ним повидаться, — проговорил Садо, но, вспомнив о неотложных делах в Эдо, добавил: — Отложим до следующего раза.

Столичные гости повернули коней и поскакали из деревни. Около дома старосты Садо осадил коня, заметив объявление на недавно оструганной доске: «Памятка жителям деревни. Мотыга — ваш меч. Ваш меч — это мотыга. Работая в поле, не забывайте о разбойничьих налетах. Помня о разбойниках, не забывайте поле. В жизни все взаимосвязано. Самое главное — соблюдайте уклад, созданный многими поколениями ваших предков!»

— Кто это написал? — спросил Садо.

— Мусаси, — ответил вышедший из дома староста, склонившись до земли.

— Спасибо, что проводили нас. Жаль, что не увижу Мусаси, нет времени. Скоро я еще раз приеду в ваши края, — сказал Садо монаху.

Первые всходы

Управлять обширным подворьем Хосокавы в Эдо, следить за исполнением обязанностей на службе у сёгуна было поручено старшему сыну даймё Хосокавы Тадаоки. Тадатоси, как звали молодого человека двадцати с небольшим лет, жил в Эдо, а его отец, прославленный полководец, признанный поэт и мастер чайной церемонии, предпочитал обширное владение Кокура в провинции Будзэн на острове Кюсю. Садо и еще несколько преданных вассалов приставили к сыну даймё, но не по причине сомнений в его способностях. Молодой Хосокава уже снискал известность как умный и дальновидный чиновник. Его признали наиболее могущественные вассалы сёгуна. Тадатоси приспособился к эпохе мира и процветания лучше, чем старые феодалы, по-прежнему мыслившие категориями войны.

Садо шел через просторный двор по направлению к конному ристалищу.

— Не видел молодого господина? — спросил он встретившегося ему юного самурая.

— Господин Хосокава изволит быть на площад-

ке для лучников.

Садо свернул на узкую боковую дорожку, когда его окликнули. К Садо подошел Ивама Какубэй, умный и деловитый вассал Хосокавы.

— Намерен встретиться с господином? — спросил он Садо.

— Да.

— Хотел бы посоветоваться с тобой, если ты не очень спешишь. Зайдем в беседку.

Увитая зеленью беседка находилась в нескольких шагах от дорожки.

— Ты идешь с докладом к молодому господину? Окажи мне услугу, порекомендуй ему одного человека.

— Еще кто-то жаждет служить дому Хосокавы?

— Знаю, тебе без конца докучают просители, но здесь особый случай.

— Твой подопечный интересуется только жалованьем и выгодным положением?

— Напротив! Это родственник моей жены. Приехал из Ивакуни два года назад и с тех пор живет у нас. Могу смело поручиться за него.

— Ивакуни? До битвы при Сэкигахаре провинцией Суо владел клан Киккава. Он из их ронинов?

— Нет. Сын сельского самурая. Зовут его Саса-

ки Кодзиро. Совсем юный. Он овладел стилем Томиты под руководством Канэмаки Дзисая. От Катаямы Хисаясу, владетеля Хоки, юноша перенял технику молниеносного извлечения меча из ножен. Он разработал собственный стиль, который назвал Ганрю.

Какубэй восторженно перечислял достоинства и подвиги К°дзиро, но Садо слушал его рассеянно. Он постоянно думал о поездке в храм Токугандзи. Судя по разговорам и увиденному в деревне, он решил, что Мусаси именно тот человек, который требуется клану Хосокава. Садо прежде хотел встретиться с Мусаси, а потом рекомендовать его молодому Хосокаве, но пожилому самураю вот уже полтора года не удавалось выбраться на равнину Хотэнгахара.

— Я выполню твою просьбу, — сказал Садо, когда Какубэй умолк.

Тадатоси состязался в стрельбе из лука с молодыми вассалами, безусловно превосходя их в меткости. Стрелял он безупречно и точно. Некоторые служивые люди упрекали его за увлечение луком, говоря, что в век пороха и копья на поле боя нечего делать с мечом и луком.

— Мои стрелы нацелены в дух, — загадочно отвечал Тадатоси.

Вассалы Хосокавы искренне уважали Тадатоси и преданно служили бы ему, обладай его отец, которого тоже все любили, даже более скромными достоинствами. Дав обещание Какубэю, Садо тут же пожалел о нем. Рекомендовать кого-то Тадатоси — дело ответственное.

Вытирая пот со лба, Тадатоси оживленно говорил с молодыми самураями.

— Не хочешь тряхнуть стариной? Один выстрел? — крикнул он, заметив Садо.

— Я соперничаю только со взрослыми, — ответил Садо.

— Ты по-прежнему считаешь нас мальчиками с детскими прическами? Забыл про битву при Ямадзаки? А замок Нираяма? Меня, между прочим, весьма хвалили за действия на поле сражения. И вообще, я предпочитаю боевой лук.

— Не сердитесь, я не хотел подшучивать над вами.

Молодые самураи дружно засмеялись. Тадатоси, сбросив кимоно с одного плеча, освободил руку и серьезно спросил:

— У тебя дело ко мне?

Они быстро обсудили повседневные заботы, и Садо сказал:

— У Какубэя есть самурай, которого он хотел бы

рекомендовать вам на службу.

На мгновение взгляд Тадатоси стал отсутствующим.

— Не о Сасаки Кодзиро, случаем, идет речь? Мне о нем говорили несколько раз.

— Почему бы вам самому не взглянуть на него?

— Он вправду подходящий человек?

— Решать вам.

Тадатоси надел перчатку и принял стрелу от слуги.

— Хорошо, посмотрю на человека Какубэя. А еще и на ронина, о котором ты мне рассказывал. Его имя Миямото Мусаси, если не ошибаюсь?

— Так вы его помните?

— Я-то помню, а вот ты, похоже, забыл.

— Дело в том, что я очень занят. Не было возможности выбраться в Симосу.

— Если ты нашел достойного, с твоей точки зрения, воина, то нечего тратить время попусту. Ты меня удивляешь, Садо. Отложил столь важное дело до очередной оказии. Не похоже на тебя.

— Прошу простить меня. Вокруг толпы желающих попасть на службу. Я думал, что вы забыли о нашем разговоре. Напрасно я не напомнил.

— Разумеется. Я не слишком доверяюсь ре-

комендациям, но всегда встречусь с тем, кого старина Садо считает подходящим. Ясно?

Садо, еще раз извинившись за промедление, пошел к себе домой. Приказав оседлать коня, он отбыл в Хотэнгахару.

— Это и есть Хотэнгахара? — спросил Гэндзо, слуга Садо.

— Я тоже так подумал, но здесь совсем не пустошь. Повсюду рисовые поля. Видимо, дикие места, которые осваивает Мусаси, ближе к горам, — отозвался Садо.

Всадники уже миновали храм Токугандзи и приблизились к дороге на Хитати. Вечерело, белые цапли взлетали и опускались на рисовые поля. Вдоль реки и на пригорках тянулись полоски конопли и ячменя.

— Взгляните в ту сторону, господин, — проговорил Гэндзо.

— Что там?

— Кучка крестьян.

— Действительно. Они по очереди кланяются.

— Обряд, верно, какой-нибудь.

Подъехав к реке, Гэндзо первым проверил брод. Хозяин последовал за ним.

— Эй вы! — окликнул Гэндзо крестьян.

Крестьяне вопросительно уставились на

приезжих. Садо разглядел, чему кланялись крестьяне, — миниатюрному деревянному храму размером с клетку для птиц. С полсотни крестьян возвращались домой с полей, их мотыги были аккуратно вымыты.

Вперед вышел монах.

— Господин Нагаока Садо, если не ошибаюсь? Какая приятная встреча!

— А ты из храма Токугандзи? Ты сопровождал меня в деревню в день нападения бандитов?

— Совершенно верно. Вы в наш храм пожаловали?

— Нет. Я сегодня же должен вернуться в Эдо. Как мне найти ронина по имени Миямото Мусаси?

— Его уже здесь нет. Он ушел.

— Ушел? Почему?

— В прошлом месяце крестьяне решили устроить праздник по случаю преобразования здешней земли. Видите, какой она стала плодородной. Утром после праздника Мусаси и мальчик Иори покинули наши края.

Монах оглянулся, словно в надежде на неожиданное появление Мусаси. Садо велел рассказать все подробности.

После того как под руководством Мусаси крестьяне научились защищать себя, они едва не

стали боготворить его. Те, кто прежде громче других высмеивал труды Мусаси, теперь служили ему, не щадя сил. Мусаси относился ко всем крестьянам ровно и справедливо, отучая их от дикой жизни. Он убеждал их трудиться лучше ради будущего их детей. Мусаси внушал им, что человек должен жить, заботясь о благе грядущих поколений.

Каждый день Мусаси помогали не меньше пятидесяти крестьян, и к осени была возведена надежная дамба. Зимой они приготовили поля, а весной пустили на них воду и посадили рис. К началу лета саженцы риса окрепли, а конопля и ячмень на сухих местах быстро шли в рост. На следующий год урожай должен удвоиться, а на третий — увеличиться втрое.

Крестьяне стали приходить к дому Мусаси, чтобы сердечно поблагодарить его, женщины приносили ему овощи. Однажды толпа крестьян явилась к Мусаси с кувшинами саке и исполнила священный танец под бой барабанов и свист флейт. Мусаси втолковал крестьянам, что успехом они обязаны не ему, а себе самим.

— Я делал все, чтобы вы поверили в свои силы, — говорил он.

Мусаси посетовал на крестьян монаху, сказав,

что они безмерно превозносят его, бродячего ронина.

— Они и без меня должны верить в себя, — сказал Мусаси монаху. На прощанье он подарил монастырю фигурку Каннон, вырезанную из дерева своими руками.

На следующее утро деревня переполошилась.

— Неужели ушел?

— Не может быть!

— Он исчез, в доме пусто.

В тот день опечаленные крестьяне не вышли в поле. Монах строго отчитал их, обвиняя в неблагодарности и заставляя не забрасывать то, чему они с таким трудом научились. Крестьяне соорудили миниатюрный храм, поместив в нем статуэтку Каннон. Утром и вечером, проходя мимо святилища, крестьяне добрым словом поминали Мусаси.

Садо поблагодарил монаха за рассказ, ничем не выдав досады, как принято у людей его сословия.

Окрестности окутала весенняя дымка. Погоняя коня, Садо думал: «Напрасно я надолго отложил эту поездку. Я допустил небрежность в исполнении своего долга перед своим хозяином и подвел его».

Мухи

Дорогу на Симосу на восточном берегу реки Сумида, в том месте, где ответвляется путь на Осю, перекрывали большие ворота. Там находилась укрепленная застава, свидетельство твердой власти Аоямы Таданари — нового градоначальника Эдо. Мусаси и Иори дожидались своей очереди. Три года назад войти и выйти из Эдо было несложно. С тех пор город заметно разросся, стало больше домов и меньше пустующих участков.

— Эй, ронин, подходи, твоя очередь!

Двое стражников в кожаных хакама тщательно обыскивали Мусаси, а третий тем временем задавал вопросы.

— По какому делу в столицу?

— В общем-то, без особого дела.

— Без определенной цели?

— Я изучаю боевые искусства. Можно сказать, что мое дело — совершенствовать боевые качества самурая.

Стражник замолчал. Мусаси ухмыльнулся.

— Откуда родом?

— Деревня Миямото уезда Ёсино в провинции Мимасака.

— Кому ты служишь?

— У меня нет хозяина.

— Кто дает средства на странствия?

— Никто. Я рисую, вырезаю из дерева статуэтки и расплачиваюсь ими за еду и ночлег. Часто ночую в храмах. Иногда даю уроки фехтования. Этим и живу.

— Откуда следуешь?

— Последние два года я занимался земледелием в Хотэнгахаре в Симосе. Я не собирался посвятить всю жизнь крестьянскому труду, поэтому ушел из деревни.

— Есть где остановиться в Эдо? Запрещено пускать в город людей, которым негде жить в столице.

— Есть, — твердо ответил Мусаси, поняв, что допросу не будет конца, если говорить правду.

— Где?

— У Ягю Мунэнори, владетеля Тадзимы.

Стражник от изумления открыл рот.

Мусаси в душе похвалил себя за находчивость. Его не волновало возможное разоблачение. Он полагал, что в доме Ягю о нем слышали от Такуана. Если вдруг начнут дознание, то Ягю не станут отказываться от знакомства с ним. По случаю и сам Такуан может оказаться в Эдо. Он

и представил бы Мусаси аристократическому дому. Конечно, прошло время вызова на поединок Сэкисюсая, но Мусаси по-прежнему мечтал сразиться с Мунэнори — наследником прославленного отца, хранителем стиля Ягю и военным наставником сёгуна.

Имя аристократа зачаровало стражей.

— Ну ладно, — дружелюбно проговорил стражник. — Не стал бы тебя беспокоить, знай, что ты вхож к Ягю. Видишь ли, по дорогам бродят разные самураи. Приходится быть начеку с ронинами. Служба, сам понимаешь.

После еще двух-трех незначительных вопросов, заданных скорее для порядка, стражник сопроводил Мусаси через ворота.

— Господин, — обратился Иори к Мусаси, — почему они так придираются к ронинам?

— Ловят лазутчиков.

— Кто же из них явится сюда в обличье ронина? Неужели здесь настолько глупые чиновники? Их дурацкие вопросы задержали нас, опоздали на переправу.

— Тихо, услышат. Ни о чем не беспокойся. Полюбуйся Фудзиямой, пока не придет следующая лодка. Отсюда гора хорошо видна.

— Подумаешь, из нашего дома тоже видно.

— Да, но здесь иной вид.

— Как это?

— Фудзияма никогда не бывает одинаковой, она меняется каждый день, каждый час.

— Мне она кажется неизменной.

— Ты просто не пригляделся. Она многолика в зависимости от времени года, погоды, места, откуда на нее смотришь. Каждый человек видит ее по-своему.

Не проявив интереса к горе, Иори подобрал плоскую гальку и ловко пустил ее по поверхности воды. Позабавившись, Иори подошел к Мусаси.

— Мы правда пойдем в дом Ягю?

— Надо подумать.

— Но вы же сказали страже?

— Да, я собирался к нему, но дело это непростое. Он ведь даймё.

— Он, похоже, очень важный господин, я тоже хочу стать таким.

— Важным?

— Да.

— Слишком низкая цель.

— Как это?

— Посмотри на Фудзияму.

— Не собираюсь походить на нее.

— Ты должен, никому не подражая, стать без-

молвным, неподвижным гигантом. Такими бывают горы. Не суетись в тщетной надежде удивить людей. Они начнут уважать тебя, если ты того достоин. Подлинное уважение ничем не купишь.

Слова Мусаси пролетели мимо ушей мальчика. Подошла лодка, и Иори побежал занимать место.

Река Сумида отличалась своенравием, была глубокой в одном месте, мелкой в другом, то узкой, то широкой. Во время прилива вода в ней мутнела, а в устье Сумида расширялась чуть ли не вдвое. На месте переправы река почти сливалась с морем.

Над головой синело небо, вода была прозрачной, и Иори отчетливо видел стайки рыбешек в глубине. На дне среди камней он заметил ржавый шлем. Его совсем не интересовал разговор за его спиной.

— И вы полагаете, что все обойдется, притом что творится?

— Сомневаюсь.

— Я тоже. Рано или поздно, но дело дойдет до драки. Не хотелось бы, конечно, новой смуты.

Остальные пассажиры молча смотрели на воду, показывая полное безразличие к разговору. Все боялись правительственных соглядатаев.

Откровенные смельчаки рисковали жизнью, высказывая собственное мнение.

— Судя по тщательности проверок на заставах, мы, похоже, на пороге войны. Эти строгости введены недавно. Ходят слухи о лазутчиках из Осаки.

— А ограбление домов даймё? Власти помалкивают, ведь грабят тех, кто по долгу службы обязан поддерживать порядок.

— Вряд ли грабители пошли бы на такой риск. Это проделки лазутчиков. Ни один бандит не осмелится полезть в усадьбу даймё.

Пассажиры представляли как бы весь Эдо в миниатюре: возчики леса с опилками на одежде, две дешевые девицы из веселого квартала, вероятно приехавшие из Киото, три здоровенных парня с бычьими шеями, артель землекопов, роющих колодцы, две проститутки, заигрывавшие с мужчинами, монах — насельник храма и странствующий монах, ронин, подобный Мусаси.

Лодка причалила, пассажиры сошли на берег.

— Эй ты, ронин! Ты кое-что потерял, — окликнул Мусаси коренастый парень, протягивая ему парчовый мешочек, настолько старый и потертый, что от золотой нити осталось лишь воспоминание.

— Это не мое. Наверное, оставил кто-то из пассажиров.

— Мой! — схватил мешочек Иори, быстро засунув его за пазуху.

— Какой пострел! — возмутился парень. — Отдай! Сначала отвесь мне три поклона, а потом получишь мешочек. Не поклонишься, швырну тебя в реку.

Мусаси заступился за мальчика, сказав, что тот слишком мал.

— А ты кто такой? Брат? Хозяин? Как тебя зовут?

— Миямото Мусаси.

— Что? — уставился на Мусаси парень. — Будь внимательнее! — заметил он Иори.

Парень пошел прочь, но Мусаси удержал его:

— Извините, не уделите мне минуту?

Вежливость Мусаси застигла парня врасплох. Он резко обернулся, невольно сжав рукоять меча.

— В чем дело?

— Как вас зовут?

— Зачем это?

— Вы же узнали мое имя. Вежливость требует, чтобы и вы назвались.

— Я один из людей Хангавары, Дзюро.

— А теперь пошел вон! — подтолкнул его Мусаси.

— Я этого тебе не забуду! — убегая, крикнул парень.

— Трус! Надо было еще ему поддать, — сказал Иори, довольный, что за него расквитались.

По дороге в город Мусаси завел серьезный разговор.

— Иори, пойми, жизнь здесь совершенно отличается от деревенской. Там нашими соседями были лисы и белки, а здесь множество самых разных людей. Следи за своим поведением.

— Да, учитель.

— Земля становится раем, если люди живут дружно. У каждого человека есть плохие и хорошие качества. Случаются времена, когда верх берет дурная сторона человеческой натуры и земля из рая превращается в ад. Понимаешь?

— Кажется, — ответил притихший Иори.

— Люди придумали хорошие манеры и этикет, которые не допускают проявления плохих сторон. Этикет укрепляет порядок в обществе, который является высшей заботой правителей страны. — Мусаси помолчал. — Твое поведение на пристани… Конечно, случай пустяковый, но твои манеры разозлили того человека. Ты огор-

чил меня.

— Да, господин.

— Не знаю, где мы с тобой остановимся, но в любом месте ты должен соблюдать правила и держаться вежливо.

Мальчик поклонился. Некоторое время они шли молча.

— Господин, не возьмете ли вы мой мешочек? Вдруг я его потеряю.

Взяв мешочек, Мусаси внимательно осмотрел его.

— Отец оставил его тебе?

— Да, господин. Я забрал его у настоятеля храма в начале года. Монах не взял ни песчинки. Возьмите себе немного.

— Спасибо. Я сохраню твой мешочек.

«Мальчик, в отличие от меня, практичен в жизни», — подумал Мусаси, сознавая свою беспомощность в денежных вопросах. Врожденная сметка ученика напомнила учителю о повседневных заботах людей. Мусаси тронуло доверие Иори. Мусаси хотелось сделать все возможное для развития способностей в мальчике.

— Где мы заночуем? — спросил Иори.

Город мальчику понравился, он с любопытством оглядывался по сторонам.

— Ой, сколько там лошадей! Верно, их продают. — Иори обрадовался коням, словно встретил старых друзей на чужбине.

Они дошли до квартала Бакуротё, где торговали лошадьми и было бесчисленное множество лавок и харчевен, набитых продавцами и покупателями, погонщиками, возницами. Люди толпились кучками, азартно торгуясь на всех наречиях. Говор Эдо выделялся резкостью и гортанностью звуков. Сквозь мешанину людей и лошадей решительно пробирался самурай. Он, похоже, высматривал хорошего коня.

— Одни клячи. Не предлагать же такое хозяину! — произнес он с недовольным видом.

Столкнувшись с Мусаси лицом к лицу, самурай отступил на шаг и, не веря своим глазам, воскликнул:

— Миямото Мусаси?!

Мусаси вгляделся в самурая и расплылся в дружеской улыбке, узнав Кимуру Сукэкуро. В замке Коягю они едва не скрестили мечи. Кимура искренне обрадовался неожиданной встрече.

— Не ожидал увидеть тебя здесь! Давно в Эдо?

— Только что пришел из Симосы, — ответил Мусаси. — Как здоровье вашего хозяина?

— Спасибо, но сам понимаешь, в возрасте

Сэкисюсая… Сейчас я на службе у его светлости Мунэнори. Обязательно зайди к нам, я с удовольствием представлю тебя хозяину. Тебя ждет еще кое-что. — Сукэкуро многозначительно улыбнулся. — Бесценная вещь, которая принадлежит одному тебе. Ты должен прийти поскорее.

Мусаси не успел спросить, что это за ценность, как Сукэкуро, кивнув, быстро зашагал прочь. Слуга едва поспевал за ним.

В дешевых постоялых дворах Бакуротё останавливались в основном провинциальные торговцы лошадьми. Мусаси, экономя деньги, решил заночевать здесь. В гостинице, которую он выбрал, была большая конюшня, и комнаты для постояльцев походили на пристройки к конюшне. После суровой жизни в Хотэнгахаре захудалый постоялый двор почудился ему роскошным.

Вскоре мухи из конюшни одолели Мусаси. Хозяйка предложила сменить комнату.

— На втором этаже мух меньше, — успокоила она гостя.

В новой комнате не было спасения от солнца, и Мусаси разворчался на несносную жару. Всего несколько дней назад яркое солнце радовало бы его, поскольку оно требовалось рисовой рассаде и предвещало бы ясную погоду на следующий

день. Когда мухи роились на потном теле работавшего в поле, он считал, что насекомые, как и он, занимаются своим делом — Мусаси воспринимал их таким же творением природы, как и себя. Переехав широкую реку и погрузившись в суету города, Мусаси находил жару изнуряющей, а мух невыносимыми.

Голод отвлек Мусаси от неприятных ощущений. Иори, судя по его лицу, тоже проголодался. Постояльцы в соседней комнате заказали большой горшок с тушеными овощами и сейчас, смеясь и громко переговариваясь, пили саке, закусывая аппетитно пахнувшей едой.

Хорошо бы отведать гречневой лапши! В деревне, чтобы поесть ее, крестьянину надо весной посеять гречиху, ухаживать за ней летом, сжать и обмолотить осенью, смолоть в муку зимой. В городе достаточно хлопнуть в ладоши.

— Иори, не заказать ли нам гречневой лапши?

— Здорово! — выпалил мальчик.

Хозяйка приняла заказ. Мусаси, прикрыв глаза от солнца, ждал еду. На противоположной стороне улицы он прочитал вывеску: «Полирую души. Дзусино Коскэ, мастер стиля Хонъами». Иори изумленно спросил:

— Как это «полирую души»?

— Думаю, что он полирует мечи, раз в надписи упоминается стиль Хонъами. Надо зайти в мастерскую и привести меч в порядок.

Лапшу не несли, и Мусаси решил вздремнуть. Он растянулся на циновке, но соседи расшумелись так, что он не выдержал.

— Иори, попроси соседей вести себя потише.

Комнаты разделяла фусума, но, вместо того чтобы раздвинуть перегородку, Иори пошел к соседям через коридор.

— Не шумите, мой учитель хочет спать, — сказал он разгулявшимся барышникам.

Шум мгновенно стих, и все злобно уставились на мальчика.

— Ты что-то сказал, креветка?

Прозвище не понравилось Иори.

— Мы перебрались наверх, чтобы избавиться от мух, — ответил он с вызовом, — а здесь вы орете, не даете отдохнуть.

— Сам явился или тебя послал твой учитель?

— Учитель.

— Тогда нечего тратить на тебя время, головастик. Передай хозяину, что Кумагоро из Титибу поговорит с ним попозже. А теперь исчезни!

Кумагоро был грубым верзилой, двое его дружков под стать ему. Взгляд у них был тяжелый, и

Иори предпочел поскорее уйти.

Мусаси заснул. Мальчик тихо сел у окна.

Вскоре фусума отодвинулись, и в щелку заглянул один из барышников. Послышался хохот и оскорбительные замечания.

— Подумать только, ему мешают! Бродяга-ронин! Вообразил, что хозяин гостиницы!

— Надо проучить его.

— Верно. Узнает, как командовать торговцами из Эдо!

— Словами его не проймешь. Стащим вниз и выльем на голову ведро конской мочи.

— Поручите это мне, — заговорил Кумагоро. — Если он не извинится в письменной форме, искупаем его в моче. Пейте саке, я скоро вернусь. — Самодовольно улыбаясь, Кумагоро затянул пояс кимоно.

Отодвинув фусума, Кумагоро ввалился в соседнюю комнату.

— Прошу прощения! — развязно сказал он.

Служанка только что принесла лапшу — шесть порций в лакированной коробке, и Мусаси не успел приступить к еде.

— Они идут! — прошептал Иори, в ужасе отодвигаясь в угол.

Кумагоро уселся, скрестив ноги перед собой.

Локти он упер в колени.

— Потом поешь. Не притворяйся, что не боишься меня. Отложи палочки! — со свирепой улыбкой сказал он.

Мусаси словно и не слышал Кумагоро. Помешав палочками лапшу, он начал есть.

На лбу Кумагоро вздулись вены.

— Отставь чашку! — гневно потребовал барышник.

— Кто вы? — вежливо осведомился Мусаси, продолжая есть.

— Не знаешь? В Бакуротё только глухие и немые не знают моего имени.

— Я туговат на ухо. Скажите все-таки, кто вы и откуда.

— Я Кумагоро из Титибу, лучший торговец лошадьми во всем Эдо. Дети при виде меня не могут даже плакать от страха.

— Вы, значит, продаете лошадей.

— Продаю, продаю самураям, учти, прежде чем задирать меня.

— Чем я задел вас?

— Послал этого хорька с замечанием, что шумим. Кто ты такой? Тебе тут не гостиница для даймё с тишиной и порядком. Мы, торговцы лошадьми, любим погулять вволю.

— Я убедился в этом.

— Зачем тогда помешал нашему веселью? Я требую извинения.

— Извинения?

— Да, в письменной форме. Напишешь на имя Кумагоро и его друзей. Иначе хорошенько тебя проучим в конюшне.

— Интересно вас послушать.

— А?

— Можно заслушаться.

— Не болтай! Мы получим извинение?

Кумагоро теперь не говорил, а рычал, его малиновый лоб в лучах вечернего солнца блестел от пота. Кимоно распахнулось, обнажив волосатую грудь. Обиженный Кумагоро вытащил из-за пояса кинжал.

— Не теряй время! Хватишь лиха, если не услышу ответа.

Кумагоро воткнул кинжал в пол рядом с обеденным столиком.

— Как же мне тебе ответить? — спросил Мусаси, едва не рассмеявшись.

Палочками он подхватил черную соринку на лапше и выбросил ее в окно. Потом так же молча выловил еще что-то черное. Кумагоро вытаращил глаза.

— Никакого спасения от них, — беззаботно проговорил Мусаси. — Иори, хорошенько вымой палочки.

Иори вышел. Кумагоро бесшумно удалился в свою комнату и шепотом рассказал приятелям про увиденное чудо. Он сначала принял черные точки за мусор, но потом понял, что это живые мухи, которых Мусаси ловил на лету палочками. Барышники быстро собрались и покинули гостиницу. Воцарилась тишина.

— Так-то лучше, — сказал Мусаси мальчику.

Они рассмеялись, переглянувшись.

Стемнело, над крышей «полировщика душ» светила луна. Мусаси встал, поправил кимоно и сказал:

— Надо заняться мечом.

Он шел к выходу, когда хозяйка гостиницы встретила его на лестнице со словами:

— Вам письмо.

Мусаси удивился, что кто-то узнал его адрес.

— Посыльный здесь? — спросил он.

— Нет, он сразу ушел.

На внешней стороне письма стоял единственный иероглиф «Сукэ». Мусаси понял, что это сокращение от имени Кимуры Сукэкуро. Мусаси прочитал: «Я сообщил господину Мунэнори, что

видел тебя утром. Он обрадовался, услышав о тебе. Он интересуется, когда ты придешь к нам».

Мусаси спустился вниз и попросил у слуги кисть и тушь. Примостившись в уголке, он написал на оборотной стороне письма: «С удовольствием нанесу визит господину Мунэнори в любое время, когда он соизволит провести со мной поединок. У меня, воина, нет других причин для визита в его дом».

Мусаси поставил подпись «Масана» — свое официальное имя, которым пользовался крайне редко.

— Иори! — позвал Мусаси. — Есть поручение.

— Да, господин!

— Отнеси письмо господину Ягю Мунэнори.

— Слушаюсь, господин!

По словам хозяйки гостиницы, любой в Эдо знал, где живет Мунэнори, но она все-таки подробно объяснила дорогу:

— Иди прямо по главной улице до пересечения с большой дорогой, сверни на нее и иди до моста Нихонбаси. Потом сверни влево к реке и иди до квартала Кобикитё. Там каждый покажет дом Мунэнори.

— Спасибо, надеюсь, я найду его, — ответил Иори, уже надевший сандалии. Он обрадовался

поручению, особенно потому, что дело касалось важного даймё. Стемнело, но он решительно вышел на улицу и скрылся за углом. Глядя ему вслед, Мусаси подумал: «Мальчик слишком самоуверен. Это может ему повредить».

«Полировщик душ»

— Добрый вечер! — поздоровался Мусаси. В доме Дзусино Коскэ ничто не свидетельствовало о роде занятий его хозяина. Ни витрины с выставленными образцами товаров, ни решетчатой двери, привычной в лавках. Мусаси стоял в длинной прихожей с земляным полом, справа виднелась комната. На приподнятой части прихожей на татами, обняв железный ящик, спал человек, похожий на даосского святого, какого Мусаси видел на старой картине. Худое, длинное лицо спящего походило на сырую глину. Мусаси не обнаружил в его облике ничего похожего на мастера-оружейника.

— Добрый вечер! — повторил Мусаси погромче.

Коскэ приподнял голову, словно очнувшись от векового сна. Сев и вытерев слюну с подбородка, он лаконично спросил:

— Чем могу служить?

Мусаси подумал, что такой мастер может лишь тупить мечи и души. Он все же протянул Коскэ свой меч и объяснил, что с ним делать.

— Посмотрим, — произнес Коскэ. При виде ме-

ча он положил левую руку на колено и склонил в поклоне голову. Правой рукой он принял меч.

«Странный тип, — подумал Мусаси. — Не замечает заказчика, но приветствует меч поклоном».

Мягким движением Коскэ извлек меч из ножен, поставил его вертикально и внимательно осмотрел от рукояти до кончика клинка. Глаза его засветились, напомнив Мусаси блеск стеклянных глаз у деревянных будд. Вложив меч в ножны, Коскэ с интересом взглянул на Мусаси.

— Садитесь, — пригласил он, подвигаясь на циновке. Мусаси снял сандалии и сел рядом с мастером.

— Это ваш фамильный меч? Сколько поколений он находится в вашей семье?

— О нет! — воскликнул Мусаси. — Совсем обыкновенный клинок.

— Вы им пользуетесь по назначению или носите как принадлежность вашего сословия?

— Я с ним не воевал. Поверьте, это обыкновенный меч, какой носят все, может, немного лучшего качества.

— Как отполировать? — спросил Коскэ, глядя Мусаси в глаза.

— Что вы имеете в виду?

— Нужна заточка, чтобы легко рубить?

— Разумеется. Чем острее меч, тем он лучше.

— Вы правы, — вздохнул Коскэ.

— Вас что-то смущает? Разве мастер не точит меч так, чтобы он хорошо рубил?

«Полировщик душ» придвинул ножны Мусаси и сказал:

— Отнесите его другому мастеру. Ничем не могу вам помочь.

«Странно», — подумал Мусаси. Он чувствовал раздражение, но решил промолчать. Коскэ сидел с непроницаемым лицом, не собираясь вдаваться в объяснения.

Они молча сидели некоторое время, разглядывая друг друга. С улицы заглянул сосед.

— Коскэ, рыболовный шест есть? Время прилива, рыба выпрыгивает из воды. Дай шест, а я поделюсь уловом.

Коскэ скучающе взглянул на соседа:

— Попроси еще у кого-нибудь. Я отвергаю убийства и не держу в доме орудий для их осуществления.

Сосед исчез. Коскэ помрачнел еще больше.

Любой на месте Мусаси давно ушел бы, но хозяин заинтересовал его. В странном мастере было нечто привлекательное: не воля, не ум, а первозданная доброта, какую вы ощущаете,

глядя на старинную керамику — кувшин для саке работы Карацу или чайную чашку Нонко. У Коскэ на виске было пятно, подобное щербинкам на керамических вещах, которые подчеркивают их земное происхождение.

Мусаси с возрастающим интересом приглядывался к мастеру.

— Почему вы не хотите полировать мой меч? Неужели он настолько плох, что его нельзя наточить?

— Вы, как и я, прекрасно знаете, что ваш клинок отличного качества, каким славится провинция Бидзэн. Я знаю, вам нужно наточить меч для уничтожения людей.

— Что в этом плохого?

— Все так и говорят: ничего дурного в том, чтобы наточить меч. А меч точат, чтобы он лучше рубил.

— Конечно, вам ведь приносят мечи…

— Подождите, — поднял руку Коскэ. — Наберитесь терпения выслушать меня. Помните вывеску на моей лавке?

— На ней написано «полировщик душ» или что-то в этом роде, если иероглифы не имеют иного значения.

— Заметьте, на вывеске слово «меч» совсем

не упоминается. Мое занятие — полировка душ самураев, а не их оружия. Люди никак не возьмут в толк, а меня в свое время этому учили.

— Ясно, — проговорил Мусаси, хотя, по правде, ничего не понял.

— Следуя заветам своего учителя, я не полирую мечи тех самураев, которые находят удовольствие в убийстве людей.

— По-своему вы правы. А кто ваш учитель?

— Об этом написано на вывеске. Я учился в доме Хонъами под началом самого Хонъами Коэцу.

Коскэ гордо выпрямился, произнося имя наставника.

— Удивительное совпадение! Я имел счастье знать вашего учителя и его замечательную матушку госпожу Мёсю.

Мусаси рассказал о встрече на поле у храма Рэндайдзи, о днях, проведенных в доме Коэцу. Коскэ удивленно смотрел на самурая.

— Уж не вы ли тот самый человек, наделавший столько шума в Киото, разбив школу Ёсиоки в Итидзёдзи? Миямото Мусаси?

— Да, я ношу это имя, — слегка покраснел Мусаси.

Коскэ согнулся в поклоне.

— Простите, что я докучал вам наставлениями.

Я не подозревал, что передо мной знаменитый Миямото Мусаси.

— Ваши мысли необыкновенны и очень интересны. Характер Коэцу проявляется и в его учениках.

— Вы знаете, что семейство Хонъами состояло на службе у сёгунов Асикаги? Порой их вызывали и в императорский дворец полировать мечи. Коэцу утверждает, что японские мечи существуют не для того, чтобы убивать или увечить людей. Их предназначение — поддерживать императорскую власть и защищать народ, подавлять дьявола и изгонять зло. Меч — душа самурая, самурай носит меч как символ служения своему назначению. Меч постоянно напоминает о долге тому, кто правит людьми. Естественно, что мастер, полирующий мечи, должен полировать и дух владельца меча.

— Справедливо, — согласился Мусаси.

— Коэцу учил, что, вглядываясь в прекрасный меч, следует различать священный свет, дух мира и спокойствия. Он чувствовал отвращение к плохим мечам. Он и близко к ним не подходил.

— Да, я понял. Вы почувствовали нечто дурное в моем мече?

— Нет. Немного опечалился. С тех пор как я

приехал в Эдо, мне приносили множество мечей, но ни один из их владельцев не имел понятия об истинном призвании меча. Порой я сомневался, есть ли душа у их обладателей. Единственное, что их интересовало, как разрубить человека на части или снести голову. Печально. По этой причине несколько дней назад я сменил вывеску. Но, кажется, толку от этого мало.

— И я пришел докучать вам той же просьбой. Сочувствую вам.

— По-моему, с вами все может обернуться иначе. Откровенно говоря, я был потрясен, увидев ваш клинок. Пятна на нем — следы человеческой плоти. Я посчитал вас заурядным ронином, который кичится бессмысленными убийствами.

Мусаси склонил голову. Он словно слышал голос Коэцу.

— Спасибо за урок, — сказал Мусаси. — Я ношу меч с мальчишеских лет, но я никогда не задумывался о его духе. Придется теперь поразмыслить над вашими словами.

Коскэ, казалось, почувствовал громадное облегчение.

— Я отполирую ваш меч. Вернее, сочту за честь полировать душу такого самурая, как вы.

Стемнело. Зажгли лампу. Мусаси решил, что

пора уходить.

— Подождите, — сказал Коскэ. — У вас есть запасной меч на время, пока ваш будет у меня?

— У меня один длинный меч.

— Я одолжу вам. Среди моих мечей, конечно, нет ничего особенного, но давайте посмотрим.

Хозяин провел Мусаси в заднюю комнату. Достав из стенного шкафа несколько мечей, он разложил их на татами.

— Пожалуйста, берите любой, — предложил Коскэ.

Коскэ явно скромничал — клинки были высшей пробы. У Мусаси разбежались глаза. Наконец он выбрал один из мечей и, взяв его в руки, буквально влюбился в него. Легкое прикосновение к мечу свидетельствовало о том, что сделавший его мастер вложил душу в свое произведение. Изумительная работа четырнадцатого века, вероятно периода Ёсино. Мусаси смутился, подумав, что меч чересчур хорош для него, однако не мог выпустить из рук это творение. Он смотрел как завороженный на зеркальную поверхность клинка.

— Вы позволите взять этот? — спросил Мусаси хозяина, избегая слова «временно».

— У вас наметанный глаз, — одобрил Коскэ,

убирая мечи в шкаф. Впервые в жизни Мусаси почувствовал что-то похожее на жадность.

Он знал, что не стоит затевать разговор о покупке меча. Поскольку цена будет ему не по средствам.

— А вы не согласились бы продать мне этот меч? — неожиданно для себя произнес Мусаси.

— Пожалуйста.

— Сколько вы хотите за него?

— Я уступлю его за ту же цену, которую заплатил за него сам.

— И сколько?

— Двадцать золотых монет.

— Пожалуй, я верну его вам, — вздохнул Мусаси.

— Зачем? — удивился Коскэ. — Я вас не ограничиваю во времени. Держите его у себя сколько угодно.

— Нет, мне так будет тяжелее. Я и сейчас не представляю, как выпущу его из рук. А после того как он побудет со мной некоторое время, я буду с кровью отрывать меч от себя.

— Вы правда так привязались к нему? — изучающе взглянул Коскэ на Мусаси. — Хорошо, я отдаю его вам, но взамен вы подарите мне одну вещь.

Мусаси растерялся, у него не было ровным счетом ничего, что можно предложить взамен за бесценный подарок.

— Я слышал от Коэцу, что вы режете статуэтки. Вы окажете мне честь, сделав для меня фигурку Каннон. Этого будет достаточно за меч.

Последнюю статуэтку Каннон Мусаси сделал в Хотэнгахаре.

— У меня нет готовой, — сказал он. — Я принесу вам статуэтку через несколько дней. Можно взять меч?

— Конечно! Я не настаиваю, чтобы вы немедленно принесли статуэтку. Кстати, зачем вам оставаться в гостинице? Пожалуйста, поживите у меня. У меня есть свободная комната.

— Прекрасно! — воскликнул Мусаси. — Завтра я переберусь к вам и сразу примусь за работу.

— Посмотрите вашу комнату, — пригласил Коскэ, который теперь сиял от волнения и счастья.

Мусаси шел следом за хозяином по веранде, в конце которой была лестница на второй этаж. Уютная комната располагалась между первым и вторым этажом. В решетчатое окно заглядывали ветви абрикосового дерева, покрытые росой.

Коскэ, указывая на черепичную крышу во дво-

ре, сказал:

— Моя мастерская.

Незаметно появилась жена хозяина с кувшинчиком саке и закуской. Хозяин и гость все глубже проникались взаимной симпатией. Они сидели в непринужденных позах, забыв об этикете, и доверительно беседовали. Разговор, разумеется, касался излюбленной темы.

— Все толкуют о значении меча, — говорил Коскэ. — Любят у нас порассуждать, что меч — святыня Японии, душа самурая, но обращаются с ним безобразно все без исключения: и самураи, и монахи, и горожане. Я несколько лет ходил по синтоистским храмам и старинным аристократическим домам, чтобы осмотреть известные собрания мечей. — Щеки Коскэ раскраснелись, глаза горели. Он захлебывался словами, брызгая слюной. — Ни один из прославленных мечей не содержится в должном порядке. Например, в храме Сува в провинции Синано хранится более трехсот мечей. Бесценное сокровище, но лишь пять клинков не поражены ржавчиной. Храм Омисима в Иё славится собранием, в котором три тысячи мечей разных эпох. Я провел целый месяц в храме и нашел всего десять клинков в хорошем состоянии. Возмутительно!

Коскэ перевел дух.

— Чем древнее меч, тем понадежнее хозяин старается спрятать его. Меч становится недоступным и ржавеет в небрежении. Владельцы мечей похожи на неразумных родителей, которые так пекутся о своих чадах, что из них вырастают уроды. Детей, правда, можно нарожать много, так что потери восполняются, но мечи… — Приподняв острые плечи и сглотнув слюну, мастер провозгласил: — Хороших мечей больше не будет! Бесконечные усобицы испортили кузнецов-оружейников, они забыли секреты мастерства. Качество мечей никуда не годится. Спасение дела в заботе о старинных мечах. И сейчас оружейник может имитировать старинную работу, но только внешне, былое качество недостижимо. Разве терпимо такое безобразие?

Коскэ, резко поднявшись, вышел из комнаты и вернулся с мечом невероятной длины.

— Извольте взглянуть! Великолепный клинок, но какая чудовищная ржавчина!

Мусаси насторожился. Меч, несомненно, принадлежал Сасаки Кодзиро. Мусаси мгновенно вспомнил все, связанное с мечом и его хозяином.

— Какой длинный меч. Не всякий самурай сладит с ним, — невозмутимо произнес Мусаси.

— Верно, — согласился Коскэ. Он держал его вертикально, острой стороной к себе. — Видите, ржавчина проступила пятнами, но меч до сих пор в деле.

— Вот как?

— Большая редкость. Он сделан в период Камакуры. Потребуется много времени, но я приведу его в порядок. Ржавчина поражает только поверхность мечей старинной работы. Будь это современная поделка, так я никогда бы не свел пятна. Ржавчина, как язва, проедает металл насквозь.

— Владелец меча сам приходил к вам? — поинтересовался Мусаси.

— Нет, я был по делам в усадьбе даймё Хосокавы, и один из его служивых людей, Ивама Какубэй, попросил меня зайти к нему домой на обратном пути. Он дал мне этот меч, сказав, что оружие принадлежит его гостю.

— Прекрасная работа, — заметил Мусаси, не отрывая глаз от меча.

— Боевой клинок. Владелец носит его на спине, но меня попросили переделать ножны так, чтобы меч можно было носить на боку. Хозяин или очень высокого роста, или виртуозный фехтовальщик.

Коскэ захмелел, и Мусаси собрался в гостиницу.

Была глубокая ночь. Постояльцы уже спали. В темноте Мусаси поднялся в свою комнату. Иори не было. Мусаси забеспокоился. Он представил состояние мальчика, потерявшегося ночью в незнакомом городе. Мусаси спустился вниз и растолкал спящего сторожа.

— Разве его нет? — удивился старик. — Я думал, он с вами.

Мусаси вышел на улицу, не зная, что предпринять. Спрятав руки на груди, он стоял, вглядываясь в черную, как лак, ночь.

Лиса

— Это квартал Кобикитё?

Получив утвердительный ответ, Иори продолжал сомневаться. Редкие огни светились лишь во времянках, в которых ночевали плотники и каменщики. Чуть дальше виднелась белая полоса залива. На берегу реки громоздились штабеля леса и кучи щебенки. Иори слышал, что в Эдо строят невероятно быстро, но ему не верилось, что усадьба Ягю может соседствовать с лачугами поденщиков.

«Как мне быть?» — думал Иори, присев на бревна. Подошвы ног горели от усталости, и он прошелся по росистой траве. Пот на спине высох, волнение улеглось, но легче ему не стало. «Во всем виновата старая тетка с постоялого двора, — ругался про себя Иори. — Наплела ерунды!» Мальчик не корил себя за потерянное время, которое он проглазел на балаганы в квартале Сакаитё.

В поздний час не у кого было спросить дорогу. Иори не хотелось оставаться ночью в незнакомом месте. Нужно выполнить поручение и хотя бы до рассвета вернуться в гостиницу. Иори решил

разбудить рабочих.

Он направился к лачуге, в которой светился огонек, и наткнулся на женщину. Голова ее была обмотана куском рогожи.

— Добрый вечер! — поздоровался Иори.

Женщина приняла его за мальчика на побегушках из винной лавки.

— А, это ты, выродок! — набросилась она на Иори. — Ты зачем швырял в меня камнями?

— Я этого не делал! — запротестовал Иори. — Я вообще вижу вас в первый раз.

Женщина подошла ближе и рассмеялась.

— И вправду не ты! А что забыл здесь славный мальчик в темную ночь?

— Меня послали с поручением, а я не могу найти нужный дом.

— Какой?

— Усадьбу господина Ягю, владетеля Тадзимы.

— Ну и шутник ты! — расхохоталась женщина. — Ягю — даймё, учитель сёгуна. Думаешь, тебе откроют ворота? Ты к кому-нибудь из слуг идешь?

— У меня письмо.

— Кому?

— Самураю по имени Кимура Сукэкуро.

— Верно, один из служивых людей. Но ты ве-

сельчак, щеголяешь именем господина Ягю, будто он тебе приятель.

— Я должен отдать письмо. Вы знаете, где усадьба?

— По ту сторону рва. Перейдешь мост и сразу увидишь дом даймё Кии. Рядом усадьбы Кёгоку, Като и Мацудайры, владетеля Суо.

Женщина по пальцам пересчитывала усадьбы, показывая на приземистые склады по другую сторону рва.

— А следующий как раз тот, что тебе нужен.

— А за мостом тоже квартал Кобикитё?

— Кобикитё? А как же!

— Вот вредная старуха, которая наврала мне про дорогу!

— Ругаться нельзя. Ты такой милый мальчик. Я провожу тебя до усадьбы господина Ягю.

Женщина пошла вперед. Глядя на ее рогожу, Иори вспомнил о привидениях.

Они были на середине моста, когда встречный мужчина свистнул и задел плечом женщину. От прохожего несло саке. Женщина развернулась и уцепилась за пьяного.

— Я тебя знаю! — затараторила она. — Вздумал пройти мимо? — Женщина тянула мужчину за рукав.

— Пусти! — бормотал он.

— Не хочешь пойти со мной?

— Денег нет!

— А я задаром!

Женщина повисла на пьяном, как пиявка. Обернувшись к Иори, она крикнула:

— Ступай! Я занята!

Она тянула мужчину, но тот упирался. Иори изумленно смотрел на них. Женщина наконец взяла верх, и парочка скрылась под мостом. Иори заглянул через перила. Женщина запустила в него камнем. Мальчик пригнулся и побежал по мосту. За всю жизнь на бесплодных пустошах Хотэнгахары он не видел ничего страшнее, чем искаженное лицо женщины, белевшее в темноте.

Сразу за мостом был амбар, за ним забор, потом еще один амбар, потом другой. Отсчитав пятую по порядку усадьбу, Иори подошел к воротам. На беленной известью стене была изображена двухъярусная женская шляпа. Иори знал из модной песенки, что это герб рода Ягю.

— Кто там? — раздался голос привратника.

— Ученик Миямото Мусаси с письмом, — ответил Иори, придав голосу внушительность.

Сторож что-то сказал, но Иори не расслышал.

Вскоре приоткрылась дверца, вырезанная в створе ворот для того, чтобы впускать людей, не открывая громадные ворота.

— Ты почему среди ночи явился? — подозрительно спросил сторож. Иори протянул письмо.

— Передайте, пожалуйста. Я подожду ответа.

— Письмо Кимуре Сукэкуро? — уточнил привратник.

— Да.

— Его здесь нет.

— А где он?

— В доме в Хигакубо.

— Но все говорили, что усадьба господина Ягю в Кобикитё.

— Здесь только амбары с рисом, лесом и прочим добром.

— Значит, сам даймё не живет здесь?

— Верно.

— А это самое Хигакубо далеко отсюда?

— Изрядно.

— Где же оно находится?

— На холмах за городом. В местечке Адзабу.

— В первый раз слышу такое название. — Иори разочарованно вздохнул, но чувство долга заставляло его не терять времени.

— Нарисуйте мне, как туда дойти.

— Не смеши! Знай ты дорогу, то все равно бы добирался всю ночь.

— Ну и что же?

— В Адзабу полно лисиц. Хочешь, чтобы они тебя заколдовали?

— Нет.

— Ты хорошо знаешь Сукэкуро?

— Мой учитель знает.

— Отправляйся лучше спать в амбар, а утром пойдешь.

— Где я? — воскликнул Иори, протирая глаза.

Мальчик выскочил из амбара. Было уже за полдень, и от яркого солнца у Иори закружилась голова. Сторож доедал обед у ворот.

— Ну вот наконец проснулся, — добродушно вымолвил он.

— Нарисуйте мне дорогу! — выпалил Иори.

— Так спешишь, соня? Поешь-ка лучше, и тебе хватит.

Пока Иори давился едой, сторож рисовал, попутно объясняя, как идти в Адзабу. Иори поспешил в дорогу, окрыленный важностью задания и совсем не думая о том, что Мусаси волнуется из-за его отсутствия. Бежать по оживленным улицам было интересно. Скоро Иори увидел вблизи замок Эдо. Величественные усадьбы самых знатных

даймё возвышались на участках, окруженных сложным переплетением рвов. Мальчик, замедлив шаг, огляделся вокруг. В каналах было много барж, груженных камнем и бревнами, каменные бастионы замка не освободились от лесов, которые издали походили на бамбуковую решетку для вьюнков-асагао. Иори шел по огромному району, который назывался Хибия. Воздух содрогался от строительного шума, звучавшего как гимн нового сёгуната. Иори завороженно смотрел на людской муравейник: рабочих, волоком тащивших каменные глыбы, плотников с пилами и рубанками, самураев, горделиво надзиравших за работами. Иори хотелось поскорее вырасти и стать таким же важным самураем.

Подносчики камней затянули песню:

Оборвем все цветики
На равнине Мусаси.
Гиацинты, колокольчики,
Заблудимся в лугах!
А девушка-краса —
Цветок неприкосновенный!
Промокли рукава,
То слезы иль роса?

Вода во рвах порозовела, вороны загалдели, и Иори спохватился, что солнце садится. Помчался со всех ног, порой заглядывая в листок, который дал ему привратник. Ноги незаметно донесли Иори до холма Адзабу, густо поросшего раскидистыми деревьями. Выбравшись на открытое место, он с радостью увидел, что солнце не село. На холме домов было мало. Деревня Адзабу находилась внизу в долине, возделанной под поля. Здесь, вверху, царила торжественная тишина, нарушаемая журчанием родников. Иори почувствовал, как усталость вытекает из него, растворяясь в густой траве и старинных деревьях. Он смутно чувствовал, что эти места связаны с историей Японии, хотя и не знал ничего о них. Это была земля, породившая величайших воителей древности — кланы Тайра и Минамото.

Иори услышал глухое гудение барабана, которое обычно сопровождает обряды в синтоистских храмах. Чуть ниже на склоне холма виднелось величественное деревянное сооружение с перекрещенными брусьями на крыше. Иори видел величайшую святыню, храм Иигура в Исэ, посвященный богине Солнца Аматэрасу. Храм не шел ни в какое сравнение с замком Эдо, ни даже с усадьбами даймё. Простотой он мало отличал-

ся от окрестных крестьянских домов. Мальчик задумался, почему люди преклоняются перед военным правителем Токугавой с бóльшим почтением, чем перед божествами. Значит, Токугава важнее богини Солнца? «Надо спросить у Мусаси», — решил Иори.

Он заглянул в листок, потом посмотрел вокруг, но признаков усадьбы Ягю не обнаружил.

Вечерняя дымка окутала землю. У Иори слегка закружилась голова. Такое с ним случалось и раньше, когда он смотрел на последние лучи заходящего солнца, скользившие по рисовой бумаге сёдзи. Ему казалось, что в комнате светлее, чем снаружи. Это был обман зрения, но Иори чутко ощущал игру света и тени. Он тер глаза, чтобы прогнать наваждение. Иори понимал, что и сейчас он погрузился в полуявь-полусон.

— Подлая! — крикнул Иори и взмахнул мечом по густой траве. Лиса с лаем отскочила и побежала, роняя с хвоста капельки крови. Иори бросился следом. Мальчик не отставал от проворной лисы. Лису, казалось, покидали силы, но стоило Иори броситься за ней с победным кличем, та внезапно исчезала, чтобы вынырнуть в нескольких шагах впереди.

Иори в детстве наслушался от матери сказок о

колдовских чарах лис. Мальчик любил зверей, даже диких кабанят и визгливых выдр, но лис ненавидел и очень боялся. Теперь он знал, почему сбился с дороги, — его заморочили лисы. С прошлой ночи его преследовали злые духи, и несколько мгновений назад он ощутил на себе колдовские чары. Иори хотел расправиться с нечистой силой, но лиса, мелькнув за камнем, пропала из виду.

На крапиве и паучнике заблестела роса. Измученный Иори опустился на землю и лизнул мокрый от росы лист мяты. Мальчик тяжело дышал, пот катился с него градом, сердце бешено колотилось. «Куда она задевалась?» — чуть не кричал он от досады. Ладно, пусть лиса сбежала, но он ее ранил, и коварная тварь будет ему мстить. Иори не мог ничего поделать.

Мальчик немного успокоился, но вдруг услышал словно неземной звук. Иори застыл от испуга. «Лиса!» — подумал он, сжимаясь в комочек, чтобы устоять перед колдовскими чарами. Мальчик плюнул на ладонь и потер брови — верное средство спастись от лисьего наваждения.

В волнах вечернего тумана плыла женщина с вуалью на лице. Она сидела боком на лошади, бросив поводья. Поблескивало лакированное

седло, инкрустированное перламутром. «Она превратилась в женщину», — подумал Иори про лису. Воздушное видение, играющее на флейте в последних лучах заходящего солнца, трудно было назвать земным. До слуха Иори, лягушонком распластавшегося в траве, донесся голос второго неземного существа: «Оцу!» Это, верно, приятель лисы.

На повороте, где дорога выходила на открытое место, одежда волшебной всадницы сверкнула золотистым пурпуром.

Солнце садилось за холмами Сибуя в густую гряду облаков.

Иори крепко сжимал рукоять меча. Если убить всадницу, она вернется в лисье обличье. Иори, как и все, знал, что душа лисицы-оборотня обретает в нескольких шагах позади ее человеческой формы. Он напряженно ждал, когда приблизится всадница. На повороте конь встал. Всадница спрятала флейту в футляр и заложила ее за оби. Подняв вуаль, она огляделась по сторонам.

— Оцу! — раздался голос.

— Я здесь, Хёго, — с радостной улыбкой ответила всадница.

На дорогу вышел самурай. «Ох!» — выдохнул Иори. Самурай слегка прихрамывал. Вот, значит,

кого он ранил в лисьем обличье! Не прекрасную всадницу, а мужественного самурая. Иори с перепугу задрожал и немного обмочился.

Самурай, взяв лошадь под уздцы, повел ее мимо того места, где прятался Иори. «Вперед!» — скомандовал себе Иори, но тело не повиновалось. Самурай заметил движения в траве, и взгляд его упал на застывшее лицо мальчика. Ясные глаза самурая сверкали, как кромка заходящего солнца. Иори, упав ничком в траву, лежал неподвижно. Впервые за четырнадцать лет жизни он пережил такой страх.

Хёго прошел мимо обыкновенного мальчишки. Дорога круто спускалась вниз, и нужно было сдерживать коня. Оглянувшись на Оцу, Хёго ласково спросил:

— Почему ты задержалась? Говорила, что доедешь до храма и сразу вернешься. Дядюшка заволновался и послал меня на поиски.

Оцу соскочила с лошади. Хёго остановился.

— Почему ты спешилась? Устанешь на спуске.

— Женщине не пристало ехать верхом, когда мужчина идет. — Оцу взяла коня под уздцы с другой стороны.

Оцу и ее спутник спустились в долину. Вечерело. На небе замерцали первые звездочки. Они

прошли мимо ворот с табличкой «Сэнданьэн, школа дзенской секты Содо». В сумерках отчетливее слышался шум реки Сибуя. Река делила долину на Северный и Южный Хигакубо. Школа, основанная монахом Ринтацу, находилась в северной части, поэтому монахов в народе звали «северянами». «Южанами» величали самураев из фехтовальной школы Ягю Мунэнори, которая расположилась на другом берегу реки.

Ягю Хёго, любимый внук Ягю Сэкисюсая, особо выделялся среди «южан». Знаменитый полковед Като Киёмаса назначил одаренного двадцатилетнего Хёго на службу в замок Кумамото в провинции Хиго с жалованьем в три тысячи коку риса. Должность неслыханная в столь юном возрасте. После битвы при Сэкигахаре Хёго начал тяготиться службой, которая вынуждала его сделать выбор между домом Токугавы и силами Осаки. Три года назад, сославшись на болезнь деда, он оставил службу в замке Кумамото и вернулся в Ямато. Некоторое время он путешествовал по стране.

Хёго встретил Оцу случайно в доме своего дяди.

Она три года провела с Матахати, который не отпускал ее от себя, представляя женой. Жела-

емого места для Матахати не нашлось, и они перебивались случайными заработками. Усыпляя бдительность Матахати, Оцу не перечила ему, но к себе не допускала.

Однажды на улице они увидели важного даймё в сопровождении свиты. Как и все простолюдины, они застыли на обочине в почтительной позе. На паланкине был герб Ягю. Оцу подняла глаза, и воспоминания о счастливых днях в замке Коягю захлестнули ее. Душа ее рвалась в мирный край Ямато. Матахати стоял рядом, и ей оставалось лишь проводить паланкин безнадежным взглядом.

— Оцу, неужели ты?

Оцу вздрогнула. Из-под конической шляпы на нее смотрели знакомые глаза Кимуры Сукэкуро, человека, которого она всегда вспоминала с почтением и любовью. Он явился подобно Будде, преисполненный сочувствия и ласки. Оцу сделала шаг и навсегда избавилась от Матахати. Сукэкуро предложил ей погостить в Хигакубо.

Матахати был бессилен перед домом Ягю. Прикусив язык, он молча смотрел, как сокровище уплывает из его рук.

Срочное письмо

К тридцати восьми годам Ягю Мунэнори считался лучшим фехтовальщиком в семье, но отец постоянно тревожился за пятого сына. «Он слишком раздражителен, — нередко говорил отец. — Долго ли удержится на высоком посту человек с прямодушным характером Мунэнори?»

Минуло четырнадцать лет с той поры, как Токугава Иэясу приказал Сэкисюсаю подыскать наставника для Хидэтады. Сэкисюсай не выбирал среди старших сыновей, а остановился на Мунэнори. Пятый сын не выделялся ни поразительными способностями, ни отвагой, но был человеком со здравым умом, сдержанной натурой.

Он не обладал величием отца или одаренностью Хёго, но на него можно было положиться, и, самое главное, он постиг глубинный смысл стиля Ягю, понял, что непреходящая ценность «Искусства войны» заключается в применении его основ в управлении страной. Сэкисюсай презрел желание Иэясу — победоносный полководец искал наставника, который учил бы его наследника не только фехтованию. За несколько лет

до битвы при Сэкигахаре Иэясу занимался под руководством знаменитого мастера меча Окуямы, причем в тренировках, по его признанию, «оттачивал глаз для управления страной».

Теперь Хидэтада стал сёгуном. Особое значение приобретало требование, чтобы его наставником служил человек, не проигравший ни одного поединка. Мунэнори, следовательно, обязан был превосходить всех фехтовальщиков, утверждая главенство стиля Ягю. Мунэнори чувствовал, что в нем постоянно пытаются отыскать уязвимое место. Многие хотели бы оказаться в его положении, но сам он в душе завидовал своему племяннику Хёго и много отдал бы за его вольную жизнь.

Хёго шел по галерее в покои дяди. Дом был громадным, но без особой роскоши. Мунэнори умышленно не вызвал плотников из Киото, а нанял местных, привыкших к суровой и строгой манере Камакуры. Мунэнори взял за образец старый дом в Коягю, хотя стиль его не очень гармонировал с невысокими горами с редкими деревьями, типичными для здешних мест.

Хёго опустился на колени перед входом в комнату дяди и негромко позвал его.

— Ты, Хёго? — откликнулся Мунэнори, не меняя позы.

— Позвольте войти?

Хёго на коленях вошел в комнату. С дедом, не чаявшим души во внуке, Хёго держался свободнее, но с дядей отношения были строгими. Мунэнори не был чинушей, но не допускал нарушения этикета. Вот и сейчас он сидел в классической официальной позе. Хёго порой испытывал жалость к дяде.

— Оцу? — лаконично спросил Мунэнори.

— Она вернулась. По обыкновению, доехала верхом до храма Хикава, а на обратном пути пустила лошадь попастись.

— Сам ездил за ней?

— Да, господин.

Повисла тишина. В свете лампы четко проступал профиль вельможи с плотно сжатыми губами.

— Меня беспокоит, что в доме так долго находится молодая женщина. Это не совсем прилично. Я приказал Сукэкуро удалить ее отсюда под благовидным предлогом.

— Ей некуда ехать, — ответил Хёго дрогнувшим голосом. Перемена в дяде удивила Хёго. Когда Сукэкуро привез Оцу в дом и рассказал, что это та девушка, которая служила Сэкисюсаю, то Мунэнори с искренней сердечностью предложил

ей пожить в его доме, сколько она захочет.

— Вам не жаль ее? — спросил Хёго.

— Да, но всему есть предел.

— Я полагал, что вы хорошо к ней относитесь.

— Дело в другом. Когда молодая женщина живет в доме, полном мужчин, кое у кого развязываются языки. Да и мужчины оказываются в затруднительном положении. Возможен опрометчивый поступок со стороны одного из них.

Хёго молчал, но не потому, что принял намеки дяди на свой счет. Хёго исполнилось тридцать, и, как все самураи его возраста, он был холост. Его чувства к Оцу были настолько чисты, что, с его точки зрения, не давали повода для сплетен. Он не скрывал нежности к девушке, но неизменно подчеркивал дружеский характер их отношений.

Хёго догадывался, что дело в самом дяде. Жена Мунэнори происходила из старинного и знатного рода. Невест из таких семейств в день свадьбы доставляют мужьям в закрытых от посторонних взглядов паланкинах. Покои хозяйки и других женщин находились в глубине дома, и мало кто знал о происходящем на женской половине. Об отношениях Мунэнори с женой можно было только догадываться. Легко вообразить чувства

жены, если в постоянной близости к ее мужу находится молодая красивая женщина.

— Поручите дело мне и Сукэкуро, — нарушил тишину Хёго. — Мы что-нибудь придумаем.

— Желательно поскорее, — кивнул Мунэнори.

В этот момент появился Сукэкуро. Склонившись в поклоне, он опустил на татами лакированный ящичек.

— Что это? — спросил Мунэнори.

— Гонец из Коягю. Срочное письмо.

— Срочное письмо? — переспросил Мунэнори, внешне не выдавая удивления.

Хёго передал ящичек дяде. Письмо было от Соды Кидзаэмона. Написанное второпях послание гласило: «У старого хозяина случился новый удар, тяжелее предыдущего. Мы опасаемся за его жизнь. Он считает, что здоровье его не настолько худо, чтобы вызывать вас. Мы, ваши вассалы, после совета решили сообщить вам о болезни нашего господина».

— Отец плох, — произнес Мунэнори.

Хёго восхищался хладнокровием дяди, который, видимо, предвосхитив события, сделал необходимые приготовления.

— Хёго, съездишь в Коягю вместо меня? — спросил Мунэнори.

— Слушаюсь, господин.

— Передай отцу, чтобы он не беспокоился по поводу событий в Эдо. Я хочу, чтобы ты сам присмотрел за отцом.

— Да, господин.

— На все воля богов и Будды. Поспеши, чтобы не опоздать.

— Отправлюсь сегодня.

Из покоев Мунэнори Хёго пошел к себе собираться в дорогу, а тревожная новость поползла по дому.

Оцу появилась в комнате Хёго в дорожном платье.

— Пожалуйста, возьми меня с собой, — попросила она. — Я никогда не смогу отплатить господину Сэкисюсаю за его доброту и ласку, но хочу быть полезной ему в эти дни. Он, может, позволит мне побыть рядом.

Хёго считал, что дядя вряд ли разрешит взять Оцу в Коягю, но, с другой стороны, это был подходящий случай увезти ее из Эдо.

— Прекрасно, — сказал Хёго. — Предупреждаю, поездка будет нелегкой, надо спешить.

— Я не отстану.

Оцу смахнула слезы и помогла Хёго уложить вещи. Когда все было готово, Оцу пошла засвиде-

тельствовать свое почтение Мунэнори.

— Хочешь поехать с Хёго? — с легким удивлением проговорил Мунэнори. — Что ж, очень хорошо. Отец тебе обрадуется.

На прощанье Мунэнори подарил Оцу кимоно и кошелек с золотом. Он был опечален, хотя не подавал виду.

— Береги себя, — сказал он Оцу.

Хёго попрощался с вассалами и слугами, собравшимися у ворот, и, бросив короткое «До встречи!», двинулся в путь. Оцу следовала за ним. Подоткнутое кимоно едва прикрывало ей щиколотки, в лакированной широкополой шляпе и с посохом в руке она была точной копией Фудзихимэ, какой ее изображают на лубочных картинках.

Хёго решил ехать на перекладных лошадях, меняя их на станциях, поэтому сегодня им надо было дойти до местечка Сангэнъя к югу от Сибуи. Оттуда он намеревался по большой дороге Ояма проехать до реки Тама, переправиться на лодке на другой берег и по тракту Токайдо ехать до Киото.

Вскоре лакированная шляпа Оцу покрылась вечерней росой. Путники, миновав зеленую речную пойму, вышли на большую дорогу, проложенную еще в эпоху Камакуры и служившую с той поры

главной в Канто. Обрамленную вековыми деревьями дорогу обступили вечерние тени.

— Жутковато? — пошутил Хёго, замедляя размашистый шаг, чтобы дать Оцу передышку. — Мы как раз на склоне Догэна, знаменитом разбойниками.

— Правда?

Тревога в голосе Оцу посмешила Хёго.

— Это было давным-давно. В окрестных пещерах жили разбойники с атаманом Догэном Таро, который приходился родственником мятежнику Ваде Ёсимори.

— Лучше не вспоминать о них.

Хёго вновь рассмеялся, и горы отозвались эхом, словно напоминая ему об осмотрительности. Хёго был в веселом настроении, хотя поручение дяди печалило его, но возможность провести с Оцу несколько дней радовала его.

— Ой! — вскрикнула Оцу, отступив назад.

— Что там? — спросил Хёго, придерживая девушку за плечи.

— Там кто-то прячется.

— Где?

— У дороги сидит мальчик и разговаривает сам с собой, бедняжка.

Хёго узнал мальчика, которого видел накануне

вечером в Адзабу.

Иори в ужасе вскочил и, направив меч на Хёго, крикнул:

— Лис! Ты лис, вот ты кто!

Оцу тихо вскрикнула. Мальчик явно был вне себя, лицо его искажала безумная гримаса. Хёго сделал шаг назад.

— Лисы! — кричал Иори. — Сейчас я вам покажу!

Голос мальчика звучал сухо и резко, лезвие меча угрожающе подрагивало.

— Получайте! — крикнул Иори и срубил верхушку куста совсем рядом с Хёго. — Что, лис, не нравится? — тяжело выдохнул Иори и вдруг бессильно опустился на землю.

— Он одержим лисами, — обернулся Хёго к Оцу. — Не повезло мальчишке.

— Да, взгляд у него безумный и свирепый.

— Как у лис.

— Может, помочь ему?

— Лекарства от безумия и глупости нет, но попытаюсь.

Хёго подошел к Иори и строго посмотрел на него. Мальчик мгновенно схватился за рукоять меча.

— Ты все еще здесь? — крикнул он.

Не успел мальчик договорить, как откуда-то из глубины живота Хёго раздался страшный утробный рев. Иори лишился чувств. Хёго отнес его к мосту и, взяв за ноги, опустил мальчика вниз головой над водой. Очнувшись, он закричал:

— Мама! Учитель! На помощь! — Крик перешел в рыдания.

— Прекрати, Хёго! Отпусти его! Зачем быть таким жестоким, — вмешалась Оцу.

— Кажется, опомнился, — пробормотал Хёго, осторожно ставя мальчика на ноги.

Иори кашлял, его тошнило. Ему казалось, что ничто на свете не спасет его. Оцу ласково обняла его.

— Где ты живешь?

— В той стороне, — заикаясь, ответил Иори.

— В какой стороне?

— В Бакуротё.

— Это же очень далеко! А как ты здесь оказался?

— Меня послали с поручением. Я заблудился.

— Когда же ты ушел из дома?

— Вчера.

— И блуждал всю ночь и целый день? Как страшно! Куда же тебя послали?

Успокоившись, Иори ответил не заикаясь:

— В усадьбу даймё Ягю Мунэнори, владетеля Тадзимы.

Вытащив из-за пояса помятый свиток, мальчик с гордостью помахал им.

— Оно адресовано Кимуре Сукэкуро. Я должен дождаться ответа.

Видно было, что Иори относится к поручению серьезно и готов защитить письмо ценой собственной жизни. Он не подозревал, что упускает невообразимую возможность, более редкую, чем встреча Волопаса и Ткачихи на Млечном Пути.

— У него письмо к Сукэкуро, — обернулась Оцу к Хёго.

— Да, мальчик сбился с пути. К счастью, ушел недалеко.

Хёго подозвал Иори.

— Иди вдоль реки до первого перекрестка дорог, потом бери влево, в гору. Там, где сходятся три дороги, увидишь две большие сосны. Левее, через дорогу, будет усадьба.

— И не поддавайся больше лисьим чарам! — предупредила Оцу.

Иори совсем пришел в себя.

— Спасибо! — крикнул он, отбежав на некоторое расстояние.

Домчавшись до перекрестка, он на всякий слу-

чай оглянулся.

— Осторожнее! — крикнул вдогонку Хёго. — Совсем темно. Странный мальчик, — добавил он, помолчав.

Хёго и Оцу немного постояли на мосту, провожая взглядом Иори.

— Мальчик смышленый, — заметила Оцу, мысленно сравнивая его с Дзётаро, который был в таком же возрасте, когда они расстались.

Дзётаро теперь уже семнадцать. Мысли Оцу невольно устремились к Мусаси. Она давно ничего не слышала о нем. Оцу привыкла к тому, что любовь — это страдание. Покидая Эдо, она лелеяла надежду встретить Мусаси где-нибудь в пути.

— Пора! — сказал Хёго. — Нужно торопиться!

Сыновняя любовь

— Что делаешь, старая? Совершенствуешь почерк? — Трудно было понять, смеется Дзюро — Тростниковая Циновка или спрашивает серьезно.

— А, это ты, — недовольным тоном откликнулась Осуги.

Дзюро сел рядом.

— Переписываешь сутры?

Осуги промолчала.

— За всю жизнь не надоело писать? Или хочешь преподавать каллиграфию на том свете?

— Не мешай! Переписывание священных текстов — один из способов достижения самоотрешенности, для этого требуется уединение. Шел бы отсюда.

— Уйти, не сказав, почему я так торопился домой?

— Могу и без твоего рассказа обойтись.

— Когда закончишь писанину?

— Я должна запечатлеть в каждом иероглифе просветление Будды. На одну сутру уходит три дня.

— Ну и терпение!

— Три дня — ничто. За лето сделаю десятки копий. Я дала обет написать тысячу, пока живу. Оставлю их людям, которые не проявляют должной любви к родителям.

— Тысячу копий? Вот это да!

— Таков обет.

— Не могу похвастаться почтительным отношением к родителям. Мы все здесь непутевые. Единственный, кто выполняет сыновний долг, — наш хозяин.

— Наш мир — юдоль печали.

— Ха-ха! Если ты так печешься о непочтительных детях, то твой сын, должно быть, разгильдяй.

— Да, я не скрываю, что сын причинил мне много горя. Поэтому я дала обет. Вот Сутра о Великой Родительской Любви. Все, кто дурно относится к родителям, должны читать ее.

— Ты и вправду хочешь раздавать людям эту премудрость?

— Посеяв всего одно семя просветления, обратишь в веру сто человек. Если ростки просветления прорастут в ста душах, спасутся души десяти миллионов.

Отложив кисть, Осуги вручила Дзюро законченную копию со словами:

— Это тебе. Выбери время и прочти внимательно.

Глядя на благочестивое лицо Осуги, Дзюро едва не лопнул от смеха. Сдержавшись, он церемонно поднес лист ко лбу, хотя ему хотелось сунуть бумажку за пазуху, а потом выбросить.

— Тебе неинтересно узнать, что произошло со мной сегодня? Твои молитвы Будде, верно, достигли цели. Я кое-кого видел.

— Кого же?

— Миямото Мусаси. Сегодня на переправе.

— Видел Мусаси? Почему же ты все это время молчал? — Осуги резко отодвинула столик. — Ты не ошибся! Где он сейчас?

— Спокойно, бабуля! Славный Дзюро не бросает дел на полдороге. Я выследил Мусаси до постоялого двора, где он остановился. В квартале Бакуротё.

— Это ведь совсем близко?

— Я бы не сказал.

— Тебе далеко, а мне близко. Я гоняюсь за ним по всей стране.

Осуги подошла к стенному шкафу и достала фамильный короткий меч.

— Пошли! — коротко бросила она.

— Сейчас?

— Конечно!

— Я удивляюсь такому нетерпению. К чему спешка?

— Я всегда готова к встрече с Мусаси. Если меня убьют, отправьте мое тело семье в Мимасаку.

— Подожди, пока придет хозяин. Поспешим, так вместо похвалы я получу нахлобучку.

— Мусаси может скрыться.

— Не беспокойся, мой человек приглядывает за ним.

— Поручаешься, что Мусаси не исчезнет?

— Я расстарался для тебя, а вместо благодарности слышу одни требования. Ну ладно. Ручаюсь головой. А пока, бабка, сиди спокойно и рисуй свои картинки.

— Где Ядзибэй?

— В Титибу с паломниками. Не знаю, когда он вернется.

— Я не могу ждать.

— Почему в таком случае не позвать Сасаки Кодзиро? На пару и порешите дело.

На другой день Дзюро сообщил Осуги, что Мусаси перебрался в дом полировщика мечей.

— Вот видишь? — торжествующе воскликнула Осуги. — Ему не сидится на месте. Не успеешь глазом моргнуть, как его и след простыл.

За утро Осуги не вывела ни одного иероглифа молитвы.

— У Мусаси нет крыльев, — заверил Дзюро. — Успокойся. Короку сегодня расскажет обо всем Кодзиро.

— Как — сегодня? Почему вчера никто не пошел к нему? Где он живет? Сама поговорю с ним.

Старуха начала собираться, но Дзюро неожиданно исчез, и ей пришлось спрашивать дорогу у других шалопаев, слонявшихся по дому. Осуги совсем не знала Эдо, поскольку за два года жизни в нем почти не выходила за ворота дома.

— Кодзиро живет у Ивамы Какубэя.

— Какубэй — вассал Хосокавы, но его собственный дом находится на дороге Таканава.

— На полпути к горе Исараго. Каждый подскажет.

— У Исараго есть второе название — Цукиномисаки.

— Дом приметный, ворота выкрашены в красный цвет. В округе таких больше нет.

— Ясно! — нетерпеливо прервала советчиков Осуги. Она обиделась, что ее принимают за выжившую из ума старуху. — Найду сама, — продолжала она. — Поосторожнее с огнем, пока меня нет. Не спалите дом в отсутствие хозяина.

Осуги надела соломенные сандалии, проверила пристегнутый к оби короткий меч, взяла посох и вышла.

Не успела старуха уйти, как появился Дзюро.

— О чем она с вами толковала?

— Спрашивала, как пройти к дому Какубэя.

— Вот упрямица! — сокрушался Дзюро. — Эй, Короку!

Тот неохотно отложил в сторону игральные кости и подошел Дзюро.

— Вчера ты не пошел к Кодзиро, а сегодня смотри, как дело повернулось. Старуха сама отправилась к нему.

— Ну и что?

— Хозяин тебе покажет «ну и что».

— Верно. Старуха ему донесет.

— Теперь за нее беспокойся. Старуха, как сухая цикада, угодит под лошадь и рассыплется. Поди за ней и последи, как бы чего не случилось.

Короку убежал, а Дзюро, проклиная нелепость положения, пошел в комнату мужчин. Это было просторное помещение с разбросанным повсюду оружием. На гвоздях по стенам висели кимоно, полотенца, нижнее белье, шапки и прочие вещи подручных хозяина дома. Зеркало в лакированной раме и женское кимоно пестрой расцветки на

красной подкладке выглядели здесь нелепо. Их принесли по совету Кодзиро, который таинственно сообщил Ядзибэю, что мужчины, живущие в боевой компании без вещей, которые напоминали бы им о женщинах, становятся строптивыми и затевают драки между собой, растрачивая силы по пустякам.

— Жульничаешь, шулер!

— Это кто шулер! Ну-ка повтори!

В углу сидели картежники. Дзюро бросил на них презрительный взгляд — мелочь, напрасные люди. Дзюро хотел подремать, хотя под крики игроков вряд ли отдохнешь. Он удобно устроился на циновке, поджал ноги и закрыл глаза, но не прошло и минуты, как рядом улегся проигравшийся картежник и начал жаловаться на судьбу. Вскоре к нему присоединились и другие игроки.

— Что это? — спросил один из них, поднимая выпавший из-за пазухи Дзюро листок. — Ведь это сутра! Зачем она понадобилась нашему главному головорезу?

Дзюро приоткрыл глаз.

— Старуха переписывает. Вздумала тысячу копий написать.

— Дай-ка мне! — схватил листок один из завсегдатаев дома. — Почерк четкий и красивый.

Читать легко.

— А ты можешь читать?

— Конечно. Пустяковое дело.

— Давай послушаем. Почитай, да нараспев.

— Ты что, шутишь? Это тебе не модная песенка.

— Какая разница! Раньше сутры пели. Буддийские молебны так и проходили. Знаешь мотив гимна?

— Кто же читает сутры под гимн?

— Валяй на любой.

— Почитай лучше ты, Дзюро.

Дзюро не вставая начал нараспев:

Сутра Великой

Родительской Любви

Вот что я слышал:

Некогда Будда, сидя на Скале священного грифа

В Городе Царских Дворцов,

Проповедовал бодхисаттвам и ученикам.

Вокруг собрались монахи и монахини

И верующие – мужчины, женщины.

Явились небожители, духи и демоны,

Дабы услышать Священный Закон.

Окружили все драгоценный трон

И не спускали глаз с сияющего лика.

— Ничего себе! — раздался голос. — Написано про монахинь? Уж не про тех ли девочек из Ёсивары, которых мы кличем «монахинями»? Говорят, среди некоторых «монахинь» пошла мода на сероватые белила. Они берут меньше, чем в веселом квартале…

— Помолчи!

Будда приступил к изложению Закона.

Добрые люди, мужчины и женщины,

Признайте свой долг перед добродетельными отцами,

Признайте свой долг перед милосердными матерями.

Человек является в этот мир по закону кармы,

Но порождают его отец и мать.

— Будда поучает, что надо любить маму и папу. Слышали тысячу раз!

— Тише!

— Читай! Мы больше не будем тебе мешать.

Без отца не родится ребенок,

Без матери ему не взрасти,

Дух происходит из отцовского семени,

А плод растет во чреве матери…

Дзюро устроился поудобнее, высморкался и продолжил:

Таинство связи матери и ребенка

Делает материнскую заботу о чаде

Несравненным в мире деянием…

Заметив, что компания подозрительно затихла, Дзюро спросил:

— Слушаете?

— Слушаем… Читай дальше.

Проходят положенные месяцы и дни,

Карма подгоняет рождение человека,

Женщину терзают боли,

Отец бледнеет и дрожит от страха.

Все домочадцы, слуги сбились с ног.

Но вот дитя родилось и положено в траву,

Границ не знает ликование отца и матери.

Мать радуется первому крику младенца,

Как нищая замирает при виде найденной жемчужины.

Объятья матери – колыбель младенца,

Колени матери – простор для игр.

Грудь матери – источник животворный.

Любовь ее дарует жизнь.

Без матери беспомощно дитя.

Мать, голодая, отдаст ребенку последнюю кроху.

Без матери чахнет дитя.

— Почему не читаешь?

— Подождите минутку!

— Смотрите-ка! Плачет, как младенец!

Чтение затеяли для того, чтобы убить время, в шутку, но проникновенные слова сутры заворожили всех. Дзюро и еще несколько человек сидели с погрустневшими лицами, глядя куда-то вдаль.

Мать работает в поле в соседней деревне,

Носит воду, разводит огонь,

Толчет зерно, мелет муку.
Ночью она бежит домой.
И слышит крик ребенка.
И сердце ее ликует любовью.
Она спешит к дому.
Ребенок тянется к ней,
Она склоняется над ним,
Прижимает его к себе, целует,
Радость обоих безмерна.
Нет в мире любви сильнее, чем эта…

— Эй, кто там хлюпает?

— Не могу сдержаться, я кое-что вспомнил.

— Сиди тихо, а то и я начну плакать.

В этой компании отчаянных людей запрещались разговоры о любви к родителям. Их восприняли бы как проявление слабости, женской слезливости. Старое сердце Осуги возликовало бы при виде лиц обычно грубых подопечных. Простые, трогательные слова сутры проняли даже громил.

— Все прочитал?

Растет ребенок. Ему два года.
Пока он беспомощен без отца и мате-

ри.

Без отца он не знает, как развести огонь.

Без матери он не знает, что нож может порезать палец.

Мальчику минуло три года.

Мать отнимает дитя от груди, он пробует новую еду.

Без отца он не знает, что яд может убить.

Без матери он не знает, что травы исцеляют.

Родители идут в гости и приносят ребенку

Самые вкусные угощения.

Ребенок растет.

Отец приносит ему одежду,

Мать расчесывает волосы.

Они отдают все лучшее ребенку,

А сами донашивают старое платье.

Сын приводит в дом невесту.

Чужая женщина ему дороже отца и матери.

Молодые не налюбуются друг другом.
Сидят у себя, ласково воркуя.
Стареют отец и мать,
Силы покидают их.
Сын – их единственная опора,
Одна сноха может им помочь,
Но сын не заглядывает к старикам
Ни днем ни ночью.
Холодно и грустно в их комнате.
Они вроде случайных гостей на постоялом дворе.
Напрасно зовут они сына.
А придет, так бранит,
Что зажились, мол, в этом мире.
Горем наполняются их сердца.
Заливаясь слезами, робко молвят они:
«Без нас ты, сынок, не родился бы,
Не вырос бы без нашей любви.
За что теперь, сынок...»

Дзюро вдруг разрыдался и швырнул листок.
— Больше не могу... Пусть кто-то другой...
Никто не вызвался дочитать сутру. Заплакан-

ные мужчины лежали, сидели, понурив головы, как потерявшиеся дети.

Необычную сцену увидел вошедший в комнату Сасаки К°дзиро.

Весенний красный ливень

— Где Ядзибэй? — громко спросил Кодзиро.

Игроки ушли с головой в игру, а остальные погрузились в воспоминания детства под влиянием сутры, поэтому никто не ответил.

— Что случилось? — спросил Кодзиро, подходя к Дзюро, который лежал, закрыв ладонями заплаканные глаза.

— О, я не заметил, как вы пришли, господин.

Дзюро и его товарищи, поспешно вытирая глаза и носы, поднимались с циновок.

— Вы что, плачете?

— Да… то есть нет.

— Не спятили, случаем?

Дзюро поспешил рассказать о встрече с Мусаси, чтобы отвлечь Кодзиро от странной картины, которую тот застал на мужской половине дома.

— Хозяин в отъезде, мы не знали, что делать, Осуги пошла к вам.

Глаза Кодзиро ярко сверкнули.

— Мусаси в гостинице в Бакуротё?

— Да, но сейчас он может быть в доме Дзусино Коскэ.

— Интересное совпадение.

— Почему?

— Я отдал Дзусино свой «Сушильный шест» на полировку. Сегодня меч должен быть готов. Я как раз иду за ним и заглянул к вам по пути.

— Вам повезло. Если бы вы сначала пошли в мастерскую, то Мусаси мог бы внезапно напасть на вас.

— Я его не боюсь. Но как же мне увидеть старуху Осуги?

— Я пошлю за ней проворного малого. Она, верно, еще не доплелась до Исараго.

Вечером заседал военный совет. Кодзиро считал, что дожидаться возвращения Ядзибэя бессмысленно. Он выступит в качестве помощника Осуги, чтобы она могла наконец расквитаться со своим недругом. Дзюро и Короку вызвались пойти вместе с ними, хотя особенного толку от них ожидать не приходилось.

У Осуги после прогулки по городу разболелась спина, поэтому выполнение плана решили отложить на следующий день.

На другой день, под вечер, Осуги выкупалась в холодной воде, вычернила зубы лаком и подкрасила волосы. Оделась в белое белье, приготовленное на похороны. В храмах, которые Осуги посещала, она ставила на белье храмовые

печати на счастье, так что исподнее было изукрашено символами храма Сумиёси в Осаке, Оямы Хатимана и Киёмидзу в Киото, Каннон в Асакусе и других, не столь известных святилищ. Священные печати превратили белую ткань в набивную. Осуги чувствовала себя гораздо увереннее под такой защитой.

Старуха тщательно сложила и спрятала за оби письмо Матахати и Сутру Великой Родительской Любви, а в кошелек вложила еще одно письмо, с которым никогда не расставалась. Оно гласило:

> «Несмотря на преклонные годы, я провожу дни в странствиях ради великой цели. Меня может убить мой заклятый враг, я могу умереть на обочине дороги. В случае моей кончины прошу чиновников и добрых людей отослать мое тело домой на деньги, которые находятся в этом кошельке. Осуги, вдова Хонъидэн, деревня Ёсино, провинция Мимасака».

С мечом на боку, в белых ноговицах и митенках старуха была почти совсем готова. Стеганый пояс оби плотно перехватывал кимоно-безрукавку. Поставив чашу с водой на стол, Осуги склонилась перед ней и сказала:

— Пора!

Затем замерла на несколько мгновений с закрытыми глазами. Мысли ее обратились к дядюшке Гону. В дверь заглянул Дзюро.

— Готовы? — спросил он. — Пора в путь! Кодзиро ждет.

— Я готова.

Осуги вышла и села на почетное место перед алтарем. Псаломщик подал ей чашку и осторожно налил саке. Налил он также Кодзиро и Дзюро. Все выпили, встали, потушили лампу и вышли.

Многие из людей Хангавары вызвались их сопровождать, но Кодзиро не взял их, они только мешались бы в бою. Когда они выходили из ворот, один из молодых людей высек искры из огнива — на счастье.

Небо затянуло дождевыми облаками, пели соловьи.

Четверо шли по темным улицам, сопровождаемые собачьим лаем. Собаки чуяли зловещие намерения этих людей.

— Кто это там? — спросил, оглядываясь, Короку.

— Ты кого-то увидел?

— Кто-то идет за нами.

— Наверное, кто-нибудь из наших, — успокоил

Кодзиро. — Ведь все хотели пойти с нами.

— Они все бы испортили.

Повернув за угол, Кодзиро остановился под карнизом дома.

— Уже пришли? — спросил он шепотом.

— Мастерская Коскэ чуть дальше по улице, на другой стороне.

— Что нам делать? — спросил Короку.

— Действовать по плану. Вы остаетесь здесь, я иду в лавку.

— А что, если Мусаси попытается сбежать через черный ход?

— Не беспокойся. Ни он, ни я не побежим друг от друга. Если он удерет, то ему конец как фехтовальщику.

— Не лучше ли нам расположиться напротив дома? Мало ли что случится.

— Хорошо. Как договорились, мы выйдем с Мусаси на улицу и пойдем рядом. Когда приблизимся к Осуги, я выхвачу меч. Воспользовавшись замешательством Мусаси, Осуги нанесет ему удар.

Осуги переполняла благодарность.

— Спасибо тебе, Кодзиро! Ты так добр ко мне! Ты живое воплощение Хатимана.

Старуха сложила ладони и склонила голову,

словно перед ней и вправду находился бог войны.

В глубине души Кодзиро не сомневался, что делает правое дело. Уверенность в собственной непогрешимости не знала границ.

Когда Мусаси и Кодзиро были юношами, полными молодого задора и надежд, между ними не существовало вражды. Они, конечно, соперничали друг с другом, как принято у равных друг другу. Неуклонный рост славы Мусаси вызывал неприязнь у Кодзиро. Мусаси всегда признавал выдающееся мастерство Кодзиро, но был невысокого мнения о его характере и проявлял осторожность в обращении с соперником. С годами они совершенно разошлись по многим причинам, сказались разгром школы Ёсиоки, судьба Акэми, действия Осуги. Не могло быть и речи о примирении.

Сейчас, когда Кодзиро взял на себя роль защитника Осуги, события с неумолимой быстротой приближались к неизбежному исходу. Кодзиро негромко постучал в дверь.

— Коскэ! Ты не спишь?

В доме было совершенно тихо, но из-под двери виднелась полоска света.

— Кто там? — нерешительно спросили из-за

двери.

— Ивама Какубэй дал тебе мой меч для полировки. Я пришел за ним.

— Большой длинный меч?

— Впусти меня!

— Подождите.

Дверь приоткрылась, глаза обоих мужчин встретились. Загораживая дорогу, Коскэ сказал:

— Меч пока не готов.

— Когда же он будет готов? — спросил Кодзиро, отодвигая хозяина с дороги и входя в дом.

— Дайте посчитаю…

Коскэ потер глаза и подбородок и еще больше вытянул длинное лицо. Кодзиро показалось, что над ним смеются.

— Не кажется ли тебе, что ты сильно запаздываешь?

— Я ведь объяснил Какубэю, что не могу точно определить срок окончания работы.

— Я не могу больше обходиться без меча.

— В таком случае заберите его.

— Что?

Кодзиро искренне удивился. Ремесленник не смеет так отвечать самураю. Кодзиро понял, что здесь заранее приготовились к его визиту. Пора переходить к главному делу.

— Говорят, у тебя живет Миямото Мусаси из Мимасаки.

— Кто вам сказал? — подозрительно спросил Коскэ. — Да, он действительно гостит здесь.

— Позови его. Мы с ним давно не виделись, с той поры, как расстались в Киото.

— Ваше имя?

— Сасаки Кодзиро. Он меня знает.

— Передам, но не уверен, захочет ли он вас видеть.

— Одну минуту.

— Да?

— Объясню подробнее. В доме даймё Хосокавы я случайно услышал, что у вас живет человек, который по описаниям похож на Мусаси. Я пришел, чтобы пригласить Мусаси немного выпить и поболтать.

— Понятно, — ответил Коскэ, удаляясь в глубину дома.

Кодзиро обдумывал, как поступить, если Мусаси, почуяв неладное, откажется от встречи. Пронзительный вопль прервал его размышления.

Кодзиро буквально вылетел из дома. Его план разгадали и обернули против него самого. Мусаси, конечно, выбрался наружу через черный ход

и пошел в атаку. Но кто кричал? Осуги? Короку? Дзюро?

«Не везет!» — подумал Кодзиро, приготовившись к схватке. Он был натянут как струна.

— Рано или поздно, но это должно было случиться, — пробормотал он. Он знал об этом с того дня, когда они встретились на перевале горы Хиэй. И вот час пробил! Если Осуги уже мертва, то кровь Мусаси будет принесена в жертву за упокой ее души.

Кодзиро пробежал шагов десять, когда кто-то окликнул его.

— Короку, это ты?

— Я… я ранен, — простонал тот.

— Где Дзюро?

— Он тоже…

— Где он?

Кодзиро увидел окровавленное тело Дзюро, простертое на земле шагах в тридцати. Готовый к отражению нападения, Кодзиро крикнул:

— Куда делся Мусаси?

— Нет, не Мусаси…

— Что? Ты хочешь сказать, что напал кто-то другой?

— Нет, не Муса… — Голова Короку безжизненно поникла. Кодзиро подбежал к Дзюро и приподнял

его за ворот кимоно, липкий от крови.

— Дзюро, кто напал? Куда он побежал?

Дзюро жалобным голосом простонал в ответ:

— Мама… прости, зря я был…

— Ты о чем? — раздраженно рявкнул Кодзиро, выпуская его из рук.

— Кодзиро! Кодзиро, это ты? — раздался голос Осуги.

Старуха беспомощно лежала в придорожной канаве, покрытая грязью, соломой и очистками овощей.

— Вытащи меня! — стонала старуха.

— Как тебя угораздило свалиться?

Кодзиро бесцеремонно выдернул Осуги из канавы и, как мешок, бросил ее на дороге.

— Куда ушел тот человек? — проговорила старуха, словно бы вторя вопросу Кодзиро.

— Кто, нападавший?

— Да. Это был тот самый человек, который следил за нами.

— Он неожиданно набросился на вас?

— Да, налетел как смерч. Выскочил из-за угла и поразил Дзюро. Короку не успел вытащить меч, как тоже был ранен.

— Куда он исчез?

— Он оттолкнул меня, я упала и не видела, но

шаги удалились вон в том направлении. — Старуха показала в сторону реки.

Кодзиро пересек большой пустырь, на котором торговали лошадьми, и добежал до дамбы Янагихара. За ней виднелись штабеля леса, костры и какие-то люди. Подбежав ближе, Кодзиро увидел, что это носильщики паланкинов.

— Моих товарищей ранил незнакомый человек, подберите их и доставьте в дом Хангавары Ядзибэя в плотницком квартале. Возьмите и старую женщину, — приказал он носильщикам.

— На вас напали грабители?

— А здесь они есть?

— Хватает. Мы их сами побаиваемся.

— Неизвестный побежал в этом направлении. Никого не видели?

— Только что?

— Да.

— Нет. Как с оплатой?

— С вами рассчитаются на месте.

Кодзиро быстро осмотрел штабеля бревен, берег реки и решил вернуться домой. Встречаться с Мусаси без Осуги не было смысла. В последний раз его взгляд скользнул по зарослям павлонии, и он заметил блеск меча. Кодзиро вовремя отскочил, на землю упали задетые клинком ветки.

— Жалкий трус! — крикнул Кодзиро.

— Ошибаешься, — раздалось в ответ, и последовал еще один выпад. Кодзиро отскочил метра на два.

— Если ты Мусаси, то почему должным образом не…

Снова сверкнул меч.

— Кто ты? — крикнул Кодзиро. — Ты не обознался, случаем?

Кодзиро в очередной раз увернулся. Нападавший понял, что попусту тратит силы. Сменив тактику, он надвигался на Кодзиро, выставив вперед меч.

— Никакой ошибки нет, — с ненавистью проговорил он. — Быть может, мое имя что-нибудь тебе скажет. Меня зовут Ходзё Синдзо.

— Ты из школы Обаты?

— Ты оскорбил учителя и убил моих товарищей.

— По воинскому кодексу ты можешь вызвать меня на поединок в любое время. Сасаки Кодзиро не играет в прятки.

— Я убью тебя.

— Попытайся!

Кодзиро спокойно наблюдал, как сокращается расстояние между ними. Четыре, три метра…

Кодзиро распахнул кимоно на груди и положил правую руку на рукоятку меча.

— Смелее! — насмешливо крикнул он противнику.

Издевка слегка поколебала решимость Синдзо, и в этот миг Кодзиро сделал молниеносный выпад. Меч сверкнул и тут же снова был в ножнах.

Синдзо неестественно замер, расставив ноги. Крови не было видно, но было ясно, что он ранен. Левая рука сжимала горло, хотя правая все еще стискивала меч, направленный на Кодзиро.

Синдзо с хрипом выдохнул. За его спиной раздался топот ног. В подбежавшем человеке Кодзиро узнал Коскэ. Избегая ненужной теперь встречи, Кодзиро нырнул в тень. Коскэ подхватил падающего Синдзо.

— Убийство! — крикнул Коскэ. — На помощь!

Кровавый лоскуток отвалился от шеи Синдзо, и потоком хлынула кровь, обагряя кимоно раненого.

Кусок дерева

Еще одна незрелая слива упала с дерева. Мусаси ничего не слышал. Яркий свет лампы падал на его склоненную голову с непокорной гривой жестких волос, слегка отдававших медью.

«Какой трудный ребенок!» — бывало, жаловалась его мать. Упрямство осталось с ним на всю жизнь, как и шрам на макушке от карбункула.

Мусаси резал статуэтку Каннон, погрузившись в воспоминания о матери. Порой ему казалось, что в статуэтке проглядывают материнские черты.

— Все еще работаешь? — раздался из-за фусума робкий голос Коскэ. — Тебя спрашивает человек по имени Сасаки Кодзиро, он ждет внизу. Хочешь с ним поговорить или сказать, что ты уже спишь?

Мусаси едва ли слышал Коскэ.

Стол, колени Мусаси, пол — все было усыпано древесной стружкой. Он резал фигурку богини в обмен на обещанный меч. Задача весьма трудная, потому что Коскэ обладал тонким вкусом.

Когда Коскэ вынул из шкафа небольшой обрубок дерева, Мусаси сразу догадался, что дереву

много лет. Действительно, ему было около семи веков. Коскэ почитал обрубок как семейную реликвию, поскольку привез его из храма при гробнице принца Сётоку в Синагэ.

— Мне посчастливилось побывать там, когда храм ремонтировали, — рассказывал Коскэ. — Плотники и монахи рубили старые балки на дрова. Я попросил отпилить мне от балки кусок, потому что не мог перенести бессмысленного расточительства.

Дерево оказалось податливым, но Мусаси нервничал, потому что боялся испортить бесценный материал.

Громко хлопнула садовая калитка. Мусаси очнулся от мыслей и впервые за весь вечер оторвался от работы. «Может быть, Иори?» — подумал он, прислушиваясь. Раздался голос хозяина дома.

— Что стоишь разинув рот? — произнес Коскэ, который ругал жену. — Не видишь, что человек тяжело ранен. Несите его в дом.

Люди затащили Синдзо в комнату.

— Есть саке, чтобы промыть рану? Я сбегаю домой и принесу.

— А я за лекарем!

— Спасибо, — с глубокими поклонами по-

благодарил помощников Коскэ. — Думаю, он выживет.

Мусаси понял, что случилось нечто чрезвычайное. Смахнув стружки с колен, он спустился по скрипучей лестнице вниз и вошел в комнату, где перед раненым стояли Коскэ с женой.

— Еще не спишь? — удивился полировщик мечей.

Мусаси склонился над раненым, пристально вглядываясь в его лицо.

— Кто это?

— Ходзё Синдзо, сын даймё Авы. Я сам только что признал его. Славный мальчик, ученик Обаты Кагэнори.

Мусаси осторожно приподнял повязку и осмотрел рану, уже промытую саке. Чрезвычайно ровный срез обнажал пульсировавшую артерию. Раненый чудом выжил. «Кто?» — спросил себя Мусаси. Судя по ране, меч задел шею в движении вверх при выполнении приема «Полет ласточки».

«Полет ласточки» — любимый прием Кодзиро.

— Известны подробности? — спросил Мусаси хозяина.

— Нет.

— Могу сказать лишь одно — это работа Сасаки

Кодзиро.

Поднявшись к себе, Мусаси растянулся на татами, словно не замечая приготовленную рядом постель. Стружки валялись по всей комнате. Мусаси проработал без перерыва сорок восемь часов. Он не учился ремеслу резчика, ему недоставало умения. Его вдохновлял лишь образ Каннон, запечатленный в его сердце, а единственным приемом была способность отвлечься от посторонних мыслей, когда он воплощал в дереве выношенный в сердце образ.

Порой ему казалось, что фигурка удается, что рука пошла легко, но вдруг кинжал срывался, делая неверный срез. От куска дерева в конце концов осталось всего десять сантиметров.

Во дворе пел соловей. Мусаси не заметил, как заснул. Он проснулся через час, полный сил и бодрости. Голова была свежей и ясной. «На этот раз получится», — сказал себе Мусаси. Он спустился во двор к колодцу, умылся, прополоскал рот. Вернувшись к себе, он уверенно взял кинжал.

Теперь он по-новому ощущал дерево. Он чувствовал застывшие в нем столетия. Мусаси знал: если последняя попытка не удастся, то останется лишь кучка стружек. Мусаси работал с лихорадочным упорством, не разгибаясь и не

прерываясь, чтобы попить воды.

Небо посветлело, запели птицы, в доме началась утренняя уборка. Фусума в комнате Мусаси были закрыты.

— Мусаси, ты жив? — послышался тревожный голос хозяина. Коскэ отодвинул створку и вошел к гостю.

— Не получается, — вздохнул Мусаси, откладывая кинжал. Перед ним лежал остаток заготовки длиной в большой палец.

— Не выходит?

— Нет.

— А где дерево?

— Изрезал. Бодхисаттва не пожелал воплотиться в дереве.

Мусаси потянулся. Он чувствовал себя человеком, возвращающимся к действительности из путешествия в загадочный мир озарений и разочарований.

— Не получается, — повторил он. — Надо обо всем забыть и настроить мысли на другой лад.

Мусаси лег на спину и закрыл глаза. Голову заполнил ослепительно-белый туман. Душа неслась в бесконечной пустоте.

В это утро почти все гости покидали постоялый двор. Четырехдневная конная ярмарка закон-

чилась. Барышники разъезжались по домам. Теперь несколько недель постоялый двор будет пустовать.

Хозяйка окликнула поднимающегося по лестнице Иори.

— Что тебе? — спросил мальчик.

Сверху ему хорошо была видна проплешина на макушке хозяйки.

— Куда это ты?

— Наверх, к учителю. А что?

— Не задавай вопросов, а лучше скажи, когда ты ушел отсюда?

— За день до позавчера, — ответил Иори, посчитав на пальцах.

— Три дня назад, да?

— Так.

— Хорошо провел время? Уж не лисы ли тебя околдовали?

— Откуда тебе известно? Сама лиса, похоже. — Иори, довольный своей шуткой, поднялся еще на несколько ступеней.

— Твоего учителя там нет.

— Не верю.

Иори взбежал наверх, но скоро вернулся совершенно растерянный.

— Он сменил комнату?

— Не понимаешь? Он совсем уехал.

— Правда?

— Сомневаешься, так посмотри книгу постояльцев. Видишь — «выехал»?

— Но почему? Не дождавшись меня?

— Да. Потому что ты слишком долго болтался невесть где.

— Но… но… — Из глаз Иори брызнули слезы. — Пожалуйста, скажи, куда он ушел?

— Он мне не докладывал. А тебя он бросил, потому что ты непутевый.

Иори выскочил на улицу, беспомощно оглядываясь по сторонам. Почесывая гребнем редкие волосы, хозяйка закатилась хриплым смехом.

— Не суетись, — крикнула она Иори. — Я пошутила. Твой учитель живет напротив у полировщика мечей.

Иори запустил в нее соломенным конским башмаком.

С виноватым видом Иори появился в комнате Мусаси, сел в официальную позу и еле слышно произнес:

— Я вернулся.

Он уже заметил сумрачное настроение, царившее в доме, оглядел комнату учителя, заваленную стружкой.

— Я пришел, — повторил Иори чуть громче.

— Кто это? — пробормотал Мусаси, открывая глаза. — Иори.

Мусаси резко сел. Он обрадовался в душе, увидев мальчика, но чувств не выразил.

— А, это ты, — коротко бросил он.

— Простите, что задержался.

Ответа не последовало.

— Простите меня, учитель!

На этот раз извинения сопровождались поклоном, но Мусаси промолчал.

Мусаси встал, затянул пояс и приказал:

— Открой окно и прибери в комнате.

Он вышел прежде, чем Иори успел произнести: «Слушаюсь!» Мусаси спустился вниз и справился о состоянии раненого.

— Спал крепко, — ответил Коскэ.

— Я позавтракаю и сменю тебя. Ты устал, — предложил Мусаси, но Коскэ отказался.

— У меня к тебе просьба, — обратился он к Мусаси. — Надо сообщить в школу Обаты о происшествии, но мне некого послать.

Мусаси пообещал, что отправит Иори или сходит сам. Когда он поднялся к себе, в комнате было чисто.

— Иори, ответ принес?

— Вот он, — бодро ответил Иори, радуясь, что его не ругали. Он извлек конверт из-за пазухи.

— Дай сюда.

Иори на коленях приблизился к учителю и протянул письмо. Сукэкуро писал:

«Господин Мунэнори является наставником сёгуна, поэтому он не может с вами встретиться. Если вы посетите нас по другому поводу, то, вероятно, наш господин сможет повидать вас в додзё. Если вы непременно хотите испытать стиль Ягю, то вам следовало бы встретиться с Ягю Хёго. К сожалению, он отбыл в Ямато по причине болезни господина Сэкисюсая. Разумнее поэтому отложить ваш визит к нам. О деталях договоримся позднее».

Мусаси улыбнулся. Иори, почувствовав, что гроза миновала, непринужденно вытянул ноги и проговорил:

— Их дом совсем не в Кобикитё, а в Хигакубо. Усадьба богатая. Кимура Сукэкуро угощал меня такой едой…

— Иори! — строго прервал его Мусаси, недовольный фамильярностью мальчика.

Мальчик быстро подобрал под себя ноги и ответил:

— Да, господин!

— Три дня — слишком большой срок, если ты и заблудился. Что с тобой стряслось?

— Меня заколдовали лисы.

— Лисы?

— Да, господин, лисы.

— Как же ты, деревенский парень, позволил им заколдовать себя?

— Сам не знаю. Совсем не помню, что со мной было.

— Странно.

— Да, господин, я и сам удивляюсь. В Эдо, наверное, лисы коварнее деревенских.

— Согласен, но, по-моему, дело не в одних лисах.

— Лиса выскочила на меня, чтобы заколдовать, я отрубил ей хвост, вот она меня и наказала, — затараторил Иори.

— Тебя наказала не лиса, а твое чувство вины. Посиди и подумай над моими словами. Когда я вернусь, расскажешь мне, что ты придумал.

— Слушаюсь. Вы уходите?

— Надо зайти в одно место по соседству с храмом Хиракава в Кодзимати.

— До вечера вернетесь?

— Если не встречу лису.

Мусаси ушел, оставив Иори размышлять о

чувстве вины. Небо было затянуто плотными облаками, которые в сезон дождей удручают глаз.

Покинутый пророк

Пение цикад наполняло рощу вокруг храма Хиракава Тэндзин. Ухала сова. Мусаси подошел к дому Обаты и громко поздоровался, но ему ответило эхо. Вскоре послышались шаги, и из дома вышел самурай с двумя мечами, по виду персона более значительная, чем страж или привратник.

— Кто вы? — спросил самурай, не утруждая себя поклоном.

— Я Миямото Мусаси. Если не ошибаюсь, это школа военных наук Обаты Кагэнори?

— Да, — лаконично отозвался самурай.

Он, видимо, ожидал, что посетитель пустится в нудный рассказ о том, как жаждет совершенствовать свои знания военного дела.

— Один из ваших учеников ранен, — сказал Мусаси. — Сейчас он на попечении полировщика мечей Дзусино Коскэ, который, должно быть, известен вам. Я пришел по просьбе Коскэ.

— Не иначе как Синдзо! — воскликнул самурай, с трудом подавляя волнение. — Извините меня, я Ёгоро, единственный сын Кагэнори. Спасибо за известие. Жизнь Синдзо в опасности?

— Утром ему стало получше, но ему пока нельзя

двигаться.

— Передайте мою благодарность Коскэ.

— Непременно.

— Отец долгое время болеет, поэтому вместо него занятия вел Синдзо, но прошлой осенью он куда-то исчез. Прошу прощения, что не могу оказать вам должный прием, поскольку в доме никого нет.

— Не беспокойтесь. Скажите, пожалуйста, не находится ли школа во враждебных отношениях с неким Сасаки Кодзиро?

— Да, вражда началась в мое отсутствие, так что я не знаю всех подробностей. Кажется, Кодзиро оскорбил отца, вызвав негодование учеников. Они хотели проучить Кодзиро, но он убил некоторых из них. По-моему, Синдзо дал себе клятву отомстить Кодзиро.

— Теперь кое-что прояснилось. Простите, но хочу дать вам совет. Не вздумайте сражаться с Кодзиро. Его нельзя победить с помощью обычной фехтовальной техники, а в тактике он еще виртуознее. Как боец, оратор и тактик он не имеет себе равных среди здравствующих знатоков военного искусства.

Глаза Ёгоро вспыхнули гневом, что заставило Мусаси еще раз повторить свое предупреждение.

— У вас будет случай продемонстрировать свою гордость, но не стоит рисковать головой из-за пустяка. Не пытайтесь отомстить за поражение Синдзо. Вас постигнет та же участь. Не совершайте глупость.

Мусаси ушел. Ёгоро стоял, опершись о стену, со скрещенными на груди руками.

— Подумать только, вот и Синдзо, — проговорил он дрожащим голосом. Ёгоро вспомнил письмо, оставленное Синдзо, в котором тот сообщал, что отправляется отомстить Кодзиро. Если Кодзиро преуспеет в бою, то Ёгоро больше не увидит еще одного из учеников отца.

Синдзо жив, но его поражение не стало менее унизительным. Школа прекратила занятия, и молва склонилась к тому, что додзё Обаты — сборище трусов или, на худой конец, кучка теоретиков, не имеющих понятия о практике войны. Часть учеников покинула школу. Остальные перешли в конкурирующую школу, где изучали стиль Наганумы, поскольку Кагэнори постоянно болел и стиль Косю вышел из моды.

Ёгоро решил не говорить отцу про Синдзо. Сейчас оставалось только ухаживать за отцом без надежды на его выздоровление, как считали лекари.

— Ёгоро, где ты?

Ёгоро удивлялся, что голос едва живого отца, когда тот звал сына, звучал молодо и бодро. Ёгоро вбежал в комнату и опустился на колени около постели отца.

— Звал?

Кагэнори сидел, привалившись к раме раздвинутого сёдзи, как он частенько делал, когда его донимали боли в спине.

— Кто тот самурай, который только что вышел из наших ворот?

— Просто посыльный, — нерешительно ответил Ёгоро.

— Откуда?

— Самурай пришел сообщить, что с Синдзо произошел несчастный случай. Имя этого самурая Миямото Мусаси.

— Он родом из Эдо?

— Я слышал, что он из Мимасаки. Он ронин. Ты его прежде встречал?

— Нет, — ответил Кагэнори. — В нем есть что-то необычное. Я перевидал множество людей за свою жизнь, на поле боя и в обычной обстановке, но лишь немногих назвал бы истинными самураями. Мне нравится этот человек, Мусаси. Хочу с ним поговорить. Позови его.

— Слушаюсь, — послушно ответил Ёгоро и затем недоуменно спросил: — Что в нем необычного? Ты видел его лишь издали.

— Тебе не понять. А когда уразумеешь, будешь таким же стариком, как я.

— И все же?

— Меня восхитила его бдительность. Он пришел в дом к больному человеку, но и здесь не проявил беспечности. Входя во двор, он мгновение помедлил, чтобы оценить обстановку, расположение дома, направление дорожек в саду. Ему хватило одного взгляда. Я поражен. Другие, конечно, подумали бы, что он помедлил из приличия.

— Он, значит, истинный самурай?

— По всей видимости. Беги и верни его!

— Но тебе нельзя утомляться.

— Не беспокойся. Я, может, всю жизнь ждал встречи с таким человеком. Я постигал военные науки не для того, чтобы передавать их безусым мальчишкам. Мою теорию называют стилем Косю, но она только осмысляет те методы, которые применяют прославленные воины Косю. Она отличается от стратегии, которой следуют Такэда Сингэн, Уэсуги Кэнсин или Ода Нобунага, словом, все те, кто воевал за власть над страной.

Цель и задачи военной науки изменились. Моя теория предназначена для достижения мира и спокойствия. Ты знаешь кое-что о ней, но кому мне передать ее сокровенный смысл?

Ёгоро молчал.

— Сын, мне надо так много оставить тебе, но ты незрел. Ты, например, не угадал выдающихся качеств человека, которого только что встретил. Ты не тот, кому я доверил бы продолжение своего дела. Я жду момента, когда встречу нужного человека. Учти, цветущая вишня надеется на ветер, который разнесет ее пыльцу.

— Отец, ты еще долго проживешь.

— Так говорит только дитя. Приведи ко мне того самурая.

— Сейчас!

Ёгоро выбежал. Сначала он бросился в том направлении, в котором, вероятно, ушел Мусаси, затем осмотрел территорию храма и вышел на главную улицу Кодзимати, но Мусаси бесследно исчез.

По правде сказать, Ёгоро не слишком горевал из-за неудачи, поскольку сомневался в совершенстве Мусаси. Ему не понравились и предупреждения Мусаси. Он явился только для того, чтобы расточать похвалы Кодзиро.

«Не такой уж я молодой и неопытный», — подумал Ёгоро, вспоминая слова отца.

Мусаси и Ёгоро были ровесниками. Как ни велики таланты Мусаси, они не безграничны. Ёгоро достаточно повидал в жизни, он несколько лет странствовал как ученик боевых искусств, изучал военное дело и прошел строгую школу дзен. И вот его отец, увидев со стороны незнакомого человека, сделал вывод о выдающихся способностях чужака да еще захотел, чтобы Ёгоро брал с него пример.

«Отца не убедишь, что я давно уже не ребенок», — с грустью подумал Ёгоро. Он мечтал о дне, когда отец увидит в нем зрелого мужа и отважного самурая. Грустно было сознавать, что такой день может не наступить из-за смерти отца.

— Эй, Ёгоро!

Ёгоро обернулся и увидел Накатогаву Хандаю, самурая из дома Хосокавы. Прежде Хандаю регулярно посещал занятия в школе, но последнее время они не виделись.

— Как здоровье учителя? Постоянно занят, поэтому не мог зайти.

— Изменений нет.

— Я слышал, что Сасаки Кодзиро ранил Синдзо.

— Уже пошли слухи?

— Узнал сегодня об этом в доме даймё Хосокавы.

— Все произошло только прошлой ночью.

— Кодзиро живет у Ивамы Какубэя, от Какубэя слухи и пошли. Даже господин Тадатоси знает.

Ёгоро был слишком молод, чтобы бесстрастно воспринять это известие. Поспешно распрощавшись с Хандаю, он заторопился домой. Он уже принял решение.

Городская молва

Жена Коскэ готовила суп для Синдзо, когда в кухню вошел Иори.

— Сливы уже созрели, — заявил он.

— Значит, скоро запоют цикады.

— Вы что, не маринуете сливы?

— Нет, мы не делаем заготовок, да к тому же на сливы уйдет много соли.

— Соль не пропадет, а вот сливы сгниют. Маринованные сливы могут пригодиться, если случится война или наводнение. Вы заняты, разрешите мне собрать сливы.

— Забавный ты мальчик! Рассуждаешь о наводнениях как старичок.

Иори стоял под деревом с большой деревянной бадьей. Стрекочущая цикада отвлекла его от мысли о наводнении. Иори подкрался и поймал ее. Держа цикаду в кулаке, он испытывал странное ощущение: она была теплой, хотя говорят, что у насекомых нет крови. В минуты опасности, наверное, все живое источает тепло. Иори, почувствовав жалость к цикаде, раскрыл ладонь, и она, треща крыльями, полетела в сторону дороги.

На раскидистом дереве обитали разнообразные

существа: красивые мохнатые гусеницы, маленькие голубые лягушки, божьи коровки, спящие бабочки, танцующие в воздухе полосатые мухи. Иори подумал, что жестоко трясти сливу, вспугнув всю живность. Он сорвал первую сливу и отправил ее в рот. Затем осторожно потряс ветку, но плоды почему-то не осыпались. Иори сбивал по одной сливе и бросал в бадью.

— Негодяй! — вдруг завопил Иори и стал швырять сливы в кого-то, прятавшегося за забором, который отделял двор от переулка. Человек убежал.

В окне мастерской появился Коскэ.

— Почему шум? — удивился он.

Спрыгнув с дерева, Иори ответил:

— Еще один подглядывал из-за забора. Я запустил в него сливой, и он удрал.

— Что за человек? — спросил полировщик мечей, вытирая руки о тряпку.

— Бандит.

— Не из людей Хангавары?

— Не знаю. Почему они следят за домом?

— Хотят добраться до Синдзо.

Иори оглянулся на комнату, где лежал раненый. Синдзо доедал суп. Чувствовал он себя получше и уже обходился без повязки на шее.

— Коскэ! — позвал Синдзо.

— Как здоровье? — спросил, подходя к нему, оружейник.

Синдзо попытался сесть в официальную позу.

— Мне очень неловко, что я причиняю вам столько беспокойства, — проговорил он.

— Пустяки! К сожалению, мы не можем уделить вам должного внимания.

— Я знаю, что и бандиты Хангавары вам досаждают. Я не хочу, чтобы они причислили вас к своим врагам. Пора вас покинуть. Мне гораздо лучше, я готов отправиться домой.

— Как, сегодня?

— Да.

— Не спешите! Дождитесь хотя бы Мусаси.

— Нет. Я в состоянии идти сам. Передайте ему мой привет.

— Подумайте! Люди Хангавары днем и ночью караулят дом. Они набросятся на вас, едва вы шагнете за ворота. Я вас не пущу.

— У меня был повод убить Дзюро и Короку. Все начал Кодзиро, а не я. Я не боюсь их.

Синдзо поднялся и пошел к выходу. Коскэ и его жена поняли, что отговаривать его бесполезно. В прихожей Синдзо столкнулся с входящим в дом Мусаси.

— Домой? Рад видеть тебя на ногах, но одному идти на улицу опасно. Я провожу.

Синдзо возражал, но Мусаси настоял на своем.

— Трудно идти? — поинтересовался Мусаси.

— Земля слегка плывет под ногами.

— До Хиракавы Тэндзин далековато. Лучше нанять паланкин.

— Я не вернусь в школу.

— Куда же?

Потупившись, Синдзо ответил:

— Стыдно признаться, но я хочу некоторое время пожить в доме отца в Усигомэ.

Мусаси подозвал носильщиков паланкина и насильно усадил в него Синдзо. Сам он наотрез отказался садиться, огорчив молодчиков Хангавары, которые наблюдали из-за угла.

— Смотри, он посадил Синдзо в паланкин.

— Смотрит в нашу сторону.

— Подожди!

Когда носильщики миновали внешний ров, люди Хангавары двинулись следом, подоткнув полы кимоно и подвязав рукава. Они готовы были испепелить Мусаси взглядом.

Первый камешек ударился о ручки паланкина, когда Синдзо и Мусаси достигли окрестностей Усигафути. Кольцо сжималось.

— Эй, стой! — крикнул один из преследователей.

— Стоять!

Перепуганные носильщики бросили паланкин и пустились наутек. Синдзо выглянул из-за занавески, сжимая меч.

— Это вы мне? — обратился он к преследователям.

Мусаси, загораживая собой Синдзо, крикнул медленно наступавшим бандитам:

— В чем дело?

— Сам знаешь. Отдай нам этого желторотого. А будешь дурить, так прикончим на месте.

Шайка, приободренная собственными угрозами, мрачно обступила паланкин, но никто не смел подойти на расстояние удара меча.

Взгляд Мусаси удерживал громил на удалении.

Синдзо и Мусаси не отвечали на град ругательств. Внезапно Мусаси поразил преследователей вопросом:

— Хангавара Ядзибэй с вами? Пусть выйдет ко мне.

— Хозяина здесь нет. Если хочешь что-то сказать, говори мне, Нэмбуцу Тадзаэмону. Так и быть, послушаю тебя.

Вперед вышел человек средних лет в белом ки-

моно с четками, какие носят буддийские монахи.

— Что вы имеете против Ходзё Синдзо?

— Он убил двоих наших друзей, — отозвался Тадзаэмон, расправляя плечи.

— По словам Синдзо, они помогли Кодзиро расправиться с учениками школы Обаты.

— Нечего мешать одно с другим. Если мы не сведем счеты с Синдзо, над нами будет потешаться весь квартал.

— Это ваш способ решения, но у самураев свои правила, — заговорил Мусаси примирительным тоном. — Самурай может мстить, чтобы восстановить справедливость или воинскую честь, но он не сводит мечом личные счеты. Это недостойно мужчины. Будьте и вы мужчинами.

— Обвиняешь нас в том, что ведем себя не по-мужски?

— Пусть Кодзиро вызовет нас на бой, как положено по правилам. Наше звание не позволяет ввязываться в драку с подручными Кодзиро.

— Можешь распинаться про самурайские штучки ради собственного удовольствия. А мы будем защищать честь по-нашему.

— Если самураи начнут драться со всяким отребьем, выясняя, чьи правила лучше, по улицам потекут потоки крови. Проще обратиться к город-

ским властям. Согласен, Нэмбуцу?

— Ну ты, лошадиный помет! Нам ни к чему чиновники, без них обойдемся!

— Сколько тебе лет?

— Тебе какое дело?

— В твоем возрасте позорно вести молодых людей на верную смерть.

— Придержи язык! Я пока не стар для хорошей драки.

Тадзаэмон, вытащив меч, шагнул вперед. Бандиты двинулись следом. Тадзаэмон сделал выпад, Мусаси увернулся и, оказавшись за спиной атакующего, схватил его и швырнул в ров. Подхватив Синдзо, Мусаси стремительно пошел прочь от толпы. Он пересек поле и стал взбираться на холм. Добравшись до середины склона, Мусаси поставил Синдзо на ноги.

— Бежим.

Бандиты, оправившись от потрясения, бросились вдогонку.

— Держи их!

— Где же ваша хваленая гордость?

— Хороши самураи!

— Вы нам ответите за Тадзаэмона!

Мусаси словно не слышал криков.

— Не вздумай связываться с ними, — сказал

он Синдзо. — Беги и не оглядывайся. В нашем положении иного выхода нет.

Мусаси и Синдзо пересекли местность, получившую впоследствии название Усигафути и холм Кудан, но в те времена это были холмы, поросшие густым лесом. Преследователи отстали, Синдзо побледнел и тяжело дышал.

— Устал? — сочувственно спросил Мусаси.

— Терпимо…

— Тебе хотелось отомстить за оскорбления?

— Конечно…

— Подумай в свободную минуту над моими словами. Случаются обстоятельства, когда бегство — лучший выход. Спустимся к ручью. Вымойся перед тем, как явиться к отцу.

Вскоре Синдзо и Мусаси достигли рощи храма Акаги Мёдзин. Усадьба даймё Ходзё лежала внизу у подножия холма.

— Надеюсь, ты зайдешь к нам и познакомишься с отцом? — спросил Синдзо.

— В другой раз, — ответил Мусаси. — Отдохни как следует. Будь здоров!

После этого происшествия людская молва начала поносить имя Мусаси. Его называли «слабаком», «жалким трусом», «позором самурайского сословия». Если такое ничтожество разгромило

школу Ёсиоки в Киото, значит она ничего не стоила. Мусаси вызвал ее учеников на бой, потому что те не способны держать меч в руках! Дутая слава школы может одурачить только простаков, ничего не смыслящих в искусстве фехтования.

В Эдо не нашлось никого, кто замолвил бы доброе слово в защиту Мусаси.

Верхом оскорбления были столбы с объявлениями, расставленные по всему городу: «Послание Миямото Мусаси, который бегает, как заяц. Вдова Хонъидэн жаждет мщения. Мы тоже хотели бы встретиться лицом к лицу с тобой. Надоело видеть тебя со спины. Если ты самурай, выходи на бой! Хангавара и его друзья».

Книга шестая. Солнце и луна

Мужской разговор

Даймё Хосокава Тадатоси начал день с изучения конфуцианских классиков. Любил он и поупражняться в боевых искусствах, когда позволяли время и дела, требовавшие его постоянного присутствия в замке Эдо. Вечера он предпочитал проводить в обществе молодых самураев, состоявших у него на службе. Вечерние беседы проходили по-семейному, однако фамильярность не допускалась, а этикет соблюдался менее строго. Одетый в легкое домашнее кимоно, Тадатоси оживленно обсуждал с самураями последние новости.

— Окатани, — обратился он к молодому человеку богатырского сложения.

— Да, господин.

— Говорят, ты ловко владеешь копьем.

— Даже очень хорошо.

— Ха-ха, от скромности не умрешь!

— Раз все меня хвалят, почему бы с этим не согласиться?

— На днях я тебя проверю.

— Я давно этого жду.

— Тебе везет, что не дождался.

— Господин, вы слышали песню, которую распевает весь город?

— Какую?

– Копьеносцы, копьеносцы,

Сколько вас на свете?

Кто же всех лучше?

Окатани Городзи.

— Меня не проведешь. Эта песня про Нагою Сандзо, — рассмеялся Тадатоси.

— Как, вы знаете?

— Я много чего знаю.

Даймё любил послушать болтовню вассалов, цепко улавливая в ней множество сведений, но сам никогда не выдавал собственных мыслей.

— Кто из вас практикуется с копьем, а кто с мечом?

Из семерых пятеро предпочитали копье и всего двое — меч.

— Почему такое увлечение копьем?

Сошлись на том, что на поле боя этот вид оружия предпочтительнее.

— А что думают сторонники меча?

— Меч годится в любой обстановке. И на войне, и в мирной жизни.

Споры о мече и копье никогда не утихали.

Копьеносцы утверждали, что копьем можно пронзить и нанести резаную рану, а если оно вдруг сломается, то всегда в запасе есть меч. Сторонники меча считали, что предназначение самурая не ограничивается войной. Меч — душа самурая. Занимаясь фехтованием, он шлифует дух, совершенствует и дисциплинирует характер. Меч — основа любой военной науки и боевых искусств. Постигнув сокровенный смысл Пути Воина, законы меча можно применять к копью и даже к огнестрельному оружию. Умение владеть мечом предотвращает глупые ошибки. Меч — единственное истинное оружие.

Тадатоси слушал, не вмешиваясь в спор.

— Майноскэ, — обратился он к одному из вассалов, — по-моему, ты повторяешь чужие слова.

— Нет, господин, это мое мнение, — возразил Майноскэ.

— А если честно?

— Ваша правда. Я это услышал, когда на днях заходил к Какубэю. Про меч говорил Сасаки Кодзиро, но я думал точно так же. Кодзиро только складно выразил эту мысль. Я никого не собирался обманывать.

— Разумеется, — молвил Тадатоси.

Разговор напомнил ему, что он так и не принял

решения о самурае, которого рекомендовал Какубэй. Какубэй считал, что Кодзиро молод, ему хватит и жалованья в двести коку риса. Тадатоси не интересовал размер жалованья. Он твердо следовал правилу своего отца — тщательно отбирать самураев для службы, а потом ничего не жалеть для них. Требовалась проверка не только способностей, но и характер. Самый талантливый самурай окажется бесполезным, если не поладит со старой гвардией, которая обеспечила могущество дома Хосокавы. Как говорил Хосокава-отец, земельное владение подобно крепостной стене, в которой каждый камень должен быть подогнан один к другому. Если камень, как он ни хорош сам по себе, не под стать другим, он неизбежно расшатает стену.

Тадатоси считал, что молодость Кодзиро послужит ему на пользу, поскольку характер юноши окончательно не сложился, и он сможет без труда приспособиться к службе.

Тадатоси вспомнил и о другом ронине. Впервые Нагаока Садо упомянул имя Мусаси в такой же дружеской беседе. Садо упустил Мусаси, но Тадатоси не забыл про разговор. Судя по всему, Мусаси превосходил Кодзиро в боевых качествах и был хорошо образован, что пригодилось бы в делах.

Большинство даймё, конечно, предпочли бы Кодзиро. Он происходил из приличной семьи и досконально изучил «Искусство войны». Он создал собственный стиль фехтования и отличился в многочисленных поединках. В городе обсуждали его победу над школой Обаты на берегу реки Сумида и на дамбе Канда.

О Мусаси в последнее время ничего не было слышно. Он прославился победой в Итидзёдзи, но это было давно. Потом поползли слухи, будто Мусаси все подстроил, что он разыграл атаку, а потом сбежал на гору Хиэй. Подвергались сомнению все подвиги Мусаси, а его стали награждать нелестными прозвищами. Мусаси не мог похвастаться происхождением, его отец был безвестным самураем из провинции Мимасака. Люди такого рода не заслуживали особого внимания.

— Кто из вас слышал про самурая по имени Миямото Мусаси? — спросил Тадатоси.

— Мусаси? Весь город о нем только и сплетничает.

— Почему?

— О нем написано в объявлениях, — отозвался один из самураев с оттенком пренебрежения в голосе.

— Люди даже переписывают это объявление. Я тоже записал. Прочитать? — добавил второй вассал по имени Мори.

— Читай.

Мори достал мятый листок бумаги и начал читать:

— «Послание Миямото Мусаси, который бегает, как заяц…»

— И все? — спросил Тадатоси, выслушав объявление.

— Да. Люди потешаются, поскольку столбы с посланием расставила шайка из квартала плотников. Простолюдины публично издеваются над самураем.

Тадатоси нахмурился. Мусаси теперь не походил на того ронина, каким он себе его представлял. Тадатоси не спешил с приговором. «Таков ли Мусаси в жизни, каким рисует его молва?» — размышлял он.

— Я считаю, что он бродяга и бездельник, а может, и обыкновенный трус, — заявил Мори. — Иначе он не позволил бы обливать себя грязью.

Остальные самураи одобрительно закивали.

После ухода молодых вассалов Тадатоси долго сидел неподвижно. «В этом человеке есть что-то необычное, — думал он. — Надо бы поговорить

с ним».

На следующее утро после чтения китайских трактатов Тадатоси вышел на веранду. Заметив в саду Садо, он подозвал его:

— Как поживает мой старший друг?

Садо поклонился.

— По-прежнему ищешь? — спросил Тадатоси. Садо вопросительно уставился на сюзерена.

— Я спрашиваю, ты все еще ищешь Миямото Мусаси?

— Да, господин, — опустил глаза Садо.

— Хочу познакомиться с ним поближе.

В тот же день на площадке для стрельбы из лука Какубэй напомнил Тадатоси о Кодзиро.

— Приводи его в любое время. Посмотрю на него. Это, как ты знаешь, еще не означает, что я принимаю его на службу, — сказал Тадатоси, поднимая лук.

Жужжание насекомых

В комнате, отведенной ему в доме Какубэя, Кодзиро осматривал «Сушильный шест». После происшествия с Синдзо он попросил Какубэя забрать меч у полировщика. Кодзиро не ожидал, что меч будет отполирован столь мастерски. Клинок был обработан с величайшей тщательностью. На гладкой поверхности проступил волнистый рисунок, металл отливал зеркальным блеском. Пятна ржавчины, изуродовавшие меч, как проказа, исчезли. Клинок, прежде запачканный кровью, сиял, как луна, подернутая дымкой.

«Словно впервые вижу его!» — изумлялся Кодзиро, завороженно рассматривая меч.

— Кодзиро! Ты дома?

Голос донесся от входной калитки, но Кодзиро не слышал.

Дом Какубэя стоял на холме Цукиномисаки, названном так из-за великолепного вида на восходящую луну, открывавшегося отсюда. Из окна своей комнаты Кодзиро видел залив от Сибы до Синагавы. Горизонт окаймляла белоснежная гряда облаков. Магический блеск клинка, сине-зеленоватая вода в море и затянутый дымкой

горизонт сливались воедино.

— Где ты, Кодзиро? — Голос донесся с черного хода.

— Кто там? — откликнулся Кодзиро, словно очнувшись от забытья. Бросив меч в ножны, он добавил: — Я в задней комнате. Пройдите через веранду.

— Вот ты где! — проговорила появившаяся Осуги.

— Какая приятная неожиданность! С чем пожаловали?

— Сначала вымою ноги, а потом поговорим.

— Осторожнее, колодец глубокий. А ты, малыш, последи, чтобы бабушка не упала.

Малышом Кодзиро назвал детину из шайки Хангавары, приставленного проводить Осуги.

Сполоснув лицо и вымыв ноги, Осуги вошла в комнату.

— Приятный прохладный дом, — заметила она. — Не изнежишься ли ты в таких условиях?

— Я не Матахати, — засмеялся Кодзиро.

Старуха решила пропустить укол мимо ушей.

— Извини, что я не принесла тебе подарка, но дам тебе сутру, которую я сама переписала. — Осуги вручила Кодзиро Сутру Великой Родительской Любви. — Сделай милость, почитай в свободное

время, — добавила она.

Бросив небрежный взгляд на свиток, Кодзиро сказал:

— Кстати, вспомнил о нашем последнем разговоре. Вы развесили по городу объявление, которое я для вас написал?

— О том, чтобы Мусаси перестал прятаться?

— Да.

— Два дня устанавливали столбы с досками на всех перекрестках. Сейчас я сама видела, как люди стоят и обсуждают объявления. Нелестные слова о Мусаси доставили мне истинную радость.

— Если он не ответит на вызов, то перестанет быть самураем и станет посмешищем для всей Японии. Час вашей мести близок.

— Ну нет! Его не проймешь смехом. Он бессовестный. И меня не удовлетворит такая месть. Я хочу, чтобы Мусаси был наказан раз и навсегда.

— Вы стары, но никогда не идете на попятную, — изумился Кодзиро. — У вас какое-то дело ко мне?

Старуха, сев поудобнее, рассказала, что должна покинуть дом Хангавары. Нельзя бесконечно злоупотреблять гостеприимством Ядзибэя. К тому же она устала прислуживать шайке его головорезов.

Осуги подобрала подходящее жилье у паромной переправы Ёрои.

— Как ты считаешь? — спросила она Кодзиро. — Мне кажется, я не скоро найду Мусаси. Чувствую, что Матахати в Эдо, попрошу прислать из деревни денег и поживу здесь некоторое время.

Кодзиро одобрил ее планы. Сначала ему было интересно в доме Хангавары, теперь дружба с сомнительными личностями бросала тень на Кодзиро. Ронину, который ищет место в знатном доме, подобное знакомство зазорно.

Кодзиро послал одного из слуг Какубэя за дыней, которые росли в поле за домом. Кодзиро поговорил с Осуги, пока дыню не подали к столу. Он не слишком церемонился с нежданной гостьей, намекая, что хотел бы распрощаться с ней до наступления темноты.

После ухода Осуги Кодзиро сам убрал свои комнаты и полил колодезной водой цветы в саду. Лампу он не зажигал, ее все равно задул бы ветерок. Луна, поднявшаяся над заливом, освещала лицо лежавшего Кодзиро.

В это время молодой самурай перелез через ограду кладбища у подножия холма.

Возвращаясь со службы из дома Хосокавы, Какубэй, по обыкновению, остановил коня у цве-

точной лавки у холма Исараго. Обычно хозяин лавки поджидал его, чтобы принять коня, но сегодня его не было. Какубэй привязывал коня к дереву, когда из-за храма выбежал цветочник.

— Простите, господин, я заметил подозрительного человека, который через кладбище пробирался к холму. Я крикнул ему, что здесь нет дороги, а он злобно посмотрел на меня. Вдруг вор? Сейчас ведь грабят и знатных людей.

Какубэй слышал о таких происшествиях, но они его не волновали.

— Люди болтают языками, — успокоил он лавочника. — Верно, обычный мелкий воришка или ронин, которые обирают прохожих. Беги прямо ко мне, если же что-то случится. У меня гостит самурай, который не прочь размяться с мечом.

— Сасаки Кодзиро? О, его все считают великим фехтовальщиком!

Какубэй обрадовался такой похвале. Он любил Сасаки и рекомендовал его на службу. Какубэй, как и многие служивые люди его ранга, оказывал покровительство способным юношам, поскольку подбор хороших воинов для сюзерена считался высшим проявлением вассальной верности и служебного рвения.

Должность Какубэя была наследственной. Он

служил Тадатоси не за страх, а за совесть, как и большинство старших вассалов, внешне не выказывая назойливой преданности. В делах такие люди гораздо полезнее молодых выскочек.

Какубэй въехал в ворота своего дома. На крутой холм он взобрался пешком по тропинке, немного запыхавшись. Жену он оставил на родине, поэтому в доме, кроме нескольких служанок, жили только мужчины. В доме царил порядок, и, когда Какубэй поздно вечером возвращался со службы, дорожка в саду всегда была полита водой, а у главного входа в дом его непременно встречал кто-нибудь из домашних.

— Кодзиро дома? — спросил Какубэй.

— Он у себя в комнате, — ответил слуга.

— Позови его и принеси саке.

Какубэй скинул пропахшую потом одежду и вымылся. Когда в свежем легком кимоно он вошел к себе в комнату, Кодзиро уже ждал его.

— Я позвал тебя, чтобы кое-что сообщить, — сказал Какубэй, разливая саке.

— Хорошая новость?

— Господин Тадатоси велел представить тебя ему. Он, видимо, услышал о тебе со стороны. Сам понимаешь, как непросто пристроить к должности. Десятки людей хлопочут за своих.

Старый самурай ожидал изъявлений благодарности, но Кодзиро, допив саке, только и сказал:

— Разрешите налить вам.

Самообладание юноши умилило Какубэя.

— Твоя просьба выполнена. Свершилось важное дело! Нужно отметить нашу победу, — проговорил он.

— Я должен поблагодарить вас, — пробормотал Кодзиро, слегка склонив голову.

— Я лишь выполнял свой долг, — скромно отозвался Какубэй. — Моя обязанность — представить сюзерену способного юношу, как ты.

— Прошу вас, не переоценивайте меня. Учтите, пожалуйста, что жалованье — не главное для меня. Я исхожу из того, что достойно служить дому Хосокавы. Три поколения его возглавляют выдающиеся люди — Тадатоси, его отец Сансай и дед Юсай.

— Мне позволили привести тебя в любое время. Когда тебе удобно?

— Безразлично.

— Завтра?

— Хорошо.

— Ясно, что мой господин не может принять решение, не познакомившись с тобой. Не беспокойся, все уладится по-доброму. Простая

формальность. Он тебя, несомненно, возьмет на службу.

Кодзиро поставил чашечку на стол и холодно взглянул на Какубэя.

— Я передумал. Простите, что доставил вам столько хлопот.

— Что?! — изумился Какубэй. — Отказываешься от такого предложения? От возможности служить дому Хосокавы?

— Мне не нравится, как все это обставлено, — коротко бросил Кодзиро.

Он считал унизительными смотрины у будущего хозяина. Десятки даймё примут его на службу с закрытыми глазами, назначив жалованье в триста или даже пятьсот коку риса.

Не обращая внимания на растерянного Какубэя, Кодзиро молча доел ужин и ушел к себе.

Мягкий лунный свет лежал на татами. Кодзиро вытянулся на постели и тихо рассмеялся: «Старый, добрый, честный Какубэй!»

Кодзиро понимал, как трудно будет Какубэю объяснить хозяину внезапный отказ искателя должности, но Кодзиро знал и то, что Какубэй не сможет долго сердиться на него.

Кодзиро говорил, что его не интересует жалованье, но он лицемерил. Он жаждал и жалованья,

и вообще всего, что можно взять от жизни. Ради чего он подвергал себя суровым испытаниям и провел годы в изнурительных тренировках? Кодзиро хотел, чтобы его узнала вся страна, чтобы возвысился его род в Ивакуни, чтобы все наслаждения земной жизни были у его ног. Преуспевание в боевом искусстве быстрее всего привело бы его к заветной цели. Кодзиро с необычайной проницательностью рассчитывал свой жизненный путь. Каждый его шаг был заранее обдуман. Какубэй казался ему простодушным и чувствительным.

— Пора! — выдохнул человек, прятавшийся в бамбуковых зарослях. Он, как лягушка, пополз к темневшему перед ним дому. Это был тот самый незнакомый, которого видел цветочник. Человек тенью скользнул на веранду и замер у входа в комнату Кодзиро. Потревоженные цикады на мгновение примолкли, но вскоре застрекотали снова. Из комнаты Кодзиро доносился храп.

Клинок клацнул по ножнам, и человек бросился на спящего Кодзиро. Нечто длинное и черное ударило нападавшего по руке и выбило меч, который вонзился в татами, где только что лежал Кодзиро. Сам же Кодзиро стоял у стены, держа в одной руке ножны, а в другой «Сушильный

шест».

— Ты кто? — спросил Кодзиро. Дыхание его было спокойным.

— Это… я.

— Ты трус, нападающий на спящего. Назовись!

— Ёгоро, единственный сын Обаты Кагэнори. Ты оскорбил больного отца и оклеветал его школу.

— Сплетни жителей Эдо.

— А кто убил учеников?

— Убил я, Сасаки Кодзиро. Что делать, если я сильнее и смелее, больше их понимаю в «Искусстве войны»?

— Как тебе хватило совести прибегать к помощи головорезов Хангавары?

Кодзиро с отвращением смотрел на незнакомца.

— Ты испытываешь ненависть ко мне, а пытаешься представить дело так, словно речь идет об «Искусстве войны». Ты даже хуже труса. Посмешище! Придется лишить тебя жизни. Ты готов умереть?

Человек молчал.

— Ты готов к смерти?

Кодзиро сделал шаг вперед. Лунный свет блеснул по полированной поверхности меча.

Кодзиро смотрел на свою жертву, как голодный на еду.

Орел

Какубэй чувствовал себя оскорбленным. Он дал себе зарок больше не иметь дел с Кодзиро, однако был слишком привязан к своему родственнику. Оказавшись в неловком положении перед сюзереном, Какубэй стал искать выхода из глупой ситуации. «Поведение Кодзиро может свидетельствовать о его исключительности. Простой самурай не помнил бы себя от радости, получив приглашение на беседу к даймё».

Чем больше Какубэй раздумывал над поступком Кодзиро, тем сильнее нравился ему родственник.

Через три дня утром Какубэй как бы невзначай заглянул к Кодзиро.

— Послушай, Кодзиро! Господин Тадатоси спрашивал о тебе. Он повторил, что желает тебя видеть. Загляни как-нибудь на площадку для стрельбы из лука, тебе любопытно будет познакомиться со стилем Хосокавы.

Кодзиро усмехнулся, но промолчал.

— Удивляюсь, почему ты считаешь унизительным собеседование. Обычное дело.

— Знаю. Предположим, он меня отвергнет.

Что тогда мне делать? Я не нуждаюсь настолько, чтобы бродить от одного даймё к другому и навязываться на службу.

— Может, я в чем-то сплоховал, но господин Тадатоси совсем не имел в виду того, о чем ты говоришь.

— И что ты ответил ему?

— Я пока ничего не сказал, но он высказал недоумение.

— Мне, верно, не стоило тебя подводить. Нехорошо все получилось.

— Может, все-таки зайдешь к Хосокаве?

— Ладно, только ради тебя, — покровительственно молвил Кодзиро.

— Сегодня?

— Такая спешка?

— Почему бы нет?

— В какое время?

— После полудня, когда он упражняется в стрельбе из лука.

— Так и быть, приду.

Кодзиро с необычайной тщательностью готовился к визиту. Он выбрал дорогое кимоно и хакама из заморской ткани, поверх кимоно надел хаори из плотного шелка. Костюм довершили новые сандалии дзори и широкополая плетеная

шляпа, за которыми сбегал в лавку слуга.

— Есть свободная лошадь? — спросил он конюха.

— Да, запасной конь внизу, у цветочной лавки.

Цветочника не оказалось на месте. Кодзиро оглядел храмовый двор, увидел толпу людей вокруг тела, лежавшего на циновке. Кодзиро подошел ближе. Люди обсуждали, как хоронить покойника, поскольку никто не знал, кто он и откуда. Ясно было, что это самурай. Он был разрублен мечом от плеча до пояса.

Цветочник был в толпе.

— Я видел его здесь четыре дня назад, — сказал он собравшимся.

Рука Кодзиро легла на плечо лавочника.

— Мне сказали, что Какубэй оставляет лошадей у тебя. Оседлай коня!

Цветочник поклонился и заспешил к конюшне за лавкой. Выводя серого в яблоках коня, он любовно похлопал его по шее.

— Хорош! — заметил Кодзиро.

Сев в седло, Кодзиро достал несколько монет и кинул цветочнику:

— Купи благовоний и цветов.

— Кому?

— Покойнику, который лежит в храме.

Когда Кодзиро проезжал мимо ворот храма, ему показалось, будто самурай, разрубленный его «Сушильным шестом», приподнялся и посмотрел ему вслед. Кодзиро сплюнул. «Я не совершил ничего, за что Ёгоро мог бы меня возненавидеть», — пробормотал он.

Кодзиро ехал по тракту Таканава. Пешие путники почтительно расступались. Привычные ко всему жители Эдо и то провожали восхищенным взглядом великолепного всадника.

Какубэй встретил Кодзиро в доме Хосокавы.

— Спасибо, что приехал. Сейчас доложу. — И велел подать гостю холодной воды, чаю и табак.

Подошел слуга. Кодзиро отдал ему бесценный «Сушильный шест», оставив при себе только короткий меч, и проследовал за самураем на площадку для стрельбы из лука.

Тадатоси взял за правило ежедневно стрелять по сто раз. Свита с благоговением наблюдала за упражнениями хозяина дома.

— Можно вас потревожить, господин? — опустился на колени Какубэй.

— В чем дело?

— Сасаки Кодзиро прибыл.

— Сасаки? Ах да!

Тадатоси прицелился и выстрелил. Пока он не

выпустил сотую стрелу, никто и не взглянул в сторону Кодзиро.

— Воды! — приказал Тадатоси.

Обнажив грудь, Хосокава вытерся до пояса, потом вымыл ноги. Самураи из свиты вытерли ему спину и помогли одеться. В их манерах не было низкого угодничества.

Кодзиро ожидал, что Тадатоси, поэт и ценитель возвышенного, сын даймё Сансая и внук Юсая, утонченный аристократ, будет держаться церемонно, следуя этикету Киото. К удивлению Кодзиро, Тадатоси оказался на редкость непринужденным.

— Теперь, Какубэй, взглянем на вашего молодого человека, — произнес Тадатоси, опускаясь на сиденье в тени навеса. Рядом стояло знамя с фамильным гербом рода Хосокава — кольцо в обрамлении восьми маленьких колец, которые символизировали Солнце, Луну и семь планет.

Кодзиро опустился на колени перед Тадатоси. После официальных приветствий он пригласил Кодзиро сесть на стул, что подчеркивало уважительное отношение к гостю.

— Я слышал о тебе от Какубэя, — начал Тадатоси. — Ты родился в Ивакуни?

— Да, господин.

— Киккава Хироиэ, владетель Ивакуни, хорошо известен как мудрый правитель. Твои предки служили у него?

— Нет, мы не состояли при доме Киккавы. Наш род происходит от Сасаки из провинции Оми. После падения последнего сёгуна Асикаги отец переехал в деревню, на родину моей матери.

— Ты впервые устраиваешься на службу?

— Я пока твердо не уверен, хочу ли я служить.

— Как я понял из слов Какубэя, ты хотел бы служить дому Хосокавы. Почему?

— Считаю, что стоит жить и умереть ради этого дома.

Ответ понравился Тадатоси.

— Каким стилем фехтования ты владеешь?

— Я его называю стилем Ганрю.

— Ганрю?

— Я сам выработал его.

— В основе его лежит чья-то школа?

— Я изучал стиль Томиты и брал уроки у даймё Катаямы Хисаясу, владетеля Хоки, который провел преклонные годы в Ивакуни. Я тренировался, срубая на лету ласточек.

— Вероятно, название Ганрю происходит от имени реки в твоих родных местах?

— Да, господин.

— Я хотел бы посмотреть на твое фехтование. — Затем, обращаясь к самураям из свиты, спросил: — Кто готов сразиться с гостем?

Вассалы, притихнув, рассматривали Кодзиро, который казался чересчур молодым для своей славы.

— Не хочешь ли ты, Окатани?

— Слушаюсь, господин.

— Ты всегда утверждал, что копье превосходит меч. Сейчас у тебя есть возможность доказать свое мнение.

— Если Сасаки не возражает.

— К вашим услугам, — проговорил Кодзиро. Его тон был спокоен и холоден.

Для самураев свиты оружие было привычно, как палочки для еды, однако они применяли его преимущественно на тренировках в додзё. Видеть настоящий поединок, а тем более участвовать в нем довелось немногим. Все единодушно считали, что поединок — более серьезное испытание, чем участие в боевых действиях, где можно укрыться или выждать удобный момент. В поединке от первой до последней минуты приходится рассчитывать только на себя, и исходом бывает лишь победа или смерть.

Окатани Городзи считался одним из лучших

бойцов на копьях. Таких было немного, поскольку даже среди профессиональных пеших солдат редко кто хорошо владел копьем. Окатани участвовал и в настоящих сражениях. Он отличался усердием в тренировках и разработал свой стиль.

Окатани удалился для приготовлений к бою. Он был, как и в любой другой день, в чистом нижнем белье, что составляло одну из самурайских традиций. Истинный воин, вставая утром, не знает, доживет ли он до вечера.

Кодзиро выбрал деревянный меч длиной в девяносто сантиметров и стал осматривать площадку для предстоящего поединка. Он держался спокойно и непринужденно, не потрудившись даже закатать брюки хакама. В его незыблемой уверенности было что-то орлиное.

Все с нетерпением поглядывали на палатку, в которой скрылся Городзи, он задерживался. Городзи тем временем мокрой тряпкой тщательно заматывал острие своего копья. Древко достигало почти трех метров, а наконечник был размером с короткий меч.

— Зачем это? — крикнул Кодзиро. — Напрасное беспокойство. Оставьте наконечник открытым. — Слова звучали вежливо, но все поняли их

скрытый смысл.

— Вы уверены? — спросил Городзи.

— Совершенно.

— Сделай, как просит гость. Тебя никто не посмеет упрекнуть в трусости, — вмешался Тадатоси.

Соперники поприветствовали друг друга взглядом. Городзи сделал первый выпад, но Кодзиро, нырнув под копье, достал противника мечом. Городзи, действуя на близком расстоянии, попытался ударить Кодзиро тыльной стороной древка, но копье внезапно дернулось вверх, а удар меча Кодзиро пришелся по ребрам Городзи. Он пытался уйти от атаки, но его действия походили на уловки сокола, на которого нападал орел. Одновременно с треском сломанного древка раздался пронзительный крик Городзи.

Кодзиро предложил сразиться еще с кем-нибудь, но Тадатоси счел достаточным и того, что произошло у всех на глазах.

Когда Какубэй вернулся домой, Кодзиро спросил его:

— Не перестарался я у вас там? Что сказал твой властелин?

— Ты великолепно выступил!

Какубэй чувствовал себя уверенно, поскольку

талант Кодзиро получил блестящее подтверждение.

— Так что сказал Тадатоси?

— Ничего особенного.

— Он ведь должен был что-то изречь.

— Ушел, не проронив ни слова.

Кодзиро выглядел слегка растерянным.

— В любом случае он произвел впечатление на меня, — проговорил Кодзиро, помолчав. — Он лучше, чем о нем говорят. Я бы хотел служить такому человеку.

Кодзиро тщательно подбирал слова. Он заранее все продумал. Клан Хосокава был самым сильным и надежным после Датэ, Курода, Симадзу и Мори. Так будет продолжаться, пока Будзэн остается во владении князя Сансая. Эдо и Осака рано или поздно столкнутся, и самурай, поставивший не на того хозяина, окажется в роли бездомного ронина. Кодзиро нельзя ошибаться.

У Городзи была разбита грудь и сломана берцовая кость, но он выжил. Получив это известие, Кодзиро неожиданно решил навестить раненого. Он отправился пешком к мосту Токива, где находился дом Городзи.

Незваного гостя приняли сердечно.

— Поединок есть поединок, — сказал Город-

зи. — Мне не хватило мастерства, а тебя я не виню. Спасибо, что проведал.

После ухода Кодзиро Городзи заметил друзьям:

— Этот самурай достоин восхищения. Я его считал надменным выскочкой, а он оказался искренним и добрым юношей.

Кодзиро и рассчитывал именно на такой результат визита. Пусть искалеченный хвалит своего победителя. Кодзиро еще несколько раз заходил к Городзи, а однажды даже принес живую рыбу как символ скорого выздоровления.

Незрелая хурма

Летние дожди сменились томительной жарой, от которой земляные крабы выползали на дорогу. Объявления, призывавшие Мусаси на бой, покрылись густым слоем пыли, а некоторые столбы употребили на топку очагов.

«Она должна здесь быть, в конце концов!» — подумал Кодзиро. Он искал харчевню. В отличие от Киото, в Эдо редко встречались дешевые закусочные, которыми изобиловала старая столица. Наконец Кодзиро увидел ленивую струйку дыма, поднимавшуюся над камышовой загородкой, на которой было написано «Дондзики». Слово напомнило ему о «тондзики», рисовых колобках, которые в давние времена были повседневной едой воинов.

Подойдя к харчевне, Кодзиро услышал мужской голос, заказывавший чай. За плетеной загородкой сидели два самурая и жадно уплетали рис: один из обычной чашки, другой из чашки для саке.

Кодзиро сел напротив и спросил хозяина, какие у него сегодня кушанья.

— Рис, саке.

— На вывеске написано «дондзики». Что это?

— По правде, я и сам не знаю.

— А разве не вы это писали?

— Нет, проезжий купец.

— Отличная каллиграфия.

— Этот купец совершал паломничество по святым местам, посетил храмы Хиракава Тэндзин, Хикава, Канда Мёдзин и везде делал крупные пожертвования. Очень благочестивый человек.

— Не знаешь, случаем, его имени?

— Он назвался Дайдзо из Нараи.

— Я слышал это имя.

— Хоть и я не знаю, что такое «дондзики», но полагаю, что эта надпись отгоняет бога бедности, — засмеялся хозяин.

Кодзиро заказал рис и рыбу, полил рис чаем, отогнал муху, взял палочки и принялся за еду. Один из самураев подошел к загородке и стал смотреть сквозь щель на улицу.

— Взгляни, Хамада, — обратился он к своему приятелю, — уж не тот ли торговец дынями?

Второй самурай заглянул в прореху в камышовой занавеси.

— Он самый.

Человек тащил на коромысле две корзины дынь мимо «Дондзики». Самураи, выскочив из харчевни, бросились к нему. Выхватив мечи,

они обрезали веревки, корзины упали, а человек зашатался, потеряв равновесие. Хамада схватил торговца за шиворот.

— Куда ты ее дел? — грозно заорал он. — И не вздумай врать! Ты где-то прячешь ее!

Второй самурай поднес острие меча под нос торговца:

— Сознавайся немедленно! Как можно с твоей рожей надеяться на то, чтобы увести от нас женщину?

Торговец дынями беспомощно тряс головой, но вдруг, улучив момент, оттолкнул одного из нападавших и замахнулся коромыслом на другого.

— Ах, ты драться? Осторожно, Хамада, это не обычный торговец, он сопротивляется.

— Да что может сделать этот болван? — усмехнулся Хамада, вырывая коромысло из рук торговца и сшибая его с ног. Оседлав несчастного, самураи стали его связывать.

Внезапно раздался дикий вопль. Хамада порывисто оглянулся. Его разрубленный товарищ падал, истекая кровью.

— Кто ты…

Хамада не закончил фразы. На него надвигался сверкающий клинок. Улыбающийся Кодзиро сделал шаг вперед. Хамада отступил, но Кодзиро

словно приклеился к нему. Хамада отскочил в сторону, «Сушильный шест» последовал за ним.

Удивленный продавец дынь воскликнул:

— Кодзиро! Это я, спаси меня!

Услышав имя своего противника, Хамада побледнел. Он резко повернулся и попытался убежать.

— Хочешь уйти? — рыкнул Кодзиро.

Сверкнул «Сушильный шест», глубоко вонзаясь в плечо самурая. Хамада испустил дух в тот же миг. Кодзиро разрезал веревки, которыми скрутили продавца дынь. Тот пал ниц и застыл в поклоне. Кодзиро вытер меч и бросил его в ножны.

— Что с тобой, Матахати? — насмешливо проговорил он. — Ты ведь живой. Вставай!

— Да, господин.

— Оставь этот подобострастный тон. Сколько мы с тобой не виделись?

— Рад видеть вас в добром здравии.

— С каких это пор ты в торговцах?

— Не будем об этом.

— Хорошо, собери дыни. Почему бы не оставить их в «Дондзики»?

Зычным голосом Кодзиро позвал хозяина харчевни.

Кодзиро, достав кисть и тушь, написал на сёдзи: «Подтверждаю, что это я убил двоих, которые лежат на пустыре. Сасаки К°дзиро, ронин, проживающий в Цукиномисаки».

— Дабы тебя напрасно не беспокоили, — пояснил он.

— Спасибо, господин.

— Если явятся родственники или друзья убитых, пошли мне весточку. Я не намерен прятаться. Я встречу их где угодно и в любое время.

Матахати шел рядом с Кодзиро, не поднимая глаз от земли. С тех пор как он оказался в Эдо, он долго не работал. Желание работать совсем пропало, когда от него ускользнула Оцу. Он превратился в бродягу, торгующего дынями.

Матахати был безразличен Кодзиро, но он мог пригодиться на случай расследования убийства самураев.

— Почему они напали на тебя?

— Если по правде, то виной тому женщина…

Кодзиро улыбнулся. У Матахати постоянно возникали неприятности из-за женщин. Вероятно, такова его карма.

— Великий любовник, — пробормотал Кодзиро, а затем громко добавил: — Кто она и что произошло?

Матахати неохотно начал рассказывать. В одной из чайных вблизи крепостного рва, где обедают поденщики со стройки, работала смазливая служанка, на которую все заглядывались. Мужчины шли в чайную, даже когда не хотели есть. Хамада и Матахати тоже были завсегдатаями заведения. Однажды служанка обратилась к Матахати за помощью. «Мне не нравится этот ронин, — сказала она про Хамаду, — но хозяин каждый вечер посылает меня к нему. Можно я на время спрячусь в твоем доме? Я буду стирать и готовить для тебя».

Матахати согласился. Судя по его словам, дело этим и ограничилось.

— Ты что-то недоговариваешь, — заметил Кодзиро.

Он не мог понять, таится ли Матахати или хвастает любовными победами.

— На улице слишком жарко, — продолжал Кодзиро. — Пойдем к тебе домой, посидим, и ты мне расскажешь обо всем подробнее.

Матахати застыл на месте.

— Что с тобой?

— Видишь ли, я живу в таком месте, куда нельзя приглашать гостей.

— Не беспокойся, — улыбнулся Кодзиро. —

Зайди ты ко мне как-нибудь. Я живу на холме Исараго.

— С удовольствием.

— Кстати, видел столбы с объявлениями, адресованными Мусаси?

— Конечно!

— Они сообщают, что твоя мать хочет встретиться с Мусаси. Почему бы тебе не пойти к ней?

— Я не могу явиться к ней в теперешнем виде.

— Дурак! Перед матерью не надо притворяться. Ты обязан быть рядом с ней на случай появления Мусаси.

— Хорошо, я подумаю.

Они расстались. Матахати свернул в тихий, поросший травой переулок, а Кодзиро зашагал дальше по улице, но через некоторое время он быстро вернулся и последовал за Матахати.

Матахати жил в одном из «длинных домов» — в одноэтажном бараке, где обитали по нескольку семей. Эдо рос быстро, но жилья на всех не хватало, так что люди особо не привередничали. На пустырях возникали поселки из сколоченных на скорую руку лачуг, где ютились те, кто пришел в город на заработки.

У дома с Матахати поздоровался сосед по имени Умпэй. Он мылся в ушате. Для приличия баня

была загорожена дождевым ставнем. Умпэй был старшим в артели, копающей колодцы.

— Я уже вымылся, не хочешь искупаться? — великодушно предложил сосед.

— Спасибо. Акэми должна согреть воду.

— Вы так любите друг друга! Прямо как брат и сестра.

Матахати глуповато хихикнул. Появление Акэми избавило его от необходимости отвечать Умпэю.

Акэми поставила ушат под хурмой и натаскала горячей воды.

— Попробуй, Матахати, не горячо? — спросила она.

— Рука не терпит, — ответил тот.

Матахати, раздевшийся до набедренной повязки, притащил холодной воды из колодца и полез в ушат.

Умпэй, закончив купание, уселся рядом на бамбуковый табурет.

— Дынь много продал? — поинтересовался он.

— Я никогда много не продаю, — ответил Матахати, поспешно смывая с руки запекшуюся кровь.

— Ты заживешь куда лучше, если будешь копать колодцы.

— Ты давно это говоришь. Если я стану работать на территории замка, меня перестанут пускать на ночь домой, поэтому Акэми не хочет, чтобы я шел в твою артель. Ей без меня одиноко.

— Счастливая парочка!

— Ой! — воскликнул Матахати, когда брошенная кем-то незрелая хурма угодила ему в затылок.

— Ха-ха! Это чтобы ты не хвастал, как тебя любит жена, — засмеялся Умпэй.

Умпэй, седой шестидесятилетний старик, пользовался уважением в поселке. Каждое утро соседи слышали, как он читает молитву секты Нитирэн. Он происходил из Ито в провинции Идзу, а на дверях его дома было выведено: «Мастер по рытью колодцев в замке сёгуна». Работа в замке требовала высокого мастерства, обыкновенные землекопы не годились. Умпэй долгое время работал на золотых копях на полуострове Идзу, поэтому ему поручили возглавить артель. По вечерам он любил сидеть у деревянной решетки, густо увитой стеблями тыквы, и потягивать сётю, саке бедняков.

Матахати вылез из ушата, и Акэми, загородив его со всех сторон дождевыми ставнями, тоже искупалась.

На ужин Матахати получил соевый творог тофу, приправленный листьями базилика.

— Я не хочу копать колодцы и быть пленником в замке за несколько лишних грошей, — сказал Матахати. — Но я не намерен всю жизнь продавать дыни. Потерпи еще немного, Акэми!

— Я мечтала, чтобы ты занялся настоящим делом, таким, чтобы о тебе с уважением говорили люди, — ответила Акэми с набитым ртом.

Они жили как муж и жена, но Акэми не собиралась навеки связывать судьбу с бездельником Матахати. Она убежала с ним из веселого квартала в Сакаимати, но лишь для того, чтобы выждать время и упорхнуть еще куда-нибудь. В ее планы не входило отправлять Матахати на работу в замок. Оставаться одной опасно. Больше всего Акэми боялась домогательств Хамады.

— Да, совсем забыл, — сказал Матахати и рассказал о сегодняшнем происшествии, выставляя себя в выгодном свете.

— Кодзиро? Ты ему сказал, что я здесь? — спросила она, изменившись в лице.

Матахати взял ее за руку:

— Конечно нет. Неужели ты могла подумать, что я способен выдать тебя этому негодяю? Он тогда постарается…

Матахати вскрикнул, замолчав на полуслове. Твердая хурма угодила ему в щеку, заляпав беловатой мякотью лицо.

Мимо бамбуковой рощи, залитой луной, в сторону города неторопливо шел человек, очень похожий на Кодзиро.

Глаза

— Сенсей! — позвал Иори.

Высокая трава скрыла от него ушедшего вперед Мусаси. Они шли по равнине Мусасино, которая, как говорят, раскинулась на десять уездов.

— Я здесь! Не отставай!

— Я сбился с тропинки. Далеко еще?

— Пока не найдем места для жилья.

— А мы здесь поселимся?

— Почему бы нет?

Иори посмотрел на небо, на пустынную равнину.

— Странно, — проговорил он.

— Представь, как чудесно здесь осенью. Чистое небо, роса на траве. От одной мысли об этом чувствуешь очищение.

— Я не прочь пожить в городе.

— Конечно, среди людей интереснее, но даже я, привыкший ко всему, не могу смириться со столбами, расставленными на каждом шагу в Эдо. Ты читал объявления?

— Я готов лопнуть от злости.

— Зачем злиться?

— Не выношу, когда кто-нибудь говорит о вас

плохо.

— Ничего не поделаешь.

— Вы ведь можете изрубить всех, кто распускает сплетни.

— Бессмысленно начинать войну, которую нельзя выиграть.

— Неужели вы можете проиграть этому отребью?

— Не исключено.

— Почему?

— Их слишком много. Убью я десятерых, а им на смену явится сотня, убью сотню, придет тысяча. Проигрышное положение.

— Предпочитаете насмешки до конца жизни?

— Конечно нет. Я должен заботиться о чести, это моя обязанность перед предками. Я намерен стать таким человеком, над которым никто не посмеет издеваться. Поэтому мы здесь.

— Сколько ни броди, а никаких признаков жилья. Может, переночуем в храме?

— Хорошая мысль, но я ищу подходящую рощу, где мы построим собственный дом.

— Как в Хотэнгахаре?

— Нет. Теперь мы не будем возделывать землю. Я займусь практикой дзен, а ты будешь читать книги. Буду учить тебя фехтованию.

У деревни Касиваги, которую считают воротами в Эдо из провинции Косю, они спустились по длинному откосу от Дзюнисё Гонгэна и проследовали по узкой тропе, затерянной среди высоких летних трав. Мусаси присмотрел сосновую рощу неподалеку. Домом ему служило любое место, ведь повсюду он ощущал себя частицей природы.

В ближайшем крестьянском доме Мусаси позаимствовал инструменты и нанял помощника. Мусаси учился строительному искусству у птиц. Через несколько дней в роще выросло странное сооружение, нечто среднее между горной хижиной отшельника и шалашом. На стропила пошли неотесанные бревна, на стены — бамбук, тростник, кора.

— В таких жилищах, верно, обитали древние люди в эпоху богов, — задумчиво проговорил Мусаси, разглядывая свое творение. Единственным отступлением от первозданной простоты были сёдзи, аккуратно оклеенные бумагой.

Потянулись дни, оглашаемые монотонным чтением Иори, которому вторил стрекот цикад. Занятия были строгими.

Раньше Мусаси считал, что дети должны развиваться естественно, без постороннего влияния,

но на примере Дзётаро он убедился, что в юном возрасте быстрее развиваются дурные наклонности, а хорошие подавляются. Сорняки опережают в росте полезные растения.

После смуты Онин народ пребывал в смятении, походя на заросли дикой конопли. Нобунага срезал коноплю, Хидэёси огреб ее. Иэясу расчистил и разровнял поле для новой жизни. Воинское сословие, единственной выдающейся чертой которого была безграничная гордыня, потеряло прежнее могущество в стране. Битва при Сэкигахаре положила конец его главенству.

Мусаси знал, что независимо от того, останется ли власть у Токугавы, или она перейдет к Тоётоми, народ уже не свернет с нового пути, ведшего от хаоса к порядку, от разрушения к созиданию.

Мусаси в воспитании Иори уделял большое внимание дисциплине. Он создавал самурая нового типа для грядущих времен, свободного от пережитков прошлого.

— Иори!

— Да, учитель!

— Солнце садится, пора тренироваться. Готовь мечи.

Мальчик принес мечи и, став в официальную позу на коленях, попросил наставника дать

урок.

Учитель и ученик замерли, держа деревянные мечи на уровне глаз. Солнце коснулось горизонта, роща потемнела, громче запели цикады.

— Глаза! — скомандовал Мусаси.

Иори шире раскрыл глаза.

— Смотри мне прямо в глаза!

Иори напрягался, но его взгляд буквально отскакивал от зрачков Мусаси. Глаза учителя поражали без оружия. Иори пытался сосредоточиться, но у него кружилась голова, руки и ноги слабели.

Иори едва сдержался, чтобы не отступить, за что ему много раз попадало, но шагнуть навстречу Мусаси он не мог. Будто кто-то прибил ему ноги гвоздями к полу. Иори почувствовал, как его опаляет внутренний жар. «Что это со мной?» — думал Иори. Негодование из-за собственной слабости росло в нем с неудержимой силой. Охваченный порывом духовной энергии, Мусаси воскликнул:

— В атаку!

В тот же миг Мусаси расслабил плечи и быстро отскочил назад. Иори бросился вперед, развернулся и увидел учителя на том самом месте, где был сам мгновением раньше.

Они повторяли упражнение, не проронив ни

слова.

Высокие травы покрылись росой, и луна выглядывала из-за верхушек криптомерии. Налетал порыв ветра, и цикады мгновенно смолкали. Настала осень, и полевые цветы, неприметные в летнюю пору, ласкали глаз непритязательной красотой.

— Достаточно, — сказал Мусаси, опуская меч. Только сейчас они услышали чей-то негромкий голос.

— Кто это? — удивился Мусаси.

— Верно, путник просится на ночлег.

— Посмотри.

Через секунду Иори вернулся.

— Путник? — спросил Мусаси.

— Гость.

— Гость? К нам?

— Ходзё Синдзо. Он привязал коня за домом и ждет.

— Наш дом одинаков что спереди, что сзади, — усмехнулся Мусаси. — Беги позови его.

Синдзо совсем поправился, чему Мусаси искренне обрадовался.

— Рад видеть тебя в добром здравии, — тепло сказал он гостю. — Как ты отыскал меня? — спросил Мусаси, пригласив Синдзо на веранду дома.

— Узнал от Дзусино Коскэ. Ты отсюда послал ему обещанную статуэтку Каннон.

— Значит, Иори проболтался. Я не намерен стать отшельником, но покинул город на несколько месяцев, пока не угомонятся сплетники. Коскэ и другие мои друзья теперь в безопасности.

— Все неприятности возникли по моей вине, — склонил голову Синдзо.

— Нет, дело в моих отношениях с Кодзиро.

— Он убил Обату Ёгоро. Слышал?

— Нет.

— Ёгоро, переоценив свои возможности, решил отомстить Кодзиро.

— Я предупреждал его, — проговорил Мусаси.

— Но я его понимаю, — сказал Синдзо. — Ученики покинули школу, отец умер. Он считал, что больше некому расквитаться с Кодзиро. Ёгоро, видимо, пробрался в его дом, впрочем, свидетелей нет. Ёгоро единственный сын Обаты. С его смертью прекратился род Обата. Мой отец говорил с господином Мунэнори о возможности объявить меня приемным сыном учителя, чтобы я стал преемником школы Кагэнори и сохранил фамилию Обаты. Он был выдающимся представителем военных традиций Косю.

— Твой отец — владетель Авы. Неужели воен-

ные традиции Ходзё уступают Косю? Твой отец такой же знаменитый стратег, как и Кагэнори.

— Наши предки родом из провинции Тотоми. Мой дед служил у Ходзё Удзицуны и Ходзё Удзиясу. Сам Иэясу назначил моего отца главой клана.

— Почему ты стал учеником Кагэнори?

— У моего отца было множество учеников, он занимался военными науками с сёгуном. Отец считал, что я должен учиться на стороне и пройти трудную школу. Такой он был человек. Но я слишком разболтался, — продолжал Синдзо. — Меня ведь послал сюда отец. У нас гостит человек, который жаждет видеть тебя. Отец просил привезти тебя в город. Поедешь?

— Кому я понадобился? Я мало кого знаю в Эдо.

— Человеку, который знает тебя чуть ли не с детства.

Мусаси терялся в догадках. Матахати? Самурай из замка Такэяма? Друг отца? А вдруг Оцу?

Синдзо не выдавал секрета. Любопытство Мусаси возрастало.

— Поехали! Иори, сегодня меня не жди.

Синдзо подвел коня и предложил его Мусаси, и тот без долгих слов вскочил в седло.

Иори тихо сидел на веранде. «Глаза! Глаза!» — думал он. Он постоянно слышал эту команду,

но не понимал ее смысл. Взгляд Иори рассеянно блуждал по Млечному Пути. В чем он ошибается? Почему невыносим взгляд Мусаси?

Иори почудилось, будто кто-то смотрит на него. Пара глаз следила за ним из-за лоз дикого винограда. «Должно быть, енот», — решил Иори, потому что зверьки повадились лакомиться спелыми ягодами. Блестящие агатово-черные глаза енота смотрели не мигая.

— Я тебя пересмотрю! — крикнул Иори и, напрягшись, уставился на енота. Любопытный зверек убежал. Иори показалось, словно прошли часы, прежде чем виноградные лозы дрогнули и енот скрылся. Иори победил. Он взмок от пота, но чувствовал себя легко и радостно. Он с нетерпением ждал момента, когда сможет продемонстрировать свое умение Мусаси.

Иори опустил тростниковую занавеску на решетчатом окне и задул лампу. Закрыв глаза, он увидел точку, которая, разрастаясь, превратилась в голову енота. Пара сверкающих глаз уставилась на него. Иори застонал и, схватив меч, выскочил наружу, и неистово начал рубить дикий виноград.

Четыре праведника с одним фонарем

— Приехали, — сказал Синдзо, когда они с Мусаси достигли подножия холма Акаги. Путь до Усигомэ занял два часа. Сквозь деревья виднелись огни костров, доносились звуки флейты. Мусаси подумал, что идет храмовый праздник. По одну сторону дороги раскинулась обширная территория храма Акаги, по другую — тянулась оштукатуренная каменная стена с внушительными воротами. У ворот Мусаси спешился и передал поводья Синдзо. Он ввел коня во двор и передал его самураям, которые толпились у ворот, освещенных бумажными фонарями. Старший слуга торжественно встретил гостя:

— Добро пожаловать! Господин ждет вас. Я провожу к нему.

Дом был необычный, в несколько ярусов, поднимающихся по склону холма Акаги. Из комнаты, куда провели Мусаси, из-за деревьев виднелись северная часть крепостного рва и бастионы.

Бесшумно раздвинулись фусума, и в комнате появилась красивая служанка, которая изящным жестом поставила перед гостем поднос с чаем, сладостями и табаком. Вскоре пришел и сам хо-

зяин в сопровождении молодого самурая. Даймё непринужденно поздоровался и сел на пододвинутую помощником подушку дзабутон, скрестив перед собой ноги.

— Мой сын, судя по рассказам, многим вам обязан, — сказал он. — Надеюсь, вы не в обиде за то, что я попросил вас приехать, а не навестил вас сам в знак признательности.

— Вы оказали мне большую честь, пригласив к себе, — ответил Мусаси.

Трудно было определить возраст Ходзё Удзикацу. Три передних зуба выпали, но лицо было по-молодому гладкое и нежное. Густые черные усы с редкой проседью росли так, что скрывали морщинки, появившиеся из-за недостающих зубов. Мусаси с первого взгляда на даймё решил, что перед ним отец многочисленного потомства, который прекрасно ладит с юным поколением.

Мусаси, чувствуя, что хозяин не обидится на нарушение этикета, сразу перешел к делу:

— Ваш сын сообщил, что меня хочет видеть ваш гость.

— Не один, а двое.

— Неужели?

— Да. Они прекрасно знают друг друга, и оба мои друзья. В разговоре упомянули ваше имя,

и один из них сказал, что давным-давно вас не видел. Другой, не зная вас лично, тоже захотел с вами встретиться.

— Одного вашего гостя я назову, — радостно улыбнулся Мусаси. — Такуан Сохо.

— Правильно! — ударил себя по колену Удзикацу.

Не давая Мусаси времени угадать имя второго гостя, хозяин дома поднялся, пригласив Мусаси с собой. Они вышли в длинный темный коридор. Через несколько шагов Удзикацу внезапно исчез. Мусаси услышал его голос:

— Идите сюда, мы здесь.

Голос доносился из ярко освещенной комнаты, путь в которую лежал через небольшое открытое пространство.

— Слышу! — отозвался Мусаси, но не двинулся с места. Чутье подсказало ему, что в темном углу веранды его подстерегает опасность.

— Где вы, Мусаси?

— Иду!

Стремительно вернувшись в коридор, он нырнул через боковой выход в сад, надел сандалии и обходной тропинкой прошел к веранде, где сидел хозяин дома.

— Вот какой путь ты избрал! — с легким разо-

чарованием произнес Удзикацу.

Мусаси сердечно приветствовал Такуана, поднявшегося ему навстречу. Удивительно, что судьба вновь свела их в этом доме. Мусаси казалось, что он грезит.

— А теперь поведаем друг другу, что с нами приключилось за эти годы. Начну я, — предложил монах.

Такуан, по обыкновению, был в простом монашьем обличье, даже без четок. В тоне его не звучала былая резкость суждений, Такуан стал терпимее к людям. Мусаси избавился от недостатков в воспитании и характере путем многолетней работы над собой.

Такуан, похоже, сгладил острые углы своего вспыльчивого нрава и глубоко проникся истинной мудростью дзен. Он был на одиннадцать лет старше Мусаси и приближался к сорокалетию.

— В последний раз мы виделись в Киото? Да-да, тогда я отправился в Тадзиму. Я провел год в трауре после смерти матери. Некоторое время я прожил в Идзуми, в храме Нансодзи, потом в храме Дайтокудзи. Много времени я провел с придворным Карасумару. Мы писали стихи, занимались чайной церемонией, мирскими делами. Незаметно пролетели три года в Киото.

Недавно я познакомился с даймё Коидэ из замка Кисивада и вот приехал с ним посмотреть Эдо. Я успел дважды повстречаться с Хидэтадой в Дайтокудзи, несколько раз был зван к Иэясу, но в Эдо я впервые. А ты как эти годы жил?

— Я в Эдо с начала лета.

— Твое имя наделало много шуму здесь.

Мусаси не стал оправдываться.

— Ты, верно, обо всем уже знаешь, — сказал он, потупившись.

Такуан некоторое время рассматривал Мусаси, сравнивая его с былым Такэдзо.

— Не волнуйся! Было бы странно, дожив до твоего возраста, сохранить репутацию незапятнанной. Ты не совершил предательства, не стал мятежником, поэтому все хорошо. Продолжаешь тренировки? Они мне интереснее сплетен о тебе.

— Я по-прежнему неопытен, неразумен и далек от просветления. Чем дальше я иду по выбранному пути, тем бесконечнее он кажется мне.

— Естественно, — ответил Такуан. — Если человек в тридцать лет заявляет, что отчасти постиг смысл Пути, значит он застыл в своем развитии. Я, например, сжимаюсь от страха, когда меня расспрашивают о сокровенном смысле дзен. Я смущаюсь, когда люди просят меня растолковать

им Закон Будды или наставить на путь истинный. К сожалению, миряне склонны видеть в монахе живого Будду. Благодари судьбу, что перед тобой не преклоняются и нет нужды заботиться о поддержании славы.

Пока старые друзья предавались воспоминаниям о прошлом, слуги принесли саке и закуски. Прервав беседу, Такуан обратился к хозяину дома:

— Простите, мы совсем забыли про второго вашего гостя. Не пора ли позвать его?

Мусаси уже знал, кто это, но хранил молчание.

— Признаюсь, ты разгадал нашу хитрость, — обратился Удзикацу к Мусаси. — Мне неловко, потому что я решил устроить тебе небольшую проверку. Я всякое слышал о тебе, но не мог представить твой уровень подготовки и самообладания. Когда ты остановился в коридоре, почуяв опасность, мой гость поджидал тебя в засаде с обнаженным мечом. Ты миновал ловушку, пройдя через сад. Почему ты так поступил?

Мусаси лишь усмехнулся. Вмешался Такуан:

— В этом и заключается разница между фехтовальщиком и стратегом.

— Что ты подразумеваешь?

— Фехтовальщиком руководит чутье, стратегом

— разум, мастер меча следует сердцу, военный стратег — знанию. У Мусаси сработало чутье самосохранения.

— Предчувствие?

— Подобным образом человек достигает состояния просветления.

— Ты тоже переживал подобное?

— Трудно сказать.

— Я получил урок. Я поражен тем, как Мусаси отступил и сделал обход. Рядовой самурай от страха просто схватился бы за меч, — сказал Удзикацу.

Мусаси сидел с бесстрастным лицом. Удовольствия по поводу испытания его качеств он не чувствовал.

— Могу я попросить владетеля Тадзимы присоединиться к нам? — спросил он хозяина дома.

— Как ты догадался? — в один голос воскликнули Удзикацу и Такуан.

— В темноте почувствовал, что меня поджидает истинный мастер меча. Исходя из круга присутствующих здесь лиц, я безошибочно вычислил, кто мог подстерегать меня, — отозвался Мусаси, воздавая по заслугам Ягю Мунэнори.

— И в этом не промахнулся! — восхищенно воскликнул Удзикацу.

— Вас разгадали! Можете войти, — позвал Такуан.

Мунэнори появился в комнате под громкий хохот. Он не сел перед нишей токонома, а на коленях приветствовал Мусаси как равного:

— Меня зовут Матаэмон Мунэнори. Надеюсь, вы запомните мое имя.

— Большая честь познакомиться с вами. Я ронин Миямото Мусаси из Мимасаки.

— Кимура Сукэкуро рассказывал мне о вас, но я не мог встретиться с вами раньше из-за болезни отца.

— Как здоровье господина Сэкисюсая?

— Он в преклонном возрасте. Уповаем на милость богов. — Помолчав, Мунэнори заговорил снова: — О вас мне писал отец и рассказывал Такуан. Ваше предвидение опасности достойно восхищения. Если не возражаете, будем считать поединок, о котором вы просили, завершенным. Не обижайтесь, что я провел его в весьма необычной манере.

Рассудительность и степенность Мунэнори произвели неизгладимое впечатление на Мусаси.

Принесли саке, чарки заходили по кругу под дружеский разговор и смех. Разница в возрасте

и положении забылась. Мусаси понимал, что его приняли в круг избранных не по его заслугам, а потому, что он искал истину на избранном Пути, как и его знатные собеседники.

— Что слышно про Оцу? — вдруг спросил Такуан, поставив чарку на столик.

Покраснев, Мусаси ответил, что давно не получал известий о ней.

— Никаких вестей?

— Ни слова.

— Жаль. Ты не можешь бесконечно держать ее в неопределенности. Тебе это тоже не на пользу.

— Вы говорите о девушке, которая одно время жила в замке отца? — спросил Мунэнори. — Я знаю, где она сейчас. Оцу уехала с моим племянником Хёго в Коягю, чтобы ухаживать за больным Сэкисюсаем.

Извинившись перед Мусаси, Такуан рассказал об отношениях Мусаси и Оцу.

— Рано или поздно кто-то должен помочь им соединиться. Полагаю, что монах в таком деле — не лучший помощник. По-моему, господа, вы бы справились с этой задачей, — заключил он. Монах таким образом дал понять, что неплохо было бы Удзикацу и Мунэнори взять Мусаси под свою опеку. К предложению Такуана отнеслись

благосклонно.

Мунэнори предложил привезти Оцу из Коягю и выдать ее за Мусаси. Мусаси сможет поселиться в Эдо и вместе с Ягю Мунэнори и Оно Тадааки создать союз, знаменующий начало золотого века в Искусстве Меча в новой столице.

Удзикацу, желая поскорее отблагодарить спасителя сына, предложил рекомендовать Мусаси сёгуну на должность наставника по фехтованию. Мунэнори, высоко ценя боевые качества Мусаси, поддержал эту мысль.

Препятствием для осуществления их плана могло стать незнатное происхождение Мусаси. У него не было документа, подтверждающего его происхождение от Хираты Сёгэна из клана Акамацу, отсутствовала и родовая книга, которая свидетельствовала бы о древности его рода. Все знали, что он юношей участвовал в битве при Сэкигахаре, сражаясь против войска Токугавы. С тех пор, правда, многие ронины из бывших врагов сёгуна перешли к нему на службу.

Даже Оно Тадааки, ронин из клана Китабатакэ, который в настоящее время скрывался в Исэ, получил должность военного наставника при сёгуне, несмотря на отношения с родственниками, затаившимися в надежде свергнуть власть

Токугавы.

Обсудив все доводы, Такуан сказал:

— Попробуем предложить Мусаси на должность при дворе сёгуна. Давайте спросим, что думает сам Мусаси.

— Ваше предложение слишком великодушно, — ответил Мусаси, — но я еще молод и не достиг подлинного мастерства.

— Настоятельно советую обзавестись семьей, чтобы поскорее возмужать, — заявил монах. — Или ты хочешь, чтобы Оцу продолжала скитаться?

Разговор тяготил Мусаси. Оцу клялась, что вынесет любые испытания, но ее решимость не избавляла Мусаси от ответственности за ее судьбу. Женщина поступает по велению сердца, однако, если жизнь ее не сложится, будет виноват мужчина. Мусаси не боялся ответственности, он разделял любовь Оцу, но чувствовал, что ему рано жениться. Тяжкий и долгий Путь Меча манил его с прежней силой.

Отношение Мусаси к мечу, конечно, изменилось. После сражения в Хотэнгахаре меч как орудие убийства потерял притягательность для Мусаси. Путь Меча, по его представлению, должен вести к порядку в стране, защите народа,

совершенству духа.

Мужчины должны лелеять меч до последнего вздоха. Путь Меча призван обеспечить мир и счастье на земле.

Когда он ответил на письмо Сукэкуро вызовом даймё Мунэнори, Мусаси владела жажда победы, которая дала бы ему возможность сразиться с самим Сэкисюсаем. Теперь Мусаси хотелось попробовать себя в созидании. Ему хватило бы небольшого надела, чтобы на деле испытать свои представления о разумном правлении.

Мусаси опасался, что его планы сочтут глупостью или юношескими мечтаниями. Если его мысли воспримут серьезно, то будут предостерегать, что политика — сомнительное дело, повседневные хлопоты отвлекут от заветного меча. Доброжелатели будут искренне печься о чистоте его души. Мусаси верил, что два воина и монах рассмеются или встревожатся, если он выскажет вслух свои замыслы.

— Положись на нас, — завершил разговор Такуан.

— Мы позаботимся, чтобы все сложилось благополучно для тебя, — добавил Удзикацу.

Синдзо, время от времени заходивший в комнату поправить светильник, уловил суть разговора.

Радостная улыбка на его лице говорила о том, что он признателен отцу и его друзьям за участие в судьбе Мусаси.

Рожковое дерево

Матахати проснулся и огляделся по сторонам. Акэми в комнате не было. Он выглянул во двор. Никого.

— Акэми! — позвал он.

Ответа не последовало.

Матахати рывком распахнул стенной шкаф. Новое кимоно, которое Акэми недавно сшила, исчезло.

Матахати пошел по улице, расспрашивая соседей, не встречали ли они Акэми.

— Я видела ее рано утром, — сообщила жена угольщика.

— Где?

— Она была красиво одета. Я спросила, куда это она нарядилась, а она и говорит: «К родственникам в Синагаву».

— Синагава?

— Разве у нее там нет родни?

— Да-да, есть, конечно, — поспешно соврал Матахати.

Побежать за ней? Матахати, по правде, не слишком был привязан к Акэми. Ее исчезновение скорее раздражало его. Матахати сплюнул и пнул

камешки под ногами. Перейдя дорогу Сибаура, он побрел к берегу моря. Матахати каждое утро подбирал здесь рыбу, потерянную рыбаками. Пока Акэми готовила рис, он находил пять-шесть рыбин, выпавших из корзин. Сегодня рыба не интересовала его.

— Что случилось, Матахати? — похлопал его по плечу ростовщик с главной улицы.

— Доброе утро, — поздоровался Матахати.

— По утрам приятно прогуляться. Молодец, что каждое утро гуляешь. Полезно для здоровья.

— Шутите! Для здоровья гуляют богачи вроде вас. У меня нет времени для прогулок.

— Неважно выглядишь. Неприятности?

Матахати и Акэми хорошо знали ростовщика, он не раз выручал их деньгами.

— Давно собираюсь поговорить с тобой об одном деле, да все недосуг, — продолжал ростовщик. — На работу идешь?

— Какая у меня работа!

— Может, рыбу половим?

— Я не любитель, — почесал в затылке Матахати.

— Ничего, садись, вот моя лодка. Грести умеешь? Хочу предложить тебе дельце, на котором можно хорошо заработать. Возможно, тысячу

золотых.

Матахати мгновенно увлекся рыбалкой.

Отплыли далеко от берега, но море было мелким, и днище лодки скрежетало по дну. Матахати перестал грести и спросил:

— Какое дело?

— Слушай! Держи шест над водой, пусть люди думают, что мы рыбачим.

Ростовщик вытащил из-за пазухи дорогую керамическую трубку и набил табаком.

— Прежде скажи, что обо мне судачат люди?

— О вас?

— Да, обо мне, Дайдзо из Нараи.

— Ростовщики, конечно, живодеры, но вас хвалят, вы добрый. У вас есть сердце.

— А как относятся к моей набожности?

— Все знают о ваших богатых пожертвованиях храмам.

— Кто-нибудь из городских властей не расспрашивал здесь обо мне?

— С какой стати?

Дайдзо засмеялся:

— Мой вопрос показался тебе глупым. На самом деле я не ростовщик. А теперь, Матахати, предлагаю тебе возможность, какая выпадает раз в жизни. Хочешь поймать золотую рыбку?

— Что нужно делать?

— Поклянись, что выполнишь мою просьбу.

— И только?

— Да. Считай себя покойником, если вздумаешь потом отказаться.

— Что я должен сделать? — настороженно переспросил Матахати.

— Пойти в артель, которая копает колодцы.

— В замке Эдо?

Дайдзо задумчиво посмотрел на воду.

— Ты сообразительный, Матахати. Именно в замке Эдо. По-моему, Умпэй давно зовет тебя к себе. Прими его предложение.

— Но… разве заработаешь кучу денег, копая колодцы?

— Не спеши, выслушай меня до конца.

Матахати летел домой как на крыльях. Они договорились, что вечером Матахати зайдет к ростовщику за авансом. Дайдзо обещал ему тридцать золотых.

Матахати лег спать. Ему снились горы золота.

Проснулся он поздно вечером. От волнения у него пересохло во рту. Выйдя из дома, Матахати постоял немного, раздумывая о неожиданном предложении. «Кто же он на самом деле?» — размышлял он о Дайдзо.

Дайдзо сказал ему: «Выждешь удобный момент и, когда появится сёгун, убьешь его из мушкета. Мушкет и порох спрячут на территории замка под большим рожковым деревом неподалеку от задних ворот».

За рабочими в замке, конечно, строго надзирали, но все же Матахати мог выполнить поручение мнимого ростовщика. Хидэтада любил проверять работы в замке. После выстрела Матахати успел бы скрыться в поднявшейся суматохе и бежать через внешний ров.

Дома Матахати не находил себе места от волнения. Слова Дайдзо звучали в его ушах. Матахати бил озноб, он покрылся гусиной кожей. «Ужасно! Сейчас же откажусь», — решил он, но тут же заколебался, вспомнив, что ему говорил Дайдзо: «Теперь, когда ты посвящен в тайну, на тебя возлагаются строгие обязательства. Неприятно говорить, но в случае отказа от них проживешь не больше трех дней». Матахати поежился, представив взгляд Дайдзо.

Вечером Матахати шел по переулку Нисикубо к лавке ростовщика на улице Таканава. Он миновал глухую стену и остановился перед низким входом в лавку.

— Входите, не заперто, — раздалось изнутри.

— Дайдзо?

— Рад тебе. Пройдем на склад.

Они двинулись по длинному узкому коридору.

— Садись, — сказал Дайдзо, ставя свечу на сундук. — Видел Умпэя?

— Да.

— Когда он возьмет тебя в замок?

— Послезавтра.

— Все в порядке?

— Надо еще заверить печатью мои бумаги у чиновников в округе и в квартале.

— Не беспокойся, я состою в квартальном комитете.

— Почему?

— Ничего удивительного. Я влиятельное лицо здесь, поэтому окружной голова предложил мне войти в комитет.

— Я не удивился… но все так неожиданно.

— Ха-ха! Знаю, что ты подумал. Считаешь, что недопустимо держать в комитете такого, как я. Пойми простую истину: имей деньги, будешь всем угоден и в местное начальство выбьешься. Подумай, Матахати, ты ведь скоро разбогатеешь.

— Д-да, — заикаясь, произнес Матахати. — В-вы дадите мне задаток?

— Сию минуту.

Дайдзо со свечой отошел в дальний конец склада, снял с полки лакированную коробку и отсчитал тридцать золотых монет.

— Есть во что завернуть? — спросил он.

У Матахати ничего не нашлось. Дайдзо поднял с пола тряпку и кинул ее Матахати:

— Заверни да спрячь за пазуху.

— Вам нужна расписка?

— Расписка? — рассмеялся Дайдзо. — Честный ты парень! Нет, не нужна. Поручительством служит твоя голова.

Матахати часто заморгал и произнес:

— Я лучше пойду.

— Не спеши. Как следует все запомнил?

— Да. Вот только один вопрос. Вы сказали, что мушкет спрячут под рожковым деревом. А кто его туда положит?

Матахати с утра думал об этом, не представляя, что возможно пронести мушкет и боеприпасы на тщательно охраняемую территорию замка да еще запрятать их за месяц до намеченного покушения.

— Не твое дело, — ответил Дайдзо. — Думай о своем задании. Ты переживаешь, потому что пока не свыкся со своей ролью. Недели через две совершенно успокоишься.

— Хотелось бы.

— Во-первых, тебе следует мысленно настроиться на выполнение задания, а потом действовать.

— Понятно.

— Я не могу допустить провала дела из-за пустяков, поэтому спрячь деньги подальше и забудь о них до завершения задания. Они от тебя никуда не денутся. Деньги могут загубить важное дело.

— Я уже думал об этом. Позвольте спросить, где гарантия, что вы заплатите обещанное после выполнения задачи?

— Не хочу хвастать, но деньги меньше всего волнуют меня. Подойди!

Дайдзо поднял свечу и стал показывать Матахати ящики из-под лакированных подносов, доспехов и прочих товаров, расставленных на складе.

— В каждом тысячи золотых монет, — сказал Дайдзо.

Матахати смутился, что высказал вслух свои сомнения. Он покидал ростовщика в приподнятом настроении.

После его ухода Дайдзо отправился в жилую половину дома.

— Акэми, — позвал он. — Я думаю, что он сразу пойдет прятать деньги. Поспеши!

Акэми увлеклась ростовщиком, несколько раз побывав в его лавке. Однажды она сказала Дайдзо, что хочет распрощаться с опостылевшим ей Матахати и перебраться туда, где жизнь получше. Дайдзо, как выяснилось, искал женщину, которая вела бы его хозяйство. В тот день рано утром Акэми явилась к нему. Дайдзо пообещал, что сам все уладит с Матахати.

Матахати, не подозревая, что за ним следят, вернулся домой, взял мотыгу и забрался на вершину холма Нисикубо за домом, где и зарыл деньги.

Выслушав подробный рассказ Акэми, Дайдзо немедленно отправился на холм Нисикубо и вернулся лишь под утро. Он дважды пересчитал деньги — монет было двадцать восемь. Дайдзо нахмурился. Он не любил, когда у него крали деньги.

Помешательство Тадааки

Осуги была не из тех, кого способна сокрушить сыновняя непочтительность, но даже ее все чаще охватывала грусть. На этот лад ее настраивали широкая река, протекавшая у ее нового дома, заросший клевером дворик, жужжание пчел.

— Вы дома? — нарушил ее задумчивость зычный голос.

— Кто там?

— От Хангавары. Нам привезли свежие овощи из Кацусики. Хозяин посылает вам немного.

— Ядзибэй такой заботливый!

Осуги, как обычно, сидела за столиком и переписывала Сутру Великой Родительской Любви. Она неплохо устроилась на новом месте и кое-что зарабатывала, пользуя больных бальзамом из трав. С наступлением осени она почувствовала прилив бодрости.

— Бабуля, к вам приходил сегодня молодой мужчина?

— За лекарством?

— Не знаю. Кто-то приходил к Ядзибэю и спрашивал про вас. Мы сказали ему, где вы теперь живете.

— Сколько ему лет?

— Под тридцать.

— Как он выглядит?

— Круглолицый, невысокий. Говорит на том же наречии, что и вы, поэтому я решил, что вы с ним земляки. Ну я пошел. Спокойной ночи!

Отложив кисть, Осуги задумчиво уставилась на свечу. В дни ее молодости гадали по сиянию вокруг свечи. Гадали про мужей и сыновей, отправившихся на войну, гадали и про себя. Яркое сияние предвещало счастливую судьбу, красноватое — смерть. Если фитиль потрескивал, значит жди гостя.

В тот вечер свеча горела необычайно ярко в окружении радужного ореола. Перед глазами Осуги неотступно стояло лицо сына.

Шорох в кухне вывел ее из задумчивости. Осуги решила, что там хозяйничает горностай, и со свечой пошла на кухню. На мешке овощей, присланных от Ядзибэя, лежал пакет. Взяв его, Осуги почувствовала, что пакет тяжеловат для письма. В пакете лежали две золотые монеты и записка от Матахати: «Мне по-прежнему стыдно показаться тебе на глаза. Прости, но меня не будет еще шесть месяцев».

Свирепого вида самурай продирался сквозь

камышовые заросли.

— Хамада, ты схватил его? — крикнул он, выйдя на берег реки.

— Нет, это оказался другой человек, — с досадой отозвался Хамада. — Лодочник.

— Точно?

— Я видел его в лицо. Он сел в лодку и уехал. Я не ошибся.

Внезапно до слуха самураев долетел женский голос: «Матахати!.. Матахати!» Плеск реки заглушал голос, но, прислушавшись, самураи поняли, что не ошиблись.

— Кто-то зовет его.

— Похоже, старуха.

Молодые люди во главе с Хамадой поспешили на голос. Услышав их шаги, Осуги бросилась навстречу.

— Матахати с вами?

Самураи окружили старуху и связали ей руки за спину.

— Что вы делаете? Кто вы такие? — яростно кричала Осуги.

— Мы ученики школы Оно.

— Впервые слышу о такой.

— Неужели не слыхала про Оно Тадааки, военного наставника сёгуна?

— Никогда.

— А что ты знаешь про Матахати?

— Он мой сын.

— Ты мать Матахати, торговца дынями?

— О каком торговце ты говоришь, негодник? Матахати наследник дома Хонъидэн, известного в провинции Мимасака.

— Нечего с ней время тратить. Возьмем ее в заложницы.

— Думаешь, это поможет нам?

— Если она действительно его мать, то он за ней придет.

Молодые самураи потащили Осуги, которая неистово сопротивлялась.

Кодзиро томился от безделья. Он теперь спал и днем и ночью. Лежа в постели, он прижимал к себе меч со словами:

— Немудрено, что скоро «Сушильный шест» начнет рыдать. Пропадает такой меч, томится от скуки такой фехтовальщик!

Меч молнией сверкнул над лежащим Кодзиро и, описав дугу, как живой, нырнул в ножны.

— Дурачок! — ругнулся Кодзиро.

Стоявший на веранде слуга воскликнул:

— Великолепно! Отрабатываете удары лежа?

— И ты не умнее, — фыркнул Кодзиро, бросив

на веранду два белесых кусочка. — Он мне мешал, — добавил Кодзиро.

Изумленный слуга увидел разрубленного пополам мотылька.

— Ты пришел убрать постель? — спросил слугу Кодзиро.

— Нет, принес вам письмо.

Оно было от Ядзибэя. Он просил Кодзиро прийти, потому что похитили Осуги. Ядзибэй разослал своих людей по городу, и они установили похитителей. На след навела записка Кодзиро, оставленная в харчевне «Дондзики». На ее обороте было написано: «Сасаки Кодзиро. Хамада Тораноскэ из дома Оно взял в заложницы мать Матахати».

— Наконец! — вырвалось у Кодзиро.

Когда он выручал Матахати, что-то подсказывало ему, что два зарубленных им самурая имеют отношение к школе Оно.

— Ну вот, дождался! — радостно усмехнулся Кодзиро.

Вскоре он ехал на наемной лошади по ночной улице Таканава. Несмотря на поздний час, он заставил Ядзибэя рассказать о случившемся в деталях, чтобы с утра начать действовать.

Оно Тадааки получил новое имя после битвы

при Сэкигахаре. Прежде он звался Микогами Тэндзэн и под этим именем вел занятия по фехтованию в лагере Хидэтады. Помимо имени, он удостоился чести служить вассалом Токугавы и получил землю под усадьбу на холме Канда в Эдо. С этого холма открывался великолепный вид на Фудзияму, и всем вассалам родом из провинции Суруга сёгун жаловал земли именно здесь, потому что гора Фудзияма находилась на их родине.

— Говорят, их дом на склоне Сайкати, — сказал Кодзиро сопровождавшему его человеку от Хангавары. С места, где они остановились, внизу была видна река Отяномидзу, из которой, по слухам, брали воду для чая сёгуну.

— Подождите здесь, — ответил провожатый, — сейчас проверю.

Он вскоре вернулся. Оказывается, они прошли мимо дома, не обратив на него внимания.

— Я думал, что он живет в богатой усадьбе, как у Ягю Мунэнори. А у него старый домишко. Прежде дом принадлежал конюху сёгуна, — сообщил провожатый.

— Ничего удивительного, — ответил Кодзиро. — Оно получает всего триста коку риса, а Мунэнори живет на семейные средства.

Кодзиро внимательно изучил дом снаружи.

Глинобитная стена спускалась вниз по склону и терялась в густом кустарнике. Двор, верно, очень большой. За домом виднелась крыша еще одного строения, скорее всего додзё.

— А теперь ступай и сообщи Ядзибэю, что если я не вернусь вечером со старухой, значит меня нет в живых, — сказал Кодзиро своему спутнику.

Кодзиро никогда не помышлял о поединке с Мунэнори ради того, чтобы продемонстрировать свое превосходство. Стиль Ягю был утвержден как официальный при доме Токугавы, поэтому Мунэнори имел полное право пренебречь вызовом какого-то ронина. Оно Тадааки принимал любой вызов.

В отличие от стиля Ягю, стиль Оно был практичным, поскольку преследовал цель уничтожить противника, а не блистать фейерверком приемов. До сего дня никто еще не победил Оно, которого единодушно считали сильнее Мунэнори, хотя положение последнего было несравненно выше. Осмотревшись в Эдо, Кодзиро решил, что настанет день, когда он постучится в ворота Оно.

Нумата Кадзюро нашел Тораноскэ в додзё, где тот показывал прием младшему ученику.

— Он здесь, во внешнем дворе, — прошептал Нумата, подбежав к Тораноскэ.

— Кто? Кодзиро?

— Да, появится с минуты на минуту.

— Быстрее, чем я предполагал. Мы здорово придумали, захватив старуху в заложницы.

— Что делать? Кто его встретит? Он пришел один, от него можно ждать любой выходки.

— Приведи его в додзё. Я сам его встречу. А вы пока держитесь в стороне.

— Хорошо, что нас много, — пробормотал Кадзюро.

Он оглядел додзё, с радостью увидев лица Камэи Хёскэ, Нэгоро Хатикуро, Ито Магобэя. Помимо них, было еще двенадцать учеников школы, которые не догадывались, зачем Тораноскэ хочет завести Кодзиро в додзё.

Один из двух самураев, которых Кодзиро убил около харчевни «Дондзики», был старшим братом Тораноскэ. Покойный брат пользовался дурной славой в школе, но по законам кровной мести Тораноскэ обязан был отомстить убийце.

После похищения Осуги все поняли, что рано или поздно Кодзиро явится в школу. Решили избить его до полусмерти, отрезать нос и привязать к дереву на берегу реки Канда, выставив на всеобщее обозрение.

Ученики освободили центр додзё и стали ждать.

Никто не являлся. На лицах учеников появилась растерянность. Некоторые уже теряли терпение, но в это время послышался шум — кто-то бежал к додзё. В створке сёдзи появилось лицо еще одного ученика.

— Не ждите! Кодзиро не придет, — объявил он.

— Его только что видели здесь. Куда он подевался?

— Он в доме учителя. Они беседуют в комнате для гостей.

— В доме учителя? Не врешь? — переспросил Тораноскэ, не скрывая тревоги. Он опасался, что Тадааки узнает о некоторых подробностях гибели брата, о которых Тораноскэ предпочел умолчать. К тому же до Тадааки дошли слухи о похищении Осуги.

— Не веришь, посмотри сам! — обиделся ученик.

— Наваждение какое-то! — простонал Тораноскэ.

Его товарищи угрюмо смотрели на него, ожидая каких-нибудь действий с его стороны.

Молчание прервал девичий голос:

— Скорее в сад! Гость сражается с дядей!

Это была Омицу, официально считавшаяся племянницей Тадааки, но про нее говорили, будто

на самом деле она — внебрачная дочь Ито Иттосая. Тадааки занялся воспитанием дочери своего учителя, объявив ее родной племянницей.

— Гость и дядя говорили все громче и громче, и наконец… Дядя, может, вне опасности, но… — едва сдерживая слезы, говорила девушка.

Ученики бросились в сад, сломав запертую бамбуковую калитку.

Посреди обширной поляны застыл Тадааки, держа на уровне глаз верный меч работы Юкихиры, а Кодзиро занес над ним «Сушильный шест». Воздух дрожал от напряжения. Торжественный для истинного самурая момент, когда обнажался меч и веяло холодом смерти. Ученики как по команде остановились, но потом трое медленно двинулись за спину Кодзиро.

— Назад! — рявкнул на них Тадааки. В его голосе не было и следа отеческих интонаций, к которым привыкли ученики.

Тадааки выглядел лет на десять моложе своих пятидесяти четырех, он был крепкий, подвижный, невысокого роста. Седина не тронула его волос.

Кодзиро пока не нанес ни одного удара, вернее, не смог, но Тадааки уже разгадал в нем бойца чудовищной силы. «Второй Дзэнки», — с содрога-

нием подумал Тадааки.

Изо всех противников, с которыми за свою жизнь сходился в бою Тадааки, лишь Дзэнки мог сравниться с Кодзиро по самоуверенности и мастерству. Но это было давно, в дни молодости Тадааки, когда он странствовал со своим учителем Ито Иттосаем. Дзэнки был сыном лодочника из провинции Кувана и тоже учился у Иттосая. Растущее мастерство Дзэнки доставило много огорчений учителю, потому что причиняло людям одни неприятности. «Дзэнки — непростительная ошибка в моей жизни, — сетовал Иттосай. — С каждым днем я замечаю все больше отвратительных черт в нем. Это чудовище непереносимо моему взору».

Дзэнки показывал Тадааки, кем не следует быть. В конце концов они столкнулись в поединке на равнине Коганэгахара в Симосе, и Тадааки убил Дзэнки, после чего Иттосай выдал Тадааки свидетельство о владении стилем Ито и подарил книгу секретов.

Дзэнки, несмотря на безупречное фехтовальное мастерство, подвел недостаток воспитания. Кодзиро получил хорошее воспитание. Его образованность и живой ум ощущались во всех его боевых приемах.

«Мне не выиграть этого боя, — думал Тадааки. — Мой час, похоже, настал».

Неподвижно стоя друг против друга, фехтовальщики тратили много сил. Пот градом катился по их лицам, кожа сначала побледнела, а потом приобрела синеватый оттенок. Мечи застыли, готовые в любой момент нанести смертельный удар.

«Все», — сказал себе Тадааки и сделал несколько шагов назад. Они договорились с Кодзиро не драться до конца, имея возможность признать свое поражение без кровопролития. Кодзиро, однако, бросился на противника, как хищный зверь, и хотя Тадааки успел пригнуться, «Сушильный шест» срезал с его головы пучок волос. Ответным ударом Тадааки отрубил кусок рукава от кимоно Кодзиро.

Кодзиро нарушил кодекс самурайской этики, напав на противника, признавшего свое поражение.

— Трус! — яростно закричали на него ученики школы.

— Видели, кто победил? — крикнул им в ответ Кодзиро, устрашающе вращая глазами.

— Все видели, — сказал Тадааки.

Тадааки вспомнил старинную пословицу:

легко превзойти предшественника, но трудно превзойти последователя. Он прожил жизнь в уверенности, что стиль Ито непобедим и не уступает стилю Ягю. Тем временем выросли новые гении, подобные Кодзиро. Горькое открытие для Тадааки, но он мужественно смирился с действительностью.

— Соберемся в додзё, — сказал Тадааки ученикам, еле сдерживающим слезы.

Тадааки сел на возвышение и внимательно осмотрел собравшихся.

— Я постарел, — сказал он, опустив глаза. — Мои лучшие дни пришлись на то время, когда я победил Дзэнки. Когда здесь открыли школу и молва заговорила о непобедимости стиля Ито, я уже миновал пик своих возможностей. Такое случается с каждым человеком. Подкрадывается старость, меняются времена, рождаются новые таланты. Новое поколение находит свой путь. Только так развивается мир. Путь Меча не допускает сосуществования молодого и старого. Не знаю, жив ли мой учитель Иттосай. В свое время он, приняв монашество, удалился в горы, чтобы постичь смысл жизни и смерти и достичь просветления. Мне трудно судить, сколь достойную жизнь прожил я, но теперь настал мой черед

оставить мир.

— Учитель! — крикнул Нэгоро Хатикуро. — Сегодня произошло недоразумение. В спокойной обстановке вы никогда не проиграли бы типу вроде Кодзиро.

— Ничего странного нет, — усмехнулся Тадааки. — Кодзиро молод. Я проиграл, потому что мое время минуло.

Тадааки объявил, что с этого дня покидает додзё и по стопам своего учителя Иттосая удаляется в горы на поиски высшей истины. Он поручил племяннику Ито Магобэю воспитание своего единственного сына Таданари. Магобэй должен известить сёгунат о том, что Тадааки стал буддийским монахом.

— Поделюсь с вами своей тревогой, — продолжал Тадааки. — Я не сожалею, что меня победил молодой боец. Меня тревожит то, что из школы Оно не вышел ни один фехтовальщик уровня Сасаки Кодзиро. И я знаю причину. Все вы наследственные вассалы сёгуна. Ваше положение портит вас. Немного потренировавшись, вы уже кичитесь, что владеете «непобедимым» стилем Ито. Вы ленивы и самодовольны.

Ученики понуро слушали наставника. Искренность его слов не вызывала ни у кого сомнений.

— Хамада! — позвал Тадааки.

— Да, учитель, — отозвался Хамада Тораноскэ.

— Встань!

Тораноскэ поднялся под молчаливыми взглядами товарищей.

— Исключаю тебя из школы, но делаю это с надеждой, что ты научишься дисциплине и постигнешь смысл «Искусства войны». А теперь уходи!

— Учитель, я не заслужил…

— Ты заблуждаешься, потому что не понимаешь «Искусства войны». Задумайся и постарайся овладеть военной наукой.

— Объясните мне…

— Хорошо. Трусость — самый страшный грех для самурая. «Искусство войны» исключает трусость. Незыблемое правило нашей школы гласит: трус подлежит исключению. Ты, Хамада Тораноскэ, не вызвал на бой Сасаки Кодзиро сразу после смерти брата, а мстил жалкому продавцу дынь. Вчера ты взял в заложницы его старухумать. И это поведение самурая?

— Учитель, я поступил так, чтобы заманить Кодзиро.

— Именно это я и называю трусостью. Если ты хотел драться с Кодзиро, почему не пошел к

нему домой и не вызвал его на бой? Почему не послал ему письменный вызов? Почему открыто не заявил о причине вызова? Нет, ты придумал хитрость, дабы заманить Кодзиро сюда и всем вместе напасть на него. А как поступил Кодзиро? Он явился сюда один и встретился со мной. Он отказался иметь дело с трусом и вызвал на поединок меня, потому что учитель отвечает за своих воспитанников.

В додзё повисла мертвая тишина.

— Простите меня, — прошептал Тораноскэ.

— Выйди вон!

Тораноскэ опустился на колени.

— Желаю вам доброго здоровья, учитель. Благополучия всем вам.

Тораноскэ побрел из додзё.

— А теперь я покидаю вас и мирскую жизнь, — произнес Тадааки, подавляя рыдания. — Не горюйте обо мне! Настал ваш день. Пришло ваше время защитить славу школы. Будьте скромны, не жалейте себя и совершенствуйте свой дух!

Тадааки вернулся в комнату для гостей, лицо его было непроницаемым.

— Я исключил Хамаду, — сказал он Кодзиро. — Я посоветовал ему уделить серьезное внимание самурайской дисциплине. Я распорядился осво-

бодить старую женщину. Она уйдет с вами?

— Прекрасно. Женщина пойдет со мной, — ответил, вставая, Кодзиро. Поединок так утомил его, что, казалось, он вот-вот упадет.

— Подождите, — проговорил Тадааки. — Давайте выпьем и забудем прошлое. Омицу! — хлопнул в ладоши Тадааки. — Принеси саке!

— Спасибо, вы очень добры, — улыбнулся Кодзиро и лицемерно добавил: — Теперь я понял, почему так знамениты Оно Тадааки и стиль Ито.

«Если наставить его на правильный путь, весь мир будет у его ног, — подумал про гостя Тадааки. — Неправедный путь превратит его в нового Дзэнки».

В застольном разговоре упомянули имя Мусаси. Кодзиро узнал, что Мусаси собираются включить в группу избранных фехтовальщиков, тренирующих сёгуна. Кодзиро не ожидал такой неприятности. Он сразу же заторопился домой.

Через несколько дней Тадааки исчез из Эдо. Он снискал себе репутацию прямодушного человека и безупречного воина, но ему не хватало политической гибкости Мунэнори. Народ так и не понял поступок Тадааки. Зачем бежать от мира, если ты добился всего, чего хотел в бренной жизни? Поговаривали, что Тадааки после поражения в

поединке с Кодзиро повредился рассудком.

Горечь бытия

Это был самый неистовый ураган, какой видел Мусаси в своей жизни. Иори печально смотрел на испачканные листы книг, разбросанные среди развалин дома.

— Ученье кончилось, — произнес он.

Крестьяне больше всего на свете боятся двух дней в году — двести девятого и двести двадцатого. Тайфуны, которые случаются в эти осенние дни, без остатка уничтожают урожай риса. Практичный Иори в предчувствии непогоды укрепил крышу и придавил ее тяжелыми камнями, но ночью ее сорвало. Утром они поняли, что дом починить нельзя.

Мусаси ушел на заре. Глядя ему вслед, Иори подумал: «К чему смотреть на поля соседей? И так ясно, что они затоплены. Лучше бы у себя разобраться».

Мусаси вернулся в полдень, а часом позже пришла группа крестьян в толстых соломенных накидках от дождей. Они благодарили Мусаси за то, что он помог лечить больных и отвести воду с полей.

— После таких ураганов между соседями обыч-

но наступал раздор, ведь каждый хлопотал только в собственном хозяйстве, — сказал старый крестьянин. — Послушавшись твоего совета, мы работали все вместе.

К радости Иори, крестьяне принесли провизию: маринованные овощи, сладости и рисовые лепешки. Иори усвоил еще один урок: если поработать на благо людей, то еда будет обеспечена.

— Мы вам построим новый дом, — пообещал один из крестьян и пригласил Мусаси и Иори временно пожить у него в деревне.

Вечером, когда все легли спать, Иори уловил доносившийся издалека бой барабанов.

— Слышите? — прошептал он, обращаясь к Мусаси. — Храмовые танцы исполняют. Странно, что их устроили сразу после тайфуна.

Утром Иори спросил у крестьян о вчерашней музыке.

— Оказывается, отсюда не так уж далеко храм Мицуминэ в Титибу, — сообщил он Мусаси.

— И что?

— Я хотел бы, чтобы вы взяли меня туда помолиться.

Мусаси озадачило неожиданное благочестие Иори, но дело вскоре выяснилось. Каждый месяц в храме Мицуминэ устраивали праздник с тан-

цами. Звук барабанов, который слышал Иори, доносился из соседней деревни, где местные музыканты готовились к празднику.

Иори знал о красоте музыки и танца только по праздникам в синтоистских храмах. Он слышал, что танцы в храме Мицуминэ являют собой один из трех классических стилей, поэтому непременно хотел увидеть захватывающее зрелище.

— Пожалуйста, — умолял Иори. — Праздник длится дней шесть, за это время нам построят новый дом.

— Хорошо, я возьму тебя, — ответил Мусаси после недолгого молчания.

Иори подпрыгнул от радости.

— И погода чудесная! — воскликнул он.

Он попросил у хозяев коробку под провизию в дорогу, достал новые сандалии и скоро вновь стоял перед Мусаси.

— Вы готовы? — спросил он.

Тайфун оставил после себя бесчисленные лужи, но солнце светило ярко. Не верилось, что два дня назад здесь бушевала стихия. Над травой с клекотом носились сорокопуты.

Дорогу Мусаси и Иори преградила река Ирума, разлившаяся после тайфуна раза в три шире обычного. Крестьяне наводили временную пере-

праву. Иори, пройдясь по берегу, сказал Мусаси:

— Попадаются наконечники стрел, я даже видел торчащую из земли верхушку шлема. Здесь когда-то происходила битва.

Подбирая кусочки металла, Иори вдруг отдернул руку.

— Человеческая кость! — крикнул он.

— Неси ее сюда, — приказал Мусаси.

— Зачем она вам? — спросил Иори, опасливо поглядывая на останки.

— Похороним ее в таком месте, чтобы люди не топтали кости.

— Здесь их много!

— Вот и дело нам с тобой. Неси их сюда. Можешь закопать их на пригорке, где цветет горечавка.

Обломком меча Иори выкопал яму и опустил в нее кости. Туда же он положил наконечники стрел.

— Хорошо?

— На могилу вместо надгробия надо положить камни.

— А какая битва была здесь?

— Не помнишь? Ты ведь читал об этом. В этих местах, в Котэсасигахаре, произошли две жесточайшие битвы в тысяча триста тридцать третьем и тысяча триста пятьдесят втором годах. Здесь

клан Нитта, поддерживавший Южный двор, сражался против огромной армии Асикаги Такаудзи.

— Да-да, битвы при Котэсасигахаре! Помню!

Мусаси заставил Иори вспоминать дальше.

— В книге «Тайхэйки» говорится, что принц Мунэнага долгое время жил на востоке, постигая Путь Воина, и что он был несказанно удивлен, когда император назначил его сёгуном.

— И какое стихотворение он сочинил по этому поводу? — спросил Мусаси.

Иори взглянул на птицу, парившую в лазурном небе, и продекламировал:

Мог ли ведать я, что стану
Хозяином священного лука?
Спокойно прожил бы свой век,
К нему не прикасаясь.

— Хорошо, — сказал Мусаси, — а стихи из главы, когда принц отправляется в Мусасино и сражается при Котэсасигахаре?

Иори нерешительно начал читать, восполняя забытое стихами собственного сочинения:

Зачем мне цепляться за жизнь,
Если служит она благородному делу,

Во имя великого императора,
Во благо народа?

— Ты уверен, что понимаешь смысл стихов?

— Кто не понимает их смысл, тот не японец, будь он даже самурай.

— Иори, а почему в таком случае ты не хотел коснуться костей? Боялся запачкаться?

— Это же мертвецы!

— Это павшие воины. Они погибли за священное дело, которое воспевают стихи. Таких самураев не счесть. Их кости составляют основу, на которой зиждется страна. Не будь их, мы не имели бы ни мира, ни надежд на счастливую жизнь. Тайфуны проходят, и земля снова расцветает, но мы постоянно должны помнить о своем долге перед белыми костями, покоящимися в земле.

— Ясно, — кивнул Иори. — Сейчас соберу цветы на могилу и поклонюсь останкам.

— Поклонов не надо. Следует хранить память о погибших в сердце.

— Здесь ведь перемешаны кости верных императору самураев и воинов Асикаги. Как их разделить?

Мусаси задумался.

— Будда дарует спасение душ даже тем людям, которые были прибежищем десяти зол и пяти смертных грехов, — медленно заговорил он. — Будда прощает заблудших, если они обращают сердца к его мудрости.

— Смерть, выходит, уравнивает преданных воинов и мятежников?

— Нет! — воскликнул Мусаси. — Честь священна для самурая. Если он позорит свое имя, пятно ложится на все поколения его рода.

— Значит, опозоренное имя остается плохим, а хорошее достойным и после того, как самурай истлел в земле?

— Все не так просто, — ответил Мусаси, засомневавшись в своей способности правильно ответить ученику. — Самурай должен чувствовать горечь бытия. Лишенный этого чувства воин подобен сухому кусту на пустыре. Воин, наделенный только силой, подобен безрассудному тайфуну или фехтовальщикам, которые не знают ничего, кроме своего меча. Истинный самурай имеет сердце, полное сострадания. Он чувствует горечь бытия.

Иори поправил цветы на могиле и молитвенно сложил ладони.

Барабанные палочки

Люди, как муравьи, нескончаемой вереницей тянулись вверх по горной дороге, теряющейся в облаках. Там, над покровом облаков, их встречал храм Мицуминэ, залитый ярким солнцем. Три вершины — Кумотори, Сираива и Мёхогатакэ — господствуют над тремя восточными провинциями. Синтоистские святилища перемежались с буддийскими храмами, пагодами, воротами. К храму плотными рядами примыкали лавки, чайные и харчевни, дома храмовых служб и жилища семидесяти крестьян, приписанных к Мицуминэ.

— Уже бьют в большие барабаны, — заторопился Иори, доедая рис и бобы.

Мусаси неторопливо продолжал ужин.

— Музыка заиграла! Пора! — вскочил Иори, отбросив в сторону палочки.

— Я вчера наслушался. Иди один.

— Вчера исполнили всего два танца. Не хотите посмотреть?

— Только без спешки.

Мусаси не съел еще и половины ужина. Иори поневоле угомонился.

— Ну что, пойдем? — молвил наконец Мусаси.

Иори стрелой бросился к выходу и приготовил соломенные сандалии для учителя.

Перед главными воротами храма горели два огромных костра. Каждая постройка в Мицуминэ освещалась факелами, было светло как днем. Толпы людей, не замечая холода ночи, валили к главному помосту, где исполнялись священные танцы. Звуки флейт и барабанов разносились далеко по округе в чистом горном воздухе. Помост был пуст.

Иори потерял Мусаси в толпе, но, потолкавшись, нашел его около дощечек с именами людей, пожертвовавших на храм. Одна дощечка, выделявшаяся среди остальных размером, гласила: «Дайдзо из Нараи, деревня Сибаура, провинция Мусаси».

Грохот барабанов нарастал.

— Начинают! — завопил Иори. — Учитель, что вы здесь рассматриваете?

— Беги к помосту. Я вспомнил кое о чем. Я потом к тебе приду, — задумчиво ответил Мусаси.

Мусаси отыскал приемную храма, где его встретил старый монах.

— Я хотел бы узнать об одном из пожертвователей, — сказал Мусаси.

— Вам следует обратиться в резиденцию настоятеля буддийского храма. В нашем ведении только синтоистский храм. Я провожу вас.

Мицуминэ считался синтоистским храмом, но во главе его стоял буддийский священнослужитель.

Мусаси провели во внутренние покои настоятеля. Подали чай и вкусные сладости, потом молодой служка принес саке. Вскоре появился настоятель.

— Добро пожаловать на нашу гору! — приветствовал он гостя. — Простите за наше скромное деревенское угощение.

Мусаси не понимал причину столь любезного приема.

— Позвольте справиться об одном человеке, пожертвовавшем на храм, — пояснил он.

— В чем дело? Дознание? — резко спросил настоятель, полноватый человек лет пятидесяти.

Мусаси расспросил, когда и с кем Дайдзо посещал храм. От каждого вопроса настроение настоятеля заметно портилось. Наконец он произнес с выражением полного разочарования:

— Так вы пришли не для того, чтобы внести пожертвование на храм?

— Я хочу узнать про Дайдзо.

— Могли бы спросить у ворот, — недовольно произнес настоятель. — Если я не ошибаюсь, вы простой ронин. Мы не сообщаем о наших вкладчиках всем любопытным. Обратитесь в приемную.

Из книги пожертвований Мусаси узнал лишь то, что Дайдзо неоднократно бывал в храме.

Вернувшись к помосту, Мусаси не нашел Иори, но стоило ему взглянуть вверх, и он увидел бы мальчика у себя над головой. Глядя на сцену, Мусаси вспомнил ночные действа в храме Санумо в Миямото, белеющее в толпе лицо Оцу, вечно жующего что-то Матахати, важно вышагивающего дядюшку Гона.

Он представил образ матери, которая пришла искать Такэдзо, допоздна задержавшегося на представлении.

Музыканты, одетые в необычные костюмы, имитирующие старинные облачения императорских стражей, сверкали парчой в свете факелов. Приглушенно гудел барабан, пели флейты, ритмично и сухо постукивали деревянные ударные. Играли вступление. Появился мастер танца в древней маске, лак которой облупился на щеках и подбородке. Он медленно двигался по сцене, исполняя речитативом песню Камиасоби, сопро-

вождавшую танец богов.

На священной горе Мимуро,
За божественной оградой
Раскинули кроны деревья сакаки,
Раскинули кроны деревья сакаки.

Ритм барабанов убыстрялся, к нему присоединились другие инструменты. Вскоре пение и танец слились в гармонии.

Откуда взялось копье?
Оно из священной обители
Принцессы Тоёоки.
Копье из ее небесной обители.

Некоторые стихи Мусаси знал, он сам пел их в маске на представлениях в храме Санумо.

Меч, охраняющий людей,
Людей во землях всех,
Повесим радостно пред божеством,
Торжественно пред божеством.

Мусаси пронзила мысль: вот оно! Вот оно, озарение! Две палочки в руках барабанщика — это два меча, пара мечей у одного фехтовальщика.

— Два меча! — воскликнул Мусаси.

— Вот вы где! — отозвался с дерева Иори.

Мусаси завороженно смотрел на руки барабанщика. Да, тот же принцип: две палочки, один звук.

Открытие казалось до смешного простым. Люди рождаются с двумя руками, почему бы ими не работать одновременно? Фехтовальщик сражается одним мечом и чаще всего одной рукой. Если действовать двумя мечами, у противника с одним мечом нет надежды на победу. В бою в Итидзёдзи против школы Ёсиоки у Мусаси в обеих руках словно помимо его воли оказалось по мечу. Сейчас он понял загадку своего непроизвольного действия в ту минуту смертельной опасности.

С того памятного боя Мусаси ощущал, что одновременное владение двумя мечами больше подходит натуре человека и его природным возможностям, чем одним мечом. Привычка, обычай, которым слепо следовали на протяжении столетий, исключали фехтование двумя клинками. Обычай превращал нелепость в закон?

Две палочки, один звук. Барабанщик сознательно действовал правой и левой руками, но словно не замечал их. Мусаси переполнила ликующая радость, которую человек познает лишь в минуты озарения.

Действо на сцене продолжалось. Мастера сменили танцовщики, исполнившие пять священных танцев — сначала медленный танец Ивато, затем Ара Микото-но Хоко, оживленнее запели флейты, зазвенели колокольчики.

— Насмотрелся? — спросил Мусаси мальчика.

— Нет, нет! — ответил Иори, целиком захваченный стихией танца. Ему казалось, что он вместе с исполнителями плывет по помосту.

— Не задерживайся допоздна, завтра отправимся на вершину горы, к главному святилищу.

Слуга дьявола

Собаки Мицуминэ отличались исключительной свирепостью. Это порода, говорят, произошла от собак, привезенных из Кореи более тысячи лет назад и скрещенных с горными собаками Титибу. Они стаями бродили по окрестностям, нападая на добычу, как волки. Эти полудикие создания считались посланцами божеств и почитались верующими за божьих «помощников», поэтому паломники покупали в лавках на счастье изображения собак в виде лубков или маленьких фигурок.

В нескольких шагах от Мусаси шел человек, ведя на толстой веревке черного пса величиной с теленка. Когда Мусаси вошел в Канонъин, человек дернул собаку за повод и повернул назад. Пес оскалился и стал нюхать землю. Мужчина хлестнул веревкой по его спине.

— Успокойся, Куро!

Хозяину собаки было под пятьдесят, в нем угадывалась дикая сила под стать его псу. Он был в одежде, похожей на самурайский официальный наряд или монашье облачение, пеньковые хакама и подпоясан узким, плоским поясом.

— Байкэн? — Женщина отступила назад, уступая дорогу псу.

— Лежать! — Мужчина ударил собаку по голове. — Хорошо, что ты его заметила, Око.

— Это он?

— Конечно.

Они постояли, молча глядя на звезды в просвете облаков, слушая, но не слыша музыку священных танцев.

— Что будем делать?

— Надо подумать.

— Его нельзя упустить во второй раз. — Око вопросительно взглянула на Байкэна.

— Тодзи дома?

— Напился до беспамятства и спит.

— Попробуй его растолкать. А я пока обойду дозором храм.

Око миновала несколько чайных, из которых доносился веселый гомон посетителей, и вошла в обветшалый дом с вывеской «Чайная». Девочка-служанка дремала при входе.

— До сих пор спит! — произнесла Око.

Девочка, приняв замечание на свой счет, тряхнула головой.

— Я о муже, — пояснила Око, кивая на человека, который лежал на циновке, повернувшись

к стене.

Здесь же в просторной прихожей старуха-кухарка варила на очаге рис с бобами. Веселые языки пламени оживляли убогую обстановку. Око похлопала спящего по плечу:

— Пора вставать!

Человек обернулся, недоуменно тараща глаза.

— Кто это? — отступила на шаг Око. Рассмеявшись, добавила: — Я думала, это мой муж.

Мужчина поправил съехавшую набок циновку и опустил голову на деревянное изголовье. Рядом на полу лежали мешок, посох и широкая тростниковая шляпа.

— Кто этот молодой человек? — поинтересовалась Око.

— Паломник. Завтра собирается во внутреннее святилище.

— Где Тодзи?

— Я здесь, пустоголовая! — раздался голос из соседней комнаты, фусума в которую были раздвинуты. — Мне и вздремнуть, что ль, нельзя? Где шаталась? Делом надо заниматься.

Время не пощадило Око. От ее былых прелестей не осталось и следа. Они с Тодзи держали чайную «Оину» в развалюхе, и Око выполняла всю мужскую работу, так как Тодзи лишь изредка

утруждал себя охотой в горах. Все их подручные разбрелись после того, как Мусаси сжег хижину у перевала Вада.

Тодзи зачерпнул воды из бадьи и жадно напился. Око смерила его презрительным взглядом:

— Пора бы тебе одуматься и не пьянствовать. Твое счастье, что сегодня не напоролся на меч, когда болтался по улицам.

— О чем ты?

— Мусаси на празднике в храме.

— Миямото Мусаси? — мгновенно протрезвел Тодзи. — Надо от него скрыться.

— На другое ты не способен.

— Просто не хочу повторения того, что случилось у перевала Вада.

— Трус! Почему не хочешь отомстить за школу Ёсиоки? Уж о нас я и не говорю!

— Не забывай, что мы остались теперь вдвоем, а прежде целая банда была.

Тодзи не сомневался, кто останется в живых, если случай столкнет его с Мусаси.

— Ошибаешься! — возразила Око. — Нас трое. Есть еще один человек, готовый отомстить Мусаси.

Тодзи знал, что Око подразумевает Байкэна, с которым они познакомились, когда поселились

в Мицуминэ.

Байкэн оказался в храме после того, как распалась его разбойная компания, а местные власти закрыли кузницу и изгнали его из деревни. Приятель устроил его сторожем при храмовой сокровищнице.

Горы между провинциями Мусаси и Каи кишели разбойниками даже в мирное время, поэтому совет настоятелей храмов Мицуминэ решил, что огонь следует тушить огнем. Байкэн с его разбойничьим прошлым и мастерским владением шестопером пришелся как нельзя кстати. Его мог бы взять на службу даймё, не будь он братом Цудзикадзэ Тэммы, в свое время державшего в страхе уезд Ясугава. Байкэн был уверен, что источник всех его бед — Такэдзо, убивший Тэмму.

Око рассказала Байкэну о своей нелюбви к Мусаси едва ли не в первую минуту знакомства. Тот, нахмурившись, угрюмо произнес: «Дай срок!» На этот раз Око заметила Мусаси совершенно случайно, когда тот проходил мимо ее чайной. Мусаси затерялся в толпе, но Око побежала к храму, надеясь застать его там, и не ошиблась. Она тут же рассказала обо всем Байкэну.

— Тогда другой разговор, — облегченно вздохнул Тодзи.

Байкэн был надежным союзником. Выступая с шестопером, он побил на последних поединках всех противников. Он мог уложить и Мусаси.

— Он придет, как только завершит обход, — сообщила Око.

— Мусаси не дурак, если он что-нибудь пронюхает…

Тодзи поперхнулся, только теперь увидев спящего незнакомца.

— Кто это? — спросил Тодзи жену.

— Гость.

— Выпроводи его!

Девочка-служанка, которой поручили выдворение гостя, растолкала спящего и без лишних слов приказала ему уйти.

— Мы закрываемся, — добавила она.

Посетитель встал, блаженно потянулся, набросил на себя накидку, надел шляпу, взял мешок и, попрощавшись, вышел. Судя по говору и внешности, он был не из здешних мест. «Забавный малый», — подумала Око.

Они с Тодзи еще не закрыли ставни, когда явился Байкэн с собакой.

— Пошли в заднюю комнату, — предложил Тодзи.

Байкэн снял сандалии и молча последовал за

хозяином. Задней комнатой называлась пристройка с наскоро побеленными стенами, в которой нельзя было подслушать собеседников. Зажгли лампу.

— Я был на представлении и слышал, как Мусаси говорил мальчишке, что завтра они поднимутся во внутренний храм, — произнес Байкэн.

Око и Тодзи как по команде посмотрели на сёдзи — на фоне ночного неба угадывалась вершина, на которой располагалось святилище.

Байкэн прекрасно понимал, на кого он собрался напасть, поэтому собрал подкрепление. Два монаха, сторожившие, как и он, сокровищницу, уже отправились с копьями в горы. Еще один человек, бывший ученик школы Ёсиоки, пошел в соседнюю деревню, чтобы привести оттуда десяток бывших разбойников. Порешили, что Тодзи возьмет мушкет, а Байкэн свой шестопер.

— Когда ты только все успел! — воскликнул Тодзи.

Байкэн лишь ухмыльнулся в ответ.

Тонкий серп луны висел над долиной, окутанной густым туманом. Тишину нарушал лишь шум реки. Горная вершина и храм, выстроенный на ней, спали. На мосту Косарудзава выросли

темные тени.

— Тодзи? — прошептал Байкэн.

— Я здесь.

— Фитиль сухой? Следи, чтобы не намок.

Два монаха с подоткнутыми за пояс рясами, пригнувшись, стояли с копьями наготове. Они выглядели странно в этой компании.

— Сколько нас?

— Тринадцать.

— Хорошо.

Байкэн объяснил план действий. По сигналу люди рассыпались и исчезли в тумане. При въезде на мост стоял указательный камень с надписью: «До святилища шесть километров».

Раздался лай собаки, эхом прокатившийся в горах. На дороге показалась Око с Куро на поводке, вернее, Куро тащил за собой женщину. Око, не справившись с псом, не смогла отвести его домой, поэтому пришла с ним к мосту, чтобы Тодзи спрятал его на горе.

Туман пополз вниз по склонам, открывая три величественные вершины Мицуминэ и горы пониже на границе провинций Мусасино и Каи. Забелела дорога, запели птицы.

— Странно! — заговорил Иори.

— Что? — спросил Мусаси.

— Почему светлеет, а я не вижу солнце.

— Мы находимся на западной стороне.

Иори взглянул на бледный серп заходящей луны.

— Иори, в этих горах много твоих друзей.

— Где?

— Вон там, — показал Мусаси на обезьяну в окружении детенышей.

— У них все-таки есть мать.

Внимание Мусаси привлекла примятая трава на обочине дороги, словно затоптанная множеством ног. Дорога спиралью вилась вокруг горы. Скоро путники вышли на восточный склон.

— Солнце! — воскликнул Иори.

— Так и должно быть, — ответил Мусаси.

В море тумана, как острова, возвышались горы Каи и Кодзукэ. Иори замер, прижав руки к бокам. Глядя на поднимающийся золотой шар солнца, он ощутил себя его сыном.

— Это богиня Аматэрасу? — вопросительно посмотрел мальчик на Мусаси.

— Да, сама богиня Солнца.

Прикрыв глаза ладонью, Иори сквозь пальцы смотрел на солнце.

— Моя кровь того же цвета, как и солнце! — воскликнул он.

Мальчик сложил ладони вместе и задумался, склонив голову. «У обезьян есть мать, у меня нет. Зато у меня есть богиня, которой нет у обезьян», — размышлял он. Слезы радости навернулись на глаза, дивная музыка храмовых танцев наполнила душу.

Очнувшись, Иори обнаружил, что Мусаси ушел вперед. Мальчик побежал вдогонку. Дорога тянулась теперь под сенью гигантских криптомерий, которым было пятьсот, а может, и тысяча лет. На мшистых стволах лепились небольшие белые цветы. Низкий бамбук рос почти на самой дороге, превращая ее в тропинку.

Раздался грохот выстрела и чей-то крик. Зажав уши, Иори нырнул в бамбуковые заросли.

— Лежи и не шевелись, если даже они наступят на тебя, — послышался голос Мусаси.

В полумраке леса тускло блестели наконечники копий и лезвия мечей. Когда раздался выстрел, кто-то вскрикнул, но нападавшие не видели, в кого угодила пуля. Они растерялись. Иори опасливо приподнял голову. В полутора метрах от него из-за дерева выдвигалось лезвие меча. Мальчик, не выдержав, вскочил.

— Учитель, — крикнул он, — здесь кто-то прячется!

Меч был занесен над головой Иори, когда кинжал, который метнул Мусаси, угодил в висок нападавшего. Мусаси уже перехватил древко копья, с которым бросился на него один из монахов. Снова послышался чей-то крик, словно люди в засаде затеяли драку между собой. Второй монах с копьем кинулся на Мусаси, но и его копье оказалось зажатым под мышкой у Мусаси.

— Кто вы? — прогремел Мусаси. — Назовитесь, или мне придется считать вас врагами и пролить кровь на священной земле.

Мусаси резко развернулся, не выпуская копий, и оба монаха кубарем покатились по земле. Одного Мусаси прикончил мечом, но, обернувшись, столкнулся с пятью направленными на него клинками. Мусаси мгновенно пошел в атаку. Уцелевший монах, подобрав копье, бросился за убегающим Иори. Не успел Мусаси прийти на выручку мальчику, как пятеро перешли в наступление. Мусаси смерчем обрушился на пятерку, оставляя за собой разрубленные до пояса тела. В правой руке у него был длинный меч, в левой — короткий. Кровь из-под меча, опустившегося на голову последнего из нападавших, ударила темной струей. Мусаси поднял руку, чтобы отереть лицо, и в тот же миг за его спиной раздался

странный металлический звук. Резко обернувшись, он занес меч, но клинок уже обвила цепь с железным шаром на конце.

— Ты забыл меня, Мусаси? — крикнул Байкэн, натягивая цепь.

— Сисидо Байкэн с горы Судзука! — воскликнул Мусаси.

— Мой брат Тэмма зовет тебя в долину ада! Ждать ему недолго!

Байкэн подтягивал Мусаси поближе, чтобы пустить в ход серп. Окажись у Мусаси только длинный меч, гибель была бы неминуемой.

Мусаси знал, что попал в капкан. Железный шар на цепи с серпом были знакомы ему, но он видел это оружие лишь в руках жены Байкэна. Одно дело видеть, другое — от него обороняться. Торжествующее лицо Байкэна было совсем рядом. Мусаси понял, что лучше всего бросить длинный меч. Угрожавший ему серп дернулся в сторону, но тут же над головой Мусаси просвистел железный шар. Мусаси уклонялся от шара, но попадал под серп. Он не мог приблизиться к противнику с коротким мечом. Напряжение возросло до предела, тело Мусаси действовало само по себе. Бежать было поздно, поскольку Мусаси неминуемо наткнулся бы на подручных

Байкэна.

До слуха донесся жалобный крик. Иори? Мусаси решил, что мальчик убит.

— Умри, гад! — раздалось за спиной Мусаси. — Мусаси, ты что так долго возишься? — продолжал тот же голос. — Кончай с этим, а я разделался с остальными.

Мусаси не узнал голоса, но сосредоточился на поединке с Байкэном. Главная задача бывшего кузнеца состояла в том, чтобы удержать Мусаси на расстоянии в длину цепи с железным шаром. Мастерство Байкэна было виртуозным. Мусаси осенило, что его противник применяет, по сути, тактику двух мечей, только вместо клинков у него цепь с шаром и серп.

— Теперь я понял стиль Яэгаки! — торжествующе воскликнул Мусаси.

Отскочив на полтора метра назад, он переложил короткий меч из левой руки в правую и метнул его как стрелу в Байкэна. Тот увернулся, меч вонзился в дерево, но Мусаси уже навалился всей тяжестью тела на противника и вырвал из ножен кузнеца его меч. Рассеченный Байкэн рухнул наземь, как дерево, расколотое молнией.

Мусаси, как потом говорили, даже выразил подобие сожаления по поводу гибели создателя

стиля Яэгаки.

— Великолепный удар! — раздался восхищенный голос. — Так раскалывают бамбук вдоль ствола. Впервые вижу этот удар.

— Неужели ты? — воскликнул, обернувшись, Мусаси. — Гонноскэ из Кисо? Как ты здесь оказался?

— Давно мы не виделись. Нашу встречу устроил бог горы Мицуминэ не без помощи моей матери. Перед смертью она многому меня научила, — рассмеялся Гонноскэ.

— Иори? — тревожно воскликнул Мусаси.

— Он жив и здоров, я спас его от той скотины в монашьем облачении. Мальчик спрятался на дереве.

Иори с дерева видел, как привязанный Куро держал Око за рукав кимоно. Она вырвалась, оставив в зубах собаки кусок рукава, и бросилась бежать.

— Женщина убегает! — закричал Иори.

— Пусть. Слезай! — приказал Мусаси.

— Там еще и раненый монах.

— Он уже не навредит нам.

— Женщина, видимо, из заведения «Оину», — проговорил Гонноскэ и рассказал, как совершенно случайно узнал о грозящей Мусаси опасности.

Он был тем спящим посетителем, которого Око по ошибке приняла за пьяного мужа.

— Ты убил человека с мушкетом? — спросил Мусаси.

— Не я, а моя дубинка, — весело ответил Гонноскэ. — Я знал, что таким воинам, как ты, помощь не требуется, но когда в дело пускают мушкет, надо быть начеку. Я пришел сюда пораньше и занял позицию в тылу у стрелка.

Было убито двенадцать человек, из них семеро — дубинкой.

— Я должен сообщить властям о происшедшем, потому что эта земля принадлежит храму. Я лишь защищал себя, — сказал Мусаси.

На обратном пути у моста они натолкнулись на сторожевой отряд. Мусаси рассказал все старшему отряда, но тот неожиданно приказал связать Мусаси.

— Вперед! — приказал командир, не слушая протесты пленника.

Мусаси возмутило то, что с ним обошлись как с заурядным разбойником. По дороге в храм они встретили еще несколько пикетов правительственной стражи, и в конце пути Мусаси окружала охрана в сотню человек.

Два ученика одного учителя

— Успокойся! — Гонноскэ прижал к себе Иори. — Ты ведь мужчина.

— Потому-то я и плачу, что мужчина, — всхлипнул еще громче Иори.

— Мусаси сам сдался властям. Они не ловили его. Его обязательно скоро выпустят. Пойдем!

Иори не двигался. На дорогу из зарослей выскочила собака Байкэна с окровавленной пастью.

— Помоги! — закричал Иори, метнувшись к Гонноскэ.

— Хочешь, понесу тебя на закорках?

Иори прижался к широким плечам Гонноскэ.

Праздник закончился, ветер гнал по пустынным улочкам храмовой деревни мусор и клочки бумаги. Гонноскэ хотел незаметно пройти мимо чайной «Оину», но Иори, заглянув внутрь, сообщил:

— Та женщина здесь.

— А где же ей быть? Почему арестовали Мусаси, но не тронули ее?

Око тоже заметила любопытных прохожих. В глазах ее вспыхнула ненависть.

— Собираетесь в путешествие? — засмеялся

Иори, кивнув на приготовленный мешок Око.

— Не твое дело! Думаете, я не знаю, кто убил моего мужа?

— Сами виноваты.

— Вы за это заплатите!

— Ведьма!

— А вы воры. Ограбили храмовую сокровищницу.

— Кто вор? — угрожающе произнес Гонноскэ, опуская Иори на землю. — Повтори, что сказала.

— Воры!

Гонноскэ схватил Око за руку, но у нее в другой руке оказался кинжал. Гонноскэ выбил кинжал и швырнул Око на пол. Та стремительно вскочила на ноги и с воплем «Воры!» бросилась к выходу. Гонноскэ метнул кинжал ей вслед. Клинок, пронзив Око насквозь, вышел из груди.

Крики Око всполошили жителей селения, которые и без того были взбудоражены ограблением храмовой сокровищницы. Похитители не тронули старинных мечей, зеркал и прочих древностей, а унесли только золотой песок и золото в слитках. Никто толком ничего не знал, но крики Око подтвердили, что воры еще здесь. Перед чайной «Оину» собралась перевозбужденная толпа, вооруженная бамбуковыми пиками,

мушкетами и палками. Гонноскэ и Иори пришлось спасаться через заднюю дверь и бежать несколько часов, пока преследователи не отстали. Теперь выяснилось, за какое «преступление» арестовали Мусаси.

Гонноскэ и Иори вышли на перевал Сёмару.

— Отсюда видна равнина Мусасино, — проговорил Иори и невольно спросил: — Что сейчас делают с Мусаси?

— Допрашивают, — отозвался Гонноскэ.

— Нельзя его спасти?

— Надо хорошенько подумать.

— Сделай что-нибудь! Пожалуйста!

— Нет нужды умолять меня. Я тоже считаю Мусаси своим учителем. Иори, ты мало чем можешь мне помочь. Доберешься один до дома?

— Попробую. А ты?

— Отправлюсь в Титибу. Если Мусаси не выпустят, я что-нибудь придумаю, даже если придется разнести тюрьму для его спасения.

Для пущей убедительности Гонноскэ ударил дубинкой по земле. Иори одобрительно кивнул.

— Молодец! — произнес Гонноскэ. — Жди меня и Мусаси дома.

Зажав под мышкой свое оружие, Гонноскэ пошел в сторону Титибу.

Иори не сомневался, что найдет дорогу домой, но ему страшно хотелось спать. Теплый день вконец сморил его. Он решил отдохнуть на обочине в тени каменного Будды.

Был уже вечер, когда Иори проснулся. Кто-то негромко разговаривал с другой стороны статуи. Зная, что подслушивать нехорошо, мальчик притворился спящим.

На большом камне сидели двое, к соседнему дереву были привязаны две лошади, к седлам которых были приторочены по два лакированных ящика с надписью: «Из провинции Симоцукэ. Для нужд Западного укрепленного кольца. Поставщики лакированных изделий ко двору сёгуна».

Иори незаметно выглянул из-за Будды. Беседующие не походили на дородных дворцовых чиновников — слишком мускулистые, с пронзительным взглядом. Старшему было за пятьдесят, солнце поблескивало на его шляпе, напоминавшей капюшон с козырьком. Голова его спутника, жилистого молодого человека с задорным чубом, была повязана полотенцем.

— Здорово мы придумали с лакированными ящиками, — сказал молодой человек.

— Пусть люди думают, что мы со стройки в замке. Я бы сам не додумался.

— Научишься у меня понемногу.

— Знай меру в шутках со старшими. А впрочем, кто знает? Лет через пять старый Дайдзо, может, станет исполнять твои приказы.

— Молодые взрослеют, взрослые стареют, таков закон жизни.

— Думаешь, я боюсь старости?

— А как же? Ты всегда думаешь о своем возрасте, поэтому спешишь сделать как можно больше.

— Да, ты неплохо меня узнал.

— Пора? Я бы не хотел, чтобы нас схватили.

— Не трусь. Страх лишает человека уверенности.

— Я ведь недавно в этом деле. Порой я вздрагиваю от порыва ветра.

— Не считай себя заурядным вором. Верь, что трудишься на благо родной страны, тогда и страх пройдет.

— Ты всегда так говоришь, но, по-моему, ты заблуждаешься.

— Ты должен следовать своим убеждениям, — произнес Дайдзо, словно уговаривая самого себя.

Молодой человек вскочил в седло и, тронув коня, проговорил:

— Следи за мной. Если я замечу опасность, подам сигнал.

Дайдзо, поотстав, последовал за молодым человеком.

Иори, выждав несколько минут, пошел следом. Он сразу догадался, что эти люди ограбили храмовую сокровищницу. Всадники спустились на равнину Мусасино.

— Видны огни Огиматия, — проговорил молодой человек.

Чуть дальше извивалась в лунном свете река Ирума, похожая на небрежно брошенный пояс оби. Всадники въехали в город.

— Дзёта, мы здесь перекусим, накормим лошадей, а я наконец выкурю трубку, — проговорил Дайдзо.

Они остановились около полутемной чайной. Дзёта с плошкой еды уселся поближе к двери, чтобы следить за лошадьми с поклажей. Поев, он отправился кормить лошадей. Иори зашел в харчевню напротив. Когда оба всадника двинулись в путь, он быстро сгреб остатки риса и жевал его на ходу, следуя за подозрительной парой.

Теперь всадники ехали рядом.

— Дзёта, ты послал известие в Кисо?

— Да.

— Какое время назначил?

— Полночь. Мы не опоздаем.

В холодном ночном воздухе отчетливо слышалось каждое слово. Дайдзо называл молодого человека уменьшительным именем, а юноша величал старшего «хозяином». Старик, верно, возглавлял банду, но Иори показалось, что они отец и сын. Значит, это потомственные бандиты, то есть самые опасные разбойники. Иори все же решил идти следом, чтобы потом сообщить властям о грабителях.

Город Кавагоэ спал, темный, как полуночное болото. Всадники проехали по улице, затем свернули на дорогу, ведущую на холм. На придорожном камне была надпись: «Лес на Холме отрубленных голов — вверх».

Иори двинулся прямиком через кусты и достиг вершины раньше всадников. Под большой сосной сидели три ронина. Вскоре один из них поднялся и произнес:

— Все в порядке. Дайдзо приехал.

Дайдзо и ронины без лишних слов принялись за работу. Они откатили в сторону громадный камень и стали копать. Скоро по одну сторону ямы возвышалась куча земли, по другую — мешки с золотом и серебром, к которым добавили и привезенную в лакированных ящиках добычу. Сокровищ здесь было на многие тысячи рё.

Мешки с деньгами навьючили на трех лошадей, ящики сбросили в яму, забросали землей и сверху придавили камнем.

— Теперь можно и покурить, — произнес Дайдзо, доставая трубку. Остальные, отряхнув одежду, расположились вокруг него.

Дайдзо прекрасно изучил провинцию Канто во время паломничества по храмам. Не было ни одного святилища, где бы он не оставил пожертвований, но никому не приходило в голову спросить, откуда у него столько денег.

Дайдзо, Дзётаро и трое ронинов обсудили план действий. Решили, что Дайдзо больше не следует появляться в Эдо, однако надо было забрать золото из склада в Сибауре, сжечь бумаги и распорядиться судьбой Акэми.

На рассвете Дайдзо и ронины верхом двинулись на Кисо по тракту Косю, а Дзётаро пешком отправился в противоположном направлении. Иори посмотрел на звездное небо, словно спрашивая, за кем последовать ему.

Дзётаро размашисто шагал по дороге, пересекавшей равнину Мусасино. Осеннее солнце припекало по-летнему, лучи его, казалось, проникали под кожу. Мельком оглянувшись, Дзётаро пробормотал: «Он все еще здесь». Он уже останав-

ливался раза два, думая, что мальчик хочет его о чем-то спросить, но тот не приближался. За поворотом Дзётаро спрятался в заросли бамбука. Иори остановился, нерешительно оглядываясь вокруг. Дзётаро возник перед ним словно из-под земли.

— Эй, парень!

Иори на мгновение опешил, но быстро взял себя в руки.

— Что еще? — ответил он небрежно.

— Почему ты плетешься за мной?

— Я иду в Дзюнисо Накано, — с невинным видом ответил Иори.

— Врешь, ты идешь след в след за мной.

— С чего ты взял? — сказал Иори и рванулся, чтобы убежать, но Дзётаро схватил его за подол кимоно.

— А ну-ка, выкладывай!

— Я ничего не знаю…

— Врун! Кто послал тебя подглядывать?

— А ты гнусный вор!

— Что? — крикнул Дзётаро, притянув Иори к себе.

Иори вывернулся и побежал со всех ног. Дзётаро кинулся следом. Иори несся через пустошь к деревенским домам, камышовые крыши которых выглядывали из-за деревьев.

— На помощь! — кричал Иори. — Вор!

Иори слышал удары молота в кузнице. Из домов и сараев, увешанных связками хурмы, выскакивали люди.

— За мной гонится вор, хватай его! Они ограбили храм!

К удивлению Иори, никто не торопился схватить Дзётаро. Иори, заскочив за какой-то амбар, притаился, переводя дух. Дзётаро, добежав до деревни, пошел шагом с невозмутимым видом. Чисто одетый молодой человек в глазах деревенских совсем не походил на бандита или разбойного ронина.

Иори, возмущенный поведением жителей деревни, решил поскорее добраться до Накано, где можно рассчитывать на помощь. Он пошел полями, чтобы срезать путь. Вскоре показались знакомые криптомерии, до дома оставалось не больше километра. Внезапно перед ним выросла фигура Дзётаро, преградившая дорогу. Теперь Иори был дома. Он отпрыгнул назад и обнажил меч. Дзётаро бросился на Иори с голыми руками и схватил его за шиворот, но Иори успел полоснуть нападавшего мечом.

— Мерзавец! — выругался Дзётаро, увидев кровь, струившуюся по правой руке.

Иори вспомнил урок фехтования. Глаза. Мусаси постоянно твердил: глаза, глаза! Вся воля сосредоточилась в его глазах, горевших ненавистью.

— Придется тебя прикончить! — крикнул Дзётаро, вырывая из ножен меч.

Иори бросился в атаку, применив заученный на занятиях прием.

Дзётаро сразу понял, что недооценил мальчишку. Он не ожидал, что Иори владеет мечом. Теперь Дзётаро сражался всерьез. Он должен убрать любопытного ради своих друзей. Дзётаро отчаянно размахивал мечом, но толку было мало. Иори, отразив его наскок, побежал, затем внезапно ринулся в контратаку. Иори снова побежал, заманивая противника на свою территорию.

— Где ты? — спросил Дзётаро, очутившись в густой роще. Сверху на него посыпались кора и листья. — Я тебя вижу! — крикнул Дзётаро и полез на дерево. — Если у тебя не вырастут крылья, считай себя покойником.

Иори оказался на самой верхушке, когда Дзётаро, ухватившись за толстую ветку, стал подтягиваться перед решающим рывком. Иори только и ждал этого момента. Его меч рубанул по основанию ветки, и Дзётаро полетел вниз.

— Ворюга! — крикнул ему вслед Иори.

Ветки смягчили падение. У Дзётаро пострадала только его гордость.

Он снова полез наверх.

Внезапно откуда-то послышались заунывные звуки флейты сякухати. Противники невольно замерли, прислушиваясь к мелодии. Дзётаро решил сменить тактику.

— Хорошо, — заговорил он, — признаю, что ты владеешь мечом. Это мне нравится. Скажи, кто тебя послал шпионить за мной, и я тебя отпущу.

— Признай свое поражение!

— Ты что, с ума сошел?

— Я еще не взрослый, но я Мисава Иори — единственный ученик Миямото Мусаси. Принять твои условия — значит оскорблять честь моего учителя. Сдавайся!

— Что? Что ты сказал? — не поверил своим ушам Дзётаро.

Дзётаро был готов признать поражение. В порыве чувств он начал расспрашивать:

— Как поживает мой учитель? Здоров ли он? Где он?

Удивленный Иори, все еще держась подальше от Дзётаро, ответил:

— Ха! Мой учитель не мог воспитать вора!

— Не называй меня так! Мусаси вспоминал

когда-нибудь о Дзётаро?

— Дзётаро?

— Если ты действительно его ученик, то непременно слышал от него мое имя. Я был с Мусаси в твоем возрасте.

— Выдумываешь небылицы.

— Правда.

Дзётаро полез вверх по стволу к Иори, желая объяснить ему, что они ученики одного учителя, но получил удар в ребро. Сорвавшись, он ухватился за Иори, увлекая его за собой. Оба рухнули на землю и лишились чувств.

В жилище Мусаси было свежо, потому что оно состояло пока из одной крыши на столбах. Стен еще не было. Такуан, придя сюда, чтобы посмотреть последствия урагана, решил дождаться возвращения Мусаси. Вечером его одиночество нарушил нищенствующий монах, который попросил кипятку.

Закончив ужин, состоявший из рисовых колобков, монах в знак благодарности предложил поиграть для Такуана на сякухати. Играл любитель, но звуки, извлекаемые из флейты, подкупали искренностью чувств, и Такуан угадал в них историю целой жизни. Раскаяние звучало в каждой ноте от первого до последнего звука

мелодии. Такуан подумал, что это и повествование его жизни, ведь при всех различиях люди — всего лишь собрание несбывшихся надежд в человеческой коже.

— По-моему, я тебя где-то видел, — проговорил Такуан.

Монах направил незрячий взор на Такуана и пробормотал:

— Я узнал твой голос. Ты Такуан из Тадзимы?

Такуан поднес лампу к лицу монаха.

— Аоки Тандзаэмон?

— Такуан! О, как хотел бы я забраться в какую-нибудь щель и сокрыть в ней свою греховную плоть!

— Кто бы мог подумать, что мы вновь встретимся. После событий в храме Сипподзи минуло десять лет.

— Я с содроганием вспоминаю те дни, — ответил монах. — Теперь я обречен на вечный мрак. В бренном мире меня удерживает лишь мысль о сыне.

— У тебя есть сын?

— Мне рассказывали, что он странствует с человеком, которого тогда привязали к криптомерии, с Такэдзо. Сейчас его зовут Миямото Мусаси.

— Ученик Мусаси твой сын?

— Так мне говорили. Я до сих пор испытываю стыд перед Мусаси, поэтому стараюсь пореже думать о мальчике. Сейчас ему семнадцать. Каким он стал? Мечтаю прикоснуться к нему и умереть.

В жалкой человеческой плоти не осталось и следа от бравого самурая, который заигрывал с Оцу. Такуана захлестнула жалость к несчастному монаху, который не обрел утешения и в вере. Такуан решил, что приведет монаха к Будде, который в своем бесконечном милосердии прощает десять зол и пять смертных грехов. Тандзаэмон, обретя истинную веру, сумеет найти Дзётаро.

Такуан назвал Тандзаэмону монастырь в Эдо.

— Скажи настоятелю, что я послал тебя и ты сможешь жить там сколько хочешь. Я приду туда через некоторое время, нам есть о чем побеседовать. Мне кажется, я знаю, где сейчас твой сын. Попробуем устроить вашу встречу. Не тоскуй, человек даже после шестидесяти лет способен познавать радость и быть полезным людям.

Такуан решительно выпроводил Тандзаэмона из дома. Тот ничуть не обиделся и со словами благодарности стал отвешивать низкие поклоны. Забрав тростниковую шляпу и флейту, Аоки скрылся в темноте.

Тандзаэмон отправился по тропе через рощу,

потому что там было посуше. Неожиданно он наткнулся на что-то. Он определил на ощупь, что перед ним лежали два тела. Монах повернул назад с криком:

— Такуан, помоги! Два мальчика лежат здесь без чувств!

Такуан вышел из дома, надел сандалии и спустился с холма в деревню. Быстро собрав людей с факелами, он велел захватить воды. Тандзаэмон побрел дальше своей дорогой.

Когда Такуан с крестьянами пришли в рощу, Дзётаро уже сидел, прислонившись к дереву, не совсем опамятовавшись. Держа Иори за руку, он раздумывал, приводить ли того в чувство, чтобы разузнать побольше о Мусаси, или уйти. Он вздрогнул от факелов, как дикое животное.

— Что случилось? — строго вопросил Такуан.

Узнав Дзётаро, он изумился так же, как и последний при виде Такуана. Юноша возмужал и изменился.

— Дзётаро?

Дзётаро, упершись ладонями о землю, склонился в поклоне. Он узнал Такуана с первого взгляда.

— Ты вырос в славного парня, — сказал монах.

Такуан пощупал пульс на руке Иори. Иори

понемногу приходил в себя и, очнувшись, разразился слезами.

— Почему ты плачешь? Ушибся? — спросил Такуан.

— Нет. Они арестовали моего учителя. Он в тюрьме в Титибу.

Из сбивчивого рассказа Иори Такуан понял суть дела и встревожился.

— Мне тоже надо кое-что сказать тебе, Такуан, — вымолвил Дзётаро дрожащим голосом.

— Не верьте ему, он вор! — вмешался Иори. — Все в его устах — сплошная ложь.

Дзётаро метнул в Иори гневный взгляд.

— Замолчите оба! Я решу, кто прав, а кто виноват, — прикрикнул Такуан.

Он отвел молодых людей за дом и велел разложить костер. Иори, не желая быть рядом с вором, некоторое время стоял в стороне, но потом ему стало завидно, что Дзётаро и Такуан дружески беседуют у огня, и он сел около них. Дзётаро изливал душу, как женщина на исповеди перед Буддой.

— Четыре года меня опекает человек по имени Дайдзо. Он из Нараи в провинции Кисо. Его мысли о спасении страны близки мне, и я готов умереть за него. Обидно, когда меня называют вором. Я по-прежнему остаюсь учеником Мусаси.

Я не отрывался от него душой ни на день. Дайдзо и я поклялись перед богами земли и неба, что не выдадим нашей тайны и не раскроем наших целей. Я не откроюсь даже тебе, но я не позволю, чтобы Мусаси оставался в тюрьме. Я пойду в Титибу и признаюсь в грабеже.

— Если вы ограбили сокровищницу, значит ты вор, — произнес Такуан.

— Нет! Мы не имеем ничего общего с обычными грабителями, — запротестовал Дзётаро, отведя глаза в сторону.

— Не знал, что воры делятся по разновидностям.

— Мы совершаем это не ради собственной корысти, а во имя народа. Мы используем богатства на благо людей.

— Отказываюсь понимать тебя. Ты утверждаешь, что ваши грабежи добродетельное преступление? Сравниваете себя с бандитами-героями из китайских романов? Вы жалкая пародия.

— Не могу вдаваться в подробности, чтобы не преступить клятву.

— А может, тебя просто одурачили?

— Как тебе угодно. Я сознаюсь ради Мусаси. А тебя прошу замолвить за меня доброе слово перед учителем.

— И не подумаю. Мусаси невиновен. Рано или поздно его все равно выпустят. Гораздо важнее, чтобы ты обратился к Будде. Через меня ты можешь ему покаяться в грехах.

— Будда?

— Ты не ослышался. Изображаете, будто совершаете нечто значительное во имя народа, а на деле вы выскочки, которые приносят горе многим.

— Мы не думаем о себе, стараясь для людей.

— Глупец! — Такуан влепил пощечину Дзётаро. — Человек суть всего на земле. Каждое действие есть проявление личности. Человек, не познавший себя, не способен на что-либо для других.

— Но мы ведь не для себя…

— Замолчи! Молоко на губах не высохло! Нет ничего опаснее скороспелых доброхотов, которые толкуют миру, в чем состоит его счастье. Не трудись объяснять мне, как ты и Дайдзо хотите облагодетельствовать мир. Я все понял. Перестань реветь! Высморкайся!

Дзётаро по приказу Такуана лег спать, но долго не мог заснуть, думая о Мусаси. Судорожно сжав руки, он просил о прощении. Щеки его были мокры от слез. Он вспомнил дни, проведенные

с Оцу, припомнил, как жгли его сердце ее слезы. Он не выдаст тайну Дайдзо, как бы ни настаивал Такуан.

Дзётаро неслышно поднялся, выскользнул наружу и взглянул на небо — надо спешить, ночь уже на исходе.

— Стой! — раздался за спиной голос Такуана. Он опустил руку на плечо Дзётаро. — Ты решил сознаться?

Дзётаро утвердительно кивнул.

— Не совсем умный ход, — сочувственно произнес монах. — Умрешь как собака. Полагаешь, что твое покаяние освободит Мусаси, но дело гораздо сложнее — власти продержат его в тюрьме до тех пор, пока ты не признаешься во всем, о чем не хочешь рассказывать мне. Тебя будут пытать, пока ты не заговоришь. На дознание может уйти год или два.

Дзётаро стоял с опущенной головой.

— Хочешь умереть как собака? Пойми, у тебя нет выбора: ты все расскажешь мне или сознаешься им под пыткой. Я ученик Будды и не стану тебя судить. Я все передам Будде.

Дзётаро молчал.

— Предлагаю тебе еще один вариант. Вчера я случайно встретил твоего отца. Он нищенству-

ющий монах. Я, конечно, не мог предполагать, что и ты поблизости. Я отправил твоего отца в один из монастырей в Эдо. Если ты так жаждешь смерти, не стоит ли тебе повидаться с отцом? Спроси его, прав я или нет. Выбирай, Дзётаро!

Такуан пошел в дом.

Дзётаро понял, что ночью на флейте играл его отец.

— Подожди, Такуан! Я все расскажу Будде, даже мою клятву Дайдзо.

Дзётаро исповедовался долго, не упуская ни малейшей подробности. Такуан сидел молча с бесстрастным лицом.

— Все, — выдохнул наконец Дзётаро.

— Точно?

— До последней мелочи.

— Хорошо.

Такуан молчал целый час. Рассвело, заблестела роса на траве, закаркали вороны. Такуан сидел, привалившись к стволу криптомерии. С другой стороны сидел Дзётаро, ожидавший приговора. С первого слова Такуана стало ясно, что он, обдумав услышанное, принял решение.

— Ты связался с непростыми людьми, помоги им небо. Они не понимают, в какую сторону крутится мир. Я рад, что ты все рассказал мне прежде,

чем дело приняло непоправимый оборот.

Такуан достал из внутреннего кармана две золотые монеты и протянул их Дзётаро.

— Побыстрее уходи отсюда! Промедление погубит тебя, твоего отца и Мусаси. Поспеши, но не вздумай приближаться к трактам Косю и Накасэндо. Сегодня там будут проверять каждого путника.

— А что будет с учителем? Я не могу уйти, не узнав о его участи.

— Предоставь мне эту заботу. Через год-другой, когда все уляжется, ты встретишься с ним и попросишь прощения. Тогда я и замолвлю за тебя словечко.

— Прощай!

— Ступай сначала в Эдо. В Адзабу находится монастырь Сёдзюан, принадлежащий секте дзен. Там ты найдешь своего отца. Возьми вот эту печать, которую я получил в храме Дайтокудзи. Монахи ее узнают. Попроси от моего имени монашеские одеяния, шляпы и необходимые бумаги. Вы сможете странствовать с отцом, не вызывая подозрений.

— Зачем нам притворяться монахами?

— Ты наивен, как дитя. Мой молодой друг, ты входишь в общество заговорщиков, которое

намерено убить сёгуна, поджечь замок Иэясу в Суруге, устроить беспорядки в местности Канто и захватить власть. Другими словами, ты — изменник. По закону тебя ждет виселица.

Дзётаро от изумления открыл рот.

— Иди!

— Последний вопрос. Почему называют изменниками тех, кто хочет сбросить Токугаву? Почему не считают предателями тех, кто сверг Тоётоми и захватил власть над страной?

— Этот вопрос не для монаха, — холодно ответил Такуан.

Гранат

В тот же день под вечер Такуан и Иори пришли в дом даймё Ходзё Удзикацу в Усигомэ. Стражник доложил о прибытии Такуана, и вскоре вышел Синдзо.

— Отец в замке, — сказал он. — Вы будете его ждать?

— Нет, я отправлюсь к нему. Я, собственно, в замок и собирался. Можно Иори остаться у вас?

— Конечно, — улыбнулся Синдзо, взглянув на мальчика. — Паланкин вызвать?

— Пожалуйста.

Такуан отбыл в лакированном паланкине, а Иори уже был в конюшне и с восхищением осматривал гнедых и серых в яблоках коней. Иори поражал благородный вид этих лошадей, совсем непохожих на привычных ему деревенских кляч. Он недоумевал, почему военное сословие содержит столько лишних лошадей в стойлах, не используя их для полевых работ.

Резкий голос Синдзо вывел Иори из задумчивости. Мальчик ожидал, что его начнут ругать. Выглянув наружу, он понял, что гнев Синдзо обращен на сварливую с виду старуху с посохом.

— Как ты можешь утверждать, что мой отец прячется? Зачем ему притворяться перед старой каргой, будто его нет дома? — кричал Синдзо.

— Ой-ой, как мы рассердились! — язвительно отвечала Осуги. — Ты, наверное, сынок даймё. Я не впервые прихожу сюда, и постоянно хозяина нет дома.

— При чем тут твои визиты? Отец не любит теперь принимать посторонних. Зачем ты приходишь, если он не хочет тебя видеть?

— Если он уклоняется от встреч с людьми, то почему живет среди них? — не унималась Осуги, оскаливая зубы.

Синдзо подмывало обозвать старуху бранным словом и припугнуть мечом, но он не надеялся, что дерзость произведет впечатление на странную гостью.

— Отца нет дома, — повторил он. — Я могу передать ему твою просьбу.

— Спасибо за любезность, — ответила старуха и уселась на ступеньки веранды. — У меня ноги отнимаются. Я пришла кое-что сообщить о Миямото Мусаси.

— С ним что-нибудь случилось? — тревожно спросил Синдзо.

— Нет, я хочу сообщить твоему отцу, каков этот

Мусаси. Когда ему было семнадцать, он ушел на войну и сражался при Сэкигахаре против Токугавы. Повторяю, против Токугавы. Потом он вернулся в Мимасаку и натворил там таких безобразий, что земляки от него отвернулись. Он перебил кучу народу, а теперь скрывается от меня по всей стране. Он бродяга и опасный человек.

— Но позволь…

— Слушай! Мусаси начал заигрывать с невестой моего сына. Он и увел ее с собой.

— К чему этот рассказ? — спросил Синдзо.

— Для блага страны, — не моргнув глазом, ответила Осуги.

— Какая польза стране от грязных сплетен о Мусаси?

— Я слышала, что Мусаси хотят взять ко двору сёгуна.

— Где это ты узнала?

— От человека в додзё Оно. Собственными ушами слышала. Скотина вроде Мусаси не достойна лицезреть сёгуна, а уж тем более тренировать его. Военный наставник дома Токугавы — это наставник всех японцев. Я пришла предупредить твоего отца, потому что он, говорят, рекомендовал Мусаси. Понятно! — Осуги, переведя дух, продолжила: — Интересы страны требуют, чтобы

я предостерегла твоего отца. И ты будь начеку, не верь ни одному слову Мусаси.

— Спасибо, я все передам отцу. — Синдзо старался говорить спокойно.

— Уж сделай одолжение, — произнесла Осуги и поднялась с чувством выполненного долга. Ее сандалии зашлепали к выходу.

— Мерзкая карга! — раздался мальчишеский голос.

Осуги озиралась, ища негодника, и увидела Иори, сидевшего на дереве.

— Угостись! — крикнул Иори и запустил в старуху гранатом, который лопнул, попав в цель.

— О-о! — завопила старуха, хватаясь за грудь.

Осуги погналась за Иори, который, спрыгнув с дерева, скрылся в конюшне. Она заглянула в дверь, вглядываясь в полумрак, и кусок лошадиного навоза угодил ей в лицо. Плюясь и ругаясь, старуха отпрянула от двери. Слезы хлынули у нее из глаз. Сколько ей пришлось пережить, защищая честь сына!

Иори наблюдал за ней с безопасного расстояния. Когда Осуги расплакалась, ему стало стыдно и захотелось попросить прощения, но возмущение клеветой на Мусаси жгло ему сердце. Иори кусал ногти, не двигаясь с места.

— Иори, посмотри на вершину Фудзиямы, — раздался голос Синдзо из верхней комнаты.

Иори радостно побежал на зов. Красота розового пика в лучах заходящего солнца вытеснила все неприятные мысли. Синдзо, казалось, тоже забыл о разговоре со старухой.

Страна грез

Иэясу передал должность сёгуна Хидэтаде в 1605 году, но сам продолжал править страной из резиденции в замке Суруга. Когда устои нового режима укрепились, Иэясу постепенно начал отдавать Хидэтаде бразды правления. Уступая власть сыну, Иэясу спросил его, как тот намерен ею распорядиться.

— Я буду строить, — ответил Хидэтада, порадовав отца.

Осака, в отличие от Эдо, была поглощена подготовкой к решающей битве. Военачальники готовили планы, гонцы скакали в разные стороны, отстраненным от службы полководцам и ронинам слали слова утешения, подкрепленные деньгами, копили боеприпасы, углубляли рвы, полировали копья.

Все больше горожан переселялось с запада в Эдо, опасаясь, что победа Тоётоми развяжет новую усобицу.

В тот день Хидэтада, одетый в дорожный костюм, занимался любимым делом: выйдя за главное кольцо укреплений, он проверял строительные работы в Фукиагэ. Когда сёгун в

сопровождении министров, слуг и буддийских монахов расположился на холме Момидзи, внизу поднялась суматоха.

— Держи негодяя! — кричал кто-то.

— Стой!

Двое плотников гнались за парнем из артели, которая копала колодцы. Тот убегал от них, как заяц. Нырнув за штабеля досок, он затаился на мгновение и затем бросился к лесам, еще не снятым с внешней стены, и начал карабкаться по ним вверх. Одному плотнику удалось ухватить его за ногу, и парень свалился на кучу древесных стружек. Плотники принялись его дубасить, но настигнутый землекоп почему-то не кричал.

— Что случилось? — заорал подбежавший самурай, надзиравший за плотниками. Следом подскочил и инспектор стройки.

— Эта свинья наступила на мой угольник, — возмущенно ответил плотник. — Угольник — это душа для любого плотника.

— Прекрати бить его!

— А если он наступил бы на твой меч?

— Ну ладно! Хватит шуметь. На холме сейчас находится сёгун.

Плотники примолкли, но один из них заявил:

— Пусть этот малый извинится перед нами.

— Мы сами разберемся, а вы поскорее беритесь за работу, — распорядился инспектор.

— Покажись-ка! Ты копаешь колодцы? — спросил инспектор, схватив лежавшего за воротник.

— Да, господин.

— Почему ты здесь? Ваша артель работает на другом участке.

— Он и вчера здесь болтался, — вставил плотник.

— Да? — произнес инспектор, сверля взглядом Матахати, слишком тщедушного для землекопа.

Матахати заперли в сарай за конторой главного инспектора стройки и, похоже, забыли о нем. Несколько дней Матахати видел только два мешка древесного угля, дрова и кадушки для солений, которые держали в сарае.

Попав в замок, Матахати решил, что лучше с убийством не связываться. Он видел сёгуна несколько раз, однако не предпринимал попыток выполнить задание Дайдзо. К подножию холма Момидзи его привело непредвиденное обстоятельство: рожковое дерево, под которым таился мушкет, собирались выкорчевывать, потому что оно мешало строительству книгохранилища. Матахати собрался выкопать оружие и незаметно выбросить его, чтобы не попасть под подозрение

властей.

Сидя в сарае, Матахати совсем потерял голову от страха. Он потрогал дверь, но она, конечно, была крепко заперта. Он взобрался на кадушку и попробовал протиснуться в маленькое оконце под крышей. Выбравшись наружу, Матахати подкрался к западным воротам. Увидев рожковое дерево на месте, Матахати с облегчением вздохнул. Найдя мотыгу, он принялся судорожно копать под деревом, прислушиваясь время от времени, не идет ли кто.

Матахати опасался, что мушкет уже обнаружен. Он прерывисто дышал, обливался липким потом, едва не теряя сознание.

Мотыга ударилась обо что-то. «Здесь!» — подумал Матахати, шаря рукой в земле. Вместо мушкета, обернутого в промасленную бумагу, он достал берцовую кость. Кошмарный сон наяву. «Зачем Дайдзо солгал мне?» — недоумевал Матахати, обходя дерево. Он не заметил, как за его спиной возникла чья-то тень.

— Его уже здесь нет, — произнес незнакомец, легонько хлопнув Матахати по плечу.

Матахати от ужаса чуть не свалился в выкопанную им яму. Тупо посмотрев на человека, он хрипло воскликнул от изумления.

— Следуй за мной! — приказал Такуан.

Матахати не двигался, похолодев от страха.

— Оглох? Иди за мной! — повторил монах.

— Надо бы… закопать… — проговорил заплетающимся языком Матахати.

— Оставь все как есть, — безжалостным тоном сказал Такуан. — Деяния людей, плохие и хорошие, как тушь на рисовой бумаге — их нельзя стереть. Думаешь, забросав землей яму, исправишь все, что ты натворил? Преступник! Я отпилю тебе голову бамбуковой пилой, а туловище швырну в кровавое озеро в аду.

Такуан, схватив Матахати за ухо, повел за собой. Подойдя к кухне, монах постучал в дверь.

— Откройте!

Появился заспанный мальчик, прислуживающий на кухне.

— Открой сарай! — приказал ему Такуан.

— В нем заперт землекоп.

— Его там нет. Он рядом со мной. Какой смысл запихивать его через окно, через дверь удобнее.

Мальчик побежал за инспектором, который поспешно явился, умоляя Такуана не сообщать начальству о случившемся. Матахати втолкнули в сарай, и за ним вошел Такуан. Вскоре монах выглянул из сарая и приказал:

— Принесите мне остро наточенную бритву!

Мальчик и инспектор растерянно переглянулись, но поспешили выполнить указание.

В сарае был непроглядный мрак. В окошке виднелся кусочек звездного неба. Матахати мешком сидел на камышовой циновке, понурив голову.

— Матахати, что ты искал под деревом? — заговорил после долгого молчания Такуан.

Матахати не отвечал.

— Ты по-прежнему пребываешь в мире фантазий. Наивен, как дитя, поэтому позволь втолковать тебе простую истину. Сколько тебе лет?

— Двадцать восемь.

— Как и Мусаси.

Матахати всхлипнул.

— Ты сам рыл себе могилу. Еще немного, и рожковое дерево стало бы памятником над могилой дурака.

Матахати упал к ногам Такуана и, захлебываясь слезами, запричитал:

— Спаси меня! Я только теперь все понял! Дайдзо провел меня.

— Нет, твои глаза пока не открылись, а Дайдзо тебя не обманывал. Он лишь использовал самого глупого человека на земле, но не только глупого, но жадного и мелочного, который согласился

на дело, неприемлемое для здравомыслящего человека.

— Да, я действительно совершил глупость.

— Знаешь, кто такой Дайдзо?

— Нет.

— Его настоящее имя — Мидзогути Синато. Он состоял на службе у Отани Ёсицугу, близкого друга Исиды Мицунари. Мицунари, как тебе известно, был одним из тех, кого разбили при Сэкигахаре.

— Значит, он один из тех, кого разыскивает сёгунат? — охнул Матахати.

— А кто еще мог замышлять убийство сёгуна? Твоя глупость безгранична.

— Он говорил только, что ненавидит Токугаву и будет лучше для страны, если Тоётоми вернется к власти, твердил, что старается ради всеобщего блага.

— И ты, не удосужившись сообразить, с кем имеешь дело, занялся рытьем собственной могилы? Отчаянный ты, Матахати.

— Помоги мне, Такуан!

— Отстань!

— Я ведь не стрелял из мушкета, даже не нашел его.

— Конечно, его там просто не было. Дзётаро,

которого тоже одурачил Дайдзо, не смог вовремя прибыть в Эдо и спрятать мушкет под деревом.

— Дзётаро? Тот мальчишка…

— Не твое дело. А вот обвинение в измене касается тебя непосредственным образом. Такие преступления не прощают. Боги и Будда тоже. Можешь не заботиться о спасении.

— Помилосердствуй! — завопил Матахати, обхватив колени Такуана.

— Глупец! — Такуан презрительно пнул его. В эту минуту Такуан походил на разгневанного Будду. Будду, наводящего ужас и отвергающего даже раскаявшегося.

Матахати, взглянув на Такуана, уронил голову. Он вздрагивал от беззвучных рыданий.

Такуан взял бритву.

— В ожидании смерти побудь в образе ученика Будды. Сядь и закрой глаза. Линия, разделяющая жизнь и смерть, тоньше твоего века. Не бойся смерти! Не плачь, сын мой. Такуан приготовит тебя к смерти.

Зал, в котором заседал совет старейшин сёгуната, был изолирован от остальных помещений замка Эдо. В этот секретный зал допускали немногих. Министры имели доступ к сёгуну через его приемную, куда они являлись лично или посыла-

ли бумаги в лакированных ящиках. В последнее время даймё Ходзё и Такуан не раз были званы в тайную часть замка, где проводили долгие часы.

В другой комнате министры слушали донесения из провинции Кисо о том, что Дайдзо, закрыв лавку в Нараи, скрылся вместе с семьей. Во время обыска обнаружили большие запасы оружия и некоторые документы, включая письма от сторонников Тоётоми в Осаке.

Министры чувствовали себя рыбаками, забросившими громадную сеть, но не поймавшими даже мелочи.

В это же время член совета старейшин Сакаи получил донесение иного рода: «В соответствии с Вашим приказом Миямото Мусаси освобожден из тюрьмы. Его передали человеку по имени Мусо Гонноскэ, объяснив, каким образом произошла ошибка».

Сакаи немедленно известил об этом Такуана. Сакаи чувствовал неловкость за недоразумение, случившееся на вверенной ему территории. «Пусть Мусаси не думает о нас слишком плохо», — сказал он Такуану.

Вопрос с лавкой Дайдзо в Эдо решили быстро. Ее обыскал отряд стражников во главе с начальником полиции Эдо и конфисковал все, что

там находилось. Заодно прихватили и несчастную Акэми, которая знать не знала о заговоре, который плел ее хозяин.

Такуан, получив в один из вечеров аудиенцию у сёгуна, сообщил ему последние новости и закончил рассказ словами:

— Помните, что на свете осталось еще много Дайдзо из Нараи!

— Поскольку ты раскрыл заговор, — сказал Хидэтада монаху, — жалую тебе право определить наказание арестованным.

— У меня к вам просьба, — обратился Такуан к сёгуну. — С разрешения совета старейшин даймё Ходзё, владелец Авы, и я рекомендуем самурая Миямото Мусаси на должность военного наставника при вашем дворе. Хочу надеяться, что наша рекомендация будет благосклонно принята.

— Мне докладывали. Дом Хосокавы интересуется Мусаси, что делает честь этому фехтовальщику. Считаю, что мы можем позволить еще одного мастера при дворе.

За день до ухода из замка Такуан направился к сараю за конторой инспектора и велел открыть дверь. Новообращенный ученик Будды щурился от яркого света.

— Выходи! — сказал Такуан.

Одетый в монашье облачение Матахати, пошатываясь от слабости, вышел из сарая. Наступил день расплаты. Перед глазами Матахати маячила камышовая циновка, на которую он встанет перед занесенным мечом палача. Он совсем забыл, что за измену полагается позорная виселица.

— Можешь идти сам? — спросил Такуан.

Матахати показалось, что он ответил, но на самом деле он едва пошевелил губами. Он не помнил, как они миновали крепостные ворота и перешли мост через ров. Матахати чувствовал себя скотиной, которую ведут на бойню.

«О Будда Амида! О Будда Амида!» — взывал в душе Матахати. Боковым зрением он видел великолепные дома даймё, мимо которых они проходили, дальше на восток начиналась деревня Хибия, за ней — кварталы центральной части города. Знакомый мир поворачивался к нему неизвестной стороной, и сердце Матахати сжалось от тоски по привычным картинам. Слезы закапали по щекам.

— Побыстрее! — строго приказал Такуан.

Матахати казалось, что они прошли тысячу километров, когда монах прошипел:

— Жди здесь!

Они находились посреди обширного пустыря.

Перед ними тянулась беленная известью стена, за которой виднелась крыша новой тюрьмы и возвышалось несколько темных строений, служивших резиденцией начальника стражей порядка в Эдо.

Ноги больше не держали Матахати, и он плюхнулся на траву. Раздался крик перепела, предвещая скорую смерть. Матахати внезапно охватило непреодолимое желание убежать. Что ему терять? Если его поймают, то накажут не строже, чем сейчас. Страх мелькнул в глазах Матахати. Он взглянул за ворота тюрьмы — Такуана не видно. Матахати опрометью побежал.

— Стой! — раздался окрик за спиной.

Это был один из тюремных палачей. Подбежав к Матахати, он огрел его палкой по плечу так, что тот упал. Палач прижал Матахати палкой к земле, как дети придавливают лягушку.

Вернулся Такуан в сопровождении нескольких стражников, которые вели еще одного арестованного. Начальник стражи указал место для исполнения наказания. На землю бросили две тростниковые циновки.

— Можно приступать? — спросил начальник стражи.

Такуан, кивнув, уселся на принесенное сиденье

рядом с начальником стражи.

— Вставай! — закричал палач, занося палку над Матахати.

Матахати с трудом поднялся. Палач схватил его за рясу и поволок к циновке.

Матахати ничего не видел вокруг, голоса людей звучали глухо и неясно, как будто за стеной. Вдруг до него дошло, что кто-то произносит его имя. Матахати покосился и, к величайшему изумлению, увидел на соседней циновке Акэми.

— Как ты сюда попала? — едва не задохнулся он.

— Молчать! — рявкнул стражник.

Начальник стражи встал и строгим голосом принялся читать приговор. Акэми держала себя в руках, но Матахати громко хлюпал носом.

— Начинай! — крикнул начальник.

Двое стражников низшего ранга стали методично сечь приговоренных бамбуковыми розгами.

Матахати стонал, Акэми молчала, стиснув зубы. На краю пустыря, как водится, появились зеваки.

— Что там?

— Секут арестованных.

— Сто ударов, верно.

— Пока и пятидесяти нет.

— А больно, должно быть.

Подошедший стражник, стукнув палкой о землю, велел зевакам расходиться. Люди отошли в сторону и досмотрели наказание до конца. Палачи тяжело дышали, вытирая пот. Розги превратились в мочала. Такуан и начальник стражи обменялись любезностями, и начальник увел подчиненных за тюремные ворота. Такуан немного постоял, глядя на распростертые тела, и молча удалился.

Сёгун наградил Такуана дорогими подарками, которые тот раздал монастырям. В столице Такуан сделался предметом пересудов. Его обвиняли в неуемном честолюбии и вмешательстве в мирские дела. Его даже называли «интриганом в монашьем облачении».

Солнце пробилось сквозь тучи и скрасило пасмурный день. Снова запел перепел. Два тела на циновках среди пустыря были неподвижны. Акэми первой подняла голову.

— Матахати, вода! — прошептала она.

Перед ними стояло по ушату воды, которая свидетельствовала о добром сердце начальника. Акэми напилась.

— Матахати, пить не хочешь?

Матахати зачерпнул воды ковшом и стал жад-

но глотать живительную влагу.

— Это все? — спросил он.

— О чем ты?

— Они не отрубили нам голову?

— И не собирались. Ты разве не слышал приговора?

— Что в нем говорилось?

— Высылка из Эдо.

— Живой! — взвизгнул Матахати.

С неожиданной резвостью он вскочил на ноги и пошел не оглядываясь. Акэми медленно поправила волосы, одернула кимоно, затянула оби.

— Подонок! — произнесла она, презрительно скривив губы.

Вызов

Иори маялся от безделья в усадьбе Ходзё.

— Когда придет Такуан? — спрашивал он Синдзо.

— Отец в замке, полагаю, что и Такуан с ним. Скоро вернутся. Почему тебе не поездить верхом?

Иори побежал в конюшню и оседлал любимого коня. Он уже ездил на нем и вчера, и позавчера без ведома Синдзо. И вот наконец можно открыто проскакать через весь двор. Конь вынес его на улицу. Иори летал мимо домов даймё, мимо рощ и рисовых полей. За равниной Мусасино синели горы Титибу. Иори вспомнил учителя, который томился в тюрьме в той стороне, вытер холодные щеки, которые почему-то были мокрыми.

— А если навестить Мусаси? — Не раздумывая Иори хлестнул коня. Проскакав бешеным галопом с километр, Иори подумал: «А вдруг Мусаси уже дома?»

Их дом оказался достроенным, но пустым. Крестьяне, жавшие рис на соседнем поле, не видели Мусаси. Значит, надо скакать в Титибу. Верхом можно обернуться за день.

На въезде в деревню Нобидомэ Иори пришлось осадить коня — дорога была забита вьючными и верховыми лошадьми, сундуками и паланкинами. У обочины обедали около полусотни самураев. Иори хотел поехать кружным путем, но к нему уже подбежали трое слуг.

— Стой, юнец!

— Как ты назвал меня? — возмутился Иори.

— Слезай с коня!

— Кто вы? Я вас не знаю!

— Закрой рот и слезай!

Не успел Иори опомниться, как его стащили с коня.

— Пошли! Тебя хотят видеть.

Слуги за шиворот повели его к придорожной чайной. Там на пороге его ожидала Осуги с тростниковой палкой в руке. Иори не успел даже удивиться ее присутствию в группе самураев.

— Ублюдок! — зашипела старуха и хлестнула Иори по плечу палкой.

Иори дернулся, чтобы занять боевую позицию, но противник многократно превосходил его.

— Слышала, ты ученик Мусаси? — продолжала Осуги. — Хороши ученички!

— Я не намерен иметь с вами дела.

— Нет уж, придется! Для начала кое-что расска-

жешь. Кто послал тебя следить за нами?

— Следить? — переспросил Иори, презрительно фыркнув.

— Как ты смеешь так себя вести? Твой учитель не преподал тебе приличных манер?

— Не нуждаюсь в ваших наставлениях. Прощайте!

— Никуда ты не уйдешь! — оскалилась Осуги, с силой ударив мальчика по ноге.

— О-ой! — вскрикнул Иори, падая на землю.

Слуги потащили Иори к мучной лавке у выезда из деревни, где сидел самурай, похоже, высокого ранга. Самурай неторопливо запивал обед горячей водой. Широкая ухмылка появилась на его лице при виде мальчика. «Опасен!» — подумал Иори про самурая.

Осуги, торжествующе вздернув подбородок, сказала:

— Видишь, я не ошиблась! Это Иори. Кому, как не Мусаси, подослать мальчишку. Интересно, что Мусаси замышляет на этот раз?

Кодзиро кивком головы отпустил слуг, которые хотели связать Иори. Под взглядом Кодзиро он не то что бежать, но и стоять мог с трудом.

— Слышал? Это правда? — спросил Кодзиро.

— Нет, я просто поехал покататься верхом. Я ни

за кем не следил.

— Возможно. Если Мусаси настоящий самурай, он не будет прибегать к таким уловкам. С другой стороны, он мог послать тебя выяснить, куда это вдруг собрался отряд самураев Хосокавы вместе со мной и Осуги. Разумный шаг с его стороны.

Кодзиро очень изменился. От задорного юношеского чуба не осталось и следа, поскольку голова была выбрита на традиционный самурайский манер. На смену ярким одеждам пришло строгое черное кимоно, которое в сочетании с хакама из грубой ткани придавало ему солидности. «Сушильный шест» Кодзиро носил теперь на боку. Мечта стать вассалом Хосокавы осуществилась, хотя не за тысячу коку риса, а всего за половину этого жалованья.

Отряд, который встретил Иори, послали под началом Какубэя в Будзэн, чтобы подготовиться к возвращению Хосокавы Тадатоси. Памятуя о преклонном возрасте отца, Тадатоси подал сёгуну прошение о подтверждении своих прав на удел. Подтверждение было пожаловано, что означало доверие сёгуна к дому Хосокавы. Осуги напросилась в попутчицы, потому что хотела хотя бы на время вернуться домой. Она оставалась главой семейства, хотя уже несколько лет отсутство-

вала в деревне. Будь дядюшка Гон в живых, он приглядел бы за хозяйством. На родине у Осуги накопилось много неотложных дел.

Осуги сразила весть о предполагаемом назначении Мусаси, о котором ей рассказал Кодзиро. Если Мусаси получит должность при сёгуне, то ей не добраться до заклятого врага. Она взяла на себя заботу уберечь сёгунат и страну от этого негодяя. Старуха побывала в усадьбах Ягю и Ходзё, разоблачая Мусаси и убеждая всех в необходимости предотвратить глупую и опасную затею. Она обошла всех министров, черня Мусаси везде, куда ее допускали.

Кодзиро особенно не поощрял ее, считая, что Осуги и сама прекрасно справится с делом. Она успела порядком всем надоесть, и Кодзиро взял ее в попутчицы, понимая, что ее лучше препроводить в деревню.

Иори, не зная этих подробностей, совсем растерялся. Он не мог ни убежать, ни плакать, дабы не бросить тень на своего учителя. Он невольно оказался во вражеской западне.

Кодзиро тяжелым взглядом смотрел на мальчика, удивляясь, что тот не отводит глаз.

— У вас есть кисть и тушь? — обратился Кодзиро к Осуги.

— Есть, да вот тушь пересохла.

— Хочу написать письмо. Мусаси не появляется, несмотря на то что люди Ядзибэя расставили повсюду объявления. Я даже не знаю, где он. Иори подходящий гонец, он доставит письмо.

— Что ты собираешься написать?

— Ничего особенного. Посоветую ему усиленно упражняться с мечом и посетить меня в Будзэне. Напишу, что готов до конца жизни ждать его появления. Пусть приходит, когда почувствует себя уверенно.

— Разве можно такое писать! — всплеснула руками Осуги. — Ждать всю жизнь! У меня не осталось столько времени. Мусаси нужен мне мертвый в течение ближайших двух-трех лет.

— Положитесь на меня. Я сам обо всем позабочусь.

— Ты должен убить его, пока я жива.

— Не волнуйтесь, мой могучий меч поразит его на ваших глазах.

Кодзиро пошел с письменным прибором к ручью. Смочив палочку туши, он быстро и четко написал послание. Каллиграфия его была столь же совершенна, как и стиль. Поставив именную печать, он подписался: «Сасаки Ганрю, вассал дома Хосокавы».

— Иди сюда, смелее! — позвал Кодзиро Иори. — Отнеси письмо Мусаси. Не потеряй, это важное послание.

Иори некоторое время стоял, глядя исподлобья, потом схватил письмо.

— Что в нем?

— То, что я сказал этой почтенной женщине.

— Можно посмотреть?

— Я запечатал свиток.

— Если в нем есть что-то оскорбительное, я письмо не возьму.

— В письме нет ни одного грубого слова. Я попросил Мусаси не забывать о нашей договоренности. Я жду его в Будзэне, если он надумает прийти. Я с нетерпением жду этой встречи.

— Какой встречи?

— На грани жизни и смерти. — Щеки Кодзиро слегка порозовели.

— Хорошо, я доставлю письмо, — ответил Иори, засовывая свиток за пазуху.

Отбежав метров на тридцать, он обернулся, высунул язык и крикнул:

— Старая ведьма!

Осуги было бросилась за ним, но Кодзиро остановил ее.

— Пусть бежит, — произнес он со снисходитель-

ной улыбкой. — Он еще маленький. — Окликнув Иори, Кодзиро крикнул: — Ничего приятного не скажешь на прощанье?

— Нет… — сдавленным голосом отозвался Иори. — Ты еще пожалеешь о своем письме. Мусаси не проигрывает таким, как ты.

— А ты подражаешь ему? Никогда не теряешь надежды? Мне нравится твоя преданность. Если он погибнет, приходи ко мне, и я пристрою тебя подметать сад.

Иори, не понимая, что Кодзиро дразнит его, оскорбился до глубины души. Схватив камень, он замахнулся, но застыл под взглядом Кодзиро.

— Прекрати! — властно приказал Кодзиро.

Иори показалось, будто глаза Кодзиро пронзили его. Он бросил камень и бежал, пока в изнеможении не упал в траву. Отдышавшись, Иори в задумчивости сел. Он считал Мусаси великим человеком и сам хотел стать таким. Он знал, что у Мусаси много врагов. Иори поклялся себе, что будет прилежно заниматься, дабы поскорее стать достойным помощником своему учителю. Вспомнив пронизывающий взгляд Кодзиро, Иори задумался, сможет ли Мусаси победить столь сильного соперника, и с огорчением признал, что самому Мусаси надо еще много учиться и

упражняться.

Иори решил идти в Титибу, чтобы доставить письмо Кодзиро, и только теперь вспомнил про коня. Он громко засвистел, подзывая коня и прислушиваясь, не раздастся ли топот копыт. Ржание донеслось со стороны пруда, но когда Иори добежал туда, то не увидел ни коня, ни пруда — туман сыграл с ним злую шутку.

В одиночестве, на безлюдной поздней осенью равнине Иори грустил, подобно траве, воде, стрекозам. Из глаз его полились слезы, но это были светлые, облегчающие душу слезы. Обратись к нему сейчас кто-нибудь, нет, не человек, а звезда или дух равнин с вопросом, почему он плачет, Иори не ответил бы. Он мог бы только сказать, что часто плачет от одиночества среди равнины.

Слезы сняли тоску с сердца мальчика. Он почувствовал умиротворяющую ласку земли и неба. Иори взбодрился и повеселел.

Фигуры пешего и конного возникли на фоне заходящего солнца.

— Не Иори ли там?

— Похоже, он.

Иори обернулся на голоса.

— Учитель! — закричал он, бросаясь к всаднику.

Добежав до Мусаси, он вцепился в стремя, боясь, что все ему грезится.

— Почему ты здесь один? — спросил Мусаси.

Звучал знакомый ласковый голос учителя, по которому истосковалась душа мальчика. Мусаси сильно осунулся, а может, игра вечерних теней делала его лицо худым.

— Я собирался в Титибу…

Иори узнал своего коня.

— Конь бродил один на лугу у реки, — смеясь, объяснил Гонноскэ. — Я решил, что бог равнин послал его Мусаси. Кстати, такое седло может быть только у самурая с доходом не менее чем тысячу коку риса.

— Конь, вообще-то, не мой, а Синдзо, — объяснил Иори.

— Ты все еще живешь в их доме? — спросил Мусаси, спешиваясь.

— Такуан отвел меня туда.

— А как наш новый дом?

— Готов.

— Можно возвращаться к себе.

— Учитель… Почему вы такой худой?

— Я некоторое время занимался медитацией.

— Как вам удалось освободиться?

— Гонноскэ расскажет. Могу лишь добавить,

что боги не оставили меня в беде.

— Не волнуйся, Иори, — вмешался Гонноскэ. — Никто теперь не сомневается в невиновности Мусаси.

Иори начал рассказывать про разбойников, Дзётаро и их встрече, о «мерзкой старухе»… Здесь он вспомнил про письмо.

— От Кодзиро? — удивился Мусаси. — Где ты его видел?

— В деревне Нобидомэ. Старуха вместе с ним. Он сказал, что направляется в Будзэн. С ним был отряд самураев Хосокавы… Учитель, будьте начеку, он опасный человек.

Мусаси кивнул, засовывая нераспечатанный свиток во внутренний карман кимоно.

— Кодзиро очень сильный, правда? — продолжал Иори, считая, что Мусаси не прислушался к его предупреждению. — Почему он против вас?

За разговором они не заметили, как добрались до отстроенного заново дома. Иори побежал в деревню раздобыть еды, а Гонноскэ принес воды и развел огонь в очаге.

Весело потрескивал огонь, и было отрадно видеть всех живыми и здоровыми. Только сейчас Иори заметил свежие шрамы на шее и руках Мусаси.

— Откуда они? — удивился Иори.

— Пустяки! Коня накормил?

— Да, учитель.

— Завтра вернешь его хозяину.

Иори поднялся на заре, чтобы до завтрака покататься верхом. Показавшееся из-за горизонта солнце привело его в восторг.

— Учитель, вставайте! — бросился он к дому. — Оно такое же, как и в горах Титибу. Огромное, сейчас оно покатится по равнине. Гонноскэ, пора вставать!

— Доброе утро! — сказал Мусаси, выходя из рощи, где он совершал утреннюю прогулку.

Взволнованный Иори не захотел даже завтракать.

— Я поехал! — крикнул он, хлестнув коня.

Мусаси долго наблюдал, как лошадь с всадником неслась навстречу солнцу, постепенно уменьшаясь, пока не превратилась в точку, растворившуюся в огненном диске.

Врата славы

Садовник поджег собранные листья и отпер калитку, прежде чем идти завтракать. Синдзо был уже на ногах. День он начал, как обычно, с чтения китайских классиков, а потом занялся фехтованием. Умывшись у колодца, он отправился в конюшню.

— Конюх!

— Да, господин!

— Гнедого все еще нет?

— Нет, но я больше беспокоюсь о мальчике.

— Не волнуйся. Он вырос в деревне и не пропадет.

Пожилой привратник сообщил Синдзо, что группа молодых людей ожидает его в саду. Синдзо поспешил в сад.

— Давно мы не виделись! — обратился к Синдзо один из самураев.

— Как я рад, что мы снова вместе! — ответил Синдзо.

— Как здоровье?

— Великолепно, как видишь. Что вас привело сюда в столь ранний час?

Пятеро бывших учеников Обаты Кагэнори —

сыновья гвардейцев сёгуна или конфуцианских ученых — обменялись многозначительными взглядами.

— Поговорим вон там, — указал Синдзо на поросший кленами пригорок.

Молодые люди окружили костер из листьев, разложенный садовником.

— Говорят, что это дело рук Сасаки Кодзиро, — сказал один из самураев, указывая на шрам на шее Синдзо.

Синдзо промолчал.

— Мы собрались по поводу Кодзиро, — продолжал молодой человек. — Вчера мы узнали, что он убил Ёгоро.

— Я этого ждал, — сказал Синдзо. — Доказательства у вас есть?

— Косвенные. Тело Ёгоро нашли у подножия холма Исараго, за храмом. Дом Какубэя как раз на этом холме, а Кодзиро живет у него.

— Ёгоро мог один пойти к Кодзиро.

— Несомненно. Цветочник видел человека, судя по описанию Ёгоро, который пробирался на холм. Кодзиро зарубил Ёгоро и стащил его вниз.

— И это все? — спросил Синдзо.

— Нет. Мы хотим обсудить будущее дома Обаты и рассчитаться с Кодзиро.

Синдзо застыл в глубокой задумчивости.

— Ты, верно, слышал, что Кодзиро стал вассалом Хосокавы Тадатоси и сейчас находится на пути в Будзэн, — продолжал молодой человек. — Все сошло ему с рук: оскорбление учителя, убийство его единственного сына и расправа с нашими товарищами. Мы, ученики Обаты Кагэнори, обязаны что-то предпринять.

Белесые хлопья пепла вились над костром.

— Я тоже одна из жертв, — после долгого молчания произнес Синдзо. — У меня есть свой план. Что предлагаете вы?

— Мы хотим обратиться с протестом к Хосокаве, рассказать ему обо всем и потребовать, чтобы он выдал Кодзиро нам. Мы насадим голову Кодзиро на пику и поставим у могилы учителя.

— Полагаете, что Кодзиро выведут связанным к вам? Вряд ли, Хосокава не пойдет на это. Его клан заинтересован в боевом мастерстве Кодзиро, поэтому его взяли в вассалы. Вашу жалобу воспримут как новое подтверждение его воинского искусства. Какой даймё выдаст вам своего вассала без веских причин?

— Тогда нам остаются крайние меры.

— Какие?

— Их отряд продвигается медленно. Мы успеем

собрать всех преданных учеников школы…

— И напасть?

— Да. Просим тебя присоединиться к нам.

— Ваш план мне не нравится.

— Ты же носишь имя Обата!

— Признать превосходство противника трудно, — задумчиво проговорил Синдзо. — Кодзиро искуснее всех нас. Напав на него даже не одним десятком, мы лишь покроем себя позором.

— Неужели ты останешься в стороне? — в один голос воскликнули все самураи.

— Нет, вы меня неправильно поняли. Я не хочу, чтобы Кодзиро остался безнаказанным, но выжидаю срок.

— Завидное терпение! — усмехнулся один из молодых людей.

— Боишься ответственности? — спросил другой.

Синдзо не отвечал. Молодые самураи молча пошли от костра. У конюшни они увидели незнакомого мальчика, который расседлывал взмыленного коня.

Вскоре к конюшне подошел Синдзо.

— Хорошо, что ты вернулся! — воскликнул он.

— Вы что, поссорились? — спросил Иори.

— С кем?

— С самураями, которые только что прошли здесь. Они были очень сердитые и как-то странно говорили. Он, мол, трусоват, мы его переоценили.

— Не обращай внимания, — ответил Синдзо. — Где ты был ночью?

— Дома. Учитель вернулся.

— Я знаю, что его должны были освободить. Слышал новость, Иори?

— Какую?

— Твой учитель теперь очень важный человек. Ему невероятно повезло — он будет наставником сёгуна по фехтованию. Мусаси создаст собственную школу.

— Правда?

— Совершенно серьезно. Ты рад?

— Конечно! Можно взять коня?

— Ты ведь только приехал.

— Я поскачу домой и сообщу учителю.

— Не надо. Как только состоится решение совета старейшин, я сам поеду к Мусаси.

Решение вскоре было принято. Из замка прискакал гонец с письмом для Такуана и вызовом Мусаси в канцелярию сёгуна. Мусаси повелевалось явиться на следующий день в Приемный павильон у ворот Вадакура.

Когда Синдзо прискакал к дому Мусаси на равнине Мусасино, он застал хозяина, который, держа котенка на руках, беседовал с Гонноскэ.

— Я приехал за тобой, — сказал Синдзо.

— Спасибо, — произнес Мусаси. — Благодарю за заботу об Иори.

Вечер Мусаси провел с Такуаном и даймё Удзикацу, наслаждаясь теплотой их дружбы.

Проснувшись на следующее утро, Мусаси нашел у своей постели сложенное парадное платье, веер и бумажные салфетки.

— Сегодня у тебя великий день, — сказал ему за завтраком Удзикацу. На завтрак подали рис с красными бобами, морского леща и другие праздничные кушанья.

Получив вызов во дворец сёгуна, Мусаси сначала хотел отказаться от высокой чести. В Титибу он много размышлял о двух годах, прожитых в Хотэнгахаре, и о разумном правлении. Мусаси пришел к выводу, что даже Эдо, не говоря уже об остальной стране, не готов к системе идеального правления, о которой он мечтал. Проповедовать основы Пути к государственным делам преждевременно, надо дождаться, какая из сил — Эдо или Осака — установит безоговорочную власть над страной. Мусаси мучил еще один вопрос — ес-

ли дело дойдет до войны, кого ему поддерживать: Восточную или Западную армию? Или укрыться в горах и питаться кореньями до тех пор, пока не наступит мир?

Мусаси все же не мог отказаться от оказанной чести потому, что подвел бы своих благожелателей и друзей.

В необыкновенно солнечное утро Мусаси в парадном платье ехал на великолепном скакуне к вратам славы.

На въезде к Приемному павильону стоял высокий столб с надписью: «Спешиться!» Мусаси соскочил с коня, стражник и конюх приняли поводья.

— Меня зовут Миямото Мусаси, — произнес Мусаси установленную этикетом фразу. — Прибыл по вызову, направленному вчера советом старейшин. Сопроводите меня к начальнику приемной.

Мусаси провели в приемную и оставили там, «пока не последует приглашение». Приемная представляла собой просторную комнату, расписанную птицами и орхидеями. Приемная называлась «Комната орхидей». Появился слуга с чаем и сладостями. Птицы не пели, орхидеи не благоухали, и Мусаси начал позевывать.

Наконец появился круглолицый седоволосый придворный, а может, и министр.

— Вы Мусаси? — спросил Сакаи Тадакацу. — Простите, что заставили вас ждать.

Сакаи был крупным даймё, но в замке занимал весьма скромный пост, имея одного человека в услужении.

Мусаси склонился в поклоне, произнеся предписанную этикетом фразу:

— Я Миямото Мусаси. Ронин из Мимасаки, сын Мунисая, из рода Симмэн. Явился, повинуясь воле сёгуна.

Тадакацу закивал головой, тряся двойным подбородком.

— Вас рекомендовали монах Такуан и даймё Ходзё, владетель Авы, однако в последний момент планы сёгуна переменились, — смущенно заговорил он. — Ваше назначение не состоялось. Совет старейшин сегодня собирался еще раз по вашему поводу. Мы повторно обратились к сёгуну, но, увы, тщетно.

Старик сочувственно взглянул на Мусаси.

— К сожалению, в нашем бренном мире подобные превратности подстерегают нас на каждом шагу, — добавил он. — Впрочем, неведомо, счастье или беда оказаться на официальном посту.

— Да, господин, — ответил Мусаси.

Слова Тадакацу звучали музыкой в ушах Мусаси. Радость переполняла его сердце.

— Я понимаю справедливость высочайшего решения, господин. Весьма вам признателен, — радостно произнес Мусаси.

Он увидел волю небес в таком повороте событий, проявление той воли, которая несравненно могущественней власти сёгуна.

— Я слышал, вы интересуетесь живописью, что необычно для самурая, — дружелюбно продолжал Тадакацу. — Я хотел бы показать сёгуну образчик вашего художественного дарования. Будьте выше пошлых сплетен. Благородный самурай не унижается, опровергая грязные слухи, а оставит немое свидетельство чистоты своего сердца. По-моему, для этого лучше всего подходит живопись. Как вы думаете?

Тадакацу ушел, предоставив Мусаси возможность обдумать его предложение.

Мусаси выпрямился. Он понял смысл слов Тадакацу: сплетня не достойна того, чтобы на нее отвечать. Он должен представить зримое доказательство благородства своей души. Честь его останется незапятнанной, и он не подведет друзей, рекомендовавших его, если сумеет создать

достойное произведение.

Взгляд Мусаси упал на белую шестистворную ширму в углу комнаты. Она словно манила художника к себе. Вызвав дежурного самурая, Мусаси попросил принести кисти, тушь, выдержанную киноварь и синюю краску.

Мусаси много рисовал в детстве, спасаясь от одиночества. В тринадцать лет он забросил рисование и не касался кисти до двадцати лет. Во время странствий он не упускал возможности осмотреть росписи в старинных храмах или живописные свитки в аристократических домах. Особое впечатление на него произвела возвышенная простота рисунков. Увидев белку с каштанами в доме Коэцу, Мусаси при случае любовался старинными китайскими мастерами Сунской эпохи, японскими дзен-буддийскими художниками пятнадцатого века, современными картинами школы Кано, особенно произведениями Кано Санраку и Кайхо Юсё. Одни нравились больше, другие меньше. В размашистых ударах кисти Лянкая угадывалась божественная сила гения, особенно заметная глазу фехтовальщика. Кайхо Юсё, вероятно благодаря своему самурайскому происхождению, к старости достиг такой возвышенной чистоты самовыражения, что Му-

саси почитал его непревзойденным мастером. Музей любил и неожиданные импровизации монаха-отшельника Сёкадо Сёдзё, друга Такуана.

В бесконечных странствиях Мусаси все же находил время для рисования, но никому не показывал свои работы. Настало время, когда с помощью кисти он должен запечатлеть памятный день в своей жизни. Произведение предназначалось взору сёгуна.

Мусаси работал быстро, не прерываясь ни на минуту. Последний штрих, и, опустив кисть в воду, он вышел, даже не оглянувшись на творение своих рук.

Выезжая из замка, он чуть придержал коня, размышляя, где же обретает подлинная слава — по ту или по эту сторону крепостных ворот?

Сакаи Тадакацу вернулся в приемную и долго просидел в безмолвии перед непросохшей картиной. Перед ним расстилалась равнина Мусасино, в центре которой восходило гигантское пурпурное солнце. Оно выражало цельность и благородство натуры Мусаси. Остальная часть картины, написанная тушью, передавала настроение осени.

«Мы потеряли тигра», — подумал Тадакацу.

Зов небес

— Вернулся? — воскликнул Гонноскэ, осматривая туго накрахмаленный официальный костюм Мусаси.

Мусаси вошел в дом и сел. Гонноскэ припал к полу в поклоне.

— Прими мои поздравления. Переедешь отсюда завтра?

— Меня не приняли, — коротким смешком отозвался Мусаси.

— Шутишь?

— Нет. Считаю, что все сложилось к лучшему.

— В чем причина отказа?

— Не счел нужным расспрашивать. Я полагаюсь на волю небес.

— Неужели не сожалеешь?

— По-твоему, славу можно добыть только в замке Эдо?

— Кто-то оклеветал тебя?

— Похоже. Мне это безразлично. Сегодня я впервые осознал, что мои мечты и помыслы — всего лишь фантазии.

— Неправда! Я тоже считаю, что Путь Меча и основы справедливого правления, в сущности,

совпадают.

— Я рад, что ты согласен со мной. В жизни, правда, идеи одинокого мыслителя редко находят понимание у людей.

— Выходит, наши мысли ничего не стоят?

— Нет, всегда будет необходимость в людях возвышенного ума и духа, как бы ни разворачивались события в стране. Путь правления не сводится лишь к «Искусству войны». Мудрая государственная система должна быть гармоничным соединением военного искусства и изящной словесности. Высшая цель Пути Меча состоит в том, чтобы обеспечить мир в стране. Я понял, что мои надежды были детскими мечтами. Мне суждено стать прилежным слугой двух господ: меча и пера. Прежде чем помышлять об управлении народом, я обязан понять его.

Мусаси невесело засмеялся и попросил Гонноскэ принести тушечницу. Написав письмо, он запечатал его и обратился к Гонноскэ:

— Будь добр, отнести это письмо.

— В резиденцию Ходзё?

— Да. Я изложил все, что думаю. Передай поклон Такуану и господину Удзикацу. Да, и возьми вот это для Иори.

Мусаси протянул Гонноскэ потертый парчовый

мешочек с золотым песком.

— Почему ты возвращаешь его? — заподозрив неладное, спросил Гонноскэ.

— Ухожу в горы.

— Мы с Иори хотим неразлучно быть с тобой в горах или в городе.

— Я не ухожу навсегда. Буду благодарен тебе, если ты позаботишься об Иори. Года два-три поживете без меня.

— Удаляешься от мирской жизни?

— Я еще слишком молод для ухода от дел, — засмеялся Мусаси. — И пока не отказался от своих надежд. Меня ждут и желания, и разочарования в будущем. Не знаю, кто сочинил песню, но звучит она так:

Страстно мечтаю
Слиться с величием гор.
Но люди неодолимо
Влекут меня к себе.

Гонноскэ слушал, почтительно склонив голову.

— Уже темнеет. Мне пора, — сказал Гонноскэ, поднимаясь на ноги. — Я пошел.

Взяв лошадь под уздцы, Гонноскэ повел ее за собой. Ему и в голову не приходило поехать верхом,

потому что лошадь привели для Мусаси. Через два часа он добрался до Усигомэ и отдал письмо Такуану. Здесь уже знали о случившемся от гонца, который сообщил, что Мусаси не приняли на службу из-за нелестных отзывов о его поведении в прошлом. Решающую роль сыграло сведение о том, что он имеет кровного врага, поклявшегося его убить. По слухам, Мусаси заслужил себе расправу. Министры сёгуна провели несколько часов в обсуждении, но и они в конце концов признали справедливыми доводы Осуги.

Такуан ожидал, что найдет в письме Мусаси слова досады и разочарования, но Мусаси писал только о решении уединиться в горах. В письме была и песня, которую он исполнил Гонноскэ. Письмо завершалось словами: «Беспокойный странник, я вновь пускаюсь в путь без цели и смысла. Быть может, следующие строки объяснят тебе что-то:

Если небо и земля
Воистину мой сад,
Любуясь им,
Я готов покинуть дом,
Имя которому Бренный мир».

Удзикацу и Синдзо до глубины души тронула

деликатность Мусаси.

— Он слишком непритязателен, — сказал Удзикацу. — Хорошо бы повидаться с ним, пока он не ушел. Сомнительно, чтобы он откликнулся на наше приглашение, так что я сам лучше навещу его. — С этими словами Удзикацу поднялся, но к нему обратился Гонноскэ:

— Задержитесь на минуту. Я тоже возвращаюсь к Мусаси, но он просил передать кое-что Иори. Можно позвать мальчика?

Иори пришел и сразу увидел свой мешочек.

— Мусаси сказал, что это единственная память о твоем отце, — произнес Гонноскэ.

По просьбе Такуана Иори рассказал о родителях.

— Единственное, о чем я не знаю, — это судьба моей сестры. Не помню, чтобы отец и мать что-нибудь говорили о ней. Жива ли она? — завершил он свой рассказ.

Такуан достал из мешочка мятый лист бумаги. Прочитав зашифрованную надпись, оставленную отцом Иори, Такуан едва сдержал возглас изумления.

— Здесь написано про твою сестру, — произнес он, пристально глядя на Иори.

— Я подозревал об этом, но настоятель храма

Токугандзи не смог разобрать записку отца.

Такуан начал читать: «Я решил скорее умереть с голоду, нежели поступить на службу к новому сюзерену. Мы с женой с трудом влачим жалкое существование. Нам пришлось оставить нашу дочь у дверей одного храма в центральной провинции. Мы вложили в ее одежду „голос неба“ и поручили девочку милости богов. Вскоре мы перебрались в другую провинцию. Я купил крестьянский дом в провинции Симоса. Я мечтал навестить место, где мы оставили девочку, но мы жили слишком далеко оттуда. Я не был уверен, пойдет ли на пользу девочке мое появление, поэтому решил не объявляться ей.

Да, родители жестоки. Сердце жгут стихи Минамото-но Санэтомо:

Дикие звери,
Бессловесные твари
Знают чувство
Родительской любви
К родному потомству.

Да не осудят меня предки! Я не мог запятнать честь изменой сюзерену. Ты мой сын. Никогда не вкушай от бесчестия, как бы ты ни жаждал славы».

— Ты увидишь сестру, — проговорил Такуан, засовывая бумажку в мешочек. — Я хорошо ее знаю. И Мусаси тоже. Пойдешь с нами, Иори.

Такуан не упомянул имени Оцу, не объяснил, что «голос неба» означал флейту.

Быстро собравшись, все пустились в путь. До дома на равнине добрались на утренней заре. Дом был пуст. Над краем равнины застыло одинокое облако.

Книга седьмая. Свет совершенства

Сорвавшийся бык

В лучах неяркого солнца тень сливовой ветки дерева на оштукатуренной стене походила на четкий рисунок тушью. В Коягю пришла ранняя весна, и заросли сливовых деревьев ждали прилета соловьев.

Соловьи появлялись в определенное время года, но странствующие ученики боевых искусств стучались в ворота замка круглый год. Их поток не иссякал, но просьбы не отличались разнообразием — все хотели сразиться с Сэкисюсаем или получить его наставления. «Всего один поединок», «Хочу только взглянуть на учителя», «Я единственный ученик такого-то» — последние десять лет на все эти просьбы стража отвечала, что хозяин никого не принимает по причине преклонного возраста. Одни уходили молча, другие пускались в пылкие рассуждения о смысле Пути и о недопустимости пренебрежительного отношения к молодым фехтовальщикам, третьи пытались подкупить стражу.

Бесчисленные визитеры не знали, что Сэкисюсай умер в конце прошлого года. Мунэнори не мог покинуть Эдо до четвертого месяца, поэтому

до его приезда решили держать смерть старого даймё в тайне. За стенами замка о смерти его владельца знали немногие доверенные люди. Один из них в этот момент сидел в гостевой комнате замка. Это был Инсун, настоятель Ходзоина, который после кончины Инъэя не только сохранил славу монастыря как центра боевого искусства, но и приумножил ее. Он поддерживал тесную связь между монастырем и замком, возникшую во времена молодости Сэкисюсая и Инъэя.

Инсун хотел повидаться с Хёго. Сукэкуро догадывался о намерениях старого монаха. Он собирался проверить Хёго в бою, ведь поговаривали, будто в мастерстве тот превзошел и деда, и своего дядю Мунэнори. Хёго считал такой поединок бессмысленным.

— Если бы Хёго чувствовал себя получше, он встретился бы с вами, — уверял Инсуна Сукэкуро.

— Неужели он до сих пор не вылечился от простуды?

— Да, совсем замучила его.

— Не знал, что Хёго так слаб здоровьем.

— Пожив в Эдо, он отвык от наших суровых зим.

Слуги тем временем искали в саду Оцу. В од-

ном из садовых домиков раздвинулись сёдзи и показалась Оцу. Она пошла по дорожке, оставляя за собой тонкий запах благовоний. Бледность ее лица могла бы сравниться со сливовым цветом. Она была в трауре, который не сняла и по прошествии ста дней после смерти Сэкисюсая.

— Где вы были? — подбежал к ней мальчик-слуга. — Господин Хёго ждет вас.

Оцу поспешила в его комнату.

— Оцу, будь добра, поговори вместо меня с одним посетителем, — попросил Хёго. — С ним сейчас Сукэкуро, но думаю, что он уже изнемог, слушая бесконечные рассуждения об «Искусстве войны».

— Настоятель Ходзоина пожаловал?

— Да.

Оцу слегка улыбнулась и, поклонившись, ушла.

Инсун, не церемонясь, продолжал расспросы о Хёго. Сукэкуро мучительно искал выход из затруднительного положения, подбирая слова поделикатнее, и, к его счастью, появилась Оцу.

— Как приятно вновь видеть вас в замке, — обратилась она с улыбкой к настоятелю. — К сожалению, Хёго очень занят срочным посланием в Эдо. Он просил извиниться перед вами.

Оцу принялась угощать чаем и сладостями Инсуна и сопровождавших его двух молодых монахов.

Инсун притворился, будто не заметил расхождений в объяснениях Оцу и Сукэкуро по поводу Хёго.

— Весьма жаль, — произнес он. — У меня важное сообщение для него.

— С удовольствием передам его, — подхватил Сукэкуро. — Уверяю, оно достигнет только слуха Хёго.

— Не сомневаюсь, — ответил старый монах.

Инсун принес весть о замке Уэно в провинции Ига. Граница между двумя уделами находилась в нескольких километрах к востоку и пролегала по безлюдной горной местности. Иэясу, конфисковав Уэно у принявшего христианство даймё Цуцуи Садацугу, передал земли Тоде Такаторе. Такатора поселился во владении в прошлом году, отремонтировал замок, изменил налоги, обновил ирригационную систему и укрепил свою власть. Теперь он намеревался расширить свои земли за счет Коягю. Такатора направил группу самураев в Цукигасэ, где они занялись строительством, вырубкой сливовых деревьев, тем самым открыто нарушая границы Коягю.

— Такатора беззастенчиво пользуется тем, что вы находитесь в трауре. Без преувеличений можно сказать, что он замыслил перенести границу в свою пользу. Вам следует пресечь его попытки сейчас, потом будет труднее восстановить свои права. Нельзя пускать дело на самотек.

— Мы проверим положение на границе и подготовим жалобу, если все подтвердится, — заверил настоятеля Сукэкуро, поблагодарив за известие.

Вскоре Сукэкуро докладывал о разговоре Хёго, однако тот равнодушно воспринял услышанное.

— Дядя приедет и во всем разберется, — с улыбкой произнес он.

Такое легкомыслие поразило Сукэкуро, который дорожил каждой пядью земли сюзерена. Посоветовавшись со старшими самураями Коягю, он решил предпринять тайные меры. С Тодой Такаторой шутить было нельзя: тот входил в число самых могущественных даймё страны.

На следующее утро, возвращаясь из додзё, Сукэкуро столкнулся с мальчиком лет четырнадцати. Мальчик поклонился.

— А, Усиноскэ! Как всегда, подсматриваешь за тренировками? — весело приветствовал его Сукэкуро. — Какой подарок ты привез мне сегодня? Дикий картофель?

Сукэкуро нарочно поддразнивал мальчика. Картофель, который привозил мальчик, на самом деле был превосходного вкуса. Мальчик жил с матерью в горной деревне Араки и часто приезжал в замок, чтобы продать древесный уголь, мясо дикого кабана и другие продукты.

— Сегодня картофеля нет, зато есть подарок для Оцу, — сказал мальчик, показывая на что-то, обмотанное соломой.

— Ревень?

— Нет, живое! Соловей! Я поймал его. Их сейчас много в Цукигасэ.

— Ты всегда ездишь через Цукигасэ?

— Да, другого пути сюда нет.

— Не замечал там незнакомых самураев?

— Есть какие-то.

— А что они делают?

— Строят дома.

— Не видел, как они ставят пограничные столбы?

— Нет.

— Сливовые деревья рубят?

— Рубят лес для домов, а еще для мостов. На дрова тоже.

— На путников не нападают?

— Я не видел.

Сукэкуро задумался.

— Говорят, что они из удела даймё Тоды. У вас что слышно про них?

— В нашей деревне говорят, что это ронины, которых прогнали из Нары и Удзи. Им негде жить, вот они и перебрались в наши горы.

Такое объяснение было разумным. Окубо Нагаясу, правитель города Нара, упорно преследовал ронинов.

— Где Оцу? — спросил Усиноскэ. — Хочу отдать ей подарок.

Усиноскэ всегда с радостью встречался с Оцу, но не потому, что она баловала его сладостями. Его манила красота Оцу, носившая неземной отпечаток. Порой мальчику казалось, что она богиня, а не обыкновенная женщина.

— Она, верно, в замке, — ответил Сукэкуро, но, бросив случайный взгляд в сторону сада, увидел Оцу. — Тебе повезло! — воскликнул Сукэкуро. — Вот она!

— Оцу! — громко крикнул Усиноскэ.

Подбежав к Оцу, он протянул ей соломенный сверток.

— Я поймал соловья специально для вас.

— Соловья? — переспросила Оцу, нахмурив брови.

— Разве вы не хотите послушать соловья? — разочарованно сказал мальчик.

— Когда он на свободе. Иначе он не может хорошо петь.

— Вы правы, — вздохнул Усиноскэ, осторожно разворачивая солому. Птица стрелой взмыла в небо.

Оцу пошла к бамбуковой роще за замком, и мальчик увязался за ней.

— Куда вы идете?

— Засиделась в замке. Хочется побродить в горах, полюбоваться цветущей сливой.

— Так ведь здесь мало сливовых деревьев. Их лучше смотреть в Цукигасэ.

— Это далеко?

— Километра два. Можете поехать на моем воле, я сегодня привез дрова в замок.

Оцу долго не раздумывала. Они вышли через задние ворота, у которых был привязан вол. Самурай на страже приветливо улыбнулся Оцу. Усиноскэ хорошо знали в замке.

— Я к вечеру вернусь? — спросила Оцу.

— Конечно, вы и домой поедете на воле, а я вас провожу.

Они миновали лавку, в которой какой-то человек выменивал тушу кабана на соль. Вскоре

они заметили, что человек этот следует за ними. Дорога, не просохшая от растаявшего снега, была почти безлюдной.

— Усиноскэ, ты всегда приезжаешь в замок Коягю, но разве замок Уэно не ближе к вашей деревне?

— В замке Уэно нет великого мастера меча, как господин Ягю.

— Тебе нравится фехтование?

— Да.

Усиноскэ, остановив вола, сбежал к потоку, через который был переброшен мост. Он поправил съехавшее на сторону бревно и стал ждать, чтобы следовавший за ними незнакомец прошел первым. Человек, похожий на ронина, быстрым шагом обогнал их, окинув Оцу пронзительным взглядом.

— Кто это? — с беспокойством спросила она.

— Он вас напугал?

— Не то чтобы испугал, но…

— В горах много бродячих ронинов.

— Поворачивай назад, Усиноскэ, — неожиданно попросила Оцу.

Мальчик, вопросительно посмотрев на нее, послушно завернул вола.

— Стой! — повелительно приказал мужской

голос.

К ним бежали мужчина, менявший тушу кабана в лавке, и еще двое ронинов.

— Что вам? — спросил Усиноскэ.

Не обращая внимания на мальчика, все трое уставились на Оцу.

— Теперь все ясно! — протянул один, обращаясь к товарищу.

— Красотка! — добавил второй. — Я ее где-то видел. В Киото, пожалуй.

— Ясное дело, таких в здешних деревнях нет.

— Я ее точно видел, когда учился в школе Ёсиоки.

— Ты учился у Ёсиоки!

— Три года, после Сэкигахары.

— Объясните, в чем дело? — гневно произнес Усиноскэ. — Нам надо вернуться домой до темноты.

Один из ронинов взглянул на мальчика, словно впервые заметив его.

— Ты из Араки? Угольщик?

— Ну и что?

— Отправляйся домой. Ты нам ни к чему.

— Я вот и собираюсь домой, — ответил Усиноскэ, потянув вола за веревку.

Ронин бросил на него свирепый взгляд, кото-

рый испугал бы любого мальчика.

— Отдай веревку! Женщина поедет с нами.

— Нет!

— Упрямиться вздумал?!

Двое ронинов надвинулись на мальчика, и один из них поднес ему под нос кулак, твердый, как нарост на сосне.

Оцу судорожно вцепилась в шею вола. В разлете бровей Усиноскэ она прочитала, что сейчас произойдет нечто страшное.

— Остановись! — крикнула она мальчику.

Ее крик только подхлестнул его. Усиноскэ, подскочив, ударил ногой одного ронина и, едва приземлившись, врезался головой в живот второму, выхватив из его ножен меч. Размахивая клинком, мальчик вихрем налетел сразу на трех противников, повергнув их в замешательство. Меч, сверкавший с безумной скоростью, задел одного ронина за грудь. Потекла кровь. Меч в обратном движении врезался в круп вола, который с ревом припустился по дороге. Опомнившись, двое ронинов бросились на Усиноскэ, который, как птица, перелетел с камня на камень. Поняв, что мальчика им не поймать, ронины кинулись за волом.

Обезумевший от боли вол, сойдя с дороги, ка-

рабкался вверх по отлогому откосу. Оцу, закрыв глаза, чудом держалась на спине бегущего животного. Вол уже бежал по какой-то дороге. Оцу слышала крики людей, но никто не осмеливался помочь ей. На равнине Ханъя посреди дороги неожиданно появился молодой человек с сумкой для писем через плечо.

— Уйди с дороги! — кричали люди, но он хладнокровно шел навстречу волу.

Раздался глухой удар.

— Ненормальный, — запричитали со всех сторон.

— Бык запорол его!

Люди ошиблись. Молодой человек изо всех сил ударил вола по морде. Вол неуклюже развернулся и бросился наутек, но шагов через десять остановился, дрожа всем телом.

— Слезайте! — крикнул молодой человек Оцу.

Оказавшись на земле, Оцу поклонилась своему спасителю, смутно понимая, что́ с ней случилось и где она.

— Кто-то поранил вола. Удар меча! — воскликнул молодой человек, рассматривая порез.

Неизвестно откуда появившийся Кимура Сукэкуро растолкал зевак и подошел к молодому человеку.

— Тебя послал настоятель Инсун? — спросил Сукэкуро, переводя дыхание.

— Как хорошо, что вы оказались здесь! — ответил молодой человек. — У меня для вас письмо от настоятеля. Он просил, чтобы вы немедленно прочитали его.

Взглянув на имя адресата, Сукэкуро распечатал письмо. В нем говорилось: «Я выяснил, что люди, замеченные в Цукигасэ, не являются самураями князя Тоды. Это сброд, ронины, выдворенные из городов. Они намерены зимовать в горах. Спешу исправить допущенную мной ошибку».

— Спасибо, — сказал Сукэкуро посланцу настоятеля. — Я тоже навел справки. Хорошо, что наши подозрения не подтвердились. Полагаю, что и настоятель рад.

— Простите, что пришлось вручить вам письмо посреди дороги. Я передам ваши слова настоятелю.

— Одну минутку. Ты давно в Ходзоине?

— Недавно.

— Как тебя зовут?

— Торадзо.

— А ты, случаем, не Хамада Тораноскэ? — спросил Сукэкуро, изучая лицо молодого человека.

— Нет.

— Я не встречал Хамаду, но один из наших людей утверждает, что он состоит при настоятеле.

Торадзо покраснел и тихо проговорил:

— Хамада — это действительно я. У меня есть причины прийти в монастырь. Я скрыл свое настоящее имя, дабы не порочить учителя и свой род.

— Не бойся, я не намерен вмешиваться в твои дела.

— Вы, верно, слышали о Тадааки. Он оставил школу и удалился в горы из-за меня. Я покинул свое сословие. Тяжелая работа в монастыре пойдет мне на пользу. Настоятель не знает моего настоящего имени.

— Все знают о поединке Тадааки и Кодзиро, — ответил Сукэкуро. — Кодзиро хвастает своей победой перед каждым встречным. Надеюсь, что ты восстановишь доброе имя своего учителя.

— С нетерпением жду этого дня. До свидания.

Торадзо ушел стремительным шагом, не оглядываясь.

Конопляное семя

Хёго волновался. Он хотел передать Оцу письмо Такуана, но не нашел ее в комнате. Ее искали по всему замку, но безрезультатно. Письмо, помеченное десятым месяцем прошлого года, задержавшееся в пути, сообщало о предстоящем назначении Мусаси. Такуан писал Оцу, что теперь Мусаси потребуется свой дом в Эдо и «женщина, которая вела бы этот дом».

Стража у ворот сообщила Хёго, что на поиски Оцу в горы посланы люди. Хёго тяжело вздохнул. Оцу никогда не обременяла окружающих, необдуманные поступки были не в ее правилах. Хёго уже предполагал самое худшее, когда ему доложили о возвращении Сукэкуро, Оцу и Усиноскэ.

Мальчик, принеся всем извинение, непонятно, правда, за что, сказал, что ему пора домой.

— Куда же ты пойдешь так поздно? — спросил один из самураев.

— К себе в Араки. Мать ждет.

— Тебя те ронины прикончат, — сказал Сукэкуро. — Переночуй в замке, а завтра отправишься в деревню.

Мальчика отослали спать в помещение во

внешнем кольце укреплений, где ночевали ученики-самураи.

Хёго, отозвав Оцу в сторону, пересказал ей письмо Такуана. Он не удивился, когда Оцу, густо покраснев, сказала: «Поеду завтра».

Вечером устроили прощальный ужин, на котором все восхищались Оцу, а утром обитатели замка, включая слуг, собрались у ворот, чтобы проводить ее в дорогу.

Сукэкуро послал за Усиноскэ, чтобы Оцу могла доехать на его воле до Удзи, но, как выяснилось, мальчик накануне уехал в деревню. Сукэкуро велел оседлать лошадь. Оцу смущенно отказывалась, ссылаясь на низкое положение в обществе, но ей пришлось уступить просьбе Хёго.

Хёго в душе порой завидовал Мусаси. Хёго полюбил девушку, хотя сердце ее принадлежало другому. Они вместе проделали замечательное путешествие из Эдо в замок. Оцу оказалась превосходной сиделкой при умирающем деде. Любовь Хёго не была эгоистичной. Сэкисюсай приказал внуку доставить Оцу Мусаси, когда придет время, и Хёго теперь выполнял наказ покойного деда. Хёго не питал зависти к чужому счастью. Он и помыслить не мог о нарушении устоев Пути Воина и почитал выполнение воли

деда как высшее проявление любви к Оцу.

Лошадь тронулась, и Оцу задела ветку цветущей сливы. Несколько лепестков упали на землю. Хёго почудился их аромат. Он предчувствовал, что навсегда расстается с Оцу, и тихо молился за ее счастье.

— Господин!

Хёго обернулся и видел Усиноскэ.

— Почему ты уехал вчера ночью в деревню? — с улыбкой произнес Хёго.

— Но ведь мать беспокоилась.

Мальчик не вышел из того возраста, когда тяжело разлучаться с матерью даже на короткое время.

— Ну ладно! Сын должен почитать мать. Как ты пробрался мимо ронинов в Цукигасэ?

— Их там не было. Узнав, что Оцу из замка, они поспешно бежали, испугавшись наказания. Наверное, перебрались на другую сторону гор.

— Одной заботой меньше.

— А где Оцу?

— Только что отправилась в Эдо.

— В Эдо? — неуверенно повторил мальчик. — Передала ли она господину Кимуре мою просьбу?

— Какую?

— Чтобы меня взяли учеником к самураям.

— Ты пока мал для этого. Подрасти немного.

— Я мечтаю учиться фехтованию. Хочу успеть, пока мама жива.

— Ты прежде у кого-нибудь учился?

— Нет, но упражнялся на растениях и животных.

— Неплохо для начала. Подрасти, и я возьму тебя с собой в Нагою. Я скоро туда уезжаю.

— Я не смогу бросить мать.

Хёго растрогался до глубины души.

— Пойдем со мной! — приказал он мальчику. — Посмотрю, есть ли у тебя способности.

— В додзё?

Усиноскэ показалось, что все ему снится. С раннего детства самым прекрасным местом на свете для него был додзё в замке. Несмотря на позволение Сукэкуро, мальчик не решался заходить в него. Сейчас его позвал туда один из хозяев замка.

— Вымой ноги! — приказал Хёго.

— Слушаюсь, господин.

Усиноскэ впервые в жизни так тщательно мыл ноги. Войдя в тренировочный зал, он почувствовал себя маленьким и ничтожным. Массивные балки и столбы, отполированный до блеска пол

вызывали трепет в его сердце. Голос Хёго звучал здесь по-новому.

— Возьми меч! — скомандовал Хёго.

Усиноскэ выбрал меч из черного дуба.

— Готов? — спросил Хёго.

— Готов, — ответил мальчик, вытянув меч на уровне груди.

Усиноскэ запыхтел, как ежик, брови его насупились, кровь застучала в висках. Хёго глазами подал знак атаки и, громко топая, бросился вперед. Меч Хёго коснулся ребра мальчика. Тот, словно подброшенный неведомой силой, подпрыгнул и перелетел через плечо Хёго. Хёго левой рукой коснулся ног мальчика и слегка подтолкнул его. Усиноскэ, перевернувшись через голову, приземлился позади Хёго.

— Довольно! — сказал Хёго.

— Нет, можно еще раз?

Усиноскэ занес меч обеими руками и бросился на Хёго, который намертво блокировал удар. Глаза мальчика наполнились упрямыми слезами.

«У мальчика есть характер», — подумал Хёго, но вслух проговорил с деланым недовольством:

— Дерешься небрежно. Перепрыгнул мне через плечо.

Усиноскэ не знал, что сказать в ответ.

— Ты не знаешь своего места, не понимаешь, какие и с кем можно допускать приемы. Сядь!

Мальчик послушно сел. Хёго, отбросив деревянный меч, вытащил из ножен свой.

— Сейчас я тебя убью. И не вздумай кричать.

— Убьете? — заикаясь, проговорил мальчик.

— Вытяни шею! Нет ничего важнее для самурая, чем вести себя достойно. Ты совершил непростительный проступок.

— Вы убьете меня за какую-то грубость?

— Совершенно верно.

Мальчик посмотрел на Хёго, затем повернулся лицом в сторону родной деревни и склонился в поклоне.

— Мама, я возвращаюсь в землю здесь, в замке. Знаю, ты будешь горевать. Прости, что я не был почтительным сыном. — Усиноскэ покорно вытянул шею.

Хёго бросил меч в ножны и засмеялся:

— Неужели ты думаешь, что я способен убить ребенка!

— Вы пошутили?

— Разумеется.

— Может ли самурай допускать такие шутки?

— Это не розыгрыш. Я должен знать твой характер, прежде чем допустить тебя к тренировкам.

Мальчик задышал ровнее.

— Ты прыгнул через мое плечо, когда я прижал тебя в углу, — продолжал Хёго. — Немногие выполняют этот прием и после четырех лет учебы.

— Я нигде не учился.

— Не скрывай! У тебя был учитель, и притом неплохой. Кто он?

Мальчик задумался.

— Вспомнил! — воскликнул он.

— Кто научил тебя?

— Но это не человек.

— Кто же, водяные?

— Нет, конопляное семя.

— Возможно ли учиться у конопляного семени?

— У нас в горах тренировались воины, которые становятся невидимыми у вас на глазах. Я наблюдал за их тренировками.

— Ты говоришь про ниндзя? Скорее всего, это группа из Иги. Что у них общего с конопляным семенем?

— Конопляное семечко в земле быстро всходит и стремительно растет. Вы прыгаете через росток. Каждый день, вперед, назад. С каждым днем прыжок становится все выше. Если каждый день не тренироваться, то конопля вытянется так, что

ее уже не перепрыгнуть. И в этом, и в прошлом году я тренировался с весны до осени.

— Понятно, — сказал Хёго.

Разговор прервал Сукэкуро.

— Еще одно письмо из Эдо, — сказал он, протягивая свиток.

Хёго пробежал глазами послание и спросил:

— Далеко ли успела уехать Оцу?

— Не более пяти километров. Что-то случилось?

— Такуан пишет, что назначение Мусаси не состоялось. Его прошлое не внушает доверия сёгуну. Надо сообщить Оцу.

— Хорошо, я догоню ее.

— Нет, я сам поеду.

Хёго направился в конюшню.

На пути к Удзи Хёго овладели сомнения. Оцу безразлично назначение Мусаси. Ей важен человек, а не его должность. Если удастся уговорить ее задержаться в Коягю, она все равно душой будет рваться в Эдо. Зачем омрачать ее путешествие?

Хёго пытался владеть собой. У воинов, как и у обычных людей, случаются моменты, когда они поддаются слабости. Звание самурая заставляло Хёго преодолевать сомнения и хранить самообладание. Самураю необходимо преодолеть мечты, и

тогда душа его обретет легкость и свободу. Сердцу самурая положено пылать не только от любви. Ему уготована иная судьба. В мире, где нужны молодые таланты, нельзя отвлекаться на цветочки у дороги. Хёго считал своим долгом шагать в ногу со временем.

— Сколько народу! — весело заметил Хёго.

— В Наре сегодня необычный день, — ответил Сукэкуро.

— Похоже, все жители высыпали на улицу.

Позади Хёго и Сукэкуро шел Усиноскэ, которого Хёго теперь повсюду брал с собой. Мальчик выполнял обязанности слуги самурая. Сейчас он нес на спине коробку с провизией, а к поясу у него были привязаны запасные сандалии хозяина.

Этот день был знаменателен тем, что в Наре давалось грандиозное представление, но оно не было театральным зрелищем. Каждый год монахи Ходзоина утраивали турнир, который определял порядок старшинства среди насельников монастыря. Турнир проводился в присутствии зрителей, участники сражались всерьез, бои были захватывающими и жестокими. В объявлениях говорилось, что в турнире могут участвовать и посторонние, но таких желающих не находилось.

— Не пообедать ли нам? — предложил Хёго. — У нас много времени.

— Где бы нам присесть? — огляделся по сторонам Сукэкуро.

— Вот здесь, — показал Усиноскэ на зеленый пригорок и развернул кусок тростниковой циновки, которую успел подобрать где-то в пути. Хёго нравилась находчивость мальчика, хотя временами он не одобрял его чрезмерную услужливость как свойство, недостойное будущего самурая.

Усиноскэ разложил скромный обед: колобки из грубого риса, маринованные сливы и бобовую пасту.

— Усиноскэ, сбегай за чаем, только не говори для кого, — приказал Сукэкуро.

— Правильно, а то люди надоедят выражением своего почтения, — заметил Хёго.

Лицо Хёго было скрыто широкой тростниковой шляпой, такая же была на голове Усиноскэ.

В полуметре от них ровесник Усиноскэ оглядывался по сторонам.

— Циновка только что лежала здесь.

— Забудь про нее, Иори, — успокаивал его Гонноскэ. — Не велика потеря.

— Кто-то стянул ее. Интересно, где этот ловкач.

Гонноскэ сел на траву, вытащил кисть и записную книжку, чтобы занести в нее расходы — обычай, который он перенял у Иори.

Иори был не по годам рассудительным. Он берег деньги, ничего не терял, был опрятен, ценил каждую чашку риса, благодаря за нее судьбу. Он был пунктуальным, дисциплинированным, презирал тех, кто не обладал этими качествами. Людей, способных взять чужое, он презирал.

— Вон наша циновка! — крикнул Иори, увидев свою вещь. Подбежав к Усиноскэ, он, глядя на него в упор, на мгновение задумался, подбирая слова похлеще.

— Что тебе? — проворчал Усиноскэ.

— Если человек берет чужую вещь, значит он вор, — выпалил Иори.

— Какой еще вор?

— Циновка наша.

— Ваша? Как бы не так. Она ничья, я подобрал ее на земле. А ты разошелся из-за такого пустяка.

— Циновка — необходимая вещь, особенно в пути, — назидательно произнес Иори. — Она укрывает от дождя, на ней можно спать. Отдай!

— Хорошо, только прежде возьми обратно слова про вора.

— Я не обязан извиняться, вещь моя. Не отдашь,

так я сам возьму.

— Попробуй. Я Усиноскэ из Араки. Не намерен уступать такому юнцу, как ты. Я ученик самурая!

— Хорош ученик! Смел, когда рядом взрослые. Сам не рискнешь постоять за себя.

— Я это тебе попомню!

— Встретимся попозже.

— Где?

— У пагоды.

Усиноскэ побежал за чаем. Он вернулся, когда турнир уже возобновился.

Над толпой висело желтое облако пыли. В центре окруженного толпой пространства стоял монах с копьем, длинным, как шест птицелова. Его противники один за другим или падали наземь, или взлетали в воздух, подброшенные мощным рывком копья.

— Следующий! — выкрикивал монах. Желающих не находилось.

— Кто готов сразиться? Если такового нет, объявляйте меня, Нанкобо, победителем.

Нанкобо занимался под руководством Инъэя и разработал собственный стиль. Теперь он стал основным соперником Инсуна, который отсутствовал под предлогом болезни.

— Желающих больше нет! — объявил Нанкобо,

опустив копье.

— Не торопись! — раздался чей-то голос. — Я ученик Инсуна. Вызываю тебя на поединок!

Это кричал только что подбежавший монах, который, расталкивая толпу, протискивался к месту схваток.

Обменявшись поклонами, противники отскочили в противоположные стороны. Копья, нацеленные друг на друга, застыли. Пауза затянулась так, что нетерпеливая толпа зароптала. Внезапно гомон стих: копье Нанкобо коснулось головы противника, и тот повалился на землю, как огородное пугало, опрокинутое порывом ветра. Нанкобо расправил плечи и оглядел толпу:

— Теперь, кажется, смелых больше нет.

Из толпы выступил монах-отшельник с гор. Снимая со спины дорожный мешок, он спросил:

— В турнире участвуют только монахи Ходзоина?

— Нет! — хором прокричали зрители.

— В таком случае я попробую. Дайте мне деревянный меч.

Хёго взглянул на Сукэкуро и заметил:

— Интересный оборот. Исход уже предрешен.

— Конечно, Нанкобо не проиграет.

— А я говорю о противоположном. Если Нанко-

бо примет вызов, он проиграет.

Сукэкуро удивился, но не возразил.

Отшельнику подали меч, он вышел в круг и, поклонившись, сделал вызов Нанкобо. Монаху было лет сорок. Глядя на его осанку, любой догадался бы, что она приобретена не в горной хижине, а на полях сражений. Этот человек привык хладнокровно смотреть в глаза смерти. Говорил он тихо и неторопливо.

Нанкобо, несмотря на свою заносчивость, был не глуп.

— Вы посторонний? — поинтересовался он, хотя это было ясно всем.

— Да, — ответил монах с поклоном.

Чутье подсказало Нанкобо, что он может потерпеть поражение. Противник, должно быть, был искушеннее в технике. После Сэкигахары по стране под видом монахов бродило немало прославленных воинов, которые скрывались от властей.

— Я не могу сражаться с чужаком, — заявил Нанкобо.

— Мне сказали, что правила турнира допускают поединки с людьми, не имеющими отношения к вашему монастырю.

— Эти правила годятся для всех, кроме меня. Я

не сражаюсь с посторонними, потому что выхожу на поединок не ради смерти противника. Боевое искусство — вид служения богам. Я совершенствую дух с помощью копья.

— Понятно, — улыбнулся отшельник. Он хотел еще что-то добавить, но, передумав, отдал меч и скрылся в толпе.

Нанкобо ушел с площадки, выпятив грудь и притворяясь, что неодобрительный гул толпы его не касается.

— Ну что? — торжествующе произнес Хёго.

— Ты совершенно прав.

— Этот человек из тех, кто скрывается на горе Кудо. Смените его облачение отшельника на доспехи, и вам предстанет один из известнейших воинов недавнего прошлого.

Толпа стала расходиться. Сукэкуро напрасно искал глазами Усиноскэ, который в этот момент находился за пагодой, где он условился встретиться с Иори. Мальчики стояли друг против друга, готовые броситься в драку.

— Не обижайся, если погибнешь, — сказал Иори.

— Не задавайся! — ответил Усиноскэ, поднимая с земли палку потолще.

Иори с занесенным мечом пошел в атаку.

Усиноскэ отскочил назад. Иори подумал, что противник испугался, и с удвоенной силой рванулся вперед, но Усиноскэ подпрыгнул и ударил Иори ногой в голову. Тот упал, но мгновенно поднялся. Забыв уроки Мусаси и Гонноскэ, он бросился на противника с зажмуренными глазами. Усиноскэ качнулся в сторону и сбил Иори с ног.

— Я победил! — объявил Усиноскэ, но тут же вздрогнул, увидев, что Иори лежит неподвижно.

— Нет, ты не победил, — произнес Гонноскэ, ударив Усиноскэ палкой по бедру.

Усиноскэ закричал от боли, упал, но тут же вскочил и бросился наутек, но натолкнулся на Сукэкуро.

— Усиноскэ, что случилось?

Мальчик ловко спрятался за спину взрослого, предоставив Сукэкуро выяснять отношения с Гонноскэ. Казалось, столкновение между ними неизбежно. Сукэкуро взялся за меч, Гонноскэ сжал свою дубинку.

— Почему ты гонишься за мальчиком, явно намереваясь убить его? — гневно спросил Сукэкуро.

— Позволь и мне прежде задать вопрос. Ты видел, как твой мальчик сбил этого? — указал Гонноскэ на лежащего Иори.

— Он ваш?

— Да. А это ваш слуга?

— Слуга, но не официальный.

Сукэкуро строго посмотрел на Усиноскэ:

— Отвечай, почему ты сбил мальчика и хотел убежать. Говори правду!

Прежде чем Усиноскэ открыл рот, вмешался Иори. Он все еще не мог подняться.

— Это был поединок! Мы сражались, и я потерпел поражение, — крикнул он.

Растерянный Усиноскэ пробормотал:

— Я не знал, что циновка его. Я просто подобрал ее.

Взрослые, переглянувшись, рассмеялись. Не прояви они выдержанности, детская забава переросла бы в кровопролитие. Выйдя из храмовых ворот, Гонноскэ и Иори повернули налево, Сукэкуро и Усиноскэ — направо.

— Эта дорога к замку Коягю? — спросил Гонноскэ.

Сукэкуро поговорил о чем-то с Гонноскэ, и они вместе подошли к Хёго.

— Дела плохи, — вздохнул Хёго. — Вот если бы вы пришли три недели назад, когда Оцу не уехала в Эдо к Мусаси.

— Его нет в Эдо, — сказал Гонноскэ. — Никто не

знает, где он.

— Как же она теперь в чужом городе? — вымолвил Хёго, сожалея, что вовремя не остановил Оцу.

Иори едва сдерживал слезы. Ему хотелось уйти куда-нибудь подальше и выплакать свое горе. Когда они с Гонноскэ шли сюда, он без умолку говорил о встрече с сестрой.

Усиноскэ подошел к мальчику и положил ему руку на плечо.

— Ты плачешь?

— Нет, конечно! — покачал головой Иори, хотя лицо его было мокрым от слез.

— Знаешь, как выкапывать дикий картофель?

— Конечно.

— Вон там я приметил несколько кустов. Проверим, кто быстрее выкопает.

— Давай!

День клонился к вечеру, но надо было еще о многом поговорить, поэтому Хёго предложил Гонноскэ пожить несколько дней в замке. Гонноскэ предпочел продолжать путь. Стали искать мальчиков.

— Вон они, что-то копают, — указал Хёго.

Иори и Усиноскэ были поглощены работой, которая требовала сноровки. Хрупкие корневи-

ща дикого картофеля глубоко сидели в земле. Взрослые подошли к мальчикам и некоторое время стояли молча, наблюдая за ними. Первым их заметил Усиноскэ. Мальчики рассмеялись и с двойным усердием продолжили работу.

— Я первый! — воскликнул Усиноскэ, вытаскивая длинное корневище.

Иори поднялся, держась за поясницу, как старый крестьянин.

— Мой корень придется копать до ночи, — проговорил он.

С сокрушенным видом Иори отряхнул землю с одежды.

— Ты уже порядочно выкопал. Давай я достану, — предложил Усиноскэ.

— Не надо, — перехватил Иори руку Усиноскэ. — Ты можешь повредить корень. — Иори осторожно засыпал клубни и примял землю.

— Тогда прощай! — произнес Усиноскэ, с гордостью перекинув через плечо длинное корневище. Кончик корня оказался отломленным.

— Проиграл! — сказал Хёго. — Ты выиграл поединок, но проиграл в сражении с картофельным корнем.

Подметальщики и торговцы

Облетали побледневшие лепестки вишни, навевая грустные воспоминания о минувшем, когда Нара была столицей. Было жарко, но Гонноскэ и Иори бодро шагали вперед.

— Он все идет за нами. — Иори потянул за рукав Гонноскэ.

— Делай вид, будто не замечаешь, — не оглядываясь, ответил Гонноскэ.

— Мы видели его на постоялом дворе, где ночевали.

— Не волнуйся, взять грабителю у нас нечего.

— А наши жизни? Это совсем не пустяк.

— А за нее мы постоим, — ответил Гонноскэ, крепче сжимая дубинку.

Гонноскэ знал, что шедший следом человек — тот самый отшельник, который накануне вызвал на поединок Нанкобо, но не мог предположить, почему тот преследует их.

— Он исчез, — сообщил, оглянувшись, Иори.

— Устал, верно, — ответил Гонноскэ. — От этого мне, правда, не легче.

Переночевав в придорожной деревне, Гонноскэ и Иори утром следующего дня добрались до

Амано Кавати. Это была деревенька, тянувшаяся вдоль прозрачного горного ручья. Гонноскэ пришел сюда, чтобы поставить в храме Конгодзи табличку в память о матери. Конгодзи еще называли «Женская гора Коя». Первым делом он хотел найти женщину по имени Оан, которую знал с детства, и попросить ее иногда возжигать благовония перед поминальной табличкой.

В деревне Гонноскэ сказали, что Оан — жена Тороку, винокура при храме. Гонноскэ недоумевал, услышав такое, потому что при входе в храм висели объявления, запрещавшие саке и прочие горячительные напитки на всей его территории. Могла ли там находиться винокурня?

Все выяснилось из разговора с самим Тороку, который вызвался договориться с настоятелем храма относительно объявления. Тороку рассказал, что в свое время Тоётоми Хидэёси похвалил саке из винокурни при храме, и монахи решили построить специальную винокурню для поставки саке Хидэёси и другим даймё, которые покровительствовали храму. После смерти Хидэёси производство сократилось, но до сих пор саке поставляли некоторым знатным семействам.

На следующее утро, когда Гонноскэ и Иори проснулись, Тороку уже не было дома. Он вернул-

ся после полудня с сообщением, что настоятель готов их принять.

К удивлению Гонноскэ и Иори, настоятель, полноватый человек, был одет в поношенное облачение, как простой монах. Его наряд дополнили бы посох и драная тростниковая шляпа.

— Это те люди, которые заказывали молебен? — добродушно спросил настоятель.

— Да, — ответил Тороку, касаясь лбом земли в поклоне.

Они прошли зал Якуси, трапезную, одноярусную пагоду — сокровищницу, кельи монахов. Перед входом в зал Дайнити к настоятелю подошел молодой монах. Настоятель что-то сказал ему, и тот, достав огромный ключ, открыл двери.

Гонноскэ и Иори опустились на колени. Перед ними возвышалась трехметровая золоченая статуя Дайнити, верховного Будды одной из мистических сект. В алтаре появился торжественно облаченный настоятель, он начал читать сутры. Теперь он выглядел внушительно и величаво, как и подобает настоятелю храма.

Легкое облачко затуманило взор Гонноскэ, и вдруг он увидел перевал Сиёдзири, где он сражается с Мусаси, а мать, сидя с прямой, как доска, спиной, наблюдает за ними. Он услышал ее голос,

который спас его от смерти.

Когда Гонноскэ вернулся к действительности, чтение молитвы закончилось и настоятель ушел. Рядом сидел Иори, завороженно взиравший на статую Дайнити, шедевр великого Ункэя, жившего в тринадцатом веке.

— Это моя сестра! — произнес мальчик. — Этот Будда похож на мою сестру.

Гонноскэ рассмеялся:

— Ты что выдумал? Ты ведь ее никогда не видел. Такого милосердного и отрешенного лица, как у Дайнити, не может быть ни у одного смертного.

— Я ее видел! — тряхнул головой Иори. — Даже говорил с ней. Это было в Эдо, недалеко от усадьбы князя Ягю. Я не знал тогда, что она моя сестра. Когда настоятель читал молитву, статуя вдруг обрела ее лицо и что-то мне сказала.

Они вышли из храма и сели на ступеньки, все еще переживая волнение, вызванное поминальной службой.

Невдалеке старая монахиня в шелковой белой повязке на голове и немолодой дородный человек мели дорожку. На мужчине были простое хлопчатобумажное кимоно и безрукавка. На ногах — соломенные сандалии с кожаными носками, на боку — короткий меч.

— Ты устала, мама. Отдохни, я один домету, — сказал мужчина.

Монахиня засмеялась:

— Я-то не устала, а у тебя с непривычки горят ладони.

— По правде, уже мозоли натер.

— Хорошая память о храме.

— Мне нравится работать. Я чувствую себя обновленным. Наш скромный труд угоден богам.

— Пора, уже темнеет.

Коэцу и Мёсю прошли мимо Гонноскэ и Иори. Мёсю, улыбнувшись, спросила:

— Осматриваете храмовые достопримечательности?

— Нет, я заказывал поминальную службу по матушке.

— Отрадно видеть людей, почитающих родителей, — сказала Мёсю, погладив Иори по голове. — Коэцу, — обратилась она к сыну, — у тебя осталось печенье?

Коэцу достал пакетик из рукава кимоно и, извиняясь, проговорил:

— Простите, что предлагаем вам остатки.

— Можно я возьму? — попросил Иори у Гонноскэ.

— Пожалуйста, — сказал Гонноскэ и поблаго-

дарил Коэцу.

— Судя по говору, вы с востока, — заметила Мёсю. — Далеко ли держите путь?

— Наша дорога бесконечна. Я и этот мальчик избрали Путь Меча, — ответил Гонноскэ.

— Тяжкий путь. Кто ваш учитель?

— Миямото Мусаси.

— Не может быть! — воскликнула Мёсю.

— Где он сейчас? — спросил Коэцу. — Много воды утекло со дня нашей последней встречи.

Слушая рассказ Гонноскэ, Коэцу понимающе кивал, словно говоря: «Я знал, что все так и произойдет». Закончив рассказ, Гонноскэ спросил:

— Позвольте узнать ваше имя.

— Прошу прощения, что забыл представиться! — воскликнул Коэцу и назвал себя.

Гонноскэ знал имя выдающегося мастера по полировке мечей, но не предполагал, что когда-нибудь встретит его при таких обстоятельствах. Зачем богатому горожанину подметать дорожки в храме?

— Здесь у вас могила родственника? Или вы любуетесь красотой окрестностей?

— Нет, мы не на прогулке, — возразил Коэцу. — Это святые места. Все здесь воплощает дух страны — храмы, сосны, скалы, трава. Подметая дорожки,

мы с матушкой приносим дань уважения одухотворенной красоте Японии.

Взошла луна. Четверо людей медленно спускались по склону холма, отбрасывая призрачные тени.

— Мы уезжаем завтра, — сказал Коэцу. — Если увидите Мусаси, передайте ему, что мы с нетерпением ждем его.

Гонноскэ и Иори подошли к глубокому ручью, который тек вдоль внешней стены храма, служа естественным рвом. Едва они ступили на деревянный мост, как на них бросилась белая фигура, вооруженная палкой. Гонноскэ успел увернуться, но Иори полетел в ручей. Человек в белом принял боевую стойку. Его мощные ноги походили на стволы деревьев. Гонноскэ узнал преследовавшего их монаха.

— Кто ты? — крикнул Гонноскэ, но ответа не получил. — Объясни, почему ты нападешь на Мусо Гонноскэ? В чем причина?

Монах словно оглох. Глаза его горели ненавистью, он неотвратимо надвигался. Раздался оглушительный треск, и половина палки полетела из рук монаха в воздух, а вторую он метнул в Гонноскэ. Тот пригнулся, а монах, обнажив меч, неистово топая по настилу моста, пошел в атаку.

— Негодяй! — крикнул Иори и запустил в монаха камнем.

Тот схватился за глаз и вдруг побежал прочь.

— Стой! — кричал Иори, выбираясь из ручья.

— Оставь его, — обнял мальчика за плечо Гонноскэ.

— Получил свое! — торжествующе сказал Иори, швыряя в воду горсть камней.

Вскоре после их возвращения в дом Тороку налетел ураган. Ветер ревел, грозя сорвать крышу с дома, тревожно гудел в роще. Иори размышлял о таинственном монахе. Ему казалось, что страшная, как привидение, фигура наступает на него из мрака. Закрывшись с головой одеялом, Иори провалился в тяжелое забытье.

Утром, когда Гонноскэ и Иори отправились в путь, над горами сияла радуга. Едва они вышли из деревни, как к ним присоединился человек, похожий с виду на бродячего торговца. Он возник словно из утреннего тумана. Гонноскэ сдержанно ответил на веселое приветствие незнакомца. Тот явно старался завязать разговор.

— Вы останавливались у Тороку? — болтал он. — Я его давно знаю. У него чудесная семья.

Гонноскэ неопределенно хмыкнул.

— Я изредка бываю в замке Коягю. Кимура Сук-

экуро оказал мне немало добрых услуг.

Молчание собеседников не обескураживало торговца.

— Вы были на «Женской горе Коя»? Теперь вам непременно надо посетить саму гору Коя. Самая подходящая пора. Снег растаял, дороги подправлены. Можно добраться через перевалы Амами и Киими, а переночевать в Хасимото или Камуро.

Гонноскэ насторожился. Торговец пытался выведать их маршрут.

— Чем торгуешь? — поинтересовался Гонноскэ.

— Крученой веревкой. — Торговец похлопал по небольшому мешку. — Эту веревку недавно стали продавать, но на нее хороший спрос. Тороку мне помог, потому что рассказывал о моем товаре паломникам в Конгодзи. Я хотел переночевать у него, а в его доме уже было двое гостей, то есть вы. Не повезло! Когда я у него останавливаюсь, он допьяна угощает меня превосходным саке.

Гонноскэ, немного успокоившись, стал расспрашивать случайного попутчика про дорогу. Торговец прекрасно знал здешние места. Когда они достигли плато Амами, беседа их текла непринужденно.

Неожиданно появился еще один человек.

— Эй, Сугидзо! — окликнул он торговца. — Почему не подождал меня? Я неотлучно был в деревне Амано. Ты ведь обещал взять меня с собой.

— Прости, Гэнскэ! — ответил торговец. — Мы так разговорились, что я совсем забыл про тебя.

Гэнскэ оказался тоже торговцем веревками.

Когда путники подошли к узкому оврагу глубиной метров в шесть, Сугидзо остановился перед громадным бревном на опорах, заменявшим мост.

— Рискованное дело, — сказал он, внезапно посерьезнев.

Овраг, скорее всего, появился после землетрясения.

— Почему? — не понял Гонноскэ.

— Опоры слабые. Щебень из-под них вымыло. Надо укрепить их камнями. Потрудимся ради других путников.

Торговцы принялись забивать камни под опоры. Гонноскэ удивился. Конечно, торговцы много путешествуют и знают тяготы пути, но они не из тех, кто задаром старается для людей.

— Готово! — сказал Гэнскэ и сделал несколько шагов по бревну, пробуя его надежность.

Балансируя, он перебрался на другую сторону и позвал попутчиков. Гонноскэ пошел впереди,

следом за Иори. Они вдруг вскрикнули в один голос — у Гэнскэ неизвестно откуда в руках появилось копье. Иори оглянулся — Сугидзо тоже держал копье.

— Гонноскэ! — в растерянности закричал Иори.

Гонноскэ обнял мальчика за плечи и на миг закрыл глаза, поручая себя воле небес.

— Негодяй! — крикнул Гонноскэ.

— Придержи язык! — раздалось откуда-то сверху.

Гонноскэ взглянул вверх и увидел на дороге знакомого отшельника. Глаз монаха украшал огромный синяк.

— Спокойно! — шепнул Гонноскэ Иори, а потом громко прокричал: — Это ты, подлец, все подстроил! На этот раз ты дал промах.

— Я знаю, что у вас и взять нечего. Зато я скоро узнаю, почему вы шпионите.

— Ты назвал меня шпионом?

— Собака Токугавы! Брось дубинку и заложи руки за спину. Не делай глупостей!

— Послушай, ты ошибаешься. Я из Эдо, но никакой не шпион. Я изучаю боевые искусства, зовут меня Мусо Гонноскэ.

— Не ври!

— С чего ты взял, что я шпион?

— Друзья сообщили нам, что из Эдо под видом странника, путешествующего с мальчиком, направлен шпион. Вас послал Ходзё, владелец Авы. Брось дубинку и не вздумай сопротивляться.

— Никуда я не пойду.

— Тогда умрешь.

Гэнскэ и Сугидзо сделали шаг вперед. Гонноскэ хлопнул Иори по спине, чтобы вывести его из-под копья, и тот с криком рухнул в кусты, росшие на дне оврага. Гонноскэ, рыкнув, бросился на Сугидзо. Тот сделал выпад вперед, но Гонноскэ оказался проворнее. Наконечник копья прошел мимо цели, а Гонноскэ оседлал поваленного на землю противника и припечатал кулаком его физиономию. Вскочив на ноги, Гонноскэ схватил свою дубинку.

— Жду вас, трусы! — крикнул он, а в этот же миг поверх травы, как змеи, скользнули четыре веревки: одна обвила руку Гонноскэ, вторая — его ноги, третья — шею, четвертая — дубинку. Гонноскэ дернулся, как кузнечик в паутине, пытаясь освободиться, и из леса к нему подскочило с полдюжины мужчин, которые связали его крепче снопа соломы. Все до одного были одеты как продавцы веревок.

— Достаньте коня! На гору Кудо его надо доставить в добром здравии, — распорядился монах.

Цветок груши

Под темными сводами криптомерий птичий хор звучал как песня мифической птицы Калавинка.

Два человека спускались с горы Коя, где посетили пагоды и внутреннее святилище. Они остановились на маленьком арочном мосту, соединявшем внутреннюю и внешнюю части храмовой территории.

— Нуиноскэ, — неторопливо проговорил человек постарше, — жизнь наша — бренный и краткий миг.

Тяжелый домотканый плащ и простые хакама делали его похожим на деревенского самурая, но при нем были превосходное оружие и весьма щегольского вида спутник, который вряд ли оказался бы в обществе деревенского самурая.

— Ты видел могилы, — продолжал тот, что постарше. — Ода Нобунага, Акати Мицухидэ, Исида Мицунари, Кобаякава Кинго — знаменитые военачальники, всего несколько лет назад пребывавшие в здравии. И рядом лежат замшелые камни на могилах великих мужей из кланов Минамото и Тайра.

— Друзья и враги в одной земле.

— Теперь от них остались лишь надгробные камни. Гремела ли слава Уэсуги и Такэды, или их деяния пригрезились нам!

— Мною владеет странное чувство, словно мир, в котором мы живем, нереален.

— Может, нечто неземное витает над этими местами?

— Как знать…

— Недаром этот мост зовут Мостом грез.

— Выразительное название.

— По-моему, иллюзия — это истина, равно как просветление — реальность. Будь иллюзии бесплотны, мир не существовал бы. Самурай, посвятивший жизнь сюзерену, ни на минуту не должен усомниться в своем предназначении. Дзен, которому я служу, являет собой живое учение. В нем воплощен наш грешный мир. Самурай, который дрожит при мысли о непостоянстве или презирает мир, не способен до конца исполнить свой долг. Перейдем от Моста грез в другой мир.

Человек шел с легкостью, необыкновенной для его возраста. Увидев монахов из Сэйгандзи, он хмуро проговорил:

— К чему это?

Монахи из храма, где накануне ночевал по-

жилой человек, выстроились шеренгой, чтобы пожелать счастливого пути, хотя гость распрощался со всеми утром, избегая формальностей этикета.

Пожилой человек вежливо простился с монахами и заспешил по дороге, вьющейся по склону горы над долиной Кудзюкутани. Ступив наконец в естественный мир природы, он успокоился. Запахи земли вдохнули силы в его подверженную мирским слабостям плоть.

— Кто вы? — раздался голос на повороте дороги.

— Кто вы? — эхом откликнулся Нуиноскэ.

— Простите, вы, случайно, не господин Нагаока Садо, старший вассал князя Хосокавы Тадатоси? — спросил статный самурай, стоявший посреди дороги.

— Я Нагаока. Кто ты и как узнал, что я здесь?

— Меня зовут Дайскэ, я единственный сын Гэссо, который живет отшельником на горе Кудо.

Видя, что названное имя не произвело впечатления на собеседника, Дайскэ добавил:

— Отец принял новое имя, но до битвы при Сэкигахаре его звали Санада Саэмонноскэ.

— Вернее, Санада Юкимура?

— Да, господин. Утром к отцу заходил монах

из Сэйгандзи и сообщил, что вы совершаете паломничество на гору Коя. Вы путешествуете, не оглашая своего имени, но отец счел за честь пригласить вас на чай.

— Очень любезно, — ответил после короткого молчания Садо. — Полагаю, мы можем принять ваше приглашение.

— Вы окажете отцу честь, переночевав у нас, — сказал Дайскэ.

Садо размышлял, разумно ли пользоваться гостеприимством человека, который считается врагом Токугавы.

— Ну что же, я не прочь выпить чаю с твоим отцом, а ты как думаешь, Нуиноскэ?

— Да, господин.

От деревни на горе Кудо они взобрались еще выше, где стоял одинокий дом, окруженный стеной, увитой плющом. Дом походил на усадьбу мелкого феодала. Во всем чувствовался утонченный вкус.

— Отец вон в том домике под соломенной крышей, — сказал Дайскэ, когда они вошли в ворота.

Во дворе был небольшой огород. Главный дом стоял тыльной стороной к отвесной скале, вдоль веранды рос бамбук, а далее видны были еще два строения.

Садо провели в комнату, а Нуиноскэ опустился

на колени перед входом.

— Какая здесь тишина, — заметил Садо.

Вскоре появилась молодая женщина, жена Дайскэ. Подав чай, она тихо удалилась.

Из комнаты открывался вид на сад и долину. Внизу лежала деревня и совсем далеко — городок Камуро. Маленькие белые цветы цеплялись за мох, покрывавший соломенную крышу, в комнате пахло редкими благовониями. Поблизости журчал невидимый ручей. Изысканная обстановка напоминала о том, что дом принадлежал второму сыну Санады Масаюки, владетеля замка Уэда, и что доход его составлял около четырех тысяч коку риса.

Столбы и балки казались тонкими, потолок низким. Стена за нишей токонома обмазана красной глиной. Единственным украшением в нише была цветущая грушевая ветка в тонкой желто-зеленой керамической вазе. Садо вспомнил Бо Цзюйя и его «Одинокий цветок груши, омытый весенним дождем», стихи о любви китайского императора и Ян Гуйфэй. Ему даже почудились беззвучные рыдания возлюбленных.

Взгляд Садо переместился с цветка на висящий над ним свиток, на котором нетвердым детским почерком было выведено «Хококу Даймёдзин» —

имя Хидэёси, данное ему после смерти, когда его обожествили. Рядом висела маленькая табличка, которая гласила, что эта надпись сделана сыном Хидэёси, Хидэёри, в возрасте восьми лет. Садо немного подвинулся, чтобы не сидеть спиной к свитку. Он понял, что приятный аромат исходил от сёдзи и стен, пропитанных благовониями, которые здесь возжигали каждое утро в память о Хидэёси. Вероятно, ежедневно совершались и приношения саке, как полагается при почитании синтоистских богов.

«Юкимура по-прежнему предан Хидэёси», — подумал Садо. Он не понимал, почему Юкимура выставляет свиток на всеобщее обозрение. Об этом человеке, выжидающем момента для возвращения на государственную службу, давно должны были донести Токугаве.

Послышались легкие шаги, и в комнату вошел невысокий худой человек в безрукавке и с коротким мечом за поясом. Выглядел он самым обыкновенным человеком. Он низко поклонился гостю. Непритязательная скромность хозяина смущала Садо. Формально Юкимура отказался от своего звания, став ронином под именем Дэнсин Гэссо, но он оставался сыном Санады Масаюки, а его старший брат Нобуюки был даймё, прибли-

женным к Токугаве. Садо был простым вассалом, занимая более низкую ступень в обществе.

— Вы ставите меня в неловкое положение вашей учтивостью, — проговорил Садо, склоняясь в поклоне. — Ваше приглашение — неожиданная честь для меня. Рад видеть вас в добром здравии.

— Мне тоже приятно повидать вас, — ответил Юкимура, выпрямляя спину, хотя Садо все еще не поднял головы. — Я слышал, что князь Тадатоси вернулся в Будзэн.

— Да, пошел третий год со дня кончины Юсая. Тадатоси решил, что настала пора вернуться.

— Неужели третий год?

— Да. Я сам был в Будзэне, хотя не понимаю, зачем Тадатоси ветхая развалина вроде меня. Я состоял еще при его дедушке.

После формальностей, положенных по этикету, начался непринужденный разговор.

— Вы поддерживаете связь с Гудо, нашим наставником в учении дзен? — спросил Юкимура.

— Нет, я давно ничего о нем не слышал. Ведь я впервые встретил вас в его комнате для медитаций. Вы были тогда мальчиком, вас привел отец.

— Да, много страждущих стремилось тогда к Гудо в поисках утешения, — произнес Юкимура. — Он принимал всех, старых и молодых,

даймё и ронинов. Помните, в ту пору у ног Гудо сидел молодой ронин из Мимасаки по имени Миямото…

— Миямото Мусаси?

— Да-да, Мусаси. Он поразил меня глубиной мыслей, хотя ему было всего двадцать лет. Он всегда был одет в невероятно грязное кимоно.

— Да. Недавно я слышал о нем в Эдо.

— У него большое будущее. Гудо говорил, что Мусаси проник в суть дзен. Потом Мусаси исчез, а года два назад до меня донеслась молва о его блестящей победе над школой Ёсиоки.

— Я встретился с ним совершенно случайно, — сказал Садо. — В провинции Симоса он научил крестьян обороняться от бандитов, а потом помог им преобразить дикую пустошь в плодородные поля.

— Да, этот ронин из тех людей, которых Гудо называл жемчужиной в бескрайнем синем море.

— Вы действительно так считаете? Я рекомендовал Мусаси Тадатоси, но отыскать его оказалось труднее, чем жемчужину. Я твердо верил, что такой самурай на государственной должности будет служить не за жалованье, а ради осуществления своих идей. Он никогда не изменит своему идеалу. Не исключено, что Мусаси предпочтет

гору Кудо дому Хосокавы.

— Что?

Садо лишь засмеялся в ответ, притворившись, будто оговорился.

— Вы, конечно, шутите, — проговорил Юкимура. — В теперешних стесненных обстоятельствах я не могу нанять даже слугу, не говоря об известном ронине. Сомневаюсь, что Мусаси придет, если я его приглашу.

— Известно, что Хосокава на стороне Токугавы, а вы главная опора Хидэёри. Увидев свиток, я восхитился вашей преданностью.

Юкимура сделал вид, что обиделся.

— Его подарил мне один человек в замке Осака в обмен на портрет Хидэёси. Я берегу этот свиток, но Хидэёси давно мертв. Времена меняются, Осака приходит в упадок, а клан Токугава набирает силу. Я не могу нарушать присягу и менять сюзерена.

— Думаю, что все гораздо сложнее. Простите мою откровенность, но всем известно, что Хидэёри и его мать ежегодно направляют вам крупные суммы денег, так что вы мгновенно можете выставить войско в пять-шесть тысяч ронинов.

Юкимура иронически засмеялся:

— Увы, молва далека от истины. Уверяю вас,

Садо, нелепо превозносить человека, забыв его истинное положение в жизни.

— Не гневайтесь на меня. Вы пришли на службу к Хидэёси совсем молодым. Он любил вас больше других, а ваш отец говорил, что вы — Кусуноки Масасигэ нашего времени.

— Вы смущаете меня.

— Разве это неправда?

— Я хочу дожить остаток дней в покое здесь, на горе, где царит Закон Будды. Я простой смертный. Я хотел бы возделывать землю, увидеть внука, есть осенью гречишную лапшу, а весной лакомиться свежей зеленью и прожить долгую жизнь вдали от войн и слухов об усобицах.

— Это действительно предел ваших желаний? — простодушно спросил Садо.

— Можете посмеяться над стариком, но я осознал, что жизнь — это радость. Иначе какой смысл жить?

— Ну и ну! — с наигранным удивлением воскликнул Садо.

Они беседовали около часа за чаем, поданным женой Дайскэ.

Наконец Садо сказал:

— Я отнял у вас много времени своей болтовней. Нуиноскэ, нам пора идти.

— Не спешите! — остановил Юкимура. — Сын и сноха приготовили лапшу. Это простая деревенская еда, но надеюсь, вы не откажетесь отведать ее. Если вы хотите заночевать на постоялом дворе в Камуро, у вас еще много времени.

Дайскэ зашел спросить отца, можно ли подавать ужин. Юкимура встал и пошел вперед по коридору вглубь дома. Все сели, и Дайскэ подал Садо палочки со словами:

— Еда скромная, но извольте все же попробовать.

Жена Дайскэ, не привыкшая к гостям, смущенно протянула Садо чашечку саке, от которой тот отказался. Вскоре Дайскэ ушел с женой.

— Что за шум? — спросил Садо хозяина.

Доносившийся шум походил на стук ткацкого станка, только был погромче.

— Это деревянное колесо крутильной машины, которая вьет веревку. Моя семья и все слуги изготовляют веревки, чтобы заработать немного денег. Мы давно привыкли к шуму, но я прикажу остановить колесо, чтобы оно не докучало гостям.

— Мне оно совсем не мешает. Пусть работает.

Садо рассчитывал, что составит представление о состоянии дома по еде, но так ничего и не понял.

Юкимура казался окутанным тайной и совсем не походил на того молодого самурая, которого Садо знал в далеком прошлом. Садо услышал приглушенный шум из кухни, словно там происходило движение людей, порой доносился звон пересчитываемых монет. Опальные даймё не могут заниматься каким-либо тяжелым трудом и понемногу распродают имущество. Возможно, Осака перестала снабжать Юкимуру средствами, но не верилось, что он испытывает денежные затруднения.

Садо предполагал, что Юкимура заведет разговор о доме Хосокавы, но хозяин ни слова не упомянул об этом.

Странно, но Юкимура не поинтересовался, почему Садо прибыл на гору Коя. Садо охотно ответил бы на этот вопрос. Много лет назад Хидэёси направил Хосокаву Юсая в храм Сэйгандзи, где тот прожил долгое время. С тех времен на горе Коя остались книги и некоторые вещи Юсая, которые семья пожелала вернуть в дом. Садо договорился с храмом о возвращении семейных реликвий Тадатоси.

Нуиноскэ, все это время сидевший на веранде, выказывал заметное беспокойство. Отношения между Осакой и Эдо, мягко говоря, были не из

лучших. Почему Садо так рискует? Прямая опасность Садо, конечно, не грозила, но Нуиноскэ слышал, что Асано Нагакира, правитель провинции Кии, получил указание держать гору Кудо под неусыпным наблюдением. Если люди Асано донесут, что Садо тайно посетил Юкимуру, сёгунат заподозрит дом Хосокавы в вероломстве. «Настал мой час», — подумал Нуиноскэ.

Небо нахмурилось, налетел ветер, заморосил мелкий дождь. Нуиноскэ, пройдя через коридор, заглянул в комнату, где сидел Садо с хозяином.

— Пошел дождь, господин, — сказал Нуиноскэ. — Не пора ли нам в путь?

Садо немедленно поднялся и начал прощаться, благодаря в душе находчивость Нуиноскэ. Юкимура его не удерживал.

— Дай нашим гостям шляпы от дождя и проводи их до Камуро, — попросил он сына.

У ворот Садо поблагодарил хозяина дома за гостеприимство.

— До скорой встречи, — сказал Садо. — Мы можем сойтись и в дождь, и в ветреный день. Желаю доброго здоровья!

Когда Садо, Нуиноскэ и Дайскэ вошли в Камуро, они увидели связанного человека, которого везли на лошади. Лошадь вел монах в белом облаче-

нии. Заметив Дайскэ, монах окликнул его, но тот притворился, что не слышит.

— Тебя зовут, — сказал Садо, обменявшись с Нуиноскэ многозначительным взглядом.

Дайскэ больше не мог изображать, что не видит монаха.

— А, Ринсёбо! — произнес он. — Прости, я не заметил тебя.

— Я только что с перевала Киими, — громким, взволнованным голосом сообщил монах. — Человека из Эдо, о котором нас предупредили, я увидел в Наре, и мы его выследили. Пришлось силой взять его. Он здорово сопротивлялся. Теперь осталось доставить его в Гэссо и заставить говорить...

— Что это ты болтаешь? — прервал его Дайскэ.

— О человеке, которого везу. Он лазутчик из Эдо.

— Замолчи, болван! — зашипел Дайскэ. — Знаешь, кто со мной? Нагаока Садо из дома Хосокавы.

Ринсёбо тупо уставился на Садо и пробормотал:

— Хосокавы?

Теперь Садо и Нуиноскэ изобразили безмятежность на лицах. Дайскэ, отведя монаха в сторону,

что-то зашептал ему. Он вернулся к гостям, и Садо сказал:

— Иди домой. Мы сегодня доставили вам много хлопот.

Они распрощались. Когда гости отошли достаточно далеко, Дайскэ обратился к монаху:

— Какой же ты глупец! Пора бы научиться прежде открывать глаза, а потом уже рот. Отец рассердится.

Человек в монашьем одеянии, конечно, не был монахом. Это был Ториуми Бэндзо, один из старших вассалов Юкимуры.

Гавань

— Гонноскэ!.. Гонноскэ!.. Гонноскэ!

Иори был безутешен. Он непрестанно повторял имя Гонноскэ, хотя почти не сомневался, что того уже нет в живых. Прошел день, за ним ночь. Иори брел, не разбирая дороги, словно в тумане. Ноги у него стерлись до крови, кимоно порвалось. Он то ругался, то, глядя в небо, кричал: «Я готов!» Порой его охватывала леденящая волна ужаса, потом ему чудилось, что он сошел с ума. Увидев в луже свое отражение, Иори успокоился — внешне он не изменился.

Иори очнулся на дне оврага и не мог вспомнить, что случилось накануне. Ему не приходило в голову вернуться в Конгодзи или Коягю.

Иори упал на колени и стал молиться, крепко смежив веки. Когда он открыл глаза, то увидел синюю полосу моря, блестевшую между горами.

— Мальчик, что с тобой? — раздался ласковый женский голос.

Иори невидящим взором посмотрел на двух женщин, которые появились словно из-под земли.

— Мама, с ним что-то случилось, — сказала

неизвестная помоложе.

Вторая женщина подошла к Иори и, заметив кровь на его одежде, нахмурилась.

— Ты ушибся?

Иори отрицательно покачал головой.

— Он, похоже, понимает меня, — сказала она дочери.

Женщины расспрашивали Иори, как его зовут, где он родился, как он здесь оказался и о чем только что молился. Иори с трудом, но отвечал, и память понемногу возвращалась к нему.

Девушка, которую звали Оцуру, пожалела мальчика.

— Давай возьмем его в Сакаи. Он может нам пригодиться в деле. И возраст подходящий, — предложила она матери.

— Согласится ли он? — ответила мать, которую звали Осэй.

— Конечно! Пойдешь с нами?

Иори утвердительно кивнул.

— Вставай и возьми наши вещи.

Иори покорно тащил их и молчал, пока они не пришли в Кисиваду. Здесь, среди людей, он разговорился.

— Где вы живете? — спросил он своих спутниц.

— В Сакаи.

— А где это?

— Рядом с Осакой.

— А Осака где находится?

— Отсюда поплывем на корабле, и ты увидишь.

— На корабле? — обрадовался Иори и рассказал, как несколько раз он бывал на переправе в Эдо, но никогда не плавал на корабле, хотя его родная провинция Симоса недалеко от моря.

— Доволен? — спросила Оцуру. — Только не зови мою маму «тетей». Ты должен называть ее «госпожа». Скажи: «Да, госпожа».

— Да, госпожа.

— Вот и хорошо. Будешь прилежно трудиться, со временем можешь стать помощником приказчика.

— А чем вы занимаетесь?

— Мой отец владеет кораблями.

— Как это?

— Он купец. Его корабли плавают по всему западному побережью.

— Подумаешь, купец! — разочарованно протянул Иори.

— Как ты смеешь такое говорить? — воскликнула девушка.

Мать отнеслась к замечанию Иори поспокойнее.

— Он, верно, считает, что купец — это торговец сладостями или мануфактурой, — предположила Осэй.

Врожденная гордость купцов Кансая взяла верх в Осэй, и она пустилась в рассказ о том, что у ее отца были три огромных склада в Сакаи и десятки судов, он имел свои конторы в Симоносэки, Марукамэ, Сикаме. Услуги, которые ее семья оказала дому Хосокавы в Кокуре, были столь велики, что корабли отца получили официальный статус при доме Хосокавы. Отцу Осэй пожаловали право носить фамилию и два меча, подобно самураям. В западной части Хонсю и на Кюсю каждый знает Кобаяси Тародзаэмона из Симоносэки. Во время войны у Симадзу, Хосокавы и других даймё не хватало кораблей, поэтому отец Осэй выполнял важную роль военачальника.

— Простите, я не хотел вас огорчать, — сказал Иори.

Мать и дочь рассмеялись.

— Мы не обиделись, — сказала Оцуру, — просто мальчику твоего возраста не пристало поспешно судить о вещах, в которых он не разбирается.

— Простите меня.

С моря дул крепкий соленый ветер. Оцуру показала на корабль у пристани, на который заносили груз.

— Мы поплывем на нем.

Капитан и два торговых посредника Кобаяси вышли из чайной, чтобы встретить хозяйку с дочкой.

— Хорошо погуляли? — спросил капитан. — Мы берем большой груз, извините, что будет тесновато. Я провожу вас на корабль.

Путешествие по заливу Осака было спокойным. К вечеру корабль причалил в Сакаи. Управляющий Сахэй и конторские служащие высыпали навстречу хозяйке с дочерью.

— Сахэй, присмотри за мальчиком, — распорядилась Осэй.

— Где нашли этого оборванца?

— Он смышленый мальчик, его можно пристроить в конторе. Надо отмыть его как следует, на нем могут быть вши. Дай ему новую одежду.

В следующие несколько дней Иори не видел ни хозяйки, ни дочери. Контора отделялась от жилой части дома ширмой, за которую запрещалось заходить. У Иори был свой угол в конторе, где он спал. Поначалу портовый город увлек его новизной, ему нравились корабли и разные заморские

диковинки. В конторе Иори не знал ни минуты покоя. Все, от управляющего до последнего приказчика, гоняли его как собаку. Распоряжения дождем сыпались на Иори. В разговорах с хозяевами или посетителями конторские мгновенно преображались в милых и предупредительных людей, что особенно возмущало мальчика. С утра до вечера говорили только о деньгах. «И они считают себя приличными людьми!» — сокрушался Иори.

— Ио, Ио, где ты? — окликнул его однажды управляющий.

Иори в это время мел двор между конторой и складом. Он слышал голос управляющего, но не отзывался.

— Эй, новичок, почему не отвечаешь, когда тебя зовут? — закричал появившийся из конторы Сахэй.

Иори взглянул на него.

— Вы меня звали? — спросил Иори, глядя в глаза Сахэя.

— Надо добавлять «господин». Понял?

— Да, господин.

— Почему не отвечаешь?

— Я слышал, кто-то кричал «Ио, Ио». А меня зовут Иори… господин.

— С тебя хватит и короткого Ио. Да, кстати, больше не носи меч.

— Да, господин.

— Отдай его мне.

— Меч — память о моем отце. Я не могу отдать его в чужие руки.

— Тупица! Сказал, отдай меч!

— Не могу. Я вообще не хочу быть купцом.

— Люди не прожили бы ни дня без купцов, — загорячился Сахэй. — Кто привозит заморские товары? Нобунага и Хидэёси — великие люди, но без купцов они никогда бы не построили свои замки — Адзути, Дзюракудай, Фусими. Посмотри, кто живет в Сакаи: Намбан, Рудзон, Фукиэн, Амои. Все они ведут огромную торговлю.

— Знаю.

— Откуда?

— Всем известны огромные прядильни в кварталах Аямати, Кинумати и Нисикимати. Мануфактуры Рудзона возвышаются на холме, как замки. Дома и склады купцов тянутся бесконечными рядами. Хозяйка и Оцуру гордятся своим городом, но он ничтожен в сравнении с другими местами.

— Да как ты смеешь…

Иори, бросив метлу, скрылся. Сахэй позвал

грузчиков и велел им поймать строптивого мальчишку.

Иори поймали. Сахэй кипел от негодования.

— Что прикажите делать с таким негодником? У него десять слов в ответ на любое ваше замечание. Он нагло насмехается над нами. Дайте ему взбучку и не забудьте отобрать меч.

Сахэй ушел. Грузчики взяли меч Иори, а его самого со связанными руками веревкой привязали к большому ящику, как обезьяну.

— Пусть над тобой потешится народ, — сказали грузчики.

Сначала Иори громко просил прощения и обещал исправиться, но вежливость не помогла, и он стал ругаться.

— Управляющий — выживший из ума дурень! Отдайте меч! Я не желаю жить в таком доме.

— Замолчи! — одернул его Сахэй, выйдя во двор.

Иори не утихомирился, и Сахэй решил заткнуть ему рот, но мальчик укусил его. Грузчики оказались проворнее.

Иори рвался на веревке. Он не мог сдержать слез от позора. Струя конской мочи, едва не окатившая его, привела его в чувство. Иори поднял глаза и подумал, что грезит наяву, — на шедшей

мимо лошади сидела молодая женщина в широкой лакированной шляпе, защищавшей ее от солнца. Дорожное кимоно из грубой ткани было подобрано для верховой езды, в руках она держала тонкий бамбуковый прут.

Иори попытался позвать ее. Вытягивая шею, он едва не задохнулся. Глаза его были сухими, хотя плечи содрогались от рыданий. Невероятно, но Оцу была рядом. Куда она направлялась? Почему покинула Эдо?

— Сахэй, почему мальчик у тебя на веревке, как медведь? Это жестоко, да и дурная молва пойдет о вас.

Человек, заговоривший с управляющим, был двоюродным братом Тародзаэмона. У него было прозвище Намбанъя, по названию конторы, в которой он служил. Рябины от оспы придавали его лицу зловещий вид, но по натуре он был добрым и часто угощал Иори сладостями.

— Ты вправе наказать его, — продолжал Намбанъя, — но нельзя этого делать прилюдно. Зачем позорить имя Кобаяси? Развяжи его!

— Слушаюсь, господин, — ответил Сахэй.

— Если мальчишка вам не ко двору, я заберу его к себе. Поговорю с Осэй.

Разговор с Осэй и Оцуру обернулся неожидан-

ностью. На следующий день Иори отправили в школу при храме и вернули ему меч. Сахэй больше не придирался к нему.

Однажды утром в начале одиннадцатого месяца из Киото прибыла речная барка, доверху нагруженная разными вещами. Перед конторой выросла гора из сундуков и корзин. На багажных бирках было написано, что вещи принадлежат дому Хосокавы. Сопровождали груз самураи, которые выполняли то же задание, что и Садо на горе Коя, — собирали вещи покойного Хосокавы Юсая.

По дороге из школы Иори внезапно застыл от ужаса посреди улицы. На одной из корзин сидел Кодзиро и беседовал с Сахэем.

— Наш корабль еще не прибыл? — спросил Кодзиро.

Сахэй указал на судно, стоявшее под погрузкой у пристани.

— Ваш корабль «Тацумимару». Сейчас он грузится, для вашего багажа места еще не приготовлено.

— На корабле прохладнее. Я хотел бы посидеть на палубе.

— Сейчас узнаю.

Сахэй побежал к пристани и наткнулся на

Иори.

— Ты что застыл, словно к земле прирос? Помоги обслуживать пассажиров. Нужно подать чай, холодную воду, горячую воду, словом, все, что они пожелают.

Иори не мог оторвать глаз от Кодзиро. Теперь Кодзиро все чаще называли Ганрю. Необычное имя как нельзя лучше соответствовало его положению. Он пополнел, возмужал, взгляд обрел спокойствие и уверенность. Слава его меча преисполнила Кодзиро сознанием собственного достоинства. Самураи Хосокавы считали его своим и относились к нему с почтением.

С пристани прибежал взмокший Сахэй и сообщил, что на средней части палубы мест пока нет, однако корма уже свободна, поэтому солдаты и младшие самураи могут подняться на корабль.

— Солнце скоро уйдет на запад, сразу станет прохладнее, — обратился Сахэй к Кодзиро. — Не хотите пройти в контору? Там не так жарко.

— У вас тут нет спасения от мух, — пожаловался Кодзиро. — Я бы выпил еще чаю.

— Сию минуту, господин, — ответил Сахэй и, не двигаясь с места, закричал: — Ио, что ты там торчишь? Принеси чай!

Никто не появился. Сахэй еще раз повторил

приказ. Показался Иори, который неторопливо нес поднос с чашками. Обойдя всех самураев, Иори с двумя последними чашками приблизился к Кодзиро, который не глядя протянул руку к подносу. Взгляд Кодзиро скользнул по мальчику.

— Неужели это тот самый?.. — изумленно воскликнул Кодзиро.

— В последний раз наша встреча на равнине Мусасино была не очень приятной, — с улыбкой произнес Иори.

— Как ты смеешь! — заорал Кодзиро, мгновенно утратив солидность.

— Неужели вы помните меня! — воскликнул Иори и залепил подносом в лицо важного гостя.

Кодзиро успел увернуться от подноса, но горячий чай угодил ему в левый глаз.

— Ублюдок! — взревел Кодзиро, швырнув мальчика на пол и придавив его ногой. — Управляющий, это ваш мальчишка? Он еще маленький, но я тем не менее не потерплю такой наглости.

Подбежал перепуганный Сахэй и хотел было схватить Иори, но тот вскочил на ноги, выхватил меч и нанес удар по руке Кодзиро. Он пинком отшвырнул мальчика на середину комнаты. Сахэй снова попытался поймать Иори, но тот подпрыгнул и крикнул, глядя в глаза Кодзиро:

— Получил?!

Иори выскочил во двор и бросился наутек, но Кодзиро схватил лежавший под рукой шест и пустил его вдогонку беглецу. Удар точно пришелся по ноге ниже колена. Иори упал.

— Прошу простить нас за такое безобразие, — молил Сахэй.

Кодзиро молча взял принесенное ему мокрое полотенце и вытер лицо. Связанный Иори бился на земле.

— Развяжите меня, я не убегу! Я сын самурая. Я нарочно все это сделал и готов принять наказание! — кричал он.

Кодзиро поправил кимоно, пригладил волосы.

— Развяжите его, — сказал он неожиданно ровным голосом.

— Вы… вы уверены, что его стоит отпустить? — спросил, заикаясь, Сахэй.

— Можете его отпустить, — чеканил слова Кодзиро. — Если вы считаете, что его следует наказать, могу предложить способ. Вылейте ему на голову ведро кипятку. От этого он не умрет.

— Ведро кипятку? — вздрогнул Сахэй.

— Или отпустите его.

Сахэй переглянулся с конторскими.

Принесли веревку, чтобы потуже связать Иори,

но мальчик неистово отбивался.

— Я ведь сказал, что приму наказание. Я не убегу. Я все сознательно сделал. Пусть купцы просят прощения, но не сын самурая. Подумаешь, ведро кипятку!

— Хорошо, ты сам согласился, — сказал Сахэй.

Закатав рукава, он медленно приближался к Иори с ведром.

— Закрой глаза, Иори! Иначе ослепнешь, — крикнул кто-то с противоположной стороны улицы.

Иори зажмурился, даже не взглянув на кричавшего. «Всего лишь ведерко!» — убеждал он себя. Ему хотелось забыться, взять себя в руки, но это мало кому под силу в его возрасте. Капли пота казались ему горячей воды, мгновения тянулись, как вечность.

— Да это же Садо! — воскликнул Кодзиро, взглянув на другую сторону улицы.

— Что у вас здесь стряслось? — спросил старый самурай, подходя с Нуиноскэ к конторе.

— Наказываем мальчишку, — усмехнулся Кодзиро.

— Наказываете? — переспросил Садо. — Хорошо, накажите его, если он заслужил. А я посмотрю.

Кодзиро мгновенно сообразил, что в жестокости наказания обвинят его.

— Стойте! — сказал он. — Хватит!

Иори приоткрыл глаза, несколько мгновений ничего не видел, но потом узнал Садо.

— Вы тот самый самурай, который приезжал в храм Токугандзи в Хотэнгахаре! — воскликнул мальчик, узнав Садо.

— Ты меня помнишь?

— Да, господин.

— А что произошло с твоим учителем, Мусаси?

Иори закрыл ладонями глаза.

Знакомство Садо с мальчиком оказалось неприятной неожиданностью для Кодзиро. К его счастью, подошел старший матрос и объявил, что все могут подняться на палубу.

— Корабль не отплывет до захода солнца? — спросил Садо.

— Да-да, — подтвердил Сахэй, ходивший взад-вперед по конторе.

— Значит, есть время отдохнуть.

— Пожалуйста! Сейчас подадут чай.

На пороге конторы появилась Оцуру и подозвала управляющего.

— Контора — не подходящее место для гостей. Не изволите ли пройти в дом? — предложил

Сахэй.

— Весьма признателен, — ответил Садо. — Кому я обязан любезностью, хозяйке дома?

— Да, она желает вас поблагодарить.

— За что?

Сахэй почесал в затылке.

— Полагаю, за то, что Иори не пострадал.

— Да, кстати, позовите его. Хочу с ним поговорить.

Сад, через который вели Садо, был обычным для дома богатого купца. С одной стороны сад упирался в складскую стену, но был тщательно ухожен, растения и дорожки заботливо политы. В сад была подведена проточная вода.

Осэй и Оцуру приветствовали гостя в гостиной, где были расставлены подносы с чаем, сладостями и табаком. Пахло благовониями.

Садо сел на пороге комнаты со словами:

— Проходить не буду, у меня грязные ноги.

Наливая гостю чай, Осэй поблагодарила его за спасение Иори.

— Я раньше встречал этого мальчика, — сказал Садо. — Как он оказался в вашем доме?

Выслушав рассказ Осэй, Садо сказал:

— Я только что наблюдал за Иори. Я восхищен его выдержкой и самообладанием. Мальчика с

таким характером нельзя держать в купеческом доме. Не могли бы вы отдать его мне? Мы в Кокуре воспитаем из него самурая.

Осэй не возражала.

Оцуру поднялась, чтобы позвать Иори, но он сам появился из-за двери, где слышал весь разговор.

— Поедешь со мной? — спросил Садо.

Иори не сдержал ликования.

Садо пил чай, а тем временем Оцуру принесла одежду для Иори: кимоно, брюки хакама, ноговицы, тростниковую шляпу — все новое. Это были первые в жизни Иори хакама.

В лучах заходящего солнца «Тацумимару» поднял черные паруса. Иори стоял у борта, размахивая новой шляпой.

Учитель каллиграфии

В квартале торговца рыбой в Окадзаки на повороте в узкий переулок стояла вывеска, гласившая: «Просвещение для юношества. Обучение чтению и письму». Вывеска была подписана именем Мука, который, видимо, был честным бедным ронином, зарабатывавшим на жизнь уроками.

Каллиграфия объявления вызывала лишь улыбку у прохожих детской корявостью, но Муку это не смущало. «Я в сердце все еще дитя, — говаривал он. — И сам учусь со своими учениками».

Переулок упирался в бамбуковую рощу, за которой находился конный манеж дома Хонды. В хорошую погоду над площадкой клубилось облако пыли от скачущих лошадей. Хонда гордились своим происхождением от легендарных воинов Микавы, военным традициям которых следовал и род Токугава.

Мука проснулся после полуденного отдыха, сполоснул лицо у колодца. Серое без подкладки кимоно больше бы подходило сорокалетнему мужчине, однако Муке не исполнилось еще и тридцати. Затем Мука направился в рощу, где одним ударом меча срубил толстый бамбук. Он

промыл обрубок у колодца, вернулся в комнату, вставил в полую середину обрубка цветущий вьюнок.

— Неплохо, — сказал Мука, полюбовавшись на свою работу.

Достав кисти и тушь, Мука принялся за упражнения в каллиграфии, беря за образцы оттиски с прописей Кобо Дайси. Мука значительно преуспел в каллиграфии, если судить по тому, как были начертаны иероглифы на вывеске у поворота в переулок.

— Вы дома? — спросила соседка, жена продавца кистей.

— Заходите! — пригласил ее Мука.

— Я просто хотела спросить… Я только что слышала странный треск. Не знаете, что случилось?

— Это я срубил бамбук, — засмеялся Мука.

— Я очень беспокоюсь за вас. Муж говорит, что за вами охотятся какие-то самураи.

— Не переживайте, моя жизнь и гроша не стоит.

— Такое легкомыслие! Сейчас ведь могут убить без причины.

Соседка продолжала разговор, правда на сей раз не задавая обычного вопроса о том, почему Мука до сих пор не женат. Мука не мог дать ей

вразумительного ответа, хотя ссылался на то, что просто не нашел невесту по душе. Его соседи знали, что Мука — ронин из Мимасаки, прежде живший в Киото и в окрестностях Эдо. Питая страсть к наукам, он мечтал открыть в Окадзаки хорошую школу.

Молодость, мягкость натуры, честность Муки привлекали множество девушек, а также родителей, имевших дочерей на выданье.

Соседка ушла. Муке нравился этот уголок города. Здесь все знали друг друга, кипели свои страсти, на улицах постоянно устраивались то праздничные, то храмовые процессии, то похороны.

В сумерках Мука вышел из дома. На улицах Окадзаки звучали бамбуковые флейты, пели цикады и сверчки, посаженные в крохотные клетки, слышались заунывное пение слепых нищих, выкрики торговцев дынями и суси. Приглушенно горели фонари, люди в легких кимоно шли не спеша. Девушки шептались за спиной Муки.

Продавец кистей ужинал с женой, когда мимо их дома прошел Мука.

— И куда это он все ходит? — щелкнула языком жена. — Учит детей по утрам, отдыхает или занимается после обеда, а вечером уходит из дома.

Как летучая мышь.

— И что плохого? Холостяк. Не станешь же ты ему пенять за ночные развлечения, — усмехнулся муж.

— Снова куда-то пошел, — услышал за спиной Мука.

— И как всегда, ни на кого не смотрит.

Мука миновал боковые улочки, где обитали местные куртизанки, которые слыли одной из главных достопримечательностей трактира Токайдо. Выйдя на западную окраину городка, Мука остановился и раскинул руки, чтобы остыть. Впереди виднелась река Яхаги, через которую был переброшен мост в двести восемь пролетов, самый длинный на тракте Токайдо. На мосту его ждал человек в монашеском облачении.

— Мусаси?

Мусаси улыбнулся Матахати, одетому в монашье облачение, и спросил:

— Учитель вернулся?

— Нет.

Плечом к плечу они медленно пошли по мосту. На противоположном берегу реки среди сосен стояла старая обитель монахов школы дзен. Холм назывался Хатидзёдзи, поэтому монастырь носил его имя. Мука и Матахати взобрались по темному

склону к воротам.

— Ну как, нелегко постигать дзен?

— Тяжело, — краснея, признался Матахати, склонив выбритую до синевы голову. — Я не раз подумывал убежать отсюда. Учение такая мука! Наверное, проще сунуть шею в петлю, чем стать честным человеком.

— Не отчаивайся! Ты пока еще на начальных ступенях. Настоящие занятия начнутся, когда учитель согласится взять тебя в ученики.

— Порой мне и самому удается кое-чего добиться. Я работаю над собой. Я думаю про тебя, когда мне плохо. Если ты смог преодолеть недостатки, почему бы и мне не стать лучше?

— Вот это правильно! Все, что могу я, подвластно и тебе.

— Мне помогают воспоминания о Такуане. Меня казнили бы, если бы не он.

— После перенесенных мучений ты ощутишь великую радость от наслаждений, — задумчиво произнес Мусаси. — Всю жизнь, днем и ночью, на людей накатывают то волны горя, то волны радости. Они не чувствовали бы прелести жизни, испытывай они только наслаждения. Удовольствия пресыщают.

— Я, кажется, начинаю это понимать.

— Например, обычный зевок. Если ты зеваешь после тяжелой работы — это одно, а если от безделья — совсем другое. Большинство людей на свете умирают, так и не познав наслаждения от зеванья!

— Да, нечто подобное говорили у нас в монастыре.

— Надеюсь, учитель возьмет тебя. Я тоже мечтаю послушать его наставления. Хочу побольше узнать о Пути.

— Когда он вернется?

— Трудно сказать. Буддийские мудрецы, как облака, странствуют по три года. Учись ждать.

— Тебе тоже придется потерпеть.

— Да. Мне нравится моя теперешняя жизнь среди простых и бедных людей. Это тоже хорошая тренировка. Я не теряю времени даром.

Покинув Эдо, Мусаси пришел в Ацуги. Затем, гонимый сомнениями, укрылся в горах Тандзава, которые он оставил два месяца спустя в еще более встревоженном состоянии духа. Преодолев одну трудность, Мусаси столкнулся с другой. Порой ему казалось, что и его собственный меч враждебен ему. Иногда он думал, что мог бы пойти по легкому пути. Зажив простой семейной жизнью с Оцу, он не терзался бы так, как сейчас. Жизнь

обывателя ставит человека в рамки, с которыми Мусаси не мог примириться.

Иногда Мусаси чудилось, что он совершенно потерялся в жизни, а злые демоны пожирали его сердце. Бывали и дни, когда мысли его прояснялись и он находил упоение в добровольном уходе от мирской суеты. В душе его непрестанно сражались свет и тьма. Дни и ночи напролет Мусаси носило по волнам отчаяния и беспричинной радости. Размышления о Пути Меча — долгом и взыскательном — рвали ему сердце, потому что Мусаси все болезненнее чувствовал свое несовершенство. Случались дни, когда жизнь отшельника вдохновляла его на приятные мысли об Оцу.

Спустившись с гор, Мусаси сначала отправился в храм Югёдзи в Фудзисаве, потом в Камакуру, где он встретил Матахати. Не желая возврата к беспутной жизни, Матахати остался в Камакуре, где было множество буддийских монастырей. Душевные терзания Матахати были горше сомнений Мусаси.

— Еще не поздно, — успокаивал его Мусаси. — Научись владеть собой, и для тебя начнется новая жизнь. Безвыходность наступает в тот момент, когда ты говоришь себе, что все кончено. Поверь

мне, я сам уперся в незримую преграду. Временами мне кажется, что у меня нет будущего. Я чувствую пустоту в голове и в сердце. Ощущение такое, словно меня захлопнули в раковину. Порой я ненавижу себя. Я заставляю себя двигаться вперед, разбиваю раковину, и мне предстает новый путь. Я спустился с гор в надежде встретить человека, который способен мне помочь, — признался Мусаси.

Этим человеком был монах Гудо.

— Это он помог тебе в поисках Пути на первых порах? Не замолвишь ли за меня словечко? — попросил Матахати.

Несколько лет назад Гудо отправился странствовать по восточным и северо-восточным провинциям. Он был непредсказуемым человеком, который сегодня в Киото мог наставлять императора в учении дзен, а завтра оказаться в крестьянской хижине. Было известно, что Гудо раз останавливался в храме Хатидзёдзи в Окадзаки, поэтому по совету одного монаха друзья решили ждать его здесь.

Мусаси и Матахати сидели в каморке, где ночевал Матахати. Его не допускали в монастырскую спальню, поскольку официально он не принял монашество.

— Ох эти комары! — жаловался Матахати, дымя курением от насекомых. — Пойдем лучше на свежий воздух.

Они уселись на галерее главного храма. В монастырском дворе не было ни души. Дул прохладный ветерок.

— Как у нас в Сипподзи, — задумчиво проговорил Матахати.

— Похоже, — отозвался Мусаси.

Повисло молчание. Они всегда замолкали, когда вспоминали родную деревню, Оцу либо события в их жизни, о которых они не хотели говорить вслух.

— Я давно хотел поговорить с тобой… — нерешительно начал Матахати.

— О чем?

— Спросить об Оцу… — Матахати поперхнулся, но, пересилив себя, продолжал: — Где она сейчас? Я часто о ней думаю и мысленно прошу прощения. Стыдно признаться, но я держал ее в Эдо у себя, хотя между нами ничего не было. Она не подпускала меня ни на шаг. Когда я ушел на сражение в Сэкигахару, Оцу постигла участь отцветшего цветка, а сейчас она цветет на другом дереве, даря ему свою прекрасную душу.

Голос Матахати зазвучал торжественно.

— Такэдзо!.. Нет, Мусаси, умоляю, женись на Оцу! Ты единственный можешь спасти ее. Я прежде никогда не попросил бы тебя об этом, но сейчас, когда я твердо решил пойти в ученики к Гудо, я признаю, что Оцу не будет моей. Я переживаю за ее судьбу. Найди ее и подари ей счастье, которое она ждет столько лет.

Мусаси покинул монастырь около трех часов утра. Он шел по темной тропинке с поникшей головой. В ушах звучали слова Матахати. Сколько бессонных ночей терзался Матахати, чтобы решиться на это откровение. Положение Мусаси было еще сложнее. Он не мог сказать: «Я не хочу жениться на Оцу. Она твоя невеста. Раскайся, очисть свою душу и вновь завоюй ее сердце». Мусаси так ничего и не ответил Матахати, потому что любые его слова прозвучали бы неискренне.

— Я не могу стать учеником Гудо, пока Оцу не устроит свою жизнь. Ведь это ты настоял, чтобы я занялся самосовершенствованием и постижением Закона. Если ты мне друг, спаси Оцу! В этом и мое единственное спасение! — горячо говорил Матахати.

Мусаси удивился, когда Матахати умолк на полуслове и зарыдал. Он не подозревал, что тот способен на столь глубокие чувства. Мусаси под-

нялся, чтобы идти домой, и Матахати вцепился ему в рукав, умоляя дать ответ.

— Мне нужно подумать, — выдавил из себя Мусаси.

Теперь он проклинал себя за трусость, которая не позволила ему быть откровенным с другом детства.

Мусаси злился на себя, припоминая все свои ошибки. Зайдя в тупик, он расстался с Иори и Гонноскэ, с друзьями из Эдо. Он не смог выбраться из раковины. Его опустошенная душа таилась взаперти, никому не нужная, как пустая оболочка цикады.

Прохлада коснулась лица — Мусаси вышел к реке Яхаги. Мусаси, услышав свистящий звук, присел. Пуля пролетела в полутора метрах от него. Мусаси подсчитал по числу вдохов и выдохов, что стреляли издалека. Он спрыгнул под мост и, как летучая мышь, слился с одной из опор. Через несколько минут со стороны холма Хатидзё послышался топот троих бегущих мужчин. Остановившись у моста, они начали искать тело. Человек с мушкетом не сомневался, что попал в цель. Он был в более темной одежде, чем его спутники, а лицо закрыто маской так, что виднелись только глаза.

Небо уже начало светлеть, медные украшения на прикладе мушкета тускло заблестели.

Мусаси не представлял, кто в Окадзаки желал бы его смерти. Конечно, он давно потерял счет тем, кого победил на поединках и которые рвались отомстить ему. Жаждой мести горели родственники и друзья убитых им соперников. Следующий по Пути Воина живет под постоянной угрозой смерти. Если он избегал одной опасности, то лишь ценой того, что множил ряды своих недоброжелателей, увеличивая риск в будущем. Опасность служила точильным камнем, на котором самурай оттачивал дух. Враги были его учителями.

Опасность встряхнула Мусаси, мгновенно выведя его из подавленного состояния. Он перешел на неглубокое неслышное дыхание. Враги были совсем рядом. Зрачки Мусаси расширились. Одетые в черное, как бандиты, люди имели самурайские мечи. Единственными самураями в здешних краях были те, кто состоял на службе в доме Хонды в Окадзаки и в доме Овари в Нагое, но в этих кланах врагов у Мусаси вроде бы не было.

Человек с мушкетом нырнул в тень, зажег запальный фитиль и стал им размахивать, подавая кому-то сигнал. Видимо, по другую сторону моста

находились еще люди. Надо было действовать, но стоит Мусаси шевельнуться, как его сразит мушкетный огонь. Если он и добежит до другого берега, там его может поджидать еще большая опасность. Под мостом его неминуемо найдут.

План действий пришел сам собой. Он противоречил здравому смыслу и принципам «Искусства войны». Мусаси следовал интуиции зрелого воина. Ее нельзя смешивать с животным инстинктом. Внезапное решение зреет словно помимо разума, но в нем воедино сливаются боевой опыт, зрелость ума и дисциплина духа. Это способность за мгновение принять единственно правильное решение, минуя длинную цепочку размышлений.

— Если вы ищете меня, то я здесь! — крикнул Мусаси.

Ответом ему был новый выстрел, но Мусаси уже исчез из убежища и под мостом атаковал своих преследователей. Длинный меч рассек одного сверху вниз, короткий меч горизонтальным движением полоснул другого. Третий человек побежал по мосту. Мусаси шагом последовал за ним, останавливаясь и прислушиваясь. Мусаси благополучно добрался до дома.

На следующее утро у его дверей появились два

самурая. Они растерялись, увидев перед входом множество детских сандалий.

— Вы учитель Мука? — спросил один из них. — Мы из дома Хонды.

Мусаси оторвался от листа, на котором выводил иероглиф.

— Я Мука.

— Ваше настоящее имя Миямото Мусаси? Мы знаем, не скрывайте.

— Да, я Мусаси.

— Вы знакомы с Ватари Симой?

— Что-то не припоминаю.

— Он говорит, что вы встречались на поэтических вечерах.

— Действительно. Мы виделись в доме наших общих друзей.

— Не могли бы вы провести у него вечер?

— Он ошибается, если считает, что я способен сочинять стихи хайку. Меня приглашали на вечера поэзии, но я мало что смыслю в словесности.

— Мы полагаем, что с вами хотели бы обсудить вопросы боевого искусства.

Ученики Мусаси с тревогой смотрели на самураев. Мусаси, немного помолчав, ответил:

— В таком случае я готов. Когда?

— Сегодня вечером вам удобно?

— Хорошо.

— За вами пришлют паланкин.

— Спасибо, я буду ждать.

Обернувшись к ученикам, Мусаси произнес:

— За работу! Вы не должны отвлекаться. Смотрите на меня — я тоже упражняюсь. Нужно заниматься так сосредоточенно, чтобы не слышать даже стрекота цикад. Будете лодырничать, станете вроде меня учиться в почтенном возрасте.

Мусаси улыбнулся, обводя взглядом вымазанные тушью ребячьи личики.

К вечеру Мусаси надел хакама и стал ждать. Соседка, жена продавца кистей, чуть не рыдала, ожидая чего-то ужасного. Мусаси утешал ее как мог, и в это время прибыл паланкин, но не обыкновенный плетеный, которых много на улицах, а лакированный и в сопровождении двух самураев и трех слуг. Высыпавшие из домов соседи перешептывались.

— Это паланкины только для важных господ.

— Наш учитель, оказывается, не так прост.

— Куда это он собрался?

— Вернется ли?

Самураи закрыли дверцы паланкина, приказали зевакам расступиться, и процессия тронулась.

Мусаси не знал причины приглашения, но подозревал, что она связана с происшествием у моста Яхаги. Вероятно, Сима хочет расследовать убийство двух самураев Хонды. А может, Сима сам задумал слежку и нападение и сейчас решил встретиться в открытую. Мусаси не ожидал ничего хорошего от предстоящего вечера, но счел нужным смириться с обстоятельствами. «Искусство войны» учит, что решение должно диктоваться конкретной обстановкой.

Паланкин мягко покачивался, как лодка в море. До слуха Мусаси донесся шум ветра в сосновых вершинах, значит замок совсем близко. Мусаси со стороны не походил на человека, который предчувствует опасность, веки его были полуприкрыты в дреме.

Послышался скрип ворот, шаги носильщиков замедлились, голоса самураев зазвучали тише. Паланкин пронесли по дорожке, освещенной фонарями. Слуги помогли Мусаси выйти из паланкина и провели в павильон, со всех сторон продуваемый приятным ветерком. Здесь совсем не чувствовалась ночная духота. Огни светильника то замирали, то ярко вспыхивали.

— Я Ватари Сима, — представился хозяин. Это был типичный самурай Микавы, крепкий, коре-

настый, полный сил.

— Я Миямото Мусаси, — так же просто представился Мусаси, отвесив поклон.

— Усаживайтесь поудобнее, — с поклоном ответил Сима. Без лишних слов он перешел к делу: — Мне доложили, что вчера ночью вы убили двух самураев.

— Да, это правда, — взглянул Мусаси в глаза Симы.

— Должен извиниться перед вами, — продолжал Сима. — Мне доложили о случившемся сегодня, было проведено расследование. Ваше имя известно мне давно, но я не знал, что вы живете в Окадзаки. Мне сказали, что в вас стреляли. Один из нападавших был учеником Гумбэя, мастера стиля Тогун.

Мусаси не почувствовал в словах Симы неискренности. Оказалось, что ученик Гумбэя был одним из нескольких самураев Хонды, которые когда-то учились в школе Ёсиоки. Они решили убить человека, разгромившего их школу.

Мусаси знал, что имя Кэмпо до сих пор широко почитается, особенно в западной Японии. В каждом владении здесь находился самурай, который учился у Кэмпо. Мусаси ответил, что понимает чувства бывших учеников, но считает

их выражением личной неприязни, а не серьезным поводом для столкновения в соответствии с принципами «Искусства войны». Сима, казалось, согласился с Мусаси.

— Я сделал внушение оставшимся в живых, — сообщил он. — Надеюсь, вы забудете этот случай. Гумбэй тоже очень недоволен. Если хотите, я его представлю вам и он принесет извинения.

— Не обязательно. Подобные истории постоянно случаются с каждым, кто посвятил жизнь боевому искусству.

— Но все же…

— Забудем про извинения. Если Гумбэй хочет поговорить о Пути, я с удовольствием с ним побеседую. Его имя известно по всей стране.

Разговор с Гумбэем сосредоточился на мечах и фехтовании.

— Я хотел бы узнать от вас о стиле Тогун, — сказал Мусаси. — Вы разработали его?

— Нет, — ответил Гумбэй. — Я изучил его у своего учителя Кавасаки Кагиноскэ из провинции Этидзэн. Согласно записям, которые он мне оставил, он разработал его во время пребывания на горе Хакуун в Кодзукэ. Вероятно, он перенял технику у монаха из Тэндая по имени Тогумбо. Пожалуйста, расскажите о себе. Я не раз слышал

ваше имя и полагаю, что вы гораздо старше. Пользуясь вашим присутствием, я хотел бы попросить вас дать мне урок.

Тон Гумбэя был дружеским, но тем не менее его слова означали приглашение на бой.

— В другой раз, — улыбнулся Мусаси. — Мне пора идти. Я даже не знаю дороги домой.

— Наш человек проводит вас, — сказал Сима. — Я посетил место вчерашнего боя и не нашел соответствия между положением тел и характером ран. Я расспросил человека, который уцелел. По его словам, вы дрались двумя мечами.

Мусаси ответил, что этот прием получается у него помимо его воли. Действуя двумя мечами, он чувствует, будто сражается одним.

— Не скромничайте, — настаивал Гумбэй. — Расскажите поподробнее. Как вы тренируетесь? Как можно овладеть этой виртуозной техникой?

Мусаси понял, что без объяснений ему не уйти. Он обвел глазами комнату и попросил дать ему два мушкета, стоявшие в нише. Мусаси, взяв мушкеты за стволы, встал посредине комнаты.

— Два меча — как один меч. Один меч — как два меча. У человека две руки, но они принадлежат одному телу. Все на свете сводится к единому началу. В этом смысле все стили и все приемы по

сути одинаковы. Сейчас покажу.

Мусаси говорил легко и спокойно.

— С вашего позволения, — сказал он, начав быстро вращать мушкеты. В комнате поднялся маленький смерч.

Мусаси прекратил вращение и поставил мушкеты на место.

— Может быть, я дал вам некоторое представление о стиле, — улыбнулся Мусаси. Поклонившись, он вышел.

Сима от удивления забыл послать провожатого с Мусаси.

Выйдя за ворота замка, Мусаси с облегчением вздохнул. Он так и не выяснил истинных намерений Ватари Симы, но одно теперь стало ясно: здесь узнали, кто он. Мусаси к тому же оказался втянутым в неприятную историю. Самое разумное — немедленно покинуть Окадзаки, но Мусаси помнил, что обещал Матахати дождаться возвращения Гудо.

Впереди засветились огни Окадзаки, и кто-то окликнул Мусаси из придорожной часовни:

— Это я, Матахати. Мы беспокоились и вышли тебя встречать.

— Почему? — спросил Мусаси.

— Мы заходили к тебе домой. Соседка рассказа-

ла, что за тобой стали наблюдать какие-то люди.

— Кто это «мы»?

— Учитель вернулся.

Гудо сидел на веранде часовни. Внешность его была необыкновенной — высохший, как огромная цикада, с глубоко посаженными и горящими, как угли, глазами. На вид ему было около пятидесяти, хотя возраст таких людей нельзя определить. Гудо был сухой и жилистый, низкий голос гудел, как в бочке.

Мусаси приник к земле в поклоне перед учителем. Гудо молча смотрел на него.

— Давно мы не виделись, — наконец произнес Гудо.

— Очень, — тихо ответил Мусаси, поднимая голову.

Только два человека на этом свете могли разрешить сомнения Мусаси — Гудо и Такуан. И наконец Гудо вернулся. Мусаси и Матахати ждали его целый год. Мусаси смотрел на лицо монаха, как на лунный лик.

Неожиданно из груди Мусаси вырвался стон:

— Учитель!

— Что с тобой? — вымолвил Гудо.

Он мог бы и не задавать вопрос, потому что обо всем знал. Мусаси вновь припал лбом к земле.

— Минуло десять лет с той поры, как я расстался с вами.

— Неужели?

— За эти долгие годы я почти не продвинулся в постижении Пути.

— Ты говоришь, как дитя. Значит, ты ушел недалеко.

— И глубоко сожалею о своей никчемности.

— Сожалеешь?

— Тренировки и занятия самосовершенствованием оказались тщетными.

— Обычные твои сомнения. Они мешают тебе достигнуть совершенства.

— Может, мне следует отказаться от своих попыток?

— Тебя замучают сожаления в содеянном, ты превратишься в отщепенца, более низкого, чем ты был в годы безумной юности.

— Я понимаю, что, оставив Путь, я погружусь в бездну, но попытка одолеть вершину вызывает ощущение бессилия. Я словно угодил в ловушку половинчатости — ни фехтовальщик, ни совершенный человек.

— Ты правильно оцениваешь свое состояние.

— Учитель, ты знаешь, в каком отчаянии я пребываю! Что мне делать? Научи! В чем искать

спасение от смятений и безволия?

— Меня ли об этом спрашивать? Ты можешь полагаться лишь на себя.

— Позволь мне вновь припасть к твоим ногам, чтобы внимать твоим наставлениям. Мы с Матахати ждем твоего слова. Ударь меня посохом и пробуди от беспросветной пустоты. Прошу тебя, сенсей, помоги мне! — Мусаси не поднимал головы. Он не плакал, но голос его дрожал.

Гудо поднялся и бесстрастным голосом произнес:

— Пойдем, Матахати!

Мусаси бросился за монахом, в мольбе хватая его за рукав. Монах молча покачал головой. Мусаси молил учителя не отринуть его.

— Что ты хочешь услышать от меня? Что я еще могу дать тебе? Разве что стукнуть хорошенько по голове! — гневно воскликнул Гудо. Гудо занес кулак, но он застыл в воздухе.

Мусаси разжал пальцы. Монах удалялся быстрыми шагами, не оглянувшись.

Матахати сказал Мусаси:

— В монастыре я объяснил ему, почему мы просимся к нему в ученики, он ничего не ответил. Он разрешил мне быть рядом с собой. Мне кажется, что тебе тоже следует остаться. Когда учитель бу-

дет в хорошем расположении духа, ты спросишь его о том, что тебя волнует.

Гудо обернулся и позвал Матахати. Тот бросился со всех ног, крикнув на бегу:

— Пожалуйста, послушай моего совета!

Мусаси послушался друга, зная, что расставание с Гудо будет для него роковым. В нескончаемом потоке времени шесть-семь десятилетий человеческой жизни — всего лишь краткий миг. И если в это мгновение вам суждена встреча с человеком, подобным Гудо, глупо упускать бесценный дар общения с ним.

«Небеса посылают мне сей дар», — подумал Мусаси, и глаза у него повлажнели.

Он последует за Гудо даже на край земли и не отстанет, пока не услышит заветного слова.

Гудо прошел мимо холма Хатидзё, уже забыв о храме. Выйдя на тракт Токайдо, он свернул на запад в сторону Киото. Сердце его уже соединилось с водами и облаками.

Круг

Учитель Гудо путешествовал весьма необычно. Дождливый день он провел в гостинице, и Матахати делал ему прижигание моксой. Неделю он прожил в храме Дайсэндзи, потом на несколько дней остановился в монастыре секты дзен в Хиконэ. Продвигаясь с такой скоростью, они долго добирались до Киото.

Мусаси ночевал где придется. Если Гудо останавливался в гостинице, Мусами спал у порога или снимал приют по соседству. Когда монах и Матахати ночевали в монастыре, Мусаси ютился у ворот обители. Мусаси не роптал на лишения, он жаждал услышать заветное слово Гудо.

Однажды ночью, когда они остановились в монастыре у озера Бива, Мусаси вдруг заметил, что настала осень. Увидев свое отражение в воде, он ужаснулся: с водной глади на него смотрел нищий бродяга. Волосы сбились в колтун, потому что он дал обет не пользоваться гребнем, пока не получит наставление Гудо. Несколько недель Мусаси не мылся и не брился. Его одежда от грязи одеревенела и терла кожу. «Какой я глупец!» — подумал Мусаси. Он захохотал как

умалишенный. Он одержимо преследовал Гудо, но чего он ждал от монаха? Неужели нельзя жить, не терзая душу и тело? Мусаси даже пожалел вшей, копошившихся в его скверных лохмотьях.

Гудо твердо заявил, что ему нечем помочь Мусаси. Бессмысленно требовать от учителя того, чем тот сам не обладал. Неразумно обижаться на то, что Гудо относился к Мусаси хуже, чем к бродячей собаке. Мусаси взглянул на небо сквозь гриву спутанных волос. Луна светила по-осеннему. Москиты пропали, а Мусаси и не почувствовал этого, настолько заскорузла его кожа.

Мусаси ощущал, как нечто ускользает от его понимания, но не мог облечь в слова свои переживания. Оковы спали бы с его меча, если бы ему удалось уловить суть происходящего. Все прояснилось бы в мгновение ока. Порой Мусаси казалось, что он вот-вот разгадает неуловимое нечто, но в последний миг оно неумолимо ускользало! Он готов был умереть, постигая смысл Пути, иной цели в его жизни не существовало. Как проникнуть в таинственное нечто? Что оно? Мастерство фехтования? Нет. Секрет процветания в бренном мире? Пустое. Соединение с Оцу? Нет, любовь женщины не должна властвовать над мужчиной.

Мусаси томился в постижении всеобъемлющего ответа, который охватывал бы весь мир вокруг и умещался бы в маковое зернышко.

Взгляд Мусаси упал на табличку на воротах монастыря. Он прочитал строки, залитые лунным светом.

Найди первооснову, молю тебя.
Следуй мудрости предков:
Не рви безжалостно листья,
Не мни себя крепкой ветвью.

Это было изречение из завещания Дайто Кокуси, основателя храма Дайтокудзи. Мусаси внимательно перечитал последние строки. Листья и ветви. Сколько людей кружится в вихре никчемных дел! Не он ли пример тщеты? Мусаси немного успокоился от этой мысли, но сомнения не покинули его. Почему меч перестал повиноваться ему? Почему глаза его не видят цель? Что мешает обрести душевный покой?

Он знал, что, далеко продвинувшись в постижении Пути, неизбежно наткнешься на несущественные детали — листья и ветви. Как разорвать замкнутый круг? Как проникнуть в суть?

Мусаси вспомнил шутливые стихи Гудо:

Десятилетия скитаний
Смешат меня до слез.
Убогое платье и дыры в шляпе!
Стук в ворота буддийской мудрости.
А Будды Закон совсем немудрен:
Вкушай свой рис, пей чай, носи свою одежду.

Гудо сочинил их, когда был в теперешнем возрасте Мусаси.

Когда Мусаси впервые пришел в Мёсиндзи, Гудо прогнал его. «С чего тебе стукнуло в голову явиться с вопросами именно ко мне?» — кричал монах. Мусаси не смутился, и Гудо, вынужденный принять его, прочитал ему насмешливое сочинение. И вот недавно Гудо лишь посмеялся над ним, заметив: «Растекаешься в словах. Суетное занятие!»

Мусаси не спалось, и он стал прохаживаться у ворот. Из монастыря показались Гудо и Матахати. Они торопливо пошли по дороге. Видимо, поступило срочное известие из Мёсиндзи, главного монастыря секты, к которой принадлежал Гудо. Монах и Матахати направились к мосту в Сэте. Мусаси вместе с ними миновал городок Сакамото, где под призрачной осенней луной спали наглухо

закрытые лавки и темные харчевни. Сразу за городком начался подъем в гору Хиэй, мимо храмов Миидэра и Сэкидзи, затянутых туманом. Кругом не было ни души. Когда они достигли перевала, Гудо что-то сказал Матахати. Внизу раскинулся Киото и мерцало озеро Бива. Серебристое море тумана объяло окрестности.

Шедший позади Мусаси поднялся на перевал, едва не наткнувшись на Гудо. Впервые за несколько недель их взгляды встретились. Гудо молчал. Мусаси не смел заговорить первым. «Сейчас свершится!» — подумал Мусаси. Если монах удалится в Мёсиндзи, то придется ждать его еще несколько недель.

— Прошу… — вымолвил Мусаси. Он прерывисто дышал, а его голос дрожал, как у напуганного ребенка. Он робко шагнул к Гудо.

Монах даже не спросил, что нужно Мусаси. Лицо Гудо оставалось бесстрастным, как у лакированной статуи. Лишь глаза горели гневом, пронзая Мусаси.

— Прошу, учитель… Единственное слово мудрости! Всего одно! — Мусаси упал на колени.

— Довольно! Я это уже слышал, — оборвал его Гудо. — Матахати каждый день рассказывает мне про тебя. Я знаю все, даже про женщину.

Слова падали, как ледяные глыбы. Мусаси не поднимал головы.

— Матахати, палку! — приказал монах.

Мусаси закрыл глаза в ожидании удара, но Гудо только очертил круг вокруг него. Отбросив палку, он сказал:

— Пойдем, Матахати!

Они ушли. Мусаси был вне себя от гнева. Он страдал, а Гудо отверг его, не пожелав научить мудрости. Жестокость, бессердечность. Монах играл жизнью человека.

— Скотина в монашьем облачении! — выругался Мусаси. Гудо не раз говорил ему: «У меня ведь ничего нет». А вдруг в глупой голове монаха действительно «ничего нет»? «И без тебя обойдусь!» — решил Мусаси. Теперь он будет надеяться только на себя. В жизни можно рассчитывать лишь на собственные силы. Он ничем не хуже Гудо и его наставников.

Мусаси стоял, не сводя глаз с луны, и гнев его утихал. Взгляд его упал на очерченный монахом круг. Мусаси так и не ступил за него. Он вспомнил палку, которая не опустилась на его голову.

«Что означает круг? — задумался Мусаси. — Линия без начала и конца, замкнутая и совершенная. Если расширить ее до бесконечности,

получится вселенная. Если сжать, то она обратится в крохотное зернышко, в котором заключена его душа. Душа — круг. Вселенная — круг. Значит, его душа и вселенная — единое целое».

Мусаси вытащил из ножен меч и направил его под углом к земле. Тень от клинка походила на букву «о». Окружность вселенной не изменилась, стало быть, не переменился и Мусаси. Иной стала лишь тень. «Прозрачная тень! — подумал Мусаси. — Тень — не моя суть». Стена, в которую он бился головой, была тенью, призраком его смятенного ума.

Мусаси поднял голову. Могучий крик вырвался из его груди. Он взял в левую руку короткий меч. Тень изменилась, но круг-символ вселенной остался прежним. Два меча слились в один, и оба стали частью круга. Мусаси с глубоким вздохом посмотрел на луну. И круг на небесах может воплощать и меч, и душу смертного.

— Учитель! — крикнул Мусаси, бросаясь за Гудо.

Мусаси теперь ничего не требовал от монаха, но хотел просить прощения за то, что несколько мгновений назад ненавидел его.

Сделав шаг-другой, Мусаси остановился. «Это всего лишь листок и ветви», — подумал он.

Синяя ткань из сикамы

— Оцу здесь?

— Да!

Из-за плетня появилось лицо Мамбэя, торговца пенькой.

— Вы Мамбэй? — спросила Оцу.

— Да. Простите за беспокойство, но я принес новость, любопытную для вас.

— Проходите, — пригласила Оцу, указав на калитку в плетне.

Висящие на шестах куски ткани говорили о том, что дом принадлежал красильщику, выделывающему знаменитые «голубые сикама», прочную ткань, которая не выгорала на солнце. Это свойство достигалось тем, что ткань много раз погружали в индиговую краску, а потом били колотушками, так что каждое волоконце насквозь пропитывалось синевой. Оцу не совсем овладела колотушкой, но работала прилежно. Пальцы у нее посинели от краски.

Узнав в Эдо об исчезновении Мусаси, Оцу пустилась на поиски. В Сакаи она села на корабль Кобаяси Тародзаэмона и сошла на берег в рыбачьей деревне, которая стояла там, где река Сикама

впадает во Внутреннее море. Здесь жила ее нянька, вышедшая замуж за красильщика. Оцу нашла няньку и поселилась в ее доме. Красильщик был небогатым человеком, поэтому Оцу сочла своим долгом помогать ему в мастерской.

Вымыв руки и стерев со лба пот, Оцу пригласила Мамбэя на веранду, но тот отказался посидеть.

— Вы из деревни Миямото? — спросил он.

— Да.

— Я был в ваших краях по делам и кое-что услышал…

— О чем?

— Про вас.

— Неужели?

— И о человеке по имени Мусаси.

— Мусаси? — Оцу почувствовала, как у нее дрогнуло сердце.

Мамбэй усмехнулся. Было жарко, хотя наступила осень. Торговец обвязал голову полотенцем и присел на корточки.

— Вы знаете женщину по имени Огин?

— Сестру Мусаси?

Мамбэй утвердительно кивнул.

— Я случайно встретил ее в деревне Микадзуки в Саё. В разговоре обмолвился о вас. Она обрадовалась.

— Вы сказали, где я живу?

— Да. Я подумал, что нет повода скрывать.

— Как устроилась Огин?

— Живет в доме родственника-самурая по имени Хирата. Она сказала, что очень хочет повидаться с вами и о многом рассказать. У нее какой-то секрет, сказала. Я все боялся, что она разрыдается от волнения. Там на дороге негде было написать письмо, но она просила передать, что ждет вас в гости в Микадзуки. Она и сама пришла бы сюда, да вот дела не пускают.

Мамбэй помолчал.

— Она что-то знает о Мусаси.

Торговец собирался в Микадзуки на следующее утро и предложил Оцу пойти вместе.

Когда Мамбэй выходил из дома, незнакомый молодой самурай, который сидел на берегу, лениво пересыпая песок из руки в руку, пронзительно взглянул на него. Самурай лет восемнадцати был в щеголеватой одежде и в соломенной шляпе на голове. Пройдя несколько шагов за Мамбэем, он вернулся, чтобы еще раз взглянуть на дом.

Приход Мамбэя взволновал Оцу, но она, взяв колотушку, продолжила работу. Воздух звенел от перестука колотушек красильщиков и их песен. Ни звука не сорвалось с губ Оцу, но душа ее пела

от любви к Мусаси.

Она верила, что узнает от Огин, где теперь Мусаси. Огин поймет ее женским сердцем.

Колотушка замерла в руках Оцу. Давно уже она не чувствовала себя такой счастливой. Море часто казалось ей печальным и суровым, но сегодня оно ласкало взгляд, а волны словно нашептывали ей слова надежды.

Повесив ткани на сушильный шест, Оцу с тоской в сердце вышла за ворота. Краешком глаза она заметила молодого самурая, прогуливающегося у воды. Оцу впервые видела этого человека, но что-то в нем привлекло ее внимание, хотя она не разглядела ничего, кроме птицы, подхваченной морским ветерком.

Торговец пенькой и Оцу вышли из деревни рано утром. Дорога была недальней, неутомительной для женщины.

— Простите, что я обременяю вас в пути, — извинялась Оцу.

— Никаких хлопот! Вы проворно шагаете.

— Я привыкла к путешествиям.

— Говорят, вы были даже в Эдо. Не ближний путь для женщины.

— Жена красильщика рассказала?

— Нет, в Миямото. Люди любят посплетничать.

— Как неприятно!

— Ничего подобного. Если вы кого-то любите, то это ваше дело, но мне кажется, что Мусаси черствый человек.

— Вы ошибаетесь.

— Вы его не осуждаете?

— Во всем виновата я. Единственная цель его жизни — Искусство Меча и совершенствование духа, а я не могу с этим смириться.

— По-моему, вы на свой лад правы.

— А я считаю, что лишь мешаю Мусаси.

— Такова участь женщины, но я бы не хотел, чтобы моя жена слышала мои слова.

— Огин замужем?

— Не думаю, — ответил Мамбэй и предложил выпить чаю, чтобы прекратить разговор.

В придорожной чайной они перекусили взятой из дома едой. Переночевав в Тацуно, они утром продолжили путь. К вечеру они пришли в Микадзуки.

— Это и есть Микадзуки? — тревожно спросила Оцу. — А за горой Миямото?

Оцу слышала, что Осуги вернулась в деревню.

— Да-да, — с запинкой произнес Мамбэй. — Миямото по ту сторону горы. Тянет в родные края?

Оцу окинула взором вершину хребта, четко

очерченную на фоне вечернего неба. Окрестности казались пустынными.

— Немного осталось, — произнес Мамбэй. — Устали?

— Нет. А вы?

— Я привык к таким дорогам.

— А где дом Огин?

— Повыше на горе, — отозвался торговец, взглянув наверх. — Она вас поджидает.

Они торопливо миновали несколько домов. Путники обычно здесь делали привал. Местечко славилось своими дешевыми харчевнями. Вдоль дороги было несколько заведений, около которых слонялись погонщики лошадей.

— Нам надо еще выше, — заявил Мамбэй и, свернув с дороги, начал карабкаться по крутой лестнице, ведущей к местному храму.

Оцу почуяла неладное.

— Вы уверены, что мы не заблудились? Здесь нет домов.

— Не беспокойтесь. Отдохните пока на веранде храма, а я один схожу за Огин.

— Зачем?

— Забыли? Я вам говорил, Огин предупреждала, что в доме могут быть гости и ваш внезапный приход поставит всех в неловкое положение. Ее

дом по другую сторону рощи. Я мигом сбегаю.

Торговец скрылся под сенью темных криптомерий. Быстро темнело. Оцу охватил страх. Ветер шелестел сухими листьями.

За храмом раздался треск сучка. Оцу вскочила.

— Спокойно, Оцу! — раздался хриплый голос.

Оцу зажала уши ладонями. Несколько человек появились из-за храма, и среди них седая ведьма, которую Оцу боялась больше всего на свете.

— Спасибо тебе, Мамбэй, — проговорила Осуги. — А теперь заткните ей рот, чтобы она не кричала, и отведите в Симоносё. Живо! — Старуха говорила, как властительница ада, выносящая приговор грешникам. С ней было пятеро мужчин, имевших отношение к дому Хонъидэн. Как стая волков, они окружили Оцу и связали ее, оставив свободными только ноги.

— Веревку покороче сделай!

— Пошла!

Осуги задержалась, чтобы рассчитаться с Мамбэем. Вытаскивая деньги из-за пояса, старуха сказала:

— Молодец, что привел ее. Я сомневалась, удастся ли тебе затащить ее сюда. И запомни, никому ни слова!

Мамбэй с довольным видом положил деньги в

карман рукава.

— Пустяк, вы ловко все придумали, — проговорил он.

— Ну перепугалась же она!

— Даже не попыталась убежать. Не могла… А может быть, мы поступили подло?

— Подло? Да знаешь ли ты, сколько я натерпелась по ее милости!

— Да-да, вы рассказывали.

— Ладно, некогда мне. Скоро встретимся. Приходи к нам в Симоносё.

— Осторожнее, дорога здесь опасная, — сказал Мамбэй, оглянувшись на Осуги, и зашагал вниз по темным ступеням.

В темноте раздался громкий храп.

— Мамбэй, что с тобой? — вскрикнула Осуги.

Подбежав к лестнице, старуха ахнула и мгновенно умолкла, увидев стоящего над телом человека с окровавленным мечом в руке.

— Кто здесь? — заикаясь, проговорила Осуги. Ответом ей была тишина.

— Кто ты? — переспросила она.

Голос ее слегка дрожал, но звучал вызывающе.

— Это я, старая ведьма, — ответил человек с коротким смешком.

— Кто?

— Не узнаешь?

— Впервые слышу твой голос. Ты разбойник?

— Разбойникам нет дела до нищих старух вроде тебя!

— Ты следил за мной?

— Точно.

— За мной?

— Заладила одно и то же. Неужели, по-твоему, я пришел в Микадзуки ради того, чтобы убить Мамбэя? Я здесь, чтобы проучить тебя.

— Проучить? — пискнула Осуги, словно ей сдавили горло. — Ты ошибся! Скажи, кто ты! Меня зовут Осуги, я вдова из дома Хонъидэн.

— Очень приятно. Как я тебя ненавижу, ведьма! Ты не забыла Дзётаро?

— Дзётаро?

— Ты превратилась в трухлявое дерево, а я вырос. Теперь ты не можешь обращаться со мной как с сопливым мальчишкой.

— Неужели Дзётаро? Глазам своим не верю!

— Сейчас ты заплатишь за страдания, которые причинила моему учителю. Он тебя щадил из-за твоего возраста. А ты, пользуясь его благородством, повсюду, даже в Эдо, распускала грязные сплетни про него. Держалась так, будто имела законные основания мстить Мусаси. Даже поме-

шала его назначению на хорошую службу.

Осуги молчала.

— Твоя ненависть обратилась и на Оцу, ты и ее преследовала. Я полагал, что, вернувшись в Миямото, ты угомонишься, но ты не оставила своих коварных планов и заманила Оцу с помощью Мамбэя.

Осуги слушала молча.

— Неужели ты не устала от ненависти? Я с удовольствием разрубил бы тебя надвое, но, к счастью для тебя, я уже не сын разжалованного самурая. Мой отец, Аоки Тандзаэмон, вернулся в Химэдзи и восстановлен на службе в доме Икэды. Я не хочу навлекать на его голову бесчестие, поэтому не убью тебя.

Осуги решила, что пришло время скрыться, и резво побежала в ту сторону, куда увели Оцу. Дзётаро настиг ее одним прыжком и схватил за шею.

— Ты что! — оглушительно закричала старуха и ткнула Дзётаро мечом.

Дзётаро с силой швырнул ее наземь.

— Да, кое-чему ты научился, — простонала Осуги.

Она не могла смириться с мыслью, что Дзётаро давно не ребенок. Дзётаро, придавив ногой спину

старухи, заломил ей руки и оттащил к храму. Он пнул Осуги ногой, не зная, что с ней делать. Надо было спасать Оцу.

Дзётаро случайно узнал, что Оцу живет в Сикаме, хотя был уверен, что их вновь сводит судьба. После восстановления отца на службе Дзётаро тоже получил место. Выполняя одно поручение, он, проезжая через Сикаму, заметил во дворе красильщика женщину, очень похожую на Оцу. Два дня назад он вернулся к этому дому, чтобы проверить свое предположение. Тогда он понял, какая опасность грозит Оцу. Сейчас ему предстояло решить участь Осуги и спасти Оцу.

— Я знаю подходящее местечко для тебя, — проговорил Дзётаро и поволок отчаянно упиравшуюся старуху. За храмом в горе было углубление вроде маленькой пещеры, которое осталось со времен строительства храма. В него можно было проникнуть только ползком.

Дзётаро затолкал Осуги в пещеру.

Оцу вели на веревке, как преступницу. Горы, поля, ручьи, перевал Микадзуки — все тонуло в кромешной тьме, лишь вдалеке светился один-единственный огонек. У реки Саё один из сопровождавших Оцу произнес:

— Что со старухой? Она сказала, что догонит

нас.

— Да, пора бы ей подойти.

— Подождем здесь или в чайной в Саё. Там уже все спят, но мы их разбудим.

— Лучше в чайную, выпьем по чашечке саке.

Мужчины стали искать брод. В это время до них донесся крик.

— Старуха?

— Нет, мужской голос.

— Какое нам дело!

Они подтолкнули Оцу в реку и пошли следом. Вода была ледяной, как клинок меча. Не успели они выйти на берег, как услышали топот ног бегущего человека, который с разгону бросился в реку.

— Оцу! — крикнул Дзётаро, выскакивая из воды и обдав брызгами мужчин, которые загородили собой Оцу. — Стоять! — приказал Дзётаро.

— Кто ты?

— Безразлично. Освободите женщину!

— Ты что, спятил? Не знаешь, что можешь лишиться жизни, коли в чужие дела будешь нос совать?

— Осуги велела, чтобы вы передали Оцу мне.

— Врешь, — рассмеялись парни.

— Читайте! — Дзётаро протянул листок бумаги,

где что-то было написано рукой Осуги.

Записка оказалась короткой: «Дело провалилось. Передайте Оцу Дзётаро, а сами возвращайтесь ко мне».

— Читать умеете? — грозно спросил Дзётаро.

— Заткнись! Ты, что ли, Дзётаро?

— Да, Аоки Дзётаро.

Дрожавшая от страха и холода Оцу, вскрикнув, попыталась побежать.

— Потуже свяжите ее, веревки ослабли! — рявкнул один из подручных Осуги.

— Да, это почерк Осуги. Что с ней? Что значит «возвращайтесь ко мне»? — спросил он у Дзётаро.

— Она у меня в заложницах. Вы отдаете мне Оцу, а я говорю вам, где Осуги.

Мужчины переглянулись.

— Шутишь? Ты знаешь, кто мы? Если ты из Химэдзи, то должен знать дом Хонъидэн из Симоносё.

— Побыстрее решайте! Не отдадите Оцу, так Осуги умрет голодной смертью.

— Ах ты, ублюдок!

Один из мужчин выхватил меч. Другой угрожающе проговорил:

— Не мели чепуху, иначе сверну тебе шею. Где

Осуги?

— Отдадите Оцу?

— Нет!

— Тогда не узнаете, где Осуги. Отдайте Оцу, и мирно разойдемся.

Стоявший рядом с Дзётаро мужчина схватил его за рукав, но Дзётаро с силой швырнул его через плечо. В этот миг меч другого парня слегка задел бедро Дзётаро. Дзётаро упал, но сразу же вскочил на ноги.

— Не убивай его! Он нам нужен живой, чтобы показать, где спрятана Осуги! — крикнул один из людей дома Хонъидэн и набросился на Дзётаро, но тот воспользовался тем же приемом, от которого только что пострадал сам. Широким круговым движением он полоснул по животу одного из нападавших. Кровь хлынула из раны, как из пробитой бочки со сливовым уксусом. Второго Дзётаро рубанул сверху вниз. Клинок задел плечевую кость и срезал кусок предплечья. Раненый схватился за меч, но было поздно.

Дзётаро отбивался от двух оставшихся противников. Связанная Оцу отчаянно кричала:

— Помогите! Спасите его!

Ветер да шум реки отвечали ей.

Оцу поняла, что сама должна освободиться от

пут. Она начала перетирать веревки об острый край скалы. Соломенные веревки легко поддались. Оцу стала кидать камни в нападавших на Дзётаро.

— Держись, Дзётаро! Я с тобой! — кричала она.

— Мерзавка! — прохрипел один из ее стражей, бросаясь на Оцу, чтобы оглушить ее тупой стороной меча, но в этот миг его настиг клинок Дзётаро. Острие, пронзив спину, вышло из пупка. Уцелевший парень побежал.

— Надо поскорее уходить отсюда! — воскликнула Оцу.

Дзётаро не возражал. Как только весть о случившемся достигнет Симоносё, весь дом Хонъидэн поднимется на их поимку.

— Можешь бежать, Оцу?

— Не беспокойся.

Они мчались сквозь мрак, пока хватило дыхания. Казалось, вернулись былые времена, когда Оцу была юной девушкой, а Дзётаро маленьким мальчиком.

В Микадзуки огонь горел только на постоялом дворе. Здесь ночевали запоздалые путники: торговец железом, ходивший по делам на здешние рудники, продавец пряжи и странствующий монах. Они сидели в главном доме, весело разго-

варивая. Вскоре они отправились спать. Огонь светился и в маленькой комнате, где беседовали Оцу и Дзётаро. Комната принадлежала матери хозяина и была заставлена прядильным колесом и горшками для кипячения шелковичных червей. Хозяин подозревал, что Оцу сбежала от мужа с Дзётаро, однако любопытствовать не стал и приготовил им постель.

Дзётаро огорчился, узнав, что Оцу не видала Мусаси со дня ее похищения на дороге Кисо. Сам он еще надеялся увидеть учителя.

— В Химэдзи говорят, будто Мусаси скоро придет туда.

— Правда? В Химэдзи? — Оцу радовалась малейшей возможности повстречать Мусаси.

— Люди сплетничают, но служивые Икэды уверены, что он действительно появится. Он должен объявиться в Кокуре, чтобы принять вызов от Сасаки Кодзиро, вассала князя Хосокавы.

— Я тоже слышала обрывки молвы, но никто толком ничего не знает.

— По-моему, слухи в Химэдзи достоверны. Похоже, что Ханадзоно Мёсиндзи из Киото, тесно связанный с Хосокавой, сообщил тому о местонахождении Мусаси, и Нагаока Садо, один из старших вассалов, доставил Мусаси письменный

вызов.

— Когда состоится поединок?

— Никто не знает. Если местом сражения выбрали Кокуру, а Мусаси находится в Киото, то ему не миновать Химэдзи.

— Он может отправиться по реке.

— Вряд ли, — тряхнул головой Дзётаро. — Даймё в Химэдзи, Окаяме и других уделах по побережью Внутреннего моря обязательно попросят его погостить у них день-два. Все хотят поближе познакомиться, многие станут предлагать ему место. Князь Икэда написал письмо Такуану, навел справки в Мёсиндзи и приказал всем тамошним торговцам немедленно сообщить ему, если они увидят человека, похожего на Мусаси.

— Мусаси тем более не захочет путешествовать по суше. Он не выносит суеты вокруг себя и любым способом постарается избежать шумихи.

Оцу, казалось, потеряла последнюю надежду.

— Как ты думаешь, Дзётаро, смогу ли я что-нибудь узнать в Мёсиндзи?

— Вероятно, только не забывай, что ты услышишь молву.

— Слухи не возникают на пустом месте.

— Ты правда собираешься в Киото?

— Хоть сейчас… Хорошо, завтра.

— Не спеши! Ты всегда упускала Мусаси. Срывалась с места, едва ушей твоих достигал любой слух. Если хочешь увидеть соловья, не ищи его на ближней ветке, откуда якобы несется трель. Ты постоянно шла по следу Мусаси, вместо того чтобы предвидеть место, где он может появиться.

— Ты прав, но любовь не следует рассудительности.

При слове «любовь» Дзётаро густо покраснел. Оцу смутилась.

— Спасибо за совет. Я подумаю, — поспешно сказала она.

— Хорошо. Сейчас тебе нужно пойти со мной в Химэдзи.

— Согласна.

— Ты можешь пожить у нас в доме.

Оцу молчала.

— Как я понял, отец знал тебя до того, как ты ушла из храма Сипподзи. Он очень хочет встретиться и поговорить с тобой.

Светильник зачадил. Оцу раздвинула сёдзи и посмотрела на небо.

— Дождь, — сказала она.

— Дождь? А нам надо завтра пораньше отправиться в путь.

— Осенний дождь не помеха. Укроемся шля-

пами.

— Хорошо бы прояснилось.

Они закрыли дождевые ставни, в комнате сразу стало душно. Дзётаро ощутил волнующий аромат волос Оцу.

— Ложись в постель. Я прилягу у окна, — сказал он, подкладывая под голову деревянное изголовье. — Почему не ложишься? — проворчал Дзётаро через некоторое время. — Надо выспаться.

Он натянул на голову одеяло и долго ворочался, прежде чем сон одолел его.

Милосердие Каннон

Оцу насторожилась. Сквозь дырку в потолке капала вода. Дождь ветром задувало под карнизы, капли стучали по ставням. Осенний дождь недолог, утром могло проясниться.

«Как же она в пещере в такую непогоду? — думала Оцу про Осуги. — От сырости и холода она не протянет до утра. Или еще того хуже, умрет от голода, пока ее найдут».

— Дзётаро! — тихо позвала Оцу. — Проснись!

Она догадывалась, что Дзётаро совершил нечто жестокое, потому что слышала его разговор с людьми Осуги.

«Не такая она уж плохая, — думала Оцу. — Я буду с ней откровенной, и она поймет меня… Я должна идти».

Оцу отодвинула ставень и посмотрела на небо. «Если Дзётаро проснется, то Осуги ничто уже не спасет», — решила Оцу.

Она подоткнула кимоно, надела плетеную шляпу, накинула соломенную дождевую накидку, надела соломенные сандалии и вышла из дома под холодные струи дождя.

Лестница храма, куда ее накануне привел Мам-

бэй, превратилась в бурный водопад. Наверху ветер гудел еще сильнее, завывая в вершинах криптомерий. Оцу несколько раз окликнула Осуги, но никто не отозвался. Она зашла за храм и остановилась в нерешительности. Ей показалось, что она слышит стоны. Оцу напрягла слух.

— О-о! Есть кто живой? Кто-нибудь меня слышит? — донеслось до Оцу.

— Почтеннейшая! — воскликнула Оцу. — Где вы?

— О-о! Я так и знала, что меня услышат. Спасите меня! Я здесь! Спасите! — донеслось с порывом ветра.

Оцу металась вокруг храма, не понимая, откуда доносился голос Осуги. Она вдруг заметила углубление в горе, похожее на вход в пещеру. Подойдя поближе, Оцу в ужасе остановилась: лаз в пещеру оказался заваленным огромными камнями. Голос Осуги доносился оттуда.

— Кто ты? Богиня Каннон в человеческом облике? Я каждый день возношу тебе молитвы. Сжалься надо мной! Я старая женщина, меня замуровал здесь мой враг. — В голосе Осуги слышалось отчаяние. Страстно молясь в темной пещере за собственную жизнь, Осуги грезила наяву, представляя Каннон, явившуюся спасти

ее. — Какое счастье! — в полубреду восклицала Осуги. — Милосердная Каннон снизошла ко мне! Она узрела мою добродетель, она жалеет меня. Да святится имя Каннон!

Голос Осуги внезапно оборвался. Она, вероятно, подумала, что Каннон непременно должна прийти на помощь такой женщине, как она. Осуги была главой добропорядочной семьи, хорошей матерью, безупречной в поведении. Все ее поступки определялись добродетелью. Осуги кривила душой, зная, что перед пещерой стоит скорее не божество, а обыкновенный смертный.

Оцу не могла понять, как Дзётаро завалил вход огромными камнями. Она не смогла сдвинуть с места ни один валун. Радость от того, что она отыскала несчастную старую женщину, сменилась предчувствием беды.

— Потерпите немножко, почтеннейшая! Я вас вызволю! — крикнула Оцу.

Никто не ответил. Приложив ухо к щели, Оцу услышала тихое бормотание:

Встретив демонов-людоедов,
Ядовитых драконов, духов зла,
Думай о милосердии Каннон,
И никто не причинит тебе вреда.

В кольце зверей кровожадных
С острыми клыками и когтями
Думай о всесилии Каннон...

Осуги читала сутру Каннон. В эти минуты она внимала только голосу божества. Слезы струились по щекам Осуги, губы дрожали, произнося священные слова.

Постепенно Осуги вернулась в реальный мир. Припав к щели между камнями, Осуги спросила:

— Кто здесь? Отзовитесь, кто здесь?

Мокрая, вымазанная глиной, Оцу крикнула:

— Вы хорошо себя чувствуете, почтеннейшая? Это я, Оцу.

— Кто-кто?

— Оцу!

Последовало долгое молчание. Имя Оцу вывело Осуги из блаженного умиления.

— Зачем явилась сюда? — вымолвила наконец Осуги. — А, знаю. Ищешь этого дьявола, Дзётаро.

— Нет, я пришла освободить вас. Забудьте прошлое. Я помню ваше доброе отношение ко мне, когда я была маленькой. Я не таю на вас зла. Простите, что порой я была своенравной.

— Наконец ты осознала порочность своего поведения. Захотела войти в семью Хонъидэн и

стать женой Матахати?

— Нет! — решительно ответила Оцу.

— Тогда почему ты здесь?

— Мне жаль вас.

— Хочешь, чтобы я была в долгу перед тобой? Этого добиваешься?

Оцу онемела от потрясения.

— Кто просил тебя приходить? Во всяком случае, не я. Мне ты не нужна. Думаешь, я переменюсь к тебе? Никогда! Я лучше умру, чем поступлюсь честью!

— В вашем возрасте опасно быть в сырой пещере.

— Не нуждаюсь в твоей жалости. Уж я-то знаю, зачем вы с Дзётаро посадили меня сюда. Хотите поиздеваться над моими сединами. Я выберусь отсюда и расквитаюсь с вами!

— Я уверена, что когда-нибудь вы поймете меня. В любом случае вам нельзя здесь оставаться.

— Надоела с глупой болтовней!

Оцу посильнее уперлась в камень, и он неожиданно поддался, словно размягченный ее слезами. Теперь откатить нижний камень было нетрудно. Как выяснилось, помогли не одни слезы Оцу — изнутри на камень из последних сил напирала старуха. Осуги вырвалась из плена, красная от

гнева.

Оцу едва держалась на ногах от усталости. Она вскрикнула от радости, увидев Осуги, но та молча схватила Оцу за ворот кимоно, словно вышла из пещеры единственно для того, чтобы наказать свою спасительницу.

— Что вы? — изумилась Оцу.

— Молчи!

Осуги неистово швырнула Оцу на землю и поволокла ее по мокрым камням.

— Быстрее! — прохрипела Осуги.

— Вам нельзя оставаться под дождем! — умоляла Оцу.

— Надеешься разжалобить меня?

— Я не убегу, отпустите меня… Мне больно!

— Конечно, больно.

Оцу вырвалась из цепких пальцев старухи, но Осуги мгновенно схватила ее за волосы. Дождь лил на запрокинутое лицо Оцу.

— Сколько я натерпелась из-за тебя, беспутная! — хрипела старуха, дергая Оцу за волосы.

Оцу упала, и старуха стала бить ее ногами. Оцу не шевелилась. Осуги, оцепенев, выпустила волосы Оцу.

— Что я наделала! — выдохнула Осуги. — Оцу?

Старуха склонилась над бездыханным телом.

— Она… умерла…

Осуги испугалась. Она не собиралась убивать Оцу. Осуги со стоном попятилась назад, но вскоре опомнилась.

— Надо идти за помощью, — пробормотала она. Осуги обхватила недвижное тело Оцу и потащила его в пещеру.

Лаз в пещеру был узким, но внутри было просторно. В стене была выбита ниша, в которой в давние времена паломники предавались молитвенным бдениям.

Старуха хотела было выйти наружу, но дождь припустил с новой силой. «До утра не стихнет», — подумала Осуги. Присев на корточки, она стала ждать, когда кончится ливень.

Сидеть рядом с телом Оцу было жутковато. Осуги чудилось, что Оцу повернулась к ней мертвенно-бледным лицом. Осуги пыталась успокоить себя.

— Чему бывать, того не миновать, — забормотала она. — Обрети радость в раю и не держи на меня зла.

Осуги, закрыв глаза, начала читать сутры. Когда она открыла глаза, а губы ее перестали произносить слова молитвы, снаружи светило солнце, дождь кончился, щебетали птицы.

— Да святится имя Будды! — воскликнула Осуги.

Из глаз ее хлынули слезы. Она плакала долго, забыв обо всем, пока перед нею не всплыло лицо Оцу. Старуха взглянула на простертую рядом Оцу, для которой уже не существовало ни солнечного утра, ни пения птиц.

— Прости меня, я была зла и несправедлива, — запричитала Осуги, нежно обнимая Оцу. — Ужасно! Материнская любовь ослепила меня и погубила дитя другой матери. Ведь и у тебя была мать, Оцу! Она считала бы меня злым демоном. Я никогда не сомневалась в своей правоте, но другим казалась чудовищем.

Причитания Осуги эхом отдавались в пещере. Здесь никто не слышал и не видел ее. Темноту ночи озарил свет мудрости Будды.

Осуги прижалась заплаканным лицом к Оцу.

— О, если бы мой сын был таким же добрым и ласковым, как ты! Открой очи, внемли моим мольбам! Отверзни уста и прости меня. Я этого заслуживаю, Оцу!

Осуги мучилась от собственной злобы и несправедливости. У нее мелькнула мысль остаться рядом и ждать собственную смерть.

— Нет! — решительно воскликнула Осуги. —

Хватит слез и стонов. Может, она еще не умерла. Вдруг я сумею выходить ее. Она молода, и у нее вся жизнь впереди.

Осторожно опустив Оцу на землю, старуха выползла наружу. Закрыв глаза от слепящего солнца, она приложила ко рту руку и крикнула:

— Есть ли кто-нибудь? Скорее на помощь!

В роще послышался шум и голоса:

— Она здесь! Жива!

К храму подбежал десяток людей из клана Хонъидэн. Они отправились на поиски, как только в деревню прибежал окровавленный парень, уцелевший в схватке с Дзётаро. Все были в дождевых соломенных накидках, а лица после блуждания по горам — измученные и хмурые.

— Обо мне не беспокойтесь, — распорядилась Осуги. — Поскорее тащите девушку из пещеры. Она без чувств несколько часов. Если немедленно не дать ей лекарства… — Голос у Осуги сорвался. Она слабо махнула рукой в сторону пещеры. Впервые после смерти дядюшки Гона из ее глаз потекли слезы печали.

Жизненные невзгоды

Прошла осень. Минула зима. В один из дней в начале четвертого месяца 1612 года от причала Сакаи в провинции Идзуми отплыл корабль, направлявшийся в Симоносэки в Нагато.

Когда объявили, что корабль готов отчалить, Мусаси, сидевший в конторе Кобаяси Тародзаэмона, поднялся и поклонился провожавшим его. Среди них был Хонъами Коэцу. Его добрый друг Хайя Сёю не мог прийти по болезни, но послал на проводы сына Сёэки. С ним пришла жена, женщина ослепительной красоты, которой повсюду смотрели вслед.

— Это Ёсино? — спрашивал кто-то у соседа.

— Из квартала Янаги-мати?

— Ёсино-таю из заведения «Огия».

Сёэки представил жену Мусаси, но он, разумеется, не мог ее узнать, поскольку это была вторая Ёсино-таю. Никто не знал, что сталось с первой, где она теперь, вышла ли замуж. В призрачном мире веселого квартала время течет неимоверно быстро.

Ёсино-таю. В памяти всплыла картина снежной ночи, потрескивание пионовых стеблей в очаге,

разбитая лютня.

— Восемь лет минуло со дня нашей встречи, — проговорил Коэцу.

— Да, целых восемь лет, — отозвался Мусаси.

Ему казалось, что, ступив на корабль, он расстанется с чем-то важным в жизни.

Мусаси направлялся в Кокуру в провинции Будзэн, где собирался помериться в силе и мастерстве с Сасаки Кодзиро. Поединок мог наконец состояться благодаря усилиям Нагаоки Садо. Долгие и трудные переговоры потребовали переписки и согласований. Даже после того, как Садо узнал, что Мусаси живет у Хонъами Коэцу, понадобилось полгода для назначения даты встречи.

Мусаси не представлял, что у него так много сторонников и благожелателей. Его смущала огромная толпа, собравшаяся на пристани. Посторонние мешали ему поговорить с самыми близкими друзьями. Суета проводов поражала Мусаси бессмысленностью. Он никогда не жаждал преклонения перед собой, но люди любили его, и он не мог запретить им выражения чувств.

Мусаси раздражала волокита приготовлений к поединку. Было бы лучше встретиться с Кодзиро там, где их свел случай. Теперь их поединок приобрел широкую огласку и соперники волей-

неволей должны были установить первенство в бою.

Мусаси не желал слыть героем в глазах толпы, но его победы сделали его любимцем народа. Он мечтал только о том, чтобы иметь побольше времени для занятий медитацией. Он искал душевную гармонию, равновесие между идеалами и действительностью. Последняя встреча с Гудо продвинула его на шаг по пути к просветлению, но Мусаси с небывалой остротой почувствовал, как мучителен и нескончаем Путь, на преодоление которого не хватит земной жизни.

«И все же...» — подумал Мусаси. Как бы он прожил без поддержки этих людей? Может, уже бы покинул бренный мир. Чем бы прикрыл наготу? Сейчас на нем было черное кимоно с короткими рукавами, которое сшила для него мать Коэцу. Сандалии, новая плетеная шляпа — все подарки его знакомых. Рис, который он ел, взращен руками других людей. Он существовал трудом многих людей. Сможет ли он отплатить за их добро?

Произнесли слова молитвы и прощания, и побежали минуты, отделяя провожающих от любимого героя. Парус корабля, как громадное крыло, поплыл по лазурному небу.

На пристань выбежал человек. Он с досадой

топнул ногой, увидев отплывший корабль.

— Ваше имя Мусо Гонноскэ? — спросил Коэцу.

— Да, — ответил тот. — Я помню вас. Вы Хонъами Коэцу.

— Рад видеть вас живым и здоровым. Я слышал, что ваша жизнь подвергалась серьезной опасности.

— Кто вам рассказывал?

— Мусаси.

— Мусаси?!

— Да, до вчерашнего дня он жил у меня. Ему писали из Кокуры, и в одном из писем Нагаока Садо сообщил, что вас захватили в плен и отвели на гору Кудо. Мусаси решил, что вас ранили или убили.

— Недоразумение.

— Мы узнали, что Иори живет в доме Садо.

— Неужели нашелся? — радостно воскликнул Гонноскэ.

— Да. Поговорим в спокойном месте, — предложил Коэцу.

Коэцу повел Гонноскэ в одну из ближайших чайных. За чаем Гонноскэ рассказал, что с ним произошло. Когда его привели на гору Кудо, Санада Юкимура с первого взгляда понял, что произошла ошибка. Гонноскэ освободили, и

у него завязались добрые отношения с Юкимурой, который не только извинился за свою оплошность, но и послал людей на поиски Иори. Гонноскэ понял, таким образом, что Иори жив. Гонноскэ понапрасну искал мальчика в соседних провинциях. Он не решался явиться к Мусаси без Иори. Сегодня он осмелился прийти на пристань, потому что сомневался, доведется ли ему когда-нибудь увидеть учителя живым.

— Не волнуйтесь, — успокоил его Коэцу. — Через несколько дней будет еще один корабль.

— Я хотел отправиться вместе с Мусаси. Это путешествие — решающее в его жизни. Он постоянно работает над собой. Он непременно победит Кодзиро. Впрочем, исход подобных поединков непредсказуем. Велика власть рока. Каждый боец знает, что и победа, и поражение в значительной степени зависят от везения.

— По-моему, для волнений нет причин. Мусаси сохраняет удивительное хладнокровие, — спокойно произнес Коэцу.

— Да, но и Кодзиро прекрасный фехтовальщик. Говорят, он усиленно тренируется с тех пор, как поступил на службу к Тадатоси.

— Это будет поединок надменного гения и обыкновенного человека, который благодаря

упорному труду довел свое мастерство до совершенства.

— Я бы не назвал Мусаси обыкновенным человеком.

— Нет, обычный человек, именно поэтому он воистину выдающаяся личность. Он не довольствуется тем, что заложила в нем природа. Понимая свою заурядность, он постоянно совершенствует себя. Трудно вообразить, чего это ему стоит. Когда его многолетние тренировки увенчались блестящими результатами, заговорили о его сверхъестественных данных. Утешение для тех, кто не хочет работать.

— Спасибо, что вы поделились вашим глубокими мыслями, — сказал Гонноскэ.

Искоса взглянув на дородного пожилого собеседника, Гонноскэ подумал: «Все сказанное относится и к тебе».

— Не пора ли нам? — спросил молодой человек, заглянув в чайную.

— А, Матахати! — добродушно произнес Коэцу.

— Придется оставить вас. Друзья ждут, — сказал он Гонноскэ. — Через Осаку едете?

— Да. Хочу успеть к вечерней барке, которая идет в Киото.

— Не позволите присоединиться к вам до Оса-

ки?

Гонноскэ решил не тратя времени отправиться пешком.

Вечерело, когда они ступили на шумные улицы Осаки. Коэцу и Гонноскэ внезапно обнаружили отсутствие Матахати. Вернувшись немного назад, они увидели его на мосту. Матахати как завороженный смотрел на женщин из лачуг на берегу, которые чистили посуду и мыли овощи.

— Это она, Акэми! — вскрикнул Матахати.

Они столкнулись не по прихоти судьбы, вернувшей их в прошлое. Акэми была его незаконной женой. Их роковая связь не могла оборваться в этой жизни. Матахати с трудом узнал Акэми. За два года не осталось и следа от ее привлекательности и игривости. Она сильно похудела, немытые волосы были кое-как закручены вокруг головы. Она была в коротком кимоно, едва прикрывавшем колени, какие обычно носят обитательницы самых нищих домов. Акэми сидела на корточках рядом с большими корзинами, наполненными ракушками и съедобными водорослями. Торговля ее шла вяло. За спиной Акэми дремал ребенок, которому на вид было не больше года.

Сердце Матахати оборвалось. Приложив ладо-

ни к щекам, Матахати в уме считал месяцы. Если малышу год, то он был зачат, когда они с Акэми жили в Эдо. Значит, во время публичной порки Акэми носила дитя.

Блики от реки падали на лицо Матахати, может, поэтому казалось, что оно мокро от слез.

Акэми поднялась и медленно пошла, волоча корзины. Матахати побежал следом, окликая ее и размахивая руками. Коэцу и Гонноскэ поспешили следом.

— Куда ты, Матахати?

Матахати забыл о своих попутчиках.

— Простите меня, — бормотал он. — Сказать по правде…

Как объяснить то, что он сам еще не совсем понял? Как взять себя в руки?

— Я решил отказаться от монашества и вернуться в мир. Я ведь не принял постриг, — на одном дыхании выпалил он.

— Вернуться в мир? — изумился Коэцу. — Столь внезапно!

— Я все вам объясню. Я только что увидел женщину, с которой прежде жил. У нее ребенок. Он мой.

— Уверен?

— Да, мне кажется…

— Успокойся и подумай. Малыш точно твой?

— Да. Я отец… Я не знал. Какой стыд! Я не допущу, чтобы она оставалась нищей уличной торговкой. Я буду работать и помогать растить ребенка.

Коэцу и Гонноскэ переглянулись, сомневаясь, в своем ли уме Матахати.

— Тебе виднее, — проговорил Коэцу.

Матахати снял монашеское облачение, надетое поверх обычного кимоно, и передал его Коэцу вместе с четками.

— Передайте это Гудо в Мёсиндзи. Скажите ему, пожалуйста, что я остался в Осаке. Я найду работу и стану примерным отцом.

— Подобает ли с такой легкостью отказываться от монашества?

— Учитель говорил мне, что я могу вернуться в мир, когда захочу. Говорил, что совершенствоваться в вере не обязательно в монастыре. Гораздо труднее хранить веру во лжи и грязи мирской жизни, чем в чистоте и уединенности монастырской обители.

— Он прав.

— Я год провел с учителем, но он до сих пор не дал мне монашеского имени. Он зовет меня мирским именем Матахати. Может, что-то долж-

но произойти в моем будущем рождении, чего я пока не понимаю. Я обращусь к учителю за наставлением.

Матахати ушел.

Вечерний корабль

Длинное красное облако висело над горизонтом, как знамя. Мелкое, прозрачное море было спокойным. На дне среди водорослей застыл осьминог.

В полдень в устье реки Сикама к берегу причалила лодка. Под вечер над ней заструился дымок от глиняного очага, сложенного на корме. Старая женщина ломала лучины и подкладывала их в огонь.

— Холодно? — спросила она свою спутницу.

— Нет, — ответила девушка, лежавшая за занавеской из плетеной соломы. Она с трудом подняла голову, чтобы посмотреть на старуху. — Не беспокойтесь, почтеннейшая. Лучше поберегите себя. У вас голос охрип.

Осуги помешивала похлебку в горшке.

— Со мной ничего не случится, а ты больна. Ты должна поесть и набраться сил, чтобы встретить корабль.

Оцу, глотая слезы, смотрела на море. Там виднелось несколько лодок с рыбаками, ловившими осьминогов, и две грузовые барки. Корабль из Сакаи не появлялся.

— Опаздывает. Мне сказали, что корабль должен проплыть здесь до захода солнца, — произнесла Осуги.

Слух об отъезде Мусаси быстро разлетелся по округе. Узнав новость, Дзётаро из Химэдзи сообщил об этом Осуги, а та без промедления поспешила в храм Сипподзи, где нашла приют больная Оцу.

С той памятной ночи Осуги так часто просила прощения у Оцу, что уже надоела ей. Оцу не считала, что заболела по вине Осуги. По всей видимости, это был тот же недуг, который продержал ее в постели несколько месяцев в доме Карасумару в Киото. Утром и вечером Оцу бил кашель и начинало лихорадить. Оцу похудела и сделалась еще прелестнее, но от этой прозрачной красоты сердца окружавших ее людей сжимались от жалости.

Глаза Оцу ярко горели. Она радовалась перемене, происшедшей с Осуги. Ту словно подменили, когда она убедилась в ошибочности подозрений относительно Оцу и Мусаси. Оцу все еще не покидала надежда вскоре увидеть Мусаси.

«Я должна искупить то зло, которое я вам причинила, — говорила Осуги. — Брошусь в ноги

Мусаси, вымолю прощение и уговорю его жениться на тебе».

Осуги объявила перед всей деревней, что обещание Оцу выйти замуж за Матахати потеряло силу. Она без конца говорила, что Оцу должна стать женой Мусаси. Осуги ухаживала за больной Оцу, приходя утром и вечером в Сипподзи. Однажды со слезами на глазах она призналась: «Если бы не ты, Оцу, я бы погибла той ночью в пещере».

Сначала Оцу не верила в искренность Осуги. Ей казалось, что угрызения совести недолго будут мучить старуху. Проходили дни, а Осуги все так же заботливо ходила за Оцу.

«Я не предполагала, что у нее такое доброе сердце», — удивлялась Оцу. Осуги переменилась не только к Оцу, но и ко всем деревенским. Потрясенные смиренностью грозной Осуги, они перешептывались: «Уж не спятила ли старая карга?»

Одна из близких знакомых Осуги прямо спросила ее: «Что с тобой? Хорошеешь с каждым днем».

Дома Осуги взглянула на себя в зеркало. «Может, она и права», — подумала Осуги. Голова у нее совершенно поседела. Она ничуть не горевала, веря, что и в душе у нее не осталось ни одного

черного пятна.

Когда Осуги сказала Оцу, что корабль, на котором отплыл Мусаси, зайдет в Сикаму за грузом, Оцу сказала:

— Я буду ждать Мусаси там.

— Я пойду с тобой, — заявила Осуги.

Через час они были уже в пути. В Химэдзи они добрались к вечеру. По совету Тандзаэмона решили, что Мусаси не стоит открыто встречаться с Оцу, люди подумают, что они любовники. Во избежание сплетен Оцу должна была находиться в лодке подальше от любопытных глаз.

Море потемнело, в небе засветились звезды. Около дома красильщика, где недавно жила Оцу, два десятка самураев из Химэдзи ждали корабль, чтобы приветствовать Мусаси.

— Уж не перепутали ли мы день? — предположил один из встречающих.

— Не волнуйся! В здешней конторе Кобаяси подтвердили, что корабль будет сегодня.

— Смотри, вон он!

— По парусу, похоже, наш!

Самураи шумной толпой двинулись к берегу, а Дзётаро побежал к месту впадения реки в море, где находилась лодка.

— Оцу, корабль Мусаси показался! — радостно

закричал он.

— Правда? Где он? — Оцу поднялась, но от слабости чуть не упала в воду.

— Осторожно! — подхватила ее Осуги.

Они стояли рядом, вглядываясь в темноту. Наконец появился отчетливый силуэт корабля.

— Вот он! — крикнул Дзётаро.

— Греби! Скорее к кораблю! — взволнованно произнесла Оцу.

— Нам никуда не надо плыть. Один из наших самураев на лодке подплывет к кораблю и доставит Мусаси на берег.

— Его окружит толпа, и Оцу не сможет с ним повидаться, — сказала Осуги. — Заморочил нам голову со своими самураями. Без толку ждем в этой лодке! Следовало ждать Мусаси в доме красильщика.

— Успокойтесь, мы с отцом обязательно приведем Мусаси, — возразил Дзётаро. — Ждите меня здесь!

— Приляг и отдохни, Оцу, — сказала Осуги.

Оцу покорно легла, но от волнения у нее начался сильный кашель.

— Успокойся, Мусаси скоро придет, — ласково приговаривала Осуги, растирая ей спину.

Приступ прошел, и Оцу принялась поправлять

волосы.

Время шло, но Мусаси не появлялся. Осуги забеспокоилась. Оставив Оцу, она сошла на берег. Оцу свернула одеяло и вместе с подушкой накрыла его циновкой, перевязала оби и поправила кимоно. Она не представляла, как заговорит с Мусаси. Боялась, что не вымолвит и слова, как это случалось раньше. Ей не хотелось его тревожить, ведь он отправлялся на поединок, о котором говорила вся страна. Сердце Оцу неистово колотилось.

В темноте поблескивала вода, кругом стояла тишина. Послышался топот бегущего Дзётаро.

— Наконец-то! — с облегчением произнесла Осуги. — Где Мусаси?

— Простите меня!

— Что это значит?

— Я все объясню.

— Никаких объяснений. Где он?

— Он не придет.

— Не придет?!

Дзётаро, запинаясь от сознания своей вины, рассказал, что произошло.

Самурай подплыл на лодке к кораблю, но ему сообщили, что корабль подходить к берегу не будет, потому что в Сикаме никто из пассажиров

не сходит. Самураю удалось поговорить с Мусаси, и тот ему сказал, что об остановке не может быть и речи. И капитан, и Мусаси хотели поскорее прибыть в Кокуру. Когда самурай вернулся к пристани, корабль уже направлялся в открытое море.

— А почему ты не поехал в лодке? — спросила Осуги.

— Я думал… Да что теперь толковать! Ничего не поделаешь.

— Какая досада! Бедная Оцу! Скажи ей сам, Дзётаро. У меня не хватает духу. Только поосторожнее рассказывай.

Дзётаро не пришлось говорить, потому что Оцу все слышала. Вода плескалась о борт лодки, словно успокаивала ее разбитое сердце. «Пусть я не встретила его сегодня, но увижу его в другой день на другом берегу», — думала она. Слезы струились по щекам. Оцу смотрела вслед невидимому парусу, который плыл на запад далеко в море.

Неожиданно Оцу ощутила прежде неведомое чувство. Какая-то неземная сила наполняла ее существо. Она дремала под ее хрупкой телесной оболочкой. Оцу не понимала, сколь несгибаема сила ее духа, которая помогала ей преодолевать лишения и болезни. Горячая кровь прихлынула

к щекам.

— Почтеннейший! Дзётаро! — позвала она.

— Что, Оцу? — уныло отозвался Дзётаро.

— Я все слышала и не буду плакать. Я отправляюсь в Кокуру, чтобы увидеть поединок. Мы не знаем, победит ли Мусаси. Если он погибнет, я увезу с собой его прах.

— Ты ведь хвораешь, Оцу.

— Никогда не говорите мне о болезни. Я не совсем здорова, но пока я не увижу, как закончился поединок…

«Я не умру», — едва не произнесла вслух Оцу.

Она тут же начала сборы. Оцу без посторонней помощи вышла из лодки.

Сокол и женщина

Во времена битвы при Сэкигахаре крепость Кокура принадлежала Мори Кацуноби, владетелю Ики, но потом замок был перестроен и обрел нового хозяина. Его башни и белоснежные стены словно говорили о мощи дома Хосокавы, во главе которого сейчас стоял Тадатоси, принявший власть от отца, Тадаоки.

С приездом Кодзиро стиль Ганрю, развившийся на основе техники Тоды Сэйгэна и Канэмаки Дзисая, получил громкую славу на острове Кюсю. К Кодзиро приезжали учиться даже с острова Сикоку. Ученики надеялись года через два обзавестись свидетельством и разрешением давать уроки нового стиля.

Кодзиро упивался славой. Однажды слышали, как сам Тадатоси сказал, что нашел себе хорошего фехтовальщика. В доме Хосокавы единодушно считали, что Кодзиро необыкновенный человек. Когда он отправлялся из дома в замок, его сопровождала свита из семи копьеносцев. Встречные наперебой выражали ему почтение.

До Кодзиро главным наставником по фехтованию при Хосокаве был Удзииэ Магосиро, мастер

стиля Синкагэ, но новичок мигом затмил его. Кодзиро проявил великодушие, заявив Тадатоси: «Не отпускайте Удзииэ. Стиль его не броский с виду, но исполнен зрелости, которой нам, молодым, не хватает». Кодзиро предложил заниматься в крепостном дадзё по очереди с Магосиро. Слышали, как князь сказал: «Кодзиро считает стиль Магосиро не впечатляющим, но зрелым. Магосиро заявляет, что Кодзиро гений, с которым он не может соперничать. Кто из них прав? Надо устроить им поединок».

Оба фехтовальщика согласились сразиться на деревянных мечах в присутствии хозяина замка. При первом удобном случае Кодзиро бросил меч к ногам Магосиро.

— Я не могу состязаться с вами. Простите мою самонадеянность.

— Не скромничай, — ответил Магосиро. — Это я тебе не пара.

Свидетели не знали, поступил ли Кодзиро так из сострадания или по корыстным соображениям, так или иначе, его слава приумножилась. Кодзиро ровно относился к Магосиро, но как только речь заходила о растущей славе Мусаси, Кодзиро осаживал собеседника.

— Мусаси? — брезгливо произносил он. — Ну да,

он ловко создает себе репутацию. Толкует о стиле двух мечей. Конечно, он не без способностей, сейчас в Осаке и Киото ему нет соперника… — И всякий раз Кодзиро делал вид, словно чего-то недоговаривает.

Однажды к Кодзиро зашел известный фехтовальщик, который имел неосторожность заметить:

— Я не встречал Мусаси, но его называют величайшим бойцом со времен Коидзуми и Цукахары. Исключение составляет, пожалуй, Ягю Сэкисюсай. Пусть и он не величайший среди великих, но, несомненно, истинный мастер меча.

Кодзиро не мог скрыть досады.

— Люди слепы. Многие считают его великим человеком или совершенным фехтовальщиком, но такие похвалы свидетельствуют лишь об упадке «Искусства войны» в наше время. Мы живем в век, когда честолюбивый выскочка может без труда завоевать симпатии людей. Уж я-то прекрасно знаю Мусаси. Я наблюдал, как несколько лет назад Мусаси начинал карьеру в Киото в Итидзёдзи. В Итидзёдзи в сражении со школой Ёсиоки он проявил присущие ему жестокость и подлость. Согласен, ему противостоял численно превосходящий противник, и что же Мусаси

предпринял? Удрал, как только подвернулась возможность. Зная его гордыню и прошлое, я бы побрезговал и плюнуть в него. Что ж, можно называть знатоком того, кто всю жизнь зубрил «Искусство войны», но только не мастером меча.

Кодзиро воспринимал добрые слова о Мусаси как личное оскорбление, чем удивлял окружающих. Поползли слухи о личной вражде между Кодзиро и Мусаси, которые вскоре переросли в молву о предстоящем поединке. Кодзиро по приказу князя Тадатоси направил Мусаси официальный вызов. С того дня несколько месяцев в уделе Хосокавы только и говорили о готовящемся бое.

Ивама Какубэй заглядывал к Кодзиро утром и вечером под любым предлогом. В четвертый месяц в один из вечеров, когда начали опадать лепестки цветущей вишни, Какубэй прошел по саду Кодзиро мимо цветущих азалий, приютившихся под горной скалой из камней. Его провели в комнату на задней стороне дома, где Кодзиро кормил сокола, сидевшего у него на руке.

— Рад тебя видеть, дядюшка Ивама, — поздоровался Кодзиро.

— Я к тебе с новостью, — сказал Ивама. — Совет клана в присутствии хозяина вынес решение о

месте поединка. Предложили несколько мест, среди них Кукинонагахаму и берег реки Мурасаки, но их отвергли. Одни недостаточно просторны для фехтовальщиков, другие слишком удобны для зевак. На берегу можно было бы поставить бамбуковый забор, но там сбежалась бы огромная толпа зрителей.

— Вот как! — отозвался Кодзиро, не сводя глаз с сокола.

Какубэй не ожидал такого равнодушного приема. Нарушив правила поведения, предписанные для гостя, он сказал:

— Пошли во внутреннюю комнату, не могу с тобой разговаривать, когда ты занят птицей.

— Потерпи немного. Сейчас закончу его кормить.

— Это сокол, которого тебе подарил хозяин?

— Да. Я назвал его Амаюми. С каждым днем я все сильнее привязываюсь к нему.

Кодзиро выбросил остатки мяса и передал птицу слуге:

— Посади его в клетку, Тацуноскэ.

Слуга понес сокола через обширный сад. За горкой камней густо росли сосны, по другую сторону виднелась река Итацу, на берегах которой получали наделы самураи Хосокавы.

— Прости, что заставил тебя ждать, — сказал Кодзиро.

— Ничего. Я ведь не чужой. Ты мне как сын, Кодзиро.

Появилась девушка лет двадцати с чаем. Какубэй одобрительно покачал головой.

— Хорошеешь с каждым днем, Омицу, — улыбнулся он.

— Вы всегда смеетесь надо мной, — зарделась девушка.

— Ты с каждым днем все сильнее любишь сокола. А что Омицу? Не лучше ли полюбить ее? Какие у тебя намерения? — спросил Какубэй, когда девушка ушла.

— Она приходила к тебе?

— Не стану скрывать. Просила совета.

— Глупая! Мне ничего не говорила! — Кодзиро гневно посмотрел на сёдзи, за которыми скрылась Омицу.

— Не сердись! Почему бы ей не прийти ко мне? Девушку тревожит ее будущее.

— Она тебе все рассказала?

— Зачем ей скрытничать! Обычное дело между мужчиной и женщиной. Тебе же надо, в конце концов, жениться. Сейчас у тебя есть и дом и слуги.

— Что скажут люди, если я женюсь на бывшей служанке?

— Кому какое дело? Ты ведь не можешь выбросить ее вон. Она из хорошей семьи и вполне тебе подходит. Говорят, что она племянница Оно Тадааки.

— Верно.

— И ты встретил ее, когда был в доме Оно.

— Не хочу хвалиться, но тебе, как близкому человеку, расскажу. После поединка с Тадааки я отправился домой. Стемнело, и Омицу с фонарем пошла проводить меня. Я в шутку заигрывал с ней, а она восприняла все всерьез. Когда Тадааки исчез, она явилась ко мне.

Какубэй узнал об Омицу недавно. Его поражала не только способность Кодзиро увлекать женщин, но и умение таить любовные связи.

— Положись на меня, — сказал Какубэй. — Сейчас, конечно, не время объявлять о помолвке. Лучше после поединка.

Какубэй, как и многие другие, не сомневался в исходе боя. Какубэй вспомнил о главной цели прихода к Кодзиро.

— Как я уже говорил, совет определил место боя. Надо соблюсти два условия: во-первых, место должно быть в пределах владений господина

Тадатоси, во-вторых, чтобы туда не смог проникнуть народ. Выбрали островок Фунасима, между Симоносэки и Модзи. Тебе полезно было бы до прибытия Мусаси ознакомиться с местностью. Это даст тебе значительные преимущества.

Знание особенностей местности помогает фехтовальщику правильно построить бой, подсказывает, как затянуть сандалии, с какой стороны будет падать солнце, и вообще придает уверенности. Кодзиро не согласился.

— Смысл «Искусства войны» заключается в том, чтобы мгновенно принять решение и напасть. Противник, как правило, знает о предосторожностях, которые принимаются заранее. Ситуацию надо оценить на месте и действовать на грани риска.

Какубэй согласился и уже не предлагал поездку на Фунасиму. Омицу подала саке, и мужчины засиделись до поздней ночи.

По предложению Какубэя на время до поединка Кодзиро освободили от несения службы. Негаданный отпуск сначала понравился Кодзиро, но чем меньше дней оставалось до сражения, тем больше ему докучали посетители. Кодзиро приходилось занимать их, зачастую до утренней зари. Он не хотел избегать общества, иначе по-

ползли бы слухи, что он теряет самообладание.

Кодзиро находил спасение в охоте. Как только выдавался погожий день, он с соколом отправлялся в горы, где никто не надоедал ему.

Наблюдая за соколом, высоко в небе вцепившимся в свою жертву, Кодзиро чувствовал себя птицей.

— Молодец! — восклицал он. — Вот это удар!

Кодзиро не просто наблюдал, а учился у хищной птицы. С каждым днем он обретал спокойствие и уверенность.

Дома его встречали заплаканные глаза Омицу. Кодзиро не допускал мысли, что Мусаси победит, но порой невольно задумывался, что станет с Омицу, если его убьют.

Теперь ему все чаще являлся образ покойной матери, о которой он не вспоминал годами. Засыпая, он мысленным взором видел опухшие от слез глаза Омицу, лазурное око сокола и стертые временем черты матери.

Накануне тринадцатого дня

В Симоносэки, Модзи и Кокуре в последние дни происходило большое движение народа. Понаехало множество посторонних, гостиницы переполнились, у коновязей рядами стояли лошади. Из замка для всеобщего сведения послали следующее распоряжение:

«В тринадцатый день сего месяца в восемь утра на острове Фунасима в проливе Нагато самурай удела Будзэн Сасаки Кодзиро Ганрю сразится по поручению своего сюзерена с Миямото Мусаси Масана, ронином из провинции Мимасака. Сторонникам соперников строго запрещается помогать им или подплывать к Фунасиме. До десяти часов утра тринадцатого дня прогулочным и рыбачьим лодкам, кораблям запрещается появляться в проливе. Четвертый месяц 1612 г.».

Извещение расклеили на перекрестках, пристанях и площадях.

— Тринадцатого? Послезавтра?

— А все специально приехали, чтобы посмотреть поединок!

— Ничего не увидишь, если его проводят на острове в двух километрах от берега.

— С горы Кадзаси видны сосны Фунасимы. Народ все равно будет толкаться, хотя бы ради того, чтобы поглазеть на лодки и приезжих.

— Хорошо бы погода не подвела.

Лодочники, предвкушавшие барыш, приуныли. Местные жители и приезжие сбились с ног в поисках места, откуда можно было хоть что-то увидеть. В одиннадцатый день перед харчевней у въезда в Кокуру со стороны Модзи женщина кормила грудью плачущего ребенка, уставшего от долгого пути.

— Поплакал, а теперь поспи! — ласково приговаривала Акэми.

На лице ее не было косметики. Она сильно изменилась, но не сокрушалась по утраченной красоте.

Из харчевни вышел Матахати в сером кимоно. О его монашестве напоминала лишь повязка, прикрывавшая бритую голову.

— Ай-ай, никак не успокоимся! — склонился он над ребенком. — Надо спать. Акэми, иди в харчевню. Ты должна хорошо есть, чтобы не пропало молоко.

Взяв младенца на руки, Матахати начал баюкать его, напевая колыбельную.

— Какая встреча! — раздалось у него за спи-

ной.

Матахати обернулся и уставился на человека, не узнавая его.

— Я Итиномия Гэмпати. Мы встречались в сосновой роще недалеко от улицы Годзё в Киото. Тогда ты называл себя Сасаки Кодзиро.

— А! — вспомнил Матахати. — А ты тот самый монах с палкой!

— Скажи, пожалуйста, где дом Кодзиро?

— Не знаю. Я сам только что пришел сюда.

— Дом Кодзиро у реки Итацу. Можем показать, — предложили два самурая, проходившие мимо.

Гэмпати ушел с ними. Грязь и дорожная пыль покрывали его с головы до ног. «Надо же, пришел сюда из Кодзукэ!» — подумал Матахати. Он припомнил давнюю встречу с Гэмпати и поежился. Каким бессовестным и наглым был он в те дни! Надо же додуматься: выдавал себя за Кодзиро да еще показывал свидетельство школы Тюдзё! Матахати утешался тем, что и шалопай вроде него способен исправиться.

Ребенок не засыпал. Вернулась Акэми, взяла малыша у Матахати, а он поправил заплечный короб, с какими обычно ходят торговцы сладостями, и они зашагали по дороге. Прохожие

одобрительными взглядами провожали бедную, но, видимо, счастливую семью.

Пожилая женщина благородного вида тоже обратила на них внимание. Некоторое время они шли рядом, а когда Матахати и Акэми повернули в боковую улицу, женщина спросила:

— Простите, не знаете ли вы, где дом Сасаки Кодзиро?

Матахати сказал ей то, что несколько минут назад услышал от самураев. Глядя вслед уходящей женщине, он пробормотал: «Как матушка моя поживает?» Став отцом, он начал понимать родительские чувства. Женщина была с виду ровесницей Осуги.

В доме Кодзиро было полно гостей.

— Бой открывает для него величайшие возможности.

— Да, поединок раз и навсегда утвердит его славу.

— О Кодзиро узнает вся Япония.

— Не забывайте, с кем он сойдется на поле боя. Ганрю следует быть начеку.

Молодой самурай ввел в комнату только что прибывшего гостя.

— Господин прибыл из Кодзукэ, — объявил он.

— Итиномия Гэмпати, — представился гость.

Комната огласилась возгласами восхищения, ведь Кодзукэ находится в тысяче километров на северо-востоке страны. Гэмпати сказал, что принес амулет с горы Хакуун для домашнего алтаря Кодзиро. Все восторженно благодарили гостя.

— Похвально, что вы прибыли издалека и хотите прочитать молитву за победу Кодзиро. Вы с ним давно знакомы?

— Я вассал дома Кусанаги в Симониде. Мой покойный учитель Кусанаги Тэнки приходился племянником Канэмаки Дзисаю. Тэнки знал Кодзиро, когда тот был еще мальчиком.

— Я слышал, будто Кодзиро учился у Дзисая.

— Верно. Кодзиро питомец той же школы, что и Ито Иттосай. Я неоднократно слышал слова Иттосая о том, что Кодзиро блестящий фехтовальщик.

Гэмпати рассказал, как Кодзиро отверг свидетельство Дзисая и создал собственный стиль, описал, каким упорством отличался Кодзиро в детстве. Гэмпати не умолкая повествовал благодарным слушателям о достоинствах Кодзиро.

— Где учитель Ганрю? — спрашивал молодой слуга, проталкиваясь через забитую людьми комнату.

Кодзиро был в клетке для сокола. Держа птицу

на руке, он пристально смотрел ей в глаза. Он только что покормил Амаюми. Кодзиро осторожно поглаживал перья сокола.

— Учитель!

— Что еще?

— Пришла какая-то женщина. Она из Ивакуни. Говорит, что вы ее знаете.

— Тетка, должно быть.

— Куда ее провести?

— Никого не хочу видеть, но тетку должен принять. Веди ее в мою комнату. Тацуноскэ! — позвал Кодзиро.

— Да, господин. — Тацуноскэ опустился на одно колено позади Кодзиро. Он был его учеником и неотлучно находился рядом.

— Осталось недолго ждать, — произнес Кодзиро.

— Да, учитель.

— Завтра я отправляюсь в замок, чтобы засвидетельствовать почтение господину Тадатоси. Я не видел его несколько дней. Затем нужно как следует выспаться.

— Дом полон гостей. Почему вы всех принимаете, не давая себе покоя.

— Отдых мне необходим.

— Ваши поклонники могут нанести вам по-

ражение.

— Не говори так. Многие пришли издалека. Моя победа или поражение зависят от стечения обстоятельств. Конечно, не все решает случай, но такова участь воина — порой он побеждает, порой проигрывает. Если Ганрю умрет, вы распечатаете два моих завещания, они в моей комнате. Одно отдадите Какубэю, другое — Омицу.

— Вы подготовили завещание?

— Да, это естественно для самурая. Да, кстати, я имею право взять с собой на место боя одного помощника. Я хочу, чтобы им был ты. Согласен?

— Это честь, которую я не заслуживаю.

— Возьмем и Амаюми. — Кодзиро посмотрел на сокола и добавил: — Он успокоит меня в пути.

— Я все понял, учитель.

— А теперь пойду к тетке.

Кодзиро нашел тетку в комнате, освещенной свечой.

— Спасибо, что приехали, — промолвил Кодзиро, почтительно склонившись перед пожилой женщиной.

Тетка воспитывала Кодзиро после смерти его матери, но, в отличие от покойной, не баловала его. Она считала своим долгом перед старшей сестрой сделать из Кодзиро достойного наслед-

ника семьи Сасаки, чтобы он с честью носил их фамилию. Она внимательно следила за успехами племянника.

— Кодзиро, я понимаю, что наступает решающий момент в твоей судьбе, — заговорила тетка. — У нас в Ивакуни все только и говорят о твоем поединке, поэтому я сочла необходимым навестить тебя. Я рада, что ты добился многого в жизни.

Тетка мысленно сравнила сидящего перед ней благородного вида самурая с тем юношей, который покинул родину с одним мечом за спиной.

— Прошло десять лет. Простите меня, что я не подавал вам вестей о себе, — ответил Кодзиро, все еще не поднимая головы. — Не знаю, как оценивают меня со стороны, но я не достиг всего, что наметил, поэтому и не писал вам.

— Вести о тебе всегда доходили до нас.

— Неужели и в Ивакуни?

— Конечно! Все тебя поддерживают. Если ты проиграешь Мусаси, то пятно позора ляжет не только на нашу семью, но и на всю провинцию. Катаяма Хисаясу, владетель Хоку, который гостит сейчас в уделе Киккава, намерен прибыть сюда с большой группой самураев из Ивакуни. Их огорчит запрет передвигаться на лодках в проливе.

Да, совсем забыла про подарок.

Тетка развернула небольшой сверток. В нем лежало нижнее белое кимоно с начертанными именами бога войны и богини — заступницы самураев. На рукавах женщины Ивакуни вышили золотом санскритские заклинания.

Кодзиро свернул кимоно и приложил его ко лбу в знак признательности.

— Вы устали, — сказал он. — Отдохните в этой комнате.

Кодзиро ушел к гостям, которые тоже явились с подарками. Среди них были и свиток с заклинаниями из храма Хатимана на горе Отоко, и кольчуга, и громадный морской лещ, и бочонок саке, и много другого. В доме собрались сторонники Кодзиро, которые искренне желали ему победы, но, по правде говоря, восемь человек из десяти, выражая восхищение Кодзиро, рассчитывали на его ответные услуги в будущем.

«Как бы они вели себя, если бы я оставался простым ронином», — думал Кодзиро.

Он чувствовал лицемерие многих, но его самолюбию льстило, что все эти люди не сомневаются в его победе. «Я должен, должен победить!» — твердил про себя Кодзиро. Он переживал небывалое волнение. «Победа, только

победа!» — сверлила мозг неотступная мысль, и Кодзиро прекрасно понимал, почему это происходит.

Было совсем поздно, когда среди гостей пронеслась весть о приезде Мусаси. Он сошел с корабля в Модзи, и его уже видели в Кокуре.

— Может, сходим посмотреть на него? — предложил кто-то.

Рассвет

Мусаси прибыл в Симоносэки несколько дней назад, и, поскольку его никто здесь не знал, он спокойно провел все это время один. Утром одиннадцатого он переправился через пролив Каммон в Модзи и зашел к Нагаоке Садо, чтобы подтвердить согласие с местом и временем поединка.

Самурай, встретивший Мусаси у ворот, не сводил с него глаз. «Вот он какой, знаменитый Миямото Мусаси!» — подумал он, а вслух сказал:

— Хозяин в замке, скоро вернется. Прошу вас пройти в дом и подождать его.

— Спасибо, особых дел у меня к нему нет. Передайте ему мои слова.

— Он огорчится, не увидев вас. Если вы все же настаиваете на уходе, позвольте известить наших людей о вашем визите.

Самурай исчез во внутренних покоях, и через минуту появился Иори.

— Учитель! — бросился он на шею Мусаси.

Мусаси погладил его по голове.

— Хорошо учишься?

— Да, учитель.

— Ты вырос.

— Вы знали, что я живу здесь?

— Садо сообщил мне в письме. Кобаяси Тародзаэмон в Сакаи рассказывал о тебе. Я рад за тебя. Воспитание в таком доме пойдет тебе на пользу.

Иори помрачнел.

— В чем дело? — спросил Мусаси. — Не забывай, Садо очень добр к тебе.

— Да, учитель.

— Ты должен изучать не только боевое искусство. Обязательно читай книги. Будь всегда готовым помочь другим и веди себя скромнее остальных мальчиков.

— Да, учитель.

— И никогда не жалей себя. Многие мальчики, осиротев, склонны к этому. Ты должен быть добрым и щедрым с людьми.

— Да, учитель.

— Ты умный мальчик, Иори, но будь осторожен. Постоянно держи себя в руках. Ты еще мал, вся жизнь у тебя впереди. Береги ее до того дня, когда сможешь отдать ее за благородное дело: за свою родину, за честь, за Путь Воина. Живи открыто и честно.

Иори с тоской думал, что слова Мусаси звучат как прощание. Мусаси говорил о серьезных вещах, упоминая слово «жизнь». Иори, не выдер-

жав, уткнулся в грудь Мусаси. Рыдания душили мальчика.

Мусаси заметил, что Иори очень аккуратен — волосы тщательно причесаны, носки безупречной белизны. Мусаси почувствовал сожаление, что произнес излишне высокопарное наставление.

— Не плачь, — сказал он.

— Но если…

— Не реви! Тебя могут увидеть.

— Вы отправляетесь на Фунасиму послезавтра?

— Да.

— Победите его, пожалуйста! Победите! Я не смогу жить, если не увижу вас вновь!

— Это не повод для слез.

— Некоторые твердят, что вам ни за что не победить Кодзиро. Зачем вы согласились на этот поединок?

— Народ всегда что-то болтает.

— А вы правда можете проиграть?

— Зачем забивать себе голову разными пустяками!

— Значит, вы уверены в победе?

— Если я и проиграю, то с честью.

— Если вы сомневаетесь, не лучше ли скрыться?

— В любой сплетне есть доля истины, Иори. Может, я допустил ошибку, но дело зашло слишком далеко. Убежать — значит пренебречь законом, предписанным Путем Воина. Это навлекло бы позор не только на меня, но и на многих других.

— Вы только что говорили, что я должен беречь свою жизнь.

— Да, говорил. Если меня похоронят на Фунасиме, пусть моя смерть послужит тебе уроком. Никогда не ввязывайся в истории, которые могут стоить тебе жизни.

Мусаси почувствовал, что слишком сосредоточился на мрачной теме.

— Я попросил передать Нагаоке Садо мое почтение. Передай ему мой привет и ты, скажи, что я встречусь с ним на Фунасиме.

Мусаси ласково отстранил Иори от себя. Иори глядел ему вслед, судорожно сжимая соломенную шляпу.

— Не уходите! — в отчаянии прошептал он.

Нуиноскэ нагнал Мусаси в воротах.

— Иори просит, чтобы вы не уходили. Я сочувствую ему. Не могли бы вы остаться на ночь в нашем доме?

— Благодарю за приглашение, но едва ли это разумно. Через два дня я могу заснуть навеки. Я

не хочу никого обременять. В будущем это может иметь плохие последствия для вас.

— Боюсь, что хозяин разгневается, что мы не оставили вас в доме.

— Я напишу ему. Сегодня я пришел только для того, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Мне пора!

Мусаси повернул к берегу моря, но вскоре его окликнули. Обернувшись, он увидел шестерых пожилых самураев из дома Хосокавы. Он никого из них не знал и решил, что они обознались.

— Мусаси!

— Ты Миямото Мусаси?

Мусаси еще раз обернулся. Что нужно этим пожилым воинам?

— Не помнишь нас? Конечно, прошло столько времени. Меня зовут Уцуми Могобэйнодзё. Все мы родом из Мимасаки. Мы состояли на службе у дома Симмэн в замке Такаяма.

— Кояма Хандаю. Магобэйнодзё и я были друзьями твоего отца.

Мусаси радостно улыбнулся:

— Приятная неожиданность!

Говор самураев подтверждал, что они его земляки. Поклонившись каждому из них, Мусаси сказал:

— Я рад вас видеть. Как случилось, что все вы оказались в этих краях?

— Ты знаешь, что дом Симмэн прекратил существование после битвы при Сэкигахаре. Став ронинами, мы бежали на остров Кюсю. Зарабатывали на жизнь плетением соломенных башмаков для лошадей. Потом нам повезло, и мы зажили получше.

— Кто бы мог подумать, что я встречу друзей отца в Кокуре!

— Для нас это тоже большая радость. Ты стал настоящим самураем, Мусаси. Жаль, что отец не дожил до этого дня. Хотим пригласить тебя провести с нами вечер. Мы договорились с Садо.

— Невежливо уйти, не встретившись с Садо, — вмешался Хандаю. — Не пристало такое сыну Симмэна Мунисая. Вернись с нами в дом.

Хандаю, видимо, считал, что дружба с покойным отцом Мусаси позволяла ему говорить в назидательном тоне. Хандаю направился к дому, уверенный, что Мусаси идет следом.

— Простите, — проговорил Мусаси. — Прошу прощения за неучтивость, но присоединиться к вам не могу.

Самураи остановились. Магобэйнодзё сказал:

— Почему же? Мы хотим оказать тебе долж-

ный прием, мы ведь земляки. Садо с тобой хочет встретиться. Зачем обижать его?

— Я бы с удовольствием пошел, но у меня есть веские причины не делать этого, — вежливо, но твердо сказал Мусаси. — Я слышал, что мой поединок осложнил отношения между двумя старейшими вассалами дома Хосокавы — Нагаокой Садо и Ивамой Какубэем. Иваму поддерживает Тадатоси, Нагаока пытается укрепить свое положение, делая ставку против Кодзиро.

Самураи переглянулись.

— Возможно, это пустые сплетни, — продолжал Мусаси, — но сплетни — коварная вещь. Кому интересен ронин вроде меня, но я не хотел бы давать лишний повод для пересудов о соперничестве Садо и Какубэя. Они бесценные для этого удела люди.

— Ясно, — протянул Магобэйнодзё.

— А теперь позвольте откланяться, — улыбнулся Мусаси. — По правде сказать, я остался прежним деревенским жителем, которому в тягость светские беседы за столом. Хочу отдохнуть.

Самураи зашептались.

— Сегодня одиннадцатый день четвертого месяца, — сказал Хандаю. — Вот уже десять лет мы собираемся вместе с этот день. Мы никогда не

приглашаем посторонних на наше собрание, но мы земляки, ты сын Мунисая, поэтому можешь присоединиться к нам. Предупреждаю, мы не выставим богатого угощения, но обстановка будет непринужденной и тебя никто не увидит.

— В таком случае я принимаю приглашение, — ответил Мусаси.

Старые самураи обрадовались. Они договорились, что часа через два один из них, Кинами Кагасиро, встретит Мусаси у чайной.

Мусаси встретил Кагасиро в назначенный час, и они направились к мосту Итацу. Пройдя полтора километра, они оказались в тихом месте, где не было ничего, кроме винной лавки да дешевого постоялого двора. Мусаси насторожился. На первый взгляд в старых самураях он не заметил ничего подозрительного. По возрасту они могли быть друзьями его отца, они говорили на наречии Мимасаки. Почему они выбрали пустынное место?

Кагасиро оставил Мусаси одного, а сам прошел вперед к реке.

— Все в порядке, пойдем, — сказал он, вернувшись с берега.

По узкой тропинке они зашагали к дамбе.

«Может, они затеяли вечеринку на лодке?» —

подумал Мусаси, в душе подсмеиваясь над излишней бдительностью. У берега лодки не оказалось. Самураи сидели в кружок в официальных позах.

— Здесь мы собираемся, — объяснил Магобэйнодзё. — Тебя к нам привела судьба. Садись!

Мусаси пододвинули циновку. Почему собрание устраивается в столь странном месте? Мусаси как гостю приходилось следовать привычкам хозяев. Он сел и тоже принял строгую позу.

— Устраивайся поудобнее, — сказал Магобэйнодзё. — Мы сначала проведем торжественную церемонию, а потом выпьем и поболтаем.

Шестеро самураев положили около себя пучки соломы и принялись плести конские башмаки. Выражение их лиц было сосредоточенным, даже благоговейным. Самураи плели ловко, поплевывая на ладони.

— Достаточно, — сказал Хандаю, положив готовый башмак на маленький столик.

Остальные сделали то же, выпрямив спины и поправив кимоно. Магобэйнодзё, старший по возрасту, заговорил первым.

— Сегодня двенадцатая годовщина битвы при Сэкигахаре, двенадцатая годовщина нашего поражения, — начал он. — Мы намного пережили

наших друзей. Жизнью мы обязаны милосердию даймё Хосокавы. Наши дети и внуки не должны забывать об оказанной нам милости.

Самураи почтительно опустили глаза.

— Мы должны помнить щедрость дома Симмэн, хотя его больше не существует. Мы не забудем той нищеты, в которую впали, пока добрались до этих мест. Мы собираемся здесь, чтобы сохранить в душе эту память. Помолимся за здоровье и благополучие друг друга.

Самураи хором подхватили:

— Мы никогда не забудем милосердие даймё Хосокавы, щедрость дома Симмэн, милость неба, избавившего нас от бедности и отчаяния.

— А теперь — знак нашего почтения, — сказал Магобэйнодзё.

Самураи обратились лицом к белеющим стенам замка Кокура и склонились до земли, затем повернулись в сторону, где находится провинция Мимасака и тоже поклонились. Третий поклон они отдали соломенным башмакам.

Магобэйнодзё обратился к Мусаси:

— Мы сейчас поднимемся в храм, чтобы сделать приношение сплетенными башмаками. Жди нас здесь.

Старики потянулись цепочкой за самураем,

который нес в приподнятых руках столик с конскими башмаками. Они привязали к храмовому дереву свои поделки. Выстроившись перед божеством, они хлопнули в ладоши, взывая к небесам.

Угощение состояло из простой еды — тушеные овощи, побеги бамбука с бобовой пастой, сушеная рыба. Такую пищу едят в крестьянских домах, но было вдоволь саке, веселья и смеха.

— Для меня большая честь присутствовать на вашем празднике, но объясните смысл торжественной церемонии, — попросил Мусаси.

— Когда мы прибыли сюда после поражения, вокруг были одни чужие люди. Воровать мы не могли — лучше умереть. Кто-то из нас задумал открыть лавку у моста и торговать конскими башмаками. Когда мы взялись за плетение, загрубевшие от тренировок с копьями руки поначалу плохо слушались, потом дело пошло легче. Мы уже три года продавали свой товар, когда про нас прослышал господин Хосокава Сансай. Узнав, что мы бывшие вассалы дома Симмэн, он предложил поступить к нему на службу.

Магобэйнодзё рассказал, как они отказались от общего жалованья в тысячу коку риса на всех, поскольку вассал должен служить сюзе-

рену на основе личной преданности. Сансай, согласившись, выделил жалованье каждому в отдельности. Кто-то из приближенных Хосокавы предложил дать новичкам деньги на одежду, но даймё не согласился, поскольку эта подачка могла быть воспринята как унижение. Он оказался прав. Как ни бедствовали самураи, но они нашли возможность купить одежду и явиться на церемонию вступления в должность в накрахмаленных кимоно.

В завершение рассказа Магобэйнодзё, подняв чарку саке, произнес:

— Прости мою пространную речь, но я хочу, чтобы ты поверил в нашу честность и порядочность. Пусть наша еда скудна, а саке дешево, дело не в этом. Желаем тебе сражаться завтра смело и решительно, а если ты падешь в бою, мы похороним твои останки.

— Вы оказали мне большую честь, пригласив к себе, — ответил Мусаси. — Это приятнее, чем пить отборное саке в самом богатом доме. Я бы желал себе такой же судьбы, как и ваша.

— Не горячись, Мусаси! А то придется учиться плетению! — сказал кто-то под дружный смех.

Самураи веселились от души, но Мусаси собрался уходить. Ему не хотелось подводить земляков.

Он распрощался и с легким сердцем отправился к себе. Или только со стороны казалось, что у него прекрасное настроение?

Нагаока гневался на слуг и домочадцев за то, что они не смогли удержать Мусаси. Утром он отправил людей на поиски Мусаси, но те вернулись ни с чем. Садо хмурился. «Что же произошло? — думал он. — Неужели...» Садо не решался завершить мысль.

В двенадцатый день Кодзиро посетил замок, где его тепло принял сам Тадатоси. Они выпили по чарке саке, и Кодзиро окрыленный вернулся домой.

К вечеру город гудел от слухов.

— Мусаси, видимо, испугался и бежал...

— Я точно знаю, он удрал!

Садо не спал всю ночь. Он уговаривал себя, что такое невозможно. Трусость не вязалась с характером Мусаси. Сколько известно случаев, когда ломались самые крепкие и надежные люди? В предчувствии самого худшего Садо уже подумывал о харакири — единственном в его положении выходе, поскольку он рекомендовал Мусаси.

Утро тринадцатого дня застало Садо в саду, где он прогуливался с Иори. «Неужели я ошибся?» — спрашивал себя Садо.

— Доброе утро, господин! — Нуиноскэ появился в боковой калитке.

— Нашли? — спросил Садо.

— Нет. Никто из хозяев гостиниц его не видел.

— В храмах узнавали?

— И в храмах, и в додзё — везде, куда бы мог прийти фехтовальщик. Магобэйнодзё с друзьями отсутствовали всю ночь…

— Их до сих пор нет, — нахмурился Садо.

Сквозь листву сливового дерева виднелось море. Волны, казалось, бились в грудь Садо.

— Ничего не понимаю, — проговорил он.

Возвращавшиеся с поисков люди усаживались у веранды, злые и растерянные. Кинами Кагасиро, проходя мимо дома Кодзиро, видел толпу в несколько сот человек. Ворота торжественно украшены, а перед входом в дом стояла золоченая ширма. На заре три группы сторонников Кодзиро отправились в храмы молиться за его победу.

В доме Садо воцарилось уныние. Особенно переживали старые самураи, соратники отца Мусаси. Они чувствовали, что их предали. Если Мусаси струсил, они никогда не смогут смотреть в глаза другим самураям. Уходя от Садо, Кагасиро поклялся:

— Мы найдем негодяя! Не сегодня, так завтра.

Смерть трусу!

Вернувшись в свою комнату, Садо возжег благовония в курильнице, как делал каждый день, но на этот раз Нуиноскэ заметил особую торжественность и мрачность ритуала. «Он готовит себя к смерти», — сокрушенно подумал он.

Выйдя в сад, Нуиноскэ столкнулся с Иори.

— Вы заходили к Кобаяси Тародзаэмону? — спросил Иори.

Нуиноскэ оценил смекалку мальчика. Никто не додумался искать Мусаси в доме купца, хотя именно там Мусаси мог найти надежное укрытие.

— Мальчик прав! — воскликнул Садо, услышав мнение Иори. — Немедленно пойдите в контору.

Садо быстро написал записку и отдал Нуиноскэ, сообщив ему содержание. Садо писал: «Сасаки Кодзиро отправится на Фунасиму на лодке господина Тадатоси. Он прибудет к восьми часам. Ты успеваешь к этому времени. Предлагаю тебе прийти в мой дом и здесь провести приготовления к бою. Я достал лодку, на ней ты поплывешь навстречу победе».

Нуиноскэ и Иори, наняв быстроходную лодку, приплыли в гавань Тародзаэмона.

— Не знаю, о ком вы спрашиваете, но в хозяй-

ском доме живет молодой самурай, — ответил приказчик в конторе.

— Нашли! — воскликнул Нуиноскэ, переглянувшись с Иори.

К Тародзаэмону, встретившему их в доме, Нуиноскэ обратился без лишних любезностей:

— Мы по важному официальному делу. У вас остановился Миямото Мусаси?

— Да.

— Сообщите ему о нашем приходе. Мы с ног сбились, разыскивая его.

Тародзаэмон ушел на внутреннюю половину дома и вскоре вернулся.

— Мусаси в своей комнате. Он спит.

— Спит? — изумился Нуиноскэ.

— Мы вчера засиделись допоздна.

— Не время ему спать. Разбудите его!

Купец не поддался настойчивости самурая и провел посетителей в гостиную, предложив им подождать.

Мусаси появился свежий и бодрый, с ясными, как у младенца, глазами.

— Доброе утро! — приветствовал он гостей. — Чем обязан?

Нуиноскэ молча передал письмо Садо.

Мусаси почтительно поднес свиток ко лбу,

прежде чем сломать печать. Иори не сводил глаз с учителя, но Мусаси держался так, словно не замечал его. Прочитав письмо, Мусаси сказал:

— Большое спасибо господину Садо за заботу.

Мусаси быстро написал ответ.

— Я все изложил в письме, — сказал он. — Передайте ему мою искреннюю благодарность.

Мусаси добавил, что о нем беспокоиться не стоит, он сам доберется до Фунасимы в удобное для него время.

Мусаси и Иори не перемолвились ни словом, но, встретившись глазами, учитель и ученик многое сказали друг другу.

Садо, прочитав письмо, облегченно вздохнул. Мусаси писал:

«Примите глубочайшую благодарность за предложение доставить меня на Фунасиму. Я не достоин такой чести и не могу принять ваше предложение. Прошу вас учесть, что Кодзиро воспользуется лодкой своего сюзерена. Если я поплыву на вашей лодке, то сложится впечатление, будто вы противопоставляете себя господину Тадатоси. Не следует этого делать ради меня. Я хотел заранее предупредить вас об этом деликатном деле. Из этих же соображений я остановился у Тародзаэмона. На Фунасиму я отправлюсь на

его лодке. Время я выберу сам».

Садо молча смотрел на лист бумаги. Письмо написано скромно, но с достоинством. Садо застыдился своих опасений.

— Нуиноскэ!

— Да, господин.

— Покажи письмо Магобэйнодзё и его друзьям.

Не успел Нуиноскэ выйти, как появился слуга.

— Господин, пора отправляться.

— У нас еще много времени, — усмехнулся Садо.

— Какубэй уже уехал.

— Его дело. Иори, поди ко мне.

— Да, господин.

— Скажи, Иори, ты мужчина?

— Я так считаю, господин.

— Обещаешь не плакать, что бы ни случилось?

— Да, господин.

— В таком случае поедешь на Фунасиму в качестве моего слуги. Имей в виду, не исключено, что обратно мы повезем тело Мусаси. Еще раз спрашиваю, не расплачешься?

— Нет, господин. Обещаю.

Нуиноскэ выскочил через калитку на улицу и чуть не сбил с ног женщину в бедной одежде.

— Прошу прощения, вы служите в этом доме? —

спросила она.

— Что тебе надо? — подозрительно посмотрел на нее Нуиноскэ.

— Я понимаю, мой вид не внушает доверия. Я хотела спросить о сегодняшнем поединке. Люди говорят, что Мусаси сбежал. Это правда?

— Глупая сплетница! Как ты смеешь! Думаешь, что Миямото Мусаси способен на такие поступки? Потерпи до восьми часов. Я только что встречался с Мусаси.

— Вы его видели?

— Кто ты такая?

— Знакомая Мусаси, — опустила глаза женщина.

— Беспокоишься по поводу слухов? Я спешу, но все же покажу письмо Мусаси.

Нуиноскэ прочитал вслух письмо, не видя, что какой-то человек заглядывает ему через плечо. Наконец, заметив незнакомца, Нуиноскэ раздраженно спросил:

— А ты что здесь забыл?

— Я с этой женщиной, — ответил человек, вытирая глаза.

— Ты ее муж?

— Да, господин. Спасибо, что показали письмо. У меня такое… Я словно повстречался с Мусаси.

Правда, Акэми?

— Гора свалились с плеч. Пойдем выберем место повыше, чтобы все видеть.

Нуиноскэ успокоился.

— С того холма виден остров Фунасима, — сказал он. — В такую погоду можно различить песчаный берег.

— Простите, что мы отвлекли вас от дела.

— Можно узнать ваше имя?

— Матахати, — с поклоном ответил мужчина. — Мы с Мусаси из одной деревни.

— Акэми, — сказала женщина.

Нуиноскэ, кивнув, убежал.

Матахати и Акэми поспешили на холм. Оттуда остров был виден как на ладони, за ним горы Нагато. Семейная пара уселась на циновке под соснами. Внизу шумел прибой, с сосен сыпались иголки. Акэми баюкала ребенка, а Матахати застыл, напряженно вглядываясь в сторону Фунасимы.

Свадьба

Нуиноскэ сначала зашел к Магобэйнодзё, затем обошел с письмом других старых самураев из Мимасаки, а потом заспешил к берегу. Встав за деревом невдалеке от конторы прибрежной службы, Нуиноскэ наблюдал за потоками людей, стекавшимися на берег. Несколько групп самураев отплыли на Фунасиму. Они должны были обеспечить порядок и охрану поля боя. У берега покачивалась новая небольшая лодка, которую по приказу Тадатоси сделали специально для Кодзиро. Провожающих было не менее сотни. Нуиноскэ узнал в толпе нескольких друзей Кодзиро, остальные были нездешние.

Допив чай, Кодзиро вышел из конторы в сопровождении чиновников. За ним следовал Тацуноскэ. Толпа расступилась, давая дорогу своему любимцу. Глядя на Кодзиро, многие воображали себя идущими на бой.

На Кодзиро было шелковое кимоно с узкими рукавами, с вычурным орнаментом по белому полю, плащ-безрукавка ярко-красного цвета. Пурпурные кожаные хакама, плотно облегавшие бедра, были подвязаны под коленами. Новые

соломенные сандалии сбрызнуты водой, чтобы ноги не скользили. Кроме малого меча, с которым Кодзиро никогда не расставался, сегодня у него был и «Сушильный шест», которым он не пользовался с тех пор, как поступил на службу. Белое дородное лицо Кодзиро светилось спокойствием и уверенностью. Кодзиро был как никогда красив и величав. Он шагал, одаривая улыбками людей на берегу. Кодзиро сел в лодку, за ним Тацуноскэ с соколом на руке. Гребцы взмахнули веслами, и лодка заскользила по волнам. Толпа дружно закричала, и сокол от испуга захлопал крыльями.

Нуиноскэ торопился домой, чтобы подготовить отъезд Садо. Оглянувшись, молодой самурай увидел Омицу, которая безутешно рыдала, прижавшись к дереву. Глазеть на плачущую женщину неприлично, и Нуиноскэ отвернулся. На прощанье он еще раз взглянул на лодку Кодзиро. «У каждого своя жизнь, — подумал он. — Там ликование, здесь рыдающая женщина».

Устроившись поудобнее, Кодзиро взял Амаюми у Тацуноскэ. День стоял ясный — чистое небо, кристальная вода, но волны вздымались довольно высоко. От каждого удара воды в борт сокол топорщил перья. На полпути к острову Кодзиро освободил ногу сокола и подбросил его вверх со

словами: «Лети в замок».

Амаюми по привычке сбил чайку, но, не слыша зова хозяина, взмыл в небо и исчез. Отпустив сокола, Кодзиро стал снимать с себя и выбрасывать в воду амулеты и записочки с молитвами, которыми обвешали его поклонники. Не пожалел даже нижнего кимоно с санскритскими заклинаниями, подаренного ему теткой.

— А теперь отдохнем, — спокойно произнес он.

Впереди его ждала жизнь или смерть. В таком положении лучше не думать о посторонних вещах. Воспоминания о людях, которые окружали его последние дни, мешали ему, все их пожелания успеха и молитвы были теперь обузой. Он должен остаться наедине с собой.

Глаза Кодзиро не отрывались от зеленых сосен Фунасимы. Соленый ветер дул в лицо.

Тародзаэмон, пройдя вдоль складов на пристани в Симоносэки, поднялся в контору.

— Саскэ! — позвал он. — Кто-нибудь видел его?

Саскэ наняли в услужение в доме недавно. Он был самым молодым, но и самым сообразительным работником. Ему даже поручали несложные дела в конторе.

— Доброе утро! — приветствовал хозяина управляющий, появившийся из соседней комнаты со

счетами в руках. — Он только что был здесь.

— Найди Саскэ! — приказал управляющий посыльному.

Управляющий стал докладывать о делах, но Тародзаэмон отмахнулся от него как от назойливой мухи.

— Никто не наводил справки о Мусаси? — спросил Тародзаэмон. Управляющий потер подбородок.

— Я сам не видел, но мне говорили, что вчера вечером приходил какой-то затрапезный парень. Он спрашивал учителя Мусаси, и у него была дубовая палка. Еле выпроводили его.

— Значит, проболтались! И это после того, как я приказал всем держать язык за зубами.

— Я тоже предупреждал, но ведь рот людям не завяжешь, особенно молодым. Они не могут не похвастать, что Мусаси живет у их хозяина.

— Как ты отделался от посетителя?

— Собэй сказал ему, что он ошибся, Мусаси никогда здесь не бывал. Тот не поверил, но ушел. Его ожидали еще три человека, и среди них женщина.

Саскэ прибежал с пристани.

— Звали меня, хозяин?

— Все готово? Дело очень важное.

— Понимаю, хозяин. Я встал до рассвета, вымылся холодной водой, переоделся в новое нижнее кимоно.

— Хорошо. Приготовил лодку?

— А ее готовить особо не надо. Я выбрал самую чистую и быстроходную лодку, бросил несколько щепоток соли, чтобы уберечь ее от дурного глаза, протер ее изнутри и снаружи. Хоть сейчас плыви.

— Где она?

— У причала, рядом с другими лодками.

— Лучше убрать ее оттуда, а то слишком много зевак, — сказал задумчиво Тародзаэмон. — Мусаси их не любит. Отгони ее к большой сосне, которую называют сосной Хэйкэ. Там его едва ли увидят любопытные.

— Слушаюсь, хозяин!

Контора опустела, потому что все ушли на пристань. Там толкалось множество людей: самураи из соседних уделов, ронины, ученые мужи, кузнецы, оружейники, лакировщики, монахи, горожане разных званий, крестьяне из ближайших деревень, источающие аромат благовоний женщины в дорожных шляпах и рыбачки с детьми на руках. Все устремлялись туда, откуда можно было разглядеть остров.

«Я понимаю Мусаси», — подумал Тародзаэмон, наблюдая гудящую толпу.

Вернувшись домой, Тародзаэмон заметил необыкновенный порядок в доме. На потолке комнаты, обращенной к морю, играли отражения волн.

Оцуру принесла поднос с чаем.

— Где ты был? Мы тебя ищем, — обратилась она к отцу.

— Посмотрел кое-что, — ответил он, принимая чашку.

Оцуру приехала из Сакаи навестить отца. Она приплыла на одном корабле с Мусаси. В разговоре они случайно обнаружили, что оба имеют отношение к Иори. Когда Мусаси пришел в контору поблагодарить Тародзаэмона за заботу о мальчике, купец настоял, чтобы гость остановился у него. Накануне ночью они засиделись допоздна, а Оцуру в соседней комнате шила для Мусаси нижнее кимоно и набрюшник ко дню поединка. Она приготовила новое черное кимоно. Тародзаэмон заподозрил, что дочь неравнодушна к Мусаси. Девушка очень волновалась.

— Оцуру, где Мусаси? Он завтракал?

— Давно поел и уединился в своей комнате.

— Он готов к отъезду?

— По-моему, нет.

— А что он делает?

— Рисует.

— Нашел время! Правда, я сам попросил его нарисовать мне что-нибудь, но только не сейчас. Напрасно я это сделал.

— Он рисует и для Саскэ.

— Саскэ? — переспросил Тародзаэмон. Он не находил себе места от волнения.

— Неужели он не понимает, что уже опаздывает?

— Мне кажется, что Мусаси вообще забыл про поединок.

— Нет! Теперь не время рисовать! Скажи ему повежливее об этом. Живопись подождет.

— Не могу…

— Почему?

Подозрения Тародзаэмона подтвердились. Он хорошо знал свою дочь.

— Глупая девчонка, зачем плакать? — ласково проворчал Тародзаэмон и сам пошел к Мусаси.

Мусаси стоял на коленях, словно предаваясь медитации. Одну картину он уже закончил — цапля под ивой. Сейчас он смотрел на чистый лист. Он решал, что изобразить, вернее, настраивался на сюжет и стиль. Белая бумага была для

него пространством, в котором ему предстояло сотворить образ. В рисунке навсегда останется его душа. Если на сердце тяжесть, рисунок получается печальный, если в душе смятение, то оно выплеснется на бумагу. Тушь надолго переживет художника, а сердце его будет биться в рисунке и после того, как кости его рассыплются в прах.

— Можно?

Фусума неслышно раздвинулись, и в комнату заглянул Тародзаэмон.

— Простите, что помешал, — начал он.

— Будьте добры, заходите.

— Нам пора.

— Знаю.

— Все готово. Вещи в соседней комнате.

— Благодарю вас.

— Вы закончите рисунки, вернувшись с Фунасимы.

— Не беспокойтесь, сегодня я чувствую себя прекрасно. Хочется рисовать.

— Не забывайте о времени. Вам надо еще приготовиться.

Тародзаэмон закрыл было за собой фусума, как Мусаси окликнул его:

— Когда начнется прилив?

— В эту пору отлив с шести до восьми утра, а

сейчас вода уже поднимается.

— Спасибо, — рассеянно ответил Мусаси и вновь перевел взгляд на чистый лист.

Тародзаэмон решил терпеливо ждать Мусаси, но не выдержал. Он отправился на веранду и посмотрел на море. Вода наступала на берег, а в проливе обозначилось бурное течение.

— Отец! — позвала Оцуру.

— Да.

— Мусаси пора выходить. Я поставила сандалии у садовой калитки.

— Он еще не готов.

— Рисует? Я думала, что он послушает твоего совета.

— Он знает, который час.

К берегу пристала лодка, и Тародзаэмон услышал, что кто-то назвал его имя. Это был Нуиноскэ, который приплыл узнать, где Мусаси.

— Передайте ему, чтобы он немедленно отправлялся, — взмолился Нуиноскэ. — Кодзиро и господин Хосокава уже отплыли. Мой хозяин сейчас отбывает из Кокуры.

— Попробую.

— Умоляю! Может, я, подобно старухе, устраиваю суету, но мы не хотим, чтобы он опаздывал. Будет очень стыдно.

Нуиноскэ торопливо отплыл, оставив купца и его дочь в полной растерянности. Из комнаты Мусаси не доносилось ни звука.

Вскоре пристала вторая лодка, на этот раз с Фунасимы, с просьбой поторопить Мусаси.

Мусаси открыл глаза от звука раздвигаемых фусума. Когда Оцуру сообщила ему о лодке с острова, Мусаси кивнул и с улыбкой вышел из комнаты. На полу остался лист бумаги, густо покрытый мазками туши. Внимательный взгляд обнаружил бы пейзаж в причудливом переплетении линий.

— Передайте этот рисунок отцу, а другой — Саскэ, — раздался из соседней комнаты голос Мусаси.

— Вам не стоило беспокоиться.

— Мне нечем больше отплатить за доставленные вам хлопоты. Хотя бы несовершенные рисунки останутся на память.

— Мы ждем вас сегодня, чтобы устроить вам приятный вечер, — запинаясь, проговорила Оцуру.

Услышав шорох кимоно, Оцуру улыбнулась. Потом Мусаси сказал что-то отцу. Заглянув после ухода Мусаси в комнату, Оцуру увидела его аккуратно сложенное старое кимоно. Ее охватил страх разлуки, и она уткнулась лицом в одежду

Мусаси, еще хранившую тепло его тела.

— Оцуру, где ты? Мусаси уходит! — позвал ее отец.

— Иду! — ответила девушка и, проведя рукой по щекам, побежала на зов.

Мусаси уже был у садовой калитки. Он решил выйти не через главные ворота, чтобы избежать назойливых взглядов. Его провожали хозяин с дочерью и несколько конторских служащих. Оцуру онемела от волнения. Мусаси взглянул на нее, и она молча поклонилась.

— Прощайте и будьте здоровы! — сказал Мусаси и, чуть пригнувшись, вышел через низкую калитку.

— Да, так и должен уходить самурай! — восхищенно пробормотал кто-то. — Без лишних слов и долгих прощаний.

Оцуру мгновенно скрылась, за ней разошлись и остальные.

Сосна Хэйкэ стояла на берегу метрах в двухстах от пристани. Мусаси шел, ощущая легкость в теле и покой на душе. Все тревожные мысли он оставил в рисунках. Рисование всегда благотворно действовало на него.

Впереди — Фунасима. Казалось, он отправляется в обычное путешествие. Мусаси не знал,

вернется ли назад, но его не волновала эта мысль. Несколько лет назад, когда он, двадцатидвухлетний самурай, шел на бой у раскидистой сосны в Итидзёдзи, его переполняло предчувствие неминуемой трагедии. Тогда он сжимал меч с чувством обреченности. Сейчас ничто не волновало его.

Хладнокровие Мусаси не означало, что его сегодняшний противник не страшнее сотни людей Ёсиоки. Нет, Кодзиро один стоил больше всех питомцев школы Ёсиоки. Мусаси понимал, что выбор между жизнью и смертью никогда еще не был столь роковым. И все же…

— Учитель!

— Мусаси!

К нему бежали двое. На миг у Мусаси закружилась голова.

— Гонноскэ! И вы, почтеннейшая! Какими судьбами? — воскликнул Мусаси.

Гонноскэ и Осуги, покрытые дорожной пылью, опустились на колени.

— Мы должны были прийти, — ответил Гонноскэ.

— Проводить тебя, — добавила Осуги. — А я — попросить у тебя прощения.

— Прощения?

— Да, прошу, прости все зло, содеянное мной.

Мусаси пристально посмотрел на Осуги. Искренна она или что-то новое затевает?

— Что с вами, почтеннейшая?

Осуги смиренно сложила руки:

— Я совершила столько зла, что едва ли могу надеяться на прощение. И все по воле ужасной ошибки. Я была ослеплена материнской любовью, но теперь прозрела. Прости, если можешь!

Мусаси встал на колени и взял Осуги за руку. Он боялся поднять глаза, ему казалось, что вот-вот заплачет. Он смутился, потому что Осуги покорно ждала его ответа, но он испытывал чувство благодарности. Ему показалось, что рука его подрагивает. Мусаси собрался с духом.

— Я признателен вам, почтеннейшая, за то, что вы пришли. Теперь я встречу смерть без угрызения совести и буду сражаться с легкой душой.

— Ты меня прощаешь, Мусаси?

— Конечно, если и вы простите мне все неприятности, которые я доставлял вам с детских лет.

— Я давно простила тебя. Ну, хватит обо мне. Прежде всего надо позаботиться о другой.

Осуги встала и подозвала Мусаси. Под сосной Хэйкэ стояла Оцу без кровинки в лице от волнения.

— Оцу! — воскликнул Мусаси, бросаясь к ней.

Гонноскэ и Осуги хотели бы стать невидимыми в этот миг, чтобы не мешать встрече двух сердец.

— Оцу, и ты пришла!

Слова не могли выразить чувства, переполнявшие Мусаси.

— У тебя измученный вид. Не хвораешь? — промолвил Мусаси, понимая, что говорит не то, что следует в эту минуту.

— Ничего страшного, — ответила Оцу, опуская глаза и пытаясь держаться бодро во время этой, быть может, последней встречи.

— Простыла в пути? Или что-то серьезное? Где ты жила последние месяцы?

— Прошлой осенью вернулась в Сипподзи.

— Домой?

— Да, — ответила Оцу и подняла на Мусаси полные слез глаза. — У сироты нет дома. Единственный дом — это моя душа.

— Не говори так! Даже Осуги открыла перед тобой свое сердце. Я безмерно рад примирению. Ты должна выздороветь и быть счастливой. Ради меня.

— Сейчас я самая счастливая на свете.

— Рад, если это правда… Оцу… — Мусаси обнял за плечи одеревеневшую Оцу и, не обращая вни-

мания на Гонноскэ и Осуги, прижался щекой к ее лицу. — Ты такая хрупкая, слабая…

Мусаси уловил лихорадочное дыхание Оцу.

— Прости меня, Оцу, я кажусь тебе жестоким, но в моем мире не находится места для тебя.

— Знаю.

— Ты понимаешь меня?

— Да, но умоляю сказать единственное слово. Назови меня своей женой.

— Ты и без него знаешь…

— Нет… произнеси его, скажи, что я твоя жена отныне и навсегда, — всхлипнула Оцу, удерживая его руку.

Мусаси молча кивнул. Осторожно освободив руку, он выпрямился.

— Жена самурая не должна плакать, когда муж идет на войну. Улыбнись мне, Оцу! Проводи с улыбкой мужа на его, возможно, последний бой!

Оба понимали, что настала пора расставания. Мусаси с улыбкой взглянул в глаза Оцу.

— До встречи! — сказал он.

— До свидания! — эхом откликнулась Оцу, не сумев выдавить из себя улыбку.

— Прощай! — проговорил Мусаси и быстрым, твердым шагом направился к лодке.

Оцу хотела еще что-то сказать на прощанье, но

слезы душили ее, глаза заволокло туманом, она ничего не видела вокруг.

Упругий морской ветер бил в лицо, трепал волосы Мусаси и полы его кимоно.

— Саскэ, подтащи лодку поближе к берегу.

— Да, господин.

Сильным толчком Саскэ подогнал лодку. Мусаси вскочил на корму, и они отплыли.

— Оцу, стой! — раздался голос Дзётаро.

Оцу бежала к воде, Дзётаро пытался ей помешать, к нему поспешили Гонноскэ и Осуги.

— Оцу, одумайся! Что ты делаешь?

— Опомнись!

Все трое окружили Оцу.

— Нет, нет! Вы ничего не понимаете, — произнесла Оцу.

— Что ты задумала?

— Дайте мне сесть и оставьте меня!

Оцу отошла на несколько шагов и опустилась на колени. Она с трудом поправила волосы и кимоно, затем поклонилась вслед удалявшейся лодке.

— Плыви с легким сердцем! — молвила она.

Осуги тоже склонилась в поклоне, за ней преклонили колени Гонноскэ и Дзётаро. Дзётаро, проделавший путь от Химэдзи для того, чтобы

поговорить с Мусаси, смог сказать ему только слова прощания. Он утешал себя тем, что больше времени досталось Оцу.

Глубины

С подъемом воды течение в проливе усилилось. Теперь оно походило на стремнину в узком ущелье. Лодка, подгоняемая ветром, стремительно неслась по волнам. Саскэ гордился своим умением управлять лодкой и сегодня надеялся заслужить похвалу.

Мусаси сидел посредине, широко расставив ноги.

— Долго еще? — спросил он.

— Недолго при таком течении, но мы ведь и так опоздали.

— Когда будем на месте?

— Часов в десять.

— В самый раз.

Небо, на которое в этот день поглядывали и Мусаси и Ганрю, было цвета темной лазури, снежный гребень гор Нагато белой лентой тянулся по горизонту. Дома городка Модзигасаки и скалы на горе Кадзаси виднелись как на ладони. Склоны прибрежных гор были усыпаны людьми.

— Саскэ, можно взять?

— Что?

— Сломанное весло.

— Оно мне не нужно. А вам зачем?

— Оно подходящего размера, — пробормотал Мусаси, не вдаваясь в объяснения.

Измерив на глаз набухшее от воды весло с отломанной лопастью, он начал строгать его коротким мечом. Мусаси ни разу не поднял головы, чтобы взглянуть на народ, собравшийся на берегу в Симоносэки. Для Саскэ, городского жителя, поведение Мусаси казалось холодным и бессердечным. Что это, самурайская манера накануне решающей битвы не на жизнь, а на смерть?

Мусаси кончил работу и стряхнул стружку с хакама.

— Есть что-нибудь накинуть на плечи?

— Вам холодно?

— Нет, просто брызги летят.

— Под сиденьем лежит одеяло.

Мусаси закутался в него. Достав пачку бумаги из кармана кимоно, он начал скатывать листы в бечевки. Накрутив их штук двадцать, Мусаси сплел из них две веревки. Это были бечевки для подвязывания рукавов кимоно во время боя. Саскэ слышал, что умение плести бечевки из бумаги держится в секрете и передается из поколения в поколение. Глядя на руки Мусаси, он не увидел ничего сложного в этом занятии. Ловкость и гиб-

кость пальцев Мусаси, конечно, поражали.

— Это Фунасима? — спросил Мусаси.

— Нет, Хикодзима, один из островов, которые носят название Хахадзима. А Фунасима в километре к северо-востоку. Его легко узнать, он плоский и похож на большую дюну. Хикодзиму отделяет от Идзаки пролив Ондо. Вы, верно, о нем слышали.

— Значит, залив Дайриноура в провинции Будзэн к западу отсюда?

— Совершенно верно.

— Теперь я вспомнил. На этих островах Ёсицунэ выиграл свою последнюю битву против Хэйкэ.

Волнение Саскэ возрастало с каждым взмахом весла. Он обливался холодным потом, сердце учащенно билось. Он не представлял, как человек, едущий на бой, может спокойно говорить о пустяках.

В этом бою один умрет. Повезет ли Саскэ назад своего пассажира живым? Или это будет изуродованный труп? Невозможно строить предположения. Саскэ подумал, что Мусаси похож на белое облако, плывущее по небу. Мусаси не притворялся, он действительно ни о чем не думал. Единственным его ощущением была скука.

Мусаси смотрел на завихрения воды за бортом.

Море здесь было глубоким, кипящим вечной жизнью. Вода не имеет формы. Человек, возможно, смертен, потому что облечен в телесную оболочку. Не начинается ли истинная жизнь там, где утрачивается конкретная форма?

Мусаси покрылся мурашками от нахлынувших предчувствий. Жизнь и смерть для него — пузырьки пены. Его разум воспарил выше жизни и смерти, но еще не обрел гармонию с телом. Каждая частичка его существа достигнет отрешенности, и тогда Мусаси воистину обратится в воду и облака.

Лодка плыла мимо острова Хикодзима, где находилось около сорока самураев, которые состояли на службе у дома Хосокавы и поддерживали Ганрю. Нарушив приказ Тадатоси, они за два дня до поединка переправились на Фунасиму. В случае поражения Кодзиро они приготовились исполнить акт мести. На острове их обнаружили Нагаока Садо, Ивама Какубэй и отряд, обеспечивающий охрану. Самураев выпроводили на Хикодзиму, но не наказали, потому что большинство служивых людей одобряли их поступок. Теперь эта группа внимательно следила за приближающейся лодкой. Самураи перебрасывались короткими репликами.

— Уверен, что это Мусаси?

— Должен быть.

— Он один?

— Да. Закутан в какой-то плащ.

— На нем, верно, легкая кольчуга, которую он прячет от посторонних глаз.

— Пошли!

Самураи сели в лодки, укрытые в бухте. Все были с мечами, но на дне каждой лодки лежали копья. Лодки не вышли в море.

«Мусаси едет!» — прокатилось на Фунасиме.

Шум волн, шорох сосновых ветвей и бамбуковых листьев сливались воедино. Остров казался пустынным, несмотря на присутствие людей. По небу со стороны Нагато медленно плыло одинокое облако, бросая тень на траву и бамбуковые заросли. Тень исчезла, и вновь ярко засветило солнце.

Остров был маленьким. В северной его части возвышался холмик, поросший соснами, южная часть полого спускалась к морю.

Среди деревьев под навесом сидели официальные свидетели поединка и их помощники. Лица у всех были бесстрастными, чтобы не дать Мусаси повод обвинить их в предвзятости. Просидев два часа в ожидании Мусаси, они стали проявлять

признаки беспокойства. За Мусаси дважды посылали лодку.

— Это точно он! — крикнул дозорный.

— Он ли? — спросил Какубэй, невольно привстав со своего места, допустив тем самым серьезное нарушение этикета. Являясь официальным свидетелем, он не имел права выражать свои чувства. Его волнение разделяли и остальные самураи, которые тоже вскочили со своих мест.

Какубэй, поняв свою оплошность, знаком приказал всем сесть. Его личное отношение к Ганрю не должно влиять на решения остальных свидетелей. Какубэй бросил взгляд в сторону занавеса, который Тацуноскэ повесил между дикими персиковыми деревьями. Там отдыхал Ганрю. Рядом с занавесом стояла деревянная бадейка с ковшиком. После долгого ожидания у Ганрю пересохло в горле.

Нагаока Садо сидел несколько выше в окружении стражи и помощников. Иори был рядом. Он побледнел, когда известили о прибытии Мусаси. Садо сидел прямо и неподвижно. Его шлем был слегка сдвинут набок. Садо негромко окликнул Иори.

— А, да, господин, — склонился до земли Иори и лишь потом взглянул на старого самурая. Маль-

чик не мог сдержать дрожи.

— Иори, — произнес Садо, глядя мальчику в глаза, — внимательно следи за всем, что сейчас произойдет. Не упусти ни малейшей детали. Учти, всему тому, что ты сейчас увидишь, Мусаси хотел научить и тебя.

Иори кивнул. Его глаза сверкнули, и он повернулся к морю. Ослепительно-белая пена вскипела там, где волна разбивалась о риф. До берега было метров двадцать, так что мальчик не различил бы выражение лиц соперников. Садо имел в виду не техническую сторону боя. Иори предстояло увидеть самый драматический момент в судьбе самурая, когда он находится между жизнью и смертью. Увиденное мальчиком повлияет на его последующую жизнь.

Ветер пробегал волнами по траве, скакали зеленые кузнечики, маленькие бабочки порхали с травинки на травинку.

— Он уже здесь! — выдохнул Иори.

Лодка Мусаси осторожно огибала риф. Было ровно десять.

Ганрю поднялся и неторопливо направился к официальным представителям. Поклонившись им, он двинулся к берегу.

Лодка входила в маленькую бухту с тихой во-

дой. Сквозь прозрачную голубизну виднелось дно.

— Где приставать? — спросил Саскэ.

— Греби прямо, — ответил Мусаси, сбрасывая с себя одеяло.

Саскэ еле шевелил веслом, и лодка сбавила ход.

— Саскэ!

— Да, господин.

— Здесь мелко, подходить ближе к берегу не стоит. Можешь повредить днище, да и отлив вот-вот начнется.

Словно не слыша Мусаси, Саскэ уставился на ярко-красный плащ под тонкой сосной, росшей почти у воды. Мусаси тоже видел своего противника. Достав из-под пояса полотенце, он подвязал волосы. Затем передвинул ножны с коротким мечом на живот, а длинный меч положил на дно лодки и накрыл его тростниковой циновкой. Правой рукой Мусаси сжимал деревянный меч, сделанный им из обломка весла.

— Дальше не греби, — сказал он Саскэ.

До берега оставалось метров шесть. Саскэ сделал еще несколько гребков, и дно лодки заскрежетало по гальке. В этот миг Мусаси спрыгнул в воду с такой легкостью, что не взметнул брызг. Держа

деревянный меч перед собой, он быстро зашагал к берегу.

Саскэ как зачарованный смотрел вслед удаляющемуся Мусаси.

Ганрю в красном развевающемся плаще двинулся навстречу. Лакированные ножны поблескивали на солнце, и Саскэ сравнил их с серебристым хвостом лисы. «Скорее!» — хотел крикнуть он Мусаси, но Ганрю уже застыл у кромки воды. Кажется, для Мусаси все было кончено. Саскэ ничком упал в лодку, дрожа от ужаса.

— Мусаси! — Ганрю твердо стоял на песке, не собираясь уступать противнику ни клочка суши.

Мусаси остановился. Улыбка тронула его губы.

— Кодзиро, — спокойно произнес он в ответ.

Глаза Мусаси сверкали неземной яростью, такой страстью, что казалось, Кодзиро обречен на неминуемую гибель. Деревянный меч Мусаси был погружен в воду.

Глаза Ганрю словно исторгали искры. В глубине зрачков горел кровожадный огонь, который поверг бы любого противника в состояние оцепенения.

— Мусаси!

Ответа не последовало.

— Мусаси!

За линией прибоя глухо ревело море, к ногам бойцов ластились мелкие волны.

— Ты вновь опоздал? Это твоя тактика? К ней прибегают трусы. Ты задержался на два часа. Я жду тебя с восьми, как оговорено в условиях поединка.

Мусаси ничего не ответил.

— Ты использовал эту уловку в Итидзёдзи, а до того в Рэнгэоине. Ты хочешь вывести противника из равновесия, заставляя его ждать, но с Ганрю эта хитрость не поможет. Выходи навстречу своей судьбе, чтобы не стать посмешищем потомков. Сражайся, Мусаси!

Ганрю, выхватив «Сушильный шест», швырнул ножны в море.

Подождав, пока волна, ударившись о риф, не отступила, Мусаси неожиданно произнес ровным голосом:

— Ты проиграл, Кодзиро.

— Что? — не поверил своим ушам Кодзиро.

— Мы уже кончили бой. Ты проиграл.

— О чем ты?

— Если ты рассчитывал на победу, то не выбросил бы ножны. Ты выбросил свое будущее, свою жизнь.

— Болтовня!

— Плохи твои дела, Кодзиро! Готов ли ты умереть? Хочешь умереть побыстрее?

— Защищайся, негодяй!

— Хо-о! — вырвалось из глотки Мусаси. Боевой клич, слившись с шумом моря, грянул над островом.

Занеся «Сушильный шест» над головой, Кодзиро ступил в воду. Мусаси выскочил на берег слева от Кодзиро. В тот момент, когда нога Мусаси коснулась песка, его уже настигал меч, узкий и сверкающий, как рыба, выпрыгнувшая из воды. Чувствуя, что «Сушильный шест» его коснется, Мусаси, мгновенно изменив движение тела, в прыжке наклонился вперед. Кодзиро промахнулся. Держа деревянный меч обеими руками, Мусаси замахнулся вправо. Неуловимый уху свист воздуха почти коснулся лица Кодзиро. Ганрю приготовился нанести удар сверху вниз, но его меч только слегка вздрогнул в воздухе. Кодзиро отскочил вправо, сменив позицию.

Противники смотрели в глаза друг друга. В трех шагах за спиной Мусаси было море. В трех метрах от Мусаси стоял Ганрю с высоко занесенным мечом. Жизнь обоих сосредоточилась в решительной схватке. Противники отрешились от мыслей. Окружающий мир не существовал

для них, но за ними, затаив дыхание, наблюдали тысячи людей. Они молились за победу. За Кодзиро — его сторонники, за Мусаси — Садо и Иори на острове, Оцу, Осуги и Гонноскэ в Симоносэки, Акэми и Матахати на холме в Кокуре. Все молитвы возносились к небесам. На поле боя молитвы, надежды, боги, удача всесильны. Здесь же царила пустота, необъятная и бесстрастная.

Не в ней ли, недоступной для смертного в бренной жизни, проявляется совершенный разум, торжествующий над мирскими мыслями и суетными устремлениями?

Соперники вели безмолвную беседу. Они уже не воспринимали друг друга, как обычные люди. Мусаси и Кодзиро, словно ощетинившись тысячью игл, пронзали друг друга. Мышцы, ногти, волосы, даже брови ополчились против врага, защищая свою жизнь. Лишь разум, слитый воедино со вселенной, оставался ясным и незамутненным, как лик луны, смотрящий в воды пруда, когда бушует тайфун. Нет ничего возвышеннее для человека, чем эта абсолютная отрешенность от бренного бытия.

Бойцам казалось, что промелькнули годы, но в действительности волны всего шесть раз лизнули берег, пока Мусаси и Кодзиро недвижно

взирали друг на друга. Оглушительный рык потряс остров. Нечеловеческий вопль исторг Ганрю, и в тот же миг к нему присоединился боевой клич Мусаси. Меч Ганрю, переливаясь, как радуга, рассек воздух. Мусаси, сделав правой ногой шаг назад, повернулся левым плечом к противнику. Деревянный меч, сжатый обеими руками, рассек воздух в тот же миг, когда «Сушильный шест» мелькнул у самого носа Мусаси. Натужное дыхание бойцов заглушило шум волн. Теперь деревянный меч был на уровне глаз Мусаси, а «Сушильный шест» занесен высоко над головой его хозяина. Ганрю отскочил на десять шагов, повернувшись боком к морю. Ему не удалось в первой атаке поразить Мусаси, но он занял выгодную позицию. Когда он стоял лицом к морю, солнечные блики слепили его, отдавая преимущество Мусаси.

Воодушевленный, Ганрю медленно двинулся на Мусаси, не сводя глаз с куска дерева, которым защищался его противник, и не выдавая тактического приема, приготовленного для второй атаки.

Мусаси совершил нечто совершенно неожиданное. Ганрю ждал от него расчетливых и плавных движений, но Мусаси внезапно открыто шагнул

навстречу Ганрю с вытянутым мечом, нацеленным в глаза противнику. Ганрю на миг застыл, пораженный нелепой наивностью приема. Он даже потерял Мусаси из виду.

Деревянный меч вертикально взметнулся в воздух. Оттолкнувшись от земли, Мусаси мощно подпрыгнул и поджал под себя ноги.

— Нет!

— Я-а! А-ах! — просвистел меч Ганрю над головой Мусаси. «Сушильный шест» промахнулся, но кончиком клинка сорвал повязку с головы противника. Повязка взлетела в воздух. Улыбка скользнула по губам Ганрю, он по ошибке принял тряпку за отсеченную голову противника. В следующий миг деревянный меч расколол череп Ганрю, как камешек.

Ганрю лежал на берегу, там, где песок сходится с травой. Изо рта текла кровь, но губы сложились в торжествующую улыбку. Он так и не смирился с поражением.

— Нет! — вскрикнули сразу несколько голосов.

Ивама Какубэй вскочил, не веря своим глазам. Его друзья растерянно переглядывались. Нагаока Садо и Иори сидели неподвижно. Устыдившись, Какубэй и его помощники опустились на скамьи, подавив желание броситься к Ганрю. Боль

и разочарование исказили их лица. Один из них шумно вздохнул, словно поперхнувшись, другие почувствовали звон в ушах — разум отказывался поверить в увиденное.

Остров объяла привычная тишина. Лишь шорох сосновых крон и шепот травы звучали, как снисходительная насмешка над суетностью рода людского.

Сначала Мусаси рассматривал облачко в небе. Душа его вернулась в телесную оболочку, и он уже отделял себя от облака и чувствовал разрыв бренной плоти со вселенной.

Сасаки Кодзиро покинул мир живых. Лежа ничком, он все еще сжимал рукоять меча. На лице его не было печати страданий, оно оставалось волевым. Удовлетворение от удачного боя, ни капли сожаления.

У Мусаси от вида валявшейся на песке головной повязки по спине побежали мурашки. «Никогда больше я не встречу второго такого противника», — подумал он. Восхищение соперником, уважение к нему переполнили Мусаси. Он благодарил Кодзиро за все, что тот ему даровал в жизни. По силе и целеустремленности он был выше Мусаси, поэтому Мусаси для победы надо было превзойти самого себя.

Что позволило Мусаси победить Кодзиро? Мастерство? Помощь богов? Нечто иное. Мусаси никогда не мог объяснить словами причину. Он победил благодаря чему-то более важному, чем сила или воля богов.

Кодзиро воспринимал меч как воплощение силы и мастерства. Для Мусаси меч был символом духа. В этом состояло коренное различие между ними.

Мусаси опустился на колени перед Кодзиро и поднес левую ладонь к его лицу. Руки коснулось слабое дыхание Кодзиро. «Его еще можно спасти», — подумал Мусаси. Он надеялся, что Кодзиро выживет, и желал спасения самому отважному противнику в жизни.

Бой окончен, пора было уходить.

— Прощайте!.. — обратился Мусаси к Кодзиро, а затем к официальным свидетелям поединка, сидевшим на скамьях.

Поклонившись до земли, он побежал к рифу и запрыгнул в лодку. На его деревянном мече не было ни капельки крови.

Маленькая лодка вышла в открытое море. Никто не ведал, куда она направляется. Предания не донесли ни слова о том, пытались ли отомстить Мусаси сторонники Ганрю, спрятавшиеся на

Хикодзиме.

Люди постоянны в своих привязанностях и ненависти. Многие так и не признали победы Мусаси над Кодзиро и осуждали его поведение в тот день. Говорили, что Мусаси бежал, боялся возмездия. Растерялся до такой степени, что даже не прервал ударом меча предсмертные страдания Кодзиро.

Волны пересудов не стихают в море жизни.

Мелкая рыбешка резвится, играет на волнах, но кто знает, что происходит в сердце моря, в его бездонных глубинах?

Постиг ли кто его глубины?

Иллюстрации

Миямото Мусаси. *Автопортрет*

Битва при Сэкигахаре.

Японская ширма XIX в. Считается редкой, поскольку единственная из многочисленных известных ширм, изображающих поле битвы при Сэкигахаре, показывает панораму с севера. Работа неизвестного художника

和漢百物語
宮本武三四

Имя Миямото Мусаси обросло легендами еще при жизни, питая фантазию художников. Здесь, например, Мусаси сражается с горным духом Тэнгу.

Художник Цукиока Ёситоси

英雄日本水許傳
宮本無二四郎
慶長年間劍法の達人にて其中
両刀をよくつかふ
日本の者
修行する
山中の間あひだ
大いなる山蟒
出ること二回を一巻
仕たちまち踏ころ
髪ふつて光ほとり
その子孫連綿して
今ふ盛んなり
一勇斎國芳画
池仲蔵

А здесь Мусаси убивает фантастического зверя, похожего на крокодила.

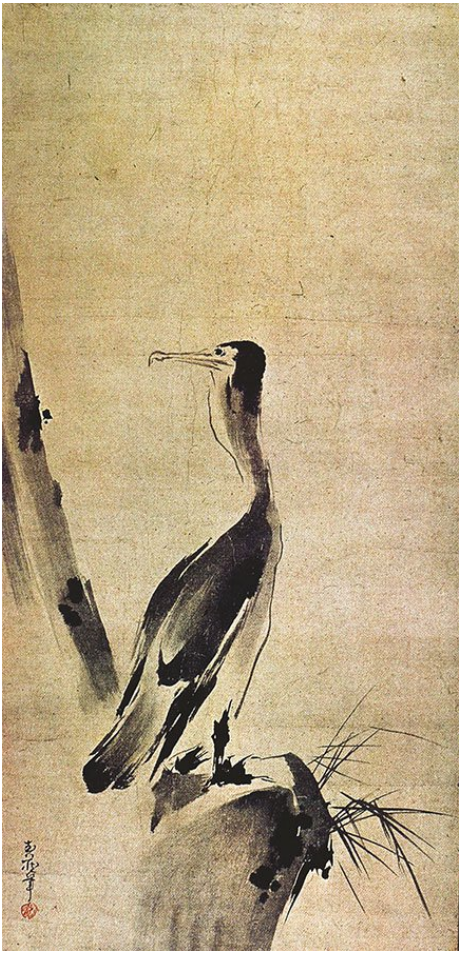
Художник Утагава Куниёси

Мусаси сражается в море с китом.

Художник Утагава Куниёси

А здесь мы видим никогда не происходившую дуэль Мусаси и престарелого Цукахары Бокудэна, который отбил атаки мечника крышкой от котелка. В действительности мастер Бокудэн умер за тринадцать лет до рождения Мусаси.

Художник Цукиока Ёситоси



Баклан на скале.
Художник Мусаси Миямото

Настоящий, а не легендарный Мусаси Миямото был не только мастером меча, но также талантливым художником, каллиграфом и философом.

Сокол на ветке.
Художник Мусаси Миямото

Сорокопут.
Художник Мусаси Миямото

Бог счастья Хотэй, наблюдающий за петушиным боем.

Художник Мусаси Миямото

Странствующий дзенский монах, каллиграф и поэт Такуан Сохо оказал значительное влияние на воззрения Мусаси Миямото, отраженные в его знаменитой «Книге Пяти колец».

Портрет Такуана Сохо.
Художник Кимура Токуо

本朝剣道名傳

佐々木岸柳

佐々木岸柳はもう〳〵所ふ
歟う〳〵剣術者双の
達人也其一流を
極むるもとより
諸國を徧
歴あるゝ
我手ふ立ての
う〳〵後九州下の
國ふ来り毎三四と
仕合をせんと言
もつて来り一ツの嶋也
剣をもつて毎三四ハ
敵の櫂を二ツふうり耐刀ふて
仕合をゝ終ふ岸柳毎三四が
たゞふ討果さるよつて其所を
今ふ岸柳嶋とゝいふ

一勇斎
國芳画

Портрет Сасаки Кодзиро.
Художник Утагава Куниёси

Существует множество версий поединка, произошедшего в 1612 году между самураем Кодзиро и ронином Мусаси, в котором Кодзиро погиб. Самая распространенная гласит, что Мусаси победил противника, будучи вооружен деревянным мечом (существует даже легенда, что этот меч он наспех выстругал в лодке из запасного весла, когда плыл к месту дуэли на острове Ганрю). Однако сам он называл Кодзиро величайшим мечником, с которым ему когда-либо приходилось встречаться.

Мусаси Миямото.
Портрет периода Эдо, художник неизвестен